

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

FV 3633.14

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СИБИРСКІЙ

СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціею Н. М. Ядринцева.

Приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію“

1886 г.

NOTE TO THE READER

The paper in this volume is brittle or the inner margins are extremely narrow.

We have bound or rebound the volume utilizing the best means possible.

PLEASE HANDLE WITH CARE

GENERAL BOOKBINDING CO., CHESTERLAND, OHIO

1990.

Digitized by Google

Digitized by Google

СИБИРСКІЙ СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціею Н. М. Ядринцева.

Приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію“

1886 г.

КНИГА I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39).
1886.

Digitized by Google

Digitized by Google

СИБИРСКІЙ СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціею Н. М. Ядринцева.

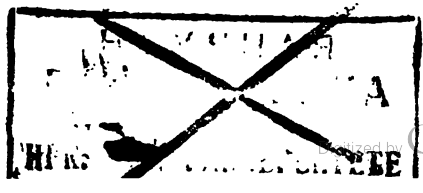
Приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію“

1886 г.

КНИГА I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39).
1886.

(26)

Digitized by Google

Δ
Slav 3633.14 (1886 1-4).

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 10 мая 1886.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY OCT 19 1918

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Книга I-я, 1886 г.

стр.

I. Горой. (Изъ лѣтнихъ экскурсій по Уралу). **Д. Н. Мамина (Д. Сибиряка).** 1

II. Раскольничьи общины на границѣ Китая. **Н. М. Ядринцева.** 21

III. Сузгé. (Сибирское преданіе изъ временъ завоеванія Сибири). Поэма **П. Ершова**, автора „Конька-Горбунка“ 48

IV. Ермакъ Тимоѳеевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа. Статья I-я. **А. В. Оксенова** 75

V. Крѣпостничество въ Сибири. (Страницы изъ исторіи инородческой и крестьянской неволи). **К. П. Михайлова.** 93

VI. Амурская Калифорнія. (По разсказамъ очевидца). . . 138

VII. Путешествіе итальянца **Сомье** по Сибири. **П. М. Головачева.** 169

VIII. Критика и библіографія: Памятники сибирской исторіи XVIII-го вѣка. Книга вторая. (1713—1724). Спб. 1885. **А. О.**— Владиміръ Майновъ. Очеркъ юридическаго быта мордвы. Записки И. Р. географическаго Общества, по Отдѣленію этнографіи, т. XIV, вып. I. — Vámbéry. Das Türkenvolk. Leipzig. T. A Brockhaus. 1885. (Вамбери. Тюркская народность). Д-ра **Э. Ю. Петри.**—Henri Moser. A travers l'Asie Centrale. Impressions de voyage. 1886. Д-ра **Э. Ю. Петри.**—Proben der Volkslitteratur der nördlichen Türkischen Stämme, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff. Der Dialect der Kara-Kirgisen. S.-Pb. 1885. — Очерки сѣверо-западной Монголіи. Результаты путешествія, исполненнаго въ 1879—1880 годахъ по порученію И. Р. географическаго Общества Г. Н. Потанинымъ. Выпускъ III. — Записки восточнаго Отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго Общества, I, вып. I, 1886 г., изд. подъ редакціей барона В. Р. Розена.—Из-

Digitized by Google

вѣстія Императорскаго русскаго географическаго Общества, т. XXI, выпускъ 6, 1885 г., и 7-й, 1886 г.—Э. Гранстремъ. Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи, путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 г. Спб. 1885. — Россія дальняго Востока. Франца Шперка. Записки И. Р. географическаго Общества, т. XIV, 1885.—Матеріалы для статистики населенія въ забайкальскомъ казачьемъ войскѣ, собранные изъ данныхъ, доставленныхъ переписью, произведенною 1-го января 1883 года.—Пособіе для написанія исторіи Забайкалья. В. К. Андріевича. Иркутскъ. 1885. — Результаты сибирской нивеллировки, произведенной въ 1875—1876 году отъ станицы Звѣриноголовской до озера Байкала. (Зап. Импер. рус. геогр. Общ., т. XV, № 1, издан. подъ редак. А. А. Тилло). Спб. 1885. **Я. М.**—О золотопромышленности изъ сочиненія «Gold, its Occurence and Extraction» А. Локка. Извлеченіе горнаго инженера С. И. Серебренникова. Мѣсторожденія золота. («Горный Журналъ», 1885 г., книги 11-я и 12-я). **Я. М.**—Записки западно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества, кн. VII, выпуски I-й и II-й.—Извѣстія восточно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества, томъ XVI, №№ 1, 2 и 3 за 1885 годъ. Иркутскъ. 1886.— Библіографическій списокъ книгъ и брошюръ о Сибири за 1884—1885 и 1886 годъ до 1-го апрѣля.

Къ сборнику прилагаются рисунки.

Отъ редакціи. Книжка эта запоздала выходомъ въ слѣдствіе желанія редакціи приложить еще нѣкоторые виды и типы, приготовленіе которыхъ слишкомъ затянулось, но мы надѣемся ихъ выпустить при 2-й книгѣ приложеній.

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

О цѣли и назначеніи приложеній къ „Восточному Обозрѣнію“ мы имѣли честь заявить нашимъ читателямъ при объявленіи объ изданіи „Сборниковъ“ (см. № 46 „Восточнаго Обозрѣнія“ за 1885 г.).

Оставаясь вѣрной предпринятымъ задачамъ содѣйствовать развитію областной печати и мѣстнымъ изслѣдованіямъ нашей дорогой родины, редакція „Восточнаго Обозрѣнія“, въ виду необходимости дать мѣсто болѣе обширнымъ и капитальнымъ статьямъ о краѣ, а также беллетристическимъ произведеніямъ, исходатайствовала право присоединять къ газетѣ *приложенія въ видѣ особыхъ книжекъ*, которыя будутъ выходить періодически впродолженіе года. Такимъ изданіемъ мы намѣрены отчасти удовлетворить нарождающейся потребности ознакомленія русскаго общества съ обширными русскими владѣніями на Востокѣ, интересъ къ которымъ растетъ по мѣрѣ ихъ гражданскаго развитія, съ другой стороны удовлетворить мѣстной потребности. Изданіемъ „Сборниковъ“ мы имѣемъ въ виду дополнить существующія сибирскія еженедѣльныя изданія. Мѣстная печать, начавъ дѣло съ газетъ, потребуетъ современемъ развитія, мы дѣлаемъ первый шагъ къ выдѣленію въ нашихъ мѣстныхъ изданіяхъ статей журнальныхъ. Не претендуя нашими приложеніями осуществить вполнѣ журналъ со всѣми его отдѣлами, мы, однако, будемъ дѣлать попытку въ этомъ направленіи, полагая, что когда нибудь придетъ время и областной журналистикѣ. Мы думаемъ, что польза такихъ изданій сама собой выяснится по мѣрѣ сосредоточенія въ нихъ цѣннаго научнаго и литературнаго матеріала, и тѣмъ самымъ докажетъ право ихъ на существованіе.

Такой путь развитія нашей печати мы считаемъ наиболѣе полезнымъ въ данную минуту для окраины и болѣе соотвѣтствен-

Digitized by Google

нымъ, чѣмъ переходъ къ газетамъ ежедневнымъ, при отсутствіи животрепещущихъ ежедневныхъ политическихъ новостей и событій. Въ этой области придется только пробавляться перепечатками изъ столичныхъ газетъ, за то нельзя отрицать значенія и важности литературы, состоящей изъ солидныхъ статей и изслѣдованій. Внося извѣстный вкладъ въ литературу объ области, они послужатъ знанію вообще, и въ частности помогутъ установить болѣе правильныя воззрѣнія на жизнь окраинъ. Спеціальный органъ можетъ выдѣлить все цѣнное, создать правильную критику и противодѣйствовать распространяемымъ заблужденіямъ и поверхностнымъ сужденіямъ о нашей мѣстной жизни. Подготовляя солидный матеріалъ для разрѣшенія жизненныхъ и насущныхъ вопросовъ населенія, такой органъ при энергіи, любви къ дѣлу, сосредоточивъ всѣ мѣстныя литературныя силы, проникнутыя желаніемъ блага населенію, болѣе всего можетъ принести пользы, устранивъ предубѣжденія мѣстнаго общества къ печати и научивъ его уважать литературу, какъ важный и необходимый факторъ общественной жизни.

Помочь нарожденію такой „литературы“ въ лучшемъ и самомъ широкомъ значеніи этого слова составитъ нашу задачу. Отдавая свои силы и приглашая принять участіе въ этомъ дѣлѣ другихъ, мы льстимъ себя надеждой, что трудъ, вносимый нами, будетъ оцѣненъ и признанъ тѣми, кто дорожитъ судьбою окраинъ и просвѣщеніемъ нашей родины.

УТВЕРЖДЕННАЯ ПРОГРАММА

особаго приложенія къ газетѣ „Восточное Обозрѣніе“.

1. Отдѣлъ беллетристическій, заключающій бытовые очерки, повѣсти и романы изъ жизни Востока и Сибири. Изящная литература и поэзія

2. Научный отдѣлъ. Путешествія и изслѣдованія, касающіяся русскихъ владѣній въ Азіи и сопредѣльныхъ странъ. Изслѣдованія русскаго и инородческаго быта. Статьи по естествознанію, этнографіи, антропологіи, статистикѣ, исторіи и археологіи.

3. Историческіе, экономическіе и этнографическіе матеріалы. Былины, пѣсни и сказки, а также инородческія легенды и произведенія народнаго творчества и міросозерцанія.

4. Переводы путешествій и очерковъ, касающихся Азіи, русскаго Востока, Туркестана и Сибири.

Digitized by Google

5. Обзоръ литературы: критика и библіографія русскихъ и иностранныхъ сочиненій.

6. Новости науки и литературы. Къ статьямъ, особенно этнографическимъ и научнымъ, могутъ быть прилагаемы рисунки и карты.

Срокъ выхода приложенія отъ 4 до 12 разъ въ годъ.

Подписная цѣна на газету съ приложеніями для подписчиковъ увеличивается на два рубля, для неподписчиковъ на газету—5 рублей.

Въ отдѣлѣ беллетристики примутъ участіе: Н. И. Наумовъ, Д. Н. Маминъ (Д. Сибирякъ), М. С. Знаменскій, Л. Ф. Пантелѣевъ, Завитковъ, Нелюбинскій, Семилужинскій и друг., а также редакція надѣется имѣть очерки сибирской жизни уважаемаго С. В. Максимова и П. А. Ровинскаго.

Изъ серьезныхъ статей будутъ помѣщаться: изслѣдованія о землевладѣніи и крестьянскомъ хозяйствѣ, о золотопромышленности и положеніи труда на пріискахъ, изслѣдованія изъ исторіи ссылки, переселеній въ Сибирь, этнографическія описанія племенъ и народовъ Сибири, которыя мы думаемъ обогатить переводами изъ Радлова, Вамбери, Оскара Пешеля, Ланселля и друг. Затѣмъ войдутъ отчеты изъ путешествій и ученыя статьи Г. Н. Потанина, И. С. Полякова, И. Я. Словцова, А. М. Позднѣева, А. В. Адріанова, и друг.

Въ историческомъ отдѣлѣ намъ обѣщано участіе нашего даровитаго историка *В. И. Семевскаго*. При изданіи будетъ помѣщаться подробный библіографическій перечень выходящихъ книгъ о Сибири.

Digitized by Google

Digitized by Google

Г. Тобольскъ (съ рис. П. М Кошарова).

Digitized by Google

Digitized by Google

ГОРОЙ.

Изъ лѣтнихъ экскурсій по Уралу.

I.

Путешественники, которые теперь переѣзжаютъ черезъ Уральскія горы по желѣзной дорогѣ, даже приблизительно не могутъ себѣ представить всѣхъ тѣхъ неудобствъ и затрудненій, съ какими прежде неизбѣжно былъ соединенъ этотъ переваль изъ Европы въ Азію, или наоборотъ — изъ Азіи въ Европу.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ мнѣ случилось ѣхать изъ Петербурга въ Зауралье. Студенческіе сборы невелики: тощенькій чемоданчикъ, подушка, пледъ — и больше ничего. До Перми путешествіе въ лѣтнее время — я ѣхалъ въ началѣ іюня — обставлено всѣми удобствами цивилизаціи: до Нижняго по желѣзной дорогѣ, а отъ Нижняго — на пароходѣ. Все шло отлично, и черезъ пять дней я былъ въ Перми. Считаю своимъ долгомъ принести нашу общую студенческую благодарность пароходной компаніи «Кавказъ и Меркурій», предоставлявшей право студентамъ за цѣну третьяго класса ѣздить во второмъ. Эта благодарность выходитъ заднимъ числомъ, но, во-первыхъ, лучше поздно, чѣмъ никогда; во-вторыхъ, компанія «Кавказъ и Меркурій» прекратила пароходство между Пермью и Нижнимъ, а нынѣшнія пароходныя компаніи не предоставляютъ учащимся никакихъ льготъ.

Итакъ, я въ Перми съ восемью рублями въ карманѣ, а нужно еще сдѣлать на лошадяхъ больше трехсотъ верстъ, притомъ приходилось ѣхать или убійственнымъ сибирскимъ

Digitized by Google

трактомъ на Екатеринбургъ, или еще болѣе убійственнымъ гороблагодатскимъ на Тагилъ. Первый путь былъ для меня длиннѣе, но можно было скорѣе найдти компаніона; второй короче, но приходилось ждать компаніона. Получалось что-то въ родѣ сказочной «розстани», гдѣ расходились три пути-дороги: по первой поѣдешь—самъ будешь сытъ, конь голоденъ, по второй поѣдешь—конь сытъ, самъ голоденъ и т. д. Съ восемью рублями въ карманѣ далеко не ускочишь, и мнѣ пришлось прождать въ Перми цѣлыхъ восемь дней, вѣроятно, по числу рублей, пока выискался какой-то еврей.

Погода стояла отличная. Отъ Перми до Кыновскаго завода считается около 200 верстъ, и мы выѣхали этотъ конецъ ровно въ сутки. Въ Кыну намъ приходилось разстаться—мой еврей долженъ былъ ѣхать гороблагодатскимъ трактомъ дальше, къ Тагилу, а я предпочелъ отправиться «горой», т. е. вверхъ по р. Чусовой. Мнѣ случалось тутъ ѣздить не разъ, и я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ дѣлалъ этотъ переваль верхомъ по бурлацкимъ тропамъ, такъ какъ тутъ на разстояніи семидесяти верстъ пути до самой Межевой Утки, гдѣ была тогда демидовская пристань, не встрѣтишь ни одного колеса. Это замѣчательно дикій и глухой уголокъ, оставшійся какъ-то въ сторонѣ отъ всякой цивилизаціи — и теперь тамъ нѣтъ колесныхъ дорогъ. Желѣзная уральская дорога окончательно убила эту позабытую Богомъ и людьми сторону, потому что прежде она оживала хоть на время навигаціи, когда по рѣкѣ Чусовой съ ранней весны до поздней осени сплавлялись заводскіе и купеческіе караваны, а нынче грузы идутъ желѣзнымъ путемъ.

Повѣрье, что, если разъ не повезетъ, такъ не будетъ счастья до самаго конца, оправдалось на мнѣ самымъ блестящимъ образомъ. Оставшись въ Кыну, я никакъ не могъ найдти верховой лошади и проводника на проходъ до Межевой Утки. Прежде всегда были лошади, и своя цѣна установилась—три рубля за пару лошадей. Я обходилъ весь заводъ, но никто не соглашался везти дальше ближайшей чусовской деревушки Деменевой. Чтобы не сидѣть въ Кыну, пришлось согласиться и

Digitized by Google

на это, хотя въ Деменевой было всего пять дворовъ и трудно было разсчитывать на подводу.

— Да ужъ вѣрно тебѣ говорю: въ Деменевой завсегда лошади есть,—увѣрялъ меня старикъ проводникъ.

— А если нѣтъ?

— Ну, тогда на лодкѣ подымутъ...

— Да вѣдь до Утки на лодкѣ ходу двои сутки?... Верхомъ-то я утромъ изъ Кына, а къ вечеру на Уткѣ... Да и дорого на лодкѣ.

— Ужъ это обнакновенно, на коняхъ куда способнѣе. Ужъ это што говорить... Тропами пятьдесятъ верстъ будетъ-не-будетъ, а водой всѣ семьдесятъ. Не близкое мѣсто лодку-то подымать. Только лошади въ Деменевой завсегда есть...

Выбирать было не изъ чего, и пришлось согласиться съ гипотезой, что въ Деменевой непремѣнно должны быть лошади.

Мы выѣхали раннимъ лѣтнимъ утромъ, чуть-свѣтъ. И рѣка Чусовая, и весь Кыновскій заводъ еще были подернуты туманной мглой. Этотъ чусовской заводъ считается однимъ изъ очень красивыхъ на Уралѣ, но мнѣ положительно не нравится—ужасно дикое мѣсто, и весь заводъ точно спрятался въ глубокой горной разсѣлинѣ. Прямо изъ завода наша дорога пошла въ гору, открывая горную панораму съ каждымъ шагомъ впередъ все шире и шире. Рѣка Чусовая съ вершины горы казалась такой обыкновенной рѣченкой, которую только вотъ курицы не перебродятъ. Кругомъ обступили ее непривѣтливыя и высокія горы, заставляя выдѣлывать такія колѣна и кривулины, точно ползла змѣя. Мнѣ больше всего не нравится здѣшній лѣсъ — угрюмый, непривѣтливый, и эти болота, которыя не только въ низкихъ мѣстахъ, гдѣ имъ самъ Богъ велѣлъ быть, но и на горахъ. Послѣднее просто возмутительно. Подымаешься-подымаешься по каменистой дорогѣ въ гору, и вдругъ верстъ на пять разляжется самая непролазная болотина, гдѣ приходится ѣхать то по колѣно въ грязи, то по такимъ сланямъ, гдѣ несчастная лошадь прыгаетъ съ мостовины на мостовину точно по клавишамъ. Тутъ можно и ногу сломать, и голову, а главное такъ навихаетъ въ сѣдлѣ, что нескоро разогнешься. Впрочемъ, это только первая са-

Digitized by Google

мая скверная станція, а дальше дорога идетъ берегомъ Чусовой и ѣдешь даже съ удовольствіемъ.

Не смотря на хорошую погоду и сравнительно хорошую дорогу, мы въ Деменеву пріѣхали часовъ черезъ пять. Деменева раскидала свои пять избушекъ на лѣвомъ высокомъ берегу Чусовой, и можно только удивляться, что заставляетъ крещеныхъ людей жить въ этой трущобѣ.

— Эй, кто живъ человѣкъ есть!... кричалъ старикъ, поочередно подъѣзжая къ избушкамъ и постукивая кнутовищемъ нагайки въ оконца.—Барина я привезъ, коней надобно... Эй, живая душа, выходи!...

Всѣ пять избъ точно вымерли, и только въ одной мелькнули бѣлыя дѣтскія головки и сейчасъ же спрятались. Въ самой послѣдней избушкѣ откликнулась какая-то больная старуха.

— Никого нѣту, родимые... и званья никого нѣтъ!—слышался разбитый старческій голосъ.

— Да вымерли што ли?...

— Зачѣмъ вымирать... Мужики-то разбрелись по убившимъ баркамъ, ну и бабешки съ ними, и дѣвки. По цалковому поденшины платятъ дѣвченкамъ... вотъ какое дѣло. Въ Тесовомъ броду убившая барка, подъ Высокимъ-Камнемъ.

— Ну, что я теперь буду дѣлать?—накинулся я на проводника:—вѣдь я тебѣ говорилъ, что лошадей нѣтъ... а?... ну?...

— Вотъ поди жъ ты, какъ оно тово...

— Что же я здѣсь буду дѣлать?..

Мой старикъ, видимо, былъ сконфуженъ и долго чесалъ кнутовищемъ у себя за ухомъ. Потомъ движеніемъ головы передвинулъ свою шляпу съ уха на ухо и убѣжденнымъ голосомъ проговорилъ:

— Чего нибудь вретъ старуха, баринъ... Какая нибудь да есть живая душа!...

Мы спѣшились. Старикъ пошелъ въ избу, а потомъ я видѣлъ, какъ онъ перелѣзалъ черезъ прясло въ сосѣдній огородъ. Черезъ четверть часа послышался разговоръ и даже смѣхъ. Мой проводникъ перелѣзалъ опять черезъ прясло, но теперь въ сопровожденіи какой-то бабы, которая не безъ кокетства толкала старика въ шею.

Digitized by Google

— Вонъ какую я тебѣ звѣрину привелъ... весело заговорилъ старикъ, появляясь въ воротахъ: — почище другой лошади-то будетъ. Параха, вотъ тебѣ и баринъ...

— Лошади есть?—спросилъ я ухмылявшуюся Параху.

— Какіе у насъ кони, баринъ...

— Такъ какъ же?...

— А ужъ не знаю...

— Ты зачѣмъ же ее привелъ въ такомъ случаѣ?—накинулся я опять на старика.

— Можетъ, у сусѣдей у кого кони есть?—заговорилъ старикъ.

— И у сусѣдей нѣтъ... Семишкина кобыла охромѣла, у другихъ кони въ пасевѣ. Да и какіе у насъ кони... Меринъ одинъ, да и тотъ кривой.

— Этакое пропащее мѣсто!—выругался старикъ и даже бросилъ свою шляпу о-земь.—Параха, такъ какъ же мнѣ съ бариномъ быть?...

— Увезешь назадъ въ Кынъ, — хладнокровно отвѣтила Параха, почесывая одной голой ногой другую.

Средняго роста, съ бойкимъ лицомъ и высокой грудью, эта Параха была подеревенски завидная баба. Ветхій, истрепанный сарафанишко изъ линючаго и гнилаго ситца сидѣлъ на ней съ тѣмъ особеннымъ щегольствомъ, какъ ходятъ только заводскія бабы. Здоровая, загорѣлая Параха глядѣла вообще козыремъ, какъ всѣ чусовскія бабы, побывавшія на сплавахъ.

— Придется, видно, тебѣ, баринъ, на душегубкѣ рѣкой подыматься,—рѣшилъ наконецъ старикъ: — вотъ Параха въ лучшемъ видѣ предоставитъ... Предоставишь, Параха?... Вонъ и лодки валяются: любую да лучшую выбирай.

Параха помялась для церемоніи, а потомъ согласилась.

II.

Наши сборы были недолгіе. Параха сбѣгала въ избу захватить понитокъ и краюшку хлѣба, наказала что-то семилѣтней босоногой дѣвчонкѣ, потомъ перемолвилась черезъ окошко съ больной старухой—и все тутъ. Было часовъ около десяти

Digitized by Google

утра, и въ воздухѣ чувствовался наливавшійся лѣтній зной. Наши лошади стояли, понуривъ головы, и тяжело отмахивались грязными хвостами отъ жужжавшихъ слѣпней. Мы спустились подъ гору, къ рѣкѣ, гдѣ на берегу валялось до десятка лодокъ-однодеревокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ душегубокъ. Названіе самое подходящее, потому что, когда я помѣстился въ одну изъ этихъ скорлупъ, а за мной встала Параха съ легкимъ шестикомъ въ рукахъ, — борта лодки отдѣлялись отъ воды всего какимъ нибудь вершкомъ запаса.

— Надо бы съ барина на шкаликъ... говорилъ старикъ, отталкивая лодку.

— За что это шкаликъ-то?...

— Какъ же... Вотъ какая баба-то: дерево смолевое да и солдатка къ тому будетъ.

— Будетъ тебѣ, мелево!... огрызнулась Параха и такъ двинула шестомъ, что наша лодка полетѣла вверхъ стрѣлой.

Нужно сказать, что чусовляне, какъ мужики, такъ и бабы, никогда не ѣздятъ въ своихъ душегубкахъ сидя, а непремѣнно стоя. Маленькое и короткое веселко лежитъ въ носу лодки только на случай, когда выдастся особенно глубокое мѣсто, гдѣ шестикъ не достаетъ или когда приходится переплывать рѣку. Около берега лодка всегда идетъ на шестикѣ, т. е. пловецъ стоитъ въ носу лодки и упирается шестомъ въ дно. Когда плывутъ двое, то можно полюбоваться—душегубка летитъ впередъ, какъ щука. Съ непривычки такъ и кажется, что въ такой верткой и неустойчивой лодкѣ вывернешься на десяти саженяхъ, особенно въ бойкихъ мѣстахъ, какъ чусовскіе переборы, гдѣ струя бьется въ край лодки съ шумомъ и точно нарочно старается опрокинуть ее. Но стоило присмотрѣться къ той же Парахѣ, какъ она твердо стояла своими голыми ногами и какъ ловко работала шестикомъ, чтобы всякій страхъ прошелъ навсегда.

— Вѣдь ты устанешь скоро?—спрашивалъ я, съ удовольствіемъ растягиваясь по дну лодки.

— Зачѣмъ устану... съизмальства на водѣ бьемся... привышны. А пристану, такъ бичевой пойду... не въ первой.

Параха молодцовато взмахнула шестомъ, который едва до-

Digitized by Google

ставалъ до дна. Не смотря на малую лѣтнюю воду, Чусовая, все-таки представляла и теперь громадную силу сопротивленія—чувствовалось, какъ струя била въ дно лодки и точно не пускала ее впередъ. Паденіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было на столько велико, что положительно приходилось плыть въ гору. Изъ сплавныхъ рѣкъ Чусовая въ этомъ отношеніи занимаетъ первое мѣсто.

День былъ великолѣпный. Скоро сдѣлалось до того жарко, что можно было изжариться въ собственномъ соку, какъ говорилъ одинъ знакомый чиновникъ. А Параха все помахивала своимъ шестикомъ, и можно было только удивляться желѣзной выносливости этого на диво сколоченнаго тѣла. Вѣдь эта работа пойдетъ и часъ, и два, и три. Каждый шагъ впередъ покупался громаднымъ напряженіемъ, а лодка шла ровнымъ, мѣрнымъ ходомъ, точно работалъ не человѣкъ, а машина. Изрѣдка Параха отмахивалась отъ одолѣвавшихъ ее мухъ, смахивала потъ съ лица и съ улыбкой начинала мѣрять дно своимъ шестомъ.

Замѣчательная эта рѣка Чусовая... Какъ всѣ настоящія красавицы, она хороша неувядающей красотой, которая въ каждое время года имѣетъ своеобразную прелесть. Весной — это дикій, неукротимый звѣрь, который играетъ съ ревомъ и стономъ, бросаясь на тѣснящія его каменныя громады; осенью— это суровая, угрюмая рѣка, которая льется точно по высѣченному въ горахъ корридору, зимой — настоящая спящая красавица, скованная льдомъ и запушенная глубокимъ снѣгомъ. Теперь, лѣтомъ, Чусовая катится въ зеленыхъ берегахъ, мимо бойцовъ, горныхъ тѣснинъ и крутыхъ мысовъ лѣнивой струей, которая бурлитъ и бунтуетъ только на переборахъ. Что-то такое лѣнивое и сонное, ласковое и сильное чувствуется кругомъ... Вонъ и кустики распушились по берегу и свѣсили надъ водой свои зеленыя вѣтки, вонъ густая сочная осока зеленымъ бархатнымъ ковромъ ушла въ самую рѣку, вонъ красуются на берегу заливные луга, дремучій хвойный лѣсъ, свѣжіе березняки и остальная лѣсная поросль. Откуда нибудь изъ осоки бросается въ воду утиный выводокъ, тамъ насвистываютъ кулички и разная другая болотная мелочь. Всѣмъ и

Digitized by Google

честь, и мѣсто, и покой, и только на голыхъ скалахъ остаются грязно-бурыя полосы, обозначающія вешній уровень воды. Глядя на развертывающіяся предъ вами картины мирнаго горнаго пейзажа, какъ-то отказываешься вѣрить, что эта же самая рѣка поднимается весной иногда на три сажени и сметаетъ, какъ пыль, не только траву и кусты, но и многолѣтнія деревья. Хороша именно эта дремлющая могучая сила, которая отдыхаетъ теперь, какъ заснувшій богатырь.

Да, мирно и тихо кругомъ. Горячо печетъ уральское солнце. Кой-гдѣ высыплетъ на берегъ мертвая деревушка, попадетъ гульная лошадь, которая мирно пасется въ густой травѣ, обгонитъ лодка — и опять зеленая пустыня охватываетъ васъ своимъ чарующимъ покоемъ, точно плывешь въ какомъ-то сказочномъ царствѣ. Вонъ и каменные дворцы, крѣпости, башни, валы... Тамъ высоко-высоко надъ головой по уступамъ и трещинамъ лѣпятся горныя ели и сибирскіе кедры, и кажется, что это не деревья, а живые люди. Вонъ спрятался за выступомъ скалы цѣлый военный отрядъ, выше на скалѣ неподвижно торчитъ часовой, а тамъ изъ-за зубчатыхъ стѣнъ выглядываютъ однѣ головы сказочныхъ богатырей. Не хочется вѣрить, что все здѣсь мертво и пусто. Воображеніе ищетъ движенія и жизни, глазъ придаетъ человѣческія формы дереву, ухо слышитъ и далекій звонъ, и окрикъ часовыхъ, и неясный гулъ тяжелыхъ шаговъ... Нѣтъ, это одна рѣка, сжатая въ каменныхъ берегахъ, разговариваетъ сама съ собой и разсказываетъ безконечную сказку.

Мечтаешь съ открытыми глазами и чувствуешь, какъ дѣлаешься сильнѣе и точно лучше. Даже Параха на время превращается въ сказочную улыбающуюся красавицу, которая ведетъ свою лодку куда нибудь въ замокъ...

— Нонѣ вода у насъ страшенная была по веснѣ,—говоритъ Параха:—коломенокъ страсть сколько убилось... Больше внизу, у Кумыша подъ бойцами.

— У Молокова?

— И у Молокова, и у Горчака... Слышь, семнадцать барокъ одинъ Горчакъ съѣлъ. Страсть была одна... Ну, и верховые бойцы тоже здорово играли. Сила не взяла на бар-

Digitized by Google

кахъ-то... Человѣкъ сотню бурлачковъ перетонуло, сердешныхъ. Снѣга больно глубоки были, а весна выпала поздняя, дружная—ну, рѣка и взыграла. Теперь чусовлянамъ на все лѣто хватитъ работы: металъ добываютъ изъ воды, а потомъ грузить будутъ на полубарки да сплавлять по межени *).

— А подъ верхними бойцами тоже много убилось коломенокъ?

— По всей рѣкѣ... Наши деменевскіе страсть сколь денегъ зарабливаютъ съ убившихъ коломенокъ.

— А ты?

— И я робила... Только вышла домой-то робятишекъ провѣдать. Тоже гребтится... Въ деревнѣ-то одна старуха осталась. Кому горе да раззоренье, а намъ хлѣбъ... это съ убившихъ-то барокъ. Вонъ подъ Зайчикомъ ихъ шесть штукъ расшиблось... съ пшеницей шли. Ну, теперь который мѣсяцъ кули изъ рѣки на берегъ тащатъ да сушатъ, а пшеница такъ и прѣетъ. Да вотъ самъ увидишь...

Мы разговорились. Меня интересовала жизнь такой глухой деревушки, какъ Деменева. Но Параха не умѣла разсказать, что было мнѣ нужно, т. е. о другихъ. О себѣ она говорила просто и толково. Неприглядная эта бабья жизнь. Она вышла за молодаго парня, а потомъ мужа взяли въ солдаты. Куда-то подъ хивинца ушелъ. Послѣ мужа осталось двое ребятъ, а третьяго она прижила безъ него, когда ходила съ осеннимъ караваномъ.

— Ну, а мужъ воротится изъ службы?

— Пусть ворочается... извѣстно, будетъ бить. Не одна я солдатка-то... Мужнія-то жены на сплавахъ што дѣлаютъ, а што съ солдатки взыскивать: безотвѣтная головушка. Тоже пить-ѣсть надо, а какой нашъ бабій промыселъ... Бьешься-бьешься, маешься-маешься, а тутъ всякій къ солдаткѣ пристаетъ, потому непокрытое мѣсто. Ну, придетъ мужъ: бей... Тутъ вышелъ такой-то случай на Чусовой у насъ. Пришелъ этакъ-то солдатъ на побывку, ну, а у жены чужой ребенокъ—онъ и разстервенился, солдатъ-отъ. Ужъ онъ ее билъ-билъ,

*) Межень—лѣтняя вода.

Digitized by Google

билъ-билъ... Устанетъ самъ бить, другихъ попроситъ... Такъ на смерть и заколотилъ, а ребенка оглушилъ. Дурачокъ теперь растетъ...

Что-то безотвѣтное слышалось въ этихъ нехитрыхъ разсужденіяхъ: придетъ солдатъ изъ-подъ хивинца и будетъ Параху бить на смерть... Она это знаетъ впередъ, но не уйдетъ никуда, даже не подумаетъ сбѣжать куда нибудь. Куда бѣжать? А ребятишки?... Да уже это такъ споконъ вѣку ведется, на роду написано кому что, то и будетъ. Куда же идетъ эта лошадиная бабья работа, заботы, непокрытая нужда? Мнѣ становится жаль Парахи, собственно даже не Парахи, а той солдатки, которая сидитъ въ ней... Что-то такое темное и стихійно злое есть въ человѣческой жизни, которое роковымъ образомъ становится поперекъ дороги, какъ вотъ эти чусовскіе бойцы.

— Скоро, видно, и Зайчикъ будетъ, — говоритъ Параха, налегая на свой шестикъ съ видимымъ усиліемъ. Втеченіе трехъ часовъ она отдохнула всего раза два, чтобы напиться.— Краюхина, Прова Михайловича, слыхивали, можетъ?

Я назвалъ пристань, гдѣ царилъ Ировъ Михайлычъ.

— Онъ самый... Шесть барокъ убилъ нонѣ. Раззорится, говорятъ... Только нечисто дѣло вышло у него.

— А что?...

— Да такъ... нечисто. Грѣхъ случился...

— Какой грѣхъ?

— Разное болтаютъ: онъ на зайчиковскихъ мужиковъ жалится, мужики на ево... Всякъ свое говоритъ. Конешно, не баская слава про Зайчики ходитъ, ну, да мало ли што болтаютъ.

III.

Черезъ четверть часа показался длинный мысъ, на которомъ высыпала бойкая деревнюшка дворовъ въ двадцать—она извѣстна подъ именемъ Зайчиковъ *) и получила свое назва-

*) Зайчикъ вымышленное названіе: между Кыномъ и Межевой Уткой такого бойца нѣтъ, какъ нѣтъ и деревни. *Авторъ.*

Digitized by Google

ніе отъ страшнаго бойца, который стоитъ немного повыше деревни. Еще подъѣзжая къ деревнѣ, издали можно видѣть верхушку большой известковой скалы; она стоитъ въ крутой излучинѣ, въ самомъ прибоѣ, и весной здѣсь ежегодно бьются барки. Этотъ боецъ пользуется громадной извѣстностью у бурлаковъ: «игристый камешекъ этотъ Зайчикъ... веселенькій».

Странно то, что этотъ боецъ создалъ деревню. Нужно кому нибудь вытаскивать убитыя барки, перегружать металлы и разный другой грузъ—вотъ и выросла цѣлая деревушка. Страшный боецъ каждый годъ давалъ работу на цѣлое лѣто.

Видъ деревни, какъ вообще всѣхъ чусовскихъ поселковъ, не особенно привлекателенъ, и первое, что бросается въ глаза, это необыкновенная близость лѣса. Нѣкоторыя избы стоятъ почти совсѣмъ въ лѣсу. По линіи берега попадается нѣсколько покосовъ, есть даже пашня — и только. Скотина пасется въ лѣсу. Избы разставлены безъ всякаго порядка; постройка хорошая, благо лѣсу не занимать-стать. Правый берегъ гористый, лѣвый, гдѣ выдался мысъ, отлогій, и только вдали синѣется горный скалистый гребень. Вообще мѣсто непривѣтливое и дикое. Жители—раскольники безпоповщинскаго толка, или, какъ говорятъ на Уралѣ, кержаки.

— Пустая деревня-то, всѣ на работѣ,—объясняла Параха, когда наша лодка ткнулась носомъ въ песчаный берегъ.

— Подъ бойцомъ?

— Подъ нимъ подъ самымъ. Вонъ, видишь, черныя кучи на берегу — это все мокрая пшеница навалена. Около нея страсть сколько народу бьется...

— Ну что, устала?

— Не то штобы больно пристала, а только плечо ломитъ да поясница отниматься начала.

Параха улыбнулась, показавъ свои бѣлые зубы. По уговору она обязалась доставить меня въ Зайчики и теперь поздравляла съ приваломъ, какъ это дѣлаютъ всѣ бурлаки. Взваливъ мои пожитки на плечо, она зашагала къ большой пятистѣнной избѣ, изъ воротъ которой бросилось на насъ штукъ пять собакъ.

— Пропасти на васъ нѣтъ... ругалась Параха, отмахи-

Digitized by Google

ваясь отъ собакъ моимъ чемоданомъ:—Эй, кто дома живъ человѣкъ есть!... Сосипатръ-то дома?...

Въ окнѣ избы показалась всклокоченная мужская голова и съ недоумѣніемъ посмотрѣла на насъ воспаленными заплывшими глазками.

— Прову Михайлычу... здоровалась Параха.—А я думала, ты у коломенокъ у своихъ.

— Чего я тамъ не видалъ... хрипло отвѣтила голова и сейчасъ же скрылась.

— Закутилъ съ горя-то,—объяснила Параха:—и меня не узналъ, а прежде зналъ и всегда стаканчикъ водки, бывало, поднесетъ. Это онъ съ горя... Эй, Сосипатръ!.. Кони есть?.. Сосипатръ... Да провалился ты, што ли?..

Изъ глубины темнаго двора, крытаго на раскольничій манеръ глухой крышей, послышался сначала старческій кашель, а потомъ несвязное бормотанье. Это и былъ Сосипатръ, лысый, сгорбленный старикъ, едва тащившій свои кривыя ноги. Онъ посмотрѣлъ на насъ изъ-подъ руки, какъ смотрятъ противъ солнца, и заговорилъ:

— Это никакъ ты, Параха... и съ бариномъ, надо полагать.

— Въ лѣсу нашла да вотъ привезла тебѣ показать: можетъ, поглянется, а не поглянется—вези дальше.

— Куда везти-то?...

— На пристань, на Межевую Утку.

— Коней-то нѣтъ дома... въ пасевѣ гуляютъ.

— Пошлешь за конямъ,—рѣшила Параха.

— А кто повезетъ?—спрашивалъ старикъ, продолжая разглядывать насъ изъ-подъ руки.

— Самъ повезешь... недалеко.

— Это навершной-то?.. Востра больно! Изъ Деменевой везла барина-то?...

— Изъ Деменевой... Да ты што насъ въ избу-то не зовешь, дѣдко?... Баринъ поись хочетъ и чайку испить.... Провъ-то Михайлычъ, видно, у тебя проживаетъ?

— Видно у меня... Ну, заходите, инъ, въ избу. Спитъ Провъ-то Михайлычъ...

Digitized by Google

Мы вошли въ темный дворъ, поднялись по крылечку и очутились, наконецъ, въ избѣ, гдѣ на лавкѣ спалъ Провъ Михайлычъ, а на лавкѣ сидѣла какая-то молоденькая дѣвушка въ яркомъ кумачномъ сарафанѣ.

— Это ты, Лукерья?—удивилась Параха, складывая мое имущество на лавку.

Лукерья ничего не отвѣтила, а только указала глазами на громадную фигуру Прова Михайлыча, лежавшаго на лавкѣ подъ окномъ.

— Да вѣдь онъ, сказывали, прогналъ тебя?—шепотомъ говорила Параха, здороваясь.

— Сперва прогналъ, а потомъ опять вытребовалъ... шепотомъ отвѣтила Лукерья, искоса взглядывая на меня. — Замаялась я съ нимъ, Паранюшка.

— Легкое мѣсто сказать: вонъ какое дерево... Вотъ што, Лукерьюшка, спроворь барину моему самоварчикъ. Я говорила Сосипатру, да вѣдь онъ забудетъ. Есть самоваръ-то у васъ?...

— Какъ же, есть... У Прова Михайлыча свой есть. Я сама поставлю, скорѣе дѣло-то будетъ.

Когда Лукерья вышла изъ избы, Параха сообщила шепотомъ, что эта Лукерья и есть «главная причина» всему дѣлу.

— Какому дѣлу?

— Ну, убившія барки значитъ... отъ нея все горе Провуто Михайлычу. Вотъ ужо поѣдете, такъ Сосипатръ дорогойто все обскажетъ...

Пока старикъ ходилъ въ лѣсъ за лошадьми и пока Лукерья ставила самоваръ, я пошелъ размять ноги. Деревня вся точно вымерла, и только оставались однѣ собаки. Всѣ были около убитыхъ барокъ. Я пошелъ по берегу къ бойцу. Большія темныя кучи, на которыя указывала давеча Параха, оказались цѣлыми валами изъ кулей съ пшеницей. Нѣсколько кучъ были изъ чистаго зерна, которое «горѣло» на солнцѣ. Ближе можно было уже слышать прогорѣлый запахъ горѣвшаго въ кучахъ зерна.

Нѣсколько женщинъ были заняты разборкой мокрыхъ кулей, другія разсыпали пшеницу, третьи переносили ее на носилкахъ изъ одной кучи въ другую. На самомъ берегу и въ

Digitized by Google

водѣ бродили десятки мужиковъ, разбиравшихъ убитыя барки и вытаскивавшихъ кули изъ воды на берегъ. Въ водѣ и на берегу торчали обломки барочнаго лѣса; разобрано было только двѣ барки, а четыре оставались еще въ водѣ. Онѣ сидѣли неглубоко, и можно было видѣть разбитыя части—у одной выворочено было плечо, другая стояла съ выхваченнымъ бокомъ, у третьей разщепало корму, и т. д.

— Богъ помочь!—поздоровался я съ работавшими.

— Спасибо...

Громадныя насыпи почернѣвшаго зерна ужасно походили на муравейныя кучи, а ходившіе по нимъ люди на муравьевъ. Я сунулъ руку въ одну изъ насыпей — внутри было горячо. Вытащенную изъ воды пшеницу негдѣ было просушить, и она теперь горѣла въ этихъ насыпяхъ.

— Былъ хлѣбушка, а сталъ навозъ,—замѣтилъ старикъ, очевидно, наблюдавшій за работой.

— Отчего мало рабочихъ у васъ?—спросилъ я.

— Да гдѣ ихъ взять-то... Негдѣ взять—вотъ и пачкаемся. По всей Чусовой нонѣ наколотило барокъ-то, ну, народъ и разбѣжался. Нашъ-то кормилецъ Зайчикъ вонъ какую работу наработалъ... Страсть глядѣть. Въ шести-то баркахъ девяносто тысячъ зерна было... Охъ-хо! согрѣшили мы, грѣшные! Вонъ дѣвкамъ по цалковому въ день платимъ, а онѣ, курвы, и знать не хотятъ... испотачались работой.

— Сколько барокъ разобрали?

— Да, видно, вторую кончаютъ, а тамъ еще четыре стоитъ въ водѣ. Не знаю ужъ, когда это мы и подымемъ ихъ. Главное, сила не беретъ на счетъ народу. А Провъ-то Михайлычъ свое... закутилъ не на животъ, а на смерть. Тоже обидно, хоть до кого доведись.

Я присѣлъ на груду барочныхъ досокъ и смотрѣлъ на работу. Разговаривавшій со мной старикъ отправился къ работавшимъ бабамъ и, вѣроятно, изъ желанія показать свою энергію, началъ ихъ ругать на чемъ свѣтъ стоитъ. Бойкія чусовлянки, бродившія по пшеницѣ голыми ногами, огрызались, а потомъ подняли старика на смѣхъ. Эта сцена съ берега пе-

Digitized by Google

решла въ воду, гдѣ хохотали надъ расходившимся старикомъ мужики.

— Палкой-то, дѣдка, палкой валяй бабенокъ!—поощряли голоса:—Дуньку первую лупани...

Не дождавшись конца этой горячей сцены, я пошелъ къ самому бойцу, до котораго было съ полверсты. Это была известковая скала, выдвинувшаяся въ рѣку однимъ ребромъ. Наверху лѣпились мелкія елочки, точно сбѣжавшіяся въ игрѣ дѣти. Кругомъ разросся угрюмый ельникъ. Рѣка текла подъ самой скалой съ тихимъ ропотомъ, облизывая подножіе бойца. При яркомъ солнечномъ свѣтѣ получалась оригинальная картина, пожалуй немножко дикая, но во всякомъ случаѣ полная своеобразной прелести. Глазъ искалъ чего-то страшнаго въ этомъ бойцѣ, но страшнаго ничего не было—такихъ «камней» по Уралу разбросаны милліоны. Но весной — другое дѣло... Вы не узнали бы картину, когда Зайчикъ начиналъ «играть». Рѣка подъ бойцомъ клокочетъ и превращается въ пѣну; глухой ревъ несется далеко, точно борются на смерть два разъяренныхъ чудовища.

IV.

— А вѣдь коней-то я не нашелъ, баринъ,—объявилъ мнѣ Сосипатръ, когда я вернулся въ деревню.

— Вотъ тебѣ разъ... Такъ какъ же я-то буду?...

— Ужъ не знаю, родимый мой. Бѣгалъ-бѣгалъ по лѣсу-то: точно скрозь землю провалились мои кони. Съ боталами ходятъ, далеко слышно. А ты попей чайку покедова, можетъ, они сами подойдутъ къ тому времю. Оводъ гонитъ изъ лѣсу скотину-то...

— А на лодкѣ нельзя подняться?

— Да кто повезетъ-то?... Некому, родимый... Работы у насъ своей не изработать. Кормилецъ-то нашъ далъ вонъ какую задачу...

— Какой кормилецъ?

— А Зайчикъ?... Имъ кормимся: чего пошлетъ, то и жуемъ. Ласковый онъ до насъ... Въ прошлую весну барку съ

Digitized by Google

мѣдью ушибъ, въ позапрошлую весну сортовое желѣзко—кажиный годъ хлѣбъ даетъ. Въ самъ дѣлѣ, ступай въ избу, тамъ Лукерья все спроворила, а тѣмъ временъ, можетъ, и кони подойдутъ.

Ничего не оставалось, какъ идти въ избу и «заняться чайкомъ». Положеніе было самое безвыходное, и я обругалъ проклятую дорогу: не повезло съ самаго начала, значитъ такъ пойдетъ и до конца.

Въ избѣ кипѣлъ самоваръ, а за самоваромъ сидѣлъ самъ Провъ Михайлычъ и пилъ чай. Тутъ же стояла на столѣ бутылка водки и лежала въ газетной бумагѣ какая-то мудреная закуска. Провъ Михайлычъ принадлежалъ къ разряду настоящихъ великановъ, и его лохматая голова точно была привинчена къ широкимъ плечамъ. Грязная ситцевая рубашка была разстегнута и изъ-подъ нея выставлялась богатырская волосатая грудь. Около стола сидѣли и Лукерья съ Парахой и тоже пили чай. Лукерья была дѣвушка лѣтъ семнадцати, бѣлокурая, свѣженькая, съ розовыми губами и такими красивыми сѣрыми глазами. Въ простомъ народѣ рѣдко попадаются вообще красивыя женщины, а бѣлокурыя въ особенности. Въ этой Лукерьѣ еще сохранилось что-то дѣтское, что пропадаетъ въ зрѣлой женской красотѣ.

— Пожалуйте... хрипло проговорилъ Провъ Михайлычъ, тяжело поднимая голову:—а водки прикажете?

— Нѣтъ, благодарю.

— Ваше дѣло... значитъ, мы съ Парахой выпьемъ.

— Я и то выпила, Провъ Михайлычъ... Напьюсь пьяная, нехорошо будетъ.

— Ну, ну... съ солдатки нечего взять: вся своя.

Параха видимо конфузилась, но съ устатку ей хотѣлось выпить. Послѣ нѣкотораго ломанья она взяла рюмку и выпила ее какъ-то покуричьи, маленькими глотками и закинувъ голову назадъ.

— Отлично... похвалилъ Провъ Михайлычъ и сразу выпилъ двѣ рюмки, не моргнувъ глазомъ, точно два гвоздя заколотилъ!

— Охъ, захмѣлѣла я... плаксиво жаловалась Параха, вы-

Digitized by Google

тирая губы рукавомъ рубашки.—На тебѣ будетъ грѣхъ, Провъ Михайлычъ.

— Ладно, ладно... Мнѣ ужъ заодно маяться-то.

Мы долго пили чай молча. Параха улыбалась и все толкала локтемъ молчавшую Лукерью. Провъ Михайлычъ долго смотрѣлъ въ налитый чаемъ стаканъ и задумчиво повторялъ: «Да... дда-а!». Въ избѣ было страшно жарко. Гдѣ-то жужжала муха. Вошелъ старикъ Сосипатръ и по мужицкой вѣжливости раскланялся со всѣми.

— А... старый колдунъ!—протянулъ Провъ Михайлычъ.— Хочешь чаю?...

— Спасибо, родимый мой... Смолоду-то што-то не привыкъ я къ вашимъ чаямъ, а на старости лѣтъ грѣшить не приводится.

Старикъ подсѣлъ на лавочку и улыбавшимися глазами посмотрѣлъ на раскраснѣвшуюся Параху.

— Охъ, ѣшь тебя мухи съ комарами... бормоталъ Сосипатръ:—розмалѣла!

— И то розмалѣла... соглашалась Параха и кокетливо закрыла лице рукавомъ: — все Провъ Михайлычъ... его грѣхъ.

— Прову-то Михайлычу не привыкать съ бабами возиться... Одна Лукерья чего стоитъ.

— Ты опять, старый чортъ?!... закричалъ Провъ Михайлычъ и ударилъ по столу кулакомъ.

— Дѣло говорю... Али не поглянулось?...

— Ты еще поговори у меня!.. Возьму стараго чорта за ноги да прямо въ воду.

Дамы переглянулись и хихикнули.

— Въ воду?... не унимался Сосипатръ:—этакое ты слово сказалъ, Провъ Михайлычъ... А ужъ тебѣ-то надо бы ровно знать, какая она такая эта самая вода бываетъ.

— Не тронь, Сосипатръ, — вступилась неожиданно Лукерья:—твое разѣ это дѣло?...

— А ты чего заступаешься... а?...

— А вотъ заступаюсь...

— Утопить бы тебя, курву... Слыхала?... За хвостъ да и

НАУЧНАЯ
Digitized by Google

бросить, какъ кошку... Ишь, выискалась тоже. Убѣжала, не бойсь, какъ тогда бурлаки наступили... не поглянулось!...

Провъ Михайлычъ слушалъ эту ругань, а потомъ неожиданно засмѣялся. Старикъ посмотрѣлъ на него, плюнулъ и выбѣжалъ изъ избы.

— Ишь, какъ его разбираетъ, колдуна... смѣялся Провъ Михайлычъ.

Лукерья сердито посмотрѣла на пьянаго купца и опустила глаза.

— Ну, ты чего на меня-то сердишься, Луша?—ласково заговорилъ Провъ Михайлычъ и потянулся своей волосатой рукой къ дѣвушкѣ, но Лукерья еще дальше отодвинулась отъ него.

Къ моему удивленію, лошади дѣйствительно пришли сами, и черезъ часъ послѣ чая мы уже выѣхали изъ деревни. Сосипатръ ѣхалъ на рыжей кобылѣ безъ сѣдла рядомъ со мной и смѣшно болталъ голыми ногами, когда лошадь пускалась трусцой. Мы проѣхали мимо разбитыхъ барокъ, гдѣ теперь все было тихо. Народъ только что пообѣдалъ и отдыхалъ, кому гдѣ показалось лучше. Большинство искало спасенья отъ лѣтняго зноя въ тѣни кустовъ, нѣкоторые заползли подъ барочный ломъ, изъ-подъ котораго выставлялись только однѣ ноги, а двое спали прямо на солнцѣ, раскинувшись въ самыхъ отчаянныхъ позахъ.

— Такъ это вашъ кормилецъ?—спросилъ я Сосипатра, когда мы проѣзжали мимо бойца.

— Прямой кормилецъ... А то какъ же по-твоему?... Цѣлая деревня около него кормится... По-твоему: камень, молъ, и вся тутъ. Тоже камень камню рознь, родимый мой. Тоже вотъ вода... Поглядѣть, такъ оно самое простое дѣло, а ежели головой своей подумать хорошенько, такъ она, вода-то, точно что вода да не просто.

— А какая же вода?...

— Такая... Она вонъ какъ подыграла Прова-то Михайлыча. Вотъ тебѣ и вода. Тыщъ пятьдесятъ рублей выдула изъ кармана-то единымъ духомъ. Вотъ она какая...

Digitized by Google

Меня заинтересовалъ этотъ разговоръ. Старикъ былъ разговорчивый, и мы болтали всю дорогу. Лошади знали дорогу и не нуждались въ поводьяхъ.

— Теперь взять Прова Михайлыча, — разсуждалъ Сосипатръ: — богатенный купецъ по Чусовой, денегъ у ево— страсть. А отъ кого жить пошелъ? Отъ матушки Чусовой... Сначала по малости сплавлялъ разную кладь, больше по межени на полубаркахъ, а потомъ, какъ въ силу вошелъ, и развернулся. Вонъ сколько хлѣба нонѣ скупилъ, да не привелъ Господь до конца, значитъ, довести: Зайчикъ не пустилъ... Стой!.. Будетъ баловаться. Ты играть, и я съ тобой поиграю. Вотъ и вышла игрушка...

— Какая игрушка?

— Ну, а которая въ избѣ съ нимъ сидитъ... Лукерья эта самая. Изъ-за нея вѣдь все дѣло вышло. Раньше-то Провъ Михайлычъ степенный человѣкъ былъ, а какъ разбухъ отъ своихъ денегъ — дурь эта самая въ немъ и заходила. Жена своя есть, дочь на возрастѣ, а онъ себѣ вонъ Лукерью припрегъ... И курва только дѣвченка!... Обошла мужика, окружила совсѣмъ... Плачетъ вѣдь онъ безъ ней, какъ ребенокъ безъ матери. Нечистое дѣло, однимъ словомъ...

— Откуда она, Лукерья-то?...

— Да наша же, чусовская, съ верхнихъ пристаней откедова-то. Ну, путался съ ней Провъ-то Михайлычъ, а тутъ весна, надо караванъ сплавлять. Ну, все наладилъ, казенку *) выстроилъ, а въ казенку-то вотъ эту самую Лукерью посадилъ. Какъ это, по-твоему, ладно или неладно?... Матушка земля всякій грѣхъ въ себѣ терпитъ, а вотъ вода-то не любитъ этого, пакости-то нашей не любитъ. Набралъ Провъ Михайлычъ что ни есть лучшихъ сплавщиковъ, поставилъ на свои барки бурлаковъ въ полной мѣрѣ—только плыви... А оно вышло не такъ. Тридцать лѣтъ по Чусовой-то плавалъ Провъ Михайлычъ, понадѣялся, ну, а тутъ и казенку, и другія барки подъ Зайчикомъ и убило.

— Да вѣдь не у него одного барки нынче разбило?

---

*) Казенка—барка съ каютой.

Digitized by Google

— У другихъ другое, родимый мой... У другихъ-то изъ шести барокъ одну убьетъ, много двѣ, а тутъ всѣ шесть Зайчикъ съѣлъ. Это ужъ неспроста... Вода не хотѣла поднимать его-то озорство. Развѣ такъ добрые-то люди плаваютъ?.. Тутъ надо съ молитвой да со страхомъ, а онъ придумалъ въ казенкѣ съ Лукерьей обниматься. Ты какъ полагаешь на счетъ этой воды?... Вѣдь она вся живая, она чувствуетъ... да. Посмотри-ка, какъ наша Чусовая примется по веснѣ свои разговоры разговаривать: только стонъ стоитъ. Это она веселится, кормилица. Тогда, какъ убило подъ Зайчикомъ казенку-то, такъ Лукерью едва вытащили изъ воды, совсѣмъ было захлебнулась. Самъ-то Провъ Михайлычъ какъ осетеръ плаваетъ, ну, онъ ее и выволокъ на берегъ... Тутъ опять бурлаки накинулись на нее, на Лукерью.

— А они за что накинулись?...

— За это за самое, што изъ-за нея всѣ досыта воды нахлебались. Тоже понимаютъ... Такъ разстервенились—страсть. Въ воду хотѣли бросить. Едва она тогда убѣжала. Ну, а потомъ Провъ-то Михайлычъ нарошно за ней, курвой, посылалъ. Я же и ѣздилъ...

Д. Мамин.

Digitized by Google

РАСКОЛЬНИЧЬИ ОБЩИНЫ НА ГРАНИЦѢ КИТАЯ.

Земледѣлецъ - дипломатъ и воинъ.

I.

Начиная отъ Змѣиногорска къ югу до Устькаменогорска и далѣе по Иртышу, мѣстность становится все гористѣе и живописнѣе. Горы перемежаются роскошными долинами, покрытыми цвѣтущей жимолостью, алтайскими шиповниками и прекрасными цвѣтами, начиная съ гіацинтовъ и кончая роскошными, выше роста человѣка, мальвами. Это предвѣстіе бухтарминской флоры. Отъ Устькаменогорска дорога тянется то по ущельямъ горныхъ ручьевъ, то по гребню горъ, у подножія которыхъ несется Иртышъ. Миновавъ нѣсколько казачьихъ станицъ близь Усть-Бухтарминской крѣпости, мы приблизились къ долинѣ Бухтармы. Здѣсь мы увидѣли маленькую рѣчку Селезневку, сохранившую преданіе о Селезнѣ-разбойникѣ. Дорога до Зыряновскаго рудника была холмистая, долина была уныла, горы имѣли сѣрый видъ, трава была обожжена солнцемъ. Чѣмъ далѣе къ вершинамъ Бухтармы, тѣмъ мѣстность становилась грандіознѣе, ущелье величественнѣе и рѣка неслась быстрѣе. Изъ деревни Солоновки показался уже Нарымскій хребетъ, лежащій по ту сторону Бухтармы. Около деревни Солдатовой мы уже приблизились къ самому хребту. Мы не видѣли красивѣе горъ, чѣмъ надъ Бухтармою. Алтай доселѣ представлялся намъ волнообразнымъ и возвышался постепенно. Въ долинѣ Бухтармы и Нарыма мы увидѣли пирамидальныя и крышевидныя горы, поднимающіяся прямо изъ долины до облаковъ. Онѣ поражали своею грандіозностью и красотою. У подножія ихъ лежала пышная растительность лиственнаго лѣса, далѣе по скло-

Digitized by Google

намъ шли темные лѣса, сверкающіе синеватою осью, мѣстами на нихъ видны цвѣтущія плато и цѣлыя поляны, покрытыя синеватыми или красными цвѣтами, сверкавшія какъ искусственныя клумбы. Лѣса эти, какъ огромная, неисчислимая армія, взбирались на кручи, но чѣмъ далѣе къ вершинѣ, тѣмъ они становились рѣже: точно отважныя одиночки, виднѣются еще кое-гдѣ на кручѣ деревья, а затѣмъ полоса лѣса пресѣкается, и горы принимаютъ зелено-сѣроватый оттѣнокъ, онѣ голы, прорѣзаны ущельями и прожилками. Наконецъ, горы кончаются гребнями и пирамидами, среди которыхъ видны бѣлыя прожилки снѣга, а иногда выступающія пятна. На высотѣ гребней плаваютъ и цѣпляются облака. Альпы поднимаются во всемъ своемъ величіи.

Въѣхавъ въ цвѣтущую долину Нарыма, гдѣ дорогу перерѣзывали горные ручьи, живописные хребты сопутствовали намъ, и, подъѣзжая къ Котонъ-Карагаю (станица Алтайская), мы видѣли, какъ горы, тянувшіяся грядами по обѣ стороны пути, закутались въ тучи, яркая молнія прорѣзывала небо то по ту, то по другую сторону, надъ горами, но надъ самой долиной, гдѣ шла дорога, было ясное небо съ свѣтлыми звѣздами, служа какъ бы путеводною дорогою.

За станицей Алтайской Бухтарма въ ущельѣ летитъ черезъ пороги, она мечетъ бѣлую пѣну и шумитъ какъ въ котлѣ. Въ долинѣ зеленѣетъ береза, тополь, смородина, черемуха и лиственица; они украшаютъ берега, покрытые громадными камнями. Дорогу сопровождали иногда прекрасныя березовыя рощи, а по обѣ стороны выдвигались все грознѣе горы съ сопками, заволакиваемыми облаками, и сверкавшими коронами снѣга.

Въ долинѣ, у подножія этихъ горъ, мы встрѣтили рядъ заселившихся деревень. Въ нихъ ютилось самое разнообразное населеніе. Нѣсколько странно было видѣть русскаго крестьянина близь границъ Китая, у подножія этихъ альповъ, напоминающихъ горную Швейцарію. Деревня Солдатова, расположенная у подножія лѣсистаго хребта, представляла оригинальный видъ. Когда-то близь этой деревни шла прежняя китайская граница: недалеко на р. Чергутѣ стоялъ еще въ 1867 году

Digitized by Google

китайскій пикетъ, и крестьяне наши ходили къ китайцамъ въ гости. Они пристроились даже къ лугамъ на китайской землѣ. Озеро Марко-Куль особенно привлекало крестьянъ своею рыбою. Въ одной изъ деревень, на станціи, я увидѣлъ накрытый столъ, гдѣ стояла превкусная рыба ускучъ и хайрюзъ (которая-то изъ нихъ родъ форели).

— Откуда достаете вы рыбу?—спросилъ я хозяевъ.

— Да съ китайскаго озера Марко-Куля, туда ѣздимъ,—отвѣчали мнѣ.

— Ну, и что же, васъ китайцы не выгоняютъ оттуда?

— Отъ китайца намъ утѣсненія нѣтъ; пошлемъ ему топоръ или меду, и снова въ дружбѣ,—отвѣтилъ намъ бухтарминецъ.

Оказалось, что у русскихъ крестьянъ давно заведены сношенія съ китайцами, они установили съ ними добрыя отношенія, подкупили китайскихъ чиновниковъ и фактически пользовались произведеніями озера Марко-Куля, которое не находилось въ нашихъ границахъ. Видно, что здѣсь даже происходилъ обмѣнъ. По крайней мѣрѣ, въ деревнѣ Солдатовой среди пестрыхъ нарядовъ бухтарминцевъ я замѣтилъ парня въ ярко-зеленомъ халатѣ изъ китайской матеріи.

Странно! какъ же это никакихъ столкновѣній,—думалъ я. Вѣдь на границѣ стоятъ и русскія казачьи станицы, войска, и китайскіе пикеты. Чтобы переѣхать границу, нужно множество формальностей. Китайцы сторожатъ свои владѣнія. Ежегодно русскіе депутаты-чиновники и китайскіе объѣзжаютъ вмѣстѣ границу и повѣряютъ знаки. Вѣдь на этой границѣ всякое покушеніе захватить что либо можетъ вызвать дипломатическія недоразумѣнія; столкновеніе разныхъ народностей можетъ вызвать войну и т. д., и вдругъ оказывается—все тихо и мирно: и къ китайцамъ въ гости ѣздятъ, и халаты пріобрѣтаютъ, да и рыбой давно пользуются, ходя артелями за границу безъ всякихъ трактатовъ и даже безъ паспортовъ. Тутъ я въ первый разъ задумался и открылъ, что крестьянинъ-колонизаторъ на окраинѣ не просто представитель силы высшей расы, не только богатырь, который претъ и смѣло беретъ и захватываетъ, а что онъ, когда нужно, большой дипломатъ; этого мы ранѣе не подозрѣвали.

Digitized by Google

— И съ киргизами вы не имѣли ранѣе столкновеній? Вѣдь кругомъ киргизы, а васъ было мало; когда вы сюда пришли?

— И съ киргизами мы жили мирно, сладились, другъ съ другомъ жили посусѣдски, да вотъ теперь только началось...

Что̀ началось, мы разскажемъ впослѣдствіи, но не можемъ не указать, что и съ киргизами крестьяне весьма долго уживались мирно. Мы замѣтили, что многіе крестьяне вслѣдствіе частыхъ сношеній усвоили киргизскій языкъ, иные говорили покалмыцки. Это было также удивительно. Мы привыкли считать, что крестьянинъ чуждается инородца и считаетъ его собакой,—и вдругъ не только тѣсныя сношенія, но для удобства даже языку выучились, и кто же?—раскольники! Встрѣчая знатоковъ киргизскаго, калмыцкаго или татарскаго языка на границахъ нашихъ, мы убѣдились, что это далеко не было отступленіе отъ своей національности и поглощеніе инородцами русскихъ,—это вовсе не явленіе, показывающее неустойчивость русской національности. Нѣтъ, эти знатоки инородческаго языка оказывались исполненными достоинства и смотрѣли на инородца свысока. Они не особенно лестно третировали инородца и при случаѣ эксплоатировали его; при экономическихъ столкновеніяхъ они вступали съ нимъ въ бой, во вражду, какъ увидимъ далѣе,— стало быть, здѣсь объ отступленіяхъ, объ инородчиваніи и рѣчи не могло быть. Здѣсь опять-таки близость съ инородцами была прямымъ разсчетомъ, выгодами, дипломатіей. Въ этомъ и заключалась тайна нашей колонизаціи. Во враждѣ долго жить съ инородческимъ элементомъ было невозможно; невозможно это было для земледѣльца. Колонистъ-крестьянинъ являлся и основывалъ свое хозяйство въ этихъ мѣстахъ, создавалъ осѣдлость и гражданственность. Ему нуженъ былъ миръ безусловно. Являясь, онъ показывалъ свою силу, свое право, энергію, настойчивость; но потомъ вступалъ въ дружественный договоръ. Если бы русскій крестьянинъ и піонеръ бралъ только все напоромъ, грубымъ вторженіемъ, онъ не устоялъ бы здѣсь, окруженный враждебными условіями, его бы вытѣснили, завязалась бы масса столкновеній, выслали бы, наконецъ, войска, и русскія власти, во избѣжаніе дипломатическихъ затрудненій, принудили бы русскихъ отступить, какъ сдѣлали это недавно на Игнашин-

Digitized by Google

скихъ пріискахъ. Но вотъ здѣсь-то и заключалась тайна русской колонизаціи на окраинахъ,—тайна, которой мы, при всемъ нашемъ самомнѣніи, что мы знаемъ нашъ простой народъ, не подозрѣвали. А между тѣмъ, въ этой способности оріентироваться и, занявъ мѣста, отстоять ихъ—заключались не малые таланты, и сказалась не одна сила, а и умъ.

Собственно пріобрѣтеніе всѣхъ мѣстъ около китайской границы есть результатъ этихъ мирныхъ и немирныхъ крестьянскихъ завоеваній, крестьянской дипломатіи. Бухтарминскій край, эта роскошнѣйшая мѣстность въ южной Сибири, какъ и южныя предгорья Алтая, когда-то былъ китайскимъ. Прежде чѣмъ они были присоединены договорами и была проведена граница, здѣсь явились русскія поселенія крестьянъ и бѣглыхъ раскольниковъ. Эти люди подготовили здѣсь жизнь и, пріучивъ китайцевъ къ себѣ, такъ сказать, заставили ихъ примириться съ новой границей. Такъ это случилось съ пріобрѣтеніемъ вершинъ Бухтармы, гдѣ засѣли нѣсколько деревень русскихъ раскольниковъ; это же оправдалось недавно съ присоединеніемъ озера Марко-Куля, съ чѣмъ китайцы охотно примирились. Мы проѣзжали здѣсь 6 лѣтъ назадъ, когда Марко-Куль еще не былъ присоединенъ, а русскіе мужики уже фактически владѣли имъ. Если мы просмотримъ исторію всѣхъ нашихъ поступательныхъ движеній въ Сибири безъ войскъ, мы увидимъ здѣсь послѣдовательное движеніе русскихъ колонистовъ и піонеровъ съ сѣвера на югъ болѣе двухъ столѣтій и прежде всего самовольное занятіе разныхъ угловъ крестьянствомъ. Исторія многихъ такихъ заселеній, вѣроятно, скрывается въ архивахъ.

Предъ нами былъ, однако, уголокъ, въ которомъ мы могли видѣть еще во-очію старую исторію заселеній и столкновеній съ инородческимъ элементомъ. Все это совершилось на Бухтармѣ. Любопытно было взглянуть здѣсь, въ какія дебри попало русское крестьянство и какъ оно приноровилось къ новымъ условіямъ. Оно встрѣтило здѣсь не одни чуждыя племена, а дикую природу, да и какую еще природу — горную, неприступную. И, однако, эта природа была взята съ бою, мало того, крестьяне основались здѣсь деревнями. Чего же болѣе:

Digitized by Google

вотъ Медвѣдка, Берель, Согра, Черновая, а тамъ деревни каменьщиковъ: Фыкалка, Сѣнная и др.

Какъ русскій крестьянинъ, привыкшій къ полю, къ равнинамъ, къ лугамъ, скромный земледѣлецъ, могъ явиться въ эту трущобу, въ эти хребты, поселиться въ ущельяхъ, въ щеляхъ, на горныхъ высотахъ, куда лазаетъ только путешественникъ,— какъ устроилъ здѣсь хозяйство, выработалъ особыя привычки, сжился здѣсь и устроился? Это тоже была загадка.

Правда, я проѣхалъ немало горныхъ мѣстъ и видѣлъ уже нашихъ крестьянъ въ горахъ. Это были раскольники, переселенные въ Алтай изъ Подоліи, при Екатеринѣ; они выработали также привычку жить въ горахъ. Помню, когда въ Алтаѣ я подъѣзжалъ къ этимъ деревнямъ, меня поражали кавалькады всадниковъ, несшихся въ долинахъ, подобно кавалеристамъ, и карабкавшихся по кручамъ на горныхъ коняхъ. Припоминаю, какъ однажды, подъѣзжая къ деревнѣ, я увидѣлъ изъ экипажа двухъ приближающихся всадниковъ въ яркихъ костюмахъ, точно французскихъ гусаръ; на головѣ у одного была красная шапка съ позументомъ.

— Кто это скачетъ?—спросилъ я серьёзно у ямщика.

— Да это наши бабы,—отвѣчалъ ямщикъ, улыбаясь.

Въ другой разъ я рано утромъ пилъ чай въ деревнѣ. Это было часовъ въ 6 утра. По всей улицѣ стояли у дворовъ привязанныя верховыя лошади. Чрезъ нѣсколько времени изъ дворовъ начали выходить старухи и бабы съ ребятами; онѣ смѣло взлѣзали на лошадей верхомъ помужски, прилаживали на сѣдлѣ малолѣтковъ и направлялись изъ деревни. Я замѣтилъ, что у каждой старухи черезъ плечо былъ холщевый мѣшокъ.

— Куда это у васъ старухи собрались, не въ походъ ли?— спросилъ я хозяйку-раскольницу, вносившую самоваръ въ комнату.

— Зачѣмъ въ походъ! Молодыя-то, ишь, теперь на работѣ, а старухи-то на пасѣки (пчельники) поѣхали да и ребятёнокъ захватили.

— Зачѣмъ же онѣ верхомъ?

— А развѣ въ нашихъ мѣстахъ иначе проѣдешь? Горищи— страсть, крутизна! Я вотъ вчера ѣздила,—прибавила хо-

Digitized by Google

зяйка, понявъ мое изумленіе:—тоже верхомъ поѣхала, съ малюткой; малютка-то на рукахъ былъ. Какъ начала я подниматься на крутизну-то, да взглянула внизъ, такъ и подумала: Господи, куда это насъ Богъ занесъ! А ничего, мы привыкши теперь...—прибавила женщина.

И дѣйствительно люди привыкли здѣсь, и нечего было дивиться бухтарминцамъ. Замѣчательно, однако, что сюда тянуло и переселенцевъ: мы видѣли такихъ изъ Пермской губерніи.

Когда мы приближались къ вершинамъ Бухтармы, горы становились все выше, хребты поднимались пирамидально изъ долины, рѣка неслась иногда въ ущельѣ или въ каменистыхъ берегахъ, она прыгала по камнямъ, бушевала и пѣнилась. Скоро передъ Черновой открылись ворота, или бухтарминскіе пороги; вода кипѣла въ нихъ. Кругомъ дикія горы и ущелья, поросшія лѣсомъ. Въ этихъ хребтахъ были узкіе проходы. За этими горами уже лежалъ озаренный теплыми лучами солнца Китай. Нарымскій хребетъ былъ особенно величественъ. Въ станицѣ Алтайской мы увидѣли проведенныя канавы, или арыки, для орошенія полей. Пашни здѣсь должны быть орошаемы. Стало быть, и крестьянамъ предстояло пріучаться къ ирригаціи. Многіе крестьяне воспользовались древними инородческими канавами. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ по Бухтармѣ крестьяне сѣяли хлѣбъ на высотѣ 4,000 футовъ. Покосы бывали въ такихъ ущельяхъ, что сѣно приходилось вывозить верхомъ, связывая его веревками въ охабки. И, тѣмъ не менѣе, крестьянство облюбило эти мѣста за дѣвственную почву.

— Каковы урожаи? родится ли хлѣбъ?—спрашивали мы.

— Господи! какъ ему не родиться! Благодать, черноземъ 6 вершковъ глубины.

Кромѣ дѣвственной почвы, здѣсь былъ теплый климатъ и роскошная флора. Кругомъ пестрѣли цѣлыя поля цвѣтовъ, гіацинты, дикій жасминъ и піоны; все напоминало югъ. Благодаря ароматическимъ лугамъ, крестьяне распространили здѣсь пчеловодство и стали любителями-пчеловодами. Они вывозятъ медъ даже на продажу въ среднюю Сибирь. Весна въ этой мѣстности роскошна. Горная природа оригинальна и невольно располагаетъ любоваться ею. Станица Алтайская представляла

Digitized by Google

замѣчательную смѣсь населенія: казаки, киргизы, крестьяне уживались рядомъ и представляли живописныя группы на улицахъ, съ русскими строеніями и азіатскими оросительными арыками, которые кажутся всегда бѣгущими вверхъ, въ гору (таковъ обманъ зрѣнія на склонахъ).

Мы подъѣзжали къ дер. Черновой, самой дальней деревнѣ по Бухтармѣ. Доселѣ мы могли еще ѣхать въ экипажѣ, далѣе уже шла горная вьючная дорога. Близь Черновой, въ 4-хъ верстахъ, насъ переправили чрезъ Бухтарму въ маленькой лодочкѣ-душегубкѣ; другихъ не было на этой горной рѣкѣ, да и не могли быть глубокія лодки. Сидѣть въ душегубкѣ въ то время, когда васъ страшно несетъ теченіемъ, было небезопасно. Усадивъ насъ на одной сторонѣ, лодку толкнули, весельщикъ хотя и правилъ весломъ, но насъ несло вкось по страшной діагонали. Съ противоположнаго берега лодку должны были схватить, чтобы ее не умчало далѣе. На берегу былъ прекрасный березовый лѣсъ и кустарники. Мы поѣхали въ телѣгѣ къ деревнѣ. Она находилась среди горъ и представляла живописнѣйшій уголокъ. Горы здѣсь еще величественнѣе возвышались, на склонахъ были лѣса, а вершины были каменисты, выступая гребнями и сопками. На величайшей вершинѣ лежала, «зацѣпившись за бѣлокъ», какъ говорили крестьяне, темная туча. Къ закату солнца она приняла пурпуровый оттѣнокъ. Маленькая деревенька ютилась въ долинѣ. Мы были въ чистенькомъ домикѣ съ балкономъ. Балконы въ алтайскихъ деревняхъ часты. (Впослѣдствіи мы укажемъ, какъ у крестьянъ развивались эстетическія наклонности). Намъ предложили чай пить на балконѣ.

— Очень ужъ красиво вамъ будетъ отсюда на горы смотрѣть.

Кругомъ насъ было сильное и могучее населеніе и самъ основатель деревни Іона Первовъ, бойкій старикъ, съ толстымъ носомъ, сѣдой головой и шляпой въ родѣ пуховой подъ-мышкой *). Въ концѣ деревни былъ «маральникъ», загороженное мѣсто, гдѣ крестьяне воспитывали и приручали благороднаго оленя.

Мы видѣли это гордое, красивое животное въ загороди, или

*) Войлочныя шляпы съ широкими полями напоминаютъ итальянскія.

Digitized by Google

въ саду; оно еще было дико и знало одного хозяина. Приученіе марала было культурнымъ изобрѣтеніемъ нашихъ крестьянъ. Они держали марала, чтобы продавать рога его въ Китай.

Но бухтарминцы начали свои промыслы охотою. Въ горахъ водились козлы, кабарги, маралы, медвѣди, лисицы, сурки и т. п. Бухтарминскіе и берельскіе крестьяне были превосходными охотниками. Они были замѣчательно мѣткіе стрѣлки. Охота, жизнь въ горахъ и столкновенія съ инородцами выработали въ нихъ отвагу. И дѣйствительно можно было любоваться на это рослое, сильное, могучее и безстрашное насеcеніе, исполненное сознанія силы и своего достоинства. Эта крестьянская община должна была иногда энергично отстаивать свое существованіе.

Мирное крестьянское населеніе, въ силу необходимости, иногда становилось на военную ногу, оно отстаивало тогда свои мѣста съ оружіемъ въ рукахъ. Въ вершинахъ Катуни мы встрѣтили вооруженныхъ винтовками берельцевъ. Они намъ много разсказывали о мѣстныхъ войнахъ и столкновеніяхъ съ калмыками и киргизами. Берельцы, которыхъ мы видѣли, были предубѣждены противъ аргутскихъ калмыковъ, или теленгитовъ. Мѣста по р. Кокъ-су и въ вершинѣ Бухтармы были ареною столкновеній между киргизами и калмыками.

Берега по Кокъ-су были когда-то населены, но мы ихъ застали пустынными. Русскіе должны были жить насторожѣ во время войнъ и баранты инородцевъ. Къ югу, въ горахъ южнаго Алтая, въ китайскихъ предѣлахъ, кромѣ того, ютились урянхайцы, замѣчательные воры и конокрады. Все это научило русскихъ крестьянъ осторожности.

— Въ этихъ мѣстахъ нужно держать ухо востро,—говорилъ намъ берелецъ, вооруженный винтовкой и съ ножомъ у пояса.—На промыслѣ ночью иногда и огня не раскладываешь: того смотри, кто нибудь въ тебя на огонь пулю изъ горъ пуститъ.

Мы явились на Бухтарму какъ разъ во время острыхъ отношеній съ киргизами. По дорогѣ, въ деревняхъ Медвѣдкѣ, Согрѣ, Черновой, вездѣ жаловались, что киргизы отгоняютъ скотъ и лошадей. Въ Медвѣдкѣ было отогнано киргизами 70

Digitized by Google

лошадей, въ другомъ мѣстѣ 20 и т. д. Киргизы, въ свою очередь, жаловались на крестьянъ.

Намъ случилось быть при разборѣ этихъ жалобъ и споровъ. Разобрать что либо было трудно; видно, что здѣсь шла ожесточенная взаимная месть. Точно мы присутствовали въ эпоху XVII и XVIII ст., когда русское населеніе имѣло такія же столкновенія съ инородческимъ.

Отношенія между крестьянами и киргизами обострились на Бухтармѣ послѣ того, какъ киргизамъ Чингистайской волости приказано было откочевать на другую сторону Бухтармы. До 600 кибитокъ осталось безъ пастбищъ. Тогда киргизы начали безпокоить крестьянъ и отгонять изъ деревень лошадей, чего прежде не было. Иначе они начали войну при помощи баранты или отгона скота. Крестьяне не остались въ долгу. Недоразумѣнія и счеты накоплялись такимъ образомъ. Послѣ отгона лошадей разсерженные крестьяне кидались въ погоню, но, не найдя воровъ, брали у первыхъ попавшихся киргизовъ лошадей, въ счетъ своихъ. Тѣ кидались въ волость и поднимали шумъ противъ крестьянъ, дозволившихъ самовольный захватъ. Послѣ этого, на слѣдующую ночь у крестьянъ отгонялось лошадей вдвое, и крестьяне отправлялись опять наказывать киргизовъ. Въ концѣ концовъ уже нельзя было разобрать, кто у кого самовольно что отнялъ и кто первый обратился къ самоуправству. Крестьяне жаловались, что киргизы напали и избили женщину на пашнѣ, били крестьянъ. Киргизы указывали на поступокъ крестьянъ въ дер. Сотрѣ, гдѣ найденъ былъ распятый и убитый киргизъ, о чемъ велось слѣдствіе.

Въ деревнѣ Черновой мы встрѣтили пожилаго крестьянина, атлета, страшнаго роста, но согбеннаго и подслѣповатаго. Онъ въ своей жалобѣ начальству передалъ о необыкновенныхъ истязаніяхъ, которыя претерпѣлъ, попавъ въ плѣнъ къ киргизамъ. Киргизы, ожесточенные противъ крестьянъ за разныя обиды, захватываютъ на поселкѣ или пчельникѣ крестьянина Ивана Макарова. Онъ, по его словамъ, былъ съ сыномъ-мальчикомъ. На него наскочило 5 человѣкъ киргизовъ, связали его, завязали глаза и повезли. Сначала, говоритъ, киргизы хотѣли

Digitized by Google

его закопать живаго въ землю; потомъ хотѣли наломать прутьевъ и жечь прежде. Иванъ Макаровъ молчалъ и слушалъ. Они долго возили и все стращали; наконецъ, сняли съ лошади и били нагайками въ двѣ плети, а потомъ завязали опять глаза и привезли къ Бухтармѣ. Здѣсь сняли его съ лошади, заставили раздѣться и обвязали арканами. Затѣмъ закричали: «тартъ!»—т. е. тяни, и бросили въ рѣчку. Бурная, клокочущая Бухтарма поглотила Ивана Макарова. Онъ думалъ, что его утопятъ, но его вытащили. Затѣмъ опять бросили, и такъ повторялось до трехъ разъ. Затѣмъ киргизы опять взяли и повезли его снова. Привезли въ аулъ, была уже ночь. Ему назначили караульнаго и привязали къ нему путами, чтобы не ушелъ. На утро принесли пропащаго барана, падаль, и заставили ѣсть. Макаровъ не согласился. Утромъ его снова вывезли въ поле и начались новыя истязанія. Макаровъ, какъ Бульба, все терпѣлъ, но, когда хотѣли бить его парня, онъ взмолился.—Дай присягу,—сказали киргизы:—что не будешь ходить на наши мѣста!—Киргизы требовали клятвы. Тогда Макаровъ поднялъ крестъ съ шеи на голову и поклялся. Провозивъ день, киргизы привезли Макарова въ русскую станицу, Алтайскую, и передали казачьему офицеру, сказавъ, что поймали грабителя. Казакъ напустился на Макарова. Макаровъ, съ своей стороны, заявилъ объ истязаніяхъ. Посланъ былъ на слѣдствіе какой-то казакъ Власовъ, виновныхъ хотя открыли, но не наказали. Крестьяне передавали, что казачьи офицеры и уѣздныя власти области покровительствовали киргизамъ и не вѣрили крестьянамъ.

Мы узнали впослѣдствіи странное размежеваніе. Семипалатинское начальство, завѣдывавшее киргизами, всегда брало ихъ сторону, вѣроятно, потому, что волостные киргизскіе начальники давали подарки. Крестьяне же на Бухтармѣ принадлежали къ Томской губерніи, потому не находили защиты у казаковъ и областныхъ властей. Такое странное отношеніе двухъ губернскихъ администрацій, иногда смотрящихъ на свои раіоны съ точки зрѣнія разныхъ государствъ, въ Сибири бывало нерѣдкостью.

При такихъ условіяхъ крестьянамъ самимъ приходилось отстаивать себя. Судя по пострадавшему Ивану Макарову,

Digitized by Google

можно думать, что имъ иногда крѣпко доставалось. Но не дремали и крестьяне. Берельскіе крестьяне намъ разсказывали о цѣломъ походѣ на киргизовъ и калмыковъ, причемъ вполнѣ выказалась воинственность и отвага крестьянъ этой мѣстности.

Разъ вечеромъ, среди необычайной обстановки, въ горахъ, у подножія вѣчнаго ледника, въ вершинахъ Берели мы сидѣли у костра и слушали разсказъ проводника старовѣра изъ дер. Берели. Насъ поражали и фигура вооруженнаго крестьянина, освѣщеннаго костромъ, и его спокойствіе, увѣренность и сознаніе своей силы среди этой дикой природы и враждебныхъ племенъ. Въ весьма немногосложномъ разсказѣ берельца развернулись цѣлые подвиги воинственныхъ крестьянъ.

— Больно намъ киргизы начали надоѣдать,—говорилъ берелецъ:—сначала одинъ конь пропадетъ, потомъ два, а потомъ и больше. Послали мы своихъ къ киргизскому волостному требовать всѣхъ 15 лошадей, какихъ у насъ угнали. Киргизскій волостной отказалъ: у васъ, говоритъ, «барантачи» (воры) были, вы ихъ и ищите. А коли такъ, говоримъ, пойдемъ «походомъ».

— И пошли?

— Очень просто. Взяли запасъ, арканы, винтовки, коней по парѣ. Прошли сутки; видимъ, въ долинѣ киргизы конные съ айболтами и палками встрѣтить насъ приготовились. Ахъ вы, узкоглазые, думаемъ, погоди, проучимъ васъ. Слѣзай, ребята, съ лошадей, слушай команду, клади винтовки на сошки. Не успѣли киргизы опомниться, какъ мы изъ винтовокъ въ нихъ палить начали. А киргизы вразсыпную, тутъ мы послали конныхъ захватывать лошадей у нихъ, и 15 лошадей захватили. Расчембарили въ лучшемъ видѣ! Киргизы пардону запросили. Это, говорятъ, не мы, а калмыки у васъ лошадей захватили. А коли, говоримъ, калмыки, мы и къ калмыкамъ пойдемъ. Рѣшили мы послѣ того и на Аргутъ къ калмыкамъ сходить. Ну, тутъ намъ меньше повезло. Аргутскія мѣста крутыя, вышина, рѣка бурная. Пришли мы въ долину. Видимъ, на горахъ калмыки засѣли, а мы въ щели. Завели мы переговоры съ ними, запросили мы у нихъ 30 лошадей. Калмыки не даютъ и грозятся намъ стрѣлять съ горъ. Видимъ мы, что у нихъ народу

Digitized by Google

прибываетъ и они насъ расчембарить хотятъ. Проходы загораживаютъ. Взяли мы въ плѣнъ тогда калмыченка и говоримъ ему: показывай, гдѣ проходъ въ горахъ къ Бѣлухѣ, а то вотъ тебѣ петля! Калмыченокъ испугался и показалъ дорогу. Тогда мы посланца къ своимъ отправили: «выручайте». А сами притаились, сидимъ да переговоры затѣваемъ, чтобы время шло. Между тѣмъ нашъ посланецъ изъ Котонъ-Карагая съ казаками пріятелями пришелъ. Какъ завидѣли мы своихъ, давай въ калмыковъ палить, а тутъ наши ударили. Ну, и расчембарили же мы калмыковъ! Тогда мы съ нихъ ужъ 150 лошадей потребовали—и получили.

— Народъ трусъ!—заключилъ берелецъ.

Долго послѣ того калмыки съ Аргута подавали прошеніе за захватъ лошадей у нихъ, но начальство такъ и не могло разобрать эти ссоры.

Нечего говорить, что люди, совершавшіе подобные походы и способные къ стратагемамъ, въ обиду себя не могли дать. Намъ открылся здѣсь типъ воинствующаго крестьянина-піонера такимъ, какимъ онъ былъ въ долгую предшествовавшую исторію завоеваній.

Но не только въ массѣ, въ дружной артели, но и въ одиночку крестьянинъ въ этихъ мѣстахъ сохраняетъ безстрашіе и не боится инородческаго элемента.

Мнѣ передавалъ посланный въ экспедицію военный инженеръ слѣдующее о своихъ похожденіяхъ въ этихъ мѣстахъ весьма недавно.—Чтобы пройдти для изысканій съ р. Чуи на Бухтарму,—разсказывалъ онъ,—я встрѣтилъ большія препятствія въ отысканіи проводника. Отыскалъ я только стараго барантача (завѣдомаго вора лошадей) Киндрека, но и тотъ бѣжалъ отъ меня съ дороги. Мы шли въ ущельяхъ съ казаками, постоянно опасаясь встрѣчи съ разбойниками киргизами-киреевцами. Мѣста были опасныя. И вдругъ видимъ мужика на лошади.

— Ты какъ сюда попалъ?—спрашиваютъ его.

— Половилъ рыбы на китайской сторонѣ.

Это былъ бухтарминскій крестьянинъ, наловившій рыбы въ

Digitized by Google

китайскомъ озерѣ Марко-Кулѣ и возвращавшійся къ своимъ пенатамъ.

Съ пренебрежительнымъ тономъ силача по отношенію къ слабому и убогому инородцу, съ этою отвагою населенія мы весьма часто встрѣчаемся на окраинѣ. — Развѣ они устоятъ противъ насъ! Расчембаримъ!—говорилъ гордо берелецъ.

Мы слышали подобный разсказъ о русскихъ раскольникахъ на Амурѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, мирные молокане, жившіе въ сосѣдяхъ съ китайцами, затѣяли какіе-то споры. Китайцы и манджуры пришли къ нимъ толпою чуть ли не въ 200 человѣкъ.

Крестьяне бросили работы, взяли оглобли, избили и прогнали китайцевъ, а нѣкоторыхъ еще дегтемъ вымазали.

— Какъ же это вамъ удалось, вѣдь ихъ было много?— спрàшивалъ одинъ заѣзжій человѣкъ этихъ молоканъ.

— Что жъ, что ихъ много! Народъ этотъ, я вамъ скажу, жидкій,—говорилъ одинъ молоканинъ:—извѣстно, мяса не ѣстъ, а травой да будой питается; возьмешь его за косу, онъ и валится.

Странно, никто не училъ артикулу этихъ піонеровъ колонизаціи, не устраивали изъ нихъ военныхъ поселеній, даже въ рекруты въ этихъ мѣстахъ крестьянъ не требовали, а воспитали они въ себѣ на привольѣ всѣ нужныя качества: и силу богатырскую, и отвагу, мало того и дипломатію, а когда нужно, и постоять за себя умѣли.

Этотъ закалъ, находчивость, сила, способность не отступать передъ препятствіями и бороться со всѣмъ враждебнымъ осѣдлой гражданской жизни артелью, обществомъ, какъ и въ одиночку, весьма опредѣленно выразились и видны во всѣхъ чертахъ энергическаго крестьянскаго элемента на окраинѣ.

Всѣ эти свойства даютъ ему мощь, залогъ отстоять себя и проложить культуру въ новыхъ мѣстахъ. Природные и психическіе задатки, лежащіе въ немъ, не случайность, а продуктъ извѣстнаго опыта и своей исторіи. Исторія этого крестьянства, нашихъ піонеровъ колонизаціи и промышленниковъ, ведшихъ борьбу въ лѣсахъ и въ горахъ, еще мало разработана, но нѣкоторыя черты ея можно отыскать въ преданіяхъ и разска-

Digitized by Google

захъ. Для знакомства съ тѣмъ, какъ основались Бухтарминская и Уйманская раскольничьи общины на границѣ Китая, мы приведемъ ихъ исторію по сохранившимся разсказамъ и преданіямъ.

Происхожденіе раскольничьихъ общинъ.

II.

Мы сидѣли въ деревнѣ Черновой на балконѣ и любовались на пирамидальныя горы, покрывавшіяся къ вечеру облаками. Деревня уходила въ мракѣ, а гиганты-горы выступали все рельефнѣе съ своими абрисами.

Въ этотъ пріѣздъ въ деревнѣ мы были съ исправникомъ, а около насъ стояли высокія фигуры крестьянъ, пришедшихъ съ разными жалобами и челобитными. Между прочимъ, тутъ же былъ основатель деревни Іуда Черновъ, смышленый и бойкій старикъ. Трудно было не залюбоваться на это сильное, могучее населеніе, а затѣмъ мы переносили глаза невольно на окружавшую его могучую природу. Все, кажись, здѣсь гармонировало. Ночь наступала чудная, теплая; съ луговъ неслись ароматы травъ; вдали за рѣкою зажигался костеръ охотниковъ.

— Видите, какія около нихъ горы,—сказалъ исправникъ:— а вотъ деревня Берель да Фыкалка,—такъ тамъ ужъ эти горы вплотную около домовъ стоятъ. Я въ Берели жилъ, такъ у самыхъ оконъ, знаете, точно стѣна, такъ вверхъ подъ самое небо гора-то уходитъ. А имъ ничего! Извѣстно, они бѣглые сюда зашли. Весной вотъ у нихъ хорошо!—прибавилъ онъ.— Знаете, я разъ въ такую пору въ этой Берели былъ. Ночь не спалось, пошелъ я гулять. Рѣка шумитъ у нихъ бѣлой пѣной; горы, знаете, синія, высокія; а кругомъ ихъ огни бѣгутъ, какъ иллюминація, просто прелесть! Это они, чтобы травы выжигать, огни пустили. По берегу зелень, а въ зелени соловьи поютъ; я цѣлую ночь слушалъ. Тишина, знаете, а потомъ вдругъ гдѣ-то въ ущельѣ въ дудку загудятъ... Это они мараловъ приманиваютъ.

Digitized by Google

Дудка, какъ извѣстно, служитъ для приманки охотниками горныхъ оленей, они подражаютъ звукамъ самки, и труба ихъ издаетъ мелодичные звуки волторны, которая отдается въ горахъ. Эта весенняя идиллія привела въ умиленіе даже самого исправника.

Впослѣдствіи, когда въ Швейцаріи, въ долинѣ Грюнденвальда, я услышалъ альпійскій рогъ швейцарскихъ пастуховъ, я вспомнилъ нашу алтайскую пустыню съ ея звѣроловной мелодичной волторной. Цѣлая картина незнакомой жизни, полной своей дикой поэзіи и оригинальнаго склада, нарисовалась мнѣ послѣ разсказа исправника. Я представилъ себѣ, какъ этихъ бѣглецовъ въ первый разъ окружила пустыня, какъ она на нихъ повѣяла. За годъ передъ этимъ, я посѣтилъ алтайское раскольничье населеніе въ Талицкихъ бѣлкахъ, въ деревнѣ Топольной. Я былъ окруженъ радушной семьей старика Телѣгина съ богатырями—дѣтьми. Съ однимъ изъ его сыновей мы выѣхали въ горы верхами. Страшные утесы насъ окружали, наши кони взбирались въ каменистое ущелье. Впереди поднимался Телѣгинъ, я видѣлъ сзади его могучую широкоплечую фигуру съ винтовкой за спиной и широкую шляпу. Невольно прислушивался я къ рокоту ручьевъ, къ обаянію пустыни, которая вѣяла на меня вмѣстѣ съ холодомъ и сыростью ущелій. Я былъ подавленъ ею, и вдругъ я услышалъ немного заунывный, но сильный голосъ:

«Ужъ вы, горы, гороньки Алтайскія,
Пріютите вы насъ, добрыхъ молодцовъ, добрыхъ молодцовъ рав бойничковъ:
Мы пришли къ вамъ, гороньки, не вѣкъ вѣковать,—
Не вѣкъ вѣковать, одну ночку ночевать»....

Это пѣлъ проводникъ Телѣгинъ, почувствовавъ также внезапно дикую знакомую поэзію. Такъ вотъ гдѣ таится исторія нашей колонизаціи. «Хотѣли заночевать одну ночку, а заночевали совсѣмъ»,—подумалъ тогда я. Вотъ за что полюбили васъ, «гороньки».

— А знаете, отчего это такой здоровенный народъ и характера буйнаго? Съ нихъ рекрутъ не берутъ!—внезапно перебилъ мои мысли исправникъ.

Digitized by Google

— Развѣ?!—спросилъ я изумленно.

— Какъ же-съ. Вѣдь они инородцами считаются, а вы видите, какіе они инородцы, бакланы съ бородищами! «Инородческая управа»!—какъ же-съ!—ухмыльнулся онъ.—Ну, да ихъ подтянутъ, под-тянутъ... промолвилъ онъ съ удовольствіемъ.

Населеніе, дѣйствительно, было крѣпкое, мускулистое и исполненное отваги, которая закалилась во время жизни въ горахъ. Исторія этого населенія была оригинальна. Въ точности не сохранилось всѣхъ подробностей этихъ самовольныхъ поселеній, но кое-что извѣстно.

Бухтарминскіе раскольники, или каменьщики, были открыты при Екатеринѣ около границъ Китая, куда еще тогда не проникали власти. Они жили совершенно независимо и образовались ранѣе половины прошлаго столѣтія изъ бѣглецовъ и раскольниковъ, искавшихъ убѣжища въ горахъ и лѣсахъ. Созданіе такихъ поселеній было въ связи со всей исторіей русскаго населенія на Востокѣ. До XVIII вѣка Сибирь была бродячею. Въ XVIII вѣкѣ, однако, произошли перемѣны, началось заведеніе трактовъ, приписка крестьянъ къ заводамъ, усилилась ссылка. Въ средней Сибири населеніе начало подлежать ревизіи и записямъ въ окладъ, бродяжество начало ограничиваться, для искорененія его посылались повсюду драгунскія команды. Около степей отъ Омска къ Устькаменогорску и затѣмъ отъ Бійска къ Кузнецку была образована казачья линія и наставлены пикеты, за которые переходъ русскихъ крестьянъ былъ запрещенъ. Гулящимъ людямъ и разнымъ удальцамъ, промышленникамъ, не было болѣе простора, а между тѣмъ населеніе все еще стремилось въ лѣса, въ горы, гдѣ и промыселъ былъ свободнѣе, и жизнь безъ стѣсненій. На югѣ Сибири за запретную линію уходили промышленники, и на алтайскихъ рѣкахъ иногда команды находили укрѣпленные блокгаузы съ разбойниками и скватерами.

Преслѣдуемые бродячіе элементы, уходя изъ мѣстъ жилыхъ, бросились въ это время въ страшныя трущобы. Обыкновенно это была часть заводскаго бѣглаго населенія. Отъ Устькаменогорска и изъ Алтайскаго округа они пробрались черезъ хребты на югъ и открыли Бухтарму, выбравъ въ вершинѣ ея непри-

Digitized by Google

ступныя мѣста. Здѣсь они поставили избушки и образовали подобіе деревень. Такихъ поселковъ у каменьщиковъ насчитывалось до 30. Удалившись въ камень, они создали свою общину. Существованіе ихъ было облечено тайной, населеніе было сбродное. Вотъ что мы читаемъ объ ихъ исторіи въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1858 года (№№ 23-й и 24-й):

«Каменьщики (отъ слова камень, ибо страна гориста и камениста) живутъ въ самыхъ гористыхъ мѣстахъ южной Сибири, Томской губерніи, Бійскаго округа. Сначала они платили подать въ казну, по примѣру ясачныхъ народовъ, звѣрями, а потому и были названы ясачными; но потомъ, по нѣкоторымъ уваженіямъ, подать перемѣнилась въ десятинную, каковую они платятъ и понынѣ.

«Пока населеніе было невелико, ясакъ собирался легко, ибо было много звѣря и были довольно успѣшно добываемы соболя высокаго качества. Число ясачныхъ, по первой переписи, бывшей при обложеніи ихъ податью, простиралось до 300 душъ; но съ увеличеніемъ населенія промыселъ звѣриный палъ, и теперь (1858 г.) считается маловажнымъ—звѣрь удалился въ ненаселенные китайскіе предѣлы.

«Сперва, около 90 лѣтъ назадъ (отъ 1858 г.), поселились здѣсь 4 человѣка по р. Ульбѣ, по набожной склонности; но вскорѣ одинъ попался, а остальные ушли въ дикія ущелья бухтарминскія. Отсюда они стали ходить въ селенія, особенно въ тѣ, гдѣ жители были склонны къ старообрядчеству. Здѣсь къ нимъ за набожность относились съ уваженіемъ, снабжали пищей и пр. Многіе изъ жителей были склонены ими и переселились съ женами и дѣтьми къ нимъ въ невѣдомую дикую страну. Въ непродолжительномъ времени, тамъ въ неприступныхъ, окруженныхъ высокими горами мѣстностяхъ, собралось порядочное число новыхъ жителей, преимущественно крестьянъ; были построены хижины по берегамъ рѣкъ Бухтармы, Бѣлой, Язовой и др.; колонисты занялись скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ. Они жили мирно, соблюдая строго старообрядческія правила, и жили въ достаткѣ. Правительство хотя и принимало мѣры противъ этихъ бѣглецовъ, но неприступность страны хорошо ограждала послѣднихъ. Распространившіеся слухи объ

Digitized by Google

нихъ привлекали къ нимъ пришельцевъ: это были, большею частью, бѣглые солдаты, заводскіе служители, наказанные и ненаказанные преступники и т. п. люди. Вслѣдствіе наплыва подобнаго элемента начались преступленія. Также явился недостатокъ въ женщинахъ — начались похищенія женъ и дочерей. Вслѣдствіе всего этого мѣстное начальство стало обращать особенное вниманіе на нихъ. Были отправляемы воинскія команды, но ущелья хорошо защищали бѣглецовъ. Китайцы также ничего не могли сдѣлать каменьщикамъ, нападавшимъ на киргизовъ, подданныхъ Китая. Каменьщики сами начали принимать мѣры противъ преступниковъ: такъ, для наказанія, двоихъ посадили на плоты, давши по хлѣбу и по шесту, и пустили по быстрой Бухтармѣ (одинъ погибъ, а другой спасся). Преступленія, однако, не прекращались. Особенно этими подвигами прославились нѣкіе Быковъ и Загуменный. Многіе хотѣли было уже удалиться въ прежнія мѣста, но боялись наказанія. Наконецъ, было рѣшено отдаться подъ покровительство китайцевъ. Вслѣдствіе всего этого собралось нѣсколько семействъ, числомъ 60 человѣкъ, которые и отправились къ пограничному китайскому форпосту Чингистаю, отстоящему въ 35 верстахъ отъ нынѣшней деревни Фыкалки. Ихъ встрѣтили довольно дружелюбно, но въ подданство ханъ принять ихъ отказался, и они были отправлены обратно, снабженные лошадьми для верховой ѣзды, баранами и сорочинскимъ пшеномъ. Каменьщики и сами обрадовались такому рѣшенію, ибо видѣли ужасныя китайскія казни.

«Внутреннія безпокойства и боязнь быть пойманными и наказанными и притомъ достигшіе до нихъ слухи о безпредѣльномъ милосердіи Екатерины II вызвали намѣреніе подчиниться русскому правительству. Вслѣдствіе этого былъ отправленъ въ Бухтарминскій рудникъ нѣкій Быковъ, бѣглый драгунъ (не разбойникъ Быковъ, раньше упоминаемый); управляющій рудникомъ принялъ его хорошо; затѣмъ пріѣхали и нѣкоторые другіе каменьщики для подтвержденія общаго ихъ желанія.

«Екатерина II-я высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ сибирскому генералъ-губернатору Пилю 15-го сентября 1791 года, присоединила ихъ къ числу вѣрноподданныхъ, подъ именемъ

Digitized by Google

ясачныхъ. Указъ былъ объявленъ 28-го іюня 1792 года 4-мъ повѣреннымъ, присланнымъ каменьщиками: Данилѣ Кривошеину, Михаилу Булычеву, Алексѣю Шестакову и Василію Зайцеву. По переписи оказалось: мужчинъ 250, женщинъ 68, итого 318, но еще многіе не переписаны (были на промыслахъ и другихъ отлучкахъ). Въ это время у нихъ было до 30 поселеній по рр. Бобровкѣ, Проѣздной, Язовой, Тихой, Середчихѣ, Осочихѣ, Берелу, Тургусуну и Катуни; населеніе составляли крестьяне, солдаты, драгуны и мастеровые заводскаго вѣдомства, нѣсколько дворовыхъ людей, выходцевъ изъ раскольничьихъ пустынь и скитовъ россійскихъ губерній. Было только 4 ссыльно-каторжныхъ изъ заводскихъ же мастеровыхъ».

Въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Томской губерніи» разсказывается слѣдующее объ открытіи этихъ общинъ. Въ 1761 году прапорщикъ Зеленый, идя съ пріисковой партіей по Бухтармѣ, захватываетъ по р. Тургусунѣ (притокъ Бухтармы) въ избушкѣ двухъ мужчинъ, но они успѣли скрыться. Бухтарма въ это время привлекла вниманіе горнаго начальства и ее начали часто посѣщать партіи. Бухтарминскіе каменьщики увидѣли, что они скоро будутъ открыты и наказаны за побѣги. Они рѣшили выйдти и объявиться, но сдѣлали это только послѣ переговоровъ. Они выслали предварительно 11 депутатовъ къ штейгеру Пріѣзжеву. Это было въ 1790 году, то есть спустя 30 лѣтъ послѣ того, какъ были захвачены ихъ люди Зеленымъ. Депутаты обѣщали только тогда открыть свое убѣжище и покориться, когда имъ будетъ объявлено помилованіе и будутъ оказаны льготы. Словомъ, они предложили подданство, какъ люди, уже жившіе на положеніи инородцевъ. Вотъ въ чемъ была причина, почему, съ пріемомъ ихъ вновь въ подданство, имъ были даны права инородцевъ, съ правомъ платить ясакъ, такъ какъ они занимались преимущественно звѣроловствомъ.»

Населеніе Бухтарминской инородческой волости, по 10-й ревизіи, состояло изъ 750 душъ женскаго пола и 668 мужскаго; годныхъ работниковъ считается 3 04. Волость состоитъ изъ 8 деревень, изъ которыхъ 4 лежатъ по Бухтармѣ. Почва въ Бухтарминскомъ краѣ отличается плодородіемъ —

Digitized by Google

почти повсемѣстно черноземная; у подошвы горъ пластъ чернозема до 6 вершковъ, по скатамъ меньше, ближе къ вершинамъ грунтъ каменистый и, наконецъ, на вершинахъ—камень. Каменьщики оставили скалы и поселились въ мѣстахъ удобныхъ для хлѣбопашества, скотоводства и другихъ промысловъ, гдѣ живутъ и понынѣ.

Селенія ихъ по берегамъ Бухтармы были слѣдующія: Осочиха, Быкова, Сѣнная, Карабишенская и Верхбухтарминская, а въ прочихъ мѣстахъ главнѣйшія: Мало-Нарымская, Язовая, Бѣлая и Фыкальская. Въ каждомъ почти селеніи находился молитвенный домъ, но ни въ одномъ изъ нихъ церкви нѣтъ, ибо всѣ вообще жители были преданы старообрядчеству. Нѣкоторые, избранные изъ своихъ же собратій, старики исполняли всѣ требы и священнослуженіе. Только для вѣнчанія свадебъ ѣздили они въ Бухтарминскую крѣпость. Но впослѣдствіи многое измѣнилось.

Они отличаются смѣлостью и проворствомъ и прекрасно ѣздятъ верхомъ, даже женщины; телѣги до 1858 года у нихъ почти не употреблялись. Главныя занятія каменьщиковъ: хлѣбопашество и скотоводство, пчеловодство также довольно распространено. Кромѣ того, они ведутъ мѣновую торговлю съ киргизами и китайскими подданными, давая юфтевыя кожи, желѣзныя звѣровыя ловушки (капканы), топоры, ножи и другія желѣзныя вещи, а также соль, муку и особенно зерновой ячмень. Хлѣбопашество сначала велось плохо, но потомъ въ 50-хъ годахъ оно улучшилось, и каменьщики взялись даже ежегодно поставлять въ заводскій (Зыряновскій) магазинъ по 4,000 пудовъ ржаной муки.

Каменьщики, говорятъ, превосходные стрѣлки, они стрѣляли изъ своихъ винтовокъ такъ мѣтко, что разрѣзывали на ножѣ пулю.

Изъ дальнѣйшей исторіи ихъ извѣстно, что они долго держались на сторонѣ и не ладили съ мѣстнымъ начальствомъ, такъ что земская полиція боялась заѣзжать къ нимъ. Они считались отчаянными и отстаивали свою свободу. Дѣйствительно, по разсказамъ путешественниковъ, каменьщики до послѣдняго времени сохранили независимый и отважный харак-

Digitized by Google

теръ (свидѣтельство Принтца). Щаповъ приписываетъ это горной жизни и той смѣлости, которую развиваетъ она. Конечно, жизнь въ альпахъ развиваетъ отвагу и вліяетъ на складъ характера, какъ и на самый организмъ. Здѣсь сформировалась могучая, богатырская раса. Охотничій промыселъ, погоня за мараломъ и сохатымъ, бои съ медвѣдями воспитали ту же отвагу. Населеніе это крупное, рослое, атлетическаго сложенія, они ходятъ часто въ одиночку на медвѣдя *). На Бухтармѣ извѣстенъ одинъ охотникъ, напоминающій богатыря. Казачій офицеръ, самъ весьма здоровый и коренастый мужчина, передавалъ мнѣ свое впечатлѣніе, когда онъ здоровался съ этимъ колоссомъ: рука его была рукою ребенка въ рукѣ этого бухтарминца. Охотничій костюмъ, винтовка и ножъ на поясѣ придаютъ воинственный видъ этому населенію. Они носятъ оригинальные костюмы и особые плащи. Въ общемъ раскольники очень добродушны, но недовѣрчивы къ постороннимъ.

Бухтарминцы долго не могли утерять свой авантюристскій характеръ. Когда засѣдатели и начальство стали чаще посѣщать ихъ, а привычка жить уединенно и скрытно брала свое, ихъ временами начинало охватывать желаніе удалиться еще дальше. Начали носиться мнѣы о новыхъ странахъ, гдѣ живется привольно, гдѣ нѣтъ гоненій за вѣру и гдѣ не платятъ податей.

Весною въ 1861 году нѣсколько семей сговорились искать, такъ называемаго, Бѣловодья. Бухтарминцы вышли подъ предводительствомъ крестьянина Боброва. Подъ именемъ Бѣловодья предполагалось поселеніе на озерѣ Лобъ-Норъ **). Странники изъ 32 мужчинъ и 23 женщинъ бѣжали и долго бродили за границей, въ Китаѣ, но принуждены были возвратиться и вновь поселены въ деревнѣ Сѣнной. Событіе это разсказывается такъ.

Въ 1861 году бѣжало за границу въ китайскіе предѣлы 32

---

*) Типы такихъ же охотниковъ силачей и богатырское населеніе рисуетъ г. Черкасовъ въ замѣчательныхъ разсказахъ своихъ изъ охотничьей жизни (См. «Записки сибирскаго охотника», «Русскій Вѣстникъ», кн. 1, 1886 г., стр. 260—288).

**) О раскольничьихъ поселеніяхъ на Лобъ-Норѣ упоминаетъ Н. М. Пржевальскій въ своемъ путешествіи къ этому озеру.

Digitized by Google

мужчины и 23 женщины. Оказалось, что нѣкіе Семенъ и Хрисанѳъ Бобровы, три года находившіеся въ бѣгахъ, распространили давнишнее преданіе о Бѣловодьѣ, гдѣ будто бы они сами живутъ въ числѣ 10 человѣкъ обоего пола, гдѣ привольная, полная свободы жизнь. Оба Бобровы раскольники увлекли этихъ лицъ, и тѣ рѣшились идти на Бѣловодье. Они перешли границу черезъ р. Нарымъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ было удобнѣе, и должны были собраться въ верховьяхъ Чернаго Иртыша. Но тутъ, увидя, что Бѣловодья нѣтъ, путники набросились на Бобровыхъ и едва не убили Хрисанѳа. Предпріятіе разстроилось. Бѣглецы около 2-хъ лѣтъ бродили въ китайскихъ предѣлахъ, терпя разныя невзгоды и лишенія, стѣсняемые китайскими властями, и потомъ почти всѣ, кромѣ пропавшихъ безъ вѣсти Бобровыхъ, вернулись въ свои мѣста.

Для предупрежденія подобныхъ побѣговъ вскорѣ въ Бухтарминскомъ краѣ былъ назначенъ особый чиновникъ въ селѣ Сѣнномъ. Слухи о Бѣловодьѣ, однако, волновали долго бухтарминцевъ. За каменьщиками съ этого времени зорко слѣдилъ отдѣльный засѣдатель.

Всѣ каменьщики принадлежатъ къ безпоповщинской сектѣ, первая церковь у нихъ освящена въ 1862 году, но они ея не посѣщаютъ. Принцъ разсказываетъ слѣдующее о ихъ вѣроисповѣданіи. По религіознымъ понятіямъ, инородцы Бухтарминскаго края—закоренѣлые раскольники безпоповщинской секты. До послѣднихъ лѣтъ во всемъ краѣ не было церкви, и только въ 1859 году назначенъ священникъ и стали строить церковь. Въ 1862 году церковь эта освящена, но инородцы посѣщаютъ ее чрезвычайно рѣдко. Такъ мѣстный священникъ говорилъ, что у заутрени въ Свѣтлое Христовое Воскресеніе, вмѣстѣ съ причтомъ и семействомъ тамошняго засѣдателя, было не болѣе 20 человѣкъ, и обыкновенно по праздникамъ случается, что только одинъ причтъ въ церкви. Только въ свадьбу они прибѣгаютъ къ церкви и даютъ расписку не возвращаться больше въ расколъ, но обѣщанія, конечно, не исполняютъ, какъ вынужденнаго для совершенія «законнаго брака». Дѣтей крестить священнику не даютъ, говоря, что бабка уже окрестила тотчасъ по рожденіи.

Digitized by Google

Разсказываютъ, что у нихъ также существуетъ свобода любви, и короткія связи называются просто «птичьимъ грѣхомъ». Дѣвицѣ не ставится въ грѣхъ, если она до замужества жила съ кѣмъ нибудь; по выходѣ же замужъ она обязывается быть вѣрной своему мужу.

Можно подумать, по первому впечатлѣнію, что раскольники здѣшніе угрюмы и не отличаются весельемъ, но намъ передавалъ очевидецъ, что они отдаются веселью, у нихъ въ ходу пѣсни, но нѣтъ необузданнаго пьянства.

Когда окончилась уборка хлѣба и осенью добытъ медъ, они начинаютъ варить «меды» и начинаютъ пировать. Цѣлое селеніе ходитъ группами, обнявшись, молодые парни и дѣвицы отдѣльно, пожилые женатые отдѣльно, старики и старухи въ своей группѣ; каждая группа поетъ свои пѣсни, и деревня представляетъ полную идиллію.

Костюмы раскольниковъ очень ярки, женщины въ яркихъ сарафанахъ, на головахъ платки въ видѣ чалмы, у мужчинъ есть шапки съ краснымъ верхомъ, парни любятъ вышитыя рубашки, бисерныя цѣпи на воротѣ, иные обшиваютъ сапоги для щегольства бахрамой. У женщинъ старинныя лисьи шубки съ двумя лентами, идущими отъ воротника.

Зажиточность ясачныхъ была замѣчательная; они успѣшно занимаются хлѣбопашествомъ, зажиточные крестьяне распахиваютъ до 15 десятинъ. Сѣютъ ячмень, овесъ, рожь, чечевицу, яровую пшеницу и бѣлотурку. Держатъ порядочное количество коровъ и лошадей (по 20 и 30 штукъ у хозяина). Во всѣхъ деревняхъ развито пчеловодство, есть хозяева, имѣющіе до 1,000 колодокъ. Бухтарминцы славятся пчеловодствомъ и сплавляютъ медъ по Иртышу до Омска около 8,000 пудовъ и воска до 500 пудовъ. Звѣроловство до сихъ поръ у каменьщиковъ играетъ видную роль, они добываютъ соболей, лисицъ, дикихъ мараловъ и козловъ. Соболиный промыселъ производится въ вершинахъ Бухтармы и Катуни. Соболи алтайскіе оцѣниваются отъ 4 до 20 рублей. Что касается охоты на марала, то здѣсь, кромѣ шкуры, играютъ роль рога, продающіеся въ Китай на лекарство, стоимостью до 80 руб. пара, а въ Китаѣ 150 руб. Подкараулить и подстрѣлить марала нужно большое искусство.

Digitized by Google

Нынѣ на Бухтармѣ разводятся домашніе маралы. Мараловъ ловятъ на охотѣ и садятъ въ особые сады, гдѣ они гуляютъ и плодятся; каждую весну у нихъ спиливаютъ рога. Эта новая вѣтвь скотоводства создана въ Алтаѣ русскимъ крестьянствомъ. Во всякомъ случаѣ, колонію каменьщиковъ можно назвать цвѣтущей. Къ характеристикѣ каменьщиковъ мы должны прибавить, что каменьщики, или ясачные, нынѣ отсадили населеніе и въ другія деревни.

Къ числу такихъ же поселеній относилась и Уймонская община на сѣверѣ Катунскаго хребта. Эту роскошную долину у подножія Катунскихъ альпъ мы также посѣтили. Уйманцы поселились также какъ и каменьщики. Изъ разсказовъ и мѣстныхъ показаній мы узнали, что русскіе раскольники жили и на устьѣ Аргута, бурной горной рѣки, впадающей въ Катунь. Съ тѣхъ поръ эта рѣка получила названіе Тополевки. На устьѣ ея дѣйствительно роскошные тополи. Съ этой Тополевки послѣ перешли старообрядцы на Уймонъ. Намъ передавали на Уймонѣ, что на Тополевку зашли старообрядцы съ вершинъ Енисея. Въ вершинѣ Енисея также гнѣздилось старообрядчество и, вѣроятно, поддерживало сношенія съ Алтаемъ. Мы сами видѣли бывалаго человѣка въ Уймонѣ, жившаго и на Енисеѣ. Верхнеуйманцы также были, какъ каменьщики, обращены въ инородную управу. Но и они совершали попытки побѣговъ и исканія Бѣловодья. Въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія нѣсколько изъ нихъ бѣжали, но были настигнуты и возвращены. Инстинктъ исканія новыхъ мѣстъ не оставлялъ долго раскольниковъ. Верхнеуйманская управа раскинута также въ привольной и роскошной мѣстности; изъ долины видны снѣжные куполы вѣчно серебрящейся Бѣлухи (сибирскаго Монъ-Блана). Уймонская управа считала по 10-й ревизіи 559 душъ. Что касается Бухтарминской управы, то изъ 300 душъ по 10-й ревизіи въ ней расплодилось 750 душъ женскаго пола и 668 мужескаго. Непропорціональность половъ, въ прежнее время еще болѣе рѣзкая, вѣроятно, повліяла на свободныя отношенія между ними, въ виду недостатка женщинъ, а затѣмъ создала и въ религіозныхъ понятіяхъ раскольниковъ терпимость къ свободѣ любви.

Digitized by Google

Насъ всегда поражало какъ въ этихъ управахъ, такъ и въ другой совершенно русской управѣ, въ Кумышской, Барнаульскаго округа, быстрое увеличеніе населенія. Въ Кумышской управѣ изъ 10 семей увеличилось населеніе въ столѣтіе до 1,260 душъ. Мы объясняли это многимъ, и въ томъ числѣ тѣмъ, что населеніе это не давало рекрутъ. Народъ въ этихъ обществахъ отличался рослостью, здоровостью и замѣчательной силой. Въ Алтаѣ мы видѣли дѣвицу аршинъ въ плечахъ, поднимавшую 12 пудовъ. Мужчины силачи также не рѣдкость.

Позднѣйшимъ эпизодомъ въ исторіи каменьщиковъ является то, что льготы ихъ и особое положеніе нынѣ окончены. Въ 1878 году положено зачислить ихъ въ общій крестьянскій окладъ и образовать волость. Это очень огорчило ихъ. Они положили ходатайствовать о возвращеніи льготъ и рѣшили послать депутацію въ Петербургъ. Въ 1882 году ихъ депутаты были, говорятъ, въ Петербургѣ, но мы ихъ не видѣли. Старообрядцы все еще надѣялись на Екатерининскую грамоту.

Затѣмъ мы получили извѣстіе о томъ, что въ управѣ былъ наборъ. Мы вспомнили выраженіе исправника и его предсказаніе. Такъ какъ бухтарминцы были вполнѣ русское населеніе и ничѣмъ не отличались отъ другихъ волостей, то это было вполнѣ естественно. Но не можемъ не отмѣтить одного оригинальнаго разговора по этому поводу, который мы вели съ сосѣднимъ крестьяниномъ одной подобной управы. Мы начали этотъ разговоръ случайно.

— Вѣдь въ сосѣдней управѣ «инородцы» живутъ?—спросили мы.

— Какіе, батюшка, инородцы!—они такіе же, какъ мы, крестьяне.

— Скажи, однако, вы не завидуете имъ? Вѣдь съ нихъ рекрутъ не берутъ, это несправедливо?

Мы поставили такъ вопросъ нарочно, желая узнать, на сколько сами крестьяне желали привлеченія своихъ сосѣдей къ общей повинности. «Привлекутъ ихъ, съ васъ брать меньше будутъ»,—привели мы въ видѣ довода. Такой взглядъ намъ казался юридически справедливымъ, безпристрастнымъ и либеральнымъ, и вотъ что мы услыхали.

Digitized by Google

— Какъ тебѣ сказать, батюшка,—говорилъ крестьянинъ серьезно, съ своимъ задумчивымъ, грустнымъ взоромъ:—они этой льготой давно пользуются. Матушка Екатерина ихъ освободила. Если ихъ брать въ солдаты будутъ, развѣ намъ легче будетъ, все равно! Такъ ужъ пусть они лучше этой «болѣсти» не знаютъ, пусть они слезъ не льютъ какъ мы, пусть они матушку Екатерину благословляютъ.

Такого взгляда мы не ожидали, здѣсь не было и тѣни зависти, но была какая-то замѣчательная гуманность, до которой мы никогда не достигнемъ.

Мы оставили Бухтарму и ея населеніе, сохранивъ отъ нея самое пріятное впечатлѣніе. Мы думали—какъ бы то ни было, но если русское населеніе протянулось на границѣ Китая и выставило рядъ деревень, если русская колонизація проникла въ самые неприступные хребты, то этимъ мы обязаны смѣлымъ каменьщикамъ.

Н. Ядринцевъ.

Digitized by Google

СУЗГЕ.

(Сибирское преданіе изъ временъ завоеванія Сибири).

Поэма П. Ершова, автора „Конька-Горбунка".

Царь Кучумъ.

Царь Кучумъ одинъ владѣетъ
Всей Сибирскою землею;
Обь, Иртышъ, Тоболъ съ Вагаемъ
Одному ему подвластны;
Онъ беретъ со многихъ дани,
Самъ не платитъ никому.
Царь Кучумъ, сидя въ Искерѣ,
Съ утра ранняго до ночи,
Пишетъ царскіе приказы,
Разсылаетъ повелѣнья,
Отъ Урала до Алтая,
По Сибирской всей землѣ.
Много силы у Кучума,
Много всякаго богатства:
Драгоцѣнные каменья,
Изъ монистовъ ожерелья,
Черный соболь и лисицы,
Золото и серебро.
Царь Кучумъ живетъ въ палатахъ,
Ѣстъ съ серебрянаго блюда,
Изъ ковша пьетъ золотаго,
Спитъ подъ шолковымъ навѣсомъ,
На пуховыхъ на постеляхъ,
Ходитъ мягко по коврамъ.
У того царя Кучума
Двѣ подруги молодыя,

Digitized by Google

Двѣ пригожія царицы,
Полногруды, бѣлолицы;
У одной глаза какъ небо,
У другой глаза какъ ночь.
Царь Кучумъ обѣихъ любитъ,
Царь Кучумъ обѣихъ нѣжитъ,
Съ алой розы умываетъ,
Въ шолкъ, въ монисты наряжаетъ,
И дородство, и пригожство
Пуще глаза бережетъ.

Три просьбы.

Разъ, о полдень, царь Сибири
Отъ трудовъ своихъ отъ царскихъ
Отдыхалъ на мягкомъ ложѣ.
Вдругъ къ нему, къ царю, подходитъ,
Легкой ножкой чуть ступая,
Черноглазая Сузге.
—„Мой супругъ и повелитель,
„Царь Кучумъ! твоя рабыня
„Хочетъ нынѣ женской просьбой
„Утрудить твое вниманье“,—
Такъ къ нему, царю, вѣщаетъ
Черноглазая Сузге.
Царь Сибири, усмѣхаясь,
Взялъ пригожую царицу,
Посадилъ къ себѣ на ложе
И, обнявъ рукою правой:
—„Разскажи, моя царица“,—
Молвилъ ласково ей онъ.
—„Мой супругъ и повелитель“!—
Говоритъ Сузге Кучуму:—
„Велико твое владѣнье,
„Хороши твои усадьбы,
„Но одно твое селенье
„Лучше кажется мнѣ всѣхъ:
„Тамъ есть холмъ одинъ высокій,
„Съ двухъ сторонъ стѣною горы,

Digitized by Google

„Съ двухъ сторонъ ковромъ равнина,
„У холма же, словно лента,
„Ручеекъ бѣжитъ въ равнину,
„А вдали шумитъ Иртышъ.
„Прикажи мнѣ, мой властитель,
„Тамъ построить теремъ царскій
„И позволь твоей рабынѣ
„Въ этомъ теремѣ веселомъ
„Встрѣтить вешнюю зарницу,
„Красно лѣто проводить".
—„Будетъ!"—молвилъ царь Сибири.
—„Да еще одно прошенье:
„Прикажи срубить мнѣ судно,
„Снарядить его прибором,
„Тонкимъ парусомъ съ подзором,
„Чтобъ вечернею порою
„Мнѣ гулять по Иртышу".
—„Будетъ!"—молвилъ царь Сибири.
—„Да еще одно прошенье:
„Пріѣзжай два разъ въ недѣлю
„Навѣстить твою рабыню,
„Слово ласково промолвить,
„Ложе ночью раздѣлить".
—„Будетъ!"—молвилъ царь Сибири:—
„Въ три недѣли приготовятъ
„На холму веселый теремъ,
„На рѣкѣ—съ прибором судно,
„И два разъ въ недѣлю буду
„Я въ твой теремъ пріѣзжать".

Сузгунъ.

Время срочное минуло,
На холмѣ Сузгѣ высокомъ
Красовался царскій теремъ
Съ переходами рѣзными,
Со ставнями расписными,
Съ узорочною оградой

Digitized by Google

И съ перильчатымъ крыльцомъ.
Пихты, лиственницы, ели
Осѣняютъ царскій теремъ;
Надъ ручьемъ бѣлѣетъ пологъ;
Отъ крыльца къ ручью, по скату,
Вьется легкая дорожка
И теряется въ цвѣтахъ.
По равнинѣ по широкой,
Отъ рѣки до горъ далекихъ,
Ходятъ воины Кучума,
Стерегутъ тотъ теремъ царскій,
Гладятъ бороду сѣдую,
Саблей звонкою стучатъ.
По рѣкѣ гуляетъ судно,
Двадцать вёселъ плещутъ воду,
Бѣлый парусъ наготовѣ
Развернуться полной грудью,
Заплескать въ волнахъ кипучихъ,
Судно легкое нести.
За весной приходитъ лѣто,
Убираетъ всю природу
Въ разноцвѣтную одежду:
Талъ и липу рядитъ въ зелень,
Кустъ шиповника румянитъ,
Разноцвѣтными коврами
Вяжетъ по полю цвѣты.
Вся земля пируетъ лѣто;
Но на всей землѣ Сибирской
Нѣтъ прекраснѣе Сузгуна,
Гдѣ живетъ луна-царица,
Черноглазая Сузгé.

Зной полудня утихаетъ;
Съ горъ, увѣнчанныхъ лѣсами,
Вѣтерокъ летитъ прохладный.
Вотъ изъ терема выходятъ
По рѣшетчатымъ воротамъ
Шесть татарокъ молодыхъ,

Digitized by Google

И стаютъ онѣ попарно
Въ обѣ стороны по скату,
Ждутъ царицу молодую,
Чтобъ вести ее подъ пологъ,
Въ сокровенную купальню
Тихоструйнаго ручья.
Вотъ является царица...
Легкой серною мелькаетъ
По извучистой дорожкѣ;
И спѣшатъ за ней рабыни
Снять ревнивые покровы
Съ ихъ царицы молодой.
Бѣлый пологъ застегнули...
Слышны рѣчи, слышенъ хохотъ,
Звонкій плескъ прозрачной влаги,
И на пологѣ широкомъ,
Въ легкихъ очеркахъ видѣній
Тѣни зыблются порой.
Вечеръ. Кончилось купанье.
Снова пологъ разстегнулся,
И царица молодая,
Съ разгорѣвшими щеками,
Вновь мелькнула по дорожкѣ
Легкой серною на холмъ
И подъ пихтою душистой
Опустилася, слабѣя,
На узорчатыя ткани.
И несетъ одна дѣвица
Прохладительный напитокъ
Ей въ сосудѣ золотомъ.
Вкругъ Сузе́ ея рабыни
Черну косу выжимаютъ,
Чешутъ гребнемъ, раздѣляютъ,
Въ плетеницы завиваютъ
И жемчужную повязку
Въ косу пышную плетутъ.
Пьетъ царица молодая
Прохладительный напитокъ;
Словно пламя пышутъ щеки,
Словно звѣзды блещутъ очи,

Digitized by Google

Словно волны дышутъ груди:
Такъ бѣла и такъ свѣжа!
На коврахъ лежа узорныхъ,
Приклонивъ къ рукѣ головку,
Въ упоительномъ раскидѣ,
То ли розою востока,
То ли гуріей пророка
Тутъ казалася Сузге.
А надъ нею полной чашей
Безпредѣльнаго сіянья
Небо лѣта развернулось;
А предъ нею—горы, долы,
Безконечная равнина,
Вѣчно плещущій Иртышъ!..
Въ легкій сонъ Сузге склонилась,
И любимая рабыня,
На колѣни ставъ предъ нею,
Обводила опахаломъ
И пылающія щеки,
И трепещущую грудь.

Разсказы.

Спитъ царица молодая
Подъ вечернею прохладой,
А у ногъ ея рабыни
За узорнымъ рукодѣльемъ
Чуть-чуть слышными рѣчами
Говорятъ между собой.
Чудны женскіе разсказы:
Будто полночью глубокой
На мысу одномъ высокомъ
По три раза приходила
Цвѣта бѣлаго собака
И какъ уголь черный волкъ;
Съ воемъ грызлись межъ собою,
И въ послѣдній разъ собака
Растерзала злаго волка;
Будто съ той же ночи всюду

Digitized by Google

Межъ сибирскими лѣсами
Чуднымъ образомъ и видомъ
Вдругъ береза зацвѣла;
Будто въ полдень на востокѣ
Облака являютъ городъ
Съ полумѣсяцемъ на башнѣ,
И подуетъ вѣтръ съ Урала,
И снесетъ тотъ полумѣсяцъ,
И навѣетъ чудный знакъ;
Будто въ полночь вдругъ заблещетъ
Надъ могилами Искера
Яркій свѣтъ звѣздой кровавой,
И послышится звукъ сабель,
И невѣдомый имъ говоръ,
И какой-то страшный трескъ.
Что-то будетъ съ ханскимъ царствомъ?
А не даромъ же татары
Собираются къ мечетямъ:
Сердце чуетъ про невзгоду,
Тишина—предвѣстникъ бури.
Гдѣ жъ зачнется та гроза?

Гонецъ.

Всходитъ утро надъ Сузгуиомъ.
Вдругъ къ Сузгѣ въ высокій теремъ
Старшина сѣдой приходитъ;
Тороплив̀о проситъ видѣть
Чрезъ рабынь свою царицу,
Молвить важныя ей вѣсти,
Слово нужное сказать.
И царица призываетъ
Старшину въ свою свѣтлицу,
И волнистою фатою,
Словно облакомъ летучимъ,
Осторожно закрываетъ
Полнолунное лицо.
Вскорѣ входитъ старый воинъ.

Digitized by Google

Скинувъ шапку мѣховую,
Онъ честитъ Сузгé поклономъ.
—„Вѣсти важныя, царица!
„Здѣсь гонецъ царя Кучума,
„Сохрани его Алла!
„Къ намъ отъ западной границы,
„Отъ крутыхъ верховъ Урала,
„Безъ призыву, безъ прошенья,
„Вдругъ пожаловали гости,
„И пируютъ нашей кровью
„По Сибирской всей землѣ.
„Царь Кучумъ гонцовъ отправилъ,
„Чтобъ со всѣхъ сторонъ Сибири
„Для защиты, для отпора,
„Собирались старъ и молодъ;
„Чтобы всѣ свои селенья
„Укрѣпляли въ тотъ же часъ.
„И къ тебѣ гонецъ, царица!
„Царь Кучумъ велитъ, не медля,
„Строить стѣны и бойницы,
„Дѣлать валы и ограды,
„Снаряжать себя довольствомъ,
„Рать осадную сбирать".
—„А далеко ль эти гости?"—
Старшину Сузгé спросила.
—„А когда бъ стрѣла летѣла
„Часъ одинъ съ одною силой,
„Такъ къ концу она упала бъ
„Въ ихъ невѣрные шатры".
И даетъ Сузгé-царица
Старшинѣ тому сѣдому
Тихо умные приказы,
И послушно старый воинъ
Ей клянется головою
Все исполнить, какъ велитъ.

Укрѣпленіе.

Спѣетъ дружная работа:
Съ утра ранняго до ночи

Digitized by Google

Сто работниковъ послушныхъ
Носятъ камни, возятъ бревна,
Роютъ рвы и сыплютъ валы,
Укрѣпляютъ царскій холмъ.
Вотъ проходятъ двѣ недѣли,
И Сузгé веселый теремъ
Смотритъ грозною твердыней:
Обнесенъ кругомъ стѣнами,
Обведенъ высокимъ валомъ,
Окруженъ глубокимъ рвомъ;
Двѣ бойницы подлѣ ската,
И одна изъ нихъ—на западъ,
Гдѣ Иртышъ шумитъ волнами,
А другая—на востокѣ,
Тамъ, гдѣ стелется равнина
Безконечной полосою.
И съ бойницъ тѣхъ непрестанно
Смотрятъ въ даль сторожевые
И, при каждомъ появленьѣ
Незнакомыхъ лицъ въ равнинѣ,
Вызываютъ громкимъ крикомъ
На бойницы весь отрядъ.
И гонецъ, два раза въ сутки,
Скачетъ шибко за вѣстями
Отъ Сузгуна до Искера;
Но, къ несчастью, съ каждымъ разомъ,
Все нерадостныя вѣсти
Онъ привозитъ отъ царя.

Махметъ-Кулъ.

Разъ, вечернею порою,
Въ тѣ часы, когда молитву
Правовѣрные свершали,
А Сузгé въ своей свѣтлицѣ
Думу думала,—нежданно
Быстро входитъ воинъ къ ней.
Грозенъ видъ его сердитый;
Лобъ наморщенъ; губы гнѣвомъ

Digitized by Google

Сведены; глаза сверкаютъ.
Ни поклона, ни привѣта
Онъ не дѣлаетъ царицѣ
И не смотритъ на нее.
—„Братъ!“—царица восклицаетъ,
И встаетъ поспѣшно съ мѣста,
И сжимаетъ брату руки:—
„Или новое несчастье
„Насъ постигло? Что жъ?.. Не медли!
„Все ли кончено? скажи!“
Молчаливъ и гнѣвенъ воинъ.
—„Что съ Кучумомъ? Что съ народомъ?..“—
Вновь царица начинаетъ:—
„Или Богъ совсѣмъ оставилъ
„Правовѣрныхъ? Иль пришельцы
„Посягнули на царя?..“
Вздохъ страданья, вздохъ тяжелый—
Былъ отвѣтъ Махметъ-Кула.
Вдругъ сорвалъ онъ свою саблю,
Бросилъ объ полъ съ сильнымъ гнѣвомъ
И, закрывъ лицо руками,
—„Все погибло!“—простоналъ:—
„Пришлецы теперь пируютъ
„Въ нашемъ городѣ Искерѣ;
„Наше войско—куча труповъ;
„Самъ Кучумъ бѣжалъ поспѣшно,
„Бросивъ всѣ свои богатства...
„Гибель царства рѣшена!...“
Долго длилося молчанье
Между братомъ и сестрой.
Вдругъ изъ ясныхъ глазъ царицы
Слезы градомъ покатились:
—„Мой супругъ! мой повелитель!“—
Громко вскрикнула она.

Совѣтъ.

Ходитъ скорыми шагами
Братъ царицы по палатамъ,

Digitized by Google

Гнѣвъ, печаль его терзаютъ;
А царица молодая
Неподвижно, молчаливо
На коврѣ своемъ сидитъ.
Вдругъ Махметъ остановился
Предъ сестрой и грустно молвилъ:
—„Мнѣ съ тобой сегодня жъ должно
„Разлучиться. Пусть погибну,
„Если рокъ велитъ мнѣ гибнуть,
„Если гибнетъ царство все.
„Да, сестра, сегодня жъ ночью
„Я прощусь съ тобой. Не бойся!
„Безъ меня тебя не тронутъ:
„Русскій ждетъ моей лишь смерти.
„Пусть! о жизни не жалѣю:
„Смерть моя спасетъ тебя.
„Погоди! Но если слѣдъ мой
„У тебя нашъ врагъ откроетъ,
„Все пропало! Я знакомъ имъ,
„Я встрѣчался съ ними въ битвахъ;
„Самъ Кучумъ не такъ имъ страшенъ,
„Какъ твой юный братъ Махметъ.“
—„Все ль? Теперь меня послушай!“—
Рѣчь царица начинаетъ:—
„Если Богъ велѣлъ погибнуть
„Всей Сибири,—пусть погибнетъ;
„Но пускай и врагъ нашъ, русскій,
„Гибель съ нами раздѣлитъ.
„Иль не стало больше средства?
„Иль на всей землѣ Сибирской
„Нѣтъ ужъ больше человѣка?
„Царь бѣжалъ—будь ты царь нынче,
„Вороти свое владѣнье,
„Завоюй себѣ Сибирь!
„Слушай: хитрость лучше силы,
„Распусти у русскихъ слухи,
„Что сидишь ты здѣсь, въ Сузгунѣ,
„И, когда нашъ врагъ обложитъ
„Это мѣсто,—ты, не медля,
„Собирай себѣ дружину.

Digitized by Google

„Будь спокоенъ! я сумѣю
„Продержать ихъ подъ стѣнами
„Столько времени, сколь нужно,
„Чтобъ тебѣ собраться съ силой.
„Тутъ нагрянь на нихъ отважно,
„И Алла помощникъ твой!“
Рѣчь окончила царица.
На лицѣ Махмета-Кула
Лучъ блеснулъ отрадной мысли.
Нѣжно обнялъ онъ царицу.
—„Да исполнится!“—сказалъ онъ,
И поспѣшно вышелъ вонъ.

Ермакъ.

Царь Кучумъ въ степяхъ горюетъ
По своемъ богатомъ царствѣ;
А въ большихъ его палатахъ
Казаки сидятъ за чарой,
Поминаютъ Русь святую
И московскаго царя.
Впереди сидитъ начальникъ
И большой ихъ воевода,
Первый въ боѣ и совѣтахъ,
Тотъ Ермакъ ли Тимоѳеичъ.
Рѣдко къ чарѣ онъ коснется,
И среди веселья крѣпко
Думу думаетъ свою.
Справа—грозный воевода,
Атаманъ, Кольцо отважный,
Буйну голову повѣсивъ;
Слѣва—веселъ и разгуленъ,
Съ полной чарою глубокой,
Атаманъ Гроза сидитъ.
На другомъ концѣ пируютъ
Три другіе атамана:
Мещерякъ, Михайловъ съ Паномъ.
За палатами жъ Кучума
На дворѣ большомъ гуляютъ

Digitized by Google

Удалые казаки.
Свѣтлый день идетъ на вечеръ,
А казацкій пиръ къ исходу...
Вдругъ большой ихъ воевода,
Тотъ Ермакъ ли Тимоѳеичъ,
Выпивъ чарку еднымъ духомъ,
Быстро всталъ изъ-за стола.
—„Нѣтъ, товарищи!“—сказалъ онъ:—
„Рано намъ еще на отдыхъ;
„Наше дѣло начатое
„Довершить сперва надлежитъ:
„Мы Искеръ одинъ лишь взяли,
„Остается взять Сибирь.
„Къ намъ дошли худыя вѣсти:
„Говорятъ, что царскій шуринъ
„Не бѣжалъ съ царемъ Кучумомъ,
„Что сидитъ теперь въ Сузгунѣ,
„Что тайкомъ сбираетъ войско,
„Чтобъ Искеръ у насъ отнять.
„Завтра—съ Богомъ, за работу!
„Ты, Гроза, пойдешь къ Сузгуну
„Со своею всей дружиной,
„И ужъ волей, иль неволей,
„А возьми Махмета-Кула;
„Только помни благость Бога,
„Не губи напрасно всѣхъ.
„Ты, Кольцо, сиди въ Искерѣ,
„Береги его для Руси;
„Самъ же я пойду съ другими
„На царя того, Сейдяка.
„Надо кончить поскорѣе:
„Вѣдь зима не за горами.
Рѣчь Ермакъ свою окончилъ,
Встали тихо атаманы.
—„Гой, Ермакъ нашъ Тимоѳеичъ!“—
Громко всѣ они вскричали:—
„Ты приказывать намъ можешь,
„Мы послушники твои!“

Digitized by Google

Походъ.

На другой день всѣ казаки
До зари еще вставали,
Сабли, ружья вычищали,
Собиралися на площадь,
И въ порядкѣ, чиномъ къ чину,
Становилися въ ряды.
Вотъ выходитъ воевода,
Тотъ Ермакъ ли Тимоѳеичъ,
Съ атаманами своими;
Низко кланяется войску,
И подходитъ онъ подъ знамя,
И даетъ къ молитвѣ знакъ.
И послушно вся дружина,
За вождемъ склонивъ колѣна,
Въ тишинѣ благоговѣйной
Молитъ Господа и Бога
О побѣдѣ надъ врагами,
О спасеніи царя.
Не долга—сильна молитва!
Вскорѣ встали всѣ казаки.
Сабли нàголо и дружно
Громкимъ голосомъ вскричали:
—„Съ нами Божеская сила
„И угодникъ Николай!“
Вотъ Ермакъ ряды обходитъ,
Поименно называетъ
Всѣхъ десятниковъ и старшихъ,
Славу Дона поминаетъ,
И богатую добычу,
И прощеніе царя.
—„Гой, товарищи и братцы,
„Вы, казаки удалые!
„Лучше честно намъ погибнуть,
„Чѣмъ позорною кончиной
„На постыдной сгибнуть плахѣ
„И проклятье заслужить.“

Digitized by Google

Шумно тронулись казаки...
То не лебеди, не снѣги—
То ихъ парусы бѣлѣютъ.
То не пѣсни соловьины—
То ихъ русскіе напѣвы.
Гой, вы, братцы, добрый путь!

Старшина.

Не въ полуднѣ, не въ полночи
Крикъ орла раздался съ выси,
А вечернею порою
Крикнулъ воинъ на бойницѣ,
Той бойницѣ ли Сузгунской,
Гдѣ синѣется Иртышъ.
То не пчелы вылетаютъ
Изъ улья съ своей царицей,
То татары выбѣгаютъ
Съ старшиной своимъ отважнымъ
На высокія на стѣны
Грозной крѣпости Сузгѣ.
Вотъ являются въ равнинѣ
Люди храбрые, казаки,
Впереди ихъ — воевода.
—„Ай-да крѣпость!“—тихо молвитъ.
—„Ай-да крѣпость!“—повторяютъ
Всѣ казаки про себя.
—„Гой, татары и уланы!“—
Крикнулъ громко воевода:—
„Коль живыми быть хотите,
„Сдайте намъ свою ограду;
„Коль погибнуть вы хотите,
„Не сдавайте намъ ея!“
— „Гой, невѣрный воевода!
„Прежде солнце почернѣетъ,
„Прежде нашъ Иртышъ великій
„Потечетъ назадъ къ истоку,
„Чѣмъ сдадимъ мы вамъ ограду“,—
Такъ со стѣнъ своихъ высокихъ
Отвѣчаетъ старшина.

Digitized by Google

Осада.

День седьмой уже проходитъ;
Утомилися казаки;
Утомилися татары.
—„Стыдъ, когда, не взявъ, отступимъ
—„Стыдъ, когда сдадимъ ограду!“
Вновь напоръ и вновь отпоръ.
Наконецъ, Гроза, съ согласья
Всѣхъ десятниковъ и старшихъ,
Пишетъ грамоту и просьбу
Къ Ермаку, такою рѣчью:
—„Двѣ недѣли ужъ проходятъ,
„А мы все еще не можемъ
„Взять Сузгуна на мечи,
„Да и что это за крѣпость!
„Да и что это за люди!
„Хоть Махмета не видали,
„Но по этому упорству
„Думу думаемъ такую,
„Что онъ вѣрно тутъ сидитъ.
„Ждемъ приказу войсковаго—
„Что намъ дѣлать. Если снова
„Ты велишь держать въ осадѣ
„Эту крѣпость, то мы просимъ
„Къ намъ людей прислать побольше:
„Малымъ крѣпости не взять.
„Вотъ, когда бы въ чистомъ полѣ
„Намъ схватиться привелось,—
„Это дѣло бы другое.
„А стѣна покрѣпче груди,
„Хоть и то мечи порядкомъ
„Мы сточили объ нее.

Стрѣла.

Снова тянется осада.
Двои сутки ужъ проходятъ,

Digitized by Google

А на третьи, темной ночью,
Отъ Махметова улана
Въ крѣпость брошена съ извѣстьемъ
Быстроперая стрѣла.
—„Богъ совсѣмъ татаръ оставилъ“,—
Такъ извѣстье начинаетъ:—
„Три дня ровно, какъ случилась
„Сѣча съ русскими большая;
„Нами правилъ братъ твой храбрый,
„Ими властвовалъ Ермакъ.
„Семь часовъ та сѣча длилась,
„А въ восьмой—твой братъ, царица,
„Раненъ мѣткою пищалью.
„Безъ главы осталось войско.
„Тѣ побиты, тѣ бѣжали,
„А Махметъ-Кулъ взятъ въ полонъ.“
Нѣтъ рѣчей въ устахъ царицы!
Нѣтъ слезы въ глазахъ несчастной!
А межъ тѣмъ, какъ черны тучи,
Думы тяжкія проходятъ,
Женскій умъ ея тревожатъ,
Точатъ сердце, давятъ грудь.
О, Сузге, моя царица!
И послѣдняя надежда
На великаго Махмета
Вдругъ потеряна! Онъ плѣнникъ!
Царь Кучумъ—въ степяхъ, далеко!
Что ты ждешь еще себѣ?

Безнадежность.

Ходитъ бѣдная царица
По своей опочивальнѣ,
Руки бѣлыя ломаетъ,
Взоромъ сумрачнымъ блуждаетъ
И свою тоску-кручину
Такъ высказываетъ вслухъ:
—„Знать, то Богу такъ угодно,
„Чтобъ великое владѣнье

Digitized by Google

„Повелителя Кучума
„Уничтожилось! За что же
„Намъ бѣда пришла такая?
„Чѣмъ прогнѣвали судьбу?
„Я вчера была царицей,
„А сегодня, можетъ, буду
„Русскихъ плѣнницей, рабою!
„И дитя мое... О Боже!
„И дитя... О, нѣтъ, не можно!
„Нѣтъ, рабой не буду я!
„Нашъ Сузгунъ довольно крѣпокъ;
„Нелегко его взять русскимъ;
„Много воиновъ отважныхъ
„Стерегутъ его и кроютъ.
„Можетъ быть, и, какъ знать, вскорѣ
„Возвратится царь Кучумъ...
„Но сдержать ли малой горсти
„Упадающее царство,
„Коль разбито наше войско,
„Коль Махмета нѣтъ ужъ болѣ?
„Мнѣ ли, женщинѣ, мнѣ ль можно
„Честь и царство поддержать?
„Если бъ былъ еще воитель,
„Равный брату въ ратномъ дѣлѣ,
„Все была бъ еще надежда;
„А теперь сгублю я только
„Всѣхъ защитниковъ Сузгуна,
„И сама—опять въ плѣну!
„Что мнѣ дѣлать въ этомъ горѣ?
„Гдѣ искать себѣ спасенья?“...
Такъ царица говорила,
Заливаясь слезами.
Тутъ позвать она велѣла
Старшину къ себѣ въ покой.
—„Долго ль можемъ мы держаться?“—
Старшину она спросила.
—„Долго ль?—этого не знаю,
„Но пока я живъ, царица,
„Но пока еще хоть двое
„Насъ останется въ Сузгунѣ,—

Digitized by Google

„Русскимъ—крѣпости не взять!“
Тяжко, тяжко ты вздохнула,
О, Сузгѣ, моя царица!
Эта вѣрность, эти чувства!
И его ли ты погубишь?...
О, когда бъ Кучумъ поболѣ
Могъ имѣть такихъ людей!

Письмо.

Будь здоровъ, нашъ воевода!
Милосердіемъ Господнимъ
И казачьей нашей силой
Мы побили вновь невѣрныхъ
На рѣкѣ на той, Вагаѣ,
Гдѣ течетъ она въ Тоболъ.
Пишешь ты, что въ томъ Сузгунѣ
Махметъ-Кулъ сидитъ въ оградѣ.
Диво, если это правда!
А затѣмъ, что при Вагаѣ
Взяли мы Махмета-Кула
И старшинъ его въ полонъ,
И, межъ прочими вѣстями,
Мы узнали, что въ Сузгунѣ
Правитъ храбрая царица,
А при ней людей немного
И одинъ лишь старшина.
Это молвимъ не въ обиду,—
Крѣпость, знаемъ мы, не поле,
И царица, какъ слыхали,
Есть сестра Махмета-Кула.
Такъ не диво, что не можно
Вашей храбрости казачьей
Взять Сузгунъ тотъ на мечи.
Да еще одно извѣстье:
Ты, Гроза, теперь намъ нуженъ;
День простой еще на мѣстѣ,
А потомъ въ Искеръ сбирайся.

Digitized by Google

Пусть царица правитъ мѣстомъ,
Мы не съ нею брань ведемъ.
—„Прахъ возьми!“—Гроза воскликнулъ,
Прочитавъ приказъ изъ войска:—
„Насъ на смѣхъ теперь подымутъ:
„Въ три недѣли не умѣли
„Нашей храбростью казачьей
„Съ бабой справиться путемъ!“

Переговоры.

Вдругъ къ нему въ палатку входитъ
Старшина сѣдой татарскій
И, не кланяясь и шапки
Не снимая, атаману
Говоритъ такую рѣчь:
—„Слушай рѣчь моей царицы!
„Наша храбрая царица
„Сдать Сузгунъ тебѣ готова,
„Только если ты исполнишь
„Три условія ея:
„Дать намъ всѣмъ татарамъ волю—
„Это первое условье.
„Дать намъ судно переѣхать—
„То условіе второе.
„А послѣднее условье —
„Намъ обиды не чинить.“
—„Поздно ты пришелъ съ прошеньемъ!“—
Старшинѣ Гроза промолвилъ,
Радость въ сердцѣ сокрывая:—
„Черезъ день придетъ къ Сузгуну
„Съ силой многою, большою
„Самъ начальникъ нашъ, Ермакъ.
„Онъ безъ всякихъ безъ условій
„Вашъ Сузгунъ возьметъ съ царицей...“
—„Такъ условья отвергаешь?“—
Старшина спросилъ нахмурясь.
—„Нѣтъ!“—Гроза ему обратно:—
„Я согласенъ ихъ принять.

Digitized by Google

„Но и вы согласны будьте
„На одно мое условье:
„Пусть всѣ ѣдутъ безопасно,
„Дамъ вамъ волю, дамъ вамъ судно,
„Но пускай царица ваша
„Намъ отдастъ себя въ полонъ."
—„Ты не жди того, невѣрный!"—
Старшина воскликнулъ гнѣвно:—
„Прежде всѣ въ конецъ погибнемъ,
„Чѣмъ мы выдадимъ царицу!"
—„Это будь по волѣ вашей,"—
Говоритъ ему Гроза:—
„Но еще скажу я слово:
„Коль царица согласится
„Намъ отдаться, пусть опустятъ
„Полумѣсяцъ на бойницѣ.
„До зари, никакъ не больше,
„Думу думать вамъ даю.
„Но ужъ если и съ зарею
„Не опустятъ знакъ съ бойницы,
„Не войду тогда я съ вами
„Ни въ какое примиренье!.."
—„Пусть насъ Богъ теперь разсудитъ!"—
Мрачно молвилъ старшина.

Сузгѣ.

Атаманъ Гроза не сводитъ
Глазъ съ высокаго Сузгуна:
И надежда, и сомнѣнье
Душу воина колеблютъ.
Солнце клонится на западъ.
Вечеръ... Смотритъ... Спущенъ знакъ!
—„О, Владычица святая!
„О, святой Христовъ угодникъ!
„Знать, казаки вамъ угодны,
„Что желаніе ихъ сердца
„Вы исполнили такъ скоро!"—
Молвитъ весело Гроза.

Digitized by Google

Той порой Сузге, царица,
Всѣхъ рабынь къ себѣ сзываетъ
И, скрывая грусть весельемъ,
Говоритъ имъ рѣчь такую,
Глядя весело на нихъ:
—„Вы, прислужницы-дѣвицы,
„Отпирайте кладовыя,
„Выносите всѣ наряды,
„Всѣ каменья дорогіе,
„И царицу наряжайте:
„Завтра праздникъ у меня!“
И рабыни отпираютъ
Кладовыя, вынимаютъ
Камни, платья дорогія,
И царицу наряжаютъ,
Косу пышную плетутъ,
Слезы катятся ручьями
У прислужницъ, но ни слова
Тѣ дѣвицы не промолвятъ.
Имъ извѣстно, что царица
Для свободы ихъ сдается
Въ плѣнъ начальнику чужому.
Жаль имъ доброй госпожи.
Вотъ окончены наряды,
И прекрасная царица
Всѣхъ прислужницъ ровной долей
Своеручно надѣляетъ;
Раздаетъ имъ всѣмъ богатства
И цѣлуетъ порознь ихъ.
Тутъ зоветъ къ себѣ въ свѣтлицу
Старшину того сѣдаго,
Благодарствуетъ за службу,
И велитъ отдать отряду
Всю казну свою большую,
И отъ имени царицы
Благодарствовать велитъ.

Digitized by Google

Послѣдняя ночь.

Ночь покрыла мракомъ поле,
Землю тьмою обложила.
Спятъ казаки, спятъ татары.
Лишь не спитъ въ своей свѣтлицѣ
Несчастливица-царица,
Одинокая Сузгѣ.
О, Сузгѣ, моя царица,
Тяжела тебѣ та ночь!
Ты сидишь на мягкомъ ложѣ,
Опустивъ на грудь головку
И сложивъ печально руки
На трепещущей груди.
Ты одѣта, какъ невѣста,
Въ драгоцѣнныя одежды,
Но глаза твои не блещутъ
Предразсвѣтною звѣздою,
Но уста твои не рдѣютъ
Цвѣтомъ розы и любви.
Дума чорная, какъ полночь,
Обвила твой умъ, царица,
И тоска, какъ червь могильный,
Точитъ сердце молодое.
Велика твоя невзгода!
Тяжела твоя судьба!
Но прими къ себѣ надежду:
Русскій царь великодушенъ!
Онъ смягчитъ твое несчастье,
Усладитъ твою кручину.
Не рабою, но царицей
Почестятъ тебя въ Москвѣ.
О, когда бъ прошла скорѣе
Эта ночь твоей печали!
О, когда бъ зари румяной
Лучъ принесъ тебѣ отраду!
О, когда бы измѣнилась
Участь горькая твоя!

Digitized by Google

Недвижима и безмолвна
Все сидитъ моя царица.
Нѣтъ рѣчей для утѣшенья!
Нѣту мысли для надежды!
Будто смерти вѣщій голосъ
Тихо носится надъ ней.
Вотъ блеснулъ въ ея свѣтлицѣ
Свѣтлый лучъ зари восточной.
—„О, мой Богъ! меня помилуй!“—
Тяжко вскрикнула царица
И упала на подушки,
Задыхаясь отъ слезъ.

Изгнанники.

Встало солнце. Пробудились
И казаки, и татары.
Ясный день для всѣхъ восходитъ,
Льетъ на всѣхъ равно сіянье;
Но не всѣ равно встрѣчаютъ
Солнца краснаго восходъ.
Вотъ Гроза къ стѣнамъ подходитъ
Съ удалой своей дружиной;
Вотъ татары отворяютъ
Неприступныя бойницы
И во слѣдъ за старшиною
Безоружные идутъ.
Мрачно сходятъ внизъ татары,
Озираясь на стѣны
И на крѣпкія бойницы;
Плачутъ царскія дѣвицы,
Обращая взоръ печальный
На оставленный Сузгунъ.
А съ бойницы, той порою,
Скрывъ лицо свое покровомъ,
Одинокая царица
Грустно видитъ отступленье.
Грудь волнуется тоскою,
Но слезы ужъ нѣтъ въ глазахъ.

Digitized by Google

—„Слушай, храбрый воевода!“—
Старшина сѣдой промолвилъ,
Поровнявшися съ Грозою:—
„Если честь тебѣ извѣстна,
„Ты съ царицею поступишь,
„Какъ приличіе велитъ.“
—„Будь спокоенъ, храбрый воинъ!“—
Старшинѣ въ отвѣтъ промолвилъ
Атаманъ Гроза казачій:—
„Наша Русь славна издревле
„Къ роду царскому любовью,
„И въ другихъ его почтитъ.“
Вотъ изгнанники проходятъ
Чрезъ широкую равнину;
Вотъ они рѣки достигли;
Вотъ взошли они на судно,
Поклонилися Сузгуну
И исчезли вдалекѣ.
—„Путь счастливый вамъ“,—сказала
Грустно бѣдная царица,
Обвела вокругъ глазами
И, вздохнувши тяжко, тяжко,
Съ неприступной той бойницы
Тихо внизъ она сошла.

Входъ казаковъ.

Входятъ весело казаки
Въ крѣпость грознаго Сузгуна;
Впереди ихъ воевода,
Атаманъ Гроза, и
Онъ прилежно озираетъ
Покорившійся Сузгунъ.
Вотъ идетъ онъ въ теремъ царскій,
Словомъ ласковымъ привѣтить
Несчастливую царицу,
Но въ палатахъ царскихъ пусто.
Онъ обходитъ всё строенье,
Но царицы нѣтъ нигдѣ.

Digitized by Google

—„Гдѣ жъ она?“—Гроза подумалъ,
И большое подозрѣнье
Въ грудь казачью запало.
Злой укоръ въ устахъ тѣснится...
Вдругъ увидѣлъ онъ царицу
И укоръ свой удержалъ.
Подъ навѣсомъ пихтъ душистыхъ,
Прислоняся головою
Къ корню дерева, сидѣла
Одинокая царица.
Вьется вѣтромъ покрывало,
Руки сложены на грудь.
Атаманъ къ Сузге подходитъ,
Шапку ей свою снимаетъ,
Низко кланяясь, молвитъ:
—„Будь спокойна ты, царица!
„Мы казаки, а не звѣри,
„Мы уважимъ царскій санъ.
„Богъ намъ далъ побѣду,
„Такъ грѣшно бы намъ и стыдно,
„Благость Бога презирая,
„Обижать тебя, царица!
„Ты о плѣнѣ позабудешь,
„Слово честное даю.“
Но напрасно воевода
Ждетъ отвѣта отъ царицы.
Изумленъ ея молчаньемъ,
Подошелъ онъ тихо къ ней,
Тихо поднялъ покрывало
И поспѣшно отступилъ.
Матерь Божія! не сонъ ли
Видитъ онъ? Въ лицѣ нѣтъ жизни;
Щеки блѣдностью покрыты,
Льется кровь изъ-подъ одежды,
И въ глазахъ полуоткрытыхъ
Померкаетъ Божій свѣтъ.
—„Что ты сдѣлала, царица?“—
Вскрикнулъ громко воевода,
Кровь рукою зажимая.
Вдругъ царица задрожала,

Digitized by Google

На Грозу она взглянула...
Это не былъ взоръ отмщенья,
Это былъ послѣдній взоръ!

Отплытіе.

Подъ наклономъ пихтъ душистыхъ
Собрался всѣ казаки.
И стоятъ они безъ шапокъ;
Два урядника отряда
Насыпаютъ холмъ могильный.
Тишина лежитъ кругомъ.
Вотъ обрядъ печальный конченъ.
Поклонясь сырой могилѣ,
Говоритъ Гроза казакамъ:
—„Гой, товарищи-казаки!
„Здѣсь намъ нѣтъ ужъ больше дѣла,
„Снаряжайтесь на Искеръ!“
. . . . . .
Ночь спустилася на землю,
Вѣтеръ воетъ по дубравѣ,
Гонитъ тучи дождевыя,
И Иртышъ о круть утеса
Плещетъ звонкою волной.
Распустивъ свои вѣтрила,
Ѣдутъ добрые казаки.
Льется пѣсня ихъ живая—
Что про матушку про Волгу,
Что про Донъ, ихъ Донъ родимый,
Что про славу казака!
А вдали, крутясь волнами,
Блещетъ пламя надъ Сузгуномъ.
На стѣнахъ его высокихъ,
На крутыхъ его бойницахъ,
Рдѣетъ небо полуночи,
Блещутъ волны Иртыша.

Digitized by Google

Ермакъ Тимоѳѳевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа.

I.

Необходимость изслѣдованія былинъ и пѣсенъ объ Ермакѣ въ историческомъ отношеніи.—Общій характеръ народныхъ воззрѣній на Ермака по былинамъ и пѣснямъ.—Три отдѣла историческихъ пѣсенъ объ Ермакѣ.—Пѣсни перваго отдѣла: о разбояхъ Ермака и его товарищей.—Пѣсни втораго отдѣла: о помощи Ермака царю Ивану Васильевичу при завоеваніи Казани.—Научно-историческое значеніе пѣсенъ первыхъ двухъ отдѣловъ при сравнительномъ изслѣдованіи ихъ съ положительными данными.

Изученіе былинъ и пѣсенъ русскаго народа объ Ермакѣ и его подвигахъ, въ историческомъ отношеніи, представляетъ для изслѣдователя немаловажный интересъ. Завоеватель Сибирскаго царства оставилъ по себѣ неизгладимую память въ русскомъ народѣ. Народная память объ Ермакѣ запечатлѣлась въ цѣломъ рядѣ былинъ и пѣсенъ, имѣющихъ своимъ предметомъ жизнь и подвиги сибирскаго завоевателя. Ермакъ былинъ и пѣсенъ и Ермакъ сибирскихъ лѣтописей, конечно, не одно и то же лицо, въ смыслѣ историческомъ. Но это нисколько не мѣшаетъ историку-изслѣдователю пользоваться былинами и пѣснями о знаменитомъ атаманѣ, всетаки, какъ историческимъ матеріаломъ, въ извѣстномъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что если былины и пѣсни, говоря о событіи или лицѣ историческомъ, страдаютъ очень часто анахронизмами, приписываютъ, напримѣръ, Ермаку небывалые подвиги, обозначаютъ неточно время извѣстнаго событія или даже и вовсе не обозначаютъ эпохи, перепутываютъ географическія свѣдѣнія или изобрѣтаютъ новыя, совсѣмъ непонятныя, — зато эти же былины и пѣсни прекрасно обрисовываютъ историческое міровоззрѣніе народа, взглядъ народа на извѣстнаго историческаго дѣятеля. Но народъ, во всей своей со-

Digitized by Google

вокупности, не можетъ ошибаться въ отношеніи общаго пониманія значенія лица или событія. Отсюда слѣдуетъ, что былина и пѣсня, какъ выраженіе этого общаго пониманія, vocis populi, можетъ служить историку до извѣстной степени пособіемъ при изслѣдованіи спорныхъ историческихъ вопросовъ.

Это всего лучше можно видѣть на нѣкоторыхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ исторіи Ермака Тимоѳеевича и завоеванія имъ Кучумова царства. Такъ Костомаровъ, основываясь на опальной царской грамотѣ (отъ 16 ноября 1582 года) Строгановымъ, изъ которой, однако, вовсе не слѣдуютъ тѣ выводы, которые сдѣланы знаменитымъ историкомъ, утверждалъ, что Ермакъ, до похода въ Сибирь, состоялъ служилымъ казакомъ въ Перми *). Это ничѣмъ, однако, до сихъ поръ не подтвердилось, и пѣсни о вольной жизни Ермака на Дону и Волгѣ, разгуливавшаго со своими казаками-товарищами, не безъ причины рѣшительно ничего не упоминаютъ о какой нибудь его службѣ. За неимѣніемъ другихъ болѣе точныхъ свѣдѣній, придется въ этомъ случаѣ положиться на народное историческое чутье, выразившееся въ пѣсняхъ объ Ермакѣ Тимоѳеевичѣ, и допустить, что завоеватель Кучумова царства до похода въ Сибирь былъ вольнымъ, воровскимъ казакомъ, грабившимъ корабли, легкія лодочки, купцовъ и даже казну государеву. Затѣмъ, какъ извѣстно, однѣ изъ сибирскихъ лѣтописей, напримѣръ, Строгановская, приписываютъ замыселъ завоеванія Сибири исключительно Строгановымъ, предоставляя самому покорителю скромную роль какъ бы наемнаго казака, оправдавшаго надежды своихъ богатыхъ хозяевъ; другія же сибирскія лѣтописи считаютъ Ермака иниціаторомъ похода въ Сибирское царство, а о Строгановыхъ или ничего не упоминаютъ (Есиповская лѣтопись), или выставляютъ ихъ только въ видѣ невольныхъ поставщиковъ боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ для атамана и его товарищей, направившихся въ Кучумово царство (Ремезовская лѣтопись). Большинство русскихъ историковъ вѣрятъ Строгановской лѣтописи, а пѣсни историческія, какъ, напримѣръ, извѣстная „Ермакъ взялъ Сибирь“ и нѣкоторыя другія, въ воззрѣніяхъ на роль Строгановыхъ и Ермака въ дѣлѣ завоеванія Сибирскаго царства, сходятся съ Есиповской и Ремезовской лѣтописями—и, можетъ быть, не безъ основанія.

Оказывается, что историческія пѣсни объ Ермакѣ и завоеваніи

*) Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ I-й. Спб. 1880. Изд. 2-ое. Стр. 544.

Digitized by Google

имъ Сибирскаго царства могутъ представить для историка-изслѣдователя матеріалъ, который онъ долженъ не игнорировать, но принять во вниманіе на ряду съ другими положительными свѣдѣніями, напримѣръ, лѣтописными.

Итакъ, непростительно будетъ изслѣдователю пройдти молчаніемъ историческія пѣсни объ Ермакѣ Тимоѳеевичѣ. Теперь спрашивается, съ какихъ же именно точекъ зрѣнія историкъ долженъ разсматривать былины и пѣсни народныя вообще и историческія пѣсни объ Ермакѣ и завоеваніи имъ Сибирскаго царства въ частности?

Былины и, въ особенности, пѣсни историческія могутъ быть разсматриваемы историкомъ-изслѣдователемъ, во-первыхъ, какъ лѣтописи событій, источники для внѣшней исторіи, по которымъ историкъ будетъ узнавать и объяснять происшествія минувшихъ временъ. Конечно, далеко не всѣ пѣсни представляютъ интересъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ большей части пѣсенъ цвѣты фантазіи часто закрываютъ истину. Къ народнымъ пѣснямъ, могущимъ служить источниками для внѣшней исторіи, принадлежатъ только такъ называемыя историческія пѣсни *), къ числу которыхъ относится также нѣсколько пѣсенъ, воспѣвающихъ Ермака Тимоѳеевича и покореніе имъ Сибири. Если мы будемъ искать въ такихъ пѣсняхъ непрерывной лѣтописи событій и перемѣнъ, какія испыталъ народъ, или группа лицъ, какъ, напримѣръ, Ермакъ съ товарищами, то съ этой стороны найдемъ въ нихъ большіе недостатки. Пѣсни народныя никогда не могутъ служить для насъ полною исторіею; не всегда можно прибѣгать къ нимъ за объясненіями историческихъ свидѣтельствъ, во-первыхъ, потому, что пѣсни принадлежатъ поэзіи, а поэзія предполагаетъ вымыселъ, вслѣдствіе чего и историческія событія подвергаются въ нихъ отступленіямъ отъ дѣйствительности; во-вторыхъ, потому, что многія происшествія, которыя разсказаны въ лѣтописяхъ съ подробностями, въ народной поэзіи совсѣмъ не остались, а между тѣмъ многія такія, которыя ускользнули отъ историковъ, сдѣлались любимымъ ея достояніемъ. Только то оставляетъ впечатлѣніе на народъ, что имѣло на него сильное вліяніе: надобно, чтобы извѣстное происшествіе касалось сердца каждаго индивидуума, чтобы народъ цѣлою массою сознавалъ свое бытіе; потому-то эпохи важныя: пере-

*) Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи. Соч. Н. Костомарова. Харьковъ. 1843. Стр. 10—11.

Digitized by Google

ломы въ существѣ націи, измѣненіе быта народнаго долѣе всего остаются въ общей памяти*).

Въ числѣ былинъ и историческихъ пѣсенъ объ Ермакѣ и покореніи имъ Сибирскаго царства въ особенности заслуживаетъ внимательнаго изученія въ историко-географическомъ отношеніи пѣсня, извѣстная подъ названіемъ „Ермакъ взялъ Сибирь", и еще немногія другія пѣсни, имѣющія своимъ содержаніемъ тотъ же предметъ. Въ пѣсняхъ этого рода излагается даже съ нѣкоторыми подробностями вся исторія сибирскаго похода казаковъ до самой кончины славнаго атамана, только не въ волнахъ Иртыша, а Енисея. Эти пѣсни требуютъ сравнительнаго историко-географическаго изслѣдованія, въ связи съ несомнѣнными историческими данными о сибирскомъ походѣ Ермака, заключающимися въ извѣстныхъ наукѣ сибирскихъ лѣтописяхъ. Изслѣдованіе пѣсенъ о завоевателѣ Кучумова царства съ историко-географической точки зрѣнія можетъ представить много интереснаго. „Именно любопытно знать,—говоритъ одинъ изслѣдователь,—на сколько справедливо изображаютъ былины и пѣсни прославляемую ими эпоху, на сколько онѣ ей вѣрны, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны; карта Руси,—или, напримѣръ, замѣтимъ мы, карта Сибирскаго царства и похода Ермака,—которую онѣ намъ представляютъ, на сколько вѣрна дѣйствительности. Вопросъ этотъ важенъ,—отъ него зависитъ многое. Если эпоха въ общихъ чертахъ представлена вѣрно, то, значитъ, и самыя пѣсни сложились скоро послѣ нея (само собой разумѣется, въ первоначальной своей формѣ; нѣтъ эпоса, который не измѣнился бы сколько нибудь втеченіе времени). Если же это такъ, то мы получаемъ право смотрѣть на былины, какъ на хорошій историческій матеріалъ, и пользоваться ими, какъ таковымъ"**).

Такимъ образомъ, былины и пѣсни историческія объ Ермакѣ Тимоѳеевичѣ могутъ быть изучаемы историкомъ-изслѣдователемъ съ точки зрѣнія внѣшней исторіи, или, точнѣе, съ историко-географической стороны. Во-вторыхъ, былины и историческія пѣсни можно разсматривать, при историческомъ изученіи, какъ памятники воззрѣнія народа самого на себя и на все окружающее. Это самое важнѣйшее и непреложное достоинство пѣсенъ,—говоритъ

*) Ibid., стр. 90.

**) «Бесѣда», 1871, апрѣль, статья Н. Д. Квашнина-Самарина: «Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи», I, стр. 78.

Digitized by Google

Костомаровъ. Здѣсь не нужно даже никакой критики, лишь бы пѣсня была народнаго произведенія. Жизнь, со всѣми ея явленіями, истекаетъ изъ внутренняго самовоззрѣнія человѣческаго существа. На этомъ основывается то, что мы называемъ характеромъ: особенный взглядъ на вещи, который имѣетъ какъ всякій человѣкъ, такъ и всякій народъ *). Значитъ, былины и пѣсни историческія объ Ермакѣ и покореніи имъ Сибирскаго царства важны для историка, какъ выраженіе народныхъ воззрѣній на сибирскаго завоевателя и его подвиги. Изслѣдователю не мѣшаетъ узнать, какъ именно смотритъ народъ на такого историческаго дѣятеля, какъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, т. е. какое впечатлѣніе произвелъ на душу народную завоеватель Кучумова царства. Не слѣдуетъ смущаться тѣмъ, что народъ приписываетъ атаману не совершенныя имъ въ дѣйствительности дѣла, какъ-то: завоеваніе Казани, путешествіе изъ Сибири въ Москву для принесенія повинной царю Бѣлому, захватъ въ плѣнъ сибирскаго хана Кучума и проч. Всѣ эти факты, при всей ихъ внѣшней фантастичности, на самомъ дѣлѣ, по существу, свидѣтельствуютъ самымъ положительнымъ образомъ о тѣхъ или иныхъ чувствахъ народныхъ къ сибирскому завоевателю.

Устныя народныя поэтическія произведенія, воспѣвающія сибирскаго завоевателя и его подвиги, распадаются на двѣ рѣзко одна отъ другой отличающіяся группы. Къ первой группѣ относятся былины объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Тимоѳеевичѣ; ко второй—историческія пѣсни, посвященныя Ермаку и завоеванію имъ Кучумова царства. Въ былинахъ Ермакъ является лицомъ совершенно сказочнымъ, измышленнымъ народной фантазіей; въ историческихъ же пѣсняхъ, напротивъ, найдется очень много такого, что вполнѣ согласно съ положительной исторіей, берущей свои свѣдѣнія о Ермакѣ изъ сибирскихъ лѣтописей.

Въ былинахъ, такъ называемаго, Владимірова цикла, Ермакъ фигурируетъ вмѣстѣ съ Ильей Ивановичемъ Муромцемъ въ семьѣ русскихъ могучихъ богатырей, живущихъ и совершающихъ свои богатырскіе подвиги при князѣ Владимірѣ „Красномъ Солнышкѣ". Народъ записалъ нашего атамана въ родство съ кіевскимъ княземъ Владиміромъ и „старымъ казакомъ" Ильей Муромцемъ: тому и другому Ермакъ приходится племянникомъ. Въ былинахъ Вла-

*) Объ истор. знач. русск. нар. поэз. Соч. Н. Костомарова. Харьковъ. 1843. Стр. 11.

Digitized by Google

димірова цикла, Ермакъ представляется, по народнымъ воззрѣніямъ, однимъ изъ дѣятельныхъ защитниковъ Русской земли и ея стольнаго града Кіева отъ нашествій „собаки“ татарскаго царя Калина и его силы невѣрной. Кромѣ того, по одной былинѣ, Ермаку Тимоѳеевичу приходилось также биться въ защиту Русской земли съ Бабищей Мамаишной и татарскимъ царемъ Мамаемъ. Хотя Ермакъ, по народному представленію, отличается не меньшею богатырскою удалью, чѣмъ его „дяденька“ Илья Муромецъ и другіе русскіе могучіе богатыри, однако, въ былинахъ Владимірова цикла онъ постоянно называется „младшимъ“, ребенкомъ „отъ роду двѣнадцати лѣтъ“ или семнадцати. Ермакъ Тимоѳеевичъ, представляемый былинами, относится къ поколѣнію, такъ называемыхъ, „младшихъ“ богатырей.

Ограничиваемся этими немногими замѣчаніями о былинахъ и Ермакѣ Тимоѳеевичѣ, какъ одномъ изъ русскихъ могучихъ богатырей. Чтобы дать болѣе полное понятіе о былинахъ, въ которыхъ завоеватель Сибири творческой народной фантазіей превращенъ въ древняго русскаго богатыря, пришлось бы занять немало страницъ, а это насъ отвлекло бы отъ прямой цѣли настоящаго очерка.

Вторую группу устныхъ народныхъ поэтическихъ произведеній объ Ермакѣ составляютъ собственно историческія пѣсни. Эти пѣсни, въ свою очередь, при обозрѣніи ихъ содержанія, могутъ быть распредѣлены на три отдѣла, если принять при этомъ во вниманіе главные моменты въ дѣятельности эпическаго Ермака Тимоѳеевича.

Первый отдѣлъ составляютъ тѣ пѣсни, въ которыхъ рисуется разбойничья, воровская казацкая жизнь и дѣятельность Ермака, разгуливавшаго со своими молодцами по Волгѣ, Дону и по морю Каспійскому, или Хвалынскому. Къ слѣдующему отдѣлу относятся пѣсни о томъ, какъ донской атаманъ Ермакъ со своими удалыми товарищами-казаками помогалъ царю Грозному Ивану Васильевичу при завоеваніи Казанскаго царства. Наконецъ, въ третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ находятся историческія пѣсни о знаменитомъ и всѣмъ извѣстномъ подвигѣ Ермака, обезсмертившемъ его,—о завоеваніи имъ Сибирскаго царства. Всѣ эти историческія пѣсни объ Ермакѣ Тимоѳеевичѣ и завоеваніи имъ Кучумова царства напечатаны въ различныхъ отдѣльныхъ изданіяхъ; между тѣмъ знакомство съ пѣснями этого рода не лишено интереса. Поэтому, какъ можно надѣяться, цѣль нашего историко-этнографическаго очерка—представить образъ эпическаго Ермака по извѣстнымъ намъ исто-

Digitized by Google

Ермакъ Тимофѣевичъ.
Съ рисунка Спасскаго, прилож. къ Строгоновской Лѣтописи.

Digitized by Google

Digitized by Google

рическимъ пѣснямъ, вѣроятно, будетъ одобрена со стороны людей, живо интересующихся родной стариной. Группируя разбросанныя въ отдѣльныхъ пѣсняхъ черты для характеристики личности и дѣятельности эпическаго Ермака, мы въ то же время будемъ, по возможности, касаться чѣмъ либо замѣчательныхъ свѣдѣній въ этихъ пѣсняхъ съ точки зрѣнія внѣшней исторіи и со стороны народнаго воззрѣнія на Ермака и его подвиги.

Къ первому отдѣлу историческихъ пѣсенъ объ Ермакѣ Тимоѳеевичѣ относятся, какъ уже сказано, пѣсни, въ которыхъ рисуется жизнь Ермака, какъ вольнаго атамана. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о томъ, какъ русскій народъ смотритъ на сибирскаго завоевателя, еще въ пору его вольной казацкой жизни,—сначала передадимъ въ главныхъ чертахъ содержаніе относящихся сюда пѣсенъ, также какъ и пѣсенъ втораго отдѣла, представляющихъ по своему характера дополненіе къ первымъ; затѣмъ резюмируемъ сущность народныхъ воззрѣній на Ермака, какъ вольнаго атамана, и, наконецъ, посмотримъ, что особеннаго, оригинальнаго въ этихъ воззрѣніяхъ и на сколько они согласны съ несомнѣнными историческими данными.

Въ пѣснѣ, извѣстной подъ названіемъ „На Бузанѣ островѣ", личность Ермака Тимоѳеевича, какъ вольнаго казака, обрисована въ высшей степени ярко и типически. Эта пѣсня въ ряду пѣсенъ перваго отдѣла заслуживаетъ особеннаго вниманія, и по важности ея для характеристики народныхъ воззрѣній на воровскаго атамана Ермака можетъ быть поставлена на первомъ мѣстѣ.

На Бузанѣ островѣ, въ верховьяхъ Волги-матушки,—говорится въ этой пѣснѣ,—на крутомъ красномъ бережку, сидятъ въ бесѣдахъ дубовыхъ атаманы казачьи: Ермакъ Тимоѳеевичъ и его двое помощниковъ,—сидятъ и думаютъ думушку „про дѣло ратное, про добычу казачью". И придумали удалые казаки отправиться за добычей внизъ по Волгѣ, въ море синее. Приплыли въ море и остановились „противъ Матицы острова". Сидятъ тутъ молодцы и выжидаютъ, не появятся ли какіе корабли. Вотъ идетъ двѣнадцать кораблей, на которыхъ ѣдутъ „славны гости турецкіе, со товары заморскими". Казаки немедля вошли въ свои струги и начали стрѣлять въ турецкіе корабли изъ ружей и трехъ мѣдныхъ пушекъ. „Славны гости турецкіе" такъ испугались этого неожиданнаго нападенія, что сами всѣ „въ сине море пометалися", а корабли „со товары заморскими" достались въ добычу казакамъ. На турецкихъ корабляхъ осталась только одна красная дѣвица.

Digitized by Google

Это была Урзамовна, дочь мирзы турскаго. Она умоляетъ казаковъ не губить ее, а увезти въ царство Московское и обратить въ вѣру крещеную. Казаки сжалились, пощадили дѣвицу и взяли ее съ собой. Послѣ этого молодцы, расположившись у протоки Ахтубы, стали пировать, и „запилися молодцы, а всѣ они до единаго". Какъ разъ въ это же самое время на другомъ берегу остановился русскій посолъ, ѣхавшій въ Персію, Семенъ Константиновичъ Карамышевъ, со своими солдатами и матросами. Казаки были пьяны, а солдаты, по выраженію пѣсни, „не со всѣмъ умомъ", стали задирать казаковъ „ради корысти". Произошла драка, причемъ казаки побили 50 человѣкъ солдатъ, изъ которыхъ едва спаслись только трое и донесли обо всемъ самому послу. Посолъ не разобралъ какъ слѣдуетъ, изъ-за чего произошла драка, выслалъ противъ казаковъ сто человѣкъ солдатъ, которые приняли казаковъ за „недобрыхъ людей" и тоже начали затѣвать съ ними драку. Тогда выступилъ самъ Ермакъ Тимоѳеевичъ и сталъ говорить солдатамъ: —„Гой вы еси, солдаты хорошіе, слуги царя вѣрные! Почто съ нами деретеся? Корысть ли отъ насъ получите?"—Но солдаты „безумные" не унимались и продолжали лѣзть въ драку съ казаками. Наконецъ, большой эсаулъ Стафій Лаврентьевичъ обращается за совѣтомъ къ атаманамъ войска казачьяго:—„Гой вы еси, атаманы казачіе!—говоритъ онъ:—что намъ... дѣлати? Солдаты упрямые лѣзутъ къ намъ съ дракою въ глаза". Въ отвѣтъ на это, Ермакъ приказалъ своимъ добрымъ молодцамъ бить солдатъ и бросать ихъ въ Волгу-матушку, и прибили удалые казаки всѣхъ солдатъ; только успѣлъ убѣжать одинъ „капралъ островской", который и донесъ обо всемъ случившемся самому послу. Однако, посолъ и на этотъ разъ „ничего не размыслилъ", какъ говорится въ пѣснѣ; вмѣсто того, чтобы изслѣдовать дѣло, посолъ взялъ съ собою всю свою „гвардію" и напалъ, очертя голову, на удалыхъ донскихъ казаковъ. Но атаманы казачіе, Ермакъ Тимоѳеевичъ съ товарищами, „только своимъ казакамъ цыкнули", и прибили молодцы всѣхъ солдатъ, всю посольскую „гвардію": едва ли ушло съ десятокъ солдатъ. Самъ посолъ Семенъ Константиновичъ Карамышевъ былъ тутъ же убитъ. Казаки захватили въ свою пользу всѣ „животы" посла,—платье цвѣтное, тутъ же доставшееся имъ въ добычу, положили въ гору Змѣевую. Затѣмъ молодцы на своихъ стругахъ отправились по протокѣ Ахтубѣ въ Астраханское царство, сказались тамъ купцами заморскими, даже заплатили тор-

Digitized by Google

говую пошлину въ казну государеву и стали продавать награбленные товары „безъ запрещенія“ *).

Въ пѣснѣ „На Бузанѣ островѣ“ разсказывается, что казаки и не подумали бы нападать на царскаго посла, если бы онъ самъ и его солдаты не вызвали къ тому казаковъ. Но вотъ есть еще пѣсня, къ сожалѣнію, не записанная вполнѣ, въ которой дѣло это представляется въ иномъ свѣтѣ. По словамъ этой пѣсни, казаки изъ разныхъ мѣстъ: донскіе, гребенскіе, запорожскіе и яицкіе, предводительствуемые донскимъ (изъ тихаго Дона) атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ и есауломъ (со Двины) Остафьемъ Лаврентьевичемъ, сѣли на легкіе струги и „грянули-розмахнули“ внизъ по Волгѣ рѣкѣ. Казаки остановились противъ „Охтучи рѣки“, у кустика ракитоваго. Въ это же время случилось идти съ рѣки Камы въ Волгу одной легкой лодочкѣ „со лютымъ со зельемъ, съ чернымъ порохомъ, а со страшной казной государевой“. При государевой казнѣ, на лодочкѣ сидѣлъ „гровѣнъ посѣлъ“ Семенъ Константиновичъ Карамышевъ. „Немножечко времени миновалосе,—говорится въ пѣснѣ,—супротивъ кустика лодочка сверсталáсе, ахъ какъ лунула пушечка мѣдная, ахъ какъ разбила эту лодочку-коломенку, а какъ убила посла государева“. Атаманъ и есаулъ убили посла государева, и тотчасъ же спохватились, что неладно сдѣлали:

«Ахъ мы неладно, мы, два брателка, удумали,
Какъ убили мы посла государева,
А золотой казны намъ немножко доставалосе,
Доставалосе казны намъ же по три тьмы,
Ай по три тьмы доставалось, по три тысячи.
Какъ куды же мы, братцы, воровать теперь пойдемъ?
Ай намъ во Казань городъ идти—намъ убитымъ быть.
Намъ во Астрахань идти—быть повѣшеннымъ.
Ахъ пойдемте-тко, братцы, во каменну Москву» **).

Для чего, съ какой цѣлью рѣшили идти въ Москву проворовавшіеся казаки,—неизвѣстно. Можетъ быть, они, какъ это видно изъ другихъ пѣсенъ, хотѣли принести повинную царю. Сказитель, пѣвшій эту пѣсню для собирателя былинъ Гильфердинга, не могъ

*) Древнѣйшія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. Изданіе 3-е. Москва, 1878. Пѣсня XII-я «На Бузанѣ островѣ», стр. 73—77.

**) Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года. Спб. 1873. Пѣсня № 202, столбцы 960—961.

Digitized by Google

припомнить ея конца, и поэтому пѣсня напечатана въ неполномъ видѣ.

Къ первому же отдѣлу историческихъ пѣсенъ объ Ермакѣ относится еще нѣсколько небольшихъ пѣсенъ, въ которыхъ разсказывается о возвращеніи удалыхъ казаковъ съ моря синяго Каспійскаго на Волгу-матушку, въ мать-Россіюшку. Содержаніе этихъ пѣсенъ немногосложно; тутъ главнымъ образомъ интересно то указаніе, что Ермакъ Тимоѳеевичъ, по народной памяти, занимался разбоями на Каспійскомъ морѣ.

На Каспійскомъ морѣ, на островѣ Черностовѣ,—говорится въ одной изъ этихъ пѣсенъ, — собрались въ казацкій кругъ „морзорушки каспійскіе, еще стары бродяги безпашпортные, безпашпортные хайлы да все разбойнички". Собрались и стали думать думушку. Прежде всего, молодцы выбрали себѣ атаманомъ Ермака Тимоѳеевича (или, какъ онъ еще называется, Ермила Тимоѳеевича), а эсауломъ—Никиту Иваныча. Новоизбранные атаманъ и эсаулъ говорятъ своимъ удалымъ товарищамъ:—„Еще полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять, не пора ли намъ, удалы, воротитися какъ во славную во нашу мать Россіюшку?" — Хотя атаманъ и эсаулъ предлагаютъ казакамъ возвратиться въ Россіюшку, которую они даже называютъ „наша мать", однако намѣренія у казаковъ были далеко не мирныя. „Въ Жигулевскихъ мы горахъ жить остановимся",—говорятъ казакамъ атаманъ и эсаулъ, считая, вѣроятно, это мѣсто удобнымъ для своихъ разбойническихъ подвиговъ. По другому варіанту той же пѣсни, Ермакъ Тимоѳеевичъ предлагаетъ своимъ удалымъ товарищамъ отправиться съ моря синяго Каспійскаго „на свѣжую на воду, Волгу-матушку". „И сядемъ мы, добры молодцы, — говоритъ онъ, — въ лодки легкія, и станемъ разбивать бусы-карабли и мелки судёнушки!" *)

Историческія пѣсни о помощи Ермака Тимоѳеевича царю Грозному при завоеваніи Казанскаго царства, отнесенныя нами

*) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Москва. 1864. Выпускъ 6. Стр. 27, 28 и 30. Къ числу историческихъ пѣсенъ, воспѣвающихъ жизнь Ермака Тимоѳеевича, какъ донскаго казака, относится еще одна небольшая, но не лишенная интереса пѣсня о плѣнѣ Ермака у турокъ въ городѣ Азовѣ, гдѣ онъ былъ заключенъ въ тюрьму, изъ которой освободился, благодаря только своей хитрости. (Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. Изданіе 3-тье. Москва. 1878. Стр. 214—216, пѣсня XXXVIII-я). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эта же самая пѣсня относится къ личности Степана Тимоѳеевича Разина.

Digitized by Google

ко второму отдѣлу, заключаютъ въ себѣ, также какъ и пѣсни перваго отдѣла, интересныя черты для характеристики Ермака, какъ воровскаго казака, и его отношеній къ царской власти. Такимъ образомъ пѣсни втораго отдѣла рядомъ съ пѣснями перваго отдѣла могутъ дать матеріалъ для характеристики народныхъ воззрѣній на Ермака, какъ вольнаго казака. Поэтому, прежде чѣмъ дѣлать какіе либо выводы изъ пѣсенъ перваго отдѣла на счетъ того, какое понятіе составилъ себѣ народъ о вольной казацкой жизни Ермака, мы приведемъ также главнѣйшее содержаніе пѣсенъ о помощи атамана царю при завоеваніи Казани.

На синемъ морѣ Каспійскомъ, на островѣ Персидскомъ,—говорится въ одной изъ пѣсенъ втораго отдѣла, — собрались молодцы, „музуры", „славные музурушки персидскіе". Вышли молодцы на зеленый лугъ, сошлись, по казацкому обычаю, во единый кругъ и стали думать „крѣпку думушку", „думушку гадать великую". Выбрали казаки атаманомъ Ермака Тимоѳеевича, который въ этихъ пѣсняхъ называется также Ермиломъ или Ермохой Тимоѳеевичемъ; въ есаулы пожаловали Никитушку Романыча или Никиту Иваныча. Ермакъ предлагаетъ своимъ „ребятамъ" идти на помощь къ царю Ивану Васильевичу, подъ городъ Казань:

«Еще какъ-то намъ, ребята, Казань городъ брать?
Вотъ подъ городомъ Казанью стоитъ Бѣлый царь,
Стоитъ Бѣлый царь, Иванъ сударь Васильевичъ,
Онъ немного и немало стоитъ—семь годовъ,
Онъ подкопушки подкапывалъ все на семь верстъ,
Калены стрѣлы пускалъ безсчётныя:
Мы пойдемъ-ка же, ребята, на подмогу къ нимъ!» *)

По другой пѣснѣ, Ермакъ заявляетъ товарищамъ для большей убѣдительности, что Бѣлый царь простоялъ подъ Казанью уже семь годовъ, а „на восьмомъ годочкѣ хочетъ прочь идти".—„Пойдемте, ребята,—заключаетъ свою рѣчь атаманъ,—поклонимся Бѣлому царю! Казанскому губернатору не покоримся".—О томъ, какъ удалымъ казакамъ дойдти до Казани, Ермакъ говоритъ: „Саратовску губернію съ вечера пройдемъ, Царицынъ городочекъ во глуху полночь, въ Жегулевскихъ горахъ остановимся, остановимся, расположимся" **).

*) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Москва. 1864. Выпускъ 6. Стр. 25—26.

**) Ibidem, стр. 26—27.

Digitized by Google

Въ приведенныхъ пѣсняхъ о помощи, оказанной Ермакомъ Грозному царю при завоеваніи Казани, говорится, что казаки по собственной иниціативѣ пожелали оказать услугу царю. Но есть еще одна пѣсня, въ которой дѣло передается нѣсколько иначе. Ермакъ Тимоѳеевичъ предлагаетъ своимъ удалымъ молодцамъ отправиться зимовать на рѣку Куму. И казаки уже готовы были послѣдовать совѣту своего атамана, какъ вдругъ, вмѣсто зимовки въ „балаганахъ камышевыхъ“ и охоты на куницъ, лисицъ и черныхъ соболей, имъ пришлось подумать совсѣмъ о другаго рода занятіяхъ. „Погодя немножко, на единый часъ,—говорится въ пѣснѣ,—не буря шумитъ и не громъ гремитъ. отъ царя къ Ермаку курьеръ бѣжитъ“. Прибѣгаетъ курьеръ къ самому Ермаку Тимоѳеевичу и подаетъ ему указы государевы. „Принималъ Ермакъ указы,—говорится далѣе въ пѣснѣ,—самъ вычитывалъ, прочитавши указы, рѣчь возговорилъ: я тебя, посланничка, не слушаю, а я самъ къ царю на отвѣтъ пойду“. И тотчасъ же атаманъ снаряжается въ путь въ Москву. „Надѣваетъ Ермакъ свою куньюю шубу, подпоясываетъ сабельку булатную, а шапочку вздѣваетъ, молодецъ, трухменочку“, — такъ описываетъ пѣсня сборы Ермака въ путь. Пріѣхалъ Ермакъ Тимоѳеевичъ въ Москву и разгуливаетъ въ своей нарядной одеждѣ по улицѣ. „У куньей шубы полы развѣваются, княжья-то бояры удивляются, что хорошъ, пригожъ, молодецъ уродился“. Даже самъ царь замѣтилъ пригожаго молодца и сталъ его разспрашивать:

«Не ты ли Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ?
Не ты ли воровской донской атаманушка?
Не ты ли гулялъ тамъ по синю морю,
Не ты ли разбивалъ мои корабли?»

Добрый молодецъ, не смущаясь, отвѣчаетъ:

«То-то я-то Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
То-то я-то казачій атаманушка,
То-то я-то гулялъ по синю морю,
То-то я-то разбивалъ корабли;
Но корабли были не орленые,
Не орленые были, не тавреные,
Не платили государю дани-пошлины».

На эту смѣлую рѣчь Ермака Тимоѳеевича царь сказалъ:

«За всѣ загадочки, за всѣ прошлыя,
И за эту бѣду тебя Богъ проститъ:

Digitized by Google

Заслужи ты, Ермакъ, мнѣ службу вѣрную,
Возьми ты, Ермакъ, мнѣ Казань городъ» *).

Какъ видно изъ этой пѣсни, царь самъ призвалъ Ермака съ товарищами къ себѣ на помощь при завоеваніи Казанскаго царства.

Итакъ, казаки рѣшили идти подъ Казань на помощь царю Бѣлому. Какимъ образомъ атаманъ со своими молодцами помогъ царю Ивану Васильевичу завоевать Казанское царство, объ этомъ говорится даже съ нѣкоторыми нелишенными интереса подробностями въ одной пѣснѣ. Дѣло это, по народному представленію, было такъ. Ермакъ вмѣстѣ съ казаками донскими, гребенскими и яицкими является къ царю Грозному подъ Казань и хочетъ взять городъ въ три часа (а царь, надо замѣтить, по этой пѣснѣ, не могъ взять Казань въ три года). Переодѣвшись нищимъ, атаманъ проникаетъ въ Казань, замѣчаетъ то мѣсто въ городѣ, гдѣ находится „пороховая казна", затѣмъ приказываетъ своимъ казакамъ выкопать „ровъ подъ порохову казну" и производитъ такимъ образомъ взрывъ, такъ что „Казань поднялся (sic) облакомъ". Казаки, между тѣмъ, воспользовавшись переполохомъ, происшедшимъ отъ взрыва, бросаются въ городъ и перебиваютъ всѣхъ бусурманъ, такъ какъ „плѣнъ донскимъ казакамъ не нуженъ". Казаковъ у Ермака при взятіи Казани было всего только триста человѣкъ. За помощь при завоеваніи Казани царь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ атамана княжескимъ достоинствомъ, наградилъ его „именною медалью золотою" и подарилъ ему „тихій Донъ, со всѣми его рѣками и проточками". Въ концѣ концовъ Ермакъ обращается къ своимъ боевымъ товарищамъ со словами, повидимому, не совсѣмъ гармонирующими съ духомъ вольнаго казачества. Онъ говоритъ:

«Пойдемте, братцы, на тихій Донъ, поселимся,
Не женатые, братцы, всѣ поженимся,
Будемъ на Дону жить, рыбу ловить» **).

Какъ видимъ, Ермакъ Тимоѳеевичъ, по народному воззрѣнію, прежде чѣмъ отправиться въ походъ для завоеванія Сибирскаго царства, жилъ и дѣйствовалъ со своими товарищами на Волгѣ, Дону и Каспійскомъ морѣ. Постояннаго мѣстопребыванія у него

*) Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ. Составилъ А. Савельевъ. Спб. 1866. Стр. 76—77.

**) Пѣсня о томъ, какъ Ермакъ Тимоѳеевичъ вмѣстѣ съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ завоевалъ Казань, напечатана въ «Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ», 1866, № 10, стр. 46.

Digitized by Google

не было: въ пѣсняхъ говорится, что казаки собирались на разныхъ островахъ, въ горахъ Жегулевскихъ на Волгѣ и по берегамъ рѣкъ, въ кустахъ и камышахъ. Дружина Ермака, по пѣснямъ, состояла изъ казаковъ донскихъ, гребенскихъ, запорожскихъ, яицкихъ и вообще изъ разныхъ бродягъ. Вся эта разношерстная толпа выбирала себѣ начальниковъ—атамановъ и эсауловъ. Когда нужно было обсудить и рѣшить какой нибудь вопросъ, собирался, по казачьему обычаю, войсковой кругъ, въ которомъ дѣло рѣшалось съ общаго согласія. Занятіемъ Ермака и его товарищей были грабежи и разбои: на морѣ Каспійскомъ казаки разбивали бусы-корабли, на рѣкахъ—лодки-коломенки и мелкія суденушки; грабили купцовъ русскихъ, турецкихъ и персидскихъ; не щадили и казны государевой. Вотъ каковы были Ермакъ и его казаки, по народному представленію, выразившемуся въ историческихъ пѣсняхъ. Согласно ли это съ дѣйствительностію? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно обратиться къ сибирскимъ лѣтописямъ, какъ единственнымъ достовѣрнымъ источникамъ для исторіи Ермака и его дѣятельности. „Германъ въ дружинѣ своей Ермакомъ прослывъ и атаманомъ нареченъ...., воюя бусы по Хвалынскому морю и на Волгѣ со многими своеволными вои, яко и царскую казну шарпалъ“,—читаемъ въ Ремезовской лѣтописи *). Ермакъ „воевалъ и разбивалъ,—говорится далѣе въ той же лѣтописи, — на Окѣ и Волгѣ и на морѣ суды и катарги торговыхъ караваны..., хотя идти въ Кизылбаши (т. е. въ Персію), для своей власти, съ донскими и яицкими... Кизылбашскихъ пословъ пограбили Ермачко... со многими людми“ **). Наконецъ, еще въ той же лѣтописи сказано: „Собранiи воини съ Ермакомъ на Дону, съ Волги и съ Еику, изъ Астрахани, изъ Казани, ворующе, разбиша государевы казенныя суды пословъ и бухарцовъ на усть Волги рѣки“ ***). Въ Строгановской лѣтописи о разбояхъ Ермака и его казаковъ говорится кратко: „Слышаху... Строгановы отъ достовѣрныхъ людей, о буйствѣ и храбрости поволскихъ казаковъ и атамановъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, яко на Волгѣ, на перевозѣхъ, ногайцовъ побиваютъ и ордобазарцовъ грабятъ и побиваютъ...“ ****). Изъ сопоставленія лѣтописныхъ свѣдѣній объ Ермакѣ, какъ воровскомъ

*) Краткая сибирская (Кунгурская) лѣтопись. Спб. 1880. Статья 3-я.

**) Ibidem, статья 5-я.

***) Ibidem, статья 10-я.

****) Приложенія къ соч. Небольсина «Покореніе Сибири». Строгановская лѣтопись, глава VIII-я.

Digitized by Google

атаманѣ, съ данными историческихъ пѣсенъ, нельзя не замѣтить, что тѣ и другія свѣдѣнія въ общемъ рѣшительно сходны, и значитъ, народныя историческія пѣсни объ Ермакѣ вполнѣ заслуживаютъ вниманія историка и могутъ быть имъ приняты, какъ одинъ изъ немаловажныхъ источниковъ *).

Однако, по народному представленію, Ермакъ, производя разбои и грабежи, не былъ станичникомъ, разбойникомъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ не порвалъ окончательно общественной связи съ отечествомъ. Ермакъ называетъ Россію—„мать-Россіюшка". Онъ со своими товарищами готовъ „поклониться царю Бѣлому" и, чтобы искупить грѣхи своей воровской казацкой жизни, помогаетъ царю Грозному завоевать Казань. Но, смиряясь предъ царскою властью, Ермакъ, какъ изображается въ тѣхъ же пѣсняхъ, не терпѣлъ подчиненія боярамъ и воеводамъ государевымъ. Въ пѣсняхъ на этотъ счетъ есть нѣсколько указаній. Такъ казаки не задумались ограбить и убить царскаго посланника, ѣхавшаго по Волгѣ. Когда къ Ермаку отъ царя явился „курьеръ", Ермакъ не хочетъ съ нимъ и говорить, предпочитая имѣть дѣло лично съ царемъ въ Москвѣ. Наконецъ, въ одной пѣснѣ атаманъ, между прочимъ, говоритъ своимъ казакамъ: „казанскому губернатору не покоримся". Это признаніе со стороны казаковъ царской власти, готовность ихъ при случаѣ служить ей, но въ то же время ихъ безпредѣльная ненависть къ представителямъ государственнаго начала—боярамъ и воеводамъ, и безпощадные, безъ разбора, грабежи и разбои казаковъ,—всѣ эти черты, отмѣченныя народомъ въ историческихъ пѣсняхъ объ Ермакѣ и его удалыхъ товарищахъ, совершенно подтверждаются положительной исторіей. Костомаровъ въ своей монографіи объ Ермакѣ даетъ такую же характеристику казачества, изъ нѣдръ котораго вышла дружина завоевателя Сибирскаго царства. На дальнемъ югѣ древней Россіи,—говоритъ этотъ историкъ, — собирались казаки „въ смыслѣ самостоятельнаго братства вольныхъ военныхъ людей, которые управлялись сами собою, считали себя независимыми, и если

*) Кстати, замѣтимъ здѣсь, что историческія пѣсни объ Ермакѣ вошли въ видѣ небольшихъ отрывковъ въ составъ сибирскихъ лѣтописей. Такъ, напримѣръ, въ Строгановской лѣтописи по Толстовскому списку, еще не изданному, однако теперь уже приготовляемому къ изданію въ археографической коммиссіи вмѣстѣ съ другими сибирскими лѣтописями, находится отрывокъ, въ которомъ, при сравненіи, обнаруживается сходство съ пѣснями о разбояхъ Ермака.

Digitized by Google

изъявляли готовность служить царю, то какъ бы добровольно. Такіе казаки распространялись не только на Дону, но и на Волгѣ; оказывая иногда услуги правительству, они уже въ это время заявляли себя къ нему непріязненно: вопреки царскому запрещенію, вели войны съ сосѣдями, нападали на царскихъ посланцовъ, грабили царскіе товары и купцовъ и давали у себя пріютъ опальнымъ и бѣглымъ". *).

Дружина Ермака, по словамъ Костомарова, принадлежала къ разряду разбойническаго казачества. Съ такимъ же точно характеромъ Ермакъ и его товарищи представляются русскимъ народомъ въ историческихъ пѣсняхъ. Разбойническій характеръ донскаго казачества обусловливался, съ одной стороны, необходимостью для казаковъ вести почти постоянную кровавую борьбу съ сосѣдями-татарами; съ другой стороны, въ составъ казачества входили особенно безпокойные элементы. „Въ казаки,—говоритъ Костомаровъ,—шли люди бездомовные, бѣдные, „меньшіе" и вносили съ собою непріязнь къ людямъ богатымъ, знатнымъ и большимъ. Отсюда-то происходило, что казаки или шайки, называвшія себя казаками, съ спокойною совѣстью нападали на караваны и грабили царскихъ пословъ и богатыхъ московскихъ гостей. Но казаки, не смотря на все это, были русскіе люди, связанные вѣрою и народностью съ тѣмъ обществомъ, изъ котораго вырывались; государству всегда оставалась возможность съ ними сойдтись, и если не сразу подчинить ихъ, то до извѣстной степени войдти съ ними въ сдѣлку, дать уступки и, по возможности, обратить ихъ силы въ свою пользу. Убѣжавши съ прежнихъ мѣстъ жительства на новыя, казаки могли быть довольны, если въ этомъ новомъ жительствѣ имъ не мѣшали и оставляли съ пріобрѣтенными льготами. Отъ этого, какъ только царская власть обращалась съ ними дружелюбно, они готовы были служить ей, но только остерегались, чтобы у нихъ не отняли ихъ льготъ" **).

Спеціальный историкъ войска Донскаго Броневскій даетъ характеристику казаковъ, товарищей Ермака, также совершенно согласную съ народными воззрѣніями, выразившимися въ историческихъ пѣсняхъ о сибирскомъ завоевателѣ. „Донскіе казаки при первыхъ подвигахъ своихъ,—говоритъ этотъ изслѣдователь,—за-

*) Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ I. Спб. 1880. Изд. 2-е. Стр. 538.

**) Ibidem, стр. 541 и 542.

Digitized by Google

служили и похвалу, и опалу: то были честными воинами, то мятежниками и грабителями. Гнѣвные отзывы царя Іоанна Васильевича о сей вольницѣ, въ письмахъ къ султанамъ и ханамъ таврическимъ были, къ сожалѣнію, справедливы: ибо казаки дѣйствительно разбивали купцовъ и пословъ на пути ихъ въ Москву, грабили самую казну государеву, нѣсколько разъ заслуживали опалу; нѣсколько разъ высылались дружины воинскія на берега Дона и Волги, чтобы разогнать сихъ хищниковъ. Такъ въ 1577 году стольникъ Иванъ Мурашкинъ, предводительствуя сильнымъ отрядомъ, многихъ изъ нихъ взялъ и казнилъ, но другіе не смирились; уходили на время въ пустыни, снова являлись и злодѣйствовали на всѣхъ дорогахъ, на всѣхъ перевозахъ; въ быстромъ набѣгѣ взяли (1580) даже столицу ногайскую, Сарайчикъ, не оставили тамъ камня на камнѣ и вышли съ знатною добычей, раскопавъ самыя могилы, обнаживъ мертвыхъ" *). Правленіе казаковъ, по словамъ того же историка, „составилось по образцу русской мірской сходки. Всѣ общественныя дѣла рѣшались на кругу: такъ называлось ихъ вѣче, гдѣ каждый казакъ, отъ атамана до послѣдняго, имѣлъ равный голосъ. Въ семъ собраніи народъ, по общему согласію, иногда же по большинству голосовъ, ежегодно избиралъ и смѣнялъ атамановъ и старшинъ своихъ, чинилъ судъ словесный и приговаривалъ къ казни обвиненныхъ. Безъ согласія сего круга войсковые атаманы ничего важнаго, или общественнаго предпринимать не могли" **). Такая же картина запорожскаго управленія рисуется намъ въ историческихъ пѣсняхъ объ Ермакѣ и его жизни на Дону, Волгѣ и морѣ Каспійскомъ. Однако, казаки, не смотря на свою ни отъ кого независимую жизнь, не смотря на свое рѣшительно враждебное отношеніе къ русскимъ людямъ, изъ среды которыхъ они вырвались,—казаки донскіе „всегда и безусловно, по словамъ Броневскаго, признавали себя подданными россійскихъ монарховъ: они составляли въ сущности какъ бы колонію нашу, или нѣчто отдѣльное, жившее собственною своею жизнію; но, обитая на границахъ государства могущественнаго и будучи русскими, мысль оставить отечество, отдѣлиться, образовать республику самобытную и независимую, никогда и въ голову имъ не приходила, хотя политическія обстоятельства, до

*) Исторія Донскаго войска. Соч. Владиміра Броневскаго. Ч. I-я. Спб. 1834. Стр. 59 и 60.

**) Ibidem, стр. 45.

Digitized by Google

восшествія на престолъ Алексѣя Михайловича, весьма могли имъ въ томъ благопріятствовать"*).

При сопоставленіи пѣсенъ о разбояхъ Ермака съ сибирскими лѣтописями и историческими изслѣдованіями мы желали обратить вниманіе только на главные пункты, не вдаваясь въ слишкомъ спеціальныя подробности, но и сказаннаго нами, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, какъ важно для положительной исторіи знакомство съ историческими пѣснями объ Ермакѣ Тимоѳеевичѣ, какъ вольномъ, воровскомъ атаманѣ. Изученіе этихъ пѣсенъ знакомитъ съ воззрѣніемъ народнымъ на жизнь Ермака, предшествовавшую дѣятельности его, какъ завоевателя Сибирскаго царства, и, кромѣ того, представляетъ для историка интересный матеріалъ для сравненія съ лѣтописными свѣдѣніями. Вопросъ о происхожденіи Ермака, какъ извѣстно, еще далеко не выясненъ, и тѣмъ болѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на народныя пѣсни, воспѣвающія сибирскаго завоевателя какъ воровскаго атамана. Разгадавъ эти пѣсни, изслѣдователю, наконецъ, можетъ быть, удастся выработать болѣе точное представленіе о жизни и дѣятельности Ермака до времени завоеванія имъ Кучумова царства и такимъ образомъ навсегда избавиться отъ разныхъ легендарныхъ и сбивчивыхъ повѣствованій, затемняющихъ начало біографіи знаменитаго атамана-завоевателя.

Слѣдующая статья наша будетъ посвящена народнымъ историческимъ пѣснямъ о покореніи Ермакомъ Тимоѳеевичемъ Сибирскаго царства.

А. Оксеновъ.

*) Ibidem, стр. 46 и 47.

Digitized by Google

Крѣпостничество въ Сибири.

(Страницы изъ исторіи инородческой и крестьянской неволи).

I.

Прошло 25 лѣтъ съ того момента, когда 20 милліоновъ русскихъ подневольныхъ людей получили свободу, и крѣпостное право сдѣлалось достояніемъ исторіи.

Длинный періодъ крѣпостнаго права въ Россіи не могъ не оставить слѣда и на окраинахъ метрополіи, не смотря на то, что эти окраины колонизовались на счетъ той вольницы, которая въ своихъ стремленіяхъ въ невѣдомыя страны искала исхода отъ тогдашняго барскаго гнета на Руси. Предполагая говорить о крѣпостномъ правѣ въ Сибири, я долженъ сознаться, что берусь за задачу нелегкую. Крестьяне Европейской Руси насчитываютъ достаточное число извѣстныхъ лицъ, посвятившихъ свои труды изслѣдованіямъ прошлаго и настоящаго народной жизни; Сибирь же съ ея крестьянствомъ до сихъ поръ не имѣетъ своего историка-изслѣдователя.

„Се доздѣ доплывше, вѣтрила словесъ спустивше, въ твердомъ пристанищѣ исторіи охотнѣ почіемъ“,—говоритъ одинъ изъ сибирскихъ Несторовъ, заканчивая свой лѣтописный трудъ; но прошло много лѣтъ, а сибирская исторія далека отъ именованія подобнаго пристанища.

Пользуясь доступными литературными и архивными матеріалами, я дѣлаю попытку передать исторію крѣпостничества въ Сибири, но при этомъ далекъ отъ мысли, что настоящая моя работа уничтожитъ замѣтный пробѣлъ какъ въ исторіи Сибири, такъ вообще въ исторіи русскаго крѣпостнаго права, и буду радъ, если она послужитъ началомъ изслѣдованіямъ, посвященнымъ этому предмету.

Digitized by Google

„Сибирь не знала крѣпостнаго права“ — слова, получившія, такъ сказать, право гражданства въ литературѣ этого предмета. Крѣпостное право, принявшее на Руси столь грандіозные размѣры, захватывало все вниманіе, и немногочисленные сибирскіе крѣпостные крестьяне не вызывали спеціальныхъ изслѣдованій. Явленіе вполнѣ естественное, повидимому, находящее оправданіе и въ степени тяготы, размѣровъ крѣпостничества и особыхъ экономическихъ условій страны; но, къ сожалѣнію, несогласное съ истиной, а потому въ первыхъ же строкахъ приходится увѣрить читателя въ томъ, что крѣпостническія стремленія и традиціи, развиваясь въ Россіи, проникали постепенно и въ Сибирь.

Въ странѣ, гдѣ русскій человѣкъ находилъ свободный трудъ, гдѣ онъ могъ совершенно привольно развернуться и гдѣ народнымъ стремленіямъ, идеаламъ и инстинктамъ открытъ былъ такой широкій просторъ,—въ этой странѣ все время мы видимъ попытки совершенно противоположнаго свойства.

Разсматривая исторію крѣпостничества въ Сибири, нельзя ограничиваться крѣпостнымъ правомъ въ точномъ смыслѣ этого слова; т. е. владѣніемъ помѣщиками населенными имѣніями и крестьянами безъ земли. Историкъ Словцовъ указываетъ на существованіе крѣпостныхъ въ Сибири во время первой переписи, т. е. въ 1723 году, *) но, по всѣмъ даннымъ, то были единичные и крайне малочисленные случаи; въ общемъ же можно увѣренно сказать, что появленіе ихъ въ болѣе значительномъ числѣ относится къ позднѣйшему времени. На первыхъ же страницахъ сибирской исторіи позорными пятнами являются кабала и неволя побѣжденныхъ инородцевъ, затѣмъ подневольный трудъ въ монастырскихъ имѣніяхъ и на горныхъ заводахъ, какъ въ формѣ приписки къ нимъ государственныхъ крестьянъ, такъ и въ видѣ казенныхъ мастеровыхъ, а также закрѣпощеніе за нѣкоторыми фабриками крестьянъ на поссессіонномъ правѣ.

Такимъ образомъ, посвящая настоящую статью очерку крѣпостничества въ Сибири, во всѣхъ его видахъ, считаю невозможнымъ обойдти молчаніемъ исторію порабощенія инородцевъ, какъ

*) Истор. Обозр. Сибири, т. 2-й, стр. 28: «Нашлись записанными при первой переписи 1723 года за архіерейскими служками, купцами, казаками и разночинцами крѣпостные люди изъ купленныхъ у помѣщиковъ, изъ государственныхъ крестьянъ или изъ городовыхъ разночинцевъ, и также изъ «ссыльныхъ»...

Digitized by Google

имѣющую прямую связь съ ходомъ крѣпостническихъ стремленій и вліяніе на ихъ развитіе.

„Въ Сибири, какъ въ странѣ, завоеванной такими людьми, которые немногимъ были выше ея туземныхъ полудикихъ племенъ, побѣда господствующей расы была результатомъ войны и всѣхъ ея послѣдствій“,—говоритъ Шашковъ въ своемъ трудѣ о рабствѣ въ Сибири. Войны и рабство шли рядомъ повсюду, гдѣ только соприкасались враждебныя населенія въ этой обширной странѣ. Русскіе явились въ Сибирь какъ завоеватели и, кромѣ оружія и эксплоатаціи, не могли ничего принести съ собою въ среду туземнаго населенія, и потому рабство, существовавшее до нихъ, съ приходомъ ихъ еще болѣе усилилось. Обстоятельства времени завоеванія, замиренія и колонизаціи этой страны, вплоть до начала XIX вѣка заставили сибиряка обращать инородца въ неволю... Русскій людъ, бросая цѣпи рабства и идя въ неизвѣстныя страны, на каждомъ шагу самъ, по праву сильнаго, проявлялъ наклонность закабалять другихъ, болѣе слабыхъ.

Мрачными красками рисуетъ Шашковъ отношеніе русскихъ къ инородцамъ, особенно въ первый вѣкъ, вѣкъ широкаго авантюризма; но не мѣшаетъ оговориться, что мрачность красокъ у этого изслѣдователя является отъ сгруппировки всѣхъ фактовъ порабощенія воедино, при отсутствіи данныхъ о другихъ сторонахъ жизни тогдашняго времени. Намъ кажется, что, если бы приведенные авторомъ факты привести въ связь съ другими явленіями мѣстной жизни, то они не производили бы такого подавляющаго впечатлѣнія; но во всякомъ случаѣ надо сознаться, что историческіе документы свидѣтельствуютъ о печальныхъ фактахъ, съ которыми мы и постараемся, въ краткихъ словахъ, познакомить нашихъ читателей.

Пришельцы, ведя въ первое время бродячую жизнь, не испытывали особой нужды въ даровомъ работникѣ-мужчинѣ; имъ прежде всего нужны были женщины для половой потребности, и они не медлятъ, пользуясь правомъ сильнаго, обращать въ рабство инородокъ, дѣлать ихъ своими наложницами и рабами-хозяйками. Воеводы, чиновники, казаки, стрѣльцы, всѣ, кто только имѣлъ въ своихъ рукахъ власть и значеніе, во время своихъ разъѣздовъ по стойбищамъ инородцевъ, не только „имали къ себѣ ихъ женщинъ ради кратковременнаго блуднаго воровства“, но часто завладѣвали ими совершенно и, увозя съ собою, пользовались ими сами или продавали ихъ другимъ. Русскихъ женщинъ было

Digitized by Google

мало, и пришлый людъ поневолѣ долженъ былъ пріобрѣтать туземокъ. А развращенный правящій классъ тогдашней Сибири заводилъ цѣлые гаремы; ему подражали всѣ, кто могъ, даже у простаго казака бывало по нѣскольку наложницъ; пріобрѣтать ихъ было нетрудно: цѣна на нихъ стояла невысокая, 10—20 рублей *). Иногда женщины дарились воеводамъ въ видѣ взятки торговыми и служилыми людьми, иногда покупали несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и воспитывали ихъ до возраста возмужалости, чтобы съ барышемъ продать, для наслажденія развратныхъ людей. Мы уже не говоримъ объ отдачѣ женщинъ-рабынь на время, обычаѣ, на столько распространенномъ тогда, что самыя женщины получили особое названіе „кортомныхъ дѣвокъ“. Воеводы „не разъ отдавали помѣсячно безмужнихъ женъ на блудъ“ **) и заводили дома терпимости; невольницы-инородки составляли значительную часть населенія этихъ убѣжищъ разврата и приносили несомнѣнно большіе барыши своимъ властелинамъ.

Весьма понятно, что подневольныя женщины, кромѣ удовлетворенія половой потребности, играли важную роль въ экономической жизни тогдашняго населенія: онѣ вмѣстѣ съ другими рабами составляли низшій рабочій классъ старинной Сибири, — классъ, созданный въ силу экономической необходимости.

Экономическая необходимость рабства и рабовладѣльческіе инстинкты русскаго населенія были на столько сильны, что законъ, нѣсколько ограждавшій въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка инородца отъ насилія, былъ принужденъ уступить самой жизни, а вѣрнѣе, вліянію мѣстнаго правящаго класса, и рабство было признано и получило съ этого времени особенно сильное развитіе. Покоряя инородцевъ „въ вѣчное великому государю холопство“, завоеватели не забывали и себя, захватывая плѣнниковъ, или „ясырей“, и обращая ихъ въ своихъ личныхъ рабовъ.

Сохранившіеся историческіе документы этого времени даютъ яркія свидѣтельства о захватѣ и полоненіи инородцевъ. „Въ 1704 г. на киргизовъ, кочевавшихъ на Божьихъ озерахъ, ходилъ томскій козачій голова, Цицуринъ... въ битвѣ съ козаками пало убитыми 113 киргизовъ и татаръ, а въ плѣнъ уведено 237 человѣкъ обоего пола... ***). „Божіею милостью тобольскіе и тарскіе служилые люди

*) Миллеръ. Исторія Сибири, ч. II, стр. 412.

**) Акты историч., т. IV, стр. 183.

***) Древности и достопамятности Сибири, въ «Сиб. Вѣстн.», 1822.

Digitized by Google

ходили на калмыковъ, побили ихъ и вернулись съ плѣнными невольниками...",—говоритъ другой документъ. Подобные походы не были исключительностью какой либо одной области,—они были вездѣ: якутскіе воеводы то же дѣлали съ якутами, забайкальскіе и иркутскіе—съ бурятами; енисейскіе, тобольскіе и березовскіе—съ самоѣдами, остяками, татарами, киргизами и калмыками. Личность самыхъ мирныхъ дикарей никогда и ничѣмъ не была обезпечена отъ насильнаго захвата ихъ въ неволю *). Инородцевъ часто захватывали даже тогда, когда они за чѣмъ либо являлись въ города и остроги, и составляли на нихъ купчія крѣпости, не смотря даже на то, что во второй половинѣ XVIII в. русское законодательство положительно воспрещало насильственное обращеніе инородцевъ въ рабство, но въ тогдашней Сибири законъ, въ силу круговой мошеннической поруки всѣхъ сильныхъ, оставался мертвой буквой.

„И писано изъ Тобольска на Тару и въ иные сибирскіе города, а велѣно тотъ ясырь для размѣну сыскивать и учинити законъ крѣпкой: у кого есть того погрому ясырь калмыцкій, и тѣ бъ люди тотъ ясырь являли, а у себя бъ того ясырю не таили и не крестили и не продавали" **),—такъ указывала высшая власть. Но это далеко не исполнялось, къ тому же надо присоединить, что кабалители нашли особый исходъ для неисполненія повелѣній закона. Исходъ этотъ заключался въ крещеніи инородцевъ въ православную вѣру, такъ какъ по тогдашнимъ понятіямъ крещенаго инородца нельзя было возвращать въ среду нехристей.

„Крещеніе въ неволю" было чрезвычайно распространено въ Сибири и долго считалось средствомъ, дающимъ полное право собственности на окрещеннаго тому лицу, кто обращалъ его въ православіе; онъ владѣлъ такимъ рабомъ, продавалъ его и оставлялъ въ наслѣдство по завѣщанію ***).

Но правительство, наконецъ, и это воспретило, не дозволяя „всякимъ людямъ" крестить инородцевъ, а въ 1726 году Петръ Великій, по просьбѣ сибирскаго митрополита Филоѳея, велѣлъ объявить по Березовскому уѣзду, что всѣ новокрещенные, находящіеся въ кабалѣ, освобождаются, не смотря ни на какія крѣпости.

Кромѣ захвата рабовъ силою, въ Сибири естественно явился

*) С. С. Шашковъ. Истор. этюды. Рабство въ Сибири, стр. 109.
**) Акт. ис., т. III, стр. 314.
***) Шашковъ, стр. 114.

Digitized by Google

и торгъ невольниками. Сначала безъисходная бѣдность инородческаго населенія побуждала продавать свободу свою и своихъ дѣтей, а затѣмъ мало-по-малу продажа невольниковъ вошла въ обыкновеніе и сдѣлалась обыденнымъ явленіемъ.

„Камчадалы и другіе безгласные инородцы доведены были застращиваніями,—говоритъ Словцовъ,—до такой крайности, что сами родители продавали казакамъ и промышленникамъ своихъ ребятъ по рублю и по полтинѣ“ *). Въ Березовскомъ краѣ семилѣтнихъ остяцкихъ мальчиковъ продавали по 25, а дѣвочекъ по 20 коп. за штуку. Средняя норма, впрочемъ, была выше, хотя случалось покупать мальчика и за лукошко муки. Постепенно образовались центры рабовладѣльческой торговли и таковыми сдѣлались Енисейскъ, Тюмень, Томскъ и Тобольскъ.

Существующая торговля продолжала процвѣтать, буквы закона не были ей страшны, а къ этому же по временамъ являлись и законодательные акты, санкціонирующіе право рабовладѣнія. Начало было положено еще уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. „Въ прошломъ въ 132 году (1624) посланъ указъ въ Сибирь и Астрахань: татаръ и татарченковъ мужеска и женска пола всякимъ людямъ покупати и даромъ ни у кого имати и на Русь ни съ кѣмъ высылати не велѣно. А нынѣ такихъ татаръ и татарченковъ въ Астрахани и въ Сибири покупати всѣмъ людямъ попрежнему, опричь воеводъ и всякихъ приказныхъ людей“... Затѣмъ противъ рабства вооружился Петръ Великій, а за нимъ и Анна Іоанновна, въ своемъ указѣ 31-го мая 1733 года, но та же императрица, въ 7 § указа 1737 года 16-го ноября, дала полную санкцію рабству: „...Калмыкъ и другихъ націй, которые, какъ извѣстно, крещены бываютъ и хозяевамъ достаются малолѣтніе, дозволяется всякому покупать, крестить и у себя держать, безъ всякаго платежа подушныхъ денегъ, одною запискою въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ“. Въ 1756 году, благодаря сибирскому губернатору Мятлеву, вновь было оформлено и освящено законодательнымъ актомъ крещеніе въ неволю.

Главнымъ же основаніемъ сибирскаго рабства послужилъ законъ 9-го января 1757 года, утверждавшій слѣдующее представленіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ: „Привозимыхъ киргизами разныхъ націй плѣнниковъ, всякаго званія людямъ, по недостатку въ Сибири такихъ людей, которымъ по указамъ *крѣпостныхъ*

*) Словцовъ. Истор. Обозр. Сибири, 1 ч. нов. изд., стр. 279.

Digitized by Google

людей имѣть велѣно, покупать и на товары вымѣнивать, а потомъ и крестить не только воспрещать не подлежитъ, но еще пріохачивать къ нему надобно, для того, дабы лучшее стараніе было изъ магометанъ и идолопоклонниковъ приводить въ православный христіанскій законъ. Таковыхъ покупаемыхъ плѣнниковъ объявлять немедленно въ кр. Ямышевской и Семипалатинской командирамъ, описывая при томъ ихъ лѣта и ростъ. А потомъ, какъ оные пообучатся россійскому языку, объявлять ихъ въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ и брать на нихъ владѣнныя записи. Всѣмъ у киргизъ-кайсаковъ покупаемымъ плѣнникамъ у такихъ людей, которымъ по указамъ крѣпостныхъ людей имѣть не велѣно, быть крѣпкими по смерть оныхъ покупателей."

Въ этомъ актѣ уже является различіе, кто можетъ владѣть рабами. Право вѣчное и потомственное распространяется только на тѣхъ, кто можетъ имѣть крѣпостныхъ людей, т. е. на классъ дворянскій и чиновничій, остальные же должны владѣть рабами только пожизненно.

Число покупателей росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число продавцевъ. Контингентъ первыхъ главнымъ образомъ составляли чиновники, купцы и посадскіе люди, набиравшіе себѣ дворню изъ рабовъ и щеголявшіе численностью ея.

II.

Въ свою очередь, параллельно съ только-что описаннымъ прискорбнымъ теченіемъ сибирской жизни, переносились на почву ея чуждыя крѣпостническія стремленія, по отношенію къ захвату земель правящимъ классомъ. Чиновничье крупное землевладѣніе, во все время, начиная съ 1728 года, было особымъ pium desiderium мѣстной администраціи. Распоряженія по этому предмету центральнаго правительства и сохранившіяся ходатайства сибирскихъ властей свидѣтельствуютъ объ излюбленности этихъ идей и объ упорномъ желаніи увѣковѣчить крѣпостническія традиціи въ Сибири. „Что сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, казаковъ и прочихъ служилыхъ чиновъ, по присланной въ сенатъ въ 1725 году августа 27 дня вѣдомости для посылокъ и службы изъ денежнаго жалованья съ землею по указу ихъ верховнаго тайнаго совѣта марта 31 дня 1727 года велѣно прибавить въ Якутскъ и быть 1,500 человѣкамъ... Въ Сибири дворянамъ безъ жалованья

Digitized by Google

служить не можно, *понеже людей и крестьянъ не имѣютъ, и купить негдѣ*; и для того предположено, дабы вмѣсто жалованья *землями съ пристойными угодьями удовольствовать* съ такимъ обнадеживаніемъ, что у нихъ и ихъ дѣтей то пожалованное *вѣчно останется*" *). Подобныя же мѣры предполагалось предпринять и для обезпеченья казаковъ. „Сіи храбрые, хотя и необузданные люди не переставали вдалекѣ казаться и быть господами,—говоритъ почтенный историкъ Сибири. На сѣверовостокѣ и особенно въ Камчаткѣ они владѣли до Мерлина толпами холопей, ночи проводили за картами, проигрывали награбленныя шкуры и холопей. Но внутри Сибири, лишась прежнихъ средствъ къ наживамъ, представлялись тружениками" **). Бывшій сибирскій губернаторъ кн. Долгорукій, лично ходатайствовалъ у сената о пособіяхъ имъ. Сенатъ думалъ надѣлить землями, но въ виду заявленія губернатора, что „*нѣтъ у нихъ крестьянъ*", не счелъ цѣлесообразной эту мѣру.

При обиліи земель и при совершенной безцѣнности ихъ, возможность имѣть земельные участки безъ даровыхъ подневольныхъ работниковъ на самомъ дѣлѣ не особенно прельщала сибирскій правящій классъ.

„Начертаннымъ въ губернаторскомъ наказѣ разрѣшеніемъ, отдавать чиновникамъ для хозяйственнаго заведенія земли, по опредѣленію иркутской губернской канцеляріи 1768 года, было троекратно публиковано,—говоритъ губернскій землемѣръ Лосевъ, въ своемъ рукописномъ трудѣ, относящемся къ 1807—1810 гг. Чиновники и дворяне сибирскіе, съ пользою отечеству во время свою службу продолжавшіе, хотя удостоены были отъ начальства пустопорожними землями тогда же при самомъ началѣ публикаціи; но какъ *они не имѣли у себя своихъ людей*, а въ работы нанять было некого, то отдавали посадскимъ распахивать землю изъ половины, и таковые по волѣ работающіе люди назывались половщиками" ***). Но съ прискорбіемъ повѣствуетъ далѣе тотъ же авторъ: „лишь только завелись хлѣбопашествомъ, то половщики, позавидовавъ домообзаводственному хозяйству, приносили начальству жалобу на господствующихъ землею чиновниковъ о своихъ неудовольствіяхъ и просили, чтобы обработанныя земли отдать имъ посадскимъ людямъ за хлѣбный или

*) Полн. собр. зак., 15 марта 1728 года.

**) Словцовъ, ibid., 286 стр.

***) Хозяйственное описаніе Иркутской губерніи, составленное по программѣ Императорскаго вольно-экономическаго Общества.

Digitized by Google

денежный оброкъ, для казенной пользы." Правительство видимо не могло противостоять этимъ ходатайствамъ, такъ какъ, по словамъ того же автора, оно отбирало чиновничьи земли и отдавало посадскимъ, а „чиновники и дворяне по недостаточному состоянію, не долго пользовались".

Чиновничество сознавало свое безсиліе, земли однѣ не давали дохода, рабы-инородцы отличались непригодностью для земледѣльческихъ работъ и, большею частью, набирались только въ дворню, притомъ ихъ надо было покупать, а покупка, не смотря на невысокія по тогдашнему времени цѣны, была неособенно подъ силу „всякимъ чиновнымъ людямъ", о привозѣ крѣпостныхъ крестьянъ изъ Россіи и говорить нечего, — это было сопряжено съ величайшими затрудненіями и большими затратами.

Чиновничество, потворствуемое своею правящею братіею, вѣрное крѣпостническимъ стремленіямъ, искало выхода и вскорѣ нашло его, обративъ свое благосклонное вниманіе на безправный россійскій людъ, ссылаемый за преступленія въ Сибирь.

Но, прежде чѣмъ говорить о закрѣпощеніи ссыльнаго элемента, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о роли сибирскихъ монастырей, которые до 1764 года считались обладателями сравнительно крупныхъ населенныхъ вотчинъ. Исторія пріобрѣтенія монастырями земель въ Сибири и заселенія ихъ имѣетъ свои существенныя особенности, отличающія ее отъ монастырскихъ вотчинъ Европейской Россіи. Земли монастырямъ, благодаря попрошайничеству и происканъ, охотно давались, выбирались изъ лучшихъ и отличались просторомъ. Интересныя данныя по этому вопросу мы находимъ въ трудахъ извѣстнаго историка крестьянства В. И. Семевскаго, главнымъ образомъ въ его статьяхъ о „крестьянахъ духовныхъ вотчинъ во второй половинѣ XVIII вѣка", *) и преосвященнаго Мелетія въ его книгѣ „Церковныя грамоты Восточно-Сибирскаго края". Изъ нихъ вы видите, что, благодаря беззастѣнчивому попрошайничеству, монастыри получали одинъ участокъ за другимъ, захватывая иногда земли, занятыя и расчищенныя русскими колонистами **),

*) «Русская Мысль», 1882 г., 9 и 10 кн.

**) «Русская Старина», 1879 г., кн. 1, стр. 38. По мѣрѣ основанія въ Сибири монастырей, крестьянамъ приходилось вступать въ столкновеніе съ монастырскими властями изъ-за земельныхъ угодій. Наглядный примѣръ этого мы находимъ въ наказѣ Богучанскаго станка Енисейскаго вѣдомства. У крестьянъ Чадобскаго погоста Ивана Рукосуева и Якова Кулакова съ товарищами издавна была данная земля на рѣкѣ Тунгускѣ; на этой же землѣ Ени-

Digitized by Google

а къ этому еще въ 1704 году состоялось повелѣніе: „вмѣсто ружнаго довольствія и оклада“ поселять на монастырскихъ земляхъ, для монастырской экономіи и въ интересахъ крестьянъ изъ *гуляющихъ и иныхъ людей*. Монастырскія заботы о прикрѣпленіи къ землѣ гуляющихъ людей, для экономіи, на столько простирались, что миссіонеры, сознавая вредъ безсемейности, покупали имъ „мунгальскихъ дѣвокъ“, обращали ихъ въ православіе и этихъ дѣвокъ и бабъ давали въ придачу къ „денежной, скотинной и хлѣбной ссудѣ“. Но, надо полагать, въ виду неособенно значительнаго числа гуляющихъ людей, попадавшихся на миссіонер-

---

сейская провинціальная канцелярія дозволила поселиться крестьянину Петру Колпакову и «пахать въ обществѣ съ означенными Рукосуевымъ и Кулаковымъ въ поваль», «съ согласія съ оными крестьянами». Колпаковъ поселился тамъ и жилъ безспорно. Но въ 1696 г. «на ту же данную землю Ивана Рукосуева съ товарищи добылъ данную по оной же рѣкѣ Тунгускѣ старецъ Іакимъ Путиловъ и построилъ выше Кашиной гливеры пустыню, а рѣченнаго Колпакова съ той земли сослали и приказали пахать Чадобскаго погосту съ крестьянами въ поваль съ Иваномъ Рукосуевымъ съ товарищи». Послѣ того, однако, старецъ Іакимъ далъ Колпакову поступную на землю отъ Кежмы до Коды рѣки, на которой онъ и поселился, гдѣ и жилъ какъ самъ, такъ и дѣти его и внучата, причемъ пахали десятинную пашню и несли другія повинности. Но въ 1766 г. одинъ крестьянинъ Кашино-Шиверскаго монастыря, безъ сомнѣнія—по приказу монастырскихъ властей, подалъ челобитную въ енисейскую провинціальную канцелярію, будто они насильно завладѣли землею, и называлъ эту землю монастырскою... Енисейская канцелярія для освидѣтельствованія земли послала одного сибирскаго дворянина, который измѣрилъ ее въ присутствіи однихъ только монастырскихъ крестьянъ и отвелъ къ монастырю не только землю, заселенную черносошными крестьянами, но и владѣнія двухъ инородческихъ вѣдомствъ... Потомки Колпакова, въ числѣ 36 душъ, были согнаны и земля ихъ, изъ которой 44 десятины уже было вспахано для посѣва хлѣба, была отдана монастырскимъ крестьянамъ. Точно также у крестьянъ Рукосуева и Колюпанова съ товарищи было отнято 200 десятинъ. Земли отнимали и отнятыя земли тотчасъ же отдавали въ аренду. Потомки крестьянина Колпакова, по свидѣтельству крестьянъ Богучанскаго станка, пришли «во всекрайнее разореніе и нужду»... Жалобы отъ нихъ не принимали и они, не зная, куда подавать, приложили ее къ наказу Богучанскихъ крестьянъ. При этомъ они указывали, что у монастырскихъ крестьянъ множество земли, что значительную часть ея при измѣреніи монастырскихъ владѣній они утаили, что хотя монастырю и было уступлено земли на тридцать верстъ, но они захватили отъ Коды до Ковы рѣки съ прибавкою по рѣкѣ Тунгускѣ не менѣе какъ на 80 верстъ. Согласно этого и въ наказѣ Богучанскаго станка заявлялось, что у монастырскихъ крестьянъ въ окружности земли верстъ на триста, а пашенъ и покосовъ 3,000 десятинъ, между тѣмъ этихъ крестьянъ всего 65 душъ. (В. И. Семевскій, «Казенные крестьяне при Екатеринѣ II»).

Digitized by Google

скую удочку, миссія не брезговала и людьми „мунгальской породы". Весьма интересны поручныя записи на эту кабалу, и, въ виду этого интереса я считаю умѣстнымъ привести, какъ образчикъ, одну изъ нихъ.

„Се азъ мунгальской породы новокрещенные Иванъ Романовъ, да Тихонъ Сергіевъ, родомъ братья родные, дали сію запись на себя на Селенгѣ рѣкѣ въ новомъ Троицкомъ монастырѣ игумену Ѳеодосію, еже о Христѣ съ братіею въ томъ, что жить намъ и съ женами своими и въ томъ Троицкомъ монастырѣ во крестьянѣхъ на ихъ монастырской землѣ въ *родъ и роды*. А какъ Богъ подастъ намъ Ивану и Тихону дѣтей мужескаго пола, то тому же быть въ Троицкомъ монастырѣ и дѣтямъ нашимъ во крестьянѣхъ. А буде женскаго полу и намъ безъ благословенія отца игумена и братіи и безъ вѣдома на сторону замужъ не отдавать. А взяли мы у него игумена и у братіи изъ монастырской казны въ подмогъ безъ отдачи коня да корову, по двадцати пудъ муки ржаной, по котлу мѣдному, по топору, по косѣ, по два серпа, по сошникамъ. А пашню намъ и дѣтямъ нашимъ пахать на ихъ монастырскій обиходъ по десятинѣ въ полѣ, а сѣять ихъ монастырскими сѣменами, а хлѣбъ поспѣетъ, и намъ пахать на себя изъ монастырской земли, елико мочь моя будетъ. И живучи намъ въ крестьянѣхъ быть отъ него игумена и отъ братіи во всякомъ послушаніи, безъ всякаго прекословія, зернью и карты не играть, не пить, не бражничать и никакимъ воровствомъ не воровать и съ воровскими людьми не знатца и монастырскаго живота не покрасть и изъ монастырской пашни никуда не сбѣжать и отъ крестьянства не отбиватца не коими дѣлы и, живучи въ сосѣдствѣ съ своею братіею, быть въ смиреньствѣ, всякое мірское издѣліе дѣлать вмѣстѣ и сповалъ, околицы въ поляхъ и огороды городить какъ водитца."

Весьма подробныя свѣдѣнія о сборахъ и повинностяхъ, существовавшихъ въ монастырскихъ вотчинахъ, В. И. Семевскій нашелъ въ наказѣ крестьянъ одного села, принадлежавшаго Тобольскому Знаменскому монастырю. Прежде всего за пользованіе землею крестьяне вносили „пятинный хлѣбъ", т. е. пятый снопъ изъ урожая. Затѣмъ на разную работу они употребляли по 30 дней; пахали пашни съ вѣнца на своихъ лошадяхъ по одной трети десятины и рвали конопли по два дня; плели сѣтей для рыбной ловли по сажени изъ своей конопли, неводы садили и наводили по 2 и по 3, мяли конопли по одному пуду и парили по одной четверти

Digitized by Google

толокна. Кромѣ того, съ нихъ собиралось съ каждаго вѣнца: сѣно по 20 печатныхъ копенъ, а у кого не было сѣна, съ тѣхъ брали отъ 2 до 5 рублей,—по полторы саж. дровъ, по два бревна, по двѣ кади уголья, по 10 фунт. лыка и три скалы бересты, а кто не ставилъ всего этого, долженъ былъ платить по 72 коп. въ годъ. Кромѣ того, съ крестьянъ взыскивали по однѣмъ санямъ и дровнямъ съ 10 вѣнцовъ, по лопатѣ и одной лычной веревкѣ, смолы брали съ 10 душъ по одному печатному ведру, груздей по ведру, грибовъ по рѣшету. Они давали еще съ вѣнца по двѣ подводы въ городъ на разстояніи 63 верстъ и по двѣ подводы на мельницу за 16 верстъ, возили хлѣбъ, живую рыбу, пиво, сѣно и пр. Старики 70—80 лѣтніе караулили запоры и рыбу въ садкахъ, собирали хмѣль, пряли по 10 ф. пряжи на невода изъ монастырской конопли. Кромѣ того, нанимали отъ міра 15 человѣкъ плотниковъ, которымъ платили по 7—15 рублей въ годъ. Сверхъ всего этого, крестьяне жали яроваго хлѣба по 40 и ржи по 20 суслоновъ, пшеницу отбирали втеченіе 5 дней, ячмень скоблили и чистили, колупали сѣру съ хвойныхъ деревьевъ; съ каждой дѣвушки, достигшей 15 лѣтъ, брали тонкаго холста по 5 аршинъ. Отъ всѣхъ работъ, по словамъ крестьянъ, они пришли въ такое „крайнее раззореніе“, что и чрезъ нѣсколько лѣтъ не могли оправиться. Крестьяне Троицкаго Тюменскаго монастыря, сообщая о своихъ повинностяхъ, которыя отрабатывали въ пользу монастыря, оцѣниваютъ ихъ въ 1 руб. 72 коп. съ души, но были годы, когда въ деревняхъ того же монастыря повинности далеко были тяжелѣе. Вотъ что разсказывали крестьяне этихъ деревень. Въ 1756 году архимандритъ Софроній обложилъ ихъ тяжелыми сборами и барщиной; всѣ, начиная отъ 15 лѣтъ, должны были работать, старики наряжались въ караулы; словомъ съ каждой окладной души приходилось въ годъ по 173 рабочихъ дня, да деньгами по 88 коп., „кромѣ положенныхъ по силѣ указовъ помѣстныхъ денегъ„, „а ежели когда изъ нашей братіи,— писали крестьяне,— платежемъ таковыхъ податей явится кто не въ состояніи или за старостью и болѣзнію таковыхъ чрезвычайныхъ работъ снесть не могутъ, то онъ, архимандритъ Софроній, повелѣваетъ таковыхъ всякими муками мучить, немилостивно плетьми билъ, въ студеные чуланы садилъ“, отчего „пришли наши братья крестьяне почти многіе въ отчаяніе, что своихъ женъ и домовъ лишилися и многихъ крестьянъ билъ плетьми немилостивно, давалъ ударовъ ста по три и по пятисотъ“. Архіерейскіе крестьяне въ Сибири находились

Digitized by Google

не въ лучшемъ положеніи, и особенно во времена митрополита Павла Конюскевича и экономa архіерейскаго дома отца Іакинфа, называемаго въ жалобахъ „кровожаждущимъ". Справедливость этихъ жалобъ подтвердилъ губернаторъ Соймоновъ.

Таковы были отношенія монастырей къ населенію принадлежащихъ имъ имѣній, и они продолжались до 1764 года, когда въ силу Высочайшаго указа отъ монастырей были отняты вотчины, и архіерейскіе и монастырскіе крестьяне обращены въ экономическіе, съ правами одинаковыми съ государственными крестьянами. Въ Сибири, по словамъ Щеглова *), было освобождено болѣе 13,000 человѣкъ. Но съ этой цифрой едва ли возможно вполнѣ согласиться, такъ какъ есть нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія о сравнительно большей численности. Словцовъ говоритъ, что „истинное количество всѣхъ сибирско-духовныхъ вотчинъ, по второй ревизіи, выставлено въ XLIV т. п. с. законовъ въ 16,128 душъ" **); во время третьей ревизіи число монастырскихъ крестьянъ было 14,464 д. (въ Сибир. губ. 11,524 и Иркутск. 2,940). Послѣднія цифры, извлеченныя изъ оффиціальныхъ документовъ, намъ обязательно сообщилъ В. И. Семевскій. Такимъ образомъ численность монастырскихъ крестьянъ со времени второй ревизіи не увеличивалась, а, напротивъ, уменьшалась въ то время, когда въ Европейской Россіи число монастырскихъ крестьянъ годъ отъ году прогрессивно возростало. Этотъ фактъ самъ по себѣ можетъ считаться знаменательнымъ явленіемъ.

III.

Возвращаясь къ крѣпостническимъ стремленіямъ сибирскаго чиновничества на счетъ ссыльнаго элемента, мы можемъ указать, что еще указомъ сената отъ 29-го апрѣля 1747 года было разрѣшено: „сибирскимъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и разночинцамъ отдавать изъ ссыльныхъ женатыхъ съ дѣтьми и холостыхъ написанныхъ въ подушный окладъ такихъ, кто домовъ своихъ не имѣетъ, изъ платежа подушныхъ кто взять похочетъ". Но de facto попытки закрѣпощенія этого рода людей были ранѣе. Словцовъ указываетъ, что чиновники подъ видомъ *крестьянъ* записывали „*то бѣлыхъ, то ссыльныхъ*, какъ при второй ревизіи открылось" ***).

*) Хронол. перечень важн. данныхъ изъ истор. Сибири, Щегловъ, стр. 278.
**) Истор. Обозр. Сибири, 2 т., стр. 29.
***) Ibid., 1 т., стр. 288.

Digitized by Google

Принимались всевозможныя мѣры, чтобы поддержать этотъ починъ: такъ въ 1786 году состоялся Высочайшій манифестъ о раздачѣ дворянамъ капиталовъ „для домообзаводственнаго хозяйства на 20 лѣтъ", въ 1805 году—о льготной выдачѣ изъ хлѣбныхъ магазиновъ ссуды на посѣвъ.

Но съ особенной силой и рельефностью указанныя стремленія чиновниковъ начинаютъ проявляться въ началѣ XIX столѣтія, послѣ 1808 года, положившаго конецъ рабству.

23-го мая этого года состоялся Высочайшій указъ, которымъ хотя и дозволялось всѣмъ свободныхъ состояній русскимъ вымѣнивать на пограничной линіи киргизскихъ дѣтей, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣднія, по достиженіи 25-тилѣтняго возраста, освобождались отъ неволи. Этотъ указъ произвелъ полный переполохъ въ средѣ рабовладѣльцевъ; впрочемъ, какъ и надо было ожидать, невольники еще не скоро воспользовались дарованной свободой. Рабовладѣльческій классъ въ то же время былъ правящимъ классомъ и держалъ въ своихъ рукахъ власть, и тамъ, гдѣ касалось его интересовъ, онъ часто ни во что ставилъ царскіе указы. Рабы волновались, писали прошенія, но долгое время получали такіе же результаты, какой получилъ киргизъ Александровъ, рабъ коллежскаго совѣтника Камаева. Александровъ за то только, что написалъ одному своему родственнику просьбу объ освобожденіи, былъ наказанъ при полиціи 200 лозъ, а послѣ сего ввергнутъ въ тюремное заключеніе, гдѣ онъ находился больше мѣсяца, съ употребленіемъ на городовую работу *).

Послѣдующіе указы 1822 и 1825 гг., подтверждавшіе указъ 1808 года о прекращеніи рабства, заставили еще болѣе встрепенуться сибирскихъ рабовладѣльцевъ, и вопль ихъ „о попраніи священныхъ правъ собственности" громко раздался. Въ Омскѣ, гдѣ рабовладѣльцевъ-чиновниковъ насчитывали 31 человѣкъ, былъ избранъ даже особый уполномоченный чиновникъ Яковлевъ, который долженъ былъ принесть просьбу на Высочайшее имя.

Но правительство, видимо, твердо рѣшилось уничтожить рабство, и поданная просьба не имѣла успѣха. Въ 1826 году назначенъ былъ окончательный срокъ для освобожденія невольниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось вновь пріобрѣтать ихъ. Такъ покончило свое существованіе въ Сибири рабство, оставивъ достояніемъ исторіи немало печальныхъ страницъ.

*) Шашковъ. Рабство, стр. 159. Дѣло объ освобожденіи невольниковъ. Арх. главн. управл. Зап. Сиб., № 2,301.

Digitized by Google

Однако сибирское дворянство, или, вѣрнѣе, чиновничество, не теряло надежды имѣть даровой подневольный трудъ. Кстати нужно сказать, что собственно дворянское сословіе въ Сибири было крайне малочисленно. Авторъ „Домовой лѣтописи“ Андреевъ *), совершенно справедливо замѣчаетъ, что являвшіеся сюда дворяне, по занятіямъ и образу жизни скоро теряли свои привиллегіи, переходя въ крестьянство или духовенство. Впрочемъ, нѣкоторые изъ россійскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, послѣ переселенія въ Сибирь, сохранили свое званіе и назывались сибирскими. Кромѣ того, нѣкоторые верстаны въ это званіе въ Сибири по царскимъ указамъ или по власти воеводъ, а позднѣе губернаторовъ „за многотрудныя службы, осадное сидѣнье, голодное терпѣнье“, а иногда и за службу отца. **). Этотъ классъ, какъ мы уже сказали, отличался своей малочисленностью, и роль дворянства въ Сибири изображало мѣстное служащее и уже отслужившее чиновничество.

Въ началѣ XIX вѣка, особенно послѣ прекращенія рабства, чиновничество съ особенной энергіей выказало свои поползновенія на пріобрѣтеніе крѣпостныхъ русскихъ людей, главнымъ образомъ, обративъ вниманіе на возможность закабаленія ссыльнаго элемента.

Положеніемъ 20-го мая 1835 года было постановлено, что всѣ чиновники, прослужившіе въ Сибири 10 лѣтъ, начиная съ званія начальника стола, могли по удостовѣренію начальства получать въ награду участки постопорожнихъ земель. „Сіи и другіе подобные тому владѣльческіе участки,—говоритъ министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ въ своей особой докладной запискѣ, представленной Государю по этому вопросу,—безъ сомнѣнія, будутъ заселяемы крѣпостными крестьянами, чему есть уже примѣръ; ибо, по личному объясненію генералъ-губернатора Западной Сибири, въ Тобольской губерніи устроено одно значительное помѣщичье селеніе. Съ другой стороны, дѣла сибирскаго комитета показываютъ, что правительство имѣло въ виду уже ограничить крѣпостное право въ сибирскихъ губерніяхъ въ томъ уваженіи, что Сибирь отъ времени до времени болѣе и болѣе населяется преступными людьми, безземельными, развратными и неблагонамѣренными. Слѣдовательно, распространять въ такомъ краѣ населеніе крѣпостныхъ крестьянъ,—говоритъ далѣе генералъ-адъютантъ

*) Чтен. въ Общ. истор. и древностей, при Московскомъ университетѣ 1840 г., кн. 4.

**) Шашковъ, ibid, стр. 159.

Digitized by Google

Киселевъ,—значило бы увеличивать поводъ къ опасеніямъ, если не совсѣмъ достовѣрнымъ, то по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ".

Извѣстно, что Киселевъ считалъ необходимымъ устроить переселеніе крестьянъ изъ губерній малоземельныхъ, дабы тѣмъ улучшить нѣсколько крестьянскій бытъ. Преслѣдуя эту мысль, онъ въ той же докладной запискѣ говоритъ, что „переселеніе государственныхъ крестьянъ въ Сибирь, кромѣ неудобствъ, сопряженныхъ съ отдаленностью разстоянія, потребовало бы значительныхъ издержекъ", между тѣмъ какъ „раздача свободныхъ земель по Всемилостивѣйшему пожалованію, открывая средства для переселенія владѣльческихъ крестьянъ, претерпѣвающихъ недостатокъ земли въ одинаковой степени съ государственными крестьянами, заключаетъ въ себѣ не одну только частную выгоду, но и пользу государственную, улучшая посредствомъ переселенія изъ мѣстъ малоземельныхъ состояніе остающихся крестьянъ, которые составляютъ въ государствѣ огромную массу народонаселенія. Сверхъ того, опытъ показываетъ, что заселеніе пустопорожнихъ земель средствами частныхъ владѣльцевъ, при ихъ непосредственномъ наблюденіи и попечительствѣ, совершается гораздо успѣшнѣе. Но Киселевъ желалъ поселенія владѣльческихъ крестьянъ въ Сибири „на особыхъ правилахъ, которыя, устраняя крѣпостное право на переселеніе крестьянъ, *обезпечивали бы выгоды владѣльцевъ условнымъ положеніемъ*".

На этотъ докладъ 10-го января 1838 года послѣдовала Высочайшая резолюція объ отысканіи закона, воспрещающаго переселеніе крѣпостныхъ въ Сибирь; надѣлъ же земель повелѣно было производить не иначе, какъ для водворенія мастеровыхъ или земледѣльцевъ *по контрактамъ*.

Нѣтъ худа безъ добра, — боязнь высшей правительственной власти укрѣпленія крѣпостнаго права въ далекой странѣ послужила тормазомъ къ дальнѣйшему развитію его. Киселевъ, исполняя волю Государя объ отысканіи запретительнаго закона и видимо не найдя его, отнесся съ особымъ секретнымъ письмомъ къ Сперанскому, какъ лицу особо компетентному въ законахъ и въ дѣлахъ сибирскихъ. Графъ Сперанскій не заставилъ ждать своего отвѣта и 15-го января того же года, между прочимъ, сообщалъ министру: „Дворянамъ, имѣющимъ въ Сибири земли, пожалованныя имъ самимъ или другимъ, отъ коихъ онѣ дошли къ нимъ по наслѣдству или другимъ какимъ либо способомъ пріобрѣтенія, никогда не было запрещаемо переселять на сіи земли сво-

Digitized by Google

ихъ крѣпостныхъ людей, и хотя сіи переселенія доселѣ были малочисленныя, однако же къ 8-й ревизіи считалось тамъ около 1000 душъ обоего пола помѣщичьихъ крестьянъ, преимущественно въ Западной Сибири". Затѣмъ Сперанскій напомнилъ министру, что еще въ 1806 году былъ высочайше разсмотрѣнъ вопросъ о раздачѣ земель въ Сибири, по частнымъ просьбамъ для хозяйственныхъ заведеній, а въ 1822 году по представленію самого Сперанскаго—для раздачи въ награду чиновникамъ. Но, къ счастью Сибири, за хаотическимъ состояніемъ межеваго дѣла, эти предположенія, какъ видно, не были приведены въ исполненіе.

Поднятый вопросъ о раздачѣ въ Сибири земель вызвалъ въ правительственныхъ сферахъ разныя мнѣнія; между прочимъ, появилась особая записка нѣкоего графа Сентъ-Альдегонда, который совѣтовалъ министерству какъ можно скорѣе раздавать землю частнымъ лицамъ, при томъ землю, „выгодно расположенную", и давать эту землю тѣмъ, кто отличится искусствомъ и постоянствомъ. Можетъ быть, и иностранцы согласились бы посвятить сей странѣ свои познанія и капиталы,—восклицаетъ онъ и сулитъ Сибири даже перемѣну климата и почвы... „Почва на востокѣ отъ Байкала до такой степени можетъ перемѣниться, что станетъ доставлять произведенія умѣреннаго пояса".

Министръ внутреннихъ дѣлъ, разсматривая этотъ проектъ вмѣстѣ съ ранѣе поданнымъ проектомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Завилійскаго, призналъ только важность его, но совѣтовалъ пока его отклонить. А государственная канцелярія пришла въ умиленіе и, видимо восхищаясь мыслью привлечь въ Сибирь на постоянное жительство россійскихъ и *особенно* иностранныхъ капиталистовъ и промышленниковъ, находила, что „мѣра сія принесла бы неисчислимыя выгоды" *); однако въ полный разрѣзъ съ этими восхищеніями на сей разъ шли мнѣнія съ мѣста: такъ генералъ-губернаторъ Западной Сибири заявилъ, что по дешевизнѣ сельскихъ произведеній „всякое прибавленіе оныхъ было бы безполезно и даже вредно"... но это предполагалось, весьма понятно, только тогда, когда дѣло не касалось его чиновниковъ. Чиновники, энергично ратуя за свои интересы, въ то же самое время подали весьма громкіе и вмѣстѣ крайне оригинальные проекты. Таковыхъ проектовъ отъ генералъ-губернатора Западной Сибири поступило два.

*) М—стру госуд. имущ. 10 мая 1838 г., № 439.

Digitized by Google

„Со дня изданія указа о бродягахъ, въ продолженіе 5 лѣтъ поступило въ Сибирь на поселеніе бродягъ и подъ инымъ наименованіемъ до 60,000 человѣкъ. Не обинуясь,—гласитъ первый проектъ,—утвердительно можнос казать, что до сего времени и 1/60 части на поселеніе не водворено", а потому совѣтъ главнаго управленія полагалъ бы принять слѣдующія мѣры *).

Всѣхъ сословій и націй старожиловъ земледѣльцевъ, за исключеніемъ кочевыхъ и бродячихъ народовъ въ Сибири, надѣлить 15-десятиннымъ надѣломъ, а затѣмъ остающіяся земли съ лѣсами, рыбными ловлями и всѣми угодіями раздать чиновникамъ, купцамъ всѣхъ трехъ гильдій и мѣщанамъ, на слѣдующихъ условіяхъ.

1) Желающему взять земли одному лицу мужеска пола въ одномъ мѣстѣ болѣе 12,000 и менѣе 3,000 десятинъ не давать.

2) Взявшій землю обязанъ впродолженіе 12 лѣтъ поселить на каждыя 15 десятинъ земли и обзавести всѣмъ надлежащимъ домообзаводствомъ одного посельщика... Поселившіеся люди должны прожить у владѣльца непремѣнно 12 лѣтъ, отбывая полевыя работы изъ половины. По истеченіи срока, посельщики могутъ и сойдти, но не иначе, какъ къ другому, а у другаго опять должны прожить не менѣе 12 лѣтъ или испросить пустопорожнія земли и водвориться на нихъ собственнымъ иждивеніемъ. Относительно управленія этими людьми, владѣльцы должны были распоряжаться на правахъ помѣщичьихъ, „чинить судъ и расправу въ домашнихъ ихъ дѣлахъ".

Составители втораго проекта, представленнаго тѣмъ же администраторомъ, нѣсколько отрицательно относятся къ первому: „усматривается,—читаемъ мы здѣсь,—что по совершенному недостатку женщинъ сіи поселенія не только обѣщать точности на будущее время, но и существовать не могутъ". Въ этомъ проектѣ рекомендуется обратить вниманіе на *половниковъ* Вологодской губерніи и сообразить, нельзя ли ввести ихъ въ Сибири, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы „сибирскіе чиновники и прочіе средняго состоянія жители Сибири могли принимать сперва въ работники, а потомъ и селить на своихъ земляхъ".

Эти оба проекта были посланы на заключеніе мѣстныхъ губернаторовъ.

Я не буду утомлять читателей подробностями этого дѣла, хотя,

*) Журналъ совѣта глав. управленія, 29 октября 1837 г., № 129.

Digitized by Google

несомнѣнно, весь ходъ его имѣетъ громаднѣйшій интересъ, такъ какъ онъ представляетъ намъ ясно задачу широкаго закрѣпощенія ссыльнаго подневольнаго люда.

Интересны отвѣты губернаторовъ. Всѣ какъ бы вдругъ испугались грандіозности проектированныхъ мѣръ безъ помощи казны и высказались не за, а противъ нихъ

Всѣ отвѣчаютъ, что *безъ поддержки со стороны казны* этотъ проектъ не можетъ осуществиться. Томскій губернаторъ пишетъ, что по сдѣланнымъ публикаціямъ никто не пожелалъ взять землю для водворенія ссыльныхъ. Въ Тобольскѣ желаніе изъявили только двое коллежскихъ ассессоровъ: Пчельниковъ и Полстевичъ.

Первый просилъ дать ему въ вѣчное потомственное владѣніе 12,000 десятинъ изъ лучшаго участка, имъ самимъ намѣченнаго, дать ему 800 душъ посельщиковъ изъ крестьянъ здоровыхъ, не моложе 45 лѣтъ отъ роду. Позволить ему брать „по мѣрѣ надобности ссыльныхъ женщинъ, не старше 35-лѣтняго возраста, для отдачи ихъ замужъ за неженатыхъ посельщиковъ". Въ случаѣ побѣга, экспедиція о ссыльныхъ должна ему добавлять до 800, и онъ за побѣги отвѣчать не будетъ.

Второй, Полстевичъ, требовалъ 3,000 десятинъ земли также въ вѣчное и потомственное владѣніе; на этой землѣ онъ просилъ позволить ему поселить собственныхъ крестьянъ и уже къ нимъ присоединять ссыльныхъ; дальнѣйшій пунктъ его условія былъ подобенъ первому предложенію, только заявлялось желаніе, чтобы поселенные работали не изъ половины, а просто три дня въ недѣлю на него.

Однако совѣтъ главнаго управленія Западной Сибири не внялъ отвѣтамъ губернатора и, нѣсколько измѣнивъ пункты перваго своего проекта, вновь представилъ министру внутреннихъ дѣлъ о необходимости раздачи земель и ссыльныхъ.

Проектъ во всѣхъ его пунктахъ не встрѣтилъ одобренія со стороны правительства; между прочимъ, министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ писалъ, что онъ „полагалъ бы оставить таковое предположеніе на сей разъ безъ дѣйствія, съ тѣмъ, что какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири предпринято нынѣ размежеваніе земель для приведенія оныхъ въ извѣстность на случай переселенія государственныхъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній и *для раздачи частнымъ лицамъ*, то при семъ случаѣ и особенно при составленіи положенія о правилахъ на раздачу земель частнымъ лицамъ можно будетъ дѣло о водвореніи ссыльныхъ имѣть въ виду."

Digitized by Google

Всѣ правительственныя власти оказались солидарны съ только что приведеннымъ выше мнѣніемъ, и оно 17-го октября 1838 года было санкціонировано Высочайшею властью. Намѣреніе правительства раздавать земли не имѣло противниковъ: всѣ, не зная ни цѣнности земли въ томъ краѣ, ни особыхъ экономическихъ условій, ждали лакомыхъ кусочковъ, причемъ нѣкоторыя изъ столичныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, камергеръ Бекетовъ, не замедлили тотчасъ же подать просьбы о дарованіи имъ сибирской землицы.

Высочайшее повелѣніе не заставило долго ждать, и 11-го сентября 1839 года раздача земель чиновникамъ была утверждена Высочайшею властью, но по какой-то странности судьбы уже одобренный проектъ министра государственныхъ имуществъ о переселеніи государственныхъ крестьянъ въ Сибирь потерпѣлъ фіаско, а относительно помѣщичьихъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра явилась помѣтка его слѣдующаго весьма важнаго содержанія: „*Его Величество изволилъ замѣтить, что ни въ какомъ* случаѣ поселеніе помѣщичьихъ крестьянъ допущено въ Сибири *быть не можетъ.*“ Этимъ, быть можетъ, неожиданно явившимся строкамъ Сибирь обязана была тѣмъ, что крѣпостное право, при существованіи *сильныхъ крѣпостническихъ* стремленій, было заторможено на своемъ пути и не могло двигаться далѣе. Хотя, безъ сомнѣнія, и послѣ этого закона крѣпостные привозились въ Сибирь, оставаясь, впрочемъ, приписанными къ своимъ россійскимъ имѣніямъ. Подтверждающіе примѣры мы увидимъ ниже. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 1839 года повелѣвалось также отводить участки земли подъ устройство фабричныхъ заведеній.

Вопросъ о раздачѣ чиновникамъ земли на этомъ не остановился, онъ имѣлъ свои стадіи развитія; но съ уничтоженіемъ рабства, недозволеніемъ селить крѣпостныхъ и имѣть ихъ изъ контингента ссыльныхъ получилось должное на него воздѣйствіе: одна земля безъ даровыхъ рукъ не представляла въ этой странѣ такой цѣнности, чтобъ можно было ее противопоставить другимъ чиновничьимъ привиллегіямъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что слухи о проектируемыхъ мѣрахъ достигли до народа и породили разные толки, вызвавъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже волненія крестьянъ. Такъ одинъ изъ оффиціальныхъ документовъ говоритъ, что молва объ отдачѣ казенныхъ крестьянъ во владѣніе помѣщичье произвела волненіе въ Курганскомъ округѣ Тобольской губерніи. Крестьяне, бросивъ полевыя работы, начали собираться толпами и на увѣщеванія чинов-

Digitized by Google

никовъ земской полиціи отвѣчали угрозами. Нѣкоторые силою вломились въ волостное правленіе и разрывали дѣла и архивъ, въ надеждѣ отыскать небывалые указы въ подкрѣпленіе своихъ преступныхъ дѣйствій. Только увѣщанія начальника Тобольской губерніи и генералъ-губернатора Западной Сибири вскорѣ совершенно уничтожили волненіе и прекратили безпорядки. Крестьяне виновные сами добровольно являлись къ мѣстнымъ начальствамъ и просили помилованія. „Какъ поступки сихъ крестьянъ были слѣдствіемъ единственно легкомыслія и невѣжества,—говоритъ офиціальный отчетъ,—а не какихъ либо преступныхъ замысловъ, то они, по Высочайшему повелѣнію, получили прощеніе, кромѣ только самыхъ виновныхъ, которые, впрочемъ, подвергнуты были лишь въ примѣръ другимъ *исправительному тѣлесному наказанію*". Это было въ 1843 году, а въ слѣдующемъ произошелъ такой же бунтъ въ Енисейской губерніи. Весьма понятно, и въ другихъ мѣстахъ молва эта не обошлась безъ народныхъ волненій, но мѣстный Несторъ не отмѣтилъ этихъ событій, а творенія нашихъ оффиціальныхъ лицъ покоятся подъ густымъ слоемъ пыли въ мало доступныхъ архивахъ правительственныхъ учрежденій.

Захватъ земли подъ фабричныя заведенія также не имѣлъ особеннаго распространенія, не смотря на то, что вопреки закону, являлась возможность имѣть подневольный трудъ на фабрикахъ; такъ нѣкоторые ловкіе люди, въ родѣ Корнильева и Куткина въ Тобольскѣ и Солдатова въ Иркутскѣ,, пользуясь случаями, выпрашивали себѣ ссыльныхъ въ крѣпостные *). Можно было указать

*) *Словцовъ*, т. I, стр. 317 и 319: «Въ 1753 году запрещено тобольскому купцу Корнильеву, купившему въ стекольной фабрикѣ 45 душъ, покупать болѣе». «Въ 1808 г. вновь подтверждено производство фабрики, въ 9 верстахъ отъ Тобольска на рѣчкѣ Коновалихѣ, съ тѣмъ, чтобы содержатель ея, сибирякъ Куткинъ, пользуясь трудами рабочихъ ссыльныхъ, до 100 человѣкъ назначенныхъ, употреблялъ ихъ на дѣло не болѣе 248 дней въ году, по 12 часовъ въ сутки съ платою по 25 коп. на день». Но эти условія произвольно мѣнялись, и ссыльные постепенно обращались въ крѣпостныхъ.

Газета «Амуръ», № 74 за 1861 г.: «Сословіе людей, состоящихъ при Тальцинской поссессіонной фабрикѣ, образовалось вслѣдствіе положенія комитета министровъ 6-го октября 1814 г., которымъ постановлено было отвести земли къ фаянсовой фабрикѣ Солдатова и причислить къ ней отъ 30 до 40 человѣкъ мастеровыхъ и рабочихъ изъ ссыльно-каторжныхъ, надѣливъ ихъ и землею. Еще ранѣе тутъ же находился стекляный заводъ, устроенный въ 1784 г. надворнымъ совѣтникомъ Лаксманомъ и купцомъ Барановымъ, поступившій въ 1812 г. къ тому же Солдатову, гдѣ, говорятъ, работали также ссыльные, обращенные въ одно сословіе фабричныхъ мастеровыхъ.»

Digitized by Google

еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ, но все это не имѣло успѣха на особой экономической почвѣ Сибири. Крѣпостное право не могло пустить свои корни. Какъ мы увидимъ ниже, ко дню освобожденія, Сибирь имѣла крайне незначительное число крѣпостныхъ людей, на частныхъ же фабрикахъ мы находимъ подневольный трудъ только на Тальцинской, существовавшей на поссессіонномъ правѣ. Подневольный трудъ остался привиллегіей казны на нѣкоторыхъ ея фабрикахъ, какъ Тельминская, и на Николаевскомъ заводѣ Иркутской губерніи, и привиллегіей кабинета Его Величества, гдѣ громадная потребность рукъ для горнозаводскаго дѣла создала, на Алтаѣ и въ Нерчинскомъ округѣ, обязанное работою населеніе. Но, прежде чѣмъ начать говорить о горнозаводскихъ людяхъ, необходимо упомянуть еще о двухъ проектахъ. Въ 1843 году нѣкто оберъ-бергмейстеръ VII класса Порѣцкій подалъ оригинальный проектъ, подъ названіемъ: „о колонизаціи обязанныхъ крестьянъ въ Сибири, для улучшенія сельскаго хозяйства и *золотопромышленности*“. Проектируемыя мѣры улучшенія сводились къ процвѣтанію золотопромышленности на счетъ даровыхъ рукъ. Но смыслъ скромнаго проекта, къ счастью, былъ понятъ, и, по докладу Канкрина, онъ признанъ „незаслуживающимъ уваженія, такъ какъ предполагаемое переселеніе крестьянъ въ Сибирь, подъ наименованіемъ обязанныхъ, не соотвѣтствуетъ видамъ правительства и противно Высочайшему повелѣнію“.

Второй проектъ принадлежитъ ревизовавшему Сибирь генералъ-адъютанту Анненкову 2-му. Этотъ генералъ подалъ всеподданнѣйшую докладную записку, въ которой онъ, между прочимъ, предлагалъ образовать въ Сибири „*высшее или дворянское сословіе* посредствомъ раздачи земель за службу и продажи ихъ въ частную собственность, съ разрѣшеніемъ водворять на нихъ крестьянъ на правахъ обязанныхъ“.

Но этотъ проектъ также потерпѣлъ фіаско въ сибирскомъ комитетѣ, куда онъ былъ переданъ для разсмотрѣнія. Это было въ 1852 и 1853 годахъ. Комитетъ мотивировалъ свое рѣшеніе слѣдующими словами: „водвореніе въ Сибири крѣпостныхъ крестьянъ Высочайшею волею запрещено, а обязанные крестьяне также крѣпки землѣ“.

Начало горному дѣлу на Алтаѣ было положено въ 1726 году Акиніемъ Денисовичемъ Демидовымъ, который на первыхъ же порахъ успѣлъ къ открытымъ имъ заводамъ приписать 3,120

Digitized by Google

крестьянъ. Затѣмъ, спустя 20 лѣтъ, заводы отошли въ собственность кабинета и постепенно продолжали свою дѣятельность на счетъ подневольнаго труда, увеличиваясь приписными людьми. У Словцова мы находимъ, что заводскихъ людей, съ поступившими отъ Демидова и съ причисленными во время казеннаго управленія, состояло по 1757 годъ 10,935. Въ 1761 году изъ окрестныхъ уѣздовъ, по докладу Олсуфьева, приписано для работъ 12,823, такъ что въ 1762 г. могло состоять 23,000, а къ 1768 г. было уже 39,240 душъ м. п. Такимъ путемъ образовался Алтайскій горный округъ, въ которомъ, ко дню освобожденія считалось до 310,752 душъ обоего пола приписныхъ крестьянъ и, кромѣ того, 43,522 заводскихъ мастеровыхъ и работниковъ. Между приписными и сословіемъ мастеровыхъ была существенная разница.

Приписные крестьяне обязаны были рубить въ куреняхъ дрова, перевозить къ заводамъ руды, флюсы и уголь, исправлять въ особыхъ случаяхъ заводскія плотины и производить опалку лѣсовъ. За исполненіе этихъ работъ крестьяне получали всей урочной годовой платы по 57½ коп. на ревизскую душу, назначенную въ работу; причемъ они наравнѣ съ государственными крестьянами платили еще подушную и оброчную подать и другіе сборы въ казну, исправляли земскія повинности натурой и деньгами и несли мірскіе расходы. Отягости повинностей заводскихъ приписныхъ крестьянъ свидѣтельствуютъ статистическія данныя, приводимыя въ „Историко-статистическомъ описаніи Сибири“ Гагемейстера *). Такъ, по его словамъ, въ 50-хъ годахъ приписные крестьяне доставляли изъ рудниковъ и лѣсовъ къ заводамъ ежегодно до 8 милліоновъ пудовъ угля и руды, на разстояніи отъ 30 до 600 верстъ, и на такую перевозку требовалось до милліона лошадей. Круглымъ числомъ, на эти работы и на рубку дровъ наряжалось каждый годъ по 111,000 работниковъ (при 112,000 рев. душъ), которымъ за ихъ трудъ уплачивалось 64,000 руб., тогда какъ вольнонаемнымъ трудомъ та же самая работа могла быть исполнена не менѣе, какъ за 844,160 руб. Въ среднемъ выводѣ, эта барщина обходилась крестьянамъ по 7 руб. на ревизскую душу или по 11 р. 48 к. на полносилаго работника. Воинской повинности они не несли, но обязаны были ставить рекрутовъ для укомплектованія сословія заводскихъ мастеровыхъ и работниковъ.

*) Гагемейстеръ. Стр. 386, т. 2-й.

Digitized by Google

Люди этой послѣдней категоріи несли на себѣ всѣ техническія и рудничныя работы, часто немилосердно тяжелыя и обременительныя. Сословіе мастеровыхъ и работниковъ пополнялось, какъ сказано выше, рекрутами изъ приписныхъ крестьянъ и раздѣлялось на урочниковъ, нижнихъ чиновъ, рабочихъ, малолѣтковъ и отставныхъ. Выходъ изъ этого сословія былъ закрытъ, и родившіяся въ немъ дѣти, законныя и незаконныя, обязательно должны были оставаться въ своей средѣ. Для нижнихъ и рабочихъ чиновъ установленъ былъ обязательный срокъ службы отъ 25 до 35 лѣтъ; они судились за преступленія военнымъ судомъ и держались въ строгой дисциплинѣ; двѣ недѣли сряду работали въ пользу заводовъ, а третьей могли пользоваться по своему усмотрѣнію. Имъ давалось жалованье *), провіантъ, помѣщеніе въ казармахъ, а женатымъ, по желанію, отводилось также немного сѣнокосной земли, при отставкѣ давалась ничтожная пенсія. Малолѣтки съ семилѣтняго возраста поступали на обученіе въ школы, съ 12-лѣтняго въ подростки и ученики, а съ 18-лѣтняго въ полные работники.

Но, не смотря на значительную величину повинностей, приписные крестьяне Алтайскаго округа отличались сравнительною зажиточностью. Гагемейстеръ объясняетъ это обширнымъ землепользованіемъ: по его словамъ, на каждую душу въ сѣверномъ отдѣлѣ приходилось по 77, въ среднемъ по 63 и южнымъ 41 десятина. Изъ нихъ въ 1851 году было засѣяно хлѣбомъ въ трехъ этихъ отдѣлахъ на душу 3, $2^1/_4$ и $2^1/_2$ десятины; скота на душу приходилось $5^5/_8$, $6^6/_8$, $6^3/_8$ и ульевъ пчелъ $^4/_5$, $^3/_4$ и 5.

Къ образованію подневольнаго населенія Нерчинскаго горнаго округа главнымъ образомъ послужилъ ссыльный элементъ. Обращаясь къ исторіи его, мы видимъ рядъ указовъ, начиная съ 1697 года, повелѣвающихъ ссылать въ Нерчинскъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми на пашню, а каторжныхъ въ серебряные рудники **). Постепенно изъ нихъ образовывались деревни и слободы, которыя въ 1724 году были приписаны для работъ къ заводамъ, „безъ которыхъ обойтись не можно“. Кромѣ того, обычнымъ въ то время путемъ приписывались къ заводамъ и поселенія государ-

*) Жалованья простымъ рабочимъ производилось въ годъ, смотря по разряду, отъ 6 до 12 руб., на обмундировку 7 р. 15 к.; провіанта холостымъ 24 пуда, женатымъ вдвое, да сверхъ того на каждаго ребенка по 1 пуду въ мѣсяцъ.

**) Указы 1736, 1760, 1769, 1769 и 1775 и др.

Digitized by Google

ственныхъ крестьянъ. Такъ образовалось горнозаводское населеніе Нерчинскаго округа, но слѣдуетъ замѣтить, что вся масса приписныхъ крестьянъ не дождалась 1861 года, а еще въ 1851 году была обращена въ казачество и, выбравшись изъ одного ярма, надѣла другое не менѣе тяжкое, что можно смѣло сказать по жизни его въ казачествѣ того времени и тѣхъ мѣстъ. Такимъ образомъ въ Нерчинскомъ горномъ округѣ осталось въ подневольномъ состояніи одно только сословіе мастеровыхъ и работниковъ, которыхъ ко дню освобожденія считалось 5,610 душъ.

IV.

Вѣсть о предполагаемомъ освобожденіи быстро разносилась всюду, но Сибири еще до знаменательныхъ дней 19-го февраля и 8-го марта пришлось въ исторіи своей отмѣтить день 22-го декабря 1860 года, когда было повелѣно упразднить Тельминскую казенную фабрику близъ Иркутска, а приписанныхъ къ ней крестьянъ и рабочихъ (1,774 мужескаго и 1,676 женскаго пола душъ) освободить отъ обязательной работы, надѣливъ землею одинаково съ сибирскими крестьянами и выдавъ имъ для обзаведенія отъ 10 до 15 руб. на душу; мастеровыхъ, которые изъявятъ желаніе приписаться къ городскому сословію, освободить отъ податей и повинностей на 5 лѣтъ и отъ рекрутства на 3 набора. Богадѣльный капиталъ — обратить въ общественный капиталъ новаго крестьянскаго общества.

Въ исторію освобожденія подневольныхъ людей необходимо занести и слѣдующій весьма интересный фактъ. Въ Киргизской степи съ отдаленныхъ временъ существовали у султановъ и старшинъ рабы, или кулы, изъ попадавшихъ въ плѣнъ калмыковъ и другихъ среднеазіатцевъ. Невольники были совершенно безправны, употреблялись на тяжелыя работы, продавались и даже убивались своими владѣльцами. Впослѣдствіи кулы носили названіе теленгутовъ, т. е. прислужниковъ, и были сравнены съ работниками киргизами; съ водвореніемъ же въ Киргизской степи русскихъ законовъ, султанскіе невольники и теленгуты считались на положеніи крѣпостныхъ людей, хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣли свой скотъ, но ясака они не платили. Въ 1859 году султанамъ, біямъ и старшинамъ было объявлено о намѣреніи Государя Императора уничтожить крѣпостное состояніе въ государствѣ и предложено было имъ,

Digitized by Google

не пожелаютъ ли они дать добровольно свободу своимъ невольникамъ. Всѣ владѣльцы въ данныхъ имъ подпискахъ, при торжественныхъ собраніяхъ народа, изъявили на это полную готовность, „сочувствуя человѣколюбивымъ видамъ Его Императорскаго Величества", какъ сказано было въ подпискахъ, и тотчасъ же освободили всѣхъ невольниковъ, которыхъ было 880 душъ обоего пола. Освобожденные поступили на общее положеніе киргизовъ со всѣми правами, присвоенными киргизскому народу, и на 5 лѣтъ были освобождены отъ платежа ясачной подати *).

По свѣдѣніямъ, собраннымъ наканунѣ упраздненія крѣпостнаго права, въ Восточной Сибири было два имѣнія, населенныхъ крѣпостными людьми. Оба они находились въ Красноярскомъ округѣ, Енисейской губерніи. Одно принадлежало предсѣдателю губернскаго правленія Родюкову и заключало въ себѣ 63 д. крестьянъ и 9 дворовыхъ мужескаго пола и 67 крестьянъ и 12 дворовыхъ женскаго. Второе имѣніе находилось на Знаменскомъ стекляномъ заводѣ и принадлежало коллежскому совѣтнику Коновалову. Въ немъ было 154 мужескаго и 122 женскаго пола; изъ нихъ 71 душа обоего пола были приписаны къ дому помѣщика въ г. Красноярскѣ, 186 къ его имѣнію въ Новгородской губерніи, а 19 душъ къ тверскому имѣнію помѣщицы Павловой, у которой крестьяне были куплены. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстностяхъ Восточной Сибири при владѣльцахъ жили 116 мужчинъ и 81 женщина дворовыхъ, приписанныхъ къ имѣніямъ различныхъ губерній Россіи. Неизвѣстно, какимъ образомъ явилось имѣніе Родюкова, получившаго его по наслѣдству, но относительно Коновалова,—говоритъ П. С—кій, авторъ небольшой, но единственной по этому предмету статьи **),—достовѣрно извѣстно, что онъ перевелъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ самовольно и вопреки существовавшимъ законамъ. Онъ переселилъ ихъ въ Сибирь въ 1842 и 1843 годахъ, уже послѣ извѣстныхъ указовъ, воспрещавшихъ переселеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Сибирь на казенныя земли, отведенныя подъ хозяйственныя и промышленныя заведенія. Кромѣ того, Коноваловъ приписалъ къ своему заводу крѣпостныхъ людей,

*) Пам. кн. Запад. Сиб. за 1882 г., стр. 243.

**) Крѣпостные крестьяне въ Сибири. Журналъ «Міръ». 1882 г. 2-я к. Харьковъ. Въ этой статьѣ мы нашли весьма цѣнный фактическій матеріалъ. Почтенный авторъ намъ лично передалъ, что матеріалъ этотъ извлеченъ имъ изъ оффиціальныхъ записокъ, хранящихся въ Императорской с.-петербургской публичной библіотекѣ.

Digitized by Google

числившихся при его домѣ въ Красноярскѣ, вопреки указу 1833 года о 8-й народной переписи, которымъ такая приписка положительно была запрещена. При собираніи свѣдѣній о крѣпостныхъ предъ реформой, крестьяне Коновалова были отнесены въ разрядъ дворовыхъ людей.

Въ Западной Сибири, какъ болѣе близкой къ Россіи, число крѣпостныхъ крестьянъ было значительнѣе. По свѣдѣніямъ, представленнымъ бывшимъ въ то время генералъ-губернаторомъ Гасфортомъ, тамъ оказалось 29 помѣщичьихъ имѣній, 26 въ Тобольской и 3 въ Томской губерніи, въ которыхъ числилось крѣпостныхъ 1,232 ревизскихъ души крестьянъ и 175 дворовыхъ, приписанныхъ къ домамъ и капиталамъ—всего 1,407 душъ мужескаго пола, а вмѣстѣ съ женщинами 2,900, что составляло только $^1/_{700}$ часть всего населенія. Изъ оффиціальныхъ донесеній генерала Гасфорта видно, что помѣщичьи имѣнія были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ между селеніями государственныхъ крестьянъ. Размѣры ихъ были неодинаковы: въ одномъ крестьянъ и дворовыхъ людей обоего пола было 661 душа, въ семи отъ 101 до 282, въ 14 отъ 30 до 72 и въ 7 отъ 2-хъ до 17 человѣкъ. Экономическія условія крѣпостныхъ, на сколько о нихъ даютъ понятіе количество земли, состоявшей въ большинствѣ случаевъ изъ лѣснаго пространства, и размѣры повинностей, были также различны. Такъ въ одномъ имѣніи на одну душу приходилось 207 десятинъ; въ 6 отъ 64 до 103; въ 12 отъ 11 до 30, въ 7 отъ 5 до 10, относительно двухъ имѣній свѣдѣній не собрано, и, наконецъ, въ одномъ не было вовсе удобной для хлѣбопашества земли. По отбыванію повинностей имѣнія раздѣлялись также на нѣсколько группъ: въ 11 помѣстьяхъ крестьяне отбывали барщину, обработывая господскія поля, исполняя на нихъ различныя хозяйственныя работы или доставляя часть продуктовъ своего хозяйства; въ пяти платили денежный оброкъ отъ 1 руб. до 23 въ годъ, а дворовые и до 50 руб.; въ одномъ часть крестьянъ состояла на барщинѣ, а другая на оброкѣ; въ семи крестьяне платили только подати, а повинностей не отправляли и, наконецъ, въ 6 не платили податей и не несли никакихъ повинностей.

Въ четырехъ имѣніяхъ крестьяне даже не имѣли усадебъ на помѣщичьей землѣ и жили въ селеніяхъ сосѣднихъ государственныхъ крестьянъ, обработывая ихъ землю по найму, а въ трехъ имѣніяхъ часть крестьянъ работала на фабрикахъ и винокуренномъ заводѣ.

Digitized by Google

При земельной „шири и глади", относительной свободѣ землепользованія и относительной необременительности повинностей, особенно у тѣхъ крестьянъ, владѣльцы которыхъ отсутствовали и не имѣли возможности слѣдить за своевременными сборами платежей *), можно, пожалуй, отчасти согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ „соображеніяхъ и предположеніяхъ объ устройствѣ и улучшеніи быта крѣпостныхъ людей въ Сибири", что крѣпостные люди, хотя и далеко не такъ зажиточны, какъ государственные, находились, однако, въ довольно безбѣдномъ состояніи. Но подобная характеристика экономическаго быта, безъ сомнѣнія, не обнимаетъ всѣхъ крестьянъ, такъ какъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Западной Сибири числилось къ 1-му января 1858 г. 1,600 руб. казенныхъ и рекрутскихъ складочныхъ недоимокъ, что, принимая въ соображеніе тогдашніе способы „выбиванія" податей, служитъ доказательствомъ противоположнаго мнѣнія.

Когда были образованы въ Россіи дворянскіе комитеты и дворянство приглашено было высказаться по вопросу объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, то же самое потребовали и отъ захудалыхъ сибирскихъ помѣщиковъ. Предложенные вопросы сибирское дворянство приняло видимо спокойно, безъ всякой тревоги, въ большинствѣ случаевъ безъ особаго противодѣйствія; въ этомъ сразу выяснилось, что сибирскимъ помѣщикамъ, съ прекращеніемъ крѣпостныхъ отношеній, приходилось неособенно много терять. Крѣпость при сибирскомъ просторѣ среди вольнаго народа не была сильна. Въ бесѣдахъ съ почтеннымъ С. Я. Капустинымъ **), происходящимъ изъ семьи, владѣвшей въ свое время крестьянами въ Сибири, мнѣ приходилось слышать характеристику отношеній крѣпостныхъ къ своимъ барамъ и послѣднихъ къ первымъ, какъ чисто условную, основанную на особыхъ, договорныхъ началахъ— это были, по его мнѣнію, скорѣе наемные люди, чѣмъ подневольные крѣпостные; отношенія ихъ отнюдь не походили на отношенія къ господамъ ихъ собратьевъ россійскихъ крѣпостныхъ. Неволя здѣсь имѣла исходъ въ безпредѣльныхъ пространствахъ. Впрочемъ, не мѣшаетъ оговориться, что подобный отзывъ не можетъ относиться къ характеристикѣ всѣхъ владѣльцевъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что и здѣсь бывали крѣпостники, которые умѣли себя

*) Помѣщица Пономарева считала за своими крѣпостными оброчной недоимки 12,500 рублей.

**) Авторъ извѣстныхъ трудовъ объ общинной жизни русскаго крестьянства и др.

Digitized by Google

обставить, такъ что, при специфическомъ сибирскомъ произволѣ, ихъ опека не была легка для крѣпостной паствы, но это были исключенія. Ко всему этому еще необходимо добавить, что въ силу особыхъ мѣстныхъ условій населенныя имѣнія отличались своей бездоходностью.

Вотъ въ силу, надо полагать, этихъ причинъ сибирскіе помѣщики подали свой голосъ въ большинствѣ случаевъ за отмѣну крѣпостныхъ отношеній, хотя нѣкоторые изъ нихъ и предложили сравнительно тяжелыя условія. Впрочемъ, имѣнія и условія были различны.

Помѣщикъ Асташевъ соглашался уступить своимъ крестьянамъ (ихъ было 89 мужчинъ и 82 женщины) занимаемыя ими усадьбы въ Каинскомъ округѣ, Томской губерніи, въ вѣчное полное владѣніе безвозмездно, а всю остальную землю предоставлялъ въ ихъ вѣчное пользованіе, сохраняя за собой право собственности. Единственное обязательство, какимъ онъ обусловливалъ свой даръ, заключалось въ томъ, что крестьяне должны были вносить въ приказъ общественнаго призрѣнія по три рубля серебромъ съ каждаго тягла, для образованія особаго капитала, который, по истеченіи 12 лѣтъ, могъ бы быть употребляемъ на удовлетвореніе общественныхъ надобностей крестьянъ этого имѣнія.

Помѣщица Жилина выразила желаніе, чтобы ея крестьяне Тобольской губерніи и округа, 67 душъ мужескаго и 75 женскаго пола, на которыхъ она давно уже составила отпускныя, воспользовались свободой послѣ ея смерти, а при жизни остались бы къ ней въ прежнихъ отношеніяхъ. При этомъ она согласилась отдать своимъ крестьянамъ Тобольскаго округа безвозмездно всѣ состоящія въ ихъ пользованіи усадьбы и земли, а крестьянъ Курганскаго округа обязывалась надѣлить, сверхъ занимаемыхъ усадебъ, еще достаточнымъ количествомъ угодій.

Помѣщица Пономарева оказалась далеко не такъ великодушной. Она соглашалась дать своимъ крестьянамъ Тобольскаго и Тюменскаго округовъ въ числѣ 341 д. мужескаго и 338 женскаго пола, сверхъ усадебъ, стоящихъ по ея разсчету отъ 40 до 100 рублей каждая, пахатной, сѣнокосной и выгонной земли по двѣ десятины и по одной десятинѣ лѣса, всего по три десятины на душу, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы крестьяне платили ей по 20 рублей съ души оброка. Она находила, что уплата такого высокаго оброка для ея крестьянъ не будетъ обременительной, „особенно, если правительству угодно будетъ обезпечить дѣйствіе на-

Digitized by Google

ходящагося при ея имѣніи винокуреннаго завода, назначеніемъ ежегодной окурки на оном отъ 80 до 100 т. ведеръ вина".

Помѣщикъ Карбышевъ, оцѣнивая усадьбы, находящіяся въ пользованіи его крестьянъ (Тобольской губ., Омскаго округа. 58 душъ мужескаго и 66 женскаго пола), отъ 100 до 350 рублей каждую, предлагалъ обязать крестьянъ выкупить ихъ втеченіе 12 лѣтъ, уплатою ежегодно по 6% съ оцѣночной суммы; за предоставленную же въ ихъ пользованіе землю, по 8 десятинъ на тягло, обложить ихъ оброкомъ по 23 рубля въ годъ съ тягла и, кромѣ того, по 300 рублей въ годъ со всего общества за уступаемую имъ въ надѣлъ часть рыболовнаго озера.

Владѣлецъ 63 душъ (24 мужчинъ и 39 женщинъ), помѣщикъ Розингъ, уступалъ своимъ крестьянамъ, въ Курганскомъ округѣ, по двѣ десятины на ревизскую душу, но такъ какъ этого количества, по его соображеніямъ, было недостаточно для обезпеченія нуждъ крестьянъ, то онъ предлагалъ взять ихъ въ казну и переселить ихъ на казенныя земли, съ тѣмъ, чтобы ему, для облегченія перехода отъ обязательнаго труда къ вольному, была выдана ссуда подъ залогъ его земли, причемъ размѣръ ссуды онъ не опредѣлилъ. Кстати нужно замѣтить, что кредитнымъ учрежденіямъ въ то время запрещалось брать въ залогъ населенныя мѣста въ Сибири, почему ни одно изъ нихъ не было заложено.

Помѣщикъ Краснопольскій, владѣвшій вмѣстѣ съ другими сонаслѣдниками въ Томскомъ округѣ 21 душой мужескаго пола и 26 женскаго, полагалъ выкупъ крестьянами усадебъ, стоимость которыхъ, по его разсчету, равнялась 1,450 рублямъ серебромъ, разложить на 12 лѣтъ, по равнымъ частямъ и надѣлить ихъ землею по 12½ десятинъ на тягло, съ обязательствомъ уплаты третьей части чистаго дохода, котораго, по разсчетамъ его, можетъ быть получаемо съ 12½ десятинъ до 65 рублей въ годъ.

Помѣщикъ Тобольскаго округа Кривоноговъ, уступая своимъ крестьянамъ, въ числѣ 23 душъ мужескаго пола и 26 женскаго, усадьбы за 50 рублей каждую, соглашался еще отрѣзать имъ по 8 десятинъ на тягло, въ составъ которыхъ должны были входить 2½ десятины лѣса; но уступку свою онъ дѣлалъ за довольно высокую цѣну въ Сибири, а именно по 16 рублей за десятину.

Помѣщица Антонова, опекунша надъ имѣніемъ своей дочери, въ Курганскомъ округѣ, въ своихъ отвѣтахъ правительству, просила взять всѣхъ ея крестьянъ, которыхъ считалось 22 д. м. и

Digitized by Google

23 ж. п., обязываясь при этомъ надѣлить ихъ скотомъ и всѣмъ необходимымъ для домашняго хозяйства, но съ тѣмъ, чтобы вся земля и находящіяся на ней усадебныя строенія остались во владѣніи ея дочери.

Наконецъ, помѣщица Ѳедорова, не находя возможнымъ надѣлить принадлежащихъ ей, вмѣстѣ съ другими сонаслѣдниками, крестьянъ своихъ, проживающихъ въ ея имѣніяхъ Курганскаго округа въ числѣ 28 д. м. и 26 ж. п., достаточнымъ для обезпеченія ихъ быта количествомъ земли, какъ того требовали Высочайшія граматы, заявляла желаніе продать крестьянъ въ казну за опредѣленную закономъ плату.

Остальные помѣщики изъявили свое согласіе подчиниться безусловно всѣмъ распоряженіямъ, какія будутъ приняты правительствомъ въ видахъ устройства быта крѣпостныхъ крестьянъ, но при этомъ необходимо замѣтить, что отъ многихъ помѣщиковъ, не проживающихъ на мѣстѣ, а частью и неизвѣстно гдѣ находящихся, отвѣтовъ не было получено.

Таковы были отзывы гг. помѣщиковъ, которые, какъ видно, не сожалѣя о крѣпостномъ правѣ, предполагали только воспользоваться удобнымъ случаемъ для полученія особыхъ выгодъ, но, къ прискорбію, надо сказать, что, не смотря на сравнительную благопріятность отзывовъ, сама западно-сибирская администрація, особенно въ лицѣ тогдашняго генералъ-губернатора Гасфорта, отнеслась къ дѣлу консервативно и бюрократически.

Мнѣнія тобольскаго и томскаго губернскихъ совѣтовъ сводились въ главныхъ чертахъ къ слѣдующимъ предположеніямъ: они предлагали всѣхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, освободивши отъ крѣпостной зависимости, сравнить по личнымъ и имущественнымъ правамъ съ казенными крестьянами. „Срочно-обязанные“ крестьяне, какъ предполагали назвать бывшихъ крѣпостныхъ, должны были „быть крѣпки землѣ“ впродолженіе 12 лѣтъ и не имѣли права переходить въ другія сословія; временныя же отлучки по билетамъ допускались лишь съ согласія помѣщиковъ, которые о выдачѣ таковыхъ билетовъ должны были извѣщать каждый разъ мѣстныя волостныя правленія. Право собственности на земли остается за помѣщиками, усадьбы остаются въ пользованіи крестьянъ, съ правомъ выкупа ихъ у помѣщиковъ, по обоюдному съ ними соглашенію, впродолженіе 12 лѣтъ. Впрочемъ, при опредѣленіи цѣнности усадебъ губернскіе совѣты, особенно томскій, рушили надежды помѣщиковъ, цѣнившихъ ихъ въ среднемъ вы-

Digitized by Google

водѣ по 71 рублю за каждую, съ чѣмъ были и солидарны гг. исправники, въ особыхъ своихъ мнѣніяхъ; но томскій совѣтъ, надо предполагать, зная мнѣніе по этому предмету тогдашняго генералъ-губернатора Гасфорта, назвавшаго оцѣнку въ 200 рублей „несоразмѣрно высокой", оцѣнилъ усадьбы не свыше $1^1/_2$ рубля за десятину, т. е., принимая во вниманіе, что усадьбы рѣдко когда превышали 1 десятинный размѣръ, онъ назначалъ плату за каждую усадьбу не болѣе 1 р. 50 к., что составитъ цѣнность въ 50 разъ меньшую противъ цифръ, заявленныхъ помѣщиками.

Что касается до пахатной земли и другихъ угодій, то томскій совѣтъ предлагалъ въ этомъ случаѣ руководиться правилами, установленными для надѣла государственныхъ крестьянъ, тобольскій же полагалъ оставить за ними земли, находившіяся при крѣпостномъ правѣ въ ихъ пользованіи, не менѣе, однако, 8 десятинъ, съ уплатою за пользованіе землею оброка деньгами или работой, которымъ и ограничиваются всѣ повинности срочнообязанныхъ крестьянъ въ пользу помѣщика. Уплата оброка обезпечивается круговою порукой. Что касается до количества его, то двое изъ помѣщиковъ Тобольской губерніи, участвовавшихъ въ губернскомъ совѣтѣ, предлагали назначить, при надѣлѣ въ 8 десятинъ по 14 рублей съ тягла, томскій же губернскій совѣтъ находилъ достаточнымъ брать отъ 5 до 7 рублей съ тягла.

Въ общемъ мнѣнія губернскихъ совѣтовъ ясно доказали, что члены ихъ, не смотря на ничтожное количество крѣпостныхъ крестьянъ, законность владѣнія которыми къ тому же въ нѣкоторыхъ случаяхъ подлежала спору, были одержимы тою же боязливостью, какою отличались и многіе губернскіе комитеты въ Россіи, опасавшіеся сильнаго возбужденія въ средѣ крестьянскаго населенія. Сибирскіе совѣты оставляли вотчинную полицію за помѣщиками; удерживали дворовыхъ людей, приписанныхъ къ населеннымъ имѣніямъ, домамъ и капиталамъ, втеченіе еще 12 лѣтъ, во владѣніи тѣхъ лицъ, которымъ они принадлежали, причемъ тобольскій совѣтъ предлагалъ впродолженіе всего этого срока обязать владѣльцевъ выдавать мужчинамъ по 2—3 рубля въ мѣсяцъ, а женщинамъ отъ 1 до 2 руб.; по мнѣнію же томскаго совѣта, плату слѣдовало выдавать только впродолженіе послѣднихъ 6 лѣтъ. Но какъ тотъ, такъ и другой комитетъ, не довѣряя способности дворовыхъ благоразумно пользоваться деньгами, одинаково требовали, чтобы помѣщики часть жалованья сохраняли „для обезпеченья быта сихъ людей, по окончаніи ихъ обязательной службы", а то-

Digitized by Google

больскій совѣтъ возлагалъ на помѣщика обязанность снабжать въ *счетъ жалованья* дворовыхъ одеждою и обувью. Въ случаяхъ непослушанія, нетрезвой и порочной жизни, помѣщикамъ предоставлялось право подвергать дворовыхъ, „при содѣйствіи мѣстной полиціи, законнымъ мѣрамъ исправленія", переводить на пашню и проч.

Отзывы помѣщиковъ и мнѣнія губернскихъ совѣтовъ въ консервативномъ отношеніи нашли энергичную поддержку въ тогдашнемъ генералъ-губернаторѣ Западной Сибири, генералѣ Гасфортѣ. человѣкѣ, не расположенномъ къ идеѣ эмансипаціи крестьянъ и наканунѣ ея пытавшемся создать крупный землевладѣльческій классъ въ Сибири хищнической продажей такъ называемыхъ „дворянскихъ земледѣльческихъ участковъ". Этотъ администраторъ, находя совершенно справедливымъ, что уничтоженіе крѣпостнаго права, по незначительности крѣпостнаго населенія и обилію земель, не имѣющихъ цѣны, въ Сибири не представляетъ тѣхъ затрудненій, съ какими оно сопряжено въ европейскихъ губерніяхъ, однако жъ, придалъ особое значеніе тому спеціально сибирскому обстоятельству, что „повсемѣстный избытокъ земель, при несоразмѣрно маломъ числѣ рабочихъ рукъ, даетъ неоспоримое преимущество обязательному труду предъ свободнымъ, такъ что, если помѣщичьимъ крестьянамъ не будетъ преграждена возможность, которою они пользуются нынѣ, обработывать по найму свободныя земли казенныхъ и государственныхъ крестьянъ, то помѣщики могутъ быть поставлены въ затруднительное положеніе".

Генералъ Гасфортъ на столько употреблялъ усилій провести реформу въ пользу помѣщиковъ, что даже предлагалъ „рѣшительно воспретить государственнымъ крестьянамъ допускать къ распахиванью ихъ полей крестьянъ помѣщичьихъ", т. е., другими словами, запереть ихъ въ предѣлахъ имѣній и тѣмъ заставить обработывать помѣщичьи земли, такъ что вся реформа сводилась бы къ замѣнѣ одного вида обязательнаго труда (прикрѣпленія къ личности) другимъ (прикрѣпленіемъ къ землѣ). Намъ не понятно, что самъ генералъ-губернаторъ, находившій въ принципѣ желательнымъ слитіе ничтожной горсти бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ съ государственными, не отыскалъ, однако жъ, „удобнаго и безобиднаго для владѣльцевъ средства къ прекращенію нынѣ же (въ концѣ 50-хъ годовъ) всѣхъ обязательныхъ отношеній" и составилъ проектъ, создававшій еще болѣе тяжелыя условія для выхода на волю, чѣмъ тѣ, какихъ требовали помѣ-

Digitized by Google

щики и губернскіе совѣты. Въ основныхъ чертахъ проектъ генералъ-губернатора сходился съ только что изложенными мнѣніями губернскихъ совѣтовъ, но при этомъ предъявлялъ и такія мнѣнія, какихъ не было заявлено совѣтами, напримѣръ, для увольненія срочно-обязаннаго крестьянина требуется, кромѣ выкупа земель, еще выполненіе слѣдующихъ требованій: 1) чтобы семейство не было на рекрутской очереди, 2) чтобы остающіеся въ прежнемъ обществѣ члены его семьи, если они находились на его попеченіи, были обезпечены въ средствахъ къ существованію, и 3) чтобы несовершеннолѣтніе не были увольняемы безъ согласія ихъ родителей или опекуновъ.

Затѣмъ губернскіе совѣты и сами помѣщики, присутствовавшіе на засѣданіяхъ, какъ уже нами приведено ранѣе, предлагали надѣлить по 8 десятинъ на тягло. Генералъ-губернаторъ и здѣсь счелъ долгомъ приложить свою руку, такъ онъ рекомендовалъ поставить опредѣленія надѣловъ въ зависимость отъ добровольнаго соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами, предлагая давать крестьянамъ не менѣе 5 и не болѣе 8 десятинъ на тягло, не включая сюда усадебной земли, которая выкупается по особой оцѣнкѣ на ссуду изъ казны, выплачиваемую крестьянами изъ 3% въ 24 года. Коммиссіи, которымъ была ввѣрена оцѣнка усадебъ, должны были опредѣлить доходность надѣловъ; причемъ извѣстная часть этого дохода, не болѣе впрочемъ $^1/_3$, предназначалась въ пользу помѣщиковъ, какъ плата за пользованіе землею. Періодъ срочно-обязанныхъ отношеній для крестьянъ и дворовыхъ долженъ продолжаться, по проекту генералъ-губернатора, согласно съ мнѣніемъ совѣтовъ, 12 лѣтъ. Относительно тѣхъ 5 помѣщиковъ, которые изъявили желаніе продать своихъ крестьянъ въ казну, генералъ-губернаторъ находилъ возможнымъ удовлетворить ихъ желаніе на условіяхъ, предложенныхъ ими. Крестьянъ же, продаваемыхъ безъ усадебъ и надѣльной земли, западно-сибирская администрація предполагала перечислить въ разрядъ государственныхъ крестьянъ.

Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, извѣстный графъ Муравьевъ-Амурскій, отказался, въ виду незначительнаго числа крѣпостныхъ людей, составлять соображенія объ устройствѣ ихъ быта, „полагая, что въ отношеніи помѣщичьихъ крестьянъ Сибири будетъ самою полезною мѣрою примѣнить къ нимъ тѣ правила, какія будутъ постановлены правительствомъ для внутреннихъ губерній имперіи“; относительно же дворовыхъ людей онъ предлагалъ дать имъ „совершенную свободу отъ крѣпостнаго состоянія“.

Digitized by Google

Проектъ генерала Гасфорта, какъ пропитанный возможными привиллегіями въ пользу крѣпостниковъ-помѣщиковъ, весьма понятно, не могъ удовлетворить бывшаго въ то время министра С. С. Ланскаго, извѣстнаго своимъ горячимъ сочувствіемъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Министръ находилъ предположенный надѣлъ въ 8 десятинъ, тамъ, гдѣ для государственныхъ крестьянъ и ссыльно-поселенцевъ существовалъ 15-десятинный надѣлъ, крайне недостаточнымъ; по его мнѣнію, „надѣленіе крестьянъ значительнымъ количествомъ земли въ большей части мѣстностей Сибири безусловно необходимо". Свое рѣшеніе онъ мотивировалъ совершенно справедливо особыми условіями Сибирскаго края, гдѣ короткое лѣто, недостатокъ рукъ, необходимость скотоводческаго хозяйства обусловливали требованія на большіе надѣлы. Но при этомъ С. С. Ланской шелъ далѣе. *Онъ настаивалъ на немедленномъ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Сибири, не дожидаясь освобожденія крестьянъ въ Европейской Россіи.* По его мнѣнію, слѣдовало бы: 1) Помѣщикамъ, желающимъ отпустить крестьянъ съ землею безвозмездно или съ нѣкоторыми срочными и необременительными обязательствами, предоставить заключить съ ними условіе на основаніи закона о государственныхъ крестьянахъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ. 2) У остальныхъ помѣщиковъ скупить имѣнія на счетъ казны, по соглашенію или по оцѣнкѣ, принявъ за основаніе надѣла существующее пользованіе усадьбами, а въ основаніе оцѣнки капитализацію оброка; въ тѣхъ же имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне никакихъ повинностей не несутъ, положить какую либо цѣну за десятину земли. По приблизительнымъ разсчетамъ, Ланской полагалъ, что на 100 т. можно скупить всѣ имѣнія Западной Сибири. 3) Крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, которые бы не пожелали продать землю, перевести въ ближайшія волости государственныхъ крестьянъ. 4) Оброкъ, которымъ крестьяне будутъ обложены наравнѣ съ государственными крестьянами, могъ бы поступить въ государственное казначейство въ видѣ процентовъ на употребленный капиталъ. При этомъ доброжелательный министръ предлагалъ крестьянамъ, переселеннымъ на казенныя земли, оказывать пособіе и предоставить льготы отъ платежа податей на основаніи общихъ правилъ для государственныхъ крестьянъ.

Министръ остался недоволенъ и отвѣтомъ графа Муравьева-Амурскаго; онъ писалъ, что „крестьянскій вопросъ въ Сибирскомъ краѣ не можетъ разрѣшиться примѣненіемъ общаго узаконенія,

Digitized by Google

которое будетъ издано для европейскихъ губерній; ибо, при обнародованіи положенія о крестьянахъ, даже прежде сего предполагается во внутреннихъ губерніяхъ преобразовать полицію и открыть новыя судебныя учрежденія, какъ необходимыя средства къ приведенію въ исполненіе и къ охраненію на будущее время новаго устройства быта крестьянъ и отношеній ихъ къ помѣщикамъ. Предположенія эти къ Сибири, вслѣдствіе незначительнаго числа крѣпостныхъ людей, примѣнены быть не могутъ и вообще, вслѣдствіе этой малочисленности помѣщичьихъ крестьянъ, желательно было бы не учреждать изъ нихъ отдѣльнаго сословія".

Замѣчанія эти заставили графа Муравьева-Амурскаго измѣнить свое мнѣніе и онъ не замедлилъ увѣдомить министра, что при малочисленности крѣпостныхъ крестьянъ въ Восточной Сибири было бы и странно, и безполезно, и неудобно сдѣлать изъ нихъ, по освобожденіи, отдѣльное сословіе и поставить ихъ тогда подъ особое полицейское управленіе, что онъ, вполнѣ раздѣляя мнѣніе министра, полагаетъ, что „крѣпостныхъ Восточной Сибири, по перемѣнѣ ихъ быта, желательно было бы отнести къ сословію государственныхъ крестьянъ, причемъ переводъ этотъ могъ бы быть совершенъ сразу, безъ всякаго переходнаго состоянія".

Относительно же вознагражденія помѣщиковъ генералъ-губернаторъ, указывая на разницу между Родюковымъ, владѣвшимъ помѣстьемъ на законномъ основаніи, и Коноваловымъ, „который, имѣя въ виду только личную пользу, рѣшился преступить постановленія закона и, такъ сказать, своевольно и противозаконно владѣлъ населеннымъ имѣніемъ въ Восточной Сибири, и котораго, по его мнѣнію, необходимо предать суду, освободивъ крестьянъ на общемъ основаніи съ дворовыми *)", — просилъ первому помѣщику выдать 15,000 руб. изъ хозяйственнаго капитала Енисейской губерніи, а крестьянъ со всѣми землями, ими собственно обрабатываемыми, домами, усадьбами и другими угодьями обратить въ государственные крестьяне и зачислить въ ближайшую волость. Министръ съ особенной симпатіей отнесся къ этому представленію и тотчасъ же вошелъ съ ходатайствомъ о немедленномъ освобожденіи крестьянъ и дворовыхъ Восточной Сибири и о пріобрѣте-

*) Дѣло о противозаконныхъ поступкахъ Коновалова начато было по распоряженію совѣта главнаго управленія В. С. еще въ 1852 г. и въ 1854 г. оно находилось на разсмотрѣніи красноярскаго окружнаго суда. Чѣмъ кончилось оно, неизвѣстно, но интересно то, что при сборѣ свѣдѣній, предъ реформой, крѣпостные Коновалова были отнесены въ разрядъ дворовыхъ.

Digitized by Google

нiи въ казну имѣнiя Родюкова. Но этому прекрасному предположенiю, ставившему вопросъ на совершенно правильную почву общегосударственнаго, а не сословнаго дѣла, какъ замѣчаетъ авторъ цитированнаго нами ранѣе очерка „О крѣпостныхъ крестьянахъ въ Сибири", не суждено было состояться.

Ланской въ лицѣ министра государственныхъ имуществъ гр. М. Н. Муравьева встрѣтилъ противника представленнаго проекта. Муравьевъ возразилъ, что „въ выкупѣ казною земли для помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибири не представляется существенной надобности, и мѣра эта повела бы къ *безполезнымъ расходамъ*, тѣмъ болѣе, что вообще не представляется уваженiй, по которымъ можно было бы желать устройства на особыхъ началахъ быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибири, прежде постановленiя по сему предмету въ великороссiйскихъ губернiяхъ положительныхъ правилъ, тогда какъ примѣненiемъ въ свое время сихъ правилъ въ Сибири дѣло это могло бы само собою разрѣшиться". Ланской энергично возражалъ. „Помѣщичьи крестьяне въ Сибири,—писалъ онъ,—*находясь среди свободныхъ людей* въ незначительномъ числѣ, видя, что даже *ссыльно-поселенцы пользуются лучшею участью*, чѣмъ они, замѣчая, что для нихъ только однихъ недоступно безпрепятственное пользованiе общимъ изобилiемъ мѣстныхъ удобствъ, и въ настоящее время *едва сносятъ крѣпостную зависимость*". Эти слова служили вѣскимъ доказательствомъ, какъ ясно понималъ Ланской положенiе крѣпостнаго права въ Сибири, и дѣйствительно изъ приведенныхъ ранѣе данныхъ мы видали, что изъ общаго числа 29 имѣнiй Западной Сибири въ 4-хъ крестьяне жили въ селенiяхъ государственныхъ крестьянъ, а въ 13-ти имѣнiяхъ не отправляли въ пользу помѣщика никакихъ повинностей. Въ виду этихъ фактовъ, Ланской находилъ весьма вѣроятнымъ, что „та слабая зависимость, которая поддерживается въ остальныхъ имѣнiяхъ, съ обнародованiемъ общаго положенiя о крестьянахъ, совершенно прекратится сама собою, безъ переходныхъ мѣръ, предполагаемыхъ для крестьянъ внутреннихъ губернiй. Нѣкоторые помѣщики чувствовали это и добровольными уступками хотѣли заблаговременно прекратить крѣпостныя отношенiя. Министръ Ланской, пропагандируя о необходимости помощи со стороны правительства, еще разъ указалъ, что по особымъ мѣстнымъ условiямъ нельзя оставлять сибирскихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ ихъ тягостномъ положенiи до изданiя общаго положенiя. „По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ,—писалъ онъ въ заключенiи,—

Digitized by Google

я не могу согласиться съ мнѣніемъ г. министра государственныхъ имуществъ, что предполагаемая мною мѣра повела бы къ безполезнымъ расходамъ. Я не могу признать безполезнымъ расходомъ затрату незначительной для государства суммы въ 100 тысячъ рублей *для уничтоженія всѣхъ признаковъ крѣпостной зависимости въ огромной* странѣ, какова Сибирь, для обезпеченія быта крестьянъ, въ числѣ 3 тысячъ душъ обоего пола. Я не могу, наконецъ, считать эту трату безполезной потому, что затраченная сумма будетъ приносить проценты въ видѣ оброка съ крестьянъ и можетъ быть возвращена посредствомъ погашенія, если сіе послѣднее будетъ признано необходимымъ".

Этотъ горячій протестъ былъ писанъ въ маѣ 1859 года, но онъ не имѣлъ успѣха, и сибирскіе крѣпостные получили свободу одновременно съ россійскими. Въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу большинство, очевидно, присоединилось ко мнѣнію министра государственныхъ имуществъ, но голосъ Ланскаго не прошелъ также безслѣдно, что можно заключить изъ того, что земельный надѣлъ былъ признанъ отъ 8 до 15 десятинъ на душу, т. е. далеко бо́льшій, чѣмъ проектировала мѣстная администрація во главѣ съ генераломъ Гасфортомъ.

Таковы были данныя къ знаменательному дню крѣпостничества въ Сибири; надо кстати замѣтить, что они не вполнѣ сходятся съ данными X-ой ревизіи, что весьма понятно, такъ какъ нѣкоторые владѣли крестьянами незаконно и показывали ихъ въ другихъ рубрикахъ. Ко времени X-ой народной переписи по даннымъ этой ревизіи считалось во всей Сибири 36 помѣщиковъ, владѣвшихъ населенными имѣніями, и 70 безпомѣстныхъ дворянъ, владѣвшихъ одними только дворовыми людьми *). Общее число крѣпостныхъ крестьянъ въ Сибири не превышало 3,701 душ. мужескаго и женскаго пола, въ числѣ которыхъ было 900 человѣкъ дворовыхъ.

Изъ такихъ общихъ цифръ на долю Восточной Сибири приходится только 2 помѣщика съ имѣніями и 9 безпомѣстныхъ дворянъ, а всѣхъ крѣпостныхъ людей 297 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 146 дворовыхъ. Затѣмъ все остальное число помѣщиковъ и крѣпостныхъ находилось въ Западной Сибири и распредѣлялось по губерніямъ слѣдующимъ образомъ:

---

*) Историческій очеркъ Западной Сибири въ царствованіе Александра II. Памятная книжка Западной Сибири на 1882 годъ.

Digitized by Google

	Въ губерніяхъ: Тобольской,	Томской.	Вообще въ Западной Сибири.
Помѣщиковъ	28	6	34
Безпомѣстныхъ дворянъ, владѣвшихъ дворовыми	40	21	61
Итого . . .	68	27	95
Крѣпостныхъ крестьянъ обоего пола	2,384	266	2,650
Дворовыхъ людей	616	138	754
Всѣхъ крѣпостныхъ людей	3,000	404	3,404

Изъ означеннаго числа дворовыхъ, говоритъ полковникъ Усовъ, авторъ статьи, изъ которой мы цитируемъ приведенныя цифры, показывались приписанными къ населеннымъ имѣніямъ 585 душъ обоего пола, а остальные къ домамъ собственныхъ и посторонніихъ владѣльцевъ. Изъ всѣхъ 34 имѣній большая часть принадлежала къ мелко и малопомѣстнымъ, такъ 19 имѣній заключали менѣе 20 душъ мужескаго пола, въ 12 помѣстьяхъ было отъ 20 до 100 душъ и только въ 3-хъ имѣніяхъ считалось отъ 100 до 150 душъ. Подъ всѣми помѣстьями de facto было занято 43,777 десятинъ удобной земли и 13,000 десятинъ неудобной. Самое бо́льшее по количеству имѣніе, состоявшее изъ двухъ деревень въ Туринскомъ округѣ, принадлежало роду бывшаго туринскаго воеводы Панаева; въ немъ считалось 37,000 десятинъ пожалованной земли, но большинство помѣщиковъ имѣли земли гораздо меньше.

Во время, предшествовавшее освобожденію крестьянъ, только въ двухъ помѣстьяхъ жили сами помѣщики, тремя имѣніями управляли особыя уполномоченныя помѣщиками лица, остальныя же имѣнія находились подъ управленіемъ старостъ, которые иногда даже не знали о мѣстопребываніи своихъ господъ. Г. Усовъ подтверждаетъ и ту мысль, что отношенія крѣпостныхъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ въ Сибири имѣли иной характеръ, нежели въ Европейской Россіи: въ этой послѣдней крестьянинъ находился въ экономической зависимости отъ помѣщика, такъ какъ дорожилъ землею, которою отъ него пользовался, видя въ ней главный источникъ своего обезпеченія. Въ Сибири же, при ея многоземеліи, крестьяне всегда готовы были покинуть помѣщичьи земли и переселиться на свободныя мѣста, а потому связь между крестьянами и помѣщиками держалась лишь на одной личной зависимости,

Digitized by Google

но и этого рода зависимость была въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ только номинальной, по отсутствію и безвѣстному нахожденію помѣщиковъ, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ крестьяне не отбывали въ пользу своихъ господъ даже никакихъ повинностей, однако жъ въ большинствѣ помѣстій крестьяне, сверхъ подушной подати и другихъ казенныхъ платежей, платили помѣщикамъ ежегодно отъ 3 до 23 рублей оброка съ каждой ревизской души мужескаго пола; незамужнія ихъ дочери тоже облагались оброкомъ отъ 3 до 10 рублей на душу; между тѣмъ всѣ казенные и земскіе платежи смежныхъ государственныхъ крестьянъ не превышали 7 рублей въ годъ съ ревизской души. Мы говорили уже ранѣе, что въ однихъ имѣніяхъ крестьянамъ было отведено опредѣленное количество земли, въ другихъ они пользовались всею помѣщичьею землею, въ третьихъ, по неудобству и недостатку ея, должны были арендовать мѣста у сосѣднихъ казенныхъ крестьянъ и даже совсѣмъ поселялись въ ихъ деревняхъ. По общему свидѣтельству, помѣщичьи крестьяне въ отношеніи благосостоянія рѣзко уступали сосѣднимъ государственнымъ и были менѣе рачительны къ хозяйству.

V.

Наступилъ 1861 годъ, когда магическое слово свободы изъ области мечтаній перешло въ дѣйствительность. Согласно положенію 19-го февраля 1861 года, всѣ крестьяне помѣщичьихъ имѣній были тогда же приписаны къ тѣмъ волостямъ государственныхъ крестьянъ, въ чертѣ которыхъ эти имѣнія находились. Помѣщиками сохранялось право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ, они обязывались уступить крестьянамъ ихъ усадебную осѣдлость и указное количество полевой земли отъ 8 до 15 дес. на каждую ревизскую душу; причемъ денежный годовой оброкъ съ крестьянъ за таковой надѣлъ опредѣленъ по 8 рублей. Дворовымъ людямъ предоставлено чрезъ два года, послѣ изданія манифеста, полное освобожденіе, а до того времени они обязывались уплачивать своимъ помѣщикамъ по одному рублю съ души оброка. При составленіи уставныхъ граматъ почти всѣ помѣщичьи крестьяне выказали желаніе лучше переселиться на казенныя земли, нежели оставаться во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Въ 1863 году крестьянское дѣло было приведено къ оконча-

Digitized by Google

нію, причемъ только по семи имѣніямъ введены обязательныя отношенія по уставнымъ граматамъ; во всѣхъ же остальныхъ имѣніяхъ крестьяне уволены отъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцамъ, на основаніи правилъ о дворовыхъ людяхъ и о мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, причемъ имъ было предоставлено право избрать родъ жизни или переселиться на свободныя казенныя земли.

Такова страница изъ исторіи 19-го февраля въ Сибири, но къ ней надо присоединить страницу 8-го марта, имѣвшую для Сибири далеко бо́льшее значеніе. Высочайшимъ указомъ, послѣдовавшимъ 8-го марта, на алтайскихъ приписныхъ крестьянъ и на заводскихъ мастеровъ алтайскихъ и нерчинско-заводскихъ распространены были права свободныхъ сельскихъ обывателей личныя, по имуществу и по состоянію. При этомъ, впредь до размежеванія Алтайскаго горнаго округа, крестьянамъ предоставлено пользоваться всѣми земельными угодьями въ прежнихъ размѣрахъ. За эти земли, взамѣнъ прежней издѣльной повинности на заводахъ, они обложены денежнымъ оброкомъ по 6 руб. съ души, изъ которыхъ 4 р. 50 к. поступаютъ въ доходъ кабинета, а 1 р. 50 к. въ казну. Увольненіе мастеровыхъ и рабочихъ повелѣвалось окончить не позже двухъ лѣтъ, т. е. къ 1863 году. Тотчасъ по полученіи указа 8-го марта 1861 года были уволены прослужившіе 15 лѣтъ, а затѣмъ всѣ остальные. Вмѣстѣ съ отцами были освобождены всѣ малолѣтки и подростки, еще не поступившіе въ полные работники. Имѣвшимъ осѣдлость мастеровымъ и рабочимъ оставлены въ собственность безвозмездно ихъ усадьбы и выдѣлено въ пользованіе по одной десятинѣ покосовъ на ревизскую душу, за поземельную оброчную плату въ пользу заводовъ. Имѣвшіе пахатные участки сохранили ихъ также за собою за оброчную плату.

Съ окончаніемъ обязательныхъ отношеній къ заводамъ, изъ сословія бывшихъ мастеровыхъ и рабочихъ было образовано 12 горнозаводскихъ волостей, а изъ приписанныхъ 39, въ которыхъ тогда же было введено положеніе 19-го февраля, взамѣнъ прежняго самоуправства горныхъ управителей. Затѣмъ въ Алтайскомъ округѣ было учреждено 8 должностей мировыхъ посредниковъ.

Какъ воспріялъ народъ вѣсть объ освобожденіи, не представляется возможности подробно разсказать. Единственный, частный, издававшіся въ то время на далекой окраинѣ органъ „Амуръ“ передаетъ двѣ корреспонденціи по этому знаменательному дѣлу: одна объ объявленіи манифеста въ Тальцинской поссессіонной фаб-

Digitized by Google

рикѣ, другая—въ Нерчинскихъ заводахъ *). Съ содержаніемъ этихъ корреспонденцій я и позволю, въ заключеніе, познакомить моихъ читателей, какъ съ единственными имѣющимися современными свидѣтельствами. Освобожденіе жителей Тальцинской поссессіонной фабрики отъ обязательнаго труда свершилось de facto 30-го августа 1861 года. Ранѣе сдѣлать это помѣшала столь обыкновенная здѣсь чиновничья переписка. Ко дню свободы на фабрикѣ считалось 470 д. обоего пола, составлявшихъ крѣпостную собственность фабрики. Этому населенію, потомкамъ закрѣпощенныхъ въ 1814 году ссыльныхъ, было объявлено наконецъ слово свободы, котораго они такъ тщетно до сего времени добивались. Для объявленія манифеста и для опредѣленія правъ освобожденныхъ людей былъ посланъ особый чиновникъ, который и исполнилъ возложенную на него миссію съ великою торжественностью. „Наканунѣ 30-го августа,—говоритъ корреспондентъ,—въ церкви Тальцинской фабрики была совершена всенощная, а назавтра литургія съ колѣнопреклоненіемъ, при большомъ стеченіи народа. Протоіерей ясно и вразумительно прочелъ указъ. Послѣ обѣдни всѣ крестьяне, по собственному побужденію, собрались около церкви и здѣсь были поздравлены съ милостью, причемъ имъ было рекомендовано „ждать покойно и терпѣливо устройства своего будущаго быта, не нарушая настоящаго порядка и отношеній своихъ къ фабричному управленію". Затѣмъ послѣдовалъ для нихъ обѣдъ у директора фабрики Молодыхъ, а затѣмъ „крестьяне продолжали праздновать свою свободу, скромно и тихо, съ сознаніемъ важности совершившагося событія,"—такъ заканчиваетъ свое повѣствованіе житель Тальцинской фабрики. Почти то же самое пишетъ и житель Нерчинскаго завода о днѣ 15-го апрѣля, когда въ заводъ, а затѣмъ въ рудники явился чиновникъ Мордвиновъ, съ радостною вѣстью. Народъ молился, ликовалъ, но къ прискорбію откупщиковъ не пьянствовалъ, и откупъ,—замѣчаетъ корреспондентъ,—разсчитывавшій, что „обычная, по его понятію, деморализація нашего простонародія доставитъ ему огромную выручку, обманулся въ своей надеждѣ".

Всѣхъ уволенныхъ по положенію 8-го марта горнозаводскихъ людей считалось въ Нерчинскомъ горномъ округѣ 5,610 человѣкъ обоего пола. Сказавъ о празднествѣ, авторъ корреспонденціи считаетъ умѣстнымъ поставить вопросъ, чему они радовались. Отвѣтъ на

*) «Амуръ», 1881 г., №№ 74 и 69.

Digitized by Google

это, кажется, всѣмъ въ общемъ извѣстенъ, но многое скрыто отъ потомства, и только когда нибудь кропотливый историкъ новѣдаетъ міру яркія страницы людской неволи. Правда, дарованіе воли застало въ нерчинскихъ заводахъ начальникомъ гуманнаго О. А. Дейхмана, но не надо забывать, что незадолго передъ нимъ былъ въ числѣ горныхъ чиновниковъ безчеловѣчный Разгильдѣевъ.

«Какъ въ недавнихъ годахъ,
На Карійскихъ промыслахъ,
Царствовалъ Иванъ!
Не Иванъ Васильевичъ Грозный,
Инженеръ-отъ былъ онъ горный,
Разгильдѣевъ самъ!»...

Этому горному инженеру были подчинены и горнозаводское населеніе, и каторжные. По преданію и по разсказамъ очевидцевъ, онъ забилъ плетью и розгами въ одинъ годъ до 2,000 человѣкъ... Хотя его неистовства больше падали на долю ссыльныхъ, но не были имъ милованы и горнозаводскіе обыватели. Дадимъ и здѣсь повѣдать очевидцу, чѣмъ былъ радостенъ день объявленія свободы. Отвѣчая на свой вопросъ, авторъ сопоставляетъ положеніе каторжнаго и горнорабочаго и отдаетъ предпочтеніе первому. Ссыльный, по прошествіи срока работъ, maximum 17 лѣтъ, поступалъ на поселеніе и дѣлался свободнымъ отъ обязательныхъ работъ; горный же служитель, пользуясь только номинально „честнымъ званіемъ", на дѣлѣ несъ ту же работу, наравнѣ съ ссыльными—этого мало: срокъ его работы долженъ продолжаться minimum до 35 лѣтъ, т. е. болѣе чѣмъ вдвое противъ срока работъ ссыльнаго, поэтому мѣстная уголовная хроника представляетъ такіе разительные факты, которые при другихъ обстоятельствахъ никогда не могли бы случиться. Были случаи, что горнозаводскіе люди нарочно дѣлали преступленія, подвергающія ихъ недолгой каторжной работѣ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи срока этой работы перейдти на поселеніе и сдѣлаться свободными...

Такъ было чему радоваться, хотя въ экономическомъ отношеніи благосостояніе свое они брали съ бою, положеніе не давало имъ особыхъ привиллегій, но мѣстныя условія страны, „гдѣ была земельная ширь и гладь и Божья благодать",—шли на помощь ему. Населеніе это за 25 лѣтъ неузнаваемо измѣнилось къ лучшему.

Весьма понятно, съ какою величайшей радостью было встрѣчено слово свободы и на Алтаѣ, но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ документовъ, которыми могли бы подѣлиться съ нашими читателями. Въ

Digitized by Google

общемъ реформа прошла не безъ курьезовъ, присущихъ сибирскому чиновничьему міру. Такъ для завѣдыванія освобожденными крестьянами были назначены на Алтаѣ мировые посредники, которые съ горемъ пополамъ кое-что дѣлали, но въ Нерчинскозаводскомъ округѣ крестьяне отданы были въ полное вѣдѣніе земской полиціи, которая приняла на себя всѣ функціи крестьянскихъ чиновниковъ и учрежденій, но, увы!... забыла о своимъ обязанностяхъ, такъ какъ, кажется, втеченіе 25 лѣтъ не было ни одного засѣданія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Земельныя отношенія между кабинетомъ Его Величества и крестьянскимъ населеніемъ до сихъ поръ не опредѣлены.

Безспорно нѣтъ мѣста, нѣтъ сравненія этимъ малымъ страницамъ прошлаго Сибири рядомъ съ исторіей всего русскаго крестьянства. Но такъ или иначе сибирское крестьянство испытало значеніе крѣпостничества, и если оно не вполнѣ несло на своихъ плечахъ крѣпостное право, то крѣпостныя стремленія и традиціи жили тамъ въ самой администраціи и были чувствительны для народа. Сибирская пресса не разъ указывала, что идеи опеки, регламентаціи, безусловнаго повиновенія власти, всегда были присущи нравамъ чиновничества, а дѣйствія его не были легче дѣйствій крѣпостныхъ баръ. И они проводятся въ разнообразныхъ мѣрахъ по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ. Такъ регламентировались десятинная пашня, „чтобъ въ Сибири хлѣбопашество завести *до совершеннаго ему градуса*“ *), разселенія и колонизаціи по указаніямъ администраціи, приказанія сѣять хлѣбъ, цѣлыя массы наставленій временъ чичеринскихъ приказовъ, звучащихъ угрозою стараго опекуна „барина“. Десятинная пашня, особый видъ государственнаго закрѣпощенія, проводимаго въ жизнь такими людьми, какъ губернаторъ Соймоновъ **), заявившій въ Высочайшемъ докладѣ, что, „дабы въ Сибирской губерніи хлѣбопашество размножить, тамошніе хлѣбопашцы *непремѣнно принуждены быть должны*“, тяжело отзывалась на населеніи. Сибирь становится страной опеки и регламентаціи. Были приказы не отлу-

*) 1763 г., П. С. З., въ № 11,860. Высочайшія резолюціи на докладѣ Соймонова и Чичерина.

**) Соймоновъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, за участіе въ дѣлѣ Волынскаго былъ сосланъ въ каторжную работу. Елисавета Петровна возвратила ему свободу, но онъ, всетаки, жилъ еще послѣ того 16 лѣтъ въ Сибири, изслѣдовалъ фарватеръ Шилки и пути по Амуру, а въ 1757 году сдѣланъ былъ сибирскимъ губернаторомъ.

Digitized by Google

чаться крестьянамъ на ночь изъ домовъ; были такіе губернаторы, какъ Трескинъ, и вѣрные помощники ихъ, какъ исправникъ Лоскутовъ, слѣдившіе за посѣвами, сборами хлѣба, за квашнями бабъ и даже за знаніемъ молитвъ.

Дисциплинированье крестьянъ всегда было излюбленнымъ дѣломъ администраціи, причемъ употреблялись суровыя мѣры и наказанія, о которыхъ осталась только память въ преданіяхъ. Губернаторъ Чичеринъ съ гусарской командой выѣзжалъ на пашни сѣчь крестьянъ, у которыхъ, по его мнѣнію, было мало усердія въ работѣ. Лоскутовъ дралъ со словами: „исправь, Господи, нечестивца“. Авторитетъ былъ утвержденъ, и мѣстная земская полицейская власть, въ лицѣ засѣдателя и исправника, получала названіе „барина“, барина, всецѣло царившаго надъ его жизнью.

Но здоровая жизнь сибирскаго крестьянства, вѣрная крѣпкимъ вѣковымъ общиннымъ устоямъ русскаго народа, перенесла и переноситъ невзгоды, ожидая лучшаго будущаго.

К. Михайловъ.

Digitized by Google

АМУРСКАЯ КАЛИФОРНІЯ.

(По разсказамъ очевидца).

Открытіе Калифорніи на китайской сторонѣ, близъ Игнашиной, недавно обратило на себя особое вниманіе даже европейской печати. Объ открытіи богатѣйшихъ пріисковъ, не уступающихъ Калифорнійскимъ и привлекшихъ массу русскихъ и китайцевъ, возвѣщено было телеграфомъ. Исторія этихъ пріисковъ возбудила живое вниманіе не однимъ только тѣмъ, что здѣсь открыты были богатства, но и самой оригинальной исторіей возникновенія золотопромышленной колоніи. Какъ извѣстно, сюда стеклось самое разнообразное населеніе, создавшее свою организацію, нравы, установившее извѣстныя правила. Это была золотопромышленная колонія, соединившая болѣе 10,000 народа на незанятой землѣ, внѣ русскихъ владѣній. Словомъ, это была международная Калифорнія, соединившая ороченовъ, китайцевъ, русскихъ и, наконецъ, привлекшая авантюристовъ всякихъ другихъ племенъ. Въ числѣ разныхъ лицъ, появившихся въ Калифорніи, находились отставные чиновники, бывшіе исправники, и все это соединилось съ массой рабочихъ, бѣглыхъ каторжниковъ и т. п. Открытыя богатства вызвали сильный притокъ туда русскаго населенія, что угрожало принять еще большіе размѣры, если бы не положили предѣла этому русскія власти, а также вмѣшательство китайскихъ властей, получившихъ свѣдѣнія объ открытіи Калифорніи черезъ насъ. Китайцы, пославъ войска, разгорили нынѣ эту Калифорнію, русскіе рабочіе удалились, съ китайцами учинена расправа и казни. Но быстрое возникновеніе Калифорніи и жизнь ея впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ представила столько оригинальнаго, что мы искали случая собрать о ней свѣдѣнія.

Одинъ изъ очевидцевъ и участниковъ въ основаніи этой колоніи, игравшій въ своеобразной администраціи Калифорніи важную роль, доставилъ намъ любопытный разсказъ объ обстоятельствахъ,

Digitized by Google

сопровождавшихъ открытіе золота, а нашъ корреспондентъ сообщилъ подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ ея.

Какъ проявленіе колонизаціонныхъ стремленій русскихъ, это явленіе заслуживаетъ вниманія. Недавно разсказъ о Желтугинской Калифорніи появился уже въ „Revue française de l'étranger et des colonies". Русскій журналъ, печатающій извлеченіе изъ этого изданія, сожалѣетъ, что русская печать, занятая болѣе замыслами Бисмарка и князя Баттенберга, чрезвычайно мало обратила вниманія на дѣятельность своихъ русскихъ людей на окраинѣ. Мы постараемся настоящей статьей пополнить этотъ пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что во французское сообщеніе вкрались большія неточности и невѣрности.

Въ 1883 году, раннею весною, въ станицу Игнашину, на Амурѣ, верстъ на 70 ниже сліянія Шилки и Аргуни и на 730 выше Благовѣщенска явился къ мѣстному купцу и мелкому золотопромышленнику Середкину инородецъ-ороченъ, извѣстный подъ именемъ Ваньки. Этотъ ороченъ бродитъ съ незапамятныхъ временъ по лѣсамъ Хинганскаго хребта, расположеннаго въ предѣлахъ Китайской имперіи, на правомъ берегу Амура, и заходитъ отъ времени до времени въ Игнашину, Покровку и другія близь лежащія станицы за покупкой необходимыхъ припасовъ или для обмѣна ихъ на добытыя имъ звѣриныя шкуры. Явившись въ Игнашину, Ванька сообщилъ Середкину, что нѣсколько дней тому назадъ онъ хоронилъ свою мать и, выкапывая ей могилу, совершенно случайно наткнулся на нѣсколько самородковъ золота, которое сейчасъ же и показалъ, добавивъ, что за незначительное вознагражденіе укажетъ это мѣсто, съ условіемъ, чтобы трупъ его матери, похороненной тамъ, оставался въ совершенномъ покоѣ. Середкинъ имѣлъ въ это время на русской сторонѣ, близь Игнашиной, заявленный и отведенный въ его собственность пріискъ, который нѣкоторое время работался, но, за неимѣніемъ средствъ и незначительнымъ содержаніемъ въ немъ золота, работы на немъ были прекращены; этимъ-то пріискомъ, надо полагать, онъ задумалъ воспользоваться, чтобы имѣть возможность, если только золото на китайской сторонѣ окажется дѣйствительнымъ, записывать его по своимъ пріисковымъ журналамъ и сдавать какъ бы добываемое на своемъ прежнемъ пріискѣ, на русской сторонѣ. Для этого онъ, условясь окончательно съ ороченомъ Ванькою, посылаетъ съ нимъ довѣреннаго своего Лебедкина и рабочихъ. Ле-

Digitized by Google

бедкинъ, прійдя на указанное ему проводникомъ мѣсто, выбиваетъ первый шурфъ, въ которомъ на 23 четверти получаетъ прекрасную пробу; съ этой пробой онъ является обратно и чрезъ нѣсколько дней, запасшись необходимыми припасами и инструментами, пускается снова въ тайгу уже для производства работъ. Много ли онъ намылъ золота,—никто не знаетъ, но извѣстно только то, что чрезъ нѣкоторое время Лебедкина увезли чуть живаго на русскую сторону (онъ пилъ запоемъ), а часть взятыхъ имъ припасовъ и инструментовъ была возвращена Середкину, часть же расхищена рабочими, оставшимися тамъ продолжать работы на собственный счетъ. Понятно, что открытіе пріиска не было секретомъ для окрестныхъ казаковъ, являвшихся туда для покупки и сбыта золота. Увлеченіе легкою наживою со стороны молодыхъ казаковъ встревожило старыхъ казаковъ-хлѣбопашцевъ, и они рѣшили постановить этому преграды. Былъ собранъ сходъ, на которомъ рѣшили воспретить всѣмъ безъ исключенія казакамъ станицы Игнашиной промышлять на китайскомъ пріискѣ, но позволить имъ заниматься доставкой и продажею припасовъ находящемуся тамъ рабочему люду. Изъ этого мудраго постановленія вышло, что и волки были сыты, и овцы остались цѣлы, такъ какъ доставкою припасовъ могъ заниматься каждый казакъ, безъ различія лѣтъ, имѣвшій лошадей, которыхъ здѣсь, какъ и во всѣхъ амурскихъ станицахъ, не знающихъ недостатка въ сѣнѣ, было достаточно. То же самое сдѣлала и станица Покровка съ Амазаромъ. Оставалось еще только одно—привлечь, какъ можно скорѣе, побольше рабочаго люда и этимъ самымъ пріобрѣсти потребителей на припасы и людей, нуждающихся въ передвижной силѣ. Наступило лѣто, а съ нимъ и усиленное движеніе разнаго народа изъ одного конца въ другой: переселенцевъ, бѣглыхъ каторжныхъ, наконецъ, массы пробирающагося изъ Иркутской и Забайкальской областей свободнаго люда, желающаго продать свой трудъ за большое вознагражденіе. Вся эта движущаяся толпа, проходя черезъ Игнашину и Покровку, слышала разсказы казаковъ объ открытіи невиданнаго еще по богатству золота, и многіе изъ нихъ отправлялись сейчасъ же по указанному имъ пути, а нѣкоторые, болѣе недовѣрчивые, пробираясь далѣе вверхъ и внизъ по Амуру, разглашали всюду и вездѣ объ открытомъ богатствѣ, такъ что въ іюнѣ и въ іюлѣ слухи о существованіи китайскихъ пріисковъ распространились уже по всему Амуру и Забайкальской области, да еще съ такими грандіозными преувеличеніями о богатствѣ ихъ, что каждому такъ и грезилось, что стоило, будто

Digitized by Google

бы, только взять на лопату песку, промыть его, и стастливецъ уже получалъ чуть ли не съ 1/2 фунта золота. Вслѣдствіе этого всякій, имѣвшій хотя какую нибудь возможность отправиться, стремился въ „золотую" землю. Къ тому же въ Благовѣщенскъ возвратилось оттуда нѣсколько рабочихъ „удачниковъ", которые разсказывали, по всей вѣроятности, хвастовства ради, о богатствѣ, о легкости добычи. Прошло еще недѣли двѣ, и нѣсколько такихъ слуховъ, подлившихъ только масла въ огонь, побудили массу ремесленниковъ и служащаго люда бросить мастерскія и занятія и ѣхать туда, гдѣ ихъ ждало счастіе; въ сентябрѣ съ послѣдними пароходами появилась въ Благовѣщенскѣ и команда въ нѣсколько тысячъ человѣкъ находящихся здѣсь золотопромышленныхъ компаній Ниманской, Бутинской, Верхне-Зейской и другихъ. Этотъ пріисковой людъ, услышавъ объ открытіи, поторопился поскорѣе пропить заработанные тяжелымъ трудомъ гроши и, очистивъ карманы, пустился въ Игнашину. Такимъ образомъ, въ самое короткое время число рабочихъ возросло до нѣсколькихъ тысячъ. Вслѣдъ за этой тысячной толпой потянулся мелкій торговый людъ. Забравъ съ собой сухарей, мяса, хлѣба, водки, спирта и необходимыхъ инструментовъ, они открыли свою дѣятельность. Для примѣра сообщу цѣны на нѣкоторые предметы, по которымъ надѣляли явившіеся благодѣтели рабочихъ: мясо, бывшее въ продажѣ въ Благовѣщенскѣ не дороже 4 рублей, продавалось 12 руб. Сухари, стоившіе 3 р. 20 к., продавались 10 и 11 руб. Топоръ, вмѣсто 5 р., продавался за 10 руб., лопата 10 руб., листъ кровельнаго желѣза, стоившій 1 р. 10 к., продавался за 10 р., буторнаго (котельнаго) 80 р., бочка изъ-подъ вина, для возки воды, 20 рублей, бутылка Ланинской шипучей воды, носившей названіе „шампанскаго", 12 руб., свѣчи доходили до 4 р. за фунтъ; бутылка водки 1 р. 50 к. и не ниже 1 рубля; за коньякъ, хересъ, мадеру и другія вина (большей частью, амурскаго производства фирмы Хлѣбникова) брали кто сколько могъ, но не менѣе 5 рублей; при этомъ надо еще принять во вниманіе, что разсчетъ производился золотомъ, а не кредитными рублями, которыхъ у насъ не было; принималось же это золото за товаръ въ большинствѣ случаевъ, въ первое время, не дороже 3 р. 50 к. за золотникъ, тогда какъ сами кулаки продавали его на Сахалинѣ (манджурская деревня противъ Благовѣщенска) не дешевле 4 рублей, такъ что, кромѣ неслыханнаго процента на товаръ, они еще получали, по меньшей мѣрѣ, коммиссіонныхъ по 50 коп. за размѣнъ золотника.

Digitized by Google

Въ это прекрасное время я, грѣшный человѣкъ, одержимый получившей значеніе эпидеміи въ Восточной Сибири золотою лихорадкою, увлекся и поплылъ вмѣстѣ съ житейской волной туда, гдѣ, какъ говорили, не сѣютъ, не жнутъ, а только жатву собираютъ. Пріѣхавъ въ Игнашину, я прежде всего удивился тому необыкновенному движенію и разгулу, которымъ была полна эта въ прежнее время скромная станица. Улицы были полны разношерстнаго народа, снующаго съ гармоніями въ рукахъ изъ одного кабака въ другой. Въ кабакахъ здѣсь недостатка не было. Квартиръ свободныхъ въ станицѣ совершенно не оказывалось; даже уголъ какой нибудь, гдѣ бы можно было переночевать, приходилось съ трудомъ выпрашивать за небывалую цѣну. На слѣдующій день я познакомился съ начальникомъ телеграфной станціи, который въ свое время игралъ видную роль въ калифорнійскихъ дѣлахъ. При открытіи Калифорніи, когда находившіеся тамъ хищники больше боялись распоряженія русскихъ властей, нежели китайскихъ, они заискивали въ расположеніи у этого начальника телеграфной станціи, зная, что всякое приключеніе, касающееся ихъ, не будетъ секретомъ для телеграфа. Это-то заискиваніе дало поводъ начальнику станціи назвать себя горнымъ исправникомъ вольнаго пріиска. Впрочемъ, въ мой пріѣздъ этотъ „горный исиравникъ“ былъ въ опалѣ и вслѣдствіе этого лишенъ своего „званія“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, права являться на пріискъ. Причиной этой немилости были, какъ мнѣ говорили, поборы, которые онъ учинялъ въ средѣ команды, на золотую печать и блюдо для подпесѣнія „кому-то“. Злые языки болтали, что золота собралъ онъ порядочно, хотя печать съ блюдомъ, въ силу какой-то случайности, не вышла; за эту-то случайность онъ и попалъ въ немилость. Получивъ отъ него нужныя мнѣ свѣдѣнія, я въ тотъ же день нанялъ за 15 руб. верховую лошадь и отправился изъ Игнашиной. Переправившись чрезъ Амуръ, мнѣ пришлось проѣхать верстъ пять лугомъ, а затѣмъ тропинка пошла долиною, поросшей густымъ лѣсомъ, по которой бѣжала небольшая рѣка. Путь продолжать надо было шагомъ, потому что конь то и дѣло спотыкался о валежникъ и пни погорѣвшаго или вырубленнаго лѣса или же вязнулъ въ болотѣ и съ трудомъ вытаскивалъ свои ноги.

Мнѣ привелось въ первый разъ одному очутиться среди этого дѣвственнаго, взлелѣяннаго вѣками, лѣса, и, правду говоря, меня обуялъ почему-то страхъ, я ѣхалъ въ какомъ-то забытьѣ, не давая себѣ отчета въ своемъ предпріятіи. Проѣхавъ еще нѣсколько

Digitized by Google

верстъ, я услышалъ издалека разносимый эхомъ крикъ и понуканіе лошадей ночнаго транспорта, вышедшаго изъ Игнашиной много раньше меня. Нагнавъ его, я увидѣлъ, что состоявшіе при немъ ямщики всѣ очень хорошо вооружены. Это обстоятельство волей не волей напомнило мнѣ, что мы находимся здѣсь не въ безопасномъ положеніи, и что каждый пришедшій сюда долженъ беречь свою собственную голову, такъ какъ здѣсь одинъ только законъ—законъ сильнаго. Послѣ этого транспорта мнѣ пришлось уже всю дорогу встрѣчать много разнаго люда съ котомками на плечахъ. Но временный страхъ проходилъ, когда я съ удивленіемъ видѣлъ какое-то единеніе, равенство, которое было такъ ясно замѣтно въ средѣ этой разношерстной толпы. Здѣсь не было различія каторжнаго отъ правоспособнаго гражданина, здѣсь все смѣшивалось во что-то общее, нераздѣльное, а веселые разговоры и шутки, вертящіеся всѣ на одномъ и томъ же интересѣ, такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ.

По пріѣздѣ на пріискъ, я остановился у одного моего знакомаго, который и повѣдалъ мнѣ о житьѣ-бытьѣ пріискателей. Населеніе на пріискѣ въ это время достигло приблизительно до трехъ тысячъ душъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, тысяча—бѣжавшіе ссыльно-каторжные. Работы на пріискѣ производятся на правахъ отчасти артельной и отчасти индивидуальной собственности. Каждому вступающему въ артель вмѣняется въ обязанность производить работу со всѣми прочими членами наравнѣ. Капиталъ для покупки жилища, инструментовъ, коня и прочихъ принадлежностей вноситъ каждый поступающій въ товарищество на паяхъ поровну, за что и получаетъ изъ имѣющаго добываться золота ежедневно причитающуюся часть, за вычетомъ расходовъ на его содержаніе. Вновь вступающій членъ можетъ быть принятъ только съ согласія всей артели. Каждый изъ членовъ артели, пожелавшій по законнымъ причинамъ не явиться на работу, обязанъ ранѣе, за день до своего отсутствія, нанять за себя, на свой счетъ, поденщика. Если нанятый поденщикъ окажется неспособнымъ работникомъ, то членъ товарищества, нанявшій его, лишается въ этотъ день своего пая, а товарищество уплачиваетъ ему только за поденщика. Каждый членъ, пожелавшій по какимъ либо причинамъ оставить участіе въ товариществѣ, обязанъ прежде всего предложить свой пай артели, которая, уплативъ ему его стоимость, нанимаетъ за свой счетъ поденщика и прибыль дѣлитъ между собой. Если же товарищество не пожелаетъ купить продаваемый пай, то обладателю

Digitized by Google

его предоставляется полное право продать его кому либо за цѣну произвольную, и товарищество не имѣетъ права отказаться отъ принятія въ свою среду новаго владѣльца. Собственникамъ предоставляется право имѣть неограниченное число рабочихъ, которымъ они обязаны дать, кромѣ всѣхъ инструментовъ, какіе понадобятся для работы, жилище и полное содержаніе, жалованье же обязаны имъ платить по условленной нормѣ. Часть рабочихъ называлась „половинщиками", такъ какъ получала обыкновенно половину добываемаго золота. На пріискѣ существуетъ трое старостъ, несущихъ на себѣ эту обязанность, какъ общественную повинность, безъ жалованья. Служба такихъ старостъ продолжается не болѣе двухъ недѣль, ибо къ концу этого срока они обыкновенно попадаются въ какомъ либо воровствѣ и бѣгутъ съ пріиска, или же, если не успѣютъ бѣжать, подвергаются тѣлесному наказанію, послѣ чего выбирается другой до перваго такого же случая. Промывка золота на пріискѣ производится двоякимъ способомъ: или на ручныхъ бутарахъ, или же на лоткахъ.

Разсказъ моего пріятеля долго длился, немного было веселаго въ немъ, такъ что мной уже начиналъ овладѣвать страхъ за будущее. Назавтра, когда я вышелъ изъ зимовья, мнѣ представилась крайне оригинальная картина. Въ долинѣ между двухъ высокихъ горъ, по направленію отъ ю.-з. къ с.-в., тянулась небольшая рѣчка, носящая названіе у ороченъ „Желта" и переименованная русскими рабочими, вслѣдствіе того, что въ ней найдено золото, въ „Желтугу". Рѣчка эта, какъ я узналъ, вытекаетъ изъ находящагося верстъ на 7 выше неособенно крутаго хребта, а потому и теченіе ея можно назвать почти что тихимъ. Длина ея достигаетъ до 16 верстъ, глубина на мѣстѣ работъ до $^1/_2$ аршина. Вливается она въ такую же небольшую рѣчушку, извѣстную подъ именемъ Малой Албазихи, составляющей притокъ Большой Албазихи. На одномъ изъ уступовъ, по склону лѣвой горы, на довольно высокомъ мѣстѣ, было построено въ два ряда, улицею, около 60 зимовьевъ и около 20 разбросанныхъ, въ разныхъ мѣстахъ, на противоположномъ склонѣ. Зимовье—это обыкновенный срубъ изъ бревенъ, законопаченный со всѣхъ сторонъ мхомъ; для сохраненія теплоты сверху насыпаютъ на бревна, замѣняющія собою крышу, достаточное количество земли; полъ же, большею частью, земляной и только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ сдѣланъ изъ бревенъ, слегка стесанныхъ съ верхней стороны и на столько плотно уложенныхъ, на сколько это позволяетъ ихъ первобытная правильность. Постройка такого жилища въ 4 саж.

Digitized by Google

шир. и длины и 3 ар. выш. стоила здѣсь до 200 руб. Мѣсто, гдѣ стояли эти въ улицу выстроенныя зимовья, считалось главнымъ станомъ и носило названіе „Орлово поле", вслѣдствіе того, что при самомъ возникновеніи Калифорніи здѣсь былъ выстроенъ кабакъ, у котораго собирался праздный людъ, и тутъ же происходила извѣстная между рабочими игра въ „орлянку". Съ Орлова поля прекрасно видѣнъ весь разрѣзъ (т. е. мѣсто работъ) и работающіе, которые, за дальностью разстоянія, кажутся какой-то движущейся разношерстной лентой. Нѣсколько ниже этого мѣста были расположены, на подобіе фанзъ, зимовья работавшихъ здѣсь китайцевъ, у которыхъ былъ свой староста и свои законы.

Народу на улицѣ Орлова поля была тьма. Крикъ, пѣсни, ругань пьяные—все это смѣшивалось вмѣстѣ и представляло картину, не виданную мною еще до сего времени. Опустившись внизъ къ разрѣзу, я обошелъ пространство въ два конца по обѣ стороны рѣки, около шести верстъ, гдѣ было выбито, по крайней мѣрѣ, до 400 ямъ на 6-саженномъ разстояніи другъ отъ друга. Всѣ онѣ были почти одной глубины, отъ 24-хъ до 30-ти четвертей, и тянулись по руслу рѣки и отчасти по ея берегамъ, занимая мѣсто шириною до 20-ти саженъ. Работа велась здѣсь ортами, т. е. подземной системой, а не открытымъ разрѣзомъ, и обыкновенно каждый рудокопъ считалъ свою яму только тогда выработанной, когда онъ со всѣхъ четырехъ сторонъ встрѣчался корридорами со своими сосѣдями. Въ этомъ случаѣ собственникъ или артель брались за другую имъ принадлежащую и подготовленную къ работѣ яму. Подобныхъ ямъ у собственниковъ, а также и у артелей, было по нѣскольку, и такая система вредно отзывалась на общей массѣ, потому что у иныхъ счастливцевъ было по шести ямъ съ богатымъ содержаніемъ, а у иныхъ при такомъ же количествѣ, а иногда даже и большемъ, не было ни одной съ содержаніемъ даже ниже бѣднаго. Если при этомъ принять во вниманіе, что срокъ пребыванія на китайской сторонѣ не былъ опредѣленъ, то обезпечивать себя на продолжительное время выгодными работами не представлялось надобности, тѣмъ болѣе, что на глазахъ у насъ разорялись сотни бѣдняковъ въ поискахъ за золотомъ, тогда какъ другіе счастливцы продавали собственникамъ свои излишнія богатыя ямы за довольно значительную цѣну; такъ, напримѣръ, шурфъ, или пространство около 4 кв. саж., продавался за 2,000 и 2,500 руб. По совѣту одного удачника и съ общаго одобренія, я рѣшился купить продававшійся случайно за 400 руб. китайскій шурфъ, сулившій много богатства, причемъ

Digitized by Google

сдѣлалъ условіе съ однимъ изъ промышленниковъ, въ силу котораго онъ давалъ мнѣ сколько понадобится человѣкъ изъ числа своихъ рабочихъ, помѣщеніе у себя и необходимые инструменты. Заплативъ 400 руб. китайцамъ, я лихорадочно принялся за работу, но, увы, на 22 четверти въ основаніи этого шурфа оказался громадный утесъ, который мнѣ не удалось преодолѣть. Мое положеніе было подобно положенію многихъ другихъ неудачниковъ. Оставалось одно средство—искать новую яму, но только уже не путемъ покупки, а, найдя свободное мѣсто, выбить на счастіе шурфъ, и это нужно было торопиться дѣлать, ибо Амуръ покрылся льдомъ, а вмѣстѣ съ этимъ и эмиграція принимала все болѣе серьезные размѣры. На протяженіи всего тракта отъ Иркутска, эмигранты тянулись непрерывной лентой, при чемъ только счастливцамъ удавалось дѣлать иногда по 40 верстъ въ сутки на почтовыхъ лошадяхъ, ибо таковыхъ, за сильною гоньбою, совершенно загнали, и ямщики, вслѣдствіе этого, отказывались возить. На каждой изъ почтовыхъ станцій вы могли встрѣтить по 40 человѣкъ, жившихъ тутъ отъ трехъ до пяти сутокъ, въ ожиданіи очередныхъ лошадей; вольные же ямщики, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ проѣзжающихъ, брали по 15 руб. за станокъ, а эту цѣну не каждый могъ заплатить. Почтовая администрація, осаждаемая массой требованій такихъ торопящихся проѣзжающихъ, не имѣя возможности удовлетворить ихъ за ограниченностью передвижныхъ силъ, должна была обратиться за разрѣшеніемъ этого безвыходнаго положенія къ высшему начальству, отъ котораго послѣдовало приказаніе не выдавать лошадей имѣющимъ подорожныя до Покровки и Игнашиной, а вмѣстѣ съ этимъ власти распорядились вывѣсить на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ объявленія, которыя гласили, что каждому отправляющемуся на китайскій пріискъ предлагается возвратиться обратно, ибо на конечныхъ пунктахъ этого странствованія онъ будетъ задержанъ поставленными отъ войскъ кордонами и препровожденъ на мѣсто жительства. Это распоряженіе не привело, понятно, къ желаемому результату, а только нѣсколько уменьшило эмиграцію путемъ почтоваго передвиженія, такъ какъ болѣе догадливые стали брать подорожныя до ближайшихъ городовъ, а не до Покровки и Игнашиной, что стоило только нѣсколькими рублями дороже; съ такими подорожными они получали опять право на почтовыхъ лошадей, и уличить ихъ въ желаніи пробраться на китайскій пріискъ почтовая администрація не имѣла возможности; тѣ же, кто былъ попроще и имѣлъ средства, складывались

Digitized by Google

по нѣскольку человѣкъ и, купивъ лошадь, отправлялись на ней; неимѣющіе же средствъ пробирались образомъ пѣшаго хожденія, результатомъ чего было ежедневное появленіе на пріискѣ отъ 100 до 150 человѣкъ новыхъ промышленниковъ, ибо военныхъ кордоновъ, о которыхъ говорилось въ объявленіяхъ, на самомъ дѣлѣ на конечныхъ пунктахъ не было. Населеніе пріиска къ декабрю возросло такимъ образомъ до 5,000 человѣкъ. Зимовья росли какъ грибы. Въ это время ихъ было болѣе 400 штукъ. Строились они правильной улицею, въ два ряда, у самаго разрѣза. Впослѣдствіи эта улица получила названіе „Милліонной", такъ какъ это мѣсто работъ оказалось однимъ если не изъ самыхъ богатыхъ, то по крайней мѣрѣ самыхъ выгодныхъ, потому что золото на этомъ пространствѣ около двухъ верстъ, тянулось правильной розсыпью, почему и шурфы, находившіеся здѣсь, были почти одинаковаго богатства, а этимъ достаткомъ низовье у Орлова поля не обладало: тамъ было видно присутствіе только гнѣздоваго золота. Явились сотни бѣглыхъ каторжниковъ и цѣлая фаланга разнаго темнаго люда. Съ появленіемъ этихъ аферистовъ, игроковъ, шулеровъ и вообще всякаго пошиба туристовъ, пришедшихъ сюда ловить рыбу въ мутной водѣ, у насъ начали быстро строиться и необходимыя для ихъ операцій учрежденія, какъ-то: гостинницы, кабаки, игорные дома; появился звѣринецъ и цѣлая труппа жонглеровъ, фокусниковъ, гимнастовъ, наѣздниковъ, два оркестра музыки и нѣсколько органовъ. Въ чемъ намъ могли позавидовать нѣкоторые, такъ это въ томъ, что у насъ существовало „оффиціально" маленькое Монте-Карло, которое, впрочемъ, попросту носило названіе „Читы". Это было одно изъ обширнѣйшихъ и не въ примѣръ прочимъ приличное зданіе, въ которомъ находилось три комнаты. Въ первой изъ нихъ былъ буфетъ съ яствами и оркестръ, во второй — столовая для желающихъ поужинать (здѣсь задавали ужины по цѣнѣ, которой и самъ Борель позавидовалъ бы); третья же, которая была болѣе двухъ первыхъ комнатъ, представляла изъ себя арену, гдѣ состязались игроки. Въ этой комнатѣ игра производилась на двухъ столахъ; на одномъ изъ нихъ царствовалъ самъ „штосъ", а на другомъ прекрасная рулетка. Однажды, подойдя къ первому изъ нихъ, я увидѣлъ, что по срединѣ него лежало, на подобіе небольшой пирамиды, фунтовъ около 30-ти золота, а вокругъ него весьма симметрично разложены были кредитные билеты, достоинствомъ отъ 100 и до 10 руб.; у стола помѣщалось человѣкъ пять банкометовъ съ картами въ рукахъ, всегда готовыхъ къ

Digitized by Google

услугамъ желающихъ сорвать этотъ завидный банкъ. На второмъ столѣ картина та же, только съ прибавленіемъ рулетки. Въ этомъ „Монте-Карло“ проигрывались большія деньги, и мнѣ самому приходилось видѣть, когда простой крестьянинъ ставилъ по 4,000 руб. на карту и, ничуть не смущаясь, проигрывалъ эту сумму, въ дѣйствительности представлявшую для него цѣлое богатство, на которое онъ могъ прекрасно обставить свое сельское хозяйство и прожить безбѣдно всю жизнь. Подъ неумолкаемую музыку, подъ вѣчный пиръ многіе, бросившіеся безотчетно въ этотъ омутъ разгульной, полной безразсудства жизни, забывали здѣсь все то, что было когда-то дорого и свято. Здѣсь каждый зналъ себя и думалъ только о себѣ. А между тѣмъ народъ все прибывалъ, пріискъ все больше населялся. Цѣны на необходимые предметы еще болѣе повысились, вслѣдствіе того, что спросъ съ каждымъ днемъ все усиливался, а предложеніе оставалось то же. Каждый день на пріискѣ совершались сперва кражи, затѣмъ появлялся грабежъ съ насиліемъ, наконецъ и убійства. Многіе несчастные, имѣвшіе всего по нѣскольку золотниковъ золота, покончили съ жизнію тамъ, гдѣ думали пріобрѣсти средства къ упроченію своего благосостоянія. Много такихъ труповъ, о которыхъ только смутно ходили слухи по пріиску, лежало по близости въ лѣсахъ, куда ихъ сносили и гдѣ они по долгому времени ждали появленія вѣчнаго жителя этихъ непроходимыхъ дебрей, звѣря, который по частямъ убиралъ эти непогребенныя тѣла. Пока не грянетъ громъ, до тѣхъ поръ и не перекрестится мужикъ. То же случилось и съ нами, калифорнійцами. Въ декабрѣ былъ убитъ, уже на самомъ пріискѣ, поваръ артели бѣжавшихъ ссыльно-каторжныхъ карійцевъ. Убійство, какъ видно изъ обстоятельствъ, было совершено съ цѣлью грабежа, такъ какъ у повара имѣлось около 50-ти золотниковъ золота, которыхъ при немъ не оказалось. Преступникъ покончилъ со своею жертвою небольшимъ 4-хъ фунтовымъ молоткомъ, найденнымъ тутъ же, у мѣста преступленія, и, какъ видно было по совершенно обезображенной головѣ убитаго, послѣдній долженъ былъ получить не менѣе 40 ударовъ этимъ инструментомъ, ибо вся голова была какъ бы вдавлена вовнутрь, а черепъ былъ разломанъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ такъ сильно, что изъ трещинъ его сочился мозгъ. Этотъ-то случай заставилъ призадуматься не только болѣе степенныхъ, но даже и тѣхъ, которые, увлекаясь разгульной жизнью, не имѣли возможности размышлять надъ печальными послѣдствіями царствовавшаго произвола. Вѣсть объ этомъ звѣрскомъ престу-

Digitized by Google

ленiи быстро разнеслась по пріиску, и почти каждый калифорнiецъ шелъ туда, гдѣ лежало тѣло убитаго, чтобы во-очiю убѣдиться въ происшедшемъ и поговорить о мѣрахъ предупрежденiя такихъ случаевъ. Въ это время на пріискѣ было междуцарствiе, такъ какъ служившiе тогда старостами, поселенецъ Шадринъ и отставной солдатъ Ѳедоровъ, сбѣжали на русскую сторону, ибо были уличены въ лихоимствѣ по нѣкоторымъ дѣламъ. Въ виду этого произвести дознанiе по дѣлу убiйства никто не рѣшался, потому что команда вся была въ такомъ наэлектризированномъ состоянiи, что малѣйшая оплошность слѣдователя могла принести ему Богъ знаетъ какiя непрiятности. По этимъ-то причинамъ тѣло пролежало дней шесть, и въ это время команда рѣшила выбрать на пріискѣ одно какое нибудь извѣстное лице, которое могло бы самостоятельно ввести дисциплину и порядокъ. Рѣшено было предоставить выбранному полную власть надъ всѣми, какъ находящимися въ Калифорнiи, такъ и тѣми, которые будутъ находиться въ мѣстахъ, лежащихъ на китайской сторонѣ и примыкающихъ къ Желтугинскому пріиску. Былъ назначенъ день, въ который собрались довѣренные отъ всей команды, и, послѣ многихъ преній, большинствомъ голосовъ былъ выбранъ я. На другой день депутаты, посланные отъ команды, явились ко мнѣ съ хлѣбомъ-солью и поздравленiемъ по случаю избранiя моего въ первые правители Желтугинской, какъ они называли, республики. Не смотря на все нежеланiе мое принять на себя эту обязанность, я положительно не имѣлъ возможности представить имъ законной причины, на основанiи которой я могъ бы уклониться отъ этого званiя, такъ какъ команда заранѣе соглашалась на всѣ тѣ мѣры, которыя будутъ мною введены на пріискѣ для охраненiя спокойствiя и порядка, обѣщая во всѣхъ случаяхъ оказывать полное содѣйствiе, въ отношенiи выполненiя приказанiя, какъ мнѣ, такъ и тѣмъ, которые будутъ признаны мною за достойныхъ помощниковъ. Выборъ помощниковъ я предоставилъ также всей командѣ и старался уговорить калифорнiйцевъ сдѣлать общественную службу для избираемыхъ лицъ, въ матерiальномъ смыслѣ, нѣсколько интересною, назначивъ для этого помощникамъ жалованье. Я зналъ, что нужны будутъ средства, но сразу установить какiе либо налоги съ рабочаго на первое время мнѣ казалось рискованнымъ. Матерiальныя же средства, для введенiя на пріискѣ порядка, необходимы были въ значительныхъ размѣрахъ, а такъ какъ денежная поддержка со сто-

Digitized by Google

роны рабочихъ представляла много затрудненій, то мнѣ пришлось, по общему совѣту, за таковой обратиться исключительно къ торгующему элементу, при помощи котораго можно было достигнуть желаемаго результата простѣйшимъ способомъ. Только-что возникшему управленію выгоднѣе и безопаснѣе было имѣть дѣло съ лицами купеческаго сословія и при ихъ поддержкѣ существованіе здѣсь нашего новаго управленія было съ матеріальной стороны обезпечено. Затѣмъ осталось еще только одно — это укрѣпить имѣющее учредиться управленіе со стороны чисто формальной, т. е. заставить команду присягою и подписями признать существованіе и власть надъ собою какъ людей, ими выбранныхъ, такъ и правила, которыя будутъ этими людьми вводимы. Для того, чтобы успѣшнѣе совершить это, мы пришли къ заключенію, что составленный нами законъ не долженъ носить на себѣ по своей редакціи формально-сухой, канцелярскій характеръ. На этомъ-то основаніи законъ желтугинской команды вольныхъ промышленниковъ Амурской Калифорніи носилъ на себѣ своеобразный, по контрасту съ исполнявшими его, характеръ. Онъ былъ исключительно основанъ „на добромъ словѣ“, которое многимъ калифорнійцамъ развѣ только памятно изъ воспоминаній ихъ дѣтства, проведеннаго въ колыбели, быть можетъ, на глазахъ любящихъ матерей, во всю же ихъ долгую послѣдующую жизнь, по разнымъ острогамъ и рудникамъ, этимъ несчастнымъ, кромѣ ругани тюремнаго смотрителя и пинковъ конвойныхъ, не приходилось ничего слышать, вслѣдствіе чего, при введеніи такимъ образомъ составленнаго закона, мы разсчитывали достигнуть лучшихъ результатовъ. Прежде всего мы раздѣлили пріискъ по числу зимовьевъ на пять участковъ (получившихъ впослѣдствіи названіе штатовъ), и предложили каждому участку, по обоюдному согласію находящихся въ немъ жителей, выбрать изъ своей среды на 4-хъ-мѣсячное служеніе двухъ старшинъ, предупредивъ при этомъ избиравшихъ, что выборы должны быть совершены съ крайнею осторожностію, ибо каждый выбранный старшина станетъ въ будущемъ самостоятельно рѣшать всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя могутъ произойдти между жителями выбравшаго его участка, и поэтому только люди извѣстные своею справедливостью и честностью имѣютъ право на положеніе, дающее имъ власть и возможность быть защитниками слабыхъ и поборниками правды. Для этого въ каждый участокъ была послана бумага, въ которой было написано приблизительно слѣдующее: „Мы, люди разныхъ званій,

Digitized by Google

поселившіеся самовольно на китайской сторонѣ для добычи золота, общимъ сходомъ отъ такого-то числа рѣшили установить на пріискѣ нашемъ, въ обезпеченіе безопасности, порядокъ и дисциплину, для чего и выбрали, на томъ сходѣ, большинствомъ голосовъ въ правители такого-то, отдавъ ему полную власть на расправу съ тѣми изъ среды нашей, которые за проступки свои заслужатъ какое бы то ни было наказаніе. Такой-то участокъ промышленниковъ Амурской Калифорніи, подтверждая своими подписями означенный выборъ, проситъ не отказаться принять эту обязанность и признать предъявителей сего такихъ-то на 4-хъ-мѣсячную общественную службу нашими старшинами". Чрезъ нѣсколько дней пять такихъ экземпляровъ были возвращены мнѣ подписанными, а съ ними явились и помощники въ числѣ 10 человѣкъ (по два изъ участка), изъ которыхъ двое были китайцы, выбранные жившими на пріискѣ китайцами, образовавшими особые участки. Такъ сформировался совѣтъ правленія Амурской Калифорніи — изъ десяти человѣкъ старшинъ и одного правителя. Точно сообщить написанный законъ я не имѣю возможности, такъ какъ копіи у меня не сохранилось, и за внезапностью отъѣзда я не успѣлъ переписать его, а потому ограничусь сообщеніемъ только того, что еще сохранилось въ памяти. „Такого-то года, мѣсяца и числа, — говорилось въ желтугинскомъ статутѣ, — мы, артели и собственники вольныхъ промысловъ въ Амурской Калифорніи, памятуя слово, заповѣданное намъ нашимъ великимъ учителемъ Сыномъ Божіимъ и Господомъ Богомъ: „Люби ближняго своего, какъ самого себя," и слѣдуя этому христіанскому ученію, оставленному намъ въ святомъ Евангеліи, ведущемъ насъ къ миру и благостямъ жизни земной, спасенію и вѣчности въ царствіи небесномъ, дерзаемъ помощью Всевышняго, неотступно трудиться на пользу ближняго нашего, дабы совратившихся наставить на путь истинный и устранить этимъ самымъ неугодныя Богу дѣла, совершаемыя многими, изъ среды нашей, заблудившимися во мракѣ прегрѣшеній и забывшихъ слова заповѣдей: „не убей" и „не укради". Обратившись съ теплою молитвой къ Господу нашему о неоставленіи насъ слабыхъ на трудномъ пути, предначертанномъ намъ, мы безпрекословно вѣримъ и отдаемся въ руки не какъ властолюбивымъ начальникамъ, а какъ достойнѣйшимъ изъ среды нашей и помнящимъ слово Божіе, учившее насъ правдѣ и справедливости, нашимъ выбраннымъ, что мы

Digitized by Google

подписями и мысленно присягой подтвердили, такіе-то". Затѣмъ написанное слѣдовало по пунктамъ.

1) Команда рѣшила выбранному правителю положить жалованье въ размѣрѣ такомъ-то, предоставивъ ему при этомъ право назначать по своему личному усмотрѣнію выбраннымъ старшинамъ ежемѣсячное вознагражденіе по степени ихъ заслугъ; средства же на пополненіе этихъ и прочихъ могущихъ быть расходовъ должны взиматься съ находящихся на пріискѣ купцовъ, трактиросодержателей и кабатчиковъ въ размѣрѣ, который управленіе найдетъ нужнымъ установить.

2) Каждый, нанявшійся какъ на казенные, такъ и на частные промыслы, обязанъ озаботиться о своевременной явкѣ на нихъ, и тѣ изъ артелей и собственниковъ, у которыхъ такія лица проживаютъ, должны не позже 1-го марта заявить объ этомъ участковому старшинѣ для высылки означенныхъ лицъ съ пріиска и для препровожденія ихъ на мѣста службы.

3) Въ средѣ пришедшихъ сюда съ желаніемъ честно трудиться, чтобы имѣть возможность обезпечить въ будущемъ безбѣдное существованіе какъ самого себя, такъ и оставленной на родинѣ семьи, на пріискѣ появилось много лицъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, скитающихся по кабакамъ и трактирамъ, ведущихъ постоянно нетрезвую жизнь и занимающихся нечестно игрою въ карты, что вредно отзывается по пагубному примѣру своему на общей массѣ рабочаго люда, а вслѣдствіе этого команда обязана для собственной пользы и спокойствія указывать управленію означенныхъ лицъ для высылки ихъ съ пріиска.

4) Игра въ карты на одежду, инструментъ и припасы первой необходимости, а также пріемъ означенныхъ предметовъ подъ залогъ, безусловно на пріискѣ воспрещается подъ строгою отвѣтственностью, ибо многіе вслѣдствіе этого лишаются необходимаго и впадаютъ въ положеніе, заставляющее ихъ совершать преступленія.

5) Каждый, имѣющій на пріискѣ какую либо торговлю, обязанъ вывѣсить у себя надъ зимовьемъ, по подписаніи сего чрезъ три дня, флагъ; тѣ же изъ торгующихъ, кои не сдѣлаютъ этого, будутъ оштрафованы въ пользу нуждъ желтугинской команды отъ 25-ти до 100 рублей.

6) При взиманіи пошлинъ за право торговли каждый торгующій обязанъ требовать отъ лица, уполномоченнаго на сборъ управленіемъ, квитанцію изъ имѣющейся у него для этого кви-

Digitized by Google

танціонной книжки за печатью управленія и подписью правителя, въ полученіи съ него пошлины; эта квитанція должна быть прибита на видномъ мѣстѣ принадлежащей ему лавки или вообще торговаго заведенія.

7) Каждая артель имѣетъ право подъ работы въ новомъ мѣстѣ выбить шурфъ, занимающій не болѣе одной квадратной сажени, съ тѣмъ, однако, чтобы къ борту этого шурфа можно было прирѣзать по $1^1/_2$ сажени съ каждой его стороны, если же разстояніе между работающими уже ямами не будетъ соотвѣтствовать этой мѣрѣ, то въ такомъ случаѣ закладка какой бы то ни было работы въ означенныхъ мѣстахъ на пріискѣ строго воспрещается.

8) Въ виду того, что многіе прибывающіе сюда, не имѣя возможности подыскать себѣ, въ силу разныхъ причинъ, труда, находятся въ настоящее время въ крайне бѣдственномъ положеніи, управленіе, напоминая объ этихъ несчастныхъ командѣ, сообщаетъ, что имѣющіяся у нѣкоторыхъ артелей въ неопредѣленномъ количествѣ ямы, а также и пріямки, находящіеся по сіе время безъ производства на нихъ какихъ либо работъ, за неимѣніемъ у владѣльцевъ таковыхъ рабочей силы, а также и денежныхъ средствъ,—будутъ отданы для разработки пришедшимъ сюда честнымъ и трезвымъ труженикамъ, которые могли бы этимъ самымъ пріобрѣсти насущный кусокъ хлѣба и лишній грошъ для возвращенія обратно на родину. Объявляя объ этомъ командѣ и надѣясь на человѣколюбіе русскаго человѣка, всегда сочувственно относившагося къ нуждамъ ближняго своего, управленіе начнетъ раздачу этихъ мѣстъ чрезъ 7 дней по подписаніи сего, а потому до этого срока предоставляется право всѣмъ артелямъ и собственникамъ, принадлежащимъ къ разряду владѣльцевъ, имѣющихъ неопредѣленное количество ямъ и пріямковъ, оставить за собою только тѣ мѣста, гдѣ уже производится работа: на девять человѣкъ двѣ запасныя ямы, на 18 человѣкъ четыре и на 27 шесть ямъ; всѣ же излишнія будутъ считаться общественнымъ достояніемъ желтугинской команды вольныхъ промышленниковъ и будутъ раздаваться по мѣрѣ нуждъ разнымъ лицамъ.

9) Всѣмъ вновь прибывающимъ артелямъ и собственникамъ вмѣняется въ обязанность явиться въ управленіе для прочтенія и подписанія означеннаго закона. Тѣ же изъ нихъ, которые по истеченіи трехъ дней со дня прибытія ихъ въ территорію Калифорніи, считающейся съ мѣста праваго берега Амура, лежащаго противъ русской станицы Покровки и внизъ по теченію до станицы Игнаши-

Digitized by Google

ной, не явятся для подписанія его, будутъ обвиняемы какъ желающіе подчиниться закону желтугинской команды вольныхъ промышленниковъ Амурской Калифорніи.

10) Всѣмъ вновь прибывающимъ артелямъ и собственникамъ воспрещается устанавливать на мѣстахъ, гдѣ производятся работы, всякія приспособленія, требующіяся для промывки золота, а указываются имъ для установки означенныхъ предметовъ свободныя мѣста, находящіяся у борта разрѣза производящихся работъ, потому что съ наступленіемъ тепла подработанное пространство, не выдержавъ тяжести наваленнаго на него промытаго песка, лежащаго у бутаръ и лоточныхъ тазовъ, должно будетъ завалиться, и вслѣдствіе этого, кромѣ матеріальнаго ущерба, принесетъ и несчастіе тѣмъ, которые будутъ находиться въ это время работающими въ шурфахъ.

11) Управленіе считаетъ необходимымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что всѣ находящіяся при немъ лица, отправляющія общественную службу, будутъ носить, какъ особо установленный знакъ, на лѣвомъ рукавѣ верхняго платья бляху съ вырѣзанными на ней буквами, указывающими: „старшина Амурской Калифорніи такого-то участка", и что поэтому требованія каждаго явившагося безъ такого знака должны считаться недѣйствительными.

12) Заниматься продажею спиртныхъ напитковъ всѣмъ пріѣзжающимъ для временной торговли на пріисковой базаръ безусловно воспрещается подъ отвѣтственностью наложенія на означенный предметъ тройной пошлины или же, въ случаѣ несостоятельности, конфискаціи его. За продажу спиртныхъ напитковъ кѣмъ либо изъ постоянно торгующихъ на пріискѣ безъ особо установленнаго разрѣшенія на то, виновный подвергается за каждую проданную бутылку водки въ первый разъ штрафу въ 25 руб., во второй—50 и въ 3-й—100 рублей.

13) Каждый собственникъ, а также и артель, обязаны во всякое время дня и ночи, по первому требованію явившагося старшины, дать ему въ помощь для возстановленія на пріискѣ порядка и спокойствія столько человѣкъ, сколько потребуютъ обстоятельства. При наказаніи кого либо изъ совершившихъ преступленіе каждый житель Калифорніи обязанъ, въ видѣ общественной повинности, привесть въ исполненіе приговоръ совѣта управленія или старшины надъ обвиняемымъ, а также во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ управленіе найдетъ нужнымъ отдать кого либо изъ заподозрѣнныхъ въ совершеніи преступленія подъ присмотръ какой либо артели или

Digitized by Google

собственника, съ соблюденіемъ при этомъ извѣстной очереди, они, не имѣя права отказаться отъ принятія подъ свое наблюденіе находящагося подъ слѣдствіемъ, отвѣчаютъ за побѣгъ его всею артелью подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія. Управленіе же съ своей стороны уплачиваетъ посуточно за содержаніе арестованнаго по одному рублю тѣмъ лицамъ, на отвѣтственность которыхъ онъ будетъ сданъ.

14) За всякое преступленіе, совершенное кѣмъ либо на территоріи Амурской Калифорніи, виновные подвергаются, какъ самому легкому наказанію, высылкѣ съ пріиска безъ права возвращенія, а въ болѣе важныхъ случаяхъ, смотря по крѣпости здоровья обвиненнаго, тѣлесному наказанію, однако, не свыше 500 ударовъ розгами. Убійство же всякое будетъ наказываемо по закону Моисееву, то-есть „око-за-око“, и виновный въ этомъ случаѣ подвергается смертной казни тѣмъ путемъ, который былъ имъ примѣненъ къ своей жертвѣ.

15) Каждый старшина, во всѣхъ могущихъ произойдти случаяхъ въ выбравшемъ его участкѣ, полновластно распоряжается и присуждаетъ, безъ участія совѣта и правленія, наказаніе, не превышающее 100 ударовъ и обязанъ во всѣхъ такихъ случаяхъ сообщать правителю ежедневно въ часы доклада объ общемъ спокойствіи и благополучіи на пріискѣ. Всякое присужденное наказаніе приводится въ исполненіе немедленно и не позже какъ чрезъ 24 часа съ момента приговора.

16) Закону желтугинскихъ вольныхъ промышленниковъ подчиняются всѣ, безъ изъятія сословій, національностей и подданства, пришедшіе въ Амурскую Калифорнію, и исключеніе въ отношеніи наказаній, примѣнимыхъ къ нимъ, представляютъ только лица, несущія общественную службу по выбору, которыя за противозаконные проступки будутъ подлежать суду совѣта правленія, и отрѣшенные уже отъ носимаго званія предаются вновь суду на общемъ основаніи со всѣми его примѣненіями.

17) До свѣдѣнія каждаго доводится, что за продажу фальшиваго золота, за ношеніе на себѣ, безъ законнаго на то права, установленнаго для служащихъ правленія знака и за вымогательство при этомъ, какъ бы отъ лица правленія, какихъ либо пошлинъ, недоимокъ и т. п. виновные подвергаются тѣлесному наказанію въ размѣрѣ 500 ударовъ терновникомъ.

18) Въ виду того, что въ послѣднее время нѣкоторые изъ промышленниковъ позволяютъ себѣ производить на пріискѣ стрѣльбу изъ имѣющагося у нихъ оружія, что̀ можетъ повести за собою

Digitized by Google

случайныя несчастія, правленіе объявляетъ, что стрѣльба, во всякое время дня и ночи, безъ законныхъ причинъ, строго воспрещается, а также за ношеніе при себѣ какого либо оружія въ нетрезвомъ видѣ виновный будетъ строго наказанъ.

19) Мы, такіе-то, принося искреннюю благодарность командѣ за оказанное намъ довѣріе, принимаемъ на себя возложенныя по ея волѣ обязанности и клянемся именемъ Бога исполнять ихъ по чистой совѣсти и правдѣ..

20) Что означенные здѣсь правители и старшины выбраны нами по нашей доброй волѣ и собственному желанію, въ томъ мы ниже подписями удостовѣряемъ и обязуемся относиться къ нимъ съ почтеніемъ, а тѣ изъ насъ, которые не сдержатъ этого слова, должны будутъ, какъ нарушители порядка и обидчики тѣхъ лицъ, которымъ команда довѣрилась, какъ честнымъ и справедливымъ охранителямъ ея безопасности и спокойствія на пріискѣ, строго наказаны.

Законъ этотъ былъ написанъ въ пяти экземплярахъ и розданъ на руки старшинамъ, изъ которыхъ каждый, собравъ въ своемъ участкѣ довѣренныхъ отъ артелей и собственниковъ, прочитывалъ его имъ; послѣ этого уставъ утверждался подписями, а по подписаніи былъ возвращенъ въ правленіе и скрѣпленъ печатью, какъ получившій право примѣненія въ территоріи Амурской Калифорніи.

Съ первыхъ же дней утвержденія совѣта правленія многимъ думавшимъ, что съ нимъ можно будетъ шутить, пришлось плохо, и можно сказать, что первыя двѣ недѣли могли бы по справедливости назваться временемъ страшной порки непокорныхъ калифорнійцевъ. Не было дня, въ который бы не происходило нѣсколькихъ примѣровъ тѣлеснаго наказанія. Масса кражъ и мелкихъ преступленій, проходившихъ до сего времени незамѣтно, стали выплывать сами по себѣ наружу. Сѣкли ежедневно и за воровство, и за мужеложство, и за половое сношеніе съ нѣкоторыми домашними животными, принадлежащими къ женскому роду, словомъ, сѣкли съ утра и до вечера за всякій проступокъ, и только послѣ такого воздѣйствія со стороны старшинъ втеченіе почти двухъ недѣль на любителей до чужой собственности и до сильныхъ ощущеній, они нѣсколько угомонились. Вѣсть о строгомъ наказаніи за каждый проступокъ быстро разнеслась по Амурской, Забайкальской и Иркутской областямъ, а вслѣдствіе этого и торговое сословіе, видя нѣкоторое обезпеченіе въ отношеніи без-

Digitized by Google

опасности, стало, подталкиваемое желаніемъ легкой наживы, появляться на пріискѣ, и втеченіе самаго короткаго времени число постоянныхъ торговцевъ дошло до 300 человѣкъ, да, кромѣ того, ежедневно появлялось на пріисковой базаръ множество временныхъ торговцевъ, привозившихъ изъ Забайкалья мясо и изъ ближайшихъ станицъ и селеній разные предметы.

Особенно оживленную и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальную картину представлялъ нашъ базаръ въ дни привоза, что было всегда по субботамъ. Обширная ледяная площадь разукрашивалась всевозможными флагами, запруженная густою толпою разношерстнаго люда, снующаго отъ воза къ возу, отъ палатки къ палаткѣ; шумъ, говоръ, играніе нѣсколькихъ шарманокъ, воспроизводившихъ безостановочно какія-то допотопныя аріи, подъ звукъ которыхъ показывались въ балаганѣ, тутъ же устроенномъ, фокусы; недалеко отъ этого мѣста, оградивъ канатомъ небольшое пространство, какой-то татаринъ, на сѣрой лошади, показывалъ зрителямъ высшую школу верховой ѣзды; около него же пріютилась довольно солидная по объему желѣзная клѣтка на колесахъ, въ которой помѣщалась пойманная въ Примерской области тигрица, завезенная сюда по дорогѣ въ Россію; тутъ же расположилась на коврѣ, подъ открытымъ небомъ, труппа странствующихъ гимнастовъ, которые, не смотря на сильные морозы, продѣлывали разныя эволюціи; одѣтые въ легкое трико, они только во время антрактовъ позволяли себѣ закутываться въ баранъи шубы. Кромѣ этихъ увеселительныхъ зрѣлищъ, на базарѣ находилось еще нѣсколько балагановъ, гдѣ производился розыгрышъ разныхъ предметовъ. Прибавимъ для полноты картины еще присутствіе среди этой толпы нѣсколькихъ десятковъ верблюдовъ, привезшихъ сюда мясо и раскаживающихъ по базару на свободѣ, въ ожиданіи, когда хозяева ихъ распродадутъ привезенный товаръ.

Торгующій элементъ несъ пошлину въ размѣрѣ 10% на всѣ товары, за исключеніемъ мяса и сухарей; съ торгующихъ же спиртными напитками оптомъ взималось 25%; трактирные же содержатели, кабатчики, а также и всѣ торгующіе этимъ предметомъ въ розницу, совмѣстно съ увеселительными заведеніями, платили 20% съ общей валовой ежемѣсячной торговли. Въ самомъ началѣ было учреждено правильное полученіе въ Калифорніи съ русской стороны корреспонденціи. Затѣмъ, управленіемъ былъ учрежденъ лазаретъ, который, въ виду появившагося на пріискѣ значительнаго числа больныхъ, былъ крайне необходимъ.

Digitized by Google

Лазаретъ вольныхъ промышленниковъ Амурской Калифорніи представлялъ изъ себя обширное зданіе, не отличавшееся ничѣмъ особеннымъ по скромной внѣшности своей отъ цѣлой массы окружавшихъ его зимовьевъ. Все зданіе внутри было раздѣлено на четыре отдѣленія довольно толстыми и плотными бревенчатыми перегородками, возведенными до потолка. Обширнѣйшее изъ нихъ представляло изъ себя палату для больныхъ, въ которой помѣщалось 15 деревянныхъ неподвижныхъ коекъ, на которыхъ былъ, вмѣсто матрацовъ, мягкій войлокъ, сложенный въ два ряда, накрывавшійся бѣлой простыней, парусинныя подушки, набитыя соломою, на которыя одѣвались ситцевые чехлы, и байковое одѣяло. Изъ трехъ остальныхъ отдѣленій, одно представляло изъ себя аптеку, другое было предназначено для пріема приходящихъ за совѣтами больныхъ, наконецъ послѣднее отдѣленіе помѣщало въ себѣ больничную прислугу и кухню. Больные, поступавшіе въ лазаретъ, пользовались безвозмездно, на общественный счетъ, присмотромъ за ними лазаретнаго врача, принадлежащею госпиталю аптекою, уходомъ и попеченіемъ больничной прислуги и, съ разрѣшенія врача, полнымъ продовольствіемъ, состоящимъ изъ утренняго чая, завтрака, обѣда, не болѣе какъ изъ трехъ блюдъ, и вечерняго чая (къ чаю полагался бѣлый хлѣбъ). Такое содержаніе каждаго больнаго пансіонера обходилось лазарету въ сложности до 5 рублей въ день, что при полномъ комплектѣ на 15 человѣкъ (а онъ былъ съ перваго дня открытія полнымъ) составляло въ мѣсяцъ 2,250 рублей. Если принять во вниманіе, что расходъ, производимый на содержаніе лазарета, былъ только однимъ изъ многихъ, дѣлаемыхъ ежемѣсячно управленіемъ, то весьма естественно, что увеличить это благое учрежденіе и этимъ самымъ сдѣлать его еще болѣе удовлетворяющимъ нуждамъ всего населенія, не было возможности, а потому имѣвшіяся въ немъ 15 пансіонерскихъ коекъ были розданы наибѣднѣйшимъ и наитяжелѣйшимъ больнымъ. Къ послѣднимъ относились тѣ изъ калифорнійцевъ, которые были одержимы цынгою и тифомъ. Въ особенности была распространена цынга.

Такъ открыла свою дѣятельность выбранная администрація, и въ самомъ началѣ случилось одно обстоятельство, которое укрѣпило за нею еще большую компетентность. Китайское правительство прекрасно знало о нашемъ пребываніи на его территоріи. Для него не была также секретомъ и цѣль присутствія этихъ непрошенныхъ гостей. Айгунскій амбань не разъ обращался къ амурскому губернатору съ оффиціальными бумагами,

Digitized by Google

которыя носили въ себѣ характеръ просьбы на счетъ того, чтобы, въ виду дружескихъ отношеній, существующихъ между двумя имперіями, ему, амбаню, было оказано содѣйствіе въ той степени, въ какой оно ему понадобится, для выселенія русскихъ подданныхъ, явившихся самовольно на китайскую сторону. По полученіи отвѣта на эту бумагу, онъ увидѣлъ, что амурскій губернаторъ ровно ничего не знаетъ о пребываніи русскихъ подданныхъ на китайской сторонѣ и что какое нибудь вмѣшательство въ это дѣло русскихъ властей онъ считаетъ для себя неудобнымъ и даже невозможнымъ, какъ не соотвѣтствующее заключенному трактату, добавивъ при томъ, что всѣ, если таковые имѣются, перешедшіе безъ разрѣшенія властей границу, вполнѣ подлежатъ отвѣтственности по закону той страны, гдѣ они находятся, а потому и китайскому правительству въ этомъ случаѣ предоставляется полная самостоятельность по выселенію этихъ дезертировъ тѣмъ способомъ, который оно найдетъ для себя необходимымъ. По полученіи такого неожиданнаго отвѣта, айгунскій амбань попалъ въ очень затруднительное положеніе: самостоятельность дѣйствій, предоставленная ему амурскимъ губернаторомъ въ отношеніи насъ, ставила этого правителя въ крайне безвыходное и смѣшное положеніе, такъ какъ, обращаясь съ вышесказанной просьбой къ русскимъ властямъ, онъ прекрасно сознавалъ свое безсиліе въ дѣлѣ защиты принадлежащей его правительству границы. Безвыходность обстоятельствъ китайскаго правителя происходила главнымъ образомъ отъ слѣдующихъ причинъ: Амурскую Калифорнію отдѣляетъ отъ Айгуна 500-верстный густой лѣсъ (тайга), по которому нѣтъ возможности предположить передвиженіе какого нибудь даже незначительнаго отряда, въ лѣтнее время по непроходимости болотъ, а въ зимнее по глубинѣ снѣга. Такимъ образомъ, если бы китайское правительство и имѣло возможность немедленно отправить значительный по численности отрядъ, могущій противостоять толпѣ, дошедшей до солидныхъ размѣровъ 7,000, то и тогда указанныя мною выше обстоятельства сдѣлали бы его совершенно безполезнымъ, по крайней мѣрѣ, до открытія амурской навигаціи, когда передвиженіе оказалось бы возможнымъ на лодкахъ. Чтобы избавиться отъ неудобнаго положенія и устранить отъ себя могущую явиться отвѣтственность за послѣдствія, амбань послалъ къ намъ чиновника-топографа, пріѣхавшаго въ станицу Игнашину по русской подорожной. Топографъ этотъ, при помощи данныхъ ему 2-хъ рабочихъ изъ китайской команды,

Digitized by Google

опредѣлилъ мѣстоположеніе пріиска, снялъ съ него планъ, выпилъ всласть и, взявъ въ знакъ признательности 2 фунта золота, по окончаніи возложеннаго на него порученія, въ хорошемъ расположеніи духа и добромъ здравіи, отправился обратно на русскую сторону. Послѣдствіемъ этого посѣщенія было то, что мѣсто, нами занятое, оказалось по съемкѣ принадлежащимъ вѣдѣнію не айгунскаго амбаня, а совершенно другаго, резиденція котораго находилась верстъ на 300 южнѣе Калифорніи, въ „большомъ городѣ", лежащемъ по китайскому тракту, тянущемуся отъ Цици-Кара-Цурухутуя на Аргунь, а потому объ этой оказіи дано было знать сему губернатору.

Амбань „большаго города", о которомъ я сейчасъ упомянулъ, узнавъ о нашемъ присутствіи на территоріи, находящейся подъ его вѣдѣніемъ, послѣ долгихъ размышленій, отправилъ къ намъ отрядъ манегровъ, состоявшій изъ 36 человѣкъ всадниковъ, вооруженныхъ кремневыми ружьями. Прибытіе этого-то отряда, расположившагося по берегу Амура напротивъ Игнашиной, и заставило калифорнійцевъ претерпѣвать нѣкотораго рода безпокойство, ибо численность его передавалась въ крайне преувеличенномъ видѣ, и если вспомнить, что у страха глаза велики, то нѣтъ ничего удивительнаго, что на пріискъ являлись въ первый же день такіе молодцы, которые, по ихъ словамъ, проѣздомъ изъ Игнашиной на пріискъ замѣтили, что въ пришедшемъ отрядѣ будетъ, пожалуй, болѣе за 1,000 человѣкъ. Командиръ китайскаго отряда, узнавъ, что на пріискѣ есть правитель, обратился въ Игнашинѣ къ нѣкоторымъ съ просьбою устроить ему свиданіе со мной, для чего и былъ на пріискъ посланъ нарочный при запискѣ, гдѣ говорилось о желаніи китайскаго полковника. По полученіи приглашенія, я сталъ немедленно собираться къ отъѣзду, а старшинамъ поручилъ дѣйствовать на команду успокоительно, увѣривъ ее, что худаго намъ ничего не сдѣлаютъ. Увѣщеваніе это было тѣмъ болѣе необходимо ужъ потому, что многіе, напуганные появленіемъ китайскаго отряда, старались продавать за безцѣнокъ имущество и поскорѣе уѣзжать въ Игнашину; въ общемъ же можно было замѣтить, что масса была въ воинственномъ настроеніи, и помѣряться силою съ китайцами, въ случаѣ какого либо сопротивленія, охотниковъ было бы немало.

По пріѣздѣ въ станицу, я засталъ китайскаго командира въ одной изъ казачьихъ избъ. При немъ находились личный адъютантъ и переводчикъ, а также человѣкъ 10 нижнихъ чиновъ. Переговоры, послѣ представленія и первыхъ привѣтствій, начались съ

Digitized by Google

того, что онъ предложилъ мнѣ дать росписку въ томъ, что я выйду къ условленному сроку съ китайской границы, мотивируя при этомъ свое желаніе тѣмъ, что, по его мнѣнію, съ моимъ отъѣздомъ, какъ начальника поселившихся, они должны будутъ также немедленно перекочевать за мною на русскую сторону. Послѣ долгихъ увѣреній, что подобная росписка не будетъ имѣть силы въ виду того, что начальство мое не пожизненное, а потому я могу быть завтра же смѣненъ, и въ этомъ случаѣ выѣздъ мой изъ китайской границы не будетъ имѣть того значенія, какое г. полковникъ хотѣлъ бы ему приписать, я убѣдилъ его отказаться отъ этого желанія за безполезностью его. Затѣмъ на вопросы: много ли на пріискѣ населенія? сколько какого оружія?—я отвѣтилъ для пущей острастки, что населеніе возрасло до 11,000 человѣкъ и оружія на пріискѣ имѣется 6,000 берданокъ, 1,000 охотничьихъ ружей да 3,000 револьверовъ и масса холоднаго оружія.

Свѣдѣнія эти, преувеличенныя мною до невѣроятности, были, какъ я замѣтилъ, сейчасъ же записаны въ книжку китайскимъ адъютантомъ, вѣроятно, для доклада кому слѣдуетъ. Послѣ этого сообщенія полковникъ спросилъ тономъ, болѣе рѣзкимъ, чѣмъ онъ говорилъ со мною ранѣе, не найду ли я удобнымъ дать ему возможность осмотрѣть самое мѣсто работъ, и, получивъ на это мое согласіе, спросилъ, можетъ ли онъ ѣхать со всею свитою. Увѣривъ его, что появленіе всего отряда и тѣмъ болѣе вооруженнаго можетъ произвести непріятное впечатлѣніе на массу, я убѣдилъ китайскихъ представителей положиться на меня и ѣхать, не боясь ничего, безъ оружія, ибо мы всѣ до того времени, пока китайскія власти не сдѣлаютъ намъ ничего дурнаго, только скромные работники. По пріѣздѣ на пріискъ, китайскій полковникъ не пожелалъ отправиться осматривать мѣсто работъ и, удовольствовавшись обозрѣніемъ всего пріиска съ возвышенности, на другой день уѣхалъ обратно въ лагерь и сталъ собираться въ обратный путь. Въ это время въ Игнашиной былъ проѣздомъ изъ Хабаровки забайкальскій губернаторъ Барабашъ, съ которымъ китайскіе чиновники хотѣли повидаться, но не были послѣднимъ приняты, а потому и поѣхали на родину съ нерадостными вѣстями. Этотъ-то благополучный исходъ нѣсколько ободрилъ все населеніе пріиска, которое, хотя и смутно, но, всетаки, начало сознавать полное безсиліе китайскихъ властей. Дѣло наше, по своему счастливому положенію, стало принимать характеръ недавняго прошлаго, когда былъ отрѣзанъ Муравьевымъ и самый Амуръ, а потому мы не

Digitized by Google

могли отказаться отъ надежды сдѣлаться первыми русскими колонизаторами могущей прирѣзаться территоріи, и для скорѣйшаго осуществленія такой мысли мы рѣшили придать нашему пребыванію на Желтугѣ характеръ утвердившейся осѣдлости. Въ виду этого управленіе предполагало послать на общественный счетъ поисковую партію для изслѣдованія падей, прилежащихъ со всѣхъ сторонъ къ пріиску, и по нахожденіи золота послать въ каждую изъ такихъ мѣстностей по двѣ тысячи человѣкъ, для того, чтобы такимъ образомъ занять какъ можно большее пространство. Для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ было объявлено пріисковымъ капиталистамъ, что если они захотятъ на свой собственный счетъ и рискъ отправить, помимо партіи отъ вольныхъ промышленниковъ Амурской Калифорніи, еще и свои собственныя, и если таковыми партіями будутъ найдены золотосодержащія розсыпи, то открывателямъ таковыхъ предоставляется временное право на владѣніе поземельной собственностію, что̀ дастъ имъ возможность начать работы правильнымъ открытымъ разрѣзомъ, для скорѣйшаго возвращенія тѣхъ расходовъ, которые они понесутъ при сооруженіи партіи. При этомъ было поставлено на видъ, что какъ мѣста, открытыя партіями вольныхъ промышленниковъ, такъ и тѣ, которыя будутъ найдены партіями добровольцевъ, подчиняются всѣ безъ исключенія утвержденному такого-то числа, мѣсяца и года, вольными промышленниками на рѣчкѣ Желтугѣ, закону Амурской Калифорніи со всѣми его послѣдствіями и будутъ находиться подъ вѣдѣніемъ одного правителя, чрезъ посредство особыхъ намѣстниковъ, выбранныхъ большинствомъ голосовъ изъ среды населенія вновь образовавшагося стана, путемъ тѣхъ условій, которыя примѣнялись въ этомъ случаѣ при выборѣ главнаго правителя и состава перваго совѣта управленія, отъ котораго и будутъ исходить распоряженія, могущія встрѣтиться во всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся пространства, нами занятаго и безъ исключенія причисленнаго къ Амурской Калифорніи. Въ это время въ Хабаровкѣ на съѣздѣ представителей власти разсматривался, между прочими вопросами, касающимися края, и вопросъ о полезности или безполезности нашего золотопромышленнаго дѣла и тѣхъ началъ, на которыхъ оно существуетъ. Тѣ свѣдѣнія, которыя дошли до насъ о результатѣ переговоровъ между правителями трехъ областей и его помощниками,—были слѣдующія: существованіе Калифорніи рѣшено въ смыслѣ одобрительномъ, какъ средство, возвышающее матеріальное благосостояніе населенія, а потому и золото, добы-

Digitized by Google

ваемое на томъ же пріискѣ и вывезенное на русскую сторону, не будетъ конфисковаться, какъ хищническое, которое добывается за границею, и, кромѣ того, въ виду слуховъ, что золото продается нами, за недостаткомъ покупателей, по крайне убыточной для насъ цѣнѣ, т. е. по 3 руб. за золотникъ, и что вслѣдствіе этого мы чувствуемъ большую нужду въ кредитномъ рублѣ, рѣшено было назначить въ Игнашину, для ознакомленія съ нашимъ дѣломъ, одного представителя власти, которому поручено было предпринять мѣры, могущія избавить насъ отъ этого критическаго положенія, путемъ покупки золота по установленной цѣнѣ. На сколько всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія были вѣрны, я не могу поручиться, но мы имъ довѣрялись, а потому и не могли не радоваться тому положенію, которое принимало наше дѣло отъ благосклоннаго на него взгляда людей, имѣвшихъ, по своему положенію, для него значеніе. Такъ или иначе, но послѣ сказаннаго мною выше рѣшенія, мы, всетаки, избавились отъ того несчастія, которому многіе вышедшіе на русскую сторону для сбыта накопленныхъ крохъ подвергались, попадаясь такимъ субъектамъ, какъ бывшій читинскій полицеймейстеръ Мельниковъ, который имѣлъ на пріискѣ приближеннаго человѣка, доносившаго исправно о каждомъ слѣдовавшемъ чрезъ Читу вольномъ промышленникѣ. Къ несчастію, этотъ приближенный человѣкъ успѣлъ во время избѣгнуть того строгаго наказанія, которому онъ подвергся бы за шпіонство. Мельниковъ, какъ передавали потерпѣвшіе, напавъ на свою жертву, поступалъ такимъ образомъ. Обыскавъ проѣзжающаго чрезъ Читу вольнаго промышленника и отнявъ все имѣющееся у него золото, онъ отправлялся къ себѣ на квартиру, взвѣшивалъ его тамъ и составлялъ протоколъ по поводу этого событія. Когда же таковой преподносился для подписанія промышленнику, то тотъ съ ужасомъ замѣчалъ, что въ протоколѣ Мельниковъ краснорѣчиво ратуетъ о конфискаціи въ пользу правительства, вмѣсто отнятыхъ въ дѣйствительности 5-ти фунтовъ, только одного фунта, изъ котораго ему подлежитъ получить въ силу закона за рвеніе по $1^1/_2$ руб. за каждый золотникъ. Прошло еще нѣсколько времени, которое мы, въ ожиданіи, „что вотъ пріѣдетъ баринъ,—баринъ насъ разсудитъ“, продолжали жить въ тѣхъ же грязныхъ, удушливыхъ зимовьяхъ. Пріѣхалъ баринъ, присмотрѣлся къ дѣлу, да и сталъ намъ въ обязанность вмѣнять такія условія: рѣшилъ, что мы обязаны ему отдавать золото по 3 р. 40 коп. за золотникъ, а для того, чтобы мы не могли обойдти воли барина, начальство распорядилось по-

Digitized by Google

ставить гдѣ слѣдуетъ казачьи пикеты, указывавшіе намъ дорогу къ барскому сундуку. Такое вмѣшательство заставило калифорнійцевъ бросить золотопромышленность, и втеченіе самаго короткаго времени 7,000 толпа золотоискателей уменьшилась до нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ о сибирской Калифорніи мы въ свое время подѣлились съ читателями „Вост. Обозр.“ новыми, присланными нашимъ амурскимъ корреспондентомъ. Въ виду этого въ настоящее время мы передадимъ ихъ вкратцѣ, отсылая интересующихся подробностями лицъ къ № 11 „Вост. Обозр.“ По газетамъ всѣмъ было извѣстно, что китайскими войсками сожжены постройки въ Калифорніи и оттуда всѣ ушли; на самомъ же дѣлѣ движеніе туда никогда не останавливалось. Правда, осенью м. г., по окончаніи работъ, Калифорнія на половину опустѣла, но съ тѣмъ, чтобы вновь подняться зимой, когда замерзнутъ рѣки и откроется сообщеніе. Оно такъ и случилось. Движеніе продолжается безпрерывно втеченіе двухъ мѣсяцевъ. Мѣсяцъ тому назадъ въ Калифорніи насчитывали до 5 тысячъ человѣкъ. Если движеніе такъ же будетъ продолжаться, какъ и теперь, то къ концу зимы тамъ будетъ гораздо больше. Хотя въ числѣ жаждущихъ золота немало русскихъ, но въ общемъ числѣ манджуръ ихъ незамѣтно. Шествіе послѣднихъ ради курьеза называютъ новымъ нашествіемъ монголовъ.

„По слухамъ, администрація Забайкальской области рѣшила не пропускать своихъ транспортовъ. Для Амурской области такое запрещеніе не имѣетъ силы, такъ какъ отсюда везти положительно нечего. Слѣдовательно, китайцамъ нетрудно будетъ выморить Калифорнію голодомъ, но дѣло въ томъ, что голодная толпа не пойдетъ обратно пустынной китайской стороной, а заселеннымъ русскимъ берегомъ. Въ Благовѣщенскѣ наплывъ современныхъ монголовъ былъ громаденъ. Само собою, усилились грабежи. Былъ убитъ и ограбленъ священникъ; много сдѣлано мелкихъ кражъ, и въ особенности поплатились наши хозяйки, которымъ волей-неволей приходилось дѣлиться съ нежданными гостями разнаго рода припасами и снѣдью. Голодные „пріискатели“, понуждаемые отчаяніемъ, при случаѣ готовы на все. И сколько драмъ, сколько раздирающихъ душу сценъ дало это пресловутое движеніе въ Калифорнію, а начавшіеся морозы, какъ бы въ довершеніе картины, то тамъ, то сямъ бросаютъ трупы несчастныхъ въ укоръ живымъ.

„Не жажда наживы гонитъ теперь толпы рабочихъ въ Калифорнію, но малѣйшая возможность имѣть хлѣбъ и заглушить муки

Digitized by Google

голода. А народившіеся тучами кулаки потираютъ руки и предлагаютъ сухари *только по 18 рублей за пудъ*.

„Осенью по всѣмъ пролегающимъ къ Калифорніи трактамъ образовалась охота на выходящихъ съ золотомъ. Большое число труповъ и пропавшихъ безъ вѣсти приводитъ къ неутѣшительнымъ выводамъ. По слухамъ, внутри самой Калифорніи держится порядокъ; тамъ образовалось свое управленіе и введенъ свой судъ и расправа противъ преступленій. Прошлымъ лѣтомъ судъ старшинъ приговорилъ 5 сахалинцевъ къ повѣшенію за убійство семейства пріискателей. На возвышенности былъ устроенъ эшафотъ, наскоро придѣланы петли. Двухъ повѣсили; перваго пришлось перевѣшивать по случаю обрыва петли. Остальныхъ простили; однако судъ приговорилъ дать имъ по 1,000 ударовъ розгами. Потомъ порѣшили сбавить, согласно просьбѣ зрителей наказанья, до 500. Дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна. Вѣроятно, не остались живы, потому что слава о розгахъ Калифорніи велика. Ходятъ слухи, что отъ команды „на ледъ“,—такъ формулировали пріискатели сѣченіе розгами,—не были избавлены и нѣкоторые изъ мѣстныхъ авантюристовъ, которыхъ увлекла въ Калифорнію страсть къ наживѣ. Разсказываютъ, что фотографъ Штейнъ снялъ фотографію въ то время, когда производилась экзекуція. У самой скамьи стоитъ одинъ изъ недавно уволенныхъ исправниковъ Забайкальской области (нѣкто Письменовъ, исключенный изъ службы барономъ Корфомъ; Письменовъ нашелъ мѣсто въ Желтугѣ въ качествѣ администратора изъ второстепенныхъ). Недалеко на холмѣ красуется висѣлица. Картина сугубо поучительная, не правда ли?

„На китайской сторонѣ поставлены пикеты пограничной китайской стражи. Китайская пограничная стража, или такъ называемые „манегри“, весьма быстро освоилась съ своими обязанностями и преисправно обираетъ своихъ собратьевъ за право прохода въ Калифорнію. Налогъ, впрочемъ, милостивый: по пятаку съ рыла. Осенью отборное войско изъ манегровъ отправилось въ лодкахъ въ Калифорнію, но изъ ихъ рвенія ничего не вышло. Имъ удалось сжечь три, четыре никому ненужныхъ зимовьишекъ. Вообще, первый походъ не далъ лавръ побѣдителямъ. Теперь собирается второй, въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Черезъ Албазинъ идетъ до 200 конныхъ манегровъ. Но гораздо больше идетъ съ Аргуни. Всѣхъ китайскихъ войскъ, говорятъ, будетъ 1,000 человѣкъ.

„Станица Игнашина бойко торговала съ Желтугой. Флаги у гостинницъ, харчевень и частныхъ домовъ напоминали о чемъ-то не-

Digitized by Google

обыкновенномъ для захудалой станицы, по волѣ случая сдѣлавшейся станицей Желтуги. Всѣ ждали разрѣшенія подвоза провизіи въ Калифорнію и готовили запасы, надѣясь зашибить деньгу. Прошелъ слухъ объ открытіи новой Калифорніи на Аргуни въ пади, называемой Араканомъ, на сто верстъ выше Покровки. Слухъ оказался фактомъ. На Аргуни уже работаютъ до 800 человѣкъ. Золото оказалось богатое по содержанію, но низкопробное—80-й пробы, на видъ грязное, почти черное. Артель въ десять человѣкъ намываетъ до 250 золотниковъ въ день.

„Разрѣшеніе о подвозѣ продовольствія было получено въ Горбицѣ 16-го декабря. Съ этого времени движеніе транспортовъ шло непрерывно, и никто изъ торговцевъ не обращалъ никакого вниманія на дѣйствія китайцевъ, которые уже гнали рабочихъ съ Аракана.

„Числа пятаго января въ Стрѣтенскѣ стали говорить, что Калифорніи конецъ. Ходила масса разсказовъ объ убійствахъ по дорогамъ и въ самой Желтугѣ. Ѣхать по тракту считалось опаснымъ и совѣтовали обождать, пока поуляжется. Придерживаясь пословицы: „не всякому слуху вѣрь“, я отправился изъ Стрѣтенска на почтовыхъ въ тотъ же день, разсчитывая воспользоваться случаемъ проѣхать всѣмъ извѣстные „Грѣхи“ безъ задержки (7-ю смертными грѣхами называются 7 амурскихъ станцій). До станціи Соболиной не встрѣчалось ни одного желтугинца, но съ Соболиной стали попадаться группы русскихъ и отдѣльно—китайцы. Здѣсь я узналъ, что китайскія войска, выгнавъ всѣхъ съ Аргуни, предложили рабочимъ выйдти изъ Калифорніи втеченіе 4 дней, потомъ срокъ былъ продолженъ до 6. Въ первые дни вышли наиболѣе благоразумные русскіе и китайцы. Китайцы не ждали пощады и бросились изъ Желтуги какъ угорѣлые. Одно напоминаніе о „кантами“ (кантами—отрубить голову) приводило ихъ въ бѣгство. Русскіе рабочіе, не зная ничего о намѣреніяхъ китайцевъ и опасаясь рѣзни въ одиночку, вышли толпой подъ предводительствомъ старшины. Впереди несли знамя съ надписью: „Мы, Александръ III“, которое сопровождали три горниста, игравшіе какой-то хитрый маршъ. Китайскіе рабочіе сначала тоже шли толпой съ знаменемъ, но потомъ разбѣжались по дорогамъ, горамъ и лѣсамъ. Такъ какъ русскіе вышли со стороны Амазара, а китайскія войска вошли въ Желтугу съ противоположной стороны, то встрѣчи не произошло. Когда аргунскій отрядъ китайскихъ войскъ присоединился къ желтугинскому, русскіе рабочіе и китайцы снова пошли работать на Аргунь. Теперь ихъ тамъ свыше 800. Вверхъ

Digitized by Google

по Шилкѣ бѣжали самые безпомощные. Встрѣчавшіеся китайцы, гонимые паническимъ страхомъ, съ отмороженными до костей носами и щеками, вызывали сожалѣніе у самыхъ жестокихъ. Случайно пойманныхъ китайскіе солдаты убивали безпощадно, самымъ варварскимъ способомъ: кололи тупыми пиками, рубили тупыми шашками, топтали лошадьми, стрѣляли и пр. И все это безобразіе происходило безразлично — *какъ на русскомъ берегу, такъ и на китайскомъ*, пока русскіе рабочіе сами не положили предѣла варварству китайскихъ воиновъ, способныхъ рѣзать своихъ собратьевъ какъ барановъ. Наглость китайскихъ солдатъ простиралась до того, что они открыто гонялись за своими по улицамъ Амазара и *Игнашиной, обыскивали обывательскія избы, лазали въ подполья и кололи несчастныхъ на глазахъ всѣхъ*. Но всякому терпѣнію бываетъ конецъ. Увидѣвъ, что китайцы поймали трехъ своихъ желтугинцевъ и уже начали приступать къ варварской казни, русскіе рабочіе приняли ихъ въ колья и обратили въ бѣгство, а пріискателей спрятали.

„Одинъ казакъ ѣхалъ по Амуру съ пустыми санями и наѣхалъ на казнь. Недолго думая, схватилъ китайца за шиворотъ, бросилъ въ сани и драло. Двадцать манегри бросились въ погоню. Казакъ добѣжалъ до перваго зимовья, гдѣ стояли русскіе рабочіе, и втолкнулъ помертвѣвшаго отъ ужаса пріискателя. Манегри за нимъ. Но тутъ произошло нѣчто неожиданное: русскіе съ крикомъ и гамомъ и съ голыми кулаками бросились на конницу и обратили ее въ постыдное бѣгство. Всѣ вышли положительно нищими, безъ всякой надежды на будущее. Нѣкоторые бросились на пріиски съ предложеніемъ взять ихъ только за харчи. Даже бѣжавшіе съ пріисковъ 6 лѣтъ тому назадъ должники—и тѣ явились съ предложеніемъ отработать долгъ.

— „Ну, паря, велика у тя харя, а ума ни на грошъ. Прежде въ Желтугѣ шампанское пили, а теперь мокай, паря, сухарь въ Шилку,—утѣшалъ пріискатель своего товарища, тщетно проклинавшаго судьбу.

„Большое число русскихъ рабочихъ осталось въ Игнашиной и въ Покровкѣ. Они думаютъ снова идти въ Калифорнію. Да, пожалуй, имъ и нѣтъ иного выхода, такъ какъ нѣтъ ни хлѣба, ни одежды, и заработковъ никакихъ. Въ Покровкѣ и Игнашиной небывалая дешевизна хлѣба и мяса по случаю подвоза въ Желтугу, но жаль—покупать его не на что. Эту зиму въ Желтугѣ водки не пили, тоже потому, что денегъ нѣтъ и кабатчики въ плохихъ

Digitized by Google

душахъ. Корейцы и сахалинцы отступили за хребетъ на китайской сторонѣ и расположились лагеремъ въ ожиданіи ухода китайскихъ войскъ. Они ограбили торговцевъ, не успѣвшихъ вывезти своихъ товаровъ. Русскіе рабочіе предложили купцамъ оставить даромъ запасъ продовольствія для больныхъ русскихъ и китайцевъ, которые не въ состояніи выйдти изъ Желтуги; тамъ осталось больныхъ: 20 китайцевъ и 30 русскихъ. Запасы были спрятаны на случай прихода войска. Въ Желтугѣ въ это время было 300 домовъ, *гостинный дворъ*, бани съ номерами, харчевни, склады и гостинницы.

„6-го или 7-го января отрядъ манегри отправился съ порученіемъ сжечь Желтугу, что̀ и было исполнено въ точности. При этомъ двадцати китайцамъ были отрублены головы, *а нѣкоторыхъ русскихъ наказали ударами бамбука*. Сѣченіе головъ,—азбука китайскаго уголовнаго кодекса,—*навело панику по всей границѣ. Дорогой я встрѣтилъ на льду Амура семь труповъ съ отрубленными головами и руками и поджаренныхъ на кострѣ*. По Шилкѣ и Аргуни находятъ много труповъ замерзшихъ китайцевъ и русскихъ. Большинство китайцевъ идутъ внизъ по Амуру. Масса ихъ спряталась въ горахъ, около станицы Свербеевой, на нашей сторонѣ. Отсюда идутъ по одиночкѣ и питаются милостыней. Положеніе ихъ ужасно. Одинъ видъ ихъ доводитъ до слезъ. Никакіе нервы не выдержатъ, когда полузамерзшій китаецъ на колѣнахъ проситъ у васъ „кушая“ съ рыданіемъ, или, вѣрнѣе, съ дикимъ воплемъ вмѣсто словъ.

„Внутри самой Калифорніи относительный порядокъ никогда не нарушался. Грабежи и убійства, если и были, то только по прилегающимъ дорогамъ. Всѣ жители Калифорніи раздѣлялись въ послѣднее время на три квартала подъ управленіемъ трехъ старшинъ. У каторжныхъ былъ свой старшина, у китайцевъ—тоже. Желтуга, какъ случайный опытъ народнаго самоустройства,—явленіе чрезвычайно интересное, въ чемъ можно убѣдиться, прочитавъ желтугинскіе законы, которые къ концу Калифорніи явились уже въ иномъ видѣ. Эти законы есть продуктъ двухлѣтней практики населенія Желтуги. Первоначально они были кратки и жестоки, затѣмъ дополнялись и смягчались, и наконецъ отъ нихъ повѣяло гражданскимъ благоустройствомъ“ *).

*) Мы получили послѣдніе желтугинскіе законы въ подлинникѣ и можемъ засвидѣтельствовать, что они дѣйствительно гуманнѣе первыхъ.

Digitized by Google

Тобольскіе татары.

(Съ рисунк. М. С. Знаменскаго) изъ Соч. Сомье.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЕ ИТАЛЬЯНЦА СОМЬЕ ПО СИБИРИ.

Маршрутъ итальянца Сомье. — Тюмень и ея происхожденіе. — Тюменскіе татары.—Колоніи бухарцевъ.—Привиллегіи ихъ.—Туралинскіе татары.—Разногласіе этнографовъ о первобытныхъ обитателяхъ Сибири.—Чудь. — Древности Сибири и мнѣніе объ нихъ Сомье. — Остяки и вогулы. — Сношенія сибирскихъ племенъ съ Средней Азіей. — Завоеваніе Сибири и описаніе Искера.—Иртышъ, стирающій остатки городка.—Древніе предметы, находимые на Искерѣ.—Монгольскій черепъ, открытый въ раскопкахъ. — Административное значеніе Тобольска.—Его мостовыя и экипажи. — Общество Тобольска.—Мнѣніе Гмелина о тобольскомъ весельѣ. — Посѣщеніе татарскаго семейства.—Гостепріимство рыбопромышленниковъ. — Ссыльные. — Описаніе Иртыша.—Путь до Самарова. — Флора близъ Самарова. — Лѣса. — Фауна.— Плодовитость бѣлки. — Ловушки. — Обь и ея берега. — Плаванье и комары какъ одно изъ мученій, достойное Дантова ада. — Жилища и одежды остяковъ.—Березовъ и его жители.—Климатъ сѣвера.—Зыряне.—Остяцкія жилища, остяцкій музыкальный инструментъ и пляска.—Танецъ медвѣдя.—Остяцкія представленія въ маскахъ. — Выѣздъ изъ Березова. — Пустозерскія юрты.— Посѣщеніе остяцкихъ кладбищъ. — Похищеніе череповъ. — Остяцкій чумъ.— Потребленіе сырой рыбы.—Объинородчиваніе русскихъ на сѣверѣ.—Шоминскія юрты. — Посѣщеніе остяцкаго князя. — Угощеніе водкой. — Остяцкая откровенность. — Дальнѣйшее странствіе. — Дороги на сѣверѣ. — Измѣренія остяковъ. — Остяцкое святилище и идолы. — Взглядъ Сомье на вѣрованія остяковъ.—Мужевская гора. — Долина Оби. — Теорія о древесной растительности.—Попытка подняться по Войкару.—Древніе чудскіе городки.—Самоѣдское вліяніе. — Встрѣча съ баржей рыбопромышленниковъ. — Испорченная рыба.—Пріѣздъ въ Обдорскъ и привѣтствіе путника собаками.

Недавно вышло описаніе путешествія итальянца Стефана Сомье „Un estate in Sibiria fra Ostiacchi, Samoiedie, Tatari, Kirguisi et Baskiri. Roma. 1885“ (Лѣто въ Сибири между остяками, самоѣдами, татарами, киргизами и башкирами. Римъ. 1885). Такъ какъ объемистая книга эта съ прекрасными иллюстраціями не доступна многимъ русскимъ читателямъ, а также не удастся ознакомиться съ нею и большинству сибиряковъ, то мы рѣшили въ извлеченіяхъ познакомить съ ея содержаніемъ. Что придаетъ особенный интересъ книгѣ Сомье, это—то, что авторъ принадлежитъ къ людямъ съ солиднымъ образованіемъ; будучи спеціалистомъ ботаникомъ, онъ обладаетъ этнографическими и антропологическими познаніями. Поэтому его замѣчанія носятъ пѣнный ученый харак-

Digitized by Google

теръ. Какъ видно, онъ ознакомился предварительно съ географической и этнографической ученой литературой о краѣ; поэтому страна возбуждаетъ въ немъ живой интересъ, и онъ умѣетъ уловить ея характерныя отличія. Начнемъ съ маршрута путешественника.

Стефанъ Сомье, выѣхавшій изъ Москвы 21—9 іюня 1880 года, на пути къ цѣли своего первоначальнаго путешествія—въ бассейнъ р. Оби, весьма ненадолго останавливался въ попадавшихся русскихъ городахъ, какъ Нижній, Пермь и др.,—поэтому его отзывы о нихъ отличаются краткостью. Путешествіе по той части Волги, гдѣ еще и теперь обитаютъ остатки, нѣкогда господствовавшихъ здѣсь, финскихъ племенъ, дало путешественнику поводъ къ нѣкоторымъ этнографическимъ замѣчаніямъ. Такъ онъ говоритъ о слияніи финскихъ племенъ съ русскими, о чувашахъ, мордвѣ, черемисахъ, о населеніи татарскомъ и проч. Пребываніе въ Тагилѣ, гдѣ путешественникъ хотѣлъ найдти переводчика, дало поводъ упомянуть о значительной степени вліянія на русское населеніе племени вогуловъ, живущаго недалеко отъ Тагила, которые, по мнѣнію Малліева (отч. о вогульск. экспед. 1873) и Альквиста (Unter Vogulen und Ostjaken, 1883), представляютъ большое сходство съ остяками по своимъ физическимъ свойствамъ, по сходству въ одеждѣ, жилищахъ, языкѣ и пр.

О Тюмени, первомъ, встрѣтившемся въ предѣлахъ Сибири, городѣ, Сомье распространяется уже подробнѣе. Поэтому мы и начнемъ извлеченіе и передачу его путешествія съ этого пункта Тюмень, находящаяся въ концѣ сѣти судоходныхъ рѣкъ, соединенныхъ между собой и обтекающихъ почти всю Западную Сибирь, занимаетъ видное торговое положеніе. Путешественникъ не преминулъ указать и на ея историческое значеніе. Извѣстно, что это былъ татарскій городъ Чинги-Тура. Слово Тюмень значитъ десять тысячъ. Городъ Тюмень, основанный въ XIII в., былъ столицей Сибирскаго царства до перенесенія послѣдней въ Искеръ. Въ 1586 году воевода Сукинъ положилъ основаніе русской Тюмени, недалеко отъ которой и теперь еще виднѣются остатки татарскихъ укрѣпленій. Въ первыя времена утвержденія русскихъ въ Сибири Тюмень была важнымъ военнымъ пунктомъ при частыхъ столкновеніяхъ съ инородцами. Еще во времена Гмелина она была укрѣплена и окружена деревянными палисадами. Татары, живущіе теперь въ окрестностяхъ Тюмени, называемые туралинскими, представляютъ одну изъ наиболѣе многочисленныхъ вѣтвей сибирскихъ татаръ. Хотя они частію крещены, но ихъ вѣро-

Digitized by Google

ванія представляютъ странную смѣсь христіанства съ магометанствомъ, такъ же, какъ ихъ языкъ—смѣсь тюрко-монгольскаго яз. съ русскимъ и вогульскимъ. Христіанство не пустило глубокихъ корней среди нихъ отчасти и вслѣдствіе тѣхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ вводилось. Посреди татарскаго населенія встрѣчаются такіе колоніи бухарцевъ, не сливавшіяся съ окружающими татарами до 1834 г., когда были уничтожены привиллегіи, позволявшія имъ жить до того времени почти изолированной кастой. Татары тобольскіе — вѣтвь туралинскихъ—отличаются большей преданностью исламу. Въ настоящее время въ нихъ нѣтъ и слѣда прежнихъ воинственныхъ инстинктовъ; теперь они мирные земледѣльцы и пастухи, и въ особенности отличаются честностью. Упомянувъ въ 3-й главѣ о разногласіи, существующемъ между этнографами, относительно первобытныхъ обитателей Западной Сибири, Сомье говоритъ, что имя „чудь", которое давалось этимъ древнимъ обитателямъ, имѣетъ, вѣроятно, собирательное, а не генерическое значеніе, и указываетъ на значительное сходство различныхъ бронзовыхъ предметовъ сибирскихъ кургановъ съ тѣми, которые находятъ въ древнихъ некрополяхъ сѣверной и центральной частей Европейской Россіи. Это показываетъ на родство или, по крайней мѣрѣ, на торговыя сношенія, существовавшія между обоими народами. Говоря вообще, древнія могилы и крѣпости, приписываемыя чуди, вѣрнѣе всего принадлежатъ разнымъ племенамъ и даже разнымъ эпохамъ. За древнею чудью обитателями Западной Сибири являются остяки и вогулы. Невозможно рѣшить, были ли они выродившіеся чудью или какими нибудь новыми завоевателями. Изъ русскихъ лѣтописей видно, что пермяки и зыряне имѣли сношенія съ Зауральемъ еще до Ермака; предпріимчивые волжскіе болгары тоже являлись сюда для торговли еще въ XIV в., какъ указываетъ арабскій географъ Вакуа. Бухарцы также посѣщали эти страны еще до Ермака. *) По всей вѣроятности, въ концѣ XIII в. вогулы и остяки (югра) были завоеваны татарами. Еще Plano Carpini упоминаетъ о первомъ движеніи татаръ на сѣверъ Сибири. Далѣе, упомянувъ кратко о сношеніяхъ Новгорода съ Югорской землей, авторъ разсказываетъ о завоеваніяхъ Ермака, о первыхъ

*) Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Marco Polo видно, что въ XIII в. эти страны были извѣстны и въ тѣхъ восточныхъ странахъ, которыя онъ посѣтилъ. Страленбергъ говоритъ, что во время завоеванія у остяковъ было отнято много предметовъ, вывезенныхъ изъ странъ, въ которыхъ искусство и промышленность стояли, повидимому, на болѣе высокой степени.

Digitized by Google

днях Тобольска и объ усиліях свѣтскихъ и духовныхъ властей хотя нѣсколько дисциплинировать въ первое время жизнь казаковъ, упоминаетъ о древнемъ Искерѣ, находящемся въ 19 в. отъ Тобольска, на правомъ берегу Иртыша. Мѣсто это теперь заросло кедровникомъ. М. С. Знаменскій, въ своемъ описаніи древняго Искера, говоритъ, что онъ нашелъ тамъ остатки превосходно обожженныхъ кирпичей, нѣкоторые съ разными украшеніями, и доказываетъ, что татарскія постройки не были въ это время такъ грубы, какъ это полагаютъ. О пространствѣ древняго Искера нельзя составить себѣ понятія, потому что Иртышъ унесъ уже значительную часть его. На основаніи карты, составленной 50 л. тому назадъ, видно, что Иртышъ отмылъ за эти 50 л. уже 30 метровъ берега. Теперь мѣсто, окруженное валомъ, простирается на 40 мет. отъ берега, и скоро исчезнутъ и послѣдніе слѣды древняго города. Сомье, благодаря любезности г. Знаменскаго, познакомился съ различнымъ оружіемъ изъ кости и желѣза, найденнымъ послѣднимъ близъ древняго Искера; это оружіе можетъ дать понятіе о сопротивленіи, которое туземцы могли оказать казакамъ Ермака. Кромѣ желѣзныхъ, бронзовыхъ и костяныхъ стрѣлъ тутъ были другіе предметы: костяные топоры, кольца отъ кольчугъ, обломки глиняныхъ сосудовъ, шилья, частью костяныя, частью желѣзныя, костяныя ложки, обломки рыболовныхъ снарядовъ; кромѣ того, разные остатки ѣды: лошадиныя, оленьи, птичьи и рыбьи кости. Г. Знаменскій полагаетъ даже, что онъ нашелъ шашки для шахматной игры, занесенныя, очевидно, съ востока. Даже встрѣчаются стрѣлы изъ отесаннаго камня. Также г. Знаменскій подарилъ Сомье черепъ, найденный имъ на этомъ мѣстѣ и представляющій рѣзкія монгольскія черты. Это показываетъ, что между тогдашними татарами были чистые монголы. О современномъ Тобольскѣ Сомье говоритъ довольно много и прилагаетъ даже 3 прекрасные вида города. Сообщивъ краткую административную исторію города и замѣтивъ, что его значеніе, въ торговомъ и въ административномъ отношеніи, упало и еще, навѣрное, болѣе упадетъ въ будущемъ, упоминаетъ о ссыльныхъ шведахъ и полякахъ, сдѣлавшихъ немало хорошаго для города (особенно замѣчательны Stralenberg, Bernh. Müller), упоминаетъ далѣе о тобольской грязи, скверныхъ мостовыхъ, удивляется, какъ искусно извозчики привыкли дѣлать зигзаги, объѣзжая ужасныя дыры на деревянныхъ мостовыхъ, даже ночью, при царствующемъ повсюду глубокомъ мракѣ; цѣлыхъ полстраницы посвящаетъ описанію „странныхъ“ тобольскихъ извозчи-

Digitized by Google

чьихъ экипажей. „Непріятное чувство недовѣрія“ возбудила въ немъ масса тобольскаго населенія, состоящая изъ уголовнаго ссыльнаго элемента. Говоря объ общихъ условіяхъ жизни въ Тобольскѣ, авторъ замѣчаетъ: „изъ совокупности всѣхъ условій этого города слѣдуетъ заключить, что жизнь въ немъ не должна быть очень пріятной“. Но, все-таки, тамъ есть общество, состоящее изъ чиновниковъ, купцовъ, политическихъ ссыльныхъ, есть клубъ, есть публичный садъ, гдѣ авторъ слышалъ „убійственную“ (scellerata) музыку, гимназія, при ней библіотека—„все это дѣлаетъ изъ него одно изъ наиболѣе приспособленныхъ мѣстъ для житья въ Сибири“,—замѣчаетъ авторъ, знакомый послѣ Тобольска только съ такими захолустными пунктами, какъ Березовъ, Обдорскъ и т. п. Гмелинъ, еще 150 лѣтъ тому назадъ, замѣтилъ, какъ плясали, играли, пили и ѣли въ этомъ веселомъ городѣ, такъ что „тому, кто находитъ свое лучшее удовольствіе inter pocula, было бы здѣсь лучше, чѣмъ въ какомъ угодно другомъ мѣстѣ земнаго шара“. Благодаря исправнику, авторъ проникъ въ Тобольскѣ даже въ „святое святыхъ“ одного татарскаго дома; при этомъ очень забавно описано положеніе хозяина, не желающаго показывать своихъ женъ, но при томъ боящагося исправника. Въ Тобольскѣ авторъ запасся различными дешевыми вещами, особенно любимыми инородцами, но водки не взялъ; отъ тобольскаго губернатора (по распоряженію министра) получилъ открытый листъ ко всѣмъ властямъ Тобольской губерніи. И всѣ эти власти дѣйствительно являлись ему въ полной формѣ и предлагали свои услуги.

„Эта вѣжливость властей относительно иностранцевъ,—замѣчаетъ Сомье,—засвидѣтельствована всѣми, путешествовавшими въ отдаленныхъ частяхъ имперіи“. Къ сожалѣнію, Сомье не испыталъ вдобавокъ „блестящаго гостепріимства богатыхъ сибирскихъ купцовъ“; зато впослѣдствіи онъ почти ежедневно пользовался гостепріимствомъ обскихъ рыбопромышленниковъ, „и почти всегда находилъ среди нихъ сердечный пріемъ, сопровождаемый той любезностью и тѣмъ неизмѣннымъ добродушіемъ, которое свойственно русскимъ всѣхъ классовъ и которое дѣлаетъ изъ нихъ одинъ изъ наиболѣе общительныхъ и пріятныхъ народовъ, какіе только существуютъ“.

Изъ Тобольска Сомье отправился 16—4 іюля на сѣверъ.

О ссыльныхъ путешественникъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Сибиряки,—говоритъ авторъ,—не питаютъ къ ссыльнымъ недовѣрія и презрѣнія, но обращаются съ ними „братски, какъ я самъ могъ

Digitized by Google

въ этомъ убѣдиться". Но ему знакомо и противоположное мнѣніе (Niemojowsky, Siberian pictures, Лондонъ, 1883); онъ объясняетъ „суровое мнѣніе о сибирякахъ" тѣмъ, что Немойовскому лично пришлось много потерпѣть въ Восточной Сибири; Сомье же на Оби не встрѣчалъ ничего подобнаго. „Сибирь велика,—заключаетъ онъ,—и то, что справедливо для одного округа (didtretto), можетъ не быть таковымъ для другаго". Говоря затѣмъ объ Иртышѣ, Сомье приводитъ сначала чрезвычайно граціозное описаніе его, принадлежащее Кастрену; но на него самого Иртышъ вовсе не произвелъ подобнаго впечатлѣнія. „Нужно сознаться,—говоритъ онъ,—что Кастренъ написалъ эту страницу въ день оптимистическаго настроенія (in un giorno di ottimismo)", и объясняетъ это тѣмъ, что Кастренъ писалъ это въ самомъ началѣ своего путешествія, „когда и историческія воспоминанія, и новизна, и оригинальность пути въ остяцкой лодкѣ придавали большую прелесть этой рѣкѣ въ его глазахъ". „Человѣкъ видитъ всегда внѣшній міръ сквозь призму своихъ собственныхъ чувствъ". Что касается меня,—говоритъ далѣе Сомье,—„то я не нашелъ ничего въ Иртышѣ, даже той импозантной массы воды, которая оправдывала бы энтузіазмъ Кастрена". Плаваніе на пароходѣ отъ Тобольска до Самарова, лежащаго недалеко отъ сліянія Иртыша съ Обью, продолжалось два дня и одну ночь. На всемъ протяженіи берега почти постоянно представляютъ одинъ и тотъ же однообразный видъ и мало интересны; они напоминали Сомье Волгу; по нимъ тянулись лѣса, дѣвственные, но мало грандіозные. „Стволы деревъ, вырванныхъ водой, опрокинулись въ воду; мало пастбищъ и обработанныхъ полей. Когда приближаешься къ берегу, видишь подъ елями, соснами, березами, ивами, среди высокой травы большое количество растеній съ большими, розовыми, синими и желтыми цвѣтами. Встрѣчается немного селеній на большихъ разстояніяхъ одно отъ другаго, одни съ мечетями, другія съ русскими церквами". Обращаясь къ своимъ спутникамъ на пароходѣ, Сомье замѣчаетъ, что русскіе плохо оправдываютъ сложившуюся о нихъ въ Европѣ репутацію людей, знающихъ всѣ языки. Въ Сибири не только богатые купцы, но даже высшіе чиновники, не знаютъ ни одного иностраннаго языка. Здѣсь онъ, кстати, упоминаетъ о затрудненіи, бывшемъ у него при разговорѣ (безъ переводчика) съ тобольскимъ губернаторомъ. „Если ужъ губернаторъ,—говоритъ онъ,—не знаетъ иныхъ языковъ, кромѣ русскаго, то ужъ простые-то исправники и подавно". Впрочемъ, на пароходѣ онъ встрѣтилъ

Digitized by Google

людей, говорящихъ по-французски. Далѣе, онъ вкратцѣ упоминаетъ объ исторіи Демьянска, о весенних разливахъ Оби, о Самаровѣ, гдѣ его, какъ и нѣкоторыхъ другихъ путешественниковъ, выручалъ В. Т. Земцевъ, обязательно предложивъ ему довольно удобную лодку для плаванія по Оби. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Земцевъ оказалъ много услугъ экспедиціи Финша, за что и получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена бременскаго географическаго общества, которымъ онъ очень гордится. Лично Сомье онъ очень понравился. Хотя Сомье весьма торопился, но по причинѣ сильнаго вѣтра не могъ въ тотъ же день оставить Самарова и отъ нечего дѣлать отправился ботанизировать по окрестностямъ; встрѣтилъ обыкновенныя сибирскія хвойныя деревья; сибирская пихта отличается, по его мнѣнію, отъ итальянской меньшей длиной вѣтвей и поэтому имѣетъ болѣе правильный видъ.

Растительность измѣняется мало по всему теченію Оби, до самаго устья; только немногія растенія исчезаютъ къ сѣверу, еще меньше появляется новыхъ. Тропинокъ въ окрестностяхъ Самарова очень мало, и онѣ идутъ очень недалеко внутрь страны. Обь и зимой и лѣтомъ служитъ единственной большой дорогой. Окрестные лѣса совершенно непроходимы, и во внутренности ихъ еще никогда не бывала нога европейца. Лѣса эти обитаемы обыкновенной фауной сѣверной Сибири—лѣсными оленями, медвѣдями и др.; есть много сѣрой бѣлки, разновидности обыкновенной европейской бѣлки, извѣстной подъ именемъ petit-gris. Шкурки этой бѣлки инородцы употребляютъ какъ монету *). Въ окрестныхъ лѣсахъ встрѣчается множество самыхъ примитивныхъ ловушекъ и капкановъ для разныхъ звѣрей и птицъ. Эти ловушки одинаковы по всему теченію Оби и одинаково употребляются какъ остяками и самоѣдами, такъ и русскими. Главный промыселъ жителей Самарова — рыбная ловля. Мѣстные рыбаки обращаютъ вниманіе только на тѣ породы рыбъ, свойства и цѣнность которыхъ имъ хорошо извѣстны, и бросаютъ тѣ, съ которыми они не познако-

*) Вогулы словомъ lin обозначаютъ и бѣлку, и копѣйку, такъ что 100 lin (съ прибавленіемъ слова «денегъ») означаетъ одинъ рубль, такъ какъ стоимость бѣлки теперь не выше одной копѣйки. Въ 1847 году, какъ говоритъ Гофманъ, бѣлка стоила 5 или 6 коп., по Финшу 10—15 коп. Бѣлка размножается весьма быстро: каждый мѣсяцъ она приноситъ 10—15 дѣтенышей, которые черезъ мѣсяцъ сами уже могутъ приносить. Баръ вычислилъ, что одна пара въ десять лѣтъ можетъ принести 3,486,784,400 паръ.

Digitized by Google

мились путемъ традиціи. Такимъ образомъ, говоритъ авторъ, многія породы остаются совершенно неизвѣстны изслѣдователямъ, такъ какъ они получаютъ свои указанія отъ рыбаковъ. Такъ онъ самъ встрѣчалъ одну рыбу очень странной формы, которая совсѣмъ не указана у Финша; это была Cottus или C. dobio или C. Quadricorius. Перваго Гоффманъ нашелъ въ одной рѣкѣ сѣвернаго Урала, а втораго Шмидтъ въ Енисеѣ. Въ Оби Сомье нашелъ какую-то рыбу lobai, которой тоже нѣтъ у Финша; можетъ быть—labari Финша. Далѣе авторъ упоминаетъ о породахъ рыбъ, встрѣчающихся обыкновенно въ Оби, о сезонѣ ловли, о „мертвой водѣ", дѣлаетъ замѣчаніе о размѣрахъ поверхности Оби (3.445,000 квадратныхъ километровъ), объ общей длинѣ ея и притоковъ, удобныхъ для судоходства (15,000 квадр. километровъ). Замѣчательно, что окрестная низменность только на нѣсколько футовъ выше поверхности рѣки, и что вообще вся эта часть страны очень невысока надъ уровнемъ моря, такъ что легкаго повышенія уровня воды въ океанѣ достаточно для затопленія всей этой обширной равнины. Извѣстно, что отъ праваго берега сибирскихъ рѣкъ вода ежегодно отмываетъ нѣкоторую часть, на которой обыкновенно растутъ деревья, которыя частью уносятся въ океанъ, частію остаются у противоположнаго низменнаго берега или образуютъ острова; эти отложенія (depositi), называемыя туземцами ноевщиной (legno i Noé), иногда очень удалены отъ дѣйствительныхъ береговъ; по нимъ иногда можно указать, гдѣ протекала рѣка въ древнѣйшее время. Это показываетъ, съ одной стороны, что дѣло разрушенія, производимое сибирскими рѣками, продолжается съ очень отдаленнаго времени; съ другой—что сибирскій континентъ медленно повышается.

На стр. 143-й Сомье перечисляетъ всѣхъ путешественниковъ по нижнему теченію Оби. Здѣсь мы видимъ имена такихъ лицъ, какъ Зуевъ, Эрманъ, Гофманъ, Даль, Финшъ, Поляковъ, Кастренъ, Альквистъ и друг., что показываетъ, какъ тщательно Сомье изучилъ литературу путешествій на сѣверѣ.

Главнѣйшею цѣлью нашего путешественника было изученіе флоры и туземцевъ. Зуевъ собиралъ растенія только въ тундрѣ на широтѣ Обдорска; ботаническій матеріалъ, собранный экспедиціей Финша, неполонъ и не можетъ дать понятія о флорѣ береговъ нижней Оби. Другихъ свѣдѣній о флорѣ этихъ мѣстностей не имѣется. Этотъ-то пробѣлъ между флорой уральской и болѣе извѣстной енисейской предстоитъ восполнить. Что касается туземцевъ,

Digitized by Google

Самоѣдка (рис. М. С. Знаменскаго).
Donna Samoida (изъ соч. Сомье).

Digitized by Google

Digitized by Google

то если о самоѣдахъ имѣются хотя скудныя свѣдѣнія, зато надъ остяками не сдѣлано никакихъ антропологическихъ наблюденій: Альквистъ, Кастренъ и др. занимались болѣе языкомъ, обычаями и религіей *). Существующія карты этихъ странъ очень несовершенны и неточны. У Сомье была карта, изданная русскимъ генеральнымъ штабомъ въ 1848 г., другая, имъ же изданная въ 1880 г., спеціальная карта низовьевъ Оби Вальдбурга-Цейля и карта сѣверныхъ береговъ Сибири, изданная въ 1876 году гидрографическимъ департаментомъ морскаго министерства. „Проѣзжая по этимъ странамъ, легко отмѣтить большія неточности въ каждой изъ этихъ картъ“,—говоритъ путешественникъ. Сдѣлавъ это отступленіе, авторъ продолжаетъ описывать свое путешествіе изъ Самарова до Кондинскаго монастыря. На этомъ пространствѣ находится 5 селъ и 8 деревушекъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ юртъ **).

Во время плаванія комары, о которыхъ итальянскіе комары „не могутъ дать никакого понятія“, составляли для Сомье положительно бичъ Божій; немало мѣста посвящаетъ онъ описанію страданій, которыя они причиняли ему: никакъ нельзя было отъ нихъ скрыться: неумолимый врагъ всегда находилъ какое нибудь проницаемое мѣсто на всякихъ покрывалахъ, чтобы достигнуть своимъ жаломъ до самой кожи. „Навѣрно, замѣчаетъ путешественникъ, если бы Данте путешествовалъ по Сибири, то изъ комаровъ онъ сдѣлалъ бы новую казнь для своихъ преступниковъ.“ Комары сильно препятствовали ботаническимъ экскурсіямъ: отъ нихъ онъ впадалъ „въ какое-то бѣшенство и болѣе ничего не видѣлъ и не понималъ“ и стремглавъ бѣжалъ къ лодкѣ. Всѣ путешественники единодушны въ жалобахъ на этихъ насѣкомыхъ. Кромѣ комаровъ (Culet pipens), въ этихъ мѣстахъ водятся еще мошки (Bibio sanguinarius), укушеніе коихъ не менѣе непріятно. Другихъ же насѣкомыхъ почти совсѣмъ не видно на Оби; есть только поденки (до Березова). „Вообще насѣкомыя представляютъ въ этихъ странахъ ту же характерную черту, какъ и высшія живот-

*) Авторъ обѣщаетъ дать подробный отчетъ о своихъ антропологическихъ наблюденіяхъ, который долженъ появиться въ Archivio per l'Antropologia e la Etnologia профессора Mantegazza.

**) Слово «юрта» татарскаго происхожденія; остяки называютъ подобныя жилища kort или kurt, откуда, по словамъ доктора Альквиста, слово юрта. Кромѣ того, на низовьяхъ Оби остяки называютъ юрту pokol. Kort же, повидимому, происходитъ отъ зырянскаго gort.

Digitized by Google

ныя и растенія: число индивидовъ громадно, но количество разновидностей совершенно ничтожно". До Сухоруковскихъ юртъ ни одна изъ посѣщенныхъ авторомъ деревушекъ не была остяцкой; только эта послѣдняя оказалась вполнѣ инородческой. Деревушка всего въ нѣсколько юртъ, состоящихъ изъ единственной небольшой квадратной комнаты со стѣнками и потолкомъ изъ березовой коры; въ срединѣ четырехугольное пространство, окруженное досчечками, служитъ очагомъ; отверзтіе въ срединѣ потолка назначено для выхода дыма. Вдоль стѣнъ идутъ доски, немного приподнятыя надъ поломъ, въ видѣ скамей, какъ въ новѣйшихъ татарскихъ и финскихъ домахъ и какъ бывало также въ домахъ древнихъ финновъ. Эти доски, на которыхъ постланы покрывала отъ комаровъ, служатъ кроватями для всего семейства. Окна этихъ домиковъ нельзя открывать, такъ что внутри царствуетъ отвратительный запахъ. Нельзя сказать, чтобы это былъ спеціальный остяцкій запахъ: онъ находится въ равной степени во многихъ подобныхъ домахъ русскихъ рыбаковъ. Подлѣ юртъ въ остяцкихъ деревняхъ есть пристройки, состоящія изъ четырехъ кольевъ съ горизонтальной крышкой изъ вѣтвей, высотою въ ростъ человѣка; такія же строенія авторъ встрѣчалъ у лопарей. Какъ у этихъ послѣднихъ, такъ и у остяковъ, они служатъ защитой отъ непогоды для коровъ, лошадей, а также для храненія сухой рыбы. Въ Сухоруковскихъ юртахъ авторъ въ первый разъ увидѣлъ характерные остяцкіе костюмы. Остячки носятъ рубашку изъ грубой ткани, приготовленной изъ волоконъ крапивы. Прямой воротникъ этой рубашки и двѣ широкія полосы вдоль разрѣза ворота на груди вышиты разноцвѣтнымъ бисеромъ и украшены металлическими пуговицами. На подолѣ, какъ и на рукавахъ, нашиты яркоцвѣтныя полосы, желтыя, синія, красныя. Поверхъ этой рубахи иногда надѣваютъ другую изъ европейской бумажной ткани, тоже яркихъ цвѣтовъ. Подъ рубашкой кожаный поясъ называемый vorûp въ родѣ vingulum pudicitiae, опоясывающій бедра; къ нему пришита полоса, проходящая между ногами. На шеѣ остячки носятъ стеклянныя ожерелья и рядъ мѣдныхъ колецъ, пуговицъ, изображеній святыхъ и другіе блестящіе и яркіе предметы. Наиболѣе характерную часть женскаго костюма составляютъ прически: волосы заплетены на затылкѣ въ двѣ косы, въ которыя вплетена красная льняная лента. Но это преимущественно встрѣчается на нижнемъ теченіи Оби; повидимому, остяки смотрятъ на длинные волосы, какъ на украшенія прекраснаго пола. Къ

Digitized by Google

этимъ косамъ иногда привязываютъ другія, такъ что иногда косы доходятъ до полу. На нихъ навязаны бисерныя нити, кольца, пуговицы и проч., такъ что, особенно между самоѣдами, у которыхъ та же мода, эти косы представляютъ цѣлый музей. Одежда мужчинъ менѣе оригинальна: они носятъ рубахи и короткіе штаны; сверху, когда не жарко, надѣваютъ суконный кафтанъ, перетянутый поясомъ, на которомъ виситъ ножъ. Мужчины и женщины носятъ одну и ту же обувь, но лѣтомъ ходятъ босикомъ, а ребятишки совсѣмъ нагіе. Женщины носятъ на головѣ платокъ, охванъ, спадающій сзади до ногъ, а спереди закрывающій почти все лицо. Это дѣлается не ради защиты отъ комаровъ, какъ сначала полагалъ авторъ, а ради стыдливости, или, вѣрнѣе, изъ суевѣрія. Остячка закрываетъ лицо отъ близкихъ родственниковъ, но не закрываетъ отъ иностранцевъ. Обычай закрывать лицо, быть можетъ, заимствованъ отъ мусульманъ-татаръ. Точно также и многое изъ одежды остячки заимствовано отъ татаръ. Сомье замѣчаетъ, что у остяковъ вовсе не зеленые глаза и рыжіе волосы, какъ говорилось о нихъ въ одномъ новѣйшемъ антропологическомъ трактатѣ, и что, когда, на основаніи физическихъ признаковъ, стараются доказать ихъ тѣсное родство съ финнами (филологи это считаютъ догматомъ), то приходятъ къ неожиданнымъ результатамъ: самое сходство весьма незначительно, а различій наоборотъ весьма много *). Въ Каримкарскихъ юртахъ нашъ авторъ впервые увидѣлъ остяцкое кладбище съ надгробными памятниками въ видѣ деревянныхъ ящиковъ. Разрывать могилы ради череповъ онъ, однако, здѣсь не рѣшился. Взамѣнъ того, онъ постоянно измѣрялъ головы инородцевъ, такъ что во время пути, безъ потери времени, онъ частью измѣрялъ головы гребцовъ, частью деревенскихъ жителей; измѣрены и собраны образчики волосъ 137 остяковъ, 102 самоѣдовъ и 50 зырянъ. Эти измѣренія происходили безъ всякаго сопротивленія съ ихъ стороны, хотя Финшъ и говоритъ, что туземцы уклонялись отъ него, связывая это почему-то съ отбываніемъ рекрутчины; но нашъ авторъ утверждаетъ, что не только инородцы, но даже и русскіе, живущіе въ тѣхъ мѣстахъ, не имѣютъ никакого понятія

*) Замѣтимъ, что Вамбери въ своемъ ученомъ изслѣдованіи о происхожденіи мадьяровъ приписываетъ имъ тюркское, а не финское происхожденіе. Вамбери хотя ставитъ остяковъ въ число великой финской семьи, однако, признаетъ, что даже филологически они весьма различны отъ западныхъ финновъ.

Digitized by Google

о воинской повинности. 21/9 іюня Сомье пріѣхалъ въ Кондинскъ, въ которомъ около двухъ десятковъ русскихъ домовъ, нѣсколько юртъ и церковь при монастырѣ, основанномъ съ цѣлью распространенія христіанства между инородцами. Дѣйствительно, почти всѣ окрестные инородцы сдѣлались христіанами, но, увы! христіанами только по имени. Въ монастырѣ воспитывается 1/2 дюжины остяцкихъ и самоѣдскихъ мальчиковъ, которые научаются тамъ очень немногому. Авторъ въ окрестностяхъ Кондинска ботанизировалъ, но его ботаническія изслѣдованія здѣсь были не особенно успѣшны, вслѣдствіе слуховъ о появившихся медвѣдяхъ. Въ окрестностяхъ преобладаютъ Abies obovata, а общій характеръ флоры тотъ же, что и по всей Оби съ Самарова. 24/12 іюля Сомье прибылъ въ Березовъ, расположенный на лѣвомъ высокомъ берегу Сосвы, при сліяніи ея съ Вигулкой. Березовъ издали произвелъ на путешественника впечатлѣніе города, внутри же совсѣмъ иное: деревянные, маленькіе и низенькіе дома, грязныя улицы; только домъ доктора, полиціи и нѣсколько другихъ домовъ въ два этажа. Остановились путешественники у одного полицейскаго чиновника, и это одно изъ лучшихъ деревянныхъ жилищъ показалась ужаснымъ. Въ Березовѣ Сомье былъ въ банѣ, описанію которой онъ посвящаетъ цѣлую страницу и называетъ ее bagno finno-russo (финно-русская баня). Это обыкновенная черная баня, знакомая всѣмъ, бывавшимъ въ русскихъ деревняхъ. При взглядѣ на эту баню автора поразило ея крайнее сходство съ лопарскими банями. Бани у финновъ существовали еще во времена глубокой древности, такъ о нихъ упоминается въ Калевалѣ, происхожденіе которой относится къ V или VIII вѣкамъ. Тамъ описана баня, совершенно похожая на бани, еще и теперь встрѣчающіяся въ Финляндіи. Весьма вѣроятно, что русскіе познакомились съ банями отъ финновъ и усвоили ихъ себѣ. Хотя для понятія баня не существуетъ чисто финскаго слова, но Сомье кажется не достаточно доказаннымъ, что современное слово sauna, означающее теперь баню, въ древности единственно обозначало жилище, и очень возможно полагать, что въ древности оно означало также и баню. Финны не заимствовали баню отъ германскихъ и скандинавскихъ народовъ, а также и не отъ славянъ. Одно мѣсто изъ Нестора (о путешествіи Св. Андрея въ Россію) доказываетъ, что въ южной Россіи она не была извѣстна, а извѣстна въ сѣверо-восточной, гдѣ славяне жили въ сосѣдствѣ съ финнами. О торговлѣ Березова авторъ говоритъ, что этотъ городъ

Digitized by Google

и Обдорскъ составляютъ центръ, куда зимой, для продажи рыбы и мѣховъ, сходятся и вогулы съ Урала, остяки, самоѣды съ сѣвера Европейской Россіи, съ Печоры; иногда привозятъ даже шкуры бѣлыхъ медвѣдей съ береговъ Карскаго моря и Новой Земли. Главное мѣсто занимаютъ бѣлки (petits-gris), продаютъ также шкуры полярныхъ волковъ, соболей, обыкновенныхъ волковъ, зайцевъ, медвѣдей и др. Еще во времена Палласа бобры часто встрѣчались на Оби. Въ 1848 году Гофманъ ужъ считаетъ очень рѣдкимъ фактомъ, что за 30 лѣтъ до него былъ убитъ одинъ бобръ на устьяхъ Сосвы. Поляковъ, однако, передаетъ слухъ, что они еще есть на Кондѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Обскаго бассейна. Но, вообще, несомнѣнно, говоритъ Сомье, что животныя съ дорогими мѣхами уже исчезаютъ; ему самому едва удалось увидѣть нѣсколько шкурокъ соболей и горностаевъ. Кромѣ торговли мѣхами, существуетъ еще торговля лебедями, гагарами и утиными перьями. Березовъ, кромѣ того, важенъ какъ передаточный пунктъ для хлѣба, привозимаго на баркахъ изъ средней и южной Сибири и отправляемаго потомъ къ Печорѣ, частію рѣками, частію сухимъ путемъ. Перевозкой хлѣба сухимъ путемъ занимаются главнымъ образомъ зыряне. О будущемъ Березова авторъ самаго неутѣшительнаго мнѣнія: онъ говоритъ, что значительная часть и того торговаго значенія, которое онъ имѣетъ теперь, исчезнетъ по истребленіи дорогихъ звѣрей; справедливо замѣчаетъ, что вслѣдствіе примитивныхъ способовъ соленія и копченія рыбъ, превосходная обская рыба не имѣетъ надлежащей извѣстности, и кто знаетъ, когда будетъ введено здѣсь раціональное соленіе; что отъ березовской почвы нельзя ожидать никакого прока для земледѣлія; что скотоводство тоже не совсѣмъ удобно, вслѣдствіе незначительнаго количества удобныхъ поемныхъ луговъ. Относительно березовскаго климата онъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія.

Средняя годовая температура	— 4,2	Цельсія
„ декабрь, январь, февраль	— 2,4	„
„ іюнь, іюль, августъ.	+14,5	„
„ наиболѣе холоднаго мѣс. (январь) . . .	—23,9	„
„ наиболѣе жаркаго мѣс. (іюль)	+18,9	„
Наибольшее повышеніе	+34,4	„
Наибольшее пониженіе	—56,2	„

Термометръ падаетъ на 25° и ниже 55 дней въ году. „Изъ этихъ цифръ можно заключить, что Березовъ, находящійся подъ 64° сѣверный широты, не обладаетъ пріятнымъ климатомъ. Пал-

Digitized by Google

лась говорить, что первые морозы начинаются тамъ въ концѣ августа, а рѣки никогда не вскрываются раньше конца мая. Гоффманъ находитъ тамъ въ началѣ іюня на глубинѣ 2 и 3 футовъ (смотря по характеру почвы) заледенѣлую землю. Нѣкоторыя овощи могутъ поспѣвать здѣсь только въ томъ случаѣ, если земля зимой сохранялась въ ящикахъ въ теплыхъ помѣщеніяхъ. Населеніе Березова, простирающееся, по свидѣтельству г. Знаменскаго, до 1,828 человѣкъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ русскихъ, частію казаковъ и потомковъ первыхъ колонистовъ въ этомъ городѣ, частію изъ торгующаго класса и небольшаго количества ссыльныхъ; кромѣ того, живутъ вогулы, зыряне и остяки. Авторъ очень много говоритъ о зырянахъ, о ихъ историческомъ прошломъ, о современныхъ зырянахъ; изъ всего этого мы приводимъ здѣсь только особенно важныя черты. Зыряне народъ чисто-финскій. Они происходятъ отъ древнихъ пермяковъ или біармійцевъ, занимавшихъ сѣверъ Европейской Россіи отъ Бѣлаго моря до Урала, отъ того самаго народа, о которомъ упоминаетъ Отеръ въ своемъ путешествіи къ Бѣлому морю. Имя „Зыряне“ не особенно древне: Sjögrén (въ Gesammte Schriften, Спб., 1861.;—Die Syrjänen) говоритъ, что оно впервые встрѣчается только въ XV в.; онъ полагаетъ, что это слово происходитъ отъ Syrjä—„край, граница“, и значитъ „расположились у границъ“. Обитателями древней Перми или Біарміи были зыряне, говоритъ авторъ, упоминая объ ихъ важномъ значеніи въ новгородской торговлѣ, о довольно значительномъ развитіи культуры у нихъ въ древнія времена, приводитъ мнѣніе Sjögrén'a, что значительная часть земель, занятыхъ теперь остяками, принадлежала нѣкогда біармійцамъ, и что разные историческіе остатки, приписываемые иноческой чуди, на самомъ дѣлѣ принадлежатъ имъ, доказывая это, между прочимъ, тѣмъ, что многія рѣки и селенія этихъ странъ носятъ зырянскія названія: напримѣръ, многія рѣки оканчиваются на *Ua*, а деревни на *Kar*. Главное мѣстожительство зырянъ находится къ западу отъ Урала, между 60° сѣверной широты и полярнымъ кругомъ. Но и въ земляхъ самоѣдовъ и остяковъ есть много зырянскихъ колоній и отдѣльныхъ семействъ. Современные зыряне достойны своихъ предковъ по своей дѣятельности и предпріимчивому характеру. По уму они стоятъ выше остяковъ и самоѣдовъ, и въ результатѣ оказывается, что они мало-по-малу монополизировали торговлю и сдѣлались хозяевами оленьихъ стадъ, главнаго богатства этихъ странъ. „Они даже,—говоритъ Сомье,—закабаляютъ себѣ инород-

Digitized by Google

цевъ, опутывая ихъ неоплатными долгами; но, впрочемъ, и русскіе рыбопромышленники въ этомъ отношеніи не отстаютъ отъ зырянъ,— прибавляетъ онъ: подобное явленіе неизбѣжно всякій разъ, какъ приходятъ въ соприкосновеніе два народа неодинаковыхъ умственныхъ способностей (d'intelligenza diversa)."

Зыряне обогащаются скорѣе русскихъ, потому что они не кичатся, какъ русскіе, своимъ превосходствомъ надъ туземцами, живутъ въ большемъ общеніи съ остяками и самоѣдами, проникаютъ въ ихъ стойбища, въ тундры. Сомье сравниваетъ вліяніе зырянъ на остяковъ и самоѣдовъ съ вліяніемъ квеновъ на лопарей: это вліяніе дѣйствуетъ развивающимъ и даже трансформирующимъ образомъ, благодаря скрещиванію (un azione tendente ad incivilire e al tempo stesso a trasformare per incrociamento). Зыряне сами говорили ему, что они охотно вступаютъ въ бракъ съ русскими и самоѣдами; только къ остякамъ показываютъ большое презрѣніе, называя ихъ нечистыми язычниками. „Въ семействахъ, происшедшихъ отъ смѣшенія браковъ зырянъ съ русскими, говорятъ на зырянскомъ языкѣ. Это также напоминаетъ аналогичный фактъ, встрѣчающійся въ Финнмаркенѣ, гдѣ въ семьяхъ, происходящихъ отъ норвежцевъ и квеновъ преобладаетъ финскій языкъ" (200). Относительно характера зырянъ Сомье говоритъ, что русскіе называютъ ихъ упрямыми, мстительными и хитрыми; къ нему лично они были внимательны и гостепріимны, но и имъ замѣчены ихъ скрытность и хитрость. Альквистъ, Кастренъ, Гоффманъ, считаютъ ихъ умными и дѣятельными, но слишкомъ безцеремонными въ сношеніяхъ съ остяками и самоѣдами; Шренкъ, долго жившій среди зырянъ и самоѣдовъ, называетъ этихъ послѣднихъ терпѣливыми мучениками. Но Кастренъ, самъ финнъ, обвиняетъ Шренка въ пристрастіи къ болѣе слабому народу и защищаетъ зырянъ; онъ называетъ ихъ благожелательными и вѣжливыми ко всѣмъ, оказывающимъ имъ довѣріе и дружбу, указываетъ на существующее у нихъ глубокое чувство справедливости и уваженія къ данному слову. „Тотъ же самый Кастренъ однако допускаетъ, что они хитры, недовѣрчивы и завистливы",—прибавляетъ авторъ. По Sjögrén'у, ихъ число постоянно возрастаетъ. По физическимъ признакамъ они весьма похожи на русскихъ; можно предположить, говоритъ авторъ, что въ зырянахъ много русской крови. Кромѣ того, по его мнѣнію, въ нихъ есть и норманская кровь, что̀ неизбѣжно послѣ долговременныхъ сношеній ихъ съ норманнами. На основаніи многихъ антропологическихъ признаковъ, Сомье на-

Digitized by Google

стаиваетъ на сильномъ вліяніи германцевъ и славянъ на антропологическій типъ зырянъ *). Около Березова авторъ въ первый разъ увидѣлъ остяцкія землянки (tal-chot), которыя еще хуже лопарскихъ gamme. Это небольшая квадратная комнатка, до половины вкопанная въ землю, до половины построенная изъ дерева на поверхности земли и крытая дерномъ. Проникнувъ внутрь черезъ дверь, которая въ вышину меньше метра, нужно спуститься по лѣстницѣ въ нѣсколько ступеней на полъ землянки. Въ одномъ углу—натекшая дождевая вода, въ другомъ куча грязи съ разными остатками ѣды. Деревянная большая лавка, приподнятая отъ полу на одинъ или два дециметра, служитъ кроватью для всего семейства. Внутрь проникаетъ слабый свѣтъ чрезъ окно, заклеенное обрывкомъ бумаги. Въ углу очагъ, надъ которымъ возвышается конико-цилиндрическая труба деревянная, внутри вымазанная смѣсью соломы и глины. Комнатку наполняетъ густой дымъ для защиты отъ комаровъ. Такія землянки, по мнѣнію Сомье, представляютъ древнѣшій видъ жилищъ этого народа и соотвѣтствуютъ sauna западныхъ финновъ, какъ утверждаетъ Альквистъ. Только бѣднѣйшіе остяки живутъ теперь въ землянкахъ зиму, а лѣтомъ же, по всей вѣроятности, самые лѣнивые, потому что матеріалъ для лѣтняго чума—вѣтви и березовая кора—подъ бокомъ. Въ Березовѣ же ему удалось видѣть остяцкій музыкальный инструментъ, остяцкія маски и остяцкую пляску. Инструментъ называется dombra; онъ состоитъ изъ деревяннаго ящика, длиннаго, плоскаго, въ которомъ находились куски стекла и желѣза для усиленія звука; съ одной стороны ящикъ заострялся, а съ другой имѣлъ обыкновенную форму. На немъ были натянуты 5 струнъ изъ жилъ. Колками были маленькія косточки или кусочки дерева. Инструментъ былъ превосходно настроенъ на пять первыхъ нотъ восходящей скалы. Инструментъ даетъ только эти пять звуковъ, и они не могутъ измѣняться отъ прижиманія струнъ пальцами. Музыкантъ держалъ инструментъ на колѣняхъ горизонтально и быстро перебиралъ большимъ пальцемъ одной руки всѣ пять

*) Въ селеніи Мужи онъ производилъ измѣренія надъ 50 зырянами и замѣтилъ что у 10 глаза голубые, у 34 сѣрые, у 6 каріе; волосы у 26 бѣлокурые съ разными оттѣнками; у 24 каштановые различныхъ градацій; черныхъ ни у кого нѣтъ. Однако бѣлокурые очень свѣтлые, цвѣта пеньки, столь частые у скандинавовъ и финляндцевъ, между зырянами рѣдки. Филологи, быть можетъ, подтвердятъ это мнѣніе, доказавъ, что на зырянахъ отразилось вліяніе германскихъ языковъ.

Digitized by Google

Нищіе въ Березовѣ.
(Изъ соч. Сомье).

Научная библ... при Иркут... ...с. Универ...

Digitized by Google

Digitized by Google

струнъ, и въ то же время пальцами другой руки касался струнъ отдѣльно, наигрывая мелодію. На пяти струнахъ немного можно сдѣлать, но, вслѣдствіе правильности интерваловъ и ритмичности музыки, впечатлѣніе, производимое остяцкимъ артистомъ, не было непріятно, хотя музыка была монотонна, такъ какъ однѣ и тѣ же ноты постоянно повторялись съ одинаковой послѣдовательностью и съ одинаковымъ ритмомъ. Затѣмъ послѣдовала пляска, въ которой участвовали девять танцоровъ (въ томъ числѣ три женщины). Плясали сначала трое мужчинъ, дѣлая очень неуклюжія движенія, съ широко разставленными ногами, съ согнутыми колѣнями; въ каждой рукѣ они держали по цвѣтному платку, скрещивали руки, протягивали ихъ впередъ, протягивали ихъ за спину, опять скрещивали, опять вытягивали за спиной и въ каждомъ новомъ положеніи нѣсколько секундъ держали ихъ неподвижно. Въ то же самое время головой и туловищемъ дѣлали движенія, которыя тоже казались неестественными. Лица ихъ сохраняли при этомъ полную неподвижность и равнодушіе; они не пѣли, не говорили, вообще ихъ движенія были самыя неграціозныя, какія только можно себѣ вообразить, и напоминали движенія маріонетокъ. Они двигались другъ за другомъ, проходя комнату прыжками и оставаясь на нѣкоторое время неподвижными между однимъ и другимъ прыжкомъ въ самыхъ неизящныхъ и неестественныхъ позахъ. Потомъ явились три женщины и продѣлали почти то же, что и мужчины, сначала, однако, безъ прыжковъ, присѣдая и дѣлая движенія руками, головой и туловищемъ. Ихъ лица были закрыты цвѣтными платками. За этимъ танцемъ послѣдовалъ другой, называемый „танецъ медвѣдя“. Одинъ легъ на землю, изображая мертваго и похороненнаго медвѣдя, другой (изображавшій медвѣдицу) началъ плясать уже описаннымъ образомъ и кружиться вокругъ медвѣдя. Затѣмъ, сдѣлавъ видъ, будто разрылъ землю, онъ началъ тянуть медвѣдя за ноги и за голову съ цѣлью вытащить изъ земли и разбудить. Но мертвый не просыпался, и медвѣдица начала приходить въ отчаяніе; кончилось, однако, тѣмъ, что медвѣдь проснулся, и оба начали плясать. Потомъ представили отправленіе на охоту: мужчины прыгали на одной ногѣ, хлопая въ ладоши и показывая такимъ образомъ свою радость. Далѣе двое мужчинъ представили первобытнѣйшую пантомиму. Грубыя маски были сдѣланы изъ березовой коры съ дырами, вмѣсто рта и глазъ; кусокъ коры, согнутый и пришитый по срединѣ изображалъ носъ. У перваго былъ искусственный горбъ, другой его преслѣдовалъ и ударялъ

Digitized by Google

деревянной лопатой по горбу. Присутствующіе остяки помирали со смѣху. Этотъ танецъ былъ сопровождаемъ пѣсней, гдѣ говорилось, что бѣдный горбатый старикъ преслѣдовался незнакомцемъ; потомъ оказалось, что они оба изъ Березова, земляки и друзья; потому они начали вмѣстѣ плясать въ знакъ любви и дружбы. Въ послѣднемъ танцѣ фигурировалъ человѣкъ, отправившійся въ лѣсъ срубить дерево, которое изображалось другимъ неподвижнымъ человѣкомъ. Спустя нѣсколько времени дровосѣкъ открываетъ, что дерево оживилось. Человѣкъ-дерево сбрасываетъ одежду, въ которой былъ закутанъ и—метаморфоза полная. Потомъ оба начали плясать. Въ послѣднемъ танцѣ, вѣроятно, нужно видѣть доказательство вѣрованія, что въ деревьяхъ, какъ въ рѣкахъ и въ источникахъ, обитаютъ сверхъестественныя существа, которыя могутъ принимать человѣческій видъ. Впечатлѣніе, произведенное на Сомье этими танцами, совпадаетъ съ мнѣніемъ Гоффмана который говоритъ, что остяки имѣли своимъ танцмейстеромъ медвѣдя. Остяцкіе танцы совершенно похожи на танцы сѣверныхъ финляндцевъ; у этихъ послѣднихъ есть тоже „танецъ медвѣдя“, въ которомъ человѣкъ учится подражать движеніямъ этого животнаго.

Около Пугорскихъ юртъ нашъ путешественникъ, выѣхавшій изъ Березова $^{29}/_{17}$ іюля, задумываетъ этнографическое похищеніе, а именно чѣмъ нибудь поживиться на остяцкомъ кладбищѣ. Благодаря магическому боченку съ водкой (mediante il barilotto magico), ему удалось склонить своихъ остяковъ-гребцовъ отвести его на это кладбище. Остяки согласились только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ имъ дали бутылку водки, которую они должны роспить въ честь умершихъ передъ могилами, прежде чѣмъ ихъ открыть. Но когда начали открывать могилы, остяки стали бояться, со страхомъ прислушиваться къ малѣйшему шуму въ лѣсу, и когда Сомье безъ ихъ помощи нашелъ три черепа, они рѣшительно объявили, что этого довольно и что пора ѣхать. На станціи Кегинской путешественникъ въ первый разъ увидѣлъ чумъ *). Чумъ принадлежитъ къ самымъ незамысловатымъ жилищамъ, какія только можно себѣ вообразить и какія естественно должны прійдти въ голову первобытному человѣку, принужденному

*) По Палласу, слово «чумъ» тунгузскаго происхожденія. Остяки называютъ эти жилища kot или chot (того же самаго происхожденія финское слово kota)

Digitized by Google

постоянно носить съ собой свое жилище и неимѣющему другаго матеріала для постройки, какъ только древесные пни, кору и вѣтви деревъ, оленьи шкуры. И цивилизованные люди иногда должны пользоваться подвижными жилищами, конечно, усовершенствованными (сообразно степени цивилизаціи), какъ-то: охотничьи, лагерныя палатки. Чумъ—прототипъ подобныхъ жилищъ. У народовъ нецивилизованныхъ эти обиталища весьма первобытны. Лопарскія gamme отличаются отъ чума только тѣмъ, что покрываются шерстяными покрывалами, которыя доставляются лопарямъ норвежцами. Древнія финскія kota были совершенно похожи на чумъ. У уральскихъ башкиръ, на 15° южнѣе, авторъ видѣлъ tirma, построенныя такимъ же образомъ; тунгусы имѣютъ подобныя же жилища. На этой же станціи авторъ видѣлъ чумъ въ видѣ усѣченной пирамиды съ четырехугольнымъ основаніемъ,—это какъ бы переходная форма отъ чума къ юртѣ. Во время пріѣзда Сомье жители Кегинской станціи усердно занимались очисткой и разрѣзкой рыбы для приготовленія ея впрокъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что „какъ бы ни казался страннымъ обычай ѣсть сырую рыбу, однако онъ принятъ всѣми русскими, живущими среди остяковъ и самоѣдовъ. Я часто видѣлъ,—говоритъ авторъ,—какъ русская хозяйка, въ то время, когда разрѣзывала рыбу для соленья или сушенья, выбирала, точь въ точь какъ какая нибудь остячка, лучшія части внутренности, кусокъ жира, маслянистую печенку или кусокъ сгустившейся крови и съѣдала во время работы или давала ребятишкамъ, стоявшимъ кругомъ съ открытыми ртами и физіономіями, выпачканными въ крови. Вообще русскіе, живущіе въ этихъ сѣверныхъ странахъ, можетъ быть, гораздо болѣе усвоили отъ инородцевъ въ обычаяхъ и одеждахъ, чѣмъ послѣдніе отъ русскихъ, и возможно сказать, что русскіе осамоѣдились и обостячились, какъ Ферд. Миллеръ говоритъ о приленскихъ русскихъ, что они объякутились. Даже языкъ и вѣрованія инородцевъ не остались безъ вліянія на русскихъ. Самъ же Сомье никакъ не могъ побѣдить отвращенія къ сырой рыбѣ, и ему казалось уже большимъ подвигомъ ѣсть поземы и варку (сухая и копченая рыба). „Ѣсть свѣжую осетровую икру, одно изъ лакомыхъ русскихъ блюдъ,— по его словамъ, — есть уже возвращеніе къ обычаю ѣсть самую сырую рыбу". Обычаю ѣсть рыбу въ сыромъ видѣ Сомье приписываетъ присутствіе солитера, часто встрѣчающагося у жителей этихъ странъ; но зато этотъ обычай спасаетъ многихъ отъ скорбута. Путешественникъ не видѣлъ, какъ инородцы ѣдятъ сы-

Digitized by Google

рое мясо только что убитаго оленя, и потому долженъ „удовлетвориться утвержденіями Гоффмана и Миддендорфа, которые говорятъ, что когда побѣждено первое чувство отвращенія, тогда отдаешь полную справедливость вкусу инородцевъ". На слѣдующей Сыропугорской станціи путешественникъ увидѣлъ остяковъ нѣсколько особеннаго типа. При его приближеніи цѣлая толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей явилась на берегъ, причемъ женщины и дѣти стояли въ отдаленіи и смотрѣли недовѣрчиво. „Было очень жарко. Отдаленные раскаты грома предвѣщали грозу. Инородцы, съ длинными, распущенными или заплетенными въ двѣ косы волосами, въ которые вплетены красныя ленты, съ бронзовыми лицами, съ пронзительными голосами,—весьма походили на дикарей какого нибудь острова на Тихомъ океанѣ". У этихъ инородцевъ глаза и волосы были не такъ черны, какъ у встрѣтившихся раньше; нѣкоторые имѣли довольно густыя бороды, и вообще ихъ черты казались, на европейскій взглядъ, довольно правильными. Этотъ особенный типъ происходитъ, по мнѣнію автора, отъ смѣшенія остяковъ съ зырянами. Утромъ $^{31}/_{19}$ іюля нашъ путешественникъ прибылъ въ Шоминскія юрты, резиденцію князя Артанціева. Видъ этой рыбачьей станціи, расположенной на низкомъ островѣ, не имѣлъ ничего княжескаго. Тутъ было два коническихъ чума, крытыхъ березовой корой; въ одномъ изъ нихъ жилъ князь. „Едва приставъ къ берегу,—говоритъ авторъ,—я послалъ казака извѣстить князя о моемъ прибытіи, и онъ пригласилъ меня пожаловать въ свой чумъ. Когда я вошелъ въ хижину (сарапша), то нашелъ его одѣтымъ въ самый лучшій нарядъ—длинное красное одѣяніе съ серебряными галунами, которое походило на старый костюмъ придворнаго швейцара въ Петербургѣ,—въ синихъ штанахъ и въ бархатной шапочкѣ съ серебрянымъ и золотымъ галуномъ, старой и грязной. Эта одежда послана была ему изъ Петербурга, какъ знакъ его достоинства. Передъ входомъ горѣлъ костеръ, чтобъ комары не могли проникнуть въ чумъ. На срединѣ чума другой огонь, наполнявшій дымомъ всю хижину. Налѣво отъ входа, на разостланныхъ по землѣ оленьихъ шкурахъ, стояли три деревянныя скамеечки, на которыя князь пригласилъ сѣсть меня и моего переводчика, а самъ занялъ третью. Направо отъ входа сидѣли на оленьихъ шкурахъ жена и дочь князя. Въ глубинѣ чума наши гребцы, усѣвшись въ кружокъ, начали пожирать копченую рыбу, которую князь велѣлъ имъ дать. Посредствомъ двухъ моихъ переводчиковъ (князь не

Digitized by Google

зналъ ни слова порусски) я сказалъ его сіятельству, что привезъ ему нѣкоторые подарки и вручилъ бронзовыя пуговицы, кольца и серьги. Все это онъ принялъ, повидимому, равнодушно и тотчасъ отдалъ женѣ; но что онъ взялъ себѣ,—была бутылка водки, которая, какъ я зналъ, должна была быть ключемъ къ его сердцу. Сначала я подумалъ, что обманулся и что онъ не раздѣляетъ страсти своего народа къ водкѣ, такъ какъ онъ принялъ бутылку съ видомъ равнодушія, и я не могъ открыть въ его узенькихъ глазкахъ ни малѣйшаго проявленія радости. Сначала князь настаивалъ, чтобы я пилъ съ нимъ, и казался обиженнымъ моимъ отказомъ. Однако, онъ очень скоро утѣшился, осушая мой и свой стаканъ и великодушно дозволяя своей женѣ и дочери принимать участіе въ любимомъ напиткѣ; тогда я понялъ, что его кажущееся равнодушіе было просто комедіей, которую требовало его княжеское достоинство. Моя бесѣда съ княземъ не была особенно интересной; онъ не могъ дать мнѣ отвѣта почти ни на одинъ вопросъ, которые я предлагалъ ему относительно его народа. Онъ съ нѣкоторой гордостью показалъ мнѣ пергаментъ, переплетенный въ бархатъ, съ громадной бронзовой позолоченной печатью; на немъ былъ написанъ декретъ Императрицы Екатерины II, которымъ признавалось княжеское достоинство за однимъ изъ его предковъ. Въ позднѣйшее время правитель ство признало княжескій титулъ только за очень немногими князьками, существовавшими еще во времена Ермака, какъ болѣе или менѣе самостоятельные владѣтели. Въ настоящее время главная ихъ обязанность заключается въ наблюденіи за правильнымъ поступленіемъ ясака въ казну съ инородцевъ ихъ областей (distretto). Теперь такихъ князей только 2, Артанціевъ (Куноватскій) и Тайшинъ (близъ Обдорска). Эти князья очень мало отличаются отъ прочихъ остяковъ своимъ образомъ жизни. Они имѣютъ право чинить судъ и расправу въ спорахъ между остяками, въ неважныхъ случаяхъ; въ дѣлахъ между остяками и русскими они судятъ совмѣстно съ засѣдателемъ (sassedatel); въ случаяхъ же важныхъ виновные отправляются въ Березовъ. Въ умственномъ отношеніи они тоже не выдаются изъ общаго уровня, не умѣютъ ни читать, ни писать, даже не знаютъ ни одного слова порусски. Но, тѣмъ не менѣе, они пользуются нѣкоторымъ престижемъ у своего народа, и всѣ ихъ приказанія исполняются. Чумъ кн. Артанціева былъ нѣсколько больше другихъ, въ немъ стояло нѣсколько сундуковъ, что служило признакомъ богатства; на стѣнѣ была икона, а жена и дочь ходили съ открытыми лицами,

Digitized by Google

что показывало нѣкоторое вліяніе христіанства. Впрочемъ, Сомье увѣренъ, что въ какомъ нибудь сундукѣ хранится шайтанъ, покровитель чума. Когда князь,—продолжаетъ авторъ,—выпилъ первую бутылку водки съ помощью жены, дочери и двухъ моихъ переводчиковъ, онъ приказалъ приготовить чай, причемъ появился фарфоровый сервизъ, хранимый въ особомъ сундукѣ между наиболѣе драгоцѣнными вещами,—тоже, навѣрно, царскій подарокъ. Однако послѣ водки чай, повидимому, ему неособенно понравился, и онъ далъ мнѣ понять, что слѣдовало бы предложить ему вторую бутылку. Когда эта послѣдняя произвела свое дѣйствіе, князь началъ дѣлаться болѣе и болѣе сообщительнымъ и сталъ дѣлать поученія въ Петербургъ къ царю. Вынувъ изъ одного сундука фотографическую карточку моего знакомаго, натуралиста Полякова, сталъ цѣловать ее и спрашивать, кто болѣе другъ царю, Поляковъ или я.“ Видя, что князь все болѣе и болѣе пьянѣетъ, путешественникъ сталъ сбираться на свою лодку, но князь непремѣнно захотѣлъ провожать его. Маленькая каюта едва могла вмѣстить его, такъ какъ онъ былъ очень толстъ, что Сомье въ первый разъ видѣлъ среди остяковъ. На лодкѣ князь выпилъ третью бутылку и окончательно пришелъ въ радужное настроеніе. Ни онъ, ни его жена, усѣвшаяся на порогѣ каюты, никакъ не хотѣли покидать своихъ мѣстъ, не смотря на всѣ настоянія; оба они безпрестанно повторяли: водка, водка! Наконецъ, путешественнику ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ выдворить силой своихъ гостей изъ лодки. И вотъ, съ Божьей помощью, переложили сначала княгиню въ ея лодку, а потомъ и князя, хотя это было гораздо труднѣе. Въ лодку князя положили 2 бутылки и объявили, что болѣе не осталось ни одной капли. Уѣзжая, князь наказывалъ своимъ подданнымъ исполнять всѣ приказанія Сомье и даже помогать ему отыскивать черепа. Это послѣднее обстоятельство, прибавляетъ авторъ, „отчасти объясняетъ мою щедрость относительно водки“. Послѣ княжескаго чума на пути до села Мужевскаго (Muji) встрѣтились 3 станціи обыкновеннаго жалкаго вида. Главное занятіе ихъ жителей—рыбная ловля. Обыкновенная одежда жителей стала мѣняться: все чаще и чаще начала попадаться одежда изъ оленьихъ шкуръ, вмѣсто шерстяной и бумажной, даже и въ жаркую пору. Типъ жителей тоже измѣнился, что происходитъ отъ смѣшенія съ самоѣдами. Въ Лабйтлорскихъ чумахъ, не смотря на крайнюю сырость почвы, лихорадка представляетъ очень рѣдкое явленіе, какъ и вообще на сѣверѣ, но зато между ино-

Digitized by Google

родцами свирѣствуютъ скорбутъ и сифилисъ, особенно послѣдній. Въ с. Мужевскомъ живетъ до 200 зырянъ и 6 или 7 русскихъ семействъ. Остяковъ нѣтъ ни одного. Земледѣліе здѣсь, конечно, невозможно, потому что почва оттаиваетъ лѣтомъ всего на $1^1/_4$ или $1^1/_2$ аршина. У жителей есть нѣкоторое количество коровъ. Главное ихъ занятіе—рыбная ловля. Главное значеніе этого села заключается въ томъ, что оно стоитъ въ началѣ одной изъ дорогъ черезъ Уралъ, которая соединяетъ обской бассейнъ съ бассейнами рѣкъ сѣверной Россіи. Всѣхъ такихъ дорогъ Гоффманъ насчитываетъ 13. Въ древности эти дороги имѣли больше значенія, чѣмъ теперь, потому что тогда зыряне были дѣятельными посредниками въ сношеніяхъ Югорской земли съ западомъ; эти сношенія шли по этимъ путямъ. И теперь еще дорога, идущая отъ Мужевскаго, считается особенно излюбленной дѣятельнымъ зырянскимъ народомъ; каждую зиму по ней двигаются тысячи оленей, сани съ мукой, сухой и мороженой рыбой, которая, говорятъ, доходитъ даже до Петербурга. Но путешествовать по этой дорогѣ лѣтомъ почти невозможно, вслѣдствіе крайней болотистости всего этого пространства, и потому нашъ авторъ, хотѣвшій было по ней проѣхать, долженъ былъ оставить свое намѣреніе.

Въ селѣ Мужевскомъ Сомье рѣшилъ остановиться на нѣкоторое время. Благодаря губернаторскому приказу, десятникъ явился немедленно къ его услугамъ, и началось всеобщее измѣреніе головъ жителей села. Всѣ жители казались славнымъ и понятливымъ народомъ (buona gente ed intelligenti); мужчины были одѣты порусски; въ костюмахъ женщинъ видна зажиточность. На другой день была совершена экскурсія на остяцкое кладбище. Всѣ могилы надземныя и состоятъ изъ 3-хъ частей: наружная имѣетъ видъ остяцкой юрты или русской крестьянской избы, изъ грубыхъ почти не отесанныхъ, нетолстыхъ бревенъ, съ крышей въ 2 ската; средняя сдѣлана изъ деревянныхъ кольевъ и березовой коры, аккуратно сшитой, какъ это дѣлается при постройкѣ чума; и третья, въ которой находится трупъ—половина инородческой лодки, разрѣзанной поперекъ; крыша этого гроба сдѣлана изъ досокъ, принадлежащихъ той же лодкѣ, крѣпко соединенныхъ одна съ другой посредствомъ толстыхъ жилъ. Въ этихъ гробахъ авторъ находилъ пояса съ ножами, трубки, кисеты съ табакомъ, кольца и т. п. На гробахъ часто находились лыжи, луки, весла. Самыя тѣла имѣли видъ мумій вслѣдствіе надземныхъ могилъ и зимнихъ холодовъ. Кожа плотно пристала къ костямъ черепа и лица, такъ

Digitized by Google

что самыя кости превосходно сохранились, и всѣ зубы были въ ихъ луночкахъ (alveoli). На этомъ кладбищѣ авторъ взялъ 12 череповъ. Подлѣ кладбища, въ лѣсу, было остяцкое святилище; тамъ находилось большое количество деревянныхъ идоловъ очень грубой формы, въ видѣ человѣка безъ рукъ и безъ ногъ. Эти идолы были прислонены къ деревьямъ, на которыхъ были навѣшены разныя приношенія—лоскутки, красныя ленты, кольца, оленьи черепа и кости, даже цѣлыя оленьи шкуры. Свое почтеніе къ этимъ божествамъ остяки выражаютъ, между прочимъ, тѣмъ, что мажутъ имъ губы жиромъ или кровью, но водку, какъ матеріалъ слишкомъ драгоцѣнный, только проносятъ у нихъ подъ носомъ, а потомъ выпиваютъ сами. Спутники Сомье показывали большое презрѣніе ко всѣмъ этимъ изображеніямъ и всячески насмѣхались надъ ними, но о собственномъ впечатлѣніи онъ говоритъ такъ: „Эти проявленія религіозности въ народѣ суевѣрномъ, наивномъ и невѣжественномъ внушили мнѣ чувства весьма различныя отъ тѣхъ, какія показывали мои товарищи. Мнѣ становилось понятнымъ поклоненіе божеству подъ сѣнью таинственнаго лѣса, среди дикой природы". Оно казалось не болѣе удивительнымъ для Сомье, какъ всякое другое поклоненіе. Они совершаютъ его, чтобы почтить существа, царящія, по ихъ мнѣнію, надъ водами и рощами, предлагаютъ имъ въ даръ труды своихъ собственныхъ рукъ и тѣ предметы, которые имѣютъ наибольшую цѣнность для нихъ. Для своихъ святилищъ и кладбищъ остяки всегда выбираютъ мѣста, чѣмъ нибудь отличающіяся: или богатой растительностью, древностью и величиною деревъ, возвышенностью мѣстности и открывающимся отсюда видомъ, — все это показываетъ, что и у этихъ народовъ нѣтъ недостатка въ чувствѣ поэзіи природы. Существуютъ разсказы, что въ глубинѣ лѣсовъ, въ особенно недоступныхъ мѣстахъ, находятся такъ называемые „большіе шайтаны", доступъ къ которымъ загражденъ разными капканами и самострѣлами и которымъ нужны особенно богатые дары, такъ что подлѣ этихъ „большихъ шайтановъ" собраны цѣлыя сокровища. Остяки, которыхъ разспрашивалъ объ этомъ Сомье, отрицали подобные разсказы, и Сомье самъ не вѣритъ имъ, особенно разсказамъ о сокровищахъ *). Въ 8 или 10

*) У писателей XVI вѣка, упоминавшихъ объ этихъ странахъ (Герберштейнъ, Ант. Видъ, Дженкинсонъ), есть свѣдѣнія о Золотой Бабѣ, изображеніи богини изъ золота, державшей на груди одного или двухъ младенцевъ, которой всякій приходящій непремѣнно долженъ былъ принести даръ. Никакихъ слѣдовъ этого культа Сомье не находилъ у современныхъ остяковъ и вогуловъ.

Digitized by Google

Остяки-музыканты.
Съ акварели М. С. Знаменскаго.

Digitized by Google

Digitized by Google

верстахъ отъ селенія идетъ рядъ холмовъ, называемый Малая Мужевская гора, на западѣ отъ которой поднимается вторая цѣпь холмовъ. Долина Оби, хорошо видная съ высокаго холма, издали очень похожа на Саргассово море: громадное болотистое пространство, покрытое низкорослыми деревьями и травянистыми растеніями, образовавшими острова безъ опредѣленныхъ контуровъ, какъ бы плавающіе на водѣ. Разстояніе между обоими берегами Оби здѣсь доходитъ до 50 верстъ. Съ этихъ мѣстъ древесная растительность начинаетъ исчезать; деревья становятся весьма низкорослыми. Для объясненія этого факта авторъ упоминаетъ о теоріи норвежскаго ученаго Блитта, по которой за ледяной эпохой наступаютъ періоды наибольшей сырости и наибольшей сухости, попеременно смѣняющіе другъ друга. Періодъ наибольшей влажности характеризуется болотистостью почвы, обиліемъ водяныхъ растеній, низкорослостью деревъ. Но, по мнѣнію автора, то, что можетъ быть примѣнимо къ Норвегіи, непримѣнимо къ Сибири: причины влажности воздуха,—повышеніе или пониженіе почвы, направленіе морскихъ теченій, господство нѣкоторыхъ вѣтровъ,—весьма различны въ Норвегіи и въ Сибири, съ ея континентальнымъ климатомъ. Исчезновеніе древесной растительности въ этихъ областяхъ Сибири нельзя приписать „періоду наибольшей сырости". По мнѣнію другихъ, этотъ фактъ слѣдуетъ объяснить медленнымъ повышеніемъ почвы сѣверной Сибири. Но, допустивъ это, всетаки, расширеніе безлѣсныхъ предѣловъ необходимо приписать возрастающей влажности почвы. По мнѣнію же нашего автора, оно происходитъ отъ медленнаго пониженія температуры воздуха, отчего зависитъ и пониженіе температуры почвы. Охлажденіе почвы препятствуетъ инфильтраціи осадковъ; всѣ осадки, вся влажность, остаются въ слоѣ земли, между поверхностью и оледенѣлымъ нижнимъ слоемъ; это пространство оттаявающей земли все болѣе и болѣе уменьшается, и корни деревъ такимъ образомъ погибаютъ. Впрочемъ, это явленіе можно объяснить и не общимъ пониженіемъ температуры, а увеличеніемъ влаги, падающей изъ воздуха на землю въ видѣ снѣга: тогда главная работа солнечныхъ лучей обращается на расплавленіе снѣговыхъ громадъ; отъ этого—меньшее оттаяваніе почвы, большее присутствіе влажности въ оттаявшемъ слоѣ, а оттуда—регрессъ въ растительности. $\frac{5 \text{ авг.}}{24 \text{ іюля}}$ путешественникъ выѣхалъ изъ села Мужевскаго, украсивъ свою лодку итальянскимъ и русскимъ національными флагами; съ этихъ поръ его лодка стала извѣстна въ окрестностяхъ подъ именемъ „лодки съ двумя фла-

Digitized by Google

гами". Одинъ изъ главнѣйшихъ лѣвыхъ притоковъ нижней Оби—Войкаръ (по Гоффману, называемый также Айвашъ). На картѣ генеральнаго штаба 1848 впаденіе Войкара показано на 30 верстъ по прямой линіи ниже Мужевскаго.

Здѣсь авторъ опять хотѣлъ было, поднявшись по Войкару, добраться до Урала, но долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія въ виду громадныхъ трудностей этого пути, который удалось преодолѣть Гоффману только благодаря обширнымъ предварительнымъ приготовленіямъ и помощи туземцевъ. Въ примѣчаніи авторъ упоминаетъ о попыткахъ соединенія Енисейска, Оби и Печоры каналомъ и говоритъ, что эти попытки, кажется, должны быть признаны неосуществимыми. Подлѣ зимнихъ Войкарскихъ юртъ вниманіе автора привлекали остатки одного изъ „чудскихъ городковъ"; по мнѣнію Кастрэна, эти городки были построены самими остяками, когда они были болѣе счастливымъ народомъ, чѣмъ въ настоящее время; Sjögrén полагаетъ, что они построены древними біармійцами. Въ сибирскихъ лѣтописяхъ о Войкарѣ упоминается подъ 1595 годомъ, какъ объ остяцкой деревнѣ, надъ которою господствовали березовскіе казаки *). Никакихъ раскопокъ Сомье не удалось сдѣлать въ этомъ городищѣ по неимѣнію лопатъ и прочихъ инструментовъ, да и кромѣ того это мѣсто имѣло „сторожей, болѣе страшныхъ, чѣмъ Церберъ, — комаровъ".

Авторъ замѣчаетъ, что для вѣрнаго нанесенія на карту инородческихъ селеній нужно различать не только зимнія и лѣтнія юрты (въ смыслѣ селенія), но даже осеннія и весеннія. Собскія юрты находятся около устьевъ рѣки Соби, тоже лѣваго притока Оби. Съ Собской станціи уже ясно обозначается самоѣдское вліяніе какъ на типахъ жителей, такъ и въ одеждѣ: широкія лица, весьма черные волосы, бо́льшая тѣлесная крѣпость; русская одежда совсѣмъ исчезаетъ и смѣняется самоѣдской. Въ этихъ мѣстахъ Сомье встрѣтилъ баржу одного русскаго рыбопромышленника, видѣлъ, какъ онъ солилъ рыбу, и весьма не одобряетъ обыкновеннаго способа русскихъ

*) Окончаніе kar показываетъ, что тутъ было укрѣпленное мѣсто: kar на зырянскомъ языкѣ значитъ крѣпость; voi, по Sjögrén'у,—зырянское слово, означающее ночь; voikar—городъ ночи,—рѣдкій случай, когда рѣка получила свое имя отъ селенія, а не наоборотъ. Остяки называютъ Voikar—Айвашъ (по Гоффману), что значитъ маленькій городокъ, не остяцкое селеніе. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что городище, отъ котораго Войкаръ получилъ свое имя, по происхожденію не былъ остяцкимъ.

Digitized by Google

промышленниковъ приготовлять рыбу впрокъ, не суша ея и соля весьма грязной солью. Отъ баржи, наполненной такъ приготовленной рыбой, распространялся ствратительный запахъ. „Я не думаю,—говоритъ онъ,—чтобы обоняніе низшихъ классовъ сибирскаго населенія, если оно ѣстъ эту рыбу, было очень тонко.“ Сомье слышалъ въ Гаммерфестѣ, что тамъ русскіе, пріѣзжающіе изъ Архангельска, покупаютъ всю рыбу, которая уже не годится для норвежцевъ, потому что уже начала разлагаться. На этой баржѣ Сомье пришлось провести нѣсколько времени по случаю крайне дурной погоды. Между остяками-работниками оказался какой-то шаманъ изъ плохихъ (pseudo-sciamano), который и предсказывалъ путешественнику о погодѣ слѣдующаго дня. Этотъ шаманъ, повидимому, столько же вѣрилъ въ свое искусство, сколько и Сомье, однако хозяинъ баржи былъ убѣжденъ, что настоящіе шаманы могутъ открыть многія тайны. Вообще вѣра въ шамановъ распространена между русскими рыбопромышленниками на Оби, хотя они и называютъ ихъ погаными язычниками. „И что удивительнаго въ томъ, что необразованный русскій рыбакъ вѣритъ въ предсказанія остяцкаго мага, который умѣетъ окружить свои дѣйствія извѣстнымъ ореоломъ таинственности, когда еще между нами существуютъ не менѣе смѣшныя суевѣрія?“ Ночью $\frac{\text{10-го авг.}}{\text{29-го іюля}}$ путешественникъ прибылъ въ Обдорскъ *), возвѣстивъ о своемъ пріѣздѣ ружейными выстрѣлами, которые, однако, произвели только то, что цѣлая полдюжина собакъ подняла лай и такимъ образомъ привѣтствовала прибытіе путниковъ.

П. Головачевъ.

*) По Финшу, разстояніе между Березовымъ и Обдорскомъ—495 в., а по Сомье—477.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Положивъ дѣлать обзоръ литературы, выходящей о Сибири и отчасти сопредѣльныхъ странахъ, мы не имѣемъ мѣста въ данномъ выпускѣ дать обширныя критическія статьи. Однако, мы позаботились дать рецензіи о выдающихся произведеніяхъ, вышедшихъ на иностранныхъ и русскомъ языкахъ. Въ заключеніе для лицъ, интересующихся всѣми сочиненіями о Сибири, мы помѣстили библіографическій списокъ книгъ за 1884—1885 и 1886 гг. до 1-го апрѣля.

Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка. Книга вторая (1713—1724). Спб. 1885.

Археографическая коммиссія, впродолженіе своего слишкомъ пятидесятилѣтняго существованія уже такъ много сдѣлавшая по изданію источниковъ вообще русской исторіи, въ послѣднее время изрѣдка обращаетъ свою полезную дѣятельность на обнародованіе письменныхъ памятниковъ спеціально сибирской исторіи. Такъ ею исполнены прекрасныя изданія «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова, «Краткой сибирской (кунгурской) лѣтописи» съ многочисленными старинными рисунками и безъ рисунковъ, перваго тома «Памятниковъ сибирской исторіи»; кромѣ того, въ цѣломъ рядѣ томовъ «Актовъ историческихъ» и «Дополненій къ актамъ историческимъ», издававшихся той же коммиссіей во время ея полустолѣтней дѣятельности, находится среди массы разнообразнаго историческаго матеріала, касающагося до Россіи, очень много также документовъ, объясняющихъ сибирскую исторію въ ея древнемъ періодѣ; особенно много такихъ актовъ напечатано въ такъ называемыхъ «Дополненіяхъ». Въ археографической коммиссіи, какъ намъ извѣстно, также готовится критическое изданіе древнихъ сибирскихъ лѣтописей, которое является вполнѣ необходимымъ пособіемъ для изслѣдованія древнѣйшей первоначальной исторіи Сибири и поможетъ изслѣдователю при опредѣленіи состава первоначальныхъ сибирскихъ лѣтописей. Вообще сибирская историческая наука имѣетъ и будетъ имѣть немало разнообразнаго матеріала въ ученыхъ изданіяхъ почтенной археографической коммиссіи. Для облегченія изслѣдованій по сибирской исторіи въ настоящее время необходимо разобраться среди громаднаго количества сибирскихъ историческихъ актовъ, обнародованныхъ какъ

Digitized by Google

въ изданіяхъ археографической коммиссіи, такъ и въ сборникахъ ученыхъ историческихъ обществъ, въ журналахъ историческихъ, въ «Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи», въ «Вивліоѳикѣ» Новикова и т. д., и т. д., кончая губернскими вѣдомостями не только сибирскими, но и россійскими, какъ-то: архангельскія, пермскія, вологодскія. Вѣроятно, современемъ намъ удастся сдѣлать критико-библіографическій обзоръ такого матеріала на страницахъ литературныхъ приложеній къ «Восточному Обозрѣнію», такъ какъ у насъ уже имѣется собранный матеріалъ этого рода.

Въ концѣ прошлаго года археографическая коммиссія издала второй томъ «Памятниковъ сибирской исторіи XVIII вѣка». Первый томъ «Памятниковъ» появился въ 1882 году. Акты втораго тома «Памятниковъ сибирской исторіи XVIII вѣка» (1713—1724 г.) служатъ продолженіемъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ первомъ томѣ, и дополняютъ свѣдѣнія о судьбахъ Сибирской окраины, въ которой постепенно вводилось устройство распоряженіями геніальнаго преобразователя Россіи. Акты, заключающіеся въ числѣ 127 №№ во второмъ томѣ «Памятниковъ сибирской исторіи XVIII вѣка», по своему содержанію представляютъ большое разнообразіе и иллюстрируютъ исторію Сибири за время отъ 1713 до 1724 года царствованія Петра Великаго съ самыхъ различныхъ сторонъ. Это новое изданіе историческихъ актовъ XVIII вѣка тѣмъ болѣе является цѣннымъ достояніемъ для исторической науки, что до сихъ поръ издававшіеся документы по исторіи Сибири относились ко времени до XVII вѣка включительно; только изрѣдка печатались сибирскіе акты XVIII вѣка, какъ, напримѣръ, Г. Н. Потанинымъ въ изданіяхъ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ и нѣкоторыми другими лицами въ разныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, также архимандритомъ Мелетіемъ въ его сборникѣ «Древнихъ церковныхъ грамотъ восточно-сибирскаго края» и еще кое-гдѣ. Во вновь вышедшемъ томѣ «Памятниковъ» находятся акты о началѣ разработки серебряныхъ и свинцовыхъ рудъ въ Нерчинскихъ горахъ, объ устройствѣ горныхъ заводовъ, о добываніи соли. Для развитія горнаго дѣла въ Сибири Петръ пользуется услугами иностранныхъ рудознатцевъ, не забывая и плѣнныхъ шведовъ, проживавшихъ въ Сибири. Документы этого рода рисуютъ въ блестящемъ свѣтѣ великаго императора, заботливость котораго простиралась до мелочей и ученая любознательность котораго постоянно носила практическій характеръ. Интересовался онъ, между прочимъ, шаманами и тѣми инородцами, которые татуируютъ лица (по актамъ «шитыя рожи»), какъ чукчи, ламуты, тунгусы. Чукчи поразили еще казака Дежнева, открывшаго Беринговъ проливъ и въ 1648 году встрѣтившаго многихъ инородцевъ съ прорѣзанными губами и съ продѣтыми въ нихъ кусками моржовыхъ клыковъ. Императоръ настойчиво требовалъ высылки сибирскихъ инородцевъ въ Петербургъ для отправленія ихъ въ Европу обучаться медицинѣ, зная, что шаманы занимаются леченіемъ болѣзней. Во второмъ томѣ «Памятниковъ» находится также нѣсколько актовъ о мирныхъ, торговыхъ сношеніяхъ русскихъ съ сосѣдями Сибири — китай-

Digitized by Google

цами, калмыками, киргизами и др. Сближеніе Россіи съ богатымъ и замкнутымъ Китаемъ сдѣлало успѣхи: акты сборника говорятъ о путешествіи сибирскихъ купцовъ съ товарами въ Пекинъ, и въ этой китайской столицѣ было учреждено уже постоянное русское агентство. Въ «Памятникахъ» есть акты о распространеніи среди туземцевъ Сибири христіанства подъ руководствомъ митрополита Филовея Лещинскаго; затѣмъ есть интересный актъ о сильномъ развитіи раскола въ Сибири и указы правительства о пріостановкѣ ссылки въ Сибирь раскольниковъ изъ внутреннихъ областей и о преслѣдованіи сибирскихъ раскольниковъ. Въ «Памятникахъ» также напечатана цѣлая серія актовъ, свидѣтельствующихъ о тяжеломъ экономическомъ положеніи народа въ Сибири, подвергавшагося чрезвычайно жестокому административному гнету. Если разные дикіе инородцы перестали безпокоить своими набѣгами русское населеніе въ Западной Сибири, то вмѣсто этого явились новыя неблагопріятныя условія, заставлявшія колонистовъ покидать насиженныя мѣста, скитаться или заводить тайныя поселенія въ глухихъ мѣстахъ Сибири. До этого сибиряковъ доводила тяжесть, испытываемая ими отъ рекрутскихъ наборовъ и разныхъ нарядовъ для созидавшагося Петербурга, въ основаніе котораго, между прочимъ, также положено немало сибирскихъ человѣческихъ жизней и матеріальныхъ средствъ. Если въ свое время Сибири удалось воспользоваться приливомъ массы разнаго народа изъ Россіи, то теперь довелось испытать и невыгоды отъ этого же самаго, навлекшія запрещеніе пріема на жительство бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ. Какъ на препятствія къ осѣдлости, акты въ «Памятникахъ» указываютъ еще на эпидемическія болѣзни, въ родѣ сибирской язвы, на фанатическихъ проповѣдниковъ раскола и на самосожженіе, и въ особенности на безграничныя своеволія и незаконные поборы воеводъ и другихъ начальственныхъ лицъ. Послѣ публичной торговой казни главнаго грабителя, сибирскаго губернатора Гагарина, въ 1721 году (о немъ въ № 53), Петръ цѣлымъ рядомъ распоряженій старается искоренить зло, пустившее въ Сибири глубокіе корни, и, между прочимъ, особенно знаменателенъ указъ подъ № 107. Въ этомъ указѣ, во-первыхъ, дѣлается извлеченіе изъ замѣчательнаго документа, писаннаго къ сибирскимъ властямъ отъ имени генерала Геннинга по поводу всевозможныхъ административныхъ злоупотребленій въ Сибири. «Довольно извѣстно,—писалъ отъ артиллеріи генералъ-маіоръ Геннингъ,—съ какимъ прилежнымъ радѣніемъ и безпокойными трудами всемилостивѣйшій нашъ императоръ желаетъ, чтобъ всѣ дѣла въ Россійской монархіи добрымъ порядкомъ шли для пользы государственной, о чемъ уже многими его величества указами подтверждено, а сверхъ того зерцало за собственною его величества рукою оригиналъ подписанной, котораго копіи сюда присланы, и по писмамъ его объявлено о здѣшнихъ непорядкахъ; и хотя всѣмъ извѣстенъ эксемпелъ, которой учиненъ князю Гагарину, однако же здѣсь въ Сибирѣ не унимаютца бездѣльники, а именно, отъ земскихъ камисаровъ лишніе сборы сбираются, и народу обиды чинятца, и судебные камисары, которые по слободамъ, дѣлаютъ великіе пакости и неправды, и хотя челобитные и доношенія на нихъ отъ бѣдныхъ людей есть.

Digitized by Google

но никакова розыску и рѣшенія не чинитца, и на кого бьютъ челомъ, тѣ по волѣ ходятъ и знатно, что потачка такимъ ворамъ отъ надворныхъ судей; такожъ о учиненныхъ обидахъ отъ салдатъ и отъ протчихъ разсмотрѣнія и резолюціи не чинятъ, и такихъ бездѣльниковъ не арестуютъ, отъ чего и болши пакости дѣлаютца» (стр. 445 «Памятниковъ»). Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ генералъ-маіоръ Геннингъ приказывалъ князю Козловскому, чтобы онъ «яко командиръ на мѣстѣ губернаторскомъ, бездѣльниковъ сковавъ держалъ и по челобитнымъ и доношеніямъ безволокитно слѣдовалъ, дабы бѣдной народъ не вовсе разворился и могли бъ свои подати платить на содержаніе флоту и армеи». Такимъ образомъ само высшее правительство признало фактъ невыносимаго административнаго произвола, свирѣпствовавшаго въ Сибири. Указъ, защищающій обывателей, былъ объявленъ особеннымъ образомъ. Въ цитируемомъ актѣ сказано: «И сего жъ 724 году, февраля 6 дня, по его императорскаго величества указу и по приговору, состоявшемуся въ тобольской губернской канцеляріи, велѣно противъ показанного писма отъ генерала господина Геннина, объявя оное писмо публиковать въ Тоболску во всенародное извѣстіе, съ барабаннымъ боемъ, и выставить въ пристойныхъ мѣстахъ 3 листа, которые отдать съ росписками; а въ канцелярію надворного суда и земскую кантору и въ тоболской магистратъ, списавъ копіи, послать при промеморіяхъ, а въ гварнизонъ при указѣ; а тоболской правинціи въ городы и въ дистрикты, также въ Енисейскую и Иркуцкую правинціи со объявленіемъ показаннаго писма во всенародное извѣстіе послать указы, и о исполненіи чинить, какъ его императорскаго величества указы повелѣваютъ...». Затѣмъ, въ «Памятникахъ» есть акты о завоеваніи казаками новыхъ землицъ за Байкаломъ и вблизи Камчатки и о построеніи остроговъ. Казаки въ это время главнѣйшимъ образомъ стремились пробраться въ сѣверо-восточный уголъ страны и объясачить тамошнихъ инородцевъ, оказавшихся весьма упорными въ борьбѣ и отстаиваніи своей независимости. Значительная часть актовъ 2-го тома «Памятниковъ», а также всѣ прибавленія къ нему рисуютъ эту кровавую и ожесточенную борьбу пришельцевъ съ туземцами, начавшуюся съ убійства камчатскаго Ермака—Атласова въ 1711 году и кончившуюся возстаніемъ всей Камчатки въ 1731 году. Второй томъ «Памятниковъ сибирской исторіи XVIII вѣка», также какъ и первый выпускъ этого изданія, напечатанъ подъ редакціей члена археографической коммиссіи А. И. Тимоѳеева; средства денежныя на изданіе тома даны корреспондентомъ коммиссіи П. И. Лихачевымъ. Въ концѣ тома для облегченія справокъ приложенъ указатель личныхъ именъ и географическій. Изданіе этого тома «Памятниковъ», какъ и всѣ изданія археографической коммиссіи, исполнено добросовѣстно и съ внѣшней стороны безукоризненно.

А. О.

Digitized by Google

Владиміръ Майновъ. Очеркъ юридическаго быта мордвы. Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества, по Отдѣленію этнографіи, т. XIV, вып. I.

Мордва, одно изъ финскихъ племенъ, по изслѣдованіямъ Риттиха, достигаетъ 800,000 чел., распредѣлялсь по губерніямъ такъ: въ Самарской 173,003 чел., съ Симбирской 134,908 чел., въ Пензенской 123,973 чел., въ Нижегородской 112,179 челов., въ Тамбовской 101,884 чел., въ Саратовской 100,546 чел., въ Казанской 18,473 чел., въ Оренбургской 9,917 чел., въ Астраханской 4,496 чел. и, наконецъ, въ Харьковской 50 чел. Не смотря на такую численность мордвы, изслѣдованія объ этомъ племени весьма недостаточны, какъ и вообще изслѣдованія о нашихъ инородческихъ племенахъ, такъ что предлагаемый трудъ г. Майнова вноситъ многое въ изученіе быта мордвы. Изслѣдованія мордвы и другихъ инородцевъ имѣютъ весьма близкое отношеніе къ инородческому вопросу и у насъ, въ Сибири. Намъ весьма важно знать, на сколько устойчивы при ассимиляціи племена низшихъ расъ, а тѣмъ болѣе такія, которымъ родственны и многіе инородцы нашего востока, на сколько сильна руссификація, какія правовыя отношенія они выработали, каково ихъ міросозерцаніе, на сколько племя культурно, какія задачи должно преслѣдовать и какъ осуществлять таковыя, желая пріобщить извѣстное племя къ націямъ, стоящимъ на высшей ступени цивилизаціи. Предлагаемое сочиненіе содержитъ очеркъ семейныхъ отношеній, вещнаго права и договоровъ мордвы, особенно же подробно разработаны первыя. Авторъ старается отмѣтить и выяснить тѣ особенности правовыхъ отношеній мордвы, которыя являются результатомъ исторической жизни этого племени, а также старается отмѣтить перемѣны, совершившіяся въ юридическихъ воззрѣніяхъ его подъ вліяніемъ руссификаціи. Хотя, вслѣдствіе недостаточности историческаго матеріала и обширности самаго предмета, въ книгѣ г. Майнова есть нѣкоторые недостатки, тѣмъ не менѣе это изслѣдованіе вноситъ немало весьма цѣнныхъ данныхъ въ изученіе инородческой жизни и уже весьма облегчаетъ трудъ послѣдующимъ изслѣдователямъ. Въ воззрѣніяхъ мордвы на правовыя отношенія мы находимъ немало такихъ, которыя свидѣтельствуютъ объ умѣ, способности и гуманности мордвина, а принявъ во вниманіе то, что мордва не вымираетъ, нельзя не задать себѣ вопроса, на сколько правы люди, утверждающіе, что, въ силу борьбы за существованіе, низшія расы обречены на вымираніе и что нечего пытаться предохранять ихъ отъ этого. Мы видимъ, что инородцы, поставленные въ тѣ же условія, въ какихъ находится окружающее ихъ русское населеніе, не уступаютъ въ жизненности послѣднему.

Въ томъ потокѣ вольной колонизаціи, который стремится изъ Россіи въ Сибирь, принимаетъ участіе и мордва. Она переселяется больше въ Томскую губернію, гдѣ въ настоящее время образовалось уже нѣсколько мордовскихъ поселковъ. Въ Сибирь больше переселяются мордвины состоятельные, стремящіеся еще болѣе возвысить свое благосостояніе въ странѣ, гостепріимной для трудолюбиваго человѣка. И мордвины-колонисты, благодаря своему трудолюбію, обѣщаютъ быть весьма полезными для богатой Сибири.

Digitized by Google

Vàmbéry. «Das Türkenvolk». Leipzig. T. A. Brockhaus. 1885. (Вамбери. Тюркская народность).

Вамбери (родился въ 1832 году въ Пресбургскомъ комитатѣ, въ Венгріи) извѣстенъ не только своими учеными работами, но и своей замѣчательной судьбой. Талантливый самоучка-еврей, онъ выбился изъ бѣдной и темной среды и стяжалъ себѣ громкую славу своими безумно-смѣлыми похожденіями по Средней Азіи въ качествѣ нищенствующаго дервиша (1861—1864); заслуги его какъ путешественника и необычныя лингвистическія познанія доставили ему профессуру восточныхъ языковъ въ Пештѣ (1865); ученыя работы, изъ которыхъ мы, на ряду съ описаніями его путешествій, назовемъ только «Tschagataische Sprachstudien», «Wörterbuch der Türko-Tatarischen Sprachen», «Uigurische Sprachmonumente», «Ursprung der Magyaren», «Geschichte Bocharas» и т. д., упрочили за нимъ репутацію одного изъ лучшихъ знатоковъ тюркскихъ народовъ. Въ то же время Вамбери присущи нѣкоторыя черты, подрывающія до извѣстной степени цѣнность его работъ: это его политическое агитаторство въ пользу преобладанія англичанъ въ Средней Азіи, прикрываемое авторитетомъ науки, а также свойственный ему, какъ и большинству аутодидактовъ, извѣстный недостатокъ строго научной выдержки.

Характеръ Вамбери всецѣло отразился въ его послѣднемъ крупномъ сочиненіи: съ безконечной смѣлостью онъ взялся за грандіозную задачу описать всѣ тюркскія народности, съ замѣчательнымъ талантомъ и съ неменѣе замѣчательной ученостью онъ выполнилъ свой трудъ; однако же этотъ трудъ отнюдь не оказался свободнымъ отъ обычныхъ недостатковъ его работъ. Въ политическомъ отношеніи, впрочемъ, авторъ съумѣлъ оградиться отъ своей обычной слабости: онъ признаетъ культурные успѣхи русскихъ въ Центральной Азіи, хотя и прибавляетъ съ невольнымъ вздохомъ, что онъ предпочелъ бы, «чтобы этотъ свѣтъ (культуры) исходилъ изъ источника болѣе богатаго и болѣе соотвѣтствующаго, но все же онъ не можетъ не привѣтствовать съ радостью даже и *эту* восходящую зарю» (стр. 413). Матеріалъ свой авторъ расположилъ такимъ образомъ, что онъ вслѣдъ за общимъ и, не смотря на массу затронутыхъ вопросовъ и гипотезъ, чрезвычайно сжатымъ введеніемъ, говорящимъ о происхожденіи тюрковъ, о ихъ судьбахъ и передвиженіяхъ, переходитъ къ систематическому описанію отдѣльныхъ группъ тюркскаго народа. Авторъ при этомъ держится на почвѣ современной этнологіи, принимая повсюду во вниманіе географическія и историческія условія жизни даннаго народа. Приходится сожалѣть лишь о томъ, что онъ не расширилъ понятія географіи и исторіи на столько, чтобы повсюду обратить должное вниманіе и на экономическую сторону жизни описываемыхъ имъ народовъ. Правовые обычаи, столь характерные для жизни, исторіи и душевнаго міра народовъ, затронуты въ большинствѣ случаевъ также лишь поверхностно или даже совершенно обойдены.

Здѣсь не мѣсто, конечно, подробному научному анализу многочисленныхъ гипотезъ автора, быть можетъ, и крайне смѣлыхъ, но во всякомъ случаѣ заслуживающихъ серьезнаго вниманія. Мы не можемъ,

Digitized by Google

однако жъ, не указать на нѣкоторыя существенныя противорѣчія въ изложеніи автора: такъ Вамбери безпощадно бичуетъ исламъ, враждебный, по его мнѣнію, всякой культурѣ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ онъ признаетъ несомнѣнныя культурныя заслуги ислама, а на стр. 311 высказываетъ даже мнѣніе, что «въ дѣлѣ пересозданія кочевника въ культурнаго человѣка отъ ислама можно ожидать гораздо большаго (!), чѣмъ отъ христіанства». Пристрастіе тюрковъ къ кочевничеству является по Вамбери какимъ-то злымъ рокомъ, тяготѣющимъ надъ тюрками (см. отд. VI введенія, а также стр. 171, 176, 182 и др.); на другихъ страницахъ онъ прекрасно анализируетъ причины, обусловливающія кочевничество тюрковъ, и описываетъ рядъ тюркскихъ народностей, уже перешедшихъ къ осѣдлости. Мы не можемъ также согласиться съ обреченіемъ тюрковъ на «окончательную гибель или же на существенное пересозданіе» (стр. 82—84, стр. 622). Авторъ идентифицируетъ тюркство съ кочевничествомъ, что, конечно, по меньшей мѣрѣ странно; еще болѣе странно сопоставленіе понятій: «окончательная гибель» и «существенное пересозданіе», какъ равносильныхъ. Замѣтимъ еще, что далеко не всѣ отдѣлы книги разработаны съ одинаковою тщательностью. Въ то время, какъ описанія средне-азіатскихъ народовъ дышатъ свѣжестью и силою и истинно Вамберовскимъ талантомъ, народы, мало извѣстные автору, описаны компилятивнымъ способомъ по весьма немногимъ источникамъ: таковы отдѣлы о сибирскихъ древностяхъ, о сибирскихъ инородцахъ, о крымскихъ и казанскихъ татарахъ и т. д. Мы можемъ смѣло сказать, что авторъ, замѣтно щеголяющій русскими источниками, сильно обогатилъ бы эти отдѣлы, если бы принялъ во вниманіе хотя бы однѣ только извѣстія Императорскаго русскаго географическаго Общества и его Отдѣловъ. Конечно, это послѣднее замѣчаніе касается русскихъ читателей или вообще людей, знакомыхъ съ русской научной литературой; для западнаго читателя, котораго Вамбери имѣлъ въ виду, упомянутые отдѣлы представляютъ во всякомъ случаѣ много новаго. На ряду съ высоко-интересными главами о средне-азіатскихъ тюркахъ особеннаго вниманія заслуживаютъ чрезвычайно объективныя сужденія о европейскихъ тюркахъ (глава V). Въ общемъ книга Вамбери, не смотря на нѣкоторые ея недостатки, составляетъ важный и интересный вкладъ въ сокровищницу науки и по задачѣ своей, и по ея выполненію. Для русскаго читателя этотъ трудъ имѣетъ особенное и важное значеніе, такъ какъ почти половина всѣхъ тюркскихъ народовъ находится подъ властью Россіи. **Д-ръ Э. Петри.**

Henri Moser. «A travers l'Asie Centrale. Impressions de voyage». Ouvrage orné de plus de 170 gravures, dont 117 dessins de M. E. van Muyden et 16 héliotypies, avec une carte itinéraire. Paris. E. Plon, Nourrit et C°. 1886.

Книга Мозера является не только цѣннымъ вкладомъ въ среднеазіатскую литературу, но имѣетъ и политическое значеніе. Это талантливое и въ то же время объективное опроверженіе предразсудковъ, распространенныхъ на западѣ, благодаря стараніямъ Вамбери, Скай-

Digitized by Google

лера, Марвина и др., противъ русскихъ, какъ обладателей Средней Азіи. Три почти одновременно появившіяся книги: *Яворскаго* «Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарѣ»,—переведенное референтомъ на нѣмецкій языкъ и чрезвычайно тепло принятое на западѣ,—*Лансдэля*—«Русская Центральная Азія» и, наконецъ, названное сочиненіе *Мозера*, совершили до извѣстной степени благопріятный для Россіи переворотъ во взглядахъ западной публики на среднеазіатскій вопросъ. Мнѣніе автора нашей книги имѣетъ тѣмъ болѣе вѣса, что онъ является не новичкомъ въ Средней Азіи. Мозеръ совершилъ свое первое средне-азіатское путешествіе еще въ 1868—1869 году. При послѣднемъ своемъ путешествіи въ 1884 году онъ имѣлъ полную возможность сравнить состояніе Средней Азіи до окончательнаго утвержденія въ ней русскаго владычества съ ея теперешнимъ состояніемъ. Надобно замѣтить при этомъ, что Мозеръ, хотя отнюдь и не научный изслѣдователь и никакихъ претензій на научность, подобно Лансдэлю, не предъявляетъ, но, всетаки, ловкій и опытный наблюдатель. Книга Мозера, имѣющая колоссальный сбытъ за границею и, какъ намъ извѣстно, уже переводящаяся на нѣмецкій языкъ, написана популярно, не безъ остроумія и переполнена интереснѣйшими эпизодами изъ путешествія автора; успѣху ея, конечно, немало содѣйствовали многочисленные, удачно выбранные, рисунки. Мы не можемъ не присоединиться къ выраженному уже въ русской прессѣ желанію, чтобы книга Мозера была переведена и на русскій языкъ.

Д-ръ Э. Петри.

Proben der Volkslitteratur der nördlichen Türkischen Stämme, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff. Der dialect der Kara-Kirgisen. S.-Pt. 1885. (Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ, собранные и переведенные д-ромъ В. Радловымъ. Нарѣчіе кара-киргизовъ. Спб. 1885).

Эта книга является продолженіемъ изданныхъ академіей наукъ въ 1866, 1868, 1870 и 1872 годахъ образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ, живущихъ въ южной Сибири и Дзюнгарской степи. Переводъ подлинника на нѣмецкій языкъ стихотворнымъ размѣромъ сдѣланъ мастерски. Въ книгѣ заключается весьма обширное эпическое произведеніе, подъ названіемъ Манасъ (больше 12,000 стиховъ), затѣмъ Илой-ханъ, Ерь-Тёштюкъ и, наконецъ, 4 небольшія пѣсни. Народная словесность кара-киргизовъ находится еще въ періодѣ эпическаго творчества; всѣ эпизоды, такъ или иначе, связываются съ именемъ героя Манаса. Сборники подобнаго рода имѣютъ не только спеціальное значеніе, но и представляютъ цѣнный и интересный матеріалъ для исторіи словесности вообще.

Очерки сѣверо-западной Монголіи. Результаты путешествія, исполненнаго въ 1879—1880 годахъ по порученію Императорскаго русскаго географическаго Общества членомъ-сотрудникомъ онаго Г. Н. Потаниным. Выпускъ III.

Выпускъ этотъ появился послѣ IV тома, уже изданнаго и извѣстнаго подъ именемъ собранія этнографическихъ матеріаловъ г. Потанина, которые

Digitized by Google

въ свое время обратили вниманіе богатствомъ легендъ. Настоящій томъ составляетъ дневникъ путешествія съ географическимъ отчетомъ и матеріалами для физической географіи и топографіи сѣверо-западной Монголіи. Къ этому тому приложена топографическая карта Монголіи и 4 таблицы рисунковъ. Прекрасная топографическая карта, какъ результатъ этого путешествія, вполнѣ освѣщаетъ мѣста доселѣ неизвѣстныя. Кромѣ дневника и подробнаго естественно-историческаго описанія, путешественникъ съ свойственной ему добросовѣстно детальной обработкой предмета присоединилъ массу географическихъ свѣдѣній изъ источниковъ китайскихъ. Переводы сдѣланы профессоромъ Васильевымъ. Не распространяясь о научномъ значеніи этого труда, должно сказать, что онъ будетъ полезенъ для всѣхъ, кто въ Сибири имѣетъ постоянныя сношенія съ Монголіей.

Записки восточнаго Отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго Общества, т. I, вып. I, 1886 г., изд. подъ редакціей барона В. Р. Розена.

Въ этомъ выпускѣ обновленныхъ записокъ восточнаго Отдѣленія помѣщена, кромѣ протоколовъ, статья А. Позднѣева о «Китайской пайцзѣ», найденной въ Минусинскомъ округѣ въ 1884 году; затѣмъ «Арабскія сказанія о пораженіи Романа Діогена Али-Арсланомъ», статья бар. В. Розена и друг. Здѣсь же напечатано сообщеніе объ открытіяхъ докторомъ Поярковымъ токмакскихъ древностей и извѣстіе о разборѣ надписей, произведенномъ проф. Хвольсономъ.

Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго Общества, т. XXI, выпускъ 6, 1885, и 7-й, 1886. Въ 6-мъ выпускѣ заслуживаетъ вниманія статья С. К. Кузнецова «Остатки язычества у черемисъ». Статья г. Кузнецова посвящена весьма обстоятельному изученію сохранившагося шаманства у черемисъ, причемъ онъ дѣлаетъ интересныя сравненія съ проявленіемъ шаманизма у алтайцевъ и черневыхъ татаръ. Изъ его очерка можно заключить, что у черемисъ сохраняются лишь остатки шаманства, которое во многомъ преобразилось у нихъ подъ вліяніемъ обрусѣнія. Въ томъ же выпускѣ помѣщено «Изслѣдованіе среди поволжскихъ инородцевъ» К. Гейкеля и письма изъ экспедиціи Н. М. Пржевальскаго, Г. Н. Потанина и Грумъ-Гржимайло изъ Памира. Въ 8-мъ выпускѣ находится гео-ботаническое изслѣдованіе въ калмыцкой степи Краснова и статья г. Ядринцева «Уменьшеніе водъ въ арало-каспійской низменности» съ картою озеръ Чановъ, Сумъ и Абышкана. Карта, сдѣланная схематически, представляетъ постепенное уменьшеніе и исчезновеніе озеръ почти за столѣтіе.

Э. Гранстремъ. Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи, путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878 — 1880 г. Спб. 1885.

Небольшая (159 стр. in 8°) книжка Гранстрема, живо и интересно написанная, касается только эпизодической стороны путешествія Норденшельда, не сообщая астрономическихъ, геологическихъ и другихъ

Digitized by Google

научныхъ данныхъ, пріобрѣтенныхъ во время этого полярнаго путешествія, хотя изъ текста видно, что таковыя собирались весьма усердно. Читателямъ, желающимъ познакомиться съ эпизодической стороной путешествія, эта книжка, прекрасно изданная, вполнѣ можетъ дать требуемое. Къ тому же она снабжена недурными рисунками (числомъ до 40), поясняющими текстъ, и портретомъ Норденшельда.

Россія дальняго Востока. Франца Шперка. Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества, т. XIV, 1885.

Научную литературу объ Амурскомъ краѣ можно поздравить съ весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Книга, заглавіе которой нами только что приведено, заслуживаетъ особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что изданіе ея совпало съ окончаніемъ первой четверти вѣка существованія Амурскаго края, какъ владѣнія русскаго народа. Хотя 25-лѣтній періодъ сравнительно небольшой, но, всетаки, достаточный для того, чтобы оглянуться назадъ, провѣрить прошлое и критически отнестись къ настоящему. Для этой цѣли книга Шперка представляетъ хорошее средство. Надо замѣтить, что литература объ амурской сторонѣ сравнительно очень богата, въ чемъ можно убѣдиться по особой библіографіи, касающейся этого края, составленной г. Буссе, но вся эта литература, за исключеніемъ нѣсколькихъ капитальныхъ и притомъ спеціальныхъ трудовъ, разбросана по разнымъ журналамъ, мало доступнымъ мѣстному читателю. Докторъ Шперкъ, коснувшись въ своей книгѣ всѣхъ сторонъ этого далекаго края: его топо-оро-гидрографіи, климата, флоры, фауны, населенія и жизни въ его настоящемъ и прошломъ, взялъ въ основу всю предшествовавшую литературу, присоединивъ къ ней свои личныя наблюденія. Пользованіе литературными источниками, судя по ссылкамъ, которыя авторъ дѣлаетъ особо въ каждомъ отдѣлѣ, весьма обстоятельно, а потому книга его является какъ бы эссенціей всего того, что писалось объ Амурѣ, и имѣетъ при этомъ значеніе справочной книги. Нѣтъ сомнѣнія, что въ книгѣ есть и слабыя мѣста, особенно замѣтныя въ нѣкоторыхъ экономическихъ выводахъ автора, но они не представляютъ большой важности, въ виду добросовѣстно сгруппированнаго матеріала. Остается пожалѣть одно только: это—поздній выходъ въ свѣтъ книги, такъ какъ главный матеріалъ относится къ періоду времени до 1878 года и только нѣкоторый до 1882, а въ такомъ краю, какъ Амурскій, это имѣетъ громадное значеніе: край новый и въ немъ цифровыя данныя должны быть болѣе чѣмъ гдѣ либо измѣнчивы.

Матеріалы для статистики населенія въ забайкальскомъ казачьемъ войскѣ, собранные изъ данныхъ, доставленныхъ переписью, произведенною 1-го января 1883 года. Выпуски 1, 2, 3 и 4. Чита и Иркутскъ. 1884 и 1885.

Предъ нами лежатъ четыре объемистыхъ выпуска солиднаго труда, предпринятаго генералъ-маіоромъ генеральнаго штаба В. К. Андріевичемъ. Въ свое время редакція «Восточнаго Обозрѣнія» о первыхъ двухъ выпускахъ дала реценэію, теперь же представляется возмож-

Digitized by Google

ность сказать въ общемъ о всемъ трудѣ, хотя онъ, какъ видно, далеко еще не доведенъ до конца, но по вышедшимъ выпускамъ можно составить о немъ болѣе или менѣе опредѣленное понятіе. Всѣ четыре выпуска главнымъ образомъ заключаютъ цифровыя данныя по разнымъ отдѣламъ и представляютъ богатый статистическій матеріалъ, въ достовѣрности котораго не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ въ основу его взяты тщательно составленные посемейные списки. Всѣ свѣдѣнія, хотя и составлялись станичными властями, но, благодаря печатнымъ формамъ, простотѣ ихъ и объяснительной инструкціи, вполнѣ удовлетворяютъ своей цѣли. Въ вышедшихъ выпускахъ заключаются слѣдующіе матеріалы: о посемейномъ бытѣ населенія; о рабочей и служилой силѣ казачества; объ одержимыхъ физическими недостатками; о распредѣленіи населенія по сословіямъ и по вѣроисповѣданіямъ; о числѣ лицъ, знающихъ ремесла и занимающихся чѣмъ либо помимо хлѣбопашества, и, наконецъ, четвертый выпускъ заключаетъ въ себѣ 42 таблицы распредѣленія населенія по возрастамъ. Изъ этого перечня читатель уже видитъ, что много сдѣлано и многаго еще не достаетъ. Къ каждому выпуску почтенный составитель труда предпосылаетъ нѣсколько словъ, заключающихъ бѣглые выводы изъ обработанныхъ цифровыхъ матеріаловъ. Выводы автора служатъ свидѣтельствомъ о его прекрасномъ знаніи быта забайкальскихъ казаковъ, хотя мы и могли бы указать на нѣкоторыя погрѣшности, но рамки настоящей рецензіи не позволяютъ намъ сдѣлать это, да и самъ авторъ не выдаетъ своихъ выводовъ за непреложныя истины. «Ограничиваюсь сдѣланными общими выводами,—говоритъ онъ,—въ той надеждѣ, что они могутъ послужить, такъ сказать, конспектомъ для дальнѣйшихъ, болѣе подробныхъ разработокъ затронутыхъ вопросовъ людьми, интересующимися Забайкальемъ и ближе стоящими къ забайкальскому войску, чѣмъ я». Мы отъ души можемъ поздравить забайкальское казачество съ пріобрѣтеніемъ такого цѣннаго статистическаго труда, какого не имѣетъ ни одно населеніе въ Сибири. На сибирской почвѣ такъ рѣдки еще подобные зрѣлые плоды.

Трудъ главнымъ образомъ былъ предназначенъ для реорганизаціи казачества, какъ войска, имѣющаго играть первую роль въ случаѣ столкновенія нашего съ Китаемъ. Этой цѣли безусловно удовлетворяютъ вышедшіе выпуски; остается только пожелать, чтобы почтенный составитель продолжилъ трудъ далѣе и представилъ бы данныя для реорганизаціи забайкальскаго казачества, какъ гражданскаго элемента. Мы уже не разъ указывали на многое, о чемъ слѣдовало бы давно подумать. Въ заключеніе долгъ обязываетъ сказать, что въ прекрасномъ своемъ дѣлѣ В. К. Андріевичъ встрѣтилъ немало препятствій, иногда и неособенно красиваго свойства. Говорятъ, были дѣлаемы попытки набросить тѣнь негодности на матеріалы, но это свидѣтельствуетъ только объ особенной недалекости лицъ, говорящихъ подобныя слова о трудахъ, которые могутъ сами постоять за себя. Мы будемъ надѣяться, что энергія составителя не ослабнетъ, и онъ окончитъ свой трудъ.

Digitized by Google

Пособіе для написанія исторіи Забайкалья. В. К. Андріевичъ. Иркутскъ. 1885.

Мы только что говорили о четырехъ томахъ статистическаго труда В. К. Андріевича; теперь приходится сказать еще о пятомъ, заглавіе котораго нами выписсано выше. Этотъ трудъ, составляющій книгу въ 158 стр., находится въ связи съ первыми и, такъ сказать, вытекаетъ изъ нихъ. Составитель статистики забайкальскаго казачества въ программѣ своего труда, между прочимъ, имѣлъ въ виду составленіе исторіи казачества; но, принявъ во вниманіе, что исторія забайкальскихъ казаковъ тѣсно связана съ исторіею всего населенія Забайкалья, онъ нашелъ цѣлесообразнымъ приступить къ начертанію общей исторіи. Выпущенный имъ трудъ не есть оригинальный, явившійся результатомъ разработки сырыхъ матеріаловъ,—это, такъ сказать, обзоръ прошлаго со дня прихода русскихъ въ Забайкальскій край до начала XVIII столѣтія, обстоятельно составленный по «Полному собранію законовъ» и по доступнымъ литературнымъ трудамъ. Подобнымъ «пособіемъ» авторъ хотѣлъ показать, что̀ извѣстно до сего времени изъ исторіи Забайкалья, и затѣмъ приступить уже къ разработкѣ архивныхъ матеріаловъ, но, къ сожалѣнію, въ пожаръ Иркутска архивы въ этомъ городѣ истреблены, селенгинскій и кяхтинскій архивы пересланы въ Москву, нерчинскій исчезъ, вслѣдствіе отсутствія заботы о немъ; архивъ же областнаго штаба и войсковаго хозяйственнаго правленія содержатъ дѣла сравнительно недавнихъ лѣтъ. Намъ извѣстно, что В. К. Андріевичъ предполагалъ продолжать работу въ архивахъ Москвы и Петербурга, но, говорятъ, едва ли это состоится. Весьма будетъ жаль, если почтенный авторъ не приведетъ къ концу своего труда. Иркутскъ не представляетъ удобствъ къ успѣшному окончанію этого дѣла даже по имѣющимся даннымъ въ литературѣ, такъ какъ и по приведенному перечню трудовъ, которыми пользовался составитель, не видно указаній на многія, весьма цѣнныя сочиненія, касающіяся Забайкальской стороны.

Результаты сибирской нивеллировки, произведенной въ 1875—1876 году отъ станицы Звѣриноголовской до озера Байкала. По порученію совѣта Общества, обработалъ дѣйствительный членъ В. Фусъ. (Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества по общей географіи, томъ XV, № 1, изданный подъ редакціею А. А. Тилло). Спб., 1885, 44 стр., съ двумя таблицами профилей и одною картой.

Въ 1871 году академикъ Г. И. Вильдъ обратилъ вниманіе метеорологической коммиссіи, состоящей при Отдѣленіи физической географіи Императорскаго русскаго географическаго Общества на то, что всѣ высоты въ Сибири и Восточной Азіи, опредѣленныя барометрически, весьма неточны, по неизвѣстности законовъ измѣненія давленія воздуха внутри материка; имѣя же хотя бы одну линію точно опредѣленныхъ высотъ, можно будетъ барометрически опредѣлить высоту мѣстъ, лежащихъ по обѣ ея стороны, и что поэтому нивеллировка отъ Урала до Байкала, или до Восточнаго океана имѣла бы большое

Digitized by Google

значеніе. Какъ метеорологическая комиссія, такъ и Отдѣленія географіи физической и математической отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому предложенію и выбрали комиссію для разработки вопроса о пользѣ такой нивеллировки и о средствахъ, необходимыхъ для выполненія ея. Комиссія эта высказала слѣдующее относительно научнаго значенія предполагаемой нивеллировки.

Важное значеніе этой нивеллировки относительно *метеорологіи* заключается въ томъ, что она доставитъ возможность приводить высоты барометра, наблюденныя въ разныхъ пунктахъ Сибири, къ уровню моря, чѣмъ достигнется познаніе объ абсолютномъ распредѣленіи давленія атмосферы въ Средней Азіи; распредѣленіе атмосферныхъ давленій есть непосредственная причина всѣхъ воздушныхъ теченій, отъ которыхъ зависятъ всѣ остальныя метеорологическія явленія; между тѣмъ, вслѣдствіе неизвѣстности высотъ мѣстъ наблюденій, сомнѣніе въ величинѣ абсолютныхъ давленій атмосферы надъ уровнемъ моря для Средней Азіи доходитъ до *двухъ* дюймовъ. Для *топографіи* и *орографіи* Азіи опредѣленіе абсолютной величины барометрическихъ высотъ также будетъ имѣть громадное значеніе, такъ какъ при одномъ только барометрическомъ опредѣленіи высотъ возможны ошибки въ 1,000 футъ. Далѣе данныя, добытыя при этой нивеллировкѣ, не останутся безъ извѣстнаго вліянія при разрѣшеніи какъ нѣкоторыхъ научныхъ вопросовъ, касающихся области геологіи, ботаники и зоологіи, такъ и нѣкоторыхъ чисто практическихъ вопросовъ.

Въ виду такого важнаго значенія этой нивеллировки и громаднаго протяженія около 3,000 в. отъ Урала и только до Байкала, комиссія полагала, что нивеллировка должна быть произведена два раза, впередъ и назадъ, для того, чтобы результаты ея были достаточно надежными. При такихъ условіяхъ комиссія сочла необходимымъ расходомъ на производство нивеллировки 16,000 рублей и самую работу предполагала распредѣлить на два года.

Хотя совѣтъ Общества и отнесся сочувственно къ докладу комиссіи, но, вѣроятно, вопросъ такъ и заглохъ бы или былъ бы отложенъ въ долгій ящикъ, за недостаткомъ средствъ, если бы на помощь Обществу вскорѣ же не откликнулась частная иниціатива: благодаря пожертвованіямъ А. П. Варшавскаго, М. К. Сидорова и С. С. Полякова, въ 1875 году въ распоряженіи Общества для производства сибирской нивеллировки имѣлся капиталъ въ 8,830 рублей. Это счастливое обстоятельство наряду съ удачнымъ предложеніемъ А. А. Тилло произвести нивеллировку по швейцарскому способу, примѣненному уже у насъ при арало-каспійской нивеллировкѣ и дающему весьма надежные результаты и при нивеллированіи одинъ разъ, дало возможность обществу приступить къ работѣ въ томъ же 1875 году. Рѣшено было принять за начало нивеллированія станицу Звѣриноголовскую Оренбурскаго каз. войска, крайнюю восточную точку, высота которой была опредѣлена тригонометрически; линію вести до Иркутска по почтовому тракту и раздѣлить ее на 5 участковъ, предоставивъ каждый изъ нихъ одному лицу, для того, чтобъ окончить работу въ одно лѣто. На первыхъ 4-хъ западныхъ участкахъ работа

Digitized by Google

была произведена подъ руководствомъ инженера путей сообщенія Н. В. Мешкова, участника арало-каспійской нивеллировки, хорошо знакомаго съ швейцарскимъ способомъ; на пятомъ же участкѣ—частію учителемъ иркутской гимназіи Ф. Ф. Миллеромъ, частію подъ руководствомъ полковника Большева на средства окружнаго штаба Восточной Сибири.

Небольшая книжка, заглавіе которой мы выписали, заключаетъ въ себѣ результаты обработки громаднаго матеріала, добытаго при нивеллированіи. Здѣсь послѣ описанія инструментовъ, которыми производилась работа, изложенія пріемовъ наблюденія и ихъ провѣрки приведены въ рядѣ таблицъ абсолютныя высоты надъ уровнемъ моря тѣхъ мѣстъ, гдѣ были производимы наблюденія. Всѣ эти результаты потомъ представлены графически: въ концѣ на двухъ таблицахъ данъ профиль Сибири отъ станицы Звѣриноголовской до озера Байкала въ масштабѣ для горизонтальныхъ разстояній — 10 верстъ и для высотъ— 20 саж. въ одномъ англійскомъ дюймѣ. Отъ станицы Звѣриноголовской, находящейся на высотѣ 45,9 саж. надъ уровнемъ моря, почва къ востоку вплоть до самаго Байкала постепенно повышается и уровень Байкала около с. Лиственичнаго достигаетъ 223 саж. абсолютной высоты. При ближайшемъ разсматриваніи этого профиля все пространство это раздѣляется на три плато, постепенно къ востоку возвышающихся одинъ надъ другимъ. Первое отъ станицы Звѣриноголовской простирается на 1,700 верстъ къ востоку; высота его колеблется отъ 40 саженей въ долинахъ рѣкъ до 100 саженей на болѣе выдающихся пунктахъ. Второе плато отъ деревни Сусловой Маріинскаго округа простирается къ востоку, постепенно возвышаясь, на 800 верстъ до рѣчки *Камышетъ*, въ Нижнеудинскомъ округѣ; наименьшая высота этого плато въ долинахъ рѣкъ около 100 слишкомъ саженъ (только уровень Енисея около Красноярска равенъ 64 саж.), болѣе же возвышенные пункты достигаютъ 150—200 саж. Третье плато простирается отъ рѣчки Камышетъ, въ Нижнеудинскомъ округѣ, на разстояніи почти 600 верстъ до озера Байкала. Абсолютныя высоты въ долинахъ рѣкъ этого плато достигаютъ 200 саж., болѣе же выдающіеся пункты 250—300 саженъ надъ уровнемъ моря. Эти выводы изъ данныхъ нивеллировки какъ разъ совпадаютъ съ тѣми хотя и общими представленіями, какія мы имѣемъ о геологическомъ строеніи Сибири: болѣе низкія части, какъ первое плато, захватывающее всю Западную Сибирь, покрыты новѣйшими образованіями, возвышенныя же части, т. е. Восточная Сибирь до Байкала, сложены изъ породъ древнѣйшаго происхожденія.

Нельзя не привѣтствовать этой работы, выполненной географическимъ Обществомъ, какъ начала и прочнаго основанія для дальнѣйшаго болѣе глубокаго и разносторонняго изученія Сибири въ физико-географическомъ отношеніи.

Я. М.

Digitized by Google

О золотопромышленности изъ сочиненія «Gold, its Occurence and Extraction» А. Локка. Извлеченіе горнаго инженера **С. И. Серебренникова.** Статья первая. **Мѣсторожденія золота.** («Горный Журналъ», 1885 г., книги 11-я и 12-я).

Человѣкъ всегда боролся съ природою, всегда стремился подчинить себѣ ея стихійныя силы и заставить ихъ работать въ свою пользу, или, когда это было невозможно, старался изучить, по крайней мѣрѣ, законы ихъ дѣйствія и пользоваться результатами ихъ дѣятельности. Если можно было вѣтеръ изъ опаснаго врага на морѣ обратить въ своего покорнаго слугу, если страшную и разрушительную силу пара можно было заставить перевозить себя съ одного мѣста на другое, поднимать и переносить громадныя тяжести и приготовлять для человѣка ткани, одежду и проч., то нельзя заставить тѣ же силы природы приготовить сколько намъ угодно каменнаго угля, желѣзныхъ, мѣдныхъ рудъ и проч. Въ этомъ случаѣ мы можемъ пользоваться только готовымъ запасомъ природныхъ богатствъ, не будучи въ состояніи увеличить абсолютнаго количества ихъ, выигрывая здѣсь только на раціональной эксплоатаціи и уменьшеніи расходовъ по разработкѣ. Золото всегда играло большую роль въ жизни человѣческихъ обществъ и какъ продуктъ потребленія, и какъ средство обмѣна. Открытіе богатыхъ мѣсторожденій золота въ Южной Америкѣ, Калифорніи, Австраліи, Сибири имѣло извѣстное вліяніе на экономическую жизнь современныхъ народовъ и финансовую политику европейскихъ государствъ. Понятны, поэтому, та погоня за золотомъ, горячіе поиски его, какіе охватывали людей вслѣдъ за открытіемъ какого либо богатаго мѣсторожденія его. Не зная ничего ни о происхожденіи золота, ни объ условіяхъ залеганія его, люди на ощупь, въ потемкахъ бродили въ поискахъ за нимъ, и, растративъ громадныя средства большинство не добивалось никакого результата. Немудрено, если при такомъ положеніи дѣла выигрывали только отдѣльныя лица, обществу же эта золотая лихорадка приносила одинъ только вредъ, отрывая народъ отъ серьезнаго труда и тѣмъ деморализируя его. Только правильная раціональная, эксплоатація мѣсторожденій золота выведетъ золотопромышленность съ этого ложнаго пути, а наступитъ она только тогда, когда будетъ рѣшенъ наукою вопросъ о происхожденіи золота; только тогда можно будетъ знать, гдѣ искать золото и какъ искать его; только тогда золотопромышленность не будетъ носить характера азартной игры, какой она имѣетъ теперь, и только тогда она можетъ стать въ ряду необходимыхъ и полезныхъ отраслей народной промышленности, какою стали желѣзная, мѣдная и каменноугольная промышленность. Вывести золотопромышленность на этотъ истинный путь — задача ученыхъ и образованныхъ техниковъ. Въ Америкѣ и Австраліи, гдѣ около золотопромышленнаго дѣла стоятъ образованные люди, гдѣ мѣсторожденія золота хорошо изслѣдованы въ геологическомъ отношеніи, существуетъ объ немъ богатая оригинальная литература. Познакомить съ однимъ изъ крупныхъ произведеній этой литературы, сочиненіемъ *А. Локка.* и задался цѣлью г. *Серебренниковъ.* Пока вышла только первая часть работы: «О мѣсторожденіяхъ золота», содержаніе

Digitized by Google

которой мы и изложимъ въ немногихъ словахъ для интересующихся этимъ вопросомъ читателей.

Существуетъ двѣ гипотезы относительно происхожденія мѣсторожденій золота. Одна принимаетъ для него огненное происхожденіе, т. е., что жильныя породы, въ которыхъ оно встрѣчается, были доставлены на поверхность изъ нѣдръ земли въ расплавленномъ огненно-жидкомъ состояніи; вмѣстѣ съ ними, изъ внутренности земли было доставлено и золото въ парообразномъ состояніи, которое и осѣло впослѣдствіи среди этихъ жилъ въ видѣ листочковъ, ниточекъ и проч. на болѣе охлажденныхъ частяхъ. Поэтому золото и можетъ быть находимо только въ такихъ коренныхъ мѣсторожденіяхъ и въ розсыпяхъ, происшедшихъ механическимъ путемъ при разрушеніи ихъ. Другая гипотеза, болѣе поддерживаемая въ настоящее время, принимаетъ осадочное происхожденіе изъ растворовъ какъ для жильнаго золота, такъ и для встрѣчающагося въ розсыпяхъ. Золото, по этому ученію, всюду распространено въ природѣ—оно заключается даже въ морской водѣ; такъ *Зонштадтъ* произвелъ рядъ изслѣдованій надъ водою залива Рамси и нашелъ, что въ одной тоннѣ содержится золота около 1 грана, или цѣнностію въ 1 долларъ на каждыя 25 тоннъ воды; золото найдено было также г. *Дентри* въ рудничныхъ водахъ. Далѣе многочисленными опытами *Дентри*, *Вилькинсона* и друг. выяснено, что золото изъ растворовъ своихъ солей возстановляется въ присутствіи органическаго вещества, вокругъ котораго оно и осаждается въ металлическомъ видѣ. Что эти же процессы совершаются и въ лабораторіи природы, доказывается нахожденіемъ золота въ деревянныхъ рудничныхъ крѣпяхъ, при такихъ условіяхъ, гдѣ механическое занесеніе его туда было невозможно. Все это показываетъ, что золото играетъ такую же роль въ процессахъ минеральной жизни горныхъ породъ, какая принадлежитъ, напримѣръ, и желѣзу; вода, растворивъ его, переноситъ съ суши въ море, а тамъ оно, осаждаясь въ присутствіи органическаго вещества на дно морское, выступаетъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ поднятіемъ дна снова на поверхность земли. Разсѣянное по лицу земли повсюду, въ крайне ничтожныхъ, неуловимыхъ химическимъ анализомъ количествахъ, благодаря метаморфизму горныхъ породъ, при благопріятныхъ условіяхъ золото, иногда также совмѣстно съ другими металлами, концентрируется или въ настоящихъ жилахъ, содержащихъ его иногда до 50%, или отлагается въ кварцевыхъ жилахъ, или же, наконецъ, встрѣчая на своемъ пути уже готовыя розсыпи золота, происшедшія механическимъ путемъ, обогащаетъ ихъ, выдѣляясь изъ раствора и осаждаясь на небольшихъ зернышкахъ золота и тѣмъ увеличивая ихъ въ размѣрѣ. Только такимъ путемъ, безъ натяжекъ, можно объяснить нахожденіе въ розсыпяхъ громадныхъ по вѣсу самородковъ золота и болѣе высокую пробу шлиховаго сравнительно съ пробою жильнаго золота.

Характеръ и размѣры нашей замѣтки не позволяютъ далѣе остановиться на этомъ вопросѣ и привести дальнѣйшія основанія и доводы pro и contra той или другой изъ этихъ гипотезъ. Интересующіеся могутъ найдти ихъ въ книгѣ г. *Серебренникова*. Нельзя не замѣтить

Digitized by Google

только, что окончательное принятіе той или другой изъ нихъ зависитъ еще отъ дальнѣйшихъ наблюденій въ полѣ и опытовъ въ лабораторіи. Чѣмъ разностороннѣе будутъ эти наблюденія, чѣмъ въ большемъ количествѣ мѣстностей они будутъ произведены, тѣмъ скорѣе вопросъ и можетъ быть рѣшенъ положительно въ пользу той или другой изъ нихъ.

Сибирь, съ ея массою золотоносныхъ розсыпей, представляетъ въ этомъ отношеніи богатое поле для наблюденій. Поэтому-то мы и обращаемъ вниманіе нашихъ золотопромышленниковъ и людей, близко стоящихъ къ этому дѣлу, на статью г. *Серебренникова*, гдѣ они могутъ познакомиться хотя въ извлеченіи съ работами по этому вопросу иностранныхъ геологовъ, такъ какъ въ нашей, русской, литературѣ совсѣмъ нѣтъ самостоятельныхъ работъ, касающихся его. Жаль только, что г. *Серебренниковъ* не переработалъ систематически сочиненія *А. Ложка*, а то его статья мѣстами носитъ отрывочный характеръ, и читатель часто теряетъ поэтому мысль, которая развивалась ранѣе; какъ на примѣръ этого, можно указать на страницы 8—12; этимъ же обусловливается повтореніе одного и того же нѣсколько разъ; нельзя не поставить въ упрекъ также употребленія терминовъ, значенія которыхъ ранѣе авторъ не объяснилъ, и неточности языка; все это ограничитъ, къ сожалѣнію, кругъ читателей его книги. Въ заключеніе нельзя не указать на курьёзъ, случившійся съ редакціей «Горнаго Журнала», на страницахъ котораго статья г. *Серебренникова* была первоначально напечатана. Работа профессора Ньюберри о генезисѣ и распредѣленіи золота, изложеніе которой у г. Серебренникова заняло стр. 51—60, была напечатана почти дословно на страницахъ того же журнала въ 1882 году, VI книгѣ, стр. 337—350! **Я. М.**

Записки западно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества. Книжка VII. Вып. I. Путешествіе на озеро Балхашъ и въ Семирѣченскую область, Никольскаго, и о находкахъ предметовъ каменнаго періода близъ города Тюмени, Словцова. Вып. II. Отчетъ западно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества за 1884 годъ. Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Отдѣла за 1884 годъ.—Киргизы, этнологическій очеркъ, Зеланда.—Путевыя замѣтки объ озерѣ Сартланѣ, Дьяконова.—Смѣсь: Мѣсторожденіе каменнаго угля въ окрестностяхъ Зайсанскаго поста, Игнатьева. О теплой травѣ, Соломина. Наблюденія изъ жизни насѣкомыхъ, Путилова. Нѣсколько словъ о сорныхъ травахъ хлѣбныхъ растеній, Гольде.

Слѣдя за выдающимися работами западно-сибирскаго Отдѣла географическаго Общества, мы въ свое время давали отчеты о всѣхъ его экспедиціяхъ. Двѣ новыя книги «Записокъ» обогатились отчетомъ г. Никольскаго объ экспедиціи на озеро Балхашъ, снаряженной Отдѣломъ, и блестящими работами И. Я. Словцова, представившаго обстоятельный отчетъ о раскопкахъ и находкахъ, сдѣланныхъ имъ близъ озера Андреевскаго. Это—любопытное и счастливое открытіе остатковъ каменнаго вѣка въ Сибири, множество рисунковъ орудій и посуды ил-

Digitized by Google

люстрируетъ этотъ отчетъ. Къ сожалѣнію, напрасно Отдѣлъ поскупился и предпочелъ мѣстную литографію, сдѣлавшую рисунки очень слабо. Открытіе каменнаго вѣка и рядомъ описаніе продуктовъ гончарнаго дѣла этой эпохи представляетъ огромный научный интересъ и составляетъ важный вкладъ для мѣстной археологіи. Этнографическій очеркъ о киргизахъ Зеланда представляетъ болѣе интереса своимъ антропологическимъ матеріаломъ. Изслѣдованія г. Дьяконова о Сартланѣ подтвердили фактъ уменьшенія и обмелѣнія озеръ сибирской низменности, уже констатированный вообще на Чанскихъ озерахъ. Изъ отчетовъ и протоколовъ засѣданій Отдѣла видѣнъ рядъ вопросовъ, обсуждавшихся Отдѣломъ и намѣчаемыхъ имъ экспедицій. Въ числѣ этихъ экспедицій и изслѣдованій заслуживаютъ вниманія поѣздка г. Адріанова, его раскопки, экспедиція г. Клеменца въ Минусинскомъ округѣ и другія предпріятія. Изъ матеріаловъ, собранныхъ о бытѣ и жизни крестьянства, готовятся къ печатанію въ «Запискахъ» очерки и изслѣдованія г. Петропавловскаго въ Ишимскомъ округѣ. Нельзя не замѣтить, что въ Отдѣлѣ накопляется все болѣе цѣннаго матеріала, и въ этомъ отношеніи дѣятельность его для края приноситъ неоцѣненную заслугу. Поэтому высказанныя сѣтованія въ его засѣданіяхъ о томъ, что наука не удовлетворяетъ практической жизни, едва ли имѣли смыслъ. Отдѣлъ, какъ представитель науки въ Сибири, долженъ давать мѣсто всѣмъ отраслямъ знанія, и съ этой точки зрѣнія будетъ оцѣниваться его широкое и плодотворное научное значеніе.

Извѣстія восточно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества. Томъ XVI, №№ 1, 2 и 3 1885 г. Иркутскъ 1886 года. Содержаніе: 1. Краткій отчетъ о геологическихъ экскурсіяхъ, совершенныхъ на средства восточно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества въ 1883 и 1884 годахъ. В. Златковскаго. 2. Поѣздка въ Монголію Я. П. Дуброва, гл. XIV—XXII. 3. Естественно-историческія наблюденія и замѣтки, дѣланныя на пути отъ г. Иркутска до с. Преображенскаго на рѣкѣ Нижней Тунгускѣ. 4. Разныя извѣстія: Пища якутовъ. — Могила Карабаяна.—Письмо Г. Н. Потанина на имя В. П. Сукачева изъ Саньчуаня.

Прежде всего извѣстія восточно-сибирскаго Отдѣла измѣнили съ этого года форматъ и вмѣсто ливрезоновъ начали выходить книжками. Перемѣну эту мы находимъ къ лучшему. Большая часть книжки занята статьей г. Дуброва (214 страницъ). Въ этомъ географическомъ дневникѣ найдется немало интереснаго для географа и этнографа, хотя, къ сожалѣнію, это дневникъ, весьма мало обработанный и представляющій сырой матеріалъ. Намъ кажется, что матеріалъ этотъ гораздо болѣе выигралъ бы, если бы подвергся предварительной обработкѣ.

Со вступленіемъ Отдѣла въ новый фазисъ дѣятельности подъ руководствомъ новаго предсѣдателя и секретаря М. Я. Писарева, будемъ ожидать, что составъ книжекъ улучшится и дѣятельность Отдѣла оживится.

Digitized by Google

Библіографическій списокъ книгъ и брошюръ О Сибири за 1884—1885 и 1886 годъ до 1-го апрѣля.

Реклю, Э. Земля и люди. Всеобщая географія. VII. Восточная Азія: Китайская имперія, Корея и Японія. Съ 19 рис. и карт. Спб., 1885. Ц. 8 р.

Реклю, Э. Земля и люди. Всеобщая географія. VIII. Индія и Индо-Китай. Спб. 1885.

Романовскій, Г. Матеріалы для геологіи Туркестанскаго края. Вып. 2-й Историческая геологія: палеонтологическій характеръ осадочныхъ образованій западнаго Тянь-Шаня и Туранской низменности. Спб., 1884.

Отчетъ о засѣданіяхъ Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, по вопросу о сибирской желѣзной дорогѣ. Спб.

Памятники древней письменности и искусства. Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ, сочиненное Новицкимъ въ 1715 году. Издалъ Л. Майковъ. Спб. 1884.

Аврамовъ, В. Очеркъ золотопромышленности Олекмы. Барнаулъ. 1884. Ц. 2 р.

Сибирская желѣзная дорога. Возраженіе противникамъ и защита нижегородско-екатеринбургскаго направленія.

Соединеніе Россіи съ Сибирью. Краткій сводъ данныхъ для направленія самаро-уфимскаго. Спб. 1884. Ц. 1 р.

Б—ій, Н. Сибирская желѣзная дорога съ точки зрѣнія государственной, экономической, купца Милютина. Казань. 1884.

Записки уральскаго Общества любителей естествознанія. Т. VII. Вып. 4. Екатеринбургъ. 1884.

Туркестанская справочная книга съ календаремъ на 1885 годъ. Ташкентъ. 1884. Ц. 1 р.

Фейгинъ, В. Докладная записка о мѣрахъ къ увеличенію русскаго населенія въ Приморской области и развитію въ ней рынка для сбыта произведеній русской промышленности въ Китай, Японію и Корею. Спб. 1884.

Эвальдъ, Э. Сводъ экономическихъ соображеній о сибирской желѣзной дорогѣ. Спб. 1884.

Венюковъ, П. Н. О нѣкоторыхъ базальтахъ Сѣверной Азіи. (Изъ геологическаго кабинета С.-Петербургскаго университета). Спб. 1884.

Августовскій, И. Обь-енисейскій соединительный путь и значеніе водянаго сообщенія отъ Байкала до Оби, съ картою. Спб. 1885.

Алтай и его минеральныя богатства. Народное чтеніе кіевскаго Общества грамотности. Кіевъ. 1885.

Б. Л. А. Подъ Кульджей. Изъ воспоминаній походной жизни въ Средней Азіи. Харьковъ. 1885. Ц. 50 к.

Восточно-сибирскій календарь на 1885 годъ, съ приложеніемъ рисунковъ. Иркутскъ. 1884.

Сѣверо-западная Сибирь и народы, въ ней кочующіе. Народное чтеніе кіевскаго Общества грамотности. Кіевъ. 1885.

Лукинъ, А. Будущія желѣзныя дороги изъ Европейской Россіи въ Азію. Спб. 1885.

Digitized by Google

Клеръ, О. Замѣтки о нѣкоторыхъ доисторическихъ предметахъ, найденныхъ въ Уральскомъ краѣ. Екатеринбургъ. 1884.

Олѣсовъ, В. Сборникъ пословицъ и поговорокъ, записанныхъ въ Камышловскомъ уѣздѣ. Екатеринбургъ. 1884.

Первое дополненіе къ «Сборнику поговорокъ и пословицъ Олѣсова» Екатеринбургъ. 1884.

Сорокинъ, Н. Матеріалы для флоры Средней Азіи. М. 1884.

Бѣляевъ, А. Воспоминанія декабриста.

Блюммеръ, Л. П. На Алтаѣ.

Амуръ и Уссурійскій край. Съ портретомъ гр. Муравьева-Амурскаго. Спб. 1885. Ц. 30 к.

Серповскій, Н. Переселенія въ Россіи въ древнее и новое время и ихъ значеніе въ хозяйствѣ страны. Ярославль. 1885.

Записки надворнаго совѣтника А. Филиппеуса о Камчаткѣ и портахъ Охотскаго моря. Спб. 1885.

Ефимовъ, И. Хозяйство И. В. Ефимова близь Томска. Спб. 1885.

Вопросы православной миссіи въ Сибири.

Субботинъ. Россія и Англія на среднеазіатскихъ рынкахъ. Спб. 1885. Ц. 75 к.

Штукенбергъ. Матеріалы для изученія фауны девонскихъ осадковъ Сибири. Казань. 1885.

Амурскій и Уссурійскій край. М. 1885.

Очеркъ Афганистана съ картами юго-западной Туркменіи и Афганистана. Спб. 1886.

Стрѣлокъ и Чистое Серебро. Богатырская поэма минусинскихъ тюрковъ. Перевелъ Катановъ. Спб. 1885.

Тобольскъ. Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII ст. М. 1885.

Вашкевичъ, В. Мамонты въ Восточной Сибири. Спб. 1885.

Гранстремъ, Э. Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 гг., съ портретомъ и рисунками. Спб.

Потанинъ, Г. Н. Очерки сѣверо-западной Монголіи. Спб. 1885.

Юргенсъ, Н. Экспедиція къ устью рѣки Лены съ 1881 по 1885 годъ. Спб. 1885.

Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Собраны В. Радловымъ. Часть 5-я. Нарѣчіе дикокаменныхъ киргизовъ. Спб. 1885.

Сибирскіе мотивы. Спб. 1886.

Параша Сибирячка, романъ въ 4-хъ частяхъ изъ временъ сказочныхъ. М. 1886.

Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка. 2 тт. Спб. 1882 и 1885 Ц. 4 р.

Лисневскій, В. Горные лѣса Ферганской области. Спб. 1885.

Шренкъ, Л. Объ экспедиціи, снаряженной Императорской академіей наукъ на Новосибирскіе острова и въ Пріянскій край. Спб. 1885.

Мегъ, С. Центральная Азія. М. 1886.

Digitized by Google

Союзы киргизъ-кайсаковъ. Историческій очеркъ. Спб. 1886.

Мушкетовъ, И. Туркестанъ. Геологическое и орографическое описаніе по даннымъ, собраннымъ во время путешествія съ 1874 по 1880 годъ. Спб. 1886.

Сланцовъ, А. И. Рѣка Аму-Дарья и древнее соединеніе ея съ Каспійскимъ моремъ.

Памятная книжка Томской губерніи на 1885 годъ. Изданіе томскаго статистическаго комитета. Томскъ. 1886. Ц. 2 р.

Чудновскій, С. Енисейская губернія къ трехсотлѣтнему юбилею Сибири. Статистическо-экономическій этюдъ. Томскъ. 1885.

Гильдеръ, У. Во льдахъ и снѣгахъ. Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. Съ 57 гравюрами. Переводъ В. Н. Майнова. 276 стр. 8°. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Сибирскіе города. Матеріалы для ихъ исторіи XVII и XVIII столѣтій. Нерчинскъ. Селенгинскъ. Якутскъ. 146 стр. 4°. М. 1886.

Васильевъ, Е. Горнозаводская производительность Россіи въ 1883 году. Составлена по оффиціальнымъ источникамъ. Спб. 1885. 473 стр. 8°.

Digitized by Google

СИБИРСКІЙ СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціею Н. М. Ядринцева.

Приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію“

1886 г.

КНИГА II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39).
1886.

Digitized by Google

Въ Редакціи „ВОСТОЧНАГО ОБОЗРѢНІЯ“

(С.-Петербургъ, Кавалергардская, д. 20, кв. 3).

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

А. К. ЯРОСЛАВЦЕВА:

Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ сказки Конёкъ-Горбунокъ. Біографическія воспоминанія университетскаго товарища, съ приложеніемъ портрета. С.-Петербургъ, 1872 г. Цѣна 1 руб. **Продается въ пользу Томской безплатной народной библіотеки.**

„СИБИРСКІЕ МОТИВЫ“.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе. — Въ Сибири, Омулевскаго. — Я снамъ не вѣрю, но порой, его-же.—Если ты странствуешь, путникъ, его-же.—Сибирь (на открытіе сибирскаго университета въ Томскѣ), С. Фруга. — Счастливый сонъ, Омулевскаго. — Къ родинѣ, П. Кожевникова. — Родина, Семилужинскаго.—Къ родинѣ, А. Эпова. — Вѣчно томимый завѣтной кручиною, Стрѣтенскаго. — Барабинская степь. Омулевскаго. — При разливѣ Оби, его-же.— На берегахъ Енисея, его-же.—Бирюсинскій лѣсъ, его-же.—Между Томскомъ и Иркутскомъ, его-же.—Ангарская греза, его-же —Близь границъ Монголіи, его-же.—Байкальская осень, С. Москвина.—Алтай, Д. Садовникова.—Сибирскія святки, Омулевскаго.—Сибирякъ, его-же.—Зимній путь, Н. Огарева. – Пустыня, Н. Д.—Въ лѣсу, его-же.—Переселенцы. С. Москвина.—Залетныя птицы, Омулевскаго.—Колодники, А. Толстаго.—Посланіе въ Сибирь, А. Пушкина.—Жена каторжника (изъ Барри Корнэля).—На дальней родинѣ моей, Омулевскаго — Изъ поэмы «Дѣдушка», Н. Некрасова —Балаганъ, Семилужинскаго.—Ермакъ Тимофеевичъ.—Ермакъ взялъ Сибирь (изъ древне-россійскихъ стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ).—Стрѣла, Д. Садовникова.—Три брата, его-же.—Саатырь, А. Марлинскаго. – Отрывки изъ поэмы: Войнаровскій, К. Рылѣева.—Далекій край, М. Розенгейма.—Камчадалъ, Омулевскаго.—Къ бурятке, Ѳ. Баульдауфа.—Вѣтрянка, Семилужинскаго.—Черемуха. В. Михѣева.—Красная лилія, его-же.—Какъ бы жизнь ни шла сурово, Омулевскаго.—Сибирская колыбельная пѣснь, его-же.—Дума Сибиряка, С. Бердяева.—Посвященіе дочери, Омулевскаго.—Къ молодому поколѣнію, его-же.—Подростающимъ землячкамъ, его-же – На новый годъ, его-же.—Оборванныя струны, его-же.—Пройдутъ года и ты, страна родная, его-же.

С.-Петербургъ, 1886 г. Ц. 20 коп., съ перес. 25. заказн. 33 коп.

Изданіе И. М. Сибирякова.

Всѣ деньги, полученныя за продажу этой книги, предназначены въ пользу семьи покойнаго поэта И. В. Омулевскаго (Федорова). Книга выпущена въ количествѣ 5,000 экземпляровъ.

Н. И. Наумова:

„ВЪ ЗАБЫТОМЪ КРАЮ“,

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ СИБИРСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Для подписчиковъ „ВОСТОЧНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ 60% уступки и пересылка безплатно.

Digitized by Google

СИБИРСКІЙ

СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціею Н. М. Ядринцева.

Приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію“

1886 г.

КНИГА II.

[illegible]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39).
1886.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 го Августа 1886 года.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Книга II-я, 1886 г.

стр.

I. Сибирскіе мученики. (Очерки жизни пріисковыхъ рабочихъ). Искатели счастья. — Наёмка. **С. А. Стрѣтенскаго** 1

II. На обѣтованныхъ земляхъ. (Изъ путешествія по Алтаю). **Н. М. Ядринцева.** 36

III. Ермакъ Тимоѳеевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа. Статья II-я. (Окончаніе). **А. В. Оксенова.** 44

IV. Схема исторіи сибирской общины. **Н. Е. Петропавловскаго.** 62

V. Сибирь какъ колонія. (Сообщеніе въ Вост.-Швейц. географ. Общ.). Профессора д-ра **Э. Петри.** 83

VI. Современная жизнь Сибири и ея нужды. **К. М.** . . . 99

VII. Поѣздка въ Ачунъ-нанцзунъ, монастырь урджянистовъ. **Г. Н. Потанина.** 136

VIII. Критика и библіографія: Атаманъ волжскихъ разбойниковъ Ермакъ, князь сибирскій. Истор. романъ изъ временъ Іоанна Грознаго. Соч. Н. Чмырева. Въ 4-хъ частяхъ. Москва. 1884. **А. О.** — Черные богатыри. Жизнь рудокоповъ подъ землей. Е. Конради. Съ 55 рисунками. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1885. Забытый рудникъ. Разсказъ В. И. Немировича-Данченко. Москва. 1884. **А. К.** — Бабья доля (разсказъ крестьянки). **К. М.**—Историческій очеркъ Сибири. Т. II. Сост. В. К. Андріевичъ. **К. М.** — Матеріалы для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ. Вып. I. Матеріальное право. Изд. Семипалатинскаго статистическаго комитета. 1886. **К. М.**— Перечень западно-европейскихъ сочиненій объ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи за 1884 и 1885 гг. **Э. Петри.**—Дополнительный списокъ книгъ, картъ и брошюръ о Сибири и сопредѣльныхъ странахъ, изд. въ 1884 г. 166

IX. Проектъ устава сибирско-уральской научно-промышленной выставки и программы ея отдѣловъ. 185

Рисунки:

1) Видъ зданія Сибирскаго университета въ Томскѣ.
2) Портретъ Григорія Николаевича Потанина.

Digitized by Google

Digitized by Google

. ихъ.

ъ на без-
по широ-
горый при
серебро и
отрѣть на
два замѣт-
оверхности
ахъ степи.
ь и неза-
днымъ го-
какого жи-
и какою-то

ександровичъ
рь» состоялъ
дій, которыми
ласности слу-
и, касавшіяся
газеты передо-
ты и дороги»,
крестьянъ въ
спеціальныхъ
аставленіи для
за 1878 годъ,
щее описаніе
енской глуши,
несла уже не-

Digitized by Google

НАУЧНА
БИБЛИОТ
УНИВЕРСИ

Digitized by Google

СИБИРСКІЕ МУЧЕНИКИ *).

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ ПРІИСКОВЫХЪ РАБОЧИХЪ.

Искатели счастія.

На дворѣ февраль мѣсяцъ. Солнце ярко блеститъ на безоблачномъ голубомъ небѣ; рѣзкій вѣтерокъ несется по широкой степи, покрытой сплошнымъ слоемъ снѣга, который при блескѣ солнечныхъ лучей сіяетъ какъ полированное серебро и переливается цвѣтами радуги... Больно глазамъ смотрѣть на это безконечное море блеска... Проѣзжая дорога едва замѣтною, матовою лентой тянется по этой блестящей поверхности и скрывается гдѣ-то далеко въ плоскихъ перевалахъ степи. Широко раскинулась привольная, безлюдная степь и незамѣтно для глаза слилась вдали съ зеленовато-блѣднымъ горизонтомъ... Не видно ни жилья человѣческаго, никакого живаго существа среди этого безконечнаго простора, и какою-то

*) Авторъ настоящаго разсказа, священникъ Сергѣй Александровичъ Стрѣтенскій, нынѣ уже умершій, съ основанія газеты «Сибирь» состоялъ постояннымъ ея сотрудникомъ. Помимо мелкихъ корреспонденцій, которыми онъ неистощимо снабжалъ редакцію о разныхъ требовавшихъ гласности случаяхъ въ жизни Ачинскаго округа, многія его серьезныя статьи, касавшіяся мѣстныхъ экономическихъ вопросовъ, занимали на страницахъ газеты передовыя мѣста и обращали на себя вниманіе; таковы, напр., «На мосты и дороги», «Золотая лихорадка», «Своимъ судомъ», «Экономическій бытъ крестьянъ въ Ачинскомъ округѣ» и другія. Кромѣ того, онъ участвовалъ въ спеціальныхъ органахъ духовной литературы: въ «Современности» и въ «Наставленіи для сельскихъ пастырей». Помѣщенныя въ послѣднемъ журналѣ, за 1878 годъ, его «Записки сельскаго священника» представляютъ подавляющее описаніе тяжелой жизни интеллигентнаго русскаго священника въ деревенской глуши, рядомъ съ бытовыми сторонами этой глуши, жизни, которая унесла уже не-

Digitized by Google

сиротливостью и грустью вѣетъ отъ этой мертвой, холодной пустыни... Пролетитъ порой воронъ, степной нелюдимъ, надъ этою пустыней и уныло прокаркаетъ свои жалобы, что нѣтъ ему добычи въ этомъ пустынномъ царствѣ; на нѣсколько мгновеній огласится степь его унылымъ крикомъ, и опять наступитъ тишина ненарушимая, тишина мертвая...

Но вотъ картина измѣняется: изъ оврага на пригорокъ поднимаются четыре пѣшехода. По наружному виду все простой народъ—крестьяне. Одинъ пожилой, низенькаго роста, съ бородою, на половину посѣдѣвшею, и трое молодыхъ. У каждаго за спиною котомка и въ рукахъ палка. Пѣшеходы идутъ бойко, точно торопятся куда-то, чтобъ не опоздать, и снѣгъ скрипитъ подъ ихъ тяжелыми шагами, и этотъ скрипъ рѣзко и звучно раздается въ морозномъ воздухѣ.

— Будемъ ли мы къ Алексѣву дню на мѣстѣ?—сказалъ одинъ изъ молодыхъ пѣшеходовъ.

— Къ Алексѣву?—переспросилъ старикъ:—ранѣе будемъ... Завтра отправка, ну, черезъ недѣлю будемъ въ Енисейскѣ... А въ Енисейскѣ што? Повѣрятъ партію да и маршъ на прійски—держать не будутъ, потому теперича самая работа—турфа скрывать...

— Попытаемъ счастья: што-то Богъ дастъ... говорилъ другой молодой парень.

мало жертвъ изъ просторнаго ряда русскихъ мыслителей и гнетъ которой покойный втеченіе 17 лѣтъ выносилъ на себѣ.

Сынъ ачинскаго соборнаго протоіерея, маститаго, всѣми уважаемаго старца, С. А., окончивъ курсъ въ Томской семинаріи, три года состоялъ преподавателемъ при Томскомъ духовномъ училищѣ, и въ 1863 году, по желанію родителя, посвятилъ себя служенію церкви. Какъ ни была тяжела для него эта карьера, какъ ни расходилась она съ его внутреннимъ строемъ,—онъ всегда относился къ ней честно и добросовѣстно, заслуживъ любовь и полное уваженіе прихожанъ примѣрнымъ безкорыстіемъ и тою теплою душевною добротою, которая была по истинѣ присуща его христіанско-поэтической натурѣ. Да инымъ онъ и не могъ быть! Музыкантъ, живописецъ, поэтъ, человѣкъ съ запасомъ научныхъ знаній и съ эстетическимъ чутьемъ, онъ всегда горячо сочувствовалъ близкому его сердцу сибирскому населенію. Его любовь къ своей родинѣ Сибири была безгранична. Свидѣтельствомъ этого чувства служатъ его статьи и нѣсколько оставленныхъ имъ стихотвореній.

С. А. умеръ въ селѣ Николаевскомъ, Ачинскаго округа, 20 января 1880 года.

Digitized by Google

— Да, попытка не пытка, спросъ не бѣда!—замѣтилъ старикъ:—Оно конешно, человѣку непьющему оченно можно ходить на пріиска, потому—деньги!... А нашъ, примѣрно, братъ што? Пришелъ изъ тайги въ Енисейскъ, дорвался до этого винища, ну, и прощай Москва, золотыя маковки... Да гдѣ, иной разъ до Енисейска не дойдешь—все спустишь: только изъ тайги носъ покажешь, а тебя ужъ ждутъ архаровцы, напоятъ да оберутъ и ступай домой легче пуху, чище хрусталя... Вотъ оно што! А все вино!...

— А я такъ зарокъ далъ: снималъ икону со стѣны, штобъ не пить до тѣхъ поръ, покуда приду домой,—замѣтилъ одинъ изъ пѣшеходовъ.

— Нѣтъ, ты, Андрюха, не зарекайся,—наставительно началъ старикъ:—потому што отъ хозяевъ порція положена: значитъ, надо выпить съ трудовъ... Тамъ человѣку нельзя не выпить, потому самому, што нутренность не вытерпитъ натуга, а труды-то тамъ, ой, ой, ой!...—И старикъ грустно покачалъ головой.

— За то вѣдь ужъ и деньги даютъ, дядя Ефремъ!

— Оно деньги-то деньги, конечное дѣло,—оживленно заговорилъ дядя Ефремъ:—а если еще фартъ послужитъ, таракашковъ *) наберешь малую толику, да съумѣешь ихъ выволочь на бѣлый свѣтъ, оно вѣдь дѣло-то выйдетъ малина!—и Ефремъ весело захихикалъ.

— А какъ самородку найдешь?—спросилъ молодой пѣшеходъ.

— А коли самородку Богъ дастъ—въ контору не носи... Нѣтъ, избави Богъ, потому хозяева плохо платятъ нашему брату, лучше всего продавай на сторону, а то въ Енисейскъ волоки. Въ жиломъ мѣстѣ, я вамъ скажу, такой обычай: гдѣ только есть лавочка али какая вывѣска—смѣло иди, тамъ купятъ золото; нашего брата, пріискателя, тамъ ужъ знаютъ...

Ефремъ взялъ подъ мышку свою палку, досталъ изъ-за пазухи коротенькую трубку, набилъ ее табакомъ и началъ глубокомысленно высѣкать огнивомъ огонь.

---

*) Таракашками пріисковые рабочіе называютъ не особенно крупныя зерна золота. *Авт.*

Digitized by Google

— Да и надуваютъ же нашего брата эти покупатели,—какъ бы про себя началъ старикъ:—а все жиды больше... Охъ, ужъ это анаѳемское племя! Такъ его, братцы мои, и бьетъ лихорадка, какъ увидитъ онъ это самое золото.

Старикъ нервически быстро началъ сосать чубукъ своей трубки; синяя струйка дыма понеслась за вѣтромъ и въ воздухѣ сильно запахло загорѣвшимся трутомъ и махоркой.

— Какія вѣдь штуки дѣлаютъ эти бестіи, уму непостижно! Однажды они обработали одного приказчика *). Жидъ посулился купить у этого молодца хапаное золото, а самъ не будь дуракъ, далъ знать другимъ жидамъ: будетъ де пожива — держите ухо востро!... А въ Ѳедосѣевскѣ ихъ столько, что ни въ одной собакѣ столько блохъ нѣту. Хорошо. Наступила ночь, приказчикъ шасть къ своему жиду, штобы сдать золото и разсчитаться. Начали вѣсить. Вдругъ откуда ни возьмись полиція.—«Отворяй, пархъ жидовскій!»—кричитъ за дверью приставъ.—«Вей, вей!»—закричалъ хозяинъ:—«полиція! сто мы будемъ дѣлать, Босе мой! пропали мы съ насимъ золотомъ!...» Приказчикъ хотѣлъ прыгнуть въ окошко, да нѣтъ, братъ, стой!—кругомъ солдаты... Дѣлать нечего: отворилъ жидъ двери, притворился, што испугался на смерть—трясется... Полиція вошла, все какъ водится, чиновникъ какъ есть. Сейчасъ къ приказчику съ вопросомъ: что за человѣкъ? зачѣмъ здѣсь? подай письменный видъ... и пошелъ придираться!... Говорили, говорили, вдругъ чиновникъ подходитъ къ столу:—«Что у васъ на столѣ покрыто скатертью?» посмотрѣлъ—золото... «Ахъ, вы такіе, сякіе мошенники! Въ часть ихъ!» Приказчикъ туда—сюда, въ ноги чиновнику: помилосердуйте ради малыхъ дѣтей. Все возьмите, только пустите... «Врешь, мошеникъ этакой, у тебя еще вѣрно есть золото! Обыскать его!» Обыскали, съ сотню денегъ нашли, и ихъ взяли, да потомъ и выгнали въ шею вонъ изъ дома. А вся эта полиція, братцы мои, были наряженные жиды. Вотъ они, шельмы-то каковы! — и Ефремъ далеко отплюнулъ въ сторону. Спутники его громко смѣялись.

---

*) Всякаго служащаго на пріискахъ въ Сибири называютъ приказчикомъ. *Авт.*

Digitized by Google

— Нѣтъ, ужъ если Богъ дастъ, што и попадетъ въ руки, съ жидами дѣловъ никакихъ не имѣйте—одно слово, народъ проклятый...

Эти четыре пѣшехода были искатели счастія, отправившіеся на пріиски наживать деньги и спѣшившіе теперь въ село Иваново—на сборный пунктъ всей нанятой въ окрестностяхъ партіи. Они всѣ были изъ одного села Озернова.

Ефремъ былъ поселенецъ, жившій уже въ Сибири лѣтъ двадцать. Онъ неопустительно каждый годъ ходилъ на золотые пріиски, но втеченіе двадцати лѣтъ ни разу не приносилъ домой и двадцати грошей. Онъ былъ поселенецъ-бобыль, безъ роду и племени, какихъ въ Сибири многое множество, не имѣлъ ни кола, ни двора, и, какъ слѣдуетъ бобылю, былъ горчайшая пьяница. Зимою онъ занимался портняжествомъ—шилъ крестьянскія шубы, и все, что заработывалъ, пропивалъ съ хозяевами же. Односельцы за это любили Ефрема и наперерывъ звали его шить и чинить шубы. Зимою же Ефремъ бралъ задаточныя деньги, нанявшись на пріисковую работу, и, прокутивъ ихъ, въ началѣ весны отправлялся въ тайгу и цѣлое лѣто ломалъ тамъ свои старыя кости въ тяжкой земляной работѣ. Такимъ порядкомъ, однажды установленнымъ, шла жизнь его двадцать лѣтъ.

Одинъ изъ молодыхъ пѣшеходовъ былъ крестьянинъ села Озернова, Андрей Хворостовъ. Это былъ дѣтина лѣтъ двадцати семи, бѣлокурый, плечистый, съ умнымъ, добродушнымъ лицемъ и кроткими сѣрыми глазами.

Восьми лѣтъ остался онъ сиротой отъ отца. Мать его, хотя и молодою осталась послѣ мужа, но вслѣдствіе болѣзни не могла выйдти замужъ, такъ и осталась навсегда вдовою съ малолѣтними дѣтьми Андреемъ и дочкою Дарьею. Все, что осталось отъ покойнаго мужа, было прожито, и Андрей съ восьмилѣтняго возраста пошелъ по чужимъ людямъ мыкать свое сиротское горе и промышлять для больной матери и малой сестры скудный хлѣбъ. Незавидно житье сибирскаго батрака. Много надо здоровья, терпѣнья и труда, чтобъ за-

Digitized by Google

воевать втеченіе многихъ лѣтъ самостоятельную жизнь. Много прольется пота и слезъ на чужой работѣ, прежде чѣмъ батракъ возьмется за свою собственную соху... Малолѣтніе работники, такъ называемые «борноволоки», обыкновенно не получаютъ никакой денежной платы, а работаютъ изъ-за одежды и обуви да ничтожнаго количества хлѣба, получаемаго отцемъ или матерью. Съ годами назначается плата деньгами, которая рѣдко бываетъ болѣе 30 — 40 рублей въ годъ; это уже получаетъ настоящій, взрослый работникъ.

И вотъ около двадцати лѣтъ Андрей переходилъ отъ одного хозяина къ другому и, всетаки, при ничтожной годовой платѣ, не нажилъ ничего: ни сохи, ни бороны, ни коня-пахаря. Вся годовая плата хозяина шла на подати да на разныя общественныя повинности, на обувь да на одежду, да на прокормленіе матери и сестры. Думалъ, думалъ Андрей о своемъ житьѣ и началъ совѣтоваться съ матерью: какъ бы зажить своимъ домишкомъ, завести лошаденокъ да рогатую скотину, а потомъ какъ нибудь жениться. Думали, думали, и не выдумали ничего. Всѣ ихъ думы оканчивались тѣмъ, что нужны на все деньги, а ихъ не было... Въ это время поселенецъ Ефремъ вышелъ съ пріисковъ и разсказывалъ, какъ хорошо наживаются тамъ люди, не пьющіе водки, и что, живя съ умомъ, можно вынести оттуда деньжонки порядочныя. Андрея соблазнила мысль попытать счастья на пріискахъ, и онъ сталъ просить благословенья у старухи матери.

— Задатки возьму я, матушка, да свадьбу сдѣлаемъ; съ невѣсткой жить тебѣ будетъ веселѣе, пока лѣто буду я работать, а какъ по осени вынесу деньжонокъ, тогда и скота заведемъ...

Долго не соглашалась старуха на предложенія сына.

— Какой есть путящій человѣкъ, што на рудники идетъ работать, посуди ты самъ, мое дитятко,—говорила она.

— Все равно, матушка, и здѣсь работаю я, не цвѣты цвѣтутъ на насъ; такъ весь вѣкъ промаешься—ни за собой, ни передъ собой, а тамъ все же што нибудь и заработаю полишнѣе...

— Оно такъ, Андрюшинька, да, боюсь я, вино-то проклятое загубитъ твою головушку...

Digitized by Google

— Нѣтъ, этого не бойся, матушка; вотъ тебѣ образъ, икона святая, што капли вина пить не буду.—И Андрей снялъ съ божницы почернѣвшую икону, набожно перекрестился и поцѣловалъ ее.

— Вотъ, видишь, матушка, черезъ икону Господню божусь, что пить не буду.

— Ступай съ Богомъ, дитятко; я съ тебя воли не снимаю... Охъ, останусь я, спрота горькая, одна одинешенька... запричитала старуха.

— Полно, матушка, вѣдь не на смерть же ходятъ туда люди: вонъ дядя Ефремъ двадцать годовъ ходилъ на рудники, все ничего, живъ-здоровъ.

— Я бы все ничего,—сквозь слезы говорила старуха:—да боюсь, не потратилъ бы ты тамъ свою головушку...

— Все Богъ, матушка, и здѣсь рукъ не подставишь, какъ придетъ воля Божія...

У Андрея была въ деревнѣ зазноба, крестьянская дѣвица Катя Воркунова. Давно они любили другъ друга, да не на что было Андрею сыграть свадьбу. Теперь эта завѣтная мечта парня казалась ему исполнимою. Въ этотъ же вечеръ Андрей успѣлъ повидаться съ своей Катей и передать ей о своемъ намѣреніи идти на пріиски. Поплакала дѣвка, но утѣшилась, что скоро они обвѣнчаются съ Андреемъ и заживутъ своимъ домишкомъ. Повидался Андрей и съ Ефремомъ, и они уговорились вмѣстѣ идти въ Иваново брать «задатки».

— Вѣдь и Сенька Перстовъ хочетъ идти со мной,—говорилъ Ефремъ.

— Неужели?

— Право-слово. Онъ самъ говорилъ мнѣ: тятько, говоритъ, посылаетъ на рудники—пойду. Попытаю, говоритъ, счастья.

— Вотъ такъ! Значитъ весело намъ будетъ...

— Ничего, не робѣй, ребята, со мной не пропадете—я старый воробей, всю тайгу знаю, какъ свои пять пальцевъ. Двадцать первой разъ съ вами пойду, коли Богъ грѣхамъ потерпитъ...

Второй молодой, высокій, смуглый и сухощавый парень и былъ Семенъ Перстовъ.

Digitized by Google

Семенъ Перстовъ былъ тоже крестьянскій сынъ. Отецъ его, Степанъ Перстовъ, низенькій, худенькій мужичекъ, былъ бѣднѣйшій изъ бѣднѣйшихъ озерновскихъ крестьянъ. Онъ былъ, такъ сказать, какой-то особенно нелюбимый пасынокъ природы. Горькая судьба неотразимо тяготѣла всю жизнь надъ его домомъ, и въ силу этого неотразимаго тяготѣнія жизнь для него была злѣе всякой злой мачихи. Эта злая судьба, какъ будто нарочито, разсчитанно, преслѣдовала именно его, Степана Перстова, и, обходя другихъ, на немъ одномъ вымещала какое-то тайное, невѣдомое озлобленіе. Она, злая судьба, не давала ни въ чемъ неповинному Степану Перстову ни одной капли радости, ни одного свѣтлаго, радостнаго дня... Исключая, разумѣется, изъ этого тѣ очень рѣдкіе случаи фальшивой радости и фальшиваго веселья, когда напьется Степанъ досыта даровaго общественнаго вина... Тогда встрепенется вся его придавленная горемъ фигура. Словно хочетъ Степанъ разомъ сбросить съ плечъ своихъ всю многолѣтнюю обузу горя, и запляшетъ онъ противъ кабака въ присядку, на потѣху честной компаніи. Треплются его жиденькіе волосы, какъ-то странно трясется на немъ вся въ заплатахъ, разорванная въ клочья, одежонка... Онъ и плачетъ, и смѣется, и поетъ пѣсни, и проклинаетъ свое горькое житье.

Отъ всѣхъ бѣдняковъ Степанъ Перстовъ отличался тѣмъ, что не могъ никакимъ способомъ развести никакой скотины: ни коней, ни коровъ, ни овецъ, ни даже свиней, какъ ни безцеремонно это племя относительно ухода... Купитъ лошадь—поработаетъ съ годъ, и лошадь, ни съ того, ни съ сего, околѣетъ; купитъ корову—на тотъ разъ явится чума или «сибирка», и коровы какъ не бывало. Съ овцами и свиньями происходила та же исторія.

Всѣ эти злоключенія Степанъ объяснялъ тѣмъ, что домъ его *не на мѣстѣ*. И вотъ на седьмое мѣсто онъ перетащилъ свою убогую хату, а счастья все нѣтъ какъ нѣтъ. Призывалъ онъ и знахарей, и ворожей, поилъ ихъ виномъ на послѣдніе гроши, и тѣ тоже говорили, что домъ *не на мѣстѣ* и что мѣсто всему дѣлу голова. И по совѣту знахарей, и по собственному убѣжденію, переселялся Степанъ съ одного мѣста на

Digitized by Google

другое; ломалъ и коверкалъ при перестройкѣ свою ветхую избушку. Выбрасывалъ изъ нея изгнившія, никуда негодныя бревна, но не замѣнялъ ихъ новыми, и вотъ на седьмомъ мѣстѣ дворецъ его оказался только въ два аршина вышины. Посмотрѣлъ Степанъ на свою хоромину, покачалъ головой, подумалъ...

— Ничего, глубже въ землю подадимся: оно ребятамъ теплѣе будетъ, и въ землѣ продувать не будетъ...

Успокоивъ себя, Степанъ мысленно рѣшилъ, что и этого лѣсу хватитъ еще на двѣ, на три перестройки.

Зимою на седьмомъ мѣстѣ пропала кобыла, а корову, которая шлялась за деревней, подбирая разсоренное сѣно, задавили волки.

Озерновскіе старики не разъ говорили Степану:

— Что ты, дядя Степанъ, таскаешь свою избушку съ мѣста на мѣсто—проку въ этомъ не будетъ! Ты бы хоть какой ни на есть дворишко сдѣлалъ, хоть бы изъ хвороста сплелъ, а то гдѣ же тутъ жить скотинѣ? У тебя дворы-то свѣтомъ Божьимъ горожены, а небомъ крыты... Нѣтъ сердешной скотинѣ никакой защиты ни отъ пурги, ни отъ мороза, ни отъ слякоти... Этакъ-то ни въ жизнь не разведешь скотины, хоть десять разъ переѣзжай съ мѣста на мѣсто.

— Ничего, ничего, милый человѣкъ,—отвѣчалъ Степанъ,—вотъ, Богъ дастъ, какъ поправлюсь на новомъ мѣстѣ дворы заведу изъ пиленаго лѣсу, а хлѣвы какіе удеру—на моху! вотъ какъ! только бы поправиться Богъ привелъ...

Въ искупленіе всѣхъ бѣдъ и несчастій судьба надѣлила Степана крѣпкою вѣрою въ лучшее будущее. Во всей деревнѣ не было, кажется, человѣка, который бы такъ крѣпко вѣрилъ въ свое будущее счастье, какъ вѣрилъ въ него именно онъ, горемыка Степанъ Перстовъ.

«Ничего, ничего, поправимся, Богъ дастъ!»

Эти слова обратились въ деревнѣ въ поговорку.

Бывало, когда пустится въ плясъ крѣпко вышившій Степанъ, мужики смѣются надъ нимъ.

— Что, дядя Степанъ, аль на новосельѣ пляшешь?—Степанъ

Digitized by Google

остановится, оботретъ грязной рукой катящійся по лицу потъ и тихо заговоритъ:

— Ничего, ничего, милый человѣкъ, поправимся, Богъ дастъ, поправимся!...

И пуще прежняго начнетъ онъ съ какимъ-то неистовствомъ вывертывать свои неуклюжія ноги, какъ будто эта воображаемая поправа была у него подъ самымъ носомъ.

Къ довершенію всѣхъ бѣдъ и злоключеній, Степана одолѣвала громадная семья. Сынъ у него былъ одинъ Семенъ, лѣтъ двадцати слишкомъ, а остальные домочадцы принадлежали къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода и ихъ насчитывалось шесть человѣкъ: старшей дочери было пятнадцать лѣтъ, а младшей шесть. Это была совершенно голодная, оборванная, полунагая семья, во главѣ которой стояла полуслѣпая, измученная работой и несчастіями, мать.

Видали Степановы сосѣди, какъ иногда лѣтнею порой кто нибудь изъ членовъ этой семьи занимался стиркою единственной рубахи. Стирка производилась обыкновенно во дворѣ,— если только можно назвать дворомъ пространство земли, огороженное въ двѣ жерди,—и безъ всякой церемоніи въ одеждѣ праматери Евы; это потому, что гардеробъ будущихъ красавицъ ограничивался единственнымъ экземпляромъ рубашки, сшитой изъ холста чуть не въ палецъ толщиною. По окончаніи стирки, рубашка вывѣшивалась тутъ же на жердяхъ забора— на солнышко, и, пока она сохла, стирающая скрывалась въ хатѣ.

На закатѣ солнца лѣтнею порой дѣти Степана, какъ птицы беззаботныя, усаживаются рядкомъ на жерди забора и поютъ, что есть силы, тоненькими, дѣтскими голосами веселыя пѣсни. Поютъ и любуются розовымъ блескомъ заходящаго солнца. Любуются, какъ оно золотитъ прощальными лучами безконечную степь, и наблюдаютъ, какъ дискъ его постепенно погружается въ землю... Багряною звѣздой догораютъ послѣдніе лучи заходящаго солнца на золоченомъ крестѣ сельской церкви; рѣютъ около него съ веселымъ щебетаньемъ рѣзвыя ласточки.

— Глянь-ко, Мотря, косаточки-то хресъ цѣлуютъ... указывая на крестъ, говоритъ семилѣтняя Груня шестилѣтней

Digitized by Google

Мотрѣ, и Мотря съ любопытствомъ устремляетъ свои голубые глазки на порхающихъ птичекъ...

И послѣ заката солнца долго еще пѣніе Степановыхъ ребятъ раздается въ тихомъ и теплomъ вечернемъ воздухѣ.

— Завтра день будетъ хорошій,—смѣются сосѣди: — Степановы птицы поютъ на заборѣ передъ вёдромъ.

Былъ и посильный трудъ у этой малолѣтней, горемычной Степановой семьи. Когда поспѣютъ въ сосѣдскихъ огородахъ овощи: огурцы, морковь, лукъ, картофель, рѣпа и т. п., для Степановыхъ ребятъ наступаетъ страдное время. Проводивъ, по обыкновенію, пѣніемъ заходящее солнце и выждавъ, когда деревня угомонится, юное поколѣніе, подъ предводительствомъ двѣнадцатилѣтней сестренки Ульки, отправляется въ экспедицію по огородамъ, съ цѣлію набрать елико возможно всякой огородной благодати. Только утромъ сосѣди замѣтятъ слѣды нашествія Степановыхъ ребятъ, которыхъ, въ этомъ отношеніи, вся деревня боялась, какъ огня. Они не такъ много крали плодовъ, какъ много портили грядъ и ломали изгородей, открывая, такимъ образомъ, свободный путь другимъ, не менѣе страшнымъ хищникамъ и раззорителямъ огородовъ—свиньямъ, которыя порѣшали уже съ огородами радикально, то есть уничтожали всякое прозябеніе.

Жаловались Степану на его ребятъ, а онъ въ отвѣтъ на жалобы снова затянетъ свою неизмѣнную пѣсню:

— Ничего, ничего, милый человѣкъ, Богъ дастъ, поправимся, не будутъ озорничать...

Плюнетъ «милый человѣкъ» чуть не въ самую всклоченную бороду Степана и пойдетъ прочь. Подстерегали иногда этихъ маленькихъ воришекъ и сѣкли ихъ крапивой на мѣстѣ преступленія, но сѣченіе не достигало благой цѣли. Высѣченные ночью воришки вечеромъ на другой день пѣли свои вечернія пѣсни, весело покачиваясь на жердяхъ, словно и не было съ ними въ прошедшую ночь никакихъ непріятностей, и выжидали снова успокоенія деревни, чтобъ отправиться въ опасную рекогносцировку.

Въ неурожайные годы вся семья отправлялась съ кошелями по міру православному и пропитывалась крохами, выпро-

Digitized by Google

шенными именемъ Христовымъ. Однажды самъ Степанъ, ради бѣдности своей, обманывалъ міръ крещеный—ѣздилъ въ дальнія деревни собирать на «погорѣлое». Мужики какъ-то узнали объ этомъ и долго шутили надъ нимъ, но Степанъ или упорно отмалчивался, или увѣрялъ, что просто собиралъ ради Христа, ради голодныхъ ребятишекъ.

Несчастіе съ коровой на новомъ, седьмомъ, мѣстѣ поколебало нѣсколько вѣру Степана въ блаженное будущее. Неотвязное требованіе податей и разныхъ повинностей и обѣщаніе за неуплату сѣчь нещадно привели горемычнаго Степана къ неизмѣнному намѣренію закабалить сына на «вольную каторгу».

Мрачный и угрюмый вошелъ онъ въ свою бѣдную избушку. Семенъ былъ дома.

— Сенька!—обратился къ сыну Степанъ:—ступай, бери задатки на прійски... Вишь, наше дѣло какое выходитъ, хоть въ петлю полѣзай!...

— Ну, такъ што, пожалуй, пойду — мнѣ все равно работать-то,—отвѣчалъ Семенъ, не оборачиваясь къ отцу и не отрываясь отъ своей работы: онъ едва ли не сотую заплату пришивалъ къ обшмыганному, развалившемуся броднишку.

— Вотъ Ефремка пойдетъ брать задатки, такъ и ты ступай съ нимъ... Надо подати отдать да купить конишка... А по осени, какъ выйдешь съ прійсковъ, такъ другова купимъ... Може, Богъ сжалится—не издохнутъ...

— Мнѣ все равно работать-то,—совершенно равнодушно отвѣтилъ Семенъ, ковыряя шиломъ бродень.

— Што здѣсь, — въ раздумьѣ говорилъ Степанъ:—вѣки вѣченскіе шляйся по работникамъ, а все какъ ты работникомъ былъ, такъ ты работникомъ и помереть должонъ... Ни въ жисть тебѣ вздоху не будетъ!...

Четвертый пѣшеходъ былъ молодой парень—лѣтъ двадцати, озерновскій же крестьянинъ Александръ Голубевъ. Не нужда заѣла его и гнала на пріиски, а разгульная жизнь и пьянство довели его до необходимости бросить отцовскій домъ и родное село и искать невѣдомаго счастія. Онъ присталъ къ своимъ товарищамъ случайно...

Digitized by Google

Былъ воскресный день, именно такой день, въ который россіянинъ, при первомъ ударѣ въ колоколъ къ заутрени, считаетъ своею обязанностію отправиться на крылечко кабака, подъ знамя «распивочно и навыносъ», и сидѣть тамъ до вечера, переливая изъ пустаго въ порожнее и выжидая глотокъ даровой водки. При такомъ благочестивомъ, праздничномъ времяпровожденіи, большинство озерновскаго общества сидѣло на крыльцѣ своего народнаго парламента—кабака и придумывало: какъ бы ради праздника Господня сорвать съ кого четвертушку или полведерка водки и ублажить для воскреснаго дня свою христіанскую душу. Въ числѣ сидѣвшихъ были и искатели счастія Ефремъ, Андрей Хворостовъ и Семенъ Перстовъ. Говорили о пріискахъ.

— Одно слово вольно-каторжная это работа,—говорилъ старикъ съ длинною сѣдою бородой, озерновскій поселенецъ: — я самъ лѣтъ десятокъ хаживалъ на эти прійски, а ничего толку нѣтъ, вотъ только ноги потерялъ тамъ: навѣкъ уродомъ сдѣлался...

— Да вѣдь ты, Дементьевичъ, больно картишками заимствовался,—перебилъ его Ефремъ:—знаю вѣдь я, куда ты деньжонки-то спускалъ... Помнишь, въ Рыбной...

— Какъ не помнить!... грустно отвѣтилъ старикъ и, склонивъ голову, началъ чертить палкой по снѣгу.

— А все же эта работа пріисковая,—опять началъ онъ:— во сто разъ хуже крестьянской... Тутъ ты работаешь, по крайности ты и отдохнешь—время придетъ, и сухой ты всегда, и отогрѣешься, какъ слѣдуетъ быть, и сытъ ты, и все какъ есть... А тамъ вся одежа на тебѣ сгніетъ отъ мокра да отъ грязи, и не доспишь ты, и не отдохнешь: одно слово, смерть!... А денегъ-то еще какъ приведется вынести! Ходилъ я къ Луковицыну на прійски; тамъ была такая заведенція—напихаютъ тебѣ изъ амбара всякаго што ни на есть дерма, а къ разсчету такъ подгонятъ въ «листикѣ», што ты Пахомъ и я Пахомъ—нѣтъ ни на комъ. Бери котомку да и отваливай по-добру, по-здорову, куда знаешь. Нѣтъ, нашему брату пріисковая-то работа вотъ тутъ сидитъ!—И старикъ показалъ на свой затылокъ.

Digitized by Google

— Неужъ, Дементичъ, на каждыхъ какъ есть пріискахъ такъ разсчитываютъ?—спросилъ старика Андрей.

— Нонѣ не знаю—песъ ихъ знаетъ, а прежде такъ случалось...

— Нѣтъ, нонѣ эвтова нѣту,—оспаривалъ Ефремъ:—потому народъ, какъ узнаетъ эти дѣла, не будетъ и наниматься къ такимъ хозяевамъ.

— А вотъ пойдете, такъ сами лучше все узнаете,—проговорилъ сѣдобородый поселенецъ и посмотрѣлъ чрезъ плечо на Андрея и Семена Перстова.

Въ концѣ улицы раздались веселые звуки гармоники и удалая молодецкая пѣсня. Пѣвецъ пѣлъ съ удалью, чистымъ, молодымъ голосомъ.

— Вонъ Алексаха,—замѣтилъ кто-то изъ мужиковъ:—протираетъ, братъ, онъ глаза отцовскимъ денежкамъ...

— Ну, да не сколько ужъ ихъ осталось... Онагдысь послѣднева коня просвисталъ въ Ивановомъ — вотъ и гулятъ теперь...

— А кони были, што, братъ, по всей деревнѣ...

— Но! таки были животины, што мало такихъ.

Къ кабаку подходилъ въ это время молодой парень въ красной рубахѣ, плисовыхъ шароварахъ и въ шубѣ, накинутой на одно плечо. Онъ игралъ на гармоникѣ и подпѣвалъ пѣсню. Подойдя къ кабаку, отъ приподнялъ слегка шапку, надѣтую набекрень, и, молодцовато кланяясь, проговорилъ:

— Старичкамъ!...

— Милости просимъ!—отвѣтили мужики.

— Што, старички, посиживаете и винишка не пьете?

Парень былъ порядочно выпивши.

— Кабы ты попотчивалъ, такъ выпили бы, а то не на што,—отвѣтили старички.

— Не на што!... Ха, ха, ха!—притворно засмѣялся Александръ и, покачиваясь, началъ тихонько перебирать клавиши гармоники.

— Гдѣ-то нѣту Степана Перстова, а то бы онъ, братъ, сейчасъ трепака сварганилъ,—сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— А што тебѣ Степанъ Перстовъ въ горлѣ костью сто-

Digitized by Google

итъ, али што?—крикнулъ точно изъ-подъ земли явившійся предъ мужикомъ Степанъ, размахивая руками.

— Ну, ничево, дядя Степанъ, Богъ дастъ, поправимся!

— Вѣстимо, поправимся, не вѣкъ будемъ такъ биться; тогда, небось, у Степана изъ рукъ будешь высматривать шкалики да косушки...

— Чево не бывать на свѣтѣ! А ты отваляй-ко, дядя, трепака, вонъ Алексаха сыграть...

— А ты угости прежъ, да и заставляй втѣпоры, а у Степана можетъ севодня еще и маковой росинки во рту не было, а ты: отваляй! Ишь разгулялся на чужихъ-то ногахъ!...

— Мы, братъ, Алексаха, на рудники отваливаемъ, — сказалъ Андрей, обращаясь къ Александру.

— Ну!... съ кѣмъ?—съ удивленіемъ вскрикнулъ Александръ.

— Да вотъ съ дядей Ефремомъ да съ Семеномъ.

— Што вы?!

— Право, хоть побожиться: завтра поѣдемъ задатки брать...

— И я съ вами братцы, примете? дядя Ефремъ?

— А што же—рады товарищу, пойдемъ, коли охота есть...

— Ты, дядя Ефремъ, у насъ всѣхъ ребятъ за собой уведешь на эти прійски,—говорили мужики.

— А кто знатъ, можетъ, онъ прикашникомъ сдѣланъ, наемку дѣлатъ...

— Бери и меня, дядя Ефремъ!

— И меня, дядя!—смѣялись мужики.

— Нѣтъ, дядя Ефремъ, я изо всей правды пойду съ вами, только примите,—говорилъ Александръ.

— А намъ што—пойдемъ, веселѣе будетъ.

— А коли вмѣстѣ идти, такъ пойдемте въ кабакъ, вмѣстѣ выпьемъ.

И товарищи пошли въ кабакъ. За ними повалила вся толпа мужиковъ въ надеждѣ выпить хотъ полрюмки отъ щедраго гуляки, какимъ знали Александра.

— Ну, братъ Хаимъ, давай четверть—на рудники иду, погулять надо съ товарищами,—обратился Александръ къ старому виноторговцу и бросилъ на стойку гармонику и шапку.

Digitized by Google

— А какъ-зе деньги, Алексанъ Митрицъ?—спросилъ еврей, пытливо посматривая на Александра.

— А сколько я тебѣ долженъ?

— Семь рубли, знацитъ, за ведро, да исцо за стофъ наливка, сто Матренѣ отпускалъ, восемь гривенъ... Это будетъ: семь рубли вос...

— Ну, ну!—перебилъ его Александръ,—пошелъ считать! Ты наливай водки-то, вотъ возьму задатки—брошу тебѣ красную, и квитъ! А не отпустишь—все равно гроша не увидишь...

— Зацѣмъ, зацѣмъ не дать, сто ви, Алексанъ Митрицъ!

И старый еврей присѣлъ къ крану бочки и началъ наливать водку. У многихъ посѣтителей кабака потекла слюна при этихъ сладкихъ звукахъ, когда сильною струей забила выпускаемая изъ крана водка и зажурчала о края мѣдной четвертной мѣры. Въ желѣзномъ ведрѣ поставили водку на стойку и Александръ началъ угощать своихъ товарищей. Андрей уперся въ силу своего зарока не пить водки, и рюмки даже не взялъ въ руки, чтобъ поздравить товарищей. Мужики смѣялись, что Андрей, не пивши водки, вынесетъ съ пріисковъ тысячу рублей да пудъ золота и разомъ разбогатѣетъ. Ефремъ и Семенъ Перстовъ пили и угощали Степана, который началъ уже возвышать голосъ и вслухъ мечтать, что онъ сдѣлаетъ, когда его Сенька вынесетъ съ пріисковъ сотенную...

— А ты, Степанъ,—совѣтовали мужики:—къ ево приходу-то избу на новое мѣсто поставь. Этакъ-то у тебя два праздника будетъ—новоселье и стрѣтины...

— Ничево, ничево, милый человѣкъ, Богъ дастъ, поправимся; не вдругъ Москва строилась...

Изъ Александровой четверти перепало по стаканчику и всей честной компаніи.

— Сенька, подь-ко на улицу!—звалъ Степанъ своего сына.

Семенъ вышелъ.

— Проси у жида полштофъ на свою душу,—шепотомъ говорилъ Степанъ за дверью кабачка.

— Вѣдь онъ, тятька, деньги запроситъ...

— Вотъ дуракъ! Отдашь, какъ задатки получишь; неужъ тридцати-то копѣекъ не повѣритъ? Проси!...

Digitized by Google

— Ну, ладно, попрошу...

Семенъ взялся за скобу двери.

— Проси, а я подожду здѣсь, за дверью; дастъ, такъ кликни...

— Хаимъ Мосеичъ, повѣрь и мнѣ полштофъ; я тоже пойду на прійски, задатки получу — отдамъ, — несмѣло заговорилъ Семенъ.

— И ты рази на прійски?—спросилъ жидъ.

— Какъ же, мы вотъ вмѣстѣ съ Алексахой...

— А какъ не отдась? а?

— Можетъ ли быть! изъ-за тридцати-то копѣекъ буду душой кривить...

— Смотри, Семенъ!—И Хаимъ снова подсѣлъ къ крану бочки.

— Тятька, иди!—крикнулъ Семенъ своего разгулявшагося родителя.

— На вотъ, потчивай!—И Семенъ передалъ бутылку отцу.

Съ сознаніемъ своего достоинства взялся Степанъ за бутылку. Не часто выпадалъ на долю его такой праздникъ, чтобъ брать на свой счетъ водку и гулять съ пріятелями въ кабакѣ. Онъ смѣялся наивно-дѣтскимъ смѣхомъ и обращался къ каждому съ веселымъ хихиканьемъ, въ которомъ слышалось и довольство, и счастье, и радость... Онъ выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ: что вотъ онъ, по мнѣнію мужиковъ, «горемыка Степанъ», имѣетъ ужъ возможность брать въ долгъ водку и угощать своихъ пріятелей; что не даромъ же онъ говоритъ всѣмъ, что скоро поправится, а вотъ дѣло пошло только на поправу, а ему уже вѣрятъ—значитъ, надѣятся на него, на Степана Перстова...

Когда водка вся была вышита, пирующіе вышли изъ кабака на улицу, Александръ заигралъ на гармоникѣ лихую, плясовую пѣсню, и душа охмѣлѣвшаго Степана встрепенулась. Онъ выдвинулся впередъ и началъ вертѣться, какъ выражались мужики, «какъ бѣсъ передъ заутреней». Тряслась его лоскутная одежонка и шлепали по снѣгу разношенные бродни-шки, изъ пятъ которыхъ торчали длинные концы соломенныхъ стелекъ. Мужики громко смѣялись надъ горемыкой плясуномъ, но онъ не обращалъ на это вниманія, серіозно и со-

Digitized by Google

средоточенно занятъ былъ своею пляской и выкидывалъ самыя залихватскія колѣна, точно старался доказать зрителямъ, что въ его бѣдномъ тѣлѣ живетъ очень веселая душа. Яркое, но холодное зимнее солнце такъ привѣтливо, такъ радостно освѣщало эту грустно-веселую картину...

Мы сказали, что Александра Голубева гнала на пріиски не кровная нужда, а непомѣрное пьянство и разгульная жизнь. Мать его умерла, когда онъ былъ еще маленькимъ. Отецъ, очень зажиточный озерновскій крестьянинъ, послѣ смерти жены началъ пьянствовать и года два тому назадъ, въ праздникъ Апостоловъ Петра и Павла, во имя которыхъ была озерновская церковь, безъ мѣры выпилъ вина и его нашли утромъ подъ забором безъ признаковъ жизни. Александру было въ то время восемнадцать лѣтъ, и онъ остался единственнымъ, полновластнымъ хозяиномъ еще порядочнаго отцовскаго имѣнія. По примѣру своего родителя, онъ крѣпко взялся за чарку, а въ хмѣлю буйствовалъ и дрался и за обиды раздѣлывался деньгами. Работа при такой жизни не шла ему на умъ. Цѣлый день шлялся онъ по селу съ гармоникой или игралъ въ карты съ поселенцами въ кабакѣ. Хозяйство свое онъ довелъ до того, что послѣдній отцовскій конь былъ сведенъ со двора. Къ довершенію своего мотовства онъ связался съ солдаткой Матреной, которая помогла ему промотать окончательно все. Надо замѣтить, что солдатки въ сибирскихъ деревняхъ, какъ и на Руси,—это самыя испорченныя, развратныя женщины. Каждая солдатка, оставленная мужемъ въ деревнѣ, считаетъ своею непремѣнною обязанностію предаться самому широкому, омерзительному разврату. Званіе солдатки и жизнь безъ мужа даетъ, по ихъ мнѣнію, исключительное право на развратъ.

— Молодой человѣкъ—не сдержать!—снисходительно говорятъ о нихъ сибиряки.

— Што мнѣ—я солдатка!—съ цинизмомъ восклицаютъ онѣ, фигурируя въ роли публичныхъ женщинъ.

Выходъ для Александра изъ его безалаберной жизни представлялся одинъ — наняться въ работники, чего ему страшно не хотѣлось. Но вотъ случайно онъ наткнулся на прекрасную мысль отправиться на пріиски и рѣшимость свою

Digitized by Google

утвердилъ четвертью водки, роспитою съ товарищами будущаго счастія.

Зимняя морозная ночь, луна, окруженная радужнымъ сіяніемъ, ярко свѣтитъ на темномъ ночномъ небѣ; въ воздухѣ носятся какія-то ледяныя иглы, сверкая блѣднымъ, стальнымъ блескомъ... Вдали слышится порой скрипѣнье саней и вой голоднаго волка, которому, проснувшись, начинаютъ вторить деревенскія собаки... Село Озерново спитъ крѣпкимъ, трудовымъ сномъ.

На концѣ села, въ маленькой, полуразвалившейся избенкѣ поселенца Устина Безрубахи мелькаетъ огонь и слабымъ, трепетнымъ свѣтомъ едва освѣщаетъ бѣдную и мрачную внутренность грязной избушки. Устинъ Безрубахи сидитъ на обрубкѣ дерева и вяжетъ неводъ; на опрокинутой на столъ крынкѣ стоитъ черепъ съ жиромъ, въ которомъ горитъ толстая тряпица и наполняетъ избушку смраднымъ дымомъ.

На печи лежитъ Ефремъ, на лавкѣ сидятъ Андрей Хворостовъ и Александръ, оба, по сибирскому обычаю, въ шапкахъ. Александръ куритъ и поплевываетъ на средину грязнаго пола.

— Идетъ это онъ за таратайкой,—раздается съ печи голосъ Ефрема,—и копаетъ бичемъ сзади песокъ. Копалъ-копалъ—глядь—чево-то сверкнуло, онъ шибче копать, смотритъ—самородокъ, чистое золото, словно нарочито кто сплавилъ ево, треугольникомъ этакъ вышло... Схватилъ да въ контору. Вишь, дуракъ былъ, не зналъ порядковъ, ну, да и молодъ къ тому же... Свѣсили тамъ, около трехъ фунтовъ потянуло...

— Што же ему?—съ живостью спросилъ Андрей.

— А што же ему?—дали, кажись, деньгами рублевъ пятьдесятъ, да изъ амбара товаришку напихали кой-какова, тѣмъ и заговѣлся!... Нѣтъ, на добрыя бы руки такой фартъ, ну, точно пожилъ бы человѣкъ... Дуракамъ Богъ и счастье даетъ!

— И часто попадаются такіе самородки?

— Ну, такіе-то нечасто, а маленькіе-то часто. Смотри только глазами — сейчасъ блеснетъ; схватишь ево и тю-тю! Ночи дождался — на другой станъ ево волокешь, смотришь,

Digitized by Google

рубля два за золотникъ и дадутъ... А своимъ-то отдай, они тебѣ по рублику вывалятъ, да норовятъ еще товаришкомъ тебѣ отдать...

— Ну, а какъ узнаютъ, што продалъ на другой станъ?

— Узнаютъ — отдувайся! Тамъ, братъ, свой судъ и расправа—такъ отпорютъ, што по гробъ жизни не забудешь... Тутъ ужъ, значитъ, ухо востро держи, коли какими дѣлами задумалъ заниматься... А нѣтъ лучше, какъ продавать это золото въ Енисейскѣ, — тамъ, братъ, благодать: денежки хорошія получишь, да еще водкой угостятъ!

— А за побѣгъ, дядя, што бываетъ, какъ поймаютъ?

— Эге, братъ!—смѣясь отвѣтилъ Ефремъ:—ты только собираешься идти, да ужъ и о побѣгѣ думаешь!

— Нѣтъ, я такъ только къ разговору...

— А за побѣгъ прежде отдавали нашего брата подъ военный судъ—вотъ оно какъ! Ну, нынѣ легче, строгости такой не стало. Вотъ трижды какъ убѣжишь—отправятъ тебя на Соколины острова*) уголь копать и только... Я ни разу не бѣгалъ — не знаю, какъ и судятъ этихъ бродягъ...

— Ну, а на счетъ пишши какъ?

— Тоже не равно, каковъ управляющій. Случается и мясо съ червями ѣшь, и хлѣбъ какъ квасникъ, да вѣдь дѣлать-то нечево! Посмѣй сказать слово, за бунтовщика сочтутъ; сейчасъ тебя къ исправнику, березовой кашей угощать, да такъ тебя отпарятъ, што согласенъ ѣсть землю-матушку, а не то что мясо съ червями.

— Это выходитъ хуже острожнова,—замѣтилъ Устинъ Безрубахи: — Эхъ, мы въ Москвѣ сидѣли въ острогѣ-то, вотъ жисть—умирать не надо! Другой дома въ Христовъ день тово не ѣдалъ, што въ острогѣ-то ѣлъ... Одно слово, въ Москвѣ народъ набожный!...

— Што, братъ, Расея не Сибирь!—съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ Ефремъ.

— Такъ завтра, видно, дядя Ефремъ, покатимъ въ Иваново...

---

*) Такъ называютъ ~~въ Сибири~~ ос. Сахалинъ. *Авт.*

Как-нибудь, будто уже вся сибирская дорога

— Што же—поѣдемъ завтра...
— Сыченокъ за рублевку отомчитъ насъ...
— За рублевку какъ не отомчитъ!
— Такъ съ обѣда, видно, поѣдемъ...
— Ну такъ што—съ обѣда.
Парни поднялись и направились къ двери.
— Прощай, дядя Ефремъ!
— Прощай, дядя Устинъ!
— Богъ на прощеньѣ.

Прійдя домой, парни долго не могли заснуть, ихъ разгоряченному воображенію представлялись громадные самородки золота, случайно попавшіеся въ ихъ руки. На этихъ самородкахъ фантазія начала строить самыя разнообразныя, причудливыя зданія. Они мечтали, что, продавши самородки, получатъ множество денегъ; построятъ большіе дома, съ крашенными наличниками и ставнями и вырѣзными карнизами; накупятъ хорошихъ лошадей и сбрую съ мѣдными бляхами; наймутъ работниковъ и будутъ распоряжаться безпрепятственно дѣлами своего обширнаго хозяйства; а носить будутъ зимой крытую сукномъ шубу, лѣтомъ же суконный капотъ... Мечтали, въ какомъ они почетѣ и уваженіи будутъ жить въ своемъ Озерномъ, какъ будутъ ѣздить по съѣзжимъ праздникамъ и принимать къ себѣ «добрыхъ людей.» Только подъ утро мечтатели заснули глубокимъ сномъ...

Наёмка.

На другой день, получивъ отъ озерновскаго старшины увольненія для полученія билетовъ, отправились искатели счастія въ село Иваново брать задатки. Пара бойкихъ сыченковыхъ лошадокъ быстро понесла ихъ по укатанной, ровной дорогѣ... Подъ вечеръ пріѣхали въ село Иваново и остановились на квартирѣ у Ефремова земляка, поселенца Слюнина. Ефремъ подробно разспросилъ о наемкѣ. Слюнинъ разсказалъ, что задатки даютъ хорошіе, что народу требуется много, что наемка производится на пріиски Осинина въ сѣверной системѣ

Digitized by Google

Енисейскаго округа. Узнавъ все необходимое и попивъ чайку, искатели счастія, подъ предводительствомъ Ефрема, отправились въ квартиру довѣреннаго.

Около дома, въ которомъ квартировалъ довѣренный, толпились мужики. Это были такіе же раззорившіеся, задавленные нуждою и пропившіеся, искатели счастія, какъ и наши герои.

— Здравствуйте, почтенные!—проговорилъ Ефремъ, развязно подходя къ толпѣ; товарищи его молча приподняли шапки.

— Што, берутъ народъ?

— Берутъ,—отвѣтили изъ толпы.

— Берутъ, берутъ; пойдемте, я васъ провожу; довѣренный мнѣ человѣкъ знакомый; пойдемте; мы сейчасъ обдѣлаемъ всѣ дѣла; я распишусь за васъ...—Такъ говорилъ какой-то небритый кавалеръ въ разорванномъ триковомъ пальто, въ лѣтней фуражкѣ съ одною половиною козырька и въ огромныхъ бѣлыхъ, разношенныхъ валенкахъ.

— А какіе даютъ задатки?—спросилъ Ефремъ, не обращая вниманія на услужливаго кавалера.

— Задатки разные: сорокъ пять даетъ, даетъ и пятьдесятъ—глядя по человѣку...

— Ну, маршъ, ребята!—скомандовалъ Ефремъ своимъ товарищамъ. Парни потянулись за своимъ вожакомъ.

Вошли въ комнату. Довѣренный, молодой человѣкъ, высокій, съ ухорскими ухватками, ходилъ по комнатѣ. На немъ была малиноваго цвѣта фланелевая рубашка, подпоясанная кожанымъ, лакированнымъ поясомъ, плисовые шаровары и сапоги съ красными сафьяновыми отворотами.

У довѣреннаго сидѣлъ гость: высокопоставленная особа села Иванова — волостной писарь, крестьянинъ изъ поселенцевъ, судившійся въ Россіи за подлоги и разнообразныя мошенничества. Онъ видимо благодушествовалъ, былъ веселъ и болтливъ. Причиною его благодушія была, безъ сомнѣнія, наемка рабочихъ, ибо каждый нанявшійся бѣднякъ приносилъ ему дохода пять рублей серебромъ—«за билетъ».

— Что нужно,—ребята? обратился довѣренный къ вошедшимъ.

Digitized by Google

— Къ вашей милости, ваше почтеніе! желаемъ наняться на прійски,—бойко отвѣтилъ Ефремъ.

— Хорошо. Кто вы такіе? крестьяне?...

— Вотъ это крестьяне, а я поселенецъ.

— Поселенцевъ не принимаемъ!

— Почему же, ваше почтеніе? Я не въ первый разъ...

— Ты не изъ новенькихъ?

— Никакъ нѣтъ. Двадцать лѣтъ работалъ на прійскахъ...

— О-го! значитъ, старый воробей. А я думалъ изъ новенькихъ; тѣ—дрянь, никуда не годятся; только и дѣла у нихъ, что въ больницу таскаются.

Довѣренный, видимо, былъ доволенъ, что ему попадался «старый рабочій», которыхъ вообще цѣнятъ на пріисковыхъ работахъ, сравнительно съ новичками, очень дорого.

— Ну, а это?—Довѣренный показалъ глазами на товарищей Ефрема.

— Эти въ первый разъ идутъ. Да не сумлѣвайтесь, ваше почтеніе, народъ смирный, здоровый, работать могутъ, лицемъ въ грязь не ударятъ, не сумлѣвайтесь!...

— Вижу я: народъ—ничего...

— Ничего, ребята смирные; я знаю ихъ,—поддакнулъ волостной писарь.

— Сколько же вы хотите взять задатковъ?

— Да рублевъ по шестьдесятъ чистоганомъ надо бы,—заломилъ Ефремъ.

— Не жирно ли будетъ?.. Рубликовъ по сорокъ можно, пожалуй, дать.

— Нѣтъ, маловато, ваше почтеніе. Вѣдь вотъ имъ надо за годъ повинности заплатить,—съ живостію заговорилъ Ефремъ:—вотъ ихъ благородіе знаютъ,—обратился онъ къ писарю, который тотчасъ принялъ позу, свойственную лицу благородному: — тоже дома надо оставить — семья у нихъ: нужда гонитъ...

— Ну, тебѣ пятьдесятъ дамъ, а имъ по сорокъ пять...

— Прибавьте и намъ по пятиточкѣ, ваше почтеніе,—заговорилъ Александръ: — по пятьдесятъ-то и намъ пожалуйте — отработаемъ.

Digitized by Google

— Ну, ладно, дѣлать нечего съ вами.

Довѣренный пристально посмотрѣлъ на мужиковъ.

— Ну-ка, выходите сюда, ближе ко мнѣ...

Всѣ подвинулись.

— Кажите руки!

Мужики вытянули передъ нимъ восемь рукъ.

— Ну, хорошо!

И какъ бы въ оправданіе такого осмотра, довѣренный, смѣясь, обратился къ волостному писарю:

— Въ прошедшемъ году я нанялъ одного молодца и далъ ему сорокъ рублей задатку. Мужичище—любо посмотрѣть; я хотѣлъ его опредѣлить конюхомъ; молодой, здоровый... А при выгонкѣ што же оказалось? У него у обѣихъ рукъ отморожены всѣ пальцы. А онъ былъ въ рукавицахъ, я и не замѣтилъ. Наказалъ меня, разбойникъ, на сорокъ рублей. Увольненія у васъ отъ общества есть?

— Какъ же!

Мужики достали изъ-за пазухъ свои увольненія и передали довѣренному.

— Будете слушать контрактъ?

— Какой тутъ контрактъ, ваше почтеніе! Вы деньги-то пожалуйте, а контрактъ намъ што? Дѣло извѣстное—и безъ контракта на прійскахъ на печь не посадятъ...

— Дѣло понятное!—пробормоталъ довѣренный.

— За билеты по пяти рублей!

Волостной писарь нѣсколько разъ повернулся на стулѣ. Ему почему-то стало совѣстно смотрѣть на мужиковъ.

— Ну, такъ што же дѣлать? нечево — безъ чево нельзя, такъ нельзя...

— Да,—подтвердилъ писарь.

— Ищите же грамотнаго приложить за васъ руки къ контракту и росписаться въ полученіи денегъ. Значитъ, съ билетами вы получили по пятидесяти пяти рублей, такъ?

— Вѣрно!

— Тамъ, въ хозяйской избѣ есть такой солдатъ, Кирилычъ; такъ зовите его, онъ—подпишетъ за васъ...

Призвали Кирилыча, отставнаго солдата, низенькаго, под-

Digitized by Google

слѣповатаго старичка, который, вооружившись двумя очками, (въ одни онъ видѣлъ плохо), подписалъ подъ контрактомъ имена и фамиліи нанявшихся.

Въ сосѣдней каморкѣ звякнули пружины шкатулочнаго замка, этотъ звукъ, словно печальный стонъ разбитой, надорванной груди, пронесся въ тихой комнатѣ. Изъ каморки доносился шорохъ пересчитываемыхъ ассигнацій. Сердца искателей счастія радостно затрепетали, какъ будто въ этой каморкѣ совершался первый, таинственный актъ ихъ будущаго желаннаго счастія... Вотъ захлопнулась крышка, раздался снова стонъ пружины, и довѣренный вынесъ объемистыя пачки разноцвѣтныхъ ассигнацій и подалъ каждому по пачкѣ.

— Считайте.

Андрей Хворостовъ взялъ пачку и перекрестился; его примѣру послѣдовалъ и Семенъ Перстовъ. Ефремъ и Александръ Козыревъ взяли свои пачки безъ крестнаго знаменія: «видали де мы и не по стольку денегъ, да не крестились, а это што!...» Они скоро пересчитали деньги и сунули ихъ за пазуху. Но Андрей и Семенъ не скоро поправились съ своимъ богатствомъ: въ ихъ неуклюжихъ рукахъ какъ-то врознь расползались новенькія депозитки и уголки ихъ торчали въ разныя стороны, и много стоило труда привести ихъ въ надлежащій порядокъ.

— А когда выгонка, ваше почтеніе?—спросилъ Ефремъ.

— Въ февралѣ, повѣстка будетъ черезъ волость.

— Будемъ готовы. Затѣмъ просимъ прощенія!

— Прощайте!

— Што, ребята, нанялись?—спрашивали толпившіеся у воротъ оборванные искатели счастія.

— Слава Богу!—весело отвѣтилъ Ефремъ:—нанялись!

— По сколько взяли?

— По полсотнѣ.

— Значитъ, можно поздравить, господа, а?—юлилъ около мужиковъ оборванный кавалеръ въ триковомъ пальто.

— Идетъ!—весело отвѣтилъ Ефремъ.

— Эй, ребята, за рукоприкладство!—крикнулъ Кирилычъ, надѣвая на ходу баранью шубу и рысцей подбѣгая къ мужикамъ:—по полтиннику!

Digitized by Google

— Сейчасъ раздѣлаемся, Кирилычъ: пойдемъ въ кабакъ...

Пошли. За ними же поплелся и оборванный кавалеръ, дрожа всѣмъ тѣломъ и дрыгая тонкими, словно неимѣющими костей ногами. Начинало темнѣть, на небѣ блистала полная луна.

Въ кабакѣ шумѣлъ народъ: раздавались пѣсни, хохотъ, брань... Дверь постоянно отворялась и запиралась, и теплый паръ клубами вылеталъ на улицу. Свѣтъ изъ отворяемой двери красноватой полосой ложился на мгновеніе чрезъ дорогу и освѣщалъ группы толпившагося у кабака народа. Въ кабакѣ было жарко и душно, какъ въ банѣ; въ этой влажной атмосферѣ густымъ облакомъ висѣлъ ѣдкій дымъ вонючей махорки, мѣшаясь съ запахомъ сивухи.

Въ кабакѣ гарцовали во всю ширь пріискательской натуры только-что нанявшіеся пріискатели.

— Нанялись, видно?—со всѣхъ сторонъ раздавались вопросы.

— Нанялись, нанялись,—отвѣчали пришедшіе.

— Дѣло! значитъ, могарычи будутъ...

Размѣняли деньги и по полтиннику отдали Кирилычу.

— Ну, што, ребята, развѣ складчину сдѣлаемъ на четверть,—предложилъ Ефремъ своимъ товарищамъ.

— Такъ што, давайте!—согласился Александръ.

— Да, да, четвертью дешевле — только рубль, одинъ рубль... вмѣшался оборванный кавалеръ.

— Я не пью,—отозвался Андрей.

— И я не буду,—сказалъ Семенъ Перстовъ:—развѣ шкаликъ на дорогу...

— Эхъ, господа! вѣдь только по четвертачку заплатите, а водки-то вѣдь четверть... Вы поймите это: четверть... Ей-Богу, водка здѣсь отличная — въ сорокъ процентовъ, убѣждалъ кавалеръ:—можно сейчасъ потребовать закуску: рыбы, огурцовъ и прочаго тому подобнаго... Андрей и Семенъ внимательно и съ любопытствомъ осматривали съ ногъ до головы новаго знакомца и ни слова не сказали на его предложеніе.

— Давай, Алексаха, возьмемъ, по крайности штофъ, выпьемъ на дорогу.

Digitized by Google

— Давай, выпьемъ,—согласился съ Ефремомъ Александръ. Купили, начали сами пить и угощать новыхъ товарищей.

Въ кабакѣ было самое разнообразное общество: и солдаты, и крестьяне, и поселенцы, и евреи, и люди неопредѣленной національности и какого-то темнаго происхожденія. Въ этой разнородной смѣси сословій раздавался самый оживленный, доходящій до крика говоръ на самыя разнообразныя темы.

Высокій отставной солдатъ въ коротенькой женской кацавейкѣ и военномъ кэпи на головѣ ораторствовалъ предъ выпившими пріискателями:

— Солдатъ есть имя знаменательное: онъ первѣющій енералъ,—перевираетъ служивый когда-то заученные «на зубокъ» пунктики:—солдатъ истребляетъ враговъ внутреннихъ, поражаетъ внѣшнихъ; онъ защищаетъ святую вѣру и царскій тронъ...

— А ты што, черноносый?—вдругъ обращается онъ къ одному изъ слушателей: — ты просто тумакъ!... Ты думаешь, мы плохо живемъ? врешь! у насъ наготы да босоты изнавѣшаны шесты, двѣнадцать рубахъ—одинъ воротникъ... такъ-то! А ѣдимъ съ двухъ комаровъ сало, да только соли не достало...

— Эй, служба, выпить!—крикнулъ кто-то у стойки.

— Вотъ это по-нашему!

И служивый, какъ будто мимоходомъ, плеснулъ себѣ въ ротъ стаканъ вина.

Двое изъ людей темнаго происхожденія, довольно пожилые, сидятъ въ темномъ углу на корточкахъ и ведутъ какой-то таинственный, апокалипсическій разговоръ:

— Здѣсь што въ Сибири, мужикъ ничево не чувствуетъ: ему начнешь отъ божественнаго, а онъ норовитъ изъ избы отъ тебя; народъ омраченный...

— Такъ,—утверждаетъ собесѣдникъ.

— Будемъ разсуждать душевно: все это, къ примѣру, плоть дѣйствуетъ... Вотъ про себя скажу: я, братъ, всякую добродѣтель потрафлю, какая не будь она, а я ее произведу въ точку: я ужъ на ихнюю икону не помолюсь, нѣтъ! будь я мертво пьянъ — не помолюсь, потому чувствую, что душѣ погибель... Ну, а насчетъ тово... женскаго дѣла—человѣкъ за-

Digitized by Google

разный, да вотъ выпить... Скажи ты мнѣ сейчасъ, што тебя, человѣче, въ адъ на самое што есть дно посадятъ, ничево! все это тебѣ—трынъ-трава; значитъ, все это плоть...

— У насъ вся природа въ службѣ,—кричитъ солдатъ, и его рѣзкій голосъ заглушаетъ весь кабачный гулъ: — два брата въ солдатахъ, сестра въ деньшикахъ, баушка въ барабаньшикахъ... Такъ-то, черноносый!... Съ меня вѣдь нечево взять— я архирейскій зять.—И громкимъ хохотомъ заливается служивый.

— Нѣтъ, Жуковъ, ты прежъ спой, а тожно я тебя пондравлю... говорилъ пріискатель небритому кавалеру въ триковомъ пальто.

— Нѣтъ, для голосу нужно выпить: знаете вдохновенія больше...

— Ну, выпей да и валяй, што съ тобой... Лукичъ, давай косушку!

Жуковъ выпилъ.

— Ну, валяй же, валяй...

— Что же вамъ такое спѣть? право, не знаю... Романсъ какой нибудь?...

— Каки тамъ раманцы! Ты пѣсню жарь...

Жуковъ осматривался кругомъ, словно искалъ тему для своей пѣсни.

Въ большое окно кабака широкою полосой лился серебристый свѣтъ полнаго мѣсяца, высоко стоявшаго на темноголубомъ, звѣздномъ небѣ.

— А вотъ извольте, спою... скороговоркой сказалъ Жуковъ, посмотрѣвъ на луну.

И своеобразнымъ, унылымъ, надрывающимъ сердце, напѣвомъ онъ запѣлъ: «Я любила его жарче дня и огня», и началъ жестикулировать, когда дошелъ до словъ: «что за ночь, за луна, когда милаго жду». Жуковъ пѣлъ хорошо, пѣлъ съ чувствомъ, увлекательно. Пьяная компанія затихла и слушала пѣвца; Ефремъ даже заплакалъ отъ умиленія...

— Ну, важно, Жуковъ! Выпей братъ еще косушку, да пойдемъ со мной; я вѣдь вечорку сегодня сдѣлалъ...

— И я тебя, другъ любезный, угощу—выпей!—приставалъ

Digitized by Google

къ Жукову Ефремъ съ полнымъ стаканомъ водки: — вотъ люблю; это по-нашему, по-расейски...

Двое пріискателей взяли подъ руки Жукова и насильно увлекли изъ веселой компаніи и направились съ нимъ въ конецъ улицы.

— Валяй, Жуковъ, эту же...

И въ дали, въ тихомъ, морозномъ воздухѣ, неотразимою прелестью и грустью звенѣла пѣсня Жукова: «онъ идетъ и поетъ: ужъ ты зорька моя...» и словно застывали въ воздухѣ эти замирающіе звуки и вновь съ бо̀льшею силою воскресали... «Милъ за ручку беретъ — онъ цалуетъ меня» едва слышно прозвучало вдали и замолкло...

Изъ пьяной кабачной компаніи нашлись охотники тоже спѣть для общаго удовольствія, но изъ пѣнія ничего не выходило, кромѣ дикаго крика и безобразнаго козлогласованія.

— Стойте! слушайте!—кричалъ пьяный Ефремъ:— я спою вамъ поселенскую...

Но сколько онъ ни умолялъ своихъ жестокихъ собесѣдниковъ выслушать его поселенскую, никто на него не обратилъ вниманія. Всѣ порывались, подобно Жукову, произвести эффектъ и мѣшали одинъ другому.

Напрасно Андрей и Семенъ умоляли Ефрема и Александра ѣхать домой, представляя имъ разные разумные резоны, но пьяные ихъ товарищи и ухомъ не вели: они пили и оратор-ствовали съ новыми товарищами такъ же спокойно и беззаботно, какъ въ своемъ Озерномъ.

Кромѣ вольныхъ наемщиковъ на пріиски, были и невольные...

Въ этотъ день въ деревнѣ Перепрягиной, въ десяти верстахъ отъ Озернова, въ домѣ старшины, по случаю пріѣзда волостнаго головы, собралось деревенское «обчество».

Въ тѣсной избѣ было душно и жарко, пахло дымленными шубами, дегтемъ и квашеными овчинами... Голова пріѣхалъ «выбивать подати». По случаю такого важнаго дѣла, онъ былъ порядочно навеселѣ и, сидя за столомъ, куражился, на сколько было у него умѣнья и толку, предъ своими нечиновными

Digitized by Google

собратьями. Рядомъ съ головою, по одну сторону, сидѣлъ деревенскій старшина, по другую—писарь-поселенецъ.

Голова бранилъ недоимщиковъ за лѣность и нерадѣніе и, приглаживая жирно намазанные коровьимъ масломъ волосы, стращалъ неисправныхъ плательщиковъ «описью». Писарь «проходилъ ересты», т. е. просматривалъ списокъ перепряженцевъ, въ которомъ обозначалось количество подушныхъ окладовъ съ отмѣткою уплаты.

Голова былъ мужикъ неграмотный: ему «докладывалъ дѣла» и объяснялъ все деревенскій писарь. Писарь поочередно вызывалъ изъ толпы неисправныхъ плательщиковъ и тѣхъ, за которыми присчитывалось много недоимокъ, записывалъ на отдѣльную бумажку. Очередь по списку дошла до крестьянина Лучкова.

— Лучковъ!—крикнулъ писарь.

Изъ толпы отдѣлился Лучковъ, бѣдный, невзрачный мужикъ, худощавый, низенькаго роста. Лице его выражало не то испугъ, не то какую-то безъисходную тоску.

Голова подперся одной рукой въ бокъ, а другой барабаня пальцами по столу, важно, поначальнически поднялъ глаза на Лучкова, смиренно стоявшаго предъ грознымъ ареопагомъ.

— За тобой, пріятель, причитается... Сколько за нимъ?—спросилъ онъ писаря.

— Двѣсти рублей пятьдесятъ восемь и три четверти копѣйки!—громко и съ особенною отчетливостію отчеканилъ писарь и съ какимъ-то торжествующимъ видомъ посмотрѣлъ на мужиковъ, точно хотѣлъ сказать: «не бось, ни одной четочки не убавимъ: подавай сполна!»

Лучковъ тупо и какъ-то безстрастно смотрѣлъ то на «голову», то на мужиковъ. Въ толпѣ зашевелились, передніе даже отодвинулись назадъ отъ стола: такая громадная недоимка поразила всѣхъ. Голова молча смотрѣлъ на Лучкова.

— Давай деньги!—сказалъ, наконецъ, онъ. Лучковъ переступилъ съ ноги на ногу и перевернулъ въ рукахъ шапку. Вмѣсто отвѣта, онъ только глубоко вздохнулъ.

— Тебѣ я говорю!—грозно крикнулъ голова: — подавай деньги! Намъ ждать, братецъ, нельзя больше!..

Лучковъ молчалъ.

Digitized by Google

— Какъ же ты теперь думаешь?—допрашивалъ голова:— да говори же!...

— Я, вѣдь, сдалъ эти деньги, ваше почтеніе, писарю волостному, Осипу Михайловичу,—тихо проговорилъ Лучковъ.

— Сдалъ, такъ давай квитанцію!

— Квитанцію-то онъ у меня взялъ назадъ: учетъ, говоритъ, будетъ...

— А нѣтъ квитанціи, такъ плати! Словамъ, братъ, не вѣрятъ; мало ли ты што будешь показывать!.. Видно, промоталъ?..

Лучковъ молчалъ. Изъ толпы вышелъ и подошелъ къ столу мужикъ почтенной наружности и смѣло заговорилъ:

— Мы не замѣчали за нимъ, ваше почтеніе, никакихъ гулянокъ, али штобы тратилъ какъ мірскія деньги... Надо быть, не проставлено въ волостѣ, въ бумагахъ, ошибкой вышло дѣло-то.

— Ты платить, што ли, за него вызываешься?—гнѣвно крикнулъ голова, котораго раздражало всякое постороннее вмѣшательство въ его чиновничьи дѣла.

— Зачѣмъ вызываюсь платить! Я, значитъ, такъ только объ немъ... человѣкъ смирный...

Лучковъ какъ-то странно посмотрѣлъ на мужика, и смутная надежда блеснула въ его кроткихъ, печальныхъ глазахъ.

— А не хошь платить, такъ не въ свое дѣло и не суйся: знай курица свой шестокъ!—нравоучительно замѣтилъ голова.

Мужикъ посмотрѣлъ на Лучкова и попятился назадъ.

— Есть у тебя какое имущество?—обратился голова къ Лучкову.

— Есть скотишко,—отвѣтилъ Лучковъ.

— Говори, што у тебя есть, а ты запиши.

— Двѣ кобыленки, конь, двѣ коровы, телка, овецъ съ десятокъ, двѣ свинки...

— Вѣрно, старики?—спросилъ голова.

— Вѣрно!—отозвались мужики.

— Ну, кобыленку да телку мы оставимъ тебѣ на разживу, а остальное все продадимъ. Это, братъ, какъ ты ужъ хочешь: хошь матушку рѣпку пой! Вотъ тебѣ и сказъ весь!... Ступай!

Digitized by Google

Лучковъ переступилъ съ ноги на ногу и на поларшина подвинулся въ сторону, что означало, что онъ ушелъ.

Выкличка началась снова. Мѣсто Лучкова занялъ другой, потомъ третій, и т. д.

Перебравъ всѣхъ недоимщиковъ и записавъ ихъ имущество, голова съ понятыми и присяжными оцѣнщиками отправились описывать «имущества».

Пошли къ первому Лучкову.

— Гдѣ скотъ? показывай!—командовалъ голова, входя въ убогій, загороженный жердями дворишко Лучкова. Толпа мужиковъ валила вслѣдъ за головой. Явились покупатели, деревенскіе же міроѣды и цѣловальники, всегда съ радостію готовые поживиться на счетъ несчастія ближняго.

Лучковъ повелъ нежданныхъ гостей въ пригонъ, гдѣ рылись въ соломѣ три лошади и три коровы. Сквозь слезы смотрѣлъ онѣ на своихъ поильцевъ и кормильцевъ.

Оцѣнщики обошли скотъ, посмотрѣли со всѣхъ сторонъ и назначили самыя низкія цѣны. Покупатели ощупывали и осматривали товаръ и набавляли копѣйками.

Лучковъ ушелъ со двора въ избу.

— Они чево это пришли?—спросила его жена.

— Продавать!... отвѣтилъ Лучковъ.

Баба, какъ по покойникѣ, завыла, глядя издали на мужиковъ, ребятишки за матерью заплакали навзрыдъ...

Лучковъ сѣлъ къ столу и молча повѣсилъ голову. Теща его, дряхлая старушка съ заплаканными глазами, торопливо засуетилась по избѣ и начала перебирать въ лукошкѣ какія-то тряпицы. По лицу ея замѣтно было, что она рѣшилась на какое-то важное дѣло. Окончивъ переборку разнаго хлама, она, запинаясь, выбѣжала во дворъ и подошла прямо къ головѣ:

— Ботъ, батюшка, за зятька-то возми!... Пожалѣй его для малыхъ ребятишекъ!...

И она протянула къ головѣ дрожащую, костлявую руку, въ которой была пятирублевая ассигнація.

— Похорониться берегла,—добавила она:—да ужъ возьми... Похоронятъ такъ.—Старуха заплакала горькими слезами.

Голова небрежно взялъ деньги и сунулъ ихъ въ карманъ.

Digitized by Google

— Отмѣть!—кивнулъ онъ писарю.

Этимъ геройскимъ подвигомъ старуха хотѣла спасти своего зятька и отдала за него завѣтную, многолѣтнюю бумажку, сколоченную долгими трудами. Она берегла ее на гробъ да на саванъ, а тутъ не пожалѣла, отдала. Но и эта, назначенная для могилы, жертва не спасла бѣднаго Лучкова и ни на волосъ не облегчила его горькой участи. Міроѣды раскупили скотъ и погнали его со двора хворостиной. Лучковъ посмотрѣлъ въ окно, упалъ головою на столъ и зарыдалъ. Ему вторила жена и теща и помогали ребятишки.

Голова вошелъ въ избу.

— Ну, полноте, што развылись!... Ты, Лучковъ, собирайся, поѣдемъ со мной въ Иваново: на прійски тебя велѣно заложить... Собирайся,—черезъ часъ поѣдемъ...

Лучковъ не поднялъ и головы.

На лицахъ мужиковъ, присутствовавшихъ при продажѣ скота и бывшихъ свидѣтелями тещина подвига, отражалось тяжелое чувство. Молча, опустивъ головы, неспѣшно шли они за своимъ начальникомъ.

Покончивъ «опись», голова сидѣлъ за столомъ въ домѣ писаря; на столѣ кипѣлъ самоваръ и стояла бутылка съ водкой; онъ благодушествовалъ отъ сознанія исполненнаго долга и былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Черезъ часъ Лучкова везли на подводахъ въ село Иваново «закладывать» на прійски и къ вечеру того же дня привезли въ Ивановское волостное правленіе, куда пріѣхалъ и голова.

— Лучкова привезли?—спросилъ онъ, вылѣзая изъ саней и снимая съ себя доху.

— Привезли,—отвѣтили недѣльщики:—тамъ онъ, въ волости...

— Ну, Лучковъ, пойдемъ, братъ, на базаръ,—острилъ голова надъ злополучнымъ Лучковымъ.

Пошли на квартиру довѣреннаго.

— Наше вамъ почтеньеце, Лука Савичъ!—говорилъ голова, стараясь быть какъ можно болѣе развязнымъ.

— Здравствуйте, Прохоръ Иванычъ!

— Привезли мы вамъ товарецъ,—хихикая говорилъ голова:—вотъ посмотрите!—И онъ указалъ на темную переднюю.

Digitized by Google

Лука Савичъ взялъ свѣчку и вышелъ посмотрѣть, что это былъ за товарецъ: тамъ стоялъ Лучковъ.

— Ну, товарецъ-то, кажется, плоховатъ, Прохоръ Иванычъ,—внимательно осматривая Лучкова, говорилъ Лука Савичъ.

— Полноте, што за плоховатъ! мужикъ бойкій, расторопный, отработаетъ лучше лучшихъ...

— Бывалъ ты на прійскахъ?—спросилъ Лука Савичъ Лучкова.

— Нѣтъ, Богъ миловалъ...

— Вотъ видите: онъ еще первый разъ...

— Ничево, будьте ужъ добры... Господинъ засѣдатель усердно просилъ... Ужъ не откажите...

— А сколько нужно за него?

— Да всего-то много, хоть половину-то, и то хорошо.

— Однако жъ сколько?

— Да онъ долженъ двѣсти рублей... замоталъ...

— Ой, ой, ой! Ну, братъ, видно, ты птица съ носомъ!...

Лучковъ хотѣлъ что-то сказать, но губы его задрожали, горло перехватило, онъ переступилъ только съ ноги на ногу и началъ смотрѣть куда-то въ сторону, на печь, точно разсматривалъ путешествующихъ по ней таракановъ.

— Катерину-то за него пожалуйте...

— Нѣтъ, что вы!... не отработаетъ вѣдь онъ... Его не иначе какъ назначатъ въ поторжныя работы; ну, шесть, семь рублей положатъ ему; вотъ вамъ всего сорокъ рублей, и цѣна ему вся. Да больше онъ и не стоитъ!

— Полноте, Лука Савичъ, не скупитесь!... Въ гурту-то онъ у васъ уйдетъ. Вотъ завтра я вамъ такихъ ишшо молодцовъ предоставлю, што любо, и возьму недорого...

— Не знаю, право, што мнѣ и дѣлать съ этимъ гусемъ.

— А вы завтра поговорите съ Кирилой Карпычемъ—писаремъ... Сойдетесь, можетъ, какъ. Вотъ его увольненье — извольте. Надо же его какъ нибудь упаромить!

— Хорошо-съ.

— Ты, Лучковъ, приходи завтра въ волость, а сегодня иди на фатеру...

Лучкова продавали, о немъ рядились, его браковали и

Digitized by Google

выхваляли, а онъ молча слушалъ этотъ торгъ и, также молча, вышелъ на улицу.

Долго стоялъ онъ среди улицы, точно придумывалъ что-то... До него доносилась пьяная пѣсня разгульныхъ пріискателей и пискливые звуки гармоники...

Послѣ долгаго раздумья онъ снялъ шапку, почесалъ голову и, глубоко вздохнувъ, пошелъ ночевать къ знакомому.

Но такая тяжелая доля выпадала не одному Лучкову!..

Стрѣтенскій.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

НА ОБѢТОВАННЫХЪ ЗЕМЛЯХЪ.

(Изъ путешествія по Алтаю).

Тамъ, гдѣ кончаются безконечные лѣса и поднимаются высоко-высоко скалистыя горы, гдѣ бурно шумятъ горныя рѣки и потоки, съ бѣлою пѣной прыгая по камнямъ, гдѣ простерлась невѣдомая никому пустыня, гдѣ-то тамъ, за китайской границей, въ непроходимыхъ дебряхъ, лежитъ загадочная земля, называемая «Бѣловодье». Не знаетъ этого мѣста никто, не заѣзжаетъ сюда засѣдатель, а между тѣмъ какъ-то зашли сюда русскіе люди и живутъ привольно, много земли у нихъ и угодьевъ, и нѣтъ здѣсь тягостей и тяжкаго крестьянскаго горя. Есть здѣсь храмы, и звонъ колоколовъ будитъ звуками окружающую пустыню. Никто не знаетъ Бѣловодья, знаетъ его только раскольникъ и русскій крестьянинъ, прокравшійся въ него. Этотъ миѳъ о Бѣловодьѣ, распространенный въ южной Сибири, двинулъ русскую колонизацію къ китайскимъ границамъ.

Мы видѣли деревни и скромныхъ крестьянъ у подножія снѣжныхъ Альпъ, гдѣ крестьянство часто надѣваетъ на себя ткани китайскаго шелка, вымѣниваемыя на границѣ. Кругомъ дикая, оригинальная природа, киргизы, китайцы и тутъ-же русская деревня, русскій говоръ, русская пѣсня, русскій хороводъ. Но не ограничились этой гранью русскія селенія. Нѣтъ—нѣтъ, да и начнется попытка отыскать завѣтное Бѣловодье. Попадали русскіе крестьяне бухтарминцы въ китайскіе города и были оттуда возвращаемы, бывали на оз. Куку-норѣ, все

Digitized by Google

отыскивая свое Бѣловодье. А есть-ли такое Бѣловодье,—Богъ вѣсть. Тихо и медленно тянутся до послѣдняго времени обозы переселенцевъ, или новоселовъ, таинственно, скромно пробираются они мимо большихъ дорогъ въ глубь Алтая, гдѣ встрѣчаетъ ихъ и приковываетъ этотъ миѳъ о какихъ-то заповѣдныхъ земляхъ, о какой-то миѳической странѣ, и они плетутся все въ даль да въ даль...

А, кажись, вездѣ мѣстъ довольно, и какія мѣста!

Когда мы въѣхали въ сѣверныя предгорья Алтая, въ долины рѣкъ Песчаной, Каменки и Ануя, мы поражены были красотою мѣстъ, обиліемъ луговъ и роскошью растительности. Предъ началомъ предгорій раскинулись точно малороссійскія степи, покрытыя душистыми травами, цвѣтами, съ выступавшими по мѣстамъ перелѣсками. Когда мы любовались этой степью передъ закатомъ солнца, мы видѣли вдали горы, подергивающіяся какъ-бы легкимъ туманомъ, какъ-бы голубою дымкою самой нѣжной вуали; надъ ними алѣетъ легкая розоватость неба. Безконечно зеленая равнина, клумбы березовыхъ рощъ съ душистыми пасѣками (пчельниками), безчисленныя стада, какъ точки, усѣяли эту степь. Скрывавшееся солнце съ золотымъ бордюромъ облаковъ дополняло картину. Трудно передать то обаяніе, какое производитъ эта даль, этотъ воздухъ. Когда спустилась ночь, горы какъ бы уходили вдаль. Равнина наполнилась ароматомъ нѣжныхъ травъ, а наверху зажигались серебряныя звѣзды, яркія и большія, благодаря чистотѣ и прозрачности горнаго воздуха. Когда въ горахъ насъ заставала ночь, грозные профили горъ съ лиственницами смотрѣли на насъ угрюмо и таинственно. Лиственницы выступали гигантами, цѣплявшимися за насъ руками. Иногда на небѣ сгущались тучи и только кое-гдѣ мелькали просвѣты, небо составляло контрастъ съ темной долиной, въ которую мы спускались. Вотъ тучи охватили небо, стало еще темнѣе, мы погрузились совершенно въ темную бездну. Совсѣмъ безпросвѣтная тьма окружила насъ. Лошади плелись уныло, звякая колокольчиками. Одинъ ямщикъ направлялся куда-то. Вдругъ среди этой томящей тьмы зажглась искра. Вотъ она растетъ, вотъ и веселый костеръ около деревни. Это деревня Туманова, поставленная лѣтъ 10 назадъ

Digitized by Google

переселенцами пермяками. Чрезъ четверть часа мы были въ теплой избѣ этихъ обстроивающихся колонистовъ.

Убаюканные поэзіей ночи, мы просыпались каждое утро подъ ослѣпительнымъ блескомъ солнца.

Чѣмъ дальше мы ѣхали и совершали перевалы изъ горъ въ долины, картина открывалась шире. Мѣстами среди зелени обнаруживались каменистые утесы, перевитые зеленью; иногда эти утесы представляли разрушенные замки и церкви. Около нихъ били ключи и весело журчали рѣчушки, пробиваясь между камнями. Зелень здѣсь была еще живописнѣе. Она выростала иногда на камняхъ. Съ горъ спускались лиственницы, травы были въ вышину человѣка. Горы выступали рѣзче и наконецъ показались «бѣлки», горы съ пятнами снѣга на вершинѣ. Странно, во всѣхъ этихъ мѣстахъ, проѣзжая по глухимъ долинамъ Алтая, повсюду мы встрѣчали странниковъ, плетущихся все впередъ и впередъ. Мы проѣхали весь Алтай, вотъ скоро уже снѣжныя горы, вотъ поднялся неприступный хребетъ. «Куда вы?»—спрашивали мы странниковъ и получали одинъ отвѣтъ: «мѣстовъ искать». Иногда мы встрѣчали піонеровъ—пытовщиковъ: они шли по постояннымъ подъемамъ и спускамъ, гдѣ дорога столь утомительна, что приходилось на срединѣ станціи перемѣнять лошадей. Часто измученные, въ поту, въ однѣхъ бѣлыхъ рубахахъ, съ котомками спускались они съ горъ, съ посохами въ рукахъ. Это были скорѣе какіе-то подвижники, чѣмъ искатели счастья. Но на нихъ смотрѣли сплошь и рядомъ совсѣмъ иначе.

— И тащутся куда-то, сами не зная куда,—говорили старожилы, недовольные тѣмъ, что новоселы не сторговались съ ними, а шли далѣе.—Чортъ ихъ знаетъ куда лѣзутъ!—говорило начальство.

— За Чергой [1]), сказывали, мѣста хороши,—говорили странники и все забирались дальше и дальше. Иногда на вопросъ они торопились вытащить паспорты, робко озираясь и говоря: «Мы по паспортамъ, ваше высокоблагородіе!»—намекая этимъ, что они не бродяги. Чѣмъ дальше странники-колонисты до-

[1]) Рѣка Чарга.

Digitized by Google

стигали этихъ мѣстъ, чѣмъ болѣе освоивались они съ привольемъ, тѣмъ болѣе, кажись, они становились разборчивыми, «а дальше еще лучше»,—думали они,—«за Чергой, сказываютъ, хорошо». Остановиться сразу не хотѣлось, ибо выборъ мѣстъ былъ большой.

Чѣмъ болѣе они освоивались съ этими мѣстами, чѣмъ болѣе всматривались въ это приволье, тѣмъ менѣе имъ хотѣлось разставаться съ ними. Иногда мы видѣли, какъ, пораженные этимъ привольемъ, этой тучной почвой, они подолгу стояли, опершись на посохи, устремивъ жадные взоры на этотъ дѣвственный черноземъ. Они облюбовывали эти мѣста и въ то же время робко осматривались. Ихъ охватывала тайная робость и страхъ, что вотъ ихъ погонятъ отсюда и не дадутъ высмотрѣть то, чего они жаждутъ. Эта робость и боязнь, какъ мы замѣтили, не оставляла даже поселившихся и обстроивающихся.

Разъ въ своемъ изслѣдовательскомъ усердіи, равномъ развѣ усердію цивилизованнаго ищейки, я натолкнулся на обстоятельство, заставившее меня серьезно задуматься. Оканчивая объѣздъ, приходилось уже разставаться съ горами; при выѣздѣ изъ одной деревни я замѣтилъ, однако, за нѣсколько верстъ отъ нея небольшую горную рѣчку въ долинѣ, гдѣ стояли одинокія лачужки шаговъ 50 другъ отъ друга. Это были знакомыя характерныя постройки переселенцевъ. Мнѣ ужасно захотѣлось съѣздить къ этому начинающему строиться поселку. Приказавъ ямщику съ повозкой ѣхать по дорогѣ, я имѣлъ глупость взять у него пристяжную съ крестьянскимъ сѣдломъ и поѣхалъ верхомъ къ переселенцамъ новоселамъ одинъ. Поселокъ стоялъ въ сторонѣ отъ дороги, окаймленный горами. Когда я на крестьянской лошаденкѣ пріѣхалъ въ него, тутъ только я понялъ всю странность и неожиданность моего появленія въ деревенькѣ. Изъ избъ высыпали робкіе и пугливые переселенцы. Они смотрѣли на меня очень боязливо, какъ дикари. Я слѣзъ съ лошади, попросилъ напиться и началъ любопытствовать. Отвѣты были односложные, сухіе. Взгляды были все подозрительные. Скоро всѣ начали расходиться, и я остался только съ однимъ переселенцемъ. Въ са-

Digitized by Google

момъ дѣлѣ, что̀ такое былъ въ ихъ глазахъ человѣкъ, прибывшій къ нимъ внезапно, съ видомъ чиновника, на худой крестьянской лошади и пытающій ихъ? Я объяснилъ свой пріѣздъ тѣмъ, что я любопытствую, узнать, какъ живутъ новоселы. Но это еще больше насторожило ихъ: «Развѣ любопытствуетъ кто безъ дѣла?» Вѣдь крестьянинъ не подозрѣваетъ, что есть такіе несчастные люди на Русской землѣ, которые въ самомъ дѣлѣ только любопытствуютъ крестьянское житье, не имѣя возможности принести ни капли ему облегченія. Видя пугливость этихъ несчастныхъ странниковъ, выбравшихъ себѣ эти мѣста, я не принялъ во вниманіе, что большинство ихъ начинаетъ обстроиваться, когда они еще не приписаны, заселеніе ихъ не утверждено, юридическое положеніе непрочно, и что они переживаютъ въ эту минуту самое мучительное состояніе духа. На лицахъ можно было прочесть чуть не страдальческое выраженіе при отвѣтахъ. Видя холодность пріема и какое-то недовѣріе, я началъ прощаться и подошелъ къ лошади, проклиная неудачу поѣздки. Вдругъ позади себя я услышалъ глухой грудной голосъ.—«Ваше благородіе, зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ?»—«Просто посмотрѣть, какъ живете и давно ли здѣсь: не говорите, такъ и Богъ съ вами,»—сказалъ я сухо.—«Ваше благородіе, ты не даромъ пріѣхалъ?»—послышался тотъ же голосъ. Это говорилъ оставшійся со мною новоселъ. Черные глаза его упорно, вызывающе, смотрѣли на меня, а на лицѣ было какое-то судорожное, болѣзненное выраженіе, въ которомъ сосредоточивалось мучительное переселенческое безпокойство.—«Ничего мнѣ отъ васъ не надо, добрый человѣкъ,»—сказалъ я мягче:—«успокойся!»—Но, конечно, я не могъ разсѣять подозрѣнія и тронулъ лошадь.—«Ты землемѣръ!»—какъ бы почувствовавъ смѣлость, выкрикнулъ новоселъ и поблѣднѣлъ отъ собственной дерзости, вызванной чувствомъ опасности, какъ и произнесеніемъ страшнаго для крестьянина имени.—«Ты землемѣръ, мы знаемъ,»—повторилъ онъ грустно, и вдругъ въ глазахъ его заблестѣла такая мольба, какой я въ жизнь не забуду.—«Не губи! не гони насъ съ мѣстовъ...» Онъ не упалъ въ ноги, но стоялъ блѣдный, какъ подкошенный, какъ осужденный.

Видя впечатлѣніе моего пріѣзда, я сошелъ съ лошади и на-

Digitized by Google

чалъ успокоивать бѣдныхъ новоселовъ. Увѣрившись, что я ничего противъ нихъ не имѣю, они разсказали мнѣ свою горькую исповѣдь. Какъ и всѣ, они выбрали мѣста на этой рѣчкѣ и поселились самовольно, не приписавшись къ обществу, ибо съ нихъ требовали по 30 р. за пріемный приговоръ. Они развязали мошны, послали ходоковъ хлопотать объ отводѣ земель: выйдетъ ли что—Богъ вѣдаетъ, а пока томились въ ожиданіи. Сосѣдніе крестьяне имъ безпрестанно угрожаютъ и обѣщаютъ донести на нихъ, что они строятся самовольно. Вотъ съ чѣмъ совпалъ мой пріѣздъ. Я старался дать совѣтъ, обѣщалъ никому не говорить объ ихъ поселкѣ, ободрилъ ихъ какъ могъ и разстался дружественно; я былъ глубоко потрясенъ ихъ судьбою.

Вспоминаю и еще одну встрѣчу. Мы ѣхали въ веселое и чудное утро по Алтайской долинѣ. Горныя рѣчки сверкали серебромъ, направо и налѣво выступали горы съ клубящимися по нимъ облаками. Мѣстами выростали причудливые утесы, обвитые зеленью. Съ одной стороны спускались съ горъ хвойные лѣса, гребни горъ золотились лучами солнца, луга сверкали цвѣтами, трава была роскошная. Вотъ выбѣжалъ ручей; по берегамъ его были видны сплошные кустарники жимолости, малины и смородины, усѣянные гроздьями ягодъ; бѣлый жасминъ, колокольчики, лиліи и желтыя розы, все это напоминало бухтарминскую флору Сибирской Италіи. Цвѣты становились роскошнѣе. Я увидѣлъ цѣлыя поля, покрытыя мальвами. Это былъ настоящій лѣсъ цвѣтовъ; они были лиловые и бѣлые въ ростъ мой. Я выскочилъ изъ повозки, набралъ цѣлый пукъ этихъ цвѣтовъ, образовавъ чудовищный букетъ, усѣлся съ ними и смотрѣлъ въ синѣющую даль горъ. Солнце сіяло такъ ослѣпительно, все было такое праздничное. Никогда, моя родина, я тебя не видалъ болѣе красивою. Я увидѣлъ тебя здѣсь весенней красавицей, украшенной мальвами, дикими розами, піонами и лиліями; я видѣлъ тебя съ красотою твоихъ утопающихъ вдали горъ, съ богатствомъ цвѣтущихъ долинъ. Здѣсь ли, кажись, не воспользоваться твоими благами, дѣвственная земля, здѣсь ли не создать счастья? И вотъ въ такой-то долинѣ, въ минуту моихъ восторговъ, я былъ остановленъ и пригвожденъ неожиданной

Digitized by Google

встрѣчей. Какъ бы въ контрастъ этой красивой, полной жизни природѣ, я увидѣлъ жалкую повозченку, затянутую рваной паруспной, въ ней сидѣла худая женщина, а жалкую, исхудалую лошадь велъ въ поводу пожилой крестьянинъ съ повязанной головой платкомъ. Но надо было видѣть, что это была за лошадь и что это были за люди. И лошадь, и хозяева, кажись, одинаково были изнурены. У лошади спина представляла сплошную язву, какъ будто ее расклевали вороны. Тучи оводовъ и мухъ садились и бередили спину несчастнаго животнаго. Я взглянулъ на упряжь: она вся состояла изъ худыхъ связанныхъ веревокъ и мочалъ.

— Старина, что это ты на такой лошади ѣдешь? она падетъ у тебя!—сказалъ я.

— Батюшко,—отвѣчалъ онъ тихимъ голосомъ, какимъ говорятъ только нищіе,—одна и есть лошаденка, да вотъ и та заболѣла въ дорогѣ; бабу везу больную, ходить не можетъ, ноги распухли...

— А у тебя что голова подвязана?

— Отъ жары, батюшко, разломило.

— Что же вы не остановитесь нигдѣ?

— Гдѣ, батюшко, остановиться-то... *Надсадились.* Изъ Рассеи шли. Пришли, кормиться нечѣмъ, всѣ больные, такъ вотъ и побираемся мало-мало по деревнямъ. Авось, до страды промаемся, а тамъ наймемся работать!

Это были новоселы, истощившіе свои силы, надсадившіеся. Дойдти до обѣтованной земли и среди этихъ привольныхъ благословенныхъ мѣстъ остаться нищими! Какая насмѣшка судьбы!

Но случается и еще печальнѣе конецъ. Бредетъ-бредетъ новоселъ за новыми мѣстами, или ходитъ-ходитъ, мается, ищетъ случая приписаться, борется со старожилами, которые съ него запрашиваютъ, ходатайствуетъ предъ горными властями, землемѣрами, словомъ, ведетъ эту процедуру года, хлопочетъ, да вдругъ и сгинетъ въ этихъ поискахъ. Такъ и пропадетъ изъ списковъ, ни тамъ, ни здѣсь. Можетъ быть, онъ открылъ, нашелъ таинственную землю, гдѣ можно поселиться безъ приписки, безъ паспорта, безъ землемѣра. Можетъ быть, онъ дошелъ въ это миѳическое «Бѣловодье», гдѣ нѣтъ податей, а

Digitized by Google

старовѣру и раскольнику вѣры не заказано. Не даромъ объ этомъ «Бѣловодьѣ» болѣе сотни лѣтъ слагаются миѳы. Но гдѣ же оно? Вотъ за Чаргою идетъ рядъ хребтовъ, вотъ ущелье Чуи, Чуйскія Альпы, вотъ вершины Катуни съ вѣчными снѣгами. Дойдетъ переселенецъ до нихъ, до этихъ бѣлыхъ водъ, окрашенныхъ пескомъ моренъ, увидитъ эти водопады, эти неприступныя скалы и ущелья, посмотритъ на горныхъ орловъ. Но это ли желанныя бѣлыя воды? Постоитъ онъ и повернетъ назадъ. А тамъ, въ горной долинѣ, глядишь, шелъ капризный скиталецъ да вдругъ заночевалъ. Давно полдень, солнце залило долину, печетъ, а онъ все спитъ; вечеръ наступилъ, прохладой повѣяло, ароматъ травъ несется, золотятся пурпуромъ вершины чудныхъ горъ незнакомаго края, а онъ все спитъ, не просыпается. Что-то ему грезится среди этихъ волшебныхъ мѣстъ. Не родную ли деревню онъ видитъ и зоветъ изъ нея родню на новыя мѣста, ставитъ домъ, земля-то какая, мѣсто-то какое, вотъ гдѣ отдохнуть, вотъ гдѣ заживешься въ довольствѣ! Проѣхали мимо него промышленники, отправляясь на промыселъ, и, усмѣхнувшись, сказали: «спитъ новоселъ!» Проскакала повозка чья-то.—«Это что за человѣкъ?»—крикнулъ проѣзжій.—«Новоселъ спитъ,»—сказалъ ямщикъ. А новоселъ такъ крѣпко и сладко уснулъ, что ему больше не нужно и просыпаться.

Смотря, какъ мыкается этотъ человѣкъ въ поискахъ за новыми мѣстами, смотря на это вѣчное скитанье и отыскиваніе чего-то, словомъ, озирая всю эту бродячую колонизацію, я часто задумывался и невольно спрашивалъ себя: «гдѣ же лучше?» Съ этимъ вопросомъ я стоялъ у береговъ обширныхъ и прекрасныхъ озеръ на привольной степной Барабѣ, смотря въ туманную даль плавающихъ въ зелени острововъ; съ этимъ вопросомъ стоялъ я средь цвѣтущихъ боровъ на берегу Оби, на благословенныхъ мѣстахъ Карасука; его же я задавалъ и тамъ, гдѣ серебрятся вершины Алтая, любуясь съ высотъ безконечно волнующимися горами и широкими долинами. Его я задаю и теперь: «Гдѣ же таится крестьянское счастье, подъ какимъ кустомъ залегло оно, подъ какимъ камнемъ оно запало, скрылось, притаилося?!!...

Н. Ядринцевъ.

Digitized by Google

Ермакъ Тимоѳеевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа.

(Окончаніе).

II.

Пѣсни третьяго отдѣла: о завоеваніи Ермакомъ Сибирскаго царства.—Сравненіе пѣсенъ третьяго отдѣла съ лѣтописями сибирскими, въ главнѣйшихъ историческихъ чертахъ, и значеніе этихъ пѣсенъ, какъ источника для исторіи похода атамана-завоевателя.

Пѣсни, воспѣвающія завоеваніе казаками Сибирскаго царства, отнесены нами къ третьему отдѣлу историческихъ пѣсенъ о казачьемъ атаманѣ Ермакѣ и его подвигахъ. На первомъ мѣстѣ въ ряду ихъ слѣдуетъ поставить пѣсню, извѣстную подъ названіемъ „Ермакъ взялъ Сибирь", которая отличается законченностью и многими подробностями. Другія пѣсни этого отдѣла не отличаются полнотою содержанія. Какъ, по народному представленію, Ермакъ завоевалъ Сибирское царство,—знать это интересно, во-первыхъ, потому, что, изучивъ историческія пѣсни этого рода, можно ознакомиться съ народнымъ воззрѣніемъ на славный подвигъ сибирскаго завоевателя, Во-вторыхъ, изученіе такихъ пѣсенъ можетъ служить къ бо̀льшему освѣщенію самой исторіи сибирскаго похода Ермака Тимоѳеевича, можетъ дополнить тѣ свѣдѣнія объ этомъ походѣ, которыя почерпаются обыкновенно изъ сибирскихъ лѣтописей и немногихъ грамотъ, и даже,—осмѣливаемся замѣтить, — изученіе историческихъ пѣсенъ можетъ восполнить пробѣлы въ извѣстіяхъ о сибирскомъ походѣ Ермака, заключающихся въ лѣтописяхъ и актахъ. Вѣдь извѣстно, что еще до сихъ поръ есть немало спорныхъ пунктовъ

Digitized by Google

въ исторіи завоеванія Сибири Ермакомъ, для уясненія которыхъ въ историческихъ источникахъ нѣтъ положительныхъ данныхъ. Поэтому нужно дорожить всякимъ матеріаломъ, который хотя отчасти поможетъ намъ понять,—что̀ бы тамъ ни говорили,—довольно неясную, пожалуй, даже легендарную личность и дѣятельность сибирскаго покорителя.

Въ Астрахани, на широкой, ровной площади, или на славныхъ степяхъ саратовскихъ, на Волгѣ, на Камышенкѣ, пониже города Саратова, повыше города Камышина, собрались въ кругъ люди вольные, казаки донскіе, гребенскіе и яицкіе. Атаманъ у казаковъ—Ермакъ Тимоѳеевичъ (или, по одному варіанту пѣсни, Ермилъ Тимоѳеевичъ), эсаулъ—Асташка Лаврентьевичъ. Въ пѣснѣ „Ермакъ взялъ Сибирь“ упоминаются еще два казачьихъ атамана—Самбуръ Андреевичъ и Анофрій Степановичъ. Собрались казаки, люди вольные, и думаютъ думушку:

Ужъ какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная:
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
На Яикъ намъ идтить,—переходъ великъ;
Да на Волгѣ ходить намъ,—все ворами слыть;
Подъ Казань градъ идтить,—да тамъ царь стоитъ,
Какъ Грозной-то царь Иванъ Васильевичъ,
У него тамъ силы много множество:
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
А намъ, казакамъ, быть переловленымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженымъ [1]).

Думаютъ думушку молодцы, люди вольные, и не могутъ ничего придумать, а жить такъ, какъ раньше жили, казаки находятъ невозможнымъ: со всѣхъ сторонъ имъ грозитъ опасность. Въ этотъ критическій для казаковъ моментъ выступаетъ самъ атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ и высказываетъ свое личное мнѣніе товарищамъ-казакамъ. Онъ говоритъ имъ:

Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте:
Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся;
А вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ предъ Грознымъ царемъ вину свою:

[1]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ любителей россійской словесности. Москва. 1864. Выпускъ 6-й. Стр. 39.

Digitized by Google

Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы-корабли;
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка все царскаго,
Какъ того-то вѣдь посланничка персидскаго [1]).

Казаки такъ и сдѣлали, какъ имъ совѣтовалъ ихъ славный атаманъ: они остались еще на зиму въ Астрахани, или вообще гдѣ-то на Волгѣ. Проходитъ зима холодная, настаетъ лѣто теплое—казакамъ пора собираться въ походъ, но куда?—они еще не знаютъ, и только теперь Ермакъ опредѣленно высказываетъ товарищамъ свою мысль въ слѣдующей рѣчи:

Ой вы гой еси, братцы, атаманы-молодцы!
Эй вы дѣлайте лодочки-коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте бабанчки сосновые:
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, царю Бѣлому,
А царя-то Кучума во полонъ возьмемъ:
И за то-то государь-царь насъ пожалуетъ;
Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я царю Бѣлому повинную [2]).

По другой пѣснѣ, атаманъ предлагаетъ своимъ товарищамъ идти „на Иртышъ рѣку“ и завоевать „Тоболъ-городъ“ [3]), а въ пѣснѣ „Ермакъ взялъ Сибирь“ атаманъ предлагаетъ казакамъ отправиться „въ усолья ко Строгановымъ“, къ „Григорью Григорьевичу“, къ „господамъ Вороновымъ“.

Какъ бы то ни было, казаки снарядились въ сибирскій походъ. Въ пѣснѣ „Ермакъ взялъ Сибирь“ разсказывается довольно подробно исторія казацкаго похода въ Сибирь. Конечно, исторія покоренія Сибирскаго царства, передаваемая въ пѣснѣ, по народному представленію и памяти, не совсѣмъ согласна съ положительными лѣтописными историческими свѣдѣніями объ этомъ событіи,

[1]) Ibidem, стр. 39—40.
[2]) Ibidem, стр. 40—41.
[3]) Ibidem, стр. 37.

Digitized by Google

тѣмъ не менѣе мы разскажемъ эту пѣсенно-народную исторію, которая можетъ служить прекрасной характеристикой народно-историческаго воззрѣнія на Ермака Тимоѳеевича, какъ завоевателя царства Кучумова.

Пришли казаки со своимъ славнымъ атаманомъ въ Усолье, къ Строганову; тутъ они взяли для похода хлѣбныхъ запасовъ, также свинцу и пороху и отправились вверхъ по рѣкѣ Чусовой, гдѣ и остановились „зима зимовать". На Чусовой, на „висячемъ большомъ каменю", нашли они двѣ пещеры: въ одной изъ нихъ помѣстились на зимовку двѣсти лучшихъ казаковъ, а въ другой—„которые остались люди похужѣе". Прозимовавъ, казаки съ наступленіемъ весны продолжали путь по рѣкѣ Серебряной и дошли до р. Жаровля. Затѣмъ, на Баранченской переволокѣ они побросали лодки-коломенки и подѣлали, вмѣсто нихъ, „боты сосновые и лодки-набойницы", на которыхъ и отправились дальше въ путь по рѣкѣ Баранчѣ. У Медвѣдь-камня Магницкаго казаки остановились и пробыли тутъ съ „весны до Троицева дня", занимаясь постройкою лодокъ-коломенокъ. Далѣе, казаки плыли по рѣкѣ Тагилу, затѣмъ по Турѣ и вступили въ р. Епанчу (?); здѣсь казаки оставались до Петрова дня.

Начиная съ этого пункта, т. е. на р. Епанчѣ, Ермакъ съ казаками уже приготовляются къ встрѣчѣ съ непріятелемъ, татарами Сибирскаго царства. Всей дружины у Ермака было триста человѣкъ, какъ означено въ пѣснѣ, — число незначительное. Поэтому казаки, при помощи хитрости, стараются скрыть отъ непріятеля дѣйствительную численность дружины: съ этою цѣлью они „подѣлали людей соломенныхъ, и нашили на нихъ платье цвѣтное; было у Ермака дружины триста человѣкъ, а стало уже съ тѣми больше тысячи". Сдѣлавъ эти приготовленія, казаки продолжали плыть по Тоболу; по дорогѣ, въ Мяденскихъ юртахъ они взяли въ плѣнъ „небольшаго князька", который долженъ былъ указывать казакамъ путь по Тоболу. Добравшись до устьевъ Тобола, атаманы рѣшили остановиться и стали совѣщаться между собой, какимъ путемъ приплыть къ горѣ Тобольской. И постановили атаманы, чтобы „самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхнимъ, Самбуръ Андреевичъ устьемъ среднимъ, Анофрій Степановичъ устьемъ нижнимъ, которое устье впало противъ самой горы Тобольскія". Атаманы Самбуръ Андреевичъ и Анофрій Степановичъ вышли на р. Иртышъ, подъ самую гору Тобольскую, и вступили въ сраженіе съ татарами котовскими. „И была,—говорится въ пѣснѣ,—баталія цѣлый день, прибили казаки тѣхъ татаръ не-

Digitized by Google

мало число—и тому татары дивовалися, каковы русски люди крѣпкіе, что ни единаго убить не могутъ ихъ; каленыхъ стрѣлъ въ нихъ какъ въ снопики налѣплено, только казаки всѣ невредимы стоятъ, и тому татары дивуются наипаче того".

Между тѣмъ, самъ Ермакъ, черезъ луку Соуксанскую (вѣрнѣе—Саусканскую), дошелъ до устья рѣчки Сибирки; тутъ,—какъ говорится въ пѣснѣ,—Ермакъ полонилъ самого сибирскаго царя Кучума, а ранѣе захваченнаго въ плѣнъ князька послалъ съ извѣстіемъ объ этомъ къ котовскимъ татарамъ, чтобы они немедленно покорились казакамъ. И котовскіе татары,—повѣствуетъ пѣсня,—„пошли къ нему, Ермаку, съ подарочками, понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ сибирскіихъ, и принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи".

Итакъ, Ермакъ Тимоѳеевичъ завоевалъ Сибирское царство, подчинилъ себѣ татаръ и даже захватилъ въ плѣнъ ихъ царя Кучума. Какъ полный обладатель Сибири, Ермакъ началъ вводить въ завоеванной странѣ свои порядки. Прежде всего, вмѣсто полоненнаго сибирскаго царя Кучума, Ермакъ назначилъ правителемъ Сибирскаго царства татарина Сабанака. Одержавъ полную побѣду надъ бусурманами, завоеватель впродолженіе всего времени, „съ Покрова до зимняго Николина дня", пока оставался въ Сибири, спѣшилъ запастись сибирскими мѣхами; объ этой слабости Ермака Тимоѳеевича къ сибирскимъ мѣхамъ въ пѣснѣ говорится: „Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя, нахтармами вмѣстѣ сшивалъ, а теплые мѣхи наверхъ обѣихъ сторонъ; таковымъ манеромъ и шапки шилъ". Нашивъ себѣ изрядное количество собольихъ шубъ и шапокъ, Ермакъ со своими избранными товарищами отправляется изъ Сибири въ Москву, къ „Грозному царю Ивану Васильевичу" [1]).

О томъ, какъ Ермакъ пріѣхалъ въ Москву, какъ онъ принесъ царю Грозному свою повинную и какъ приняли въ Москвѣ сибирскаго завоевателя,—есть разсказы въ нѣсколькихъ пѣсняхъ, и мы, извлекая изъ такихъ пѣсенъ все наиболѣе характеристическое, постараемся описать полнѣе посѣщеніе Ермакомъ Тимоѳеевичемъ Москвы, въ дѣйствительности, положимъ, не бывшее и только со-

[1]) Исторія сибирскаго похода Ермака Тимоѳеевича, начиная отъ прихода казаковъ въ Усолье къ Строгановымъ и далѣе, разсказывается въ пѣснѣ «Ермакъ взялъ Сибирь», находящейся въ «Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ, собранныхъ Киршею Даниловымъ». Изд. 3-е, Москва, 1878, пѣсня XIII-я, стр. 78—81.

Digitized by Google

зданное творческимъ народнымъ воображеніемъ, но за то прекрасно характеризующее, съ точки зрѣнія народной, отношенія сибирскаго завоевателя къ государству и царской власти. Тутъ историкъ-изслѣдователь можетъ извлечь для себя кое-что пригодное для своихъ положительныхъ изслѣдованій, обыкновенно основывающихся на сибирскихъ лѣтописяхъ и актахъ.

По одной пѣснѣ, славный атаманъ Ермакъ, снаряжаясь ѣхать въ Москву съ повинною, беретъ для себя лучшаго коня, надѣваетъ на него „уздечку тесмянную", кладетъ на него „портники (потники?) бѣлы бумажны", надѣваетъ на коня „сѣдельцо черкасское", привязываетъ его „двѣнадцатью подпругами шелковыми", „не для красы, а для крѣпости"; отправился Ермакъ (или, какъ въ пѣснѣ, Ермилъ) къ царю своему съ повинною. Пріѣзжаетъ атаманъ со своей силой къ царскому дворцу въ Москвѣ, „ко крылечку окрашенному" (Красному?), затѣмъ идетъ онъ „во царски бѣлыя палатушки", гдѣ представляется царю Грозному Ивану Васильевичу и приноситъ ему свою повинную [1]).

Однако, по пѣснѣ „Ермакъ взялъ Сибирь", сибирскому завоевателю не такъ-то легко было найдти доступъ къ самому царю Грозному. Такъ, въ этой пѣснѣ передается, что Ермакъ, по прибытіи въ Москву наканунѣ праздника „Христова дня", прежде всего подкупаетъ въ свою пользу боярина Никиту Романовича—доложить о немъ, Ермакѣ, самому царю Грозному. Когда, наканунѣ Христова дня, царь Иванъ Васильевичъ шелъ отъ заутрени, бояринъ Никита Романовичъ доноситъ ему, что Ермакъ съ товарищами пришли съ повинною и сейчасъ стоятъ на Красной площади. Государь приказываетъ привести ихъ къ себѣ, и „тотчасъ ихъ ко царю,—говорится въ пѣснѣ,—представили въ тѣхъ шубахъ соболиныихъ, и тому царь удивляется, и не сталъ больше спрашивати, велѣлъ ихъ разослать по квартирамъ, до того часу, когда спросятся". Во время наступившаго праздника, между тѣмъ, происходитъ „пированіе почестное" по случаю взятія въ плѣнъ Ермакомъ сибирскаго хана Кучума и покоренія силы татарской Грозному царю. По окончаніи праздника и „пированія почестнаго", прибывшіе въ Москву казаки, съ атаманомъ во главѣ, опять были представлены царю Ивану Васильевичу, и въ этотъ разъ уже

[1]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ любителей россійской словесности. Москва. 1864. Вып. 6-ой. Стр. 37.

Digitized by Google

происходитъ объясненіе между сибирскимъ завоевателемъ и Грознымъ царемъ [1]).

Какъ именно происходило объясненіе, самое свиданіе между Ермакомъ Тимофеевичемъ и царемъ Иваномъ Васильевичемъ, что они говорили другъ другу, — объ этомъ съ разными варіантами передается въ нѣсколькихъ пѣсняхъ, хотя основной характеръ отношеній атамана-завоевателя къ царю остается неизмѣннымъ и представляется вполнѣ ясно. А именно Ермакъ, покоривъ Сибирское царство, смиряется предъ царскою властью: наглядным выраженіемъ этого смиренія служитъ то, что онъ приноситъ въ даръ Грозному царю завоеванное царство Кучума и проситъ государя простить ему всѣ грѣхи его прежней вольной, воровской, казацкой жизни на Волгѣ, Дону и Каспійскомъ морѣ. При этомъ народъ влагаетъ въ уста Ермака Тимоѳеевича рѣчи, изъ которыхъ видно, что сибирскій завоеватель и въ прежнюю свою вольную, воровскую, казачью, разбойничью жизнь не былъ врагомъ царской власти.

По пѣснѣ „Ермакъ взялъ Сибирь", когда завоеватель Сибири со своими боевыми товарищами-казаками явился къ царю, послѣдній, прежде всего, задаетъ вопросъ атаману:

Гой ты еси, Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ!
Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ,
И напрасныхъ душъ губилъ,
И какимъ случаемъ татарскаго
Кучума царя полонилъ,
И всю его татарскую силу
Подъ мою власть покорилъ?

Ермакъ, въ отвѣтъ на это царское обращеніе, падая на колѣни, представляетъ царю, какъ говорится въ пѣснѣ, „письменное извѣстіе обо всемъ своемъ похожденіи" и при этомъ ведетъ такую рѣчь:

Гой еси, вольный царь, царь Иванъ Васильевичъ!
Приношу тебѣ, осударь, повинность свою.
Гуляли мы, казаки, по морю синему
И стояли на протокѣ на Ахтубѣ;
И въ то время годилося мимо идти
Послу персидскому Корамышеву Семену Константиновичу
Со своими солдаты и матросами,
И они напали на насъ своею волею,
И хотѣли отъ насъ поживитися,—

[1]) Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. Изданіе 3-е. Москва. 1878. XIII-ая пѣсня, стр. 82.

Digitized by Google

Казаки наши были пьяные,
А солдаты упрямые,—
И тутъ персидскаго посла устукали,
Со тѣми его солдаты и матросами [1]).

Этотъ отвѣтъ атамана царю Грозному не можетъ считаться особенно характеристическимъ для обрисовки отношеній сибирскаго завоевателя къ русскому царю: тутъ указывается всего только одинъ случай, положимъ, очень важный, изъ вольной, воровской жизни Ермака. Но намъ представляются болѣе интересными для характеристики Ермака, какъ воровскаго атамана, съ точки зрѣнія народной, другіе варіанты повинной, которую принесъ царю Грозному завоеватель Кучумова царства. Такъ, по одной пѣснѣ, которую, однако, нѣкоторые называютъ „странной и сомнительной", Ермакъ, придя „во царски бѣлыя полатушки", обращается къ царю Ивану Васильевичу со слѣдующими словами:

Ты здорово, батюшка нашъ, православный царь,
Иванъ сынъ Васильевичъ!
Я пріѣхалъ къ тебѣ, Ермилъ, съ повинною.
Я шатался-мотался, Ермилъ,
По чисту полю и по синю морю,
Разбивалъ я, Ермилъ, бусы-корабли,
И таксырскіе, и бусурманскіе,
А больше корабли государевы,
Государевы корабелички безъ примѣтушекъ,
Безъ царскаго герба [2]).

Въ этой повинной, принесенной сибирскимъ завоевателемъ царю Грозному, какъ кажется, заключается болѣе точная, ясная народная характеристика жизни Ермака Тимоѳеевича, какъ вольнаго, воровскаго атамана. Есть еще варіантъ повинной Ермака, немного разнящійся отъ только-что приведеннаго, и притомъ не въ содержаніи, а только въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ. А именно, по другой пѣснѣ, атаманъ говоритъ царю Грозному:

Ой ты гой еси, надежа, православный царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
Какъ и я-то, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
Какъ и я-то, воровской донской атаманушка,
Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,

[1]) Ibidem, стр. 83.

[2]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ любителей россійской словесности. Москва. 1864. Выпускъ 6-й. Стр. 37—38.

Digitized by Google

Что по синю морю по Хвалынскому,
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы-корабли,
Какъ и тѣ-то корабли всё не орлёные;
А теперича, надежа, православный царь,
Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой царство Сибирское! [1])

По одному народному разсказу объ Ермакѣ, заключающему въ себѣ также отрывки пѣсни, не сохранившейся въ цѣломъ видѣ, сибирскій завоеватель очень кратко объясняется съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ и приноситъ ему такую повинную:

Я пришелъ къ тебѣ, Грозный царь,
Со товарищемъ съ Ванькой Каиномъ:
Всѣхъ я сиверныхъ странъ запечатальникъ;
Заполонили мы цѣлую Сибирь,
Да пришли къ тебѣ съ повинной головой:
Хоть прости меня, хоть казнить вели! [2])

Какъ бы то ни было, но по народному представленію слѣдуетъ, что Ермакъ принесъ царю Ивану Васильевичу повинную въ своихъ прежнихъ воровскихъ, казацкихъ дѣлахъ и вмѣстѣ съ этимъ предложилъ въ даръ царю Грозному покоренное царство Кучума.

Выслушавъ повинную сибирскаго завоевателя, царь, по нѣкоторымъ пѣснямъ, обращается къ своимъ приближеннымъ за совѣтомъ, какъ слѣдуетъ поступить съ повинившимся атаманомъ, завоевателемъ Сибирскаго царства. Царь спрашиваетъ своихъ князей и бояръ:

Ужъ вы гой еси, князья-бояре
И думные мои боярушки!
Еще что мнѣ дѣлать надъ Ермакомъ:
Иль казнити, иль вѣшати? [3])

По другой пѣснѣ, сохранившейся не вполнѣ и записанной только въ небольшихъ отрывкахъ (какъ уже выше было замѣчено), царь также обращается къ своимъ князьямъ и боярамъ за совѣтомъ, какъ поступить [съ Ермакомъ Тимоееевичемъ, причемъ Иванъ Васильевичъ величаетъ завоевателя Сибири даже сибирскимъ царемъ:

---

[1]) Ibidem, стр. 41.

[2]) Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть II-я. Народныя былины, старины и побывальщины. Москва. 1862. Изданы П. Безсоновымъ и Д. Хомяковымъ. Стр. 231.

[3]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ любителей россійской словесности. Москва. 1864. Выпускъ 6-й. Стр. 38.

Digitized by Google

Обо вы, князья мои бояра,
Вы великіе совѣтнички!
Подите-ка къ намъ крѣпку думушку,
Крѣпку думушку подумати:
Появился къ намъ сибирскій царь,
Сибирскій царь Ермакъ Тимоѳеевичъ,
Ермакъ Тимоѳеевичъ Бургомировъ [1]).

По поводу названія въ пѣснѣ Ермака Тимоѳеевича сибирскимъ царемъ нужно замѣтить, что завоевателю Сибирскаго царства еще въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ приписывается титулъ если не царя, то князя. Такъ въ „Новомъ Лѣтописцѣ", составленномъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, сказано, что будто бы этотъ царь „въ грамотѣ повелѣ Ермолая (т. е. Ермака) именовати княземъ сибирскимъ". Затѣмъ въ одной сибирской лѣтописи Ермакъ въ одномъ случаѣ также называется княземъ [2]). Наконецъ, въ пѣснѣ о помощи Ермака царю Ивану Васильевичу при взятіи Казани упомянуто, что царь наградилъ Ермака княжескимъ достоинствомъ. Почему титулъ князя иногда присвоивается Ермаку Тимоѳеевичу, объяснять не беремся.

Когда царь Иванъ Васильевичъ обратился за совѣтомъ къ своимъ приближеннымъ, какъ слѣдуетъ поступить съ повинившимся атаманомъ, покорителемъ Сибирскаго царства, одинъ изъ думныхъ бояръ подаетъ такое мнѣніе: „Еще мало,—говоритъ боярин,—намъ Ермила (т. е. Ермака) казнити-вѣшати!" Такое мнѣніе, однако, атаману не понравилось, и онъ сказалъ немилостивому боярину:—„Злодѣй бояринъ, не царскій думчій! безъ суда хочешь меня казнити-вѣшати!" Пѣсня далѣе передаетъ, что дѣло не ограничилось при этомъ только одной перебранкой между сибирскимъ завоевателемъ и злымъ бояриномъ. Богатырская сила Ермака Тимоѳеевича,—говорится въ пѣснѣ,—„подымалася и богатырская его кровь разгоралася, вынималъ Ермилъ (т. е. Ермакъ) изъ своихъ ноженъ саблю острую", и буйная голова боярина „отъ плечъ могучихъ отвалилася и по царскимъ палатамъ покатилася". Однако, Ермакъ „въ бѣдѣ сидитъ, бѣдой крутитъ, а думчіе боярушки испугалися, изъ царскихъ палатушекъ разбѣжалися".... [3])

---

[1]) Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть II-я. Народныя былины, старины и побывальщины. Москва. 1862. Изданы П. Безсоновымъ и Д. Хомяковымъ. Стр. 231.

[2]) Краткая сибирская (Кунгурская) лѣтопись. Спб. 1880. Статья 34.

[3]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ любителей россійской словесности. М. 1864. Вып. 6-й. Стр. 38.

Digitized by Google

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что этотъ инцидентъ, происшедшій, по народному представленію, между Ермакомъ и однимъ какимъ-то бояриномъ, разсказывается только въ одной пѣснѣ, которую считаютъ „странной и сомнительной". По всѣмъ же другимъ пѣснямъ, Ермакъ былъ принятъ въ Москвѣ у царя Ивана Васильевича самымъ благосклоннымъ образомъ, и не раздался ни одинъ голосъ, враждебный сибирскому завоевателю.

Въ чемъ же выразилась царская милость къ Ермаку Тимоѳеевичу, когда-то бывшему воровскимъ атаманомъ, а теперь ставшему покорителемъ Кучумова царства? Объ этомъ пѣсни народныя передаютъ съ небольшими оттѣнками различія. Такъ, по одной пѣснѣ, когда атаманъ принесъ царю повинную въ своихъ старыхъ казацкихъ, воровскихъ грѣхахъ и заявилъ, что имъ завоевано Кучумово царство для Бѣлаго царя,—Иванъ Васильевичъ говоритъ сибирскому завоевателю:

Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
Ой ты гой еси, воинской донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный-тихой Донъ! [1]).

Въ другой пѣснѣ разсказывается, что покорителя Кучумова царства за заслуги хотѣли было наградить „златомъ-серебромъ", но Ермакъ Тимоѳеевичъ, какъ и слѣдуетъ русскому богатырю, совершающему великіе подвиги безкорыстно, отвѣчаетъ:

Мнѣ не надо злата-серебра
И камней не надо многоцѣнныихъ,
А принесъ я вамъ куницъ-соболей:
Вы примите-ка, вы почтите-ка
Отъ насъ великую наградушку!

Далѣе въ пѣснѣ сказано по этому случаю, что, хотя „богатый нашъ царь Иванъ Васильевичъ — не бралъ онъ ни злата, ни серебра, а польстился же, взялъ куницъ-соболей" [2]).

О дальнѣйшей судьбѣ атамана, послѣ посѣщенія имъ Москвы, разсказывается въ пѣснѣ „Ермакъ взялъ Сибирь". По этой пѣснѣ дѣло было такъ. На повинную сибирскаго завоевателя, въ ко-

[1]) Ibidem, стр. 41.

[2]) Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть II-я. Народныя былины, старины и побывальщины. Москва. 1862. Изданы П. Безсоновымъ и Д. Хомяковымъ. Стр. 231.

Digitized by Google

торой онъ разсказалъ Грозному царю объ ограбленіи и убійствѣ казаками посла Карамышева съ его солдатами и матросами, царь, какъ говорится въ этой пѣснѣ, не разгнѣвался, но даже пожаловалъ Ермака Тимоѳеевича. Однако, въ чемъ состояло пожалованіе сибирскаго завоевателя за заслуги,—объ этомъ въ пѣснѣ ничего опредѣленнаго не сказано. Затѣмъ царь велѣлъ Ермаку вмѣстѣ съ казаками-товарищами ѣхать обратно въ Сибирь, къ котовскимъ татарамъ, и „брать съ нихъ дани, выходы въ казну государеву". И вотъ атаманъ опять появляется въ Сибири, съ точностію выполняетъ царское повелѣніе: собираетъ съ новыхъ подданныхъ, татаръ, „дани, выходы безъ запущенія" и все крѣпче покоряетъ ихъ подъ власть государеву. Такъ, по пѣснѣ, проходитъ одинъ годъ и другой, какъ вдругъ въ Сибирскомъ царствѣ произошелъ бунтъ, возстаніе: татары взбунтовались и напали на Ермака, когда онъ былъ на рѣкѣ Енисеѣ (sic). Къ несчастію, какъ разъ въ это время атаманъ разослалъ своихъ казаковъ по разнымъ дальнимъ сторонамъ, а самъ съ немногими казаками, всего только въ двухъ лодкахъ-коломенкахъ, остался на Енисеѣ. Однако, и съ малыми силами Ермакъ, по пѣснѣ, храбро бился съ татарами. Во время этой злополучной схватки онъ хотѣлъ по „переходнѣ" перескочить съ одной лодки-коломенки на другую для помощи своимъ товарищамъ въ борьбѣ съ татарами, но поскользнулся, причемъ переходня верхнимъ концомъ поднялась-ударилась о „буйну голову" Ермака и сбросила его въ рѣку Енисей. Тутъ-то Ермакъ и погибъ [1]). Вотъ какимъ образомъ, по народному представленію, жилъ и окончилъ свою буйную, бурную жизнь славный казачій атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, завоевавшій царю Бѣлому бусурманское Сибирское царство.

Во всѣхъ вышеуказанныхъ историческихъ пѣсняхъ народная фантазія заставляетъ Ермака, по завоеваніи имъ Сибири, отправиться съ повинной въ Москву, къ царю. Но есть одна небольшая пѣсня, повидимому, позднѣйшаго происхожденія, записанная отъ одного раскольника-старика въ Орловской губерніи,—пѣсня, которая, положимъ, очень кратко говоритъ о завоеваніи Сибири Ермакомъ, но за то нисколько не противорѣчитъ положительной исторіи.

При царѣ Иванѣ Васильевичѣ, — говорится въ этой пѣснѣ,—

---

[1]) Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. Изд. 3-е. М. 1878. Стр. 83—84.

Digitized by Google

было сначала „время нехорошее, время нездоровое: только слышишь брани-драки, всё-то буйныя дѣла". Но затѣмъ настало время счастливое, и Грозный царь началъ завоевывать разныя страны и присоединять ихъ къ Русской землѣ. Въ эту-то пору въ Сибири,—говорится въ пѣснѣ,—проявился славный крѣпкій казакъ, по прозванью Ермакъ; онъ сражался—не робѣлъ и всей Сибирью завладѣлъ. Завладѣвъ Сибирью, онъ царю послалъ такой поклонъ (а самъ въ Москву къ царю не ѣздилъ, какъ сказано во всѣхъ другихъ историческихъ пѣсняхъ этого рода):

Ты прими, де, Грозный царь, ты поклонъ отъ Ермака,
Посылаю тѣ въ гостинецъ всю Сибирскую страну,
Всю Сибирскую страну: дай прощенье Ермаку! [1]).

Теперь посмотримъ, на сколько согласны историческія пѣсни съ сибирскими лѣтописями въ разсказѣ о завоеваніи Ермакомъ Сибирскаго царства. По изложеннымъ нами пѣснямъ выходитъ, что атаману съ товарищами, послѣ всѣхъ грабежей и разбоевъ, совершенныхъ ими, ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ бѣжать куда нибудь съ Волги и Каспійскаго моря, главныхъ мѣстъ разбойничьяго удальства казаковъ. Пѣсни говорятъ, что Ермакъ и его товарищи, опасаясь гнѣва царя Грознаго, рѣшили въ своемъ войсковомъ кругу перейдти въ Сибирское царство и, чтобы искупить свою вину передъ Бѣлымъ царемъ, завоевать для него это царство.

Если изъ этихъ данныхъ исключить указаніе на то, что казаки стремились къ завоеванію Сибирскаго царства изъ желанія заслужить свои вины предъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, то въ общемъ мотивъ, въ силу котораго воровскіе казаки отправились въ сибирскій походъ, представится однимъ и тѣмъ же, какъ въ историческихъ пѣсняхъ, такъ и въ одной изъ сибирскихъ лѣтописей. Казаки, опасаясь царскаго гнѣва за свои разбои въ Россіи, должны

[1]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ любителей россійской словесности. Москва. 1864. Выпускъ 6-й. Стр. 41.—Въ пѣсняхъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ (ч. II-я, народныя былины, старины и побывальщины, изданныя П. Безсоновымъ и Д. Хомяковымъ въ Москвѣ, 1862 г., стр. 230 и слѣд.), есть разсказъ, записанный собирателемъ пѣсенъ со словъ одного крестьянина въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. По этому разсказу, Ермакъ завоевалъ Сибирское царство, при дѣятельномъ участіи Стеньки Разина и Ваньки Каина, какъ младшихъ своихъ помощниковъ. Въ этомъ же разсказѣ, какъ выше было замѣчено, заключаются отрывки пѣсни о принесеніи Ермакомъ повинной царю Ивану Васильевичу.

Digitized by Google

были выбрать новую арену для своихъ разбойничьихъ подвиговъ, и Сибирское царство казалось имъ наиболѣе подходящимъ для этой цѣли. „Слышавъ благочестивый царь Іоаннъ Васильевичъ,—говорится въ Ремезовской лѣтописи, — на таковыхъ (т. е. казаковъ) взысканіе посла, сильныхъ свои вои, повелѣ вся избити, а начальныхъ, поимавъ, скончати, да не имутъ казны его разбивати и пути запирати“ [1]). „И того жъ 85 году, октября 1 день,—продолжаетъ та же лѣтопись,—посланъ указъ отъ великаго государя со стольникомъ Иваномъ Мурашкинымъ по дорогѣ и въ Астрахань, гдѣ тѣхъ воровъ ни застанетъ, тутъ пытать, казнить и вѣшать. Ермакъ же совѣтомъ съ дружиною, услыша грозное слово и дѣло, августа съ 29 числа, и съ возвратомъ сдумали бѣжать въ Сибирь разбивать“... [2]).

Въ пѣснѣ „Ермакъ взялъ Сибирь“ хотя и сказано, что казаки, прежде чѣмъ отправиться въ Сибирь, пришли къ Строгановымъ и взяли у нихъ хлѣбныхъ запасовъ, а также свинца и пороха, но эта пѣсня ничего не говоритъ о характерѣ отношеній Строгановыхъ и Ермака съ товарищами, т. е. сами ли Строгановы призвали съ Волги казаковъ и надѣлили ихъ всѣмъ необходимымъ для сибирскаго похода, какъ утверждаетъ Строгановская лѣтопись [3]), или же казаки путемъ насилія взяли у Строгановыхъ хлѣбъ и боевые припасы, какъ объ этомъ повѣствуетъ Ремезовъ въ своей лѣтописи [4]). Въ Есиповской лѣтописи ровно ничего не говорится о Строгановыхъ, а о казакахъ, отправившихся въ сибирскій походъ, сказано только, что „пріидоша сіи воины съ Волги въ Сибирь“ [5]). Почему казаки вздумали идти въ Сибирское царство, Есиповская лѣтопись не объясняетъ и, между прочимъ, только упоминаетъ, что „посла Богъ (Ермака съ товарищами) очистити мѣсто святыны и побѣдити бесерменскаго царя Кучюма и разорити богомерзкія ихъ и нечестивая капища“... [6]).

Интересно посмотрѣть, на сколько вѣрно историческія пѣсни описываютъ направленіе похода Ермака въ Сибирь. Нужно замѣ-

---

[1]) Краткая сибирская (Кунгурская) лѣтопись. Спб. 1880. Статья 4.

[2]) Ibidem, статья 5.

[3]) Покореніе Сибири. Соч. П. Небольсина. Приложенія. Строгановская лѣтоп., глава XI.

[4]) Краткая сибирская (Кунгурская) лѣтопись. Спб. 1880. Статья 7-я.

[5]) Покореніе Сибири. Соч. П. Небольсина. Приложенія. Есиповская лѣтопись, глава VIII-я.

[6]) Ibidem, глава VII-я.

Digitized by Google

тить, что направленіе пути казаковъ въ Сибирское царство, до крайнихъ предѣловъ тогдашней Пермской земли, болѣе или менѣе подробно описано только въ одной изъ изданныхъ доселѣ сибирскихъ лѣтописей—Ремезовской, а во всѣхъ остальныхъ о движеніи казаковъ до границъ Сибирскаго царства говорится очень кратко. Поэтому въ данномъ случаѣ пѣсни историческія придется сравнить только съ Ремезовской лѣтописью. По историческимъ пѣснямъ, казаки, взявъ у Строгановыхъ все необходимое для похода, пошли вверхъ по Чусовой, остановились для зимовки, затѣмъ весной продолжали путь по р. Серебряной и дошли до рѣчки Жаровли, далѣе перешли Баранченскій волокъ, плыли по р. Баранчѣ, дошли до Тагила, на этой рѣкѣ остановились у Медвѣдь-камня Магницкаго, гдѣ пробыли „съ весны до Троицева дня", затѣмъ продолжали путь по Тагилу и вступили въ Туру, гдѣ уже начиналось Сибирское царство. Если этотъ маршрутъ сибирскаго похода Ермака сравнить съ маршрутомъ такъ называемаго 2-го похода казаковъ въ Сибирь (въ Ремезовской лѣтописи еще говорится о 1-омъ неудачномъ походѣ Ермака въ Сибирь, о чемъ въ историческихъ пѣсняхъ ничего не упоминается), то свѣдѣнія пѣсенъ и лѣтописи Ремезова замѣчательно совпадаютъ, кромѣ нѣкотораго разногласія въ указаніяхъ о мѣстахъ зимовокъ казаковъ.

„Въ 87, іюня 12 день,—говорится въ лѣтописи Семена Ремезова,—поидоша (казаки) по Чюсовой вверхъ до Тагилскаго волока... не попали въ Серебренку въ устіе, прошли выше въ вершину... И дошедъ Серебренки, идоша и тяжелые суды покинуша на Серебренкѣ, и легкіе струги таскали чрезъ волокъ на Тагилъ рѣку, и на Бую городищѣ зимовали"... [1]) „Веснѣ же пришедши,—продолжаетъ та же лѣтопись,—поплыша внизъ по Тагилу маія въ 1 день, разбиваше суды по Турѣ до перваго князя Епанчи, идѣже нынѣ Епанчинъ Усениново стоитъ"... [2])

Также согласно съ историческими пѣснями путь казаковъ до Сибири описанъ въ Строгановской лѣтописи по Толстовскому списку. „Атаманы жъ и казаки, — говорится въ этомъ спискѣ,—поидоша по Чюсовой рекѣ вверхъ, до усть Серебряные рѣчки шли 4 дни и доидоша до Сибирския дороги до волоку, и тутъ на волоку земляной городокъ поставиша и назваша его Ермаковъ Кокуй городокъ. И с того мѣста возились казаки за во-

[1]) Краткая сибирская (Кунгурская) лѣтопись. Спб. 1880. Статья 6-я.
[2]) Ibidem, статья 14-я.

Digitized by Google

локъ 25 поприщъ на рѣку жъ, зовомую Жеравли, и по той рецѣ поидоша внизъ и вышедъ на Тагиль рѣку, и Тагиломъ вышли въ Сибирскую землю, и оттоле старѣйшинство приятъ назватися Тура" [1]).

Въ пѣснѣ „Ермакъ взялъ Сибирь" говорится, что казаки изъ Туры вступили въ рѣку Епанчу (sic!). Здѣсь въ пѣснѣ произошло смѣшеніе села Епанчина съ рѣкой; въ этомъ селѣ случилось первое столкновеніе Ермака съ сибирскими татарами [2]). Самая исторія похода и сраженій казаковъ съ татарами въ Сибири въ пѣсняхъ историческихъ излагается отрывочно, и въ полнотѣ и въ вѣрности передаваемыхъ фактовъ далеко уступаетъ той же исторіи, сообщаемой лѣтописями. Однако, и въ этомъ случаѣ въ пѣснѣ „Ермакъ взялъ Сибирь" находится нѣсколько совершенно достовѣрныхъ географическихъ указаній. Такъ, напримѣръ, въ пѣснѣ „Ермакъ взялъ Сибирь" упоминаются—Мяденскія (Медянскія) юрты, поселеніе на рѣчкѣ Медянкѣ, притокѣ Тобола, недалеко отъ Иртыша [3]); затѣмъ Соуксанская (Саусканская) лука, полоса земли, окруженная изгибомъ Иртыша, выше Тобольска; далѣе рѣчка Сибирка, притокъ Иртыша, вблизи Тобольска [4]), и, наконецъ, Медвѣдь-камень. Подъ послѣднимъ названіемъ слыветъ до сихъ поръ одинъ высокій утесъ на Уралѣ, на берегу р. Тагила, въ Пермской губерніи, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, по дорогѣ изъ Нижнетагильскаго завода къ Кушвинскому, въ 16 верстахъ отъ перваго. Утесъ состоитъ изъ гранита и поросъ пихтовымъ лѣсомъ. Дорога идетъ мимо утеса близъ береговъ рѣки, и здѣсь стоитъ столбъ съ надписью: „Преданіе гласитъ: Ермакъ"...—нижняя половина надписи отбита. По сохранившемуся преданію, здѣсь зимовалъ Ермакъ на пути въ Сибирь [5]).

Въ вопросѣ о численности дружины атамана-завоевателя пѣсня „Ермакъ взялъ Сибирь" представляетъ значительное разногласіе съ сибирскими лѣтописями, которыя, въ свою очередь, въ этомъ пунктѣ

---

[1]) Толстовскій списокъ Строгановской лѣтописи еще не изданъ и теперь приготовляется къ печати, вмѣстѣ съ другими сибирскими лѣтописями, археографической коммиссіей, подъ редакціей Л. Н. Майкова.

[2]) Краткая сибирская (Кунгурская) лѣтопись. Спб. 1880, статья 14-я.

[3]) Чертежная книга Сибири, составленная въ 1701 году тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ. Спб. 1882, листъ 2-ой.

[4]) Ibidem, л. 2-ой.

[5]) Географическій словарь Россійской имперіи, составленный подъ редакціей Семенова.

Digitized by Google

также даютъ слишкомъ разнорѣчивыя свѣдѣнія. По Есиповской лѣтописи, всѣхъ казаковъ, отправившихся съ Ермакомъ въ Сибирь, было 540 человѣкъ [1]); по Строгановской—840 [2]), а по Ремезовской лѣтописи, у Ермака при выступленіи въ походъ былъ 5-ти тысячный отрядъ, который по мѣрѣ движенія впередъ въ Сибирь значительно уменьшался, такъ что, когда казаки были на Тоболѣ, ихъ было уже немного болѣе тысячи [3]). Здѣсь не мѣсто рѣшать вопросъ о численности Ермаковой дружины, но если бы кто нибудь сталъ писать исторію завоеванія Сибирскаго царства, тому необходимо обратить вниманіе на число казаковъ, означенное въ исторической пѣснѣ.

Въ историческихъ пѣсняхъ, какъ мы видѣли, народъ изображаетъ, какъ атаманъ Ермакъ самъ прибылъ изъ Сибири въ Москву, принесъ повинную Бѣлому царю и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ ему въ даръ завоеванное царство. Какъ извѣстно изъ сибирскихъ лѣтописей, эта миссія была выполнена Иваномъ Кольцо, однимъ изъ товарищей-атамановъ Ермака, а не самимъ сибирскимъ завоевателемъ, какъ то представляетъ себѣ народъ въ пѣснѣ. Но въ пѣснѣ интересно указаніе на то, что царю казаками, прибывшими изъ Сибири, было подано „письменное извѣстіе обо всемъ своемъ похожденіи". И дѣйствительно, сибирскія лѣтописи единогласно говорятъ, что Ермакъ послалъ въ Москву отписку [4]) о завоеваніи имъ Сибирскаго царства, а въ одномъ изъ списковъ Есиповской лѣтописи приводится даже текстъ этой отписки Ермака [5]). До сихъ поръ этотъ драгоцѣнный актъ въ архивахъ, къ сожалѣнію, не найденъ, и неизвѣстно, сохранился ли онъ, или уже утраченъ безвозвратно.

Наконецъ, замѣтимъ о томъ, какъ окончилъ свою жизнь Ермакъ. Въ пѣснѣ „Ермакъ взялъ Сибирь" говорится, что завоеватель Сибири утонулъ. По Строгановской лѣтописи, атаманъ былъ убитъ въ сраженіи съ татарами [6]), а по Есиповской и Ремезовской лѣто-

---

[1]) Покореніе Сибири. Соч. П. Небольсина. Приложенія: Есиповская лѣтопись, глава VII «О пришествіи Ермаковѣ въ Сибирь».

[2]) Ibidem, Строгановская лѣтопись, глава XI-я.

[3]) Краткая сибирская (Кунгурская) лѣтопись, составленная Семеномъ Ремезовымъ. Спб. 1880. Статья 7 и 36.

[4]) Покореніе Сибири. Соч. П. Небольсина. Приложенія: Строгановская лѣтопись, глава XXII; и Краткая сибирская (Кунгурская) лѣтопись. Спб. 1880. Статья 84 и 85.

[5]) Ibidem, Есиповская лѣтопись, глава XVI.

[6]) Ibidem, Строгановская лѣтопись, глава XXVIII.

Digitized by Google

писямъ—когда на Иртышѣ татары врасплохъ, ночью, напали на спавшихъ казаковъ, Ермакъ, видя, что татары одолѣваютъ, хотѣлъ вскочить въ стругъ и убѣжать, но стругъ отсталъ отъ берега, такъ что Ермаку приходилось достигать струга вплавь, и онъ, одѣтый въ тяжелый панцырь, не могъ плыть и „утопе“ [1]). Пѣсня говоритъ о кончинѣ Ермака почти согласно съ этими лѣтописями; только въ пѣснѣ сказано, что Ермакъ не бѣжать хотѣлъ, а, напротивъ, спѣшилъ на „спомоганіе“ своимъ товарищамъ.

Закончивъ въ настоящей статьѣ нашъ очеркъ объ Ермакѣ Тимоѳеевичѣ по историческимъ пѣснямъ русскаго народа, мы считаемъ нужнымъ еще разъ замѣтить, что при сопоставленіи этихъ пѣсенъ съ сибирскими лѣтописями мы обращали вниманіе только на нѣкоторые главнѣйшіе пункты, не вдаваясь въ слишкомъ подробныя, спеціальныя изслѣдованія, которымъ мы не можемъ дать здѣсь мѣста, но и сказаннаго нами, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, какъ важно для положительной исторіи знакомство съ историческими пѣснями объ Ермакѣ и завоеваніи имъ Сибирскаго царства. Изучая эти пѣсни, мы знакомимся съ тѣмъ смысломъ, какой придается русскимъ народомъ завоеванію Сибири и самому виновнику этого событія, Ермаку. Нужно только разгадать то, что есть неяснаго въ этихъ народныхъ пѣсняхъ, и тогда личность завоевателя Сибирскаго царства предстанетъ предъ нами полною жизни и освободится отъ покрывающаго ее легендарнаго тумана.

Въ слѣдующей нашей отдѣльной статьѣ мы надѣемся представить очеркъ объ Ермакѣ по былинамъ, какъ о русскомъ могучемъ богатырѣ, подвизающемся вмѣстѣ съ Ильей Муромцемъ въ борьбѣ съ „погаными“ татарами, этими стародавними врагами Русской земли. Предметомъ дальнѣйшаго нашего изслѣдованія будутъ преданія объ Ермакѣ, сохранившіяся въ мѣстныхъ лѣтописяхъ и въ посняхъ сибирскихъ татаръ, и, наконецъ, особо разсмотримъ, какъ представлена жизнь и дѣятельность славнаго атамана-завоевателя въ различныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ, какъ-то: поэмахъ, трагедіяхъ, разсказахъ, повѣстяхъ и романахъ.

А. Оксеновъ.

---

[1]) Покореніе Сибири. П. Небольсина. Приложенія: Есиповская лѣтопись, глава XXIV, и Краткая сибирская (Кунгурская) лѣтопись. Спб. 1880. Статья 106.

Digitized by Google

СХЕМА ИСТОРІИ СИБИРСКОЙ ОБЩИНЫ.

I.

Отъ многихъ наблюдавшихъ сибирскую крестьянскую жизнь можно услышать жалобы на то, что эта жизнь, по своей хаотичности, не поддается никакому обобщенію и что каждая сибирская деревня имѣетъ свои обычаи, не имѣющіе ничего общаго съ порядками другой. Что̀ касается поземельной общины, то она, кажется, болѣе всего возбуждаетъ множество противорѣчивыхъ заявленій; такъ, одни говорятъ, что община въ Сибири сохранилась во всей своей цѣлости; другіе утверждаютъ, что здѣсь общины вовсе нѣтъ, если не считать жалкихъ слѣдовъ ея! При этомъ и тѣ, и другіе наблюдатели приводятъ въ подкрѣпленіе своихъ выводовъ дѣйствительно существующіе факты; пишущій эти строки самъ находился въ такомъ положеніи наблюдателя, тщетно старающагося распутаться въ массѣ окружающихъ его противорѣчій.

Между тѣмъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія, дѣло объясняется довольно просто: наблюдатели смѣшивали общины разныхъ періодовъ исторіи, отчего и получались противорѣчія. Если мы возьмемъ небольшую мѣстность Сибири, если возьмемъ въ этой мѣстности двѣ смежныя волости, то мы, всетаки, не имѣемъ никакого права думать, что порядки у всѣхъ деревень этой мѣстности одни и тѣ же. Типъ общины во всѣхъ деревняхъ дѣйствительно одинъ и тотъ же, но почти каждая деревня переживаетъ иной періодъ исторіи: одна волость, или одно общество, подвинулась далеко въ развитіи общиннаго типа, другая волость меньше, а третья находится еще въ томъ періодѣ развитія, съ котораго только началась исторія сибирской поземельной общины; но самый типъ общины у всѣхъ одинъ и тотъ же; да и не одинъ типъ, но даже путь развитія у всѣхъ ихъ одинаковъ.

Digitized by Google

Цѣль этой статьи и заключается въ томъ, чтобы намѣтить путь, по которому шла исторія сибирской поземельной общины, и тѣ типическія черты, которыя характеризуютъ ее. Вполнѣ вѣрный вообще для сибирской деревни, этотъ путь будетъ схемой для каждаго даннаго случая,—схемой, которая и во всѣхъ деталяхъ совпадаетъ съ порядками данной деревни.

II.

Въ большей половинѣ Тюкалинскаго округа, въ нѣкоторыхъ волостяхъ Курганскаго и Ишимскаго округовъ Тобольской губ., до сихъ поръ землевладѣніе устроено на правѣ перваго захвата; такое устройство и было началомъ развитія современной намъ общины. Каждая волость не знаетъ своихъ предѣловъ, крестьяне владѣютъ тѣмъ, что каждый взялъ. Ближайшія къ деревнямъ угодья подѣлены по душамъ, а все остальное пространство вольное. Богатый домохозяинъ здѣсь владѣетъ иногда сотней, двумя сотнями десятинъ, воздвигая на землѣ заимки, и никто не вмѣшивается въ его владѣнія. Всякій другой домохозяинъ также пашетъ землю, рубитъ лѣсъ, коситъ траву тамъ, гдѣ онъ хочетъ; для этого на облюбованномъ мѣстѣ онъ ставитъ только знакъ—и право владѣнія надъ захваченнымъ мѣстомъ за нимъ обезпечено. Если у третьяго домохозяина есть цѣлое стадо скота, то онъ въ правѣ пасти его по всѣмъ полямъ, не занятымъ никѣмъ подъ посѣвъ или подъ луга.

Такъ было и въ началѣ заселенія Сибири, съ тою лишь разницею, что тогда не было нужды дѣлить даже и ближайшія къ поселенію угодья.

Вскорѣ послѣ завоеванія Зауралья, когда воинственная вольница отхлынула дальше въ глубь востока для новыхъ завоеваній, на очищенныхъ уже отъ туземцевъ мѣстахъ стали появляться дѣйствительные колонизаторы, земледѣльцы, пришедшіе въ новую страну не для воинственныхъ приключеній, а ради болѣе свободной работы въ свободной странѣ. Шли они не по одиночкѣ, а цѣлыми группами, хотя часто сбродными; селились также не на отдѣльныхъ заимкахъ, а цѣлыми поселками, не столько ради безопасности отъ нападеній оставшихся туземцевъ, сколько по инстинктивному стремленію жить всюду міромъ.

Правда, на первыхъ порахъ колонистамъ пришлось отстаивать свое существованіе съ оружіемъ въ рукахъ, отражая частыя нападенія инородцевъ, но, разъ послѣдніе были усмирены и обезси-

Digitized by Google

лены, ничто уже не мѣшало русскимъ пришельцамъ устроиться по образцу западно-европейскихъ колонистовъ и основать отдѣльныя, на правахъ личной собственности, заимки; между тѣмъ, они селились, всетаки, цѣлыми деревнями и не разбредались въ разныя стороны. Это и послужило основаніемъ міра въ новой странѣ.

Но, съ современной точки зрѣнія, это былъ довольно странный міръ. Каждый членъ этого міра дѣлалъ, что только ему хотѣлось: онъ распахивалъ землю, косилъ траву, рубилъ лѣсъ, ловилъ рыбу столько и тамъ, сколько и гдѣ ему нравилось, не обращая вниманія на другихъ людей и какъ бы совершенно игнорируя ихъ существованіе. Вмѣшательства со стороны міра онъ не встрѣчалъ, такъ какъ владѣнія общины были безпредѣльны; вмѣшательства со стороны администраціи, если только можно назвать этимъ именемъ тогдашній составъ власти, также онъ не встрѣчалъ, вспоминаемый ею только тогда, когда съ него нужно было взыскать „государевы повинности"; столкновенія изъ-за права владѣнія происходили только между отдѣльными домохозяевами, въ томъ случаѣ, когда два или нѣсколько человѣкъ заявляли притязаніе на одно и то же владѣніе. Но эти столкновенія, благодаря обилію и богатству мѣстъ владѣнія, едва ли были серьезны и продолжительны.

Такимъ образомъ, ни малѣйшаго ограниченія съ какой бы то ни было стороны сибирскій колонистъ не встрѣчалъ, имѣя полную возможность дѣлать что ему угодно. Это было состояніе хаотическое, неопредѣленное; это было время, когда не было, строго говоря, никакой системы собственности по отношенію къ естественнымъ богатствамъ; каждый бралъ изъ этихъ богатствъ столько, сколько онъ былъ въ силахъ взять, никого не спрашивая, можно брать или нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, міръ, какъ высшая правовая единица, и тогда существовалъ, и не de jure только, не въ инстинктахъ только людей, а фактически. Вмѣшивался онъ по приглашенію отдѣльныхъ споривших членовъ своихъ, а иногда, быть можетъ, и безъ такого приглашенія, когда одинъ членъ совершалъ надъ другимъ явное насиліе. Не говоря уже о другихъ сторонахъ жизни, но даже и чисто поземельныя отношенія съ теченіемъ времени требовали иногда вмѣшательства міра; когда кто нибудь отнималъ у другаго уже захваченный послѣднимъ участокъ земли, то споръ между ними могъ рѣшить только міръ, во-первыхъ, потому, что никакой другой посреднической власти тогда не было, а, во-вторыхъ, потому что міръ обладалъ реальной силой преобладанія цѣлаго надъ

Digitized by Google

частью и нравственной силой общественнаго мнѣнія. Міръ въ то время составлялъ единственную прочную власть, молчаливо признаваемую всѣми его членами, и только онъ одинъ способенъ былъ прекращать отъ времени до времени возникавшія недоразумѣнія между его членами. Можно также сказать, что онъ одинъ, крестьянскій міръ, болѣе всего помогъ колонизаціонному развитію и далъ возможность быстраго роста и развитія русскихъ поселеній.

Однако, съ теченіемъ времени, когда населеніе новой страны стало многолюднѣе, а природныя богатства были приведены въ извѣстность, недоразумѣнія между отдѣльными членами міра становились болѣе частыми, и на долю послѣдняго пришлось больше случаевъ вмѣшательства въ дѣла своихъ членовъ, доводившихъ споръ между собой нерѣдко до кровавыхъ столкновеній. Стала все чаще и чаще возникать борьба изъ-за угодій не только между отдѣльными домохозяевами одного поселка, но и между разными поселками, жившими по сосѣдству; судя по даннымъ, болѣе близкимъ къ нашему времени, борьба между разными сосѣдними поселками велась даже ожесточеннѣе и болѣе продолжительное время; во многихъ деревняхъ и теперь еще продолжается безконечная распря изъ-за земли, причемъ ни та, ни другая сторона не могутъ какъ нибудь раздѣлиться и продолжаютъ жить враждебными сосѣдями, владѣя сообща спорными участками.

Надо еще замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ поземельной единицей былъ не поселокъ, а цѣлая группа поселковъ, составившихъ впослѣдствіи волость; такимъ образомъ, границъ между поселками не существовало; всѣ поселки, составлявшіе волость, владѣли землей нераздѣльно, между тѣмъ, владѣнія волости иногда простирались верстъ на пятьдесятъ въ діаметрѣ. Не трудно понять тотъ хаосъ, который происходилъ тогда, въ особенности при увеличеніи народонаселенія; сталкивались между собой члены одного поселка, сталкивались поселки, сталкивались даже волости, ибо и границы волостей представлялись всѣмъ довольно смутно.

Дѣло часто доходило до кровавыхъ дракъ. Жители извѣстной волости заѣзжали на землю другой волости—происходила драка, въ особенности во время сѣнокосовъ; шли стѣна на стѣну и дрались чѣмъ попало—кольями, литовками, палками.

Одно изъ удобствъ при наблюденіи сибирской жизни заключается въ томъ, что до самаго послѣдняго времени здѣсь сохранились слѣды всей исторіи и всего пути, по которому шла жизнь.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, столкновенія между разными волостями, какъ остатокъ старины, и до сего дня существуютъ въ нѣкоторыхъ, даже густо населенныхъ, мѣстностяхъ Сибири, напримѣръ, въ южной полосѣ Тобольской губерніи. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Ишимскомъ округѣ то и дѣло совершались драки между жителями двухъ смежныхъ волостей изъ-за сѣнокосовъ, считаемыхъ вольными, не принадлежащими ни одной въ отдѣльности волости. То же самое и теперь еще происходитъ изъ-за нѣкоторыхъ лѣсныхъ участковъ, притязанія на которые заявляютъ двѣ волости, или даже сразу нѣсколько волостей.

Характеризуя вкратцѣ этотъ первый періодъ сибирскаго землевладѣнія, продолжающійся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и до сего дня, мы можемъ сказать, что тогда не было никакихъ границъ. Вся земля принадлежала всѣмъ вообще людямъ, каждый домохозяинъ, каждый поселокъ и каждая волость занимали мѣста, какія имъ только нравились; границей извѣстнаго владѣнія служила только невозможность работать дальше извѣстнаго пространства: невозможно для домохозяина отъѣхать отъ мѣста своего жительства на сто верстъ и приняться за обработку земли, до которой надо ѣхать два дня, хотя это онъ и въ правѣ былъ сдѣлать, потому что этотъ далекій клочекъ, какъ и вся вообще земля, принципіально принадлежалъ ему также, какъ и всѣмъ людямъ; онъ могъ по праву, всѣми признаваемому, отъѣхать отъ своего дома за сто верстъ и тамъ распахивать, сѣять, косить сѣно, рубить лѣсъ, и, если кто могъ прогнать его отсюда коломъ, то лишь потому, что онъ не успѣлъ занять мѣста первымъ, а пріѣхалъ уже на занятое мѣсто.

Такимъ образомъ, право перваго захвата было единственнымъ регуляторомъ поземельныхъ отношеній. Это право абсолютно признавалось всѣми; разъ такой-то человѣкъ занялъ извѣстный участокъ, поставивъ на немъ какой нибудь знакъ, и участокъ былъ уже его, и онъ могъ владѣть имъ, сколько ему хотѣлось.

Но такой порядокъ вещей, довольно правильно выполняя свою роль между рѣдкимъ населеніемъ, былъ удобенъ только въ первое время. Затѣмъ, когда народу стало больше и когда естественныя границы каждаго поселка и каждой волости стали обрисовываться яснѣе, тогда отсутствіе границъ и безграничная свобода въ пользованіи землей сдѣлались уже недостаточными для правильности отношеній. Все чаще и чаще между волостями стали возникать столкновенія, превратившіяся въ концѣ концовъ

Digitized by Google

въ безконечную распрю; все яснѣе и яснѣе обозначались въ сознаніи жителей естественныя границы каждой волости.

Тогда начались раздѣлы. Каждая группа деревень, составлявшая волость, старалась обособиться отъ другой группы, оградивъ себя отъ другихъ точной гранью, за предѣлъ которой никто уже не смѣлъ бы переступить съ сохой, съ косой и съ топоромъ. Равность владѣнія и естественныя границы всего болѣе способствовали этому стремленію обособиться; для каждой волости было очевидно, что должно было ей принадлежать и что должно было отнести къ другимъ смежнымъ волостямъ. Когда очевидность эта стала для нихъ ясною, мало-по-малу появились межи между волостями, проводимыя (часто мысленно только) самими крестьянами, или же при посредствѣ землемѣровъ, если борьба доходила до полнѣйшаго разногласія, и раздѣлъ не могъ совершиться безъ посторонняго лица.

Землемѣры приглашались крестьянами и въ тѣхъ случаяхъ когда обѣ волости, рѣшившіяся обособиться, желали возможной точности и равенства въ раздѣлѣ. Впрочемъ, главной основой раздѣла служили, всетаки, вышеупомянутые два принципа—давность владѣнія и естественныя границы, благодаря чему угодья по волостямъ распредѣлились неравномѣрно, не только по качеству, но и по количеству. Когда же впослѣдствіи были посланы казенные землемѣры, то имъ пришлось въ большинствѣ случаевъ только констатировать совершившіеся факты.

Раздѣленіе волостей и было первымъ шагомъ на пути опредѣленія правъ владѣнія. Нечего, кажется, прибавлять, что такое раздѣленіе совершилось не вездѣ и въ наше время. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что даже и въ развитыхъ округахъ Тобольской губ., съ густымъ населеніемъ, то и дѣло попадаются волости, въ которыхъ даже и послѣ раздѣла сушествуютъ вольныя земли, ни одной волости въ отдѣльности не принадлежащія и находящіяся въ общемъ пользованіи смежныхъ волостей; но о происхожденіи такихъ участковъ мы скажемъ ниже.

Теперь же надо прибавить, что, кромѣ раздѣленія волостей между собою, первый періодъ характеризуется еще только раздѣломъ на каждаго домохозяина усадебныхъ земель и огородовъ; оба эти разряда угодій съ перваго же дня населенія стали наслѣдственной собственностью каждаго домовладѣльца, хотя верховное право надъ ними принадлежало общинѣ, которая передавала ихъ другому хозяину, въ случаѣ безвѣстной отлучки перваго, или

Digitized by Google

когда онъ умиралъ, не оставляя послѣ себя родныхъ. Во всемъ остальномъ пользованіе огородами и усадьбами было неограниченно.

III.

Право захвата осталось во всей силѣ, хотя, послѣ раздѣла волостей, могло практиковаться только уже въ предѣлахъ данной волости. Всякій имѣлъ право пользоваться всѣмъ, что только было въ его волости, онъ могъ отправиться на другой конецъ волости и, не обращая вниманія на неудобства, заѣхать за тридцать верстъ отъ своей деревни и нарубить лѣсу, или покосить травы, гдѣ ему понравится; онъ могъ также завладѣть участкомъ пахотной земли, лежащимъ въ противоположной сторонѣ, и обработать его, провезя соху съ бороной сорокъ верстъ; и, если только понравившіяся ему угодья никѣмъ не были заняты, то ничто не могло помѣшать ему выполнить все это.

Такъ и происходило въ дѣйствительности. Поселки, составлявшіе волости, владѣли всей землей нераздѣльно. Пахотныя земли распредѣлялись часто такъ, что одинъ поселокъ обрабатывалъ землю, находящуюся у самой околицы другаго, отдаленнаго поселка, а этотъ, въ свою очередь, распахивалъ участки, которые естественнымъ образомъ примыкали къ третьему поселку. Пока населеніе было рѣдкое, а количество земельныхъ угодій было неограниченное, этотъ порядокъ не представлялъ особенныхъ неудобствъ; но время шло, населеніе умножалось, отношенія становились сложнѣе, взаимныя недоразумѣнія учащались, законъ необходимости вступалъ въ свои права. Какъ раньше каждая волость обособлялась естественными, неизбѣжными границами, такъ теперь каждая деревня притягивала къ себѣ окружающія ее земли; въ этомъ случаѣ каждая деревня походила на ячейку пчелинаго сота, которая неизбѣжнымъ образомъ принимала извѣстную форму, ограничивая только пространство, дѣйствительно ей принадлежащее.

Мало-по-малу поселокъ, деревня, село, т. е. община въ собственномъ смыслѣ этого слова, выдѣляли свои интересы отъ интересовъ волости и другихъ деревень, вслѣдствіе чего земельно-владѣльческой единицей постепенно дѣлалась община, пока, наконецъ, не совершился формально раздѣлъ волости на отдѣльныя, самостоятельныя общины.

Но, прежде чѣмъ это произошло, нужно было много борьбы, споровъ, дракъ, продолжающихся и понынѣ въ тѣхъ деревняхъ,

Digitized by Google

которыя почему либо не могутъ развязаться другъ съ другомъ. Первые шаги обособленія поселковъ заключались въ присвоеніи ближайшихъ земель каждымъ поселкомъ; притомъ раздѣлялись сначала пахотныя земли, обработка которыхъ, по своей продолжительности, требуетъ, чтобы онѣ находились вблизи къ мѣсту жительства работниковъ; едва ли даже раздѣленіе этихъ земель сопровождалось какими нибудь несогласіями, потому что принадлежность ихъ къ каждому поселку очевидна была для всѣхъ. Но не такъ легко раздѣлялись земли отдаленныя, принадлежность которыхъ къ данной общинѣ могла быть оспариваема; иногда раздѣлъ ихъ представлялъ непреодолимыя трудности; что касается лѣсовъ, луговъ, рыбныхъ водъ и пр., то присвоеніе ихъ отдѣльными общинами могло только совершиться путемъ насилія.

Представимъ себѣ слѣдующій, то и дѣло встрѣчающійся до послѣдняго времени, случай. Одинъ изъ сосѣднихъ поселковъ имѣетъ въ естественной своей границѣ хорошій, цѣнный лѣсъ, а другой имѣетъ, тоже въ естественной своей чертѣ, хорошіе луга. До раздѣла обѣ общины пользовались этими угодьями сообща, соблюдая полное равенство; но, когда настала пора для обѣихъ общинъ раздѣлиться, то ни та, ни другая не желала упустить права пользоваться угодьями общими; одна не хотѣла лишиться лѣса, а другая луговъ. Всѣ остальныя земли онѣ раздѣлили, а луга и лѣсъ такъ и остались въ общемъ пользованіи.

Какъ бы то ни было, но раздѣлъ волости на общины самостоятельныя сдѣлался, въ многолюдныхъ округахъ Сибири, неизбѣжнымъ, настоятельно желаемымъ всѣми, и онъ совершился. Инициатива этого дѣла принадлежала самимъ крестьянамъ; сами крестьяне на свой счетъ нанимали землемѣровъ и дѣлили землю. И только въ случаѣ полнѣйшаго разногласія между деревнями, когда безъ посторонняго посредника онѣ не въ состояніи были раздѣлиться, дѣло доходило до администраціи, которая и посылала казенныхъ землемѣровъ. Многимъ общинамъ удалось окончательно раздѣлиться.

Этимъ и закончился второй періодъ исторіи сибирской общины; никто не станетъ сомнѣваться въ важности этого народнаго акта: община, раздѣломъ волости на обособленныя деревни, возвратила себѣ верховныя права, до этого времени не находившія себѣ приложенія, благодаря господству системы захвата. Уже и раздѣломъ между волостями захватъ, какъ выраженіе индивидуалистическаго принципа, былъ ограниченъ, но волость, всетаки, была единицей искусственной, удобной для административныхъ цѣлей; волость,

Digitized by Google

какъ община, была созданіемъ неуклюжимъ и безсильнымъ; только раздѣленіемъ волости на обособленныя деревни община стала полной распорядительницей въ дѣлахъ своихъ членовъ.

Къ этому же времени относится раздѣлъ въ самой общинѣ, именно раздѣлъ ближайшихъ къ деревнѣ земель по душамъ.

IV.

Теперь, послѣ обособленія деревень, сдѣлавшихся собственниками лежащихъ вокругъ нихъ земель, система захвата осталась только въ границѣ каждой деревни; но и здѣсь, въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ, она была такъ строго оформлена и регулирована властью міра, что рѣшительно утратила первобытный свой видъ, когда каждый руководился только личными соображеніями и желаніями.

Теперь захватъ сводился къ слѣдующему.

Во владѣніяхъ каждой деревни всегда находились участки, извѣстные, по мѣстной терминологіи, подъ именемъ „вольныхъ земель“. Эти вольныя земли часто были общею собственностью двухъ или нѣсколькихъ волостей, двухъ или нѣсколькихъ общинъ-деревень, и заключали въ себѣ не одинъ какой либо родъ угодій, но всѣ роды земельныхъ богатствъ—лѣса, сѣнокосы, пашни, озера, болота. Родъ угодій обусловливалъ способъ пользованія ими. Земли, годныя подъ пашню, обыкновенно лежали пустырями, пока не приходила нужда въ нихъ,—нужда, сказавшаяся только въ самое послѣднее время; но косить на нихъ траву каждый могъ, когда и сколько хотѣлъ. Лѣса отъ времени до времени подвергались вырубкѣ, заранѣе опредѣленной общимъ согласіемъ волостей, или деревень. Луга (и степи) скашивались въ заранѣе назначенный день, причемъ всякій участникъ косилъ столько, сколько былъ въ силахъ; впрочемъ, о порядкѣ этого оригинальнаго сѣнокоса скажемъ ниже.

Читатель навѣрное спроситъ, какимъ образомъ остались „вольныя земли“ послѣ раздѣла на волости и деревни? Происхожденіе ихъ неодинаково. Однѣ земли собственно принадлежатъ казнѣ; но только казна не вмѣшивается въ нихъ, часто даже не подозрѣвая ихъ существованія; если уже лѣса только въ послѣднее время стали охраняться съ нѣкоторой тщательностью, то степи и земли никогда не цѣнились; нарѣзавъ волостямъ и деревнямъ землю, казна просто забыла, что за вычетомъ этой нарѣзки еще что-то такое осталось... Иногда же казна и знала о существованіи участковъ, ей принадлежащихъ, но, всетаки, не присвоивала ихъ фактически, по невоз-

Digitized by Google

можности казенной эксплоатаціи ихъ, вслѣдствіе обилія земель. Другія вольныя земли образовались вслѣдствіе злоупотребленій землемѣровъ при нарѣзкѣ; крестьяне сами, при раздѣленіи на волости и на деревни, подкупали землемѣровъ, и послѣдніе, нарѣзавъ нормальное пространство, оставляли въ то же время въ границѣ нарѣзаннаго извѣстный клинъ, болѣе или менѣе обширный, болѣе или менѣе цѣнный, клинъ, который, въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого казался никому не принадлежащимъ. Что касается вольныхъ земель, находящихся въ предѣлахъ самой общины-деревни, то происхожденіе ихъ отчасти также объясняется злоупотребленіями землемѣровъ, подкупаемыхъ крестьянами одной общины въ ущербъ другой, большею же частью тѣмъ, что при сравнительномъ обиліи земли каждая деревня владѣетъ участками, до послѣдняго времени являвшимися ненужными.

Такимъ образомъ, нельзя смѣшивать вольныя земли съ общими; первыя или принадлежатъ казнѣ, которая ихъ знать не хочетъ, или общинѣ, которая ихъ пока не эксплоатируетъ; общія же земли образовались, какъ мы выше говорили, вслѣдствіе того, что крестьяне двухъ волостей или двухъ деревень сочли невыгоднымъ, невозможнымъ ихъ раздѣлить.

Итакъ, къ чему же свелся захватъ послѣ раздѣленія на волости и общины? Онъ почти прекратилъ свое существованіе. Общія и вольныя земли теперь уже строго охраняются ихъ совладѣльцами, никому не полагается запрета, если онъ нарубитъ возъ дровъ, накоситъ возъ травы, наловитъ рыбы на вольномъ или общемъ участкѣ, но вздумай онъ воспользоваться бо́льшимъ — ему этого не позволятъ; между тѣмъ только такое пользованіе и сохранилось, какъ остатокъ отъ первобытнаго захвата. Во всѣ остальные случаи землепользованія мало-по-малу введенъ извѣстный порядокъ. Земли, годныя подъ пашни, рѣдко входятъ въ кругъ эксплоатаціи, за неимѣніемъ нужды въ нихъ, и недалеко то время, когда онѣ подѣлятся по отдѣльнымъ общинамъ. Лѣса, правда, вырубаются съ безпечностью, свойственною каждому русскому человѣку, но они часто дѣлятся поровну, и рубка ихъ совершается въ назначенное всѣми совладѣльцами время; при дальнѣйшемъ развитіи, они также, въ концѣ концовъ, подѣлятся по общинамъ, если только что либо отъ нихъ останется къ тому времени. Сѣнокосныя мѣста эксплоатируются по довольно оригинальному способу; выработался цѣлый ритуалъ пользованія вольными и общими лугами, хотя этотъ ритуалъ свойственъ не одной

Digitized by Google

Сибири, а и нѣкоторымъ русскимъ областямъ, какъ, напримѣръ, Уральской казачьей области.

Происходитъ сѣнокосъ такимъ образомъ. Оповѣщается всѣмъ домохозяевамъ извѣстный день, когда всѣ должны выѣзжать для захвата себѣ мѣста сѣнокоса на вольной землѣ. Тогда всѣ начинаютъ приготовляться — починяютъ телѣги, оттачиваютъ косы, кормятъ лошадей, выбирая для этого лучшихъ, болѣе быстрыхъ на ходу, сами одѣваются и почти не спятъ въ ночь наканунѣ назначеннаго дня. Затѣмъ, чуть свѣтъ поспѣшно собираются и скачутъ на мѣсто сѣнокоса, скачутъ, кто какъ можетъ—въ телѣгѣ, верхомъ, по одиночкѣ, или цѣлыми семьями, стараясь поспѣть раньше на мѣсто. Прискакавъ на мѣсто, каждый бросается къ облюбованному участку и начинаетъ косой закашивать кругъ, какой только успѣетъ захватить прокосомъ. Нанимать для этого рабочихъ не дозволяется; каждый домъ имѣетъ право закашивать только своими собственными членами, притомъ только тѣми, которые являются плательщиками повинностей. Когда закосъ сдѣланъ, всѣ ѣдутъ по домамъ; дѣлежъ совершенъ: закошенное работникомъ мѣсто принадлежитъ ему уже безспорно.

Этотъ день вызывалъ постоянныя распри, доходившія до дракъ, въ особенности, если вольная земля была общею между нѣсколькими деревнями; стоило только одной деревнѣ позволить себѣ какую нибудь неправильность въ этомъ ритуалѣ, или просто одна деревня прискакала раньше другой, а эта другая, опоздавшая, возмутилась этимъ—и драка готова, причемъ дѣло доходило до косъ и кольевъ. Еще чаще случаи, когда сталкиваются два работника, закашивающіе кругъ по близости другъ отъ друга. Всѣ эти непріятности въ самихъ крестьянахъ возбуждаютъ порицаніе, такъ что желаніе раздѣлить вольныя земли, ради болѣе правильнаго и спокойнаго отправленія косьбы, является всеобщимъ въ густо населенныхъ мѣстахъ, хотя въ большинствѣ случаевъ раздѣлъ невозможенъ, такъ какъ земля на самомъ дѣлѣ казенная.

Послѣднее убѣжище системы захвата—заимка. Этому терминy придавали до сихъ поръ какое-то особенное значеніе; явленіе это старались эксплоатировать въ пользу частнаго землевладѣнія тѣ наблюдатели, которые говорили о предметѣ совершенно незнакомомъ. На сколько такое заключеніе оказалось ошибочнымъ, а такое стараніе безуспѣшнымъ—это увидитъ самъ читатель.

Словомъ „заимка“ сибиряки называютъ безразлично всякаго

Digitized by Google

рода отдѣльное хозяйство, — устроено ли оно на землѣ казенной съ арендной платой, или на землѣ городской, сданной въ аренду, или на землѣ частной съ правомъ личной собственности, или же, наконецъ, на землѣ общинной. Достаточно купцу или мѣщанину города въ ста саженяхъ отъ городскихъ строеній поставить мыловаренный заводъ съ какимъ нибудь жильемъ для себя и рабочихъ—и мѣсто это уже называется заимкой. Если другой человѣкъ возьметъ въ аренду у казны какой нибудь участокъ земли и поставитъ на немъ хозяйство—мѣсто это также идетъ въ число заимокъ. Въ мѣстной администраціи возникало отъ времени до времени стремленіе насадить въ Сибири частное землевладѣніе, и хотя это стремленіе постоянно и неумолимо терпѣло крушеніе, но въ нѣкоторыхъ немногихъ мѣстахъ удалось-таки раздать часть казенной земли по рукамъ на правахъ личной собственности, — сибиряки и этотъ родъ владѣнія называютъ заимкой. Заимкой же называется и крестьянская избушка, выстроенная вдали отъ деревни на мірской землѣ и обитаемая хозяиномъ ея во время лѣта. Къ предмету нашего изслѣдованія относится только этотъ послѣдній видъ заимки.

Когда мѣста были еще дикія и пустыя, а обработка полей совершалась часто вдали отъ деревни, заимки строились чуть не каждымъ крестьяниномъ. Работникъ не могъ каждый день пріѣзжать домой съ далекаго поля, иначе онъ все время убилъ бы на переѣздъ. Поэтому онъ подолгу жилъ на мѣстѣ работы, въ продолженіе недѣль не видя своего дома. Но ему надо было укрыться отъ непогоды и дать отдыхъ лошадямъ, искусаннымъ оводомъ и комарами; онъ не могъ цѣлый мѣсяцъ ѣсть черствый хлѣбъ, не имѣя возможности сварить горячую пищу; онъ часто пріѣзжалъ всей семьей въ это безлюдное, далекое отъ всякаго жилья поле, а въ этой семьѣ часто были маленькія дѣти, которымъ нуженъ былъ пріютъ во время внезапныхъ и суровыхъ перемѣнъ жестокаго сибирскаго климата. Между тѣмъ лѣсъ былъ подъ руками — и работникъ строилъ избушку, или землянку, ставилъ навѣсъ для скота, выкапывалъ яму для храненія провизіи, окружая все это первобытное устройство загородью изъ жердей. И все это онъ называлъ заимкой. Тамъ онъ жилъ въ рабочее время лѣтомъ; тамъ онъ косилъ траву, пахалъ, жалъ, рубилъ лѣсъ на дрова, нерѣдко обмолачивалъ хлѣбъ; иногда туда же пригонялъ и всю свою скотину пастись подъ присмотромъ малолѣтнихъ членовъ семейства. Заимка — это была, такъ сказать, земледѣльческая мастерская,

Digitized by Google

стоявшая внѣ дома производителя; это было кочевье землепашца. Проходила рабочая пора — и владѣлецъ заимки, со всѣмъ своимъ хозяйствомъ и семьей, возвращался въ свою деревню.

Въ первый и второй періодъ состоянія сибирской общины заимка играла очень важную роль; она не только давала удобство для земледѣлія, но и въ систему землевладѣнія вносила извѣстный порядокъ. Занимая мѣста, работники-крестьяне переставали искать другихъ мѣстъ; занимая эти мѣста надолго, пожизненно, члены волости тѣмъ самымъ прекращали постоянную смуту при поискахъ за участками. А продолжительность владѣнія заимкой въ самомъ дѣлѣ была замѣчательна; никѣмъ неоспариваемая, заимка не только пожизненно оставалась за основателемъ ея, но нерѣдко переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Количество земли, принадлежащее каждой заимкѣ, никѣмъ, конечно, не ограничивалось; были заимки съ нѣсколькими десятинами, но были и такія заимки, гдѣ обработывалось по сту и двѣсти десятинъ; это обусловливалось единственно рабочими силами владѣльца: кто сколько могъ захватить и обработать, тотъ тѣмъ и владѣлъ.

Такимъ образомъ, всѣ условія системы заимокъ носили на себѣ, повидимому, характеръ частнаго землевладѣнія; по крайней мѣрѣ, все клонилось къ выгодѣ обособленія, индивидуализаціи личности: абсолютное право захвата, никѣмъ неоспариваемое, неограниченное пользованіе захваченнымъ мѣстомъ во времени и пространствѣ. Какой выгодный историческій моментъ для основанія частнаго землевладѣнія! Между тѣмъ моментъ этотъ прошелъ безслѣдно, не оставивъ въ настоящее время ни малѣйшей надежды частному землевладѣнію. Вѣроятно, самое цвѣтущее время заимки можно отнести къ первымъ двумъ періодамъ, продолжавшимся приблизительно около двухсотъ лѣтъ; очевидно, что этого времени совершенно достаточно было для того, чтобы колонисты воспитались на правѣ частнаго землевладѣнія, и если бы въ русскомъ народѣ, поселившемся въ новой странѣ, были инстинкты и желанія къ созданію частнаго владѣнія, то это послѣднее имѣло слишкомъ много благопріятныхъ условій и слишкомъ много времени для своего утвержденія на новой почвѣ; если же оно не утвердилось, значитъ, колонисты не имѣли ни малѣйшей привязанности къ нему.

Когда произошелъ раздѣлъ между волостями, система заимокъ еще сильно была распространена, потому что на такомъ огромномъ пространствѣ, какъ сибирская волость, каждый имѣлъ еще много

Digitized by Google

свободы въ правѣ и способѣ землевладѣнія; но съ раздѣленіемъ волости на общины, заимка сдѣлалась уже жалкимъ остаткомъ старины. Въ границѣ общины, на дальнихъ ея поляхъ продолжали еще строиться заимки, но этотъ обычай уже не имѣлъ прежней формы необходимости. Замѣчательно, что верховное право общины надъ всѣми заимками, находящимися въ чертѣ ея владѣній, не оспаривалось; самые вліятельные, богатые члены общины, владѣя заимками, не изъявляли никакого притязанія на присвоеніе участковъ, основывая продолжительность владѣнія лишь на послабленіи къ нимъ общины; словомъ, рѣшительно никому не приходило въ голову выдѣлиться изъ міра въ качествѣ частнаго землевладѣльца; такъ что постепенное исчезновеніе заимки, на ряду съ другими формами захвата, не сопровождалась борьбой, какой можно было бы ожидать.

Благодаря этому, четвертый періодъ подошелъ совершенно нечувствительно и безъ всякихъ осложненій.

V.

До сихъ поръ наше изслѣдованіе заключалось въ возстановленіи старины по оставленнымъ ею слѣдамъ, правда, многочисленнымъ, но часто во многихъ мѣстностяхъ на столько запутаннымъ, что легко было потерять изъ виду главный путь, по которому шла исторія; теперь же, въ дальнѣйшемъ изложеніи, наша задача проще, потому что весь четвертый періодъ сибирской общины цѣликомъ дошелъ до послѣднихъ дней нашего времени, и задача изслѣдователя состоитъ только въ томъ, чтобы обрисовать типическія черты сибирскаго землевладѣнія, отбросивъ случайные его признаки и архаическіе остатки первобытнаго времени.

Пользуясь такимъ удобствомъ, мы уже смѣло можемъ приступить къ анализу современной поземельной общины и нарисовать картину правовыхъ отношеній, характеризующую сибирскую деревню.

Послѣ раздѣла волости на самостоятельныя общества, произволъ личности былъ совершенно ограниченъ въ отношеніи пользованія землей, такъ что сибирская община близко уже подошла къ типу обще-русской общины. Тѣмъ не менѣе, своеобразный характеръ сибирской общины, вытекающій изъ предъидущей исторіи, не подлежитъ сомнѣнію.

Главныя ея черты заключаются въ слѣдующемъ:

Digitized by Google

Верховное право надъ всѣми землями, входящими въ границы общества, принадлежитъ общинѣ, какой бы характеръ ни носили эти земли; озера, рѣки, лѣса, болота, пахотныя земли, степи, луга, заросли—все принадлежитъ вѣдѣнію общины; всѣ вольныя земли, пустыри, никѣмъ не занятые,—все находится въ распоряженіи міра. Но отношеніе къ разнымъ угодьямъ неодинаково; способъ владѣнія разными видами угодій также неодинаковъ; къ однимъ видамъ земли община относится строго, не допуская ни малѣйшаго преобладанія одного члена надъ другимъ; къ другимъ же видамъ угодій она относится съ большимъ равнодушіемъ, предоставляя нѣкоторую свободу каждому въ пользованіи ими. Преобладающая же тенденція четвертаго періода заключается вообще въ томъ, что община все строже и строже регулируетъ, ради уравненія правъ, пользованіе землей.

Это было неизбѣжно послѣ выдѣленія одной общины изъ среды другихъ общинъ; вслѣдъ за опредѣленіемъ, путемъ раздѣла, правъ общинъ, тотчасъ же началось въ каждой общинѣ опредѣленіе правъ членовъ самой общины,—въ этомъ проходитъ весь четвертый періодъ. Чтобы яснѣе представить характеръ и типическія черты землевладѣнія этого періода, мы разсмотримъ каждый видъ земельныхъ угодій отдѣльно.

Огороды и *усадьбы* съ незапамятнаго времени перешли въ личное пользованіе домохозяевъ, которые могли передавать ихъ по наслѣдству, хотя юридическая принадлежность ихъ общинѣ никѣмъ не оспаривалась. Безъ сомнѣнія, раздѣлъ по душамъ этихъ угодій совершился вмѣстѣ съ основаніемъ деревни. Но, кромѣ этого, каждый могъ, если хотѣлъ, взять земли подъ заимку и сдѣлать возлѣ нея огородъ; общество довольно снисходительно относится къ этому.

Пахотныя земли распредѣлены по тому же основанію. Ближайшія къ деревнѣ земли раздѣлены по душамъ давно уже, причемъ срокъ ихъ передѣла не ограниченъ; такъ что эти надѣлы переходятъ отъ отца къ сыну безъ всякаго вмѣшательства міра. Мало того, не только не ограничено время владѣнія ими, но и количество ихъ въ каждомъ домѣ неодинаково. Строго говоря, въ большинствѣ случаевъ, они въ настоящее время не соотвѣтствуютъ числу душъ дома. Поэтому у одного домохозяина количество владѣемой имъ земли равняется двадцати десятинамъ, а у другаго нѣтъ и десяти. Но, кромѣ этого, у каждой общины есть вольныя земли, оставшіяся за надѣломъ и никому не принадлежащія. На этихъ зем-

Digitized by Google

ляхъ всякій можетъ выбрать уголъ, вспахать его и засѣять; міръ не вступится въ это и не отниметъ у работника участка, уважая право послѣдняго на его трудъ.

Сѣнокосы каждый годъ распредѣляются подушно, съ соблюденіемъ строгаго равенства, которое у сибирскихъ крестьянъ замѣчательно еще тѣмъ, что раздѣлъ производится не путемъ жеребья, а по добровольному выбору; разбивъ сѣнокосное поле на клинья, соотвѣтствующіе числу душъ, крестьяне спрашиваютъ, кто гдѣ желаетъ взять себѣ мѣсто, и каждый беретъ, въ концѣ концовъ, послѣ переговоровъ, дѣйствительно то, что ему нравится. Однако, въ общинѣ есть еще степи, кустарники и пустыри, есть вольные сѣнокосы, гдѣ каждый можетъ накосить себѣ травы, сколько можетъ—и міръ ни слова не скажетъ ему. Впрочемъ, большинство вольныхъ сѣнокосовъ ежегодно скашивается по тому оригинальному способу, какой мы описали выше, т. е. назначается извѣстный день, на разсвѣтѣ котораго всѣ скачутъ на мѣсто, закашиваютъ круги и т. д.

Выгоны, или какъ здѣсь ихъ называютъ, *поскотины*, находятся въ общемъ пользованіи общины; огораживается пространство, удобное для пастьбы, нанимается пастухъ, и стада пасутся въ огороженномъ пространствѣ; послѣ скоса травы, скотъ пасется по лугамъ, а когда жатва снята, пастухъ гонятъ стадо по жнитвамъ. Но никому не запрещается угнать свой скотъ на заимку, если таковая у него есть, или держать его на землѣ своего надѣла; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ въ извѣстное время появляются тучи комаровъ и оводовъ, это даже необходимо; нанимаютъ пастуха только до появленія насѣкомыхъ, а затѣмъ стадо разбираютъ по рукамъ, и каждый пасетъ свой скотъ гдѣ хочетъ.

Озера и *рѣки* по большей части отдаются въ аренду, причемъ арендная плата идетъ въ мірской капиталъ; но, за исключеніемъ невода, всякій можетъ ловить рыбы сколько только въ силахъ.

Лѣса также дѣлятся на два способа пользованія. Ближайшіе къ деревнѣ и цѣнные лѣса раздѣлены давно по домамъ, совершенно такъ же, какъ пашни, причемъ, однажды подѣленные, они остаются на неопредѣленное время за каждымъ домомъ, передаваясь отъ отца къ сыну, изъ поколѣнія въ поколѣніе, безъ всякаго контроля міра, который только наблюдаетъ за платежемъ повинностей. Домохозяинъ можетъ ростить свой участокъ, онъ можетъ и вырубить его до тла, обративъ его въ пашню—міръ не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, современное сибирское землевладѣніе въ такихъ культурно-развитыхъ округахъ, какъ Ишимскій и Курганскій, характеризуется двумя чертами: во-первыхъ, одна часть угодій, раздѣленная по душамъ, остается въ пользованіи каждаго дома на неопредѣленное время, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію цѣликомъ, вплоть до новаго передѣла; во-вторыхъ, другая часть угодій находится въ свободномъ пользованіи всѣхъ и каждаго. Община не вмѣшивается въ земли, однажды раздѣленныя, хотя не упускаетъ права на нихъ, какъ на общинную собственность; но она предоставляетъ свободу пользованія и тѣми землями, которыя не раздѣлены и считаются вольными, хотя на долгое время и не позволитъ присвоить ихъ кому бы то ни было.

Заимки до сихъ поръ продолжаютъ существовать, какъ на раздѣленныхъ участкахъ, такъ и на вольныхъ, но это больше уже по привычкѣ. Заимокъ осталось ничтожное количество; большая же часть ихъ давно вошла въ кругъ передѣляемыхъ земель, а оставшіяся ждутъ только передѣла. Но и теперь никому міръ не запрещаетъ построить избушку, сарай и погребъ, на одномъ изъ участковъ вольной пахотной земли, потому что пахотная земля здѣсь мало цѣнится, по сравненію съ лѣсами и лугами.

Своеобразный характеръ сибирской общины именно и заключается въ этомъ, по нашему мнѣнію, счастливомъ соединеніи двухъ противоположныхъ принциповъ: индивидуализма и общественности. Разъ земля раздѣлена на отдѣльные участки, соотвѣтствующіе числу душъ каждаго дома, община уже успокоивается вплоть до того времени, когда явится всеобщее сознаніе накопившагося неравенства. Община не знаетъ, когда настанетъ эта минута, а потому и не опредѣляетъ времени слѣдующаго передѣла; она только отлагаетъ его на возможно долгое время, и когда сознаніе накопившагося неравенства сдѣлается всеобщимъ, передѣлъ совершится.

Такъ и происходитъ на самомъ дѣлѣ. Крестьяне передѣляли цѣнную землю отъ ревизіи до ревизіи; иногда же участки оставались непередѣленными двѣ ревизіи подрядъ. Кромѣ того, при передѣлахъ крестьяне старались, по возможности, избѣгнуть общей пертурбаціи, для чего не отнимали старыхъ участковъ отъ каждаго домохозяина, а только прирѣзывали къ нимъ или отрѣзывали отъ нихъ.

Что касается вольныхъ земель (если онѣ не принадлежатъ казнѣ), то повсюду онѣ имѣютъ явную тенденцію прекратить свое

Digitized by Google

существованіе путемъ раздѣла по душамъ, и опять-таки на неопредѣленно долгое время, въ нѣкоторомъ смыслѣ, въ наслѣдственное пользованіе. Теперь же пока община дозволяетъ пользоваться ими свободно всѣмъ своимъ членамъ; одинъ видъ этихъ земель, какъ напр., пашни, каждый членъ можетъ брать сколько ему угодно; въ пользованіе другими видами угодій, какъ напр., сѣнокосными мѣстами, община ввела нѣкоторый обязательный порядокъ.

VI.

Какой будетъ слѣдующій шагъ сибирской общины?

Если бы въ современной крестьянской жизни не было никакихъ фактовъ, способныхъ показать дальнѣйшее развитіе общины, то и тогда мы имѣли бы возможность обрисовать опредѣленными чертами будущее сибирское землевладѣніе, потому что весь ходъ сибирской общинной исторіи неуклонно направлялся къ извѣстной цѣли. Цѣль эта—возможно большее равенство правъ всѣхъ съ сохраненіемъ возможно полной индивидуальности каждаго.

Въ самомъ дѣлѣ, первобытный захватъ неуклоннымъ образомъ, благодаря общиннымъ инстинктамъ русскихъ колонистовъ, долженъ былъ кончиться раздѣленіемъ волостей, потомъ раздѣленіемъ общинъ и, наконецъ, раздѣленіемъ членовъ общины между собою. Каждый изъ этихъ шаговъ былъ въ свое время необходимъ, какъ результатъ всеобщаго сознанія, занятаго работой надъ возможнымъ уравненіемъ правъ, и, если бы исторія сибирскаго землевладѣнія кончилась раздѣленіемъ общинъ, то мы смѣло могли бы заключить, что ея слѣдующій шагъ долженъ состоять въ опредѣленіи правъ каждаго члена общины.

Но въ такомъ предсказаніи нѣтъ нужды, потому что передъ нами теперь совершаются многочисленные факты раздѣла по душамъ всей земли, принадлежащей общинѣ.

Движеніе это, въ особенности въ два послѣдніе года, сильно стало развиваться въ населенныхъ округахъ Тобольской губерніи. Крестьяне давно уже сознали необходимость раздѣлиться, въ видахъ уничтоженія неравенства, накопившагося въ продолженіе тридцати-сорока лѣтъ. Богатые крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взяли уже слишкомъ опасное преобладаніе; забирая въ свои руки выморочные участки, а также и вольныя земли (по большей части для обширнаго скотоводства), они часто отказываются участвовать въ платежѣ повинностей сообразно величинѣ принадлежащихъ имъ

Digitized by Google

земель; впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что, за исключеніемъ деревень, расположенныхъ по большимъ трактамъ, преобладаніе деревенскихъ богачей—довольно рѣдкое явленіе у прочихъ крестьянъ, привыкшихъ къ сравнительной свободѣ въ отношеніяхъ.

Но и кромѣ преобладанія богачей въ обществахъ накопилось много поземельныхъ недоразумѣній, безправія, неравенства между всѣми безъ исключенія членами каждой деревни. Наконецъ, самое большее число недоразумѣній лежало на вольныхъ земляхъ, свободное, безпорядочное пользованіе которыми стало съ теченіемъ времени крайне неудобно; у всѣхъ явилось желаніе раздѣлить всю землю по душамъ.

Однако, раньше крестьяне поставлены были въ тупикъ мертвыми (упалыми) душами, которыхъ со дня послѣдней ревизіи накопилось огромное число; крестьяне рѣшительно считали невозможнымъ отдѣлаться отъ этихъ безпокойныхъ мертвецовъ и не понимали, что для фискальныхъ цѣлей все равно, будутъ ли они платить свои повинности по мертвымъ душамъ, или разложатъ ихъ на живыхъ работниковъ. Честь разъясненія этого недоразумѣнія принадлежитъ новымъ чиновникамъ по крестьянскимъ дѣламъ, которые на первыхъ же порахъ постарались показать крестьянамъ, что они имѣютъ право переложить всѣ налоги на живыхъ работниковъ и безъ всякаго административнаго вмѣшательства произвести раздѣлъ земли.

Тогда начались раздѣлы. Въ послѣдніе два года въ Ишимскомъ округѣ между крестьянами шли усиленные переговоры о передѣлѣ. Но движеніе сначала явилось только возлѣ городовъ или въ деревняхъ, густо населенныхъ, и только мало-по-малу распространилось по захолустьямъ; желаніе опредѣлить строже взаимныя отношенія дѣлается всеобщимъ.

Раздѣлъ совершается на общерусскихъ основаніяхъ черезполосности и по количеству платежныхъ душъ. Вся земля, принадлежащая обществу, дѣлится на поля, которыя, въ свою очередь, разрѣзываютъя на такъ называемыя стекла, или площади, неровныя по количеству, но приблизительно равныя по качеству; затѣмъ стекла дѣлятся уже на клины и полосы, составляющіе душевой надѣлъ. Такъ раздѣляются пахотныя земли, въ томъ числѣ и вольныя.

Лѣса также дѣлятся по душамъ; но при этомъ общество строго охраняетъ права отдѣльныхъ членовъ, такъ что у тѣхъ домохозяевъ, которые ростили старые свои лѣсные надѣлы, участки вовсе

Digitized by Google

не отбираются, а тѣ крестьяне, которые вырубили свой лѣсъ, получаютъ только то, что имъ приходится за вычетомъ вырубленнаго; такъ напр., если на каждую душу во время раздѣла всѣхъ лѣсовъ приходится по полудесятинѣ, а добровольно вырубленный самимъ хозяиномъ старый участокъ его равнялся четверти десятины, то онъ получаетъ теперь только четверть.

Всѣ сѣнокосныя мѣста нѣкоторыми обществами рѣшено считать подлежащими ежегодному передѣлу, но многимъ обществамъ пришлось, вслѣдствіе разныхъ причинъ, отложить этотъ вопросъ до болѣе удобнаго времени, вслѣдствіе чего старый порядокъ сѣнокошенія на вольныхъ земляхъ, описанный выше, остался у нихъ во всей силѣ.

Срокъ будущаго передѣла большинство обществъ не опредѣлило; всѣ только единогласно рѣшили, что станутъ передѣлять землю только тогда, *когда нужно будетъ*. Такимъ образомъ, каждый хозяинъ увѣренъ, что его не потревожатъ всю жизнь и что надѣлъ его останется за его семьей и послѣ его смерти; если же передѣлъ совершится раньше, то, значитъ, потому, что всѣ, а въ томъ числѣ и онъ, рѣшатъ его единогласно.

Кромѣ того, не смотря на строгое раздѣленіе, сибирская община легко относится къ каждому своему члену въ отношеніи пользованія землей и уплаты повинностей. Если извѣстный домохозяинъ не платитъ податей, то только исключительныя обстоятельства вынуждаютъ общество отобрать отъ неисправнаго плательщика его надѣлъ. Что касается тѣхъ случаевъ, когда крестьянину требуется накосить возъ сѣна, нарубить лѣсу внѣ своего надѣла, то никогда въ эти мелочи міръ не вмѣшивается. Во многихъ мѣстахъ еще и теперь считается грѣхомъ отказывать въ пользованіи дровами, сѣномъ и проч., потому что все это Божій даръ, а не людская собственность.

Оканчивая нашъ обзоръ, мы опять должны повторить, что принципъ, по которому на нашихъ глазахъ совершается сибирскими крестьянами передѣлъ земель, тотъ же самый, какимъ мы его видимъ съ самаго начала основанія колоніи и до конца ея: основное стремленіе сибирскаго крестьянина—это обособленіе путемъ общественности; онъ желаетъ возможно бо́льшей свободы въ общинѣ. Не будетъ слишкомъ большой смѣлостью предсказать, что и слѣдующій шагъ въ жизни сибирской общины совершится въ сторону той же цѣли—возможно полнаго обособленія каждаго члена общины, но безъ посягательства на верховныя права общины. Такое стремленіе тѣмъ болѣе осуществимо, что на сибирской почвѣ

Digitized by Google

частное землевладѣніе рѣшительно не привилось; если и были моменты, благопріятные для водворенія здѣсь права личной собственности, то они относятся, конечно, къ тѣмъ періодамъ, когда основалась система заимокъ, которая могла бы послужить могучимъ орудіемъ для устройства въ Сибири частной собственности. Но эти моменты, какъ мы видѣли, прошли безслѣдно, не причинивъ общинѣ ни малѣйшаго вреда; не будетъ вреда ей и въ томъ случаѣ, если сибирскій крестьянинъ станетъ продолжать эмансипировать русскій типъ общины чрезъ посредство сибирскаго индивидуализма.

Н. Петропавловскій.

Противъ настоящей статьи могутъ быть направлены нѣкоторые упреки, обусловленные, главнымъ образомъ, тѣмъ, что она содержитъ въ себѣ большею частью голословныя утвержденія автора, безъ указанія источниковъ, изъ которыхъ онъ черпалъ основанія для составленія общей картины крестьянской жизни. Нельзя не согласиться, что каждый изслѣдователь сибирской жизни искренно пожалѣетъ о томъ, что авторъ, утверждая о существованіи какого либо порядка общинной жизни, обычая и проч., не говоритъ въ какой именно мѣстности (волости, деревнѣ) онъ наблюдалъ данные факты, откуда извлекъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Жизнь сибирскаго крестьянства еще такъ недавно обратила на себя вниманіе ученыхъ, еще такъ мало собрано о ней свѣдѣній, что каждая, такъ сказать, муравьиная работа по этому предмету представляется крайне цѣнною. Вообще настоящее положеніе знаній о бытѣ народа въ Сибири находится пока въ періодѣ собиранія сыраго матеріала и кой-какого систематизированія его. Говоря все это относительно настоящей статьи, мы далеки отъ умаленія ея значенія, такъ какъ авторъ ея принадлежитъ къ числу серьезныхъ изслѣдователей сибирской крестьянской жизни и тѣмъ болѣе, что большинство положеній статьи мы находимъ совершенно согласнымъ со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно доселѣ о бытѣ сибирскаго крестьянства, и съ частію тѣхъ данныхъ, которыя печатались въ «Восточномъ Обозрѣніи» и нашихъ «Сборникахъ». Кромѣ того, печатая эту статью, мы имѣемъ въ виду, такъ сказать, ея *програмность*; ее можно разсматривать, какъ рядъ систематически поставленныхъ вопросовъ по изслѣдованію общиннаго землевладѣнія въ Сибири, каждую ея строку можно обратить въ вопросъ, вызывающій замѣтки, дополненія, опроверженія, наталкивающій на самостоятельныя изслѣдованія. Вводя въ эту систему вопросовъ вопросы, поставленные въ программѣ Западно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, и группируя по нимъ всѣ накопляющіеся время отъ времени матеріалы, можно будетъ, со временемъ, получить весьма вѣрное и подробное изображеніе жизни сибирскаго крестьянства.

Digitized by Google

СИБИРЬ КАКЪ КОЛОНІЯ *).

Профессора, доктора Эдуарда Петри, въ Бернѣ. Оттискъ изъ сообщеній восточно-швейцарскаго географическо-коммерческаго Общества, 1886 г.

«Сибирь наша Перу и Мексика».
Козодавлевъ.

«Сибирь, питаясь соками Россіи, сама мало отъ этого тучнѣетъ, а отнимаетъ силы у своей кормилицы».
Герсевановъ.

Исторія колонизаціи.—Естественныя условія.—Населеніе.—Торговля, промышленность и пути сообщенія.—Значеніе открытія доступа въ Сибирь для европейцевъ и для сибиряковъ.

Странная была судьба Сибири, этой громадной и столь щедро одаренной природой сѣверо-азіатской колоніи Россіи. Состоя уже три столѣтія во власти русскихъ, область эта переиспытала много невзгодъ, происходившихъ отъ того, что метрополія во время сибирскаго завоеванія была еще страною полуварварскою и что населеніе ея, по крайней мѣрѣ, низшіе слои его, которымъ и предстояло выполненіе колонизаціоннаго дѣла, долго еще не могло достигнуть прочной осѣдлости. Благодаря извѣстнымъ историческимъ условіямъ, русскій народъ въ Сибири впервые почувствовалъ себя свободнымъ и этой свободой воспользовался онъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ **).

Въ исторіи колоній иногда удивительно удачно отражаются характеры европейскихъ народовъ. Испанецъ увидалъ себя, благодаря открытію богатыхъ золотоносныхъ земель въ Новомъ Свѣтѣ,

*) Переводъ настоящей статьи сдѣланъ подъ редакціей самого автора, профессора Э. Петри.

**) Jadrinzew-Petri: «Sibirien». 1886. H. Costenoble. Jena. S. 266.

Digitized by Google

въ положеніи человѣка, на долю котораго нежданно-негаданно выпало громадное богатство. Онъ, такъ сказать, выигралъ главный выигрышъ, но онъ былъ не подготовленъ ни къ тому, чтобы наслаждаться своими богатствами, ни къ тому, чтобы извлечь изъ нихъ пользу. Испанское колоніальное хозяйство представляетъ собою непрерывное расточеніе величайшихъ природныхъ сокровищъ. Не ради колонизаціи, а ради исканія золота потянулись испанцы въ Америку. Въ ихъ глазахъ цѣну имѣла только земля, дававшая имъ золото; территорія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, нынѣ занимающая одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ міровомъ хозяйствѣ, фигурировала на испанскихъ картахъ, какъ „ничего нестоющая“ земля, какъ „tierras de ningum provecho“. Весьма удачно характеризуетъ испанца презрительное восклицаніе Petrus'a Martyr'a, отказывавшагося отъ экспедиціи во Флориду: „Къ чему нужны намъ продукты, совершенно схожіе съ южноевропейскими *)?“ Какъ характерно для поспѣшной алчности испанцевъ, что они, владѣя два съ половиною столѣтія Калифорніей, этой страной золота per excellence, ничуть не подозрѣвали высокой цѣнности этой страны. Американское золото и американскія приключенія, или, иными словами, направленіе народнаго духа, выработавшееся у испанцевъ подъ вліяніемъ корыстолюбія и обладанія не заработаннымъ, а награбленнымъ золотомъ, надломило воинственную и феодальную силу Испаніи. Не смотря на свои блестящія способности, на свое несравненное умѣнье обходиться съ инородцами, не смотря на видимое покровительство судьбы, испанцы не были въ состояніи основать прочную и способную къ жизни колонію и создать колоніальное хозяйство, соотвѣтствующее богатству ихъ колоній **).

Совершенно инаго характера колоніальное хозяйство англичанъ. Судьба не одарила ихъ никакими сокровищами. Они должны были сами заработывать ихъ. Природныя условія нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ, столь благопріятныя для земледѣлія, для охотничьяго промысла и, наконецъ, для оживленныхъ торговыхъ сношеній, культурныя средства, которыми располагали переселенцы, способность къ труду и энергія, выработанныя ими на родинѣ,

*) W. Roscher und R. Jannasch: «Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung». 3. Aufl. Leipzig. 1885. S. 132.

**) Много интересныхъ данныхъ о колоніальной политикѣ и колоніальномъ хозяйствѣ испанцевъ даетъ Roscher въ вышеуказанномъ сочиненіи, стр. 130—179.

Digitized by Google

обдуманный въ общихъ чертахъ планъ дѣйствій переселенцевъ *) и, въ концѣ-концовъ, что̀ особенно важно, желаніе ихъ найдти въ Америкѣ новую родину **)—все это повело къ тому, что послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ они, всетаки, стали твердо на ноги въ Новомъ Свѣтѣ. Энергичный и старательный работникъ постепенно достигъ благосостоянія, а затѣмъ и богатствъ, бо̀льшихъ, чѣмъ какія когда либо могли быть отысканы искателями приключеній въ странѣ золота. Этотъ рабочій нынѣ господствуетъ и надъ самой страной золота ***).

Въ русскомъ не развился вполнѣ ни лѣнивый, алчный и жаждущій наслажденія характеръ конкистадора, ни типъ способнаго, энергичнаго и неутомимаго работника. Но, безъ сомнѣнія, задатки и того и другаго типа были ему присущи. Съ одной стороны, удивительныя богатства Сибири возбудили въ немъ хищническіе инстинкты полукультурнаго человѣка: съ безграничной алчностью и не менѣе безграничной отвагой набросились завоеватели Сибири, казаки и разный разбойничій сбродъ на расхищеніе естественныхъ богатствъ и прошли, съ помощью прекрасныхъ естественныхъ путей сообщенія Сибири, въ невѣроятно короткій періодъ какихъ нибудь 70-ти лѣтъ, всю эту громадную страну. По мотивамъ завоеванія, по быстрому выполненію его и по безумному расхищенію и расточенію естественныхъ богатствъ, русскіе напоминаютъ испанцевъ. Пушной товаръ и затѣмъ золото—вотъ тѣ „географическія приманки“, которыя притягивали хищниковъ въ Сибирь; онѣ то приводили алчныхъ пришельцевъ въ восторженное опьяненіе, то наоборотъ, грозя истощеніемъ при неразумномъ пользованіи, доводили ихъ до горькаго разочарованія и апатіи. Русскіе проявили такую же торопливую алчность, какъ и испанцы: не смотря на то, что они со времени открытія Сибири искали золото, и не смотря на то, что въ этихъ поискахъ были заинтересованы и правительство, и воеводы, и масса частныхъ лицъ, золото, въ видѣ золотаго песка, было найдено лишь въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія, слѣдовательно послѣ 250-тилѣтняго исканія. Калифорнія также одно время находилась въ ру-

*) Roscher, стр. 182.

**) Roscher, стр. 180.

***) Интересныя данныя объ англійской колоніальной политикѣ даетъ Roscher, особенно стр. 179—251. Имѣетъ значеніе въ этомъ отношеніи и Hopp: «Bundesstaat und Bundeskrieg in Nordamerika», Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, herausgegeben von W. Oncken, Grote. Berlin. 1885—1886.

Digitized by Google

кахъ Россіи и была уступлена лишь за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, „какъ имя этой страны, подобно трубному гласу, привлекло искателей приключеній Стараго и Новаго Свѣта къ берегамъ Сакраменто“ *). Также безразсудно русскіе расточали и уничтожали необыкновенныя богатства пушнаго звѣря.

Съ другой стороны, втеченіе столѣтій въ Сибири постепенно и незамѣтно образовалось способное и энергичное сельское населеніе изъ среды того русскаго крестьянства, которое бѣжало въ Сибирь, уклоняясь отъ административнаго и крѣпостническаго гнета, чтобы тамъ основать новую родину по древненародному обычаю **). Эти-то элементы, съумѣвшіе воспользоваться истиннымъ и постояннымъ богатствомъ страны, т. е. годною къ обработкѣ почвою, составляютъ настоящее ядро русскаго населенія въ Сибири. Нынѣшній сибирякъ со всѣми своими достоинствами и недостатками, о которыхъ мы послѣ поговоримъ, есть типичный продуктъ свободной колонизаціи, даже болѣе того, такой колонизаціи, которая зачастую шла противъ желанія правительства ***). Но именно, благодаря этимъ условіямъ, такъ называемые „сибиряки“ отличаются силой, энергіей и способностью къ работѣ; они добились извѣстнаго благосостоянія, они завоевали Сибирь для славянскаго народа; въ то же время колонизація, веденная правительствомъ, не смотря на всѣ привиллегіи, во многихъ случаяхъ была неудачна, а колонизація преступниковъ справедливо признается за одно изъ самыхъ тяжкихъ бѣдствій для молодой и начинающей расцвѣтать страны. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ новое блестящее подтвержденіе удачнаго замѣчанія Hübbe-Schleiden'a, что „колонизацію *нельзя дѣлать* по какой либо излюбленной системѣ, въ желанномъ размѣрѣ и въ желанный срокъ“ ****). „Если,—какъ говоритъ этотъ авторъ,—британцы примѣнили въ своихъ колоніяхъ всѣ три элемента экономической жизни, какъ культурныя силы интеллигенціи, такъ и природныя силы капитала, а также труда, въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ ихъ національной силѣ“ *****), то русскіе въ свои колоніи фактически вложили лишь одну

*) Peschel: «Völkerkunde», 5 Aufl., 1881, стр. 211.

**) Petri: «Die Gemeindewirtschaft und der Bauer in Russland». Mitteilung d. Ostschweiz Geogr. Commerc. Gesellschaft, 1884, № 1, S. 13, 14, 23.

***) *Petri:* «Die Auswanderungsfrage in Russland». «Ausland» 1884, № 48 и 49, S. 942.

****) *Hübbe-Schleiden:* «Ueberseeische Politik». 2 Th. Hmbrg. 1883. S, 2.

*****) *Hübbe-Schleiden.* Ibid. S. 159.

Digitized by Google

рабочую силу. Отсутствіе вѣрнаго пониманія настоящихъ потребностей Сибири обыкновенно ощущалось въ Россіи, да, до извѣстной степени, ощущается и понынѣ. Еще важнѣе, однако, всегда ощутимый въ Россіи недостатокъ въ предпріимчивыхъ капиталистахъ. Сибирь, напротивъ, сама должна была уступать алчнымъ чужеземцамъ свои природныя сокровища, предназначенныя для производительныхъ работъ; расхищеніе этихъ сокровищъ, совершаемое вышеописаннымъ нераціональнымъ и произвольнымъ образомъ, сильно ослабило производительную силу страны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, природные запасы, необходимые для образованія капитала. Россія, какъ сказано, дала Сибири только одну рабочую силу, да и та окрѣпла лишь постепенно втеченіе столѣтій, по мѣрѣ того, какъ русскіе сами становились осѣдлыми и переносили свои родныя общинныя и трудовыя начала въ новую страну.

Въ сущности Сибирь представляетъ не только достаточный, но даже громаднѣйшій просторъ какъ для солиднаго работника, такъ и для смѣлаго искателя счастья.

Насъ никоимъ образомъ нельзя обвинять въ преувеличеніи, когда мы рисуемъ Сибирь вообще страной богатой и прекрасной. Сибирь обнимаетъ пространство въ 12,947,874 кв. килом. и заключаетъ въ себѣ, простираясь отъ 60° до 190° в. д. и отъ 45° до 77 с. ш., величайшіе природные контрасты: тундры, необитаемыя сѣверныя ледяныя пустыни, черноземныя полосы плодородныхъ пашенъ и, наконецъ, безконечныя травяныя моря южныхъ степей. Только та часть Сибири, которая лежитъ въ области полярнаго холода, подъ 70° с. шир., нѣкоторымъ образомъ враждебно встрѣчаетъ человѣка. Но и здѣсь, въ области тундръ, кочевникъ во время короткаго лѣта ведетъ веселую и довольную жизнь, которую онъ не промѣнялъ бы ни на какую другую *); туда являются также звѣроловы и торговцы, такъ называемые „промышленники“, и основываютъ тамъ свои факторіи. Средняя и южная Сибирь пользуется если и строго континентальнымъ, то все же для европейца несомнѣнно здоровымъ климатомъ. Это доказывается ужъ тѣмъ, что сибирскіе жители, собравшіеся съ

*) Само русское населеніе Туруханска, подъ вліяніемъ слуховъ объ уничтоженіи города Туруханска и переселеніи жителей на югъ, выражало свое предпочтеніе переселяться скорѣе еще дальше на сѣверъ, къ устью Енисея, чѣмъ, напримѣръ, въ плодородный Минусинскій округъ. (Jadrinzew-Petri, a. a. O. S. 48).

Digitized by Google

самыхъ различныхъ мѣстностей Европейской Россіи, акклиматизируются необыкновенно быстро. Особенно благопріятны природныя условія въ нѣкоторыхъ цвѣтущихъ мѣстностяхъ у подножія Алтая, оазисы чуйской и илійской долинъ, Забайкальская область, Уссурійская область и т. д. Сибирскія степи носятъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ средне-азіатскія или киргизскія. Степи Барабинская, Ишимская и Кулундинская представляютъ равнины, покрытыя роскошной растительностью и усѣянныя многочисленными березовыми рощами. Академикъ Миддендорфъ говоритъ съ восторгомъ о плодородности ихъ. Эти степи заключаютъ значительные резервуары воды, какъ, напримѣръ, озеро Чаны, занимающее площадь въ 3,104 кв. кил. и вдобавокъ окруженное множествомъ другихъ озеръ 2-й величины. Окрестности озеръ отличаются необычайнымъ обиліемъ дичи. На югѣ мало-по-малу встрѣчаются соляныя озера. Степь можетъ стать пригодною для земледѣлія, только при необычайно развитой культурѣ, но тогда производительность ея достигнетъ удивительныхъ размѣровъ, какъ это доказали янки. При ничтожной же обработкѣ, степь становится годной прежде всего и преимущественно для скотоводства. Поэтому сибирякъ занимается скотоводствомъ, которое хотя ведется отнюдь не раціональнымъ путемъ, однако, не можетъ быть названо незначительнымъ. Въ одной западной половинѣ Сибири считается 11,249,900 штукъ скота, въ числѣ коихъ 2,703,300 лошадей, 93,500 сѣверныхъ оленей, 170,500 верблюдовъ, 1,606,000 штукъ рогатаго скота и 5,679,300 овецъ. На киргизскія степи приходятся всѣ верблюды, 1,300,000 лошадей, 700,000 штукъ рогатаго скота и 4,200,000 овецъ; остальное уже выпадаетъ на долю земледѣльческой полосы. Если мы къ этому прибавимъ хотя половину этого количества на счетъ скотоводства въ Восточной Сибири (по другимъ авторамъ ровно столько же), то получимъ картину необычайно богатаго скотоводства въ Сибири.

Удобныхъ для заселенія земель, по даннымъ министерства государственныхъ имуществъ, въ Западной Сибири 705,196 кв. кил., или 32,4% всего количества земли; въ Восточной Сибири 1,720,420 кв. кил. При всей относительной недостовѣрности этихъ цифръ, онѣ, всетаки, кажутся достаточно грандіозными. По свѣдѣніямъ казенной палаты, между крестьянскими надѣлами на 1878 г. въ Тобольской губерніи неудобныхъ земель было 6,304,413 кв. килом., а въ Томской губерніи вдвое больше. Земледѣліе распространяется до $57^1/_2°$ сѣв. шир. Пространство удобныхъ для хлѣбопашества земель

Digitized by Google

громадно. Въ одной Западной Сибири подлежатъ обработкѣ какъ полагаютъ, по меньшей мѣрѣ 4,085,993 кв. килом.

По оффиціальнымъ даннымъ за 1879 годъ считалось гектолитрами:

	Засѣв. хлѣбомъ.	Урожай.
Въ Тобольской губерніи. .	3,233,693	11,378,211
„ Томской „ . .	2,086,759	9,479,737
„ Акмолинской области .	107,766	303,586
„ Семипалатинской „ .	54,255	271,223
Во всей Западной Сибири .	5,482,473	21,432,767

Хлѣбъ представляетъ главный продуктъ для сибирскаго вывоза *).

Лѣсная область Сибири, не смотря на опустошительные мѣстные пожары, все же громадна. Лѣсная область Западной Сибири въ 11 округахъ Томской и Тобольской губерніи, считается въ 61,152,000 кв. килом., не считая Семипалатинской и Акмолинской областей, обладающихъ также около 1,906,930 кв. килом. лѣса. Лѣса Восточной Сибири и Амурской области превосходятъ это пространство больше чѣмъ вдвое. Сибирскіе лѣса искони доставляли охотничьихъ звѣрей и пушной товаръ высокой цѣнности; убитые соболи считаются десятками тысячъ (1850—43,600 шт.), также и горностай (1860—56,000 шт.); бѣлокъ же приходится считать милліонами. Кромѣ того, въ новѣйшее время изъ Сибири вывозятся птичьи чучела, даже и за границу. Втеченіе двухъ столѣтій въ Сибири было найдено около 22,000 мамонтовъ.

Рыбы въ многочисленныхъ сибирскихъ рѣкахъ ловится милліоны килограммовъ, только этотъ продуктъ не находитъ сбыта и бросается, такъ какъ солить и сохранять ее тамъ не умѣютъ.

Наконецъ, Сибирь располагаетъ, какъ извѣстно, громадными минеральными сокровищами, которыя имѣются на Уралѣ, въ южныхъ степяхъ, въ Алтаѣ, въ Нерчинскомъ округѣ, на Амурѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Сибири добывается золото, серебро, желѣзо, свинецъ и мѣдь; есть тамъ объемистые и еще нетронутые пласты каменнаго угля (пласты каменнаго угля въ Кузнецкѣ занимаютъ площадь около 42,600 квадратныхъ километровъ); добывается графитъ, чудная яшма, порфиръ, мраморъ и т. д.

*) См. Jadrinzew-Petri: «Sibirien», 1886; Finsch: «Reise in West-Sibirien», 1876; Hage und Tegnér: «Ueber die Bedingungen eines Handelsverkehrs mit Westsibirien», 1881.

Digitized by Google

Громадное природное преимущество Сибири заключается въ необыкновенно удобныхъ водяныхъ путяхъ сообщенія. Сибирь располагаетъ 4-мя первокласными рѣчными системами. Три изъ нихъ направляютъ свой путь съ юга на сѣверъ и могутъ снабжать безплодный сѣверъ богатыми произведеніями юга; четвертая богатая рѣка, Амуръ, ведетъ къ востоку и связываетъ Сибирь съ Великимъ океаномъ. Эти громадныя рѣки составляютъ со своими широко развѣтвляющимися притоками сѣть, дѣлающую возможнымъ водяное сообщеніе между западомъ и востокомъ. Въ цѣломъ протяженіе этихъ четырехъ рѣчныхъ бассейновъ, заключающее около 10 милліоновъ квадратныхъ кил., т. е. болѣе $^3/_5$ Азіатской Россіи, доказываетъ намъ, что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, водяное сообщеніе было бы возможно для большей части Сибири. Ничтожная возвышенность волоковъ давно уже вызывала мысль о соединеніи незначительныхъ промежутковъ между рѣчными системами посредствомъ каналовъ или желѣзныхъ дорогъ. Соединеніе между камско-волжской и обской системой уже осуществлено постройкой тюменской желѣзной дороги. Соединеніе Оби и Енисея посредствомъ канала *) будетъ приведено въ исполненіе вскорѣ, можетъ быть, въ 1886 году. Моря, наконецъ, оказываются вовсе не такъ непроходимы, какъ прежде предполагали. Во всякомъ случаѣ, Сибирь располагаетъ въ своей Приморской области цѣлымъ рядомъ надежныхъ и открытыхъ втеченіе многихъ мѣсяцевъ гаваней **). Значеніе этихъ гаваней увеличивается тѣмъ, что онѣ открываютъ Сибири доступъ къ „Средиземному морю будущаго“—Великому океану. Благодаря доступу къ этому океану, благодаря непосредственному сосѣдству съ богатыми и многообѣщающими въ будущемъ странами азіатскаго востока, Китаемъ, Кореей и Японіей, положеніе Сибири является особенно знаменательнымъ, и сама Сибирь должна быть страною будущаго. Обладаніе Сибирью для Россіи, въ виду предстоящихъ событій на востокѣ, имѣетъ великое политическое и торговое значеніе.

Хотя открытый сѣверовосточный проходъ поѣздкой Норденшёльда на Вегѣ въ 1878 году, при настоящихъ обстоятельствахъ, можетъ считаться малопригоднымъ для правильнаго сообщенія между За-

*) Обь-Кеть-Озерная, Ломоватая, Язевая, озеро Большое, каналъ, Большой Касъ, Малый Касъ, Енисей—820 верстъ.

**) Именно порты: Владивостокъ, Ольга, Владиміръ, Баракута, Кастри-бухта, Посьетъ; послѣдній не замерзаетъ никогда или лишь на очень короткое время.

Digitized by Google

падной Сибирью и Европой, но мы убѣждены, что было бы возможно установить это сообщеніе съ помощью болѣе точнаго изученія въ физическомъ отношеніи входящихъ въ разсчетъ морей и береговъ, устройства наблюдательныхъ станцій и улучшеннаго кораблестроенія. Между тѣмъ, рѣчныя системы и легко проходимые уральскіе проходы представляютъ достаточно возможности соединить Сибирь съ Европой черезъ посредство Печерской области *).

Эти самой природой намѣченные пути сообщенія въ совокупности съ естественными богатствами: годной къ земледѣлію почвы и лѣса, каменнаго угля и рудъ, предоставляютъ человѣку прекраснѣйшую возможность въ этой суровой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и благословенной странѣ развернуть полную культурную жизнь.

Но какъ ничтожно кажется въ сравненіи съ необыкновенной мощью, производительностью и щедростью природы само сибирское населеніе!

И, всетаки, населеніе это, не смотря на свою малочисленность, съумѣло нанести колоссу достаточно тяжелыхъ ранъ.

Русскіе, не смотря на 300-лѣтнее владѣніе Сибирью, не доставили ей болѣе 4,800,000 населенія; въ противоположность имъ, инородцы, не смотря на 300-лѣтнее истребленіе ихъ, представляютъ еще населеніе въ 4,515,736 д.

Не безнаказанно, однако, русскіе приблизились къ сибирской природѣ, не безнаказанно вторглись они къ кореннымъ владѣтелямъ сибирскихъ богатствъ. Сибирь и ея туземцы положили своеобразный отпечатокъ на славянъ, завладѣвшихъ востокомъ. Нынѣшній сибирякъ представляетъ собой особый, несомнѣнно уклоняющійся отъ славянскаго типъ, главныя особенности котораго бросаются тотчасъ въ глаза ѣдущему въ Сибирь и, по мѣрѣ приближенія къ востоку, становятся все характернѣе. „Чувствительную разницу замѣчаете вы“,—пишетъ извѣстный знатокъ славянскихъ племенъ, путешественникъ Ровинскій,—„когда изъ середины Россіи перенесетесь черезъ Уральскій хребетъ и очутитесь гдѣ нибудь на равнинахъ Иртыша и Оби или на холмистыхъ берегахъ Томи: другой говоръ, другой обычай, иной характеръ во всемъ, котораго

*) Мы говоримъ о Сибиряковской дорогѣ черезъ сѣверный Уралъ, черезъ посредство которой осуществится соединеніе между системами Оби (со стороны Сибири) и Печоры (со стороны Европы). См. нашъ рефератъ Petermann's Mittheilungen, 1885, S. 350.

Digitized by Google

вы сразу не опредѣлите, но, тѣмъ не менѣе, чувствуете. Затѣмъ ѣдете до Красноярска и далѣе по Енисейской губерніи—и новыхъ особенностей уже не встрѣчаете, и, только вступивъ въ Иркутскую губернію и еще болѣе приближаясь къ г. Иркутску, встрѣчаете новый типъ. Преобладаніе черныхъ волосъ передъ русыми, черные или каріе съ томнымъ выраженіемъ глаза, значительно выдающіяся скулы, широкій носъ—всѣ эти признаки очень ясно указываютъ на примѣсь монгольской расы" *).

Эти черты монгольскаго характера въ славянскомъ типѣ выражаются тѣмъ яснѣе, чѣмъ незначительнѣе является число славянскаго населенія сравнительно съ инородцами. Славяне при разселеніи своемъ по Сибири обыкновенно держались самыхъ доступныхъ областей. Населеніе гуще вблизи отъ метрополіи, а далѣе слѣдуетъ лишь по теченіямъ рѣкъ. Непосредственно по ту сторону Урала и вплоть до впадающей въ Енисей Верхней Тунгузки распространяется русское населеніе непрерывнымъ широкимъ потокомъ. Эта компактная масса занимаетъ пространство между Верхотурьемъ и Троицкомъ, Тобольскомъ и Петропавловскомъ. Между Тарой и Омскомъ потокъ этотъ какъ бы съуживается; онъ снова немного расширяется между Томскомъ и Біей; въ Енисейской же губерніи уже рѣзко прерывается у границъ рѣкъ, впадающихъ въ Енисей около Нижнеудинска. Эта область представляетъ собою пустыню. Только вдоль большихъ рѣкъ тянется еще отсюда узкими полосами русское населеніе.

Вообще на сѣверѣ, югѣ и востокѣ инородцы превосходятъ русскихъ; на югѣ Западной Сибири находится наконецъ громадная инородческая область Туркестанъ, откуда сибирское инородческое населеніе, при распространяющихся завоеваніяхъ русскихъ, всетаки, получаетъ новое подкрѣпленіе.

Вліяніе инородцевъ тѣмъ рѣзче обнаруживается въ сибирякахъ, что самъ русскій тамъ, гдѣ онъ не входитъ ни въ какое прямое смѣшиваніе съ инородцемъ, необыкновенно легко приспособляется къ обычаямъ и къ общему характеру инородцевъ, къ ихъ говору, ихъ миѳологическимъ понятіямъ, и т. д. Русскій является превосходнымъ колонизаторомъ, такъ какъ онъ легко умѣетъ примѣняться къ измѣненнымъ природнымъ и культурнымъ обстоятельствамъ, и въ то же время дурнымъ, такъ какъ онъ также легко утрачиваетъ

*) Ровинскій: «Путешествіе въ Вост. Сибирь». Извѣст. В. Сиб. Отд. И. Р. Географ. Общ., 1872 г., стр. 120.

Digitized by Google

свои особенности родовыя, національныя и пріобрѣтенныя культурой *).

Подобно тому, какъ англичанинъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ преобразился въ янки, славянинъ въ Сибири, съ одной стороны, подъ вліяніемъ измѣненныхъ природныхъ условій, а вмѣстѣ и измѣненнаго образа жизни, съ другой—подъ вліяніемъ смѣшенія съ инородцами и упомянутой способности къ приспособленію къ монгольскому характеру, подвергся замѣчательному превращенію въ „сибиряка".

„Сибирякъ" отличается рядомъ какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ свойствъ. Онъ представляетъ собою типическое созданіе сибирской колоніальной исторіи. Болѣе всего характеризуетъ его мужественная энергія, также какъ и физическая и духовная свѣжесть. Благодаря смѣшенію съ инородцами и борьбѣ съ дѣвственной природой Сибири, славянинъ, сибирскій цивилизаторъ, самъ вернулся къ природѣ. Онъ пріобрѣлъ предпріимчивость, рѣшимость, находчивость; онъ выработалъ „способности Робинзона", какъ мѣтко замѣтилъ Ядринцевъ. Онъ человѣкъ самопомощи и именно отъ этого, не смотря на его явное добродушіе и хлѣбосольство, непремѣнно индивидуалистиченъ и практиченъ. Даже болѣе, впродолженіе трехъ столѣтій систематично практикуемое хищническое хозяйство, такъ какъ только такимъ можно назвать колоніальное хозяйство славянъ въ Сибири, вызвало въ сильной степени въ „сибирякѣ" стремленіе къ наживѣ и превратило его въ безпощаднаго эксплоататора; съ другой стороны, деспотическая власть воеводъ и генералъ-губернаторовъ, страшная подкупность чиновничества, недостатокъ гласности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенная безправность сибиряка передъ административнымъ произволомъ, наложили на него отпечатокъ скрытности и лукавства.

Было бы несправедливо отрицать у сибиряковъ присутствіе какихъ либо высшихъ и лучшихъ чувствъ, какъ дѣлали нѣкоторые пессимистическіе сибирскіе патріоты (именно извѣстный историкъ Щаповъ). Вышеприведенныя черты характера скорѣе имѣютъ внѣшній характеръ, вызваны и обусловлены печальною судьбою Сибири. О томъ, что сибирякъ при лучшихъ обстоятельствахъ будетъ въ состояніи отдѣлаться, по крайней мѣрѣ, отъ крайнихъ проявленій ихъ, или совершенно подавить эти свойства, ясно гово-

*) Сходное же умѣнье приспособляться къ жизни инородцевъ мы видимъ и у португальцевъ въ Африкѣ.

Digitized by Google

рятъ какъ упомянутая свѣжесть и энергія сибиряка, такъ и несомнѣнное культурное движеніе, которое проявила Сибирь въ послѣднее десятилѣтіе.

Въ Сибири распространено убѣжденіе въ крайней необходимости расширенія европейскаго образованія. Пока еще учебная часть ея очень неудовлетворительна, почему еще болѣе заслуживаютъ уваженія стремленія интеллигентныхъ сибиряковъ способствовать расширенію народнаго образованія основаніемъ новыхъ школъ, стипендіями, обществами для содѣйствія нуждающимся учащимся *), публичными библіотеками и т. д. Блестящимъ образомъ заявила себя извѣстная готовность къ пожертвованіямъ сибиряковъ, при основаніи открывающагося нынѣшней осенью университета въ Томскѣ: купецъ Цибульскій далъ на университетъ 140,000 руб., Сибиряковъ 150,000 руб., гор. Томскъ 30,000 р. и т. д. Купецъ Пономаревъ завѣщалъ гор. Иркутску капиталъ, какъ говорятъ, въ 800,000 р. на основаніе высшей технической школы. Кромѣ того, мы замѣчаемъ, что эти стремленія сибиряковъ находятъ благопріятную почву. Посѣщеніе школы вообще отрадное; число студентовъ-сибиряковъ теперь уже значительно, не смотря на то, что молодымъ людямъ приходится иногда проѣхать нѣсколько тысячъ километровъ, чтобы изъ своей родины попасть въ какой нибудь университетскій городъ Европейской Россіи. Съ открытіемъ Сибирскаго университета, число сибиряковъ достигающихъ высшаго образованія, разумѣется, возрастетъ. Не надо также забывать, что Сибирь уже и теперь доставила рядъ выдающихся ученыхъ **).

Но не только одно народное образованіе одушевляетъ сибиряка. Его практическій умъ ведетъ его прежде всего къ практической жизни: вспомнимъ имя Сибирякова, который неотступно работаетъ по открытію сѣверовосточнаго пути въ Сибирь, а нынѣ предпринялъ устройство правильнаго пароходства по Ангарѣ. Съ возстановленіемъ Обь-Енисейскаго канала связывается имя жертвователя купца Фунтусова. Вспомнимъ, наконецъ, дѣйствительно достойную удивленія борьбу, которую ведутъ сибирскіе писатели, не смотря на всѣ опасности цензуры, въ мѣстной прессѣ и въ цѣнномъ ихъ петербургскомъ органѣ „Восточномъ Обозрѣніи“, чтобы

*) Подобныя общества находятся въ Тобольскѣ, Томскѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ, Барнаулѣ, Вѣрномъ и т. д. Также въ Петербургѣ и Москвѣ.

**) Между многими извѣстными именами мы выдѣляемъ слѣдующихъ: извѣстный химикъ Менделѣевъ, этнографъ Ядринцевъ, изслѣдователи и путешественники Потанинъ и Поляковъ, историки Щаповъ и Вагинъ, и т. д.

Digitized by Google

освободить Сибирь отъ старыхъ, ржавыхъ оковъ, три столѣтія тяготѣющихъ надъ этой страной, чтобы добиться для Сибири, по крайней мѣрѣ, тѣхъ льготъ, которыми пользуется европейская Россія: земство, гласный судъ присяжныхъ, относительная свобода печати, отмѣна уголовной ссылки.

Такой прогрессъ сибиряковъ, со временемъ, вызоветъ также большія преобразованія въ странѣ и въ экономическомъ отношеніи. Хозяйственная жизнь Сибири, положимъ, достаточно поколеблена! Многократно уже доказывалось, что вывозъ сырыхъ продуктовъ изъ Сибири представляетъ явленіе весьма вредное и готовящее самыя гибельныя послѣдствія для будущаго преуспѣянія страны.

Доходъ отъ пушнины, какъ извѣстно, уменьшается съ каждымъ годомъ. Еще въ 1850 г. привозилось на ирбитскую ярмарку до 108,000 шт. горностаевъ и до 43,000 соболей, въ 1860 г. только 56,000 горностаевъ и 16,200 соболей. Въ 1880 г. еще меньше: 24,000 горностаевъ и 5,150 соболей. Даже добыча золота, въ особенности добываемаго на правительственныхъ розсыпяхъ, подверглась значительному уменьшенію: напримѣръ, на Алтайскихъ горахъ добыча въ два года сократилась на 300%; на частныхъ пріискахъ въ 1846 г. добыто было золота болѣе 22,441 килогр. 970 гр., въ 1850 же году уже только 14,742 килогр. 900 гр. Лѣсные пожары истребили также безконечныя богатства. Земледѣліе ведется здѣсь, какъ и въ каждой молодой странѣ, хищнически и въ особенности ради интересовъ многочисленныхъ винокуровъ. Сибирское скотоводство во всѣхъ отношеніяхъ нераціонально. Сибирская промышленность не вышла изъ предѣловъ нѣкоторыхъ незначительныхъ начинаній *).

По отношенію къ торговлѣ, Сибирь стоитъ въ полной зависимости отъ Европейской Россіи; характеристично для показанія производительной силы страны то, что количество сибирскихъ продуктовъ, которые обмѣниваются на русскіе мануфактурные товары, по сравненію съ послѣдними, представляется весьма ничтожнымъ **). Прославленные естественные пути сообщенія, какъ за-

*) Подробнѣе объ экономическихъ условіяхъ Сибири см. Jadrinzew-Petri, гл. 7 и 8. О промышленности Radloff: «Aus Sibirien», 1885, B. 1, S. 27 и далѣе. Nassakin: «Sibiriens Industrieverhältnisse», Oesterr. Monatschrift f. d. Orient. Wien. 1885. B. XI. S. 110.

**) На Ирбитской ярмаркѣ въ 1884 г. было куплено мануфактурныхъ товаровъ для Сибири на сумму 41 милліонъ руб.; Сибирь же въ обмѣнъ дала своего сырья всего на 11,800,000 р. «Восточн. Обозр.» 1885, № 11.

Digitized by Google

мѣчаетъ Латкинъ, „непозволительно плохи“. Почтовый трактъ между Томскомъ и Иркутскомъ тщательно всѣми избѣгается: проѣзжіе предпочитаютъ ѣхать въ обходъ. Для торговли такое состояніе дорогъ убійственно: пудъ керосину, стоившій лѣтомъ 1885 г. въ Томскѣ не болѣе двухъ рублей, въ Иркутскѣ продавался за 5—6 рублей *). О сибирскомъ пароходствѣ также говорятъ много неблагопріятнаго.

Даже этихъ немногихъ данныхъ достаточно, чтобы доказать необходимость переворота въ хозяйственномъ отношеніи въ Сибири. Въ скоромъ наступленіи такого переворота ручается намъ практическій умъ сибиряка, подвижная жизнь, развивающаяся нынѣ въ Сибири, и соединенныя усилія сибиряковъ, русскихъ и остальныхъ европейцевъ открыть доступъ въ Сибирь моремъ, рѣками и сухимъ путемъ. Положимъ, интересы всѣхъ элементовъ, добивающихся доступа въ Сибирь, никакъ нельзя считать солидарными, хотя цѣль ихъ стремленій въ общемъ одна и та же. Русскій и европеецъ сходятся въ томъ, что въ ихъ глазахъ Сибирь является страною, могущею доставлять дешевое сырье и открыть сбытъ для ихъ мануфактурныхъ товаровъ; расходятся же они, во-первыхъ, въ томъ, что интересы Россіи не допускаютъ, чтобы собственная колонія ея была открыта для чужой промышленности, и, во-вторыхъ, въ томъ, что колонія эта служитъ для воспринятія русской эмиграціи, тогда какъ о подобномъ значеніи Сибири для иностранцевъ пока и рѣчи быть не можетъ; въ-третьихъ, открытіе доступа въ Сибирь имѣетъ громаднѣйшее политическое значеніе для Россіи.

Для Сибири вопросъ прежде всего состоитъ не только въ томъ, чтобы сбыть свое сырье по возможно высшей цѣнѣ, въ обмѣнъ на завезенные мануфактурные товары, но и воспользоваться въ то же время энергіею, вызванной открытіемъ доступа въ страну въ дѣлѣ поднятія общаго жизненнаго уровня на родинѣ. Задача сибиряка такимъ образомъ является не только гораздо шире, но и плодотворнѣе, чѣмъ задачи другихъ заинтересованныхъ сторонъ. Мы даже думаемъ, что эти другія заинтересованныя стороны, метрополія и Европа, только тогда достигнутъ вполнѣ своей цѣли, когда производительныя силы страны пробудятся сильнѣе, чѣмъ отъ простаго облегченія сношеній и усиленія вывоза. Конечно, и такая желѣзная дорога, которая будетъ назначена только для вывоза, привле-

*) Латкинъ, «Восточн. Обозр.», 1885, № 45.

Digitized by Google

четъ извѣстныя производительныя силы въ страну, если только выработка предметовъ вывоза окажется дѣломъ доходнымъ *).

Однако, даже и въ этомъ случаѣ эти элементы оказались бы численно недостаточными для того, чтобы удовлетворить требованіямъ вѣчно голодной Европы. Сибирь нельзя въ настоящее время считать страною годной для воспринятія европейской эмиграціи; Европейская Россія даетъ своихъ переселенцевъ не въ силу избытка населенія, а въ силу неудовлетворительности тѣхъ условій, въ которыхъ они находятся на родинѣ **). Въ концѣ концовъ производительныя силы Сибири требуютъ прежде всего покоя и раціональнаго направленія и не будутъ въ состояніи вынести напряженія, соотвѣтствующаго потребностямъ всемірнаго рынка.

Съ открытіемъ доступа въ Сибирь сдѣлано будетъ еще немногое. Между Сибирью и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами существуетъ громадная разница, которую всегда упускаютъ изъ виду, когда проводятъ излюбленныя параллели между обѣими странами. Въ Соединенныхъ Штатахъ достаточно открытія доступа въ какую либо область, чтобы привлечь туда охочій до работы капиталъ и трудъ. Желѣзныя дороги въ штатахъ являются піонерами колонизаціонной и культурной работы; онѣ какъ бы волшебствомъ создаютъ въ пустынѣ дѣятельное и многочисленное населеніе.

Въ Сибири совсѣмъ наоборотъ; здѣсь пугаются при одной мысли, что предстоитъ провести тихо-океанійскую желѣзную дорогу. Подобная дорога представляется здѣсь смѣлой фантазіей, которая даже и въ такомъ безобидномъ видѣ вызываетъ жесточайшія нападки ***). Если бы даже и осуществилась подобная дорога по чьему

*) Нельзя упустить изъ виду того, что открытіе доступа въ Сибирь въ такомъ смыслѣ, а слѣдовательно и возрастающая опасность окончательнаго разграбленія природныхъ богатствъ страны, должны до крайности обострить выяснившійся уже разладъ между хищнической Сибирью прошлаго, какъ продукта колонизаціонной исторіи, и способною къ труду молодой Сибирью, какъ продуктомъ уже колонизаціонной работы. Рѣшительная борьба между этими двумя сторонами, которая, безъ сомнѣнія, рано или поздно должна прекратиться, въ концѣ концовъ можетъ имѣть для Сибири только благопріятныя послѣдствія. Побѣда будетъ безусловно на сторонѣ молодой Сибири, единственно способной создать будущее. Ясно также, что правительство нѣкоторыми давно желанными уступками сибирскому обществу можетъ ускорить исходъ борьбы. Съ этой точки зрѣнія мы можемъ даже привѣтствовать попытки къ усиленію вывоза изъ Сибири, не смотря на то, что они на первый взглядъ кажутся столь роковыми.

**) Petri. Auswanderungsfrage etc., ibid., S. 943—44.

***) Petri. Petermann's Mittheilungen, 1885, S. 70.

Digitized by Google

либо велѣнію, то она далеко не могла бы оказать на страну того громаднаго оживляющаго вліянія, какое оказываютъ подобные пути сообщенія въ странахъ свободныхъ. Сибирь также мало съумѣла бы пользоваться этимъ путемъ, какъ и своими естественными путями сообщенія; она не можетъ, подобно Америкѣ, начинать съ желѣзныхъ дорогъ *), когда она еще обходится почти безъ первобытныхъ путей сообщенія.

Сибирь нуждается въ лучшихъ путяхъ сообщенія, прежде всего въ устройствѣ своего великаго воднаго пути и въ облегченіи сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Но этотъ успѣхъ не будетъ полнымъ, пока эта столь богатая и въ то же время столь бѣдная страна не будетъ освобождена отъ лежащаго на ней гнета. Экономическое развитіе немыслимо тамъ, гдѣ всѣ жизненныя проявленія скованы, гдѣ энергія народной силы придавлена. Мы отнюдь не хотимъ дать мѣсто какимъ нибудь гипотезамъ относительно дальнѣйшей будущности Сибири, но мы вполнѣ убѣждены въ томъ, что Сибирь, даже при относительно небольшой свободѣ, будетъ въ состояніи выдти изъ той тьмы, въ которой она находится, и доказать, что имѣетъ право на значительную роль въ міровомъ хозяйствѣ.

*) A. v. d. Leyen. «Die Nordamerikanischen Eisenbahnen in ihren wirtschaftlichen und politischen Beziehungen». Leipzig. Veit u. C. 1885. S. 2.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ СИБИРИ И ЕЯ НУЖДЫ.

I.

Аграрный вопросъ въ Россіи и сибирское эльдорадо.—Переселенческій вопросъ.—Здѣсь и тамъ.—Межевое дѣло.—Сибирское гражданское неустройство.—Дореформенныя учрежденія.—Отсутствіе гарантіи личности.—Старые суды и что дала Сибири такъ называемая судебная реформа 25 февраля 1885 г.—Очевидность безсилія ходатайствъ и очевидность силы въ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ народной жизни, которые находятся въ рукахъ самого населенія; эти вопросы и одинъ изъ нихъ, какъ болѣе выдавшійся въ послѣднее время—вопросъ о помощи пріисковымъ рабочимъ.—Средства къ разрѣшенію его.

Русскому мужику „нудно“ стало. Эта истина всѣмъ извѣстна и она, какъ аксіома, признаться сказать, аксіома прискорбная, не требуетъ доказательствъ. Что будетъ дальше, неизвѣстно. Трудно предсказать въ настоящее время ближайшее экономическое будущее Россіи,—говоритъ одинъ изъ современныхъ симпатичныхъ политико-экономовъ. Разростется ли и разовьется народное производство и благосостояніе на почвѣ общиннаго землевладѣнія, мужицкаго земледѣлія, кустарнаго производства и промысловой артели, или же на развалинахъ этихъ исконныхъ экономическихъ устоевъ русской народной жизни воздвигнется зданіе капитализма и вырастетъ сельская буржуазія и сельскій пролетаріатъ. Послѣдній путь (горестный путь Западной Европы) въ настоящее время какъ будто имѣетъ больше шансовъ, но націи живутъ не годами, а вѣками, и было бы малодушіемъ и маловѣріемъ отчаяваться за исходъ борьбы двухъ экономическихъ теченій, за перипетіями которой друзья русскаго народа слѣдятъ съ такимъ напряженіемъ. Не будучи ни малодушными, ни маловѣрными, въ концѣ концовъ должны сказать, что мужицкая жизнь попала въ теченіе, противное ея основнымъ народнымъ устоямъ, и мужику стала не подъ силу борьба за суще-

Digitized by Google

ствованіе. Наблюденіе за перипетіями борьбы народнаго и антинароднаго началъ привело къ открытію печальныхъ картинъ. С. Н. Южаковъ, въ его послѣдней статьѣ *), основываясь на точныхъ данныхъ оффиціальнаго труда „Статистики поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи", показалъ намъ крайне интересную и поучительную страницу о формахъ землевладѣнія въ Россіи, какъ памятникѣ нашей исторической эволюціи.

Въ долгіе періоды исторической жизни, которые предшествовали переразвитію торгово-промышленной дѣятельности, наблюдаемой нынѣ въ значительной части Европы, земледѣліе было главнымъ источникомъ экономическаго благосостоянія и богатства народовъ. И теперь въ большей части земнаго шара, въ томъ числѣ и въ Россіи, дѣла обстоятъ въ томъ же положеніи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, говоритъ авторъ упомянутой статьи, что и уродливому переразвитію торгово-промышленной стороны экономической жизни передовыхъ націй Европы рано или поздно будетъ положенъ предѣлъ. Но, каковы бы ни были будущія экономическія судьбы міра, прошлыя несомнѣнно всецѣло зависѣли отъ земледѣлія, а потому прожитые періоды народной жизни неизбѣжно должны были отразиться въ формахъ землевладѣнія. Разсматривая эти формы, мы видимъ, что съ самыхъ незапамятныхъ временъ два главныхъ историческихъ теченія своимъ обоюдно враждебнымъ столкновеніемъ волнуютъ жизнь человѣчества: „теченіе расчленяющее человѣчество на классы, дифференцирующее его, создающее всяческое неравенство и монополію, но вмѣстѣ съ тѣмъ преимущественно вырабатывающее высшія формы культуры, развивающее просвѣщеніе и вкусъ; и другое теченіе, обратное первому, стремящееся уравнять людей, соединить ихъ въ братствѣ и солидарности, ведущее не къ дифференцированію, а къ ассимиляціи, вырабатывающее высшее *содержаніе* культуры, мораль, справедливость, обширныя симпатіи". При первомъ теченіи является форма частнаго землевладѣнія, а при второмъ—народнаго.

Народное землевладѣніе, въ принципѣ своемъ дающее всякому доступъ къ землѣ, предоставляетъ фактическое пользованіе ею лишь лицамъ, которыя сами, своимъ трудомъ, воздѣлываютъ землю.

---

*) «Сѣверн. Вѣстникъ», іюль, 1886 г., «Статистическій законъ землевладѣнія въ Россіи». Этому же вопросу посвящена статья А. Фортунатова въ іюльской книгѣ «Русск. Мысли», подъ заглавіемъ «Поземельная собственность въ Россіи».

Digitized by Google

Подобное отношеніе къ землѣ было присуще Руси въ XII—XIII вѣкѣ, и тогдашняя Русь не знала иной формы землевладѣнія; но съ постепеннымъ проникновеніемъ аграрныхъ идей Запада, въ Россіи начинаетъ появляться частная земельная собственность. Начинается борьба двухъ теченій, которая привела къ слѣдующимъ результатамъ.

Въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи указанныя нами двѣ формы землевладѣнія выражаются такими цифрами:

Народное. .	113.785,666 дес.	55,0%
Частное . .	93.193,400 дес.	45,0%

Эти цифры говорятъ сами за себя: изъ нихъ видно, какое широкое поле захватило нежеланное теченіе частнаго землевладѣнія, но къ этому еще необходимо добавить, что Г. Южаковъ включилъ подворное частное крестьянское землевладѣніе въ составъ народнаго, въ виду его равномѣрности и отсутствія до сихъ поръ необходимыхъ дифференцированій, что̀ зависѣло отъ извѣстной власти самой общины; если же въ подобной классификаціи признать нѣкоторую натяжку и цифру подворнаго землевладѣнія или выдѣлить въ особую группу, или присоединить къ личному, то предъ нами явится еще болѣе неутѣшительная картина.

Разбирая эти цифры по областямъ, авторъ приходитъ къ весьма интересному выводу *). Оказывается, что чѣмъ ближе къ Западу, и вообще чѣмъ доступнѣе было вліяніе западныхъ аграрныхъ положеній, тѣмъ болѣе имѣетъ тамъ преимуществъ, въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ, частное землевладѣніе и наоборотъ, чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ болѣе сохранилась форма народнаго землевладѣнія. Постепенно, благодаря явившемуся съ Запада, чуждому устоевъ русской народной жизни, теченію, громадныя земельныя пространства переходили въ руки особаго класса; въ pendant къ этому постепенно уменьшалось пространство народнаго владѣнія, причемъ народонаселеніе все увеличивалось, и дѣло дошло до того, что въ рукахъ мужика оказалось количество земли, въ среднемъ выводѣ далеко меньшее даже противъ минимальной нормы землевладѣнія, потребной только на пропитаніе. Въ другой своей работѣ **), г. Южаковъ, опредѣляя на основаніи условій потребности и успѣшности труда, культуры,

*) Къ этому же выводу пришелъ и А. Фортунатовъ, «Р. Мысль», іюль, 1886 г.

**) «Рус. мысль», 1885, 9 кн. «Нормы народнаго землевладѣнія».

Digitized by Google

климата и почвы, нормы крестьянскаго землевладѣнія, ясно доказалъ, что фактическое мужицкое владѣніе далеко ниже нормъ и что, вычисляя точно потребное количество земли, для 4.200,800 об. пола душъ земледѣльческаго населенія нѣтъ уже мѣста на незанятыхъ мѣстахъ Европейской Россіи, кромѣ крайняго сѣвера и каспійской пустыни. Вотъ каковы причины и послѣдствія. Этотъ выводъ, сдѣланный изъ ряда мертвыхъ цифръ, полонъ глубокой истины и вполнѣ совпадаетъ съ дѣйствительностью. Еще графъ Киселевъ, какъ извѣстно, считалъ нужнымъ выселить изъ предѣловъ Европейской Россіи 800,000 душъ, а нынѣ цифра эта является еще болѣе грандіозной. Надо прислушаться только къ голосу народа, и вамъ ясна станетъ истина о малоземеліи и безземеліи русскаго мужика. Все время раздается голосъ его, и въ отвѣтъ на него обездоленный пахарь только въ послѣднее время получилъ, какъ особую милость, учрежденіе крестьянскаго банка, играющее роль слабаго палліатива, отнюдь не заживляющаго глубокой раны.

Введеніе индивидуальной крестьянской собственности, по положенію 19 февраля 1861 года, внесло еще большую путаницу и усугубило зло, а затѣмъ появившаяся volens-nolens коммерческая основа въ жизненныхъ отношеніяхъ довершила его, и Россія увидѣла своего мужика пролетаріемъ, покинувшимъ общинные устои, безземельнымъ горемыкой.

Въ этомъ кроется raison d'être возникшаго переселенческаго движенія. Мужичьи умы забродили той мыслью, къ которой прибѣгали всегда, когда особенно тяжко приходилось, мыслью о невѣдомыхъ земляхъ, о земельной шири и глади, о томъ сказочномъ Бѣловодьѣ, гдѣ и земли много, и утѣсненій ни отъ кого нѣтъ; вообще о тѣхъ кисельныхъ берегахъ и млечныхъ рѣкахъ, къ которымъ стремится русскій народъ, да грѣхи не пускаютъ.

Растущіе годъ отъ году налоги и съ каждымъ днемъ являющееся все болѣе и болѣе широкое проявленіе чиновничьей опеки несомнѣнно посодѣйствовали въ извѣстной степени къ усугубленію начавшагося броженія, и мужикъ во снѣ и на яву началъ бредить исканіемъ землицы. Какъ прежде народъ бѣжалъ въ невѣдомыя страны „отъ безурядицы, смуты, гнета суровой регламентаціи, непосильныхъ тягостей и злоупотребленій“ *), такъ и теперь тѣ же причины, только въ своеобразномъ видѣ, и плюсъ недостатокъ земли, какъ главная основа, гнали народъ съ родныхъ мѣстъ.

*) «Сибирь, какъ колонія», Ядринцева, стр. 127.

Digitized by Google

Переселенческое движеніе съ каждымъ годомъ все увеличивается и особенно направляетъ свой потокъ въ нашъ Сибирскій край, землевладѣніе котораго, за весьма небольшими исключеніями, сохранило до сихъ поръ присущія народу формы и такимъ образомъ является желаннымъ его эльдорадо. Земли въ Сибири много, хотя огульное признаніе повсемѣстнаго многоземелія, благодаря послѣднимъ изслѣдованіямъ потерпѣло нѣкоторое фіаско, однако эти изслѣдованія не дали данныхъ, вполнѣ отрицающихъ существованіе незанятыхъ земель, и по правдѣ сказать, свободныхъ земель еще достаточно, но сколько ихъ, гдѣ онѣ, что за земли,—все это безотвѣтные вопросы, покрытые мракомъ сибирско-межеваго хаоса.

Всѣмъ давно извѣстно, что ни одно дѣло въ Сибири не ведется такъ рутинно, ни одно дѣло не изобилуетъ такой массой курьезовъ и ни одно изъ нихъ не требуетъ столь серьезной реорганизаціи, какъ межевое. Извѣстно, что генеральнаго межеванія въ Сибири не было; извѣстно также, что работы по надѣлу крестьянъ начали производиться болѣе систематично только въ послѣднія 50 лѣтъ и, не смотря на сравнительно значительный періодъ времени, достигли относительно лучшихъ результатовъ только въ губерніяхъ Тобольской и Томской, какъ болѣе близкихъ къ Европейской Россіи и болѣе населенныхъ земледѣльческимъ элементомъ. Но при этомъ необходимо замѣтить, что крайне плохое достоинство межевыхъ работъ и въ этихъ губерніяхъ не разъ выяснялось. Такъ, напримѣръ, всѣ окружныя границы и внутреннія сѣти волостныхъ раіоновъ Тюкалинскаго и Каинскаго округовъ повѣрялись отъ 3 до 11 разъ, а 10 снятыхъ волостныхъ дачъ въ настоящее время требуютъ исправленія съемки и пересоставленія проектовъ, причемъ пересъёмкѣ подлежитъ до $1^1/_2$ милліоновъ десятинъ. Вообще и въ этихъ губерніяхъ окончательно законченныхъ работъ нѣтъ, такъ какъ каждая новая работа вызываетъ послѣдовательный рядъ безполезныхъ повѣрокъ, исправленій и пересъёмокъ; не даромъ же сибирскій крестьянинъ, характеризуя работы мѣстныхъ межевщиковъ, составилъ поговорку о халатномъ мѣреніи Сидора да Тараса, при помощи порванной цѣпи, а между тѣмъ, по вычисленіямъ, сдѣланнымъ въ одномъ оффиціальномъ документѣ, на межевыя работы въ Сибири потрачена солидная сумма, достигающая 12 милліоновъ рублей. Бо́льшей результатностью, хотя понятно опять-таки относительной, отличается межевое дѣло въ Алтайскомъ горномъ округѣ, но и тамъ на каждомъ шагу встрѣчаются крупныя ошибки; инородческое же землевладѣніе и землепользо-

Digitized by Google

ваніе находится въ полномъ хаотическомъ состояніи. Оставляя въ сторонѣ квалификацію работъ и обращаясь къ голымъ цифрамъ, мы находимъ, что по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ значится приведенныхъ въ извѣстность въ Тобольской губерніи около 21 милл. десятинъ, что̀ по отношенію къ неприведеннымъ (114 м.) составитъ 18%. Въ Томской губерніи, по свѣдѣніямъ статистическаго комитета, считается приведенныхъ въ извѣстность 39 милліоновъ десят., что̀ составитъ почти 50% всѣхъ земель этой губерніи.

Въ болѣе худшемъ положеніи рисуется межевое дѣло въ Восточной Сибири. Изъ трудовъ коммиссіи, учрежденной въ 1873 г. при министерствѣ государственныхъ имуществъ, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Медема, для разрѣшенія вопросовъ о поземельномъ устройствѣ сибирскихъ крестьянъ, видно, что обмежеванныхъ и рекогносцированныхъ земель числилось въ Восточной Сибири до 13 милліоновъ дес., что̀ составитъ 1,3% всего пространства, или около 8% количества удобной земли.

Характеризуя межевое дѣло въ Восточной Сибири, можно смѣло сказать, что съемка земель, подъ наблюденіемъ казенныхъ палатъ, производилась землемѣрами безъ опредѣленной цѣли и послѣдовательности, крайне медленно и небрежно. Бывшая въ сороковыхъ годахъ сенаторская ревизія учрежденій Восточной Сибири обнаружила значительные безпорядки и злоупотребленія въ межеваніи земель и совершенную непригодность большей части межевыхъ работъ. Вслѣдствіе доклада ревизовавшаго сенатора Толстаго, въ 1851 году Высочайше утверждено было особое управленіе по межеванію казенныхъ земель съ полуротою топографовъ въ Иркутскѣ. Въ 1871 году это управленіе упразднено и вмѣсто него сформировано съемочное отдѣленіе при главномъ управленіи Восточной Сибири. На чиновъ этого отдѣленія было возложено лишь приведеніе въ извѣстность посредствомъ съемки общаго пространства казенныхъ земель и распредѣленіе ихъ въ надѣлъ крестьянамъ, причемъ они должны были наносить только границы на планы, формальное же обмежеваніе оставалось на обязанности землемѣровъ губернской чертежной; исключительно на нихъ же было возложено въ 1860 году, по распоряженію графа Муравьева-Амурскаго, приведеніе въ извѣстность инородческихъ земель.

Учрежденія 1851 и 1871 г. не достигли желанныхъ результатовъ, напротивъ даже есть полное основаніе думать, что они внесли разладъ въ крестьянское землевладѣніе, и къ довершенію всего всѣ

Digitized by Google

эти работы, во время бывшихъ пожаровъ въ Иркутскѣ въ 1879 и Красноярскѣ въ 1881 г., сгорѣли.

Объ успѣшности этихъ работъ можно судить какъ по приведенной общей цифрѣ, такъ и по даннымъ, въ частности относящимся къ какой либо отдѣльной губерніи. Такъ, напримѣръ, въ округахъ Енисейской губерніи обмежевано: въ Красноярскомъ округѣ $^1/_4$ часть, Канскомъ $^1/_{31}$, Минусинскомъ $^1/_{25}$, Ачинскомъ $^1/_{24}$ и Енисейскомъ $^1/_{2056}$. То же самое надо сказать о губерніи Иркутской и области Забайкальской; область же Якутская находится еще въ болѣе худшемъ положеніи. Пріамурскій край, какъ край сравнительно недавно занятый, весьма понятно, отличается земельнымъ неустройствомъ; въ немъ правительство желаетъ насильно ввести крестьянскую и вообще частную собственность, но его попытки пока разбиваются о твердую скалу народныхъ устоевъ, и переселившійся туда крестьянинъ, заводя общину, выражаетъ тѣмъ свое нежеланіе пользоваться предоставленными ему правами по закону 27-го апрѣля 1861 г., съ массою льготъ, заводить частную собственность. Вотъ положеніе того эльдорадо, куда стремится обездоленный русскій крестьянинъ. Изъ этихъ данныхъ видно, какъ необходимо обратить особое вниманіе на межевое дѣло въ Сибири и какъ необходима полнѣйшая реорганизація его. Притомъ, при серьезномъ поднятіи вопроса о реорганизаціи межеваго дѣла, невольно является весьма важный въ жизни крестьянина-землевладѣльца вопросъ о нормѣ земельнаго надѣла. Принятая правительствомъ 15-десятинная норма ни на чемъ не основана и часто грѣшитъ противъ дѣйствительной потребности; между тѣмъ, въ настоящее время работы Янсона, Васильчикова и Южакова даютъ уже научные методы къ опредѣленію этихъ надѣловъ сообразно затрачиваемымъ силамъ и потребностямъ земледѣльца. Своеобразность сибирскаго хозяйства, конечно, потребуетъ приноровленія къ мѣстному быту, и самое выполненіе дѣла будетъ въ связи съ широкимъ и подробнымъ изслѣдованіемъ поземельнаго и земледѣльческаго хозяйства въ Сибири, въ чемъ наступила теперь самая настоятельная потребность. Этого требуетъ переселенческое дѣло, этого давно уже требуетъ сама крестьянская жизнь и ея неотложныя нужды.

Въ настоящее время, намъ кажется, настала пора подумать особенно серьезно объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ съ предстоящей отмѣной подушной подати въ Сибири и съ переложеніемъ податныхъ платежей съ души на землю, является крайняя необходимость въ

Digitized by Google

точномъ опредѣленіи земельныхъ владѣній, не говоря уже о томъ, что съ увеличеніемъ населенія въ нѣкоторыхъ раіонахъ, гдѣ стало чувствоваться малоземелье, необходимо, въ виду поднимающихся въ послѣднее время споровъ, водворить въ краѣ спокойное и безспорное пользованіе землями. О переселенческомъ вопросѣ и говорить излишне; всѣмъ извѣстно, какія онъ заявляетъ требованія въ этой сферѣ, такъ какъ, при неопредѣленности раіоновъ крестьянскаго землепользованія, нельзя ожидать, чтобъ переселенческое движеніе получило правильную организацію. Послѣднюю потребность правительство давно уже признало, и назначеніемъ особаго отряда для отмежеванія переселенческихъ участковъ въ Западной Сибири нынѣ отчасти ее удовлетворило. Получено извѣстіе, что часть этихъ участковъ отмежевана, но мы не можемъ питать розовыхъ надеждъ, что обмежеваніе однихъ только переселенческихъ участковъ, безъ точнаго опредѣленія границъ старыхъ общинно-крестьянскихъ владѣній, разрѣшитъ задачу.

Сибирская пресса даетъ массу иллюстрацій безвыходнаго положенія переселенцевъ на мѣстѣ въ Сибири, еще не такъ давно былъ поднятъ голосъ „Безземельнымъ горемыкой“ *) о переселенческихъ бѣдствіяхъ, вызвавшій отвѣтъ какого-то неизвѣстнаго защитника **) сибирской степной администраціи, ровно ничего не доказавшаго, кромѣ полнѣйшей некомпетентности самой администраціи въ дѣлѣ колонизаціи края: одни лица считаютъ чуть не первымъ дѣломъ заселеніе русскимъ элементомъ степей, образовываютъ особые участки, испрашиваютъ согласіе Высочайшей воли, другія же лица, явившіяся на смѣну первыхъ, считаютъ все это абсурдомъ и чуть не съ мольбою просятъ бросить всякую мысль о колонизаціи тѣхъ мѣстъ. Мы не будемъ разбирать, которая изъ администрацій права, но приводимъ этотъ фактъ, какъ доказательство отсутствія прочнаго фундамента въ мѣропріятіяхъ мѣстной власти, при вырѣшеніи тѣхъ вопросовъ, для которыхъ недостаточно одной только канцелярско-чиновничьей переписки. Мы здѣсь коснулись главнымъ образомъ только переселенческихъ бѣдъ по отношенію къ землѣ, немало наберется и другихъ, но о нихъ скажемъ ниже, а теперь коснемся извѣстій о переселенческомъ движеніи настоящаго года. Очень обстоятельную хронику переселенческаго движенія ведетъ „Сиб. Газета“, но такъ какъ чрезъ Томскъ идетъ только часть

*) «Вост. Обозр.», 1885 г., № 22.

**) «Акмолин. Обл. Вѣд.», № 28, 1885 г.

Digitized by Google

переселенцевъ, то мы воспользуемся данными корреспондента „Восточ. Обозр." о „тюменскомъ переселенческомъ убѣжищѣ", которое представляетъ для наблюденія лучшій пунктъ.

Движеніе переселенцевъ началось въ Тюмени съ 1-го мая. Такого сильнаго скопленія переселенцевъ въ переселенческомъ убѣжищѣ, какъ бывало въ прежнихъ годахъ до постройки екатеринбургско-тюменской желѣзной дороги, теперь нѣтъ. Наибольшее количество переселенцевъ въ первый мѣсяцъ доставили губерніи Екатеринославская и Тамбовская по 326 душъ разнаго пола и возраста, каждая губернія въ отдѣльности. За этими губерніями слѣдуетъ Пермская, изъ которой прошло, чрезъ тюменское переселенческое убѣжище, 217 человѣкъ. Изъ новыхъ губерній, Астраханская дала 214 человѣкъ. Пензенская губернія дала 181 человѣка. Губерніи Витебская, Курская, Воронежская, Вятская дала 100 съ чѣмъ нибудь каждая. Наименьшее количество переселенцевъ, около десятка каждая, дали губерніи: Вологодская, Костромская, Нижегородская, Полтавская, Тверская, Тульская. Всѣхъ переселенцевъ, прошедшихъ и получившихъ временный пріютъ въ убѣжищѣ, за май 1886 года было 2,075 человѣкъ. Изъ этого числа 684 мужчинъ, 607 женщинъ и 784 дѣтей. Переселенцы въ маѣ не всѣ уѣхали въ Томскъ, а часть ихъ направилась въ Семипалатинскъ. Впродолженіе іюня переселенцы шли изъ 11 губерній. Наибольшее количество переселенцевъ дала Курская губернія. Всѣхъ переселенцевъ прошло 1,654 человѣка, изъ этого числа послѣдняя губернія дала 1,537 человѣкъ. Больница переселенческаго убѣжища въ началѣ іюня была биткомъ набита дѣтьми, заболѣвшими корью. Всѣхъ больныхъ дѣтей въ первыхъ числахъ іюня было 16 человѣкъ, а такъ какъ больница устроена всего на 10 кроватей, то понятно, что нѣкоторыя помѣщались на полу. До открытія екатеринбургско-тюменской желѣзной дороги, переселенцы съ недостаточными средствами покупали себѣ лошадей въ Екатеринбургѣ, откуда и начинали свой маршрутъ черезъ Ялуторовскъ, Ишимъ, вплоть до Томска; въ настоящее же время они покупаютъ себѣ лошадей въ Тюмени. Количество переселенцевъ, уѣхавшихъ въ нынѣшнемъ году изъ Тюмени на лошадяхъ, гораздо больше, нежели въ прошломъ году.

Такимъ образомъ въ два мѣсяца чрезъ тюменское убѣжище прошло около 4 т. душъ, но это едва ли вѣрная цифра, во всякомъ случаѣ она представляетъ minimum, а не maximum движенія.

Свѣдѣнія о движеніи черезъ Сызрань имѣются пока только за

Digitized by Google

первые весенніе мѣсяцы. Такъ извѣстно, что втеченіе апрѣля черезъ г. Сызрань прослѣдовало 1,085 переселенцевъ изъ 12 разныхъ губерній. Почти половину общаго числа переселенцевъ—484 д.—составляли крестьяне Тульской губ. Изъ нихъ въ Сибирь (именно въ Томскую губ.) направилось только 55 д., да въ Туркестанскую область—9, изъ остальныхъ же главная масса — 856 чел., направилась въ Оренб. губ., потомъ 87 ч.—въ Самарскую и 78 ч. въ Уфимскую губ.

Не прекратилось движеніе и моремъ въ Уссурійскій край, не смотря даже на то, что колонизація при помощи казны въ прошломъ году окончила свой трехлѣтній опытъ, давъ крайне неутѣшительные результаты. Нынѣ ѣдутъ туда только „своекоштные" переселенцы. Вотъ, напримѣръ, что сообщаетъ мѣстный органъ:

„На пароходѣ „Царица" прибыло во Владивостокъ 64 семейства своекоштныхъ переселенцевъ (281 муж. и 250 жен. пол.) и 1 ходокъ Черниговской губерніи, Городнянскаго уѣзда. При выходѣ въ далекій путь, *они внесли начальству 80 тысячъ рублей*, изъ коихъ, за покрытіемъ всѣхъ путевыхъ расходовъ, они получили во Владивостокѣ обратно 47,035 р. 35 к. При нихъ находится до 4,300 пудовъ груза, состоящаго изъ различнаго имущества.

„Всего въ эту навигацію вышло изъ Одессы 1,728 душъ обоего пола своекоштныхъ переселенцевъ".

Въ этомъ извѣстіи вы невольно наталкиваетесь на тотъ фактъ, что мотивомъ къ переселенію служитъ не одна бѣдность, а что-то другое, которое гонитъ переселенца съ насиженнаго мѣста. Это „что-то другое", нѣтъ сомнѣнія, должно быть недовольство настоящимъ теченіемъ народной жизни на Руси и боязнь крестьянина за грядущее будущее.

Переселенческій вопросъ одинъ изъ самыхъ животрепещущихъ и интересныхъ вопросовъ современной жизни, но, не смотря на это, ему посвящено сравнительно немного солидныхъ изслѣдованій, или, вѣрнѣе, за исключеніемъ работъ Григорьева *), все остальное захватываетъ только мелкія крупицы большаго цѣлаго. Точно также и со стороны правительства не вызвано было никакихъ работъ, на основаніи которыхъ оно могло бы принять соотвѣтствующія мѣры, и благодаря, быть можетъ, этому, надъ переселенческимъ

*) Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи. Изслѣдованіе В. Н. Григорьева. Москва. 1885 г.

Digitized by Google

вопросомъ царитъ хаосъ. Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что переселенецъ идетъ также, какъ прежде шелъ, и продолжаетъ попрежнему пить свою горькую чашу. Переселенцы идутъ по своей волѣ, на свои средства, на произволъ судьбы, безъ необходимыхъ знаній, безъ матеріальныхъ средствъ, голодные и холодные; они приходятъ въ новый край, полные хорошихъ желаній; но хаосъ землепользованія и нераціональные законы объ отводѣ незанятыхъ земель, законы о припискѣ, крайне несправедливое отношеніе податей къ землѣ, ставятъ переселенцевъ въ невыносимо печальное положеніе. Для подтвержденія этихъ словъ, какъ лучшія иллюстраціи, одинъ фактъ печальнѣе другаго является достояніемъ печати.

„Сибирская Газета", посвятивъ въ № 20 статью переселенческому вопросу, обращала вниманіе на тѣ неурядицы, которыя обусловливаютъ такое прискорбное явленіе, какъ обратное возвращеніе новоселовъ изъ Сибири въ Россію, и для иллюстраціи указывала на крупную цифру опрошенныхъ за четыре года сызранской конторой, обратно идущихъ—1760 человѣкъ. Но въ слѣдующемъ № газета сообщаетъ, что больше сотни семействъ новоселовъ, прожившихъ четыре года въ Булановской волости Бійскаго округа и въ Бѣлоярской волости Барнаульскаго округа двинулись также обратно. Они указали еще нѣсколько волостей упомянутыхъ округовъ, изъ которыхъ всѣхъ двинувшихся обратно въ Россію болѣе четырехъ сотъ семействъ; это значитъ около двухъ тысячъ душъ въ одинъ пріемъ. Страшное явленіе!! Возвращающіеся жалуются, что они раззорились; все, что они привезли съ собой, ими истрачено и проѣдено. Въ прошломъ году оренбургскій корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей" сообщалъ печальныя вѣсти объ подобномъ переселенческомъ круговоротѣ.

Немного нужно, чтобы представить неисходное переселенческое горе: идутъ нищими, а возвращаются... трудно даже подобрать соотвѣтствующія слова. Исхудалыя лица, въ рубищахъ и лохмотьяхъ, голодные, они идутъ съ проклятіемъ той странѣ, гдѣ жаждали найдти обѣтованную землю *).

Приходится содрогнуться предъ подобными строками. Едва ли есть горе, которое можетъ сравниться съ юдолью этихъ пришельцевъ. Кто виноватъ? Не виноватъ самъ переселенецъ, двинутый на этотъ рискованный путь весьма естественнымъ желаніемъ куска

*) «Восточное Обозрѣніе», 1886 г., № 26.

Digitized by Google

хлѣба для себя и для дѣтей. Не виноватъ и сибирскій крестьянинъ. Переселенецъ, не зная, куда приткнуться, идетъ къ нему въ общину, которая de jure, а часто и de facto, пользуется ограниченнымъ количествомъ земли. Въ виду этого, у сибирскаго крестьянина, какъ и у каждаго пахаря, точно также весьма естественно является боязнь за кусокъ хлѣба, за будущее свое и своего потомства. Въ силу этихъ причинъ онъ принимаетъ мѣры къ огражденію той земли, которая пріобрѣтена многолѣтними его трудами. Мы указывали выше, что по всѣмъ даннымъ найдутся такія общины, гдѣ есть излишекъ земель и гдѣ, всетаки, старожилы препятствуютъ селиться переселенцамъ, но намъ кажется, что и здѣсь нѣтъ мѣста обвиненіямъ, такъ какъ въ устройствѣ преградъ являются тѣ же мотивы самоохраненія. Земли свободныя есть, но переселенцы не идутъ на нихъ: тамъ нужно много силы, чтобы поднять новину, нужно много крестьянской мощи, чтобы обзавестись хозяйствомъ, а гдѣ взять этой силы-мочи?—помощи ни откуда переселенецъ не видитъ.

Гдѣ же просвѣтъ надъ этой теметью? Правительство признаетъ raison d'être переселенческаго движенія, оно видитъ въ немъ исходъ для печальнаго положенія густонаселенныхъ мѣстъ, для процвѣтанія малонаселенныхъ и созданія національной силы на окраинахъ. Для достиженія послѣдней цѣли, оно, какъ извѣстно, предприняло казенную колонизацію Уссурійскаго края, которая была утверждена Высочайшимъ повелѣніемъ 1-го іюня 1882 года, въ видѣ опыта, на три года. Начиная съ 1883 года, каждый годъ на 315,000 рублей, отпускаемые для этой цѣли, должны были перевозиться моремъ по 250 семействъ. Три пробные года прошли, опытъ окончился, и казна израсходовала милліонъ рублей. Въ результатѣ переселенецъ уссурійскій, благодаря рутинно-казенной организаціи этого дѣла, поглотивъ на каждую семью почти $1^1/_2$ тысячи казенныхъ денегъ, являлся такимъ же немощнымъ въ борьбѣ за лучшее положеніе, какъ и вольный переселенецъ, и положительно ничѣмъ не отличался отъ своего собрата. Кромѣ того, казна тратитъ, если не ошибаемся, 3 тысячи рублей на колонизацію въ Семирѣчьѣ.

Въ 1884 г. пронесся слухъ, что переселенческое дѣло получитъ правительственную регламентацію и будетъ поставлено возможно раціонально. Нѣкоторыя данныя служили подтвержденіемъ этого слуха, такъ были назначены въ Златоустѣ, Тобольскѣ и Томскѣ особые чиновники по переселенческимъ дѣламъ. Слухъ остался слухомъ,

Digitized by Google

хотя многіе увѣряли, что министромъ внутреннихъ дѣлъ уже выработаны основы этого дѣла и что онѣ уже получили Высочайшее одобреніе. Была ли на самомъ дѣлѣ въ основу этой молвы положена дѣйствительность, а не фантазія, не знаемъ, но позволяемъ себѣ думать, что въ правительственныхъ сферахъ должна идти работа по этому вопросу и, быть можетъ, мы наканунѣ его разрѣшенія. Всѣ, и несомнѣнно въ томъ числѣ и высшая власть, сознаютъ, что въ такомъ положеніи оставлять дѣло нельзя. Къ сожалѣнію, долгъ обязываетъ насъ на страницы этой лѣтописи занести нѣсколько прискорбныхъ строкъ. Созданныя правительствомъ временные агенты по переселенческому вопросу, въ видѣ сызранской конторы и особыхъ чиновниковъ, едва ли оказали помощь министерству въ движеніи этого дѣла. О сызранской конторѣ мы говорить не будемъ, такъ какъ по отношенію къ Сибири она оказала скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное вліяніе, принявъ на себя роль агента по продажѣ частновладѣльческихъ земель въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ. О чиновникахъ тоже приходится умолчать: дѣятельность ихъ пока очень мизерна; причемъ есть даже данныя думать, что и въ маленькой своей роли одинъ изъ нихъ не остался безъ грѣха, такъ „Сибирская Газета“ передаетъ, что въ Томскъ 1-го іюля прибыла на 13 подводахъ очень бѣдная партія. Самая богатая семья выѣхала съ мѣста со 100 р., изъ которыхъ 90 р. израсходовала до Томска, а одна семья вышла съ $1^1/_2$ руб. и шла, разумѣется, „Христовымъ именемъ“. Эти переселенцы во всю дорогу не мѣняли лошадей, такъ что онѣ, наконецъ, „сбились“, и ихъ на базарѣ за безцѣнокъ не берутъ. Хотя большинству изъ этой партіи и „ѣсть нечего“, но и г. Васильковъ (чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ) въ пособіи имъ отказалъ, потому что сухопутнымъ партіямъ онъ, вообще, изъ принципа (?!) не помогаетъ. Доставили ли эти чиновники министерству данныя, потребныя для лучшаго разрѣшенія вопроса, также не извѣстно.

Какъ будетъ разрѣшенъ вопросъ, въ чемъ будутъ заключаться мѣры правительства, мы не будемъ предрѣшать; укажемъ только на мнѣнія частныхъ лицъ, принимавшихъ на себя обязанность сказать свое слово посредствомъ журнальной и газетной прессы.

Мнѣній этихъ немного. Большинство органовъ занималось передачей фактовъ переселенческаго движенія, только „Русскія Вѣдомости“ усердно выражали желаніе создать „хозяина дѣла“, т. е. особое переселенческое управленіе, департаментъ министерства или что-то въ этомъ родѣ, да „Сѣверный Вѣстникъ“, въ его об-

Digitized by Google

зорѣ провинціальной печати *), дѣлаетъ намекъ введеніемъ ирригаціи разрѣшить этотъ вопросъ. Послѣднее составляетъ, быть можетъ, хорошія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и праздныя слова, а подъ пожеланіемъ „Русск. Вѣдом.“, не смотря на всеобщую симпатію къ этому органу, едва ли кто подпишется, если проэктируемое учрежденіе будетъ вѣдать только исключительно дѣло переселенческаго движенія. Переселенцу положительно не легче будетъ отъ того, что въ Петербургѣ появится полсотни новыхъ чиновничьихъ мѣстъ **).

Лучшую роль играла сибирская пресса, Говорила ли она новое, или повторяла то, что сказано было ранѣе людьми, вполнѣ понимавшими народныя нужды, но она именно говорила по этому важному въ ея жизни вопросу то, что нужно было говорить. Исполать ей. Сибирская печать требовала полной регламентаціи переселенческаго движенія, правительственной помощи въ пути и на мѣстѣ, приведенія въ извѣстность сибирскаго землевладѣнія и реорганизаціи межеваго дѣла, отмѣны подушнаго обложенія, уничтоженія процедуръ приписки, устройства дешеваго кредита, изданія книжекъ съ необходимыми свѣдѣніями и разныхъ льготъ на первое время. Затѣмъ, зная, что едва ли возможно надѣяться на быстрое радикальное разрѣшеніе этого вопроса въ правительственныхъ сферахъ, сибирская пресса энергично обращала вниманіе общества на переселенческія бѣды, дабы общество пришло на помощь этому дѣлу. Намъ кажется, что введеніе общественной иниціативы въ дѣло организаціи помощи имѣетъ особую важность. Въ этомъ отношеніи пока сдѣлано очень немного. За исключеніемъ спектаклей, особыхъ подписокъ въ пользу переселенческихъ партій въ разныхъ городахъ, въ одной только Тюмени образовано особое благотворительное общество. Мысль объ организаціи подобнаго общества была встрѣчена сочувственно мѣстною администраціею, и 30-го іюля 1883 года начальникъ Тобольской губерніи разрѣшилъ образовать временный комитетъ въ составѣ 10-ти членовъ тюменскаго общества, подъ предсѣдательствомъ пароходовладѣльца И. И.

*) «Сѣверный Вѣстникъ», май, 1886 . Когда держалась послѣдняя корректура этого листа, были получены августовскія книжки «Сѣвернаго Вѣстника» съ статьей С. Н. Южакова и «Русской Мысли» со статьею г. Н. Ш., посвященными переселенческому вопросу. Крайне сожалѣемъ, что лишены уже возможности включить мнѣнія этихъ лицъ въ настоящую хронику.

**) О мнѣніяхъ другихъ мы умалчиваемъ, ничего новаго въ нихъ нѣтъ; въ томъ числѣ и въ мнѣніи г. Пономарева, поднявшаго этотъ вопросъ въ московскомъ юридическомъ Обществѣ. Г. Пономаревъ доказалъ, что онъ буквально незнакомъ съ сибирскою жизнью.

Digitized by Google

Игнатова и при дѣлопроизводителѣ А. И. Ефимовѣ, которымъ и принадлежитъ иниціатива этого добраго дѣла.

Дѣятельность комитета, согласно его отчету *), въ два первые года его существованія, съ 30-го іюня 1883 года по 1-е мая 1885 года, выразилась въ слѣдующемъ: 1) Комитетъ вошелъ въ соглашеніе съ пароходовладѣльцами и достигъ значительнаго пониженія провозной платы для переселенцевъ отъ 10 до 20%. 2) Отправилъ на свой счетъ 558 человѣкъ бѣднѣйшихъ переселенцевъ отъ Тюмени до Томска на сумму 1,468 руб. 25 коп. 3) Оказалъ переселенцамъ помощь выдачею имъ денежныхъ пособій на продовольствіе во время пребыванія въ Тюмени и въ пути на сумму 328 р. 20 к. 4) Выдавалъ нуждающимся переселенцамъ пожертвованныя вещевыя пособія: чай, сахаръ, платки, рубашки, а также книги и брошюры изданія Высочайше утвержденной коммиссіи народныхъ чтеній и книги священнаго писанія. 5) Оказывалъ безплатно врачебную помощь и снабжалъ лѣкарствами. На покупку лѣкарствъ и на устройство аптечекъ на пароходахъ употреблено 149 р. 77 к. 6) Наконецъ, по мысли бывшаго предсѣдателя комитета И. И. Игнатова и на счетъ его и пароходовладѣльцевъ, гг. Ширкова и Корнилова, выстроены для переселенцевъ, вблизи Тюмени, безплатные бараки, раздѣленные на 4 просторныя помѣщенія, и при нихъ двѣ кухни. Содержаніе этихъ бараковъ лежало и лежитъ также на обязанности комитета, на что изъ суммъ его употреблено 399 р. 29 к. Втеченіе навигаціи 1884 года помѣщеніемъ въ баракахъ воспользовались 764 семьи переселенцевъ, въ количествѣ 3,932 чел. Такимъ образомъ, комитетъ въ два года своего существованія израсходовалъ денегъ 2,345 руб. 51 коп. Въ слѣдующемъ году комитетъ выстроилъ баню, улучшилъ медицинскую часть и продолжалъ обычную свою помощь, израсходовавъ втеченіе года 2,124 р. 93½ к.

Затѣмъ въ нѣкоторыхъ городахъ (Минусинскъ, Бійскъ) былъ поднятъ вопросъ объ организаціи особыхъ обществъ съ цѣлью не только матеріальной помощи, но и помощи доставленіемъ нужныхъ свѣдѣній. Однако вопросъ объ этомъ прекрасномъ починѣ, къ величайшему прискорбію, заглохъ. Вотъ и всѣ итоги отрадныхъ данныхъ. Немного, правда, читатель, но и за то спасибо. Надо ждать, что, съ постепеннымъ проникновеніемъ въ сибирское общество сознательнаго отношенія къ этому важному дѣлу, частная помощь

*) «Вост. Обозр.», № 26, 1886 г.

Digitized by Google

увеличится. Но если по ту сторону Урала сдѣлано немного для переселенцевъ, то по сю сторону ровно ничего.

Пароходы Курбатова и Григорьева высаживаютъ въ Перми нѣсколько десятковъ семей переселенцевъ чуть не каждый рейсъ, какъ сообщаетъ пермскій корреспондентъ „Волжскаго Вѣстника". Эти пароходы приходятъ въ Пермь обыкновенно рано утромъ, а поѣздъ желѣзной дороги отходитъ поздно вечеромъ,—такимъ образомъ, переселенцамъ приходится дожидаться очень долгое время и испытывать при этомъ вопіющія неудобства. Высадившись на пристани, переселенцы, прогнанные съ конторокъ, тянутся на вокзалъ желѣзной дороги, разсчитывая здѣсь найдти пріютъ. Къ сожалѣнію, по распоряженію желѣзнодорожной администраціи, переселенцы и здѣсь встрѣчаютъ отпоръ, который выливается въ форму довольно внушительнаго движенія рукъ и криковъ: „пошелъ, пошелъ!... куд-да прете!... не приказано!"... Надо замѣтить, говоритъ корреспондентъ, что въ послѣднія двѣ недѣли чуть не съ утра до ночи льютъ дожди и погода стоитъ здѣсь замѣчательно холодная. И вотъ переселенцы, волею судебъ, остаются на грязной мостовой подъ постояннымъ дождемъ, пронизывающимъ насквозь ихъ ветхую одежду... Положеніе ихъ дѣйствительно ужасное... Это одна только картинка, а сколько ихъ представляетъ дѣйствительность во всей своей массѣ. Не смотря на это ужасное положеніе, до сихъ поръ ровно ничего не предпринято. Между тѣмъ, едва-ли можно упрекнуть общество въ плохомъ взглядѣ на переселенческое движеніе.

Апатія съѣла русское общество, не видно нигдѣ иниціативы. Общество могло бы оказать существенную помощь устройствомъ комитетовъ для сбора пожертвованій и точныхъ свѣдѣній о мѣстахъ свободныхъ для колонизаціи. „Съ міра по ниткѣ, голому рубаха". А русскій міръ большой, хватило бы нитокъ и не на одну рубаху.

Переселенецъ идетъ въ новую страну. Преодолѣвъ всѣ преграды, перенеся всякаго рода невзгоды и достигнувъ въ концѣ концовъ обѣтованной земли, онъ не можетъ успокоиться: рядъ недоразумѣній и несчастій преслѣдуетъ его неотступно. Вопросомъ о землѣ не исчерпываются всѣ вопросы бытія его. Разъ навсегда надо замѣтить, что новоселъ, въ поискахъ за землицей и за возможностью лучшаго примѣненія трудоваго начала, вступаетъ въ страну дореформенныхъ учрежденій, въ страну архаическихъ порядковъ, и здѣсь клокочущая трудовая жизнь рѣзче, чѣмъ гдѣ либо сталкивается съ канцеляризмомъ, съ бюрократизмомъ et caetera. Невольно

Digitized by Google

приходится наталкиваться на крайне оригинальный и странный выводъ: говорятъ, жизнь въ своихъ проявленіяхъ отражается въ законахъ страны, а трехвѣковая жизнь сибирской страны есть не что иное, какъ рядъ страницъ колонизаціонныхъ перипетій; отсюда, казалось бы, нужно ожидать, что новый человѣкъ, являющійся въ роли желаннаго колониста, могъ бы чаять найдти вполнѣ выработанныя положенія; по логикѣ это такъ, но не такъ на самомъ дѣлѣ. Всѣ дореформенныя учрежденія, ведущіяся въ бумажно-бюрократическомъ духѣ и чуждыя жизни, встрѣчаютъ всегда новосела съ вопросительнымъ знакомъ и въ отвѣтъ на обычныя просьбы, каждый разъ производятъ неистощимый ворохъ входящихъ и исходящихъ бумагъ, донесеній, отношеній и предписаній. Но здѣсь уже не одинъ переселенецъ испытываетъ тяготу существующаго строя, его несетъ на себѣ мѣстный житель и онъ знаетъ ему цѣну. Мы не будемъ много говорить объ этомъ: кому неизвѣстно гражданское неустройство нашей громадной страны, съ тѣмъ міромъ зла, которое царитъ въ канцеляріяхъ правоправящей власти

Одною изъ основныхъ причинъ безпорядковъ и зла въ сибирскомъ строѣ, какъ не разъ указывалось, является соединеніе всѣхъ функцій податныхъ, хозяйственныхъ, административныхъ, судебныхъ, въ однѣхъ рукахъ дореформенныхъ дѣятелей, о которыхъ неоднократно выражали свои безутѣшные приговоры лучшіе администраторы. Всѣмъ памятна рѣчь генерала Носовича, недавно покинувшаго постъ иркутскаго губернатора. Этотъ администраторъ говорилъ, что онъ тщетно боролся, чтобы низшія власти въ округахъ не изображали изъ себя независимыхъ монарховъ, но этого весьма трудно достигнуть, когда на дѣлѣ все зависитъ отъ нихъ. Когда податные сборы, хозяйственныя дѣла, повинности, судныя крестьянскія дѣла, не выдѣлены въ особыя учрежденія, а напротивъ, предоставлены въ самыя ненадежныя руки, при недостаткѣ и низкомъ нравственномъ уровнѣ дѣятелей,—нечего дивиться жалобамъ сибирскаго населенія.

При такомъ положеніи дѣлъ лучшіе изъ администраторовъ боролись со зломъ. Говоря о тягостномъ самовластіи генералъ-губернаторской власти, что̀ отмѣтилъ еще Сперанскій, стремившійся ограничить ее совѣтами, нельзя забывать, что были генералъ-губернаторы, которые личной иниціативой заботились о водвореніи законности, справедливости, о защитѣ слабаго и угнетеннаго; лучшіе генералъ-губернаторы, понявъ свое назначеніе, стояли на стражѣ закона, иногда понуждали губернаторовъ къ болѣе безукоризненному испол-

Digitized by Google

ненію обязанностей, побуждали смѣнять губернскихъ дѣятелей, къ которымъ губернаторы были слишкомъ снисходительны; они предпринимали ревизіи, объѣзжали губерніи, работали неустанно, и странно—въ концѣ концовъ уѣзжали измученные и разочарованные *). Грустныя мысли выражалъ Сперанскій послѣ своей ревизіи. Послѣ графа Муравьева-Амурскаго дѣла приняли прежній ходъ. Н. Г. Казнаковъ уѣзжалъ больной, разбитый послѣ усиленнаго, энергичнаго труда. Все остается послѣ нихъ постарому. Напомнимъ также борьбу различныхъ губернаторовъ Восточной и Западной Сибири. И губернаторы смѣняли чиновниковъ, назначали слѣдствія, ревизовали волости, но вдругъ встрѣчали какія-то неодолимыя препятствія, иногда тамъ, гдѣ не ожидали. Губернаторы направляли свою дѣятельность на уѣздъ, округъ, деревню, думая дисциплинировать уѣздную полицію, очистить отъ злоупотребленій волость, снять съ сельскаго населенія многіе незаконные поборы и тяжести, обуздать волостныхъ писарей и т. д. Но это оказывалось еще труднѣе. Противъ губернатора въ стачкѣ была уѣздная земская полиція, писаря, кулаки, заводчики, кабатчики и т. д. Что могли сдѣлать циркуляры и распоряженія, когда они, попадая въ тѣ же руки, оставлялись безъ исполненія, нагло обходились и тонули въ морѣ переписокъ и отписокъ. При этомъ и лучшіе начальники края принуждены были вести борьбу главнымъ образомъ на бумажномъ полѣ, и не слѣдуетъ удивляться безрезультатности подобной борьбы. Это при лучшемъ режимѣ, а что бывало въ тѣ времена, когда беззаконіе царствовало во всемъ его величіи, когда оно, какъ божество, красовалось на пьедесталѣ и всѣ отъ мала до велика покланялись ему. Много бѣдъ переживало тогда населеніе, но не будемъ вспоминать объ этихъ безотрадныхъ временахъ. Весь строй подъ вліяніемъ дореформенныхъ учрежденій деморализирующимъ образомъ вліялъ на страну, и все населеніе сознавало полное отсутствіе гарантіи личности. Въ 1882 году населеніе окрылили надежды. Стало извѣстнымъ, что Государь Императоръ на одномъ изъ отчетовъ генералъ-губернатора Восточной Сибири положилъ слѣдующую резолюцію: „Прочелъ съ большимъ интересомъ и болѣе чѣмъ смущенъ этимъ грустнымъ, но правдивымъ описаніемъ правительственнаго забвенія столь богатаго и нужнаго для Россіи края. Непростительно и даже преступно оставлять подобное положеніе дѣлъ въ Сибири“ **). Послѣ этихъ словъ, мысли всѣхъ со-

*) «Восточное Обозрѣніе», 1885 года, № 29.

**) Газета «Сибирь», 1884 г., № 35.

Digitized by Google

единились въ ожиданіи лучшихъ дней. Поднялись вновь толки о реформахъ: о гласномъ судѣ, о земскихъ учрежденіяхъ, отмѣнѣ ссылки и т. п., но пока мечты не перешли еще въ область дѣйствительности и только по судебной части Сибирь получила новинку. Извѣстно, что лучшей гарантіей личности, какъ члена общества, служитъ судъ. Но подобная функція была неприсуща сибирскимъ судебнымъ учрежденіямъ, подчиненнымъ администраціи. Всѣ сознавали это, говорили, требовали уничтоженія этого гнилаго нароста на здоровомъ сибирскомъ тѣлѣ, и въ отвѣтъ наконецъ раздалось отрадное слово: реформа. Всѣ воспрянули духомъ. № 4 „Восточнаго Обозрѣнія“ за 1885 г. принесъ вѣсть о судебной реформѣ въ Сибири. Когда былъ сообщенъ только проектъ, по правдѣ сказать, онъ поставилъ многихъ въ нѣкоторое недоумѣніе. До обнародованія свѣдѣній въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появились извѣстія почти во всѣхъ столичныхъ газетахъ, провозгласившія, что реформа эта есть переходная ступень къ гласному суду и что главная цѣль ея изъять производство слѣдствій изъ рукъ полиціи.

№ 57 „Правительственнаго Вѣстника“ вывелъ изъ круга мучащихъ сомнѣній и недоумѣній. Послѣ опубликованія новаго законоположенія столичная печать какъ-то странно отнеслась къ нему: новый законъ не вызвалъ со стороны ея должной оцѣнки. Между тѣмъ населеніе, узнавъ о сути „реформы“, чувствовало, какъ его надежды и мечты теряютъ подъ собою почву и погружаются въ мракъ неприглядной сибирской жизни. Сибирская пресса сдѣлала точную оцѣнку законоположенія 25-го февраля 1885 года. Реформа, въ точномъ смыслѣ слова, оказалось, состоитъ только въ „измѣненіи по судебной части въ губерніяхъ Томской и Тобольской, Восточной Сибири и Пріамурскомъ краѣ“. Измѣненія эти коснулись судебныхъ мѣстъ по отношенію къ нѣкоторымъ частностямъ судопроизводства, оставивъ въ существѣ своемъ эти суды такими же дореформенными, какими они и были. Никто не могъ отрицать, что, благодаря нѣкоторымъ пунктамъ измѣненій, судамъ дана сравнительно большая самостоятельность, уничтожены нѣкоторыя проволочки; нельзя было отрицать также и того, что власть прокурорскаго надзора точнѣе опредѣлена, что судъ и прокуратура для своей помощи имѣютъ особыхъ судебныхъ слѣдователей, но нельзя было и не признать, что эти измѣненія пока едва ли будутъ въ состояніи измѣнить кореннымъ образомъ всѣ недостатки стараго суда, о которомъ составилось убѣжденіе, что „лучше вовсе не имѣть суда, чѣмъ имѣть подобный си-

Digitized by Google

бирскому судъ". Для подобнаго дореформеннаго суда нужно готовое безпристрастное и совершенное слѣдствіе, такъ какъ вся суть въ немъ. Переходная ступень судебной сибирской реформы хотѣла дать особую корпорацію слѣдователей и она дала ее, но дала въ такомъ крайне незначительномъ числѣ (18 на всю Восточную Сибирь и Пріамурскій край), что пришлось убѣдиться, что эти слѣдователи предназначаются только для нѣкоторыхъ дѣлъ, сравнительно бо̀льшей важности, а въ общемъ производство слѣдствій остается попрежнему въ рукахъ полиціи, что̀ подтверждается и 5-мъ пунктомъ новыхъ правилъ, гласящимъ: „слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ производятся *полиціею* или судебными слѣдователями". Слѣдовательно, главное зло стараго суда, какъ неотъемлемое достояніе, перешло по наслѣдію къ новорожденному дѣтищу. Новыя правила вывели судъ изъ тьмы на свѣтъ, допустивъ небольшую долю гласности; точно также эти правила допустили возможность защиты обвиняемаго на судѣ, но въ чрезвычайно курьезной формѣ. Напомнимъ этотъ параграфъ: „По дѣламъ о преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, прокурорскій надзоръ поддерживаетъ обвиненіе на судѣ, а подсудимому назначается предсѣдателемъ суда защитникъ изъ состоящихъ при судѣ чиновниковъ или постороннихъ лицъ, которымъ законъ не воспрещаетъ ходатайствовать по чужимъ дѣламъ. При недостаткѣ такихъ лицъ, защитникъ не назначается". Это чуть ли не самый слабый пунктъ новыхъ правилъ. Въ свое время мы посвятили ему особую статью, по поводу вышедшей въ то время книги профессора Фойницкаго *). Кому неизвѣстно, что и представительство защиты какъ въ гражданскомъ, такъ и уголовномъ процессѣ представляетъ весьма важный институтъ. Россія, назадъ тому 20 лѣтъ, съ введеніемъ судебной реформы сдѣлала тотъ знаменательный шагъ, когда audiatur et altera pars принимаетъ значительную силу и когда гласная защита въ уголовномъ процессѣ является ареной, достойной честнаго гражданина и общественнаго дѣятеля. Въ Сибири до послѣдняго времени представительство защиты допускалось только въ гражданскомъ процессѣ, признающемъ замѣну вѣрителя повѣреннымъ, на основаніи частной воли перваго. Уголовный процессъ не исключалъ принципа защиты, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не допускалъ представительства ея.

*) «Представительство защиты въ гражданскихъ и уголовныхъ процессахъ въ Сибири», «Вост. Обозр.», № 25, 1885 г.

Digitized by Google

Подсудимому законъ повелѣвалъ предоставлять всѣ случаи къ оправданію, но это alibi ввѣрялось въ руки его самого, суда и, главнымъ образомъ, прокурорскаго надзора. Подсудимый въ массѣ случаевъ не могъ являться съ своимъ защитникомъ, судъ не въ состояніи былъ дѣлать два совершенно противоположныхъ дѣла: обвинять и защищать, а прокурорскій надзоръ, заваленный другими дѣлами и изображающій обвинителя и защитника, могъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ представить слабый отблескъ защиты. „Безъ преувеличенія поэтому можно сказать, — говоритъ профессоръ Фойницкій *), — что процессъ, гдѣ обвиняемый поставленъ лицомъ къ лицу противъ обвиненія, вооруженнаго всесильною помощью государства, недостоинъ имени судебнаго разбирательства; онъ превращается въ травлю, еще Marcellinus называлъ такой разборъ latrocinium, non judicium.“ Въ глазахъ народа судъ бумаги и буквы закона не былъ ни правымъ, ни скорымъ, ни милостивымъ. Россія пережила это время, и раздавшіяся назадъ тому 20 лѣтъ слова Монарха: „Правда и милость да царствуютъ въ судахъ“, сдѣлали переворотъ: судъ Россіи началъ новую эру суда гласнаго съ широкимъ представительствомъ защиты; далекая же Сибирь все это время была забыта и довольствовалась прежнимъ дореформеннымъ судомъ.

Въ то время, когда въ реформированныхъ судахъ поднимается голосъ за большее расширеніе правъ защиты въ уголовныхъ процессахъ, когда является сознаніе необходимости допущенія защитительнаго розыска, въ интересахъ правосудія, облеченнаго такою же точно властью, какъ прокурорскій надзоръ въ розыскѣ обвинительномъ, для Сибири созданы особыя временныя правила съ измѣненіемъ судебной части, которыя вносятъ въ уголовное производство двѣ важныя перемѣны: a) потерю прокурорскимъ надзоромъ прежней обязанности защиты и появленіе его исключительно въ роли обвинителя и b) допускается представительство защиты въ уголовномъ процессѣ, выраженное приведенными выше словами, которыя и навели насъ на печальныя размышленія.

Извѣстно, что задача уголовнаго правосудія состоитъ не въ наказаніи во что бы то ни стало, а только въ наказаніи виновнаго. Осужденіе невиннаго противорѣчитъ ему еще болѣе, чѣмъ оправданіе виновнаго; въ виду этого, чѣмъ лучше и на-

*) Защита въ уголовномъ процессѣ, какъ служеніе общественное, И. Я. Фойницкаго, изд. 1885 г.

Digitized by Google

дежнѣе огражденъ невинный, тѣмъ болѣе обезпечены интересы правосудія.

Направленная къ розысканію истины, судебная дѣятельность воплощается въ рѣшеніи суда, которое, какъ продуктъ или заключеніе процесса мышленія, является результатомъ оцѣнки предварительныхъ моментовъ его, тезиса и антитезиса, положенія и возраженія, утвержденія и отрицанія. Весьма понятно, что чѣмъ яснѣе и полнѣе представляются для суда эти предварительные моменты, тѣмъ надежнѣе и заключеніе, изъ оцѣнки ихъ вытекающее.

Къ сожалѣнію, этого-то и не давало старое судебное производство въ Сибири, равнымъ образомъ и новыя временныя правила не представляютъ улучшенія въ указанномъ отношеніи. Судебное слѣдствіе главнымъ образомъ остается въ рукахъ полиціи. Защита дана въ удѣлъ только классу состоятельному и то по большимъ преступленіямъ, возможность назначенія защитника изъ чиновниковъ суда звучитъ ироніей... Такимъ образомъ сибирскій судъ въ новомъ своемъ фазисѣ является latrocinium, non judicium.

15 августа новыя правила вводятся по всей Восточной Сибири, а въ Западной они уже дѣйствуютъ почти годъ. Пока отрадно только то, что судебныя дѣла нынѣ проникаютъ въ печать и дѣлаются достояніемъ гласности. Отрадно также то, что съ введеніемъ новыхъ правилъ сходятъ со сцены прежніе судейскіе дѣятели и появляются новыя лица. Это очень важно, такъ какъ есть надежда (хотя надежда эта успѣла уже въ нѣкоторыхъ случаяхъ не оправдаться), что новыя лица представятъ больше нравственныхъ достоинствъ и юридической компетентности.

Будемъ ждать, что эти правила окажутся дѣйствительно временными, будемъ также надѣяться, что если сибирскому населенію суждено было получить, вмѣсто суда совѣсти, судъ бумаги и буквы закона, и вмѣсто прекраснаго цѣлаго, изуродованные его обломки, то его желанія получить мировой судъ увѣнчаются лучшей участью. Желанія эти опредѣленны, имѣютъ подъ собою фактическую почву и давно уже выяснены мѣстною прессою, однако до сихъ поръ, не смотря на ходатайство администраціи, не пріобрѣли положительныхъ результатовъ. На самомъ дѣлѣ, если для введенія реформированныхъ судовъ могли представляться разныя затрудненія, то для введенія мировыхъ судебныхъ учрежденій едва ли могутъ явиться какія либо препятствія. Если была возможность организовать мировые суды въ киргизскихъ степяхъ, то въ остальной

Digitized by Google

Сибири представляется далеко болѣе данныхъ для этого. Дѣло это всецѣло зависитъ отъ благоволенія министерства юстиціи.

Положеніе 25 февраля 1885 года дало пищу для установленія извѣстнаго взгляда на отсутствіе компетентности органовъ центральныхъ учрежденій при рѣшеніи мѣстныхъ вопросовъ далекихъ окраинъ. Не касаясь юридической стороны „новыхъ правилъ", мы хотѣли бы указать на фактъ поразительной неравномѣрности распредѣленія судовъ и прокурорскаго надзора. Для примѣра можно привести Енисейскую губернію и Забайкальскую область. Въ первой населенія считалось въ 1882 году 497,760 душъ, а во второй 412,010, въ первой учрежденъ одинъ только судъ съ тремя слѣдователями, однимъ прокуроромъ и двумя товарищами прокурора, а во второй 1 губернскій судъ, 5 окружныхъ, 6 судебныхъ слѣдователей, 1 прокуроръ и 6 товарищей прокурора. Подобное распредѣленіе ничѣмъ не оправдывается и доказываетъ только небрежность сибирской администраціи къ такимъ важнымъ вопросамъ и абсолютное невѣдѣніе въ министерствѣ мѣстныхъ условій.

Только-что выраженный нами взглядъ находитъ подтвержденіе и въ томъ, что въ обдѣленную Забайкальскую область назначено два товарища прокурора: Верхнеудинскаго и Баргузинскаго округовъ. Для мѣстныхъ жителей это назначеніе явится курьезомъ: названные два округа смежные и притомъ послѣдній изъ нихъ малонаселенный, тогда какъ остальные округа: Селенгинскій, Троицкосавскій, Читинскій, Нерчинскій, Акшинскій, Нерчинско-заводскій, громадные по своей территоріи и населенію, оставлены безъ прокурорскаго надзора.

Мы не безъ умысла привели этотъ фактъ, онъ воочію доказываетъ, какъ небрежно, чисто починовничьи, относится сибирскій канцелярскій міръ къ народнымъ нуждамъ и требованіямъ и тѣмъ вводитъ въ заблужденіе центральную власть, въ свою очередь, мало компетентную въ рѣшеніи мѣстныхъ вопросовъ такихъ отдаленныхъ окраинъ, какъ Сибирь. Никто не будетъ отрицать, что для фактическаго удовлетворенія нуждъ необходимо знать жизнь этихъ окраинъ и условія ея, а гдѣ же чиновнику центральныхъ учрежденій почерпнуть эти знанія? Сибирская пресса, какъ и самая окраинская жизнь, чужда для него. Эта жизнь изображаетъ забытую усадьбу. Баринъ знаетъ, что тамъ живутъ люди, есть у него староста, который изрѣдка посылаетъ какіе-то отчеты, посылаетъ подушныя... и только. Баринъ, не зная условій, не вѣдаетъ, какъ привести въ порядокъ хозяйство, этой усадьбы, а отчеты старосты—мертвая бумага... Въ этомъ, намъ

Digitized by Google

кажется, заключается все безсиліе народнаго голоса о нуждахъ, прошедшаго горнило чиновничьей канцеляріи. Другіе результаты мы видимъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя находятся въ рукахъ самого населенія. Тамъ являются проблески сознательной дѣятельности, въ забытую усадьбу вводятъ необходимую культуру.

Потребность народнаго образованія сознавалась всѣми; много было сдѣлано ходатайствъ, но мало добрыхъ плодовъ пало на долю Сибири. Потерявъ вѣру въ чиновничье содѣйствіе, населеніе начинаетъ проявлять желаніе удовлетворить эту потребность само, благодаря иниціативѣ передовыхъ личностей. Правда, дѣятельности этихъ лицъ приходится вести немалую борьбу съ закоренѣлымъ невѣжествомъ населенія, но результаты видны уже: общества просыпаются; прежде лица состоятельныя дѣлали пожертвованія съ корыстной цѣлью полученія наградъ, нынѣ видна солидарная работа многихъ, гдѣ и бѣднякъ несетъ свою посильную лепту на дѣло народнаго просвѣщенія своей родины; организуются общества помощи народному образованію, помощи учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; открываются на общественныя средства новыя учебныя заведенія; устроиваются платныя и безплатныя библіотеки, есть уже нѣсколько музеевъ. Мы не будемъ говорить объ этихъ радостныхъ явленіяхъ сибирской жизни, такъ какъ мѣстная печать не забываетъ ихъ и много говоритъ о нихъ.

Разсматривая какое либо изъ такихъ дѣлъ, невольно удивляешься росту его. Простые люди, съ искреннимъ желаніемъ добра краю, берутся за новое дѣло; проходитъ годъ, два, и всѣ удивляются, какъ какія-то аморфныя начала преобразовываются въ прекрасное цѣлое. Вспомните, какъ простой смертный томичъ П. И. Макушинъ принялся за организацію общества помощи народнымъ училищамъ. Прошло пять лѣтъ, томское общество цвѣтетъ, а по подобію его создались общества въ Красноярскѣ, Барнаулѣ, Енисейскѣ, Каинскѣ, нынѣ открываются въ Тюмени, Ялуторовскѣ, въ Кетской волости и др. мѣстахъ. Вспомните, какъ Н. М. Мартьяновъ рѣшился организовать мѣстный музей: масса скептиковъ назвала это пустой затѣей, а эта затѣя нынѣ разрослась въ учрежденіе, заинтересовавшее даже ученый міръ Европы.

Когда дѣланье горшковъ было величайшимъ искусствомъ, то и тогда считалось, что не боги обжигаютъ ихъ, а люди, и эти люди, при ихъ добромъ желаніи, могутъ дѣлать то, что народъ считалъ доступнымъ только божеству. Жизнь выбрасываетъ много такихъ нуждъ, которыя при солидарномъ людскомъ участіи могутъ

Digitized by Google

найдти полное удовлетвореніе. Разберемся-ка въ нихъ, благо поиски недолги. Нужды рабочаго люда, напримѣръ, приковываютъ вниманіе всѣхъ и ждутъ общественной помощи. Мѣстная пресса, чуткая къ жизненнымъ требованіямъ, выдвинула въ послѣднее время вопросъ объ организаціи помощи пріисковому рабочему. Начнемъ съ этого вопроса и, если „Богъ грѣхамъ потерпитъ", то въ слѣдующій разъ поговоримъ о нуждахъ рабочаго класса другихъ отраслей промышленности.

Сибирская золотопромышленность безспорно играетъ видную роль не только въ жизни Сибири, но и общероссійской. По количеству добычи золота Россія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ: такъ въ 1882 году самое большое количество золота получено въ Соединенныхъ Штатахъ—2,985 пудовъ, во всей Австраліи 2,242 пуд. и въ Россіи 2,207 пудовъ, изъ числа которыхъ 1,749 пудовъ приходится на долю Восточной и Западной Сибири *). Добычей сибирскаго золота было занято 33,421 рабочихъ на 646 пріискахъ. По губерніямъ и областямъ пріиски и рабочая сила распредѣлялись слѣдующимъ образомъ.

Западная Сибирь.

Томская губернія	пріисковъ	120,	рабочихъ	4,437
Семипалатинская область. . . .	„	29	„	1,785
Акмолинская область	„	10	„	431
Всего	пріисковъ	159,	рабочихъ	6,653

Восточная Сибирь.

Енисейская и Иркутская губ. . .	пріисковъ	322,	рабочихъ	11,163
Забайкальская область	„	85	„	8,450
Якутская область	„	62	„	4,558
Амурская область	„	15	„	2,307
Приморская область	„	3	„	290
Всего въ Восточной Сибири	пріисковъ	487,	рабочихъ	26,768

Этотъ перечень, взятый нами изъ труда, составленнаго по оффиціальнымъ источникамъ **), свидѣтельствуетъ о значительной цифрѣ

*) Горнозаводская производительность Россіи въ 1882 г. Сост. Л. А. Карпинскій. I. 1884 г.

**) Карпинскій: I. Горнозаводская производ. Россіи въ 1882 году. Къ сожалѣнію, мы могли взять только цифры за этотъ годъ; другихъ подъ руками не было.

Digitized by Google

лицъ, жаждущихъ лучшей участи и болѣе правильной заботы и гарантіи ихъ тяжелаго труда; притомъ, необходимо отмѣтить, что приведенная цифра скорѣе минимальная, чѣмъ максимальная, а если къ ней присоединить семейства рабочихъ, по большей части, оставленныя въ деревняхъ на полный произволъ судьбы, то цифра лицъ, требующихъ помощи и заботы, возрастетъ далеко болѣе 100 тысячъ.

Весь трудъ этой массы, трудъ „вольной каторги", какъ именуетъ самъ рабочій пріиски, основанъ на хищнической и разнузданной эксплоатаціи рабочихъ силъ, въ принципахъ этого труда нѣтъ ни одного раціональнаго начала. Всѣ, кто даже маломальски слѣдилъ за сибирской жизнью и зеркаломъ ея, родною прессою, знаетъ это темное пятно. Рабочепріисковый вопросъ не новый. Еще въ Высочайше утвержденномъ 30-го апрѣля 1838 года положеніи о частной золотопромышленности въ Сибири были постановлены въ общихъ чертахъ правила о взаимныхъ отношеніяхъ золотопромышленниковъ и ихъ рабочихъ, „съ цѣлью охранить послѣднихъ, по возможности, отъ произвола хозяевъ" *). Въ началѣ 60 годовъ была сознана полная анормальность всѣхъ условій, въ которыя, какъ въ искусно разставленную паутину, невольно попадалъ каждый желавшій приложить свой трудъ на пріискахъ. Противъ зла невыносимой жизни „вольной каторги" пріисковый рабочій лишенъ былъ всякаго орудія, и ему оставалось только прибѣгать къ побѣгу или, въ крайнемъ случаѣ, при явной несправедливости пріисковаго управленія, къ открытому бунту. Послѣдніе не проходили ему даромъ: были даже случаи преданія военному суду. Такъ, въ 1837 году, на золотыхъ промыслахъ частныхъ владѣльцевъ Томской и Енисейской губерній, вольные рабочіе солидарно заявили требованіе объ увеличеніи платы. Дѣло кончилось скверно. По докладу министра финансовъ Государь приказалъ „виновнѣйшихъ" судить по полевому уголовному положенію, прочихъ военнымъ судомъ, а генералъ-маіору Шленеву повелѣлъ исполнить приговоры о смертной казни.

Побѣги также не оставлялись безъ послѣдствій; рабочаго ловили, часто немилосердно истязали—тайга-матушка хоронила эти тайны; наконецъ, при удачномъ побѣгѣ онъ являлся въ свою волость, а тамъ угодливый и лакомый до пріисковыхъ подачекъ писарь вкупѣ съ волостными и земскими властями начиналъ новую

*) «Амуръ», № 30, 1860 г.

Digitized by Google

травлю на бѣжавшаго. Однако, не смотря на это, побѣги иногда доходили до грандіозныхъ размѣровъ *) и вызывали со стороны золотопромышленниковъ усиленныя ходатайства объ изданіи драконовыхъ законовъ. Можно смѣло сказать, что весь вопросъ о бытѣ пріисковыхъ рабочихъ вызванъ былъ исключительно жалобами на побѣги. Предпринимались всевозможныя ходатайства, подавались различныя докладныя записки по всѣмъ ступенямъ административной власти; администрація дѣлала многое въ угоду, но, въ свою очередь, не могла не видѣть и не знать, что все зло лежитъ не въ злой волѣ рабочаго, а въ анормальности условій всего золотопромышленнаго строя. Рамки нашей статьи не позволяютъ черезчуръ широко распространяться о бытѣ пріисковаго рабочаго, но, чтобы не быть голословными, мы сошлемся на нѣкоторыя свидѣтельства, заслуживающія полнаго довѣрія, замѣтивъ предварительно, что въ рѣшеніи этого вопроса мѣстная высшая администрація часто выражала желаніе знать голосъ самихъ золотопромышленниковъ; такъ въ 1870 году былъ въ Иркутскѣ организованъ особый комитетъ при участіи существовавшаго въ то время техническаго Общества. Въ комитетъ поступило нѣсколько мнѣній и, между прочимъ, одно особенно цѣнное, принадлежащее простому пріисковому служащему. Докладъ комитета, основанный на этихъ документахъ, напечатанъ въ 1879 году въ VI выпускѣ „Извѣстій восточно-сибирскаго Отдѣла техническаго Общества". Мы приводимъ выдержки изъ него, какъ представляющія характеристику, вѣрную настоящей дѣйствительности.

Принявъ въ основаніе статистическія цифры о количествѣ неявокъ и побѣговъ, впрочемъ, за одинъ только годъ, по одной лишь системѣ, дополнивъ эти данныя частными свѣдѣніями по нѣкоторымъ пріискамъ другихъ системъ, докладъ разрѣшаетъ вопросъ категорически, говоря, что „причины неявки на пріиски и побѣговъ съ нихъ кроются въ ненормальномъ отношеніи золотопромышленности къ живой „рабочей силѣ". Эта ненормальность отношеній проявляется прежде всего въ существующей системѣ наемки людей. Она поручается, какъ извѣстно, особымъ довѣреннымъ, непосредственный интересъ которыхъ—нанять людей *побольше и подешевле.*

*) Напримѣръ, на пріискахъ Конюхова въ Нерчинскомъ округѣ, за 1879, 1880 и 1881 года процентъ бѣжавшихъ былъ въ среднемъ 16%, въ Баргузинскомъ округѣ у Малыхъ 22%, а у нѣкоторыхъ доходилъ иногда до 33%.

Digitized by Google

Наемка производится въ большей части случаевъ при посредствѣ волостныхъ писарей, которые, получая отъ наемщика извѣстное вознагражденіе, разсчитанное по числу нанятыхъ людей, заинтересованы въ томъ, чтобы наемщикъ исполнилъ свою задачу какъ можно скорѣе и выгоднѣе въ интересахъ хозяйскихъ и своихъ. Въ силу солидарности интересовъ, при наймѣ не разбираются нравственныя качества нанимающихся, не принимаются въ разсчетъ ни силы, ни способности рабочаго. Нанимается всякій сбродъ, да и тотъ предварительно спаивается. Такимъ образомъ, договоръ найма, самимъ закономъ урегулированный до мельчайшихъ подробностей, нарушается безпрепятственно и безнаказанно, тѣмъ болѣе, что и совершается онъ въ томъ же волостномъ правленіи. О свободѣ соглашенія не можетъ быть и рѣчи, коль скоро съ одной стороны стоитъ пьяный или, пожалуй, нуждающійся, полуголодный человѣкъ, съ другой—мягко стелющій наемщикъ и начальство, въ лицѣ волостнаго писаря. Со стороны наемщика—система обольщеній значительнымъ задаткомъ, со стороны писаря—угрозы.

„Проспавшись,—говоритъ докладъ, — очнувшись, понявъ, что, нанявшись на пріиски, онъ закабалилъ себя, рабочій, весьма естественно, все остающееся свободнымъ время употребляетъ на гулянку съ товарищами и доходитъ до того, что пропиваетъ не только выданныя ему деньги, но и все, что имѣлъ собственнаго, а потомъ слѣдуетъ или неявка на пріискъ, или хотя и явка, но побѣгъ при первомъ удобномъ случаѣ".

Если подобнымъ образомъ производится наемка на мѣстахъ причисленія, то, по отзыву того же практическаго дѣятеля, она сопровождается еще большими злоупотребленіями, когда производится на мѣстахъ выхода рабочихъ. Тутъ въ сообществѣ съ довѣреннымъ, слѣдующимъ, какъ гончая собака, за преслѣдуемымъ рабочимъ, выступаютъ и собственныя страсти рабочаго, который, послѣ долгаго поста, вырвавшись на свободу, даетъ полный себѣ разгулъ, и содержатели питейныхъ и всякихъ другихъ заведеній и, наконецъ, даже должностныя лица, обязанныя способствовать выходу рабочихъ, на дѣлѣ же способствуютъ лишь новому закабаленію ихъ. Въ этомъ заколдованномъ кругу пьянства, разврата, надувательства со всѣхъ сторонъ и преслѣдованія довѣренный ловитъ минуту, чтобы подсунуть контрактъ.

Вторая причина зла—самая пріисковая жизнь. Докладъ не отвергаетъ, что по отношенію къ матеріальному положенію рабочаго,

Digitized by Google

въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, сдѣлано многое: обращено вниманіе на помѣщеніе, на пищу, количество и качество которой улучшено, но „этимъ, продолжаетъ докладъ, т. е. помѣщеніемъ и качествомъ пищи, вполнѣ удовлетворяютъ свои гуманныя побужденія и хозяева, и должностныя лица, обязанныя, по закону, слѣдить за бытомъ рабочихъ. А за этимъ, что представляетъ пріискъ рабочему? Прежде всего, каждодневную, на открытомъ воздухѣ, утомительно-тяжелую работу, монотонную и однообразную до умерщвленія духа, работу, производимую по колѣно въ водѣ, въ морозъ, вѣтеръ, дождь и во всякую непогоду.

Выше упомянуто, что при наемкѣ не обращается вниманія ни на нравственныя, ни на физическія качества рабочаго. Неминуемымъ послѣдствіемъ этого, въ особенности для вновь нанимающихся, является несоразмѣрность работы съ силами, а слѣдовательно и частое заболѣваніе. Но фельдшеръ, получающій все содержаніе отъ хозяина, не имѣетъ права быть гуманнымъ. Поэтому онъ выгоняетъ рабочаго изъ больницы при первой возможности. При подобномъ отношеніи несомнѣнно, говоритъ докладъ, что пріиски представляются источникомъ физическаго разрушенія. Пріисковый рабочій—кандидатъ въ такъ называемые пропитанные, который ляжетъ рано или поздно тяжелымъ бременемъ на общество, къ которому причисленъ. Пріисковыя работы—главный источникъ физическаго истощенія населенія, истощенія, столь вредно отзывающагося на краѣ хотя бы въ маломъ естественномъ приращеніи населенія, фактѣ, подтверждаемомъ всѣми статистическими выводами. Другое послѣдствіе тягости работы—это экономическая невыгодность ея. Допустимъ, что новые люди идутъ на пріиски не вслѣдствіе обольщенія и обмановъ, коимъ подвергаются, а въ силу понятнаго разсчета добыть копѣйку. Изъ этихъ свѣжихъ людей, въ первый разъ идущихъ на пріиски, допустимъ, половина руководствуется такимъ разсчетомъ. Какое горькое разочарованіе! Громадный задатокъ, впередъ данный, съѣденъ; онъ ложится долгомъ на рабочемъ. Затѣмъ первое, съ чѣмъ сталкивается рабочій,—потребность одѣться. Отъ тяжкой работы, какъ говорится, одежда, обувь горитъ. Пріискъ предлагаетъ свои услуги. Умалчиваемъ о достоинствѣ товарныхъ вещей и о барышничествѣ, практикуемомъ на пріискахъ. Допустимъ, что въ наше время гг. золотопромышленники даютъ, по возможности, лучшее и лишь съ малой надбавкой процента, но въ пріисковой работѣ и это лучшее оказывается никуда негоднымъ. И вотъ, въ этой потребности имѣть не развле-

Digitized by Google

ченія (до нихъ ли на пріискахъ!), а самое необходимое, въ этой обязательности найдти и взять это необходимое единственно у хозяина и заключается второй источникъ задолжанія рабочаго передъ хозяиномъ (первымъ представляется задатокъ). Въ результатѣ выходитъ что же? Хваленая работа приводитъ или къ долгу хозяину, или къ выработкѣ такой суммы, которая едва хватитъ на одну кутежку. Въ первомъ случаѣ волей-неволей рабочій закабаляется на другой годъ; во второмъ—исходъ тотъ же, хотя не тотчасъ. Побывавшій на пріискахъ избѣгаетъ этой крайности неявкой. Свѣжій человѣкъ дѣлаетъ то же побѣгомъ. Но пріисковая жизнь представляетъ каторгу не вслѣдствіе одной тяжести работъ. Она еще больше тяготитъ нравственно. Въ сущности, что такое пріиски? Своеобразное общество, не знающее ни религіи, ни нравственности. Если это общество, по необходимости, не знаетъ разврата и пьянства, оно не вѣдаетъ въ то же время и нравственныхъ развлеченій. Это монастырь особеннаго рода, съ тѣмъ различіемъ, что въ монастырѣ этомъ согнаны люди съ Камы и Волги не въ силу убѣжденій, а въ силу лишь обманчивыхъ надеждъ на обогащеніе и въ силу ребяческаго легковѣрія. Это шести или восьмимѣсячный постъ, вызванный не убѣжденіемъ, а необходимостью. Работа, работа однообразная, какъ нельзя болѣе, сообщество людей отпѣтыхъ (говоримъ о постоянныхъ рабочихъ), сообщество хуже, пожалуй, чѣмъ тюремное, притомъ вѣчно безъисходная скука. Можно ли дивиться нравственному растлѣнію простаго пріисковаго рабочаго, разрѣшающемуся, послѣ восьмимѣсячнаго поста, дикимъ разгуломъ, если такъ называемые служащіе, люди болѣе развитые, вырвавшись съ пріисковъ, предаются не менѣе дикому разгулу, и въ концѣ концовъ усвоиваютъ себѣ извѣстный отпечатокъ, по которому пріисковаго служащаго можно узнать и указать пальцемъ въ тысячѣ людей. Нельзя не указать въ этомъ случаѣ и на отсутствіе женщинъ, какъ на фактъ, одинаково вліяющій и на нравственность, и на физическія силы человѣка. Докладъ приводитъ доказательство, что изъ 21 пріиска, по которымъ были собраны свѣдѣнія, на 2-хъ совсѣмъ не было женщинъ, на остальныхъ 19-ти—225 на 5,705 рабочихъ. Средній процентъ, одна на 40; въ частности, по пріискамъ, была одна на 99.

Остается система обращенія съ рабочими. Докладъ, который мы цитируемъ, изъ уваженія къ нравственному чувству слушателей, умалчиваетъ о нѣкоторыхъ фактахъ, сообщенныхъ комиссіи, относительно обращенія съ рабочими. Онъ ограничивается замѣ-

Digitized by Google

чаніемъ, что ждать на пріискахъ гуманнаго обращенія съ людьми нѣтъ разумнаго основанія. „Въ тайгѣ, говоритъ онъ, вдали отъ населенныхъ мѣстъ, отъ правильно-организованной власти, стоятъ одна передъ другой двѣ силы, поставленныя волей-неволей во враждебныя отношенія.“ По этимъ отношеніямъ можно судить и о воздѣйствіи одной силы на другую. Весьма большой силой, понятно, является пріисковое управленіе.

Такъ характеризовалась золотопромышленность въ 1870 году; нисколько не лучше представляется она и въ настоящее время. На хабаровскомъ съѣздѣ *) выразились, что золотопромышленность составляетъ въ настоящее время несчастье края, съ которымъ только по необходимости приходится мириться. Оторванные отъ семьи и земледѣлія рабочіе, при крайне однообразной, плохой и тяжелой жизни въ тайгѣ на пріискахъ, разстроиваютъ свое здоровье, надрываютъ силы и пріучаются къ пьянству и разврату; въ большинствѣ случаевъ заработки пропиваются или проматываются ими уже на самомъ пріискѣ или по пути домой, такъ что, вернувшись въ деревню, они приносятъ съ собой лишь разстроенное здоровье и привычку къ разгулу. Въ самомъ Благовѣщенскѣ, благодаря наплыву пришлаго и разнузданнаго люда, развивается сильное пьянство, развратъ, а съ ними и спутникъ ихъ — преступленія. Средній годовой заработокъ пріисковаго рабочаго въ Пріамурскомъ краѣ въ прошломъ году былъ: въ Верхне-Амурской компаніи 490 руб., у братьевъ Бутиныхъ на Ангуни—430 руб., у Тетюкова (тамъ же) 300 р., въ Зейской и Ниманской компаніяхъ—420 р., у Бутиныхъ на Буреѣ—360 р. и на Урушинскихъ пріискахъ — 300 р. Плата большая сравнительно со стоимостью труда въ Европейской Россіи, но рядомъ съ нею на пріискахъ существуетъ страшная дороговизна на все необходимое и главное—соблазнъ водки; то и другое поглощаетъ собою весь заработокъ, такъ что очень немногіе возвращаются домой съ деньгами, а еще меньше сберегаютъ ихъ дѣйствительно для дѣла. Поэтому внѣ кабака и пріиска значеніе всѣхъ этихъ высокихъ заработковъ, въ смыслѣ увеличенія средствъ мѣстнаго населенія путемъ сбереженій и поднятія при помощи ихъ народнаго благосостоянія, сводится почти къ нулю, и краю остается собственно только считаться съ тѣмъ безпардоннымъ людомъ, который вырабатывается пріисковой жизнью*). Кромѣ этого

*) «Восточ. Обозр.», №32, 1886 г., «Золотопромышленность Пріамурскаго края».

Digitized by Google

съѣзда, состоялся спеціальный, кстати сказать, курьезный по своимъ результатамъ, съѣздъ золотопромышленниковъ въ городѣ Читѣ *).

Побудительными причинами къ устройству этого съѣзда послужили записки лицъ высшей сибирской администраціи, а именно: предсѣдательствовавшаго въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири генералъ-лейтенанта Педашенко, военнаго губернатора Забайкальской области генералъ-маіора Барабаша и горнаго инженера Іордана. Всѣ эти лица заявили о крайне печальномъ положеніи пріискового рабочаго и о неблагопріятномъ вліяніи золотопромышленности на населеніе. Краски, приведенныя въ докладахъ, крайне мрачны.

Затѣмъ было открыто особое совѣщаніе въ Иркутскѣ при главномъ управленіи Восточной Сибири, но результаты его пока неизвѣстны.

Наконецъ, появились въ настоящемъ году два циркуляра. Первый, имѣвшій цѣлью поставить на легальную почву вопросъ о наймѣ рабочихъ, принадлежалъ забайкальскому губернатору.

„Основаніемъ къ ходатайству о воспрещеніи наемки вблизи пріисковъ,—читаемъ мы въ циркулярѣ,—было желаніе областнаго начальства оградить рабочихъ, выходящихъ съ пріисковъ въ мѣста осѣдлаго населенія, или такъ называемыя резиденціи пріисковъ, гдѣ рабочіе послѣ невольнаго воздержанія на пріискахъ, имѣя въ рукахъ деньги, заработанныя тяжелымъ трудомъ, подвергаются пьянству, разгулу, картежной игрѣ и обману со стороны недобросовѣстныхъ людей, проматываютъ, иногда въ 1—2 дня, заработокъ цѣлаго лѣта, а часто и послѣднюю одежду, и затѣмъ, не имѣя возможности слѣдовать на мѣста причисленія и даже средствъ на пищу и одежду, вынуждены принимать вновь невыгодныя предложенія о новомъ наймѣ со стороны золотопромышленниковъ, зачастую не всегда добросовѣстно относящихся къ печальному положенію промотавшагося рабочаго. Нанимаясь, такимъ образомъ, изъ года въ годъ, въ работы на пріиски, безъ личной явки въ мѣста причисленія, по просроченнымъ паспортамъ, или отсрочнымъ свидѣтельствамъ, а иногда и вовсе безъ видовъ, если личность нанимающагося хорошо извѣстна нанимателю,—рабочіе разстроиваютъ окончательно свое домохозяйство, оставленное часто на однѣхъ женщинъ или малолѣтнихъ, и вы-

*) Ibid., № 8, за 1886 г.

Digitized by Google

нуждаютъ общество, въ силу круговой поруки, платить за отсутствующихъ подати и нести повинности".

Другой циркуляръ былъ изданъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири и разсматривалъ вопросы о разсчетѣ рабочихъ.

Изъ дѣлъ главнаго управленія, а также изъ подаваемыхъ генералъ-губернатору жалобъ усматривается, гласитъ этотъ циркуляръ, что рабочіе и служащіе на пріискахъ нерѣдко не получаютъ полнаго разсчета немедленно по окончаніи работъ, а на причитающіяся суммы пріисковыя управленія выдаютъ ордеры, по которымъ рабочимъ предоставляется получить заработанныя деньги въ какомъ либо городѣ, съ обозначеніемъ срока, нерѣдко даже въ нѣсколько мѣсяцевъ; причемъ и такія обязательства не оплачиваются золотопромышленниками въ срокъ, вслѣдствіе чего рабочіе обращаются въ различныя присутственныя мѣста съ жалобами.

Кромѣ того, рабочіе, получивъ вмѣсто денегъ ордеры, бываютъ вынуждены продавать ихъ по дешевой цѣнѣ, причемъ торговцы ближайшихъ къ пріискамъ мѣстностей скупаютъ эти ордеры съ обязательствомъ взять у нихъ часть товаромъ.

„Такое положеніе дѣла, порождающее много жалобъ со стороны рабочихъ, поставленныхъ неисправностью золотопромышленниковъ въ безвыходное положеніе,—говоритъ главный начальникъ края,—не должно быть допускаемо".

Всѣ эти циркуляры въ результатѣ не даютъ даже палліативныхъ средствъ; сегодня одно рекомендуется, завтра отмѣняется, и т. д. Эти данныя служатъ свидѣтельствомъ того, что и послѣднія дѣйствія администраціи не вывели вопросъ о пріисковыхъ рабочихъ изъ его анормальнаго положенія. Даже со стороны пріисковъ получаются заявленія, подтверждающія подобный выводъ; такъ Верхнеамурская К° констатировала фактъ вліянія пріисковъ на здоровье рабочихъ: „выходятъ не вполнѣ здоровыми", „становятся навсегда неспособными къ труду", въ „большинствѣ случаевъ хроническими болѣзнями и увѣчьемъ рабочіе обязаны пріисковой жизни",—читаемъ мы въ проектѣ устройства помощи увѣчнымъ и престарѣлымъ рабочимъ уполномоченнаго этой К°, не встрѣтившемъ опроверженій на съѣздѣ золотопромышленниковъ въ г. Читѣ.

Высшая администрація предполагаетъ, что путемъ разъясненія законовъ „умалится" зло,—мы далеки отъ подобныхъ радужныхъ предположеній и думаемъ, что тамъ, гдѣ нужна радикальная реформа, легонькіе палліативы не принесутъ пользы. Развѣ не было ранѣе подобныхъ же циркуляровъ? Развѣ ранѣе законъ не давалъ

*

Digitized by Google

гарантіи рабочему? Въ томъ-то и вся суть, что всѣ канцелярскія мѣропріятія администраціи разбивались въ дребезги при столкновеніи въ дѣйствительности съ той силой, которую представлялъ изъ себя классъ золотопромышленниковъ. Ни для кого не секретъ, что вся низшая администрація была всегда на откупу, и рабочій принужденъ былъ искать представительства защиты своихъ интересовъ только въ высшей администраціи, которая безъ содѣйствія или, вѣрнѣе, при противодѣйствіи низшей, была не въ силахъ что либо сдѣлать. Ненормальность пріисково-рабочаго вопроса до самаго послѣдняго времени, какъ мы говорили выше, ставилась исключительно въ интересахъ золотопромышленниковъ, кричащихъ о неявкѣ нанявшихся рабочихъ и о частыхъ побѣгахъ ихъ. Не такъ давно еще была подана министру внутреннихъ дѣлъ уполномоченнымъ золотопромышленника Асташева, купцомъ Деласье, особая записка объ этомъ, въ которой проситель ходатайствуетъ о возстановленіи отмѣненной генералъ-губернаторомъ Казнаковымъ высылки на пріиски рабочихъ посредствомъ сельской и этапной стражи. И по запискѣ этой былъ поднятъ вновь вопросъ, посылались чиновники, собирались свѣдѣнія, но что получилось въ результатѣ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно.

Такъ ставился вопросъ. Можно легко убѣдиться въ этомъ, просмотрѣвъ труды по проекту устава о частной золотопромышленности *) И тутъ была масса попытокъ создать драконовы законы и надѣть на руки исполнительной власти ежевыя рукавицы. Однако время беретъ свое, и наступаетъ моментъ къ болѣе раціональному разрѣшенію вопроса. Признакъ этого времени мы уже видимъ въ совѣтахъ хабаровскаго съѣзда. Тамъ, въ числѣ другихъ мѣръ, съ цѣлью улучшенія положенія пріисковыхъ рабочихъ, выражалось желаніе „развитія предпочтительно мелкой золотопромышленности, въ которой разстояніе, отдѣляющее рабочаго отъ хозяина, гораздо меньше, чѣмъ въ крупной. Этимъ путемъ люди, идущіе теперь въ батраки къ богатымъ предпринимателямъ, были бы освобождены отъ эксплоатаціи послѣдними, а рабочему классу досталась бы болѣе значительная часть барышей, остающихся въ настоящее время у хозяевъ и проматываемыхъ въ большинствѣ случаевъ послѣдними на сторонѣ самымъ безтолковымъ способомъ. При извѣстной поддержкѣ рабочіе могутъ образовать собственныя *артели и то-*

*) Труды коммиссіи, Высочайше утвержденной для пересмотра податей и сборовъ 1863 и 1870 г., томъ VIII и прилож. къ нему.

Digitized by Google

варищества, съ возникновеніемъ которыхъ трудъ получитъ, конечно, большее обезпеченіе".

Признакъ этого времени мы видимъ также и въ прекрасномъ починѣ нѣсколькихъ лицъ изъ міра, сопричастнаго золотопромышленности, основать особое общество помощи и заботы о пріисковыхъ рабочихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому почину отнесется съ симпатіей все общество во главѣ съ передовыми людьми изъ золотопромышленниковъ, такъ какъ въ организаціи подобнаго общества послѣдніе заинтересованы болѣе, чѣмъ кто либо. Міръ золотопромышленности долженъ безусловно близко принять къ сердцу устройство помощи такого общества или ряда такихъ обществъ*), такъ какъ, во-первыхъ, онъ нравственно обязанъ это сдѣлать, во-вторыхъ, міръ этотъ ближе всѣхъ знаетъ безотрадную жизнь пріискателя и его семьи и, въ-третьихъ, онъ лучше, чѣмъ кто либо сознаетъ, что виновникъ настоящаго положенія не онъ одинъ, а вся масса условій, въ которыя жизнь поставила его самого вмѣстѣ съ его дѣломъ, и, наконецъ, что съ улучшеніемъ быта пріисковаго рабочаго, съ унормированіемъ отношеній, онъ будетъ только въ выигрышѣ, а не въ проигрышѣ. Съ введеніемъ въ обоюдныя отношенія раціональныхъ началъ исчезнутъ тѣ враждебныя отношенія, которыя невольно возникаютъ теперь, и безъ всякаго сомнѣнія улучшится теченіе самаго дѣла. Но въ чемъ же должно заключаться profession de foi этого общества? Сибирская пресса, собирая данныя и обращаясь къ компетентнымъ лицамъ, имѣетъ въ недалекомъ будущемъ разрѣшить этотъ вопросъ. Будемъ ждать, а теперь принесемъ и мы свою лепту на это хорошее дѣло.

Выше мы достаточно ясно очертили отношенія рабочаго, золотопромышленника и администраціи. Мы видѣли, что съ одной стороны стоитъ большая сила капитала, съ другой несолидарная, разношерстная, разнохарактерная, но безусловно одинаково несчастная рабочая сила. Сила первая, имѣющая прецеденты вліять на администрацію, завоевала себѣ особыя права по отношенію къ рабочимъ, которыя въ концѣ концовъ привели совсѣмъ къ нежеланнымъ результатамъ. Администрація, большею частью, въ угоду капиталистамъ, а частью и искренно сочувствуя рабочему классу, принимала мѣры къ урегулированію отношеній, но желанныхъ результатовъ никогда не достигала. Въ попыткахъ

*) Лучшими центрами для учрежденія такихъ обществъ надо считать Иркутскъ, Красноярскъ, Томскъ, Читу, Благовѣщенскъ.

Digitized by Google

улучшенія быта пріисково-рабочаго населенія классъ золотопромышленниковъ, впрочемъ, только въ лицѣ своихъ обскурантовъ, видѣлъ какое-то посягательство на свои права, а администрація была недостаточно компетентна разъяснить ему, что улучшеніе быта рабочаго обоюдно выгодно и должно принести несомнѣнную пользу какъ ему самому такъ и рабочему. Но въ чемъ же нужды рабочаго, въ чемъ должна заключаться помощь ему? На этотъ вопросъ едва ли нуженъ отвѣтъ,—читатель изъ приведенныхъ выше данныхъ ясно видѣлъ эти нужды; онъ знаетъ, что пріисковой рабочій, волею установившихся порядковъ, каждый шагъ дѣлаетъ не такъ, какъ слѣдовало бы его дѣлать. Его жизнь, трудъ и отношенія къ окружающему анормальны и нераціональны. Администрація оказалась безсильной создать должный порядокъ. Чувствуя свое безсиліе, она еще въ 1870 году обращалась къ самимъ золотопромышленникамъ и къ свѣдущимъ лицамъ; нынѣшняя администрація Восточно-Сибирскаго и Пріамурскаго края сдѣлала то же, такимъ образомъ сама администрація указываетъ на необходимость, чтобы сами золотопромышленники и населеніе пришли къ ней на помощь въ рѣшеніи этого важнаго вопроса. Въ этомъ мы видимъ важный пунктъ profession de foi будущаго общества, оно должно обладать компетенціей нуждъ рабочаго, заявлять о нихъ и взять на себя представительство защиты его интересовъ. Организованныя общества своими солидарными усиліями должны предпринять рядъ научныхъ изслѣдованій и дать правительству точно добытыя данныя для реформированія всего строя. Затѣмъ, видя крайне неутѣшительную жизнь, развратъ, потерю здоровья, увѣчья, бѣдствія оставленныхъ безъ поддержки семей пріисковыхъ рабочихъ и бѣдствія престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ, оно должно прійдти на помощь матеріально и нравственно. Тутъ открывается широкое поле для разумной филантропіи, для пропаганды устоевъ лучшей жизни и противодѣйствія тому потоку деморализаціи, который пріиски обильно направляютъ на населеніе.

Путей много, работы много, и она ждетъ только умѣлыхъ и чистыхъ рукъ. Къ дѣлу необходимо привлечь самихъ рабочихъ, давъ имъ возможность сохранить копѣйку на черный день устройствомъ особыхъ сберегательныхъ кассъ рабочаго капитала. Работа тѣмъ болѣе трудна, что въ Сибири не создалось пока кореннаго горнорабочаго населенія, а потому не представляется возможности воспользоваться примѣромъ заграничной жизни, устройствомъ практикуемыхъ тамъ вездѣ горнозаводскихъ товариществъ и вспомо-

Digitized by Google

гательныхъ кассъ *). Здѣсь все своеобразно, но не невыполнимо. Стоитъ только дружно взяться за дѣло, и нѣтъ сомнѣнія, что результаты могутъ быть блестящи. Прежде всего должны на это дѣло откликнуться гг. золотопромышленники, такъ какъ нравственный долгъ обязываетъ ихъ первыми протянуть руку помощи рабочему, а затѣмъ, надо думать, и вся интеллигенція не заставитъ себя долго ждать и солидарными усиліями двинетъ дѣло. Въ добрый часъ, господа,—не откладывайте хорошаго дѣла въ долгій ящикъ.

К. М.

*) А. Кеппенъ. Вспомогательныя кассы для горнорабочихъ. 1885.

Digitized by Google

ПОѢЗДКА ВЪ АЧУНЪ-НАНЦЗУНЪ, МОНАСТЫРЬ УРДЖЯНИСТОВЪ.

Монастырь Ачунъ-нанцзунъ лежитъ на правомъ берегу Жолтой рѣки, выше города Гуйдуя и въ двухъ дняхъ ѣзды на югъ отъ знаменитаго ламайскаго монастыря Гумбума. Въ Ачунъ-нанцзунѣ собственно два монастыря, стоящихъ такъ близко другъ къ другу, что они образуютъ одно селеніе. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ ламамъ, т. е. послѣдователямъ ученія Зонкавы; монахи другаго монастыря называются санаспа. Вотъ свою поѣздку въ этотъ-то монастырь я и хочу теперь разсказать читателю. Но прежде, чѣмъ начать разсказъ о поѣздкѣ, скажу нѣсколько словъ по поводу самаго термина санаспа.

Въ первый разъ я увидѣлъ одного санаспа на площади китайскаго городка Сюнъ-хуа-тинъ, на правомъ берегу Жолтой рѣки. Это былъ мужчина лѣтъ 35-ти, одѣтый въ баранью шубу тангутскаго покроя, по обычаю выпущенную мѣшкомъ сзади выше пояса; шуба эта отъ обыкновенной тангутской отличалась только тѣмъ, что была покрыта красной матеріей. На головѣ у санаспа была навита такая длинная коса, что онъ казался въ волосяной чалмѣ. Послѣ во все время дороги до Сунъ-пана я не видалъ санаспа, по крайней мѣрѣ, теперь не припомню такого случая, хотя они есть вездѣ по этой дорогѣ; но я о нихъ часто слышалъ и узналъ, между прочимъ, что они встрѣчаются во всемъ Восточномъ Тибетѣ отъ Гумбума до Лхассы. Впервые имя санаспа Европа услышала, кажется, отъ Н. М. Пржевальскаго („Четвертое путешествіе“, стр. 346) *); но этотъ русскій путешественникъ, однако, далъ ему невѣрное опредѣленіе, будучи введенъ въ заблужденіе своими переводчиками; онъ

*) Вотъ текстъ г. Пржевальскаго: «Эти шаманы, называемые тѣми же тангутами сакса и монголами Сангусва»...

Digitized by Google

переводитъ слово санаспа русскимъ „шаманъ“, но санаспа вовсе не шаманы, а буддійскіе сектанты. И нашъ Сандань-Джимба на вопросъ: „есть ли у тангутовъ шаманы?“ всегда отвѣчалъ: „есть; они называются санаспа“. Народъ приписываетъ имъ нѣкоторую власть надъ силами природы и искусство вызывать темныя силы; поэтому и я сначала оставался при мнѣніи, что санаспа тангутскіе шаманы. Но во время дороги въ Сунъ-панъ нашъ спутникъ саньчуаньскій лама Серенъ познакомилъ меня немного съ тѣмъ, что такое санаспа. Прежде всего меня удивило извѣстіе, что санаспа имѣютъ свои хуралы и монастыри, въ которыхъ, впрочемъ, не живутъ. Санаспа бываютъ женаты, живутъ по деревнямъ, но собираются въ хуралы и совершаютъ богослуженіе по обряду, очень близкому къ обряду желтой вѣры, то-есть зонкавистовъ; во время богослуженія они надѣваютъ на себя орхимджи и шапку шямà того же покроя, какъ и у зонкавистовъ, только не желтаго, а краснаго цвѣта. По этой шапкѣ они сами себя называютъ шямарва, „красношапочниками“ *). Итакъ эти санаспа; повидимому, есть не что иное, какъ остатки того буддійскаго монашества, которое существовало въ Тибетѣ до Зонкавы. Въ храмахъ санаспа изображенія тѣхъ же боговъ, что и у зонкавистовъ, Ченгрези, Майдари и даже Зонкавы, только центральное мѣсто передъ алтаремъ занимаетъ всегда Урджянъ-рембучи съ своими двумя женами, и вообще санаспа считаются поклонниками Урджяна. Кромѣ того, санаспа о себѣ говорятъ, что они много читаютъ и изучаютъ тарни.

Имя санаспанскаго бога Урджяна не неизвѣстно въ европейской литературѣ. Я встрѣтилъ его въ двухъ книгахъ: у Markham'a, въ его книгѣ Narratives mission of George Bogle to Tibet and of the Journey of Thomas Manning to Lhasa, стр. 305, и у Кеппена въ его: Die Religion des Buddha, B. II, S. 68. У перваго помѣщено письмо іезуита Ипполита Дезидери, который въ 1716 г. посѣтилъ Лхассу. О. Дезидери разсказываетъ о тибетцахъ, что они поклоняются существу по имени Urghien, который, по ихъ словамъ, родился семьсотъ лѣтъ назадъ; на вопросъ, кто онъ—богъ или человѣкъ, они отвѣчаютъ, что онъ и богъ, и человѣкъ въ одно время, не имѣлъ ни отца, ни матери и родился изъ цвѣтка; тѣмъ не менѣе у нихъ есть статуи женщины съ цвѣткомъ въ рукѣ, которую они называютъ матерью Урджяна.

---

*) Шяма высокая шапка съ густой бахромой, идущей отъ затылка къ верхушкѣ шапки. Маръ—красный потангутски.

Digitized by Google

Кеппенъ разсказываетъ слѣдующее: при тибетскомъ царѣ Thisrong de tsan, во время его дѣтства, священныя книги были уничтожены, святыни Джу удалены изъ Лхассы, лабрангъ обращенъ въ бойню. Пришедши въ возрастъ, царь возстановилъ религію и призвалъ изъ Индіи бодисатву Санта-ракшиту съ 12 товарищами изъ страны Sachora. Не чувствуя себя въ силѣ укротить демоновъ, овладѣвшихъ страной, Санта-ракшита посовѣтовалъ царю призвать Падма-Самбаву изъ Удайяны. Падма разогналъ драконовъ. При немъ былъ построенъ монастырь Samje, чудо архитектуры, пестрая смѣсь индѣйскаго, тибетскаго и китайскаго стилей. Падма происходилъ изъ Удайяны, т. е. Кафиристана, гдѣ буддизмъ былъ сильно смѣшанъ съ шиваизмомъ и который тибетцы и теперь считаютъ за классическую страну вѣдовства и колдовства. Падма ввелъ въ Тибетъ и распространилъ магію. Между сектами есть теперь школа Urgjanpa, урджянистовъ, будто бы остатокъ отъ него.

Слѣдуя за Кеппеномъ, санаспа можно опредѣлить, какъ древнихъ буддистовъ изъ секты урджянистовъ. Въ Тибетѣ есть и другіе дозонкависты; мнѣ разсказывали, что въ южномъ Тибетѣ встрѣчаются монастыри секты гармава, монахи которой носятъ не красныя, а бѣлыя орхимджи; это поклонники Миляръ-авы.

Зонкависты также имѣютъ въ своемъ пантеонѣ бога Урджяна, котораго чаще зовутъ Падма-самбавой. Исторія этого божества разсказана въ книгѣ Бамакатунъ, которую можно купить въ Гумбумѣ. Мнѣ даже говорили, что изъ четырехъ или пяти орденовъ, на которые дѣлится братія монастыря Гумбумъ, одинъ, самый высшій, называющійся джотпа, состоитъ изъ поклонниковъ Урджяна или Падма-самбавы и называется урджяба. Джотпа также, какъ и санаспа, изучаютъ тарни.

Имя санаспа самимъ тангутамъ неизвѣстно; это имя поклонникамъ Урджяна даютъ желторѣченскіе монголы (далдинцы г. Пржевальскаго), а отъ нихъ это имя перешло и къ низовскимъ монголамъ *). Сами санаспа зовутъ себя хонь; подъ этимъ именемъ они извѣстны и остальнымъ тангутамъ во всей странѣ Амдо. Этимъ именемъ и я ихъ буду вездѣ называть впредь.

Ачунъ-нанцзунъ самый извѣстный хоньскій монастырь въ сѣверномъ Амдо; можетъ быть, здѣсь есть и другіе хоньскіе монастыри,

*) Низовскими монголами, доро-монголъ, называютъ здѣсь жителей Алашани, Ордоса, центральной Гоби и халхасцевъ; верховскими монголами, дедемонголъ, зовутъ хухунорскихъ олетовъ.

Digitized by Google

но они мало извѣстны. Когда разказчикъ упоминаетъ имя Ачунъ-нанцзунъ, ему почти всегда приходятъ на память два другія имени: Хуланъ-янцзунъ и Джакыръ-пейзунъ; первое есть имя мѣстности отстоящей на одинъ день пути къ югу отъ китайскаго города Нимби; второе названіе носитъ мѣстность на лѣвомъ берегу рѣки Чурмынъ, въ 8 дняхъ пути къ западу отъ города Гуйдуя. Въ Хуланъ-янцзунѣ хоней нѣтъ, а есть ламскій монастырь; Джакыръ-пейзунъ лежитъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ осѣдлыхъ жилищъ; въ окрестностяхъ его кочуютъ тангуты въ черныхъ палаткахъ; здѣсь нѣтъ монастыря, а ламы и хони живутъ въ пещерахъ, высѣченныхъ въ горѣ; они живутъ по одному въ пещерѣ; это все лица, обрекшія себя на уединеніе на опредѣленный срокъ времени; проживъ здѣсь сколько по обѣту положено лѣтъ, отшельникъ возвращается на родину или въ свой монастырь. Предполагается, что что-то есть родственное въ этихъ трехъ мѣстностяхъ; обыкновенно говорятъ, что монахи Ачунъ-нанцзуна, Хуланъ-янцзуна и Джакыръ-пейзуна братья между собою.

Въ Ачунъ-нанцзунъ я отправился изъ Гумбума втроемъ; я взялъ съ собою старика Санданъ-Джимбу и тангута Талынтэра. Я поѣхалъ верхомъ на мулѣ, Санданъ-Джимба на своемъ ослѣ; кромѣ того, при насъ еще былъ одинъ оселъ, принадлежавшій Талынтэру; онъ несъ на себѣ мою постель. Талынтэръ шелъ пѣшкомъ; будучи нашимъ возчикомъ, онъ, кромѣ того, долженъ былъ служить намъ и въ качествѣ вожака, такъ какъ онъ разъ бывалъ уже въ Ачунъ-нанцзунѣ. За свою службу съ осломъ онъ взялъ съ насъ по 200 чоховъ въ день. Талынтэръ родомъ изъ Саньчуани, изъ одной долины съ другимъ тангутомъ Самбарчей, который служилъ при мнѣ прошлое лѣто въ качествѣ помощника по собиранію коллекцій. Онъ втерся къ намъ на службу независимо отъ нашего на то желанія; сначала онъ отправился на собственный страхъ въ городъ Нимби, вернулся съ рыбой и предложилъ купить ее у него; мы купили; потомъ онъ сходилъ въ городъ Уямбу и вернулся съ двумя кадушками спирту; и этотъ товаръ мы купили. Послѣ этого мы и сами стали пользоваться услугами его осла и его самого; нужно что нибудь изъ Синина, посылаемъ Талынтэра; когда Санданъ-Джимба отвозитъ въ Сининъ нашу почту, Талынтэръ идетъ также съ нимъ въ качествѣ помощника.

Отъ Гумбума до Ачунъ-нанцзуна, какъ я сказалъ выше, два дня ѣзды; но мы не разсчитывали такъ скоро туда пріѣхать. Дѣло въ томъ, что на пути въ Ачунъ-нанцзунъ нужно переваливать вы-

Digitized by Google

сокій хребетъ; по сю сторону перевала есть китайское селеніе Джаикъ; отъ Джаика до вершины перевала пустое безлюдное ущелье; нужно или, переваливъ хребетъ, стараться доѣхать въ тотъ же день до тангутской деревни Чуньчжа, лежащей по ту сторону хребта, или ночевать въ Джаикѣ и перевалъ черезъ хребетъ сдѣлать на другой день. Чтобы въ одинъ день доѣхать до Чуньчжи, надо было очень рано выѣхать изъ Гумбума, а изъ насиженнаго мѣста всегда это трудно сдѣлать; ночевать же въ Джаикѣ тоже не хотѣлось: очень ужъ близко отъ Гумбума, всего какихъ нибудь 7 ли. Вспомнили, что за Джаикомъ, при самомъ входѣ въ ущелье есть танъ-хуанъ, т. е. китайскій пикетъ, и около него маленькій дянъ, все же это подальше Джаика. Вотъ мы и порѣшили въ первый день выѣхать къ вечеру, чтобы успѣть доѣхать только до танъ-хуана, а назавтра перевалить хребетъ. Передъ закатомъ солнца безъ всякихъ приключеній мы пріѣхали въ танъ-хуанъ, стоящій въ самомъ отверстіи ущелья. Тутъ всего двѣ жилыя фанзы и кордегардія съ неизбѣжными львами, нарисованными на стѣнахъ, и со щитомъ, на которомъ изображено выходящее изъ волнъ океана или опускающееся въ нихъ покрашенное красной охрой солнце. Въ одной изъ упомянутыхъ фанзъ жилъ китаецъ-мусульманинъ, державшій дянъ; у него-то мы и остановились. Во дворѣ стояло до десяткаословъ въ пустыхъ сѣдлахъ; крестьяне изъ-подъ Гуйдуя привозили груши въ Гумбумъ, распродались и теперь возвращаются въ свою деревню. Они сидѣли въ занятой ими комнатѣ на канѣ, котораго крыша была досчатая, а не глиняная; выбравъ двѣ, три доски изъ средины, они разложили на днѣ кана огонь и грѣлись. Такіе досчатые каны встрѣчаются во всѣхъ китайскихъ деревняхъ въ окрестностяхъ Синина. Укладываясь спать, обыкновенно нагорѣвшіе угли оставляютъ въ канѣ, отверстіе забираютъ досками, стелютъ на нихъ свои постели и спятъ, подогрѣваемые снизу. Мнѣ отвели комнату съ такимъ же досчатымъ каномъ и тоже предложили разобрать его крышу и развести огонь. Но я отказался, зная по опыту, что, расположившись на угольяхъ, легко угорѣть. Поэтому въ моей комнатѣ развели огонь просто на полу около дверей.

Въ тотъ же вечеръ Санданъ-Джимба узналъ отъ гуйдуйскихъ крестьянъ, что сегодня утромъ въ ущельѣ, по которому намъ предстояло проходить, случился разбой; три тангута напали на двухъ китайцевъ, отставшихъ отъ своего каравана, и отобрали у нихъ мула и вьюкъ бумажныхъ матерій. Съ нами не было никакого

Digitized by Google

оружія, кромѣ нагаекъ; старикъ, однако, неособенно былъ озабоченъ этимъ извѣстіемъ, потому что гуйдуйскіе крестьяне шли съ нами по пути и обѣщали составить намъ компанію; такимъ образомъ наша армія возрастала до 10 человѣкъ. Къ вечеру еще пришло пріятное извѣстіе: мимо танъ-хуана въ горы прошелъ отрядъ солдатъ, посланный изъ Синина для поимки грабителей.

Утромъ мы всѣ проснулись рано, поднятые, вѣроятно, холоднымъ утренникомъ. Пока наша компанія, направлявшаяся въ Ачунъ-нанцзунъ, пила чай, добрые гуйдуйскіе крестьяне ждали насъ за воротами дяна. Вскорѣ мы большой компаніей двинулись въ путь вверхъ по широкой долинѣ, которая начинается у танъ-хуана. Широкое дно долины покрыто мелкимъ кустарникомъ изъ облипихи и рододендроновъ; въ этихъ кустахъ много водится фазановъ. Нерѣдко Талынтэръ вдругъ останавливался въ наблюдательной позѣ; вслѣдъ затѣмъ летѣлъ пущенный имъ камень и пара испуганныхъ фазановъ съ крикомъ поднималась изъ кустовъ и перелетала на другой бокъ долины. Ли въ двухъ отъ танъ-хуана долина раздѣляется на двѣ узкія долины; мы вступаемъ въ лѣвую. Здѣсь кустарники исчезаютъ, дно долины наполовину покрывается бугрями льда, въ которые превратилась текущая здѣсь лѣтомъ рѣчка; другая половина свободна отъ льда, но завалена камнями и булыжниками. Гуйдуйскіе крестьяне здѣсь отстали отъ насъ; съ нами пошли только два человѣка, старикъ китаецъ съ сутулой отъ занятія земледѣліемъ спиной и молодой тангутъ; они оба направлялись въ Чуньчжу. Ближе къ верхнему концу долины дно ея вдругъ становится круто. Тутъ я и Санданъ-Джимба спѣшились и пошли пѣшкомъ.

Выше этого уступа лежитъ верхній короткій участокъ долины съ плоскими боками, носящій совсѣмъ другой характеръ; горы имѣютъ округленныя формы, скалъ нѣтъ, скаты пологи. Прямо на югъ отъ насъ возвышается хребетъ; у лѣваго конца его видна широкая сѣдловина, на серединѣ которой рисуется обо. Къ этому обо направляется наша дорога. Другая дорога отдѣляется вправо къ подошвѣ хребта; намъ видно, какъ эта дорога, въ видѣ черной полоски, косвенно поднимается по скату хребта, какъ перевязь, надѣтая черезъ плечо, и кончается на его гребнѣ въ правомъ его концѣ; это дорога въ Гуйдуй, по которой мы перевалили черезъ этотъ хребетъ весной 1885 года.

Мы не садились на своихъ животныхъ, пока не дошли до вышеупомянутаго обо; здѣсь мы сѣли отдохнуть. Передъ нами те-

Digitized by Google

перь открылся видъ на южную долину, въ нижней части которой стоитъ деревня Чуньчжа. Хотя верхняя часть этой долины широка и пряма, такъ что съ перевала ея дно и бока открыты взорамъ наблюдателя на протяженіи шести или семи ли, но деревни Чуньчжи съ перевала не видно, потому что почти передъ самой деревней долина заворачиваетъ направо, и ея продолженіе загорожено горами. Южная долина гораздо веселѣе сѣверной; облипиха и барбарисъ, густо покрывающіе ея дно, разростаются здѣсь въ кусты вдвое выше человѣческаго роста, а около деревни Чуньчжи на крутыхъ скатахъ горъ появляются хвойныя деревья. Когда солнце скрылось за горы и начались сумерки, мы подъѣхали къ тангутской деревнѣ Чуньчжѣ. Деревенька состоитъ изъ 30 домовъ, разсѣянныхъ по обоимъ берегамъ горной рѣчки того же имени, какъ и деревня. Насъ направили сначала на лѣвый берегъ рѣки; здѣсь мы подъѣхали къ одному тангутскому дому и остановились шагахъ въ 15-ти отъ его воротъ. Талынтэръ пошелъ впередъ, всталъ противъ отворенныхъ воротъ и началъ громко взывать: ару! ару! Это обычное воззваніе, съ которымъ тангутъ обращается къ другому лицу, если не знаетъ, какъ его титуловать по его званію или возрасту. Изъ воротъ никто не показывался, но Талынтэръ не смѣлъ войдти во дворъ и продолжалъ взывать. Я замѣтилъ, что такъ поступаютъ и всѣ другіе тангуты, т. е. никогда не входятъ въ чужой дворъ, не вызвавъ напередъ къ воротамъ его хозяина, какъ будто чужой тангутскій дворъ для посторонняго тангута святыня. Въ этомъ отношеніи тангуты представляютъ противоположность съ китайцами, живя среди которыхъ мы часто жалѣли, что они не держатся этого тангутскаго правила. У китайцевъ домъ, по крайней мѣрѣ, его мужская половина, вовсе не составляетъ святыни; всякій свободно въ него входитъ, какъ въ свой собственный; мы были постоянными мучениками въ китайскихъ городахъ и деревняхъ; какой нибудь приказчикъ, мелкій торговецъ или ремесленникъ, преспокойно отворяетъ вашу дверь, становится по срединѣ комнаты и начинаетъ васъ разсматривать, полуразинувъ ротъ; когда вашъ слуга начинаетъ его высылать вонъ и урезонивать, онъ удивляется и спрашиваетъ: „развѣ это не постоялый дворъ“? Въ Гуй-хуа-ченѣ я познакомился съ однимъ китайцемъ, приказчикомъ одной чайной торговой компаніи. Онъ жилъ вмѣстѣ съ главнымъ компаньономъ этой компаніи; они нанимали двѣ очень чистыя комнаты въ лучшемъ дянѣ города. Разъ я вмѣстѣ съ своимъ слугою Цуй-саномъ заѣхалъ къ нимъ въ

Digitized by Google

гости. Посидѣвъ нѣсколько минутъ въ ихъ передней комнатѣ, Цуй-санъ встаетъ и направляется въ сосѣднюю съ ней, двери которой были завѣшены занавѣской. Я былъ смущенъ такой безцеремонностью своего слуги, позвалъ его назадъ и сдѣлалъ ему выговоръ; но самъ молодой хозяинъ вмѣшался и сталъ говорить, что въ Китаѣ это въ обычаѣ, что они купцы, и потому ихъ домъ долженъ быть доступенъ для всѣхъ. Между тѣмъ это не была чайная лавка, а квартира купцовъ: здѣсь они спали и обѣдали. Можетъ быть, эта китайская форма свободы личности допускается только въ отношеніи дяновъ, лавокъ и тому подобныхъ публичныхъ мѣстъ, но такъ какъ въ Китаѣ чуть не каждый домъ или лавка, или дянъ, то я не знаю, остаются ли какія зданія, жильцы которыхъ имѣютъ право запирать свои двери.

Прошу извиненія у читателя за это отступленіе и продолжаю разсказъ.

Надо было, я думаю, разъ десять прокричать: ару! чтобы наконецъ изъ воротъ показались женщины. Онѣ сказали намъ, что въ ихъ домѣ нѣтъ приличнаго помѣщенія (онѣ, вѣроятно, думали, что я не соглашусь расположиться въ кухнѣ), а есть чистая комната на правомъ берегу; тамъ уже останавливался одинъ русскій хомбу (баринъ), вѣроятно, и теперь найдется тамъ помѣщеніе. Дѣйствительно, мѣсяцемъ раньше здѣсь проѣзжалъ А. И. Скасси и ночевалъ въ Чуньчжѣ.

Переѣхали опять на правой берегъ рѣчки и отыскали домъ, куда насъ послали. Опять Талынтэръ сталъ противъ воротъ и началъ кричать: ару! Вышли двѣ женщины: одна лѣтъ подъ 40, потомъ оказавшаяся хозяйкой дома; другая молодая, ея гостья. Хозяйка впустила насъ во дворъ и попросила меня пока пройдти въ кухню, такъ какъ ключъ отъ чистой комнаты взялъ хозяинъ дома и ушелъ куда-то со двора.

Такъ какъ это былъ самый богатый домъ въ деревнѣ, то не мѣшаетъ его описать, чтобы познакомить читателя съ тангутскимъ жилищемъ. Ворота, которыя у тангутовъ всегда дѣлаются въ южной стѣнѣ, ввели насъ въ небольшой квадратный дворикъ; къ сѣверной стѣнѣ, рядомъ съ воротами была пристроена фанза съ большимъ рѣшетчатымъ окномъ и съ рѣзьбой по карнизу; это и есть та фанза, въ которой ночевалъ А. И. Скасси. Вдоль восточной стѣны другая фанза безъ оконъ; западная стѣна была безъ пристроекъ; кухня помѣщалась у сѣверной стѣны, такъ что ея дверь и окно въ видѣ простаго отверстія безъ всякихъ украшеній

Digitized by Google

смотрѣли на югъ. Эта кухня была собственно просторный сарай, въ лѣвомъ концѣ котораго былъ устроенъ канъ. Передняя часть этого кана была занята тремя или четырьмя котлами, вмазанными въ одинъ рядъ. Рядъ котловъ былъ отдѣленъ отъ остальнаго кана невысокой стѣнкой. Продолженіе кухни въ правую сторону было занято конюшней, которая никакой загородкой не отдѣлялась отъ кухни. Эта конюшня окружала восточную фанзу сзади и концомъ своимъ выходила къ воротамъ, гдѣ въ нее тоже былъ входъ.

Тотъ уголъ сарая, въ которомъ помѣщалась кухня, кромѣ кана, не имѣлъ никакой мебели, кромѣ деревянныхъ полокъ, устроенныхъ подлѣ стѣны для деревянной и глиняной посуды. Большая широкая доска, положенная на глиняную тумбу, замѣняетъ кухонный столъ; на немъ хозяйка мѣситъ тѣсто, катаетъ лепешки и сочни и крошитъ лапшу. Большое ведро для воды, стоящее по серединѣ кухни, довершаетъ инвентарь кухонной посуды. Небольшое пространство пола передъ очагами, на которыхъ грѣются котлы, забрано досками; въ остальной части нашъ сарай имѣлъ земляной полъ. Освѣщалась кухня большимъ отверстіемъ, болѣе похожимъ на брешь въ стѣнѣ, чѣмъ на окно.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ того, какъ я разослалъ свою постель на канѣ и усѣлся на ней, пришелъ съ поля старикъ-хозяинъ, отъ старости лѣтъ согнувшійся въ дугу. Я, однако, не возбуждалъ вопроса о перемѣщеніи въ чистую комнату, потому что ради этнографическихъ наблюденій мнѣ было полезнѣе оставаться въ обществѣ хозяевъ-тангутовъ, чѣмъ провести вечеръ въ отдѣльномъ помѣщеніи. Сами хозяева тоже, кажется, находили это для себя менѣе хлопотливымъ и съ удовольствіемъ уступили канъ въ распоряженіе нашей компаніи, разсчитывая сами устроиться ночью на деревянномъ полу передъ очагами. При огняхъ собрались и остальные члены семьи; тутъ было нѣсколько молодыхъ людей; одинъ изъ нихъ носилъ въ своей шубѣ, какъ въ мѣшкѣ, совершенно голаго рослаго пятилѣтняго мальчика, который то совсѣмъ скрывался съ своемъ убѣжищѣ, то выставлялъ изъ него свои длинныя руки и лѣзъ на шею къ своему отцу или брату, опредѣлить не могу. Обитатели этой одной изъ неприступныхъ тангутскихъ крѣпостей были уже расположены въ пользу русскихъ хомбу стоянкой А. И. Скасси; мы, въ свою очередь, постарались подогрѣть оставленное имъ доброе впечатлѣніе новой раздачей сахара, а въ концѣ вечера мы, кромѣ того, пригласили ихъ раздѣлить нашу трапезу.

Digitized by Google

Григорій Николаевичъ Потанинъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

На ночь мы устроились великолѣпно. Я, Санданъ-Джимба и Талынтэръ, всѣ трое расположились на тепломъ канѣ, на которомъ еще оставалось мѣста для столькихъ же людей. Спать на нагрѣтомъ канѣ было очень тепло. Вѣроятно, немало также нагрѣвали наше помѣщеніе и тѣ штукъ двадцать сарлыковъ и нѣсколько лошадей, которыя помѣщались подъ одной съ нами крышей. Мнѣ, впрочемъ, не въ первый разъ приходилось ночевать въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ животными. Когда мы проходили по лесовымъ горамъ, намъ нерѣдко случалось помѣщаться въ одной пещерѣ съ нашими лошадьми.

Утромъ, благодаря этому сосѣдству, со мной случился забавный анекдотъ. На зарѣ, когда сонъ бываетъ тонокъ и внѣшніе звуки подаютъ поводъ къ образованію неожиданныхъ сновидѣній, мнѣ приснилось, что я лежу не въ тангутской конюшнѣ, а въ своей хорошенькой размалеванной кельѣ въ Гумбумѣ; будто на дворѣ ненастье, дождь пробилъ крышу и струя воды льетъ на мои книги и на мой письменный столъ. Я въ испугѣ поднялъ, разумѣется, крикъ:—Пролило! пролило!—думая призвать своихъ слугъ на помощь.

— Гдѣ пролило?—спросилъ меня проснувшійся Санданъ-Джимба.

Увидѣвъ его приподнятую сѣдую голову возлѣ себя, я тотчасъ понялъ, гдѣ нахожусь; дыханіе, фырканье и бычьи челюсти, пережевывающія жвачку, еще лучше воротили меня къ дѣйствительности. Тутъ только я догадался, какая это была дѣйствительность, которая меня напугала и разбудила.

Изъ Чуньчжи дорога въ Ачунъ-нанцзунъ идетъ внизъ по рѣчкѣ Чуньчжа-лунва по ея лѣвому берегу. День былъ прекрасный; солнце ярко било въ глаза, потому что долина направляется почти прямо на югъ; желтый, а иногда и красный цвѣтъ обрывовъ, которыми исполосованы подошвы горъ, значительно усиливали освѣщеніе долины. Снѣга на горахъ не было не только въ этой долинѣ, но и во всю дорогу отъ Гумбума. Долина очень населена; на разстояніи верстъ пятнадцати мы проѣхали двѣ деревни, да, кромѣ того, видѣли нѣсколько деревень на правомъ берегу. Жаль было только, что на горахъ не было видно лѣсовъ; на днѣ же долины встрѣчалось много тополевыхъ рощъ и аллей, которыя, впрочемъ, въ это время года мало оживляли картину, такъ какъ сѣрозеленый цвѣтъ ихъ стволовъ и вѣтвей мало выдѣлялся на сѣрожолтомъ фонѣ горъ.

Деревенскія зданія на зимнемъ фонѣ горъ тоже мало выдѣ-

Digitized by Google

ляются и не разнообразятъ картины. Это ряды сѣрожолтыхъ, сбитыхъ изъ лёса стѣнъ, до 3 или 4 саженъ высоты, безъ оконъ; иногда въ нихъ видны ворота, но часто они бываютъ загорожены сосѣдними зданіями. Ничего выдающагося изъ этой сѣрожолтой массы глины. Развѣ гдѣ нибудь выдастся надстройка надъ воротами въ видѣ мезонина; она обыкновенно служитъ сѣноваломъ; иногда въ этой надстройкѣ вставлено большое мелкорѣшетчатое окно, иногда четвероугольное отверстіе просто забито соломой. Въ тангутскихъ деревняхъ всегда много видно высокихъ шестовъ, поднимающихся изъ дворовъ въ родѣ нашихъ скворечницъ. Одни изъ этихъ шестовъ несутъ на себѣ флаги, исписанные молитвами; другіе на вершинѣ имѣютъ желѣзный трезубецъ, третьи—деревянную рамку, въ которой вставленъ родъ нашей дѣтской мельницы. Эта послѣдняя состоитъ изъ деревяннаго креста, на концахъ котораго выдолблены ложки. Это *лунъ-коръ* или *лунъ-корло́*, „вѣтряная молитвенная мельница“. Кромѣ того, есть еще и водяныя молитвенныя мельницы, а также и ручныя, двигаемыя рукой человѣка. Послѣднія тоже въ большомъ употребленіи у простаго тангутскаго народа; когда мы прошлымъ лѣтомъ проѣзжали по тангутской странѣ, мы видѣли, что каждая пожилая женщина имѣетъ ручную мельницу иногда насъ окружала толпа любопытныхъ тангутокъ, изъ которыхъ каждая вертѣла родъ зонтика, ручкой заткнутаго за пазуху шубы. Въ долинѣ Чуньчжа-лунвы я не замѣтилъ этого обыкновенія, можетъ быть потому, что былъ другой сезонъ.

На лучше сдѣланныхъ ручныхъ мельницахъ, которыя встрѣчаются у ламъ, обыкновенно бываетъ написана буддійская молитва. Вамъ, вѣроятно, случалось читать или слышать, что эти мельницы изобрѣтены лѣнивыми буддистами, придумавшими возложить на стихіи скучную процедуру повторенія тысячу разъ одной и той же молитвы. Это объясненіе, конечно, подслушано у самихъ ламъ. Но едва ли можно остановиться на немъ. Вѣроятно, оно придумано позднѣйшими хоньжами; геній народа, изобрѣтавшій корло́, несомнѣнно руководился какими нибудь другими идеями. Разъясненія нужно искать, вѣроятно, въ первобытныхъ вѣрованіяхъ отдаленнаго времени, когда корло́ служило болѣе понятнымъ символомъ для народа. Можетъ быть, оно предназначалось для того, чтобы вызывать представленіе о вращающемся небесномъ сводѣ или т. п., и тогда, конечно, говорило больше человѣческому уму, чѣмъ теперь. На лункорахъ, замѣчу, не пишутъ никакихъ буквъ.

Рѣка Чуньчжа-лунва внизу уходитъ отъ дороги вправо и скры-

Digitized by Google

вается въ скалистыхъ щекахъ, среди которыхъ и впадаетъ въ Жолтую рѣку; про нее можно сказать, что послѣ свѣтлаго начала она мрачно заканчиваетъ свою жизнь. Дорога, оставивъ долину рѣки, поднимается на лѣсовые холмы и, сдѣлавъ не болѣе 100 саженъ, выходитъ на ихъ вершины, съ которыхъ открывается видъ на долину Жолтой рѣки. Здѣсь эта долина не широка, но достаточно просторна, чтобъ дать большой рѣкѣ сдѣлать два, три крутыхъ поворота. Господствующій цвѣтъ окружающихъ горъ красный; будто вы очутились на кирпичномъ заводѣ. Мы перешли черезъ рѣку по льду. Въ полуверстѣ за рѣкой на плоской террасѣ раскинулась небольшая тангутская деревушка Рчи́ли.

Въ верхнемъ концѣ деревни намъ встрѣтился человѣкъ, который посовѣтовалъ намъ ѣхать въ нижній конецъ деревни, гдѣ живетъ гуани, „деревенскій староста“. Хотя деревня состоитъ всего изъ 30 дворовъ, но они такъ разбросаны, что отъ одного конца деревни до другаго было далеко. Намъ издали указали на домъ старосты. Домъ этотъ, какъ и всѣ другіе тангутскіе дома, стоялъ отдѣльно и былъ похожъ на крѣпость; снаружи ничего не было, кромѣ высокихъ стѣнъ; только съ южной стороны были видны солидныя ворота. Къ стѣнѣ въ одномъ мѣстѣ была пристроена высокая башенка безъ оконъ, вершина которой поднималась выше стѣны дома. Эта башенка еще болѣе дѣлала домъ старосты похожимъ на маленькій замокъ.

Мы остановили свой караванъ въ почтительномъ разстояніи отъ воротъ этого замка въ то время, какъ нашъ трубачъ Талынтэръ вышелъ впередъ къ воротамъ и криками: ару! ару! началъ извѣщать жителей дома о нашемъ прибытіи. Никто не показывался, хотя во дворѣ и слышенъ былъ по временамъ шорохъ, звуки трогаемаго хвороста, визгъ свиньи. Къ счастью, въ домъ этотъ шелъ какой-то молодой человѣкъ; онъ, получивъ отъ насъ разъясненія, что намъ нужно, ушелъ въ ворота и черезъ минуту вернулся съ отвѣтомъ, что старосты нѣтъ дома — ушелъ въ верхній конецъ деревни.

На нашемъ маленькомъ совѣтѣ было рѣшено, что я и Санданъ-Джимба останемся здѣсь и будемъ ждать, пока Талынтэръ пойдетъ и разыщетъ старосту. Тутъ намъ съ Санданъ-Джимбой пришлось простоять около четверти часа. Тангутская деревня казалась вымершею; только бѣгущая вдали собака или крикъ пѣтуха время отъ времени оживляли эту картину. Коротенькое развлеченіе доставила намъ какая-то молодая женщина, очень разряженная и переходи-

*

Digitized by Google

вшая изъ дома въ домъ въ сопровожденіи подруги. Какъ мы потомъ узнали, это была невѣста; послѣ мы съ нею познакомились поближе. Она, по обычаю, ходила теперь изъ дома въ домъ пить чай. Она была очень ярко одѣта; настоящаго платья на ней не было видно; оно было скрыто за кусками красныхъ, жолтыхъ, коричневыхъ матерій, которыя были заткнуты за поясъ. Сзади, какъ бы два крыла, два голубыхъ шелковыхъ платка были прикрѣплены верхними концами къ плечамъ, а нижними къ таліи. На головѣ была шапка съ лисьимъ околомъ; тульи не было видно: она скрывалась подъ шелковой бахромой, которая висѣла съ вершины стержня, укрѣпленнаго въ верхушку шапки.

Талынтэръ принесъ намъ отвѣтъ старосты; староста проситъ насъ подождать, пока онъ найдетъ намъ помѣщеніе. Подождавъ еще немного, наконецъ, намъ показалось скучно, и мы порѣшили поѣхать въ верхній конецъ деревни, если не содѣйствовать поискамъ, то, по крайней мѣрѣ, чтобы присутствовать при нихъ; все же не такъ скучно будетъ? На дорогѣ мы встрѣтили трехъ тангутовъ. Талынтэръ вступилъ съ ними въ переговоры, разсчитывая, что, можетъ быть, найдется у нихъ мѣсто для насъ. Что они говорили ему, я не понялъ, только послѣ этихъ переговоровъ духъ у Талынтэра упалъ въ такой степени, что онъ началъ намъ совѣтовать оставить попытки отыскать ночлегъ въ Рчили и ѣхать въ Ачунъ-нанцзунъ.

Ѣхать въ Ачунъ-нанцзунъ, однако, не было резона; предстояло переваливать черезъ высокій и скалистый хребетъ, который былъ видѣнъ изъ Рчили. Было уже три часа по полудни; я посмотрѣлъ на хребетъ и понялъ, что мы въ Ачунъ-нанцзунъ пріѣдемъ только въ глубокія сумерки. Если здѣсь при свѣтѣ солнца мы не можемъ найдти ночлега, то что же будетъ въ Ачунъ-нанцзунѣ при совершенной темнотѣ. Я велѣлъ поворотить караванъ въ нижній конецъ деревни и сказалъ, что мы спѣшимся у дома деревенскаго старосты и не уйдемъ отъ него, пока намъ не найдутъ помѣщенія, а если не найдутъ, то я буду ночевать у воротъ старостина дома. Мы уже двинулись было согласно новому рѣшенію, какъ вдругъ изъ-за бугра, у котораго мы стояли, вывернулась фигура старосты; онъ былъ хонь, а потому на головѣ его была волосяная чалма. Онъ скомандовалъ намъ слѣдовать за нимъ по тропинкѣ, въ концѣ которой была видна отдѣльно стоявшая тангутская фанза. Пройдя шаговъ 100, онъ крикнулъ вдали стоявшему какому-то тангуту, который по распаханному полю подошелъ къ намъ. Это былъ не-

Digitized by Google

множко сутулый тангутъ въ заношенной шубѣ, стоптанныхъ сапогахъ и въ закоптѣлой острой бараньей шапкѣ. Староста чуть не шопотомъ отдалъ ему приказаніе и тотъ молча, какъ-то таинственно повелъ насъ по тропинкѣ, въ концѣ которой была видна фанза.

Оказалось, что это былъ хозяинъ фанзы. Помѣщеніе наше и здѣсь было въ томъ же родѣ, какъ въ Чуньчжѣ; такой же обширный сарай, такой же канъ въ одномъ концѣ его, отдѣленный стѣной отъ очага, такой же деревянный полъ передъ очагомъ и шкапъ, или деревянныя полки у стѣны. Когда мы вошли въ этотъ сарай, на деревянномъ полу передъ очагомъ сидѣли семидесятилѣтняя старушка въ чепчикѣ изъ овчины и тангутъ лѣтъ сорока. Это были жильцы этого сарая. Прежде чѣмъ вступить въ обладаніе каномъ, намъ пришлось постоять нѣсколько минутъ, пока старушка и ея товарищъ убирали съ кана вороха шубъ и истрепанныхъ войлочковъ, а потомъ вымели его вѣникомъ. Старушка не могла держаться прямо, она ходила согнутою, какъ кочерга, и когда она возилась на канѣ, была похожа скорѣе на четвероногое, чѣмъ на человѣка. Убравши канъ, она вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ опять заняла мѣсто у очага, а мы заняли канъ. Во все это время вокругъ насъ толпились любопытные, мужчины, женщины и дѣти. Многіе изъ мужчинъ были въ волосяныхъ чалмахъ; у иныхъ эти волосы были обмотаны красной или синей тканью, у другихъ ничѣмъ не были прикрыты. Деревня Рчили наполовину состоитъ изъ хоней.

Втеченіе вечера мы познакомились ближе съ этими новыми для насъ людьми. Сначала хони отказывались вступать съ нами въ разговоры, и даже вся толпа любопытныхъ ушла, оставивъ нашъ сарай пустымъ, но потомъ мало-по-малу наши сношенія съ хонями установились. Въ особенности оказался словоохотливымъ одинъ молодой хонь въ красной чалмѣ. Со старушкой, которую мы согнали съ кана, мы тоже сдѣлались друзьями. Я сначала принялъ ее за члена семьи, которой принадлежитъ этотъ домъ; оказалось, что она чужая нашему хозяину; она съ своимъ товарищемъ, который оказался ея сыномъ, были богомольцы, расположившіеся здѣсь на зимовку.

Старушка разсказала о себѣ, что она когда-то имѣла много сыновей и дочерей, были между сыновьями и хони, но всѣ они примерли; остался живъ одинъ сынъ, да и тотъ сухорукій; вотъ они вдвоемъ и бродятъ по монастырямъ и святымъ мѣстамъ, молятся Богу, землю отдали своимъ родственникамъ, дома своего не имѣютъ, а живутъ, гдѣ ихъ примутъ. Въ разговорѣ съ этой старушкой мы узнали, между прочимъ, что послѣзавтра здѣсь будетъ

Digitized by Google

свадьба; выдаютъ замужъ ту самую дѣвушку, которую мы видѣли ходившею по деревнѣ разряженною и въ лисьей шапкѣ. Я пожелалъ узнать, можно ли будетъ мнѣ посмотрѣть на эту свадьбу.

— Можно,—сказала старушка:—только поднеси въ подарокъ платокъ.

Кстати мой знакомый хонь въ красной чалмѣ оказался близкимъ родственникомъ невѣсты; онъ началъ приглашать меня прожить въ Рчили до свадьбы, но, такъ какъ я отказался отъ этого предложенія, то порѣшили такъ, что я поѣду въ Ачунъ-нанцзунъ, ночую тамъ одну ночь и на другой день вернусь какъ разъ въ разгаръ свадьбы. Хонь даже посовѣтовалъ мнѣ прямо ѣхать въ домъ, гдѣ будетъ справляться свадьба.

На другой день во время нашего чая явился къ намъ староста деревни. Выпивъ одну чашку чаю и посидѣвъ немного, онъ поднесъ мнѣ хадакъ и сказалъ маленькую рѣчь, содержаніе которой было такое: онъ, будучи деревенскимъ старостой, кромѣ того, отправляетъ въ общинѣ ачунъ-нанцзунскихъ хоней должность нюрвы (казначея), и въ качествѣ таковаго обращается ко мнѣ за милостыней. У меня нашелся кусочекъ серебра вѣсомъ въ нѣсколько ценовъ, который я сейчасъ же и передалъ ему. Эта щедрость сильно расположила его въ мою пользу. Онъ сейчасъ же написалъ записку въ Ачунъ-нанцзунъ и передалъ ее мнѣ съ словами, что безъ записки намъ будетъ нелегко найдти тамъ помѣщеніе, а потомъ, изъ предъидущихъ разговоровъ замѣтивъ, что я интересуюсь любимой хонями книгой Бама-хатунъ, сказалъ мнѣ, что Бама-хатуна продажнаго у него не имѣется, но онъ можетъ продать мнѣ небольшую книгу Луй-чжинъ, которую читаютъ для вызыванія темныхъ силъ. Я согласился; книжка сейчасъ же была принесена, но староста, прежде чѣмъ книжка перешла въ мой чемоданъ, хотѣлъ доставить мнѣ развлеченіе. Онъ позвалъ другаго пожилаго хоня; они сѣли противъ меня на канѣ, открыли листы книги и вдвоемъ пропѣли ее отъ одного конца до другаго очень пріятными голосами.

И такъ въ Рчили мы разстались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Въ Ачунъ-нанцзунѣ, какъ сказали намъ, нѣтъ ни гороха, ни соломы. Гороха у насъ было немного еще изъ Чуньчжи, но, чтобы не очутиться безъ соломы, мы должны были купить ея у нашего хозяина въ Рчили и его же подрядили снести эту вязанку до Ачунъ-нанцзуна. Такимъ образомъ изъ Рчили мы выступили вчетверомъ.

Digitized by Google

Дорога съ полверсты идетъ по террасѣ Жолтой рѣки, а потомъ входитъ въ узкое ущелье. Голые бока ущелья состоятъ изъ разрѣзовъ краснаго конгломерата краснаго песчаника и красной, мѣстами зеленой, глины; по сухому дну ущелья раскиданы большія глыбы гранита съ крупными листочками слюды, принесенныя сюда откуда-то издалека, потому что гребень хребта въ вершинахъ ущелья состоитъ изъ тѣхъ же конгломератовъ. Ущелье вверху раздѣляется на два тѣсныхъ и глубокихъ оврага; дорога поднимается по гребешку между этими оврагами и становится очень трудною; всѣ мы всходили на перевалъ пѣшкомъ, часто останавливались, чтобъ переводить духъ, и такъ устали, что на вершинѣ перевала у всѣхъ явилось общее желаніе отдохнуть. Отсюда открывался видъ и назадъ, и впередъ. Назади было видно Жолтую рѣку, извивающуюся между красными горами; влѣво чернѣлись скалы, изъ которыхъ она вырывается на рчилійскую террасу. По горамъ мѣстами видны деревни; нѣкоторыя изъ нихъ расположены очень высоко надъ уровнемъ Жолтой рѣки. По ту сторону рѣки видно чуть не всю долину Чуньчжа-лунвы, начиная отъ деревни Чуньчжи; можно было пересчитать, какъ на картѣ, всѣ тангутскія деревеньки, мимо которыхъ мы вчера проѣзжали.

Впереди видъ былъ не такъ просторенъ; подъ ногами у насъ лежала долина, проходившая поперегъ дороги; за ней хребетъ, за нимъ другой, отдѣленный отъ ближняго второй долиной, проходящей параллельно ближней долинѣ. Судя по конфигураціи горъ, было ясно, что влѣво отъ насъ обѣ эти долины соединяются Талынтэръ сейчасъ же объяснилъ намъ, что намъ осталось теперь спуститься по ближней долинѣ до соединенія ея съ дальней и потомъ по послѣдней подняться къ ея вершинѣ, гдѣ и стоитъ Ачунъ-нанцзунъ.

Спускъ былъ безобразно крутой; животныя спускались торчкомъ внизъ головой; они падали, туловище ихъ увязало между камнями; они двигались шагъ за шагомъ, распирая ноги. Санданъ-Джимбу эта дорога привела въ веселое расположеніе духа; при каждомъ случаѣ, какъ только нога его спотыкалась, онъ хохоталъ и приговаривалъ: «Вотъ такъ отличная дорога!»

Когда мы спустились и вошли въ дальную долину, мы увидали въ верхнемъ концѣ ея высокую совершенно отвѣсную красную скалу и на ея вершинѣ бѣлое зданіе. «Вотъ и Ачунъ-нанцзунъ!»— сказалъ Талынтэръ. Но это не былъ самый Ачунъ-нанцзунъ, а одна изъ его кумиренъ, лежащая противъ монастыря. По дну долины

Digitized by Google

бѣжитъ небольшая рѣчка; слѣдуя вверхъ по ней, мы вскорѣ поравнялись съ группой бѣлыхъ фанзъ, виднѣвшихся на высотѣ десяти саженъ надъ дномъ долины. Это былъ монастырь зонкавистовъ. Нѣсколько десятковъ саженъ далѣе на той же самой терасѣ лежитъ и монастырь хоней.

Поднявшись по крутой тропинкѣ, мы очутились у большихъ воротъ, украшенныхъ рѣзьбой и ведущихъ въ обширный дворъ, изъза высокихъ стѣнъ котораго видна была черепичная китайской архитектуры крыша съ позолоченнымъ ганьчжиромъ на конькѣ *). Это былъ ндуганъ хоней, т. е. главный храмъ. У воротъ сидѣли на землѣ два тангута. Нашъ рчиліецъ съ вязанкой соломы на спинѣ взялъ у меня записку рчилійскаго старосты и обратился къ нимъ за совѣтомъ. Они посовѣтовали ему отнести записку въ лабранъ, т. е. резиденцію хоньскаго гегена.

Этотъ лабранъ былъ тутъ же рядомъ, поэтому мы остались на томъ же мѣстѣ, а нашъ рчиліецъ подошелъ къ воротамъ лабрана и принялся кричать обычное: ару! Послѣ того, какъ онъ повторилъ это слово три или четыре раза, онъ былъ, повидимому, позванъ внутрь двора и ринулся туда, держа въ рукѣ записку и не снимая съ себя вязанки соломы. Немного погодя, онъ все съ той же вязанкой за спиной вернулся съ приказаніемъ потерпѣть у воротъ. Пока мы испытывали свое терпѣніе, къ воротамъ выбѣжали двѣ женщины съ обритыми головами; это были двѣ монахини хоньскаго толка. Руки ихъ были въ тѣстѣ; видно было, что онѣ прибѣжали изъ кухни поглазѣть на невиданныхъ людей.

Минуту спустя, къ намъ вышелъ молодой лама и приказалъ намъ войдти во дворъ. Въ концѣ двора намъ указали дверь. Это была кухня лабрана. Помѣщеніе въ кухнѣ, можетъ быть, убавляло у меня важности, но это было выгодно въ томъ отношеніи, что не обязывало къ большимъ подаркамъ.

Когда мы вошли въ кухню, насъ обдало тепломъ, какъ будто мы вошли въ русскій домъ. Кухня имѣла видъ обширнаго покоя; вдоль стѣны, въ которой были вырѣзаны окна, тянулись каны, отдѣленные другъ отъ друга деревянными стѣнками, какъ отдѣленія на желѣзной дорогѣ. На одномъ такомъ отдѣленіи можно было улечься спать тремъ человѣкамъ свободно. Вся задняя стѣна кухни была занята полками, на которыхъ стояла кухонная посуда.

*) Ганьчжиръ—мѣдная позолоченная ваза съ высокимъ горломъ, утверждаемая на конькахъ кумиренъ.

Digitized by Google

Въ одномъ углу на глиняномъ возвышеніи лежала большая доска, на которой одна изъ знакомыхъ уже намъ женщинъ мѣсила или катала тѣсто. Доска эта имѣла болѣе сажени длины и около двухъ аршинъ ширины. Хоньскіе монастыри, какъ и наши, любятъ хлѣбы грандіозныхъ размѣровъ. На полу, на разостланныхъ подстилкахъ лежали два раскатанныхъ сочня; каждый изъ нихъ имѣлъ болѣе сажени въ поперечникѣ. Женщины, которыя возились съ этими сочнями, вели себя развязно, громко разговаривали, шутили, смѣялись.

Только мы успѣли забраться на канъ, какъ молодой лама явился съ чайникомъ и чайной посудой. Намъ не позволили здѣсь ни ѣсть, ни пить своего; хоньское духовенство хотѣло насъ почтить своимъ угощеніемъ. Къ чаю явился другой лама, гораздо богаче одѣтый; какъ мы послѣ узнали, это былъ ачунъ-нанцзунскій нюрва.

Читатель, можетъ быть, удивленъ, что въ хоньскомъ монастырѣ я разсказываю о ламахъ. Дѣйствительно, это были ламы, т. е. лица, давшія обѣтъ безбрачія, но это были ламы хоньскаго толка. Въ Ачунъ-нанцзунѣ есть гегенъ хоньскаго толка и, кажется, не одинъ. Наиболѣе важный называется Шяк'ырсэнъ; намъ сказали, что онъ уѣхалъ въ мѣстность Реконъ, между тѣмъ вечеромъ мы увидѣлись и разговаривали съ хоньскимъ гегеномъ, который не былъ, повидимому, Шяк'ырсэнъ, а другое лицо. При гегенѣ у хоней полагается небольшой штатъ ламъ; эти ламы одѣваются въ шубы и безрукавки и только иногда сверхъ шубы на плечи накидываютъ маленькую орхимджи. Вотъ такихъ-то ламъ человѣкъ пять или шесть и живетъ въ хоньскомъ Ачунъ-нанцзунѣ. Сами хони въ Ачунъ-нанцзунѣ не живутъ; они всѣ семейные и живутъ по деревнямъ, а въ Ачунъ-нанцзунъ являются только для совершенія богослуженія.

Послѣ чая нюрва предложилъ мнѣ пойдти въ храмъ. Снаружи этотъ храмъ оказался похожимъ на ламскіе храмы. Онъ былъ двухэтажный; нижній этажъ былъ построенъ въ тибетскомъ стилѣ; верхній, значительно меньше нижняго, въ китайскомъ; крыша нижняго этажа образуетъ террасу вокругъ верхней надстройки. Особенность хоньскаго храма въ его наружномъ видѣ состоитъ только въ томъ, что онъ имѣетъ четыре двери, по одной на каждой сторонѣ. Впрочемъ, входятъ только въ однѣ, которыя противъ алтаря. Мнѣ говорили, что слѣдовало бы имѣть не четыре, а восемь

Digitized by Google

дверей, но ачунъ-нанцзунскій монастырь бѣдный и не имѣетъ возможности сдѣлать восемь дверей.

Внутри храма у задней стѣны помѣщались три большія статуи; среднюю мнѣ назвали Урджянъ-рембучи, по его правую руку Джўчжи, по лѣвую Зонкава. Передъ статуей Урджянъ-рембучи поставленъ длинный столъ, на которомъ, кромѣ курительницъ и другихъ священныхъ предметовъ, стояли двѣ небольшія статуетки, около 1 ф. высоты каждая; ихъ мнѣ назвали одну Иши-Чорчжиль, другую—Мандарави. Послѣ мнѣ сказали, что это двѣ жены Урджянъ-рембучи.

Послѣ осмотра главнаго храма нюрва предложилъ мнѣ подняться также на скалу, стоящую на другомъ боку долины. На вершинѣ ея есть кумирня, о которой я уже упоминалъ выше и внутри которой есть будто бы самъ собою явившійся богъ Мейсанъ. Поднимаются къ этой кумирнѣ почти по отвѣсной лѣстницѣ, на которой мѣстами невозможно удержаться, не держась за перила. Я, однако, предпочелъ вернуться въ лабранъ, разсчитывая изъ разговоровъ съ живыми людьми вынести больше свѣдѣній, чѣмъ изъ осмотра глинянаго божества.

Во все время съ нашего прибытія въ лабранъ до ужина, въ лабранѣ раздавались звуки трубъ, удары бубна и пѣніе ламъ. Намъ объяснили, что это гегенъ совершаетъ молитвы передъ богами, что онъ далъ обѣтъ семь дней молиться и быть въ обществѣ только боговъ и никого не принимать къ себѣ изъ смертныхъ, почему ламы извиняются передо мной, что не могутъ принять меня въ лабранѣ. Однако, послѣ ужина, состоявшаго изъ вареной баранины, которымъ насъ угостилъ лабранъ, ко мнѣ на канъ въ кухню явился самъ гегенъ въ сопровожденіи трехъ другихъ ламъ. Гегенъ былъ одѣтъ, какъ хуральные ламы зонкавистовъ, т. е. былъ въ юбкѣ и орхимджи, подъ которой у него скрывались голыя руки. Всѣ другіе ламы были одѣты въ красныя шубы. Лицо гегена наиболѣе чѣмъ другія подходило къ арійскому типу; онъ имѣлъ продолговатое съ правильными чертами лицо и крутой лобъ съ висками, стоящими къ нему подъ прямымъ угломъ. Онъ и сѣлъ поарійски, хотя, за неимѣніемъ стула, ему пришлось примоститься на стѣнкѣ кана. Его ближайшій товарищъ, сѣвшій рядомъ съ нимъ, хотя не имѣлъ такихъ правильныхъ чертъ лица, какъ гегенъ, но и его лицо можно встрѣтить въ русскомъ мірѣ. Оно было обложено черными бакенбардами, какъ тонкой веревочкой. Общество хоньскихъ ламъ спустилось ко мнѣ изъ лабрана съ цѣлью

Digitized by Google

сдѣлать мнѣ экзаменъ; они привели съ собой и переводчика. Это былъ барунъ-сунитскій монголъ, пришедшій къ нимъ изучать тарни и держащійся хоньскаго толка.

Я впервые еще видѣлъ монгола этого толка и потому сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ о существованіи хоней въ Монголіи. Барунъ-сунитъ разсказалъ мнѣ, что въ южной Монголіи встрѣчаются мѣстами ламы хоньскаго толка, но мало; есть будто бы, однако, и монастырь хоньскаго толка въ хошунѣ Мергенъ-вана по имени Хамыренъ-суме. На сколько надо вѣрить этому барунъ-суниту, не знаю. Впрочемъ, если и есть женатые ламы хоньскаго толка въ Монголіи, навѣрное они тамъ не носятъ той куафюры, какую носятъ здѣшніе хони, потому что ни одинъ путешественникъ объ этомъ не упоминаетъ. Не нужно, мнѣ кажется, смѣшивать съ этими тибетскими урджянистами тѣхъ женатыхъ ламъ, которые встрѣчаются въ сѣверной Монголіи; сѣверо-монгольскіе женатые ламы не урджянисты, а зонкависты, дѣлающіе поблажку своимъ влеченіямъ къ семейной жизни; они не называютъ своихъ сожительницъ своими женами, выдаютъ ихъ за сестеръ или какихъ нибудь родственницъ, и постороннія лица также считаютъ невѣжливымъ выказывать, что они дѣтей и женщинъ, живущихъ въ юртѣ такого ламы, принимаютъ за его семью. Напротивъ, хони открыто говорятъ о своихъ семьяхъ, считая бракъ хоней учрежденіемъ, допущеннымъ закономъ.

Начали меня допрашивать съ того, какой я національности, далеко ли отсюда до моей родины и сколько времени я ѣхалъ изъ дому досюда. За тѣмъ ламы интересовались знать, что за земля на моей родинѣ, есть ли хлѣбопашество, какой у насъ разводятъ скотъ; далѣе, есть ли у насъ духовенство, носитъ ли оно орхимджи, въ какого цвѣта платье оно одѣвается. Повидимому, все это былъ только приступъ; главный же предметъ, который ихъ интересовалъ, была религія. Они спрашивали, кому поклоняемся мы и другіе европейцы, есть ли въ нашихъ храмахъ иконы и статуи, какъ называется нашъ главный Богъ, сколько имѣлъ учениковъ во время своего пребыванія на землѣ и сколько лѣтъ прошло съ того времени, какъ онъ нисходилъ на землю. Сандань-Джимба, большой любитель поговорить, въ особенности о христіанской вѣрѣ, причёмъ онъ чувствовалъ въ себѣ нѣкоторый авторитетъ, совершенно овладѣлъ бесѣдой, хотя барунъ-сунитъ, служившій переводчикомъ, всякій вопросъ обращалъ предварительно ко мнѣ. Ламы спросили, какія же у насъ заповѣди. Сандань-Джимба отвѣтилъ: не убивай,

Digitized by Google

не пожелай жены ближняго и пр. Ламы просіяли; имъ понравилось такое совпаденіе ихъ ученія съ нашимъ, и они объявили, что обѣ вѣры одно и то же. На это я замѣтилъ, что ученіе дѣйствительно сходно, но что о нашемъ Богѣ и о ихъ богѣ разсказывается различно.—„Вѣдь вашъ богъ не былъ распятъ?“—спросилъ я въ разсчетѣ, что ламы, можетъ быть, что нибудь разскажутъ мнѣ о страданіяхъ Уржянъ-рембучи.—„Да, не былъ распятъ!“—отвѣчали ламы.—„Кромѣ того, нашъ богъ родился отъ дѣвы“,—продолжалъ я:—„о вашемъ же это не разсказывается?“ Я не имѣлъ въ своемъ распоряженіи монгольскаго слова, которое лучше бы могло передать выраженіе „дѣва“ и перевелъ его тривіальнымъ „дѣвица“; поэтому мое сообщеніе скандализировало общество ламъ, и всѣ они дружно расхохотались. Санданъ-Джимба былъ очень сконфуженъ моей неловкостью и хотѣлъ было поправить дѣло.

— „Хомбу не знаетъ хорошо монгольскаго языка и потому не съумѣлъ сказать какъ слѣдуетъ“,—началъ онъ свою рѣчь, въ которой старался объяснить, какъ христіане понимаютъ актъ воплощенія; но ламы, которые допускаютъ рожденіе Урджянъ-рембучи изъ цвѣтка, никакъ не могли допустить сверхъестественнаго рожденія отъ дѣвы. Барунъ-сунитъ началъ увѣрять ламъ, что матеріалъ для разговоровъ исчерпанъ и началъ порываться уйдти; видя же, что Санданъ-Джимба все больше входитъ въ роль полемизатора, онъ его рѣзко остановилъ словами:—„Твое слово слишкомъ длинно!“—Ламамъ, какъ мнѣ казалось, не хотѣлось уходить, но они не стали удерживать рвавшагося домой барунъ-сунита и распрощались съ нами. По ихъ уходѣ, мы тотчасъ же улеглись спать, чувствуя себя пораженными.

Въ свою очередь, изъ разговоровъ съ ламами я узналъ, что, кромѣ окрестностей Ачунъ-нанцзуна, есть другое мѣсто, гдѣ много хоней; это—мѣстность Реконъ, къ югу отсюда; далѣе, что въ Ачунъ-нанцзунѣ, начиная съ перваго числа новаго года, устроивается чамъ, который бываетъ ежедневно втеченіе 10 дней, но что масокъ выходитъ не болѣе четырехъ; что, кромѣ шапокъ шяма, которыя шьются по одному покрою и зонкавистами, нѣкоторые хони во время хураловъ надѣваютъ другой родъ шапокъ, въ родѣ діадемы, въ какой изображенъ Урджянъ; что хони дѣлаютъ дурму, или балинъ (жертвенное тѣсто). Гелюнговъ между хонями нѣтъ.

Объ Урджянъ-рембучи мнѣ не удалось отъ хоней разузнать никакихъ подробностей. Они предлагали мнѣ переводить передъ моими глазами подстрочно книгу Бама-катунъ, но, при внушитель-

Digitized by Google

ныхъ размѣрахъ этой книги, для того, чтобы прослушать подобный переводъ, потребовалось бы не менѣе трехъ, четырехъ дней. Но еще въ Сунъ-панѣ одинъ гегенъ секты зонкавистовъ доставилъ мнѣ сокращенное житіе Урджяна; мой спутникъ лама Серенъ перевелъ его, и я вкратцѣ познакомлю читателя съ этой легендой.

Отца и матери у Урджянъ-рембучи не было; онъ спустился съ неба на вершину горы Сандыгъ, близъ озера Нцо-памàли; камень Папаву, лежавшій на вершинѣ горы Сандыгъ, спустился въ воду озера Памàли, вода въ этомъ мѣстѣ закипѣла и изъ водоворота вышелъ бутонъ; когда цвѣтокъ распустился, изъ него вышелъ Урджянъ-рембучи. Онъ пришелъ на землю, чтобы укротить враждебныхъ человѣчеству хланджей, насылавшихъ неурожаи, засухи, моръ и другія напасти. Царь Сахуръ-джалву схватилъ Урджяна съ цѣлью убить его. По его приказанію, навезли зандановаго дерева на трехъ тысячахъ яковъ, сложили костеръ, сверху наложили масла, на костеръ положили связаннаго по рукамъ и ногамъ Урджянъ-рембучи. Костеръ горѣлъ одинъ годъ и семь мѣсяцевъ; съ неба шелъ въ это время дождь какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ лежалъ Урджянъ; дрова горятъ, а Урджянъ-рембучи лежитъ цѣлъ и невредимъ. Сахуръ-чжалву, увидѣвъ его цѣлымъ, призналъ въ немъ бога, поклонился ему и посадилъ въ колесницу, чтобы отвезти въ свой домъ. Но пятьсотъ человѣкъ не могутъ сдвинуть колесницу. Сахуръ-джалву со всѣмъ своимъ народомъ поклонился Урджяну, но колесница, всетаки, не движется. Тогда богъ Ртомба-Шихчатова сказалъ: „Вамъ нужно обмыться и прочесть номъ, тогда бурханъ двинется“. Народъ обмылся, прочитали номъ, и колесница тронулась. Царь Мертеки-джалву, услышавъ, что Урджянъ-рембучи отвезенъ на торжественной колесницѣ во дворецъ царя Сахура и чествуется народомъ, пришелъ съ войскомъ, чтобы отнять Урджяна и убить его. Онъ навязалъ на шею Урджяна камень въ пятьсотъ фунтовъ и бросилъ его въ озеро. Но хозяева воды (улу-чжалву) узнали въ немъ Урджяна, дали ему двадцать пять эрдени и вывели изъ озера; оставивъ озеро, Урджянъ достигъ страны Самьи и выстроилъ тутъ сто восемь монастырей по имени Учжа-дабчжаль. Царь Чжакыръ-чжалву схватилъ Урджяна и повѣсилъ его на деревѣ, поднимавшемся до неба. Урджянъ висѣлъ привязанный къ дереву двадцать одинъ день, но остался невредимъ. Убѣдившись въ невредимости Урджяна, царь велѣлъ порѣзать связи и принесъ бога въ свой домъ. Всѣ хони изъ множества монастырей сошлись преклониться передъ Урджяномъ; царь Чжакыръ тоже прекло-

Digitized by Google

нился и призналъ въ немъ истиннаго бога. Послѣ этого Урджанъ отправился въ страну Срмбу, гдѣ свирѣпствовало девятиголовое чудовище, называвшееся также Срмбу. Урджанъ укротилъ Срмбу и въ этой странѣ, гдѣ прежде были однѣ междусобія, водворилъ золотой вѣкъ.

На другой день ламы упрашивали насъ остаться еще на день, обѣщая кормить не только насъ, но и нашъ скотъ (во время нашего пребыванія въ Ачунъ-нанцзунѣ ламы не позволили намъ тратить свой горохъ; ослы получали его отъ лабрана), и я бы остался, но мнѣ не хотѣлось также упустить случая видѣть тангутскую свадьбу, почему отказался отъ предложенія. При прощаньѣ я поднесъ нюрвѣ полтора лана серебра; онъ долго отказывался брать его, доказывая, что монастырь не дянъ, но мы сказали, что мы эти деньги отдаемъ не въ лабранъ, а на украшеніе храма, противъ чего нюрва не могъ сдѣлать возраженія.

Той же дорогой, по которой мы пріѣхали, мы вернулись въ Рчили. Было еще рано, около 12 часовъ, когда мы въѣхали въ эту деревню. Хотя насъ приглашали ѣхать прямо въ тотъ домъ, гдѣ была свадьба, но мы не рѣшились на это и повернули на старую свою квартиру. Мы нашли нашего стараго хозяина, вернувшагося домой еще наканунѣ, передъ домомъ; онъ стоялъ впереди воротъ и вѣялъ въ ночевкѣ какое-то зерно. Онъ не захотѣлъ и пускать насъ къ себѣ; не поворачивая головы и продолжая вѣять, онъ словами передалъ, какъ намъ найдти домъ, гдѣ была свадьба. Домъ этотъ былъ всего въ 50 шагахъ отсюда, такъ что мы, завернувъ за уголъ, сейчасъ же узнали его по множеству людей, толпившихся у воротъ. Насъ впустили во дворъ, но заставили здѣсь подождать, вѣроятно, чтобы имѣть время очистить для насъ канъ и перемѣстить гостей. Пока я стоялъ среди двора, меня окружила толпа тангутовъ и тангутокъ; въ этой толпѣ я замѣтилъ и невѣсту, одѣтую такъ же, какъ и наканунѣ.

Когда мы вошли въ домъ, мнѣ представилась слѣдующая картина. На полу сидѣли гости съ поджатыми потурецки ногами въ два ряда, лицомъ другъ къ другу, какъ садятся ламы во время хурала, или, еще проще сказать, какъ у насъ садятся за обѣденный столъ. Стола, однако, передъ гостями не было; вмѣсто него между рядами были наставлены обрубки деревьевъ или пни, на верхніе отрубы которыхъ были наложены груды варенаго мяса въ кускахъ, фунтовъ по 5 каждый. Укладывая это мясо, очевидно, старались концы костей такъ направить въ разныя стороны, чтобы

Digitized by Google

общее получило видъ, соотвѣтствующій тангутскимъ понятіямъ объ изяществѣ очертаній; одна кость непремѣнно торчала вертикально изъ груды. За этими двумя рядами гостей въ томъ же порядкѣ сидѣли два другихъ ряда.

Насъ посадили на канъ, такъ что мы очутились противъ промежутка между двумя рядами и какъ бы заняли мѣсто ширетуйламы, которое онъ занимаетъ въ хуралѣ. Передъ нами поставили столикъ, уставленный хлѣбами, и принесли чай. На томъ же канѣ удостоились чести сидѣть одинъ сѣдой тангутъ, уважаемый, повидимому, за старость, и китаецъ, мѣстный торгашъ, уважаемый или за богатство, или за національность. Китаецъ этотъ живетъ постоянно въ Рчили и имѣетъ жену тангутку. Онъ былъ одѣтъ въ нагольную шубу въ накидку, подъ которой была видна черная, пречерная рубаха, точно онъ занимался кузнечнымъ мастерствомъ, а не торговлей. У передняго края кана стояли задомъ къ намъ женщины, опершись на канъ или полуприсѣвъ на него; въ правой рукѣ, по другую сторону очага, тоже стояла толпа женщинъ.

Послѣ чая передъ каждымъ изъ насъ, сидѣвшихъ на канѣ, поставили по чашкѣ и наполнили ихъ горячей, по китайскому обыкновенію, водкой. Вина не жалѣли; его разогрѣвали въ котлѣ въ ближайшемъ съ нами сосѣдствѣ, и поваръ, завѣдовавшій очагами, то и дѣло появлялся съ кувшиномъ и дополнялъ отпитыя чашки. Передъ гостями, сидящими на полу, тоже передъ каждымъ стояло по чашкѣ съ виномъ. Языки отъ вина развязались, и въ сараѣ, или, пожалуй, залѣ, въ которой мы сидѣли, шли оживленные разговоры, но въ полголоса. У насъ на канѣ разговоръ шелъ на китайскомъ языкѣ между Сандань-Джимбой, китайскимъ торгашомъ и Талынтэромъ. Я молчалъ. Сѣдой тангутъ тоже молчалъ и усиленно тянулъ водку. Сандань-Джимба поглядывалъ на него и приговаривалъ:—„Убюгунъ олонъ учжи байна!“ (Старикъ здоровъ пить!)

Прерванная нашимъ появленіемъ свадебная процедура началась снова. Она состояла въ раздачѣ подарковъ; дяди невѣсты со стороны отца дарили ея дядей со стороны матери, такъ называемыхъ аджановъ. Одинъ изъ гостей поднимался съ мѣста и начиналъ говорить длинную рѣчь къ аджанамъ; по окончаніи рѣчи ассистентъ оратора съ кусками матеріи на рукѣ подходилъ къ аджану, къ которому рѣчь относилась, и подавалъ ему подарокъ. Къ маловажнымъ родственникамъ рѣчь обращалась заразъ къ нѣсколькимъ; по окончаніи рѣчи ассистенты оратора

Digitized by Google

расходились въ толпѣ, выкликая получателей по именамъ. Мужчины, получивъ подарки, передавали ихъ своимъ женамъ; женщины и сами получали подарки. Вскорѣ всѣ женщины стояли съ ношами въ рукахъ. Одинъ изъ родственниковъ невѣсты вступилъ и къ намъ на канъ; одаривъ китайскаго торгаша и сѣдаго тангута, онъ обратился ко мнѣ съ рѣчью и поднесъ мнѣ хадакъ и фарфоровую чашку, а моимъ товарищамъ по хадаку. Въ рѣчи своей, какъ мнѣ объяснили потомъ, онъ говорилъ, что дядья невѣсты и меня хотятъ чествовать, какъ бы приравнивая меня къ аджанамъ. Получивъ подарокъ, само собою разумѣется, мнѣ хотѣлось сейчасъ же выказать свою благодарность, но меня остановили и сказали, что теперь еще не время, что я долженъ подождать, когда невѣста будетъ пѣть пѣсню аджанамъ и когда аджаны начнутъ дарить невѣсту.

Подарки раздавались за нѣсколько пріемовъ. Послѣ того, какъ одинъ гость отведетъ очередь, другой гость начиналъ раздавать свои подарки не прежде, какъ давъ мѣсто продолжительной паузѣ.

Въ антрактахъ гостей угощали виномъ. Между рядами постоянно двигалась фигура разливателя водки, ловко лавировавшаго между арматурами изъ бараньихъ реберъ, ляжекъ и мословъ. Иногда какой нибудь гость вставалъ съ своего мѣста съ чашей вина въ рукѣ, двигался между рядами, степенно поворачиваясь всѣмъ корпусомъ то направо, то налѣво, и, держа чашу надъ головами гостей, говорилъ протяжнымъ голосомъ такъ называемую по-тангутски чжашй, т. е. присловье къ чаркѣ; обойдя чуть не всю залу, онъ неожиданно поворачивался къ какому нибудь гостю лицомъ и, протянувъ послѣднее слово рѣчи, подносилъ ему вино. Заключеніе этой церемоніи производило смѣхъ и вызывало шутки, если какой нибудь старый балагуръ подносилъ чашу какой нибудь молоденькой женщинѣ. Та обращалась въ бѣгство, шутникъ тоже пускался въ погоню, расплескивая вино по дорогѣ. Эту церемонію подношенія вина продѣлывали не одни мужчины; съ тѣми же жестами и съ тѣми же приговорами подносили вино и женщины.

Кромѣ этого состязанія въ ораторскомъ искусствѣ, въ тѣ же антракты происходило и состязаніе въ пѣніи и пляскѣ. Преимущественно пѣли молодыя женщины. Обыкновенно двѣ женщины выходятъ на середину, причемъ толпа разступается и образуетъ кругъ. Одна женщина становится направо, другая налѣво, въ двухъ шагахъ одна отъ другой. Нѣсколько секундъ онѣ стоятъ молча, лицомъ другъ къ другу, набираясь силъ; потомъ начина-

Digitized by Google

ютъ пѣть съ высокой и длинной, предлинной ноты; съ переходомъ къ настоящей мелодіи, онѣ начинаютъ танцовать, т. е. медленно двигаться и кружиться другъ около друга, перегибая туловище то направо, то налѣво и, одновременно съ тѣмъ, то поднимая вверхъ лѣвую руку и опуская правую внизъ, то поднимая вверхъ правую и опуская лѣвую. Эта пляска напоминаетъ скорѣе солдатскую гимнастику, чѣмъ нашу пляску. Передъ послѣдней нотой пѣвицы останавливаются, опустивъ правыя руки къ землѣ и поднявъ лѣвыя къ небу и остаются въ этомъ положеніи, пока не дотянутъ ноты до конца. Кончивъ, онѣ выпрямляются и отдыхаютъ нѣсколько секундъ, поднявъ грудь и откинувъ назадъ голову съ раскраснѣвшимся и улыбающимся лицомъ. Отдохнувъ, онѣ опять продѣлываютъ ту же гимнастику подъ ту же самую арію, и такъ до трехъ разъ. Пропѣвъ ее въ третій разъ, онѣ теряютъ присутствіе духа, внезапно конфузятся и быстро убѣгаютъ въ толпу. Иногда замѣчается въ этой пляскѣ усложненіе, не дѣлающее ея, однако, граціознѣе. Танцовщица оттягиваетъ одну ногу и дѣлаетъ ею движеніе, какъ будто старается освободить ее изъ схватившей ее руки или пасти.

Я сказалъ, что эти пѣніе и пляски совершались преимущественно женщинами. Но раза три выступали на середину и мужчины. Пляска и пѣніе мужчинъ мнѣ болѣе понравились. Женщины старались перещеголять другъ друга силой голоса; въ полѣ, можетъ быть, это было бы и очень хорошо. Мужчины пѣли въ полголоса. Они выходили на сцену также попарно, какъ и женщины, и фигуры пляски были тѣ же, но они двигались гораздо быстрѣе, и эти ихъ быстрыя движенія или перескакиванія одного плясуна на мѣсто другаго съ размахиваніемъ рукъ напомнило мнѣ бойкую лезгинку. Пѣсня иногда въ серединѣ замѣнялась очень пріятными фразами въ родѣ речитатива. Заканчивали свою пляску мужчины, также опустивъ правыя руки къ землѣ, поднявъ лѣвыя къ небу и пригнувъ туловище и голову книзу.

Уставшіе сидѣть на полу гости время отъ времени выходили на вольный воздухъ, но не втихомолку, не по одному украдкой, а цѣлой гурьбой, такъ что выходъ этотъ имѣлъ видъ нѣкоторой торжественной процессіи. По временамъ распорядители пира и къ намъ, сидѣвшимъ на канѣ, иногда обращались съ вопросомъ, не имѣемъ ли и мы потребности принять участіе въ этой процессіи.

Когда раздача подарковъ кончилась, однимъ изъ хоней была прочитана торжественная молитва. Прежде чѣмъ начать ее,

Digitized by Google

распорядители пира водворили требуемую тишину. Общество къ этому времени стало довольно шумно, и потому тишина водворилась не прежде, какъ приказаніе замолкнуть не было сказано тономъ, какимъ ротные командиры говорятъ крѣпкія слова. Наконецъ, наступила гробовая тишина. За толпой я не видѣлъ читавшаго жреца, но по голосу призналъ уже знакомаго мнѣ старосту. Чтеніе молитвы мѣстами напоминало мнѣ чтеніе молитвъ мусульманами. Чтецъ иногда прерывалъ свое чтеніе, повидимому, вопросами, обращенными къ публикѣ, и гости тогда хоромъ протягивали ему въ отвѣтъ или: „темӯ!“ или: „ійѐ!“

Послѣ молитвы началась раздача мяса. Сначала была, по обыкновенію, сказана длинная рѣчь, потомъ какой-то мужчина всталъ на возвышеніе въ дальнемъ концѣ залы и, поднимая мослы и куски мяса одинъ за другимъ, сталъ выкликать имена гостей. Гости поочередно подходили и получали, кто ногу, кто лопатку, кто нѣсколько позвонковъ.

Теперь остался послѣдній актъ свадебнаго обряда: пѣсня, или, скорѣе, плачъ невѣсты передъ ачжанами. Она пришла въ сопровожденіи другихъ женщинъ и стала около кана, лицомъ къ сидѣвшимъ на полу ачжанамъ; яркихъ нарядовъ, которые мы видѣли на ней еще утромъ, на ней уже не было. На ней было затрапезное темное платье, и висѣвшая вдоль поясницы рава *), съ многочисленными нашитыми раковинами, осталась единственнымъ украшеніемъ на ней. Она начала пѣть; это были, повидимому, обращенія къ ачжанамъ, къ каждому отдѣльно, по очереди. Прослушавъ обращеніе, ачжанъ вставалъ съ мѣста, подходилъ къ невѣстѣ и, приподнявъ подарокъ надъ ея головой, начиналъ выкрикивать пожеланія ей счастья, стараясь заглушить голосъ поющей племянницы и помогающихъ ей женщинъ. Мнѣ намекнули, что вотъ теперь и до меня дойдетъ очередь дарить; я приготовилъ кусокъ бумажной матеріи аршинъ въ 5 длиной и деревянный гребень, такъ какъ у насъ больше ничего не было.

Не видя во все время пира жениха, я спросилъ о причинѣ этого старика Санданъ-Джимбу. Онъ усмѣхнулся, придвинулся ко мнѣ поближе и въ полголоса сказалъ: „Дурные обычаи у тангутовъ. Эта невѣста выходитъ замужъ безъ жениха. Послѣ этого обряда она будетъ рожать дѣтей, а кто ихъ отецъ,—неизвѣстно! Худой законъ!“

*) Рава—длинная лента, висящая вдоль спины и увѣшанная раковинами.

Digitized by Google

Мнѣ сказали, что такая безжениховая невѣста называется ёхонъ, и прибавили, что она въ своихъ обращеніяхъ къ ачжанамъ жалуется на то, что ей выпала такая горькая доля, что у нея не будетъ мужа, который бы былъ ея защитникомъ и надеждой подъ старость, и проситъ ихъ сжалиться надъ ней. Вотъ потому-то, что она вступаетъ въ брачную жизнь безъ жениха, ачжаны и бросаютъ ей большіе и многочисленные подарки.

И дѣйствительно это былъ моментъ всеобщаго увлеченія. Невѣста упала на колѣни и скорѣе плакала и причитала, чѣмъ пѣла, а ачжаны въ это время одинъ за другимъ рвались къ ней и забрасывали ее подарками. Мужчина, стоявшій подлѣ невѣсты для пріема подарковъ, въ нѣсколько минутъ съ ногъ до головы покрылся кусками матерій, платками и хадаками. Признаюсь, и я не безъ волненія ожидалъ минуты, когда дойдетъ очередь до меня. Общее увлеченіе, вызванное торжественностью обряда, передавалось и мнѣ. Когда невѣста запѣла въ честь русскаго хомбу, Талынтэръ раскинулъ матерію во всю длину, чтобъ обществу можно было судить о величинѣ подарка, и, держа его надъ головой невѣсты, сказалъ маленькую рѣчь, содержаніе которой онъ позаимствовалъ изъ тѣхъ рѣчей, съ которыми ко мнѣ уже ранѣе обращались родственники невѣсты. Онъ сказалъ: „Русскій хомбу прибылъ изъ далекаго своего отечества на твою свадьбу. Онъ сдѣлалъ нѣсколько тысячъ ли, везя тебѣ счастье изъ далекаго запада. Онъ даритъ тебѣ эту матерію и этотъ гребень!“ Санданъ-Джимба тоже растаялъ; онъ не могъ устоять противъ общаго настроенія, вынулъ изъ своего кошелька три сотни чоховъ и попросилъ Талынтэра тоже передать невѣстѣ.

Этимъ обрядъ закончился. Ачжаны долго уговаривали невѣсту перестать плакать и причитать, кричали ей: „довольно! довольно!“ но дѣвушка разрыдалась и не могла остановиться. Ее унесли на рукахъ во дворъ и тамъ поставили на ноги. Я выглянулъ на дворъ. Она стояла и тихо плакала. Какая-то старая женщина, обнаженная по поясъ, съ большимъ зобомъ на шеѣ, положила ей руку на плечо и тоже заливалась слезами. Остальныя женщины стояли поодаль подлѣ стѣнъ, и онѣ безпрестанно утирали слезы, которыя у нихъ текли по щекамъ.

Послѣ этого пиръ сталъ клониться къ концу. Гости стали понемногу расходиться, или, сказать вѣрнѣе, ихъ стали уводить и уносить. Этимъ дѣломъ были заняты преимущественно женщины, которыя во время пиршества играли роль нѣкоторой поли-

Digitized by Google

ціи. Случалось иногда видѣть, какъ мужчина саженнаго роста (въ тангутскомъ народѣ много людей высокаго роста), крича и размахивая руками, противъ желанія движется къ дверямъ, увлекаемый вцѣпившимися въ него женщинами, и исчезаетъ въ ночной темнотѣ двора. Чуть кто выкажетъ наклонность побушевать, какъ сейчасъ же его окружаютъ женщины и выдворяютъ. Когда уже многіе гости ушли, выдвинулись два плясуна и запѣли пѣсню. Въ это время около насъ на канѣ сидѣли два пожилыхъ тангута. Вдругъ одинъ изъ нихъ начинаетъ что-то кричать по направленію къ плясунамъ; тѣ продолжаютъ пѣть, не обращая вниманія на крикъ. Тогда сидѣвшій подлѣ насъ тангутъ засучаетъ рукава и съ сверкающими отъ злобы глазами и сжатыми кулаками соскакиваетъ съ кана. Мгновенно передъ нимъ выросъ фронтъ откуда-то взявшихся женщинъ, и онъ исчезъ за дверьми. Пѣніе продолжалось. Тогда другой его товарищъ тоже засучилъ рукава, но и онъ долженъ былъ послѣдовать за своимъ предшественникомъ. Когда пѣніе кончилось, и плясуны разошлись, оба воинственные субъекта возвратились къ намъ на канъ. Объяснилось все это такимъ образомъ: плясуны выбрали для своего выхода на сцену какую-то неприличную пѣсню, которая могла оскорбить хомбу; поэтому мои сосѣди хотѣли наказать нахаловъ.

Подъ конецъ вечера наше помѣщеніе почти совсѣмъ опустѣло. Оставалось не болѣе тридцати человѣкъ. Въ это время героемъ вечера неожиданно сдѣлался нашъ Талынтэръ. Подвыпивъ и развеселившись, онъ вздумалъ запѣть. Его пѣсни не были похожи на рчилійскія, и рчилійцы начали его поощрять къ продолженію. Въ особенности увлекался его пѣніемъ подпившій староста, подсѣвшій къ нему поближе.

— А ну, запой какую нибудь еще!—безпрестанно настаивалъ староста.

Талынтэръ вошелъ во вкусъ и распѣлся. Похвалы его опьяняли. Какъ только онъ запоетъ, староста начинаетъ волноваться отъ удовольствія. Онъ то ударитъ Талынтэра въ бокъ, какъ бы говоря: „Ахъ, злодѣй! ей-богу, умру отъ восхищенія!“ то обращается ко мнѣ и говоритъ: „Какъ жаль, что ты не знаешь языка! Вѣдь слова-то какія!“ Женщины, стоявшія возлѣ кана, тоже не могли удержаться, чтобы по временамъ не одобрять пѣнія Талынтэра.

— Зѣнге! зѣнге! (Отлично! отлично!)—кричали онѣ иногда во время пѣнія.

Всѣ мужья были уведены или унесены своими женами, нако-

Digitized by Google

нецъ, пришелъ чередъ и для старосты. Пришли и за нимъ; сначала его хотѣли уговорить словами, что и ему пора домой. Но онъ не хотѣлъ и думать объ этомъ, приглашая пришедшихъ лучше послушать неслыханнаго пѣвца. Впрочемъ, онъ былъ уже въ такомъ состояніи, что если бы и захотѣлъ встать и пойдти, то не могъ бы. Женщины ухватились за него и поволокли съ кана. Староста не сопротивлялся; онъ съ покорною улыбкою на лицѣ продолжалъ, пока его поднимали, расхваливать пѣвца, и когда его протаскивали мимо Талынтэра, онъ еще разъ успѣлъ ткнуть его въ знакъ благодарности.

Это было послѣднее похищеніе мужа. Такъ мирно закончилась наша свадьба.

Назавтра мы рано собрались уѣзжать изъ Рчили. Хонь въ красной чалмѣ, явившійся провожать насъ, усердно упрашивалъ насъ еще прожить въ Рчили. „Сходили бы въ мой домъ, въ домъ старосты!“ Но у насъ подобрались наши деньги, и потому надо было уѣзжать. Мы поѣхали, провожаемые сзади криками: „темӯ! темӯ! та темӯ!“

Въ Чуньчжѣ насъ старики встрѣтили уже какъ старыхъ знакомыхъ; вся семья высыпала встрѣтить насъ съ криками „темӯ!“

Переночевавъ въ Чуньчжѣ, мы на слѣдующій день порѣшили ѣхать, не останавливаясь до Гумбума.

Г. Потанинъ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Атаманъ волжскихъ разбойниковъ Ермакъ, князь сибирскій. Историческій романъ изъ временъ Іоанна Грознаго. Соч. Н. Чмырева. Въ четырехъ частяхъ. Москва. 1884.

Историческій романъ, эта хотя незаконная, но прекрасная дочь музы Кліо,—имѣетъ неоспоримо важное литературно-образовательное значеніе. Не очень много охотниковъ найдется прочесть, напримѣръ, ученое историческое изслѣдованіе о томъ же Ермакѣ, такое, какъ «Покореніе Сибири» П. Небольсина, но романъ или повѣсть, трактующіе о томъ же предметѣ въ легкой беллетристической формѣ, съ разными интересными бытовыми чертами минувшей эпохи, безъ сомнѣнія, привлекутъ вниманіе многихъ, даже малограмотныхъ людей, и прочтутся скоро и съ интересомъ. Въ томъ и заключается несомнѣнная заслуга историческаго романа, что онъ можетъ служить, между прочимъ, прекраснымъ средствомъ для популяризаціи историческихъ свѣдѣній, для проведенія ихъ въ сознаніе народной массы. Мы уже не говоримъ, что, помимо этого, такъ сказать, прикладнаго, практическаго значенія историческаго романа, онъ можетъ имѣть прямо литературное значеніе, какъ художественное произведеніе, составляющее цѣлое, съ изображеніями типовъ извѣстной прошлой эпохи, со психологической разработкой характеровъ. Такихъ художественныхъ историческихъ романовъ немного найдется въ русской литературѣ, и не эти романы мы имѣемъ въ виду, желая сказать нѣсколько словъ о сочиненіи, названіе котораго выписано въ началѣ этой рецензіи. Историческіе романы, въ родѣ «Войны и мира» Л. Н. Толстаго, появляются не часто, и составляютъ chef-d'oeuvre'ы изящной словесности. Для оцѣнки романа объ Ермакѣ мы беремъ болѣе скромную мѣрку. Кажется, и то хорошо будетъ, если авторъ, взявшійся изобразить въ формѣ романа жизнь и дѣятельность завоевателя Сибири, въ связи съ его эпохой,—не станетъ особенно мудрствовать, измышлять, ради эффекта, совершенно фантастическіе случаи и подробности, совсѣмъ не идущіе къ дѣлу, а будетъ писать свой романъ, придерживаясь историческихъ изслѣдованій о своемъ предметѣ, иллюстрируя свое изложеніе бытовыми картинами, вѣрными данной эпохѣ. Таковъ ли романъ г. Чмырева объ Ермакѣ?

Digitized by Google

Сначала передаемъ вкратцѣ содержаніе романа. Ермакъ со своей шайкой удальцовъ, въ 300 человѣкъ, разбойничаетъ на Волгѣ и, наконецъ, подвергается преслѣдованію царскихъ войскъ. Среди казаковъ оказывается измѣнникъ Ѳедька Живодеръ, который вступаетъ въ сношенія съ воеводой и, ночью убивая караульнаго казака, передаетъ стрѣльцамъ казацкія лодки для переправы черезъ Волгу. Ермакъ какъ разъ передъ этимъ гадалъ у одной вѣдьмы-колдуньи Власьевны, которая разсказала атаману всю его прошлую жизнь, указала на измѣну въ его станѣ и предсказала ему царскій вѣнецъ и вскорѣ затѣмъ смерть. Возвращаясь въ станъ, Ермакъ наткулся на смертельно раненнаго казака, караулившаго лодки, и замѣтивъ, что послѣднихъ нѣтъ, узнаетъ отъ умирающаго казака объ измѣнѣ Живодера. Атаманъ быстро является въ станъ, собираетъ кругъ, и Живодера приговариваютъ къ смертной казни—зашить въ мѣшокъ и бросить въ Волгу. Но передъ самой казнью онъ успѣлъ-таки дать стрѣльцамъ условленный знакъ къ нападенію. Однако стрѣльцы съ урономъ были отбиты, и самъ воевода (Мурашкинъ) захваченъ въ плѣнъ, но атаманъ великодушно отпускаетъ его на свободу, взявъ съ него честное слово не преслѣдовать больше казаковъ. Послѣ этого разбойничья шайка продолжаетъ попрежнему заниматься своимъ ремесломъ и, между прочимъ, захватываетъ и грабитъ на Волгѣ судно, принадлежавшее Строгановымъ. Казаки захватили много разнаго богатства, судовщиковъ частію перебили, частію забрали въ плѣнъ. Одинъ изъ взятыхъ въ плѣнъ Строгановскихъ людей началъ казакамъ расхваливать Пермскую землю, говорилъ о вогулахъ, остякахъ, ихъ пушныхъ богатствахъ и т. д. Ермакъ задумался; надоѣла ему преступная разбойничья жизнь, грызетъ его совѣсть за погубленныя христіанскія души, хочетъ онъ загладить свои грѣхи и идти лучше бить поганыхъ остяковъ. Ермакъ совѣщается со своимъ неразлучнымъ товарищемъ Ив. Ив. Кольцо, разсказываетъ ему свою прошлую преступную жизнь, говоритъ, что нарушилъ заповѣдь своего отца, бывшаго также разбойникомъ, но передъ смертью заклинавшаго его, Ермака, не разбойничать, не губить христіанскихъ душъ; говоритъ о своей несчастной любви къ одной боярской дочери... Ермакъ рѣшилъ одинъ отправиться въ Пермскую землю и все самому развѣдать. И онъ уже вышелъ въ путь одинъ, но въ этотъ моментъ стрѣльцы, съ Мурашкинымъ во главѣ, опять нападаютъ на казаковъ; Ермакъ спѣшитъ къ своимъ товарищамъ, прогоняетъ стрѣльцовъ съ большими для нихъ потерями, убиваетъ самого Мурашкина. Послѣ этого, по совѣту Кольцо, Ермакъ ѣдетъ съ Волги въ Пермскую землю, только уже не одинъ, а со всею своей вольницей. Далѣе, во второй части романа, вначалѣ говорится о Строгановыхъ. Царскій гонецъ Арбузовъ доставилъ имъ грамоту на новыя земли. Происходитъ встрѣча Фроси, племянницы Строгановыхъ, и пріѣхавшаго гонца, московскаго дворянина; между ними возникаетъ взаимная любовь. Этотъ романическій эпизодъ разсказывается и въ слѣдующихъ частяхъ романа и оканчивается бракомъ влюбленныхъ. Много земли у Строгановыхъ, только некѣмъ ее заселять и защищать. Купцы не прочь пригласить къ себѣ даже бро-

Digitized by Google

дятъ и гулящихъ людей, но царская грамота запрещаетъ это. Является Сава, человѣкъ Строгановыхъ, спасшійся съ ихъ судна, захваченнаго казаками Ермака; онъ разсказываетъ своимъ господамъ, какова у Ермака разбойничья шайка. Строгановы, пожалуй, готовы призвать къ себѣ даже Ермака съ его головорѣзами. Вскорѣ же съ Волги приходятъ въ Пермскую землю и казаки, руководимые Мещерякомъ, который былъ приказчикомъ на ограбленномъ казаками суднѣ и, попавъ въ плѣнъ, вступилъ въ шайку Ермака. Всѣхъ молодцовъ, пришедшихъ къ Строгановымъ, было около 500; они были приняты и поселились на Строгановской землѣ. Однако, не понравилась казакамъ тихая, мирная жизнь; имъ хотѣлось воевать, грабить, сражаться съ инородцами. Всего только разъ казакамъ пришлось поколотить татаръ, которые вздумали было напасть на помѣстья Строгановыхъ. У Ермака является твердое рѣшеніе отправиться въ Сибирь, къ татарамъ, и напасть прежде всего на татарскаго князька Епанчу. Строгановы, хотя не совсѣмъ охотно, отпускаютъ Ермака, снабжаютъ его припасами для похода. Отправились казаки въ Сибирь вверхъ по р. Чусовой. На одномъ изъ приваловъ пришлось отражать ночное нападеніе громадной толпы остяковъ: дикари частію были перебиты, частію разсѣяны мѣткими казацкими выстрѣлами. Застигнутые зимой на Чусовой, казаки остановились на этой рѣкѣ и провели зимнее время въ пещерахъ. Вспомнились Ермаку предсказанія колдуньи Власьевны: «До сихъ поръ все шло, какъ она говорила, а коли говорила правду, такъ все значитъ будетъ благополучно, а тамъ и вѣнецъ царскій!»— смѣялся онъ. Между тѣмъ, Строгановы, послѣ ухода казаковъ, подверглись жестокому набѣгу инородцевъ: бо́льшая часть ихъ деревень была сожжена, все имущество разграблено, народу перебито много. Послѣ долгихъ колебаній, они послали со своимъ человѣкомъ Данилычемъ челобитную царю съ просьбою о присылкѣ къ нимъ стрѣльцовъ. Посланный ихъ, дѣйствуя въ Москвѣ чрезъ Бориса Ѳедоровича Годунова, ни въ чемъ, однако, не успѣлъ и принесъ только тотъ отвѣтъ, что Строгановымъ будетъ прислана царская грамота съ гонцомъ. Дѣйствительно, вскорѣ же пріѣзжаетъ къ Строгановымъ уже упомянутый выше дворянинъ Арбузовъ и привозитъ опальную грамоту: царь гнѣвается, зачѣмъ Строгановы держали у себя разбойниковъ, и приказываетъ воротить Ермака съ пути. По объясненію Арбузова, на Строгановыхъ донесъ пермскій воевода, что они у себя вольниковъ пріютили. Въ бесѣдѣ со Строгановыми Арбузовъ описываетъ имъ неистовства опричнины въ Москвѣ, и тутъ же, выпивъ изрядно, заводитъ рѣчь о Фросѣ, племянницѣ Строгановыхъ, проситъ ея руки, что́ и было рѣшено въ утвердительномъ смыслѣ. Далѣе авторъ переноситъ читателя на Уралъ, описываетъ дальнѣйшее движеніе казаковъ по рѣчкѣ Серебрянкѣ и путь ихъ по волоку отъ этой рѣчки къ р. Жаровлѣ. На этомъ пути Ермакъ высказываетъ своему товарищу Ивану Кольцо свою сокровенную мысль: «Задумалъ я,—говоритъ атама́нъ,—отправиться въ Сибирь и завоевать ее. Коли Богъ дастъ, завоюемъ мы ее, такъ и поднесемъ царю: этимъ мы и свои старыя вины загладимъ, да и матушкѣ Руси прибавку немалую сдѣлаемъ». Наконецъ, казаки всту-

Digitized by Google

пили въ Туру, въ самые предѣлы Сибирскаго царства; начались стычки съ татарами, которыхъ Ермакова дружина съ успѣхомъ отражала, благодаря огнестрѣльному оружію. Татары пришли въ ужасъ отъ казаковъ. Таузакъ, одинъ изъ приближенныхъ людей къ Кучуму, побывавъ въ плѣну у казаковъ, которые его вскорѣ же выпустили на свободу, донесъ самому Кучуму о грозныхъ русскихъ богатыряхъ. Сибирскій царь, напуганный разсказами о всесокрушающей силѣ казаковъ, пытаетъ шамановъ о судьбѣ своего царства. Предсказанія и знаменія оказываются неблагопріятными для Кучума, однако онъ приказываетъ собираться своимъ подданнымъ для борьбы не на животъ, а на смерть. Послѣ небольшаго перерыва казакамъ пришлось выдержать ожесточенную схватку съ татарской конницей, подъ предводительствомъ Магметкула. Затѣмъ они взяли городокъ Карачи, гдѣ и остановились на время. Тутъ нѣкоторые изъ казаковъ заупрямились было, не хотѣли идти впередъ, но энергическое слово Ермака сразу прекратило этотъ ропотъ. Казаки двинулись дальше, и наконецъ послѣ отчаяннаго сраженія заняли городокъ Сибирь, жители котораго всѣ разбѣжались.

Между тѣмъ, въ Москвѣ Дементій Григор. Строгановъ отпраздновалъ свадьбу Фроси съ дворяниномъ Арбузовымъ и выжидалъ случая увидѣться съ царемъ и просить его о защитѣ своихъ помѣстій отъ инородцевъ, какъ вдругъ въ столицу приходитъ Ив. Ив. Кольцо съ извѣстіемъ о завоеваніи Сибирскаго царства. Какъ нельзя кстати пришла эта радостная вѣсть. Москва, утомленная царскимъ кровавымъ терроромъ, немного оправилась; казни прекратились; совершались молебны; гремѣла пушечная пальба. Ермака царь пожаловалъ сибирскимъ княземъ, наградилъ дарами. Въ Сибирь на помощь Ермаковой дружинѣ посланы два воеводы и 300 стрѣльцовъ. Кольцо спѣшилъ назадъ къ своему атаману, но воеводы не торопились: они сначала довольно долго гостили и пировали въ помѣстьяхъ Строгановыхъ; затѣмъ, наконецъ, отправившись въ путь, въ Сибирь, воеводы и стрѣльцы, далеко уступавшіе въ выносливости и энергіи казакамъ, двигались крайне медленно и должны были на пути зимовать. Это жестоко огорчало Кольцо, который просто рвался къ своему другу-атаману, въ Сибирь. Наконецъ, воеводы со стрѣльцами прибыли въ Сибирь, и съ перваго же разу обнаруживается антагонизмъ между героями-завоевателями и царскими служилыми людьми. О прибывшихъ воеводахъ и стрѣльцахъ Кольцо такъ говоритъ Ермаку: «...Не бѣда, кабы они только на печи лежали, а то вѣдь мѣшать только будутъ, вздумаютъ себя начальниками здѣсь поставить; что ты съ ними подѣлаешь!... Не знаешь ты ихъ, Ермакъ Тимоѳеевичъ, — съ ними одно только наказаніе божеское: ты задумаешь что сдѣлать, а они все — наперекоръ». Авторъ разсказа особенно рельефно рисуетъ этотъ антагонизмъ между завоевателями и царскимъ войскомъ. Кольцо, вскорѣ по возвращеніи въ Сибирь, въ одной изъ стычекъ съ татарами, мечтая о захватѣ въ плѣнъ Кучума, сложилъ свою буйную голову. Горько опечаленъ былъ Ермакъ потерею своего любимаго друга и помощника.

Атаманъ, желая отомстить татарамъ за смерть своего друга, при-

Digitized by Google

казываетъ казакамъ и стрѣльцамъ снаряжаться въ походъ противъ Кучума; но воеводы противорѣчатъ этому. — «...Съ ослушниками, — говоритъ атаманъ воеводамъ, — я сумѣю справиться по-своему, по-казацки, въ мѣшокъ да въ воду»... Но походъ этотъ не состоялся, казакамъ самимъ пришлось защищаться въ городкѣ Сибири отъ громадной толпы татаръ, которые и были прогнаны съ большимъ для нихъ урономъ. Невесело потекли дни для Ермака Тимоѳеевича, тяжелыя, нерадостныя предчувствія тяготятъ его душу; дружина казацкая отъ многочисленныхъ сраженій сильно порѣдѣла. «Теперь, — думалось атаману, — вотъ насъ и такъ одинъ, другой, да и обчелся, а придетъ время, и скоро придетъ, когда ни одного изъ насъ не останется здѣсь, и будутъ всѣмъ владѣть да распоряжаться нашей добычей вотъ эти самые бояре, а какой толкъ выйдетъ изъ этихъ распоряженій?!». Однако, не такъ безотрадно было положеніе Ермака: слава его побѣдъ надъ татарами и ихъ царемъ Кучумомъ далеко распространилась по Сибири; къ атаману являлись представители разныхъ инородцевъ съ выраженіями полной покорности, приносили богатый ясакъ; одинъ туземный князь даже предлагалъ Ермаку въ жены свою дочь.

Но вотъ наступаетъ и трагическая кончина славнаго сибирскаго завоевателя. Въ одинъ изъ своихъ походовъ вверхъ по Иртышу Ермакъ съ небольшимъ (40 человѣкъ) отрядомъ погибъ отъ злой руки татаръ.

Въ заключительныхъ главахъ своего романа авторъ описываетъ печальное, исполненное бѣдствій положеніе русскихъ воиновъ въ Сибири послѣ внезапной гибели славнаго атамана. Вотъ таково въ главныхъ чертахъ содержаніе романа г. Чмырева. Видно, что авторъ несомнѣнно изучалъ акты и лѣтописи о завоеваніи Сибири; напр., изъ Ремезовской лѣтописи заимствовалъ татарскія преданія о Ермакѣ, о Кучумѣ, и вообще построилъ весь свой разсказъ на историческихъ данныхъ, не измышляя какихъ нибудь совсѣмъ небывалыхъ эпизодовъ. Но за то въ романѣ совершенно почти не затронута историко-этнографическая, бытовая сторона минувшей эпохи; поэтому разсказъ выходитъ очень сухой, почти производитъ впечатлѣніе обыкновеннаго историческаго, и притомъ не совсѣмъ искусно составленнаго, разсказа, а никакъ не историческаго романа: авторъ, даже при нашихъ скромныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ ему, могъ бы, напр., на сколько позволяютъ источники, представить намъ картины казацко-разбойничьяго житья, обычаи и строй жизни древнихъ волжскихъ разбойниковъ, ихъ набѣги, разбои и грабежи; дѣятельность именитыхъ людей Строгановыхъ, этихъ въ своемъ родѣ замѣчательныхъ колонизаторовъ, также слѣдовало бы представить и полнѣе, и рельефнѣе. О Сибирскомъ царствѣ, о татарахъ, о Кучумѣ, въ романѣ рѣшительно нѣтъ ни одной живой черты, по которой читатель могъ бы составить себѣ какое нибудь о нихъ наглядное представленіе. Вмѣсто всего этого, на что авторъ долженъ бы былъ обратить вниманіе, онъ пытается дать картинку изъ времени опричнины Іоанна Грознаго, и, конечно, ничего не выходитъ. Вообще же о такъ называемомъ историческомъ

Digitized by Google

романѣ: «Атаманъ волжскихъ разбойниковъ Ермакъ», нужно сказать, что это совсѣмъ не историческій романъ, какъ его понимаютъ, а обыкновенный историческій разсказецъ, даже плохой съ научной точки зрѣнія, уснащенный неинтересными quasi-беллетристическими подробностями и совершенно излишне растянутый на цѣлыя четыре части.

А. О.

Черные богатыри. Жизнь рудокоповъ подъ землей (по книгѣ Симонена «La vie souterraine» и др.). Е. Конради. Съ 55 рисунками. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1885. Ц. 2 руб.

Забытый рудникъ. Разсказъ В. И. Немировича-Данченко. Москва. 1884. Ц. 15 коп.

Есть область жизни, есть очень значительная группа русскаго рабочаго люда, которыхъ совершенно не касались въ своихъ произведеніяхъ наши писатели-народники, такъ много давшіе для ознакомленія съ жизнью крестьянина-хлѣбопашца, кулака-промышленника и всякаго оторваннаго нуждой отъ земли люда, собирающагося въ городахъ и фабричныхъ центрахъ. Эта нетронутая область—горные промыслы, жизнь горнозаводскихъ рабочихъ. Въ виду этого пробѣла двѣ выше названныя книги заслуживаютъ особаго вниманія. Небольшой разсказъ Немировича-Данченко «Забытый рудникъ» уступаетъ въ художественности прекрасному разсказу того же автора «Махмудкины дѣти», но все же оставляетъ очень сильное впечатлѣніе художественными описаніями «подземнаго міра» и подробностями жизни рудокоповъ. Главное лицо въ разсказѣ—старикъ Иванъ. Онъ родился въ штольнѣ, гдѣ былъ задавленъ обваломъ его отецъ, и въ томъ же рудникѣ при новомъ обвалѣ лишился онъ и матери. Молчаливымъ помѣшаннымъ старикомъ продолжаетъ Иванъ подъ землей тяжелую работу, отнявшую у него все дорогое. Однажды его вмѣстѣ съ другими рабочими засыпаетъ въ штольнѣ обвалъ. Обезумѣвшіе отъ ужаса рудокопы теряютъ надежду на спасеніе. Къ Ивану же въ эти критическія минуты возвращается сознаніе: онъ припоминаетъ ему одному извѣстный выходъ чрезъ старый давно заброшенный рудникъ, въ которомъ онъ работалъ въ молодости. Старикъ зоветъ за собой товарищей и выводитъ ихъ изъ-подъ земли. Самъ онъ идетъ въ состояніи какого-то экстаза: ему кажется, что путь ему указываетъ Самъ Христосъ, зовущій его къ себѣ. Серьезный тонъ разсказа, показывающій гуманное чувство, съ которымъ относится авторъ ко всему описываемому, нигдѣ не уступаетъ мѣста фельетонному тону, непріятно поражающему въ другихъ произведеніяхъ того же автора, гдѣ онъ касается серьезныхъ вопросовъ общественной и народной жизни. Не смотря на трудности, представляемыя художественными описаніями и литературнымъ языкомъ, разсказъ этотъ, попавъ въ руки рабочихъ на каменно-угольныхъ копяхъ въ Екатеринославской губерніи, читался ими, какъ намъ извѣстно, съ увлеченіемъ. Можно только пожелать найдти ему побольше читателей изъ той же среды и въ другихъ подобныхъ же центрахъ.

«Черные богатыри» Е. Конради представляютъ объемистый томъ

Digitized by Google

въ 272 страницы, снабженный прекрасными рисунками и чертежами, поясняющими текстъ. Воспользовавшись солидными источниками, составительница даетъ въ немъ очень полную картину упорнаго подземнаго труда человѣка при добываніи минеральныхъ богатствъ, необходимыхъ для культурной жизни человѣчества. На первыхъ 32 страницахъ мы находимъ очень интересное и живое описаніе жизни первобытнаго человѣка, въ тотъ ранній періодъ, когда онъ не зналъ еще употребленія огня и металловъ. Описаніе это заканчивается оцѣнкой подвиговъ двухъ различныхъ типовъ богатырей—Геркулеса, Ильи Муромца и Прометея, Туболкаина (миѳическаго изобрѣтателя плуга). Далѣе слѣдуетъ описаніе устройства штоленъ и шахтъ; исторія борьбы человѣка съ землей, водой, огнемъ и газами; исторія научныхъ изобрѣтеній, все болѣе и болѣе утверждающихъ власть человѣка надъ грозными силами природы; описаніе каменно-угольныхъ и соляныхъ копей; работъ надъ рудой на поверхности земли—устройство доменной печи и пароваго молота, приготовленія чугуна и стали, добыванія золота и т. п. Обо всемъ этомъ сообщается очень много интересныхъ свѣдѣній, но на первомъ планѣ у автора не эти свѣдѣнія, не восхваленіе успѣховъ человѣческой изобрѣтательности, а ознакомленіе съ жизнью человѣка-труженика, того чернаго богатыря, руками котораго добываются всѣ блага цивилизаціи.

Сообщается о вліяніи работы въ рудникахъ на здоровье рабочихъ, о работѣ женщинъ и дѣтей, статистика смертности, факты изъ жизни рудокоповъ, указывающіе на тѣ черты характера, какія развиваетъ жизнь среди вѣчныхъ опасностей. Это направленіе труда г-жи Конради придаетъ книгѣ особое значеніе и интересъ. Она является едва ли не единственной въ нашей популярной литературѣ книгой, отвѣчающей не только на вопросъ: «какъ и изъ чего это дѣлается?»—но также на другой несравненно болѣе важный вопросъ, а именно: «какъ живутъ люди, добывающіе и создающіе своими руками всѣ эти чудеса и блага современной цивилизаціи».

Свѣдѣнія о горномъ промыслѣ въ Россіи, о бытѣ рабочихъ въ Сибири и на уральскихъ горахъ, крайне скудны сравнительно съ тѣмъ, что сообщается о другихъ государствахъ. Это, конечно, слѣдуетъ объяснить бѣдностью источниковъ объ этомъ предметѣ въ нашей литературѣ. «Черные богатыри» прочтутся съ большимъ интересомъ взрослыми, хотя книга и предназначена составительницей для юношества; она должна въ особенности заинтересовать сибирскую интеллигенцію, такъ-какъ въ Сибири горное дѣло является весьма важнымъ промысломъ. И пусть сообщаемое книгой лишній разъ напомнитъ многимъ о неприглядной жизни тѣхъ, кому обязаны они своимъ благополучіемъ, напомнитъ о нравственномъ долгѣ, время уплаты котораго давно уже настало.

А. К.

Бабья доля. (Разсказъ крестьянки). Разсказъ этотъ, изданный нынѣ для народа книжкой въ 72 стр. и цѣною въ 6 коп., ранѣе былъ помѣщенъ въ «Вѣстникѣ Европы» и принадлежитъ перу. Т. А. Кузьмин-

Digitized by Google

ской. Фабула разсказа замысловата и не вполнѣ естественна, но въ данномъ случаѣ она отходитъ на задній планъ и мало интересуетъ читателя: предъ его глазами представляются яркія бытовыя картины народной жизни и ея горемыки-бабы. Отъ начала до конца разсказа васъ поражаетъ та масса горя, которая выпадаетъ на долю простой женщины. Разсказъ начинается принужденнымъ замужествомъ за немилаго, когда былъ милый.

— «Чего плачешь? Не ты первая, не ты послѣдняя. Не всѣмъ за хорошихъ выходить, Богъ дастъ, и хорошо поживете.» Такъ говоритъ устами отца героини-бабы логика народной жизни, а жертва безропотно подчиняется: «видно, не моя воля, пропили меня».

Далѣе идетъ разсказъ о свадебныхъ обрядахъ, часто возмущающихъ душу, гдѣ жертвой является та же баба; затѣмъ идетъ жизнь съ нелюбимымъ мужемъ и со злою свекровью. Свекровь мало того, что наваливаетъ всю работу на горемычную бабу, но еще дѣлаетъ попытку устроить полюбовную связь своей невѣстки съ своимъ братомъ-солдатомъ, только-что вернувшимся въ деревню. Мужъ постоянно отсутствуетъ, и это благопріятствуетъ паскуднымъ замысламъ свекрови. Анисья, такъ звали бабу, о которой ведется разсказъ, всѣми силами своей невинной души возстаетъ противъ желаній свекрови, и съ этого времени начинаетъ жить по истинѣ каторжной жизнью. Преслѣдованія свекрови довели ее съ мужемъ до батрацкой жизни, но горе и здѣсь шло неотступно за бабьей долей. На тѣхъ страницахъ, гдѣ описываются роды и смерть ребенка, невольно надрывается душа надъ безъисходностью горя. Свекровины сплетни и попреки не давали покоя, а бѣдность толкнула мужа на путь преступленія. Данило, мужъ разсказчицы, по уговору другихъ крестьянъ, совершилъ кражу; начальство признало его преступникомъ, а горемычная баба только «несчастнымъ». Данилу сослали въ Сибирь.

— «Анисьюшка, не покинь меня, иди со мною, родная. Тамъ, говорятъ, жить можно. И запало это мнѣ въ сердце, и сама не знаю— идти, нѣтъ ли? Станетъ онъ просить, я и пообѣщаю ему. А дома иль на міру стану сказывать, что съ Данилой на поселенье пойду, стращаютъ меня, разговариваютъ:—Куда ты это, говорятъ, съ малыми ребятами пойдешь? Ихъ загубишь и ему въ тягость будешь. А тутъ еще мнѣ Богъ дочку далъ, и съ мѣсяцъ я Данилу не видала, нездорова была. Сама не знаю, какъ быть. Ужъ очень онъ у меня въ душѣ былъ; никогда такъ не любила его. Жалко его да и все». И Анисья рѣшила раздѣлить участь своего злополучнаго мужа, прежде нелюбимаго, но котораго общее горе и несчастье и простое его сердце заставили полюбить. Здѣсь отразилась лучшая черта человѣчности: любовь въ черные дни, а не въ красные. Начинается обычное странствіе по тюрьмамъ и этапамъ. Здѣсь горю нѣтъ границъ. Если прежняя жизнь походила сколько нибудь на человѣческую, то тюремная и вида ея не имѣла.

— «Народу насъ—словно скотина нагната... На ночь въ колидоръ сгоняютъ. Тѣснота, сами лечь не можемъ. Хоть ребятенокъ на вещи положишь, а они, согнутые, спать не могутъ, и всю-то ночь черезъ

Digitized by Google

нихъ шагаютъ... А въ колидорѣ 6 кадушекъ для нечистотъ стоятъ, «парашками» называются. И вонь такая, что не продохнешь»...

Въ самомъ началѣ пути умеръ одинъ ребенокъ. Впрочемъ онъ еще не успѣлъ умереть, какъ его забрала въ число умершихъ «нянюшка».

— «Господи, жива еще!—говорю.—Нянюшка, подождите обмывать! А нянька:

— «Шабашъ, шабашъ теперь!—И давай её обливать, а потомъ и въ подвалъ понесла. Я ей ручки сложила и глазенки закрыла. Плачу дюже такъ, а выть не велятъ.

— «Нянюшка,—говорю, догоняя ее,—пустите меня въ церковь, когда будутъ погребальню служить. А она мнѣ:—Наберутъ десять гробовъ, тогда васъ пустятъ»... Но, оказывается, и этого сдѣлать не дали.

Привезли въ Пермь. На баржѣ, благодаря обычнымъ причинамъ, заболѣли дѣти, и несчастную бабу забрали въ больницу. «Смотритель вводитъ въ камеру. Видимъ, лежитъ тамъ цыганка растрепанная, глаза выпучила и кричитъ на неизвѣстный голосъ. Спрашиваетъ смотритель: — Гдѣ тутъ мѣсто свободное, койка нужна?

— «Нѣту, ваше благородіе, всѣ заняты.

— «Надо освободить,—говоритъ смотритель.

— «Нешто вотъ тутъ,—говоритъ сторожъ:—ослобонить можно; померла часъ тому назадъ женщина.

— «Ну, живѣй,—говоритъ смотритель.—Освобождай!

«Сейчасъ это, видимъ, мертвую стащили въ сѣнцы; женщина старая, сѣдая ужъ была; кирпичъ ей подъ головашки положили и говорятъ мнѣ:

— «Ну, вотъ тебѣ койка, клади дѣтей. Я-то сама третья, а койка про одного только. Жутко мнѣ, стою, съ мѣста не двигаюсь, думаю: и одѣяло, и подушка изъ-подъ мертвой, какъ я дѣтей положу?

«Ребятенки не ѣдятъ ничего. Чайку бы съ хлѣбцемъ поѣли. Да просишь няньку воды кипяченой дать, а она не даетъ—злая попалась. Бога не боится. Душа запеклась у дѣтей, пить просятъ.

«А нянька возьметъ кружку, напоитъ цыганку, а ее блюетъ, а потомъ ту жъ кружку дѣтямъ-то подноситъ. Не то пить, не то блевать. Вонь отъ этой цыганки — душа съ тѣломъ разстается, ничего не очищаетъ ея нянька; а лѣкарь, когда придетъ, а когда — нѣтъ. Не чаяли, когда и выкатиться отсюда. Девять денъ тутъ жили; наконецъ-то, дѣтямъ легче стало, и выписались мы.

«Вышли на улицу, а ступать они черезъ силу могутъ.—Дѣтушки, шепчу имъ, родименькія, приневольтесь, пошибче, пошибче идите.—Боюсь, что опять ихъ въ больницу возьмутъ».

Такихъ картинъ немало, или, вѣрнѣе, весь путь состоитъ изъ подобныхъ возмущающихъ душу картинъ. Въ лицѣ ссыльнаго, въ лицѣ его горемычной бабы, никто не видитъ человѣка. Исторія Анисьи кончается тѣмъ, что во время пути до Тюмени Данило вывалился изъ телѣги и разбился, а затѣмъ, благодаря опять-таки взгляду, что ссыльный не человѣкъ, онъ, оставленный безъ всякой медицинской помощи, даже лишенный ухода жены, умираетъ.

Digitized by Google

— «Стала больничнаго солдата просить: Аѳанасій Гаврилычъ, помретъ онъ скоро, пусти меня ночевать къ нему.

— «Никакъ этого нельзя, не полагается»...

Данило умеръ. Когда несли его утромъ мимо женскаго отдѣленія, Анисья увидала.

— «Родименькіе, пустите, мужъ померъ, пустите, пронесли сейчасъ.

— «Не полагается, говорятъ, ступай».

Послѣ смерти Данилы, Анисья, оставленная на полный произволъ судьбы, на чужой сторонѣ, рѣшилась вернуться на родину. Испытавъ еще массу горя, она тѣмъ же этапнымъ путемъ достигла желанной цѣли.

Мы остановились слишкомъ долго на этомъ разсказѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, бабья доля въ Сибири ничѣмъ особенно не отличается отъ доли русской бабы, а потому все сказанное относится и къ нашему краю. Недавно еще Г. И. Успенскій обратилъ особенное вниманіе русскаго общества на бабьи стоны, а рецензируемый нами разсказъ крестьянки служитъ хорошей иллюстраціей къ его словамъ. Пора русскому обществу серьезно взглянуть на положеніе женщины въ русской народной средѣ. Положимъ, доля Анисьи не есть доля каждой бабы, но никто не будетъ отрицать, что всѣ невзгоды житейскія, а въ крестьянскомъ мірѣ ихъ нѣсть числа, отзываются больше на женщинѣ, благодаря ея порабощенному состоянію.

Во-вторыхъ, въ лицѣ Анисьи предъ нами рисуется одинъ изъ тѣхъ героическихъ образовъ женщинъ, которыя идутъ въ Сибирь за своими «несчастными» мужьями. Онѣ идутъ туда не зло творить. Перенося неимовѣрныя невзгоды и бѣды, онѣ не покидаютъ «несчастнаго человѣка» въ его черные дни. Высшій предѣлъ человѣческой любви едва ли есть. Если покойный Некрасовъ воспѣлъ Трубецкихъ и Волконскихъ, то горемычная простая женщина, въ лицѣ Анисьи, не менѣе достойна пѣсни поэта.

К. М.

Историческій очеркъ Сибири. Т. II. Сост. В. К. Андріевичъ.

Давая реценаію въ прошлой книжкѣ «Сборника» о первомъ историческомъ трудѣ почтеннаго автора *), мы позволили себѣ высказать нашъ взглядъ на трудность историко-литературной работы въ такихъ провинціальныхъ пунктахъ, гдѣ нельзя имѣть всѣхъ пособій и ранѣе изданныхъ матеріаловъ. Мысль наша находитъ подтвержденіе въ новомъ трудѣ того же автора, заглавіе котораго нами приведено выше. Авторъ, отказавшись отъ первой своей мысли написать исторію Забайкальской страны и рѣшившись посвятить свое сочиненіе всей Сибири, встрѣтилъ видимо существенное препятствіе въ отсутствіи многихъ цѣнныхъ историческихъ трудовъ, которые всѣ вкупѣ дали бы возможность выполнить вполнѣ обстоятельно предпринятый имъ трудъ. Это обстоятельство привело автора къ мысли написать историческій очеркъ Сибири только по даннымъ, представляемымъ Полнымъ Собраніемъ Законовъ.

*) «Пособіе для написанія исторіи Забайкалья».

Digitized by Google

Въ виду положительнаго отсутствія разработанныхъ архивныхъ матеріаловъ, подобной мысли создать исторію на основаніи законодательныхъ актовъ страны можно было бы безусловно симпатизировать, если бы исторія самой Сибири и ея законодательства не представляла особаго изъ ряда другихъ странъ исключенія. Дѣло въ томъ, что сибирская жизнь и ея законодательство, особенно въ позднѣйшіе періоды, представляютъ два разныя теченія. Если еще въ первое время, когда русская народность въ Сибири была малочисленна, когда русская правящая власть сталкивалась съ совершенно своеобразнымъ, отличнымъ отъ Руси міромъ, могли являться законодательные акты, характеризующіе относительно вѣрно жизнь страны и ея требованія, то, въ дальнѣйшемъ теченіи, когда Сибирь явилась въ глазахъ всѣхъ отсталой русской провинціей, когда къ ней стали примѣнять законоположенія, практиковавшіяся и часто отживающія свой вѣкъ въ Европейской Руси, притомъ отнюдь не вытекающія изъ дѣйствительныхъ требованій сибирской жизни, а зачастую являющіяся результатомъ дѣятельности рутинной бюрократіи, тогда жизнь и законодательство рѣдко являются вполнѣ солидарными, тѣмъ болѣе, что населеніе лишено было представительскихъ учрежденій. При подобныхъ условіяхъ историкъ-изслѣдователь вступаетъ въ дремучій лѣсъ и невольно можетъ впасть въ грубыя ошибки, если будетъ лишенъ возможности сопоставить разсматриваемые факты съ подобными же фактами, добытыми изъ другихъ источниковъ. Вотъ почему крайне желательно въ настоящее время имѣть простой сборникъ законодательныхъ актовъ о Сибирскомъ краѣ, или исторію законодательства этого края, и въ то же самое время приходится съ меньшей вѣрою относиться къ попыткѣ создать картину жизни по одному только Полному Собранію Законовъ, пока акты не будутъ подвергнуты надлежащей критической оцѣнкѣ.

Но эти строки сказаны отнюдь не для умаленія значенія труда В. К. Андріевича, такъ какъ, во-первыхъ, настоящій трудъ его захватываетъ періодъ съ 1700 года до воцаренія Елисаветы Петровны, (до 1741 года), т. е. сравнительно ранній періодъ нашей исторіи, а, во-вторыхъ, подобный трудъ теряетъ только значеніе, какъ систематическій курсъ исторіи края, но никто отъ него не отнимаетъ права на значеніе цѣннаго пособія для будущаго составителя Сибирской исторіи. Такъ смотритъ на свой трудъ и почтенный авторъ. Это матеріалы, это пособіе, но не полная исторія края. Трудъ раздѣляется на слѣдующія главы: административное дѣленіе Сибири и установленіе мѣстной администраціи; мѣры заселенія края, населенность, переписи 1710 и 1719 г.; рекрутскіе наборы и участіе Сибири въ содержаніи войска и производствѣ государственныхъ работъ; торговля съ Китаемъ и денежныя дѣла; горное дѣло; мѣры для уничтоженія лихоимства; духовныя дѣла; общій очеркъ внутренняго быта сибирскаго населенія. Работа произведена авторомъ достаточно полно и вполнѣ умѣло, и рецензируемый нами трудъ безусловно является хорошимъ вкладомъ въ сокровищницу исторической литературы о Сибири. Однако, дѣлая должную оцѣнку, мы не можемъ не пожалѣть, что авторъ, будучи не въ силахъ ограничиться однимъ Полнымъ Собраніемъ Законовъ и пользуясь

Digitized by Google

(весьма правда ограниченно) нѣкоторыми матеріалами изъ такихъ трудовъ, какъ «Хронологическій перечень» Щеглова, «Сибирь и Каторга» Максимова, «Сибирь какъ колонія» Ядринцева, въ то же самое время упустилъ изъ виду болѣе цѣнный для исторіи этого времени сборникъ архивныхъ документовъ, обработанный Г. Н. Потанинымъ, который можно было имѣть и въ провинціи, такъ какъ онъ отпечатанъ въ трудахъ историческаго Общества, состоящаго при Московскомъ университетѣ, и не составляетъ особой библіографической рѣдкости; а равнымъ образомъ авторомъ не приняты во вниманіе не такъ давно вышедшіе 2 тома «Памятниковъ Сибирской исторіи XVIII вѣка».

К. М.

Матеріалы для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ. Вып. I. **Матеріальное право.** Изд. Семипалатинскаго статистическаго комитета. 1886.

Россія, подчиняя подъ свою могучую руку различныхъ сибирскихъ инородцевъ, сталкивалась съ міромъ новыхъ, невѣдомыхъ ей юридическихъ воззрѣній, обычаевъ и устоевъ, игнорировать которые не представлялось возможности. Для водворенія спокойствія необходимо было отрѣшиться отъ рѣзкой ломки вѣковыхъ соціальныхъ устоевъ и предоставить покореннымъ инородцамъ управляться по прежде дѣйствовавшимъ у нихъ законамъ обычнаго права. Однако, сознавая трудность управленія инородческими массами, при отсутствіи писанныхъ законовъ, правительство дѣлало попытки еще въ 20-хъ годахъ создать особый кодексъ обычнаго права. Изъ «Сборника обычнаго права сибирскихъ инородцевъ» Д. Я. Самоквасова мы знаемъ, что первые труды по составленію подобнаго свода были сдѣланы высшею мѣстною администраціей, при участіи инородческихъ властей. Были собраны данныя объ обычаяхъ калмыковъ и татаръ Бійскаго округа, инородцевъ Кузнецкаго округа, вогуловъ, остяковъ, самоѣдовъ, тунгусовъ, бурятъ всѣхъ вѣдомствъ (за исключеніемъ кударинскихъ), якутовъ и киргизовъ. Во время составленія общаго свода законовъ предполагалось, на основаніи собранныхъ данныхъ, обработать особый сводъ инородческихъ законовъ, что и было поручено нѣкоему д. с. с. Величко. Но въ концѣ концовъ оказалось, что свода никакого составлено не было, даже подлинныхъ матеріаловъ впослѣдствіи не могли нигдѣ разыскать и, только благодаря любознательности сенатора Губе, въ свое время снявшаго копіи съ этихъ документовъ, они сдѣлались достояніемъ печати въ видѣ особаго сборника, изданнаго Варшавскимъ университетомъ, подъ редакціей профессора Самоквасова. Благодаря подобному казусу, инородцы до сихъ поръ управляются частью по отрывочнымъ статьямъ, вошедшимъ въ общій сводъ законовъ, а частью, и главнымъ образомъ, по своимъ обычаямъ. Однако, если нѣтъ рѣшительно возможности создать особый сводъ инородческихъ обычныхъ законовъ, то знать эти правовые обычаи для администраціи необходимо. Подобную попытку собрать данныя по обычному праву киргизовъ предприняла семипалатинская администрація, при посредствѣ своего статистическаго комитета и уѣздныхъ начальниковъ.

Digitized by Google

Предъ нами лежитъ первый выпускъ того труда, заглавіе котораго мы привели въ началѣ нашей рецензіи. Выпускъ заключаетъ въ себѣ матеріальное право киргизовъ Семипалатинскаго, Павлодарскаго и Каркаралинскаго уѣздовъ. Въ него вошли: семейное право, имущественное право и уголовное. Нужно отдать полную справедливость составителю этого выпуска, П. Е. Маковецкому, за его вполнѣ умѣлую работу. Сравнивая данныя, приведенныя въ этомъ выпускѣ, съ таковыми же, находящимися въ сборникѣ Самоквасова, приходится отмѣтить особую полноту и тщательную систематизацію. При обработкѣ матеріаловъ было обращено особое вниманіе на возможно точное отдѣленіе старыхъ обычаевъ отъ новыхъ, явившихся подъ вліяніемъ магометанскаго шаріата и послѣднихъ русскихъ законовъ о степныхъ областяхъ. Включеніе по возможности указаній на старые законы, установленные, какъ гласитъ преданіе, ханомъ Азь-Тауке, собравшимъ для этого семь біевъ и въ томъ числѣ мудраго Туле Алиббекова, придаетъ особенную цѣнность труду въ научномъ отношеніи. Эти обычаи не были записаны, но составители облекли ихъ въ форму краткихъ изрѣченій и пословицъ, въ значительной части сохранившихся до сихъ поръ между киргизами и пользующихся всеобщимъ уваженіемъ.

Но, помимо практическаго значенія для Россіи, изученіе обычаевъ сибирскихъ инородцевъ крайне важно для науки. «Какъ натуралистъ, изслѣдуя законы вещественной природы, начинаетъ съ тѣхъ частицъ, которыя составляютъ простѣйшіе элементы физическаго тѣла или явленія, такъ ученый юристъ, изслѣдуя законы, управляющіе обществомъ, долженъ начинать съ простѣйшихъ соціальныхъ формъ»,—говоритъ знаменитый Мэнъ *). Въ послѣднее время обращено особенное вниманіе на изученіе обычнаго права; только наша Сибирь, представляющая обширное поле для изслѣдованій, рѣдко видитъ такія работы, какъ трудъ Семипалатинскаго статистическаго комитета, трудъ цѣнный и по своему достоинству вполнѣ отвѣчающій научнымъ требованіямъ.

Комитетъ обѣщаетъ слѣдующій выпускъ, который будетъ заключать въ себѣ систему взысканій по преступленіямъ и проступкамъ и обычаи, касающіеся процесса (присяга, свидѣтельскія показанія).

К. М.

Перечень западно-европейскихъ сочиненій объ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи за 1884 и 1885 года.

Amgun. Eine Fahrt auf dem Flusse. Globus. 1884. XLVI. № 20, стр. 310—312.

Deniker, J. Les Ghiliaks, d'après les derniers renseignements. 8°. Paris. Leroux. 1884, стр. 26.

Ekama. Das Polarlicht im Karischen Meere während der Ueberwinterung. 1882—1883. (Ztschr. d. Oesterr. Gesellsch. f. Meteorologie. 1884, стр. 482).

---

*) Maine. Ancient Law, p. 119.

Digitized by Google

Hovgaard, A. P. Dijmphna—expeditionen 1882—1883. Rapporter til Dijmphna's rheder. Aug. Gamel. 8°. Kopenhagen. 1884.

Hovgaard, A. P. Die Eiszustände im Karischen Meer (Petermanns Mitt., 1884, стр. 253, съ картами).

Knortz, R. Eines deutschen Matrosen Nordpolarfahrten. 8°, 48 стр. Zürich, Verlagsmagazin, 1884.

Lauridsen, P. Vitus. Berings erste Expedition und das Vorgebirge Serdze Kamen (Petermanns Mitt., 1884, стр. 259).

Mohn, H. Das sibirische Eismeer im Jahre 1878. (Petermanns Mitt., 1884, стр. 250, съ картами).

Petri, E., d-r. Auswanderungsfrage in Russland (Ausland. 1884. № 48 и 49).

Petri. Poljakows Reisen auf Ssachalin und Litteratur über Ssachalin (Zeitschrift f. wissenschaftl. Geogr. 1884).

Petri, E. Ssachalin. (Jahresbericht d. Geogr. Gesellsch. v. Bern 1883—1884, стр. 129—143).

Pettersen, K. Det europaeiske Polarhav i sommeren 1884. (Ymer 1884, стр. 223—232, съ картою).

Poljakow, J. S. Reise nach der Insel Ssachalin in den Jahren 1881—1882. 8°, 134 стр. Berlin, Asher & C. 1884. (Перев. Prof. Dr. A. Arzruni).

Radloff, W. Aus Sibirien. 2 тома. Leipzig, Weigel. 1884.

Runeberg, R. Eine Expedition zur Angara 1883. (Deutsche Geogr. Blätter. Bremen 1884, VII, № 3, стр. 252—275, съ 2 картами).

Sibirjakow. Expedition nach Sibirien für 1884. (Globus, 1884, XLVI, № 21, стр. 334—335).

Stanton. Russia's Gold Production. (United States Consular Reports, Washington, 1884, № 45).

Törnebohm. Under Vega-expeditionen insamlade bergarter. 8°, 115—140 стр. (Оттискъ изъ «Vega-expeditionens vetenskapliga jaktagelser», т. IV. Stockholm, 1884).

Winkler, H. Uraltaische Völker und Sprachen, 8°. Berlin, Dümmler, 1884.

Brückner. Ueber die Vergletscherung Ostsibiriens. (N. Jahrb. f. Miner. etc., Stuttgart, 1885, т. I, стр. 236).

Due. Der Anckerplatz (Annalen der Hydrographie. Berlin, 1885. №. 2, стр. 122).

Fritsche, H. Beitrag zur Geographie und Lehre vom Erdmagnetismus Asien und Europas (Peterm. Mitt. Ergänzungsheft, №. 78. Gotha, 1885, съ картами, 73 стр.).

Giappone e. Siberia. Note d'un Viaggio all'Estremo Oriente al seguito di S. A. R. il Duca di Genova, del Conte Luching dal Verme. Milano. Fratelli Tréves, 1885, съ картами.

Melville, G. W. In the Lena-Delta. 8°, съ картами. New-York, Houghton, 1885.

Digitized by Google

Nassakin, S. Sibiriens Industrieverhältnisse. (Oesterr. Monatsschr. f. d. Orient. Wien, 1885, т. XI, стр. 110).

Nordenskiöld, A. E. Bemötande af anmärkningar, som riktats mot min skildring af Vegas färd kring Asien oct Europa. (Ymer. 1885, стр. 246—267, съ картами).

S. Nordensiöld. Studien und Forschungen, veranlasst durch meine Reisen im hohen Norden. Leipzig, Brockhaus, 1885.

Ob und Jenissei. Ueber die Herstellung einer Wasserstrasse zwischen. (Globus 1885, XLVII, №. 50, стр. 311, съ карт.).

Pettersen, K. Det europaeiske Polarhav i sommeren 1885. (Ymer, 1885, стр. 229—245, съ картою).

Runeberg, R. En expedition till Angara (Ymer, 1885, стр. 89—112, съ картами).

Somier, St. Un'estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirèni, Tatari, Kirghisi e Baskiri. 8°, 634 стр. съ 3 картами. Roma. Loescher. 1885.

Stejneger, L. Results of ornithological explorations in the Commander Islands and Kamtschatka. 8°, 382 стр. Washington. 1885.

— Eine Umsegelung der Bering-Insel. (Deutsche Geograph. Blätter, 1885, VIII, № 3, стр. 225, съ картами).

Vàmbéry, A. Das Türkenvolk. 8°. Leipzig. Brockhaus. 1885.

Verslag van de Zevenden tocht van de Willem Barents naar de Noordelijke Ijszee. 8°. Haarlem. Tjeenk Willink. 1885, съ картою.

Wrangel, Ferd. v. Reisen längs der Nordküste von Sibirien 1820—24, изд. дочерью покойнаго L. v. Engelhardt. 8°, 212 стр., съ картою. Leipzig. Duncker & Humblot. 1885. Новое, отчасти сокращенное изданіе.

Woeikof. Bemerkungen über die Temperatur der ostasiatischen Inselreihe. (Oesterr. Met. Zeitschr., Wien. 1885. T. XX, стр. 1).

Bonvalot, G. En Asie Centrale. De Moscon en Bactriane. 8°, 309 стр., съ картою. Paris. Plon, Nourrit et C°. 1884.

Gattegrias, I. A. A travers l'Asie centrale. 8°. 280 стр. Paris. 1884.

Geiger, W. Der Serafschan-Distrikt in Russisch-Turkestan. («Ausland», 1884, № 38, стр. 741—748).

Gheyn, J. van den. La géographie politique de l'Asie centrale. (Bull. Soc. R. géogr. Anvers. 1884, IX, № 1, стр. 16—23).

Marvin, Ch. The Russian Annexion of Merw. 8°. London. Allen. 1884.

Michell, R. The regions of the Upper Oxus. (Proceed. R. Geogr. Soc. 1884, № 9, стр. 489—512).

Morgan, E. D. Notes on the recent geography of Central Asia; from Russian sources. Supplem. Papers. (R. Geogr. Soc. 1884. I, № 2, стр. 203—263, съ картою).

Nüesh, J. Mosers Reisen in Zentralasien. (Jahresbericht der Geogr. Gesellsch. Bern. 1883—1884, стр. 231—251).

Digitized by Google

Sachan. Merw (Verhandl. d. Gesellsh. f. Erdkunde zu Berlin. 1884. № 3, стр. 147—154).

Teuffel, Fr. L. Quallenstudien zur neueren Geschichte der Chanate (Zeitschr. der deutshen Morgenländishen Gesell. 1884, стр. 235).

Transkaspien. Höhen, bestimmt von Gladyschew. 1881—1882. (Verhandlungen d. Gesell. f. Erdkunde. Berlin. 1884, № 6, стр. 296—298).

Vambéry, H. Moser, der neueste zentralasiatische Reisende. (Globus. 1884. XLVI, № 21 ff.).

Venukoff, M. L'état actuel de la Turcménie à propos de l'annexion de Merw. (Revue de géogr. Drapegron. 1884, № 4, стр. 258—268, съ картою).

Bartholomew. I., Central Asia 1:6,500,000. G. Philip and son. London und Liverpool. 1885.

Benoist-Méchin. Voyage à travers le Turkestan. (Bull. Soc. Géogr. Paris. 1885, № I, стр. 4, съ картою).

Bonvalot, G. En Asie Centrale, du Kohistan à la Caspienne. 18° 300 стр., съ картою. Paris. Plon, Nourrit et C°. 1885.

Dupin. La Transcaspie et l'Afghanistan. (Revue Soc. géogr. Tours. 1885. II. № 5, стр. 162).

Fox, W. R. Afghanistan 1:633,360. 1885. (Карта).

Freytag, G. Afghanistan 1 : 2,100,000. Wien. Hartleben. 1885. (Карта).

Holdich, T. H. Afghan-Boundary Commission (Proceedings of the R. Geogr. Soc. 1885, стр. 39, 160, 273).

Iaworskij, I. L. Reise der russ. Gesandtshaft nach Afghanistan und Buchara in den Jahren 1878—1879. Перев. E. Petri. 8°. 2 тома, 427+394 стр., съ картами. Jena. Costenoble. 1885.

W. u. A. K. Johnston. Russo-Afghan Boundary Question. 1:3,550,000. Edinburgh and London. 1885. (Карта).

Kirchhoff, A. Die Nichtexistenz einer Oxusmündung ins Kaspische Meer während des Alterthums. (Zeitschr. f. Wiss. Geogr., 1885, стр. 270).

Laessoë de. F. Caves and Ruins of Penjdeb (Proceedings of the R. Geogr. Soc., 1885, стр. 583—591).

Lansdell, H. Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merw. 2 тома, 684+732 стр. London. Sampson Low and C°. 1885. (Нѣмецкій переводъ Wobeser'a въ трехъ томахъ изданъ въ 1885 году у Fr. Hirt und Solen. Leipzig).

Petri, E. Iaworskij über Afghanistan u. Buchara (Ausland., 1885, стр. 644, 672.

Regel, A. Die einheimischen u. angebannten Kulturpflanzen des oberen Amu-Dàrian. (Gartenflora, 1885).

Regel, A. Von Tschardschui über Merw nach Pändg und zurück nach Samarkand. (Petermann's Mitt. Gotha. 1885. I. Стр. 21—27).

T. Ruddiman Johnston. Afghanistan 1 : 2,000,000. Edinburgh. 1885. (Карта).

Stum, H. Russia in Central Asia. (Переводъ съ нѣмецкаго

Digitized by Google

изданія 1875 года, трактуетъ о походѣ 1873 года). London. Harrison and Ions. 1885.

Schmidt, Fr. M. Ueber Rubruk's Reise. (Zeitschr. der Gesellsch. f. Erdkunde zu Berlin. 1885, стр. 161—253).

Vàmbéry, A. The Geograph. Nomenclature of the Disputed Country between Merv and Herat (Proceedings etc. 1885, стр. 597—603). Карты.

Wagner, H. Patrokles am Kara-Rugas? (Nachr. d. Kgl. Gesellsch. d. Wissenschaften. Göttingen. 1885, стр. 209).

Составитель библіографіи опустилъ въ своемъ перечнѣ мелкіе рефераты и переводы отдѣльныхъ статей, касающихся успѣховъ русской географической науки и путешествій въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи. Болѣе или менѣе регулярно извѣстія о русской Азіи доставляются парижскому географическому Обществу чрезъ уважаемаго М. И. Венюкова и редакцію «Petermanns Geographische Mitteilungen» чрезъ составителя предлежащей библіографіи. Считаю еще нужнымъ замѣтить, что при перечнѣ сочиненій, касающихся сѣверо-восточнаго морскаго пути въ Сибирь, принято во вниманіе и Карское море, какъ самая важная часть этого пути. Современемъ мы надѣемся дать библіографію странъ, непосредственно прилегающихъ къ Азіатской Россіи.

Профессоръ **Петри.**

Дополнительный списокъ книгъ, картъ и брошюръ о Сибири и сопредѣльныхъ странахъ, изданныхъ въ 1884 году *).

Генеральная карта Азіи. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина (на 6-ти листахъ). Ц. 3 р.

Русская Старина. Историческое изданіе 1883 г. Указатель. Подробная роспись содержанія. Сотрудники. Обзоръ 1870, 1876—1882 гг. Томы XXXVII—XLI.

Живописная Россія. Отечество наше, въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи, подъ общею редакціею П. П. Семенова. Томъ II. Западная Сибирь. Съ 212 рис. въ текстѣ и 13 отд. карт., рисованными на деревѣ. Изд. тов. М. О. Вольфъ. 5,000 экз. Ц. 15 р.

Реклю Э. Россія Европейская и Азіатская. Съ дополн. и исправлен. Томъ II. Азіатская Россія и средне-азіатскія ханства. Съ 63

*) Дополнительные списки за 1885—86 гг. будутъ помѣщены въ слѣдующей книжкѣ «Сборника».

Digitized by Google

рис. и карт. на 3 листахъ. Изд. картограф. зав. Ильина. Спб. 1884. въ 8°, 500 экз.

Савицкій, А., и Шамаринъ, А. Аналитическія работы, произведенныя въ Иркутской золотосплавочной лабораторіи, въ періодъ времени съ 1875 по 1882 г. Спб. 1884. Тип. А. Траншеля. 8 д., 50 экз.

Литературный сборникъ «Волжскаго Вѣстника». Т. I, вып. 1. Каз. 84. Тип. губ. правл. 8 д., 1,200 экз. Ц. 1 р. 20 к.

Новолѣтовъ, М. Калмыки. Историческій очеркъ.

Чмыревъ, Н. Атаманъ волжскихъ разбойниковъ, Ермакъ, князь Сибирскій. Историч. ром. изъ временъ Іоанна Грознаго. Въ 4-хъ ч. М. 1884. Изд. Д. Прѣснова. Тип. Ф. Іогансонъ, 16 д., 6,000 экз.

Ядринцевъ, Н. Культурное и промышленное состояніе Сибири (по случаю торжества 300-лѣтія Сибири). Спб. 84. Тип. Суворина. 8 д. 100 экз.

Атаманъ Кольцо, или разбойникъ раскаявшійся и за свои геройскіе подвиги заслуживший прощеніе. Пов. въ 2-хъ ч. М. 84. Тип. В. Флейштейна, 16 д., 3,600 экз.

Базилевскій, И. Изъ путешествія по Восточной Сибири. Спб. 1884. Синодальная тип. 8 д., 100 экз.

Нижній или Самара? Основанія для рѣшенія вопроса о сибирской дорогѣ. М. 1884. Печатня С. Яковлева. 8 д., 300 экз.

Алабинъ, П. Записка о сибирской желѣзной дорогѣ самаро-уфимскаго направленія. Спб. 84. Тип. сѣв. телегр. агент. 4 д., 300 экз.

Боголюбскій, И. Минусинскій, Красноярскій и Ачинскій округа Енисейской губерніи. Крат. очеркъ въ геологич. и горнопромышлен. отношеніи, съ таблиц. производительности 279 золот. пріисковъ, съ 1834 до 1884 г. Спб. 1884. Тип.-лит. А. Пероттъ. 8 д., 600 экз. Ц. 1 р.

Омулевскій (Ѳедоровъ, И.). Деревенскія пѣсни. Изд. библ. А. Иванова. Спб. 1884. 16 д., 3,000. Ц. 5 к.

Омулевскій (Ѳедоровъ, И.). Земной рай и тайна карьеры. Юмористич. стихотворенія. Изд. библ. А. Иванова. Спб. 1884. 12 д., 9,000 экз. Ц. 3 к.

Радловъ, В. О языкѣ кумановъ по поводу изданія куманскаго словаря. Спб. 1884. Тип. Имп. ак. наукъ. 8 д., 200 экз. Ц. 25 к.

Русская историческая библіографія. 1864 г. Спб. 1884. Тип. Имп. ак. наукъ. 8 д. Ц. 1 р. 80 к.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А., и Голодниковъ, К. Памятная книжка Тобольской губерніи на 1884 г. Тоб. 1884. Тип. Тоб. губ. зем. управ. 8 д. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Замѣтка къ вопросу о сибирской желѣзной дорогѣ. Спб. Тип. сѣверн. телегр. агентства., 2 д., 2,000 экз.

Немировичъ-Данченко, В. Забытый рудникъ. Разсказъ. М. 1884. Тип. А. Карцева. 16 д., 6,000 экз. Ц. 15 к.

Григорьевъ, В. Программа для изслѣдованія переселенческаго движенія на мѣстахъ выхода переселенцевъ. М. 1884. Тип. А. Мамонтова и К°. 8 д., 300 экз.

Канунъ десятилѣтія Высоч. утвержд. сибирской желѣзной дороги

Digitized by Google

и агитація противъ нея. Каз. 1884. Тип. В. Ключникова. 8 д., 1,000 экз.

Л. Д. С. Къ вопросу о сибирской желѣзной дорогѣ. Каз. 1884. Тип. Э. Арнольда. 8 д., 2,400 экз. Ц. 1 р.

Рѣки Сибири и Россіи и сибирская желѣзная дорога. Каз. 1884. Тип. В. Ключникова. 4 д., 1,000 экз.

Титовъ, В. Гдѣ нужно строить сибирскую дорогу? М. 1884. Тип. А. Мамонтова и К°. 8 д., 17,000 экз.

Михѣевъ В. Пѣсни о Сибири. М. 1884. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 1,250 экз.

Осокинъ, Н. Къ вопросу о сибирской желѣзной дорогѣ. Муромско-казанская линія. Каз. 1884. Тип. В. Ключникова. 4 д., 85 экз.

Записки о путешествіяхъ алтайца въ Кіевъ, Москву и ея окрестности. М. 1884. Тип. Волчанинова. 4 д., 1,200 экз.

Живописная Россія. Отечество наше въ его земельномъ, историч., племенномъ, экономич. и бытовомъ значеніи, подъ общей редакціей П. П. Семенова. Томъ 10-й. Русская Средняя Азія. Съ 239 рис. въ текстѣ, 52 отд. карт. и 14 схемами. Изд. тов. М. Вольфъ. Спб. 1885. 4 д. Ц. 15 к.

Историческій очеркъ образованія Сибирскаго кадетскаго корпуса 1826—1876. Омскъ. 1884. 8 д. Ц. 1 р.

Карпинскій 1-й, Л. Горнозаводская производительность Россіи въ 1882 году (по оффиц. источн.). Спб. 1884. Тип. Евдокимова. 8 д.

Нападеніе на Петропавловскій портъ англо-французской эскадры въ 1854 г. (Съ 2-мя рис.). Изд. редак. «Чтеніе для солдатъ». Спб. 1884. Ц. 10 к.

Калачевъ, К. Ермакъ, покоритель Сибирскаго царства. Историч. повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго (въ стихахъ). Вып. 1-й. Изд. ред. «Казачьяго Вѣстника». Новочерк. 1884. 8 д. Ц. 1 р. 50 к.

Кропачевъ, М. По вопросу о выборѣ направленія для сибирской желѣзной дороги. Спб. 1884. Тип. Штауфа. 2 д.

Herder, F. Plantae Raddeanae Monopetalae. Die Monopetalen Ostsibiriens, des Amurlandes und Kamtschatka's nach dem im Herbarium des Kaiserlichen botanischen Garten befindlichen, von G. Radde und vielen anderen gesammelten Pflanzen. Heft VI. Изд. Имп. Московск. Общ. испыт. прир. М. 1884. Унив. тип. 8 д., 500 экз.

Digitized by Google

ПРОЕКТЪ УСТАВА

сибирско-уральской научно-промышленной выставки уральскаго Общества любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ въ 1887 году.

§ 1. Для ознакомленія публики съ результатами научныхъ изслѣдованій, съ продуктами промышленности Сибири и Урала и для устройства постояннаго помѣщенія для музея уральскаго Общества любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ устроивается въ лѣтнее время 1887 года сибирско-уральская научно-промышленная выставка.

Примѣчаніе 1. Въ случаѣ достаточности средствъ могутъ, по ближайшему усмотрѣнію комитета выставки, быть допущены на выставку, кромѣ указанныхъ въ этомъ § предметовъ, также и произведенія изъ другихъ губерній Европейской Россіи.

Примѣчаніе 2. По окончаніи выставки пожертвованныя модели и продукты промышленности добывающей и обработывающей послужатъ къ основанію техническаго отдѣла музея.

§ 2. Въ составъ этой выставки входятъ предметы, относящіеся: 1) къ естественно-историческому изученію Сибири и Урала и 2) къ горнозаводской, сельско-хозяйственной, лѣсной, кустарной и фабричной промышленности Сибири и Урала.

§ 3. Предметы, допускаемые на выставку, будутъ подраздѣлены на частныя рубрики, обозначенныя въ спеціальныхъ программахъ для каждаго отдѣла.

§ 4. На выставку не допускаются: а) произведенія изломанныя, изорванныя и вообще испорченныя; б) вещества, распространяющія зловоніе и міазмы, а также вредныя для другихъ находящихся на выставкѣ издѣлій; в) самовозгорающія вещества, гремучіе составы, порохъ, фосфорныя спички и т. п. опасные предметы.

Примѣчаніе. Зажигательныя спички, огнестрѣльные снаряды и произведенія взрывчатаго свойства могутъ быть представлены лишь въ видѣ безвредныхъ подражаній, а подверженныя скорому разложенію, или вещества дурнаго запаха, не иначе, какъ въ прочной и совершенно безопасной укупоркѣ.

§ 5. Выставка открывается съ 15-го мая 1887 г. и продолжается по 15 е сентября 1887 г. Раздача наградъ 15-го іюля 1887 г.

§ 6. Необходимыя для осуществленія выставки денежныя средства состоятъ: а) изъ пожертвованій различныхъ частныхъ учрежденій и лицъ; б) изъ сборовъ съ экспонентовъ за мѣста для витринъ и за расходы по установкѣ выставленныхъ предметовъ и обратной ихъ доставкѣ; в) изъ сборовъ съ посѣтителей выставки и съ буфетовъ, ресторановъ и иныхъ помѣщеній, въ которыхъ будетъ производиться торговля; г) изъ суммъ, вырученныхъ отъ продажи каталоговъ, пла-

Digitized by Google

новъ, жетоновъ и другихъ предметовъ, и д) изъ гарантировочнаго фонда, служащаго для пополненія дефицита, если таковой окажется.

Примѣчаніе 1. Гарантировочный фондъ собирается путемъ подписки на особой формы обязательствахъ. Каждый, заявившій желаніе принять на себя денежную отвѣтственность за часть расходовъ по выставкѣ, собственноручно подписываетъ обязательство на ту сумму, которую онъ обязуется уплатить, если доходовъ отъ выставки не хватитъ на покрытіе выставочныхъ расходовъ. Никто изъ участвовавшихъ въ составленіи гарантировочнаго фонда не подвергается отвѣтственности свыше той суммы, на какую онъ выдалъ обязательство. Въ случаѣ же дефицита, дѣлается разверстка между всѣми выдававшими обязательства, пропорціонально размѣрамъ принятыхъ участниками обязательствъ.

Примѣчаніе 2. Расходы на устройство особыхъ павильоновъ, витринъ и т. п. не принимаются на счетъ управленія выставки, а должны быть производимы самими экспонентами, но Комитетъ выставки можетъ принять на себя за счетъ самихъ экспонентовъ пріемъ представляемыхъ на выставку предметовъ, ихъ размѣщеніе и обратную ихъ доставку по закрытіи выставки, а также устройство павильоновъ, витринъ и т. п.

§ 7. По утвержденіи правительствомъ устава выставки, общимъ собраніемъ Общества опредѣляется размѣръ вознагражденія должностнымъ по выставкѣ лицамъ и избирается выставочный комитетъ.

Примѣчаніе. Кромѣ членовъ Общества по вопросамъ объ утвержденіи смѣты и плановъ выставки, избраніи должностныхъ лицъ по выставкѣ, избраніи и опредѣленіи круга дѣйствій ревизіонной коммиссіи и постановленіи окончательной резолюціи по докладу ревизіонной коммиссіи, приглашаются: а) со званіемъ и дипломомъ почетныхъ членовъ выставки, лица и делегаты учрежденій, подписавшихъ не менѣе 10,000 рублей въ гарантировочный фондъ, или пожертвовавшихъ не менѣе 3,000 рублей на устройство выставки; б) со званіемъ и дипломомъ дѣйствительныхъ членовъ выставки, лица и делегаты учрежденій, подписавшихъ не менѣе 1,000 рублей въ гарантировочный фондъ, или пожертвовавшихъ не менѣе 300 рублей на устройство выставки, и в) во званіемъ (но безъ диплома) сотрудниковъ выставки, лица, подписавшія не менѣе 100 рублей въ гарантировочный фондъ, или пожертвовавшія не менѣе 30 рублей—послѣдніе съ правомъ только совѣщательнаго голоса.

§ 8. Выставочный комитетъ составляетъ окончательную смѣту и планъ выставки, приготовляетъ для нея зданія и склады для пріема и храненія экспонатовъ впредь до размѣщенія ихъ въ выставочныхъ зданіяхъ, занимается ихъ размѣщеніемъ и храненіемъ на самой выставкѣ и заботится объ обратной ихъ доставкѣ (см. § 6 п. б. и прим. 2 и § 27).

§ 9. При составленіи плана и смѣты расходовъ комитетъ обязанъ принять въ разсчетъ лишь суммы, значащіяся въ § 6, кромѣ пункта д.

§ 10. По утвержденіи общимъ собраніемъ плана и смѣты выставки, комитетъ приступаетъ къ приведенію ихъ въ исполненіе.

Digitized by Google

§ 11. Пріемъ, разстановка и уборка съ выставки предметовъ, назначенныхъ на выставку, производятся особымъ лицомъ, для этой цѣли назначеннымъ комитетомъ.

Примѣчаніе. Комитетъ принимаетъ всѣ мѣры къ охранѣ выставленныхъ вещей, но, какъ въ случаѣ пожара, такъ и утраты, не отвѣчаетъ, а потому при дорогихъ вещахъ и животныхъ могутъ быть, кромѣ сторожей выставки, и сторожа отъ экспонентовъ.

§ 12. Комитетъ чрезъ своего предсѣдателя представляетъ на утвержденіе правительства программы вопросовъ, имѣющихъ разсматриваться на ученыхъ и промышленныхъ съѣздахъ, которые предполагается устроить во время выставки, и по утвержденіи ихъ опредѣляетъ время каждаго и разсылаетъ необходимыя приглашенія.

§ 13. Всѣ расходы должны имѣть оправдательные документы и должны быть завѣрены подписью двухъ членовъ комитета.

§ 14. Разрѣшеніе безплатнаго входа, безплатнаго пользованія мѣстомъ и опредѣленіе платы за входъ на выставку предоставляется комитету выставки.

Примѣчаніе. Экспоненты и почетные члены выставки пользуются даровымъ входомъ на выставку.

§ 15. Вывѣшиваніе и раздача на выставкѣ рекламъ, афишъ, объявленій и проч. дозволяется только съ разрѣшенія комитета.

§ 16. Комитетъ имѣетъ право вещи, принадлежащія одному экспоненту, размѣщать подъ соотвѣтственныя рубрики своей программы на выставкѣ для приданія систематичности и послѣдовательности выставкѣ.

§ 17. Въ случаѣ присылки на выставку слишкомъ большаго количества однородныхъ произведеній, въ особенности громоздкихъ, комитету предоставляется право устранять изъ нихъ излишнюю часть.

§ 18. Снимки съ натуры чертежей, рисунковъ и фотографія выставленныхъ предметовъ не дозволяется безъ особаго разрѣшенія комитета. Уральское Общество любителей естествознанія предоставляетъ себѣ право съ предметовъ, особенно интересныхъ въ научномъ отношеніи, дѣлать модели, фотографическіе снимки, планы и чертежи.

§ 19. Выставленные предметы могутъ быть продаваемы, но не могутъ быть взяты съ выставки до ея окончанія. Изъятія изъ сего правила допускаются, съ разрѣшенія выставочнаго комитета, только для такихъ предметовъ, которые могутъ быть съ выставки уносимы, съ условіемъ постояннаго возобновленія проданныхъ предметовъ.

§ 20. Заявленія о желаніи представить на выставку предметы экспоненты посылаютъ на имя комитета выставки.

§ 21. Заявленія о предметахъ отъ экспонентовъ и самые предметы должны поступать заблаговременно по той формѣ и къ тому сроку, которые будутъ распубликованы комитетомъ.

§ 22. а) При заявленіи должно быть обозначено: имя, фамилія, званіе и адресъ экспонента; число высылаемыхъ вещей съ обозначеніемъ каждой изъ нихъ; пространство, требуемое экспонентомъ; поступаютъ ли эти вещи только на выставку, или жертвуются въ музей Общества, или назначаются для продажи. При машинахъ требуется

Digitized by Google

обозначать, желаетъ ли экспонентъ показывать ее въ дѣйствіи и нужна ли ему паровая сила, способъ передачи (ременный приводъ или паропроводная труба), сколько будетъ расходовать силъ, желаетъ ли экспонентъ поставить свой собственный павильонъ, или помѣститься въ общихъ зданіяхъ; б) предметы промышленные, приготовляемые для продажи, должны имѣть обозначеніе цѣны; в) для приглашенія семей инородцевъ, обитающихъ въ Сибири и на Уралѣ на выставку, комитетъ входитъ въ сношенія съ подлежащими лицами и управленіями; г) въ случаѣ присылки живыхъ растеній и дикихъ звѣрей, домашняго скота, лошадей, птицъ и рыбъ, забота объ уходѣ за ними и пропитаніи лежитъ на обязанности экспонентовъ; д) вещи должны быть присылаемы безъ всякихъ расходовъ для Общества, которое принимаетъ ихъ въ своихъ складахъ. Научныя коллекціи и предметы, назначенные въ даръ Обществу, могутъ быть присылаемы за счетъ комитета, по предварительному соглашенію съ послѣднимъ.

§ 23. Эксперты, по каждой спеціальности не менѣе 3-хъ, будутъ избраны выставочнымъ комитетомъ по открытіи выставки какъ изъ членовъ Общества, такъ и изъ экспонентовъ и постороннихъ лицъ. Время экспертизы будетъ опредѣлено выставочнымъ комитетомъ. Эксперты-экспоненты находятся внѣ конкурса по той спеціальности, для оцѣнки которой они избраны. Засѣданія экспертныхъ коммиссій происходятъ при закрытыхъ дверяхъ. Результаты экспертизы будутъ напечатаны.

Примѣчаніе. Эксперты для своихъ выводовъ руководствуются правилами, которыя будутъ составлены комитетомъ выставки.

§ 24. За наиболѣе замѣчательные предметы будутъ по оцѣнкѣ коммиссіей экспертовъ назначены особыя почетныя награды, которыя состоятъ изъ почетныхъ отзывовъ и золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ медалей. Количество почетныхъ отзывовъ и медалей отъ уральскаго Общества любителей естествознанія ограничено и будетъ опредѣлено общимъ собраніемъ Общества.

Примѣчаніе. Награды могутъ быть присуждаемы лишь производителямъ выставленныхъ предметовъ, а не скупщикамъ.

§ 25. Для испытанія различныхъ орудій и машинъ могутъ быть устроиваемы конкурсы.

§ 26. По окончаніи выставки предоставляется экспонентамъ втеченіе двухъ мѣсяцевъ взять обратно свои вещи; по истеченіи же этого срока невзятыя вещи считаются пожертвованными Обществу.

§ 27. Укупорку и пересылку вещей по окончаніи выставки, комитетъ на себя не принимаетъ иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ экспонентами (см. § 6 п. б. примѣч. 2 и § 8).

§ 28. Отчетъ по выставкѣ долженъ быть представленъ по истеченіи двухъ мѣсяцевъ со дня закрытія выставки общему собранію (см. примѣч. къ § 7) и разосланъ всѣмъ жертвователямъ. По утвержденіи отчета на окончательную ликвидацію полагается 2 мѣсяца.

§ 29. Если будетъ избытокъ доходовъ надъ расходами, то онъ поступаетъ въ собственность уральскаго Общества любителей естествознанія на устройство въ Екатеринбургѣ постояннаго музея и на на-

Digitized by Google

учныя изслѣдованія Урала и Сибири; если же расходы превысятъ доходы, то дефицитъ покрывается тотчасъ по утвержденіи общимъ собраніемъ Общества отчета о выставкѣ изъ гарантировочнаго фонда разверсткой, но съ тѣмъ, что выстроенныя комитетомъ выставки зданія, въ которыхъ будутъ помѣщаться научныя коллекціи, переходятъ въ собственность уральскаго Общества любителей естествознанія и по окончаніи выставки при ликвидаціи въ разсчетъ не входятъ.

§ 30. Въ случаѣ же неосуществленія выставки, пожертвованныя суммы должны быть комитетомъ выданы обратно всѣмъ тѣмъ, которые не пожелали бы предоставить ихъ Обществу для основанія въ Екатеринбургѣ постояннаго музея и акклиматизаціоннаго сада.

Примѣчаніе. Суммы могутъ быть возвращаемы почтой или переводомъ, но за счетъ жертвователей.

ПРОГРАММА ОТДѢЛОВЪ.

СИБИРСКО-УРАЛЬСКОЙ НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКИ 1887 ГОДА УРАЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ.

Настоящія программы утверждены выставочнымъ комитетомъ въ общемъ собраніи 10 мая 1886 года.

Отдѣлъ I. Естественно-историческій.

Классъ I. Минералогія.

Группа 1. Коллекція минераловъ Урала и Сибири.
— 2. Учебныя коллекціи минераловъ.
— 3. Минералогическія аномаліи (псевдоморфозы, подражательные кристаллы и пр.).
— 4. Экземпляры минераловъ, интересные въ метаморфическомъ отношеніи.
— 5. Коллекціи кристаллографическихъ моделей.
— 6. Приборы, употребляемые при изслѣдованіи минераловъ и для изученія кристаллографіи.
— 7. Карты, показывающія географическое распредѣленіе извѣстнаго ископаемаго въ извѣстной области Урала и Сибири.
— 8. Сочиненія по минералогіи (печатныя и рукописныя).

Примѣчаніе. Въ минералогическихъ коллекціяхъ могутъ быть помѣщены модели самородковъ (напр., золота и др.) и рѣдкихъ кристалловъ въ натуральную величину ихъ (съ указаніемъ вѣса и мѣстонахожденія оригиналовъ).

Классъ II. Геологія.

Группа 9. Коллекціи простыхъ, сложныхъ и обломочныхъ горныхъ породъ Урала и Сибири.
— 10. Продукты механическаго измельчанія горныхъ породъ водою (глина, песокъ, щебень, гравій, гальки и проч.).
— 11. Экземпляры горныхъ породъ, интересные въ метаморфическомъ отношеніи.

Digitized by Google

Группа 12. Модели и рисунки, относящіеся къ динамической геологіи (напр., модели и рисунки ледниковъ, вулкановъ, коралловыхъ построекъ и т. п.).
— 13. Модели и рисунки, относящіеся къ напластованію горныхъ породъ (стратиграфія).
— 14. Геогностическія карты Урала и Сибири.
— 15. Минеральныя воды Урала и Сибири и анализы ихъ.
— 16. Приборы, употребляемые при работахъ по геогнозіи и орудія для геологическихъ экскурсій.
— 17. Скелеты и др. ископаемые остатки и отпечатки животныхъ.
— 18. Ископаемые остатки растеній и отпечатки ихъ.
— 19. Модели, рисунки и фотографіи вымершихъ животныхъ и растеній.
— 20. Печатныя и рукописныя сочиненія по геологіи, геогнозіи и палеонтологіи.

Примѣчаніе. Въ группахъ палеонтологіи помѣщаются ископаемые органическіе остатки (а также модели и пр.) только тѣ, которые найдены на Уралѣ и въ Сибири.

Классъ III. Ботаника.

Группа 21. Коллекціи живыхъ растеній (сѣмянныхъ и споровыхъ).
— 22. Рисунки и модели цвѣтовъ, ихъ частей, а также и натуральные экземпляры другихъ частей растеній (стеблей, листьевъ и пр.). При цвѣткахъ, опыляемыхъ помощью насѣкомыхъ, желательно бы имѣть и тѣхъ насѣкомыхъ, которыя наичаще прилетаютъ на данный цвѣтокъ.
— 23. Коллекціи плодовъ и сѣмянъ (свѣжихъ, консервированныхъ, ихъ рисунковъ и моделей).

Примѣчаніе. Всѣ вышепоименованные предметы трехъ предъидущихъ группъ должны быть характерны въ морфологическомъ и біологическомъ отношеніяхъ, а также принадлежать, главнымъ образомъ, къ урало-сибирской флорѣ.

Группа 24. Учебныя коллекціи засушенныхъ растеній и ихъ частей, сохраненныхъ между двумя стеклами.
— 25. Коллекціи растеній, засушенныхъ помощью песка съ сохраненіемъ ихъ формы.
— 26. Гербаріи различныхъ мѣстностей Урала и Сибири.
— 27. Дендрологическія коллекціи Урала и Сибири.
— 28. Фотографіи и рисунки растеній.
— 29. Гибриды } Натуральные экземпляры,
— 30. Растительныя уродливости. } модели и рисунки.
— 31. Больныя растенія.
— 32. Растительные паразиты.
— 33. Коллекціи ядовитыхъ, лѣкарственныхъ и др., имѣющихъ практическое приложеніе, растеній.
— 34. Анализы составныхъ частей растеній, употребляемыхъ въ пищу.

Digitized by Google

Группа 35. Карты географическаго распредѣленія растеній въ извѣстномъ краѣ Урала и Сибири.

— 36. Предметы, модели, рисунки и приборы, употребляемые при преподаваніи анатоміи и физіологіи растеній.

— 37. Приборы для ботаническихъ изслѣдованій и орудія для ботаническихъ экскурсій.

— 38. Сочиненія и рукописи по ботаникѣ и ботаническіе атласы.

Примѣчаніе. При коллекціяхъ желательно было бы имѣть и плоды собранныхъ растеній.

Классъ IV. Зоологія, зоотомія и анатомія.

Группа 39. Живые экземпляры животныхъ Урала и Сибири.

— 40. Чучела, спиртовые препараты и фигуры (изъ папьемаше, гипса и др.) позвоночныхъ животныхъ.

— 41. Коллекціи раковинъ.

— 42. Коллекціи и спиртовые препараты безпозвоночныхъ животныхъ.

— 43. Оологическія коллекціи съ гнѣздами птицъ.

— 44. Терраріумы, акваріумы и др. снаряды, употребляемые для вывода живыхъ экземпляровъ животныхъ.

— 45. Животные паразиты человѣка, животныхъ и растеній.

— 46. Скелеты и анатомическіе препараты животныхъ (и человѣка).

— 47. Восковыя, гипсовыя и т. п. модели органовъ животныхъ (и человѣка).

— 48. Аномаліи животныхъ и патологическія уклоненія отъ первоначальнаго типа, натуральные экземпляры, модели и рисунки.

— 49. Модели, фотографіи и рисунки, изображающіе гнѣзда и логовища животныхъ; рисунки и фотографіи животныхъ и сценъ изъ жизни ихъ.

— 50. Карты географическаго распредѣленія животныхъ въ извѣстной области Урала и Сибири.

— 51. Микроскопы и др. инструменты, употребляемые при изученіи животныхъ. Снаряды, употребляемые для ловли животныхъ съ научною цѣлью.

— 52. Инструменты, употребляемые въ таксидерміи.

— 53. Рѣдкія и цѣнныя сочиненія и рукописи по зоологіи, зоотоміи и анатоміи.

Примѣчаніе 1-е. При выставляемомъ животномъ желательно бы имѣть и ту пищу, которою данное животное питается.

Примѣчаніе 2-е. Всѣ вышепоименованные предметы этого класса должны относиться исключительно къ урало-сибирской фаунѣ.

Отдѣлъ II. Географическій.

Классъ I. Географія.

Группа 54. Сочиненія по географіи и исторіи Сибири и Урала.

— 55. Данныя, полученныя при экспедиціяхъ по Уралу и Сибири: а) различныя коллекціи всѣхъ царствъ природы;

Digitized by Google

б) этнографическіе, антропологическіе и др матеріалы, собранные во время экспедицій (по каждой экспедиціи отдѣльно); в) предметы, употреблявшіеся во время экспедицій: чертежи судовъ, оружіе, инструменты и проч., модели и ихъ рисунки, фотографіи видовъ Сибири и Урала, планы городовъ.

Классъ II. Картографія.

Группа 56. Карты и атласы, когда бы то и гдѣ бы то ни было отпечатанные и сдѣланные отъ руки. Глубусы и рельефы.

— 57. Результаты топографическихъ работъ и тригонометрическихъ съемокъ; гипсометрическія данныя.

— 58. Инструменты геодезическіе и съемочные.

Классъ III. Пути сообщенія.

— 59. Матеріалы для изслѣдованій по проложенію и усовершенствованію путей сообщенія Сибири и Урала.

Классъ IV. Статистика.

— 60. Статистическія таблицы и діаграммы, касающіяся населенія Сибири и Урала.

— 61. Инструменты и приборы, употребляемые при метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденіяхъ.

— 62. Метеорологическія и магнитныя графики, таблицы и карты (областныя и мѣстныя). Сочиненія по метеорологіи Сибири и Урала.

Отдѣлъ III. Антропологическо-этнографическій и археологическій.

Классъ I. Антропологія.

Группа 63. Расовыя коллекціи: а) черепа и скелеты (мужской, женскій и дѣтскій): а) русскаго племени; b) различныхъ народностей финскаго племени; c) различныхъ народностей монгольскаго племени; d) прочихъ народностей; б) гипсовые слѣпки съ череповъ и фотографическіе снимки съ нихъ; в) антропологическія таблицы измѣреній живаго человѣка (по племенамъ и мѣстностямъ); г) восковые и т. п. анатомическіе препараты и анатомическіе рисунки; д) фотографическіе снимки и рисунки типовъ разныхъ народностей (мужчинъ и женщинъ).

— 64. Коллекціи слѣпковъ череповъ и фотографическихъ портретовъ замѣчательныхъ личностей: изобрѣтателей, преступниковъ, идіотовъ, маніаковъ и т. п.

— 65. Патологическія коллекціи: а) Череповъ и скелетовъ, представляющихъ отклоненіе отъ нормальнаго типа (въ натурѣ, слѣпкахъ и фотографіяхъ); б) спиртные, восковые, и пр. препараты уродливостей прирожденныхъ; в) коллекціи (въ препаратахъ и фотографіяхъ) внутреннихъ органовъ и костей, измѣненныхъ чахоткою, сифилисомъ и другими важнѣйшими болѣзнями. Рахитическія измѣненія; г) коллекціи, изображающія травматическія поврежденія.

Digitized by Google

Группа 66. Коллекціи череповъ (въ натурѣ, слѣпкахъ и фотографіяхъ) макроцефаловъ, микроцефаловъ и проч.

— 67. Медицинскія статистическія таблицы заболѣваемости по каждому роду болѣзней (по племенамъ, мѣстности, полу, возрасту, семейному положенію, образованію, вѣроисповѣданію, сословію и занятіямъ больныхъ).

— 68. Такія же таблицы заболѣваемости въ школахъ, тюрьмахъ, фабрикахъ, казармахъ, монастыряхъ.

— 69. Діаграммы роста и вѣса воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній (съ показаніемъ класса и лѣтъ изслѣдованныхъ субъектовъ). Таблицы, показывающія качество зрѣнія воспитанниковъ (съ тѣми же указаніями).

— 70. Коллекціи препаратовъ и рисунковъ, показывающихъ наслѣдственную передачу особенностей, какъ въ случаяхъ прямой передачи, такъ и при атавизмѣ.

— 71. Діаграммы, карты и статистическія таблицы рождаемости, смертности (по возрастамъ и родамъ болѣзни) и браковъ.

— 72. Статистическія данныя о самоубійствахъ (по временамъ года, возрасту и полу самоубійцъ, ихъ занятіямъ, сословіямъ, племени, степени образованія, вѣроисповѣданію, мотивамъ смерти и роду ея).

— 73. Статистическія таблицы, показывающія число преступниковъ по родамъ преступленій за 10-ти-лѣтній періодъ времени.

— 74. Антропологическіе снаряды и изображенія ихъ.

— 75. Сочиненія по антропологіи и медицинской статистикѣ.

Классъ II. Этнографія.

— 76. Живые представители народностей Урала и Сибири.

— 77. Манекены различныхъ племенъ.

— 78. Жилища: а) Образцы жилищъ разныхъ народностей, приготовленные въ натуральную величину, со всею обстановкою ихъ; модели и рисунки ихъ, съ указаніемъ настоящихъ размѣровъ; б) образцы, модели и рисунки различныхъ хозяйственныхъ построекъ: амбары, хлѣвы, сараи, бани, риги и т. п.; в) образцы строительныхъ матеріаловъ: дерево, камни, кирпичи, изразцы и т. п.; г) Модели и рисунки различныхъ печей; д) образцы, модели и рисунки особенныхъ зданій: чайныхъ, питейныхъ и мелочныхъ лавокъ, харчевень, постоялыхъ дворовъ, лавочекъ цырульниковъ и мѣнялъ, скотобоенъ и т. п.; е) рисунки замѣчательныхъ въ архитектурномъ отношеніи зданій, частныхъ и общественныхъ (церквей, мечетей, театровъ и т. п.).

— 79. Одежда, головные уборы и обувь: а) будничная мужская, женская и дѣтская разныхъ племенъ; б) праздничная: в) вѣнчальные наряды; г) погребальная одежда; д) ти-

Digitized by Google

пичные наряды разныхъ сословій и ремеслъ; е) образцы мѣстныхъ тканей.

Группа 80. Пища: а) образцы хлѣбовъ, различныхъ печеній и вареній; б) овощи, употребляемыя въ пищу; разныя съѣдобныя мѣстныя растенія; в) молочные и другіе продукты, употребляемые въ пищу; г) образцы домашнихъ напитковъ: квасъ, пиво, брага, самосѣдка, кубышка, кумысъ, и т. п.; д) суррогаты хлѣба при неурожаяхъ.

— 81. Образцы, модели и рисунки разной мебели; постели.

— 82. Образцы, изображенія и фотографіи кухонной посуды и комнатной утвари: а) деревянныя издѣлія; б) издѣлія изъ бересты; в) глиняныя; г) каменныя; д) металлическія; е) изъ другихъ матеріаловъ; ж) смѣшанныхъ матеріаловъ.

— 83. Тканныя издѣлія, употребляемыя не для одежды: ковры, скатерти, полотенца и т. п.

— 84. Коллекціи цвѣтовъ, наиболѣе распространенныхъ въ домахъ, садахъ и огородахъ.

— 85. Различныя украшенія (въ натурѣ и снимкахъ), употребляемыя при одеждѣ: кольца, браслеты и другія металлическія и каменныя вещи; кружева. Образцы орнаментовъ, мозаики и паркеты. Наиболѣе распространенныя лубочныя и иныя картины.

— 86. Перевозочныя средства: а) образцы, модели и рисунки экипажей; б) образцы упряжи.

— 87. Снаряды, употребляемые для вѣса и мѣры. Денежные знаки (монеты).

— 88. Образцы и рисунки разныхъ снарядовъ, употребляемыхъ въ хозяйствѣ: лопаты, кайлы и т. п.

— 89. Образцы и рисунки различнаго оружія.

— 90. Образцы и рисунки разныхъ земледѣльческихъ орудій: сохи, бороны и т. п.

— 91. Образцы и рисунки снарядовъ, употребляемыхъ для охоты и рыболовства. Лодки и другіе снаряды, употребляемые для передвиженія по водѣ.

— 92. Коллекціи инструментовъ, употребляемыхъ при различныхъ ремеслахъ и кустарномъ производствѣ (по роду его).

— 93. Коллекціи народныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

— 94. Коллекціи игральныхъ снарядовъ для взрослыхъ: кости, палки и т. п.

— 95. Народный театръ: коллекціи маріонетокъ (петрушка), приборы при представленіяхъ и т. п. Тексты этихъ представленій.

— 96. Образцы топлива и освѣтительныхъ матеріаловъ.

— 97. Образцы народной косметики и парфюмеріи: различныя притиранія, суррогаты мыла и т. п.

— 98. Педагогическія коллекціи. Образцы, модели, рисунки и описанія предметовъ, употребляемыхъ для физическаго и духовнаго воспитанія дѣтей: а) колыбели; б) дѣтскія

Digitized by Google

ванны; в) одежда новорожденныхъ; г) образцы дѣтской пищи; д) игрушки; е) пособія для нагляднаго обученія; ж) учебныя пособія для дома и школы и ученическія принадлежности; з) классная мебель; и) физическіе и другіе приборы, употребляемые при обученіи; і) планы и фасады школъ, модели образцовой школы (съ указаніемъ размѣровъ); к) пособія при обученіи рисованію, черченію, пѣнію и гимнастикѣ; л) пособія для обученія слѣпыхъ и глухонѣмыхъ и м) образцы ученическихъ работъ.

Группа 99. Знахарскія коллекціи и образцы лѣкарственныхъ растеній, съ описаніемъ: въ какихъ случаяхъ и какъ употребляется каждое. Талисманы и амулеты. Тексты заговоровъ и заклинаній.

— 100. Коллекціи и рисунки предметовъ религіознаго культа инородцевъ; идолы, принадлежности богослуженія и священныя одежды.

— 101. Коллекціи и рисунки погребальныхъ предметовъ.

— 102. Коллекціи книгъ, наиболѣе распространенныхъ между простымъ народомъ. Каталоги ихъ.

— 103. Памятники народнаго творчества: а) молитвы инородческихъ племенъ, съ переводомъ на русскій и др. европейскіе языки; б) религіозныя легенды; в) былины и сказки; г) пѣсни; духовные стихи (съ нотами), колыбельные припѣвы и похоронныя причитанья; д) прибаутки и пословицы; е) загадки.

— 104. Описаніе народныхъ увеселеній и обычаевъ, употребляемыхъ при разныхъ событіяхъ: свадебныхъ и похоронныхъ обрядовъ, посидѣлокъ, святочныхъ игръ и гаданій и т. п.

— 105. Рисунки татуировки и искусственно воспроизведенныхъ уродливостей въ человѣческомъ организмѣ.

— 106. Этнографическія карты и списки инородческихъ селеній.

— 107. Сочиненія по этнографіи.

Классъ III. Археологія.

(Предметы этого отдѣла должны быть преимущественно въ подлинникахъ; слѣпки и копіи съ нихъ—точныхъ размѣровъ и окраски оригинала; фотографическіе и др. рисунки—съ указаніемъ истиннаго размѣра).

Группа 108. Курганныя раскопки: а) могильныя находки, принадлежащія каменному вѣку: издѣлія кремневыя, діоритовыя, нефритовыя и т. п. Издѣлія изъ костей и рога; б) Вещи бронзоваго (мѣднаго) вѣка; в) желѣзныя, золотыя и серебряныя вещи; г) издѣлія изъ прочихъ металловъ и другихъ матеріаловъ; д) кости и другіе остатки, найденные въ курганахъ; зерна растеній, найденныя въ гробницахъ; е) саркофаги и древніе могильные памятники.

— 109. Рисунки кургановъ (разрѣзы и виды), съ обозначеніемъ размѣровъ ихъ и глубины, на которой найдены вещи. Карты мѣстностей, гдѣ производились раскопки.

*

Digitized by Google

Группа 110. Рисунки и планы древнихъ кладбищъ и пещерныхъ городовъ.
— 111. Модели и рисунки свайныхъ и иныхъ построекъ.
— 112. Жертвенники, древнія статуи (каменныя бабы и т. п.), писанные камни.
— 113. Старинные орнаменты различныхъ построекъ.
— 114. Камеи.
— 115. Старинныя монеты и медали (по эпохамъ).
— 116. Старинное оружіе.
— 117. Старинные наряды (не изъ могилъ).
— 118. Старинная мебель.
— 119. Музыкальные инструменты прежнихъ лѣтъ.
— 120. Разная утварь: старинные сосуды, металлическія украшенія и т. п.
— 121. Старинныя экипажи и сбруя.
— 122. Древнія карты и рисунки.
— 123. Древнія иконы и другія вещи по церковной археологіи.
— 124. Старообрядческія древности: иконы, портреты ихъ наставниковъ, богослужебныя принадлежности и проч.
— 125. Древнія книги и рукописи.
— 126. Сочиненія по археологіи и нумизматикѣ.

Отдѣлъ IV. Горная и горнозаводская промышленность Урала и Сибири.

Группа 127. а) Геологическія описанія и карты губерній, уѣздовъ, заводскихъ дачъ, пріисковыхъ площадей; карты, показывающія мѣсторожденія полезныхъ ископаемыхъ; б) чертежи, планы, фотографическіе снимки, модели, описанія рудниковъ, пріисковъ, заводовъ и заводскихъ устройствъ: печей, становъ, молотовъ и проч.; в) статистическія свѣдѣнія о количествѣ добычи золота, серебра, платины, чугуна, желѣза, стали, мѣди, ихъ рудъ, каменнаго и древеснаго угля и проч., металловъ и ископаемыхъ, представленныя таблицами, графически и наглядно (кубами, пирамидами).
— 128. а) Коллекціи и отдѣльные образцы горныхъ породъ и полезныхъ ископаемыхъ: хромистаго желѣзняка, графита, азбеста и проч.; б) коллекціи драгоцѣнныхъ и цвѣтныхъ камней въ сыромъ и обдѣланномъ видѣ.
— 129. Производство желѣза, чугуна и стали. Матеріалы и продукты заводскаго дѣйствія, желѣзныя руды, флюсы, топливо, шлаки, огнеупорные камни, глина, кирпичъ. Различные сорта чугуна, желѣза и стали. Издѣлія, приготовляемыя изъ нихъ на горныхъ заводахъ: рельсы, проволока, чугунная посуда; разныя отливки и поковки; артиллерійскія орудія и снаряды. Образцы испытаній желѣза и стали въ холодномъ и горячемъ состояніи.

Digitized by Google

Группа 130. Производство мѣди, свинца, серебра и проч., непоименованныхъ особо, металловъ. Ихъ руды; продукты ихъ металлургической обработки; матеріалы, употребляемые въ заводскомъ дѣйствіи. Образцы выдѣланныхъ матеріаловъ и издѣлій изъ нихъ, приготовляемыхъ на горныхъ заводахъ.

— 131. Золото и платина. а) Золотоносные породы и пески; продукты послѣдовательной ихъ обработки: шлихи, амальгама и проч.; образцы золота: руднаго, разсыпнаго и самородковъ; б) пески, заключающіе платину; послѣдовательная обработка ихъ; продукты; в) модели и чертежи шахтъ, открытыхъ разносовъ, золотопромывательныхъ машинъ и жернововъ, плавильныхъ печей и т. п.

— 132. Каменноугольное дѣло. Разрѣзы каменноугольныхъ напластованій. Образцы сопровождающихъ горныхъ породъ; образцы каменнаго угля, антрацита, кокса. Результаты анализовъ, количество золы и проч. Модели и чертежи топокъ для минеральнаго топлива. Инструменты и орудія для развѣдокъ и добычи.

— 134. Соль. Соль поваренная, каменная, выварочная, самосадочная, очищенная и неочищенная. Глауберова соль.

— 134. Производство машиностроительныхъ заводовъ, ихъ модели, чертежи и описанія. а) Двигатели: паровыя машины, котлы, тюрбины, водяныя колеса и принадлежности къ нимъ; б) машины, орудія механическихъ заводовъ, машины, станки и аппараты для различныхъ заводскихъ и фабричныхъ производствъ; в) желѣзно-дорожныя принадлежности: вагоны, дрезины, части подвижнаго состава, стрѣлки, скрѣпленія и проч.; г) насосы и пожарныя машины; д) отливки и поковки для машинъ и станковъ въ отдѣланномъ и неотдѣланномъ видѣ.

— 135. Строительные матеріалы и работы. Естественные камни, употребляемые для строительныхъ цѣлей: мраморъ и др., кирпичъ, изразцы, известь, алебастръ и проч. Модели, чертежи, рисунки и планы строительныхъ и инженерныхъ работъ.

— 136. Учебныя заведенія, относящіяся къ горнозаводскому дѣлу. Ихъ коллекціи; образцы работъ учениковъ.

Отдѣлъ V. Предметы заводской, фабричной и ремесленной промышленности Урала и Сибири.

Группа 137. Производство шерстяныхъ издѣлій. а) Шерсть баранья, джебача, шесть верблюжья и др.; пряжа, ткани: сукно, трико, драпъ, байка, одѣяла и проч.; б) ковры и войлоки.

— 138. Производство льняныхъ, бумажныхъ и т. п. издѣлій. а) Ленъ, пряжа, нити, ткани и проч.; б) хлопокъ и

Digitized by Google

издѣлія изъ него; в) иныя растительныя волокна и издѣлія изъ нихъ.

Группа 139. Писчебумажное производство. Образцы сортированнаго тряпья и его суррогатовъ; бумажная масса и полумасса; бумага писчая, оберточная, типографская и другая. Картонъ, толь и прочія издѣлія изъ бумажной массы.

— 140. Мельничное производство. а) Пшеница, мука, крупа, отруби, мякоть; послѣдовательныя коллекціи промежуточныхъ продуктовъ крупчаточнаго размола; планы крупчатныхъ мельницъ; б) ржаная и пшеничная мука раструснаго размола; различные сорта крупъ.

— 141. Стеклянное производство. Сырые матеріалы, листовое стекло, стеклянная посуда.

— 142. Глиняная и фаянсовая посуда.

— 143. Сало сырцовое и топленое; мыло, свѣчи стеариновыя и сальныя; олеинъ и глицеринъ.

— 144. Воскъ въ кружкахъ и стружкахъ; свѣчи восковыя.

— 145. Кожевенное производство. а) Кожи дубленыя и сыромятныя, перчаточныя, лакированныя; б) издѣлія изъ кожи: шорныя, сѣдельныя и другія, приводные ремни.

— 146. Клееваренное производство.

— 147. Химическіе продукты. а) Кислоты, щелочи и соли; б) краски, красильныя вещества, экстракты, чернила, вакса и проч.; в) форсфоръ, зажигательныя спички; г) фармацевтическія произведенія.

— 148. Напитки. а) Хлѣбное вино, спиртъ, наливки, настойки; матеріалы, побочные продукты производства; дрожжи и проч.; б) пиво, портеръ, медъ; в) минеральныя воды, лимонадъ, шипучіе прохладительные напитки.

— 149. Съѣстные припасы: а) хлѣбъ, сухари, пряники и проч.; б) издѣлія изъ мяса и рыбы: консервы, колбасы и проч.; в) кондитерскія издѣлія: конфекты, варенье и проч.; г) овощи: грибы соленые, маринованные и проч.; д) масло коровье, растительныя масла: конопляное, льняное и проч.

— 150. Крахмалъ картофельный и пшеничный; патока.

— 151. Канатное производство: снурки, веревки, канаты и проч.

— 152. Экипажное производство: экипажи и ихъ принадлежности: оси, колеса, рессоры и проч.

— 153. Издѣлія изъ металловъ, не относящіяся къ машиностроенію: колокола, посуда чугунная, желѣзная и мѣдная, гвозди, памятники и проч.

— 154. Приложенія электричества къ промышленности. а) Генераторы электричества: динамо-машины, элементы, аккумуляторы, баттареи и ихъ принадлежности; б) разная проволока, кабели, изолирующія вещества, изоляторы воздушныхъ линій, крючья къ нимъ; в) приборы электрическаго освѣщенія, лампы, выключатели, регуляторы,

Digitized by Google

кронштейны; г) микрофоны, телефоны, электрическіе звонки и принадлежности къ нимъ; сигнальные приборы; громоотводы; образцы телеграфныхъ приборовъ и работъ по проведенію телеграфныхъ линій; д) приборы гальванопластическихъ работъ, никкелированія, золоченія, серебренія и проч.; приложенія электричества къ металлургіи.

Группа 155. Мебель всякаго рода и предметы внутренней отдѣлки зданій; разныя издѣлія изъ дерева.

— 156. Готовая одежда. Мѣха и издѣлія изъ нихъ. Бѣлье, туалетныя принадлежности, шляпы, обувь, перчатки и проч.; вязанья, вышивки и т. п.

— 157. Ювелирныя издѣлія; издѣлія изъ мѣстныхъ драгоцѣнныхъ и цвѣтныхъ камней: прессъ-папье, вазы, горки, насыпныя картины и иконы.

— 158. Иконостасное и иконное производство.

— 159. Фотографическіе приборы и снимки.

— 160. Принадлежности типографій и литографій. Типографскіе и литографскіе оттиски, новыя книги и изданія.

— 161. Техническія учебныя заведенія: коллекціи ихъ и образцы работъ учениковъ.

Отдѣлъ VI. Кустарная промышленность.

Группа 162. Издѣлія изъ чугуна, желѣза, стали, мѣди, олова и ихъ сплавовъ: а) кузнечно-слесарное производство; сошники, подковы, лопаты, скобяной товаръ, замки, задвижки, топоры; оружіе холодное и огнестрѣльное; б) гвоздарное производство; в) издѣлія изъ листоваго желѣза и жести: ведра, подносы, умывальники, печи и проч.; г) издѣлія изъ проволоки; д) чугунно-и мѣдно-литейное производство; латунныя издѣлія: котлы, вьюшки, умывальники, подсвѣчники, самовары, тазы, кастрюли и проч.; е) производство оптическихъ и физическихъ инструментовъ; ж) разныя издѣлія изъ металловъ.

— 163. Издѣлія изъ дерева и древесной коры: а) мебельно-столярное производство; б) токарное производство; в) рѣзьба по дереву; г) бондарное производство: бочки, боченки, чаны, кадки и проч.; д) производство экипажей и ихъ принадлежностей: телѣги, таратайки, коробки, колесные и зимніе хода, колеса, дуги и проч.; е) производство земледѣльческихъ орудій: сохи, плуги, сабаны, бороны и проч.; ж) производство музыкальныхъ инструментовъ; з) сундучное производство; и) издѣлія изъ коры, бересты, прутьевъ, лыка и мочалъ: бураки, корзины, короба, цыновки, рогожки, кули и проч.; і) разныя издѣлія изъ дерева.

— 164. Издѣлія изъ волокнистыхъ веществъ: а) пряжа и ткани изъ пеньки, льна и ихъ суррогатовъ, нитки суровыя и бѣленыя, холсты, полотна, пестряди, скатерти, полотенца и проч.; б) пряжа и ткани изъ шерсти; шерстяныя

Digitized by Google

ткани: сукна и другія матеріи, ковры, половики, опояски; в) разныя тканыя издѣлія съ примѣсью шелка, серебра, золота и мишуры; г) веревки, канаты, снурки и издѣлія изъ нихъ; маты, половики, рыболовныя сѣти, гамаки (висячія койки) и проч.; д) плетеныя и вязаныя издѣлія; платки, шали изъ шерсти и козьяго пуха, варежки, чулки, кружева и проч. рукодѣлія; е) валеныя войлочныя издѣлія: кошмы, войлоки, обувь, шляпы и проч.

Группа 165. Кожевенныя издѣлія. а) Кожевенное производство; выдѣланныя кожи, дубленыя и сыромятныя, сафьянъ, замша, ремни и проч.; б) скорняжное производство: овчины и другіе мѣха разной дубки; в) шорно-сѣдельное производство: шлеи, хомуты, возжи и проч.; г) сапожно-башмачное производство; д) разныя кожевенныя издѣлія, рукавицы, чемоданы и проч.

— 166. Разныя производства: а) производство клею, мыла, сала, сальныхъ свѣчей; б) гончарное и кирпичное производство: кирпичъ, изразцы, гончарныя трубы, глиняная посуда; в) производство разныхъ напитковъ и съѣстныхъ припасовъ; г) набивка и окраска тканей и пряжи; д) щеточное производство: издѣлія изъ щетины и конскаго волоса; е) пуговичное производство; ж) игрушечное производство; з) производство соломенныхъ издѣлій; и) гильзовое производство; і) переплетно-картонажное производство; к) портняжный промыселъ; л) шляпный и картузо-шапочный промыселъ; м) живописный и малярный промыселъ; н) добыча цвѣтныхъ камней и производство издѣлій изъ нихъ: шкатулки, альбомныя доски, печати, подсвѣчники и т. п.

Отдѣлъ VII. Сельское хозяйство, лѣсоводство, садоводство, огородничество, охота и рыболовство.

Классъ I. Сельское хозяйство.

Группа 167. Почвовѣдѣніе: образцы почвъ съ ихъ характеристикой и классификаціей; образцы эти должны быть взяты изъ разныхъ мѣстъ одного и того же поля, тщательно перемѣшаны между собой и за тѣмъ изъ смѣси должно быть взято для доставленія около 2 фунтовъ, изъ которыхъ часть будетъ употреблена для анализа, а часть войдетъ въ коллекцію образцовъ. При образцахъ желательно приложеніе слѣдующихъ данныхъ: а) губернія, уѣздъ, волость и деревня, гдѣ образецъ взятъ; б) мѣсто, съ котораго взятъ образецъ, т. е. низменное оно или возвышенное, луга или пашни, и если лугъ, то заливной или суходольный и какіе получаются съ него укосы, а если пашня, то давно ли распахивается, часто ли удобряется и какіе даетъ приблизительно средніе урожаи; в) толщина

Digitized by Google

слоя почвы до подпочвеннаго слоя (въ вершкахъ); г) составъ подпочвы, т. е. глина, песокъ, камень и т. д.

Группа 168. Полеводство: а) земледѣльческія машины и орудія для обработки почвъ; сохи, плуги, сабаны, бороны, глыбодробы, катки, экстирпаторы, почвоуглубители и проч.; б) орудія для распредѣленія удобреній твердыхъ и жидкихъ; чертежи навозохранилищъ; образцы минеральныхъ удобреній. *Примѣчаніе.* Особенно желательно представленіе возможно полной коллекціи фосфоритовъ. в) Орудія для посѣва: конныя и ручныя сѣялки, запашники, маркеры и проч.; г) орудія для ухода за растеніями: мотыги, окучники, пропашники, полольники, кочкорѣзы, лугорѣзы и проч.; д) орудія для уборки полевыхъ растеній: косы, горбуши, сѣнокосилки ручныя и конныя, сѣноворотилки, серпы, косы съ граблями, жатвенныя машины и картофелекопатели; е) орудія для молотьбы: цѣпы, молотяги, катки, молотилки ручныя и конныя; ж) модели и чертежи овиновъ, ригъ, шишей, зерносушилокъ и молотильныхъ сараевъ; з) вѣялки, сортировки и грохота; и) храненіе продуктовъ урожая: чертежи укладки стоговъ и скирдъ; подставки: подстожники, подскирдники и т. д.; чертежи и модели частныхъ амбаровъ и общественныхъ магазиновъ; чертежи погребовъ, лабазовъ, ямъ, бунтовъ для корнеплодовъ и силосовъ; к) образцы хлѣбныхъ, корнеплодныхъ и луговыхъ растеній и ихъ сѣмянъ; ленъ и пенька въ сыромъ и чесаномъ видѣ.

— 169. Скотоводство: а) образцы мѣстныхъ породъ рогатаго и другаго скота: коровъ, лошадей, свиней, овецъ и проч.; б) образцы продуктовъ и орудій молочнаго хозяйства; в) продукты другихъ отраслей скотоводства: мясо, кожи, шерсть, щетина, волосъ и проч.

— 170. Птицеводство: а) образцы домашнихъ птицъ; пухъ и перья птицъ; б) чертежи и модели птичниковъ; аппараты для искусственнаго вывода цыплятъ.

— 171. Пчеловодство: образцы ульевъ, искусственныхъ вощинъ, маточниковъ, сотовъ; препараты пчелъ въ различные періоды ихъ развитія.

— 172. Сельско-хозяйственная экономія: описаніе отдѣльныхъ хозяйствъ; статистическія карты, таблицы и научныя работы по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

— 173. Коллекціи животныхъ и растительныхъ паразитовъ, съ описаніемъ образа жизни ихъ, степени распространенія, съ образцами наносимыхъ ими поврежденій.

Классъ II. Лѣсоводство.

— 174. Лѣсныя произведенія въ сыромъ видѣ: а) строевой лѣсъ въ бревнахъ, брусьяхъ, шпалахъ и доскахъ; б) древе-

Digitized by Google

сина, подготовленная для подѣлокъ, какъ-то: клепки, резонансныя доски, драницы, гонтъ, дрючки, лубья, лыко, береста, обручи, прутья для плетенія корзинъ и коробовъ и проч.

Группа 175. Продукты механической обработки древесины: а) лубяные короба, мочало, рогожи, цыновки, домашняя посуда, корыта, колоды, бакланы, пестеря-туесья, стремена, ободья, полозья, сундуки и т. п.; коры для дубленія кожъ; б) бревна, доски и шпалы, пропитанныя хлористымъ цинкомъ, асфальтовымъ дегтемъ или другимъ противогнилостнымъ составомъ.

— 176. Продукты химической обработки древесины. а) Уголь разныхъ породъ; модели костровъ и углеобжигательныхъ печей; б) смола, деготь, половинникъ, скипидаръ, древесная кислота, древесный уксусъ, сажа, поташъ изъ древесной золы; модели дегтярныхъ ямъ, казановъ, котловъ и другихъ устройствъ для сухой перегонки древесины.

— 177. Приспособленія для перемѣщенія лѣсныхъ продуктовъ сухимъ путемъ и водой въ моделяхъ и чертежахъ. Приспособленія для возки бревенъ, дровъ и угля. Бѣляны и другія суда, употребляемыя для перевозки водой лѣсныхъ матеріаловъ; плоты разныхъ видовъ и запани для улавливанія дровъ и бревенъ.

— 178. Добываніе и производство торфа. а) Торфъ въ сыромъ видѣ съ указаніемъ глубины добычи, торфъ прессованный. Желательно указаніе стоимости заготовки и количества развиваемаго тепла по сравненію съ дровами; б) орудія и машины для добычи и приготовленія торфа.

— 179. Продукты побочнаго пользованія въ лѣсу. Шишки хвойныхъ породъ, изъ которыхъ добываются сѣмена для обсѣмененія или на продажу; образцы сѣмянъ съ крылышками и обезкрыленныя; плоды, цвѣты и стебли растеній, употребляемые, какъ лечебныя средства или какъ пищевой суррогатъ.

— 180. Статистическія карты, таблицы, научныя работы и коллекціи по разнымъ отраслямъ лѣснаго хозяйства. а) Карты лѣсовъ Урала и Сибири или извѣстныхъ ихъ частей, по породамъ, возрастамъ или роду владѣнія; таблицы запасовъ и приростовъ въ насажденіяхъ разныхъ породъ и возрастовъ. Изслѣдованія количества плотной древесной массы въ сажени дровъ разныхъ наименованій, употребляемыхъ на Уралѣ и въ Сибири; изслѣдованія роста деревъ въ зависимости отъ почвы, положенія, климатическихъ условій; изслѣдованіе плотности и упругости древесинъ разныхъ породъ, растущихъ на Уралѣ и въ Сибири; изслѣдованіе зависимости естественнаго возобновленія отъ способа рубки и естественныхъ причинъ и проч.;

Digitized by Google

б) образцы древесины разныхъ породъ въ обдѣланномъ и естественномъ видѣ, съ приложеніемъ коры, листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ; отрубки деревьевъ, отличающихся своей толщиной и быстротой роста или, наоборотъ, крайне плохимъ ростомъ; в) вредныя для лѣсовъ насѣкомыя, птицы и мелкіе звѣрки, съ образцами поврежденій, наносимыхъ ими; образцы болѣзней дерева отъ естественныхъ причинъ; г) фотографическіе снимки съ типическихъ лѣсныхъ ландшафтовъ сѣвернаго, средняго и южнаго Урала и Сибири.

Примѣчаніе 1. Модели должны быть сдѣланы по масштабу, но чтобы вся модель была не болѣе 1 куб. аршина.

Примѣчаніе 2. Желательно приложеніе къ присланнымъ предметамъ точнаго описанія мѣстности, откуда взятъ предметъ, и подробнаго изложенія способа добычи, если экспонируется предметъ обработанной древесины.

Классъ III. Садоводство и огородничество.

Группа 181. Воздушныя растенія древесныя и кустарныя. а) Коллекціи и отдѣльные экземпляры хвойныхъ и лиственныхъ древесныхъ породъ, зимующихъ въ грунтѣ безъ прикрытія, выращенныхъ на собственныхъ корняхъ, привитыхъ на штамбахъ, разведенныхъ отъ сѣмянъ и черенковъ; б) коллекціи и отдѣльные экземпляры кустарныхъ растеній, зимующихъ въ грунтѣ безъ прикрытія и подъ прикрытіемъ или зимующихъ въ горшкахъ и кадкахъ въ подвалахъ, простѣнкахъ и т. п., но на лѣто высаживаемыхъ въ грунтъ, имѣющихъ практическое примѣненіе для края, какъ напримѣръ, корзиночная лоза и т. п., или служащихъ для украшенія садовъ и парковъ: розы и проч.

— 182. Растенія травянистыя. а) Коллекціи цвѣтущихъ и лиственныхъ многолѣтнихъ растеній, луковичныхъ и др., зимующихъ въ грунтѣ безъ прикрытія; б) коллекціи однолѣтнихъ, цвѣтущихъ и лиственныхъ растеній: левкой, резеда и проч.

— 183. Плоды и плодовыя растенія. а) Воздушные плоды и растенія: вишня, крыжовникъ, смородина, княженика, земляника, клубника, малина, ежевика, морошка и проч.; б) плоды, выращенные въ мѣстныхъ оранжереяхъ и теплицахъ и плодовыя деревья, воспитываемыя въ горшкахъ и кадкахъ: яблони, груши, сливы, виноградъ, персики, абрикосы и проч.

— 186. Огородныя овощи. а) Коллекціи и отдѣльные экземпляры овощей мѣстнаго разведенія, выращенные изъ мѣстныхъ и выписныхъ сѣмянъ; б) коллекціи разнородныхъ овощей парниковыхъ ранней выгонки.

Digitized by Google

Группа 185. Сѣмена разныя мѣстнаго сбора: а) коллекціи сѣмянъ древесныхъ и кустарныхъ породъ, служащихъ для украшенія садовъ и парковъ; б) коллекціи сѣмянъ многолѣтнихъ и однолѣтнихъ цвѣтовъ; в) коллекціи плодовыхъ и огородныхъ сѣмянъ.

— 186. Консервы и разныя приготовленія изъ овощей и плодовъ: а) консервы соленые и маринованные изъ овощей и плодовъ; б) варенье изъ плодовъ и ягодъ. Сушеные плоды и ягоды.

— 187. Садовая техника; а) планы и рисунки садовъ, оранжерей, теплицъ и подваловъ для храненія овощей; б) садовыя и огородныя орудія и инструменты; ярлыки для надписи растеній; горшки, кадки и т. п. предметы, употребляемые въ садоводствѣ; в) декоративныя горки, вазы изъ глины, терракотты, камня и проч.; предметы для украшенія садовъ и постановки растеній; г) акваріи, терраріи, комнатные парнички и другія устройства для воспитанія растеній въ комнатахъ. Столики и ставки для растеній при комнатной культурѣ; д) искусственные цвѣты изъ матерій, бумаги и воска. Букеты и корзины изъ искусственныхъ и сухихъ цвѣтовъ.

— 188. Комнатное цвѣтоводство. Коллекціи и отдѣльные экземпляры цвѣтущихъ и лиственныхъ растеній, не менѣе 1 года выдержанныхъ въ комнатѣ.

Классъ IV. Охота и рыболовство.

— 189. Принадлежности охоты: силки и петли для разныхъ птицъ; приспособленія (въ моделяхъ) для ловли крупной птицы и хищнаго звѣря; лыжи разныхъ видовъ; приспособленія для болѣе удобнаго пребыванія въ лѣсу во время охоты въ холодное время года. Птицы и звѣри (чучела), служащіе предметомъ охотничьяго промысла.

— 190. Огнестрѣльное и холодное орудіе разныхъ видовъ, употребляемое для охоты, и охотничьи принадлежности.

— 191. Принадлежности рыболовства: рыболовныя суда (въ моделяхъ), невода, мережи, морды, остроги и т. п. Рыбы рѣкъ и озеръ Сибири и Урала (спиртовые препараты и въ живомъ видѣ).

Digitized by Google

— СБОРНИКЪ

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ О СИБИРИ И СОПРЕДѢЛЬНЫХЪ ЕЙ СТРАНАХЪ.

Томъ I. I. Матеріалы для библіографіи Сибири и сопредѣльныхъ съ нею странъ.—II. Ангарскіе пороги (съ картой). В. Титова.—III. Воздушный тарантасъ. Александрова.—IV. Пространство и населеніе Восточной Сибири.—V. Женщина у инородцевъ Томской губерніи. Князя Кострова.—VI. Именинницу. Бестужева.—VII. Къ этнографіи Сибири: 1) Изъ лѣтописи кулачества. Н. Наумова. 2) Байзатуй. М***.—VIII. Корейцы на Амурѣ. В. Вагина.—IX. Значеніе 1875 года для Сибири и сопредѣльныхъ ей странъ.—X. Корея. П. И. Жданъ-Пушкина.—Амурскій обѣдъ 26-го февраля 1876 года.

II томъ. 1 вып. I. Наши сношенія съ Дзюнгарскими владѣльцами. Сообщеніе Г. Н. Потанина.—II. Объ устройствѣ водянаго сообщенія въ Восточной Сибири (мнѣніе сенатора Толстаго).—III. Новое административное раздѣленіе Сибири.—IV. Эгоистическіе инстинкты въ Ленской народной общинѣ бурятскоулусной, осѣдло-инородческой и русско-крестьянской. А. П. Щапова.—V. Оленекская экспедиція. Изъ путеваго журнала (съ картой). Ф. Ф. Миллера.—VI. Нѣсколько данныхъ о современномъ положеніи нашихъ сѣверо-восточныхъ прибрежій, изъ отчетовъ К. К. Неймана.—VII. Всеобщая воинская повинность въ Сибири: первый призывъ (медицинскій матеріалъ). А. А. Веревкина.—VIII. Эпизоды изъ жизни природы и человѣка въ Восточной Сибири; весна въ окрестностяхъ Иркутска. Полякова.—IX. О старинной дешевизнѣ въ Восточной Сибири (изъ замѣтокъ старожила).—X. Этнографическій очеркъ Южнаго Сахалина. Ф Депрерадовича.—XI. Воспоминанія бродяги.—Въ приложеніи: XII. Пекинская равнина и сосѣдняя съ нею горная страна (переводъ съ нѣмецкаго). Доктора Бретшнейдера.

Цѣна 1-го тома 5 р., 1-го вып. 2-го тома—2 р. 50 к.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ ПЕРЕЧЕНЬ

ВАЖНѢЙШИХЪ ДАННЫХЪ ИЗЪ ИСТОРІИ СИБИРИ (1032—1882 гг.).

Составилъ И. В. Щегловъ.

Изданіе Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ редакціей члена отдѣла В. И. Вагина. Иркутскъ. 1883.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ СИБИРИ.

П. А. СЛОВЦОВА.

Съ біографическимъ очеркомъ автора.

Цѣна 3 рубля за 2 тома. На пересылку слѣдуетъ прилагать за 3 ф. по разстоянію.

Книга продается въ конторѣ «Восточнаго Обозрѣнія», въ магазинѣ Попова, у Пассажа, и въ прочихъ главныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, а также въ Томскѣ въ книжн. магаз. Михайлова и Макушина и въ Иркутскѣ въ конторѣ редакціи «Сибири».

Digitized by Google

Digitized by Google

СИБИРСКІЙ

СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціею Н. М. Ядринцева.

Приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію“

1886 г.

КНИГА III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39).
1886.

Digitized by Google

„СИБИРСКІЕ МОТИВЫ".

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе. — Въ Сибири, Омулевскаго. — Я снамъ не вѣрю, но порой, его-же.—Если ты странствуешь, путникъ, его-же.—Сибирь (на открытіе Сибирскаго университета въ Томскѣ). С. Фруга. — Счастливый сонъ, Омулевскаго. — Къ родинѣ, П. Кожевникова. — Родина, Семилужинскаго. — Къ родинѣ, А. Эпова. — Вѣчно томимый завѣтной кручиною, Стрѣтенскаго. — Барабинская степь, Омулевскаго. — При разливѣ Оби, его-же. — На берегахъ Енисея, его-же.—Бирюсинскій лѣсъ, его-же.—Между Томскомъ и Иркутскомъ, его-же.—Ангарская греза, его-же.—Близь границъ Монголіи, его-же. — Байкальская степь, С. Москвина. — Алтай, Д. Садовникова. — Сибирскія святки, Омулевскаго. — Сибирякъ, его-же. — Зимній путь, Н. Огарева.—Пустыня, Н. Д.—Въ лѣсу, его-же.—Переселенцы, С. Москвина.—Залетныя птицы, Омулевскаго.—Колодники, А. Толстаго.—Посланіе въ Сибирь, А. Пушкина.—Жена каторжника (изъ Барри Корнэля).—На дальней родинѣ моей, Омулевскаго. — Изъ поэмы «дѣдушка», Н. Некрасова. — Балаганъ, Семилужинскаго.—Ермакъ Тимоѳеевичъ.—Ермакъ взялъ Сибирь (изъ древне-россійскихъ стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ). — Стрѣла, Д. Садовникова.—Три брата, его-же.—Саатырь, Мартинскаго.—Отрывки изъ поэмы: Войнаровскій, К. Рылѣева.—Далекій край, М. Розенгейма.—Камчадалъ, Омулевскаго. — Къ буряткѣ, Ѳ. Вауль-дауфа.— Вѣтрянка, Семилужинскаго.—Черемуха, В. Михѣева.—Красная лилія, его-же.—Какъ бы жизнь ни шла сурово, Омулевскаго.—Сибирская колыбельная пѣснь, его-же.—Дума сибиряка, С. Бердяева.—Посвященіе дочери, Омулевскаго.—Къ молодому поколѣнію, его-же.—Подростающимъ землячкамъ, его-же.—На новый годъ, его-же. — Оборванныя струны, его-же. — Пройдутъ года и ты, страна родная, его-же.

С.-Петербургъ, 1886 г. Ц. 20 коп., съ перес. 25, заказн. 33 коп.

Изданіе И. М. Сибирякова.

Всѣ деньги, полученныя за продажу этой книги, предназначены въ пользу семьи покойнаго поэта И. В. Омулевскаго (Федорова). Книга выпущена въ количествѣ 5,000 экземпляровъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ СИБИРИ.

Періодъ отъ 1700 года до воцаренія Императрицы Елисаветы Петровны 25-го ноября 1741 года. Составилъ В. К. Андріевичъ. 1886 г. Иркутскъ. Ц. 1 руб. 75 коп.

Продается въ пользу Общества содѣйствія учащимся въ Петербургѣ сибирякамъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ СИБИРИ.

П. А. СЛОВЦОВА.

Съ біографическимъ очеркомъ автора.

Цѣна 3 рубля за 2 тома. Съ пересылкою 3 р. 50 к.

Книга продается въ конторѣ «Восточнаго Обозрѣнія» и въ магазинѣ Попова, у Пассажа, а также въ Томскѣ въ книжн. магаз. Михайлова и Макушина и въ Иркутскѣ въ конторѣ редакціи «Сибири».

Digitized by Google

СИБИРСКІЙ

СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціею Н. М. Ядринцева.

Приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію“

1886 г.

КНИГА III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39).
1886.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22-го Декабря 1886 года.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Книга III-я, 1886 г.

стр.

I. Сибирскіе мученики. Очерки жизни пріисковыхъ рабочихъ. Гл. III—V. (Продолженіе). **С. А. Стрѣтенскаго** . . . 1

II. Эскизы безъ тѣней. (Изъ записокъ невольнаго туриста). **Знакомца** 40

III. Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ. (По неизданнымъ матеріаламъ). **М. С. Знаменскаго.** 86

IV. Наше отношеніе къ народамъ низшей культуры. Профессора д-ра **Э. Ю. Петри** 106

V. Исторія просвѣщенія въ Сибири и университетскій вопросъ 128

VI. «Историческое обозрѣніе Сибири», П. А. Словцева. **В. И. Семевскаго** 159

VII. Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ.

Рисунки:

1) А. П. Щаповъ, историкъ и бывшій профессоръ.

2) Виды золотыхъ пріисковъ въ Енисейской тайгѣ: золотопромывательная машина.

3) Общій видъ пріисковыхъ работъ.

4) Золотоносная рѣчка Каменка въ Енисейской тайгѣ.

5) Видъ разрѣза и торфовъ на пріискѣ Енисейской губерніи.

6) Водоотводная канава на пріискѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

А. П. ЩАПОВЪ.
Историкъ и бывшій профессоръ,
Уроженецъ Сибири 1830—1876 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

СИБИРСКІЕ МУЧЕНИКИ *).

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ ПРІИСКОВЫХЪ РАБОЧИХЪ.

III.

Съ задатками.

Весело вошелъ Андрей въ свою убогую избушку, къ старухѣ матери.

— Здорово, матушка! — сказалъ онъ, перекрестясь предъ иконами.

— Што, каково съѣздили?—спросила старушка, любовно смотря на сына.

— Слава Богу, матушка! Вотъ, гляди-тко, сколько денегъ-то теперь у насъ.—И Андрей досталъ изъ пазухи пачку ассигнацій и началъ ихъ медленно пересчитывать: — Сорокъ девять рублевъ... Взяли мы по пятьдесятъ, рубль израсходовалъ: грамотному полтину серебромъ отдалъ за прописку, да вотъ чаю четверть взялъ, да полфунта сахару... Вотъ все тутъ, въ узелкѣ,—на-тко... Напиться бы съ дороги-то чайку, ладно бы было... Кипяти-ко чугунку...

Старуха набожно крестилась при видѣ такого множества рублевокъ и начала суетиться, чтобъ приготовить чай и угостить богача-сына. Андрей сидѣлъ и смотрѣлъ на разложенныя на столѣ ассигнаціи и вслухъ разсуждалъ:

— Въ обчество надо отдать рублевъ двадцать...—Онъ отсчиталъ двадцать рублей и отложилъ ихъ въ сторону:—Значитъ у насъ останется двадцать девять... Если свадьбенку теперь

*) Продолженіе. См. «Сибирскій Сборникъ», 1886 г., кн. II-я, стр. 1.

Digitized by Google

сдѣлать, рублевъ пятнадцать, поди, надо истратить... Какъ думашь, матушка?

Старуха присѣла къ столу, чтобы вмѣстѣ съ сыномъ рѣшить важные экономическіе вопросы.

— За вѣнчанье-то, поди, много запроситъ попъ-то?—промолвила старуха.

— Нѣтъ, я знаю, много не запроситъ; онъ вѣдь знатъ... што тутъ... Ну, пять рублей возьметъ, Богъ съ нимъ! хлѣба дамъ сколько...

Андрей отложилъ пять рублей.

— Ну, вина четверти три надо—три рубля... ну, ведро выйдетъ, положимъ,—четыре рубля. На припасы рубля три: на говядину тамъ, да на масло... три... нѣтъ, мало!

— Мало, дитятко, што ты на три рубля купишь? велики ли три рубля!

— Ну, четыре рубля. Это ужъ будетъ тринадцать рублей. Ну, да еще туда-сюда разойдется рубля два, и будетъ всего пятнадцать рублей, а останется четырнадцать... Отдадимъ хохлу Дубинкѣ за корову десятку, а остальныя оставлю вамъ съ хозяйкой на чай да на соль. Хлѣба у меня рядного останется вамъ пять овиновъ; хлѣбъ добрый: мѣшковъ по шести съ овину падетъ, это выходитъ тридцать мѣшковъ; до нови вамъ и не поѣсть всего, половину можно продать рублевъ на десятокъ... До выгонки-то, почитай, мѣсяца два еще, рублевъ-то пятокъ заработаю—вотъ вамъ и будетъ до меня...

— Кабы такъ-то, дитятко, такъ слава тебѣ, Господи... Вотъ свадьба-то меня все крушитъ: какъ я тутъ буду? дѣло мое небывалое, здоровья нѣту...

— Не безъ добрыхъ людей, матушка; вотъ я схожу къ дядѣ Парфентію,—онъ пріятель попу-то,—съ нимъ вмѣстѣ сходимъ и переговоримъ... А Катерина—што? она хоть сейчасъ готова подъ вѣнецъ. Михайла-то напоимъ, чтобъ ногъ не волочилъ, а тѣмъ временемъ и обвѣнчаемся... Тетушку Лукерью позовемъ постряпать-то, не откажется...

— Ужъ вѣстимо ее, кого же больше?

— Ну, матушка, куда бы деньжонки-то припрятать?—озирая избу, заботливо проговорилъ Андрей.

Digitized by Google

— Не знаю, дитятко, куда бы ихъ... Нешто въ подполье, подъ кадушку съ капустой...

— И то, матушка! пойдемъ—ты не поднимешь одна-то... тяжело.

Завернувъ деньги въ нѣсколько тряпицъ, мать и сынъ спустились въ подполье припрятать свое богатство.

— Ну, слава Богу, теперь дѣло у насъ пойдетъ на ладъ,— самодовольно говорилъ Андрей, выходя изъ подполья.

— Будемъ-ка пить чаекъ, да потолкуемъ о чемъ нибудь...

. . . . . .

Стономъ стонетъ кабакъ озерновскаго цѣловальника, еврея Хаима: въ немъ гуляютъ Ефремъ и Александръ Голубевъ и пріятель, землякъ Ефрема, Устинъ Безрубахи.

Словно мухи къ меду, налетѣли односельцы, жадные до даровой водки, въ кабакъ Хаима и окружили разгулявшихся пріятелей. Рѣкой льется зловонная сивуха, и угощаются всѣ безъ разбора.

Голубевъ мертвецки пьяный свалился и спитъ около стойки, возлѣ него сидитъ красная, какъ вареный ракъ, крѣпко выпившая солдатка Матрена и причитаетъ надъ спящимъ парнемъ: «На кого ты меня оставляешь, голубчикъ ты мой сизокрылый, одну-одинешеньку?»... И пьяныя слезы градомъ текутъ по ея пьяному лицу. Грязныя, циническія шутки сыплются на ея счетъ со всѣхъ сторонъ...

— Знай нашихъ поселенцевъ!—оретъ Ефремъ, пошатываясь изъ стороны въ сторону.—Я, братъ, Трофимъ Павлычъ, знаю свое дѣло,—обращается онъ къ высокому, кривому поселенцу, блѣдному какъ полотно, одѣтому въ коротенькую, разорванную шубенку:—своего брата поселенца ни въ жисть не промѣняю на сибиряка! Нѣтъ, врешь! Сибиряки на насъ ѣздить любятъ... Нѣтъ, врешь!...

Вдругъ его пьяную голову озарила, повидимому, какая-то свѣтлая мысль.

— Стой, стой, ребята!—заоралъ онъ, словно кто окатилъ его кипяткомъ.—Стой! слушайте меня! слушайте же поселенца!..

Въ кабакѣ на минуту воцарилось молчаніе. Даже пьяная

*

Digitized by Google

Матрена перестала причитать и устремила на оратора свои тусклые и распухшіе отъ водки и слезъ глаза.

— Вы сибиряки? а? сибиряки?—допытывался Ефремъ, безпощадно колотя себя кулакомъ въ грудь.

— Вѣстимо, народъ сибирской,—кто-то отвѣтилъ изъ толпы.

— Кто хочетъ водки пить? а? кто?... Васъ я спрашиваю, почтенные люди!... Кто хочетъ?

Лица всѣхъ слушателей осклабились.

— Да кто же откажется отъ такого добра, Ефремъ Никитичъ? Выпили бы за ваше здоровье по стаканчику,—заговорилъ высокій, безбородый дѣтина, поглаживая широкою ладонью свой голый подбородокъ.

— Ладно! Я полведра, значитъ, покупаю вамъ... Давайте сани, ставьте на нихъ коробъ и везите насъ, поселенцевъ, къ Харитошкѣ цѣловальнику... Согласны?... Сейчасъ, значитъ, какъ пріѣдемъ, и полведра!..

Мужики переглянулись и замялись: хотѣлось имъ вышить даровой водочки.

— Прокàтимъ, ребята, старика, што за бѣда! ей-Богу, да што тутъ такого?—заговорилъ тотъ же безбородый дѣтина.

— Прокàтимъ, прокàтимъ!—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Это, ребята, намъ сегодня пàданка *),—подталкивая другъ друга, шептались мужики, обрадовавшись даровому угощенію.

— Подводы готовы, ваше почтеніе,—почтительно доложилъ Ефрему одинъ мужикъ.

У кабака стояли дровни и на нихъ коробъ, сплетенный изъ прутьевъ.

— Ѣдемъ, други мои милые!—обратился Ефремъ къ своимъ пріятелямъ:—пусть насъ сибиряки везутъ, вотъ какъ! Знай нашихъ поселенцевъ!... Ну-ко, Хаимъ, давай на дорогу пошкалику...

— А меня-то, Ефремъ Никитичъ, возьмете съ собой?—поднимаясь съ полу, пищала солдатка Матрена, отирая передникомъ заплаканные глаза.

*) Пàданкой называютъ въ Сибири хлѣбъ, выросшій изъ зеренъ, которыя сами собою выпадаютъ изъ колоса осенью; отсюда пàданкой называютъ всякое неожиданное пріобрѣтеніе. *Авт.*

Digitized by Google

— Поѣдемъ, Матрена Гурьевна, душа моя, лебедь бѣлая... Я, братъ, люблю тебя, поѣдемъ...

Пріятели выпили по шкалику.

— Матренѣ Гурьевнѣ шкаликъ!—командовалъ Ефремъ.

Вышла и Матрена. Всѣ вышли изъ кабака и усѣлись въ приготовленный экипажъ.

— Шагомъ везти! тихонько, значитъ!—командовалъ Ефремъ.

Человѣкъ десять крестьянъ взялись за оглобли дровней, и поѣздъ двинулся вдоль по улицѣ, въ конецъ села, гдѣ былъ кабакъ цѣловальника Харитошки.

Матрена запищала: «Отлетаетъ мой соколикъ»...

— Стой, Матренушка, стой! Мы съ Устиномъ да Трофимомъ Павлычемъ затянемъ свою поселенскую пѣсню... мы свою, не вашу сибиряцкую...

Затянули кто въ лѣсъ, кто по дрова какую-то бурлацкую пѣсню...

За этимъ оригинальнымъ поѣздомъ валила толпа ребятишекъ; изъ воротъ выходили мужики и бабы и примыкали къ торжественному шествію; собаки заливались громкимъ лаемъ. Гиканье, свистъ, хохотъ, лай — все это сливалось въ общій неопредѣленный гулъ и тѣшило разгулявшуюся, поселенскую душу Ефрема, его блѣднолицаго пріятеля Трофима и Устина Безрубахи.

Вотъ и Харитошкинъ кабакъ.

Цѣловальникъ, толстый, молодой поселенецъ, какъ увидѣлъ этотъ странный поѣздъ, такъ и разразился громовымъ смѣхомъ...

— Ай да Ефремъ Никитичъ, прокатился важно!—привѣтствовали пріѣхавшаго посѣтители Харитошкина кабака.

— Растрясло, чай, надо выпить съ дороги...

— Съ морозу, Ефремъ Никитичъ!

— Нѣтъ, братцы, надо коней прежде напоить...

— Ей, Харитоша, конямъ, братъ, полведра отпускай!...

— По малу же ваши кони пьютъ, Ефремъ Никитичъ,— смѣялись мужики.

— Вылѣзай да заходи въ заведеніе, Ефремъ Никитичъ,—

Digitized by Google

юлилъ около саней Харитошка:—у меня есть солененькая рыбка на закусочку, огурчики поставлю... Выѣзай!

— А!... Это я люблю... Небось, Ефремъ хоть худъ да козырь...

Ефремъ, окруженный такимъ вниманіемъ и поддерживаемый подъ руку цѣловальникомъ, торжественно вошелъ въ кабакъ. За нимъ направились его спутники и зрители.

— Ну, перемѣнные кони будутъ?—обратился Ефремъ къ посѣтителямъ Харитошкина кабака:—будутъ, такъ и имъ полведра,—желаю, значитъ, обратно ѣхать.., на сибирякахъ...

— Какъ не быть—будутъ, Ефремъ Никитичъ; прокатимъ, только держись за землю,—отвѣтили подгулявшіе ребята изъ пропойцъ.

— Ну, ладно! Харитоша, отпускай полведра! Знай нашихъ поселенцевъ! Вотъ какъ поселенцы ѣздятъ на сибирякахъ... А! вы на насъ!... нѣтъ, врешь!... мы на васъ!...

— Славно, славно, Ефремъ Никитичъ!—хвалилъ Харитошка:—а я велю вамъ сейчасъ рыбки подать, огурчиковъ... Эй, Маланья, неси сырку да огурчиковъ!...

— Наливки штофъ!—крикнулъ Ефремъ:—хочу, значитъ, Матрену Гурьевну угостить, пусть она помнитъ Ефрема... О-о-о! Ефремъ дорогаго стоитъ!...

Матрена, польщенная такимъ вниманіемъ, начала прищелкивать пальцами и пустилась въ плясъ, припѣвая: «я по сѣничкамъ хожу, я по новенькимъ»...

Явилась балалайка.

— А, музыка!—крикнулъ Ефремъ:—мы съ музыкой желаемъ ѣхать!... Еще надо балалаекъ двѣ, три, десять... плачу, значитъ!... Эхъ въ Расеѣ въ трахтирахъ мы гуливали, вотъ такъ гуливали!...

— Што, братъ Ефремъ, здѣсь Сибирь, не Расея,—угрюмо молвилъ Устинъ Безрубахи.

— Эй, еще балалаекъ!—командовалъ Ефремъ, мало уже сознавая окружающую его дѣйствительность.

Явилось еще двѣ балалайки.

— Водки музыкантамъ! Харитошка! подавай по косушкѣ... Матреша, угощай, братъ, ихъ: они веселить насъ будутъ...

Digitized by Google

Честнóй компаніи—четверть! Слышь, Харитошка! За все плачу!.. Пусть всѣ знаютъ, што Ефремъ Никитичъ гуляетъ...

Ефремъ съ своими фаворитами принялся за наливку. Бутылку выпили.

— Это будемъ пить дорогой, какъ назадъ поѣдемъ,—указывая на другую бутылку, бормоталъ Ефремъ.

— Ну, братцы, въ дорогу! Эй, кучеръ, лошадей!—кричалъ Ефремъ:—Матреша, поцѣлуй меня, поцѣлуй старика!... Вотъ такъ! Кто желаетъ везти—запрягайся! Музыка съ нами!

— Ефремъ Никитичъ, разсчитаться бы надо: завтра съ учетомъ надо ѣхать, такъ деньжонки нужны, а то бы я и слова не сказалъ,—заговорилъ Харитошка.

— Сколько, братъ, Харитоша? Отдамъ, все отдамъ! Я, братъ, не того... значитъ, деньги!...

Харитошка снялъ съ гвоздика засаленные счеты и безъименнымъ пальцемъ правой руки началъ передвигать корольки.

— Брали полведра—два рубля, да штофъ наливки—восемьдесятъ копѣекъ, да за четверть рубль, значитъ, будетъ четыре рубля восемьдесятъ...

Харитошка пытливо посмотрѣлъ на Ефрема, который, опустивъ голову, начиналъ дремать.

— Такъ, вѣрно!—пробормоталъ Ефремъ.

— Да по мелочи брали на рубль—всего пять рублей восемьдесятъ... Еще возьмите для круглаго счета на двадцать копѣекъ, и будетъ ровно шесть рублей... А закуска, значитъ, такъ—изъ уваженья...

— Идетъ!... Вотъ спасибо, братъ, Харитоша! люблю!... Все, братъ, разскажетъ доподлинно, не начтетъ копѣечки, не то, что Хаимъ!—И Ефремъ выложилъ на стойку двѣ трехрублевыя ассигнаціи.

— Благодаримъ, Ефремъ Никитичъ. Завтра пожалуйте утромъ опохмѣлиться; я ужъ съ васъ копѣечки не возьму, приготовлю хорошенькую закусочку...

— Идетъ!..—бормоталъ окончательно опьянѣвшій Ефремъ.—Ѣдемъ назадъ!.. домой... не домой, а въ кабакъ къ Харито... къ Хаиму... ну, васъ къ дьяволу... собаки...

Ефрема кое-какъ вывели изъ кабака и положили въ

Digitized by Google

коробъ. Поѣздъ двинулся обратно при звукахъ балалаекъ и пѣсенъ, сопровождаемый толпою любопытныхъ. Не одинъ лакомый до водки мужикъ завистливыми глазами смотрѣлъ на широко-развратный разгулъ пріискателей; не одна баба завидовала солдаткѣ Матренѣ, принимавшей дѣятельное участіе въ этомъ разгулѣ и поживавшейся, какъ онѣ думали, деньжонками около пьяныхъ ея друзей.

Ефремъ былъ старый озорникъ на счетъ женскаго пола, а главное, при деньгахъ, онъ щедро платилъ за оказываемый ему привѣтъ и женскія ласки.

По поводу щедротъ пьянствующаго Ефрема въ одной убогой избѣ Озернова происходилъ такого рода разговоръ между мужемъ и женой.

Мужъ, крестьянинъ, лежитъ на печи, а жена, молодая баба, съ бойкими карими глазами, сидитъ за прялкой.

— Надо зазвать завтра Ефрема-то къ себѣ на похмѣлье,— говоритъ баба, быстро повертывая въ рукѣ веретено.

— Ну, такъ што,—равнодушно отзывается съ печи мужъ.

— Небось, Матрешка, смылитъ у него деньги-то, ишь прильнула къ нему; одного-то ей мало, стервѣ, Сашки-то. Раззорила одного, такъ другаго охота... Сволочь!...

Баба поплевала на пальцы лѣвой руки и сердито начала теребить куделю.

— Ты завтра карауль его, какъ въ кабакъ пойдетъ, да зови къ намъ: пойдемъ, молъ, опохмѣлю...

— А на што ты его опохмѣлишь? гдѣ онѣ, деньги-то?— почесывая спину, ворчитъ мужъ.

— Я возьму подъ пряжу у Харитошихи—дастъ!

— Ну, такъ што—ладно...

— Живемъ, Господи прости, какъ не люди и умремъ—не покойники,—послѣ нѣкотораго молчанія начинаетъ жена:—съ добрыми людьми и погулять не удастся... А какъ придетъ къ намъ Матрешка, вотъ лопни мои глаза, такъ за косы и выволоку изъ избы: пусть она знаетъ!...

— Ничего, гуляютъ ловко!—говоритъ мужъ, царапая брюхо и переворачиваясь на другой бокъ.

Digitized by Google

— У кого деньги, тотъ гулятъ, а вотъ мы—нищіе, такъ не загулямъ, небось...

— А можа, завтра и загулямъ...

— Ты бы, Кирило, сегодня созвалъ Ефрема-то, а я, тѣмъ временемъ, сбѣгала бы къ Харитошихѣ,—заюлила баба...

— Што сегодня!—возражаетъ мужъ:—сегодня онъ ужъ свалился... Завтра...

— Ну! завтра!—надула губы недовольная сожительница:—пьяный-то онъ лучше, можа, платишко какой купитъ, онъ вѣдь простой...

— Ишь-те изниматъ! — говоритъ, добродушно смѣясь, мужъ:—лакома до платишковъ-то! ишь захотѣла!...

— А гдѣ мнѣ взять-то? отъ тебя, небось, не дождешься...

— Отъ меня!—и мужъ захохоталъ:—а гдѣ я тебѣ набралъ ихъ, платковъ-то? Заробь сама да и покупай!.. Ишь тягости каки, а она о платкахъ...

— И такъ, кажись, съ тебя не справляю, свое ношу.

Утромъ, еще до полнаго разсвѣта, жена Кирилы сбѣгала къ Харитошихѣ и выпросила полштофъ водки, а мужа оставила караулить на улицѣ Ефрема, когда тотъ пойдетъ въ кабакъ. До прихода ея домой Ефремъ не показывался. Катерина пріодѣлась, хотя и бѣдно, но по возможности щеголевато: надѣла свою лучшую льняную рубашку и дабовую юбку и кокетливо повязала свою очень красивую головку краснымъ платкомъ. Молодое, оживленное бойкими и выразительными карими глазами лице ея было хотя не очень свѣжо, но, всетаки, очень красиво.

— Идетъ!—крикнула она, метнувшись къ окошку. Мужъ выбѣжалъ на улицу, по которой шествовалъ Ефремъ, уже порядочно вышившій и оравшій на всю улицу что-то непонятное.

— Заходи, Ефремъ Никитичъ, опохмѣлиться! — крикнулъ ему Кирило.

Ефремъ уставилъ на мужика свои пьяные, безумные глаза и не сразу понялъ, что ему предлагаютъ.

— Што?...—промычалъ онъ.

— Опохмѣлиться заходи! Забылъ насъ, и въ гости не жалуешь...

Digitized by Google

— А! опохмѣлиться? Идетъ!... Вотъ люблю, люблю такихъ людей!... Я, братъ, дорогаго стою!— И Ефремъ, пошатываясь, побрелъ къ калиткѣ Кирилова домишка.

Катерина ласково приняла Ефрема и собственноручно подчивала его водкой. По окончаніи хозяйскаго полуштофа, Ефремъ откомандировалъ Кирила за цѣлою четвертью, и пьянство началось, какъ говорится, во всю ивановскую. До вечера Ефремъ и Кирило сдѣлали по два напоя, и сама Катерина очень замѣтно покачивалась разъ на сѣверъ, разъ на югъ... Очнувшись послѣ втораго напоя, пріятели усѣлись за столъ опять опохмѣлиться, или, что то же, дѣлать третій напой.

Былъ уже вечеръ. Катерина собрала послѣднія силы и начала пѣть и кружиться посреди избы, потѣшая дорогаго гостя. Для третьяго напоя водки потребовалось немного: послѣ двухъ-трехъ рюмокъ оба пріятеля опять раскисли.

По улицѣ съ гиканьемъ и крикомъ промчалась тройка, звеня колокольчиками; сѣдоки орали пѣсни... Это прокатилъ Александръ съ своей Матреной...

— Вотъ тебѣ, паскуда! — И Катерина протянула фигу вслѣдъ промчавшейся тройки; фига предназначалась солдаткѣ Матренѣ, какъ соперницѣ по очищенію пріискательскихъ кармановъ.

— Я теперь, Ефремъ Никитичъ, къ тебѣ съ большой докукой,—говорилъ Кирило, обнимая Ефрема: — ссуди ты меня, значитъ, тройкой, не такъ штобы што, а взаймы, значитъ; надо подати отдать, а за душой ни копѣйки нѣтъ... Будь, значитъ, другъ, выручи! По гробъ жизни я твоей добродѣтели не забуду...—Катерина ловко подмигнула старику, чтобъ онъ не отказывалъ. Старый грѣховодникъ понялъ это подмигиванье, и хотя былъ пьянъ, но сообразилъ, въ чемъ дѣло, и охотно поддавался искушеніямъ красивой Катерины.

— Изволь, братъ!.. Я для добраго человѣка все... изволь, душа!—И Ефремъ выложилъ предъ Кирилой три рубля.

— Вотъ спасибо! Вотъ благодаримъ, Ефремъ Никитичъ!.. Выпьемъ, братъ, за это... Ну-ка, хозяйка, подавай намъ по чарочкѣ...

Digitized by Google

Вышли, посидѣли. Кирило все благодарилъ Ефрема, а Ефремъ доказывалъ, что онъ добрѣйшій человѣкъ на свѣтѣ.

— Я, Ефремъ Никитичъ, схожу къ человѣку одному, а ты побесѣдуй тутъ съ хозяйкой... Я приду скоро... случай есть такой...

— Иди, братъ, иди, а мы здѣсь съ Катериной-то Андревной вышьемъ безъ тебя. А? такъ ли, Катенька?!...

— Вышьемъ, вышьемъ, Ефремъ Никитичъ; пусть онъ идетъ, ну, его!

Кирило поднялся изъ-за стола и вышелъ, оставивъ гостя на попеченіе своей сожительницы, и до утра не приходилъ домой, свалившись гдѣ-то у сосѣда. Ефремъ же ночевалъ въ домѣ Кирилы.

На другой день, опохмѣливъ своего гостя, Катерина предложила ему сдѣлать для дѣвокъ «вечорку».

— Пусть позабавятся да тебя потѣшатъ, Ефремъ Никитичъ; што тебѣ бросить тройку, а онѣ-то и не знай какъ будутъ рады, да и ты повеселишься по крайней мѣрѣ...

— Идетъ!—отвѣтилъ Ефремъ: — все для тебя сдѣлаю, Катенька!

Вечеромъ Ефремъ и Кирило опять пили вмѣстѣ. Катерина, тѣмъ временемъ, побѣжала къ товаркѣ и задушевной пріятельницѣ перетолковать о предстоящей вечоркѣ и о томъ, кого звать изъ дѣвокъ и кого нѣтъ...

— Я, небось, подруженька, не прозѣваю, поставлю старика на ноги... Умру, да ногой дрягну!... Хоть Матрешка и вертитъ хвостомъ, да нѣтъ, гдѣ ей супротивъ меня!..—тараторила Катерина у своей пріятельницы...

— Гдѣ запропалъ Ефремъ?...—толковали въ кабакѣ мужики:—хоть бы пришелъ да подалъ...

— Онъ, братъ, у Кирила, на печи ноги сушитъ. Катерина-то его ладно облапила...

— Пострѣлъ баба!... Ишь вѣдь старый чортъ подмазался!..

— Чудакъ, деньги вѣдь... Вчера Кирилѣ тройку далъ!...

— А! не мѣшай, значитъ...

Мужики захохотали.

Digitized by Google

— Попалъ, братъ, Ефремъ въ пай къ Кирилѣ, молодецъ!

— Ну, да пока деньжонки-то есть, такъ и пайщикъ, а повытрясетъ, такъ Кирило-то и шею наколотитъ.

— Ну! наколотитъ! А съ пріисковъ-то придетъ Ефремъ, ему опять хабаръ!...

— А и то правда! Што Кирилѣ-то? Пусть онъ ватажится съ хозяйкой-то, развѣ убудетъ ее, а деньги—деньгами... Гдѣ ихъ возьмешь?

— Да, дуракъ самъ навяливатся съ деньгами, какъ не брать...

До вечера Ефремъ не выходилъ изъ дома Кирилы и пьянствовалъ съ Катериной дома.

Наступилъ вечеръ.

— Ну, Ефремъ Никитичъ, пора и на вечорочку,—обращается Катерина къ лежащему на кровати Ефрему: — насъ ужъ, поди, ждутъ...

— На вечорку? Ладно! Да я пѣшкомъ не пойду на вечорку, а пусть меня дѣвки на рукахъ унесутъ, коли гулять хочутъ... Вотъ какъ!...

— Ха, ха, ха!—залилась громкимъ смѣхомъ Катерина:—какой же ты и прокуратъ у меня, Ефремъ Никитичъ!...

— А што? Ей-ну, право, на рукахъ!

— Да какъ же на рукахъ-то? Неловко!

— А вотъ я сяду на скамейку, а онѣ неси... Ведро возьму!—гуляйте, востроглазыя!...

Катерина хохотала.

— Ну, ладно, я сбѣгаю, скажу имъ... Да давай деньги-то, за водкой пошлю.

Ефремъ далъ пять рублей.

— Хозяинъ! — крикнула Катерина мужа, лежавшаго на печи:—возьми желѣзное ведро да иди въ кабакъ, возьми водки-то...

Она сунула въ руку мужа три рубля, а два оставила у себя и побѣжала на вечорку за дѣвками.

Чрезъ полчаса на улицѣ послышался дѣвичій смѣхъ и визгъ: дѣвки шли за Ефремомъ.

— Пожалуйте, Ефремъ Никитичъ, дѣвушки васъ понесутъ на вечорку,—говорила, запыхавшись, Катерина, входя въ избу.

Digitized by Google

— Вотъ люблю!... Какъ бы выпить, Катя?

Катерина подала Ефрему чашку изъ принесенной водки и, завернувшись въ куть, сама выпила двѣ.

— Ну-ка, дѣвушки, пондравьте старика!—выходя во дворъ, кричалъ Ефремъ.

Катерина поочередно зазывала дѣвицъ въ избу и подавала имъ по чашкѣ водки.

— Ай, дѣвонька, што же эко дѣется—старика понесемъ, вотъ смѣхотушки-то!—хохотала одна дѣвица, обращаясь къ другой.

— На, дѣвонька, эка бѣда!... наплевать!...

— Ванька-то приколотитъ меня, какъ узнатъ, онъ вѣдь у меня здрѣшной...

— Онъ разѣ на вечоркѣ?

— На! да отстанетъ отъ меня, дожидайся! Ходитъ, какъ теленокъ за коровой. А твой-то придетъ?

— Какъ же... Я говорила давѣ ему: приходи, молъ.

Между тѣмъ вынесли скамью, положили на нее подушку и усадили Ефрема, чтобы нести на вечорку, которая устраивалась въ домѣ хохла Дымниченки, недалеко отъ Кирилы.

Съ хохотомъ и визгомъ подняли дѣвицы Ефрема, гордо возсѣдавшаго на скамьѣ.

Процессія тронулась. Впереди шла пріятельница Катерины и зажженной лучиной освѣщала путь; за нею Катерина съ ведромъ, въ которомъ была водка; она колотила по ведру палкой и кричала:

— На вечорку! на вечорку! на вечорку!...

— Вы старика моего не уроните, за него я всѣхъ вашихъ молодыхъ не возьму,—смѣясь, говорила Катерина.

— На! да кака-така пришла! уронимъ! на што его ронять?...

Наконецъ, это оригинальное перенесеніе Ефрема кончилось благополучно. Три парня съ балалайками ждали въ избѣ Ефрема, чтобъ появленіе его встрѣтить разудалой плясовой, и грянули, какъ только Ефремъ отворилъ дверь.

— Вотъ люблю, ребята!... Разуважили! Эй, Катя, музыкантамъ водки!

Началась общая попойка. Дѣвицы пили наравнѣ съ пар-

Digitized by Google

нями и пустились въ плясъ, щеголяя другъ передъ другомъ самыми циническими тѣлодвиженіями... Все это тѣшило ясныя очи высокаго посѣтителя, и дѣвицы поочередно цѣловали стараго проказника. Въ избѣ было жарко, душно и дымно отъ постоянно закуриваемыхъ трубокъ.

Зрители всѣ не вмѣщались въ избѣ и нѣкоторые чрезъ окно смотрѣли на веселый пиръ Ефрема.

Вдругъ оконная рама съ трескомъ влетѣла въ избу, и зазвенѣли вдребезги разбитыя стекла. За окномъ раздавалась крупная брань. Это Александръ Голубевъ буянилъ съ горя, что его не пригласили на вечорку. Старикъ Дымниченко, какъ хозяинъ, заступился за честь своего дома: онъ схватилъ полѣно, лежавшее у печи, и, трясясь отъ гнѣва всѣмъ тѣломъ, выбѣжалъ на улицу.

— Я жъ тоби, бисовъ сынъ!—кричалъ онъ, подбѣгая къ Голубеву, который ругался и размахивалъ палкой, порываясь разбить другое окно, но зрители его не допускали.

— Убью, старый чортъ! не подходи!—кричалъ онъ подбѣгавшему Дымниченкѣ.

Послали за старшиной, чтобъ не вышло «смертнаго убойства». Старшина явился и хотѣлъ запереть буяна въ холодную баню и протрезвить, но Александръ успѣлъ шепнуть ему на ухо, что онъ дастъ рублевку, если его не тронутъ.

— Ты слушай, Александръ, я тебѣ резонно скажу: заплати ты за окошко да за безчестье старику; што тутъ хорошаго шумѣть! А ты, старичекъ, смирись, не лѣзь въ драку, вишь, хмѣленъ...—улаживалъ дѣло старшина. И дѣло уладилось на полведрѣ водки, новой рамѣ и одномъ рублѣ деньгами за безчестье. Принесли водку, и Александръ съ своей возлюбленной Матреной сдѣлался участникомъ попойки и пляски.

Было за полночь, всѣ зрители разошлись по домамъ, остались только приглашенные гости.

Катерина начала о чемъ-то перешептываться съ дѣвицами...

— Ну, дѣвоньки, теперь пора сыграть въ «женихи»!—раздался звонкій женскій голосъ.

Въ одну минуту огонь въ избѣ погасъ, гости остались въ

Digitized by Google

совершенной темнотѣ, начался во всѣхъ углахъ хохотъ и визгъ дѣвицъ, шопотъ и барахтанье.

Ефремъ ночевалъ у Дымниченки, потому что напился до окончательнаго изнеможенія своего грѣшнаго тѣла.

Утро было пасмурное, былъ вѣтеръ и шелъ снѣгъ.

Ефремъ пробудился съ сильною болью въ головѣ и полупьяный. Слѣдовало непремѣнно опохмѣлиться. Поднявшись съ полу и сильно пошатнувшись, сначала въ одну, потомъ въ другую сторону, онъ побрелъ къ Катеринѣ.

Предупредительная и заботливая Катерина ждала дорогаго гостя: на столѣ стоялъ готовый самоваръ и бутылка водки.

— Ой, Катерина, голова!... отворяя дверь, вопилъ Ефремъ.

— А! Ефремъ Никитичъ! а я тебя давно жду, самоварчикъ поставила, водочки принесла, садись-ка да опохмѣляйся. Можетъ, чего солененькаго надо?

Ефремъ только головой замоталъ.

— Вышей, легче будетъ!—И Катерина налила гостю полную чашку водки.

Ефремъ выпилъ; вино оживило его. Катерина сама тоже вышила, и начали пить чай.

— А гдѣ Кирило?—спросилъ Ефремъ.

— По сѣнишко уѣхалъ; ихъ дѣло мужичье—работать...

За первой бутылкой явилась другая, и Ефремъ былъ уже на старый ладъ. Изрядно опохмѣлившись, онъ побрелъ по деревнѣ прогуляться, на пути зашелъ въ кабакъ и взялъ бутылку наливки, запѣлъ пѣсню и, помахивая въ воздухѣ бутылкой, направился въ лавку.

— Я, братъ, знаю свое дѣло!—бормоталъ онъ, отворяя дверь:—я знаю...

— Что покупаете-съ, Ефремъ Никитичъ?—спросилъ торговецъ.

— А птичьяго молока!—острилъ Ефремъ:—вотъ што мнѣ надо, да!... птичьяго—одно слово... што? не пьешь!... а?

— Мы эфтимъ не торгуемъ-съ...

Digitized by Google

— А мнѣ надо... да!... Я, братъ, знаю свое дѣло...

— Товарцу-съ не угодно ли какого?

— Надобно! то-ись, перваго сорта ситца, значитъ, по красной землѣ штобъ огурцами...

— Какой прикажете? Сейчасъ отмѣряемъ...

— Самой что ни на есть преотличной...

Торговецъ выкинулъ на прилавокъ кипу ситцевъ самыхъ фантастическихъ рисунковъ.

Ефремъ мутными глазами окинулъ товаръ.

— Вотъ этого рѣжь двѣнадцать аршинъ.

Торговецъ отмѣрилъ и оторвалъ требуемое количество и хотѣлъ сложить.

— Погодь, погодь, не торопись,— остановилъ его Ефремъ и полѣзъ въ карманъ за деньгами.

— Сколько?

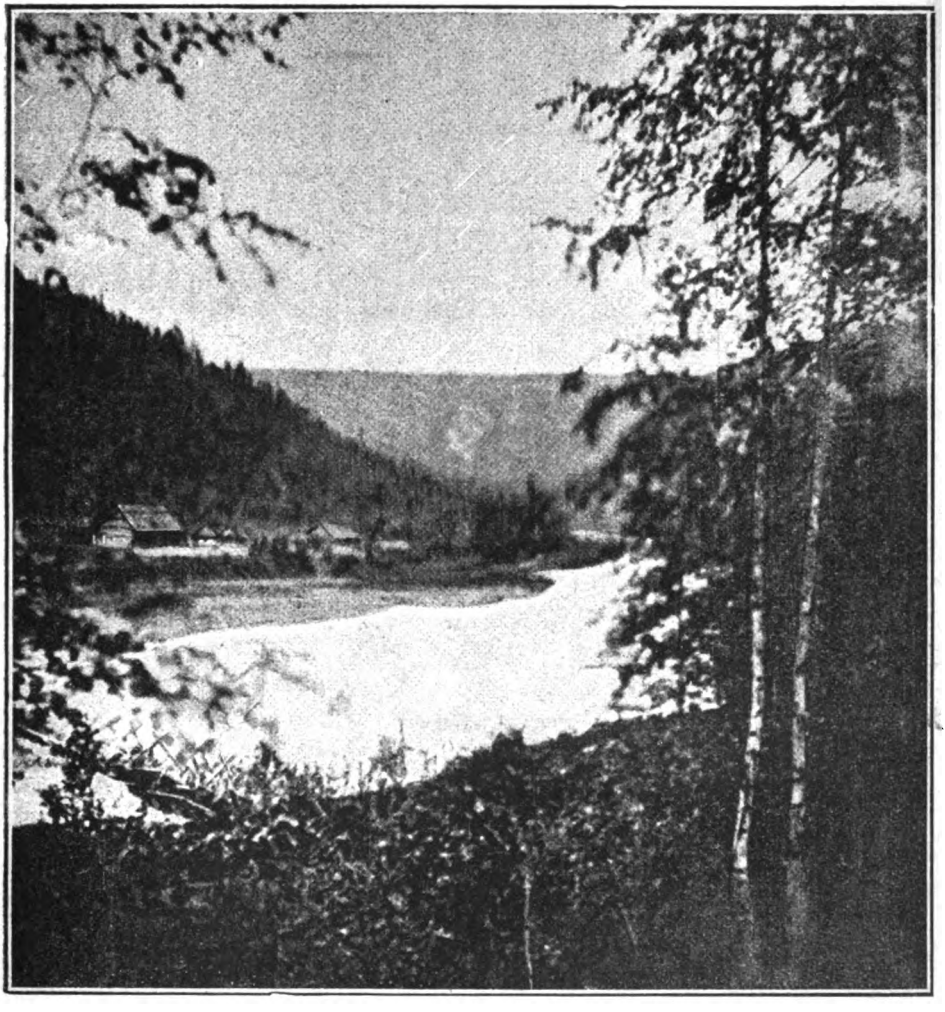
Торговецъ заломилъ втридорога, Ефремъ не торговался и заплатилъ. Потомъ взялъ одинъ конецъ матеріи чрезъ плечо и, распустивъ остальное по землѣ, волокомъ потащилъ свою покупку по улицѣ и, пошатываясь изъ стороны въ сторону, запѣлъ пѣсню. Вѣтеръ развѣвалъ и высоко вскидывалъ надъ головою Ефрема этотъ двѣнадцати-аршинный флагъ...

Бабы выбѣгали за ворота посмотрѣть на новую причуду Ефрема, но онъ не обращалъ вниманія на зрителей и, помахивая бутылкой, тащилъ обнову своей Катеринѣ.

Голубевъ при содѣйствіи Матрены успѣлъ уже спустить весь задатокъ: то проигрышемъ въ карты, то попойками, то платою за буйство. Приходилось снова приниматься за остатки отцовскаго наслѣдства...

Онъ шелъ навстрѣчу Ефрему изъ другаго конца улицы. На его шапкѣ висѣлъ большой желѣзный ковшъ, который, какъ кисть, покачивался около его уха. Ковшъ назначался для пропоя. Но нести его въ кабакъ обыкновеннымъ образомъ не доставляло Александру никакого удовольствія; нужно было сдѣлать что нибудь оригинальное, и вотъ на показъ всѣмъ онъ изобразилъ изъ него кисть. Ковшъ то и дѣло срывался съ шапки и гремѣлъ, падая на твердую дорогу, но Александръ

Digitized by Google

Золотосодержащая рѣчка Каменка въ Енисейской тайгѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

укрѣплялъ его снова тамъ, гдѣ ему быть должно. При каждомъ паденіи ковша Голубевъ пѣлъ:

Не шуми! не греми!...

Пріятели сошлись.

— Ты што это прешь, Никитичъ?

— Бабѣ!—отвѣтилъ отрывисто Ефремъ и продолжалъ неторопливо свое шествіе.

— Пойдемъ въ кабакъ, пропьемъ эту штуку!—указывая на матерію, крикнулъ Александръ.

— Не замай, это бабѣ!—отвѣтилъ Ефремъ.

Долго Голубевъ смотрѣлъ въ слѣдъ удаляющагося пріятеля, потомъ, какъ сумасшедшій, захохоталъ и, выругавъ Ефрема, направился въ кабакъ.

Это была послѣдняя крупная блажь Ефрема.

Чрезъ нѣсколько дней, прійдя въ чувство и повѣривъ свою казну, онъ увидѣлъ, что у него осталось только нѣсколько копѣекъ. Катерина замѣтно стала холоднѣе къ нему и на цѣлые дни уходила изъ дому «съ прялкой». Праздникъ для Ефрема кончился.

Пришлось перебираться къ земляку Устину Безрубахи...

Блѣдный, трясясь всѣмъ тѣломъ, ежится бѣдный Ефремъ у кабачнаго порога, выглядывая и выжидая стаканчикъ даровой водки. Но, увы, пожива была плохая. Пришлось пропить послѣднее «верхотурье», т. е. послѣдній зипунишко.

Мужики издѣвались и глумились надъ пропоицей Ефремомъ и надъ его разгульной жизнью.

— Ставь ведро, Ефремъ, сичасъ прокàтимъ къ Харитошкѣ, а не хошь—на рукахъ снесемъ...

— Ха, ха, ха!—потѣшались мужики:—видно, профеферился, братъ, шабашъ теперь!... Ты къ Катеринѣ бы шелъ...

— Осѣдлала она его!...

Ефремъ плюнулъ и пошелъ къ Устину Безрубахи.

— Смерть моя приходитъ, Устинъ, опохмѣлиться не на што...

— Ужо я сбѣгаю къ Никитѣ, возьму на косушку подъ неводъ, да съ перцемъ дамъ тебѣ—полегчаетъ. Достанъ Устинъ

Digitized by Google

косушку водки, тотчасъ же приготовилъ изъ нея настойку съ стручковымъ перцемъ и подалъ Ефрему.

— Вотъ знатно теперь!... Эхъ!...

— Небось, у сибиряка зимой снѣгу не выпросишь!..

Андрей Хворостовъ женился на своей Катеринѣ, которую взялъ «убѣгомъ», т. е. тайно отъ отца. Отпировавъ свадьбу, онъ нанялся въ батраки къ богатому крестьянину, на время, до «выгонки рабочихъ». Степанъ Перстовъ съ сыномъ погуляли два-три дня и больше не пили. Они купили кобылу и воздвигли изъ хвороста клѣть, куда и запирали на ночь свою новую работницу. Степанъ сталъ какъ-то солиднѣе и сосредоточеннѣе — чувствовалъ, что поправился. Подати были отданы, кобыла куплена, ребятишкамъ куплены рубахи, значитъ, все обстояло благополучно, бо́льшаго комфорта, пока, не требовалось...

Приближалось время къ «выгонкѣ рабочихъ» на пріиски.

IV.

Отправка.

Въ февралѣ мѣсяцѣ озерновскій старшина получилъ изъ Ивановскаго волостнаго правленія «приказъ», чтобы рабочіе, получившіе задатки отъ компаніи Осинина, къ такому-то числу непремѣнно явились въ Иваново для отправки на пріиски. Старшина объявилъ «приказъ» Андрею Хворостову, Семену Перстову, Ефрему и Александру Голубеву, которые назавтра же рѣшились отправиться по образу пѣшаго хожденія; такъ какъ Ефрему и Александру нанять лошадей было уже не на что, то за компанію пошли всѣ пѣшкомъ, какъ мы видѣли это въ первой главѣ очерковъ.

. . . . . .

Весьма не легкое дѣло для приказчика, нанявшаго на пріиски рабочихъ, препроводить ихъ до мѣста пріисковыхъ работъ. Тутъ нужно терпѣніе, энергія и умѣнье обращаться съ массою самаго разнохарактернаго пьянаго народа. Въ большинствѣ случаевъ, дѣло сбора и отправки рабочихъ не обходится безъ участія во-

Digitized by Google

лостныхъ и земскихъ властей. При отправкѣ на пріиски рабочіе прощаются съ свободною жизнію, зная напередъ, что житье на пріискахъ будетъ далеко не сладкое, и проводятъ послѣднія минуты свободы въ самомъ широкомъ разгулѣ. Но такъ какъ задатки пропиты еще на первыхъ порахъ ихъ полученія, то при отправкѣ идутъ въ оборотъ шубы, шапки, рукавицы, бродни, рубашки и вообще все, что можетъ быть пропито. Когда масса народа, человѣкъ въ триста или четыреста, даже въ сто, наполовину изъ поселенцевъ, перепьется,—сладить съ ней не очень легко!

На сборномъ пунктѣ производится и обмундировка рабочихъ. Для этого приготовляется значительное количество шубъ, бродней, рукавицъ, рубашекъ и т. п., потому что иные пропоицы являются «яко нагъ, яко благъ» и, получивъ нужныя вещи, опять тащатъ ихъ въ кабакъ. Обмундировка производится въ счетъ будущихъ заработковъ, и нѣкоторые рабочіе умудряются разъ по пяти пропивать полученныя вещи. Остановить пропой вещей нѣтъ никакой возможности...

Ефремъ и Александръ Голубевъ, явившись въ Иваново на сборный пунктъ, пошли къ приказчику съ требованіемъ обуви и полушубковъ. Имъ выдали шубы и бродни. Шубы едва доходили до колѣнъ и стоили по пяти рублей...

— Ну, теперь можно и выпить,—сказалъ Ефремъ, потрясая среди улицы полученными бродними. Онъ и Александръ пошли въ кабакъ.

У дома приказчика толпились рабочіе и подъѣзжали порожнія сани, запряженныя парами лошадей: это были подводы для рабочихъ. Въ кабакѣ стоялъ пиръ-горой: пѣсни, брань, говоръ,—все сливалось въ общій, неопредѣленный гулъ. Пріятели вошли въ кабакъ и съ трудомъ протѣснились впередъ, къ неизсякаемому источнику. Ефремовы бродни полетѣли за стойку цѣловальника, туда же отправились и Александровы, и вмѣсто нихъ появились бутылки съ водкой. Началась попойка и угощеніе товарищей предстоящаго тяжелаго труда. Ефремъ пилъ залпомъ стаканъ за стаканомъ и чрезъ нѣсколько времени едва уже держался на ногахъ. Онъ съ клятвою увѣрялъ какого-то оборваннаго пріискателя, что лучше его, Ефрема Никитина,

Digitized by Google

никто не насадитъ лопатку на рукоятку, и что это дѣло для рабочаго—не то чтобы наплевать...

— У тебя будетъ поясница трешшать, а у меня нѣтъ,— говорилъ Ефремъ, вытягивая впередъ шею, чуть не къ самому носу слушателя:—вотъ оно што значитъ лопатка! А што лопатка? плевое дѣло!... Нѣтъ, ты ее въ дѣйство пріизведи, а то шалишь!... И лопатка да будетъ не лопатка, а дермо!—Оборванецъ смотрѣлъ на Ефрема пьяными, потускнѣвшими глазами, молчалъ и только въ знакъ согласія моталъ головой.

— А вотъ теперь, возьмемъ къ примѣру, кайла... Ну, дадутъ тебѣ кайлу эту самую, ты и думашь, што она тебѣ будетъ робить? Нѣтъ, шалишь! ты ее пріизведи въ дѣйство... А то какъ ты тепереча подкайлишь забой, коли она у тебя все носомъ-то на утыкъ да на утыкъ? Нѣтъ, братъ, тутъ смыселъ!— и при этихъ словахъ Ефремъ ткнулъ себя пальцемъ въ лобъ.

Дверь кабака широко растворилась, и на порогѣ показался молодой крестьянинъ, очень прилично, покрестьянски, одѣтый: это былъ волостной начальникъ.

— Эй вы, пьяницы, вонъ изъ кабаку! Кони давно ужъ васъ дожидаются. Вонъ пошли!

Но разгулявшіеся рабочіе не слыхали этого возгласа.

— Вонъ пошли! вамъ, или нѣтъ, я говорю?—возвышая голосъ, кричалъ волостной и, ворвавшись въ середину рабочихъ, началъ ихъ одного за другимъ выталкивать изъ кабака.

Волей-неволей приходилось заканчивать веселую бесѣду. Всѣ вышли и направились, повидимому, къ квартирѣ приказчика, къ мѣсту, гдѣ стояли ихъ подводы. Волостной же начальникъ, захвативъ еще съ собою двухъ десятниковъ, пошелъ къ другому кабаку. Однако, едва успѣлъ онъ поворотить въ другую улицу, какъ толпа изгнанниковъ обратилась снова въ тотъ же кабакъ, и Ефремъ, не довольствуясь пропоемъ бродней, разсудилъ за благо пропить и сейчасъ полученную шубу, за которую потребовалъ полведра, и угощеніе началось снова. Ефремъ царилъ въ кабакѣ, какъ во времена оны въ Озерновѣ, и кричалъ, надрывая грудь:

— Вотъ, милые други, какъ прійдемъ на пріиски, узнаете вы, што за штука Ефремъ Никитинъ. Вы думаете, я такъ дурачка строю? Нѣтъ, меня знаютъ тамъ! Я съ управляюшшимъ—

Digitized by Google

што съ вами, все равно; што сказалъ Ефремъ, такъ тому и быть...

Наконецъ, хвастовство Ефрема приняло такіе громадные размѣры, что можно было заключить изъ его словъ, что онъ шелъ на пріиски не простымъ рабочимъ, а какимъ-то полноправнымъ уполномоченнымъ.

— Вы опять тутъ?—раздалось въ дверяхъ кабака:—што же это я буду дѣлать съ вами, съ подлецами? Вонъ изъ кабаку, пьяницы!—И волостной начальникъ опять началъ выталкивать пьяныхъ на улицу. Выгнавъ всѣхъ, самъ пошелъ съ десятниками провожать ихъ до дома приказчика.

— Мнѣ ѣхать не въ чемъ!—завопилъ Ефремъ, подходя къ дому:—шубы нѣтъ, рукавицъ нѣтъ, бродней нѣтъ, ничего нѣтъ!... А! меня заморозить, видно, хочутъ! Нѣтъ, давайте одёжу!...

— Шубу мнѣ давайте, рукавицы! —кричитъ другой.

— Шапки нѣтъ! шапку надо!—кричитъ третій.

— Дайте денегъ! рупь одинъ, право слово, рупь-цѣлковой!...

— Пойдемъ, выпьемъ ишшо по шкалику на дорогу,—совѣтуются двое:—ну, рукавицы по боку—дадутъ новы!... Пойдемъ—подождутъ!

Порѣшивъ на счетъ рукавицъ, украдкой уходятъ въ кабакъ.

— Ваше почтеніе!—кричитъ и тянется къ окну приказчичьяго дома едва двигающійся пріискатель: — у меня онучъ нѣту! позвольте!...

Надо было всѣхъ удовлетворять, а удовлетворивши требуемыми вещами, просить волостныхъ начальниковъ собирать рабочихъ по кабакамъ. Употребить надъ кѣмъ либо насиліе, для примѣра прочимъ, вещь немыслимая. Достаточно одному пьяному крикнуть: «Мы сегодня не ѣдемъ!»—и вся толпа встрепенется и закричитъ: «Не ѣдемъ, шабашъ!» Всѣ разбредутся, и не съ кѣмъ даже будетъ вести какіе бы то ни было примирительные переговоры.

Андрей Хворостовъ съ нѣкоторыми товарищами болѣе трезвыми сидѣлъ на лавочкѣ у воротъ приказчичьяго дома и съ любопытствомъ смотрѣлъ на пьяную, шумѣвшую ораву.

Digitized by Google

— Это, кажись, Лучковъ стоитъ, изъ Перепрягиной,—замѣтилъ онъ сидѣвшему рядомъ мужику, указывая на Лучкова.

— А кто его знатъ!—отвѣтилъ мужикъ.

Андрей подошелъ къ Лучкову, который одѣтъ былъ въ новый пріисковой полушубокъ и новые бродни. На лицѣ его изображалась страшная тоска, и сѣрые грустные глаза смотрѣли сквозь слезы на все окружающее. Возлѣ него стояла баба съ ребенкомъ на рукахъ, завернутымъ въ какой-то мѣховой лоскутъ. Другой мальчишка, въ мужичьемъ зипунѣ, разношенныхъ большихъ валенкахъ и собачьихъ мохнаткахъ, дрожалъ, прижавшись къ бабѣ. Баба плакала и сморкалась въ руку; мальчишка посинѣлъ отъ холода и длинными рукавами зипуна утиралъ носъ.

— Ты што, Лучковъ, везти нанялся, видно, пріискателей?—спросилъ Андрей, подходя къ Лучкову.

— Здорово, Андрюха,—отвѣтилъ Лучковъ:—какой везти! на пріиска!

— Што такъ?

— Запродали за подати...

— Развѣ ужъ больно много за тобой податей?

— Нѣтъ, за старшинскія...

— Буховшина, видно?

— Буховшина *).

— Квитанцій не было?

— Не было,—со вздохомъ сказалъ Лучковъ:—двѣсти пятьдесятъ рублей писарю отдалъ въ волости, а онъ говоритъ: квитанцію послѣ выдамъ; неужели ты, говоритъ, мнѣ не повѣришь? кому же и вѣрить, какъ не мнѣ? Теперь, говоритъ, нѣту времени выдать. Повѣрилъ я, уѣхалъ домой. Пріѣзжаю въ другой разъ: квитанцію, молъ, пожалуйте. Написалъ — слова не сказалъ. Чрезъ недѣлю аль двѣ, забылъ ужъ я, пріѣзжаетъ въ нашу деревню. Я, говоритъ, ѣзжу по волости, квитанціи собираю для учета, потому смѣняться хочу; давай, говоритъ,

*) Буховщиной называются взысканія съ цѣлаго общества или съ одного лица растратъ, произведенныхъ волостными начальниками и писарями.

Авт.

Digitized by Google

квитанцію. Я ему говорю: какъ же, Осипъ Михайловичъ, дать вамъ квитанцію, у меня въ рукахъ никакой бумаги не останется. Деньги твои, говоритъ, въ книгу заведены, не сумляйся, не пропадутъ. Отдалъ я квитанцію, писаря нанялъ новаго. Прошло съ недѣлю времени, съ меня и поворотили эти деньги. Я въ волость, такъ и такъ—объясняю. Проси, говорятъ, квитанцію назадъ. Я къ Осипу Михайловичу: пожалуйте, молъ, назадъ квитанцію въ деньгахъ. Какую, говоритъ, квитанцію? Когда я у тебя бралъ деньги? Коли бралъ, такъ онѣ записаны. Справляйся въ волости. Я было совѣстить его... Куда! по шеѣ выгналъ. Я къ исправнику: никакого резона не принимаетъ; подавай, говоритъ, деньги, хоть што хошь дѣлай. Ну, вотъ теперь описали, скотишка продали рублей на полсотни, а за остальны-то запродали...

Лучковъ вздохнулъ и замолчалъ.

— Што отъ него, отъ писаря-то, добра ожидать? Одно слово, въ Сибирь на цѣпи пришелъ!

— Худо твое дѣло!...

— Худо. Вотъ безъ хлѣба остались,—мотнулъ Лучковъ головой на плачущую бабу.

— Твоя видно?

— Моя... это мои же,—не глядя на ребятъ, прибавилъ Лучковъ.

— Какъ же они теперь?

— Да, видно, міромъ... именемъ Христовымъ!

Слезы катились по красному отъ холода лицу бабы и крупными каплями падали на лежавшаго у нея на рукахъ, въ мѣховомъ лоскутѣ, ребенка...

Андрей внимательно посмотрѣлъ на бабу и на ребятишекъ и отошелъ отъ Лучкова.

Пьяная толпа гудѣла у воротъ; пріискатели всѣ были въ сборѣ.

— А што же, ребята,—громкимъ голосомъ крикнулъ пьяный рабочій:—рази онъ по шкалику намъ не подастъ на дорогу? Нѣтъ, шалишь! на дорогу это завсегда бываетъ, положеніе такое...

Этотъ возгласъ мгновенно взволновалъ всѣхъ. Сотня голо-

Digitized by Google

совъ завопила:—По шкалику! по шкалику на дорогу! а то мы не ѣдемъ—шабашъ, значитъ!... Ваше почтеніе, Лука Савичъ, по шкалику!... Сейчасъ и поѣдемъ...

— Этакіе варвары!... шельмы, пьяницы!—бранился Лука Савичъ:—безъ двухъ ведеръ не увезешь ихъ!

— Рубцовъ здѣсь?—крикнулъ Лука Савичъ.

— Здѣсь!—отозвались изъ толпы.

— Рубцовъ, иди сюда!

Рубцовъ, старый рабочій, имѣющій вліяніе на новичковъ, отдѣлился отъ толпы и пошелъ къ Лукѣ Савичу.

— Ну, Рубцовъ,—заговорилъ Лука Савичъ:—докуда вы будете меня мучить?... Уговори ты ихъ, подлецовъ, ѣхать...

— Я, то-ись, Лука Савичъ, съ моимъ полнымъ, што называется, удовольствіемъ,—бормоталъ пьяный Рубцовъ:—то-ись, народъ, видите, несообразный, гдѣ жъ съ ними!...

— Вотъ что, Рубцовъ, я знаю, что ты ихъ уговоришь, и потому прошу тебя: за это получишь отъ меня отдѣльно на водку—понимаешь?

— Я, то-ись, съ полнымъ... только, видите, безъ водки теперь никакъ не потрафишь, то-ись...

— Ну, хорошо, чортъ съ вами: по шкалику я подамъ вамъ; только, слышишь, чтобъ сейчасъ же ѣхать... такъ и скажи, а не то поѣду къ исправнику, возьму казаковъ—худо будетъ!

— То-ись, выпьютъ только, такъ сейчасъ и поѣдутъ, то-ись, голову даю на отсѣченье...

— Ну, и прекрасно! Ты ужъ, пожалуйста, Рубцовъ, уговори ихъ; я вѣдь знаю тебя...

— Я, то-ись, всей душой...

Послали за водкой.

— А какъ же, Лука Савичъ, рюмочку бы надо выпить,—вкрадчиво заговорилъ Рубцовъ.

— А чтобъ вы издохли,—бормоталъ про себя Лука Савичъ, однако жъ отказать парламентеру въ рюмочкѣ не рѣшился.

— Ну, ребята, я схлопоталъ водки на дорогу,—объявилъ Рубцовъ своимъ товарищамъ, возвращаясь отъ приказчика:—только, смотрите, уговоръ пуще денегъ: выпейте да и маршъ,

Digitized by Google

а не то, ребята, дѣло будетъ дрянь: вонъ онъ за казаками хочетъ посылать... У насъ бывали эти примѣры, да ишшо перепорятъ которыхъ...

Принесли водку. Вышелъ приказчикъ.

— Становитесь въ ряды!—скомандовалъ онъ, но шумъ и гамъ не унимались. Рубцовъ съ нѣкоторыми расторопными и не очень пьяными товарищами привелъ кое-какъ въ порядокъ спившуюся толпу.

Лука Савичъ съ помощію волостнаго начальника и десятскихъ началъ перекличку и подачу водки. Нѣсколько человѣкъ оказались неспособными получить эту напутственную порцію, потому что наполучались уже ранѣе и безгласные и бездыханные лежали на саняхъ.

Рабочіе всѣ оказались налицо, за исключеніемъ тѣхъ, которые не могли явиться по болѣзни, какъ удостовѣряла волость.

Подача водки кончилась.

— Ну, ребята, на сани и съ Богомъ!

— На сани! на сани!—командовалъ Рубцовъ и силой валилъ на сани охмѣлѣвшихъ товарищей.

Встрѣтилась необходимость нѣкоторыхъ черезчуръ пьяныхъ пріискателей привязать къ санямъ веревками, что для предосторожности и было немедленно сдѣлано.

Матери и жены рабочихъ пришли изъ близкихъ деревень проводить своихъ кормильцевъ и, глядя на нихъ, плакали.

Не одинъ Лучковъ былъ такой горемыка, оставившій семью безъ хлѣба—много было подобныхъ ему. И всѣхъ ихъ гнала на пріиски неминучая нужда, изъ лапъ которой они вырывались и попадали въ болѣе сильныя и жесткія лапы «вольно-каторжной работы».

— Трогай!—крикнули переднему ямщику.

— Прощай!—сказалъ Лучковъ своей бабѣ.

— Прощай!—сказала баба и, бросивъ долгій взглядъ на уѣзжающаго мужа, неспѣшно пошла домой.

Подстоявшіяся и продрогнувшія лошади быстро помчались по селу, поднимая снѣжную пыль.

Digitized by Google

V.

„Ку-ку! ку-ку! ку-ку!“

Въ началѣ мая въ тайгѣ лежитъ еще снѣгъ, и только въ концѣ этого мѣсяца начинается весеннее пробужденіе природы. Въ тайгѣ весна наступаетъ очень быстро. Пригрѣетъ солнце, повѣетъ теплый весенній вѣтерокъ, и снѣгъ замѣтно для глазъ начинаетъ таять. Горные потоки съ шумомъ и грохотомъ несутся по склонамъ каменистыхъ горъ и, низвергаясь водопадами въ таежныя рѣчки, клубами взбиваютъ бѣлоснѣжную пѣну. Таежныя рѣчки весной становятся столь грозными, что всякую переправу чрезъ нихъ дѣлаютъ невозможною. Съ ужаснымъ шумомъ несутся онѣ между горами и увлекаютъ въ своемъ теченіи громадные камни и свалившіяся съ береговъ деревья, и шумъ этотъ далеко раздается въ глухой тайгѣ, особенно по вечерней и утренней зарѣ, сливаясь въ какой-то неопредѣленный гулъ...

Былъ тихій и теплый весенній день въ концѣ мая. Человѣкъ двадцать рабочихъ, въ числѣ которыхъ былъ Александръ Голубевъ и поселенецъ Григорій Стручковъ, рыли водоотводную канаву, подъ командою стараго пріисковаго служаки Ивана Ильича Подлубнаго.

Иванъ Ильичъ въ кожаномъ пальто и такой же фуражкѣ молча сидѣлъ на камнѣ и курилъ свою вѣчно дымящуюся коротенькую трубочку. Онъ съ знаніемъ и любовію къ дѣлу слѣдилъ за работой. Рабочіе были веселы и шутили. Иванъ Ильичъ, по своему природному добродушію, перекидывался иногда съ ними шутками и терпѣливо слушалъ ихъ подчасъ очень сальные каламбуры. Вдругъ въ ближнемъ ельникѣ, недалеко отъ работавшихъ, раздалось унылое, однообразное: «ку-ку! ку-ку!»

— О, будь ты проклята, анаѳема!—вскричалъ Иванъ Ильичъ и какъ ужаленный змѣей вскочилъ съ камня. Онъ съ ожесточеніемъ плюнулъ по направленію къ куковавшей птицѣ. Рабочіе подняли головы и нѣкоторые захохотали.

— Што это вы, Иванъ Ильичъ?—спросилъ одинъ изъ рабочихъ.

Digitized by Google

— Ты развѣ оглохъ, не слышишь? Проклятая птица зацѣла,—чтобъ ей камнемъ подавиться!

— Это енаралъ Кокушкинъ нашего брата приглашаетъ,— засмѣялся Стручковъ и значительно взглянулъ на Александра Голубева. Старый служака Подлубный поймалъ этотъ мимолетный взглядъ и, грозя пальцемъ Стручкову, строго сказалъ:

— Смотри, Стручковъ, если бѣжать — берегись! Ты-то, чортъ съ тобой, бѣги, тебя не удержишь, да хоть молодыхъто не сбивай съ ума...

— Помилуйте, Иванъ Ильичъ, зачѣмъ же мнѣ бѣжать, вѣдь я не въ заборѣ, слава Богу... Нѣтъ, нынѣ я честно отработаю лѣто, вотъ увидите...

«Ку-ку, ку-ку, ку-ку!»—раздалось въ другомъ мѣстѣ.

— Енаралъ Кукушкинъ, енаралъ Кукушкинъ!—раздавалось между рабочими.

— Ишь вѣдь она... штобъ ей подавиться! Не болѣлъ, видно, у ней зобъ-то, у проклятой, распѣлась!..—набивая трубку свѣжимъ табакомъ, бранился Иванъ Ильичъ и опять усѣлся на камень.

— Всякая птица отъ Господа Бога, Иванъ Ильичъ,—заговорилъ какой-то старый рабочій: — грѣшно такъ-то ей намаливать!

— Нѣтъ, эта птица отъ чорта,—глубокомысленно опровергалъ доводы рабочаго Иванъ Ильичъ:—а потому она отъ чорта, што какъ запоетъ, такъ вы и тягу задаете съ пріисковъ, негодяи! Двадцать лѣтъ я служу въ тайгѣ, а каждый годъ все одно и то же: какъ принесетъ чортъ эту проклятую птицу, такъ завтра же и недочетъ. А нынѣ, ты думаешь, не побѣгутъ? Какъ же! Я безъ бобовъ знаю, што Стручковъ убѣжитъ, ему не въ первой, да и уведетъ еще кого нибудь... Чего добраго, Голубенокъ улетитъ съ нимъ! Я видѣлъ, какъ они переглянулись, когда запѣла проклятая птица... Ну, да покараулимъ на всякій случай... Поймаемъ, такъ не прогнѣвайся!...

— Ей вы, трубачи, принимайтесь за лопаты! Кури, да и работай, а то што за трубку, то и отдыхъ... Какъ худая лошадь... Ей ты, рыжая борода, заговаривай зубы-то! Вотъ я

Digitized by Google

тебѣ накладу въ ранецъ-то!—потрясая въ воздухѣ палкой, кричалъ Иванъ Ильичъ на зазѣвавшагося рабочаго.

Вообще съ крикомъ кукушки мирное настроеніе духа Ивана Ильича пропало. Онъ, по природѣ добрый, снисходительный, даже гуманный, что̀ величайшая рѣдкость между пріисковыми служащими, теперь враждебно смотрѣлъ на ввѣренную ему партію. «Што ихъ, негодяевъ, жалѣть!—думалъ Иванъ Ильичъ:—вѣдь убѣгутъ, непремѣнно убѣгутъ... Пусть же работаютъ безъ отдыха, чортъ съ ними, што ихъ жалѣть!»

— Вы поскорѣе руками-то шевелите, лодари! Только бы день провести... Вода одолѣваетъ въ разрѣзѣ, а они шевелятся—не шевелятся. Только бѣжать норовите, подлецы!... Нѣтъ, васъ на ночь замыкать будемъ, вотъ што! Попробуйте-ка тогда!...

На рабочихъ крикъ кукушки произвелъ сильное впечатлѣніе: они словно присмирѣли, не говорили, не смѣялись и копались молча въ сырой, липкой глинѣ. У каждаго невольно вертѣлась въ головѣ мысль о побѣгѣ. Нѣкоторые съ упорствомъ гнали прочь эту назойливую, безпокойную мысль, но другіе, какъ Стручковъ и Голубевъ, лелѣяли ее, и сердце ихъ затрепетало и страхомъ, и радостью, что наконецъ-то «енаралъ Кукушкинъ» подалъ свой голосъ и призываетъ въ походъ.

— Надо сказать управляющему, штобъ караулъ назначилъ построже, а то полкоманды разбѣжится,—думалъ Иванъ Ильичъ:—а какъ ихъ удержишь? Хоть карауль—не карауль, время такое пришло, ничего не подѣлаешь...

Грустно опустивъ голову и не вынимая изо рта давно погасшей трубочки, сидѣлъ и раздумывалъ Иванъ Ильичъ:

— А и то опять: если судить по человѣчеству, наѣздится эта мать сыра-земля на ихъ плечахъ-то... Тутъ сидишь только да смотришь, и то одурь беретъ, а ну-ка съ утра-то да до ночи почертомель этакъ-то всякій день—небось, задумаешь и отдохнуть на вольномъ свѣтѣ...

Опасенія добраго Ивана Ильича были дѣйствительно основательны. Въ тайгѣ на пріискахъ, какъ и въ рудникахъ на каторгѣ, былъ заведенъ одинъ порядокъ: какъ скомандуетъ «енаралъ Кукушкинъ» своимъ унылымъ голосомъ «ку-ку!»—такъ всѣ жаждущіе свободы съ нетерпѣніемъ выжидаютъ первый

Digitized by Google

удобный случай къ побѣгу. Ни усиленный караулъ, ни неусыпный надзоръ пріисковой администраціи, ничто не удержитъ отъ побѣга рѣшившагося на это рабочаго, какъ ничто не удержитъ того же рабочаго напиться водки, когда появятся близь пріиска спиртоносы. Въ этихъ двухъ случаяхъ рабочіе рѣшаются рисковать и жертвовать всѣмъ.

Пробилъ вечерній звонокъ, возвѣщающій окончаніе работъ. Иванъ Ильичъ задумчиво и медленно брелъ къ дому управляющаго, Николая Александровича Скворецкаго, отставнаго кавалерійскаго офицера. Скворецкій носилъ только имя управляющаго, но въ дѣлѣ управленія пріисками не понималъ ровно ничего. Всѣ его занятія ограничивались ѣздой верхомъ съ одного пріиска на другой, любезничаньемъ съ женами служащихъ, ухаживаньемъ за дочерями тѣхъ же служащихъ и игрою въ карты съ приличными возліяніями. Дѣло велось старыми служаками, хорошо знакомыми съ механизмомъ пріисковыхъ работъ. Скворецкій занималъ этотъ постъ по праву товарищества по военной службѣ съ богачемъ хозяиномъ, проживающимъ то въ Петербургѣ, то за границей. Въ сибирскую глушь Скворецкаго загнали весьма разстроенныя финансовыя обстоятельства и громадные долги.

— Дома Николай Александровичъ? — спросилъ у лакея Иванъ Ильичъ, входя въ домъ Скворецкаго.

— Дома.

Иванъ Ильичъ вошелъ.

— А! любезнѣйшій Иванъ Ильичъ!—весело и развязно заговорилъ Скворецкій:—милости просимъ, садитесь, пожалуйста... Алексѣй, подай стаканъ чаю! Прошу васъ, садитесь — вмѣстѣ будемъ чай пить... Ну, что, какъ наши работы? Отлично, не правда ли? а? Богатство у насъ? а?

— Да, на первый разъ — слава Богу,—отвѣтилъ Иванъ Ильичъ.

— Я радъ. Буду писать хозяину, что дѣло у насъ прекрасное.

— Конецъ дѣло краситъ, Николай Александровичъ.

— О! дурно не можетъ кончиться: розсыпи, какъ видно,

Digitized by Google

богатыя, посмотрите, какія каждый день великолѣпныя съемки золота!

— Я къ вамъ по дѣлу, Николай Александровичъ, вы ужъ извините меня...

— Сдѣлайте милость, сдѣлайте милость, что такое?

— Я двадцать лѣтъ служу въ тайгѣ, знаю все... Теперь, видите ли, весна, воды проходятъ... проклятая птица тоже прилетѣла...

— Что такое, что такое? Какая это птица?

— Видите въ чемъ дѣло, Николай Александровичъ, рабочіе въ это время каждый годъ дѣлаютъ побѣги... такъ я васъ хотѣлъ предупредить: вы ихнихъ порядковъ не знаете! Вотъ какъ закричитъ кукушка, ну, и прощай тогда: словно кто ихъ палкой погонитъ съ пріисковъ.

— А! я этого не зналъ. Но скажите, пожалуйста, что̀ за причина бѣгства?

— А такъ-съ, безъ всякой причины, неохота работать и бѣгутъ.

— Но помилуйте, какъ же это неохота?

— Очень просто-съ, соберутся да и маршъ...

— Что же нужно дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Я объ этомъ хотѣлъ только предупредить васъ, Николай Александровичъ, а ужъ какъ и што дѣлать...

— Да, вещь скверная!... Но, можетъ быть, Иванъ Ильичъ, дѣлались и дѣлаются побѣги тамъ, гдѣ народъ слишкомъ обременяютъ работой, гдѣ люди терпятъ недостатки во всемъ, а у насъ все это, кажется, устранено... съ чего бѣжать? Я, право, не знаю!...

— Это, Николай Александровичъ, дѣло неизбѣжное, только бы не въ большомъ количествѣ, а пять-шесть человѣкъ—это еще не бѣда!

— А! такъ это вещь неизбѣжная, говорите вы?

— Да, вещь неизбѣжная... Вы, при раскомандировкѣ, сами сказали бы што нибудь командѣ на счетъ побѣговъ... пострашали бы... можетъ быть...

— Хорошо, хорошо, я завтра самъ буду при раскомандировкѣ. Пообѣщаю имъ двойную порцію водки; въ противномъ

Digitized by Google

случаѣ совершенно лишу ихъ порцій и буду строго взыскивать... Такъ? не правда ли? а?

— Совершенно вѣрно, Николай Александровичъ.—И Николай Александровичъ, довольный своими соображеніями, покручивая усы, началъ насвистывать какой-то романсъ и быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Иванъ Ильичъ всталъ, собираясь уходить.

— Что же вы, добрѣйшій Иванъ Ильичъ! посидите! Вотъ выпьемъ по рюмочкѣ—съ трудовъ слѣдуетъ! Ахъ, какая скука у васъ здѣсь, на пріискахъ! Все это тайга, тайга и тайга!... Я, живя въ Петербургѣ, имѣлъ совершенно другое мнѣніе о пріисковой жизни... Это просто какая-то могила!... Эй, Алексѣй, подай водку и закуску!

— Какъ для кого, Николай Александровичъ, а для меня такъ тайга самое прекрасное мѣсто. Я въ двадцать лѣтъ такъ, знаете, привыкъ къ таежной жизни, что меня и не тянетъ въ жилое мѣсто.

— Это дѣло привычки, съ этимъ я совершенно согласенъ!

Подали водку.

— Иванъ Ильичъ, пожалуйте!

— Благодарю васъ покорно.

— Помилуйте, я съ вами выпью... Мнѣ сегодня предстоитъ маленькое путешествіе: хочу съѣздить на Благовѣщенскій, къ Собакинымъ... Представьте, я еще не былъ у нихъ ни разу; это съ моей стороны невѣжливо... Хорошее, говорятъ, семейство. Вы знаете ихъ?

— Какъ же, сколько лѣтъ знакомы, прежде пріятелями были...

— Большое семейство этихъ Собакиныхъ?

— Самъ-пятъ: двѣ дѣвушки и мальчикъ, жена...

— Большія дѣти?

— Старшей-то дѣвушкѣ годовъ девятнадцать есть, а другой годовъ семнадцать, мальчикъ лѣтъ десяти, што ли, будетъ.

— Гмъ!—самодовольно мыкнулъ управляющій.

Иванъ Ильичъ изъ-подъ бровей посмотрѣлъ на него и подумалъ: «Теперь будетъ новое мѣсто, куда тебѣ рыскать, беззаботная ты головушка!»...

Digitized by Google

— Алексѣй, прикажи Ванѣ осѣдлать для меня «Жигана». Для себя тоже пусть приготовитъ лошадь, онъ поѣдетъ со мной...

— Поторопиться надо вамъ: вечеръ на дворѣ,—замѣтилъ Иванъ Ильичъ.

— Это для насъ съ Иваномъ ничего не значитъ, мы никого не трусимъ.... А сколько тутъ верстъ?

— Кто ихъ знаетъ, полагаютъ—пятнадцать, а точно не знаю.

— Ну, что жъ, два часа ѣзды...

— Итакъ, счастливаго путешествія желаю вамъ,—не безъ иронiи говорилъ Иванъ Ильичъ, раскланиваясь съ управляющимъ.

— Благодарю васъ, любезнѣйшій Иванъ Ильичъ, что вы предупредили меня относительно побѣговъ; постараюсь принять всѣ мѣры... Кстати я и съ Собакинымъ поговорю объ этомъ дѣлѣ: умъ, знаете, хорошо, а два лучше.

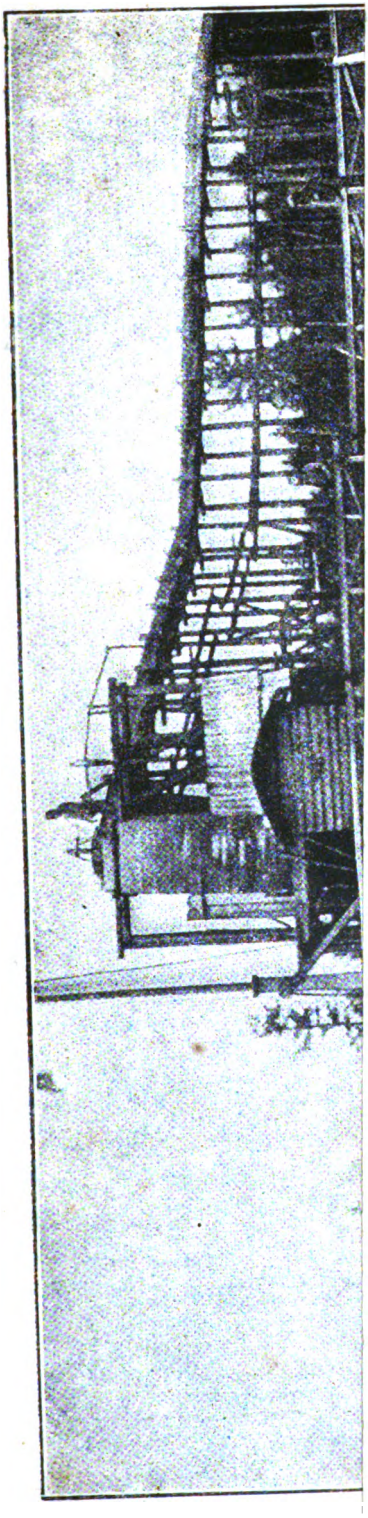
Скворецкій любезно прощался съ Иваномъ Ильичемъ и еще любезнѣе пожималъ своею почти дамскою рукою широкую и жесткую руку стараго служаки.

— Не будетъ изъ него никакого толку!—думалъ Иванъ Ильичъ, уходя отъ Скворецкаго.

Къ крыльцу дома управляющаго подвелъ двухъ осѣдланныхъ лошадей рыжій дѣтина, аршинъ трехъ ростомъ, въ бѣломъ армякѣ, полы котораго были заткнуты за опояску. На головѣ его была замасленная шляпа, которая въ видѣ лодки лежала на кудрявыхъ, рыжихъ волосахъ конюха. Этого Геркулеса Николай Александровичъ называлъ уменьшительнымъ именемъ «Ваня».

Иванъ Вѣтровъ былъ крестьянинъ изъ дальней губернiи и уже нѣсколько лѣтъ служилъ на прiискахъ конюхомъ. По природѣ ли, или отъ постояннаго обращенiя съ лошадьми, онъ и самъ какъ-то оскотообразился. Грубъ онъ былъ до омерзѣнiя и, обладая страшной физической силой, презрительно и свысока смотрѣлъ на всѣхъ. Свою громадную силу онъ не разъ доказывалъ въ единоборствѣ съ медвѣдями, которыхъ въ лѣтнее время, на прiисковыхъ дорогахъ, ведущихъ въ жилое мѣсто, встрѣтить не рѣдкость. Такой человѣкъ, какъ Вѣтровъ,

Digitized by Google

къ, на-
иренія
хъ, для
упра-
и т. п.
сковой

на сдѣ-
телемъ
ери зо-
жизни
конюо-
выдви-
безша-
ва бы-
нъ рас-
къ подъ
ошади,
дарив
ги гро-
ратилъ
днажды
ъ Гри-
его по-
ый день
и дразд-
дая дѣ-
— быть
съ ко-
нтимно-
править
дой хо-
ійся на
конють ты-
одителя
орихъ...

Digitized by Google

—
Для се
мной...
—
Иванъ
—
кого не
—
знаю.
—
—
ироніи г
—
предупр
всѣ мѣр
дѣлѣ: у
Скве
любезнѣ
жесткук
—
Ильичъ,
Къ
ланныхъ
бѣломъ
На голо
лодки л
Геркуле
нымъ им
Ива
и уже н
природѣ
и самъ
нія и, с
свысока
разъ дов
лѣтнее
мѣсто, в

Digitized by Google

былъ дорогъ для нѣкоторыхъ пріисковыхъ операцій, какъ, напримѣръ, для провоза чрезъ тайгу корреспонденціи, усмиренія буйныхъ рабочихъ, преслѣдованія спиртоносовъ и бѣглыхъ, для укрощенія дикихъ и непокорныхъ лошадей, сопровожденія управляющаго въ его путешествіяхъ по сосѣднимъ пріискамъ и т. п. Однимъ словомъ, Вѣтровъ былъ кровный сибирскій пріисковой конюхъ, такъ сказать, прототипъ всѣхъ конюховъ.

Впослѣдствіи, замѣтимъ мимоходомъ, слѣпая фортуна сдѣлала Вѣтрова своимъ любимцемъ: онъ сдѣлался обладателемъ двадцати тысячъ капитала и хорошенькой барышни, дочери золотопромышленника Григорьева. Эта метаморфоза въ жизни Вѣтрова случилась слѣдующимъ образомъ: онъ нанялся конюхомъ въ компанію Григорьева и, какъ вездѣ, сразу выдвинулся изъ ряда своихъ товарищей и своей силищей, и безшабашнымъ конюховскимъ ухарствомъ. Дочка Григорьева бывала иногда свидѣтельницей подвиговъ Вѣтрова, когда онъ расправлялся съ слабосильными, но буйными рабочими, какъ подъ ударами его плети падали на землю и визжали бѣдныя лошади, видѣла, какъ онъ однажды убилъ наповалъ лошадь, ударивъ ее по мордѣ кулакомъ за то, что она не хотѣла везти громадное лиственичное дерево. Этими подвигами Вѣтровъ обратилъ на себя милостивое вниманіе хозяйской дочери... Однажды вблизи пріиска поймали молодаго медвѣдя и привели къ Григорьеву. Отецъ подарилъ звѣря дочери. Дочь поручила его попеченіямъ и надзору Вѣтрова, съ которымъ она каждый день ходила любоваться звѣремъ, кормить его, поить водкой и дразнить. Кромѣ удовольствія забавляться медвѣдемъ, молодая дѣвушка испытывала другое, болѣе сладкое удовольствіе — быть одинъ на одинъ съ своимъ рыжекудрымъ кавалеромъ, съ которымъ отношенія ея дошли до слишкомъ большой интимности... Отецъ узналъ о поведеніи дочери, но дѣло поправить было уже поздно. Вѣтровъ былъ незамѣнимъ для молодой хозяйки. Отецъ ея, бывшій помѣщикъ, и самъ женившійся на дочери свинопаса, махнулъ рукой на связь дочери съ конюхомъ и, отсчитавъ ей назначенныя въ приданое двадцать тысячъ, просилъ убираться куда знаетъ. Поблагодаривъ родителя за оказанную милость, она съ Вѣтровымъ уѣхала въ Цюрихъ...

Digitized by Google

Николай Александровичъ появился на крыльцѣ въ щегольскомъ драповомъ пальто коричневаго цвѣта, въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ и пунсовомъ шарфѣ.

— Ну, Ваня, ѣдемъ!—обратился онъ къ своему любимцу.

— Слушаю-съ!—лаконически отвѣтилъ конюхъ, подводя Николаю Александровичу прекрасную вороную лошадь.

— Какъ твое здоровье, милый Жиганъ? — говорилъ Николай Александровичъ, дотрогиваясь концами пальцевъ до красивой морды Жигана. И, взявъ поводья, онъ съ ловкостью кавалериста вскочилъ на сѣдло и, приподнявшись на стременахъ, поправилъ свой туалетъ.

Съ неменьшею ловкостію и конюхъ вспрыгнулъ на красивую и очень плотно сложенную бурую лошадь, которая въ первый моментъ немного погнулась подъ тяжестію наѣздника.

— Куда изволите ѣхать, баринъ?—спросилъ небрежно конюхъ и кожаной перчаткой надвинулъ шляпу на одно ухо.

— Къ Собакинымъ.

— На Благовѣщенскій?

— Да.

— Сюда, значитъ,—указалъ Иванъ концемъ коротенькой нагайки на отлично убитую эфелемъ дорогу.

Николай Александровичъ взмахнулъ хлыстомъ, и прекрасный Жиганъ, во весь галопъ, помчалъ его по твердой дорогѣ, щелкая о камни стальными подковами. За нимъ мчался конюхъ.

Вечеръ былъ тихій, теплый; солнце уже скрылось за гребнями громадныхъ, покрытыхъ лѣсомъ горъ, и черныя пирамидальныя сосны рѣзкими контурами рисовались на нѣжномъ розовомъ фонѣ догорающей зари. Въ воздухѣ разлитъ былъ ароматъ смолистыхъ растеній—сосны, ели и можжевельника. Изъ тайги доносились какіе-то едва внятные голоса не то звѣрей, не то птицъ. Вотъ надъ самымъ пріискомъ пронеслась вереница гусей, отыскивая ночлегъ на какомъ нибудь, можетъ быть, еще невиданномъ человѣческими глазами озерѣ въ непроходимой тайгѣ, или гдѣ нибудь на широкомъ плесѣ знакомой имъ таёжной рѣчки.

Digitized by Google

Иванъ Ильичъ сидѣлъ у окна и наслаждался тишиною и теплотою вечера, покуривая свою вѣчную трубочку. Мимо его оконъ пронеслись всадники—управляющій и его конюхъ. Иванъ Ильичъ посмотрѣлъ имъ въ слѣдъ и пробормоталъ про себя: «Вонъ, отправился на промыселъ!»—«А вѣдь усилить караулъ не сдѣлалъ распоряженія!—мысленно уже продолжалъ онъ:—я напередъ знаю, што не сдѣлалъ... У него не то на умѣ—не хозяйская польза, а Собакины, дѣвчонки... Увидитъ ихъ, такъ будетъ рыскать туда каждый день, а тутъ все хоть огнемъ гори... Э-эхъ-ма! туда же лѣзутъ на управленіе!... Ну, да не наше дѣло!»—И Иванъ Ильичъ злобно плюнулъ за окно.

Въ казармахъ рабочихъ раздавалось пѣніе.

Какъ бы ни были утомлены рабочіе дневнымъ трудомъ, но пѣть всегда будутъ, и найдутся даже охотники цѣлую ночь, до утренней раскомандировки, играть въ карты гдѣ нибудь въ углу, подъ нарами, въ силу русской пословицы: охоту тѣшить, не бѣда платить!...

Въ смрадной и темной казармѣ человѣкъ шесть рабочихъ сидѣли кругомъ одной свѣчи и занимались своими собственными дѣлами: кто чинилъ обувь, кто одежду, прочіе лежали на нарахъ, курили, спали или думали думу объ оставленныхъ ими семействахъ.

— Ну, ребята, енаралъ Кукушкинъ подалъ голосъ въ походъ собираться,—началъ рабочій, лежавшій гдѣ-то на нарахъ.

— Соберутся кому надо,—отозвался ему кто-то съ верхняго этажа наръ.

— А самое, братцы мои, паскудное дѣло этотъ побѣгъ,—заговорилъ третій тоже въ верхнемъ этажѣ.

Александръ Голубевъ чутко навострилъ ухо.

— А чѣмъ оно паскудное? Прогулка, значитъ...

— Нехай чортъ прогуливатся по этой трушшобинѣ!... Я, братъ, дважды пробовалъ, да и заклятую положилъ...

— А што такъ? али больно вздули? Это ишшо не велика бѣда—на спинѣ-то не рѣпу сѣять, а на бокахъ-то не рѣдьку садить!

— Первой разъ, точно, вздули такъ, што безъ памяти въ больницу сволокли—мѣсяцъ, слышь ты, вылежалъ... А вдруго-

Digitized by Google

рядь самъ доброй волей воротился; чуть-чуть, братецъ ты мой, медвѣдь не задралъ меня. Видно, родительскимъ благословеньемъ только и спасся.

— Но!

— Вотъ до завтра не дожить, правда. Залаверилъ онъ меня верстахъ въ пяти отъ пріиска. Наткнулся, слышь ты, на него на самого — въ травѣ лежалъ... Што, думаю, видно, смерть моя неминучая пришла. Стою ни живъ, ни мертвъ, стою и прощаюсь съ бѣлымъ свѣтомъ, со всѣмъ родомъ-племенемъ. Онъ сталъ на дыбы, плюетъ на меня... Господи, думаю, заклятую Тебѣ даю: никогда не бѣгать больше, только на этотъ разъ избавь меня отъ этого чудовища!... А онъ стоитъ на дыбахъ, реветъ, индо весь лѣсъ стонетъ. Вотъ, думаю, кабы услыхали на пріискѣ этотъ ревъ да прибѣжали, ну, точно, спасся бы, да нѣтъ, думаю, кому тутъ бѣжать! Мало ли когда слышишь, што реветъ, а реви—чортъ тебя дери!... Знаю, што оборотиться да бѣжать — бѣда! Дай, думаю, взадъ-пятки буду подвигаться, все же хоть на одинъ шагъ да ближе къ людямъ. Я подвигаюсь потихонько, и онъ, проклятый, подходитъ ко мнѣ. Кабы ты такъ-то шелъ, проклятая сила, такъ я все же, рано ли, поздно ли, доташшился бы какъ нибудь до пріиска...

— Да, доташшился бы! ловокъ больно!

— Шелъ онъ этакъ за мной далеконько, вдругъ за нимъ какъ завоетъ кто-то въ два голоса, у меня, братецъ ты мой, со страху вши въ головѣ умерли, а онъ какъ фыркнетъ да ударится отъ меня назадъ!... Што это, думаю, такое? Смотрю— на пригорочкѣ два медвѣженка сидятъ да и воютъ: вишь, матку-то потеряли и учали выть... Она бросила меня да къ нимъ, а я въ другую сторону, давай Богъ ноги, бѣгу да оглядываюсь—не бѣжитъ ли. Такъ-таки и добѣжалъ до пріиска. Какъ добѣжалъ, такъ и грохнулъ на землю; ноги у меня отнялись и языкъ отнялся. Подошли наши ребята, спрашиваютъ: Што ты, Бѣлоусовъ? али нездоровъ?—Умираю, братцы!—промычалъ я кой-какъ. Меня въ больницу. Фершелъ посмотрѣлъ и говоритъ: у него лихорадка. Да она меня цѣлыхъ восемь недѣлечекъ качала!... Вотъ оно побѣгъ-то!... Давай ты мнѣ

Digitized by Google

теперь тысячу рублевъ и скажи: ступай, молъ, Бѣлоусовъ въ побѣгъ—не пойду!...

— А здѣсь Ванька рыжій хуже всякаго твоего медвѣдя, какъ поймаетъ бѣглаго...

— Какъ такъ?

— А вотъ въ прошломъ году, я былъ здѣсь же, былъ у насъ рабочій, изъ дворянъ, надо быть, такой щедушный, работать вовсе не могъ. Драли, драли его, ничего не подѣлали—все хуже: зачѣмъ не плачетъ сердечный. Ну, и задумалъ также бѣжать, а куда такому ледящему? ни мѣстовъ, ни дорогъ, ничего не зналъ—такъ убѣжалъ, здря...

— Человѣкъ смерти искалъ!...—объяснилъ кто-то изъ темнаго угла.

— Бросились за нимъ въ погоню казаки, конюхи, Ванька рыжій... А была роса, Ванька-то и наткнись на слѣдъ—живо догналъ. Налетѣлъ, знаешь ты, на него, сгребъ его за волосы, заворотилъ коня да назадъ, на пріиски, и до самыхъ, какъ есть, казармъ волочилъ его все за волосы. Одежонку всю придралъ на немъ о сучья да о пни; кожа на немъ такъ, слышь, лоскутьями и виситъ; рожу всю исцарапалъ—незнатко, што человѣкъ есть. Приволокъ его къ казармѣ, соскочилъ съ коня, приподнялъ его бѣднягу да какъ брякнетъ объ землю: «на-те, говоритъ, вамъ его, подлеца». А онъ миляга только «ой!»... говоритъ... Баринъ, што до этого былъ, посмотрѣлъ на него, смилосердился: велѣлъ дать ему только пятьдесятъ нагаекъ, да отвести въ больницу...

— Пятьдесятъ и то ладно!...

— Ладно! А двѣ-три сотни не хошь?

— Што же оклемалъ?

— Како оклемалъ!... Все лѣто въ больницѣ лежалъ, къ разсчету кончился.

Этотъ разсказъ болѣзненно отозвался въ сердцахъ рабочихъ. Каждый о чемъ-то вздохнулъ и задумался.

— А мало ли съ голоду мретъ нашего брата въ этихъ бѣгахъ!—сказалъ кто-то послѣ долгаго молчанія.

— Извѣстно дѣло, заблудится человѣкъ, али нездоровъ доспѣтся, ну, и пропалъ!...

Digitized by Google

— А Ванькѣ рыжему управляющій бутылку водки далъ,— добавилъ разсказывавшій о Ванькѣ.

У Александра Голубева духъ захватывало отъ этихъ разсказовъ. Онъ, Александръ Голубевъ, слывшій молодцомъ въ своей деревнѣ, чувствовалъ, что у него не хватитъ силъ вступить въ непривычную борьбу съ такими страшными обстоятельствами. Ему, видѣвшему дома только ровную, какъ скатерть, степь, лишенную всѣхъ лѣсныхъ ужасовъ, дѣлалось невыносимо жутко среди окружающей его незнакомой природы, съ громадными, покрытыми снѣгомъ горами, небо закрывающими лѣсами, непроходимыми болотами, обрывами, бурными рѣками, медвѣдями, голодною смертью въ глухой тайгѣ и возможностью попасть въ руки Ваньки рыжаго:..

— Нѣтъ,—думалъ онъ:—подь онъ къ чорту, этотъ Стручковъ! Пусть одинъ идетъ, коли надо, а я не пойду — наплевать!... Лѣто какъ нибудь отмаюсь, а больше шабашъ ходить!...

Смолкло все въ казармѣ, только раздавалось храпѣніе спящихъ, да порой протяжный стонъ вырвется у кого нибудь со сна при ощущеніи боли въ изломанныхъ трудомъ костяхъ и надорванныхъ работой членахъ. Александръ не спалъ всю ночь и все ворочался съ боку на бокъ. Ему мерещилось все что-то страшное: то медвѣдь нагоняетъ его въ глуши непроходимаго лѣса, то гонится за нимъ Ванька рыжій и кричитъ ему вслѣдъ: «стой, подлецъ! не уйдешь!».... то кажется, что онъ оборвался съ утеса и несется куда-то въ пропасть стремглавъ и ломаются его руки и ноги объ уступы скалы... Вотъ онъ несется, наконецъ, внизъ головой, но при этомъ вдругъ пробуждается и, вскочивъ съ наръ, боязливо осматривается. Но въ темной казармѣ слышится только тяжелое дыханіе и протяжные, болѣзненные стоны...

День за днемъ проходилъ съ однообразной, тяжкой работѣ, надрывающей на всю жизнь человѣческія силы... Таёжная природа вполнѣ расцвѣла, и роскошь формъ и цвѣтовъ могла съ превосходствомъ соперничать съ произведеніями растительнаго царства сибирскихъ степей. Таёжныя рѣчки прогремѣли и теперь едва-едва перебирались съ камня на камень по камени-

Digitized by Google

стому дну. Въ глубокихъ плесахъ этихъ рѣчекъ весело плещется и играетъ стадо харюзовъ, да порой всплеснется таймень... Не поддается осторожный харюзъ человѣческой ловушкѣ и рѣдко соблазняется лакомой приманкой, но онъ не замѣчаетъ, какъ изъ-за ствола принесенной откуда-то вешними водами и брошенной на берегу сосны зорко слѣдитъ за нимъ пара зеленыхъ глазъ лакомой до рыбы выдры. Вотъ она цѣлый часъ выжидаетъ удобной минуты прыгнуть въ воду и, предвкушая сладость обѣда, облизываетъ свое тупое рыльце... Еще, еще поближе къ берегу, осторожный харюзъ!... Прыгъ! И выдра скрылась въ рѣкѣ. Какъ молнія сверкнули чешуей испуганныя рыбки, но для одной изъ нихъ пробилъ роковой часъ: нѣсколько саженъ ниже по теченію выходитъ на берегъ выдра и несетъ въ зубахъ еще живаго красавца харюза. Онъ машетъ въ воздухѣ хвостомъ и бьетъ имъ по рыльцу выдры, стараясь высвободиться изъ острыхъ зубовъ, но напрасно! Расположившись въ густой травѣ, она съ аппетитомъ принимается за обѣдъ...

Стрѣтенскій.

Digitized by Google

ЭСКИЗЫ БЕЗЪ ТѢНЕЙ.

(Изъ записокъ невольнаго туриста).

Въ послѣднихъ числахъ октября 188... я выѣхалъ изъ города М... въ село К...ъ для открытія дѣйствій окружнаго по воинской повинности присутствія по призыву на службу молодыхъ людей. Обязанности эти для меня были уже не новы. Я зналъ, что увижу при исполненіи ихъ много комичныхъ сценъ, которыя въ состояніи вызвать хохотъ у самаго сумрачнаго ипохондрика, но много увижу и такихъ сценъ, которыя надорвутъ душу своимъ безъисходнымъ горемъ и долго, долго потомъ будутъ жить въ памяти, угнетая ее, какъ тяжелый видѣнный когда-то сонъ. День былъ пасмурный, теплый. Въ воздухѣ порошилъ мелкій, пушистый снѣжокъ, устилая своимъ дѣвственнымъ покровомъ ровную, какъ скатерть, дорогу. Ямщикъ, молодой статный парень, какъ оказалось, призываемый къ жеребью, желая показать свою удаль, гналъ лошадей безъ сожалѣнія и на всѣ мои настоянія ѣхать тише только покрикивалъ: «Э-эхъ вы-ы... родительскія, не лѣни-ись!» и затѣмъ, оборачивая ко мнѣ свое широкое, улыбающееся лицо, отвѣчалъ: «Не долго ужъ кататься на тятькиныхъ-то коняхъ... на службу идемъ маршаровать!»

По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись безконечныя, ровныя поля. Поблекшая трава на нихъ, не совсѣмъ еще покрытая снѣгомъ, и попадавшіяся заросли молодыхъ березъ и осины придавали пейзажу унылый, безжизненный видъ; только стаи

Digitized by Google

красногрудыхъ снигирей, точно поддразнивая ямщика, неслись впереди тройки и, обогнавъ ее, падали по сторонамъ дороги въ траву; затѣмъ снова поднимались въ высь и снова обгоняли насъ далеко впередъ. Не знаю почему, но съ самаго ранняго дѣтства зимній пасмурный день всегда навѣваетъ на меня безотчетную грусть и будитъ во мнѣ печальныя воспоминанія когда либо пережитыхъ или видѣнныхъ мною страданій; такъ и теперь, глядя на ямщика, я невольно думалъ, что этой бѣшеной ѣздой онъ старается только заглушить тоску предстоящей разлуки съ родною семьей и селомъ... Подъ ровный топотъ лошадей и монотонный звонъ колокольчиковъ, мнѣ неожиданно, съ поразительной ясностью, представилась сцена, какъ въ минувшій призывъ въ присутствіе ввели подъ руки слѣпую старуху, татарку Имамыгу Галѣеву, и она, упавъ на колѣни, судорожно обхватила руками мои ноги и, приникнувъ къ нимъ головой, надрывающимся отъ рыданій голосомъ молила: «Отдай мнѣ сына... не бери у меня сына... слѣпая я... кто будетъ кормить меня, коли возьмешь сына!»... Несчастную старуху едва отняли отъ моихъ ногъ. У нея было два сына: старшій, воспользовавшійся льготой, впалъ въ распутную жизнь и воровство и по приговору общества былъ сосланъ въ Восточную Сибирь; младшій, трудолюбивый юноша, единственный кормилецъ ея, былъ призванъ къ жеребью и принятъ на службу. На основаніи устава только лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе или въ каторжную работу разрываетъ семейный союзъ; всѣ же ссыльные прочихъ категорій считаются членами семьи, и отсутствіе ихъ не даетъ правъ на льготу остальнымъ членамъ семьи. Какъ ни убѣждали обезумѣвшую отъ горя старуху, что въ пользу ея ничего нельзя сдѣлать, при всемъ желаніи сдѣлать что нибудь, но она молила объ одномъ: «Отдай мнѣ сына... бѣдная я... слѣпая... не губи меня!»— «Гдѣ ты теперь, несчастная Имамыга?»...—думалъ я, и въ душѣ кипѣли слезы: «Ходишь ли ты ощупью, по сосѣднимъ домамъ выпрашивая милостыню и оплакивая съ утра и до ночи ушедшаго сына-кормильца, или, можетъ быть, смерть уже сжалилась надъ тобой и дала тебѣ желанный покой и забвеніе, и только бревенчатый срубъ на могилѣ твоей напоминаетъ одно-

Digitized by Google

сельцамъ что̀ пережила ты въ послѣдніе дни своей скорбной жизни».

Не забыть мнѣ и тебя, Ефимъ Протасовъ, особенно того момента, когда тебѣ объявили, что ты принятъ на службу. Ты съ минуту стоялъ, какъ пораженный громомъ, и наконецъ вскрикнулъ: «Бѣдная моя мамынька!... жизнь-то прожила, радости не видѣла и въ старости-то сиротать останешься... умрешь, и глазъ-то закрыть будетъ некому!»—и, упавъ на стулъ и обхвативъ голову руками, онъ зарыдалъ, но какъ зарыдалъ... въ могучей груди его точно что-то рвалось, а голова безпомощно билась о спинку стула. Стоявшій возлѣ него волостной старшина, пожилой человѣкъ, видавшій на своемъ вѣку, вѣроятно, немало всякаго горя, свѣсивъ голову на грудь, тяжело вздыхалъ, а на лицѣ его отражалась тяжелая мука. Сельскій староста то робко поводилъ глазами на членовъ присутствія, то шепталъ Протасову: «Подь отсюда... ступай... на народѣ-то все легче будетъ... не томись!»—и, взявъ Протасова подъ руку, онъ вывелъ его изъ присутствія. У Протасова также былъ старшій братъ, человѣкъ, по отзыву однообщественниковъ, безпутный. Онъ пьянствовалъ, билъ стариковъ отца и мать, не дававшихъ ему мотать ихъ бѣднаго хозяйства, и наконецъ ушелъ на Олекму на золотые пріиски и за послѣдніе два года объ немъ не было никакой вѣсти. Старикъ отецъ умеръ, а возмужавшій Еремей, благодаря неустанному труду, обстроилъ отцовскую избу, завелъ пару лошадокъ и кормилъ и покоилъ старуху мать. «Экаго работника и степеннаго парня поискать, да и поискать... ну, да чего доспѣшь—судьба!»—со вздохомъ произнесъ старшина, по уходѣ Протасова.

Не знаю, доводилось ли тебѣ, читатель, встрѣчать когда нибудь на дорогѣ партію новобранцевъ, препровождаемыхъ военнымъ начальствомъ со сборныхъ пунктовъ къ мѣсту служенія? Длинною вереницею тянутся по дорогѣ, иногда на протяженіи двухъ, трехъ верстъ, одноконныя и двуконныя подводы. Въ розвальняхъ и общевняхъ, наполненныхъ мѣшками и ящиками съ имуществомъ новобранцевъ, сидятъ закутанныя въ нагольныя шубы женщины, часто съ грудными дѣтьми на рукахъ. Это—жены новобранцевъ, которыхъ мужья изъявили

Digitized by Google

желаніе взять ихъ съ собой. Говоръ, крики, смѣхъ, визгливые звуки гармоній слышатся повсюду и оживляютъ пустынный трактъ. Порою, подъ удалую пѣсню толпы новобранцевъ, двое, трое весельчаковъ выплясываютъ по дорогѣ трепака. Гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ дороги веселая молодежь, грѣясь, пробуетъ въ борьбѣ другъ съ другомъ силу, и хохотъ зрителей слышится издалека, когда какой нибудь рослый дѣтина свалится въ снѣгъ и бьется въ немъ, силясь подняться на ноги. Тамъ нѣсколько человѣкъ бѣгутъ по дорогѣ, перебрасываясь комьями снѣга; иногда комокъ снѣга попадаетъ въ мимо ѣдущихъ путниковъ... проклятья и ругань несутся изъ повозки, но молодежи нѣтъ дѣла,—они съ хохотомъ бѣгутъ другъ за другомъ, спотыкаясь и падая въ глубокомъ снѣгу. Но среди этого веселаго шума и крика нерѣдко увидишь одинокую мужскую фигуру, сидящую на возу. Уныло опустивъ голову на грудь или обхвативъ ее руками, новобранецъ безучастно относится ко всему окружающему; думы его витаютъ далеко въ покинутой имъ родной деревнѣ. Тамъ, гдѣ нибудь на краю ея, одиноко стоитъ вросшая въ землю изба, въ которой суждено сиротать его матери. Въ ушахъ его все еще раздается скорбный плачъ бѣдной, кинутой на произволъ судьбы старухи. «Кто-то привезетъ теперь дровецъ тебѣ, мамынька, кто-то принесетъ хлѣбца!»—думаетъ несчастный Еремей Протасовъ:—«кто-то обрядитъ тебя, когда уснешь ты на вѣкъ, и сколотитъ тебѣ послѣднюю домовинку... Чья-то слезинка падетъ въ твою могилу, и упадетъ ли еще?»...

Но пройдемъ лучше мимо этихъ сценъ, одно воспоминаніе о которыхъ щемитъ душу...

На слѣдующій день, часа въ три по полудни, я пріѣхалъ въ село К....ъ. На отведенной мнѣ квартирѣ меня встрѣтилъ молодой парень, одѣтый въ синюю кашемировую рубаху, грудь которой была узорно расшита бѣлью, и въ плисовыхъ щегольскихъ шароварахъ. Отрекомендовавшись мнѣ, что онъ вѣстовой, присланный отъ общества крестьянъ, парень проворно принялся выносить изъ повозки мои вещи и раскладывать ихъ по порядку. Не успѣлъ я еще раздѣться, какъ въ комнату вошелъ крестьянинъ пожилыхъ уже лѣтъ, съ большой, окла-

Digitized by Google

дистой бородой, одѣтый въ нагольную шубу, и, не сказавъ ни слова, повалился мнѣ въ ноги. «Яви, отецъ, милость, защити! Ограбили, какъ есть ограбили... хоть ложись да помирай, такъ въ ту же пору!»—произнесъ онъ, поднимаясь на ноги.

— Кто же тебя ограбилъ?—спросилъ я.

— Миколка изъ Орловой... Чей, бишь, онъ, не скажу тебѣ... Миколкой зовутъ болѣ... Спроси только Миколку, всѣ знаютъ... И какъ дѣло вышло—уму непостижно... точно доспѣто чего... нашептано... право, а-ахъ, ты, напасть, а!.. Вотъ ужъ не даромъ сказано, гдѣ тонко, тамъ и рвется...—говорилъ онъ, разводя руками и глубоко вздохнувъ, причемъ отъ него сильно пахнуло водкой.—Пристали это съ податями ко мнѣ, ну... дѣло-то мое небогатое, а за двѣ души плачу, не шутка... да еще накладку на сына накинули, два рубля съ полтиной... Ну, и пристали: подай да подай... хошь роди, да выложь... Я было отсрочку ходательствовать зачалъ... и... и... дыхнуть не даютъ. Чего тутъ дѣлать?.. А былъ у меня, скажу тебѣ, конекъ... лошадка бы, по-нашему выразиться, вошпитончикъ мой... такой это игрунчикъ конь. Въ худую пору рублевъ бы сто дали, и не отдалъ бы, ей-Богу... потому меринокъ-то веселый былъ. Нашто ужъ кумъ мой изъ Воскресенки, онъ же и сватомъ приводится мнѣ, Степанъ Матвѣичъ звать-то его, и тотъ мнѣ завсегда говорилъ: «Ну, сватъ, и конь у тебя... экой конь!» — и все приставалъ: продай да продай! Подошли какъ это съ податями-то ко мнѣ, куды дѣться, думаю? Поѣхалъ къ свату, такъ и такъ обсказываю, снабди деньжонками, смолочу ужо хлѣбца, справлюсь, отдамъ. «Изволь,—говоритъ,—сичасъ дамъ шестьдесятъ рублевъ, продавай мерина!»—«Игрунчикъ, говорю, конь-то, сватъ, дешево даешь, и вошпитончикъ мой, будто вскормленникъ, жаль!»—«Ну, какъ знаешь, говоритъ, жалѣшь, такъ и не надо»,—а самъ ужъ это въ сундукъ за деньгами лѣзетъ... знаетъ, што мужичье-то сердце обогрѣешь не огнемъ, а рублемъ. Ну, гдѣ дѣло къ слову пошло, гдѣ смѣшкомъ да шутками, выманилъ онъ коня у меня. Инда слеза, слышь, прошибла меня, какъ по рукамъ-то ударили. «Ну, говорю, сватъ, поддѣлъ ты меня; кабы не нужа, то въ жисть бы тебѣ не видать мо-

Digitized by Google

его игреньки. Н-ну, владай конемъ!» Съ радости это въ кабакъ онъ повелъ меня литки править. Справили это дѣло, выпили! Тутъ-то вотъ, какъ на грѣхъ словно, отколь ни пришатись этотъ Миколка. Вошелъ въ кабакъ, поздоровался чинъ чиномъ; спросы повелъ, зачѣмъ да отколь. Такъ и такъ, молъ, коня продалъ, съ простоты говорю ему, а онъ, слышь, не будь простъ: сороковку на прилавокъ, словно путный какой, угощать сталъ. Ну, межъ словомъ-то и говоритъ: «Подвези меня до дому, по пути вѣдь будетъ!» Изволь, говорю, ноги у коня не отвалятся. Сватъ-то мнѣ и мигалъ было, а мнѣ не вдомекъ; гляжу на него, да и думаю: чего, молъ, это онъ глазами-то наигрываетъ?.. Ну, въ давно ль, въ коротко ль, поѣхали. Миколка-то и говоритъ исшо мнѣ, по дорогѣ-то: «Мотри, говоритъ, парень, деньги-то не обложилъ ли?»—Нѣ-ѣтъ, говорю, я вѣдь тоже мужикъ-то не спроста... за пазухой лежатъ, накруто завернулъ ихъ... Ну, ѣдемъ... до Орловой-то верстъ десятокъ будетъ, не болѣ... Какъ ужъ это стряслось, и умомъ не постигну, только я и засни... Заснулъ, да и слышу, Миколка-то будитъ меня... Гляжу—Орлова. Разбудилъ онъ меня да и говоритъ: «Заѣдемъ къ намъ, изопьемъ чайку».—Нѣтъ, говорю, парень, сумерки на дворѣ, къ дому надо спѣшить. Простились, я и поѣхалъ далѣ. Отъѣхалъ такъ съ версту, и ровно вотъ кто толкнулъ меня, надоумилъ: дай-ко, молъ, деньги-то пощупаю. Запустилъ это руку за пазуху... туда... въ другое мѣсто... нѣту платка, въ коемъ деньги-то были завернуты... Такъ меня, слышь, въ потъ прошибло, не глядя на морозъ. Всѣ дыры облазилъ въ лопати-то, до-нага раздѣлся: все думалъ, не запали ли куды деньги-то?—нѣту! Сѣно-то, што ись, въ дровняхъ-то до порошинки перерылъ... полагалъ исшо, што выронилъ... нѣту! А-ахъ ты, горе-то какое, а! Всплеснулъ это руками и стою нагой-то посередь дороги, какъ статуй какой. Ну, сколь ни горюй, бѣды не избудешь. Оболокся это кое-какъ и гоню назадъ въ Орлову къ старостѣ; такъ и такъ, молъ, обсказываю дѣло, а староста-то мнѣ съ перваго слова въ отвѣтъ: «Это, говоритъ, Миколка слизнулъ... Онъ ужъ давно, говоритъ, у насъ въ эфтихъ качествахъ запримѣченъ, не ты первой отъ него кулакомъ-то слезы трешь!» Ну, приспособилъ сичасъ это

Digitized by Google

понятыхъ съ обыскомъ къ Миколкѣ... да чего жъ тутъ? Что у крота, что у вора норы не найдешь. Сколь ни рыли, съ тѣмъ и ушли! Подалъ я и барину *) жалобу, и исправнику... и слѣдство было—отперся!.. Знамо дѣло, не пойманъ—не воръ!.. Вся теперь надежда на тебя, оборудуй дѣло, помоги взыскать мнѣ деньги-то... Посуди, сколь бѣдко... Конекъ-то вѣдь какой былъ! вошпитончикъ... въ худу бы пору за сто рублевъ не отдалъ!..

— Съ кого же мнѣ взыскать-то ихъ?—спросилъ я.

— Съ Миколки!..

— Да вѣдь ты говоришь, что уже слѣдствіе было произведено по этому поводу, и онъ не признался въ кражѣ, а свидѣтелей у тебя нѣтъ! Чѣмъ же ты докажешь, что онъ укралъ у тебя, а ты не самъ пьяный потерялъ ихъ, а?..

— И я-то то же говорю, што вишь, какъ дѣло-то подошло: и свидѣтелевъ-то нѣтъ, и мужики-то говорятъ, што ничего не возьмешь... да все же посыкнулся къ тебѣ подойдти; можетъ, думаю, Богъ и оглянется, и доспѣшь чего... Конекъ-то вѣдь какой былъ игрунчикъ... не столь мнѣ денегъ жаль, сколь коня... вошпитончикъ вѣдь мой былъ... сосункомъ-то ишшо былъ когды, такъ сердце радовалось, глядя на него... Я вотъ теперь полагаю умомъ-то... нельзя ль какъ оборудовать... коня-то отъ свата вернуть.

— Какъ же это такъ... по какому праву?...

— А такъ будто... потому болѣ... што, къ примѣру, кабы пострадалъ я... деньги скрали... такъ, по крайности, коня бы обратно вернуть, а?

— Да вѣдь ты продалъ ему коня?

— Продалъ... продалъ... изъ полы въ полу самолично продалъ.

— Такъ какъ же ты обратно-то возьмешь его, а? Развѣ только деньги ему возвратишь, если онъ согласится снова взять за него съ тебя ту же сумму, что̀ тебѣ уплатилъ?

— Э... эка ты... нѣ-ѣтъ... Энто жирно... а ты безъ денегъ...

---

*) Земскихъ засѣдателей крестьяне всегда называютъ: «баринъ».

Digitized by Google

— Ну, умудрись... попытай!..

— А ты ужъ не сможешь?

— Не могу!

— И мужики-то то же говорятъ... што ужъ не вернешь,— послѣ минутнаго раздумья произнесъ онъ:—да все же, думаю умомъ-то, какъ же это такъ: съ одно-разу и коня, и денегъ лишился... не напасть ли это?.. Засыпать-то, слышь, стану, такъ вѣдь мнѣ конекъ-то такъ и стоитъ передъ глазами... Вошпитончикъ вѣдь мой былъ, такой это игрунчикъ, веселенькій, словно въ нутрѣ-то бывало взыграетъ у тебя, глядя на него... а-ахъ ты, горе-то какое, а!.. Ну, не горе ли?— повторилъ онъ, всплеснувъ руками: — я вотъ думаю исшо, не будетъ ли отъ тебя какой мнѣ милости, снисхожденья, а?..

— Какой же милости и снисхожденья тебѣ нужно? Говори

— Обида-то будто крайняя подошла... совсѣмъ раззоръ, што ты будешь дѣлать... и коня, и денегъ рѣшился. Нельзя ли, по крайности, отъ податей-то меня ослобонить, а?..

— На какомъ же это основаніи освободить-то тебя?

— Убытокъ-то большой понесъ... суди самъ. Кормилъ, ростилъ коня, за ништо почесть продалъ и денегъ не видалъ, а?.. Неужели энтого основанія-то мало исшо, а?

— Мало.

— А-а-а... и энтого мало... Ну, што говорить, и мужики-то мнѣ сказывали, што ужъ отъ податей не уйдешь... во всякомъ видѣ платить надо... Ты, говорятъ, исшо могутной человѣкъ, а у насъ, што ись, и калѣки-то всѣ въ платежѣ состоятъ. Ну, платить ужъ, видно, надоть... такъ полагаю.

— Плати!

— Платить доводится... чего доспѣшь!—согласился и онъ:— съ кой стороны умомъ ни прикинь, а все карманъ распоясывай! А-а-ахъ, ты игрунчикъ, игрунчикъ, а!.. Веселилъ ты мое сердце, да недолго, въ худую пору со двора я тебя свелъ... Н-ну!—произнесъ онъ и, отвернувшись въ сторону, сталъ въ полоборота къ двери, въ которую вошла въ это время молодая женщина, одѣтая въ темную кацавейку, и молча остановилась у порога. — И Миколкѣ-то эти деньги не достались,

Digitized by Google

братъ, краденое-то только барину нашему въ прокъ пошло!— произнесъ онъ.

— Почему же ты знаешь это?—спросилъ я.

— Знаю!.. Ужъ отъ кого другаго потаю, а тебѣ, братъ, всю правду выложу. Какъ приструнилъ, слышь, нашъ баринъ Миколку-то, такъ онъ со страху-то на энти деньги масла накупилъ, муки крупчатки, сахару никакъ пуда два, да къ барину-то съ поклономъ свезъ. Самъ опосля во хмѣлю въ кабакѣ признался, што знатье бы, говоритъ, такъ не зорить бы мужика, къ его-то деньгамъ исшо своихъ, говоритъ, двадцать рублевъ приложилъ, да на подарки израсходовалъ... только барина, говоритъ, его деньгами и накормилъ досыта...

— А ты не врешь все это?.. а?

— Лопни глаза... вотъ штобъ говорю съ мѣста не сойдти... Кого хошь спроси, не потаятъ... все разскажутъ, чего баринъ-то нашъ по округу творитъ... Теперь ужъ, братъ, дѣло мое, какъ въ воду кануло... теперь ужъ чего доспѣшь... Я и къ тебѣ-то посыкнулся подойдти болѣ потому, чтобъ отвести душу, въ спокоѣ быть, што всякое начальство съ докукой обошелъ... Не могу забыть конька-то, што ты, братецъ, доспѣшь! вошпитончикъ вѣдь мой былъ, суди... словно вѣдь отъ сердца оторвалъ его...

— Ну, что жъ, теперь ужъ отвелъ душу, а?

— Легче будто, какъ покучился... вѣрь... все будто хошь доброе слово услышалъ, а подати уплачу... ужъ какъ не обидѣлъ меня Миколка и баринъ, што прикрылъ вора... а энтого конца за мной не застоитъ... помяни... — и, закончивъ свою рѣчь разными пожеланіями, онъ вышелъ. Подобные оригинальные просители не рѣдкость. Они хорошо сознаютъ, что по дѣлу, о которомъ они идутъ просить, для нихъ ничего нельзя сдѣлать, но ихъ влечетъ, всетаки, желаніе поплакаться о своей горькой обидѣ и затѣмъ успокоиться отъ мысли, что, по крайней мѣрѣ, они всякое начальство обошли. Подобные просители всегда уходятъ довольные уже тѣмъ, что ихъ выслушали и посочувствовали ихъ горю...

Когда дверь за нимъ затворилась, стоявшая все время молча у порога женщина протянула мнѣ вчетверо сложен-

Digitized by Google

Водоотводная канава на пріискѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ный полулистъ сѣрой бумаги, говоря: «Поглядите-тка!» На бумагѣ этой выцвѣтшими чернилами и неразборчивымъ почеркомъ написано было слѣдующее: «Симъ объявляю, што сегодня взялъ я Полувехтъ у крестіанской дѣвки Матрены Заяшниковой десять рублевъ вчемъ штоба не медля не зорить дѣвку Матрену патписую ей коня мерина, грива на лѣву сторону, право ухо пнемъ, лѣво лопатой навзнанку, на заднемъ падходѣ шкура вытерта. Па безграматству обизательнаго брата Полувехта Заяшникова руку приложилъ М...ій мѣщанинъ Антонъ Рыловъ. При сей записи находился... Сельскій староста Непомнящій». Затѣмъ слѣдовала должностная печать старосты.

— Это ты и есть Матрена Заяшникова?—спросилъ я, прочитавъ этотъ документъ.

— Я!

— Ну, что же, отдалъ тебѣ братъ деньги или коня?

— И не думатъ... Яви ужъ милость, заставь заплатить! Вотъ ужъ третій годъ время идетъ, какъ взялъ деньги, коня подъ нихъ подписалъ, и ни денегъ, ни коня не даетъ, а просить стану—бьетъ... Тятенька, покойна головушка, какъ смертный-то часъ настигъ его, какъ ему наказывалъ при свидѣтеляхъ: «Смотри, говоритъ, Полувехтъ, не обидь сестеръ... Заднюю избу я имъ благословляю, пущай живутъ до скончанія вѣку въ ней... аль поколѣ, говоритъ, судьбы имъ Богъ не дастъ, не вникайся!.. Хлѣба отсыпь имъ на пропитанье по тридцати пудовъ. Матренѣ, говоритъ, благословляю я гнѣдую кобылу, а Анисьѣ соловую, да обѣимъ имъ, говоритъ, по коровѣ въ благословленье даю». Тогды Полувехтъ-то клялся и дѣтей-то бы не видать, и утробой лопнуть, коли, значитъ, тятенькинъ завѣтъ не соблюдетъ, а тятенька померъ, такъ намъ житья не стало отъ него, такъ тѣснитъ. Двери энта заколотилъ, не моги, говоритъ, сѣнями ходить, такъ что къ окну ужъ лѣстницу мы приладили. Хлѣба ни зерна не видали, какой онъ есть, а лошадей и коровъ, штò тятенька благословилъ намъ, похоронить исшо не успѣли, какъ продалъ.

— Жаловались вы кому нибудь на него?

— Сиротское дѣло-то наше... кто за сиротъ заступится!—

Digitized by Google

отвѣтила она, отирая слезы съ глазъ концомъ шали, которой была повязана ея голова:—Мы вотъ исшо и не бывали по судамъ-то. Какъ-то я его попужала, што пожалуюсь на него, такъ онъ схватилъ меня за косу, тазалъ, тазалъ, индо изъ памяти выбилъ, а пойдешь, говоритъ, жаловаться, такъ и голову снесу...

— Чѣмъ же ты живешь съ сестрой?

— Робимъ... Лѣтомъ десятины съ хлѣбомъ жнемъ, наймуемся, сѣно косимъ, полумотки прядемъ и питаемся... А какъ познаетъ Полувехтъ-то, што деньги у насъ есть, выробили, сичасъ это подольщаться къ намъ учнетъ и выманитъ...

— Зачѣмъ же даете?

— А какъ ты не дашь ему?... увѣчья нешто не видали... Лонскаго году какъ-то я къ старостѣ посыкнулась покучиться, штобъ онъ заставилъ его деньги-то отдать мнѣ десять рублевъ, такъ Полувехтъ-то меня, когды я отъ старосты пришла, укараулилъ въ воротахъ и давай бить; голову тогды полѣномъ расшибъ мнѣ, крови-то натекла цѣлая лужа... Ну, чего, пострамили, пострамили его тогда обчественники... и только... Теперь вотъ у меня рубахъ нѣтъ... перемыться нечѣмъ... хлѣба ни куска... Заставь Бога молить за себя... заступись... вели отдать ему деньги-то!.. Я къ тебѣ-то бѣжала, такъ онъ всю дорогу гнался за мной, все улещалъ: «не ходи... отдамъ добрымъ разумомъ»,—и теперь вотъ внизу сидитъ... А гляди вотъ, какъ ты уѣдешь, и прибьетъ!..

— Позови его ко мнѣ.

Матрена вышла и черезъ минуту вернулась въ комнату. Слѣдомъ за нею вошелъ крестьянинъ лѣтъ тридцати-пяти, благообразный на видъ, и, помолившись въ передній уголъ, отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ.

— На тебя, молодецъ, сестра жалуется, что ты взялъ у нея десять рублей и не отдаешь, а ей ѣсть нечего.

— Пустяки все это, ваш—скородье... Извѣстно, дѣвичій разумъ... недостатошный... не вполнѣ будто... Я такъ постигаю, што деньги эти теперича въ карманѣ у меня... все единственно, кабы въ банкѣ. Говорилъ я тебѣ, Мотря, добрымъ разумомъ,—началъ онъ мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ, обратившись къ ней:—

Digitized by Google

не ходи утруждать начальника... дѣло наше сродственное, семейное. Я ли тебѣ не братъ...

— Бра-а-атъ...—протянула Матрена, не глядя на него:—то побратнему и бьешь...

— Уму учу... Помнишь, тятенька завѣщалъ... Ты, говоритъ, Полувехтъ, старшій братъ, кольми што за сестрами примѣтишь, не допущай, а буде, какъ по заповѣди, сичасъ за косы, потому онѣ длинны у вашего брата, а умъ-то коротокъ, а кольми ежели я и поучу, то все посродственному, любя. У меня вотъ, можетъ, сердце-то заржавѣло за васъ. Я ли не братъ тебѣ?.. чѣмъ исшо недовольна? Я вотъ куска-то безъ тебя не съѣмъ...

— А-а-ахъ, а-ахъ, Полувехтъ! — вскрикнула Матрена, всплеснувъ руками: — когды я кусокъ-то видѣла отъ тебя?.. глянь на Бога!..

— Пирогъ-то съ грибами нонѣ Секлетея пекла, ты не ѣла, а?..

— Ѣла!..

— А жалишься, што куска не видѣла!.. — съ усмѣшкой произнесъ онъ.

— Слушай... послушай меня, твое благородіе...—нервно прервала Матрена, обратившись ко мнѣ:—послушай, какъ энто дѣло было за всѣ-то три года единый разъ... Спекла это жена-то его Секлетея пирогъ съ грибами, а онъ спозналъ, что я въ тотъ день два рубля денегъ получила за полумотки, и пришелъ это къ намъ въ избу, какъ путный... Подь, говоритъ, Матрена, посродственному пирожка прикушать... А я ужъ знаю его-то норовъ... Нѣтъ, говорю, не хочу...

— Не хочу... — снова усмѣхнувшись, прервалъ ее Полуэктъ:—а сама два ломтя оплела...

— Постыдись ты Бога-то хошь... коли людей-то тебѣ нестыдно,—со слезами прервала его Матрена:—два ломтя оплела... а за тобой-то не ломти пропадаютъ?... Ты вотъ рупь-то тогды... силкомъ у меня почесть вырвалъ да въ кабакъ снесъ... а я за энтотъ рупь-то болѣ недѣли съ мѣста не вставала, пряла... Ты вотъ ломтемъ попрекнулъ, а я тебѣ рупь пожертвовала за энтотъ ломоть-то, да молчу. Я на энтотъ рупь-то два бы

Digitized by Google

пуда муки купила да мѣсяцъ бы съ сестрой сыта была, а теперича у насъ ни пылинки хлѣба нѣтъ, другой день не ѣмши сидимъ...

— Пустяки все это, ваш—скородье,—прервалъ Полуэктъ:—ежели я тепереча и выпилъ на ихній рупь... такъ... по истинѣ... по расположенію только къ нимъ... Грѣ-ѣ-ѣхъ, Мотря, утруждать начальника!—качая головой, произнесъ онъ, обратившись къ ней:—особливо въ сродственномъ дѣлѣ... Э-эй... грѣхъ... Ну, чего тебѣ надоть отъ меня?.. чего ты хочешь, скажи!...

— Отдай мнѣ мои деньги...

— Изволь... давно бы сказала такъ... и сичасъ бы безперечь...—отвѣтилъ онъ, заворотивъ полу армяка и доставая изъ кармана шароваръ заранѣе, повидимому, приготовленную ассигнацію.—Получай... Изволите видѣть, ваш—скородье, дѣвичій-то разумъ... Замѣстъ того, чтобъ сказать добрымъ словомъ: «братецъ Полувехтъ, пожалуйте мнѣ мои деньги... не задерживайте», а она жалиться... идетъ... начальника утруждаетъ, у котораго дѣловъ-то и безъ насъ, поди... оборони, Господи... Не грѣхъ это, Мотря... а-а?...

— Не говорила я тебѣ нешто... не кланялась тебѣ въ ноги... не плакала?...

— Сичасъ помереть... впервòй слышу отъ тебя...

— А-ахъ... ахъ, Полувехтъ, есть ли у тебя стыдъ-то въ глазахъ? —снова всплеснувъ руками, почти взвизгнула Матрена:—а кто мнѣ голову-то проломилъ, когда я къ старостѣ ходила, штобъ онъ понукнулъ тебя?

— Мотря... слушай... статочное ли это дѣло, штобы я, значитъ, сродственникъ, единоутробный братъ, и на экое злодѣйство пошелъ, а?...

— Взгляни на Бога-то, не билъ?...

— Завсегды очи возведу. Разразись...

— А-а-ахъ-ахъ, Полувехтъ!...

— Разразись земля... Вотъ, значитъ, до какой клятвы ты довела меня, Мотря. Предъ ликомъ начальника скажу... не билъ... и помысла энтого не было... Пустяки все это говоритъ она, ваш—скородье, по глупости; кромѣ, значитъ, добраго слова,

Digitized by Google

ласки, ничего отъ меня не видятъ. Завсегды съ ними посродственному, потому сироты онѣ, кому за нихъ заступиться, какъ не мнѣ... и завсегды къ нимъ съ расположеніемъ... Не правда, скажешь, а?...

— Богъ тебя убьетъ, Полувехтъ.

— Ежели и смертный часъ настигнетъ, Его воля... а тебѣ грѣхъ, грѣ-ѣхъ, Мотря, экую усобицу затѣвать! Я ли вамъ не братъ? Я вотъ денно и нощно только и думаю, кабы сестрицъ успокоить...

— Ужъ успокоилъ было полѣномъ-то... едва отводились.

— Не билъ, все это ты напрасно.

— Умирая, отецъ завѣщалъ тебѣ, чтобъ ты выдѣлилъ сестрамъ по тридцати пудовъ хлѣба и по лошади и коровѣ?— спросилъ я, прерывая эту сцену, которая начинала наконецъ возмущать меня.

— И слыху этого не было, ваш—скородіе... пустяки... съ глупаго разума болтаетъ.

— А-ахъ, Полувехтъ, да окрестись ты!—всплеснувъ руками, вскрикнула Матрена:—ты ужъ и на тятеньку-то покойника поклепъ кладешь, да есть ли на тебѣ крестъ-то?..

— Крестъ завсегды на мнѣ,—отвѣтилъ онъ, не глядя на нее.—Слыху этого не было, ваш—скородіе! Неужъ это я бы теперича, почитая родителя, супротивъ его воли пошелъ, а?... Учить васъ завѣщалъ—точно, потому, говоритъ, ежели примѣтишь чего за ими, такъ сичасъ, говоритъ, за косы. Это точно, заповѣдь была.

Матрена стояла совершенно растерянная.

Въ это время въ комнату вошли волостной старшина, молодой еще человѣкъ, грамотный, съ умными, проницательными глазами, и сельскій староста, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ сѣдою бородою и сѣдыми нависшими бровями, придававшими лицу его строго величавый видъ.

— Староста, ты знаешь этого молодца?—спросилъ я, указавъ на Полуэкта Заяшникова.

— Знаю, какъ не знать, — отвѣтилъ строста, утирая ладонью усы и бороду:—парень вострый, сусѣди исшо будемъ!— усмѣхнувшись, дополнилъ онъ.

Digitized by Google

— Что же это значитъ по-твоему—вострый парень? какъ это понимать?

— А значитъ, къ примѣру сказать, ваш—скородіе, што грѣха много принимаемъ изъ-за него... первый огурникъ въ въ опчествѣ... сестеръ обижаетъ теперича, да, такъ сказать, што и никому проходу не даетъ.

— Сменъ Елизарычъ, побойтесь Бога-то, оглянитесь на Творца-то Небеснаго. Въ какихъ качествахъ примѣчали вы меня, што энтакъ любопытно росписываете,—вступился Заяшниковъ, обратясь къ старостѣ:—аль за то, што косушками васъ въ кабакахъ не утруждаю, какъ другіе опчественники?

Староста усмѣхнулся и снова провелъ ладонью по бородѣ и усамъ.

— Я, милый, отродясь исшо и скусу-то въ винѣ не знаю, каковъ онъ, слыхалъ, поди,—спокойно отвѣтилъ ему староста:—а ужъ худаго человѣка не потаю, не покрою. Не ты лонись сестру-то убилъ было... а?..

— Ежели поучилъ малость... то...

— Поучилъ!.. Ты ужъ кого этакъ-то не училъ... Дождешься, што и тебя поучатъ!.. Худой человѣкъ, ваш—скородье, правду сказать надо,—обратился староста ко мнѣ: — чего отецъ сестрамъ-то оставилъ... все промоталъ... Бой да ругань у нихъ каждодневно... смучились съ имя...—заключилъ онъ.

— Слышишь?—спросилъ я Заяшникова.

— Слышимъ... што жъ... пущай... Богъза неправду найдетъ.

— Намѣренъ ты добровольно отдать сестрамъ и хлѣбъ, и скотину, которую завѣщалъ имъ отецъ, а?—спросилъ я.

— Достатковъ нѣтъ... шатущихъ-то надѣлять, ваш—скородье... Дѣлайте, што хотите!—отвѣтилъ онъ.

— Ну, такъ волостной судъ тебя заставитъ отдать...

— Судъ такъ судъ... и на судъ пойдемъ... а ужъ добра моего имъ не видать, ваш—скородье... такъ скажу, коли на то пошло... Пущай прахомъ все возьмется... сгоритъ... а своимъ добромъ не поступлюсь, какъ знаете, такъ и судите!..—И, повернувшись, онъ вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью...

— Обломай-ка вотъ экого добрымъ-то словомъ,—произнесъ староста, вздохнувъ и покачивая головой.

Digitized by Google

Но на другой день я узналъ, что дѣло приняло иной оборотъ. Заяшниковъ добровольно выдѣлилъ своимъ сестрамъ лошадей и коровъ и обязался уплатить имъ шестьдесятъ пудовъ хлѣба, но за то, по злобѣ къ нимъ, не только загородилъ ходъ со двора на половину ихъ избы, но даже не пустилъ отдѣленный имъ скотъ въ свою стойку, и бѣдныя дѣвушки должны были помѣстить свою скотину у сосѣдей. Такія родственныя сцены, къ сожалѣнію, въ быту крестьянъ составляютъ обыденное явленіе. Подобныя насилія и захватъ имущества со стороны старшихъ членовъ семьи служатъ одною изъ главныхъ причинъ семейныхъ раздѣловъ между братьями не только послѣ смерти родителей, но даже и при жизни ихъ, не говоря уже о томъ, что каждый почти семейный раздѣлъ не обходится безъ пререканій, угрозъ, иногда дракъ и въ концѣ тяжбы между раздѣлившимися братьями или между сыновьями съ отцомъ. Ограниченіе семейныхъ раздѣловъ, по моему мнѣнію, неминуемо повлечетъ за собою увеличеніе уголовныхъ преступленій, такъ какъ гнетъ старшихъ членовъ семьи на отдѣльныя личности доходитъ иногда до такихъ потрясающихъ размѣровъ, что несчастному не будетъ представляться инаго выхода изъ подобнаго положенія, какъ только прибѣгнувъ или къ убійству, или къ побѣгу и бродячей, скитальческой жизни...

Было уже темно, когда я освободился, наконецъ, отъ посѣтителей, являвшихся ко мнѣ съ различными просьбами. Вѣстовой, стоявшій все время, пока происходили описанныя сцены, въ дверяхъ смежной комнаты, зажегъ двѣ стеариновыя свѣчи и, поставивъ ихъ на столъ, принесъ самоваръ. Это былъ парень лѣтъ двадцати-трехъ, средняго роста, хорошо сложенный. Черные, курчавые волосы обрамляли его широкій, низкій лобъ; въ черныхъ глазахъ просвѣчивали умъ и наблюдательность. Толстыя губы, опушенныя небольшими усами, выказывали добродушіе и въ то же время лукавство. Я не встрѣчалъ сибирскаго крестьянина, въ лицѣ котораго не выражалось бы исключительно только ему присущей типичной черты— иронiи и добродушнаго лукавства. Это былъ не деревенскій парень, только-что взятый отъ сохи, неуклюжій, съ мозолистыми руками, не умѣющій взять въ руки ни чашки, ни тарелки, наивно

Digitized by Google

довѣрчивый, всего стѣсняющійся и особенно самого себя и своей неумѣлости. Нѣтъ, это былъ человѣкъ себѣ-на-умѣ, человѣкъ, уже вкусившій плодовъ той цивилизаціи, какую проводятъ въ жизнь сибирскаго крестьянина золотые пріиски, человѣкъ, уже видѣвшій людей всякаго покроя, если можно такъ выразиться, и въ силу обстоятельствъ, какими обусловливается пріисковая жизнь, привыкшій относиться ко всему критически. Во время описанныхъ сценъ въ выраженіи его лица можно было подмѣтить порой, съ какою ироніей относился онъ къ той «сродственной» любви, какую желалъ выказать въ своихъ словахъ Заяшниковъ, а дрожавшій уголъ правой брови показывалъ, что только изъ почтительности къ начальству онъ подавлялъ порывы смѣха.

— Ну, и плутъ же мужикъ, этотъ Заяшниковъ!—замѣтилъ онъ, остановившись въ дверяхъ и облокотясь правой рукой о дверной косякъ, когда, наливъ стаканъ чаю, я опустился совершенно успокоенный на мягкій диванъ.

— Ты знаешь его?—спросилъ я.

— Э... э... Полувехта бы Маркыча не знать... Отъ него и собаки-то сторонятся на улицѣ, не то што люди... Звѣрь!... Мало развѣ горя-то на міру отъ богатыхъ мужиковъ, а погляди... чего они ни дѣлаютъ, все имъ съ рукъ сходитъ.

— Почему же это?

— Сила, какъ ты его тронешь!.. У насъ вѣдь всякій горло-то деретъ, по карману глядя... У кого карманъ толстъ, у того и горло широко; чего ни закричитъ, все по его будетъ!.. А бѣдный хошь того умнѣй будь, а все молчи супротивъ его, а коли разинулъ ротъ, такъ сразу его заткнутъ. Ты, говорятъ, кто? батракъ... голытьба... Разговаривать-то надо съ сытымъ брюхомъ, а у тебя съ голоду и умъ-то покоробило, словно бочку съ жару... потому и молчи... Ну, и замолчитъ!...

— Ты здѣшній к....ій? — спросилъ я послѣ минутной паузы...

— Здѣшній,—отвѣтилъ онъ:—въ сиротствѣ росъ... сиротой буду...—дополнилъ онъ: — отъ тятеньки-то остался по семому

Digitized by Google

году... Много горя съ маменькой-то вынесли... Съ энтого урону ее и болѣзнь-то пристигла...

— Какая же болѣзнь?—прервалъ я.

— А Богъ его знаетъ... и умомъ постичь не можно, что такое съ ней дѣется. Сперво-наперво затоскуетъ... такъ будто и мѣста не можетъ найдти себѣ... плакать это учнетъ... убиваться... и совсѣмъ будто помирать станетъ... точно часъ пришелъ... только одного и проситъ: дай вина! Ну, я ужъ энто знаю, приспособился... сичасъ это куплю ей полштофа... Выпьетъ она его, почесть за единъ духъ, и спитъ... такъ сномъ и проходитъ... Вскочитъ опосля того, словно встрепанная. Я ужъ это, какъ запримѣчу, што она затоскуетъ, сичасъ ужъ и бѣгу за полштофомъ: извольте, молъ, родительница, облегчайтесь...

— Всетаки, какъ же ты думаешь, какая это болѣзнь у ней... а?

— Напускная, такъ полагаю... и народъ-то говоритъ, што нутромъ попорчена.

— А часто съ ней эта болѣзнь случается?

— Время съ временемъ не приходитъ. Иной разъ мѣсяца три, четыре, Богъ несетъ, здорова... а въ ино время и на одномъ мѣсяцѣ раза три схватитъ. Нонѣ ровно чаще прихварывать-то зачала, а поколѣ я на пріискахъ былъ, такъ рѣже болѣла, люди-то сказываютъ...

— А ты давно на пріискахъ былъ?

— Пятнадцати годовъ на пріиски-то ушелъ, да года два ужъ будетъ, какъ домой вернулся... Десять рублевъ тамъ въ мѣсяцъ жалованья получалъ на хозяйскихъ харчахъ и работа легкая была... бани все топилъ три раза въ недѣлю на рабочихъ, да два раза восподскую на конторскихъ... Это ужъ дядя мнѣ на пріискахъ-то порадѣлъ повольготнѣе работу доставить. Онъ двадцать пять лѣтъ на одномъ пріискѣ живетъ. Чего бы теперь ни захотѣлъ, все по его сдѣлаютъ... ублажаютъ его и кличутъ завсегды: Осипъ Иванычъ...

— За что же ему такой почетъ выдаютъ, а?..

— Старый рабочій... всему дѣлу голова... Ужъ на развѣдку за золотомъ безъ Осипа Иваныча не пойдутъ... онъ

Digitized by Google

ровно и подъ землей-то видитъ, гдѣ есть золото, гдѣ нѣтъ; а на работѣ-то всегда въ забоѣ стоитъ. Могутной человѣкъ — росту почесть болѣе сажени, въ плечахъ-то ширь—страсть взглянуть! Ну, и си-и-ила!... Вѣришь, баринъ, камни-то въ забоѣ пудовъ по пятнадцати выворачиваетъ, да словно щепу какую наверхъ выкинетъ... стра-а-асть!.. А нравомъ тихъ, словно младенецъ, курица заклюетъ, ей-Богу!.. Напьется ину пору, рабочіе примутся глумить надъ нимъ, а онъ хоть бы што, только головой трясетъ да въ бороду посмѣивается... Одинъ сынъ у отца былъ и не отъ бѣдности, слышь, на пріиски-то пошелъ. У отца-то, сказываютъ, до сорока лошадей было, хлѣба не одна тыща пудовъ въ амбарахъ лежала, два дома старикъ-то имѣлъ, крестьянинъ изъ первыхъ былъ, да вздумалъ, слышь, женить дядю-то супротивъ его воли, а тотъ не покорись ему... ну, и пошелъ раздоръ... вздорили, вздорили... дядя-то плюнь возьми на все да и убѣги на пріиски. «Ничего, говоритъ, мнѣ отцовскаго не надо, сгинь онъ и съ добромъ своимъ!» Убѣгъ да и убѣгъ! Старика-то горе, сказываютъ, взяло, отъ непокорства его пить зачалъ... «Все, говоритъ, добро по вѣтру пущу, а сыну синь пороха не оставлю!» Ну, и пропилъ все... все промоталъ, и самъ не своей смертью померъ, замерзъ!.. Какъ ушелъ дядя на пріиски, такъ и выходить теперь не хочетъ! Чу-у-дной! Экой бы человѣкъ, подумашь ину пору, кабы на селѣ-то жилъ, какое бы хозяйство имѣлъ, а у него и рубахи-то нѣтъ, перемыться нечѣмъ, а вѣдь какія деньги заработываетъ, рублевъ по четыреста, по пяти сотъ въ одно лѣто...

— Куда же дѣваетъ ихъ? пропиваетъ?—прервалъ я.

— Гдѣ ты этакой капиталъ пропьешь, што ты... На экія деньги утонуть въ винѣ-то можно!.. Дикуетъ... Мужики-то его по всѣмъ деревнямъ вокругъ пріисковъ-то знаютъ. Какъ только получилъ онъ разсчетъ, вышелъ съ пріиска, тутъ его и ловятъ. Увидали, што Осипъ Иванычъ напился, подперъ щеку рукой и началъ пѣсню пѣть. Ну, и стой, жди... Поетъ онъ, поетъ, столь-то это заунывно, што вчужѣ слеза пробьетъ, и заплачетъ, горькими зальется... тутъ ужъ и лови его... Кто ни пади ему въ ноги... дай де денегъ корову купить,

Digitized by Google

лошадь, аль на подушную—отказа нѣтъ. На, бери, говоритъ, поминай только въ молитвахъ строптиваго раба Божьяго Ивана, а мнѣ, говоритъ, што блудному сыну, и по притчѣ капиталу имѣть не положено. Такъ и оберутъ всего дочиста. А увидятъ, што свалился, до безчувствія допилъ... возьмутъ, лышь, раздѣнутъ его какъ есть донага, вывезутъ за околицу да и бросятъ гдѣ нибудь въ логу, какъ падаль... Ну, чего жъ, проспится онъ, почешетъ, почешетъ въ затылкѣ и пойдетъ съизнова на пріискъ, въ чемъ мать родила, благо недалеко. А тамъ ужъ ждутъ... знаютъ... изъ году въ годъ комедь-то эта творится съ нимъ... увидятъ его и поднимутъ на смѣхъ: «Што де, блудный сынъ, аль по притчѣ все съ рукъ спустилъ?» «Спу-у-устилъ», говоритъ, махнетъ это рукой, да и ломитъ въ чихаусъ за рубахой и портами... Чу-удной человѣкъ... ди-иковинный! Ну, нонѣ, какъ бабой-то обзавелся, поменѣ денегъ-то раздавать сталъ, къ рукамъ она его прибрала. И бабу-то завелъ не полюдски... какъ-то у солдата откупилъ. Солдатъ это на пріискѣ-то живетъ... блудящій такой, только Егорьемъ и хвалится. Рабочіе-то все глумятъ надъ нимъ, што Егорья-то дали ему за то, што на кухнѣ де помои хлебалъ, да за печку отъ турка прятался. А жена-то у него добрая баба, работящая... Ну, и попуталъ ее грѣхъ-то съ дядей, прилѣпилась къ нему. Сначала много у дяди грѣха-то съ солдатомъ было. Солдатъ-то однова съ ножемъ на дядю кинулся, а дядя-то, слышь, взялъ его, словно щенка, за загривокъ опустилъ подъ жолобъ съ водой у машины, штò золото моетъ, и говоритъ: отдавай добромъ жену, а то тутъ тебѣ и рѣшенье дѣлу, вмѣстѣ съ Егорьемъ утоплю... Ну, солдатъ-то это, какъ поостылъ въ холодной водѣ, сердце-то у него и спало: «Бери, говоритъ, жену, только пусти душу на покаянье!» Такъ съ этого слова дядя-то и завладѣлъ бабой, а штобъ крѣпче было, такъ солдатъ-то съ дядей гумагу сдѣлали промежъ себя; въ пріисковой конторѣ имъ и писали эту гумагу, што, стало быть, солдатъ отдалъ свою жену дядѣ какъ бы въ ренту, за сто рублевъ одновременно, а напредки съ благодарностью по силѣ возможенья и, штобъ солдату къ женѣ касательства не имѣть, а въ случаѣ, если дядю смертный часъ настигнетъ, то

Digitized by Google

бабу препоручить на изволенье Божье!.. И живутъ теперь, любовно живутъ. Нашила это Θекла-то дядѣ рубахъ, лопоти всякой, ну, и пить-то не даетъ ему, и человѣкъ ровно сталъ. Ну, а коли въ случаѣ до вина допахается, такъ все ужъ спуститъ, всякую любовь втунѣ оставитъ. Однова это чего было,—и смѣхъ, и горе, коли посказать. Пришелъ это спиртоносъ на пріискъ, а у нихъ ужъ, у спиртоносовъ-то, у всѣхъ одна повадка: лошадей и вино спрячетъ гдѣ нибудь далеко отъ пріиска въ лѣсу, въ такой чащѣ или въ логу, што и не пролѣзешь, а самъ придетъ на пріискъ будто на работу наймоваться, аль подъ видомъ торгующаго доставщика какого нибудь. Ну, ужъ рабочіе сичасъ и видятъ, што за птица прилетѣла, глазъ-то наметанъ... Инымъ рабочимъ, штò пообстоятельнѣй, онъ и самъ шепнетъ, што вино де есть... приходи!... Ну, ладно, межъ рабочими сичасъ ужъ пошелъ шопотъ: спиртоносъ де появился. Подошелъ вечеръ... глядимъ, дяди нѣтъ, изъ глазъ потерялся, словно вотъ въ воду канулъ... Туда, сюда кинулись искать его... нѣту!... Подумали, не ушелъ ли за чѣмъ на сосѣдній пріискъ... къ утру, молъ, вернется... Ночь вотъ этакъ прошла, и день провалилъ, а дяди нѣтъ да нѣтъ; на пріискѣ-то всѣ встреложились, не доспѣлось ли съ нимъ грѣха какого... Θекла-то это изъ ума выбилась... Кинулся я съ ней въ лѣсъ искать его... искали, искали... ужъ гдѣ только по тайгѣ-то не вылазали... пѣту, словно въ воду человѣкъ канулъ... Ужъ только на четвертыя сутки его нашли въ такой трущобѣ, што не токма человѣку, звѣрю-то не пролѣзть. Лежитъ подъ деревомъ, а около него лагунъ съ виномъ стоитъ, ведеръ въ пять почесть. Какъ увидалъ онъ это насъ... такъ и зарычалъ: «Не подходи!.. убью!» Ну, какъ тутъ къ нему подступиться? А онъ чего это сдѣлалъ, какъ опосля самъ же посказалъ: увидалъ спиртоноса-то да ползкомъ, ползкомъ съ пріиска-то и кинулся въ лѣсъ, штобъ никто его не примѣтилъ. Тайгу-то онъ знаетъ, какъ свои пять пальцевъ, хоть глаза ему завяжи да пусти въ нее—не заблудится. Ну, и норы-то всѣ знаетъ въ ней, гдѣ спиртоносы-то пристаютъ и вино прячутъ... Пока спиртоносъ-то это толокся межъ рабочими на пріискѣ, дядя-то тѣмъ временемъ пробрался къ нему въ станъ, стянулъ у него ла-

Digitized by Google

гунъ съ виномъ и залѣзъ съ нимъ въ трущобу... ищи его!.... Напьется да и спитъ подъ деревомъ, обнявъ лагунъ... проснется, насосется снова вина-то изъ него, закуситъ травкой аль корой съ дерева да снова въ сонъ. Опухъ это весь, глаза-то словно въ крови плаваютъ, голоса-то нѣтъ ужъ, а рычитъ словно звѣрь... Мы говоримъ ему съ Ѳеклой-то: «Иди, молъ, дядя, домой!» а онъ одно рычитъ: «Убью!» а самъ это обнялъ лагунъ, словно дѣтище грудь, и сосетъ, сосе-етъ это винище-то изъ него!... Ну, чего же, послала это меня Ѳекла-то домой на пріискъ. «Подь, говоритъ, принеси хлѣбца, а то сгоритъ исшо»... а сама осталась караулить его, кабы звѣрь на сонаго-то не кинулся... И поколѣ онъ этого лагуна не высосалъ, съ мѣста не тронулся. Привела это она его на пріискъ, никакъ ужъ на шестыя сутки, такъ онъ ровно одичалъ... глядитъ это на всѣхъ, бормочетъ, а чего бормочетъ, и разобрать нельзя, только и поняли одно слово: «вздрючь, вздрючь»... Нѣтъ-нѣтъ ужъ въ чувство-то пришелъ онъ. Чу-у-удной... душа какъ есть у молоденца... сердцовъ ни на кого нѣту, чего ему ни сдѣлай—скажи слово, послѣднюю рубаху отдастъ... Кабы не дядя, я бъ и не ушелъ съ пріисковъ-то. Ну, онъ воспротивился, выжилъ меня...

— Почему?

— Избалуешься, говоритъ... безъ пути пропадешь... Въ деревнѣ-то ты, говоритъ, на землю сядешь... завсегды человѣкомъ будешь, а здѣсь, говоритъ, окромя озорства да пьянства, чего увидишь, какой путь... Ну, и выжилъ меня!.. Сто сорокъ рублевъ домой-то я принесъ... Избу новую къ дому-то приставилъ, пару лошадей купилъ, корову...

— И землю пашешь?—прервалъ я.

— Не сѣлъ исшо на землю-то, возможенья нѣтъ... Нонѣ-то осенью вспахалъ залогъ, чего Богъ дастъ, оправлюсь ли къ веснѣ-то...

— Чѣмъ же ты живешь теперь?

— Роблю!... Весна придетъ, десятины наймуюсь пахать, сѣно косить, хлѣбъ жать... Зимой объѣзднаго коня держу.... Ишь расшумѣлся какъ, словно купецъ во хмѣлю!—неожиданно произнесъ онъ, подходя къ столу, на которомъ стоялъ само-

Digitized by Google

варъ, и закрывая его комфорникомъ.—«Руки здоровы, такъ и брюхо сыто!» на миру-то говорятъ,—заключилъ онъ, снова отходя къ двери и опершись локтемъ о косякъ ея...

— Что это за объѣзднаго коня ты держишь?.. — спросилъ я.

— Обозы съ чаями объѣзжаю, стерегу ихъ! Село-то вѣдь наше на трахту стоитъ... Какъ только зимній путь настанетъ, такъ и повалятъ это обозы съ чаями съ иркутской стороны. А ужъ мѣста-то наши славятся... станка не пройдетъ, чтобы ящика два, три чаю съ обоза не срѣзали...

— Кто же рѣжетъ ихъ?

— Есть рукомесленниковъ-то много... Первый мастеръ на это по нашему селу Кондратьевъ, Михѣй Степанычъ.

— Крестьянинъ?

— Ссыльный!... Поискать экаго вора... Ужъ гдѣ чего пропало, иди къ нему на дворъ. Ни хлѣба не сѣетъ, никакого заводу нѣтъ, а живетъ богаче другихъ, восемь коневъ держитъ, пьетъ, ѣстъ всласть... А спроси, чѣмъ добываетъ—все воровствомъ! Славу-то пущаетъ про себя, што сапожникъ, а если пару сапоговъ въ годъ стачаетъ, то говори—славу Богу!... Нонѣ онъ встрѣлся мнѣ пьяный и говоритъ: «Ну, Микита, давно ужъ твоя шея по петлѣ скучаетъ, попадешь—не сорвешься!» А я и говорю ему: «Што свинцовая закуска, Михѣй Степанычъ, завсегды для васъ за пазухой у меня торчитъ... Скусна ли только покажется, говорю, прожуешь ли?»...

— За что же онъ петлей грозитъ тебѣ?

— Удавить, вишь, собирается меня, за то, што обозы охраняю, воровать ему не даю... Обозчики-то ужъ знаютъ наши мѣста и знаютъ, што я всѣхъ воровъ, што чаи-то рѣжутъ, наперечетъ въ лицо знаю... ну, вотъ и нанимаютъ меня провожать обозы, отъ П—и до К—а и отъ К—а до И—а, по два рубля за каждый станокъ платятъ мнѣ. А въ ину недѣлю обозовъ-то шесть, семь провалитъ. Вотъ рублевъ тридцать и заробишь въ недѣлю, и живешь... Ну, ужъ тутъ, какъ обозы-то провожаешь, не зѣвай, гляди въ оба, особливо ночью, и конь требуется, штобъ выносливый былъ. Сорокъ верстъ обозъ-то проводишь, не слѣзая съ коня. Доведешь обозъ-то до И—а, да съиз-

Digitized by Google

нова въ обратный путь скачешь, штобы новый обозъ встрѣтить да проводить. Въ это время ужъ сна не знаешь, крѣпись, потому недѣля-то годъ кормитъ!.. Конекъ-то у меня выносливый, восемьдесятъ верстъ не ѣмши бѣжитъ...

— Какъ же ты охраняешь обозы-то?

— Охраняю-то какъ?..—переспросилъ онъ.—Да нешто твоя милость не знаетъ этихъ обычаевъ? — спросилъ онъ, пытливо посмотрѣвъ на меня.

— Не знаю!

— А-а!... Ну, такъ тебѣ надоть это дѣло по суставамъ обсказать,—наставительнымъ тономъ произнесъ онъ.—Вишь, какъ это дѣлается, ваше благородье,—началъ онъ:—у каждаго обоза есть свой объѣздчикъ, артельный значитъ; ужъ вся артель обозчиковъ, по-нашему-то связчиковъ, содержитъ его, и онъ въ паю считается въ связкѣ и доходъ получаетъ наравнѣ съ каждымъ связчикомъ; но вотъ въ опасныхъ-то мѣстахъ, какъ наши, обозчики наймуютъ исшо объѣздчика изъ мѣстныхъ надежныхъ крестьянъ, которые ужъ всѣхъ воровъ знаютъ, всѣ мѣста, гдѣ они пришатываются, всѣ воровскія повадки ихъ. Экой-то объѣздчикъ и зовется «объѣздной конь». Къ примѣру взять: тронулся обозъ съ постоялаго двора, обозчикъ-то ямщикъ ужъ умаялся за дорогу и налопался къ тому же до изнеможенья, хошь обручи на брюхо-то надѣвай, штобы не лопнуло... ну, гдѣ жъ ему идти... едва онъ присунулся на возъ и спитъ. Вотъ тутъ-то и начинается моя работа, особливо ночью, знай обозъ-то взадъ да впередъ по дорогѣ объѣзжаешь, каждый кустикъ оглядываешь. Какъ запримѣтилъ только чего, сейчасъ и даешь тревогу, кричишь: о-ой-гой-гой-го-о-ой... Ну, тутъ ужъ братъ у каждаго ямщика сонъ-то отъ глазъ отскочитъ, вспрыгнетъ на возу-то, страхъ-то протретъ глаза, а иной коли разоспится, не слышитъ, такъ ты ему и плетью уши-то прочистишь, штобъ спалъ да ушей не затыкалъ... Хлопотливо это дѣло объѣзднаго коня держать,—продолжалъ онъ послѣ минутнаго раздумья:—у каждаго вора своя повадка, за всѣмъ гляди въ оба. Иные чего дѣлаютъ: надѣнетъ на себя саванъ изъ бѣлаго холста, ляжетъ въ канаву около дороги да снѣжкомъ загребется; ну, гдѣ его ночью-то усмотришь! Тутъ

Digitized by Google

же мимо его идешь да не видишь, особливо коли ночь-то темная, да буранчикъ играть учнетъ. А онъ зорко слѣдитъ за тобой. Запримѣтилъ коли, што возъ поотсталъ и обозчика на немъ нѣтъ, вскочилъ, пласнулъ ножемъ по веревкамъ, отхватилъ ящикъ съ чаемъ, перебросилъ его за канаву, гдѣ также двое, трое молодцовъ въ саванахъ въ снѣгу лежатъ, ждутъ... подхватятъ они ящикъ, вскочатъ всѣ въ кошевку, которая гдѣ нибудь вблизи же въ кустахъ припрятана, и пошли валять... Лови ихъ, што вѣтеръ въ полѣ... Ужъ какъ ни гони, не догонишь, потому коней-то они на этотъ случай аховыхъ держатъ. Однова вотъ также экой молодецъ-то отхватилъ съ воза ящикъ съ чаемъ, перебросилъ его за канаву, побѣгъ самъ-то, да запнулся, слышь, за саванъ-то и шлепнулся... Мы къ нему, но онъ исшо успѣлъ вскочить и прыгнуть къ кусту. Прыгнулъ, да и сталъ у дерева шагахъ въ двадцати отъ дороги. Кинулись мы всѣмъ народомъ къ нему, да какъ глянули на личину-то, што надѣта на немъ была, такъ ужасть всѣхъ взяла... такъ и не тронули его... обмерли...

— Испугались, что ли?

— Стра-а-сть, напужались какъ. Стоитъ словно смерть въ саванѣ. Черепъ-то голый себѣ поддѣлалъ, зубы большіе такіе оскалены, какъ на картинахъ про смерть пишутъ. Ужасть! Давай, слышь, мужики-то креститься да уходить отъ него. Ну, а ужъ коли бъ не напужались, не сдобровать бы ему.

— Избили бы, а?

— Отшибли бы память-то. Забылъ бы, гдѣ трахтъ лежитъ, по которому обозы съ чаями идутъ. Обозчики-то, какъ остервятся, такъ упаси, Господи, всякаго нехристя попасть въ руки къ нимъ. Разъ вотъ также, сказывали, налетѣло трое молодцовъ въ кошевкѣ на обозъ-то, отхватили съ воза два ящика съ чаемъ и помчались. Да вѣдь надо же грѣху-то быть: не промчались исшо мимо обоза, какъ завертка у оглобли и лопни... Кошевка-то на бокъ; они на скаку всѣ и выпали изъ нея... Тутъ на нихъ и наскочили обозчики-то, схватили, слышь, ихъ, уволокли въ лѣсъ за версту отъ дороги-то, раздѣли ихъ донага, развели три костра, да и привязали ихъ къ деревьямъ-то за руки и за ноги, штобъ спины-то надъ кострами ви-

Digitized by Google

акъ, ска-
. Опосля,
евьяхъ, а

за.
гупили?—
ь варвар·

ся онъ:—
е же вѣдь
ся когда,
ума вы-
снѣга-то
тѣлъ на-
о дороги,
а шеѣ, у
а въ сто-
Или срѣз-
го теперь
Чего же
ткупится,
ъ только
лся за то
што пой-
ужъ тутъ,
ъ меньше
удить бу-
Вѣдь и у
ужикъ-то
ую и по-
ь ни день,
ди верстъ
и-ко экую
захочешь
то на ли-
собака не
доставку

Digitized by Google

же мим
шая, да
тобой.
немъ нѣ
тилъ яш
двое, тр
подхват
гдѣ нибу
лять...
не дого
держатъ
воза яш
самъ-то,
къ нему,
Прыгнул
роги. К
нули на
всѣхъ вз
— И
— С
саванѣ.
кіе оскал
Давай, сл
а ужъ к
— И
— О
житъ, по
остервятс
руки къ
молодцовт
ящика съ
не промча
лопни... К
шея... Тут
ихъ, увол
донага,
ямъ-то за

Digitized by Google

сѣли, огнемъ-то и стали имъ спины грѣть... Такъ какъ, сказываютъ, молились они, просили предать ихъ смерти. Опосля, ужъ вдолги послѣ того, нашли ихъ: висятъ на деревьяхъ, а жареное-то мясо такъ и отпало отъ костей...

Меня невольно охватила дрожь отъ этого разсказа.

— Ну, что же, какъ ты думаешь, хорошо они поступили?— спросилъ я, желая вывѣдать его мнѣніе о подобномъ варварствѣ.

— Ужъ гдѣ же хорошо, кто похвалитъ!—отозвался онъ:— ужъ лучше убей, чѣмъ мучить-то... Воръ, воръ, да все же вѣдь человѣкъ, не скотина. Да вѣдь мужики-то остервятся когда, ваша милость, такъ ровно у нихъ и понятіе-то изъ ума вышибетъ!... Вѣдь это теперь по нашей сторонѣ, когда снѣга-то весной таять начнутъ, такъ сколь это мертвыхъ-то тѣлъ находятъ и по дорогѣ въ канавахъ, и въ кустахъ около дороги, и въ поляхъ. У одного глаза выдавлены и удавло на шеѣ, у другаго пуля въ затылкѣ завязла, у третьяго голова въ сторонѣ валяется. А кто все конецъ такой принялъ? Или срѣзчикъ чаевъ съ обоза, или конокрадъ... Ну, поймай его теперь и предоставь его невредительнымъ по начальству... Чего же будетъ-то?... Подержутъ его съ мѣсяцъ, поколь не откупится, въ каталажкѣ при волости, аль въ острогѣ, а какъ только откупился, то сичасъ и выпустятъ, снова онъ и взялся за то же ремесло да еще и похваляться начнетъ, што за то, што поймали его, аль убьетъ кого, аль деревню спалитъ! А ужъ тутъ, по крайности, одинъ конецъ, все хошь однимъ воромъ меньше на свѣтѣ. А какъ ты теперь и объѣздчиковъ-то судить будешь, што они этакъ надъ ворами-то тиранствуютъ. Вѣдь и у нихъ тогда на сердцѣ накипитъ. Посуди самъ... Мужикъ-то идетъ въ извозъ, думаетъ копѣйку заробить, подушную и повинности уплатить, по хозяйству оправиться. Вѣдь онъ ни день, ни ночь въ извозѣ-то покою не знаетъ, полторы тыщи верстъ пѣшкомъ почесть валитъ во всякую непогодь. Пройди-ко экую планиду, небось заноютъ ноженьки-то, устанешь, захочешь ихъ и на печкѣ погрѣть; другой изнобится весь, што на лицѣ-то шкура клочьями виситъ, домой-то придетъ и собака не узнаетъ, хозяинъ, аль чужой кто пришелъ. Чаи-то на доставку

Digitized by Google

купцы сдаютъ ему каждый ящикъ съ вѣсу; ужъ коли онъ принялъ ящикъ вѣсомъ въ 100 фунтовъ, такъ и сдай съ вѣсу, штобъ въ немъ было 100 фунтовъ, а коли фунта не хватаетъ въ немъ, такъ почемъ стоитъ фунтъ чаю въ развѣсѣ по оцѣнкѣ его, потомъ и заплати за него, а сколь экихъ фунтовъ-то купцы на артель-то возчиковъ накладутъ. Не милуютъ они ихняго брата, нѣ-ѣ-тъ, каждый грошъ въ счетъ идетъ, коли гдѣ и рогожи не хватитъ, такъ и рогожку-то причтутъ, потому, говорятъ, денежка счетъ любитъ! Этого, небось, никто изъ нихъ въ резонтъ не возьметъ, што иной мужикъ въ извозъ-то подетъ на десяти лошадяхъ, а вернется-то на пяти, половину-то ихъ на харчи, да на прокормъ скота изведетъ, ожидая, пока ему чаи-то на воза накладутъ. А сколько теперь по трахту съ каждаго обоза чаевъ-то этихъ срѣжутъ, а?... Въ одномъ мѣстѣ ящикъ отхватятъ, да въ другомъ, да въ третьемъ... и вѣдь купецъ этого тоже въ резонтъ не беретъ, што у него украли—коли сказано, што въ обозѣ тыща ящиковъ, такъ ты и подай тыщу ящиковъ, а за все, што украли у тебя, заплати. Посчитай-ка всѣ энти убытки-то, всплачешь! Иной мужикъ-то разсчитывалъ домой-то принести рублевъ полтораста, али худохудо сто, а какъ за все про все вычтутъ у нихъ съ артели-то, ему въ разсчетѣ-то и достанется рублевъ сорокъ, а то еще и своихъ приплатитъ, не токмо, што заробитъ. Вотъ тебѣ и поправился. Сходилъ ни пошто и принесъ ничего, да мало того, исшо своихъ же лошадокъ посѣялъ на чужой сторонѣ. Мало развѣ исправныхъ мужиковъ отъ этихъ-то заработковъ по міру идутъ. Такъ нешто не закипитъ сердце-то у него... Суди! Онъ день и ночь трудится, покою не знаетъ, а другой изъ воровства-то промыселъ себѣ сдѣлалъ, зоритъ его, пьетъ его слезы и кровь. Ну, ужъ коли воръ-то попадется, такъ ужъ пощады не жди... за все, про все на немъ вымѣстятъ и дѣда, и прадѣда на его косточкахъ помянутъ! Ну, другаго-то вора, глядя на участь своего брата, и страхъ возьметъ, нескоро на этакій-то заработокъ кинется... Жисть-то тоже каждому мила.

— Куда же эти воры чаи сбываютъ?...

— Куда? — съ усмѣшкой спросилъ онъ:—найдутъ мѣсто,

Digitized by Google

любой купецъ приметъ, только принеси. По селамъ-то на трахту, гляди-ко, вездѣ евреи населились, у всякаго изъ нихъ лавки, всякій чаемъ торгуетъ, а спроси-ка, отколь этотъ чай?... Иной изъ евреевъ-то босой въ село-то пришелъ, съ мѣшкомъ за плечами, а не прошло и десяти лѣтъ, какъ въ купцы вылѣзъ, лавокъ настроилъ, на десятки тысячъ торговлю развелъ. Кабы не они, такъ, можетъ, поменьше и чаи-то рѣзали. Мужику-то негдѣ ящика съ чаемъ спрятать, у него все на виду, а у купца-то амбаровъ много, есть гдѣ схоронить, только неси... Ящикъ-то съ байховымъ чаемъ стоитъ на худой конецъ рублевъ полтораста, если путемъ-то купить его, а у вора-то онъ купитъ его рублевъ за двадцать, да въ развѣсѣ-то тѣ же полтораста рублевъ выберетъ... Вотъ оно и выгода, есть на што пушкомъ-то обростать. А убьютъ вора, такъ не его печаль, другой найдется, а коли воръ и попадетъ, такъ еврей-то купецъ все сухъ изъ воды выйдетъ, потому съ нимъ всякое начальство въ ладу живетъ... всѣ на его руку тянутъ. Хлопотливое это дѣло обозы-то охранять,—снова повторилъ онъ:—другой обозъ-то версты на двѣ растянется по дорогѣ. Вотъ и объѣзжаешь его съ одного конца на другой; на всякій кустъ по дорогѣ-то поглядишь, на всякую кучу, не сидитъ ли воръ подъ ней... Иные вѣдь мошенники-то какъ дѣлаютъ. Ѣдетъ повозка аль кошева на тройкѣ съ колокольцами; видишь—сѣдокъ сидитъ. Ну, почемъ его распознаешь, можетъ, и купецъ, можетъ, и чиновникъ. Лицо у ямщика закутано будто отъ морозу. Ну, вотъ и ѣдешь сичасъ за этой повозкой слѣдомъ, а обозчикамъ закричалъ: «гой-гой-го-о-ой!»... стерегись де... Проводишь ее до конца обоза, поглядишь ей въ слѣдъ... постережешь, не вернулась бы. Ну, проѣхали коли, назадъ вернешься. Онъ вотъ въ повозкѣ-то одинъ сидитъ, а на днищѣ-то ея еще человѣка два, три лежатъ; ну, коли видятъ, што объѣздной не промахъ, ухо и глазъ насторожѣ, и боятся... мимо проѣдутъ, не тронутъ обоза, а чуть оплошай, не догляди за ними, отхватятъ ящикъ, два чаю съ воза, сбросятъ въ повозку, и пошелъ, ищи ихъ!... Въ прошлую зиму, это скажу тебѣ, ѣду я, провожаю обозъ. Ночь темная, обозчики спятъ на возахъ, дорога это тѣсная, кусты почесть къ самому трахту

*

Digitized by Google

подошли. Гляжу, подъѣзжаетъ къ обозу кошевка, втихомолку, парой запряжена; сидитъ въ ней человѣкъ и ѣдетъ это ровной рысцой, не торопясь. Приглядываюсь къ конямъ, вижу—коренникъ игренинькой масти, ровно видѣлъ его гдѣ-то, а припомнить не могу... Крикнулъ я это: «гой-го-ой-гой!» Всколыхнулись мои обозчики, вскочили. А самъ я поровнялся это съ кошевкой-то да, долго не думая, шасть это съ лошади-то своей прямо въ кошевку; какъ ступилъ это ногами-то въ кошевку и чую, что на днѣ ея человѣкъ лежитъ, прикрытъ рогожей, а сверху сѣномъ закиданъ. Сѣлъ я на ободокъ кошевки, ногами-то нарошно на лежавшаго наступилъ, мну его, крѣпко мну, молчи-итъ, а самъ коня своего въ поводу веду, и говорю: «Богъ въ помочь, молодецъ, путемъ дорожкой!»

— Здравствуй,—говоритъ.

Какъ услыхалъ я голосъ-то, тутъ и узналъ, гдѣ коня-то видѣлъ. Это Михѣй Степанычъ Кондратьевъ на промыселъ выѣхалъ. Стой, думаю, парень!.. А лицо у него только вплоть окутано, не спознашь. «Никакъ Михѣй Степанычъ Кондратьевъ?—спрашиваю его:—землякъ, а?»

— Я, говоритъ, не обознался... Зоркій же глазъ, говоритъ, парень, у тебя...

— Мой, говорю, глазъ, Михѣй Степанычъ, за версту ночью вора видитъ; што, говорю, окутался такъ, и лица не спознашь у тебя?—ровно морозу-то нѣтъ, легкая погода стоитъ.

— Зубы, говоритъ, болятъ, смучился...

— А-а-а... вишь, говорю, какая болѣзнь настигла. Съ чего затрещали-то?.. развѣ пересчитывалъ кто?—спрашиваю, а самого, слышь, такъ это смѣхъ и моритъ. Нащупалъ я ногой-то голову у того, штò на днѣ-то лежалъ, да нарошно это каблуками-то тыкаю въ него, будто ноги замерзли, грѣю ихъ; не подастъ ли, думаю, голоса... Нѣ-ѣ-ѣтъ, молчитъ, крѣпится... Куда, говорю, путь-то держишь?

— Въ И...мы, говоритъ, надоть.

— Што жъ, говорю, дѣло къ спѣху подошло, што ли, что ночью, при зубной болѣзни, въ путь тронулся?—и днемъ бы съѣз-

Digitized by Google

дилъ, не опоздалъ. А чего, говорю, везешь-то это, чего на днѣ-то лежитъ у тебя?

— Овесъ!.. Овса, говоритъ, куль нагребъ, авось продамъ!

— А-а... овесъ, говорю; ну, овесъ-то нонѣ въ цѣнѣ, у тебя же онъ спористый, плотный, какъ погляжу, сколь, говорю, ни топчу его ногой, не подается, словно камень!..

— А ты, говоритъ, парень, овесъ-то ногой не топчи, куль не прорви!—съ сердцемъ это огрызнулся онъ: —чего, говоритъ, въ кошевку-то прыгнулъ, развѣ своего дѣла не знаешь? Нанялся обозъ охранять, а самъ съ проѣзжающими языкъ точишь.

— Не бѣда, говорю, давно ужъ съ тобой не видался, покалякаю, провожу ужъ тебя до конца-то обоза, и тебѣ-то веселѣй, и мнѣ нескушно.

— Большущій, говоритъ, обозъ-то, устанешь языкъ-то о зубы обивать.

— Обозъ, говорю, большой и чаи, парень, цѣнные, цвѣточные, рублевъ по триста, поди, ящикъ. Вотъ бы, говорю, находка.

— О-о, пробовалъ, говоритъ, нешто?

— Обозчики сказываютъ!.. Ну, и звѣрь же народъ, говорю, подобрался. Говорятъ, подъ Енисейскомъ гдѣ-то также кто-то въ кошевкѣ подъѣхалъ къ нимъ и мѣтилъ съ обоза ящикъ чаю урвать, такъ они, слышь, баютъ, пальцы на рукахъ обрубили ему... Вотъ какіе звѣри! Ужъ только бы, говорятъ, намъ кто указалъ теперь на вора, такъ у живаго бы жилы вытянули.—И договоритъ исшо не успѣлъ этихъ словъ, гляжу—мой Михѣй Степанычъ возжи натянулъ и по лошадушкамъ ударилъ. А-а! думаю, вѣрно въ самое нутро тебѣ словцомъ-то угодилъ! Отогналъ онъ такъ съ полверсты, вижу, ужъ голова обоза близко, онъ и спрашиваетъ меня: «Неужъ ты съ пустыми руками обозъ-то охраняешь?»

— Нѣ-ѣтъ, говорю, какъ можно, Михѣй Степанычъ, у меня завсегда для придорожныхъ мастеровъ ливертъ *) на-

*) Большинство крестьянъ револьверъ называютъ «ливертомъ» или «рывертомъ».

Digitized by Google

готовѣ; ротъ-то у него о шести зубьяхъ, и ножъ есть въ придачу подъ рукой. Покажу, коли хошь.

— Видывали, говоритъ, вылѣзай-ка, накалякались.

— Счастливый путь, говорю, спасибо на бесѣдѣ... Выскочилъ я изъ кошевы, подобралъ онъ это возжи, стегнулъ лошадей и крикнулъ мнѣ: «Ну, насегодня прощай, какъ-то ужо поздороваемся! Помни!» и словно, слышь, птица изъ глазъ-то порхнулъ; кони што твой вѣтеръ и такъ, слышь, пріучены, што ровно онъ возжей-то дернетъ, такъ они знаютъ, стоять ли имъ надоть, или мчаться.

— Скоро ли ужъ это просвѣтлѣніе-то по нашей сторонѣ начнется,—неожиданно произнесъ онъ, — воровъ-то изводить начнутъ... а то ужъ совсѣмъ вѣдь житья нѣтъ... Иного съ поличнымъ поймаютъ; ну, думаешь, теперь ужъ конецъ ему пришелъ.. не отвертится.. засудятъ, ушлютъ... Не тутъ-то было.. посидитъ, посидитъ.. да снова на волѣ и очутится... Нѣтъ, вонъ но росейской-то сторонѣ.. гляди, какъ взялись за нихъ.. чистютъ.. да только одно горе.. навозъ-то къ намъ шлютъ.. а у насъ и своего бы достаточно.. хоть въ три лопаты греби.. такъ не выгребешь!.. Мамынька-то у меня, признаться сказать, калачи печетъ, хлѣбы, щи варитъ.. ну, и значитъ все это съѣстное-то на полуэтапѣ продаетъ арестантамъ, когды партіи ихъ приходятъ.. такъ поди-ка чего они говорятъ, арестанты-то... Вотъ ужо, говорятъ, постойте: прокуроры-то наѣдутъ къ вамъ.. такъ всѣхъ засудятъ, по селу-то вашему рази, говорятъ, человѣка два уцѣлѣютъ, а то всѣхъ въ каторгу сошлютъ... Тогды, говорятъ, и настанетъ просвѣтленье.. всякій по правдѣ ужъ станетъ жить, какъ законъ велитъ...

— Почему же они думаютъ, что прокуроры здѣсь всѣхъ сошлютъ, а?.. не спросилъ ты ихъ?

— Спрашивалъ!.. Одно говорятъ, што разбойнѣе нашего мѣста на свѣтѣ нѣтъ. Кабы, говорятъ, во Расеи-то знали, чего у васъ здѣсь дѣется, такъ только съ диву бы ахнули... Лютый-то росейскій разбойникъ супротивъ вашихъ-то, говорятъ, праведникомъ выглядитъ...

— А какъ ты думаешь, правду они говорятъ, или нѣтъ?

Digitized by Google

Онъ засмѣялся вмѣсто отвѣта и, тряхнувъ головой, почесалъ въ затылкѣ.

— Ну, что жъ ты молчишь?—снова спросилъ я.

— Не потаюсь, правду!—отвѣтилъ онъ и снова засмѣялся, выставивъ свои ровные, бѣлые какъ перламутръ зубы.— Это если у каждаго мужичка по нашему селу разобрать по суставамъ его качества, такъ пожалуй, што самое надежное ему мѣсто каторга.

— Ужъ будто для каждаго, а?..

— Мало же, братъ, найдется праведныхъ-то... штò трудами рукъ живутъ, безъ озорства.

— А кто же эти праведники? Назови мнѣ хоть одного.

— А вотъ, къ примѣру взять, Всигней Егоровъ... Изба его, какъ въ село-то вьѣдешь, такъ третья съ краю будетъ... Правосудный мужикъ, кого ни спроси, всякой скажетъ. Семья шесть душъ, а онъ одинъ на всѣхъ работникъ... когда и спитъ, не знаешь... исшо полуночи нѣтъ, а онъ ужъ, гляди, всталъ, чего нибудь да ужъ робитъ... Худаго слова отъ него не услышишь... Въ винѣ это и скусу не знаетъ, какое оно... Отъ обчественныхъ дѣлъ завсегды сторонится... потому, говоритъ, въ обчествѣ-то трезваго слова не любятъ... только пьяная рѣчь по сердцу... Ужъ чужой копѣйки не зажилитъ, не притаитъ, нѣ-ѣ-тъ, братъ... лучше свою отдастъ... чѣмъ за чужое запнется!... Года два тому время, весной поѣхалъ онъ какъ-то на пашню къ заимкѣ своей... Ѣдетъ, слышь, не спѣша это и видитъ у дороги, въ бороздѣ, на пахотѣ крестьянина деревни П....ой Асафа Крюкова, лежитъ чего-то... Ѣхалъ-то онъ на вершной... Сошелъ это съ коня, глянулъ, чего лежитъ, и видитъ—сумка изъ кожи, такъ это невеличка на видъ... веревочкой перевязана... Глянулъ онъ въ сумку-то, а тамъ асигнаціи... двѣсти рублевъ денегъ. Вѣдь это теперь при его семьѣ да бѣдности какой бы кладъ... Другой на его мѣстѣ какъ бы оправился и лошадей бы купилъ, и по хозяйству-то все бы обстроилъ, и совѣсть бы чиста была, не укралъ человѣкъ, а нашелъ. Стало быть, Богъ ему послалъ, а онъ, слышь, нѣтъ... Смекнулъ это, што за день до этого Асафъ-то въ село пріѣзжалъ... скота гуртовщику запродалъ, а стало

Digitized by Google

быть, какъ заѣзжалъ по дорогѣ на пашню поглядѣть, тутъ и обронился... Положилъ онъ эту сумку съ деньгами за пазуху, и гони въ П...ну къ Асафу. Пріѣхалъ, а тамъ у Асафа-то въ домѣ пыль коромысломъ стоитъ... Мужикъ скупой, нравный... сердце-то съ потери денегъ рветъ и мечетъ по семьѣ... Всигней-то поздоровался съ нимъ чинъ чиномъ и спрашиваетъ: «Не терялъ ли ты чего, Асафъ Кузьмичъ?»

— А тебѣ, говоритъ, што за дѣло?—Асафъ-то его спрашиваетъ: — укорять, што ль, пришелъ, што, не въ умѣ бывши, деньги обронилъ.

— Свое добро терялъ,—Всигней-то отвѣчаетъ:—чужому человѣку не слѣдъ и съ укоромъ лѣзть... А пріѣхалъ я затѣмъ, можетъ, штобъ сердце твое облегчить... не серчайка... деньги обронилъ, што ль?...

— Обронилъ...

— Много?

— Помутишься умомъ-то, двѣсти рублевъ... да тебѣ, говоритъ, што за дѣло? што ты со спросами-то лезѣшь? языкъ зудитъ?..

— А гдѣ обронилъ?—Всигней-то спрашиваетъ.

— Кабы зналъ, говоритъ, гдѣ, такъ не скучалъ бы, а побѣжалъ да поднялъ...

— Около пашни своей ѣхалъ?

— Ѣхалъ... съ телѣги слѣзалъ исшо, супонь подтягивалъ... Да на пашнѣ гдѣ имъ быть... въ кабакѣ обронилъ... Сороковкой на дорогу-то запасался... Бутылка-то, штобъ ей лопнуть, цѣла осталась... а гумажникъ-то сгинулъ...

— А какой гумажникъ-то былъ? — Всигней-то спрашиваетъ.

— Да ты што, говоритъ, пытаешь меня?—Асафъ-то закричалъ:—аль внутри у тебя съ нищеты-то о чужихъ деньгахъ загребтѣло!..

— На-ко, говоритъ, гляди лучше, не твой ли будетъ,— Всигней-то отвѣтилъ, вынулъ это изъ-за пазухи гумажникъ и подалъ ему... Такъ Асафъ-то,—опосля это Всигней-то разсказывалъ,—какъ увидалъ это гумажникъ-то, такъ индо, говоритъ, затрясся весь... каждую-то сигнацію пересчиталъ да исшо на

Digitized by Google

свѣтъ оглядѣлъ, не подсунулъ ли де Всигней-то фальшивыхъ ему. Пересчиталъ это деньги, опустился на лавку да и говоритъ: «А я, слышь, Всигней, полагалъ умомъ-то, што ты, узнавъ про мое горе, должекъ мнѣ привезъ, а ты, говоритъ, находкой меня обрадовалъ! Ну, спасибо, говоритъ, дай тѣ Богъ и самому въ тыщахъ жить... Садись, гость будешь... да скажика къ случаю ужъ, когды мнѣ должокъ-то привезешь?.. Мнѣ, говоритъ, признаться, деньги-то до болѣзти нужны... Скучаю... скота што ись запродалъ... похлопочи, говоритъ, поскорѣй росквитаться-то со мной, а што обрадовалъ меня... спасибо!» А Всигней-то, слышь, исшо по осени занималъ у него десять рублевъ; шесть-то по зимѣ ему отдалъ, а четыре рубля мочи не хватило отдать-то, до уборки хлѣба отложилъ... «Такъ, какъ онъ мнѣ, говоритъ, вымолвилъ это, такъ у меня, говоритъ, ровно свѣтъ-то изъ глазъ выкатился, такъ это совѣсть-то убило, што не помню, какъ и изъ избы вышелъ!» Вотъ онъ жидъ какой, Асафъ-то, и диви бы бѣдный былъ, а то вѣдь въ тыщахъ сидитъ. Всигней-то ему благодѣтельство оказалъ, а онъ вмѣсто спасиба-то его же словомъ убилъ, што онъ долгу не привезъ... Вотъ и суди, сколь у богатаго совѣсти много...

— Ну, а если бы ты нашелъ, отдалъ бы?—прервалъ я.

— Ни-и-и въ жизть!... Мнѣ Богъ счастье посылатъ, а я бы сталъ отъ него чураться... Ни-и-и въ жизть бы... Мужики-то развѣ мало потомъ ругали Всигнея за то, што отдалъ свою находку... Диви бы исшо бѣдный потерялъ... ну, бѣдному отдать не грѣхъ... а то этому жиду отдавать, штò на тыщахъ сидитъ, да норовитъ исшо послѣднюю копѣйку у нищаго оттянуть... Про него вонъ, про Асафа-то, молва идетъ, што онъ роднаго сына въ гробъ вколотилъ, пощады не далъ... Чарочкой тотъ малость зашибался... отъ него же, сказываютъ, болѣ, и попивать-то зачалъ... Ну, Асафъ-то и поучилъ его однова, да такъ, слышь, поучилъ, што онъ зачахъ, зачахъ... да и Богу душу отдалъ...

— А правда ли это?

— Народъ говоритъ...зря, поди, тоже болтать не станутъ... Да экія дѣла въ нашемъ краю не диковинка... Молодое мое дѣло, мало исшо на свѣтѣ пожилъ, а ужъ вдостоль насмо-

Digitized by Google

трѣлся, чего по міру-то дѣется... Большая во всемъ развратность пошла, ваш—скородіе... Вѣдь это въ сборню иную пору заглянешь... посельскую сходку... такъ только, слышь, и дѣловъ, што судбище идетъ... то мужа съ женой судятъ, то брата съ братомъ, то сына съ отцомъ... Не столько судятъ, сколь обопьютъ всѣхъ, да тѣмъ и рѣшатъ дѣло: кто болѣ вина поставилъ, тотъ и правъ.

— Отчего же это развратность пошла, по твоему мнѣнію?

— А Богъ его знаетъ!... Молодяжникъ-то на стариковъ ропчетъ, што не по правдѣ болѣ живутъ... што сынъ де на роботу идетъ, а отецъ въ кабакъ... сынъ норовитъ, кабы въ домъ копѣйку принести, а отецъ изъ дому. А старики говорятъ, што молодые-то отъ рукъ отбились... почему де нѣтъ... послушанья...

— А кто же правъ по-твоему, а?...

— Какъ ты судить будешь, кто правъ... Судить-то надоть, глядя по человѣку, каковъ къ примѣру родитель и каково дѣтище... Ину пору и молодаго-то не похвалишь... иной, што ранній огурчикъ съ грядки, кругомъ зеленъ да не зрѣлъ... раскуси, такъ отъ горечи сплюнешь!.. Ну, и на старичковъ-то глядя, тоже добраго слова про нихъ не вымолвишь!.. До старости-то доживетъ человѣкъ, такъ ровно его, слышь, одурь возьметъ: и то ему не такъ, и другое неладно, все-то не по немъ, все строптивится. А начни по его дѣлать... гляди, хуже выйдетъ. Ну, слушаютъ, слушаютъ дѣти-то, да какъ увидятъ во всемъ неустойку, и плюнутъ на слова-то его.. вотъ и пойдетъ брань да перекоры, судъ да дѣло... Умные-то родители, што по Божьему-то судятъ, по правдѣ, никогды до энтого не дойдутъ... Такой-то родитель одно говоритъ: «Я свой вѣкъ отжилъ... надо и дѣткамъ пожить дать. Чего можетъ въ мое-то время было хорошо, имъ то ужъ непригодно»... Ну, и держитъ себя въ отставѣ. Послушаютъ дѣти его слова—ладно, не послушаютъ—сердца не имѣетъ на нихъ... Ну, и живутъ въ союзѣ да любовно... Въ такой-то семьѣ и спорится все... Да вѣдь экихъ-то родителей мало... Старики-то все болѣ озорствовать любятъ... Ну, погля-

Digitized by Google

дятъ, поглядятъ дѣти-то, видятъ, што старикъ-то изъ ума выжилъ, не слушаетъ добраго слова, и поучатъ его...

— Отца-то?...

— А хоша бы и отца... што жъ... если отъ него, окромя вреда, ничего путнаго-то не видно! Есть вотъ у насъ крестьянинъ Семенъ Дѣичъ Труневъ... въ лѣтахъ ужъ человѣкъ, дѣтный... Недавно дочь замужъ выдалъ... и мужикъ такой, што худаго слова тоже не скажешь про него. Виномъ не займуется, отъ зазорныхъ качествъ бѣжитъ, достатковъ большихъ нѣтъ, средняго положенья человѣкъ... ну, скотинка-то водится и домоводство въ порядкѣ... Отецъ-то его ужъ померъ. Строгой былъ старикъ... А вотъ мать-то его, старуха лѣтъ шестидесяти, возьми да извяжись, слышь съ поселенцемъ... Воришко этакой, пропойца и супротивъ ея лѣтъ во внучата ей погодится... Извяжись да извяжись, и на тебѣ!.. пошла изъ дому тащить,.. коня, слышь продала, што ей мужъ-то покойникъ оставилъ... деньги любезному на пропой всучила... Тамъ ужъ сынъ-то видитъ—и корову со двора повела, и то и другое по домашности теряться стало... Мельница у нихъ есть о трехъ поставахъ. Покойникъ старикъ-то въ мельницѣ ей поставъ одинъ благословилъ по гробъ жизни... Она и поставъ-то свой продавать стала. Глядѣлъ, глядѣлъ сынъ-то, сколь это ни крѣпился, и говоритъ ей: «Мамынька, што ты дѣешь это, опомнись... твои ли годы полюбовника заводить... Гдѣ бы о душѣ въ твои лѣта подумать надо, а ты озорничать вздумала... Погляди, вѣдь у тебя внучки невѣсты... Гдѣ бы ихъ добру наставить, а ты какой имъ приликъ-то подаешь!» Гдѣ-ѣ тебѣ!... старуха-то съ эстихъ словъ его такую пыль въ домѣ подняла, што хошь топорище вѣсь... клянуть его принялась. Полюбовникъ-то наускалъ ее по начальству съ жалобой кинуться, што отъ сына де ей житья нѣтъ, непочтителенъ, не поитъ, не кормитъ, што на пропитанье себя де и лошадь продала и корову... судьбишше завела... Ну, одинъ начальникъ пріѣдетъ, потребуетъ это Семена-то, оправданьевъ не слушаютъ, а точутъ, точутъ его, што супротивъ де пятой заповѣди пошелъ... Другой начальникъ пріѣдетъ, въ каталажку его запретъ за непочти-

Digitized by Google

тельность къ родительницѣ... Смаялся мужикъ, житья не стало, въ тоску это впалъ, отъ дому-то отрѣшился, работать-то руки опустились... А она знай свое творитъ, отъ полюбовника не выходитъ... Тосковалъ, тосковалъ это Семенъ-то, глядя, какъ озорничаетъ она и въ домѣ все рушится, и махнулъ рукой: «Благослови де, Господи, будь, што будетъ, а семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ». Вытопилъ, слышь, это баню, пришелъ къ родительницѣ съ почтеніемъ и говоритъ: «Пожалуйте, мамынька, въ банькѣ попариться, грѣшныя косточки разогрѣть!» Пошла... Какъ пришла она въ баню-то, принялась это париться... Семенъ-то и шасть къ ней въ баню, приперъ дверь-то и давай ее плетью грѣть... Ду-у-улъ, дулъ, такъ што старуха-то едва изъ бани выползла, залѣзла на печь въ избѣ... о-охъ, да охъ, тошнехонько, говоритъ... смертный часъ подходитъ... Провалялась она этакъ-то никакъ дня три... ну, и утихла... Приходитъ это однова Семенъ-то въ избу... старуха-то слѣзь это съ печи да бухъ ему въ ноги: «Прости, говоритъ, меня, родимое дитятко, што я тебѣ столько горя да раззоренія причинила, сквернила домъ... Врагъ, говоритъ, это меня попуталъ, дьявольское сомущенье было; прости... не попомни грѣха моего!»... Поднялъ это ее Семенъ-то Дѣичъ, всплакнулъ, слышь, индѣ и бухъ ей въ ноги. «Прости, говоритъ, и ты меня, родимая мамынька, што я на старостй твоихъ лѣтъ, самъ дѣтный отецъ, руку на тебя поднялъ, постегалъ тебя... Видѣлъ я, говоритъ, што это врагъ... тебя мутитъ... потому, говоритъ, болѣ и стегалъ тебя... по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ дьявольское-то сомущенье гнѣздится!» Што жъ, вѣдь съ той поры какъ рукой сняло... вдарилась это старуха-то въ богомолье, къ Иннокентію въ Иркутскъ сходила, икону оттелева на себѣ въ прикладъ на церковь принесла, и только теперь и помышленья о спасеньѣ души. А не поучи онъ ее, чего бы было?... И себя бы старуха-то сгубила, и его бы до конца—краю довела... Старичкамъ-то попущать тоже не доводится, ваш—скородье... Мало ли чего иной-то изъ нихъ захочетъ, дай-ка волю-то!.. Приглядись-ка, чего иной разъ во хрестьянствѣ-то дѣется, и суди... Есть вотъ тутъ недалечко выселокъ В...а; жилъ въ немъ

Digitized by Google

крестьянинъ Анисимъ Ведровъ... поулишному-то его болѣ «Тетерой» зовутъ... такой это степенный парень, тихоня... изъ бѣдныхъ будетъ... Съ отцомъ жилъ... Когды мать-то умерла у него, хозяйствовать въ дому некому стало, отецъ-то и женилъ его... Ладно... Баба-то тоже скромница попала ему, работящая... ну, будто годами-то только постарше его... Живутъ этакъ они годъ, другой... ничего... Лѣто, извѣстно, робятъ это и на пашнѣ у себя, и по людямъ наймовались, а зимы-то Анисимъ въ извозъ по найму ходилъ... Придетъ домой съ извоза, отецъ и начнетъ ему наговаривать: и то де жена его неладно дѣетъ, и другое... въ дому де порядку нѣтъ... хозяйство рушится... што жену не учитъ... Тихъ, тихъ былъ Анисимъ-то да все съ наговоровъ-то энтихъ и примется бабу бить... стало быть, похрестьянски-то къ порядкамъ ее пріучать... ну, и дошло подъ конецъ, сказать тебѣ, до того, што бабѣ житья въ дому не стало; ину пору у Анисима и рука-то не поднимается тиранствовать надъ женой, такъ ѣстъ, ѣстъ его отецъ-то, какъ ржа точитъ, и доведетъ его до того, што примется онъ бабу какъ орѣхъ лущить... Вотъ однова также билъ, билъ Анисимъ по навѣтамъ отца жену-то... взвыла—таки она, горькими залилась и говоритъ: «Сколь ни билъ ты меня, сколь ни увѣчилъ, все я примала... таила только на сердцѣ горе свое... Ну, говоритъ, болѣ ужъ моченьки моей нѣтъ. Бьешь ты меня, а того не знаешь, што тятенька свекоръ жизть-то разстроиватъ нашу изъ своей похоти... Убей меня лучче... Легче мнѣ во сырой землѣ лежать, чѣмъ полюбовницей его быть»...

— Ка-а-акъ...—Анисимъ-то говоритъ:—ты испо на тятеньку поклепъ несешь, такая, сякая...—Да хлесь ее... такъ, слышь, хлеснулъ, што баба-то плашмя растянулась... Ну, запали, однако, ему въ умъ слова ея... Самъ опосля говорилъ, што стало ему жаль это бабы-то... Вотъ когды отдохла она, онъ и начни это тихими стопами пытать ее, какъ да што...

— Вотъ ужъ другой годъ,—говоритъ ему баба-то:—житья мнѣ нѣтъ, отступу родитель-то твой не даетъ, все на грѣхъ съ собой сманиваетъ, и чего-чего ни сулитъ только:

Digitized by Google

и платковъ, и платьевъ всякихъ... а то, говоритъ, изведу, изсохнешь... Своими руками мужъ тебя убьетъ... вотъ чего доспѣю... Посыкнулась я было постращать его, што все тебѣ обскажу...Побробуй, говоритъ,—тогда я съ вами-то не то исшо сдѣлаю... Сыну, говоритъ, супротивъ отца суда нѣтъ, такъ и законъ писанъ... а отецъ, говоритъ, чего захочетъ, то и сдѣлаетъ съ вами... Ну, я и молчала... боялась, какъ бы межъ вами грѣха какого не вышло... Коли хошь, говоритъ, самъ все видѣть, такъ вотъ чего доспѣй... Завтра тебя, говоритъ, Ермолай звалъ на помочь хлѣбъ молотить, ты и уйди... да вернись домой-то по задворкамъ, штобъ отецъ тебя не видѣлъ, и лягъ въ амбарушкѣ за пустой закромъ... Я, говоритъ, въ дверяхъ-то амбара зерно буду вѣять... Вотъ и погляди самъ, сколь сладко живется мнѣ...

Послушалъ Анисимъ ее, ушелъ это спозаранокъ изъ дому къ сосѣду на молотьбу вернулся тайкомъ и залегъ въ амбарушкѣ за закромъ. Видитъ: Аграфена, это жена-то его, пришла, разослала въ дверяхъ пологъ и стала это рѣшетомъ зерно вѣять. Видитъ, и отецъ его пришелъ... «Што, говоритъ, Аграфена, здорова ль послѣ науки-то, сладко ль живется тебѣ?» спрашиваетъ ее...

— Грѣхъ, говоритъ, тебѣ, тятенька, учить мужа тиранствовать надо мной...—Аграфена-то говоритъ ему.—Грѣ-ѣ-ѣхъ! найдетъ тебя Богъ за то...

— Ну-у, говоритъ, когды исшо найдетъ, а тебя ужъ нашелъ: изъ синявицъ-то не выходишь... Э-эхъ, говоритъ, Аграфена, слушала бы меня... Старый-то лучче молодаго пригрѣетъ... Вишь, говоритъ, ты какая мясистая... на обоихъ-бы хватило,—говоритъ это, а самъ щиплетъ ее...

— Тятенька, отстань!—крикнула Аграфена-то,—грѣ-ѣхъ!..

— А-ахъ, Груня, Груня... слушай...—старикъ-то говоритъ,—въ гарусахъ водить тебя стану, хошь убью кого да озолочу тебя... полюби!..

— Отстань, тятенька, не грѣши, вспомни Бога-то, вѣдь я сыновняя жена... дочь тебѣ...

— Свое-то и мило, свою-то пашенку и сѣять, и боронить любо,—старикъ-то говоритъ, а самъ все къ ней льнетъ.

Digitized by Google

Неужъ, говоритъ, тебѣ дурень-то любъ?.. онъ ли не бьетъ тебя, не увѣчитъ... а ужъ я-то приласкаю... краше жисти тебѣ не будетъ... серегъ ли надоть, платьевъ ли какихъ, все добуду... работницу тебѣ найму... а ты знай красуйся, живи въ отдыхѣ...—да схватилъ, слышь, ее силкомъ и, ну, цѣловать...

— А-а-а, тятенька, такъ ты вотъ на старости въ какую добродѣтель вдарился!—крикнулъ, не стерпѣвъ, Анисимъ-то и поднялся изъ-за закрома:—такъ вотъ, стало быть, Аграфена-то въ чемъ провинна передъ тобой была, што ты наускивалъ меня тиранствовать-то надъ ней! Всѣ, стало быть, и непорядки ея въ дому-то были, што она въ полюбовницы къ тебѣ не шла... Сто-о-ой, родитель!...

— Сы-ынъ... дитятко...—взмолился обомлѣвшій старикъ-то и грохнулся, слышь, въ ноги ему:—Прости... прости... чего хошь дѣлай со мной, хошь, изувѣчь, только... только... снизойди, не сказывай людямъ...

— Людей ты боишься, тятенька, а Бога не боялся, идя на экой грѣхъ, а?..

— Богъ-то милостивъ... Люди-то хуже, Анисимушка... люди-то, говоритъ, жалости не имѣютъ, проходу не дадутъ... на смѣхъ подымутъ... сѣдины-то осрамятъ...

— А за это съ тобой какъ быть, што за грѣхъ твой да по твоимъ же навѣтамъ я увѣчилъ и тиранствовалъ жену свою, а?.. Ну, какой же ты отецъ опосля этого, а?...

— Грунюшка, прости, сердешная, прости, желанная, прости сѣдую голову... врагъ путалъ и наущалъ меня, его грѣхъ... — ползая, слышь, въ ногахъ-то у Аграфены-то, молился старикъ. — Попомни, Анисимъ, вѣдь я родитель твой, ростилъ тебя, поилъ, кормилъ, — ноги-то нито ись цѣловалъ твои во младенчествѣ... Прости старика, и грѣхи Богъ сниметъ съ тебя... Навѣки нерушимое благословенье тебѣ дамъ... Со дня моря оно выноситъ, говоритъ... а коли осрамишь меня, прокляну, прокляну аки червя...

— Ну, отецъ, суди тебя Богъ,—Анисимъ-то говоритъ,—только жить ужъ намъ вмѣстѣ не доводится... или ты изъ дома уходи, или я.

Digitized by Google

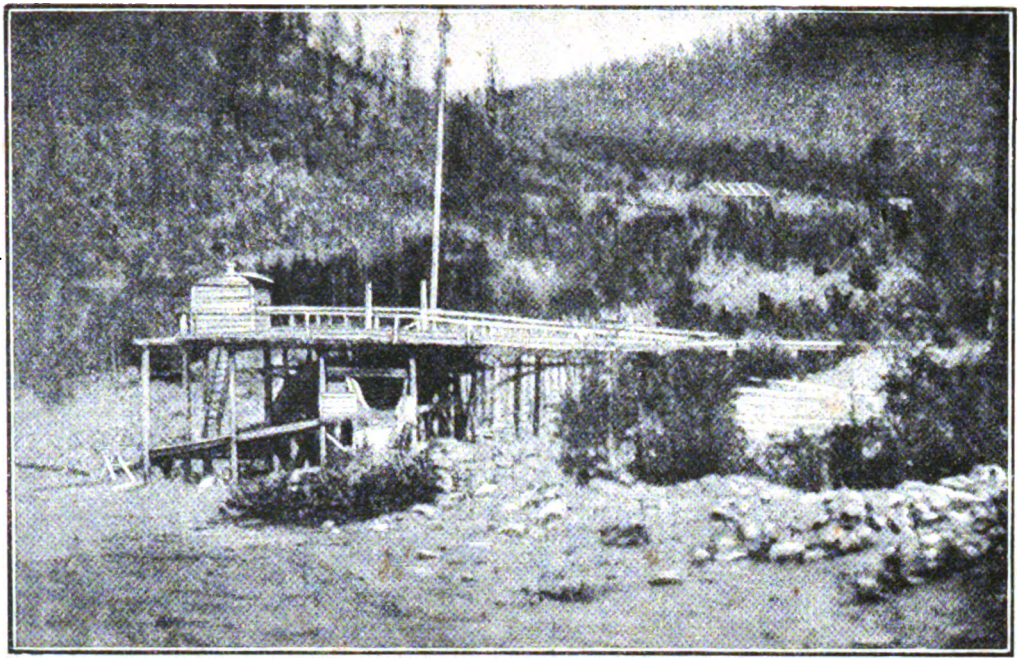
— Уйду, уйду, говоритъ, дитятко, ноги моей въ домѣ не будетъ...

— Уходи, сичасъ же уходи, штобъ глаза мои не видали тебя. Бери все свое, и Богъ съ тобой... ничего мнѣ твоего не надоть, только бы спокой въ жизни былъ...

Ну, и ушелъ старикъ, въ тотъ же день и ушелъ... будто бы на пріиски наймоваться. Пришла ночь, легли это спать въ избѣ-то Анисимъ съ женой. Только слышитъ Анисимъ во снѣ-то, што ровно кто душитъ его, а глазъ-то раскрыть не можетъ... Вдругъ на улицѣ закричали: пожа-аръ!.. Раскрылъ онъ кое-какъ глаза-то. Господи, полна изба дыму... растолкалъ онъ Аграфену-то, кинулся въ дверь... толкаетъ, толкаетъ, а растворить-то не можетъ... она была съ улицы приперта. Тутъ ужъ онъ сколь было силы ударилъ въ окно, выбилъ раму вмѣстѣ со ставнемъ... да такъ, въ чемъ были, въ томъ и выскочили, изба-то ужъ занялась... Все сгорѣло... Слѣдствіе-то и теперь исшо производится надъ старикомъ-то о поджогѣ, потому сусѣди-то видѣли, какъ онъ ночью-то около избы все ходилъ, а потомъ и скрылся... нашли-то его ужъ въ другой волости... Вотъ они, старички-то, чего дѣютъ въ ину пору, ваш—скородье. Анисимъ-то перечислился теперь въ другое селенье, штобъ только отъ постылаго мѣста уйдти, а какъ погорѣлъ, такъ и не можетъ справиться... въ батракахъ живетъ... а Аграфена-то по стряпкамъ пошла...

— Ну, какой сынъ, скажемъ теперь, супротивъ родителей пойдетъ, если худа-то не видитъ отъ нихъ, а?...—резонерскимъ тономъ спросилъ онъ.—Вотъ теперича я про свою мать вспомяну... Сколько она горестя вынесла, ростила-то меня. Теперь ужъ старые ея годы, а гляди, устали не знаетъ... и день, и ночь въ работѣ... какую копѣйку зашибетъ, все въ домъ несетъ, себѣ вотъ синь пороха не уволитъ. Такъ нешто поднимется у тебя душа не почитать ея, а? Теперича, какъ только ужъ запримѣчу, што это немочь зачинаетъ изнимать ее, сичасъ ужъ стремительно бѣгу за полштофомъ, извольте, молъ, мамынька, облегчитесь... да для экой родительницы и на ведрѣ не постоишь, потому примѣрная мать...

Digitized by Google

Общій видъ пріисковыхъ работъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ тихо скрипнула дверь, и кто-то шопотомъ позвалъ его.

Онъ скрылся.

— А самоваръ, ваш—скородье, не прикажете уволить со-стола?—спросилъ онъ, вернувшись чрезъ минуту.

— Возьми.

— Хозяйская дочь, признаться, приходила... спрашивала его,—пояснилъ онъ:—а то кушайте, коли желательно, вѣдь она такъ это отъ придури приходила-то за нимъ.

— Какъ отъ придури?

— Неужъ самоваровъ у нихъ не стало!... Пять самоваровъ порожнихъ на полкахъ стоятъ... А это ей на васъ хотѣлось въ щелочку заглянуть, потому чудь несообразная, начальства-то не видывала, а любопытно... вотъ и нашла причину за самоваромъ прійдти!—заключилъ онъ, снимая со стола самоваръ и посуду.

Утомленный проведенною въ дорогѣ безсонною ночью, я рано легъ спать, но сонъ бѣжалъ отъ моихъ глазъ. Съ улицы доносились пѣсни, съ какими ходили гуляя толпы молодежи, наѣхавшей для вынутія жеребьевки, и звонъ колокольцовъ и бубенчиковъ отъ троекъ, на которыхъ катались они, съ гиканьемъ и пѣснями... Порою все это покрывалось пьянымъ ревомъ и криками «карау-у-улъ!»... Едва только затихалъ этотъ шумъ, какъ до уха доносились новые рѣзкіе звуки—это визгъ полозьевъ отъ идущихъ по улицѣ обозовъ, казалось, безконечною вереницей, и крики объѣздчиковъ: «о-ого-ой, го-о-ой!», и перекличка обозныхъ ямщиковъ, зорко слѣдившихъ за возами съ товаромъ, проходя черезъ село, пользующееся незавидной репутаціей. Только къ утру стихли всѣ эти разнообразные звуки, хотя во многихъ домахъ свѣтились еще яркіе огни, а чрезъ отпотѣвшія окна отчетливо виднѣлись кружившіеся въ нихъ хороводы.

На другой день утромъ, едва я всталъ и одѣлся, какъ въ комнату вошла молодая, весьма красивая женщина, одѣтая въ синее русское платье и съ шелковой мантильей на плечахъ. Шелковая сѣтка, покрывавшая голову ея, скрывала

Digitized by Google

прическу. Поклонившись мнѣ, она быстро заговорила взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ: «Господинъ мировой, войдите въ мою защиту».

— Что вамъ угодно?—спросилъ я.

— Куды ужъ и дѣться отъ своей участи, не знаю... Росла въ дому у тятеньки, никакихъ заботъ не знала... Мамынька-то вѣтру дунуть не давала на меня, не токмо, штобъ нудить черной работой какой... Во снѣ и на яву только и видѣла, штобы выдать меня въ замужество за благороднаго человѣка, штобъ, значитъ, всю жизть только я красоваться могла... Вотъ и выдали людямъ на смѣхъ и мнѣ на горе.

— Кто вы такая, позвольте спросить васъ?—прервалъ я.

— Чиновница... велистраторша...

— Что же вамъ угодно отъ меня?

— Такія обиды, такія обиды терплю и отъ мужа, и отъ свекровки, што даже и вымолвить не могу, только и говорятъ мнѣ, што я крестьянка, хамова порода... а я говорю имъ: врете, никогды тятенька у меня хамомъ не былъ... хотя онъ и хрестьянскаго званія человѣкъ, но завсегды отъ всѣхъ въ почтеніи былъ, всякое начальство уважало его, завсегды только и рѣчи отъ всѣхъ было, што Иванъ Никитичъ, да Иванъ Никитичъ...

— Кто же вашъ супругъ?—полюбопытствовалъ я.

— Станціонный смотритель... Все только кокардой и тычетъ мнѣ въ носъ: ты, говоритъ, по слабости ума понять не можешь, што я кокарду ношу, въ чинъ вышелъ, въ велистраторы. А што, говорю, кокарда твоя, и чинъ... ты, говорю, женился-то на мнѣ, штановъ на тебѣ не было, тятенька же мой обшилъ тебя... Кабы не тятенька мой, говорю, такъ бы хорошей-то шубы и во вѣкъ бы на плечахъ не носилъ... и важничалъ бы съ кокардой-то въ бараньей на холщевомъ подкладѣ... Ты вотъ, говорю, зовешь меня хамовой породой, а въ тебѣ, говорю, никакого благородства нѣтъ; ты вотъ, говорю, до женитьбы-то на мнѣ што ись щи-то замѣсто ложки кулакомъ хлебалъ...

— Что же вамъ нужно отъ меня?.. какой защиты?—спросилъ я, прерывая потокъ ея жалобъ.

Digitized by Google

— Укротите супруга... Прикажите, штобъ онъ содержалъ меня въ чистотѣ... Теперь же завсегды предъ проѣзжающими конфузитъ меня, што будто я съ ними перемигиваюсь да перешептываюсь... Виновата ли я, ежели проѣзжающіе, благородные люди, настоящее обращеніе со мною имѣютъ... Я говорю мужу-то, што ты не на то меня бралъ, штобъ я замѣсто куфарки торчала на куфнѣ да самовары проѣзжающимъ грѣла. Я, говорю, въ дому-то у тятеньки жила на благородномъ положеньѣ. Пужните ужъ его хорошенько, штобъ онъ и напредки помнилъ... Мужики-то научили: поди, говорятъ, къ мировому, ужъ онъ разсудитъ васъ... Пужните его... Вы бы только такъ крикнули на него, на мужа-то, онъ бы сейчасъ испужался. Онъ всякаго начальства боится, только надо мной да ямщиками куражится, а какъ только увидитъ начальство, хоть самое махонькое, то сичасъ это заикаться начнетъ да трястись... Онъ бы спужался васъ...

— Не имѣю права, сударыня, пугать его...

— Бѣдную женщину защитить, такъ никто вотъ и права не имѣетъ!—обидчиво отвѣтила она.—Гдѣ жъ этихъ правовъ искать я должна, объясните?

— Обратитесь къ почтовому начальству съ своей жалобой.

— А ужъ это начальство безпремѣнно пужнетъ его?...

— Не знаю... Это будетъ зависѣть отъ его усмотрѣнія.

— Мужики-то къ вамъ посылали меня... Я ужъ такъ и чаяла, што вы защитите меня... Мужики-то говорили, што ужъ вы за крестьянъ стоите... Поди, говорятъ къ нему, ужъ онъ пужнетъ твоего чиновника... потому, говорятъ, и ты вѣдь хрестьянскаго помету. А ужъ я уйду, уйду отъ него, ужъ этой муки терпѣть не стану болѣ. Такъ къ почтовому начальству совѣтуете мнѣ голову преклонить?—спросила она.

— Да, ужъ преклоните къ нему свою голову...

— Ужъ не знаю, право, какъ и быть,—въ недоумѣніи произнесла она:—а можетъ, вы исшо умилосердитесь, пужнете его...

— Сударыня, ужъ я сказалъ вамъ, что не имѣю на это никакого права.

*

Digitized by Google

— Да онъ бы правовъ-то энтихъ и не разобралъ. Ужъ больно онъ пужливъ... Энто генералъ какой-то ѣхалъ, да крикнулъ на него... такъ онъ опосля этого два дня липовый цвѣтъ пилъ... все это потѣть собирался, потому, говоритъ, по всѣмъ костямъ ровно морозъ гулялъ. Такъ ужъ, значитъ, по почтовому начальству просьбу подать?—снова спросила она.

— Подайте.

— А самой уйдти отъ него?...

— Не совѣтовалъ бы...

— Нѣтъ, ужъ извините, господинъ мировой, ужъ это какъ вамъ угодно, а терпѣть экія жестокости не могу, не на то меня въ родительскомъ-то дому покоили да холили... ужъ я уйду...

— Это ваше дѣло, какъ знаете...

— Уйду-съ... Пущай меня судятъ, какъ хотятъ, по всѣмъ законамъ, а я отъ такихъ огорченій уйду-съ... я ужъ худѣть съ нихъ зачала, хоть всѣ платья перешивай, до того съ тѣла спала... Вотъ сколь легко мнѣ... Прощайте-съ... Полагала теперича, што за бѣдную женщину всѣ заступятся, а тутъ и правовъ нѣтъ!...—И, поклонившись мнѣ, она вышла, хлопнувъ отъ неудовольствія дверью.

— Вотъ и скажешь по пословицѣ: «знай насѣдка свой курятникъ, а въ чужой шестокъ не лазь!»—произнесъ Никита, бывшій во время этой сцены въ смежной комнатѣ, едва только затворилась дверь за этой странной просительницей.—Кабы пошла за мужика, такъ лучше бы жила теперь... не куражился бы такъ чиновникъ! А если по правдѣ-то сказать, такъ обоихъ хвалить нечего!—заключилъ онъ.

— А ты развѣ знаешь ихъ жизнь?

— Ужъ мнѣ бы не знать... сусѣди будемъ... Онъ-то къ водочкѣ приверженъ, а она, замѣсто того, штобъ за хозяйствомъ приглядывать, расфуфырится въ наряды спозаранку, сядетъ подъ окошечкомъ да орѣшки лущитъ. Только всей и работы. Ну, вотъ блажь-то и лѣзетъ въ голову. Богатый отецъ-то у нея... съизмальства избаловали... Вотъ теперь и радуйся, глядя на ея житье... Тьфу-у...—произнесъ онъ,

Digitized by Google

сплюнувъ, и, выйдя изъ комнаты, вернулся съ кипящимъ самоваромъ.

— А вѣдь у меня ночью-то, ваш—скородье, чуть было мамынька-то душу Богу не отдала...—произнесъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія. — Ночь... кабаки-то заперты... едва-едва и то ужъ Христомъ Богомъ умолилъ, штобъ полштофъ-то отпустили мнѣ... Начальство вотъ наѣхало, опасаются ночью-то вино продавать... Ну, слава Богу, выпила, облегчило ее, спитъ!—сообщилъ онъ, глубоко вздохнувъ.—И што это за болѣзть такая, уму непостижно!—снова произнесъ онъ и развелъ отъ удивленія руками.

Знакомецъ.

ИВАНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ЯКУШКИНЪ.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

О декабристахъ писано очень много; записки и мемуары ихъ почти всѣ уже напечатаны; но очень мало разработанъ вопросъ о томъ, какое вліяніе оказали они на ту среду, среди которой пришлось имъ жить во время ихъ ссылки. Нисколько не претендуя пополнить этотъ пробѣлъ, мы хотимъ только доставить матеріалъ для будущаго изслѣдователя по означенному вопросу и группируемъ выписки изъ писемъ декабристовъ и близкихъ имъ людей.

На этотъ разъ мы займемся матеріаломъ для характеристики И. Д. Якушкина, положившаго начало женскому образованію въ Тобольской губерніи. Основанная имъ ялуторовская школа для дѣвицъ была, какъ увидитъ читатель, прамaтерью для тобольской маріинской школы и для омскихъ женскихъ заведеній.

Лишенный права принимать какое либо участіе въ дѣлѣ педагогики, Иванъ Дмитріевичъ нашелъ себѣ горячаго сотрудника въ одномъ молодомъ духовномъ лицѣ, а потому мы и начинаемъ этотъ очеркъ съ знакомства Якушкина съ своимъ сотрудникомъ.

Въ концѣ 1839 года изъ Тобольска назначенъ былъ въ Ялуторовскъ протоіереемъ молодой священникъ. Прибывъ въ Ялуторовскъ и ознакомившись съ своими прихожанами, онъ обратилъ вниманіе на честную до аскетизма личность Якушкина и просилъ его нравственной поддержки: быть строгимъ судьей насчетъ даровъ и приношеній.

Для мѣстнаго ялуторовскаго чиновнаго міра И. Д. Якушкинъ, жившій бѣдно, въ одной перегороженной на-четверо комнатѣ, избѣгавшій знакомства чуждыхъ ему по уму и раз-

Digitized by Google

витію мѣстныхъ властей, былъ субъектомъ совсѣмъ неинтереснымъ, а для простаго ялуторовскаго люда онъ былъ колдунъ, собирающій травы по полямъ (его ботаническія экскурсіи) и лазящій зачѣмъ-то на устроенный имъ столбъ (изобрѣтенный имъ вѣтромѣръ). Но, не сходясь съ чиновнымъ міромъ, онъ любилъ сходиться съ народомъ и особенно съ крестьянскими дѣтьми; дѣтей онъ особенно любилъ; сибирскіе бойкіе, находчивые ребята очень нравились ему, и мысль дать имъ средства поучиться, устроить для нихъ школу была его мечтою, но это и оставалось мечтой до встрѣчи и знакомства съ новымъ протоіереемъ. Якушкинъ съ свойственною ему проницательностію угадалъ въ новоприѣзжемъ дорогаго человѣка для осуществленія своей завѣтной мечты и старался сойдтись съ нимъ поближе. «Якушкинъ, — пишетъ Фонъ-Визина ялуторовскому протоіерею,—не то что жалуется, а говоритъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ, что съ мѣсяцъ какъ не видѣлъ уже васъ, и что потому къ вамъ не ходитъ, что полагаетъ, что вы имѣете какія нибудь причины не видѣть его; неужели это такъ? Ужъ не глупые ли слухи, что онъ колдунъ, васъ останавливаютъ? Разувѣрьтесь въ такомъ случаѣ, или вы боитесь, что ваше начальство знакомство это найдетъ предосудительнымъ? Я тоже не думаю, чтобы это было такъ. Это было бы нехорошо, скажу прямо, въ нашемъ положеніи внѣшнемъ *обидно*. Я не о себѣ говорю, для меня всѣ положенія равны и все равно, но говорю о тѣхъ, напримѣръ, Якушкинѣ и Муравьевѣ, которые цѣнятъ это. За что же ихъ обижать понапрасну, когда они ужъ и безъ того въ изгнаніи и не на цвѣточномъ пути? Вы не бывали въ этомъ положеніи и не знаете, какъ трудно переносить *пренебреженіе* добрыхъ людей, которыхъ нѣсколько любишь и знаешь, что они добрые. Мы это испытали много разъ; и право это стоитъ креста порядочнаго... Якушкину я пишу объ тебѣ, какъ полагаю, что хлопоты, нездоровье, усталость и, можетъ быть, отчасти лѣнь— причиною твоихъ рѣдкихъ посѣщеній, а не что иное; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется по тому, какъ я тебя знаю; увѣрена, что если бы что другое было, то не скроешь отъ меня»...

Но въ то время, какъ писалось это письмо, знакомство переходило уже въ дружбу и шли горячія бесѣды о приведеніи Якушкинской мечты въ дѣйствительность: планъ преподаванія со всѣми подробностями былъ уже готовъ: это—способъ взаимнаго обученія по методѣ Ланкастерской. Особенныхъ хлопотъ на разрѣшеніе училища не требовалось, такъ какъ еще прежде были разосланы духовенству синодскіе указы, отъ 1836 и 1837 годовъ, объ открытіи при церквахъ приходскихъ

Digitized by Google

училищъ; вся суть заключалась въ средствахъ для пріобрѣтенія дома, а у учредителей средствъ не было. Но и это неудобство скоро устранилось: купецъ Мясниковъ, не разъ жертвовавшій на ялуторовскія церкви, убѣдившись, что заведеніе школы, да еще церковной, тоже дѣло богоугодное, подарилъ учредителямъ домъ и, кажется, взялся перевезти его на мѣсто. Радостно принялись учредители за разработку деталей для будущаго училища.

Небольшой кружокъ ялуторовскихъ декабристовъ жилъ особнякомъ отъ чиновнаго мира и мало интересовался сплетнями и толками его, а толки о затѣваемомъ училищѣ были: мѣстный смотритель ревниво смотрѣлъ на затѣю, а настроенный имъ городничій ждалъ только удобнаго момента, чтобы появиться изъ-за кулисъ во всеоружіи власти. Моментъ этотъ не замедлился: началась постройка училища, и явившаяся полиція разогнала изъ церковной ограды рабочихъ, а городничій сдѣлалъ письменный запросъ протоіерею. Городничій спрашивалъ, на какомъ основаніи осмѣлились производить постройку, не испросивъ на то его разрѣшенія.

Якушкинъ и его другъ, протоіерей, съ перваго же шага наткнувшись на противодѣйствіе со стороны ялуторовскаго городничаго, рѣшили обратиться по этому дѣлу къ своимъ друзьямъ въ Тобольскѣ и просить ихъ помощи. Изъ письма Фонъ-Визиной, отъ 19-го октября 1841 года, видно, что мужъ ея, Мих. Александр. Фонъ-Визинъ, и Пав. Серг. Бобрищевъ-Пушкинъ обращались съ просьбою на счетъ возникающей школы къ тобольскому архіерею и губернатору. Преосвященный отнесся къ начинанію Якушкина съ полнымъ сочувствіемъ, обѣщая даже всѣми силами защищать бѣднаго апостола просвѣщенія отъ козней консисторіи, относившейся въ высшей степени неблагосклонно къ этому филантропу-декабристу. Губернаторъ же заявлялъ Бобрищеву-Пушкину, что, съ одной стороны, нельзя не согласиться съ прекрасною идеей Якушкина устроить школу, а, съ другой стороны, слѣдуетъ признаться, что и городничій былъ правъ, остановивъ постройку зданія для школы, такъ какъ, по полицейскимъ правиламъ, въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ предварительно испрашивать разрѣшеніе... Самъ губернаторъ, однако, не былъ намѣренъ препятствовать заведенію школы, и это слава Богу. Въ это же время, какъ на грѣхъ, случилась, по словамъ Фонъ-Визиной, какая-то размолвка между губернаторомъ и архіереемъ, что, конечно, замедляло рѣшеніе вопроса о школѣ. Однако, наконецъ, дѣло устроилось; полиція, главнымъ образомъ, въ лицѣ городничаго, была побѣждена.

Digitized by Google

Съ ранней весны 1842 года, началась дѣятельная постройка школы, и 6-го августа 1842 года училище было открыто. Отсутствіе тѣлеснаго наказанія, легкость и занимательность Ланкастерскихъ пріемовъ обученія привлекали дѣтей въ новооткрытую школу, и къ концу года въ ней было уже 44 человѣка. Но если примолкъ городничій, то на сцену выступилъ смотритель мѣстнаго уѣзднаго училища, Лукинъ: однажды явился онъ въ школу, наговорилъ массу грубостей Якушкину и приказалъ ему удалиться изъ школы; но разгорячившійся Иванъ Дмитріевичъ вывелъ его самого. Снова началась бумажная война.

Якушинъ и его сотрудникъ по школѣ протоіерей, послѣ этого казуса, писали тобольскому губернатору, жалуясь на смотрителя Лукина. Они также просили своихъ тобольскихъ друзей М. А. Фонъ-Визина и П. С. Бобрищева-Пушкина разъяснить все дѣло губернатору и требовать у него защиты. Въ отвѣтѣ своемъ протоіерею (отъ 11-го августа 1842 года) М. А. Фонъ-Визинъ писалъ: «Теперь губернаторъ имѣетъ ясное понятіе объ этомъ гусѣ (т. е. о смотрителѣ училища Лукинѣ). Онъ хотѣлъ переговорить объ этомъ съ директоромъ училищъ, которому велитъ написать къ Лукину, чтобы онъ не смѣлъ мѣшаться въ приходское училище, и притомъ дастъ директору настоящее понятіе о смотрителѣ ялуторовскаго уѣзднаго училища. Самъ же губернаторъ не можетъ оффиціально дѣйствовать, потому что въ такомъ случаѣ Лукинъ можетъ написать на него доносъ»...

Весь сыръ-боръ загорѣлся, какъ видно изъ письма (отъ 25-го апрѣля 1842 года) М. А. Фонъ-Визина къ протоіерею, изъ-за того, что смотритель уѣзднаго училища въ Ялуторовскѣ, Лукинъ, жестоко, до глубины души оскорбился тѣмъ, что не его пригласили во вновь открытую школу руководить преподаваніемъ по Ланкастерскому методу, а взялся за это дѣло лишенный правъ декабристъ И. Д. Якушкинъ. Вѣдь онъ, Лукинъ, съ этимъ методомъ не знакомъ, а Якушкинъ это дѣло знаетъ. Вотъ логика!!... Однако, губернаторъ, архіерей и консисторія поступили въ этомъ случаѣ по обыкновенной, а не по смотрительской экстравагантной логикѣ, и постарались положить конецъ несчастному недоразумѣнію, принявъ во вниманіе объясненія протоіерея. Послѣдній въ своихъ объясненіяхъ писалъ, что онъ, какъ незнакомый съ Ланкастерскимъ методомъ взаимнаго обученія, для указанія ему всѣхъ подробностей, пригласилъ единственное въ Ялуторовскѣ лицо, знающее это дѣло—Якушкина. Итакъ, пока дѣло уладилось.

Наступила тишина, благопріятная для роста «нашего неза-

Digitized by Google

коннаго дѣтища», какъ шутя называлъ Якушкинъ свою школу. Не будь выше указанныхъ школьныхъ передрягъ, врядъ ли бы кто и вниманіе обратилъ на это церковно-приходское училище; но теперь всѣ тобольскія власти при своихъ проѣздахъ чрезъ Ялуторовскъ интересовались этой школой, посѣщали ее, удивлялись быстрымъ успѣхамъ учениковъ и разносили о ней славу.

«Слава о нашемъ ялуторовскомъ училищѣ,—пишетъ протоіерею Знаменскому декабристъ Штейнгель, — неумолкаемо гремитъ. На Кочурина (директора гимназіи) она произвела, какъ видно, не минутное впечатлѣніе, а очень продолжительное: онъ относится объ этомъ заведеніи въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ»...

Смотритель курганскаго училища, Т. Каренгинъ, пишетъ отъ 11 декабря 1842 года: «Г. директоръ отъ вашей школы въ восхищеніи, считаетъ ее образцовой не только въ дирекціи, но даже въ Сибири. Мнѣ говорилъ и даже просилъ меня, чтобы постарался устроить приготовительный классъ по образцу ея. Радуюсь за васъ, радуюсь и тому, что дѣло правое торжествуетъ, а клевета и низкіе доносы падаютъ. О вашемъ командирѣ (смотритель) невыгодное мнѣніе. Пусть ухо держитъ востро, а иначе будетъ плохо. Впрочемъ, у всякаго свой умъ, какъ говорится, царь въ головѣ».

Такая директорская рекомендація заставила смотрителей училищъ являться въ Ялуторовскъ для знакомства съ школой и затѣмъ присылать учителей для той же цѣли. Такіе паломники радушно принимались кружкомъ ялуторовскихъ декабристовъ, и, возвращаясь къ себѣ, они уносили добрыя чувства и къ школѣ, и къ людямъ, заботящимся о ней. Здѣсь кстати будетъ привести отрывки изъ писемъ смотрителей училищъ: ишимскаго—А. Худякова и курганскаго—Т. Каренгина.

«...Самою главною причиной,—писалъ одинъ изъ названныхъ смотрителей прот. Знаменскому, отъ 21 ноября 1844 года,—по которой не отвѣчалъ я вскорѣ, было желаніе написать что либо объ училищѣ, въ которомъ только что начали вводить порядокъ, заимствованный въ вашей школѣ. Хотѣлось не только принесть вамъ искреннюю благодарность, но и увѣдомить о томъ, какъ мы воспользовались примѣромъ ялуторовской школы. Въ ожиданіи успѣховъ, отвѣтъ на письмо замедлялся... Г. учитель Шалабановъ, бывшій у васъ въ февралѣ, слава Богу, не безъ пользы слушалъ наставленія ваши и почтеннѣйшаго Ивана Дмитріевича, которому покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать мое усерднѣйшее почтеніе.

Digitized by Google

Возвратясь изъ Ялуторовска, г. Шалабановъ съ восхищеніемъ разсказывалъ о радушіи, съ какимъ былъ принятъ, и о готовности и усердіи, съ которымъ старались познакомить его съ методою. Всегда, всегда, всегда останусь благодаренъ вамъ и добрѣйшему Ивану Дмитріевичу»...

«При помощи Божіей и добрыхъ людей,—говорится въ другомъ письмѣ къ протоіерею, отъ 17 февраля 1844 года,—въ скоромъ времени, надѣюсь, въ богоспасаемомъ Курганѣ открыть приходское училище, то-есть преобразовать приготовительный классъ. По этому случаю вскорѣ долженъ явиться къ вамъ учитель мой, котораго поручаю особенному покровительству и назиданію вашему и милостивому расположенію Ивана Дмитріевича. Усерднѣйше прошу обоихъ васъ растолковать ему хорошенько весь ходъ методы».

«...Вполнѣ располагаясь на ваше благорасположеніе,—говорится еще въ одномъ письмѣ, отъ 2 апрѣля 1844 года, — посылаю моего учителя, поручая его вашему и Ивана Дмитріевича назиданію; прошу объяснить ему ходъ дѣла не теоріей, а ужъ на практикѣ... Простите меня, что безпокою васъ, и испросите прощенія у Ивана Дмитріевича. При свиданіи объявите мое достодолжное уваженіе Ивану Дмитріевичу, Евгенію Петровичу (Оболенскій), Ивану Ивановичу (Пущинъ), Матвѣю Ивановичу (Муравьевъ-Апостолъ) и Александрѣ Васильевнѣ (Энтальцева). Увѣрьте ихъ пастырскимъ вашимъ словомъ, что почтеніе мое къ нимъ истинно, неложно, а уваженіе продлится до того дня, пока существую»...

Среди такихъ успѣховъ смерть преосвященнаго Аѳанасія, защитника и покровителя этой школы, заставляла учредителей ея задумываться о будущемъ, но это продолжалось недолго.

«...Новый владыка,—пишетъ прот. Знаменскому отъ 19 февраля 1843 года Фонъ-Визина,—большой партизанъ ланкастерскихъ школъ и желаетъ даже здѣсь завести такую же; очень обрадовался разсказамъ Мих. Александр. о вашемъ училищѣ и сказалъ: непремѣнно представлю его къ наградѣ. Михаилъ Александровичъ возразилъ ему, что вы вовсе не изъ того хлопочете, а радуетесь самому успѣху и пользѣ, отъ того происходящей»...

Школѣ, значитъ, оставалось только расти въ примѣръ другимъ, и она росла замѣтно: мы уже сказали, что къ концу 1842 года въ ней по спискамъ значилось 42 чел., къ концу 1843 года—91, къ концу 1844 года—135, къ концу 1845 года—184 чел. Къ маю 1846 года въ школѣ находилось уже 198 челов.

При разсматриваніи списковъ обращаетъ на себя вниманіе большое число крестьянскихъ сиротъ изъ разныхъ деревень, даже другихъ уѣздовъ. На чей счетъ они были доста-

Digitized by Google

влены и жили въ Ялуторовскѣ, свѣдѣній я не имѣю, кромѣ слѣдующаго письма изъ Тобольска отъ Жилина къ руководителю школы:

«...Моя Марья Александровна поручила мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой объ одномъ сиротѣ, котораго желаетъ передать вамъ на обученіе по методѣ, вами вводимой. Этотъ сирота—сынъ умершаго ея человѣка, и если вы согласитесь его принять, то она и напишетъ, чтобы онъ былъ вамъ изъ Кургана привезенъ. Что будетъ стоить содержаніе и ученіе, проситъ увѣдомить: она съ благодарностію за то заплатитъ»...

Заканчиваемъ свѣдѣнія о мужской ялуторовской школѣ выписки изъ донесенія тобольскому губернатору, пожелавшему въ 1845 г. имѣть «документальныя данныя» объ этомъ училищѣ.

«...Съ начала открытія училища, т. е. 6 августа 1842 года, было 6 человѣкъ, но по 30 ноября сего (1845) года перебывало 173 чел., изъ числа коихъ нѣкоторые поступили въ тобольское духовное училище, нѣкоторые въ ялуторовское уѣздное училище, а нѣкоторые выбыли по волѣ. Теперь состоитъ 102 ученика. Предметы въ началѣ преподавались: чтеніе по гражданской и церковной печати, письмо на аспидныхъ доскахъ и бумагѣ и 1-я часть ариѳметики; но когда тобольская семинарія съ разрѣшенія его высокопреосвященства нашла удобнымъ приготовлять здѣсь дѣтей духовнаго званія, о чемъ дано знать 5 октября 1843 года, за № 733, съ того времени введено: 2-я часть ариѳметики, черченіе и географія; 1-я и 2-я часть русской грамматики, первая часть пространнаго катихизиса и краткая священная исторія; первыя части латинской и греческой грамматикъ. Суммы на содержаніе рѣшительно никакой нѣтъ и не имѣется въ виду»...

Теща Ивана Дмитріевича, Н. Нарышкина, пишетъ отъ 28 февраля 1846 года изъ Москвы къ протоіерею: «Отношусь къ вамъ, къ вашей любви: поберегите нашего общаго сына»... и проситъ приготовить Якушкина къ полученію тяжелаго для него удара: въ это время умерла его жена. Зная любовь и привязанность Ив. Дм. къ покойной, Н. Нарышкина пишетъ на одной недѣлѣ три письма, умоляя прот. Знаменскаго, друга Якушкина, не оставлять его въ тяжелыя минуты и сообщать ей, какъ переноситъ онъ свое тяжелое горе.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ его тяжеломъ времени, но знаемъ, что желѣзная воля его дала благотворное направленіе горю; онъ задумалъ новое доброе дѣло:

Digitized by Google

рѣшился основать въ память любимой жены своей женскую школу. Извѣстіе о смерти жены Иванъ Дмитріевичъ получилъ въ половинѣ апрѣля, а 1-го мая по дѣлу его новой школы М. А. Фонъ-Визинъ пишетъ прот. Знаменскому: «Почтенный другъ, по письму вашему и Ивана Дмитріевича отъ 20-го апрѣля справлялся о томъ, какое послѣдовало разрѣшеніе преосвященнаго на представленіе ваше объ открытіи въ Ялуторовскѣ училища для дѣвицъ, и досталъ копію съ архіерейской резолюціи, которую при семъ прилагаю. Вы увидите изъ нея, что архіерей даетъ свое благословеніе на это полезное предпріятіе. Я былъ самъ свидѣтелемъ разговора преосвященнаго съ губернаторомъ объ этомъ предметѣ и слышалъ, какъ они оба одобряли вашу мысль, желали успѣха и оба взапуски хвалили васъ: поэтому всѣ козни Лукина уничтожатся сами собою. Доброе дѣло вы это вздумали; отъ всего сердца желаю, чтобы и это училище пошло такъ же хорошо, какъ ваше училище взаимнаго обученія. На счетъ отчисленія въ пользу училища по денежкѣ съ рубля съ сбора съ оцѣночной суммы я узналъ, что губернаторъ передалъ это дѣло на предварительное заключеніе губернскаго правленія, гдѣ оно и засѣло. Постараюсь дать ему ходъ чрезъ Степана Михайловича»...[1]).

Опасаться козней Лукина нечего было уже и потому, что женское училище не грозило конкурренціей его собственному, изъ-за чего болѣе всего Лукинъ и ратовалъ, и слалъ доносы.

Мирно и безпрепятственно 1-го іюля 1846 года въ наемной квартирѣ открылось ялуторовское училище для дѣвицъ. Но такъ какъ наемъ квартиры, различныя приспособленія въ ней, наемъ кружевницы и проч. потребовали расхода въ первый же годъ 309 рублей, то и положена была плата за ученье въ 25 руб. Но мы видимъ изъ приходной тетрадки, что плату эту вносило только небольшое число зажиточныхъ родителей, за остальныхъ вносили декабристы и ихъ родные и знакомые; встрѣчается въ числѣ жертвователей и учитель этого училища — дьячекъ, отдающій назначенное ему жалованье въ пользу сиротъ.

Не осталось безъ средствъ и мужское училище. «Спѣшу сообщить вамъ,—пишетъ М. А. Фонъ-Визинъ 3 февраля 1848 года,—пріятную новость, относящуюся къ вашему училищу. На этихъ дняхъ Холмогоровъ привозилъ мнѣ бумагу, полученную отъ генералъ-губернатора съ прописаніемъ предписанія министра внут-

[1]) Степанъ Михайловичъ Семеновъ—бывшій декабристъ, тогда совѣтникъ губернскаго правленія.

Digitized by Google

реннихъ дѣлъ, въ которомъ онъ, министръ, признавая ялуторовское духовное приходское училище полезнымъ для города, потому что въ немъ, кромѣ дѣтей духовнаго вѣдомства, обучаются дѣти разныхъ сословій, и что оно вполнѣ замѣняетъ гражданское приходское училище, опредѣляетъ производить на содержаніе его по 200 р. серебромъ въ годъ изъ городскихъ средствъ... Радуюсь, что теперь существованіе вашего училища упрочено... Хотя сумма и невелика, но для вашего заведенія—важное пріобрѣтеніе. Этимъ вы обязаны губернатору, а болѣе еще Холмогорову, который усердно хлопоталъ»...

Итакъ, училищу, признанному самимъ министромъ заведеніемъ полезнымъ, кажется, нечего было бы опасаться за будущее, тѣмъ болѣе, что въ Ялуторовскъ на мѣсто Лукина смотрителемъ былъ назначенъ Н. А. Абрамовъ [1]), бывшій до тѣхъ поръ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ протоіереемъ. «Вчера (29 декабря 1849 года),—пишетъ ялуторовскій протоіерей,—пріѣхалъ сюда смотрителемъ училища Н. А. Абрамовъ, онъ въ Березовѣ потолстѣлъ, но доброта въ немъ все та же, какъ и прежде; радуюсь за него, что пословица старинная на него не подѣйствовала: honores mutant mores. Губернаторъ ему совѣтовалъ сблизиться съ нашими общими (друзьями), а это и для меня очень и очень пріятно; онъ въ Тобольскѣ не разъ видѣлся съ Михаиломъ Александровичемъ (Фонъ-Визинъ)»...

Значитъ, было все хорошо, и протоіерей, вызванный изъ Ялуторовска преосвященнымъ по дѣламъ службы, могъ съ легкимъ сердцемъ отправиться въ свою коммиссію въ Тобольскъ, но... Однако пусть объ этомъ «но» говоритъ самъ Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ.

«Много благодарю васъ, добрый другъ, за два ваши письма, — писалъ Якушкинъ протоіерею Знаменскому отъ 17 мая 1850 года.—Мы всѣ здѣсь по васъ стосковались; сама Анна Ѳедоровна, какъ она всѣмъ говоритъ, не ѣздитъ къ обѣдни потому, что не вы служите; послѣ этого согласитесь, что вы человѣкъ всѣми любимый, но ради Бога не возгордитесь. Что вамъ сказать о нашихъ собственныхъ съ вами дѣлахъ? Они идутъ и хорошо, и плохо: на послѣдней недѣлѣ вновь поступило въ училище тринадцать дѣвочекъ, ихъ теперь слишкомъ пятьдесятъ, и это хорошо, но то плохо, что скоро некуда будетъ ихъ принимать, а возможности скоро выстроить новое училище еще не предвидится; недѣли три тому назадъ, Анна Васильевна (Мясникова) писала, что съ слѣдующей

[1]) Извѣстный сибирскій писатель.

Digitized by Google

почтой пришлетъ довѣренность на продажу своего дома въ пользу нашего училища; но и до сихъ поръ довѣренность не получена. Нѣкоторые полагаютъ, что Бурцевъ писалъ къ Мясниковой, и, можетъ быть она, получивъ его письмо, отмѣнила намѣреніе отдать намъ свой домъ; впрочемъ, что будетъ, то будетъ, а будетъ, что Богъ велитъ... Съ наступленіемъ теплой погоды оказалось, что лѣтомъ никакой нѣтъ возможности заниматься у насъ внизу рукодѣльемъ. Я просилъ Николая Герасимовича пустить насъ къ себѣ во флигель, на что онъ согласился, съ однимъ условіемъ, чтобы мы ему ничего за это не платили; я могъ только отъ души поблагодарить его за такую любезность, но вышло, что мы, всетаки, къ нему не перешли: Николай Яковлевичъ (Балакшинъ) пустилъ насъ въ домъ Снигирева, разумѣется, безденежно, и тамъ нашимъ дѣвицамъ во всѣхъ отношеніяхъ очень удобно, а наставницы наши, Анисья Николаевна (Балакшина) и Августа (воспитанница Муравьева) подвизаются усердно. Онѣ мнѣ дали 10 рублей серебромъ изъ выработанныхъ денегъ ихъ ученицами. Ѳеоктиста (Балакшина) также хорошо дѣйствуетъ. У мальчиковъ число прибывшихъ очень незначительно, а Абрамовъ непремѣнно хочетъ, чтобы мы ему дали учениковъ тридцать. Онъ вообще дуритъ и много сбивается на Лукина. Я былъ у него нѣсколько разъ, и обо всемъ съ нимъ какъ съ порядочнымъ человѣкомъ говорилъ просто и откровенно; послѣ этого представьте мое удивленіе, когда я узналъ, что онъ всячески придирается къ нашимъ училищамъ. Къ мальчикамъ онъ заходилъ одинъ разъ, а у дѣвочекъ и ни разу не былъ. Евгенію (учителю мужскаго училища) онъ сказалъ напрямикъ, что ни то ни другое училище не должно существовать. Встрѣтившись со мной на улицѣ, онъ мнѣ сказалъ почти то же, но въ такихъ странныхъ выраженіяхъ, что я рѣшился тутъ же объясниться съ нимъ, и такъ какъ вамъ извѣстно, что въ подобныхъ случаяхъ я не умѣю говорить иначе какъ очень громко, то онъ и попросилъ меня идти съ нимъ дальше и увелъ меня за соборъ; тамъ я ему опредѣлилъ въ точности и его, и мое положеніе, что я, конечно, не имѣю никакого права завѣдовать училищемъ, и если я съ нимъ говорилъ откровенно, то потому, что почиталъ его человѣкомъ порядочнымъ, но что послѣ всего того, что онъ мнѣ сказалъ, я съ нимъ незнакомъ, и что онъ можетъ дѣлать на меня доносъ куда ему угодно. Объяснилъ ему также, что ему никакого нѣтъ дѣла до нашихъ училищъ и проч., всего не упишешь на этомъ листкѣ. Если Чигиринцевъ (директоръ училищъ) окажется человѣкомъ

Digitized by Google

порядочнымъ, то я откровенно переговорю съ нимъ обо всемъ»...

Затѣмъ въ письмѣ къ протоіерею Знаменскому, отъ 28 іюня 1850 года, Якушкинъ пишетъ: «Съ послѣдней почтой я писалъ къ вамъ, добрый другъ, и просилъ васъ похлопотать о разрѣшеніи намъ строить училище на оградѣ церковной; съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились. Вскорѣ по отправленіи къ вамъ моего письма, привезли купленный тесъ для нашего строенья, который я отправилъ сложить въ церковной оградѣ, но отецъ Александръ выгналъ оттуда подводы вмѣстѣ съ тесомъ, который былъ не весь еще сложенъ. На другой день я пошелъ поговорить объ этомъ съ Николаемъ Яковлевичемъ (Балакшинымъ). Онъ мнѣ совѣтовалъ сходить самому къ отцу Александру и попроситьего о позволеніи сложить только лѣсъ въ оградѣ церковной. Отецъ принялъ меня совсѣмъ не поотцовски: на всѣ мои увѣренія, что мы никакъ не приступимъ къ самой постройкѣ, не получивъ указа, и что прошу его только позволить класть купленный лѣсъ въ оградѣ, гдѣ уже лежатъ и дрова, и тесъ Куклина, онъ мнѣ отвѣчалъ: «Не пущу, и если преосвященный разрѣшитъ указомъ строить училище на оградѣ церковной, я напишу въ синодъ, а впрочемъ мнѣ толковать съ вами некогда», —и затѣмъ ушелъ въ свои дальніе покои. Въ ту минуту эта выходка отца Александра показалась бы мнѣ презабавной, если бы тутъ не шло дѣло о существованіи нашего училища. Я надѣялся все еще уладить черезъ Торопова. Тороповъ долго толковалъ съ отцомъ и никакъ не могъ вразумить его. Послѣ всего этого вы согласитесь, что, получивъ даже указъ, рѣшиться въ отсутствіи вашемъ строить на оградѣ церковной и ежедневно быть въ столкновеніи съ отцемъ Александромъ мнѣ никакъ не приходится. А жаль, мѣсто прекрасное и на самой серединѣ города; замѣчательно, что у насъ теперь изъ 59 учащихся только пять ученицъ живутъ по эту сторону базара, а остальныя всѣ живутъ въ той половинѣ города, гдѣ находится училище. Николай Яковлевичъ (Балакшинъ) для постройки нашего училища даетъ мѣсто принадлежащее Мясникову противъ дома Снигирева, и если мы не придумаемъ ничего лучшаго, то придется строиться на этомъ мѣстѣ, которое далеко не такъ удобно, какъ мѣсто на оградѣ церковной, тутъ приходится по необходимости поставить строенье не лицемъ, а бокомъ на улицу.

«Плотниковъ я нанялъ за 400 руб. на ассигнаціи поставить строеніе вчернѣ и покрыть его новымъ тесомъ. Перевезти его изъ Петровскаго завода просили съ меня 250 руб., я поскупился, и за такую неумѣстную скупость буду долженъ по-

Digitized by Google

платиться. Какъ видите, у насъ все идетъ не совсѣмъ ладно, но я надѣюсь, что Богъ намъ поможетъ, какъ онъ не разъ помогалъ намъ и прежде въ общемъ нашемъ дѣлѣ. Съ 1-го іюля въ обоихъ училищахъ у насъ начнутся вакаціи, и мнѣ будетъ удобно хлопотать о постройкѣ. Планъ, посланный вамъ съ прошедшей почтой, вѣроятно, уже не будетъ годиться, и я прошу добраго Александра Львовича [1]) начертить и утвердить другой; высота строенія ему извѣстна, а въ ширину онъ будетъ 16 аршинъ, на которомъ надо размѣстить пять оконъ».

Въ письмѣ къ своему другу, протоіерею, отъ 8-го іюля 1850 года, Якушкинъ писалъ: «Не знаю, добрый другъ, какое дѣйствіе произвело на отца Александра разрѣшеніе преосвященнаго строить училище въ оградѣ церковной, но могу васъ увѣрить, послѣ того, какъ этотъ человѣкъ выказалъ какое-то остервенѣніе противъ нашего училища для дѣвицъ и даже писалъ о немъ Богъ знаетъ какой вздоръ къ архіерею, я никакъ не могу рѣшиться строить въ оградѣ церковной, причемъ въ отсутствіи вашемъ мнѣ пришлось бы безпрестанно быть въ столкновеніи съ этимъ полусумасшедшимъ человѣкомъ. По общему совѣту мы купили мѣсто противъ дома, въ которомъ живетъ Бурцевъ и который принадлежитъ намъ; мѣсто не очень большое, но довольно удобное для нашей постройки, а главное — на самой серединѣ города; оно покупается на имя Николая Яковлевича (Балакшина); онъ же предлагаетъ и строить для насъ училище на деньги Мясниковой; онъ самъ хотѣлъ написать къ вамъ о причинѣ, почему онъ не можетъ приступить къ постройкѣ училища въ оградѣ церковной. Строеніе изъ Петровскаго завода частью уже перевезено. Подрядчикъ обѣщаетъ мнѣ, что въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ оно будетъ поставлено и покрыто; если онъ не обманетъ, то можно надѣяться, что къ зимѣ мы въ него перейдемъ.

«Въ послѣднее время къ намъ поступило такъ много новыхъ ученицъ, что оказался недостатокъ въ грифельныхъ доскахъ; я нѣсколько досокъ на время взялъ изъ нашего другаго училища, а Синюкову поручаю купить въ Нижнемъ для насъ досокъ сорокъ. Вы, можетъ быть, удивитесь, если я вамъ скажу, что мои отношенія съ Абрамовымъ опять нѣсколько измѣнились, но на этотъ разъ къ лучшему; вообще послѣ пребыванія у насъ директора онъ, кажется, нѣсколько успокоился и совершенно смирился. Я, кажется, вамъ писалъ, что онъ посѣтилъ наше училище для дѣвицъ и все въ немъ очень хвалилъ; правда, онъ изъявилъ и тутъ нѣкоторыя за себя опасе-

[1]) А. Л. Жилинъ, бывшій учителемъ въ Ялуторовскѣ, въ это время былъ ассессоромъ строительной коммиссіи.

Digitized by Google

нія, но они уже были такъ слабы, что мнѣ ничего не стоило его успокоить. При переводѣ мальчиковъ въ уѣздное училище онъ довольствовался такимъ числомъ, какое мы назначимъ, но просилъ, если можно, переписать къ нему для счета человѣкъ двадцать, на что я охотно согласился; часть переведенныхъ учениковъ останется у насъ еще на годъ, и они будутъ только считаться въ уѣздномъ училищѣ, въ томъ числѣ и Балакшинъ, и Загибаловъ, и мой крестникъ. Абрамовъ звалъ меня убѣдительно на актъ и послѣ прислалъ пригласительный билетъ въ розовой рамкѣ. Мы съ Николаемъ Васильевичемъ (Басаргинъ), были на торжествѣ въ новомъ храмѣ науки; другіе были приглашены, но не были; послѣ акта надо было еще ѣхать на завтракъ къ смотрителю, и тутъ и тамъ онъ былъ внимателенъ и любезенъ со мной, какъ нельзя болѣе; и теперь, если я съ нимъ и не въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, какъ по пріѣздѣ его въ Ялуторовскъ, то нисколько и не въ непріязненныхъ, какъ это было мѣсяца два тому назадъ»...

Въ письмѣ отъ 10 сентября 1850 года къ протоіерею Знаменскому Якушкинъ писалъ слѣдующее о своихъ отношеніяхъ съ Абрамовымъ по дѣламъ училищъ: «...Надняхъ заходилъ ко мнѣ Абрамовъ, много разспрашивалъ меня о нашихъ училищахъ и въ особенности о деньгахъ, получаемыхъ на ихъ содержаніе, и заключилъ тѣмъ, что будто директоръ сообщаетъ ему, что оба наши училища поступаютъ подъ ихъ начальство; на это я ему отвѣчалъ прямо, что если ему это пишетъ директоръ, то онъ, конечно, сошелъ съ ума, что тутъ идетъ дѣло не болѣе какъ о томъ, чтобы передать училище для мальчиковъ подъ ихъ надзоръ, а не подъ начальство, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать имъ только половину денегъ, получаемыхъ на содержаніе обоихъ училищъ. Но Абрамовъ про это и слышать не хочетъ. Правда, что дѣвичье училище онъ не намѣренъ взять не только подъ свое начальство, но и подъ свой надзоръ, опасаясь, что ему съ нимъ будетъ слишкомъ много хлопотъ, но зато онъ и не намѣренъ оставить на содержаніе этого училища половину денегъ, получаемыхъ изъ городскихъ доходовъ. Надо отдать ему справедливость, что по части крючкотворства онъ великій человѣкъ. Знаете ли, что онъ придумалъ? Взявъ подъ свой надзоръ наше училище для мальчиковъ, онъ намѣревается его уничтожить, а на мѣсто его открыть приходское училище при своемъ уѣздномъ училищѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть въ своемъ распоряженіи вполнѣ 200 руб. сер., отпускаемыхъ теперь намъ изъ городской думы. Это онъ мнѣ самъ сказалъ. На этотъ разъ я объяснился съ нимъ не такъ громко, но столько же откровенно, какъ и въ

Digitized by Google

первый разъ. Онъ просилъ меня доставить ему всѣ письменные документы о нашихъ училищахъ. Я бы могъ и даже долженъ бы былъ ему въ этомъ отказать; если бы онъ по этому дѣлу завелъ переписку съ духовнымъ правленіемъ, самое дѣло улеглось бы въ длинный ящикъ, и потому я послалъ ему всѣ бумаги, относящіяся до нашихъ училищъ, которыя Евгеній взялъ у васъ. Теперь вы видите, въ какомъ смыслѣ будетъ дѣйствовать Абрамовъ. Я никакихъ совѣтовъ вамъ подавать не смѣю, но надѣюсь, что въ вашемъ сердцѣ есть струна, которая отзовется на мои нѣжныя чувства къ дочери, прижитой мной съ вами. Въ училищѣ всякій почти день прибываютъ новыя ученицы, и ученье идетъ своимъ порядкомъ. Строеніе подвигается довольно медленно, но если Богъ поможетъ, оно къ зимѣ хоть вчернѣ будетъ окончено. Прошеніе отъ Николая Яковлевича (Балакшина) въ строительную коммиссію давно отправлено; скажите это Александру Львовичу (Жилину). Довѣренности до сихъ поръ нѣтъ отъ Анны Васильевны (Мясниковой), и я беру деньги у Николая Яковлевича на постройку, совершенно очертя голову; строеніе вообще станетъ гораздо дороже, нежели я предполагалъ: придется на него занимать, а послѣ того пріискивать средства, какъ заплатить долгъ, но и тутъ, какъ и всегда, не кто какъ Богъ»...

Въ этомъ же году, къ Аннѣ Васильевнѣ Мясниковой было послано Якушкинымъ слѣдующее письмо: «Милостивая государыня Анна Васильевна! Въ воскресенье, 2-го декабря, я освятилъ училище, обязанное вамъ своимъ существованіемъ. Призывая на него, въ кругу дѣтей, благословеніе свыше, мы просили Бога посѣтить васъ отрадою и утѣшеніемъ. Совершивъ молитву, мнѣ пріятно передать общую нашу сердечную благодарность за добро, сдѣланное вами всему новому женскому поколѣнію города Ялуторовска. Пожертвованіемъ вашимъ теперь слишкомъ шестьдесятъ дѣвицъ обучаются въ свѣтломъ и удобномъ домѣ. Современемъ число ихъ можетъ увеличиться»...

Въ 1851 году И. Д. Якушкинъ получилъ дозволеніе съѣздить въ Тобольскъ, но и тамъ онъ не забываетъ своихъ дѣтищъ—училищъ... «О собственномъ нашемъ дѣлѣ,—пишетъ онъ отъ 1-го февраля,—могу вамъ сказать, что на другой же день по пріѣздѣ моемъ сюда я былъ у Чигиринцева (директоръ училищъ Тобольской губерніи) и объяснился съ нимъ со всей мнѣ свойственной откровенностію, это было глазъ на глазъ; потомъ то же самое повторилось при Степанѣ Михайловичѣ и потомъ еще при всѣхъ нашихъ, у Анненковыхъ. Съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь съ нимъ довольно часто,

Digitized by Google

я не пропускаю никакого случая понемногу клонить его къ моему мнѣнію: это одинъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ палку, а впрочемъ, что у него на сердцѣ, Богъ его знаетъ, но такъ какъ обстановка около него внезапно совершенно измѣнилась, то надо полагать, что и онъ самъ измѣнился въ своихъ чувствахъ къ нашимъ училищамъ. При мнѣ, а не прежде, получена бумага о переводѣ Т....ы, и на другой же день Чигиринцевъ представилъ губернатору о переводѣ Абрамова въ Тюмень, а на мѣсто его Христіанова къ намъ въ Ялуторовскъ. Представленіе директора отправлено уже въ Омскъ, и надняхъ надо ожидать утвержденія поименованныхъ смотрителей. Я говорилъ Чигиринцеву объ испытаніи нашихъ дѣвицъ для полученія аттестатовъ, и онъ меня увѣрилъ, что въ этомъ отношеніи для нихъ не можетъ быть никакого затрудненія; вообще мы съ нимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Цѣлую ручку у Марьи Константиновны (Муравьевой-Апостолъ) и отъ души обнимаю милую Фану и милую Сашу, благодаря ихъ за попеченіе о нашемъ разсадникѣ. Хлопотать по рукодѣльному классу здѣсь, въ Тобольскѣ, я поручилъ Оленькѣ (Анненковой), Машѣ Францовой и Смольковой. Надѣюсь, что онѣ съ этимъ дѣломъ лучше справятся, нежели справлялись съ нимъ здѣсь прежде. О себѣ что вамъ сказать? Когда не сплю, такъ ѣмъ, а когда не ѣмъ, то навѣрно говорю; здоровье мое здѣсь очень поправилось; о прежнихъ несносныхъ припадкахъ моей болѣзни я по временамъ совершенно забываю. Со всѣми нашими видаюсь, разумѣется, сколько возможно чаще; и по этой части ихъ устройство недурно, но далеко не такъ прекрасно, какъ у насъ, въ Ялуторовскѣ... Скажите Ивану Ивановичу (Пущину), что, бывши у Анненкова третьяго дня, я бесѣдовалъ съ его племянникомъ [1]), который со всѣми нами внимателенъ какъ нельзя болѣе, а въ своихъ родственныхъ отношеніяхъ съ домомъ Ивана Александровича онъ ведетъ себя какъ умный и весьма благородный человѣкъ; бываетъ у брата всякій вечеръ и обходится съ нимъ какъ братъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ также нѣженъ съ здѣшними властями при осмотрѣ острога, губернскаго правленія, приказа и проч. Надо полагать, что за молніей грянетъ громъ, а что потомъ,—и самые дальновидные здѣсь еще не предвидятъ... Планъ нашего училища до сихъ поръ не могъ выпроводить

[1]) Племянникъ Иван. Иван. Пущина—ревизоръ Анненковъ. Понятно, о чемъ шла ихъ бесѣда, и слова Якушкина пали на добрую землю, какъ это мы видимъ изъ письма Н. Д. Фонъ-Визиной, отъ 22-го апрѣля, гдѣ она пишетъ: «Здѣсь, по настоянію г. ревизора, учреждается женское училище».

Digitized by Google

въ Омскъ, но надѣюсь, что это дѣло уладится до моего отъѣзда изъ Тобольска»...

Въ концѣ 1853 года ялуторовскія школы остались на рукахъ одного Ив. Дм. Якушкина: протоіерей, по желанію генералъ-губернатора, былъ переведенъ въ Омскъ; лице, заступившее его мѣсто, школами нисколько не интересовалось.

«Какъ сказать о томъ,—писалъ Оболенскій протоіерею отъ 18-го января 1854 года,—что мы ощущаемъ безъ васъ. Ваше мѣсто, при всемъ томъ, что оно занято другимъ, остается пусто: тамъ, гдѣ нѣтъ сочувствія сердечнаго, къ тому нѣтъ и сердечнаго влеченія... Между близкими вамъ Иванъ Дмитріевичъ хвораетъ»...

«...Очень порадовался, увидя изъ письма вашего—пишетъ тому же протіерею больной Якушкинъ, отъ 22-го января 1854 года,—что страстишка въ васъ къ заведенію училищъ и къ распространенію образованія не прекратилась [1]), и отъ всей души желаю вамъ успѣха. Вы меня знаете и можете быть увѣрены, что гдѣ бы я ни былъ, я всегда буду сочувствовать вашимъ добрымъ стремленіямъ на этомъ прекрасномъ поприщѣ. Въ Тобольскѣ я пробылъ ровно двѣ недѣли. Петръ Николаевичъ (Свистуновъ) возилъ меня въ свое заведеніе для дѣвицъ; оно помѣщается теперь въ нижнемъ жильѣ губернаторскаго дома, въ которомъ и холодно, и всякій день угарно. Болѣе всего понравилась мнѣ въ этомъ заведеніи главная наставница Резанова, умная, благонамѣренная женщина; по моему разумѣнію, она могла бы замѣнить всѣхъ Н. (учитель) на свѣтѣ, и при ея содѣйствіи можно бы прекрасно устроить училище. Рукодѣльямъ вообще обучаются очень хорошо; въ грамотномъ же классѣ ничего нѣтъ особеннаго; дѣвицы, поступившія уже сколько нибудь грамотными, читаютъ очень порядочно и даже понимаютъ то, что читаютъ, въ тетрадяхъ пишутъ, какъ калиграфы; тѣ же изъ дѣвочекъ, которыя поступили при открытіи училища и не знали грамоты, читаютъ отдѣльныя слова, какъ у насъ читали въ третьемъ полукругѣ. Предполагаемый порядокъ въ училищѣ чистый ералашъ, а со всѣмъ тѣмъ я порадовался, видя передъ собою слишкомъ сотню бѣдныхъ дѣвочекъ, которыя, все-таки, въ училищѣ сколько нибудь осмыслятся и научатся чему нибудь пригодному. Мнѣ очень жаль что я не заставилъ дѣвочекъ писать подъ диктовку, что у насъ было проб-

[1]) По пріѣздѣ въ Омскъ, протоіерей встрѣтилъ горячее сочувствіе къ устройству женской школы въ женѣ коменданта тамошней крѣпости А. А. Де-Граве, и имъ скоро удалось открыть первое женское училище въ городѣ Омскѣ.

Digitized by Google

нымъ камнемъ; но, пробывъ въ училищѣ болѣе часа, мнѣ было уже не до того: я такъ перезябъ, что возвратился домой съ ознобомъ, зѣвотой и потяготой, и десять дней не выходилъ изъ комнаты. Надо вамъ сказать, что Евгеній (сынъ Якушкина) и я пріѣхали въ одинъ и тотъ же день въ Тобольскъ и жили вмѣстѣ у Петра Николаевича. Евгеній воспользовался праздниками и проводилъ меня въ Ялуторовскъ. При немъ я еще кой-какъ таскалъ ноги, но съ 5-го января послѣ его отбытія, я не выходилъ за порогъ. Если поѣду въ Иркутскъ и будетъ какая нибудь возможность заѣхать въ Омскъ, то непремѣнно заѣду»...4-го февраля 1854 года Оболенскій пишетъ протоіерею: «...Нашъ Иванъ Дмитріевичъ боленъ и крѣпко боленъ. Кто знаетъ исходъ болѣзни, но опасность далеко еще не миновала. Потрудился онъ много, потрудился хорошо. Награда его ждетъ. Дай Богъ только, чтобы онъ ее принялъ съ любовію и смиреніемъ. Бываю у него, но уста замкнуты, а сердце болитъ. Онъ раздражителенъ; мое слово не находитъ отголоска въ его сердцѣ. Я ли тутъ виноватъ, или другая сила припятствуетъ,—разгадать не могу»...

Всѣ письма ялуторовскихъ декабристовъ наполнены извѣстіями о болѣзни Ивана Дмитріевича. «Вообще это,—пишетъ Пущинъ,—наводитъ нѣкоторый туманъ на нашемъ горизонтѣ». Въ апрѣлѣ 1854 года опасность миновала, и тотъ же Пущинъ извѣщаетъ протоіерея: «Ивану Дмитріевичу получше. Богъ дастъ, совсѣмъ поправится и въ концѣ мая съ Вячеславомъ (2-й сынъ Якушкина) пустится на востокъ; тогда вы ихъ обоихъ увидите, непремѣнно для васъ заѣдутъ въ Омскъ... Евгенія Ивановича проводили 26-го марта. Это разставаніе было тяжело Ивану Дмитріевичу. Слава Богу, что остался при немъ другой сынъ. Оба очень хорошіе ребята»...

30-го іюня 1854 года Пущинъ пишетъ: «...Я дожидался все отъѣзда нашего бѣднаго Ивана Дмитріевича, чтобы отвѣчать вамъ; но, какъ видно изъ хода его болѣзни, онъ еще не такъ скоро въ состояніи будетъ пуститься въ путь, хотя бы ему и сдѣлалось лучше, чего до сихъ поръ, однако, незамѣтно. Бѣдный больной нашъ очень страдаетъ, и чрезвычайно ослабъ въ силахъ. Много вредитъ ему, какъ мы полагаемъ, неудобство его квартиры, гдѣ онъ всегда какъ въ банѣ, особливо при теперешнихъ жарахъ. Совѣтовать перемѣнить ее было бы безполезно: вы знаете хорошо его характеръ. Теперь же отъ болѣзни онъ сдѣлался еще несговорчивѣе»...

Наконецъ, Якушкинъ собрался въ путь. Согласно своему обѣщанію, онъ завернулъ въ Омскъ для свиданія со своимъ

Digitized by Google

другомъ протоіереемъ. «Сейчасъ (12 іюля 1854 года) я пріѣхалъ въ Омскъ,—говорится въ запискѣ Якушкина къ протоіерею,—и явился бы къ вамъ, если бы ноги ходили. Скажите, когда и гдѣ мы съ вами увидимся. Посылаю письмо отъ Оболенскаго. И. Якушкинъ».

Это свиданіе друзей было послѣднимъ въ этомъ мірѣ.

Обратимся къ дорожнымъ письмамъ Ивана Дмитріевича.

«Разставшись съ вами, любезный другъ, — писалъ изъ Иркутска Якушкинъ протоіерею, отъ 10 сентября 1854 года,— безъ дальнихъ приключеній мы добрались до Томска; тутъ пришлось прожить цѣлую недѣлю, въ ожиданіи повелѣнія изъ Омска отправить меня далѣе и потомъ въ ожиданіи исполненія этого повелѣнія. Все это время я пріятно провелъ въ обществѣ Гавріила Степановича Батинкова. Вы мнѣ не сказали, что братецъ вашъ служитъ въ Томскѣ, и я, увидавъ его неожиданно, очень ему обрадовался; и онъ, и все его семейство здоровы; къ сожалѣнію моему, я не видалъ Степанки [1]) и узналъ послѣ, что онъ заходилъ ко мнѣ, когда меня уже не было въ Томскѣ. Учится онъ прекрасно, и есть надежда, что дирекція отправитъ его въ университетъ. Въ Красноярскѣ мы также прожили недѣлю у Давыдовыхъ; тутъ потребовалось чинить тарантасъ. Наконецъ, 14-го сентября мы пріѣхали въ Иркутскъ и совершили нашъ путь изъ Ялуторовска, за исключеніемъ стоянокъ, не болѣе какъ въ осьмнадцать дней. Дорога вообще была для меня полезна и нѣсколько укрѣпила меня; но здѣсь опять пришлось лѣчиться: и ноги плохо ходятъ, и глаза плохо видятъ; впрочемъ, все лѣченіе состоитъ въ томъ, что я всякій день съѣдаю нѣсколько ложекъ черемши, это полевой чеснокъ; всѣ увѣряютъ, въ томъ числѣ и врачъ, который меня пользуетъ, что черемша самое дѣйствительное средство противъ цынги. Въ Иркутскѣ мы устроились довольно удобно въ домѣ, принадлежащемъ человѣку, котораго я давно знаю: онъ жилъ лѣтъ десять у Фонъ-Визиныхъ. Хозяинъ нашего дома, вмѣстѣ съ тѣмъ и нашъ поваръ, и служитъ намъ, и вообще усердно за нами ухаживаетъ. Здѣсь я свидѣлся со старыми моими друзьями Трубецкими; въ ихъ семействѣ я какъ дома...

«Евгеній писалъ ко мнѣ, что Аннушка Муравьевская скучаетъ (въ Москвѣ) по Ялуторовскѣ и охотно возвратилась бы домой, если бы теперь была на это какая нибудь возможность»...

«Очень мнѣ было прискорбно миновать Омскъ,—писалъ Якушкинъ протоіерею изъ Ялуторовска, 8 сентября 1856 года,

[1]) Бывшій ученикъ ялуторовской ланкастерской школы.

Digitized by Google

уже по возвращеніи изъ Восточной Сибири и не задолго до отъѣзда на родину, въ Россію,—и тѣмъ лишить себя радости обнять васъ и всѣхъ вашихъ. Получивъ письмо отъ Натальи Дмитріевны, въ которомъ она приглашала меня пріѣхать повидаться съ ней въ Ялуторовскъ [1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ писала ко мнѣ, что останется въ Сибири не долѣе какъ до конца августа; не смотря на мою хворость, я тотчасъ собрался въ путь; Вячеслава отпустили со мною, и мы спѣшили усердно, но на дорогѣ встрѣтились задержки, которыхъ мы не предвидѣли; заѣхавъ въ Омскъ, пришлось бы, можетъ быть, не застать Наталію Дмитріевну въ Ялуторовскѣ, и я съ сокрушеннымъ сердцемъ изъ Абатской рѣшился ѣхать кратчайшимъ путемъ, миновавъ вашъ городъ. Утѣшаю себя мыслію, что мы съ вами и вдалекѣ другъ другу близки, и заочно безъ словъ другъ друга понимаемъ.

«Очень меня порадовали Яковъ Дмитріевичъ [2]) и Наталья Дмитріевна извѣстіями о вашемъ училищѣ, въ которомъ все такъ прекрасно устроилось при усердномъ участіи благородной вашей сотрудницы. Дай Богъ ей за это здоровья! Здѣсь я заходилъ одинъ разъ въ дѣвичье училище; въ немъ все идетъ довольно порядочно и считается болѣе пятидесяти ученицъ.

«Семенъ Петровичъ [3]) заходилъ ко мнѣ и сказывалъ, что у него все идетъ попрежнему; онъ, не смотря на свое очень плохое здоровье, трудится усердно. Своихъ стариковъ (ялуторовскихъ декабристовъ) я нашелъ не совсѣмъ въ вожделѣнномъ здравіи, но слава Богу и за то, что еще ноги таскаютъ. Петръ Николаевичъ (Свистуновъ) сегодня со всѣмъ своимъ семействомъ возвращается въ Тобольскъ. Наталья Дмитріевна послѣзавтра отъ насъ уѣзжаетъ, а мы пока остаемся въ ожиданіи того, какъ и когда распорядится нами тобольское начальство. Простите, добрый другъ»...

Это было послѣднее «прости» Ивана Дмитріевича, посланное имъ изъ пріютнаго Ялуторовска. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра II, всѣ оставшіеся въ Сибири декабристы были возвращены на родину и, кромѣ одного Башмакова, всѣ воспользовались этой милостію.

Въ заключеніе заимствуемъ изъ письма Н. Д. Фонъ-Визиной нѣкоторыя свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ жизни И. Д. Якушкина, проведенныхъ имъ въ Россіи. Н. Д. Фонъ-Визина въ письмѣ изъ села Марьина, отъ 13 іюля 1858 года, писала къ протоіерею, другу Якушкина, слудующее: «...Тѣмъ

[1]) Н. Д. Фонъ-Визина, схоронивъ своего мужа, пріѣхала повидаться съ оставшимися друзьями въ Омскѣ, Тобольскѣ и Ялуторовскѣ.

[2]) Як. Дм. Казнмірскій, омскій жандармскій генералъ.

[3]) Учитель мужскаго училища.

Digitized by Google

непростительнѣе было мнѣ такъ долго не отвѣчать вамъ, что вы спрашивали меня о покойномъ другѣ нашемъ Иванѣ Дмитріевичѣ и интересовались знать о его кончинѣ. Онъ скончался очень тихо и долго былъ боленъ, долго страдалъ и тѣломъ, и душою, когда его выслали изъ Московской губерніи и онъ, возвращенный въ семейство свое, принужденъ былъ жить у чужихъ, именно у графа Толстаго въ деревнѣ одинъ-одинехонекъ, въ сыромъ, болотистомъ мѣстѣ, гдѣ здоровье его окончательно разстроилось. Его тамъ иногда навѣщали знакомые, часто ѣздили къ нему и сыновья; но этимъ самымъ онъ сильно тревожился, зная, что сыновьямъ при ихъ весьма ограниченныхъ средствахъ частыя еженедѣльныя поѣздки къ нему по желѣзной дорогѣ были убыточны. Онъ желалъ ихъ видѣть, и сердился, когда они пріѣзжали къ нему, и особенно когда что нибудь привозили ему. Вы знаете, какъ онъ умѣлъ почти во всѣхъ удобствахъ жизни себѣ отказывать. Наконецъ, выхлопотали ему позволеніе жить въ Москвѣ, привезли его въ ужасномъ состояніи—желудокъ почти уже ничего не переваривалъ. Но душею онъ оживился: бывало по цѣлымъ днямъ лежитъ въ постелѣ, ничего не ѣстъ, вдругъ какъ будто пріободрится и куда нибудь выѣдетъ. Я навѣщала его, лежащаго въ постелѣ, до того ослабѣвшаго, что онъ съ трудомъ подымалъ голову, но видѣла его въ то же время спокойнаго, даже подчасъ веселаго и говорливаго; а въ послѣдній разъ встрѣтила его у Бибиковыхъ вечеромъ за картами. Это былъ послѣдній его выѣздъ. Онъ обѣщалъ посѣтить насъ въ Марьинѣ, но ужъ не вставалъ. Странно, что онъ какъ бы не чувствовалъ своей опасности; сбирался къ намъ въ Покровское и даже въ Орелъ и говорилъ, что поѣздки принесутъ ему пользу. Иногда говорилъ и о смерти своей, но какъ о событіи довольно отдаленномъ. Сказалъ однажды, что когда умретъ, не желаетъ, чтобы ставили на его могилѣ памятникъ, а проситъ посадить на ней два вяза и ясень. Онъ всегда любилъ деревья и любовался красивыми...

«Нѣсколько дней тому назадъ я была въ Москвѣ, гдѣ похоронила роднаго дядю; я проѣхала на Пятницкое кладбище на могилку Ивана Дмитріевича. Съ грустью помолилась о немъ и поклонилась праху его. Деревца по его желанію уже посажены у могилки, но худо принялись... Балакшинъ писалъ, что въ женской ялуторовской школѣ совершили панихиду по усопшемъ ревнителѣ ея, и благодарныя дѣвочки молились за упокой души его».

М. Знаменскій.

Digitized by Google

Наше отношеніе къ народамъ низшей культуры.

Проф. Д-ра Эдуарда Петри (Бернъ).

Антропологъ и историкъ культуры, трактующій о моральномъ прогрессѣ человѣчества, прежде всего долженъ выяснить вопросъ объ отношеніи человѣка къ человѣку.

Для дикаря всякій чужеземецъ, всякій непринадлежащій къ его племени,—если онъ не нуждается въ гостепріимствѣ,—врагъ. Для классической древности чужеземецъ былъ «варваромъ»; философъ не отводилъ ему мѣста въ своемъ идеальномъ государствѣ *(Платонъ)*; искони различные уже по самой природѣ задатки человѣка оправдывали рабство *(Аристотель)*. Уже христіанство провозгласило предъ удивленными аѳинянами, въ лицѣ своего дѣятельнаго передоваго борца, *Апостола Павла*, великія слова: «Отъ одной крови Онъ произвелъ весь родъ человѣческій, для обитанія по всему лицу земли». Однако достигнувшая могущества христіанская церковь вскорѣ измѣнила своему первоначальному характеру. У *Θеофраста Парацельзія* мы находимъ соотвѣтствующее духу его времени раздѣленіе людей на адамитовъ и преадамитовъ. Адамиты (культурные народы) были настоящими людьми; преадамиты (дикіе народы) изображались какъ первыя несмѣлыя и неудачныя попытки Творца къ сотворенію человѣка, точно также какъ въ свое время ископаемыя принимались за *lusus naturae*, или за неудачныя попытки къ сотворенію животнаго міра.

Отношеніе представителей культуры къ некультурнымъ народамъ, какъ къ классу низшихъ существъ, имѣя свое глубокое основаніе въ самой человѣческой натурѣ, отличается необы-

Digitized by Google

чайной жизненной силой и способностью къ приспособленію. Цѣлыя столѣтія властвуетъ эта тяжкая и кровавая по своимъ послѣдствіямъ идея. Она покровительствуетъ рабству, эксплоатаціи и истребленію дикарей; она ведетъ побѣдоносную борьбу съ первобытными народами съ увлеченіемъ, вызваннымъ вслѣдствіе отвращенія къ недостаткамъ культуры; она еще и по сю пору поддерживаетъ грубое насиліе и своекорыстіе; она льститъ самообольщенію цивилизованнаго европейца, она поддерживаетъ крайнихъ борцовъ науки въ ихъ исканіи переходныхъ ступеней отъ человѣка къ царству животныхъ (ультрадарвинисты). Даже и въ настоящее время, когда общность происхожденія человѣческихъ расъ находитъ многочисленныхъ защитниковъ среди людей науки, все еще подвергаются сильнымъ нападкамъ прекрасныя и для тогдашняго состоянія науки столь великія слова *Александра Гумбольдта:* «Нѣтъ болѣе или же менѣе благородныхъ народовъ; всѣ одинаково рождены для свободы».

Но, всетаки, прогрессъ культурнаго человѣка въ его отношеніяхъ къ своимъ собратьямъ въ общемъ несомнѣненъ.

Какъ ни цѣпко держится упомянутый враждебный и издревне унаслѣдованный взглядъ, какъ ни разнообразны формы, въ которыхъ онъ проявляется, онъ, однако, отступаетъ передъ болѣе вѣрнымъ и болѣе глубокимъ пониманіемъ сущности вещей.

Едва еще столѣтіе тому назадъ даже въ Европѣ немыслимая равноправность классовъ въ средѣ отдѣльнаго народа теперь въ принципѣ всѣми признается и во многихъ отношеніяхъ проводится даже и на практикѣ; рабство, еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ защищавшееся кровавымъ образомъ (борьба сѣверныхъ и южныхъ штатовъ Сѣверной Америки), въ настоящее время окончательно пало и по мѣрѣ возможности не допускается даже у некультурныхъ народовъ (въ Америкѣ, Центальной Азіи); стремленіе культивировать дикаря проявляется уже не единичными случаями и ужъ не какъ привиллегія миссіонеровъ,—оно стало девизомъ современныхъ колоніальныхъ стремленій (государство Конго).

Нельзя отрицать, да и не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ затушевывать тотъ фактъ, что на практикѣ проявляются иногда въ отношеніяхъ европейца къ его некультурнымъ собратьямъ крупные слѣды атавизма. Подобныя проявленія, однако, не слѣдуетъ считать за симптомъ, умаляющій прогрессъ. Самая форма, въ которой проступаетъ этотъ атавизмъ, говоритъ скорѣе за прогрессивное развитіе, такъ какъ то, что теперь оказывается отвратительнымъ преступленіемъ и всѣми преслѣдуется, считалось еще недавно дѣяніемъ общепризнаннымъ

Digitized by Google

или даже заслуженнымъ. Однако, все еще трудно составить себѣ ясное понятіе объ отношеніи, въ которое культурный человѣкъ долженъ стать къ народамъ низшей культуры; трудно раздѣлаться съ многочисленными противорѣчіями, встрѣчающимися въ этомъ случаѣ, и восполнить пробѣлы изслѣдованія; трудно, наконецъ, не впасть въ крайности ни обыденному самомнѣнію культурнаго человѣка, ни слабосильному отсутствію критики филантропа.

Если мы проведемъ параллель между культурными народами и такъ называемыми первобытными народами или, чтобы захватить болѣе обширное поле, народами низшей культуры, то мы, конечно, должны сознаться, что по отношенію къ интеллектуальной силѣ народы низшей культуры стоятъ далеко позади культурныхъ. Культурные народы эманципировались нѣкоторымъ образомъ отъ природы; они даже до извѣстной степени управляютъ ею. Народы низшей культуры стоятъ еще въ тѣсной связи съ природою; они живутъ въ природѣ и съ природою; они находятся въ положительной зависимости отъ природы и обыкновенно ведутъ образъ жизни, предписываемый имъ господствующими природными условіями. Человѣкъ природы ведетъ относительно жалкое и бродячее существованіе тамъ, гдѣ впослѣдствіи культура, овладѣвъ природными условіями, развернула могущественную и величественную жизнь. (Соединенные Штаты Сѣверной Америки).

Если такимъ образомъ народы низшей культуры живутъ одною жизнью съ природою, то совершенно понятно, что у этихъ народовъ должны развиваться прежде всего тѣ качества, которыя имѣютъ отношеніе къ явленіямъ природы, восполняющимъ ихъ существованіе; болѣе высокія душевныя качества менѣе упражняются; они отѣтсняются господствующими потребностями первобытной жизни. И дикарь обладаетъ способностями, но эти способности направлены прежде всего на тѣлесную, а не на духовную жизнь; онѣ сосредоточиваются болѣе на физической, чѣмъ на психической сторонѣ человѣческаго существа. Полное развитіе физическихъ способностей, какъ оно свойственно дикарю, ведетъ къ односторонности человѣка, которую мы можемъ сравнить развѣ только съ одностороннимъ развитіемъ мыслительной работы и подавленіемъ физическихъ способностей у культурнаго человѣка. Развитіе физическихъ способностей у дикаря, а въ особенности остроты его органовъ чувствъ, иногда положительно невѣроятное. «По слѣду на землѣ или на снѣгу, продавленному ладыжками медвѣдя или волка, тунгузы узнаютъ, сердитый или нѣтъ медвѣдь, опасный или нѣтъ для ихъ оленей, хитрый или нѣтъ волкъ. Своихъ они узнаютъ

Digitized by Google

по разнымъ слѣдамъ лыжъ, по размашкѣ шаговъ, по кругамъ на снѣгу, по заломамъ на деревьяхъ, по сучьямъ, набросаннымъ на дорогу, по обтоптаннымъ на снѣгу слѣдамъ. Каждая баба узнаетъ слѣдъ лыжъ своего мужа» [1]). Наблюдательная способность дикаря въ такой степени развита, что онъ, не будучи, можетъ быть, въ состояніи прямо считать до пяти, однимъ взглядомъ на свое стадо болѣе чѣмъ въ 100 головъ замѣчаетъ, если не хватаетъ одной штуки. Изъ географической литературы легко набрать массу примѣровъ физической ловкости дикаря, его выдержки, остроты зрѣнія и слуха и баснословной способности оріентироваться. Одновременно, однако, дикари проявляютъ на своихъ охотахъ также и поразительную находчивость, даръ комбинаціи [2]), что говоритъ за присутствіе въ нихъ умственныхъ задатковъ, которыми нельзя пренебрегать.

Но, если дикари, благодаря своимъ поразительнымъ физическимъ способностямъ, кажутся какъ бы существами иной породы, то мы не можемъ не указать на тѣ интересные выводы, которые можно сдѣлать, принявъ во вниманіе, что наши предки, т. е. предки культуртрегеровъ, отличались подобнымъ же преобладаніемъ и подобнымъ же поразительнымъ развитіемъ физическихъ способностей; точно также подобныя же качества мы встрѣчаемъ еще и въ настоящее время у отдѣльныхъ европейцевъ, ведущихъ образъ жизни дикарей (трапперы, русскіе въ Сибири и т. д.).

Уже приведенный здѣсь матеріалъ заставляетъ насъ предположить, что народы низшей культуры, эмансипировавшись нѣсколько, положимъ, съ помощью культурныхъ народовъ, отъ природы, оказались бы способными возвыситься надъ односторонностью физическаго развитія и культивировать свои умственныя способности. Подобное предположеніе кажется намъ тѣмъ основательнѣе, что мы, помимо упомянутой способности дикарей къ комбинаціямъ, располагаемъ положительно громаднымъ запасомъ доказательствъ, говорящихъ какъ за способность дикарей къ образованію, такъ и за присутствіе извѣстныхъ умственныхъ сокровищъ у этихъ народовъ.

Въ этомъ отношеніи даютъ намъ превосходный матеріалъ негры, которые въ то же время, благодаря своему чрезвычайному отличію отъ типа европейца и по своему сходству съ обезьянами, всегда подвергались презрительнымъ отзывамъ какъ

---

[1]) Н. М. Ядринцевъ: «Сибирь какъ колонія», Спб., 1882, стр. 29.

[2]) Характерно въ этомъ отношеніи изученіе орудій охоты, какъ, напримѣръ, метательныхъ орудій, ловушекъ и т. д. О дарѣ комбинаціи индѣйскихъ охотниковъ см. Schaffhausen: «Anthropologische Studien»., Bonn, 1885, стр. 366 до 367 (по Domenech'y).

Digitized by Google

со стороны толпы, такъ не менѣе того и ученыхъ (*Burmeister, Carus, Gobineau, Tschudi, Agassiz* и т. д.). Не смотря на короткій промежутокъ со времени ихъ освобожденія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, освобожденія отъ столѣтняго рабства; не смотря на то, что бѣлые въ этотъ промежутокъ все еще не привыкли видѣть съ цвѣтнокожихъ равноправныхъ гражданъ; не смотря, наконецъ, на чрезвычайно трудную даже для европейца борьбу за существованіе въ Соединенныхъ Штатахъ, неграмъ здѣсь удалось (съ потерею приблизительно 1/4 всего населенія въ первые годы послѣ ихъ освобожденія, тогда какъ теперь число ихъ увеличивается) образовать крѣпкое ядро, достигшее культуры и вполнѣ могущее выдержать конкурренцію съ европейцами. Въ 1883 году цвѣтнокожіе, слѣдовательно, попреимуществу негры, обладали въ Соединенныхъ Штатахъ слѣдующими школами [1]):

Обозначеніе школъ.	Число школъ.	Число учениковъ.
Публичныя школы	18,258	1.056,635
Нормальныя »	56	10,771
Секундарныя »	47	8,695
Университеты и колледжи.	21	3,177
Теологическія школы	26	800
Юридическія »	4	99
Медицинскія »	3	141
Школы для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ .	76	123
	18,422	1.080,441

Кромѣ того, негры издавали, редактировали, писали и печатали болѣе ста газетъ.

Даже враждебный неграмъ *Fr. v. Hellwald* допускаетъ, что, «конечно (!), есть единичные примѣры умственной одаренности между неграми», и указываетъ на то, что нѣсколько негровъ сидѣло въ палатѣ депутатовъ, а одинъ даже въ сенатѣ и т. д., однако же онъ тотчасъ сворачиваетъ опять на примѣры нравственнаго упадка негровъ [2]). Имена выдающихся и пользующихся общимъ уваженіемъ негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ далеко, впрочемъ, не рѣдки [3]). Наконецъ, мы указываемъ

[1]) Report of the Comissions of Education for the year 1883—1884. Washington, 1885, стр. LIX.

[2]) Fr. v. Hellwald: «Naturgeschichte des Menschen», Stuttgart, Spemann, 1882—1885, т. I, стр. 498.

[3]) Въ Вашингтонѣ мы могли бы назвать въ числѣ другихъ вліятельныхъ и образованныхъ негровъ: Mr. Blanche K. Bruce, бывшій сенаторъ, теперешній регистраторъ государственной казны. Врачи: профессоръ хирургіи B. Purvis и д-ръ A. F. Augusta; далѣе ученый Rev. Dr. A. Crummel; библіотекарь вашингтонской конгрессовой библіотеки Henry Smith и т. д.

Digitized by Google

еще на цитируемыя *Soyaut* [1]) имена знаменитыхъ негровъ, къ которымъ можно было бы присоединить еще многія другія не менѣе извѣстныя имена. *Soyaut* очень мѣтко замѣчаетъ: «Если бы вся раса была менѣе одарена, то изъ нея не могли бы выходить высокоодаренныя личности»... Да,—говорятъ противники,—это исключенія! Я, однако, думаю, подобныя исключенія лучшее подтвержденіе для правила,—подтвержденіе тому, что нужны только благопріятныя обстоятельства, чтобы все больше и больше единичныхъ личностей поднялось на высокую ступень образованія и чтобы и масса постепенно подвинулась впередъ въ своемъ культурномъ развитіи» [2]).

Однако, негрофобы имѣютъ всегда въ запасѣ вѣскій ударъ противъ негрофиловъ: они указываютъ на жалкое положеніе негровъ въ свободныхъ негрскихъ республикахъ (Либерія, Гаити, Санъ-Доминго) или въ странахъ, гдѣ имъ предоставленъ полнѣйшій просторъ (Сіерра-Леоне). Но они при этомъ обыкновенно опускаютъ изъ виду предшествовавшую исторію этихъ государствъ, ту далеко не достойную роль, которая выпала на долю европейцевъ въ этой исторіи. Положительно страннымъ кажется тому, кто знакомъ съ исторіей этихъ государствъ, требованіе, предъявленное неграмъ, еще столь недавно сбросившимъ съ себя оковы перешедшаго имъ въ кровь и мозгъ рабства и получившимъ отъ европейцевъ самое вредное направленіе (указываемъ на слабохарактерное филантропическое избаловываніе негровъ, на слабость американцевъ предъ преждевременными поползновеніями негровъ къ автономіи, на извѣстный либерійскій заемъ и т. д.),—требованіе, чтобы они, предоставленные самимъ себѣ, не шли далѣе по намѣченнымъ имъ ложнымъ путямъ, чтобы они, не имѣя нравственной поддержки и достойныхъ цѣлей, не впали въ самыя печальныя крайности! Но и въ этихъ несчастныхъ странахъ встрѣчаются единичныя выдающіяся личности [3]).

---

[1]) H. Soyaut: «Aus West-Afrika», Leipzig, Brockhaus, 1879, т. I, стр. 153.
[2]) Ibid.
[3]) Интересныя свѣдѣнія о либерійцахъ даетъ Zöller: «Das Togoland und die Sklavenküste», Berlin und Stuttgart, Spemann, 1855, стр. 39, 40, 45 и 46. Четыре томика сочиненія Zöller'a доставляютъ вообще немало интересныхъ и драгоцѣнныхъ свѣдѣній объ умственныхъ способностяхъ негровъ. Не смотря на это, авторъ не можетъ отдѣлаться отъ традиціоннаго взгляда: онъ задаетъ себѣ, напр., вопросъ: «Почему бы не быть чернокожему человѣку слугою бѣлаго человѣка?» (Zöller: «Camerun», Berlin und Stuttgart, Spemann, 1885, т. I, стр. 254). Удивительны мотивы, заставляющіе Zöller'a прійдти къ подобному выводу. «Я придерживаюсь того убѣжденія,—говоритъ онъ въ указанномъ мѣстѣ, — что въ положеніи негра какъ слуги, которое существовало еще во времена египтянъ, грековъ и римлянъ, точно также какъ оно существуетъ и теперь, ничего не измѣнится и въ два (!) послѣдующія столѣтія». Подобные же историческіе доводы приводили въ свое время рабовладѣльцы

Digitized by Google

Оглядываясь на исторію и современное состояніе упомянутыхъ государствъ, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать и можемъ это въ случаѣ нужды подкрѣпить дальнѣйшими доводами, что до сихъ поръ еще нигдѣ не было выполнено ни одного сколько нибудь разумнаго и достаточно продолжительнаго массоваго эксперимента для того, чтобы культивировать негровъ. Соединенные Штаты въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія. *Ratzel*, извѣстный знатокъ Соединенныхъ Штатовъ, утверждаетъ, что «впервые милліонамъ чернокожихъ, считавшихся низшей расой, предоставлены всѣ преимущества, всѣ права и всѣ обязанности высшей культуры, и ничто (!) имъ не мѣшаетъ воспользоваться всѣми средствами образованія, которое,—въ этомъ и заключается антропологическій интересъ этого явленія,—будетъ по необходимости имѣть для нихъ значенія и преобразованія» [1]). Однако же, это замѣчаніе невѣрно въ томъ отношеніи, что негры Соединенныхъ Штатовъ на практикѣ все еще оказываются въ неблагопріятномъ исключительномъ положеніи.

Объективное и достаточно прилежное изученіе матеріала, опубликованнаго касательно другихъ некультурныхъ народовъ, показываетъ намъ, что не слѣдуетъ пренебрегать и ихъ умственными способностями. Отзывъ миссіонеровъ и гернгутеровъ о культурныхъ способностяхъ готтентотовъ несравненно благопріятнѣе отзывовъ купцовъ и чиновниковъ. Замѣчателенъ языкъ готтентотовъ, оказывающійся, не смотря на всѣ сомнѣнія, чрезвычайно развитымъ; нельзя отрицать ихъ таланта къ изученію языковъ: переводчикъ готтентотъ, владѣющій четырьмя языками и являющійся съ своими познаніями на помощь культуртрегерамъ, далеко не рѣдкое явленіе; такимъ знатокомъ языковъ былъ *Andreas Stoffles* изъ племени гонагуа, который держалъ въ Англіи передъ парламентской ком-

---

Соединенныхъ Штатовъ и крѣпостники въ Россіи въ пользу удержанія добраго стараго порядка. Но все же Zöller склоненъ къ извѣстнымъ уступкамъ: «Этимъ, однако,—продолжаетъ онъ,—отдѣльному негру, въ случаѣ если бы онъ оказался болѣе высоко одареннымъ, не долженъ быть отрѣзанъ путь къ болѣе высокому поприщу». (Ibid., стр. 254).

Упомянемъ еще, что сіерра-леонцы дали не одного высокообразованнаго человѣка: такъ, напр., одинъ сіерра-леонецъ написалъ исторію своего отечества; теперешній англійскій архидіаконъ въ области Нигра, Ven., Henry Johnson, M. A., урожденный сіерра-леонецъ; онъ началъ свое образованіе въ школѣ во Фритаунѣ и закончилъ въ Кембриджскомъ университетѣ, гдѣ отличился своими познаніями въ англійскомъ, еврейскомъ, арабскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ; нѣмецкій и французскій языки ему также не чужды; наконецъ, онъ перевелъ Новый Завѣтъ на нѣсколько западныхъ африканскихъ діалектовъ.

[1]) Friedrich Ratzel: «Die Stellung der Naturvölker in der Menschheit», «Ausland», 1882, Nr. 1, стр. 5.

Digitized by Google

миссіей достопримѣчательную рѣчь о безвыходномъ положеніи своихъ соотечественниковъ; онъ, какъ по своимъ познаніямъ, такъ и по пріемамъ, не отличался отъ образованнаго европейца [1]). У индѣйцевъ Америки мы, помимо остатковъ ихъ значительной культуры, находимъ рядъ фактовъ, говорящихъ за ихъ способность къ культурѣ, за ихъ краснорѣчіе и ихъ политическій тактъ. Замѣчательны отзывы нѣкоторыхъ европейцевъ, по которымъ индѣйцы въ общемъ производятъ болѣе интеллигентное впечатлѣніе, чѣмъ европейскіе крестьяне (*P. Le-Jeune* упоминаетъ о французскихъ крестьянахъ). *Price* говоритъ объ успѣхахъ индѣйцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ слѣдующее: «Въ концѣ концовъ объективный обзоръ положенія индѣйцевъ даетъ право надѣяться, что эти индѣйцы въ не очень далекомъ будущемъ окажутся при помощи индустріальныхъ, земледѣльческихъ и ремесленныхъ школъ, какъ онѣ теперь ведутся, способными заботиться о себѣ сами и что они не будутъ ярмомъ, а напротивъ того поддержкою для правительства» [2]). Уже теперь содержаніе индѣйца обходится 7 долларовъ съ души, тогда какъ каждый сторожевой солдатъ на индѣйской границѣ получаетъ 1,000 долларовъ [3]). «Итакъ индѣйцы способны къ образованію, отчасти уже подвинулись впередъ на пути цивилизаціи»,—говоритъ проф. *Gerland* въ своемъ обширномъ и цѣнномъ этюдѣ о будущности индѣйцевъ [4]). «Индѣйцы не вымрутъ,—продолжаетъ онъ,—они окрѣпнутъ постепенно въ медленномъ развитіи и покажутъ, что и они способны принять участіе въ высшемъ благѣ человѣческой исторіи, цивилизаціи и двигать ее самостоятельно и собственными силами» [5]).

Таковы же отзывы многочисленныхъ европейцевъ (*Mittchell*, *Baker*, *Mac Gillivrey*) объ австралійцахъ, въ былое время столь презираемыхъ. *Mac Gillivrey* описываетъ туземцевъ, стоящихъ гораздо выше европейца средняго уровня [6]). Въ сороковыхъ годахъ одинъ туземецъ получилъ предъ всѣми европейцами первую награду въ колледжѣ въ Сиднеѣ. Цѣлый рядъ инте-

[1]) Perty: «Grundzüge der Ethnographie», 1859, стр. 35.

[2]) Annual Report of the Commissioner of Indian Affairs», Washington, 1884, стр. III. См. также нашу статью въ «Восточномъ Обозрѣніи», 1886, № 4, стр. 8.

[3]) Ibid., стр IV. Индѣйцы оказываются положительно способными къ школьному образованію; однако число школъ все еще недостаточное. См. стр. XIX.

[4]) Gerland: «Die Zukunft der Indianer», «Globus», т. 35 и 36. См. т. 36, стр. 375.

[5]) Ibid., стр. 380.

[6]) Gerland-Waitz: «Anthropologie der Naturvölker», Leipzig, Fleischer, 1872, т. VI, стр. 716.

Digitized by Google

ресныхъ показаній, касающихся умственныхъ способностей австралійцевъ, мы находимъ у *Gerland'a* [1]). О папуасцѣ мы читаемъ у *Hellwald'a* [2]): «Папуасецъ, котораго *Georg Forster* такъ идиллически изобразилъ, не что иное, какъ дикое животное и притомъ,—мы съ ужасомъ должны въ этомъ сознаться,—чрезвычайно способное, интеллигентное, даже художественно одаренное животное». Мы ограничиваемся этой цитатой, не пытаясь покуда ослабить ужасъ автора.

О способностяхъ азіатскихъ монголовъ изслѣдователи обыкновенно говорятъ съ энтузіазмомъ: какъ смѣлый и ученый псевдо-дервишъ *Vambèry* восклицаетъ по поводу своего татарина [3]):«Чего только не сдѣлаешь изъ восточника!»—такъ не менѣе того и солидный *A. v. Haxthausen* утверждаетъ соотвѣтственно своему религіозному направленію [4]): «Я убѣжденъ, что если бы этотъ остроумный, милый татарскій народъ былъ приведенъ въ христіанство, онъ могъ бы не только самъ стать однимъ изъ первыхъ культурныхъ народовъ, но и распространять христіанство и культуру по всей Азіи». Мы уже въ другомъ мѣстѣ намѣтили рядъ данныхъ, говорящихъ за культурныя способности алтайцевъ, телеутовъ и черневыхъ татаръ, тунгузовъ, якутовъ и киргизовъ. Среди киргизовъ мы можемъ назвать ученыхъ какъ Банзаровъ и Валихановъ [5]). Упомянемъ далѣе еще объ отзывахъ *Middendorff'a* объ якутахъ и тунгузахъ [6]). Впрочемъ, эти отзывы насъ не должны поражать, если мы вспомнимъ значительныя культуры Китая и Японіи, точно также какъ и уровень культуры финляндцевъ и венгровъ въ Европѣ.

Однако намъ нужно отразить еще одинъ вѣскій доводъ, если мы хотимъ говорить о культурныхъ способностяхъ инородцевъ. Намъ указываютъ на то, что такъ называемые первобытные народы (за немногими блестящими исключеніями) достигаютъ только элементарныхъ ступеней образованія. При совмѣстномъ обученіи съ европейскими дѣтьми, дѣти инородцевъ иногда даже опережаютъ первыхъ; но они не переходятъ, какъ уже сказано, дальше начатковъ школьнаго образованія.

Старой спекулятивной психологіи подобный фактъ могъ быть

---

[1]) Gerland-Waitz, ibid., стр. 765 до 767.
[2]) Fr. v. Hellwald: «Naturgeschichte des Menschen», т. I, стр. 73.
[3]) Vambéry: «Skizzen aus Mittelasien», Leipzig, Brockhaus, 1868, стр. 127.
[4]) A. v. Haxthausen: «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben u. s. w. Russlands», т. 1, стр. 481.
[5]) Jadrinzew-Petri: «Sibirien etc.», Jena, 1886, стр. 150 и др.
[6]) Middendorff: «Sibirische Reise», St. Petersburg, т. IV, 2, 1875, стр. 1615, и см. далѣе отдѣлы о разныхъ сибирскихъ народахъ.

Digitized by Google

достаточнымъ, чтобы усомниться въ способностяхъ первобытныхъ народовъ. Но научная психологія, выработанная на физіологическихъ основахъ, прежде всего должна прослѣдить причины подобнаго явленія.

Это значило бы пренебречь основами ученія о развитіи, если бы въ настоящемъ случаѣ не была принята во вниманіе сила наслѣдственности. Столѣтіями развиваемыя физическія совершенства не могутъ быть сразу оттѣснены назадъ: они требуютъ удовлетворенія; вѣдь и у насъ, европейцевъ, эти физическія потребности изводятся не безъ насилій и затрудненій. Но если ужъ выработана нѣкоторая рутина въ томъ, чтобы втискивать европейцевъ въ рамки культуры, то этого никакъ нельзя сказать о воспитаніи первобытныхъ народовъ. Извѣстно вѣдь, что въ нашу науку забралось не одно извѣстіе невѣжественныхъ культуртрегеровъ на счетъ тупости и закоренѣлости нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, теперь блистательно опровергнутое; не должны ли мы поэтому высказать предположеніе, что при школьномъ воспитаніи дикарей не всегда выбирались надлежащіе пути, и что учители не всегда умѣли совладать съ своеобразными трудностями своей задачи. Трудностями этими, однако, нельзя пренебрегать: учителю приходится сталкиваться, какъ упомянуто, съ инстинктами дикарей, унаслѣдованными поколѣніями; далѣе, онъ не встрѣчаетъ въ своей воспитательной дѣятельности ни малѣйшей поддержки со стороны семьи своихъ воспитанниковъ; напротивъ того, онъ наталкивается на препятствія и отвлеченія, если воспитанники не достаточно изолированы отъ родственниковъ; ко всему этому еще дикарь питаетъ зачастую глубокое отвращеніе и даже ненависть къ европейцу, который обращается съ нимъ презрительно, и въ которомъ онъ видитъ губителя своего народа: весьма естественно онъ идентифицируетъ враждебнаго ему европейца съ европейской культурой, религіей, школой и т. д.

Пойдемъ, однако, еще далѣе: не забудемъ, что во всѣхъ культурныхъ странахъ, не смотря на обязательное обученіе и многовѣковую культурную работу, масса народонаселенія все еще далека отъ идеала достаточнаго образованія; вспомнимъ данныя статистики о положительно ужасающемъ процентѣ неспособныхъ къ обученію въ нашихъ государствахъ. Можно ли и требовать отъ цвѣтнокожихъ того, чтобы они въ самое короткое время и безъ исключенія приняли культуру; чтобы они въ тѣхъ ничтожныхъ группахъ, которыя привлекаются къ школамъ, сплошь выказывали блистательнѣйшія способности и прекраснѣйшее рвеніе? Не значило ли бы это, что цвѣтные, чтобы считаться способными къ культурѣ, должны

Digitized by Google

выказать больше способностей, чѣмъ ихъ учители и повелители?

Но существуютъ еще и другіе доводы за неспособность дикарей къ культурѣ: дикарю культура совершенно чужда и противна,—говорятъ обыкновенно:—нѣкоторые дикари, достигая культуры, въ концѣ концовъ, всетаки, отказываются отъ нея и возвращаются къ прежнему дикому состоянію, въ свои лѣса и степи (впрочемъ, число ихъ далеко не значительно). Вспомнимъ, однако, какому презрительному обращенію подвергается цвѣтнокожій со стороны бѣлыхъ. Было бы крайне рѣдкимъ исключеніемъ, если бы цвѣтнокожему не давали чувствовать среди бѣлыхъ всю унизительность его происхожденія [1]). Нужно принять еще наконецъ во вниманіе тотъ внутренній расколъ, который присущъ нашей культурѣ. Этотъ расколъ, который заставлялъ не одного европейца бѣжать отъ своей культуры, долженъ тѣмъ страшнѣе отражаться на воспріимчивой душѣ дикаря. Мы знаемъ, что европеецъ ненавидитъ культуру, которую онъ въ то же время всѣмъ своимъ существомъ поощряетъ, и мечтаетъ о возвращеніи къ первобытному состоянію; мало того, даже слишкомъ часто случалось, что принадлежащіе къ культурнымъ народамъ и отдѣленные отъ отечества бѣлые подчинялись вліянію окружавшихъ ихъ «первобытныхъ народовъ» и измѣняли своей культурѣ и языку, даже своей религіи въ буквальномъ смыслѣ слова. (*Jadrinzew-Petri:* «Русскіе въ Сибири»; *Zöller:* «Португальцы въ Африкѣ» и т. д.).

Если мы такимъ образомъ пришли къ тому выводу, что народы низшей культуры, на сколько извѣстно, въ принципѣ должны считаться за способныхъ къ культурѣ, т. е., что они при благопріятныхъ условіяхъ могутъ достичь культуры (при господствующихъ неблагопріятныхъ условіяхъ большинству этихъ народовъ грозитъ опасность не только въ ихъ культурномъ развитіи, но даже и въ ихъ существованіи), то мы еще болѣе можемъ укрѣпиться въ этомъ взглядѣ, если глубже проникнемъ въ духовную жизнь этихъ народовъ [2]). Мы убѣ-

[1]) Grey, упоминая о бѣгствѣ дикаря, получившаго европейское образованіе, говоритъ: «Я самъ точно также поступилъ бы».

[2]) Мы не считаемъ здѣсь умѣстною провѣрку данныхъ сравнительной антропометріи (относительно измѣренія череповъ и взвѣшиванія мозга), принимая во вниманіе главнымъ образомъ характеръ матеріала. Помимо того, что антропометрическій матеріалъ относительно неевропейскихъ странъ очень ничтоженъ, намъ пришлось бы столкнуться при ближайшемъ разсмотрѣніи этого пункта еще съ тѣмъ обстоятельствомъ, что вопросъ о болѣе точныхъ отношеніяхъ между наружными, такъ сказать, осязательными свойствами мозга, объемомъ и вѣсомъ его и интеллектуальною силою еще далеко не разрѣшенъ. При настоящемъ состояніи нашей науки антропометрическій матеріалъ не могъ бы ни въ какомъ случаѣ рѣшить вопросъ окончательно въ томъ или другомъ смыслѣ.

Digitized by Google

ждаемся въ томъ, что указанная односторонность развитія физическихъ способностей преобладаетъ далеко не въ такой степени, чтобы не оставить мѣста въ душѣ дикаря тѣмъ болѣе тонкимъ и чистымъ духовнымъ проявленіямъ, которыя всѣми считаются за исключительное достояніе культурныхъ народовъ.

Ни одному народу земнаго шара не чужды изящныя искусства. Ни одна область изящныхъ искусствъ не чужда дикарямъ. Мы имѣемъ въ виду посвятить этому вопросу особую статью, а пока ограничиваемся краткимъ замѣчаніемъ, что поэзія, самое высшее изъ искусствъ, находитъ своихъ восторженныхъ поклонниковъ подъ всѣми широтами: какъ среди столь богато одаренныхъ природой въ духовномъ и матеріальномъ отношеніи полинезійцевъ, такъ и среди влачащихъ жалкое существованіе австралійцевъ, среди считавшихся всѣми за прозаиковъ негровъ подъ тропиками и среди охотниковъ и номадовъ-оленеводовъ крайняго сѣвера (зыряне, самоѣды). Точно также и музыка, самое субъективное изъ искусствъ, уже въ силу этого своего характера, повсюду распространена среди субъективныхъ по духу своему народовъ низшей культуры. Напомнимъ о музыкальныхъ способностяхъ негровъ, саанъ, австралійцевъ, эскимосовъ и т. д., на которыя многочисленные изслѣдователи обращали вниманіе. Живопись является въ видѣ татуировки и раскрашиванія человѣческаго тѣла; въ этомъ видѣ она достигаетъ чрезвычайнаго совершенства, напримѣръ, у полинезійцевъ.

Въ живописи сказывается въ общемъ уже не разъ замѣченное раздѣленіе въ художественныхъ склонностяхъ и способностяхъ [1]); одни народы обладаютъ совершенствомъ въ изображеніи живыхъ и движущихся фигуръ (каменный вѣкъ въ Европѣ, эскимосы, чукчи, бушмены), другіе въ рисованіи орнаментовъ и геометрическихъ фигуръ (бронзовый вѣкъ, полинезійцы). Относительно чутья дикарей къ архитектоникѣ мы обращаемъ вниманіе художественно развитаго читателя на иллюстраціи въ путешествіяхъ. Пластика, какъ искусство, ставящее наибольшее требованіе относительно идеальнаго содержанія художественнаго произведенія, обращается у народовъ низкой культуры, въ соотвѣтствіи съ ихъ фантастическими и религіозными представленіями, къ сверхъестественнымъ формамъ, достигая, однако, иногда въ рѣзьбѣ (полинезійцы) нѣкотораго совершенства.

---

[1]) Hans Hildebrand: «Beiträge zur Kenntniss der Kunst der niederen Naturvölker». «Studien und Forschungen», hrsgb. von Nordenskjöld. Brockhaus. 1885. Стр. 289 до 386.

Digitized by Google

Слѣдуетъ еще упомянуть объ искусствѣ танцевъ, находящихся у насъ, культурныхъ народовъ, уже въ упадкѣ. Въ жизни дикаря всѣ искусства достигаютъ высшей точки въ танцахъ, и въ танцѣ высказываются всѣ движенія его души: къ танцу дикарь является разукрашенный всѣмъ, что ему даетъ его живопись и пластика; танецъ сопровождается музыкой и пѣніемъ; въ пѣсняхъ и въ танцѣ, какъ въ символическомъ дѣйствіи, проявляется творческая фантазія примитивнаго человѣка и отражается его духовная и матеріальная жизнь.

Уже по этому обзору можно видѣть, что умственныя способности, а вмѣстѣ съ этимъ также и воспріимчивость дикаря къ высшей культурѣ обыкновенно умаляются. Однако же, намъ пришлось читать въ одной новѣйшей антропологіи слѣдующее: «Конечно, не интеллигентность отличаетъ человѣка отъ животнаго, такъ какъ и животныя интеллигентны: собаки, лошади, слоны, лисицы и т. д., — разница между человѣческой и животной интеллигенціей хотя относительно и велика, но все же не существенна. Единственное, что насъ возвышаетъ надъ животными, это моральныя движенія нашей души, а они-то и отсутствуютъ почти совершенно при замѣчательно развитой интеллигентности у папуасца и еще у многихъ такъ называемыхъ первобытныхъ народовъ» [1]).

Такъ вотъ гдѣ центръ тяжести всего вопроса! Вотъ гдѣ осязательное различіе между настоящими культуртрегерами и «дикими животными»! Брать мораль за границу, хотя такая граница уже при малѣйшемъ размышленіи оказывается неопредѣленной и поэтому ненаучной, всетаки, очень заманчиво. Разсматривая, однако, сочиненія *v. Hellwald*'а, мы находимъ, что онъ рядомъ съ безнравственными качествами австралійцевъ и папуасцевъ, на которыхъ онъ основываетъ свои заключенія, указываетъ также и на нѣкоторыя очень достойныя и совершенно несовмѣстныя съ его жестокимъ приговоромъ качества (стр. 16, 17, 78, 79). Каждому спеціалисту ясно, что на ряду съ цитируемыми *Hellwald*'омъ отзывами наша географическая литература даетъ еще многочисленные другіе несравненно болѣе благопріятные, а также и болѣе неблагопріятные отзывы объ этихъ же народахъ, также какъ и о любомъ другомъ народѣ. Ему будетъ также ясно, что притягиваніе субъективныхъ, противорѣчащихъ другъ другу показаній можетъ служить только къ тому, чтобы показать всю ничтожную подготовку наблюдателей и недостатокъ критерія въ сужденіи о моральныхъ качествахъ какого нибудь народа.

[1]) Hellwald, ibid., стр. 73.

Digitized by Google

Изслѣдователю, во всякомъ случаѣ, необходимо отдѣлаться при подобныхъ вопросахъ отъ всѣхъ личныхъ сомнѣній и антипатій; ему необходимо стать на настоящую точку зрѣнія антрополога; его задача изучать человѣка въ его существѣ и въ развитіи его существа; онъ долженъ сознавать, что мораль не есть твердое понятіе, а въ каждомъ данномъ видѣ представляетъ сумму способныхъ къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ взглядовъ,—взглядовъ, которые вырабатываются изъ существующихъ общественныхъ и культурныхъ порядковъ, и только въ томъ смыслѣ постоянныхъ, что человѣкъ, не смотря на различные географическіе раіоны, является повсюду одинаковымъ въ своихъ потребностяхъ и сродственнымъ по духу.

Обыденное представленіе о дикарѣ то, что дикарь отличается неудержимыми страстями, грубостью, алчностью, разгульностью, своеволіемъ, самоуправствомъ и т. д., и т. д., словомъ, что онъ настоящій дикарь. Однако, право, не требуется никакого усиленнаго изученія, чтобы убѣдиться въ поверхностности подобнаго воззрѣнія. Между дикарями ничуть не господствуетъ кулачное право, какъ рѣшающій правовой принципъ, и безнравственность и разгулъ, какъ норма жизни. Духъ примитивныхъ человѣческихъ союзовъ (племенная орда — Stammhorde) скорѣе характеризуется тою справедливостью, которая естественно вытекаетъ изъ кооперації индивидуумовъ, соединяющихся для промысла; справедливость эта, однако, не сознательная, а, такъ сказать, инстинктивная. Чрезвычайно типично выступаетъ это инстинктивное чувство справедливости въ общности имущества, которое, простираясь на предметы самые разнородные и проявляясь въ различныхъ степеняхъ (иногда только въ остаткахъ или въ традиціяхъ), встрѣчается у всѣхъ народовъ земнаго шара. У эскимосовъ пойманный китъ принадлежитъ всей общинѣ; точно также и тюлень въ зимнее время. Хорошими долями изъ охотничьей добычи снабжаются не только участники охоты или тѣ, отъ которыхъ можетъ ожидаться подобный же даръ, но прежде всего больные и вдовы. Никто, даже бѣднѣйшій изъ всѣхъ, не проситъ подачки, такъ какъ знаетъ, что и онъ получитъ свою долю, если только есть еще что нибудь въ запасѣ [1]).

Очень интересенъ разсказъ Dr. J. Duboc'a о его безплодныхъ попыткахъ истребить въ австралійцахъ чувство общности. «Я дарю,—пишетъ онъ [2]),—прилежному пару штановъ

[1]) Klutschak: «Als Eskimo unter des Eskimos», Wien, 1881, стр. 233. Rink: «Tales and traditions of the eskimo», 1875. Hall: «Life with the esquimaux», 1884.

[2]) Duboc: «Die australischen Eingeborenen in Neu-England», «Ausland», 1862, стр. 594.

Digitized by Google

въ той надеждѣ, что затрону этимъ его эгоизмъ и поставлю его въ оппозицію къ менѣе счастливымъ. Но къ слѣдующему дню штаты обошли уже разныя непризванныя ноги и красуются, можетъ быть, какъ разъ на ногахъ того, котораго я хотѣлъ обойдти. Я даю одному изъ нихъ порцію муки—очень желанный предметъ, и надѣюсь вызвать этимъ зависть другихъ. Но въ тотъ же вечеръ разводится веселый костеръ, жарятся лепешки, и безъ различія моего и твоего все общество пируетъ, пока не съѣдена послѣдняя крошка. Всякій европейскій разсчетъ разбивается объ эту племенную общность, и никакой запретъ тутъ не помогаетъ. Тутъ наталкиваешься на естественный принципъ». Доведенное до тончайшихъ мелочей это инстинктивное понятіе справедливости встрѣчается въ поземельной общинѣ; мы разобрали это, напр., относительно примитивнаго русскаго міра [1]).

Мы здѣсь не можемъ остановиться на тѣхъ весьма многочисленныхъ доказательствахъ, которыя мы находимъ въ разныхъ видахъ общности имущества и которыя говорятъ въ пользу существованія примитивнаго чувства справедливости. Но да позволятъ хотя напомнить, въ виду многочисленныхъ выходокъ европейцевъ по поводу нечестности и лживости дикарей, во-первыхъ, о деморализирующемъ вліяніи самихъ европейцевъ, а, во-вторыхъ, о столь многообразныхъ примѣрахъ честности и правдивости дикихъ. Напомнимъ, напр., о томъ, что Lansdell [2]) приводитъ относительно остяковъ и самоѣдовъ. Само собою понятно, что изслѣдователь, говорящій о честности какого нибудь народа, прежде всего долженъ принять во вниманіе то, какъ этимъ народомъ понимается частная собственность. Киргизы, понятія о справедливости которыхъ мы разбирали въ другомъ мѣстѣ [3]), присягаютъ предъ судомъ только въ дѣлахъ незначительныхъ, такъ какъ, по ихъ увѣренію, при важныхъ вопросахъ имъ могли остаться неизвѣстными частности даннаго случая и, конечно, остались неизвѣстны внутренніе мотивы дѣйствующихъ лицъ. На обязанности присяжныхъ довѣренныхъ, выбранныхъ со стороны обвиняемаго, а не обвинителя, лежитъ изслѣдованіе дѣла и принесеніе присяги вмѣсто заинтересованныхъ сторонъ. Намъ нѣтъ надобности ближе входить въ то обстоятельство, что киргизы въ настоящее время подпали печальной порчѣ нравовъ. Относительная легкость, съ которой киргизы, какъ и

[1]) Petri: «Die Gemeindewirthschaft und der Bauer in Russland». «Mittheilungen der Ost-Schweiz. Geogr. Gesellsch.», 1884, выпускъ I, стр. 12—25.
[2]) Lansdell: «Durch Sibirien». Jena. Costenoble. 1882. T. I, стр. 91.
[3]) Petri: «Rechtsbegriffe der Kirgisen». «Ausland», 1886, № 4.

Digitized by Google

другіе народы низшей культуры, теряютъ свою честность и правдивость, объясняется тѣмъ, что нравственность у этихъ народовъ не сознательная, а, какъ уже сказано, инстинктивная, вызванная существующей формой хозяйства и общими соціальными условіями; съ потрясеніемъ и разрушеніемъ основъ ихъ быта, обычное право, издавна наслѣдованное, теряетъ всякую почву; первобытный человѣкъ впадаетъ, согласно человѣческой натурѣ, слишкомъ легко въ крайнее безправіе, которое, однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, носитъ на себѣ всегда печать моральной неустойчивости, а не печать безнравственности.

Намъ нужно затронуть еще нѣкоторые вопросы, которые получили бы вѣское значеніе, если бы мы о нихъ не упомянули. Вѣдь видятъ же въ «безчеловѣчной» жестокости и въ «унизительномъ» людоѣдствѣ дикарей подтвержденіе тому, что эти народы стоятъ на животной, а не на человѣческой ступени. Однако, мы не должны судить ни о жестокости, ни о людоѣдствѣ съ точки зрѣнія просвѣщеннаго европейца. Уже Lubbock чрезвычайно удачно признаетъ въ жестокости некультурнаго человѣка дѣтскую необдуманность и несдержанность [1]). «Большинство жестокостей, о которыхъ намъ сообщаютъ, — говоритъ онъ, — мы не должны считать намѣренными жестокостями, а скорѣе проявленіями дѣтскаго недомыслія и увлеченія». Впрочемъ, Lubbock самъ нечуждъ типическихъ взглядовъ европейца, такъ какъ онъ далѣе замѣчаетъ [2]): «Конечно, едва ли есть какое нибудь жестокое преступленіе, едва ли какой нибудь порокъ, которому не было бы аналогичныхъ въ Европѣ. Но то, что у насъ считается исключеніемъ, тамъ правило; то, что у насъ осуждается единогласно приговоромъ общества и практикуется только неразвитыми и дурными личностями, то у дикарей почти не возбуждаетъ вниманія и принимается за нѣчто, что само собою разумѣется. Миссіонеры, напр., утверждаютъ, что на Таитскихъ островахъ почти двѣ трети дѣтей убиваются ихъ родителями». Но какъ разъ послѣднее доказательство говоритъ намъ, что взглядъ Lubbock'a на безнравственность таитянъ не строго наученъ, а условленъ. Наши понятія о значеніи дѣтоубійства совершенно различны отъ понятій таитянъ и другихъ народовъ, у которыхъ встрѣчается дѣтоубійство [3]): эти

[1]) Lubbock: «Die vorgeschichtliche Zeit» etc. Перев. на нѣмецкій Passow, 1874, стр. 269.

[2]) Lubbock, ibid, стр. 270.

[3]) Gerland-Waitz, ibid., т. VI, стр. 305, 638, 779. Gerland: «Ueber das Aussterben der Naturvölker», Leipzig, 1868, стр. 59 и др. Ploss:

Digitized by Google

народы вѣрятъ въ благую и счастливую тѣлесную жизнь на томъ свѣтѣ; они легко поддаются своей страсти къ наслажденіямъ и своей нелюбви къ работѣ въ той увѣренности, что они убійствомъ ребенка укрѣпили за нимъ болѣе пріятную будущность, чѣмъ какая могла бы ему предстоять на землѣ. «Дѣтскія души считаются особенно святыми», «онѣ особенно благоугодны богамъ». Иногда побужденіемъ къ дѣтоубійству служитъ боязнь предъ уродами, тяжелыми родами и т. п. Какъ бы то ни было, у этихъ дѣтоубійцъ нѣтъ сознанія безнравственности ихъ поступка, что уже видно изъ того, что любовь къ дѣтямъ у нихъ развита въ высокой степени. Наконецъ, нужно еще замѣтить, что дѣтоубійство отнюдь не имѣетъ того обширнаго распространенія, которое ему приписывается по традиціи. Классическимъ примѣромъ въ этомъ случаѣ является все еще сильно распространяемая учеными и неучеными писателями басня о чрезвычайномъ распространеніи дѣтоубійствъ въ Китаѣ [1]).

Такимъ же условнымъ и ненаучнымъ, какъ полное осужденіе дѣтоубійства по масштабу нашей европейской морали, является осужденіе антропофагіи. Въ этомъ случаѣ даже такіе осторожные изслѣдователи, какъ Пешель, доходятъ до выраженій, какъ: «осквернение людоѣдствомъ», «обезчещеніе человѣческаго рода»... У многочисленныхъ племенъ несомнѣнно существуетъ «людоѣдство изъ похоти» на ряду «съ людоѣдствомъ по нуждѣ», къ которому и европейцу иногда приходится прибѣгать [2]). Но съ другой стороны мы знаемъ, что въ своей первоначальной формѣ людоѣдство связано съ той идеей, что качества того, котораго съѣдаютъ (относится и къ животнымъ), переходятъ къ тому, который съѣдаетъ [3]), или съ той идеей, что съѣденіемъ умершихъ родственниковъ послѣднимъ дается почетное погребеніе [4]), и съ другими суевѣрными представленіями. Какъ бы то ни было, изслѣдователь долженъ всегда обращать свое вниманіе на то, на сколько людоѣдство

«Das Kind in Brauch und Sitte der Völker», 2-е изданіе, Berlin, 1883, т. II, стр. 243 и др.

[1]) Смотри опроверженіе этой басни у M. Heyne и W. Schott: «Ueber den Kindermord der Chinesen», Erman's Archiv f. wiss. Kunde von Russland, т. XVIII, 1859. стр. 518. См. также H. Herisson: «Tagebuch eines Dolmetschers in Chiana», Augsburg u. Leipz., 1886, стр. 98.

[2]) Schaffhausen, ibid., глава 23: «Ueber Menschenfresserei und Menschenopfer», стр. 515—581.

[3]) Schaffhausen, ibid., стр. 518. Peschel-Kirchhoff: «Völkerkunde», 5 изд., Leipzig, 1881, стр. 33, 160.

[4]) Bastian: «Der Papua des dunklen Inselreiches» etc., Berlin, 1885, стр. 16 и 19.

Digitized by Google

или человѣческія жертвоприношенія нужно отнести на счетъ религіозныхъ представленій или какихъ нибудь традицій.

Въ виду всѣхъ этихъ явленій, которыми много разъ пользовались, чтобы представить дикарей какъ неисправимыхъ жестокихъ звѣрей, намъ слѣдуетъ въ концѣ концовъ еще указать на поступки европейцевъ: напомнимъ о древнихъ римлянахъ, о характерѣ столь воспѣтыхъ среднихъ вѣковъ, объ ужасахъ колоніальной исторіи, о рабствѣ, объ истребленіи и эксплоатированіи народовъ низшей культуры, о тѣхъ вызывающихъ ужасъ смертныхъ казняхъ, какія примѣнялись еще въ прошломъ столѣтіи (Паткуль), о смертоносныхъ войнахъ нынѣшняго столѣтія и т. д., и т. д.; къ этому присоединяется еще у насъ, европейцевъ, то обстоятельство, что мы сознаемъ всю преступность нашего поступка, что̀ у дикаря, не дающаго себѣ отчета и обычаемъ направленнаго на жестокости, встрѣчается только въ исключительныхъ случаяхъ или при столкновеніи съ европейцами.

Вспомнимъ, наконецъ, еще то обстоятельство, что и у насъ, европейцевъ, было время, когда насъ считали за варваровъ. Вспомнимъ достопримѣчательныя слова, которыя Вилліямъ Питтъ въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей бросилъ въ лицо защитникамъ рабства: «Why might not some Roman senator, reasoning upon the principles of some honourable members of this house, and pointing to British barbarians, have predicted with equal boldness: «There is a people, that will never rise to civilization, there is a people destined never to be free,—a people without the understanding necessary for the attainment of useful arts, depressed by the hand of nature below the level of the human species. and created to form a supply of slaves for the rest of the world». Might not this have been said, according to the principles wich we now hear stated, in all respects as fairly and truly of Britain herself, at that period of her history, as it can now be said by us, of the inhabitants of Africa [1])».

---

[1]) Memoirs of the R. Hon. William Pitt, London, 1839, стр. 474. «Почему какой либо римскій сенаторъ, основываясь на принципахъ нѣкоторыхъ почтенныхъ членовъ этого собранія, не могъ бы предсказать съ такой же смѣлостью и относительно (древнихъ) британцевъ-варваровъ: «Вотъ народъ, который никогда не достигнетъ цивилизаціи; вотъ народъ, предназначенный на вѣчное рабство,—народъ, не имѣющій способностей, необходимыхъ для усвоенія полезныхъ искусствъ, самой природой своей поставленный ниже уровня человѣческаго рода и созданный для доставленія нужнаго числа рабовъ для остальнаго міра». Не могло ли это быть сказано согласно принципамъ, сейчасъ нами слышаннымъ, такъ же хорошо и правдиво о самой Британіи, въ тотъ періодъ ея исторіи, какъ это можетъ быть сказано нами теперь объ обитателяхъ Африки».

Digitized by Google

Еще меньшее значеніе, чѣмъ жестокости дикарей, мы придаемъ отсутствію у нихъ религіи и нравственности, что̀ нѣкоторыми изслѣдователями такъ выставляется на видъ. Въ первомъ случаѣ дѣло обыкновенно въ томъ, что остается невыясненнымъ, что̀ нужно понимать подъ религіознымъ чувствомъ; иногда же миссіонеры ставятъ свои вопросы очень неподходящимъ образомъ [1]).

Во всякомъ случаѣ мы не обладаемъ ни однимъ достовѣрнымъ указаніемъ на существованіе совершенно нерелигіозныхъ народовъ [2]). Что касается безнравственности, то мы отнюдь не желаемъ въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ, отношеніи идеализировать дикаря и выставлять его во что бы то ни стало совершенно невиннымъ. Мы считаемъ, однако, своей обязанностью указать на феноменальный недостатокъ въ пониманіи примитивныхъ формъ отношенія половъ у обыденныхъ изслѣдователей; на ряду съ этимъ обыденное сужденіе европейца поддается особенно грубости, неприкрашенности половыхъ отношеній у дикарей [3]). Всѣмъ извѣстно, что оба эти момента слишкомъ часто помрачали сужденіе европейца. Читать европейцамъ мораль намъ едва ли необходимо: изощренные пороки нашей культуры слишкомъ хорошо извѣстны.

На предыдущихъ страницахъ мы высказали наше мнѣніе о духовныхъ и нравственныхъ качествахъ такъ называемыхъ дикарей и считаемъ себя въ правѣ на основаніи этихъ качествъ

---

[1]) Если бы Bick (у Lubbock'a: «Entstehung der Civilisation», на нѣмецк. перев. Passow, Jena, 1875, стр. 175), вмѣсто того, чтобы спрашивать арафуръ: «Къ кому они прибѣгаютъ за помощью, если находятся въ нуждѣ и если ихъ корабли застигнуты бурей?» спросилъ бы: «Кого они стараются умилостивить для того, чтобы онъ остановилъ бурю», то Bick получилъ бы, по всей вѣроятности, удовлетворительный отвѣтъ. Характерно далѣе то, что миссіонеры приходили къ заключенію объ отсутствіи религіи, если туземцы не могли ничего сообщить «о могущественномъ богѣ, создателѣ и вседержителѣ міра, свидѣтелѣ ихъ поступковъ и будущемъ судьѣ ихъ дѣяній» (Laug: «Ueber die Australier», Lubbock'a, ibid., стр. 175).

[2]) Peschel-Kirchhoff: «Völkerkunde», 5 изд., Leipzig, 1881, стр. 260. Очень мѣтко говоритъ Bastian: «Каждый индивидуумъ обладаетъ религіей или задатками религіи». «Der Papua des dunklen Inselreiches etc», Berlin, 1885, стр. XI.

[3]) Waitz: «То, что у чужихъ народовъ сильно отличается отъ нашихъ собственныхъ нравовъ, то въ нашихъ глазахъ является легко и уже само по себѣ болѣе неразумнымъ и извращеннымъ, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ бываетъ; въ особенности же тамъ, гдѣ въ насъ вызываетъ отвращеніе и насъ отталкиваетъ грязь, грубость и нищета, мы мало склонны подвергнуть каждый отдѣльный фактъ тому болѣе точному разсмотрѣнію, какого онъ требуетъ, если хотятъ его понять въ связи съ духомъ и внутреннею жизнью народа, у котораго онъ встрѣчается: намъ въ подобныхъ случаяхъ легче бросить приговоръ, а съ нимъ вмѣстѣ готово и осужденіе народа въ неспособности къ культурѣ». («Anthropologie der Naturvölker», т. I, Leipzig, 1859, стр. 381).

Digitized by Google

утверждать, что они способны къ культурѣ. Однако же, всѣ наши доводы могутъ быть окончательно потрясены тѣмъ, что народы низшей культуры обыкновенно гибнутъ при прикосновеніи съ культурными народами. Въ одной изъ прежнихъ статей нашихъ [1]) мы разбирали причины этого печальнаго явленія, извѣстнаго подъ именемъ «вымиранія первобытныхъ народовъ». Мы говорили о прямомъ истребленіи народовъ низшей культуры (въ борьбѣ съ европейцами, въ междоусобіяхъ, отъ завезенныхъ болѣзней, излишествъ и т. д.), также какъ и о непрямомъ истребленіи (благодаря недостаточной возможности конкуррировать съ европейцами; отъ эксплоатаціи, которая облегчается дѣтскою безпечностью дикарей; отъ деморализаціи, благодаря водкѣ); послѣдняя форма истребленія въ сущности является болѣе опасною, такъ какъ она дѣлаетъ невозможнымъ увеличеніе населенія, отнюдь не исключенное при прямомъ истребленіи, и новый расцвѣтъ его [2]).

Однако, мы пришли къ тому убѣжденію, что съ прогрессомъ культуры раньше или позже будетъ само собою пріостановлено прямое истребленіе инородцевъ. Вреду образа жизни первобытныхъ народовъ можно приписать только второстепенное значеніе; подобныя обстоятельства могутъ несомнѣнно губительно вліять на отдѣльныя племена, но не на цѣлые народы. Болѣе роковой и втеченіе времени болѣе опасной является психическая сторона вопроса: унизительное, обезчещивающее и надламывающее силу характера положеніе инородца относительно культуртрегера и измѣненіе его характера подъ вліяніемъ его пороковъ, которые ему обыкновенно прививаетъ культура. Самое же главное затрудненіе мы видимъ въ соціальныхъ условіяхъ, въ роковомъ результатѣ непосредственнаго столкновенія совершенно разнородныхъ культуръ.

«Такое столкновеніе, появленіе новыхъ соціальныхъ силъ и понятій представляется въ высшей степени затруднитель-

---

[1]): Petri: «Ursachen des Aussterbens» etc., ibid.

[2]) Gerland въ своемъ уже упомянутомъ нами этюдѣ объ индѣйцахъ («Globus», т. 35 и 36) приводитъ вѣскія доказательства въ пользу несуществованія «естественнаго закона», по которому такъ называемые первобытные народы должны гибнуть при прикосновеніи съ культурными народами. Дальнѣйшія подробности объ индѣйскомъ вопросѣ мы находимъ въ «Ausland», 1885 (стр. 321). Мы также занялись этимъ вопросомъ («Восточное Обозрѣніе», 1886, № 4) и пришли къ заключеніямъ, согласнымъ съ заключеніями Gerland'a, не смотря на то, что во многомъ могли бы упрекнуть статистику «Annual Reports». Интересны выводы относительно того, что число готтентотовъ въ настоящее время не уменьшается. Sir Bartle Frere выставляетъ на видъ благопріятное вліяніе британцевъ также и на Намаквѣ и Дамарѣ «On the laws affecting the relations between civilized and savage life» etc. Journal of the Anthropological Institute, vol. XI, 1882, стр. 313—352).

Digitized by Google

нымъ и опаснымъ даже и для способныхъ къ сопротивленію культурныхъ народовъ. Взглядъ на исторію европейской промышленности, а именно на исторію борьбы фабричной промышленности съ ремесломъ, крупнаго капитала съ мелкимъ и т. д., знакомитъ насъ съ роковой стороной переворотовъ, вызываемыхъ новыми изобрѣтеніями, новыми отраслями промышленности, и съ естественной неизбѣжностью исчезновенія элементовъ, менѣе соотвѣтствующихъ требованіямъ времени и борьбы».

«Безчисленныя, безвѣстныя и безъименныя жертвы вызываются среди культурныхъ народовъ непрерывными преобразованіями соціальныхъ отношеній—таковъ «рокъ» этихъ народовъ. Безъ борьбы гибнутъ подъ вліяніемъ этого процесса народы низшей культуры» [1]).

Въ средѣ культурныхъ народовъ классъ рабочихъ является въ сравненіи съ лучше поставленными классами въ весьма неблагопріятномъ положеніи по отношенію къ продолжительности жизни, къ участію въ культурныхъ и жизненныхъ наслажденіяхъ и въ своихъ видахъ на укрѣпленіе за нимъ человѣческихъ правъ; въ еще болѣе высокой и для существованія ихъ еще болѣе роковой степени это касается народовъ низшей культуры.

Мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что нашъ вѣкъ напрягаетъ всѣ усилія свои къ тому, чтобы выработать новыя экономическія формы, которыя могли бы уравнять соціальныя различія.

Эти формы дадутъ намъ со временемъ возможность стать въ нашемъ отношеніи къ народамъ низшей культуры на болѣе справедливый и гуманный путь и провести и на практикѣ то, что мы теперь требуемъ теоретически—культивированіе дикарей.

Такимъ образомъ народы низшей культуры должны считаться за равноправныхъ собратій культурныхъ народовъ; они остались на низшей ступени культуры только благодаря тяжелому сцѣпленію географическихъ и историческихъ условій. Народы низшей культуры не лучше и не хуже культурныхъ людей. Они стоятъ на различныхъ ступеняхъ человѣческаго развитія.

Добродѣтели, а не менѣе того и пороки ихъ имѣютъ главнымъ образомъ инстинктивный характеръ; они могутъ, смотря по внѣшнимъ обстоятельствамъ, быть подавлены или еще болѣе

[1]) Петри: «Причины вымиранія народовъ низшей культуры», «Восточное Обозрѣніе», 1885, № 4.

Digitized by Google

развиться. Дикарю свойственны въ скрытомъ или зародышевомъ состояніи хорошія и плохія качества культурнаго человѣка. При благопріятныхъ обстоятельствахъ и съ нѣкоторыми усиліями, дикаря можно сдѣлать культурнымъ человѣкомъ, но еще гораздо легче, при плохомъ обращеніи, погубить его, благодаря слабости человѣческой натуры, окончательно.

Э. Петри.

Digitized by Google

Исторія просвѣщенія въ Сибири и университетскій вопросъ.

Вопросъ объ университетѣ въ Сибири представлялъ недавно вопросъ вполнѣ законченный, вырѣшенный и на половину перешедшій въ дѣйствительность. Какъ извѣстно, зданія для сибирской alma mater, со всей надлежащей обстановкой, давно готовы. Со стороны учащихся начали поступать уже прошенія для зачисленія ихъ въ студенты будущаго университета, сибирское юношество мечтало о томъ, чтобы основаться въ своемъ родномъ университетѣ, а общество начало основывать стипендіи. Есть уже нѣкоторые профессора въ Европейской Россіи, пожелавшіе посвятить свою дѣятельность преподаванію наукъ въ Сибирскомъ университетѣ. Сибирское общество, въ лицѣ его лучшихъ образованныхъ представителей, съ нетерпѣніемъ ждетъ открытія университета, дѣятельность котораго можетъ благотворно воздѣйствовать на дремлющія силы забытаго края. Сибирская печать, какъ выразительница мѣстнаго общественнаго самосознанія, констатируетъ фактъ живѣйшаго сочувствія университету со стороны мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ, вопросъ объ университетѣ въ Сибири считался безспорнымъ, и была вѣроятность, что въ самомъ близкомъ будущемъ послѣдуетъ открытіе ожидаемаго высшаго учебнаго заведенія,—такъ, по крайней мѣрѣ, думали всѣ сибиряки, принимающіе горячо къ сердцу судьбы дорогой имъ родины. Казалось, можно бы надѣяться, что уже миновала грустная для сибиряковъ пора, когда появлялись люди, отрицавшіе въ принципѣ всякую необходимость университета на Русскомъ Востокѣ. Можно было бы ожидать, что въ виду совершившагося факта и многолѣтняго обсужденія вопроса не найдутся скептики, отрицающіе потребность университета на нашей окраинѣ. Дѣй-

Digitized by Google

ствительно, сомнѣнія относительно университета въ Сибири уже не могутъ имѣть никакого серьезнаго значенія, и всѣ истинные друзья народнаго просвѣщенія единодушно признаютъ и заявляютъ, что давно пора дать Сибири университетъ, что будетъ наисправедливѣйшей мѣрой въ отношеніи этого несчастнаго края, претерпѣвшаго массу невзгодъ въ своей прошлой жизни. Въ виду, однако, долгихъ ожиданій, колебаній и различныхъ мнѣній, высказываемыхъ по поводу его необходимости, приходится еще и еще разъ обратиться къ этому вопросу послѣ 25-ти-лѣтней борьбы за него въ печати, въ обществѣ и еще разъ разсмотрѣть положеніе края и спросить: «Нуженъ ли университетъ Сибири?»

Готова ли Сибирь къ воспринятію университета, и не есть ли учрежденіе въ ней университета нѣчто принесенное извнѣ, искусственно затѣянное? Вотъ вопросы, которые мы ставимъ задачею разрѣшить въ настоящемъ очеркѣ. Масса жизненныхъ фактовъ, положеніе учебнаго дѣла, потребность въ образованіи, чувствующаяся повсюду на окраинѣ, вся ея предшествовавшая исторія, повидимому, отвѣчаютъ, что Сибирь вполнѣ созрѣла для университета, который теперь для нея составляетъ насущнѣйшую потребность. И дѣйствительно, если заглянуть въ прошлое Сибири, если посмотрѣть на то, какъ развивалось въ ней народное образованіе и какія перипетіи испыталъ ея университетскій вопросъ, то у васъ получится, можетъ быть, убѣжденіе, что именно теперь-то и насталъ моментъ, къ сожалѣнію, продолжающійся уже годы, когда въ Сибири необходимо открыть университетъ.

Для убѣжденія во всемъ этомъ мы начнемъ нашъ очеркъ съ исторіи образованія въ Сибири. Изъ него читатели увидятъ сами собою, до какой степени потребности въ образованіи въ Сибири были многосторонни, какъ съиздавна правительство старалось удовлетворить этимъ потребностямъ, сколько спеціальныхъ и общихъ учебныхъ заведеній оно принуждено было создавать, и до какой степени всѣ эти потребности и нужды учебнаго дѣла на Востокѣ все болѣе ростутъ и умножаются.

До конца первой половины прошлаго столѣтія во всей Сибири существовала всего одна школа, а именно при тобольскомъ митрополичьемъ дворѣ, куда и отправлялись всѣ лица, желавшія выучиться грамотѣ и занять мѣста въ рядахъ духовенства. Въ Томскѣ же, со времени самаго его основанія въ 1604 году, втеченіе 140 лѣтъ первоначальнаго его существованія, не было вовсе какого либо училища; безграмотность и невѣжество были общія даже въ рядахъ его духовенства. Такъ, напримѣръ, на присяжномъ листѣ, какъ то видно изъ

Digitized by Google

дѣлъ архива томскаго Алексѣевскаго монастыря за 1732 годъ, по которому должно было духовенству совершить клятвенное обѣщаніе, большая часть духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ и протоіерей соборной Троицкой церкви, не подписались собственноручно, отзываясь болѣзнею очей, а объ іеромонахѣ Алексѣевскаго монастыря и священникѣ томской городской Воскресенской церкви Большининѣ прямо уже указано, что они писать не умѣютъ, и только въ 1744 году 30 октября преосвященный Антоній, митрополитъ тобольскій и сибирскій, предложилъ настоятелю томскаго Алексѣевскаго монастыря іеромонаху Авксентію учредить при управляемомъ имъ монастырѣ училище, съ тѣмъ, «чтобы дѣти священно-церковно-служителей обучались въ томъ училищѣ и въ надежду священства—читать, пѣть, писать и изъ катехизиса». Вслѣдствіе такого приказанія и были собраны, какъ видно изъ промеморій Алексѣевскаго монастыря отъ 22 марта 1745 года, тридцать человѣкъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей въ монастырь, для обученія славянской грамотѣ, и изъ числа тѣхъ дѣтей удостоились пріема только 22 человѣка, остальные же 8 удалены, такъ какъ «се при разборѣ явились и возрастными, и средовѣчными, лѣтъ 35 и 45, и грамотѣ неученными и за средовѣчіемъ къ ученію принять не способными». Такъ образовалась въ Томскѣ первая школа и затѣмъ только въ концѣ прошлаго столѣтія, въ 1789 году, открыто было въ Томскѣ народное училище и одновременно такое же училище въ городѣ Нарымѣ [1]).

Самыми крупными учебными заведеніями въ Сибири, въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX столѣтія, до пріѣзда Сперанскаго, были двѣ семинаріи, въ Тобольскѣ и Иркутскѣ, но существованіе ихъ,—какъ характеризуетъ исторія,—не ознаменовалось ничѣмъ замѣтнымъ въ дѣлѣ мѣстнаго просвѣщенія, кромѣ развѣ того, что при тобольской семинаріи сохранились нѣкоторыя сибирскія лѣтописи о покореніи Сибири. Воспитаніе въ этихъ семинаріяхъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, отличалось схоластичностью; онѣ были разсадникомъ семинарской педантичности; на своихъ экзаменахъ и актахъ онѣ выгружали цѣлую массу хрій, одъ и напыщенныхъ сочиненій. Наука ихъ ничѣмъ не была связана съ сибирскою жизнью. Въ 1791 году въ Тобольскѣ даже издавался при главномъ народномъ училищѣ, подъ редакціей Сумарокова, литературный журналъ «Иртышъ,

[1]) Мы постарались соединить въ этомъ очеркѣ всю исторію развитія учебнаго дѣла въ Сибири, хотя въ главныхъ чертахъ, руководствуясь матеріалами памятныхъ книжекъ, массой статей, рѣчей, произнесенныхъ по поводу закладки зданія университета (рѣчи профессора Флоринскаго, Дмитріева-Мамонова и др.), а также свѣдѣніями изъ «Журн. Минист. Народнаго Просвѣщенія».

Digitized by Google

превращающійся въ Ипокрену»; изданіе это наполнялось псевдоклассическими подражаніями и риторическимъ стихоплетствомъ, за что получило достойный приговоръ отъ образованнаго человѣка того времени, Словцова, сказавшаго въ своей исторіи, что «вмѣсто того, чтобы заняться сообщеніемъ интересныхъ свѣдѣній о Сибири, издатели пустились обезьянничать словесности и поэзіи пошлой». Стремленіе къ образованію въ сибирскомъ обществѣ въ это время было еще очень слабо; иркутскіе чиновники старались только выучить дѣтей своихъ грамотѣ и отдать ихъ поскорѣе на службу; купцы пріучали дѣтей съ раннихъ лѣтъ ходить съ обозами и торговать въ Якутскѣ и Ирбити, въ образованіи же ихъ не нуждались. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, передъ пріѣздомъ Сперанскаго, были основаны двѣ гимназіи: тобольская и иркутская въ 1806 году. Въ тобольской до 1823 года число учениковъ не превышало 27; увеличенію числа ихъ препятствовала тѣснота училищныхъ помѣщеній. Въ иркутской гимназіи при основаніи было 35 учениковъ, а въ 1825 году—47. Около этого же времени открыты уѣздныя и приходскія училища въ Тобольскѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ и Енисейскѣ. Въ Томскѣ продолжало существовать простое народное училище. Кромѣ того, въ 1821 году учреждено было въ Тобольскѣ училище для дѣтей почтовыхъ служителей, на 40 воспитанниковъ, которые должны были, окончивъ курсъ, поступать въ почтовое вѣдомство.

Нельзя умолчать также о попыткахъ устройства народныхъ училищъ. Въ 1816 году, по настоянію Словцова, бывшаго директоромъ иркутской гимназіи, основано было въ Иркутской губерніи до 18 народныхъ школъ. На устройство училищъ пожертвовано было 5,000 рублей; кромѣ того, инородческія крестьянскія общества обязались содержать училища на свой счетъ. Училища эти, однако же, не нашли сочувствія и поддержки въ администраціи Трескина и Пестеля. Открывъ школы, Трескинъ отказался отпускать содержаніе учителямъ изъ общественныхъ суммъ; общества также перестали заботиться о содержаніи училищъ и, видя равнодушіе къ нимъ начальства, пожелали уничтожить ихъ; вопросъ объ этомъ возбуждался нѣсколько разъ. Нельзя безъ удивленія видѣть, замѣчалъ по этому поводу губернаторъ Зеркалевъ, что губернское начальство, содѣйствуя открытію училищъ, въ то же время возбуждало вопросъ объ ихъ уничтоженіи.

Съ 1754 года въ Иркутскѣ существовала навигацкая, а въ концѣ прошедшаго столѣтія городская — школы, которыя впослѣдствіи были соединены въ главное народное училище.

Digitized by Google

Въ Иркутской навигацкой школѣ воспитывался одинъ изъ образованнѣйшихъ и полезнѣйшихъ людей въ Сибири за время Сперанскаго —Лосевъ. [1]) Вообще навигацкія школы принесли въ свое время много пользы. Въ 1806 году были учреждены гимназія (взамѣнъ народнаго училища), уѣздное и приходское училища. Во всѣхъ трехъ было въ 1816 году 209, а въ 1823 году 294 ученика, не смотря на тѣсноту помѣщеній. Кромѣ того, въ Иркутской губерніи существовало нѣсколько уѣздныхъ училищъ.

Спеціальныя учебныя заведенія военнаго вѣдомства также составляли одно изъ средствъ къ развитію образованія въ тогдашней Сибири. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимало омское казачье училище (нынѣ кадетскій корпусъ). Это было закрытое учебное заведеніе, собственно для дѣтей казачьяго сословія; но въ немъ, частнымъ образомъ, допускались и приходящіе ученики изъ другихъ сословій. Курсъ его, за исключеніемъ древнихъ и нѣмецкаго языковъ, равнялся тогдашнему гимназическому, а въ точныхъ наукахъ былъ даже выше послѣдняго. Сверхъ того, въ немъ, по крайней мѣрѣ, въ тридцатыхъ годахъ, читались нѣкоторыя спеціально-военныя науки. При осмотрѣ Сперанскимъ въ 1819 году заведеніе это найдено было въ блестящемъ состояніи. Впослѣдствіи это военно-учебное заведеніе играло весьма видную роль въ просвѣщеніи наравнѣ съ гимназіями. Изъ него окончившіе курсъ переходили въ высшія учебныя заведенія, даже въ университеты, а число окончившихъ курсъ изъ такихъ было довольно значительно. Это учебное заведеніе дало не только военныхъ, но и гражданскихъ дѣтей, а также представителей науки. Военно-сиротскія отдѣленія находились въ Тобольскѣ, Омскѣ, Иркутскѣ и Селенгинскѣ. Они тогда были весьма далеки отъ того казарменнаго состоянія, въ какомъ находились впослѣдствіи, по преобразованіи въ баталіоны военныхъ кантонистовъ. Курсъ ученія въ нихъ былъ довольно удовлетворителенъ. И изъ нихъ вышло много людей, замѣчательныхъ въ тогдашней Сибири по своимъ способностямъ и свѣдѣніямъ. Они выходили на службу и играли видную роль въ администраціи. Люди способные, выйдя изъ заведенія, должны были довершать свое образованіе домашнимъ путемъ. Особенно славилось омское отдѣленіе, хотя оно и уступало казачьему училищу. Сперанскій принималъ участіе въ этихъ заведеніяхъ: осматривалъ ихъ при объѣздѣ Сибири, присут-

[1]) Лосевъ оставилъ обширныя изслѣдованія и записки съ топографическимъ, географическимъ и экономическимъ описаніемъ тогдашней Сибири, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не изданныя.

Digitized by Google

ствовалъ на годичныхъ экзаменахъ въ иркутскомъ и тобольскомъ отдѣленіяхъ и собралъ въ Кяхтѣ довольно значительную сумму на содержаніе селенгинскаго отдѣленія, которое онъ нашелъ въ бѣдномъ состояніи. По его иниціативѣ, въ иркутскомъ отдѣленіи была учреждена первая въ Сибири ланкастерская школа.

Въ Омскѣ существовала еще школа инженернаго вѣдомства; но объ ней намъ извѣстна только замѣтка Сперанскаго, что въ ней было болѣе основательности, но менѣе чистоты и блеска, нежели въ казачьей [1]).

Навигацкія школы составляли одно изъ любопытнѣйшихъ явленій своего времени. Онѣ вообще принесли много пользы тамъ, гдѣ были учреждены; а въ Сибири, при общемъ недостаткѣ средствъ къ образованію, можетъ быть, даже болѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Въ Иркутскѣ навигацкая школа слилась впослѣдствіи съ главнымъ народнымъ училищемъ; но въ Охотскѣ она продолжала существовать самостоятельно, только подъ другимъ названіемъ—мореходной или штурманской школы. Начало Охотской навигацкой школы относятъ еще къ 1732 году. Состояніе ея вообще было мало удовлетворительно. Главною причиною тому было совершенное неимѣніе опредѣленныхъ средствъ на содержаніе школы. Съ 1790 года ассигнована была на содержаніе иркутской и охотской школъ опредѣленная сумма. Но и послѣ того охотская школа шла плохо. Въ 1809 году при Миницкомъ, въ школѣ было уже 27 учениковъ, и Миницкій надѣялся въ слѣдующемъ году замѣнить ими недостатокъ въ штурманскихъ ученикахъ. Преподаваніемъ въ школѣ занимались преимущественно флотскіе офицеры. Число учениковъ въ школѣ увеличивалось; съ 1821 года на содержаніе школы ассигновалось ежегодно 3,646 р. 4 3/4 к. Сумма на содержаніе штурманскаго училища въ портахъ Тихаго океана отпускалась до 1870 года; съ этого времени она обращена на содержаніе прогимназіи въ Николаевскѣ [2]).

Князь Шаховской, находясь въ Гижигѣ, нашелъ, что дѣти тамошнихъ казаковъ не имѣютъ возможности чему нибудь учиться. Между тѣмъ находившійся тамъ купецъ Петръ Барановъ, вслѣдствіе воззванія Трескина въ 1815 году, пожертвовалъ для училища домъ и 500 р. денегъ. Шаховской, имѣя въ виду эти средства, открылъ 5 мая 1819 года учи-

[1]) Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири съ 1819 по 1822 г. Собраны В. Вагинымъ. Т. II. Спб. 1872 г. Стр.: 127, 128 и 129.

[2]) Тамъ же, стр.: 134, 135, 136.

Digitized by Google

лище для казачьихъ дѣтей и представилъ о томъ на утвержденіе генералъ-губернатора. Сперанскій нашелъ, что средства на содержаніе училища были на первый случай довольно достаточны, и предложилъ Словцову принять училище подъ его покровительство. Словцовъ отвѣчалъ, что о принятіи училища онъ сдѣлалъ распоряженіе, и что оно будетъ содержаться на правахъ приходскихъ училищъ. «Впрочемъ, — прибавлялъ Словцовъ,—и самое училище, по ненадежности своего содержанія и по отдаленности отъ всякаго надзора, есть заведеніе сумнительное» [1]).

Лучшее устройство учебной части было предметомъ особыхъ попеченій Сперанскаго, какъ и всѣ остальные предметы правительственной дѣятельности въ Сибири. Образованнѣйшій человѣкъ, на долю котораго выпало заправлять судьбами окраины, понялъ, въ какомъ заброшенномъ состояніи она была. Мы имѣемъ немного фактовъ, относящихся къ этому предмету, но они въ высшей степени любопытны. Одною изъ первыхъ попытокъ его въ этомъ родѣ было учрежденіе въ Иркутскѣ ланкастерской школы. Ланкастерская метода, въ свое время важное улучшеніе въ дѣлѣ народнаго образованія, была еще совершенною новостью въ Россіи и только что начала вводиться. «Къ счастью,—пишетъ Сперанскій,—со мною была книжка о сей методѣ, и все вскипѣло». Дѣйствительно вскипѣло: письмо, въ которомъ объ этомъ говорится, помѣчено 23 сентября 1819 года; слѣдовательно, тогда не прошло еще и мѣсяца со времени пріѣзда Сперанскаго въ Иркутскъ.

Въ числѣ предположеній Сперанскаго въ отношеніи къ образованію было и намѣреніе возстановить въ Иркутскѣ изученіе языковъ китайскаго, манчжурскаго, монгольскаго, тибетскаго и японскаго (родъ восточнаго факультета). Вслѣдствіе этого намѣренія, при отправленіи Тимковскаго въ Пекинъ, Сперанскій поручалъ ему купить книгъ на китайскомъ и манчжурскомъ языкахъ. Тимковскій купилъ 20 книгъ въ 115 томахъ и 30 тетрадяхъ. Къ образованію училища встрѣтилось на первыхъ порахъ то препятствіе, что трудно было найдти въ него учениковъ. Иркутскій губернаторъ Цейдлеръ надѣялся устранить это препятствіе назначеніемъ учениковъ изъ воспитательнаго дома. Сперанскій былъ совершенно согласенъ съ этою мыслью; было сдѣлано распоряженіе о составленіи подробнаго проекта объ училищѣ, но потомъ это дѣло было забыто [2]).

[1]) Тамъ же, стр. 138.
[2]) Тамъ же, стр. 139 и 140.

Digitized by Google

Изъ краткаго обзора состоянія народнаго образованія въ Сибири до Сперанскаго и за время этого знаменитаго администратора видно, какъ чрезвычайно медленно возникали какія либо школы. Сибирь впродолженіе цѣлыхъ полуторыхъ сотъ лѣтъ со времени присоединенія ея къ Россійской имперіи не имѣла училищъ для воспитанія и образованія своихъ нарождающихся поколѣній. И только въ концѣ XVIII вѣка, въ началѣ XIX-го да во время управленія Сперанскаго народному образованію въ Сибири было положено начало и данъ нѣкоторый толчекъ. Сперанскій что можно было сдѣлалъ, въ свое краткое пребываніе въ Сибири, въ дѣлѣ народнаго образованія въ этомъ краю. Надо помнить, что у Сперанскаго рѣшительно не было достойныхъ помощниковъ, которымъ онъ могъ бы довѣрить осуществленіе своихъ проектовъ. Гимназіи, открытыя незадолго до прибытія въ Сибирь Сперанскаго, не могли еще дать значительнаго контингента людей съ среднимъ образованіемъ, способныхъ къ дѣятельности хотя бы на низшихъ ступеняхъ служебнаго поприща, а людей съ высшимъ образованіемъ въ Сибири вовсе не было, а потому и исполнителей для успѣха своихъ законодательныхъ мѣръ Сперанскій въ Сибири не находилъ, изъ Россіи же все просились «титулярные совѣтники», какъ писалъ Сперанскій Кочубею, которые вслѣдствіе своего невѣжества и указа объ университетскихъ экзаменахъ не имѣли возможности получить чинъ ассессорскій, «толико вожделѣнный». Такіе люди просились въ Сибирь какъ при Сперанскомъ, такъ и послѣ него, и, будучи ограничены въ свѣдѣніяхъ, не приносили никакой пользы краю, предаваясь исключительно канцелярской дѣятельности [1]).

Однако, не смотря на неблагопріятно сложившіяся историческія условія для Сибирскаго края, не смотря на слишкомъ запоздалое возникновеніе народнаго образованія въ Сибири, мы, всетаки, должны признать, что развитіе образованія въ Сибирскомъ краѣ, разъ получивъ нѣкоторое движеніе, пошло быстро впередъ. Это особенно будетъ видно изъ дальнѣйшаго бѣглаго обзора просвѣщенія въ Сибири со времени отъѣзда Сперанскаго до нашихъ дней. Конечно, нельзя сказать, что дѣло образованія въ Сибири въ XIX вѣкѣ шло безъ затрудненій и задержекъ; оно довольно-таки иногда спотыкалось. Бывали случаи, что вмѣсто того, чтобы открывать новыя школы, закрывали и тѣ немногія, какія существовали. Такъ послѣ Сперанскаго сельскія училища быстро начали закрываться. Нижне-

[1]) Рѣчь, сказанная А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ при закладкѣ зданія Сибирскаго университета, стр. 5.

Digitized by Google

лимское училище было закрыто въ 1824 году. Въ томъ же году было закрыто училище въ Идинской волости. а въ слѣдующемъ—въ Идинской степной думѣ, Иркутской округи. Черемховская волость также думала было въ концѣ 1822 года закрыть у себя училище, а дѣтей отдать учиться священно-церковно-служителямъ; но еще не было разрѣшено это ходатайство, какъ въ концѣ 1823 года волость снова изъявила согласіе оставить у себя училище. Въ 1828 года по общественному приговору закрыто тункинское бурятское училище [1]).

Не придавая большаго значенія такимъ темнымъ, печальнымъ полосамъ въ ходѣ развитія образованія въ Сибири, въ общемъ, какъ увидимъ дальше, слѣдуетъ заключить, что сибирское населеніе вовсе не лишено было стремленія къ наукѣ, къ образованію. Нельзя высказывать, какъ это дѣлалъ покойный Щаповъ, напр., рѣшительное мнѣніе, что сибирскому обществу были вообще чужды высшія стремленія и идеалы. Нѣтъ, дѣйствительность не то говоритъ; явись немного просвѣщенный человѣкъ, затронь мысль въ обществѣ, и оно отзывалось на дѣло просвѣщенія.

Весь періодъ времени, съ отъѣзда Сперанскаго изъ Сибиря до пятидесятыхъ годовъ, въ отношеніи народнаго образованія ознаменовался открытіемъ нѣсколькихъ приходскихъ училищъ въ томъ числѣ въ Канскѣ (1822 г.), въ Томскѣ (1829 г.), учрежденіемъ женскаго сиропитательнаго дома въ Иркутскѣ (1838 г.), перваго въ Сибири женскаго образовательнаго заведенія, открытіемъ гимназіи въ Томскѣ (1837 г.), открытіемъ дѣвичьяго института въ Иркутскѣ (1845) и Маріинской женской школы въ Тобольскѣ (1845 г.)

Приходится, однако, сказать, что народное образованіе въ этотъ періодъ времени, т. е. съ отъѣзда Сперанскаго до 1850-хъ годовъ шло довольно медленно. Сельскія училища въ Иркутской губерніи, поддержанныя Сперанскимъ, были, большею частью, закрыты вслѣдствіе вновь обнаружившагося равнодушія къ этому дѣлу мѣстныхъ властей. Тѣмъ не менѣе въ Западной Сибири съ пятидесятыхъ годовъ, послѣ ревизіи генералъ-адъютанта Анненкова, возникаетъ вновь настоятельный вопросъ о народныхъ школахъ и сдѣланы были попытки къ учрежденію этихъ училищъ. Что касается развитія гимназій, то, не смотря на сознанную уже въ 20-хъ годахъ необходимость средне-учебныхъ заведеній, онѣ, все-таки, основывались медленно въ силу отдаленности края и по недостатку всякихъ напоминаній о немъ. Кромѣ двухъ гимназій, существовавшихъ при Сперанскомъ, только въ концѣ тридцатыхъ

[1]) Вагинъ. Истор. свѣдѣн. о графѣ Сперанскомъ, стр. 133.

Digitized by Google

годовъ открыта третья гимназія въ Томскѣ и уже въ 1869 году—въ Красноярскѣ, прогимназія въ Якутскѣ и въ 1870 году—прогимназія въ Николаевскѣ. Число уѣздныхъ училищъ оставалось то же самое, какое было и при Сперанскомъ. Омское казачье училище, превращенное нынѣ въ корпусъ, учрежденное при Капцевичѣ, въ свое время стояло, можетъ быть, выше всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній въ краѣ; но это было спеціальное заведеніе, учрежденное съ извѣстными цѣлями и сначала для извѣстнаго сословія, и на немъ неизбѣжно долженъ былъ отражаться общій характеръ этихъ цѣлей. Таковы же были и духовныя семинаріи, которыхъ (кромѣ двухъ прежнихъ: Тобольской и Иркутской), открыто въ послѣднее время двѣ—въ Томскѣ и Якутскѣ. При всемъ томъ и въ это время уже выступала мысль о высшемъ учебномъ заведеніи въ Сибири. Возбужденная Капцевичемъ и одобренная сибирскимъ комитетомъ, она, однако, осталась безъ исполненія, не смотря на энергичную инициативу одного изъ администраторовъ. На женское образованіе было обращено менѣе вниманія. Только въ 1838 году было учреждено первое женское воспитательное заведеніе въ Иркутскѣ—Сиропитательный домъ. Въ 1845 году открытъ дѣвичій институтъ; около того же времени открыта Маріинская женская школа въ Тобольскѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ, на капиталъ, пожертвованный Кузнецовымъ, учреждено въ Иркутскѣ училище для дѣвицъ духовнаго званія. Въ шестидесятыхъ годахъ, при общемъ пробужденіи общественнаго сознанія о необходимости женскаго образованія, открыто нѣсколько женскихъ училищъ и двѣ гимназіи—въ Омскѣ и Томскѣ. Изъ этихъ заведеній Сиропитательный домъ, подъ вліяніемъ попечителей изъ купеческаго сословія, скоро обратился въ заведеніе для приготовленія прислуги и тѣмъ самымъ подавилъ въ зародышѣ развитіе способностей и характера своихъ питомицъ. Иркутскій институтъ, основанный на началахъ, принятыхъ въ дворянскихъ институтахъ внутреннихъ губерній, съ самаго начала усвоилъ себѣ аристократическій характеръ, совершенно чуждый и нравамъ, и потребностямъ сибирскаго населенія [1]). Вообще, въ отношеніи хода образованія въ Сибири, со времени отъѣзда Сперанскаго до 50-хъ годовъ, нужно замѣтить, что въ учебномъ дѣлѣ стояло затишье, которое ничего хорошаго не сулило. Свѣтлымъ воззрѣніямъ на дѣло просвѣщенія и прекраснымъ намѣреніямъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ администраторовъ не суждено было быть поддержанными. Про-

[1]) Историческія свѣдѣнія о дѣятельности Сперанскаго въ Сибири, собранныя Вагинымъ, стр. 387—388.

Digitized by Google

веденію въ жизнь законовъ, созданныхъ для Сибири, мѣшали особенныя, печальныя условія этого края, и не одно учебное дѣло хромало, но и вся вообще гражданская жизнь Сибири въ этотъ періодъ была почти въ совершенномъ застоѣ, и ничто не обновляло ея; учрежденія, созданныя Сперанскимъ, съ послѣдовавшей въ 1837 году отмѣны закона объ университетскихъ экзаменахъ, большею частію, наполнялись изъ Россіи людьми, находившими выгоду въ служебныхъ привиллегіяхъ, т. е. въ получепіи передъ поѣздкою въ Сибирь двойныхъ прогоновъ и не въ зачетъ годоваго жалованья. Сибирь въ этотъ періодъ затишья не могла ждать обновленія своихъ силъ отъ школы, и сами учебныя заведенія въ Сибири вообще играли второстепенную роль по своему вліянію. Жизнь и развитіе общества шли независимо отъ вліянія учебныхъ учрежденій, которыя стояли въ сибирской жизни какъ-то въ сторонѣ, и это будетъ совершенно понятно, если мы примемъ во вниманіе качество и учебное достоинство прежнихъ сибирскихъ гимназій. Эти гимназіи основывались при самыхъ убогихъ средствахъ; долго онѣ не находили учителей, недостатокъ въ которыхъ чувствуется даже и теперь, и наполнялись людьми случайнаго подбора, почему нибудь претендовавшими въ Сибири на педагогическую компетентность. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ эти гимназіи, какъ свидѣтельствуютъ сибирскія хроники, имѣли учителей изъ отставныхъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, изъ семинаристовъ, изъ частныхъ приставовъ; въ томской и тобольской гимназіяхъ, по воспоминаніямъ вышедшихъ учениковъ, между учителями были полупомѣшанные, слѣпые, хромые, страдающіе запоемъ; понятно, что при такихъ педагогахъ сибирскія гимназіи не могли пользоваться никакимъ вліяніемъ. Понятно, что въ учащихся въ это время не могло явиться ни любознательности, ни стремленія къ продолженію курса, ни особенно плодотворныхъ результатовъ.

Съ пятидесятыхъ годовъ народное образованіе начинаетъ вновь свое поступательное движеніе, сначала при правительственной иниціативѣ, а затѣмъ и общественно-народной. Въ этотъ періодъ времени начинаютъ возникать въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, сельскія приходскія училища, а въ городахъ женскія школы при уѣздныхъ приходскихъ училищахъ, а также увеличивается по городамъ и число приходскихъ мужскихъ училищъ.

Особенно подробную хронику роста учебнаго дѣла мы имѣемъ главнымъ образомъ по Томской губерніи, благодаря

Digitized by Google

собраннымъ матеріаламъ. Городъ Томскъ и его губернія, имѣвшіе до пятидесятаго года въ вѣдѣніи училищной дирекціи всего лишь пять учебныхъ мужскихъ заведеній, а именно: четыре приходскихъ училища и одну гимназію, и не имѣвшіе ни одной школы, ни одного воспитательнаго заведенія для лицъ женскаго пола, за исключеніемъ одного женскаго пріюта, основаннаго въ 1844 году Асташевымъ, къ началу шестидесятыхъ годовъ заключали 22 училища, подвѣдомственныхъ дирекціи [1]). Къ тому же времени относится и учрежденіе въ Томскѣ духовной семинаріи.

По мѣрѣ увеличенія числа учебныхъ заведеній, съ проведеніемъ въ народную массу сознанія о необходимости пріобрѣтенія знаній, стремленіе сибиряковъ къ пріобрѣтенію высшихъ научныхъ университетскихъ познаній начинаетъ принимать все большее и большее развитіе; юноши Сибири начинаютъ все въ большемъ и большемъ числѣ отправляться въ россійскіе университеты, за тысячи верстъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни, поселяясь на чердакахъ столицъ и въ бѣдныхъ каморкахъ провинціальныхъ университетскихъ городовъ. Стремленіе къ наукѣ вызываетъ подвиги самоотверженія!

Шестидесятые годы, богатые умственной жизнью и реформами, еще болѣе пробудили энергію сибирскаго общества къ заботамъ о народномъ образованіи, не смотря на то, что изъ всѣхъ реформъ этого періода одна крестьянская имѣла свое примѣненіе въ Сибири и то къ небольшой лишь части населенія, а именно—къ крестьянамъ Алтайскаго и Нерчинскаго горныхъ округовъ. Распространеніемъ вліянія этихъ реформъ вообще сибирское населеніе обязяно, какъ притоку новыхъ образованныхъ силъ въ Сибирь, постоянно обновлявшему ея жизнь, такъ и воспитанію и образованію юношей своихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, подъ вліяніемъ духа времени. Въ этотъ періодъ времени начинаютъ возникать сельскія школы, открываемыя по приговорамъ крестьянскихъ обществъ, а также образовываются общества въ городахъ для вспомоществованія учащимся, съ главною цѣлію давать средства для полученія высшаго образованія недостаточнымъ воспитанникамъ гимназій и духовныхъ семинарій. При взаимнодѣйствіи такихъ условій и вліяніи городоваго самоуправленія, основаннаго на началахъ положенія 1870 года,

[1]) Губернская гимназія; 3 уѣздныхъ училища (въ Томскѣ, Каинскѣ, Кузнецкѣ); 6 приходскихъ училищъ (въ Томскѣ, Каинскѣ, Кузнецкѣ, Бійскѣ, Барнаулѣ и Нарымѣ); 8 сельскихъ приходскихъ училищъ (въ округахъ: Томскомъ 2, Маріинскомъ 2, Каинскомъ 3, Бійскомъ 1), 1 женская гимназія (въ Томскѣ) и 3 прогимназіи (въ Каинскѣ, Барнаулѣ и Бійскѣ).

Digitized by Google

возлагающаго заботы о содержаніи городскихъ учебныхъ заведеній на средства городовъ, число учебныхъ заведеній и народныхъ школъ въ Сибири начинаетъ быстро возростать.

Томская губернія, въ которой въ 1860 году (отчетъ томской дирекціи училищъ за академическій 1859—1860 годъ) было всего 22 учебныхъ заведенія, подвѣдомственныхъ дирекціи училищъ, съ числомъ учащихся въ 1,185 человѣкъ (въ гимназіи 148 ч., въ училищахъ: уѣздныхъ 152 ч., приходскихъ городскихъ 312, женскихъ приходскихъ городскихъ 143, сельскихъ приходскихъ 430 человѣкъ),—къ 1873 году имѣла уже 108 училищъ, подвѣдомственныхъ дирекціи, съ числомъ учащихся въ 3,757 человѣкъ (3,005 м. п. и 752 ж. п.; въ гимназіяхъ: мужской 298, женской 205 человѣкъ, въ уѣздныхъ училищахъ, городскихъ, приходскихъ и сельскихъ—2,707 м. п. и 547 ж. п.), и 14 училищъ, не подвѣдомственныхъ дирекціи, съ числомъ учащихся въ 633 человѣкъ [1]).

Съ 1873 года народное образованіе не переставало и не перестаетъ дѣлать успѣхи, число учебныхъ заведеній, народныхъ школъ и число учащихся постоянно возростало и возростаетъ. Въ Западной Сибири, гдѣ въ 1873 году число всѣхъ учебныхъ заведеній и школъ простиралось до 493, съ числомъ учащихся въ 17,007 человѣкъ об. п. (14.046 м. п. и 2,961 ж. п.), къ 1879 году (отчеты губернаторовъ за 1878 годъ) число учебныхъ заведеній и школъ возросло до 613, съ числомъ учащихся въ 21,244 человѣка (16,344 м. п. и 4,900 ж. п.) [2]).

Въ городѣ Томскѣ за тотъ же періодъ времени число учебныхъ заведеній достигло до 21 съ числомъ учащихся въ 2,239 человѣкъ (1,486 м. п. и 753 ж. п.), т. е. до такого количества заведеній, какое было 20-ть лѣтъ назадъ въ вѣдѣніи училищной дирекціи по всей Томской губерніи, но съ числомъ учащихся, вдвое большимъ числа учащихся по этой губерніи въ 1860-мъ году.

Вообще же по Томской губерніи въ этотъ 20-тилѣтній періодъ времени количество учебныхъ заведеній увеличилось почти въ 9 разъ, а число учащихся въ 6 разъ (къ 1880 году по Томской губерніи числилось 185 учебныхъ заведеній съ 6,984 учащихся (5,465 м. п. и 1,519 ж. пола).

---

[1]) 1 духовная семинарія съ 115 учениками, 1 духовное окружное училище—151, 1 горное окружное училище—104, 11 горныхъ частныхъ училищъ—263.

[2]) По Томской губерніи было 181 учебное заведеніе и 6,351 учащійся (4,934 м. п. и 1,417 ж. п.); по Тобольской губ.—267 учебн. заведен. и 8,414 учащихся (6,435 м. п. и 1,979 ж. п.); по Акмолинской области—98 учебн. зав. и 4,415 учащихся (3,188 м. п. и 1,227 ж. п.); по Семипалатинской области—67 учебныхъ заведеній и 2,064 учащ. (1,787 м. п. и 277 ж. п.).

Digitized by Google

Такое же стремленіе къ развитію народнаго образованія замѣчалось и въ предѣлахъ Восточной Сибири, такъ, напр., въ Енисейской губерніи (отчетъ губернатора за 1878 годъ) къ 1879 году было 72 учебныхъ заведеній съ числомъ учащихся въ 2,410 человѣкъ (1,886 м. п. и 524 ж. пола).

Вопросъ образованія въ Сибири не могъ уже болѣе замолкнуть и, такъ сказать, заглохнуть, подобно предшествовавшимъ періодамъ. Общественная жизнь и литература поддерживали эти вопросы. Наконецъ, поднятый вновь въ 1875 году вопросъ объ университетѣ и особенныя заботы генералъ-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова о томъ, чтобы увеличить количество школъ и гимназій къ этому времени, дали свои плоды. Образованіе за послѣднее время несомнѣнно подвинулось значительно впередъ въ Сибири. О положеніи образованія въ Томской губерніи имѣются слѣдующія свѣдѣнія. Городскихъ приходскихъ училищъ въ городахъ Томской губерніи состояло до недавняго времени—10 (для мальчиковъ), городскихъ приходскихъ двуклассныхъ (съ двумя отдѣленіями—для мальч. и дѣвоч.)—2, сельскихъ народныхъ училищъ для дѣтей обоего пола—148, женскихъ приходскихъ училищъ въ городахъ—10 и городскихъ двуклассныхъ школъ—3. Всѣхъ учебныхъ заведеній для начальнаго образованія въ Томской губерніи было 214. Изъ средне-учебныхъ заведеній въ Томскѣ имѣются классическая гимназія, реальное училище, духовная семинарія и женская маріинская гимназія. Реальное училище и женская гимназія имѣетъ свои собственныя помѣщенія. Для гимназіи строится нынѣ помѣщеніе изъ взятаго у думы заимообразно капитала. При наплывѣ учениковъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ открываются параллельные классы. Въ Томской губерніи всего учебныхъ заведеній нынѣ 238, учащихся 9,104 чел., изъ нихъ м. п. 6,770 и ж. п. 2,334 [1]).

Въ Тобольской губерніи школъ за послѣднее время считалось 299; въ этомъ числѣ на Тобольскъ падаетъ 14, въ окружныхъ городахъ губерніи—33, сельскихъ школъ—252. Въ томъ числѣ: 36 школъ для мальч., 15—для дѣвоч. и 248 школъ для дѣтей об. пола. Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ—учащихся 9,722 чел., изъ которыхъ муж. п. 7,389 и женск. п. 2,333 [2]).

---

[1]) Обучающихся въ сельскихъ школахъ Томской губерніи 4,528 чел., изъ нихъ мужск. п. 3,713, женск. п. 815; въ городскихъ школахъ (19)—1,570 чел., изъ которыхъ м. п. 1,139, ж. п. 431. Всего обучающихся въ школахъ низшаго разряда (234)—8,087 чел., изъ нихъ м. п. 6,177, женск. п. 1,910 чел. Въ средне-учебныхъ заведеніяхъ (4)—учащихся 1,017 чел., изъ которыхъ м. п. 593 чел. и ж. п. 424. Въ городѣ Томскѣ—всего 30 учебн. заведеній, учащихся въ нихъ—2,910 чел., изъ нихъ м. п. 1,784 чел. и ж. п. 1,126 чел.

[2]) По волостямъ школы распредѣляются такъ: въ 103 волостяхъ—по одной школѣ въ каждой, въ 36 вол.—по 2 шк., въ 6—по 3 и въ 3—по 4.

Digitized by Google

Всего учебныхъ заведеній въ Томской и Тобольской губерніяхъ—828, съ числомъ учащихся 29,785.

Въ Восточной Сибири образованіе представляетъ слѣдующую картину по даннымъ современной статистики.

Всего въ Восточной Сибири—196 учили щъ. Изъ этого числа для мальчиковъ—76 шк., для дѣвоч. только три, остальныя же 117 школъ—смѣшанныя или же съ особыми отдѣленіями для мальч. и дѣвоч. Кромѣ того, въ Восточной Сибири существуютъ инородческія училища, число которыхъ доходитъ до 21; изъ нихъ 12 для мальч., остальныя—смѣшанныя или съ особыми отдѣленіями для мальч. и дѣвоч. Такимъ образомъ, число всѣхъ начальныхъ школъ въ Восточной Сибири равняется 217; изъ нихъ для мальчиковъ—88. Число учащихся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ составляетъ 7,235 [1]).

Уѣздныхъ училищъ въ Восточной Сибири считается 9, двуклассныхъ городскихъ училищъ—6 и одно трехъ-классное.

Что касается средняго образованія, то здѣсь находится 3 гимназіи: въ Иркутскѣ, Красноярскѣ и Читѣ; въ послѣднемъ городѣ гимназія открыта только въ 1884 году; шестиклассныхъ прогимназій, включая и Амурскій край, находится въ Восточной Сибири четыре: въ Енисейскѣ, Якутскѣ, Благовѣщенскѣ и Владивостокѣ. Реальное училище одно въ Троицкосавскѣ и одно техническое училище съ правами средне-учебныхъ заведеній въ Иркутскѣ. Изъ женскихъ учебныхъ заведеній имѣются: въ Иркутскѣ институтъ благородныхъ дѣвицъ и восьмиклассная гимназія Хаминова; въ Красноярскѣ и Енисейскѣ—по семиклассной женской гимназіи; женскихъ прогимназій—6 въ городахъ: Киренскѣ, Минусинскѣ, Верхнеудинскѣ, Нерчинскѣ, Нижнеудинскѣ и Якутскѣ. Въ Благовѣщенскѣ, Селенгинскѣ и Верхоленскѣ—въ каждомъ по одному женскому народному училищу, въ Иркутскѣ—епархіальное училище для дѣвицъ изъ духовнаго званія.

Изъ учебныхъ заведеній со спеціальнымъ преподаваніемъ въ Восточной Сибири находится: 5 духовныхъ училищъ (въ Иркутскѣ, Нерчинскѣ, Якутскѣ, Красноярскѣ и Енисейскѣ) и 3 духовныхъ семинаріи (въ Иркутскѣ, Якутскѣ и Благовѣщенскѣ), въ Иркутскѣ—военная прогимназія и юнкерское учи-

---

Процентное отношеніе учащихся въ сельскихъ школахъ къ крестьянскому населенію—0,49%, въ городахъ—къ числу городскихъ жителей 5,03%.

[1]) Въ Восточной Сибири (губерніи Иркутская и Енисейская, области Якутская и Забайкальская) число начальныхъ школъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: на Иркутскую губернію, состоящую изъ пяти округовъ, приходится 57 училищъ, на Енисейскую губ., обнимающую также 5 округовъ,—42 шк.. въ 8 округахъ Забайкальской области состоитъ 79 школъ и въ Якутской обл., въ ея четырехъ округахъ, 18.

Digitized by Google

лище, фельдшерская школа; учительскихъ семинарій двѣ — въ Иркутскѣ и Красноярскѣ. Всего средне-учебныхъ заведеній въ Восточной Сибири—10; изъ нихъ 6 мужск. и 4 женскихъ.

Въ самомъ Иркутскѣ въ недавнее время считалось 30 учеби. заведеній, изъ которыхъ—мужскихъ 10, женскихъ—4, остальныя—смѣшанныя. Среднеучебныхъ заведеній въ Иркутскѣ—5 (въ этомъ числѣ 2 женскихъ), низшихъ школъ—25. Учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ—934; изъ нихъ муж. п. 584, женск. п. 350; всего же учащихся въ Иркутскѣ—3,724 на 30,000 жит.

Во всей Восточной Сибири число учебныхъ заведеній, по послѣднимъ отчетамъ, составляетъ 291, учащихся же въ нихъ 10,959 чел.

Такимъ образомъ во всей Сибири въ данную минуту находится 1,119 учебныхъ заведеній и 36,744 учащихся,—контингентъ, показывающій, что число воспитывающихся въ учебныхъ заведеніяхъ Сибири немалое.

Число гимназій и семинарій возросло въ послѣднее время до значительной степени; не проходитъ года, когда бы не прибавилось нѣсколько новыхъ учебныхъ заведеній. Мѣстныя общества и города ходатайствуютъ объ открытій вновь гимназій, и нельзя не признать, что такія заявленія весьма законны и насущны въ виду ежегоднаго роста городовъ сибирскихъ и увеличенія въ нихъ населенія [1]).

Вотъ тѣ числовыя данныя и доводы, которые устраняютъ само собою опасенія, что край не имѣетъ достаточно учащихся и что онъ не дозрѣлъ еще до университета. Мы видимъ, что если что тормозило и задерживало среднее образованіе въ Сибири, то это именно отсутствіе высшаго учебнаго заведенія, откуда бы могли являться учителя и наставники для этихъ учебныхъ заведеній. Изъ этого обстоятельства видно, въ какой неразрывной связи находятся успѣхи низшаго, средняго и высшаго образованія: одно безъ другаго существовать и развиваться не можетъ, и всѣ части въ системѣ народно-образовательныхъ учрежденій, начиная отъ бѣдной сельской школы и кончая университетомъ, требуютъ равномѣрнаго и своевременнаго развитія.

Обозрѣвъ бѣгло исторію народнаго образованія въ Сибири, и отмѣтивъ главнѣйшіе моменты въ его развитіи, мы видимъ, что учебное дѣло въ Сибири, не смотря на извѣстныя неблагопріятнѣйшія мѣстныя условія, шло впередъ хотя и съ перерывыми и печальными остановками; а въ въ послѣднія 10—15 лѣтъ, смѣло можно сказать, сдѣлало очень значительные шаги

[1]) Какъ растутъ нѣкоторые сибирскіе города, показываютъ Барнаулъ и Бійскъ.

Digitized by Google

сравнительно съ прошлымъ. Это показываетъ, какъ велика энергія въ сибирскомъ населеніи, въ лучшей его части; это населеніе не перестало и не перестаетъ, не взирая на пережитыя невзгоды, стремиться къ образованію, къ свѣту ученія. Населеніе Сибири слишкомъ чувствуетъ потребность въ образованіи и въ послѣднее время энергически стремится удовлетворить ей. «Мѣстное населеніе всегда сильно ощущало эту потребность,—говоритъ г. Вагинъ, въ своей исторіи учебнаго дѣла въ Сибири при Сперанскомъ и позднѣе,—оно отдавало учить дѣтей своихъ всѣмъ, кого хотя сколько нибудь считало способнымъ къ этому: оно встрѣтило всеобщимъ ропотомъ распоряженіе, которымъ обученіе дѣтей запрещалось сосланнымъ полякамъ; оно открывало школы вездѣ, гдѣ находило къ тому средства и гдѣ ожидало пользы отъ школъ. Только весьма немногіе города отказывались заводить у себя народныя и женскія школы, частію отъ недостатка средствъ, частію изъ буржуазной разсчетливости, въ надеждѣ, что заведеніе этихъ школъ приметъ на себя правительство. Частныя лица время отъ времени жертвовали значительныя суммы на народное образованіе, хотя и менѣе того, что жертвовалось на благолѣпіе храмовъ. По мѣрѣ увеличенія числа средне-учебныхъ заведеній, увеличивалось и число сибиряковъ, стремившихся къ университетскому образованію. Стремленіе это достигло въ послѣднее время весьма высокихъ размѣровъ. Можно почти положительно сказать, что въ послѣднее время не идутъ на университетскій курсъ только тѣ, кто или чувствуетъ совершенную неспособность къ нему, или принадлежитъ къ тѣмъ счастливцамъ, которымъ не нужно ни знаній, ни труда, чтобы занять извѣстное положеніе въ обществѣ, или, наоборотъ, находится въ тяжкой зависимости отъ семейной обстановки... Одни изъ молодыхъ сибиряковъ пользуются казенными стипендіями; другіе, иногда безъ всякихъ средствъ, отправляются въ Казань, Москву и Петербургъ и тамъ слушаютъ университетскій курсъ, перебиваясь изо дня въ день частію уроками и литературными трудами, частію пособіемъ болѣе зажиточныхъ замляковъ-товарищей. Любовь къ наукѣ доходила иногда у нихъ до самоотверженія. Между тѣмъ недостатокъ средне-учебныхъ заведеній по необходимости сдерживалъ стремленіе сибиряковъ къ высшему образованію. Можно судить, какъ велико было бы оно при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ; можно судить и о томъ, какъ много потеряла Сибирь отъ того, что мысль о высшемъ заведеніи втеченіе почти 50 лѣтъ оставалась однимъ только про-

Digitized by Google

ектомъ», — говоритъ г. Вагинъ въ историческомъ обзорѣ жизни Сибири послѣ Сперанскаго.

Наконецъ, обратимся къ фактамъ, дѣйствительно ли контингентъ оканчивающихъ курсъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Сибири такъ малъ, что не допускаетъ открытія университета.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, оказывается, что учащихся въ Петербургѣ въ 1885—1886 академическомъ году студентовъ-сибиряковъ находилось 97 чел. (а всѣхъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, считая и женскіе курсы, — 150 чел.). Очень можетъ быть, что еще нѣкоторые не вошли въ это число, такъ какъ свѣдѣнія этого рода собирать не совсѣмъ легко. Означенные 97 чел. студентовъ-сибиряковъ распредѣлялись по учебнымъ заведеніямъ въ Петербургѣ слѣдующимъ образомъ: въ университетѣ—55, медицинской академіи—12 [1]), технологическомъ институтѣ—8, горномъ институтѣ—2, лѣсномъ институтѣ—12, строительномъ училищѣ—1, историко-филологическомъ институтѣ—4, учительскомъ институтѣ—1, академіи художествъ—2. По сословіямъ: дворянъ—3, дѣтей чиновниковъ—52, духовнаго званія—8, купеческаго—10, мѣщанскаго—22 и крестьянскаго—2. По роду средняго образованія: изъ классическихъ гимназій—69, изъ реальныхъ училищъ—16, изъ иркутскаго техническаго училища—4, изъ омской военной гимназіи—4, изъ учительской семинаріи—1, уѣзднаго училища—1 и домашняго образованія—1. По городамъ, въ средне-учебныхъ заведеніяхъ которыхъ получили образованіе, студенты-сибиряки распредѣлялись такъ: изъ Томска—34, изъ Омска—17, Красноярска—14, Иркутска—13, Тобольска—7, изъ Вѣрнаго—5, Тюмени—3, Енисейска—1, Екатеринбурга—1, Казани—1 и Петербурга—1. По вѣроисповѣданію: православныхъ — 91, іудейскаго — 5 и католикъ—1. Стипендіатовъ—52 чел.

Изъ свѣдѣній о количествѣ студентовъ-сибиряковъ въ Ка-

---

[1]) Въ медико-хирургической академіи въ Петербургѣ училось студентовъ-сибиряковъ:

Въ 1869—1870	годахъ	22 чел.
» 1870—1871	»	23 »
» 1871—1872	»	21 »
» 1872—1873	»	20 »
» 1873—1874	»	29 »
» 1874—1875	»	26 »
» 1875—1876	»	33 »
» 1876—1877	»	29 »
» 1877—1878	»	37 »
» 1878—1879	»	44 »

(См. брошюру: «300-лѣтіе Сибири. Празднованіе въ Петербургѣ и Москвѣ дня 26 октября 1581 года», Спб., 1882, стр. 40.

Digitized by Google

занскомъ университетѣ, собранныхъ г. Б. О. Р—овскимъ, видно, что въ Казани за 1885—1886 учебный годъ было студентовъ-сибиряковъ 89 человѣкъ [1]). Эти студенты распредѣлялись—по сословіямъ: дворянъ—2, дѣтей чиновниковъ—37, изъ духовнаго званія—11, дѣтей военн. нижн. чиновъ—6, изъ разночинцевъ—1, изъ купеческаго сословія—2, мѣщанскаго—21, крестьянскаго—6 и неприписанныхъ—2; по роду средняго образованія: изъ гимназій—87 и изъ семинарій—2; по городамъ: изъ Тобольска—22, Томска—22, Омска—20, Иркутска—16, Красноярска—6, Вѣрнаго—2 и Ташкента—1; по вѣроисповѣданію: православныхъ—70, католиковъ—6, лютеранъ—1 и іудейскаго вѣроисповѣданія—12. Стипендіатовъ изъ числа всѣхъ казанскихъ студентовъ-сибиряковъ было 27 чел.

По свѣдѣніямъ о студентахъ-сибирякахъ въ Московскомъ университетѣ, сообщеннымъ въ «Сибирской Газетѣ» за 1886 годъ (№ 19), число ихъ доходило въ 1886 году до 50 чел. (по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, число ихъ доходитъ нынѣ въ Москвѣ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ до ста).

По статистическимъ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ о казанскихъ студентахъ-сибирякахъ, видно, что въ 1885—1886 г. общее число ихъ, какъ сказано выше, было 89 чел., причемъ замѣчается изъ года въ годъ увеличеніе процента сибиряковъ сравнительно съ общимъ числомъ студентовъ университета, а именно этотъ процентъ возросъ въ періодъ времени отъ 1880 г. до 1886 г. съ 4,93 до 9,16 [2]).

Такимъ образомъ, общее число студентовъ сибиряковъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Казани, по собраннымъ свѣдѣніямъ въ 1886 году, составляло 236 чел.

Стремленіе удовлетворить запросу и облегчить доступъ сибирякамъ къ высшему образованію выразилось основаніемъ въ Сибири нѣсколькихъ обществъ для вспомоществованія учащимся. Подобное общество существуетъ уже около 20 лѣтъ въ Тобольскѣ, нѣсколько лѣтъ такое же общество существуетъ въ Томскѣ. Въ Иркутскѣ мѣстная дума постоянно основываетъ стипендіи въ россійскихъ университетахъ, чтобы поддержать существованіе обучающихся сибиряковъ. Наконецъ, въ послѣднее время общества вспомоществованія учащимся сибирякамъ основались въ обѣихъ столицахъ, вызванныя нуждами и лишеніями молодежи. О дѣятельности этихъ обществъ говорятъ ихъ отчеты [3]).

---

[1]) См. «Вост. Обозр.», 1886 г., №№ 43 и 45.

[2]) Тамъ же

[3]) Изъ отчета петербургскаго Общества вспомоществованія учащимся сибирякамъ видимъ, что въ 1886 г. выдано было ежемѣсячныхъ вспомоществованій 38 лицамъ на сумму 5,801 р. 50 к. и единовременныхъ ссудъ 81 лицу на сумму 4,260 р. 15 к. (Отчетъ Общества содѣйст. учащ. сибиряк. въ С.-Петербургѣ, за 1886 г.).

Digitized by Google

Представивъ эту картину учебнаго дѣла въ Сибири и количество учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мы обращаемся къ людямъ безпристрастнымъ съ вопросомъ: неужели все это не доказываетъ, что контингентъ для будущаго университета уже готовъ? Намъ кажется, что все приведенное говоритъ только за необходимость и своевременность основанія университета въ Сибири, какъ учрежденія, которое вызвано настоятельною потребностью мѣстнаго образованія. Все говоритъ о явившемся запросѣ на образованіе какъ въ среднихъ, такъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и собранныя данныя объ образованіи рисуютъ картину не столько недостатка будущихъ слушателей, сколько то, что контингентъ этотъ уже давно существуетъ. Этимъ устраняются сами собою всѣ опасенія о несвоевременности университета. Это понимали всѣ лица, изучавшія положеніе дѣла на мѣстѣ, всѣ лучшіе администраторы, которымъ Высочайшею властью ввѣрялась судьба и жизнь русскаго населенія на окраинѣ.

«На сколько мысль о Сибирскомъ университетѣ своевременна?»—задавалъ вопросъ профессоръ В. М. Флоринскій, теперешній попечитель Западно-Сибирскаго учебнаго округа, при закладкѣ университета, и отвѣчалъ: «Принимая во вниманіе Высочайшую волю, выраженную по сему вопросу въ повелѣніи Государя Императора 16-го мая 1878 года, равно и мнѣнія высшихъ государственныхъ людей, признавшихъ учрежденіе въ Сибири университета своевременнымъ и необходимымъ, вышепоставленный вопросъ можно было бы считать празднымъ и неумѣстнымъ. Но я,—говорилъ профессоръ В. М. Флоринскій,—позволяю себѣ остановиться на немъ съ цѣлію разъясненія задачъ, предстоящихъ Сибирскому университету, и надеждъ, возлагаемыхъ на него. Понимая въ принципѣ пользу для края отъ новаго высшаго учебнаго заведенія, можно, тѣмъ не менѣе, выразить сомнѣніе: какъ велика будетъ эта польза, окупитъ ли она тѣ значительныя еж годныя затраты правительства, которыя неизбѣжно связаны съ вновь открываемымъ университетомъ, другими словами: будетъ ли въ Сибирскомъ университетѣ достаточное число учащихся и можно ли разсчитывать на привлеченіе сюда хорошихъ профессоровъ? Министерство народнаго просвѣщенія, проектируя Сибирскій университетъ съ четырьмя факультетами, въ отношеніи учащихся имѣло въ виду существующія въ Сибири гимназіи и духовныя семинаріи. Тѣхъ и другихъ учебныхъ заведеній, дающихъ право на поступленіе въ университетъ, въ настоящее время (въ 1880 г.) въ Сибири существуетъ 10, именно: въ Томскѣ—гимназія и духовная семинарія, въ Тобольскѣ—гимназія и духовная семинарія, въ Иркутскѣ—гимназія и духовная

Digitized by Google

семинарія, въ Красноярскѣ—гимназія, въ Омскѣ—гимназія, въ Якутскѣ—духовная семинарія и въ Николаевскѣ—духовная семинарія, не считая реальныхъ училищъ, существующихъ въ Томскѣ, Тюмени и Кяхтѣ. Такимъ образомъ, имѣя въ виду только одни учебныя заведенія Сибири, можно разсчитывать на ежегодное поступленіе изъ нихъ въ университетъ не менѣе 60—70 человѣкъ. Въ близкомъ будущемъ можно ожидать, что число среднихъ учебныхъ заведеній въ сибирскихъ городахъ должно еще болѣе увеличиться. Такъ, напримѣръ, уже въ настоящее время ощущается потребность расширить существующія въ Енисейскѣ, Якутскѣ и Николаевскѣ прогимназіи до размѣра полныхъ гимназій, учредить новыя гимназіи или прогимназіи въ Барнаулѣ, Семипалатинскѣ и Петропавловскѣ. При осуществленіи Сибирскаго университета эти предположенія могутъ быть выполнены легче и въ наиболѣе короткій срокъ. Какъ въ торговомъ и промышленномъ дѣлѣ производство расширяется по мѣрѣ спроса и потребленія, такъ и въ учебномъ отношеніи стремленія къ образованію должны увеличиваться съ запросомъ на образованныхъ людей и съ облегченіемъ средствъ для образованія. Не можетъ же быть, чтобы обширная и своеобразная Сибирь съ своимъ пятимилліоннымъ народонаселеніемъ не могла дать пищи одному университету. Не можетъ быть, чтобы эта самая Сибирь и на будущее время довольствовалась недоучками и случайными людьми. Скоро и здѣсь долженъ наступить усиленный запросъ на людей разума, причемъ Сибирскому университету предстоитъ широко развить свою дѣятельность на пользу пробуждающейся страны» [1]).

Затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что Сибирскій университетъ можетъ привлечь студентовъ изъ средне-учебныхъ заведеній и нѣкоторыхъ восточныхъ губерній Россіи. Доказательствомъ служитъ немало поданныхъ прошеній на имя попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа отъ сибирскихъ и другихъ уроженцевъ, желавшихъ поступить въ Сибирскій университетъ. Сюда будетъ привлекать многое: удобство жизни, дешевизна, возможность скорѣе найдти мѣсто, занятіе, и т. д.

Сошлемся еще на одну статью, по поводу слушателей въ Сибирскомъ университетѣ, статью одного изъ преподавателей,

---

[1]) Рѣчь профессора В. М. Флоринскаго, произнесенная при закладкѣ зданія Сибирскаго университета, 26-го августа 1880 года, стр. 6—7. Съ тѣхъ поръ, когда была произнесена эта рѣчь, учебныя заведенія въ Сибири еще прибавились. Нынѣ осуществлена уже гимназія и въ Вѣрномъ, а имѣющіяся прогимназіи въ Енисейскѣ, Якутскѣ и Благовѣщенскѣ будутъ обращены навѣрное скоро въ гимназіи; кромѣ того, открыта гимназія въ Читѣ.

Digitized by Google

служившаго въ двухъ сибирскихъ гимназіяхъ и хорошо знающаго педагогическое дѣло въ Сибири, какъ и условія края. Вотъ извлеченія изъ статьи А. И. Ефимова по поводу университета:

«Съ представленіемъ объ университетѣ непремѣнно связывается представленіе о многолюдствѣ, какое, дѣйствительно, имѣетъ мѣсто въ крупнѣйшихъ университетахъ нашихъ и заграничныхъ, гдѣ число студентовъ насчитывается тысячами; но, вѣдь, вмѣстѣ съ этими наиболѣе посѣщаемыми университетами существуютъ съ пользою и другіе, съ числомъ слушателей въ пять и даже десять разъ меньшимъ. Такъ, въ 1882—1883 году въ Корнелевскомъ университетѣ (Соедин. Штаты) слушателей было только 400 человѣкъ; за зимній семестръ 1884—1885 года въ небольшихъ германскихъ и швейцарскихъ университетахъ [1]) было: въ Кильскомъ 445, Бернскомъ 426, Базельскомъ 345, Мюнстерскомъ 340, Ростокскомъ 250 слушателей. Конечно, и по бюджету, и по числу профессоровъ, и по научнымъ средствамъ университеты эти уступаютъ университетамъ первокласснымъ; но это не мѣшаетъ быть и тамъ весьма почтеннымъ научнымъ силамъ, а отсутствіе чрезмѣрнаго многолюдства даже благопріятствуетъ болѣе близкому вліянію профессоровъ на научныя занятія студентовъ. Мы полагаемъ, поэтому, что если бы небольшому провинціальному университету, какимъ и будетъ Сибирскій, можно было по истеченіи первыхъ четырехъ лѣтъ разсчитывать на 250—300 слушателей, то для существованія его это представляло бы уже достаточное основаніе. Посмотримъ, чѣмъ можетъ онъ располагать. Въ Сибири 7 гимназій (въ Тобольскѣ, Омскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ, Читѣ и Вѣрномъ), 4 прогимназіи (въ Енисейскѣ, Якутскѣ, Благовѣщенскѣ и Владивостокѣ), изъ которыхъ двѣ (енисейская и якутская) могли бы въ скоромъ времени быть обращены въ гимназіи, 5 духовныхъ семинарій, воспитанникамъ которыхъ предполагалось, по слухамъ, открыть доступъ въ Сибирскій университетъ (въ Тобольскѣ, Томскѣ, Иркутскѣ, Благовѣщенскѣ и Якутскѣ), наконецъ, 4 реальныхъ училища (въ Тюмени, Томскѣ, Иркутскѣ [1]) и Троицкосавскѣ). Семь гимназій и пять духовныхъ семинарій могли бы по весьма скромному разсчету дать университету ежегодно 100 слушателей, и до извѣстной степени отъ стараній и заботъ этихъ учебныхъ заведеній зависѣло бы нѣсколько усилить это число; при этомъ мы не принимаемъ еще въ разсчетъ ни сосѣднихъ съ Сибирью среднихъ учеб-

[1]) Deutscher Universitätscalender v. Dr. Ascherson.
[2]) Техническое училище съ правами среднихъ учебныхъ заведеній.

Digitized by Google

ныхъ заведеній Туркестана, Оренбургской и Пермской губерній, ни возможныхъ вольнослушателей. Вѣдь, и въ настоящее время число сибиряковъ, учащихся въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ достигаетъ 300 человѣкъ; а немало наберется и такихъ, которымъ недостатокъ средствъ помѣшалъ продолжать образованіе, которое въ Сибирскомъ университетѣ было бы для нихъ доступно. Было бы совершенно ошибочно думать, что большинство учениковъ сибирскихъ гимназій состоитъ изъ сыновей лицъ, только временно живущихъ въ Сибири; простая справка изъ любой сибирской гимназіи показала бы, напротивъ, что большинство ихъ—дѣти мѣстныхъ жителей, а если и пріѣзжихъ, то въ значительной степени такихъ, которые прочно осѣли въ Сибири и могутъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что Сибирь вблизи вовсе не то страшилище, какимъ представляется вдали, по слухамъ. Такимъ образомъ, вполнѣ вѣроятно, что чрезъ четыре года контингентъ университетскихъ слушателей достигъ бы той цифры, которая была упомянута выше и которую врядъ ли превышало число студентовъ Новороссійскаго или Казанскаго университета въ началѣ ихъ существованія; лекціи же С.-Петербургскаго университета открылись при наличности лишь 90 слушателей [1]) и 20 профессоровъ. Мало еще въ Сибири и народныхъ училищъ; но и теперь это дѣло поставлено уже прочно, и грамотность дѣлаетъ успѣхи; въ нѣкоторыхъ городахъ начальное обученіе поставлено городскими обществами тоже довольно удовлетворительно, а въ Томскѣ и Тюмени существуютъ, сверхъ того, особыя общества попеченія о немъ съ хорошими средствами [2]). Есть потребности въ государственной жизни, которыя приходится удовлетворять не по очереди, а одновременно: пусть множатся народныя школы и гимназіи, но пусть вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ въ разныхъ мѣстахъ и университеты; не помѣшало же въ прошломъ столѣтіи почти полное отсутствіе среднихъ и низшихъ школъ основанію академіи наукъ и Московскаго университета; а цѣли, лежащія передъ новымъ университетомъ въ Сибири, нѣсколько напоминаютъ тѣ, какія предстояли въ болѣе обширномъ, конечно, раіонѣ, этимъ первымъ разсадникамъ русской науки. Университетъ найдетъ въ Сибири цѣлый рядъ разнообразныхъ задачъ для изслѣдованія и изученія, извѣстный кругъ уже и теперь подготовленныхъ слушателей и, прямо

[1]) Исторія С.-Петербургскаго университета. Профессора В. Григорьева.
[2]) Подобныя общества есть въ Барнаулѣ, Енисейскѣ и Красноярскѣ и открываются еще въ другихъ городахъ и даже волостяхъ (Кетско й).

Digitized by Google

или косвенно, будетъ полезенъ и всему остальному народному просвѣщенію края. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣстнымъ условіямъ, онъ могъ бы, продолжая быть и называться университетомъ, стать и проводникомъ необходимыхъ прикладныхъ знаній, которыя могло бы почерпать въ немъ не только юношество среднихъ учебныхъ заведеній, но и всякій человѣкъ, желающій получить полезныя свѣдѣнія» [1]).

Теперь нѣсколько соображеній о томъ, найдутся ли профессора для Сибири. «Видя созидаемый Сибирскій университетъ,— говорилъ почтенный профессоръ В. М. Флоринскій въ упомянутой нами его рѣчи,—нѣкоторые могутъ остановиться на мысли: въ состояніи ли будетъ это новое учрежденіе привлечь къ себѣ вполнѣ достойныхъ представителей науки; поѣдутъ ли въ сибирскую глушь тѣ изъ профессоровъ, которые по ученымъ заслугамъ своимъ всегда могутъ разсчитывать на университетскія мѣста въ болѣе благоустроенныхъ городахъ Россіи, поближе къ источникамъ міровой научной жизни—къ Европѣ? Я имѣю основаніе предрѣшать этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Сибирь для ученыхъ людей всегда была привлекательна. Русскіе и иностранные ученые весьма охотно отправлялись сюда изъ чисто научныхъ побужденій и многіе изъ нихъ чрезъ это составляли себѣ почетное ученое имя. Мы могли бы указать не одинъ десятокъ такихъ именъ. Кому неизвѣстны, напримѣръ, Гмелинъ, Палласъ, Лепехинъ, Крашенинниковъ, Миллеръ, Фишеръ, или изъ новѣйшихъ: Миддендорфъ, Щуровскій, Маакъ, Максимовичъ, Сѣверцовъ и многіе другіе, составившіе себѣ ученую извѣстность изслѣдованіемъ Сибири. Нельзя, однако же, сказать, чтобы совершенныя до сихъ поръ изслѣдованія края исчерпали его научныя богатства. Они едва коснулись ихъ въ формѣ общихъ очерковъ и намековъ. Это были только развѣдки, а не настоящее изслѣдованіе. Подробное изученіе края, по какому бы то ни было вопросу, невозможно для путешественника, стѣсненнаго временемъ и средствами. Для этого необходима постоянная ученая станція въ центрѣ Сибири, снабженная полнымъ числомъ спеціалистовъ по всѣмъ наукамъ и всѣми средствами научнаго изслѣдованія. Станціей въ этомъ смыслѣ можетъ быть только университетъ. Поэтому я глубоко убѣжденъ,—говорилъ профессоръ В. М. Флоринскій,—что въ Сибирскій университетъ, не смотря на нѣкоторыя неудобства здѣшней жизни, поѣдутъ достойнѣйшіе люди, съ ученымъ призваніемъ и энергіей, руководимые чисто научными побужденіями. Для нихъ только и

[1]) Газета «Новости» за 1886 г. Статья А. И. Ефимова.

Digitized by Google

существуетъ интересъ служить въ Сибирскомъ университетѣ, гдѣ для всякаго спеціалиста открывается обширное поле для самостоятельныхъ изслѣдованій неизвѣданнаго края. Сибирь— это научная новь, которая сторицею вознаградитъ всякаго труженика. Поэтому нельзя сомнѣваться, что въ Русской землѣ найдется достаточное число людей, которые ученое призваніе поставятъ выше привычекъ европейскаго комфорта» [1]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что большинство опасеній и возраженій противъ Сибирскаго университета устраняется; за то, по мѣрѣ изученія мѣстныхъ обстоятельствъ и обозрѣнія жизни нашей окраины, число доводовъ и неопровержимыхъ свидѣтельствъ въ необходимости здѣсь учрежденія высшаго учебнаго заведенія все увеличивается.

Но еще болѣе очевидна потребность высшаго образованія, когда мы припомнимъ положеніе края. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири, Н. Г. Казнаковъ, предпринявъ въ 1875 году ходатайство объ учрежденіи Сибирскаго университета, въ своемъ представленіи по этому предмету писалъ: «Прошло болѣе 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ дарованы преимущества пріѣзжающимъ на службу изъ Европейской Россіи въ Сибирь, и тѣмъ не менѣе прискорбная дѣйствительность показываетъ, что ни администрація, ни суды, ни народное здоровье, ни учебное дѣло въ этомъ краѣ не обезпечено достаточнымъ числомъ свѣдущихъ, образованныхъ и преданныхъ своему дѣлу лицъ. Въ подтверждеаіе этого достаточно сказать, что въ двухъ только гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, существующихъ въ Западной Сибири, не достаетъ въ настоящее время (въ 1875 году) 6 штатныхъ преподавателей по важнѣйшимъ предметамъ гимназическаго курса: древнимъ языкамъ и русскому языку съ словесностью, одного—по исторіи съ географіей и двухъ — по новымъ иностраннымъ языкамъ, и что недостатокъ врачей превышаетъ 31% штатнаго числа этихъ должностныхъ лицъ при разныхъ учрежденіяхъ этого края, а именно врачей положено штатами 122, не достаетъ же 39 человѣкъ.

«Независимо отъ сего, Сибирь и внѣ служебнаго поприща не менѣе, если не болѣе нуждается въ полезныхъ дѣятеляхъ, безъ которыхъ ея производительныя средства, связанныя съ естественными богатствами, остаются малопзслѣдованными. Причины такого явленія очевидны: не имѣя университета, Сибирь изъ своихъ уроженцевъ не могла воспитать ни одного

[1]) Рѣчь профессора В. М. Флоринскаго, произнесенная при закладкѣ зданія Сибирскаго университета, 29 августа 1880 года; стр. 8—9.

Digitized by Google

вполнѣ образованнаго поколѣнія, которое бы всецѣло посвятило ей какъ родному мѣсту свои полезныя силы. Мало того, въ ней постоянно повторяется слѣдующее неутѣшительное явленіе, общее для обѣихъ половинъ ея: лучшіе воспитанники, окончившіе курсъ въ мѣстныхъ гимназіяхъ и поступившіе въ университеты Имперіи, по пріобрѣтеніи тамъ высшаго образованія, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возвращаются въ Сибирь; но, не сравненные въ преимуществахъ службы съ уроженцами не-сибирскими и увлекаемые либо служебными выгодами, либо невѣдомыми до того удобствами жизни въ столичныхъ и большихъ городахъ, избираютъ мѣстомъ своей дѣятельности Европейскую Россію. Такимъ образомъ, Сибирь представляетъ то рѣдкое и въ высшей степени прискорбное зрѣлище, что учрежденныя въ ней средне-образовательныя учебныя заведенія, вмѣсто того, чтобы обогащать ее достаточно образованными людьми, служатъ какъ бы отливомъ изъ нея свѣжихъ живительныхъ умственныхъ силъ въ Европейскую Россію, изъ которой взамѣнъ ихъ нерѣдко являются на службу, не безъ значительныхъ для государства денежныхъ затратъ, искатели счастія, не успѣвшіе въ ней пристроиться по недостатку свѣдѣній, а иногда и по сомнительной нравственности, и въ большинствѣ случаевъ люди, смотрящіе на службу въ Сибири, какъ на дѣло временное, и пытающіеся при первой возможности оставить ее и возвратиться въ Европейскую Россію» [1]).

Вотъ какъ рисуется положеніе края до университета. Недостатокъ образованныхъ людей отражается на всемъ строѣ жизни, недостатокъ врачей на народномъ здравіи; на цѣлые округа, величиной съ европейскія государства, приходится одинъ медикъ, да и тотъ въ разъѣздахъ; цѣлыя инородческія области находятся безъ медицинской помощи. Въ Березовскомъ краѣ, по словамъ доктора Соколова, остяки умираютъ отъ цынги, тифа, сифилиса и простуды; болѣзни здѣсь

[1]) Какія затраты употребляло государство на прибавочное жалованье и привиллегіи, видно было изъ слѣдующихъ оффиціальныхъ данныхъ.

Собранныя по этому предмету свѣдѣнія въ 1875 году показывали что въ одной Западной Сибири на прибавочное жалованье за сибирскую службу ассигновано было въ 1875 году 67,032 р. 81½ и что въ 1874 году выдано пособія (окладъ годоваго жалованья) вновь опредѣленнымъ на службу въ этотъ край 12,804 р. 80 к. По полученнымъ же отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири свѣдѣніямъ, назначено было въ этой части Сибири на 1875 годъ, на прибавочное жалованье за сибирскую службу 64,430 р. 86 к., а на выдачу годовыхъ окладовъ жалованья вновь опредѣленнымъ на службу въ Восточную Сибирь чиновникамъ употреблено въ 1874 году 21,687 р. 73 к. Такимъ образомъ, въ совокупности издержки эти простирались для обѣихъ частей Сибири до 167,000 р. ежегодно.

Digitized by Google

осложняются и принимаютъ невиданныя нигдѣ формы. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, развитіе сифилиса въ Киренскомъ округѣ, въ Восточной Сибири, принимаетъ третичныя формы; зараженными являются поголовно цѣлыя семьи и даже иногда родятся дѣти уже съ испорченными костями. Якутская область, въ 70,000 квадратныхъ миль, съ 230,000 жителей, имѣла только трехъ уѣздныхъ врачей; въ 1879 году въ этой части Восточной Сибири свирѣпствовала оспа на пространствѣ 7,000 верстъ; инородческое населеніе было заражено поголовно; въ Камчаткѣ, Гижигѣ и Охотскѣ постоянно свирѣпствуютъ разныя болѣзни; чтобы хотя нѣсколько пособить бѣдствующему населенію, изъ Петербурга командированы были три врача. Въ 1884 году былъ голодъ въ Нарымскомъ краѣ, въ 1886 году открылись болѣзни на сѣверѣ, въ Обдорскѣ и Березовѣ, причемъ въ Обдорскѣ опять обнаружился недостатокъ медицинскаго персонала.

За недостаткомъ естественно-историческаго и техническаго образованія промышленность края находится въ застоѣ. Производства развиваются туго; окраина поэтому не можетъ удовлетворять себя никакими собственными производствами, она пользуется всѣмъ привознымъ, начиная съ гвоздя, при массѣ своего желѣза, и кончая сукнами, при огромномъ количествѣ шерсти и скота. Всѣ товары достаются Сибири необыкновенно дорого и самаго дурнаго качества; некому разработать экономическіе вопросы и указать правильную дорогу развитію промышленности. Не помогаетъ Сибири и изобиліе сырья, съ которымъ она не знаетъ что дѣлать: мѣха, кожи, сало она не умѣетъ обработывать, хлѣбъ ей некуда сбывать; для основанія металлическаго производства нѣтъ знаній и средствъ. Мѣстное изобиліе, въ видѣ скота и хлѣба, только понижаетъ цѣны и даетъ прибыль однимъ пріѣзжимъ торгашамъ, закабаляющимъ населеніе. Таково экономическое положеніе окраины. Сельское хозяйство, скотоводство, рыболовство и пчеловодство страдаютъ отсутствіемъ всякихъ раціональныхъ способовъ веденія дѣла. Масса скота падаетъ въ Сибири отъ язвы, отъ эпизоотій, отъ небрежнаго ухода, при отсутствіи ветеринаровъ, санитаровъ и т. п. Вообще недостатокъ образованныхъ людей даетъ себя знать во всѣхъ сферахъ труда и промышленности.

Мы не думаемъ, чтобы всѣ эти доводы, сгруппированные въ настоящемъ очеркѣ, а также приведенные отзывы администраторовъ и государственныхъ людей, знавшихъ судьбу края и положеніе въ немъ вещей, лицъ, зрѣло продумавшихъ вопросъ объ университетѣ въ Сибири, были ничтожны.

Digitized by Google

Мы не приводимъ всего, что было сказано въ массѣ оффиціальныхъ записокъ и представленій, начиная съ генералъ-губернатора Капцевича, министра Норова и друг.; точно также не можемъ привести здѣсь ту массу статей, которыя впродолженіе 20 лѣтъ доказывали важность и необходимость высшаго образованія и созданія университета на Востокѣ.

Вопросъ о Сибирскомъ университетѣ получилъ особенное значеніе въ краѣ въ виду отсутствія въ немъ какого либо просвѣщеннаго класса и отсутствія умственной жизни, той дирижирующей, управляющей функціи въ жизни, которая составляетъ необходимое свойство соціальнаго живаго организма. Университетскій вопросъ, какъ вопросъ гражданскій, былъ хорошо понятъ мѣстнымъ обществомъ, отсюда впродолженіе многихъ лѣтъ проявлялись весьма опредѣленныя стремленія этой идеи занять свое мѣсто. Ходъ подготовленія и состоянія университетскаго вопроса въ Сибири составляетъ весьма видный актъ въ исторіи просвѣщенія.

Вотъ нѣсколько точекъ зрѣнія, съ которыхъ этотъ вопросъ разсматривался въ мѣстной и столичной печати втеченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ:

1) Потребность высшаго учебнаго заведенія въ Сибири обусловливается отдаленностью страны и затрудненіемъ для туземцевъ отправляться за 3—6 тысячъ верстъ для обученія въ русскихъ университетахъ.

2) Необходимость высшаго образованія для пріобрѣтенія техническихъ и естественно-историческихъ знаній, безъ которыхъ богатства страны оставались и остаются мертвымъ капиталомъ, а уровень матеріальнаго благосостоянія населенія былъ крайне низокъ.

3) Необходимость высшаго образованія вслѣдствіе недостатка медиковъ и учителей.

4) Въ видахъ доставленія лучшихъ силъ администраціи.

5) Въ видахъ учрежденія и поддержанія такихъ ученыхъ и общественныхъ учрежденій, которыя теперь падаютъ за недостаткомъ образованныхъ людей.

6) Въ видахъ вообще воспитанія общества, созданія въ немъ образованнаго класса и лучшихъ умственныхъ силъ, поднятія уровня нравственности и созданія гражданской честности.

7) Въ виду ожидаемыхъ гражданскихъ реформъ въ Сибири, которыя безъ этого являются немыслимыми.

8) Въ видахъ разработки науки на Востокѣ и открытій въ области знаній географическихъ, историческихъ, филологическихъ и проч., которыми должна обогатиться наука, прини-

Digitized by Google

мая во вниманіе обширность недоступнаго доселѣ для науки обширнаго Азіатскаго континента съ его племенами и народами.

9) Въ виду воспитанія инородцевъ, привитія къ нимъ русской культуры и образованности для довершенія ихъ ассимиляціи.

10) Для подготовленія образованныхъ людей на окраинѣ съ цѣлями дипломатическими для сношеній съ сосѣдними государствами Востока.

11) Въ видахъ общечеловѣческихъ цѣлей цивилизаціи и распространенія ея въ Азіи.

12) Для усиленія и сохраненія русской національности въ виду новыхъ пріобрѣтеній и присоединеній на Востокѣ.

Вслѣдъ за этимъ въ печати указывались и примѣры, какъ давно уже заботятся о развитіи просвѣщенія европейскіе народы въ своихъ колоніяхъ, понимая здѣсь значеніе высшаго образованія: таково было созданіе англійскихъ университетовъ въ Индіи, Новой Голландіи, въ Капской колоніи. Въ послѣднее время основанъ университетъ и въ Японіи, а европейцы просвѣщаютъ самый Китай.

Можетъ ли остаться чужда просвѣщенія только наша окраина?

Принимая во вниманіе положеніе края и его потребности, государь императоръ Александръ II, 25-го апрѣля 1875 года, повелѣлъ генералъ-адъютанту Казнакову, по назначеніи его на должность генералъ-губернатора Западной Сибири, «поднявъ уровень общаго образованія, дать возможность сибирскимъ уроженцамъ подготовить изъ среды своей людей свѣдущихъ и образованныхъ, въ числѣ по меньшей мѣрѣ достаточномъ для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія и, по ближайшемъ и всестороннемъ обсужденіи этого предмета, повергнуть чрезъ министерство народнаго просвѣщенія на Высочайшее воззрѣніе соображенія объ учрежденіи общаго для всей Сибири университета».

Радостно была встрѣчена Высочайшая воля въ Сибири, какъ давно ожидаемое благодѣяніе. Во время ходатайствъ объ университетѣ послѣдовалъ дружный откликъ со стороны мѣстныхъ обществъ и частныхъ лицъ, сдѣлавшихъ значительныя пожертвованія, начиная съ З. М. Цибульскаго, А. М. Сибирякова, внесшихъ по 100,000 р.; впослѣдствіи частныя пожертвованія достигли до полумилліона, что облегчило казнѣ постройку университета. Городомъ Томскомъ было пожертвовано и мѣсто подъ университетъ. Вопросъ до 1880 г. обсуждался въ министерствѣ народнаго просвѣщенія при графѣ Д. А. Толстомъ. При

Digitized by Google

выборѣ города для университета образована была особая коммиссія въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника А. И. Деспотъ-Зеновича. Въ это время до мельчайшихъ подробностей выяснено было все, что касалось будущаго университета, и никакихъ уже препятствій и возраженій ему не предвидѣлось. Съ величайшимъ торжествомъ, въ 1880 году, совершена была наконецъ закладка зданія университета, сопровождаемая привѣтствіемъ и рѣчами присутствовавшихъ мѣстныхъ администраторовъ и представителей учебнаго вѣдомства.

Можно ли было послѣ этого сомнѣваться въ его осуществленіи, и сибирское общество не сомнѣвалось. Вопросъ зрѣлъ, какъ видимъ, слишкомъ много лѣтъ. Отмѣтимъ годъ пожертвованій Демидова и Высочайше утвержденныя еще при блаженной памяти Александрѣ I предначертанія.

По Высочайше утвержденнымъ императоромъ Александромъ I предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія (при указѣ правительствующаго сената отъ 24 января 1803 года) постановлялось, между прочимъ (§ 14), что въ учебныхъ округахъ учреждаются университеты «для преподаванія наукъ въ высшей степени». Университетовъ въ то время назначалось 6, а именно, кромѣ существовавшихъ уже въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ,—въ округѣ С.-Петербургскомъ, Казани и Харьковѣ, а затѣмъ предназначались для университетовъ города Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ Великій и другіе «по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными». Послѣ этого заявленія правительства о предположеніи учредить университеты въ Кіевѣ и Тобольскѣ, П. Г. Демидовъ, между прочимъ, пожертвовалъ тогда же 100,000 р. для этихъ проектируемыхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Съ тѣхъ поръ прошло 83 года. Со времени повелѣнія объ открытіи университета прошло 11 лѣтъ. Фактъ его основанія и торжественной закладки, какъ одна изъ величайшихъ милостей прошлаго царствованія, занесенъ въ исторію.

Все это, какъ и возведенное готовое зданіе съ 17 корпусами для университета, говоритъ скорѣе за то, что университетъ не есть дѣло незрѣлое и гадательное, и вполнѣ разсѣеваетъ тѣ сомнѣнія, которыя могли явиться относительно его своевременности. Отступленіе отъ начатаго дѣла было бы горькимъ разочарованіемъ для окраины и лишеніемъ ея одной изъ самыхъ дорогихъ надеждъ, которыя она питала года; отступленіе отъ этого рѣшенія продлило бы безотрадное положеніе края; мы думаемъ, что оно было бы невыгодно и для самого государства, ибо созданіе университета на Востокѣ есть благо не одно мѣстное, но и благо обще-государственное. Здѣсь предстоитъ разрѣшить во-

Digitized by Google

просъ о томъ: оставлять ли наши передовыя владѣнія въ Азіи слабыми, малозащищенными, невѣжественными и не устроенными граждански, или поддержать здѣсь, при посредствѣ образованія и высшаго знанія, гражданственность, просвѣщеніе и цивилизацію какъ залоги могущества, силы и славы Россіи на завѣщанномъ ей Провидѣніемъ Востокѣ?

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ СИБИРИ

П. А. Словцова.

Нельзя не привѣтствовать съ величайшею радостью новое изданіе замѣчательнаго труда Словцова. Не смотря на то, что первая его часть вышла въ свѣтъ въ 1838 г., а вторая въ 1844 г. (уже по смерти автора), и слѣдовательно со времени составленія этого сочиненія прошло почти полстолѣтія, оно остается до сихъ поръ незамѣнимымъ пособіемъ для всѣхъ занимающихся исторіей Сибири. Распространенію этой книги въ публикѣ должно было препятствовать то обстоятельство, что трудъ Словцова давно сдѣлался библіографическою рѣдкостью; теперь, благодаря новому изданію, онъ доступенъ для всѣхъ.

Какъ извѣстно, старинныя сочиненія Миллера и Фишера, предшественниковъ Словцова въ области сибирской исторіографіи, не выходятъ изъ предѣловъ XVII вѣка; послѣ же Словцова мы находимъ лишь двѣ попытки написать общій обзоръ исторіи Сибири. Это, во-первыхъ, трудъ Щеглова „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири“ (Иркутскъ, 1883 г., 778 стр.); но, при всей добросовѣстности и трудолюбіи покойнаго автора, это, какъ видно и изъ самаго заглавія, именно лишь хронологическій перечень, который дѣлается все подробнѣе по мѣрѣ приближенія къ новѣйшему времени (болѣе половины книги посвящено XIX вѣку), но который, конечно, не можетъ замѣнить связнаго историческаго труда. Другой попыткѣ положено начало въ нынѣшнемъ году: мы разумѣемъ трудъ г. Андріевича „Историческій очеркъ Сибири. Т. II. Періодъ отъ 1700 г. до воцаренія императрицы Елизаветы Петровны“ (первый томъ еще не появился въ свѣтъ). Но это пока

Digitized by Google

собственно не исторія, а лишь систематическая группировка матеріаловъ, почерпнутыхъ изъ Полнаго собранія законовъ, съ прибавкою незначительнаго количества данныхъ изъ нѣсколькихъ пособій. Къ сожалѣнію, авторъ недостаточно знакомъ съ источниками по исторіи Сибири; замѣтимъ, напримѣръ, что, какъ ни велика трудность добывать необходимые матеріалы при составленіи историческаго труда въ Восточной Сибири (книга г. Андріевича вышла въ Иркутскѣ), упущеніе изъ виду даже такихъ легко доступныхъ источниковъ, какъ „Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка", изданные археографическою коммиссіею *), не можетъ быть ничѣмъ оправдано.

Такимъ образомъ трудъ Словцова представляетъ единственное сочиненіе, обнимающее значительную часть исторіи Сибири: со времени ея завоеванія русскими до 1765 г. (мы находимъ въ немъ нѣкоторые факты и изъ позднѣйшихъ годовъ XVIII вѣка). Въ первомъ періодѣ (до 1662 г.) трудъ Словцова весьма кратокъ (этому времени посвящено всего 93 стр.): очевидно, авторъ спѣшитъ къ той эпохѣ, которая не изслѣдована еще Миллеромъ и Фишеромъ; вся же остальная часть первой книги и вся вторая книга представляютъ исторію слѣдующаго столѣтія — съ 1662 по 1765 г. Нужно отдать справедливость Словцову, что въ своей исторіи онъ обращаетъ вниманіе на самыя важныя и существенныя явленія въ исторіи Сибири. Онъ разсматриваетъ и природныя условія этой страны — ея климатъ, горы и рѣки, говоритъ объ инородческихъ племенахъ, ихъ покореніи и возстаніяхъ, разсматриваетъ географическія открытія и постепенную колонизацію страны, описываетъ ея управленіе, распространеніе христіанства, пограничныя столкновенія и народныя бѣдствія, торговлю и промышленность, особенно останавливаясь на горномъ дѣлѣ, говоритъ о повинностяхъ населенія въ пользу государства и т. д. Сочиненіе Словцова не лишено, разумѣется, серьезныхъ недостатковъ, но многіе изъ нихъ объясняются неблагопріятными условіями, въ которыхъ находился авторъ; въ обзорѣ источниковъ первой части своей книги Словцовъ, между прочимъ, говоритъ: „Акты археографической экспедиціи ссужаютъ исторію сибирскую нѣсколькими пополненіями; но какъ они дошли до меня поздно, по совершенномъ изготовленіи первой части моего обозрѣнія, то и нельзя было ими пользоваться иначе,

*) Книга I, вышедшая въ свѣтъ въ 1882 г., представляетъ документы съ 1700 по 1713 гг.; книга II, изд. въ 1885 г., обнимаетъ 1713—1724 гг.

Digitized by Google

какъ размѣстивъ ихъ бѣглымъ образомъ въ приличныхъ мѣстахъ. Получая книги изъ столицъ для мелочныхъ иногда справокъ, чрезъ полгода и болѣе, я нерѣдко винилъ себя за предпріятіе историческое въ такомъ краю, который глухъ и холоденъ для содѣйствія такому труду". Послѣ изданія сочиненія Словцова напечатано множество документовъ по исторіи Сибири: во II—V томахъ „Актовъ историческихъ", въ „Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ", во II и VIII книгахъ „Русской исторической библіотеки" (изд. Арх. ком.), въ „Памятникахъ сибирской исторіи XVIII вѣка", въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ", гдѣ, между прочимъ, въ 1866—1867 гг. было помѣщено замѣчательное собраніе „Матеріаловъ для исторіи Сибири" г. Потанина *) и проч. Кромѣ того, изданы „Краткая сибирская лѣтопись" (въ 1880 г.) и „Чертежная книга Сибири" 1701 г. Имѣя подъ руками всѣ эти новыя изданія, нѣтъ ничего легче, конечно, какъ отыскивать въ трудѣ Словцова различныя погрѣшности и недостатки, но безпристрастный критикъ будетъ скорѣе удивленъ трудолюбіемъ и способностями, которыя обнаружилъ Словцовъ при обстоятельствахъ, весьма неблагопріятныхъ для исполненія его труда.

Мы не имѣемъ ни желанія, ни возможности въ краткой рецензіи указывать на тѣ или другіе недостатки сочиненія Словцова пожелаемъ напротивъ, чтобы современные изслѣдователи, вооруженные, какъ печатными, такъ и архивными источниками, обнаружили столько же настойчивости и любви къ дѣлу при созданіи исторіи Сибири, соотвѣтствующей современнымъ научнымъ требованіямъ, какъ ихъ замѣчательный предшественникъ. Между тѣмъ трудъ г. Андріевича показываетъ намъ, что нѣкоторые изъ нихъ, при всемъ желаніи добросовѣстно отнестись къ дѣлу, не знаютъ, какъ за него взяться. Трудно, разумѣется, осуждать тѣхъ, которые поставлены въ условія, слишкомъ неблагопріятныя для такой работы, которые, по выраженію Щеглова, „осуждены испытывать Танталовы муки", зная, что въ томъ или другомъ изданіи есть важные матеріалы, и не имѣя возможности достать этого изданія въ какомъ нибудь захолустномъ уголкѣ Сибири. Но тѣмъ

*) Матеріалы эти (обнимающіе первые 60 лѣтъ XVIII вѣка) и извлеченія изъ нихъ расположены собирателемъ по слѣдующимъ рубрикамъ: «Состояніе укрѣпленій и войскъ. Пограничныя дѣла и положеніе инородцевъ. Цѣны на разные предметы. Невольничество, кабала и полонъ. Торговля и промышленность. Бѣглые. Преступленія. Болѣзни и скотскіе падежи. Заселеніе. Разныя извѣстія. Церковныя дѣла».

Digitized by Google

не менѣе желательно, чтобы приступающіе къ трудамъ по исторіи этой страны знали, гдѣ искать необходимыхъ для нихъ источниковъ, не ограничиваясь, все еще недостаточными, печатными матеріалами. Г. Андріевичъ, весьма скромно смотрящій на свой трудъ, въ предисловіи къ нему говоритъ, что первоначально онъ желалъ напечатать изданный нынѣ II томъ его сочиненія „только въ 10 экземплярахъ, для того, чтобы имѣть чисто составленный конспектъ для дальнѣйшей обработки онаго, по допускѣ меня къ государственному архиву и для представленія необходимаго числа экземпляровъ по начальству". Не останавливаясь на томъ, что печатаніе книги есть нѣсколько дорогой способъ для того, чтобы имѣть чисто составленный конспектъ, замѣтимъ, что государственный архивъ принадлежитъ къ числу наименѣе доступныхъ и что не только напечатаніе „конспекта", но и цѣлаго ряда трудовъ, не доставляетъ, къ сожалѣнію, историческимъ изслѣдователямъ возможности свободно пользоваться его богатствами: стоитъ только сказать, что нашему знаменитому историку Н. И. Костомарову не было дозволено изучить въ этомъ архивѣ подлинное дѣло о Пугачевѣ! Къ тому же остается неизвѣстнымъ, на сколько богатъ государственный архивъ дѣлами, спеціально касающимися Сибири (архивъ не печатаетъ для общаго свѣдѣнія описей и указателей къ своимъ матеріаламъ, какъ это дѣлаютъ многія подобныя учрежденія). Но, къ счастію, есть древлехранилища, гораздо болѣе или вполнѣ доступныя, въ которыхъ хранится масса неизданныхъ матеріаловъ о Сибири. На первомъ мѣстѣ тутъ слѣдуетъ поставить громадный архивъ министерства юстиціи въ Москвѣ, самымъ любезнымъ образомъ открывающій свои двери для всякаго изслѣдователя. Вотъ какое громадное количество матеріала находится здѣсь въ однихъ дѣлахъ сибирскаго приказа: книгъ 1,648 (1595—1765 гг.), столбцовъ 2,048 (1620—1717 гг.), вязокъ 251 (1702—1767 гг.). Почти ко всѣмъ этимъ матеріаламъ есть описи, хотя не напечатанныя, но доступныя всякому занимающемуся въ архивѣ. Множество матеріаловъ для исторіи Сибири въ XVIII вѣкѣ встрѣчается также въ дѣлахъ сената, хранящихся въ томъ же архивѣ министерства юстиціи.—Другое обширное древлехранилище въ Москвѣ—архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ—хотя и не въ такой степени, но также богатъ матеріалами по исторіи Сибири. Пользованіе ими облегчено трудомъ г. Пуцилло „Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ"

Digitized by Google

(М., 1879 г.). При всѣхъ недостаткахъ этого указателя, онъ, все-таки, окажетъ значительную помощь изслѣдователю сибирской исторіи. Затѣмъ нѣтъ почти архива или собранія рукописей, гдѣ не хранилось бы тѣхъ или другихъ матеріаловъ для сибирской исторіи: и въ академіи наукъ, которой принадлежитъ часть портфелей историографа Миллера (отсюда черпаетъ матеріалы археографическая коммиссія для своего изданія „Памятники исторіи этого края: XVIII вѣка)", и въ публичной библіотекѣ въ Петербургѣ, и въ архивахъ горнаго департамента и кабинета (гдѣ множество матеріаловъ для исторіи разработки сибирскихъ горныхъ богатствъ), и въ архивѣ министерства государственныхъ имуществъ и проч., и проч.

Само собою разумѣется, что охватить одному человѣку всю эту груду сыраго матеріала дѣло совершенно невозможное. Вотъ почему въ настоящее время особенно желательны монографіи, посвященныя исторіи той или другой стороны прошлаго Сибири. Уже покойный Щегловъ высказалъ пожеланіе относительно появленія отдѣльныхъ монографій по исторіи церкви, гражданскаго управленія, развитія просвѣщенія въ краѣ, исторіи научнаго изслѣдованія Сибири, ея исторической статистики и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ темъ могутъ представить отдѣлы, сами по себѣ крайне обширные: такъ, напримѣръ, изъ исторіи церкви вообще можетъ быть выдѣлена исторія раскола въ Сибири, историческое изслѣдованіе котораго весьма желательно. Можно указать немало и другихъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ: исторія колонизаціи Сибири, не ограничивающаяся одною хронологіею населенныхъ мѣстъ, которой требовалъ Щегловъ, а изслѣдующая и этнографическую, и экономическую сторону этого явленія, исторія крестьянъ въ Сибири)см. интересную статью К. П. Михайлова „Крѣпостничество въ Сибири" въ „Сибирскомъ Сборникѣ" кн. I), исторія городской жизни (матеріалы, касающіеся нѣсколькихъ сибирскихъ городовъ, уже изданы въ Москвѣ), исторія сибирскаго казачества, исторія торговли, цѣнъ, домашней жизни и проч. Напомнимъ, что начиная такія изученія, историкъ обязанъ считаться не только съ печатными и архивными матеріалами, но и съ явленіями современной жизни. Въ трудѣ, посвященномъ характеристикѣ положенія крестьянъ въ одну изъ эпохъ русской исторіи, мы говорили: „Знакомство съ матеріалами и изслѣдованіями о современномъ положеніи русскаго крестьянина необходимо не только потому, что оно даетъ матеріалъ для сравненія и позволяетъ опредѣлить, лучше

Digitized by Google

или хуже было положеніе крестьянъ въ старину, въ какомъ направленіи измѣнился ихъ бытъ; оно вводитъ историка въ глубь крестьянской жизни, оно позволяетъ ему открывать въ настоящемъ остатки давней старины, оно заставляетъ искать въ прошломъ явленія, которыя безъ подобнаго предварительнаго изученія могли бы остаться незамѣченными". Сказанное здѣсь спеціально объ исторіи крестьянства прилагается и къ другимъ частямъ исторіи Россіи вообще и той или другой области ея въ частности. Къ счастію, начинающій историкъ Сибири имѣетъ для знакомства съ ея современною жизнью такое превосходное сочиненіе, какъ талантливый трудъ Н. М. Ядринцева „Сибирь какъ колонія", въ которомъ, впрочемъ, немало и историческихъ данныхъ, трудъ не только извѣстный, разумѣется, всякому интеллигентному сибиряку, но нынѣ появившійся съ нѣкоторыми дополненіями и въ нѣмецкомъ переводѣ. Чтеніе этого прекраснаго сочиненія лучше всего укажетъ начинающему изслѣдователю, чего нужно искать въ грудѣ сырыхъ матеріаловъ по исторіи Сибири.

Изъ всего сказаннаго видно, что жатва велика; отчего же дѣлателей мало? Это вовсе не удивительно. Много ли работниковъ и на поприщѣ общей русской исторіи, хорошо ли изслѣдованы самые существенные ея вопросы? Что же касается областей, то, если не считать прибалтійской окраины Россіи, лучше всего разработана исторія Малороссіи. Чѣмъ же это объясняется? Безъ всякаго сомнѣнія, существованіемъ такого научнаго центра, какъ Кіевскій университетъ. Точно также для развитія сибировѣдѣнія вообще и сибирской исторіографіи въ частности самымъ могучимъ толчкомъ несомнѣнно будетъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое открытіе Сибирскаго университета. Будемъ надѣяться, что сторонникамъ мракобѣсія не удастся утвердить мысль о какихъ-то опасныхъ послѣдствіяхъ открытія новаго научнаго центра. Университетъ на далекой русской окраинѣ дастъ много новыхъ работниковъ для столь настоятельно необходимаго изученія того своеобразнаго міра, который носитъ названіе Сибири и безъ хорошаго знакомства съ которымъ невозможно вполнѣ плодотворное правительственное воздѣйствіе на эту страну.

Въ щедрыхъ пожертвованіяхъ въ пользу Сибирскаго университета сказалось горячее желаніе мѣстной интеллигенціи усилить свѣтъ истинной науки на дорогой для нея родинѣ. Частная иниціатива даетъ о себѣ знать и въ другихъ полезныхъ начинаніяхъ: такъ въ томъ же изданіи книги Словцова, которое вызвало нашу

Digitized by Google

замѣтку, мы находимъ заявленіе о преміи за лучшія сочиненія по исторіи Сибири изъ процентовъ на капиталъ (10,000 руб.), пожертвованный А. М. Сибиряковымъ. Такимъ образомъ труженики въ области сибирской исторіографіи могутъ отнынѣ надѣяться на вознагражденіе за ихъ тяжелый трудъ. Но, не говоря уже о томъ, что лишь немногія лица могутъ разсчитывать на возможность удостоиться подобной награды по окончаніи того или другаго историческаго изслѣдованія, величайшая трудность заключается въ его составленіи, особенно для изслѣдователя, не надѣленнаго судьбою самостоятельными средствами, которыя дали бы ему возможность всецѣло отдаться такому труду.

Прежде всего величайшее затрудненіе состоитъ въ отсутствіи спеціальнаго указателя, посвященнаго обзору всей литературы о Сибири. Правда, еще въ 1878 г. коммиссія, избранная географическимъ обществомъ по поводу трехсотлѣтняго юбилея покоренія Сибири, между прочимъ, предположила составить „полный перечень сочиненій, русскихъ и иностранныхъ, относящихся до Азіатской Россіи въ ея нынѣшнемъ составѣ за три вѣка“. Но если географическое общество не нашло возможнымъ продолжать печатаніе даже столь необходимаго для него самого труда, какъ „Литература русской географіи и этнографіи“ г. Межова, обнимающаго всю русскую географическую литературу за извѣстный годъ, то тѣмъ менѣе вѣроятно напечатаніе имъ сибирской библіографіи. Нельзя не порадоваться поэтому, что за такой важный и прежде всего необходимый трудъ взялись молодые сибиряки, живущіе въ Петербургѣ.

Другая трудность изслѣдованій по исторіи Сибири состоитъ въ недостаточномъ количествѣ печатныхъ матеріаловъ, и потому нельзя: не быть искренно признательнымъ такимъ лицамъ, какъ г. Зостъ, (на средства его печатаются „Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка“), которые содѣйствуютъ пополненію изданныхъ источниковъ для исторіи Сибири. Но одного печатанія матеріаловъ недостаточно надо дать средства молодымъ, начинающимъ спеціалистамъ по сибирской исторіи заняться разработкою груды матеріаловъ, относящихся къ ихъ родинѣ. Вотъ почему крайне желательно, чтобы лица, желающія развитія сибирской исторіографіи и имѣющія возможность жертвовать на это извѣстныя суммы, обратили вниманіе на необходимость матеріальной поддержки молодыхъ спеціалистовъ по исторіи Сибири, особенно если они уже заявили свое трудолюбіе и способности какою либо работою въ этой области,

Digitized by Google

будетъ ли эта поддержка въ формѣ стипендій при университетахъ, на подобіе тѣхъ, которыя выдаются лицамъ, приготовляющимся къ экзамену на степень магистра, или въ какой либо иной формѣ.

Повидимому, мы очень далеко уклонились отъ труда Словцова, вызвавшаго насъ сказать то, что было сказано, но только повидимому. Дальнѣйшее развитіе сибирской исторіографіи зиждется на трудахъ Миллера, Фишера и Словцова, и книга Словцова должна быть слѣдовательно настольною книгою всякаго будущаго изслѣдователя прошлаго Сибири. Пожелаемъ, чтобы она сдѣлалась настольною книгою и всякаго образованнаго сибиряка, хотя нельзя не признать, что сочиненіе Словцова читается не легко, между прочимъ, вслѣдствіе устарѣлаго, тяжелаго слога. Во всякомъ случаѣ мы тѣмъ болѣе должны быть благодарны И. М. Сибирякову за вторичное, прекрасно исполненное ея изданіе, что лица, печатающія книги съ коммерческою цѣлью, конечно, не взялись бы за сочиненіе Словцова: изданіе это не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя приносятъ выгоды.

Желающихъ познакомиться съ біографіей Словцова мы отсылаемъ къ небольшой, но интересной статьѣ о его жизни, подписанной иниціалами К. М., которая приложена къ изданію г. Сибирякова. Въ ней, между прочимъ, приведена и та проповѣдь, которая была произнесена Словцовымъ, когда онъ, еще въ царствованіе императрицы Екатерины, былъ учителемъ тобольской семинаріи и за которую онъ былъ арестованъ, привезенъ въ Петербургъ въ тайную канцелярію и выдержалъ смиреніе въ Валаамскомъ монастырѣ.

В. Семевскій.

Аѳанасій Прокопьевичъ Щаповъ, портретъ котораго прилагается при настоящей книгѣ „Сибирскаго Сборника“, получилъ славную извѣстность въ русской литературѣ какъ историкъ, этнографъ и публицистъ. Приводимъ краткія свѣдѣнія о его жизни. Родился Щаповъ въ 1830 году въ селѣ Ангѣ, Верхоленскаго округа, около 250 верстъ отъ Иркутска. Отецъ его былъ дьячекъ того же села, а мать—простая крестьянка, бурятка. Проведя первоначально свое дѣтство въ деревенской обстановкѣ, онъ потомъ обучался въ иркутскомъ духовномъ училищѣ, откуда въ 1846 году перешелъ въ духовную семинарію въ Иркутскѣ же. По окончаніи здѣсь ученія, въ 1852 году онъ, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ семинаріи, отправленъ былъ на казенный счетъ въ Казань, для полученія

Digitized by Google

образованія въ духовной академіи. По окончаніи курса въ академіи, въ 1857 году онъ былъ сдѣланъ баккалавромъ и получилъ здѣсь профессуру русской исторіи, вскорѣ послѣ чего сталъ читать тотъ же предметъ и въ Казанскомъ университетѣ. Затѣмъ, вслѣдствіе извѣстнаго дѣла о панихидѣ по Антонѣ Петровѣ, Щаповъ въ 1861 году былъ лишенъ профессорства и вытребованъ въ Петербургъ, гдѣ прожилъ до 1863 года; потомъ онъ былъ отправленъ на „мѣсто жительства“ на родину въ Иркутскъ. Въ Иркутскѣ онъ не оставлялъ ученыхъ работъ. Присоединился въ Сибири къ Отдѣлу географическаго Общества, совершилъ туруханскую экспедицію и помѣщалъ статьи по исторіи Сибири. Онъ умеръ въ Иркутскѣ въ 1876 г., 27 февраля. Его біографъ, Аристовъ *), говоритъ о немъ: „Своимъ страстнымъ увлеченіемъ и порывистой энергіей, страшной силой убѣжденія и непреклоннаго характера, необычайной задушевностью и горячею любовью къ народу, онъ электризовалъ и другихъ“. Это былъ отецъ областничества, провозгласившій съ ученой каѳедры, что „русская исторія, въ самой основѣ своей, есть попреимуществу исторія различныхъ областныхъ массъ народа, исторія постояннаго территоріальнаго устройства, разнообразной этнографической организаціи, взаимодѣйствія, борьбы, соединенія и разнообразнаго политическаго положенія областей до централизаціи и послѣ централизаціи“; онъ сожалѣлъ, что „мы, изучая русскую исторію, оставляемъ почти безъ всякаго вниманія этотъ областной элементъ, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи“. Щаповъ написалъ очень много статей: объ общинѣ, по исторіи раскола, о земствѣ въ древней Руси, по этнографіи инородцевъ и проч.; длинный библіографическій перечень его трудовъ помѣщенъ въ біографіи, составленной Аристовымъ, полнаго же собранія его сочиненій не издано. Часть изъ написаннаго имъ, къ сожалѣнію, погибла безвозвратно: такъ, вполнѣ приготовленный къ печати трудъ его о туруханской экспедиціи сгорѣлъ вмѣстѣ съ другими его бумагами во время пожара въ Иркутскѣ въ 1879 году.

Въ память заслугъ Щапова въ Иркутскѣ при Отдѣлѣ географическаго Общества составлена была подписка на памятникъ, который открытъ лѣтомъ 1886 года въ Иркутскѣ. Онъ представляетъ колонну на пьедесталѣ, украшенную гирляндами, съ крестомъ и вѣнкомъ; на памятникѣ лаконическая надпись: „Писателю родина. Аѳанасій Прокопіевичъ Щаповъ. 1830—1876 г.“,—надпись, показывающая, что родина сохранила къ нему теплыя чувства. Городская дума ходатайствуетъ объ основаніи стипендіи имени А. П. Щапова.

Библіографическій отдѣлъ, за недостаткомъ мѣстъ, не могъ войдти въ настоящую книгу приложенія и войдетъ въ слѣдующую 4-ю книгу въ двойномъ размѣрѣ.

---

*) См. «Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ». (Жизнь и сочиненія). Съ портретомъ А. П. Щапова. Сочиненіе профессора Н. Я. Аристова», Спб., 1883.

Digitized by Google

168

Соисканіе на премію потомственнаго почетнаго гражданина А. М. Сибирякова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, 3-го февраля 1883 года, Высочайше соизволилъ на принятіе Императорскою академіею наукъ въ ея вѣдѣніе капитала въ десять тысячъ рублей, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ А. М. Сибиряковымъ, съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ этой суммы, черезъ каждые три года, выдавалась премія имени жертвователя за лучшее историческое оригинальное сочиненіе о Сибири, и чтобы по открытіи Сибирскаго университета сему послѣднему былъ переданъ какъ означенный капиталъ, такъ и обязанность присужденія и выдачи преміи Сибирякова.

Въ 1886 году будетъ происходить первый конкурсъ на означенную премію.

Авторы, желавшіе въ немъ участвовать, приглашались доставить свои сочиненія въ академію не позже 1-го января 1886 года. На конкурсъ принимаются только оригинальныя, на русскомъ языкѣ, историческія сочиненія о Сибири, а именно такія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ или общую исторію всего этого края, или отдѣльныхъ его частей, а также исторію сибирскихъ племенъ, гражданскаго быта, древностей, промысловъ, просвѣщенія, и т. д. Къ соисканію преміи допускаются также и сборники историческихъ документовъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ.

Изъ печатныхъ сочиненій, въ соисканіи могутъ участвовать лишь такія, которыя вышли въ свѣтъ втеченіе шести лѣтъ, предшествовавшихъ конкурсу, т. е. съ 1-го января 1880 года. Рукописныя же сочиненія, представляемыя на конкурсъ, должны быть писаны чисто и четко. При этомъ авторамъ предоставляется на волю выставить свое имя на самой рукописи или же скрыть его въ приложенномъ къ ней особомъ пакетѣ, подъ девизомъ.

Премія за рукописное сочиненіе выдается автору лишь по представленіи имъ въ академію экземпляра отпечатаннаго сочиненія.

Право на полученіе преміи имѣютъ лишь авторъ или его наслѣдникъ, но отнюдь не издатель увѣнчаннаго сочиненія.

Отчетъ о результатахъ перваго конкурса на премію А. М. Сибирякова будетъ доведенъ до всеобщаго свѣдѣнія въ публичномъ собраніи академіи 29-го декабря 1886 года и затѣмъ напечатанъ въ ея изданіяхъ.

Digitized by Google

„ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ",

собраніе научныхъ и литературныхъ статей о Сибири и Азіатскомъ Востокѣ. Изданный подъ редакціей Н. М. Ядринцева. Ц. 2 р.

(496 стр., съ 2-мя таблицами рисунковъ).

Содержаніе «СБОРНИКА» слѣдующее: Отъ Редакціи.—Въ тайгѣ. (Очерки пріисковой жизни въ Сибири). **Завитнова.** — Очерки порядковъ поземельной общины въ Тобольской губерніи. **С. Я. Капустина.**—Первобытный буддизмъ. **В. Л.**—Начало осѣдлости. (Изслѣдованіе по исторіи культуры). **Н. Ядринцева.**—На чужой сторонѣ. (Нѣсколько главъ изъ жизни ссыльныхъ). **Семилужинскаго.**—Наталья Дмитріевна фонъ-Визина. **М. С. Знаменскаго.**—Сороковые года въ Иркутскѣ. **В. И. Вагина.**—Олекминская Калифорнія. **Н. Г — ва.**—Хозяйственный бытъ сибирскаго крестьянина. **С. Я. Капустина.**—Театральныя представленія и религіозныя празднества въ Китаѣ. **А. В. Потаниной.**—Міросозерцаніе и народное творчество сибирскихъ инородческихъ племенъ. Алтайскія горы по легендамъ инородцевъ. **В. Вербицкаго.**—Начало печати въ Сибири. —ъ —Судьба сибирской поэзіи и старинные поэты Сибири. **Сибиряка.**—Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей. (Очеркъ по древней исторіи Сибири). **А. Оксенова.**—Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ. **А. Оксенова.**—Древніе памятники и письмена въ Сибири. **Н. Ядринцева.**—Библіографія: Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири (1032—1982). Составилъ И. В. Щегловъ.—Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ Гр. Новицкаго, изданное Л. Н. Майковымъ.—«Записки» западно-сибирскаго и «Извѣстія» восточно-сибирскаго отдѣловъ Императорскаго русскаго географическаго Общества.—Приложеніе: Рисунки земледѣльческихъ орудій тюркско-алтайскихъ племенъ и снимки древнихъ надписей на скалахъ Сибири. С.-Петербургъ, 1885 г.

СБОРНИКЪ

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ О СИБИРИ И СОПРЕДѢЛЬНЫХЪ ЕЙ СТРАНАХЪ.

Томъ I. I. Матеріалы для библіографіи Сибири и сопредѣльныхъ съ нею странъ.—II. Ангарскіе пороги (съ картой). В. Титова.—III. Воздушный тарантасъ. Александрова. — IV. Пространство и населеніе Восточной Сибири. — V. Женщина у инородцевъ Томской губерніи. Князя Кострова.—VI. Именинникъ. Бестужева.—VII. Къ этнографіи Сибири: 1) Изъ лѣтописи кулачества. Н. Наумова. 2) Байзатуй. М***. — VIII. Корейцы на Амурѣ. В. Вагина. — IX. Значеніе 1875 года для Сибири и сопредѣльныхъ ей странъ. — Корея. П. И. Жданъ-Пушкина.—Амурскій обѣдъ 26-го февраля 1876 года.

II томъ 1. вып. I. Наши сношенія съ Даюнгарскими владѣльцами. Сообщеніе Г. Н. Потанина.—II. Объ устройствѣ водянаго сообщенія въ Восточной Сибири (мнѣніе сенатора Толстаго).—III. Новое административное раздѣленіе Сибири.—IV. Эгоистическіе инстинкты въ Ленской народной общинѣ бурятско-улусной, осѣдло-инородческой и русско-крестьянской. А. П. Щапова.—V. Олекенская экспедиція. Изъ путеваго журнала (съ картой). Ф. Ф. Миллера.—VI. Нѣсколько данныхъ о современномъ положеніи нашихъ сѣверо-восточныхъ прибрежій, изъ отчетовъ К. К. Неймана. — VI. Всеобщая воинская повинность въ Сибири: первый призывъ (медицинскій матеріалъ). А. А. Веревкина.—VIII. Эпизоды изъ жизни природы и человѣка въ Восточной Сибири; весна въ окрестностяхъ Иркутска. Полякова. — IX. О старинной дешевизнѣ въ Восточной Сибири (изъ замѣтокъ старожила).—X. Этнографическій очеркъ Южнаго Сахалина. Ф. Депперадовича.—XI. Воспоминанія бродяги.—Въ приложеніи: XII. Пекинская равнина и сосѣдняя съ нею горная страна (переводъ съ нѣмецкаго). Бретшнейдера.

Цѣна 1-го тома 5 р., 1-го вып. 2-го тома—2 р. 50 к.

Digitized by Google

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

выходитъ еженедѣльно подъ редакц. Н. М. Ядринцева.

Изданіе посвящено изслѣдованіямъ въ Азіи, новостямъ политики, наукъ и общественной жизни на русскомъ Востокѣ, въ Сибири и Туркестанѣ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1. Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями.—2. Отдѣлъ оффиціальный—важнѣйшія нравительственныя распоряженія.—3. Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ.—4. Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ.—5. Политическія извѣстія общія и, въ частности, касающіяся азіатскихъ странъ.—6. Корреспонденціи изъ провинціи; съ русскихъ окраинъ, изъ Сибири, Туркестана и сосѣднихъ азіатскихъ государствъ.—7. Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности.—8. Литературное обозрѣніе — критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы.—9. Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія.—10 Фельетонъ.—11. Судебная хроника.—12. Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ.—13. Объявленія казенныя и частныя.

УТВЕРЖДЕННАЯ ПРОГРАММА ОСОБАГО ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГАЗЕТѢ „ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

1. Отдѣлъ беллетристическій, заключающій бытовые очерки, повѣсти и романы изъ жизни Востока и Сибири. Изящная литература и поэзія.—2. Научный отдѣлъ. Путешествія и изслѣдованія, касающіяся русскихъ владѣній въ Азіи и сопредѣльныхъ странъ. Изслѣдованія русскаго и инородческаго быта. Статьи по естествознанію, этнографіи, антропологіи, статистикѣ, исторіи и археологіи.—3. Историческіе, экономическіе и этнографическіе матеріалы. Былины, пѣсни и сказки, а также инородческія легенды и произведенія народнаго творчества и міросозерцанія.—4. Переводы путешествій и очерковъ, касающихся Азіи, русскаго Востока, Туркестана и Сибири.—5. Обзоръ литературы: критика и библіографія русскихъ и иностранныхъ сочиненій.—6. Новости науки и литературы. Къ статьямъ, особенно этнографическимъ и научнымъ, могутъ быть прилагаемы рисунки и карты.

Въ 1886 году приложеніе состоитъ изъ четырехъ книгъ «СИБИРСКАГО СБОРНИКА».

Содержаніе первой книги: I. Городй. (Изъ лѣтнихъ экскурсій по Уралу). **Д. Н. Мамина.**—II. Раскольничьи общины на границѣ Китая. **Н. М. Ядринцева.**—III. Сузгé. (Сибирское преданіе изъ временъ завоеванія Сибири). Поэма **П. Ершова**, автора «Конька-Горбунка».—IV. Ермакъ Тимоѳеевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа. Статья I-я. **А. В. Оксенова.**—V. Крѣпостничество въ Сибири. (Страницы изъ исторіи инородческой и крестьянской неволи). **К. П. Михайлова.**—VI. Амурская Калифорнія. (По разсказамъ очевидца).—VII. Путешествіе итальянца **Сомье** по Сибири. **П. М. Головачева.**—VIII. Критика и библіографія.—**Къ первой книгѣ «Сборника» приложено шесть рисунковъ:** Городъ Тобольскъ, съ рисунка П. М. Кошарова, Ермакъ Тимоѳеевичъ, съ рисунка Спасскаго, Тобольскіе татары съ рисунка Знаменскаго, Самоѣдка, Нищіе въ Березовѣ, Остяки-музыканты.

Содержаніе второй книги: I. Сибирскіе мученики. (Очерки жизни пріисковыхъ рабочихъ). Гл. I—II. **С. А. Срѣтенскаго.**—II. На обѣтованныхъ земляхъ. (Изъ путешествія по Алтаю), **Н. М. Ядринцева.**—III. Ермакъ Тимоѳеевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа. Статья II-я. (Окончаніе). **А. В. Оксенова.**—IV. Схема исторіи сибирской общины. **Н. Е. Петропавловскаго.**—V. Сибирь какъ колонія. (Сообщеніе въ Вост.-Швейц. географ. Общ.). Профессора **Э. Ю. Петри.** — VI. Современная жизнь Сибири и ея нужды. **К. М.**—VII. Поѣздка въ Ачунъ-нацзунъ, монастырь урджянистовъ **Г. Н. Потанина.** - VIII. Критика и библіографія.—IX. Проектъ устава сибирско-уральской научно-промышленной выставки и программы отдѣловъ.—**Рисунки:** 1) Видъ зданія Сибирскаго университета въ Томскѣ. 2) Портретъ Григорія Николаевича Потанина.

Цѣна газеты на годъ 8 р., на 9 мѣс. 6 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 3 р.

Приложенія для годовыхъ подписчиковъ газеты стоятъ 2 р. Выписывающіе **приложенія** отдѣльно платятъ за годъ 5 р. Въ отдѣльной продажѣ каждая книга стоитъ 2 р.

Digitized by Google

СИБИРСКІЙ

СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціею Н. М. Ядринцева.

Приложеніе къ „Восточному Овозрѣнію“

1886 г.

КНИГА IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39).
1887.

Digitized by Google

„СИБИРСКІЕ МОТИВЫ".

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе. — Въ Сибири, Омулевскаго. — Я знамъ не вѣрю, но порой, его-же.—Если ты, странствуешь, путникъ, его-же.—Сибирь (на открытіе Сибирскаго университета въ Томскѣ), С. Фруга. — Счастливый сонъ, Омулевскаго. — Къ родинѣ, П. Кожевникова. — Родина, Семилужинскаго. — Къ родинѣ, А. Эпова. — Вѣчно томимый завѣтной кручиной, Стрѣтенскаго. — Барабинская степь, Омулевскаго. — При разливѣ Оби, его-же. — На берегахъ Енисея, его-же.—Бирюсинскій лѣсъ, его-же.—Между Томскомъ и Иркутскомъ, его-же.—Ангарская греза, его-же.—Близъ границъ Монголіи, его-же. — Байкальская степь, С. Москвина. — Алтай, Д. Садовникова. — Сибирскія святки, Омулевскаго. — Сибирякъ, его-же. — Зимній путь, Н. Огарева.—Пустыня, Н. Д.—Въ лѣсу, его-же.—Переселенцы, С. Москвина.—Залетныя птицы, Омулевскаго.—Колодники, А. Толстаго.—Посланіе въ Сибирь, А. Пушкина.—Жена каторжника (изъ Барри Корнуэля).—На дальней родинѣ, моей, Омулевскаго. — Изъ поэмы „дѣдушка", Н. Некрасова. — Балаганъ, Семилужинскаго. Ермакъ Тимоѳеевичъ. Ермакъ взялъ Сибирь (изъ древне-россійскихъ стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ). — Стрѣлы, Д. Садовникова.—Три брата, его-же.— Саатырь, Марлинскаго. Отрывки изъ поэмы: Войнаровскій, К. Рылѣева.—Далекій край, М. Розенгейма.—Камчадалъ, Омулевскаго. — Къ бурятке, Ѳ. Бауэръ-дауфа.— Вѣтрянка, Семилужинскаго —Черемуха, В. Михѣева.—Красная лилія, его-же. — Какъ бы жизнь ни шла сурово, Омулевскаго.—Сибирская колыбельная пѣснь, его-же. Дума сибиряка, С. Бердяева.—Посвященіе дочери, Омулевскаго.—Къ молодому поколѣнію, его-же.—Подростающимъ землячкамъ, его-же.—На новый годъ, его-же. — Оборванныя струны, его-же. — Пройдутъ года и ты, страна родная его-же.

С.-Петербургъ. 1886 г. Ц. 20 коп., съ перес. 25. заказн. 33 коп.

Изданіе И. М. Сибирякова.

Всѣ деньги, полученныя за продажу этой книги, предназначены въ пользу семьи покойнаго поэта И. В. Омулевскаго (Федорова). Книга выпущена въ количествѣ 5.000 экземпляровъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ СИБИРИ.

Періодъ отъ 1700 года до воцаренія Императрицы Елисаветы Петровны 25-го ноября 1741 года. Составилъ В. К. Андріевичъ. 1886 г. Иркутскъ. Ц. 1 руб. 75 коп.

Продается въ пользу Общества содѣйствія учащимся въ Петербургѣ сибирякамъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ СИБИРИ.

П. А. СЛОВЦОВА.

Съ біографическимъ очеркомъ автора.

Цѣна 3 рубля за 2 тома. Съ пересылкою 3 р. 50 к.

Книга продается въ конторѣ «Восточнаго Обозрѣнія» и въ магазинѣ Попова, у Пассажа, а также въ Томскѣ въ книжн. магаз. Михайлова и Макушина и въ Иркутскѣ въ конторѣ редакціи «Сибири».

Digitized by Google

СИБИРСКІЙ

СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціею Н. М. Ядринцева.

Приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію“

1886 г.

КНИГА IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39).
1887.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23-го Апрѣля 1887 года.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Книга IV-я, 1887 г.

стр.

I. Сибирскіе мученики. (Очерки жизни пріисковыхъ рабочихъ). Гл. VI. Побѣгъ.—Гл. VII. Брошенный пріискъ. (Окончаніе). **С. А. Стрѣтенскаго** 1

II. Бубновые тузы на покоѣ. (Изъ записной книжки). Страдалецъ. Гл. I—IV. **Сибирскаго Путешественника** 34

III. Ной. Двое сутокъ въ монастырѣ бонбо. (Изъ путешествія въ Китай). **Г. Н. Потанина** 53

IV. Объ отношеніяхъ европейцевъ къ Китаю. Рѣчь, прочитанная на актѣ С.-Петербургскаго университета 8-го февраля 1887 года ординарнымъ профессоромъ **А. М. Позднѣевымъ** 64

V. Поѣздка на гору Кокчетавъ. **Р.** 95

Иллюстраціи: Кокчетавскіе виды: 1) Протока, соединяющая Боровое и Чебачье озера.—2) Сопка «Сахарная Голова» на Боровомъ озерѣ,

VI. Слухи и вѣсти о Сибири до Ермака. **А. В. Оксенова** 108

VII. Изученіе крестьянскихъ переселеній въ Сибирь. Опытъ программы для изслѣдованія крестьянскихъ переселеній въ Сибирь. **И. А. Гурьевича** 117

VIII. Иннокентій Васильевичъ Ѳедоровъ-Омулевскій . .

Иллюстрація: Портретъ поэта-сибиряка Инн. Вас. Ѳедорова-Омулевскаго. 138

IX. Библіографія: По тюрьмамъ и этапамъ. Очерки тюремной жизни и путевыя замѣтки отъ Москвы до Красноярска. И. П. Бѣлокопскаго (Петровича). Орелъ. 1887.—Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году. Дневникъ П. И. Челищева. Изданъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова. Спб. 1886.—О шертной грамотѣ ногайскаго князя Измаила. Д. Ф. Кобеко (въ «Извѣстіяхъ» Императорскаго русскаго

Digitized by Google

стр.

археологическаго Общества).—Наказъ царя Алексѣя Михайловича Махмету Исупу Касимову, посланному въ 1675 году къ великому моголу Аурензебу. Издалъ Дмитрій Кобеко. Спб. 1884.—Поѣздка митрополита Хрисанеа къ Далай-Ламѣ въ 1792 году. Дм. Ф. Кобеко 142

X. Списокъ книгъ о Сибири и Азіатскомъ Востокѣ, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1885—1886 годахъ и въ началѣ 1887 года 160

IX. Списокъ статей о Сибири и Азіатскомъ Востокѣ, появившихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ за то же время 165

Digitized by Google

СИБИРСКІЕ МУЧЕНИКИ *).

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ ПРІИСКОВЫХЪ РАБОЧИХЪ.

(Окончаніе).

VI.

Побѣгъ.

Ночь. Небо покрылось темными, непроницаемыми облаками; съ запада надвигалась черная, грозная туча, озаряемая порой огненнымъ отблескомъ далекой молніи; слышны были глухіе, словно подземные, раскаты грома. Было совершенно тихо, и какая-то удушливая теплота разливалась въ воздухѣ. Все предвѣщало близость грозы. Гдѣ-то вдали, въ лѣсу, заухалъ филинъ свою нескладную, однообразную пѣсню; раздался крикъ какой-то птицы...

Вдали отъ казармъ, на огромномъ камнѣ сидѣлъ рабочій, онъ неподвижно смотрѣлъ на приближающуюся черную тучу и чутко вслушивался въ ночные звуки и въ далекіе перекаты грома. Это былъ Андрей Хворостовъ. Невыносимо тяжело было у него на сердцѣ. Какъ темная туча, въ которую онъ такъ упорно всматривался, лежало на его душѣ какое-то мрачное предчувствіе чего-то страшнаго. Душно было ему въ казармѣ, и, не смотря на дневной трудъ, онъ не могъ сомкнуть глазъ и вышелъ на вольный воздухъ...

Думалъ онъ о своей молодой, далеко оставленной женѣ. О, какъ ему хотѣлось быть теперь въ своей бѣдной хатѣ,

*) См. «Сибирскій Сборникъ» 1886 г., кн. III-я, стр. 1.

Digitized by Google

быть ближе къ милымъ его сердцу, посмотрѣть на мать-старуху, на жену: что-то онѣ дѣлаютъ, какъ живутъ безъ него, вспоминаютъ ли его?.. Но далеко онѣ—тамъ, за этой грозной тучей... И думаетъ Андрей, что эта грозная туча прошла и надъ ихъ деревней, а вотъ теперь пройдетъ и надъ нимъ, но ничего не скажетъ, не повѣдаетъ грозная туча, только прогремитъ она громомъ и молніей да польетъ землю дождемъ и умчится Богъ знаетъ куда... Думаетъ онъ о своихъ заработкахъ: «Вотъ порадую жену и старуху-мать, какъ прійду домой да принесу денегъ, и заживемъ мы, какъ слѣдуетъ добрымъ людямъ... А что, если въ ортѣ да задавитъ землей?!»... Словно страшное привидѣніе явилось ему и шепнуло эту страшную мысль. Кровь бросилась ему въ голову, и на лбу выступилъ потъ: до того онъ испугался этой страшной мысли. «Не пойду я завтра въ эту проклятую орту, — рѣшилъ Андрей:—а буду работать въ разрѣзѣ—покойнѣе будетъ... А вѣдь не всѣхъ же и давитъ въ этихъ ортахъ. Плата-то хорошая: того не заработаешь въ разрѣзѣ; да и онъ не дастъ загинуть—вызоветъ, коли землѣ придется рухнуть»... При воспоминаніи о немъ (о лѣсномъ дѣдушкѣ) дрожь пробѣжала по тѣлу Андрея: суевѣрное воображеніе живо представило образъ этого дѣдушки—выше лѣсу стоячаго, выше облака ходячаго...

«А что, если онъ выйдетъ изъ лѣсу, да подойдетъ ко мнѣ,—думаетъ Андрей.—Страшно: пойду лучше въ казарму». Онъ осмотрѣлся кругомъ: было темно, и со стороны тучи потянулъ сырой, легкій вѣтерокъ, вершины сосенъ глухо зашумѣли, тяжело покачиваясь изъ стороны въ сторону. Андрей хотѣлъ уже встать и идти, но невольно остановился на мѣстѣ: онъ увидѣлъ въ темнотѣ двѣ человѣческія фигуры, которыя приближались прямо къ нему.

«Это ужъ не онъ ли?»—блеснуло въ головѣ Андрея. Сердце сильно застучало въ его груди, и страхъ перехватилъ дыханіе. Темныя фигуры быстро приближались къ нему. Вотъ онѣ уже близко, можно разсмотрѣть ихъ—это мужики-рабочіе.

— Смотри-ка: это человѣкъ, кажись, сидитъ на камнѣ?— проговорилъ одинъ изъ подходящихъ, обращаясь къ другому.

Digitized by Google

— Человѣкъ же и есть... Какого онъ чорта тутъ дожидается?—отвѣтилъ другой:—не казакъ ли?

— А вотъ увидимъ...

И одинъ прямо подошелъ къ Андрею и наклонился къ самому лицу его, чтобъ разсмотрѣть.

— Кто это?—вполголоса спросилъ подошедшій.

— Я, Андрей Хворостовъ.

— Ты што тутъ сидишь, полуношная птица?

— Не спится што-то; въ казармѣ душно, пошелъ посидѣть...

Подошедшіе были—Александръ Голубевъ и поселенецъ Стручковъ.

— Это онъ мамошку ждетъ, плутъ!—смѣясь, говорилъ Стручковъ:—ну, да чортъ съ тобой, это твое дѣло... Только ты слушай теперь, Андрюха: мы направились въ походъ, да если ты скажешь кому нибудь, что мы ушли, да если насъ поймаютъ... ну, братъ, извини! прощайся ты тогда съ бѣлымъ свѣтомъ: я тебя, братъ, спроважу—гдѣ горшки обжигаютъ. Это ты такъ и заруби у себя на носу, потому я шутить не люблю... Сшибу тебѣ съ маклака башку, и квитъ!.. Слышишь?

— А мнѣ што до васъ?—робко отвѣтилъ Андрей:—по мнѣ хоть всѣ пусть идутъ, это мое развѣ дѣло?.. Нѣтъ, я, ей Богу, никому...

— То-то! ты такъ и знай... Помни, што тебя по осени матка будетъ дожидаться... А если тово, такъ и въ жисть не дождется...

— А если поймаютъ васъ опричь моего слова, я чѣмъ же тутъ виноватъ?..

— Тебя и винить никто не будетъ. Поймаютъ—такъ нашъ фартъ, только ты ни-ни... Послѣ хоть и скажешь, такъ тебѣ же бѣда будетъ—што, скажутъ, тогда не доносилъ! Ты сегодня да завтра только помалкивай, вотъ тебѣ о чемъ говорятъ...

— Нѣтъ, я, ей-Богу, никому...

— Смотри же, не будь Іудой Христопродавцемъ! Ну, некогда съ тобой лясы-то точить; прощай, братъ; Богъ велитъ, такъ увидимся! Да ты не хошь ли съ нами—пойдемъ! Важно пожируемъ, братъ, на волѣ...

*

Digitized by Google

— Нѣтъ, братцы, я не пойду, какъ хочете.

— А, сѣрко ржетъ волка видитъ! Ну, товарищъ, маршъ!—обратился Стручковъ къ Александру.—Прощай, Андрюха, не поминай лихомъ, да помни слова мои.

И бѣглецы быстро зашагали по направленію къ горѣ, за которой разстилалось ольховое болото. Андрей грустно посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и неспѣшно пошелъ въ казарму.

Въ верстѣ отъ пріиска въ густомъ кустарникѣ Стручковъ отыскалъ двѣ котомки, съ запасеннымъ на дорогу сухарями, солью, чаемъ, сахаромъ и котелкомъ. Каждый взялъ свою котомку, и молча пошли одинъ за другимъ чрезъ густой кустарникъ, спотыкаясь въ темнотѣ о валежникъ и коренья. Обогнули гору и спустились къ ольховому болоту.

Пойдемъ-ка, отыскивать себѣ берлогу,—бормоталъ про себя Стручковъ:—здѣсь намъ придется пролежать дня два; иначе нельзя—поймаютъ.

Александръ ничего не отвѣчалъ и молча шелъ за товарищемъ. Онъ уже раскаявался, что рѣшился бѣжать; его такъ и подмывало вернуться назадъ, пока еще есть возможность и пока побѣгъ ихъ не обнаружился. Встрѣча съ Андреемъ какъ-то неловко отозвалась въ его сердцѣ. «Пожалуй, чего добраго,—думалъ онъ:—Стручковъ еще убьетъ меня, коли сказать, что ворочусь... Напрасно пошелъ, напрасно!»

Надъ болотомъ была совершенная тьма, и среди этой непроницаемой тьмы раздавались по временамъ крики лягушекъ и шумъ безчисленнаго множества ящерицъ, разбѣгавшихся изъ-подъ ногъ во всѣ стороны. Среди ночной тишины громко шумѣлъ по камнямъ горный потокъ, и высокая болотная трава шелестила отъ набѣгающаго вѣтерка, предвѣстника грозы.

— Ну, товарищъ, по кочкамъ надо перебираться,—сказалъ Стручковъ, и началъ ползкомъ перебираться съ одной кочки на другую, по направленію, заранѣе имъ выбранному и болѣе удобному. За нимъ послѣдовалъ и Александръ. Вѣтеръ крѣпчалъ; туча надвигалась, и все ближе и ближе раздавались раскаты грома. Началъ накрапывать дождь. Александръ, по непривычкѣ и неопытности, раза два обрывался съ шаткихъ

Digitized by Google

кочекъ и то поясъ падалъ въ болотную грязь и при каждомъ паденіи невольно вскрикивалъ.

— Тише, чортъ!—ворчалъ Стручковъ на неосторожнаго товарища. — ты держись за траву-то крѣпче, а оборвешься, такъ пиши пропало; трясина-то не свой братъ — засосетъ какъ разъ, изъ нея—не изъ воды—не выскочешь...

Наконецъ, они доползли до громадной ели, около которой было нѣсколько возвышенное и сухое мѣсто. Тутъ остановились отдохнуть. Александръ, измокшій и покрытый грязью, растянулся въ изнеможеніи на землѣ.

— Ты переобуйся да вылей изъ бродней-то грязь—легче будетъ,—совѣтовалъ Стручковъ.

— Не могу, братъ... дай отдохнуть!..

Налетѣла буря. Дикимъ звѣремъ завыла она по ущельямъ горъ, съ трескомъ повалились старыя великаны-сосны, и нагнулся до земли слабый кустарникъ. Проливной дождь зашумѣлъ въ лѣсу и понесся по болоту. Огненной лентой сверкнула молнія, и грянулъ оглушительный громъ и тысячу разъ отозвался онъ въ горныхъ ущельяхъ.

— Съ нами крестная сила!—проговорилъ Александръ и перекрестился.

Громъ безпрерывно грохоталъ, и молнія на мгновеніе освѣщала непроницаемую темноту и огненнымъ колоритомъ заливала окрестности. Черныя пирамидальныя ели обрисовывались на этомъ огненномъ фонѣ и словно привидѣнія мгновенно исчезали въ глубочайшемъ мракѣ ночи.

Страшно было Александру проводить эту грозную ночь въ этомъ дикомъ мѣстѣ, подъ открытымъ небомъ, безъ пріюта... Какъ ни плохо было въ казармѣ, но она представлялась теперь ему раемъ, въ сравненіи съ его положеніемъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, сухо, тепло, можно уснуть, а здѣсь—дождь прохлесталъ сквозь всю немудрую одежонку, бродни полны грязи, дрожь бьетъ какъ въ лихорадкѣ, вездѣ сыро, грязно, холодно и темно...

Черезъ часъ проливной дождь смѣнился тихимъ, мелкимъ дождикомъ. Гроза удалялась, все далѣе и далѣе раздавались раскаты грома, молнія изрѣдка прорѣзывала темное небо;

Digitized by Google

при моментальномъ ея блескѣ, Стручковъ старался уловить взглядомъ окрестности, чтобъ опредѣлить свое положеніе въ болотѣ.

— А! теперь знаю, гдѣ мы, — проговорилъ онъ: — надо намъ теперь пробираться влѣво, тамъ въ горѣ есть щель такая, мы въ нее и забьемся; пока насъ будутъ искать, тамъ и отдохнемъ... Пойдемъ, братъ,—обратился онъ къ Александру:— а то вѣдь свѣтать скоро будетъ, какъ бы не напали на слѣдъ...

— Охъ, братъ, не могу я идти,—отвѣтилъ Александръ.

— Ну, какъ нибудь, вѣдь недалеко... Да ты переобуйся, я тебѣ говорю, тутъ воды будетъ меньше, сухой ногой дойдемъ.

Александръ съ трудомъ стащилъ съ ногъ размокшіе бродни и вылилъ изъ голенищъ жидкую, болотную грязь, развертѣлъ мокрыя онучи, выжалъ изъ нихъ воду и снова ими же обернулъ ноги и натянулъ бродни.

— Ну, идемъ!—съ какимъ-то отчаяніемъ крикнулъ онъ и поднялся на ноги. Голова его кружилась, ноги тряслись отъ утомленія.

Пошли. Опять кочки, вода, грязь. Александръ опять зачерпнулъ полныя голенища грязи.

— Ахъ ты, жизнь моя анаѳемская!—стоналъ онъ:—и зачѣмъ родила меня мать на бѣлый свѣтъ? Пропасть бы мнѣ теперь, легче было бы, чѣмъ этакъ-то маяться.

Бродни, полные грязи, какъ чугунныя гири, болтались на его ногахъ и не давали ему свободно идти. Наконецъ, добрели они до предназначеннаго Стручковымъ мѣста. Кочки и болото миновались, пошло ровное мѣсто, поросшее густымъ кустарникомъ.

— Слава Богу, выбрались теперь, — говорилъ Стручковъ:—вотъ и гора, какъ разъ потрафилъ... Я, братъ, тутъ ужъ бывалъ не разъ—мѣсто важное... Теперь надо намъ забраться вотъ на эту самую гору, а тамъ и жилье наше; да надо разуться, босикомъ лучше, а-то никакимъ манеромъ не подымешься. Разувайся, братъ.

Сѣли, разулись, привязали бродни къ опояскамъ.

— Ну, ты за мной лѣзь, да смотри не оборвись, вишь скользко теперь, а то убиться недолго.

Digitized by Google

— Все равно, смерть, такъ смерть,—отвѣтилъ Александръ.

— Ну, Господи, благослови!—и Стручковъ началъ карабкаться почти по совершенно отвѣсной скалѣ. Александръ полѣзъ за нимъ.

Ночь была совершенно темная, и нужно было ощупью отыскивать неровности скалы и высунувшіеся изъ нея камни, чтобы держаться за нихъ руками и опираться ногами. Хотя и нельзя было ничего разсмотрѣть вокругъ себя въ двухъ шагахъ, но Александръ чувствовалъ, что съ каждымъ его движеніемъ впередъ увеличивается высота; онъ чувствовалъ, что одно неловкое движеніе стоило жизни, одна фальшивая точка опоры... и онъ стремглавъ полетитъ внизъ и разобьетъ о камни голову. Порой срывался изъ-подъ его ноги камень, и по его продолжительному паденію можно было заключить, что они поднялись уже очень высоко. Дождевые потоки неслись съ вершины скалы и мутною водой хлестали прямо въ лице отважныхъ бѣглецовъ и обдавали ихъ съ головы до ногъ. Отъ сильнаго напряженія руки и ноги Александра дрожали, но дать имъ отдохнуть не было никакой возможности; потому что на нихъ висѣло все его тѣло. Послѣ промчавшейся грозы было тихо, и въ этой тишинѣ слышно было только тяжелое, прерывистое дыханіе Александра и Стручкова да глухіе звуки падающихъ камней, срывавшихся изъ-подъ ихъ ногъ.

— Каковò ты тамъ лѣзешь?—высоко надъ головой Александра раздался голосъ Стручкова. Словно по веревочной лѣстницѣ поднимались они одинъ за другимъ на отвѣсную стѣну.

— Ничего... раздалось внизу подъ Стручковымъ.

— Ты ногтями-то, ногтями-то крѣпче держись за землю...

— Ломаются ногти-то, не держатъ... я скоро оборвусь, братъ, силушки моей нѣту...

— Недалеко, товарищъ, держись какъ нибудь, теперь ужъ не такъ круто... Вотъ этта трава пошла, хоть зубами держись за траву-то...

Доползъ и Александръ до того мѣста, гдѣ былъ Стручковъ. Скала начала склоняться и дѣлалась положе; подъ руку Але-

Digitized by Google

ксандра попадались трава и кусты мелкаго шиповника, за который онъ, не смотря на боль въ рукахъ, съ радостію хватался и, собираясь съ послѣдними силами, быстро подвигался впередъ.

— Вотъ я ужъ поднялся, можно идти такъ... говорилъ Стручковъ.

— И я поднялся, слава Богу... отвѣтилъ Александръ.

Стручковъ шелъ впереди. Прошли ровную площадку въ нѣсколько саженъ шириною и снова наткнулись на отвѣсную скалу, въ пещеру который и повелъ Стручковъ своего товарища. Въ пещерѣ было темно, какъ въ подземной тюрьмѣ, и вѣяло сыростью, но дно ея было сухое; дождь не проникалъ въ нее чрезъ каменные своды. Точно собственной хатѣ обрадовался Александръ этой пещерѣ, а болѣе всего тому, что въ ней было, по крайней мѣрѣ, сухо.

— Ты подожди, Александръ, не ложись; тутъ наползаетъ этого гаду несмѣтное множество, ожалятъ, проклятыя, а не то сонныхъ въ ротъ понаползутъ. Я вотъ прутъ возьму да повыгоню ихъ, коли есть.—И, сломивъ прутъ, Стручковъ началъ хлестать по всей внутренности пещеры.

— Вотъ теперь и ложиться можно...

— Огня бы, Григорій, разложить, обогрѣться бы маленько да обсушиться,—сказалъ Александръ, ложась на камни.

— Огня? а чѣмъ мы добудемъ его, огня-то? Все подмокло— и спички, и трутъ. Завтра, коли будетъ солнце, такъ высушимся, а сегодня, видно, и такъ ладно.

И они оба легли, прислонясь головами къ холодной стѣнѣ пещеры.

— Ты, Александръ, поѣлъ бы сухарей съ солью; лучше согрѣешься: соль-то грѣетъ человѣка, право! Я поѣмъ...

— Ѣшь, коли хошь; я не хочу...

— Ты сними армякъ-то да одѣнься имъ съ головой да и дыши подъ нимъ, вотъ и тепло будетъ. Эхъ вы, неполированные! — И Стручковъ началъ грызть сухари, которые съ трескомъ разсыпались на его здоровыхъ зубахъ. Александръ послѣдовалъ совѣту товарища: положилъ котомку подъ голову и наглухо закрылся мокрымъ армякомъ. Хоть не мягка была

Digitized by Google

каменная постель, но, согрѣтый собственнымъ дыханіемъ, онъ скоро заснулъ, и сладко успокоились его изнеможенные члены. Послѣ скуднаго ужина и Стручковъ, завернувшись въ армякъ, тоже заснулъ.

Солнце было высоко, когда проснулся Александръ. Онъ хотѣлъ встать, но руки, ноги и спина его до того болѣли, что, послѣ первой попытки подняться, онъ опять съ болѣзненнымъ стономъ опустился на свое жесткое ложе. Стручковъ насмѣшливо посмотрѣлъ на своего товарища. Онъ сидѣлъ у входа въ пещеру и неподвижно, задумчиво смотрѣлъ на разстилающееся подъ нимъ громадное болото.

Послѣ грозы утро было тихое, теплое; въ воздухѣ вѣяло необыкновенною свѣжестію, небо было чисто и ясно, и капли дождя, какъ крупные брилліанты, искрились цвѣтами радуги; надъ болотомъ клубился теплый паръ...

— Каковъ товарищъ? — обратился Стручковъ къ Александру.

— Не могу, братъ! Ай, ай, ай, руки-то у меня какія: ногти-то всѣ пообломались, не можно пошевелить пальцами-то,—говорилъ Александръ, смотря на свои израненныя руки, покрытыя толстымъ слоемъ грязи, смѣшанной съ кровью.

— Дрянь, братъ, ты, я вижу, одюгу въ тебѣ мало... Ну, да ничего, это пройдетъ; пролежимъ денекъ-то, такъ отдохнемъ...

— Хоть бы чаю напиться теперь, проварить бы въ глоткѣ...

— Поднимайся да разводи огонь—не баринъ. Прислугито, братъ, мы не имѣемъ, — ядовито замѣтилъ Стручковъ и повернулся къ Александру спиной. Ему не нравилась слабость Александра.

— Какъ же огонь-то разведемъ?

— Руками, — отрывисто и не оборачиваясь отрѣзалъ Стручковъ.

Александръ вздохнулъ и съ усиліемъ поднялся на ноги. Площадка, отдѣлявшая подъемъ на скалу отъ пещеры, была покрыта низкимъ, но густымъ и кудрявымъ ельникомъ, который совершенно скрывалъ бѣглецовъ отъ зоркихъ глазъ сы-

Digitized by Google

щиковъ. Александръ пошелъ посмотрѣть подъемъ, по которому они вчера поднимались. Взглянувъ внизъ, онъ невольно ужаснулся. Это была почти отвѣсная скала, саженъ тридцать вышиною, изрытая вешними водами; благодаря этимъ глубокимъ промоинамъ, они достигли до своего надежнаго убѣжища.

— Какъ же это мы заползли сюда?—невольно спрашивалъ себя парень:—а что, если бъ который оборвался—смерть неминучая!

Онъ набралъ сухаго хвороста и потащилъ въ пещеру.

— Околѣлъ!—сердито пробормоталъ Стручковъ:—баринъ—жить не можешь безъ чаю; пропáсть бы вамъ этакимъ-то барамъ...

— Ты што же это ругаешься?—возвышая голосъ, заговорилъ Александръ: — не надо огня, такъ не надо, а то ворчитъ...

— Увидятъ дымъ, такъ будетъ тебѣ чай да еще и съ сахаромъ; до новыхъ вѣниковъ не забудешь...

Александръ молча бросилъ хворостъ у входа въ пещеру и, вздохнувъ, легъ на свою жесткую постель. Долго лежалъ онъ, раздумывая о своемъ положеніи. «Не вернуться ли назадъ, на прійскъ?—думалъ онъ:—отдуюсь разъ и только, а впереди чортъ знаетъ, что будетъ»... Но мысли о наказаніи прочь гнали это намѣреніе. «Теперь ужъ насъ ищутъ, ворочаться поздно», — порѣшилъ онъ. Стручковъ, куря трубку, угрюмо смотрѣлъ въ даль и дѣлалъ по временамъ какія-то нетерпѣливыя движенія: видно было, что его занимала какая-то одна безпокойная, но неотвязная мысль.

— Разводи огонь-то, что лежишь! Вотъ спички, высохли хорошо,—сказалъ Стручковъ, устремляя на Александра свои задумчивые глаза.

Александръ, въ свою очередь, заупрямился и молча лежалъ. Стручковъ злобно посмотрѣлъ на него, и въ холодномъ, стальномъ взглядѣ его черныхъ глазъ сверкнула словно молнія. Онъ поднялся съ своего мѣста и самъ началъ разводить огонь по серединѣ пещеры, гдѣ замѣтно было старое пепелище, оставленное, вѣроятно, такими же скитальцами, какъ наши герои. Наполнивъ котелокъ дождевою водой, онъ поста-

Digitized by Google

вилъ его къ огню и началъ приготовлять чай. Огонь ярко разгорѣлся и наполнилъ пещеру пріятною теплотой. Скоро котелокъ закипѣлъ, и чай былъ готовъ.

— Садись, хлѣбай,—глухо сказалъ Стручковъ, обращаясь къ Александру.

Теплый напитокъ и утоленный голодъ поправили невеселое расположеніе духа товарищей.

— Завтра можно будетъ отправиться дальше,—заговорилъ Стручковъ:—сегодня поищутъ, да и бросятъ...

— Ну, такъ что жъ, завтра, такъ завтра, — отвѣтилъ Александръ.

— Намъ надо попасть теперь на старую Сорокинскую дорогу; по ней мы живо выйдемъ въ жилое мѣсто.

— Какая это Сорокинская дорога?

— А верстъ пятнадцать отсюда есть брошенный пріискъ Сорокиныхъ; завтра къ вечеру мы придемъ на него. Тамъ одинъ только караульный живетъ...

— Гмъ, что же онъ дѣлаетъ тамъ одинъ?

— Звѣрей промышляетъ, да нашего брата—бѣглыхъ...

— Какъ такъ?

— А такъ, за всяко-просто: всадитъ пулю въ бокъ, да и здорово живешь; оберетъ всего до нитки... Сказываютъ, золото фунтами продаетъ...

— Ишь ты, дьяволъ!

— Хочу я за товарищей разсчитаться съ нимъ, собакой; недокудова бить ему нашего брата! — И глаза Стручкова сверкнули.

Въ головѣ Александра блеснула мысль: «убить хочетъ!» Онъ пересталъ ѣсть и, перекрестившись, спряталъ свою ложку и оставшіеся сухари въ котомку.

— Што мало ѣлъ?—спросилъ Стручковъ.

— Не хочу—наѣлся...

— Достанемъ мы у него золотца,—на ту же тэму опять заговорилъ Стручковъ.

— Не отдастъ вѣдь онъ...

— Мы и просить не будемъ. Съ ихнимъ братомъ надо

Digitized by Google

дѣло вести доброй волей, наступя на горло...—И Стручковъ насильно засмѣялся.

Александръ долго и пристально посмотрѣлъ на Стручкова.

— Што смотришь? Тебѣ впервинку это дѣло? Ничего, привыкнешь, поглянется!...

— Какія это дѣла?—спросилъ Александръ для того, чтобы Стручковъ высказался яснѣе.

— А честной-то промыселъ...

— Нѣтъ, братъ, Григорій, положимъ, што я убѣжалъ съ тобой, а дѣлами худыми я заимствоваться несогласенъ, какъ ты хошь...

— Эхъ, братъ! и мы не по волѣ начинали, да, видно, линія такая подошла, дѣлать-то ужъ теперь нечего: куда, видно, кривая не вынесетъ: панъ, либо палъ.

Оба замолчали.

— А вотъ подожди,—началъ Стручковъ:—дай Богъ выбраться намъ въ живое мѣсто, я тебѣ такую жизнь покажу, что ты не смѣняешь ее и на дворянскую... Раздолье просто: денегъ вволю, чѣмъ чего хочешь, виномъ хоть обливайся, а дѣвками да бабами хоть прудъ пруди и все, што ни на есть, первый сортъ... Только темной ночкой и поработаешь, а днемъ какъ сыръ въ маслѣ катаешься, все съ пріятелями да съ полюбовницами...

— Кто же тебя на прійски гналъ отъ такой жизни?—спросилъ Александръ.

— Гмъ, кто гналъ?... Золото гнало, за золотомъ шелъ... Вотъ у караульнаго раздобудусь, и опять къ своимъ пріятелямъ. А ты думалъ, работать шелъ? Какъ же! дурака, што ли, нашли! буду я имъ работать!...

— А гдѣ же живутъ твои пріятели?—спросилъ Александръ.

— Все будешь знать, скоро, братъ, состаришься,—отвѣтилъ Стручковъ, выплескивая изъ котелка остатокъ чаю и засовывая въ котомку ложку и сухари.

— Доведу когда, тогда узнаешь...

— Боюсь я вашимъ дѣловъ...

— Боишься!... Вотъ завтра учиться будемъ...

По тѣлу Александра пробѣжала дрожь. Онъ чувствовалъ,

Digitized by Google

что Стручковъ затѣваетъ что-то недоброе и его хочетъ сдѣлать соучастникомъ.

Дѣйствительно, Стручковъ замышлялъ убійство...

На другой день послѣ побѣга, на утренней расхомандировкѣ, Стручкова и Голубева, само собою, не оказалось налицо. Иванъ Ильичъ подпрыгнулъ на мѣстѣ и, хлопнувъ по бокамъ руками, крикнулъ, сколько было у него голоса:

— Ну, не говорилъ ли я, што убѣжитъ мошенникъ Стручковъ и уведетъ Голубева? А? не говорилъ ли я этого? Нѣтъ, я зналъ... я видѣлъ... я знаю всѣхъ васъ!...

Иванъ Ильичъ не столько жалѣлъ о бѣжавшихъ, сколько былъ доволенъ своею прозорливостію и знаніемъ душъ и сердецъ рабочихъ, что блестящимъ образомъ доказалось побѣгомъ Стручкова и Голубева.

Покончивъ распредѣленіе рабочихъ по работамъ, Иванъ Ильичъ отправился снаряжать экспедицію для поимки бѣжавшихъ.

— Нѣтъ, я васъ поймаю, варвары! отъ меня не скроетесь!—ворчалъ онъ про себя, хотя и убѣжденъ былъ, что такого гуся, какъ Стручковъ, отыскать въ тайгѣ трудно.

— На лошадей!—крикнулъ онъ, отворяя «конюховскую»:—двое бѣжали... они гдѣ нибудь близко... ловить ихъ, мошенниковъ!... Лучшіе рабочіе!... Стручковъ... Голубевъ!

Конюхи нехотя повиновались, и Иванъ Ильичъ замѣтилъ ихъ неторопливость:

— Што, лѣнь? Али для васъ все трынъ-трава! Не ваша шея-то скрышитъ—хозяйская! Этими побѣгами мы скоро хозяина-то по міру пустимъ!...

— Гдѣ жъ, Иванъ Ильичъ, прикажете искать ихъ, этихъ бѣглыхъ?...

— Хоть изъ-подъ земли да вытащи! Поймай и приведи вотъ на самое это мѣсто.—И Иванъ Ильичъ показалъ пальцемъ, на какое именно мѣсто привести Стручкова и Голубева.

Конюхъ неспѣшно пошелъ сѣдлать лошадь и думалъ про себя: «Уѣхать отъ тебя хоть съ глазъ-то; буду я искать тво-

Digitized by Google

ихъ бѣглыхъ, дожидайся!... Поди, самъ майся, коня май, а развѣ найдешь ихъ! Хоть всѣ бѣгите—нужда намъ! Самъ и ѣхалъ бы да и искалъ! Тутъ съ конями мучаешься-мучаешься, а онъ ишшо бѣглыхъ искать велитъ!»...

Конюха поѣхали въ розыски и, отъѣхавъ недалеко отъ пріисковъ, сошли съ коней и улеглись спать...

Вечеромъ донесли Ивану Ильичу и управляющему, что всю какъ есть тайгу изъѣздили—никакого слѣда не нашли.

— Ну, уведи же ихъ за это лѣшій!—съ озлобленіемъ сказалъ Иванъ Ильичъ...

Хотя, по желанію Ивана Ильича, лѣшій не увелъ Стручкова и Голубева, но съ ними случилось нѣчто худшее...

VII.

Брошенный пріискъ.

Два дня спасались Стручковъ и Голубевъ въ своемъ надежномъ убѣжищѣ. Стручковъ былъ несообщителенъ и дерзко, какъ-то свысока, обращался съ своимъ товарищемъ. Александръ рѣшился равнодушно сносить это презрительное обращеніе Стручкова. «Чортъ съ нимъ, пусть дуется, — думалъ онъ:—дай только Богъ добраться до жилаго мѣста, а тамъ ужъ я ему не товарищъ... Кто его зналъ, что онъ эдакой!?»...

Погода стояла пасмурная. Дулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ; по небу пропосились темныя дождевыя тучи... Послѣ утомительнаго ночнаго путешествія и купанья въ грязной болотной водѣ, послѣ подъема на скалу и сна въ мокрой одеждѣ на голыхъ, холодныхъ камняхъ, Александру не здоровилось. Его то знобило, то бросало въ жаръ, въ рукахъ и ногахъ онъ чувствовалъ дрожаніе, какъ отъ усталости, и слабость во всемъ тѣлѣ. «Не захворать бы!»—думалъ онъ, и безотчетно-грустное чувство давило его сердце.

На третій день утромъ Стручковъ объявилъ, что погони имъ бояться нечего, и они свободно могутъ отправиться на Сорокинскую дорогу. Они вышли изъ пещеры. Александру

Digitized by Google

ужасно не хотѣлость идти на Сорокинскую дорогу: онъ зналъ, что Стручковъ непремѣнно исполнитъ свое намѣреніе относительно караульщика брошеннаго прійска.

— Вонъ видишь на горѣ высокую-то лиственницу, до нея верстъ восемь будетъ,—такъ мимо ея пройдемъ и спустимся прямо на Сорокинскій пріискъ,—говорилъ Стручковъ, указывая на извѣстный ему маякъ, громадную лиственницу.

— А другой дороги нѣту?—несмѣло спросилъ Александръ.

Стручковъ окинулъ его презрительнымъ взглядомъ и, не сказавъ ни слова, пошелъ въ лѣсъ. Александръ нехотя побрелъ за нимъ, какъ невольникъ за своимъ господиномъ. Шли молча. Сухія вѣтви валежника трещали подъ ихъ ногами; вѣтеръ съ шумомъ качалъ вершины темнаго, густаго лѣса, и этотъ однообразный, унылый шумъ наводилъ на душу Александра, незнакомаго еще съ преступленіями, невыносимо тяжкую, боязливую тоску... Онъ чувствовалъ и зналъ, что каждый шагъ впередъ приближаетъ его, какъ къ страшной пропасти, къ роковому, ужасному дѣлу... А роковая лиственница все ближе и ближе... «Господи,—думалъ онъ:—хоть бы поймали насъ!»—и начинаетъ осматриваться во всѣ стороны, чтобъ увидѣть погоню, но кругомъ глухая безотвѣтная тайга.

— Небось, не поймаютъ теперь!—обнадеживалъ Стручковъ.

Александра била сильная лихорадка, онъ задыхался и не могъ идти такъ быстро, какъ Стручковъ.

Стручковъ закурилъ трубку.

— Ну, пріятель, сегодня работа намъ будетъ... Главное, не робѣй, поглянется...

Александръ только глубоко вздохнулъ.

— Што вздохнулъ? али своя сторона на умъ пала?.. Вотъ скоро будешь и на своей сторонѣ.—Послѣднія слова Стручковъ произнесъ какъ-то особенно.

Вотъ начали подниматься на гору, на которой возвышалась громадная лиственница, маякъ бѣглыхъ рабочихъ. Вотъ они подошли къ ней.

— Сядемъ, отдохнемъ,—сказалъ Стручковъ. Александръ скорѣе упалъ, чѣмъ легъ на землю, и приклонилъ голову къ дереву, громадные корни котораго, какъ лапы чудовищнаго

Digitized by Google

звѣря, глубоко впивались въ каменистую грудь земли. Нижняя часть лиственницы была очищена отъ коры и исписана непонятными для нашихъ героевъ каракулями, выведенными углемъ. Ихъ писали, видно, такіе же проходимцы-бѣглые. Стручковъ прилегъ возлѣ Александра; онъ былъ въ очень тревожномъ состояніи: постоянно курилъ и переворачивался съ одного боку на другой.

— Да, братъ, надо подумать, какъ подобраться къ этому старому дьяволу,—заговорилъ Стручковъ: — собаки у него, какъ звѣри: за сто саженъ чуютъ нашего брата... Какъ залаютъ—онъ, старый чортъ, за ружье да и на улицу... Не знаю, какъ бы половче подобраться!—раздумывалъ вслухъ Стручковъ.

— Поджечь домъ который нибудь—дѣло неподходящее: прибѣгутъ съ пріиска... Убѣжать-то убѣжимъ, да чортъ ли въ этомъ!.. Дѣла никакого не будетъ... Нѣтъ, надо его, собаку, живьемъ взять... Стручковъ глубоко задумался...

— Надо выждать, а то ничего не подѣлаешь... заключилъ Стручковъ.—Спустимся къ пріиску, если собаки не отыщутъ насъ, можетъ, скараулимъ старую ворону. Вѣдь не сидитъ же онъ день-денской назаперти... Заляжемъ въ кустарникъ, а тамъ увидимъ, што дѣлать...

Стручковъ не спѣша началъ развязывать свою котомку. Онъ досталъ изъ нея старые холщевые штаны и разорвалъ ихъ пополамъ. Одну половину положилъ обратно въ котомку, а другую отбросилъ въ сторону. Покончивъ со штанами, онъ всталъ и началъ подбирать съ земли крупные камни, взвѣшивая каждый на рукѣ, и бросалъ ихъ обратно, если они оказывались легкими для его дѣла. Наконецъ, онъ отыскалъ круглый, большой булыжникъ и взвѣсилъ его на рукѣ.

— Вотъ этотъ будетъ ладенъ!—рѣшилъ онъ про себя.

Завязавъ конецъ оторванной половины штановъ постегонкой, запасенной для починки бродней, онъ вложилъ отысканный камень въ образовавшійся изъ штановъ длинный и узкій мѣшокъ. Сверхъ камня опять перевязалъ постегонкой и такимъ образомъ устроилъ кистень. Встряхнувъ его, онъ описалъ надъ своей головой нѣсколько круговъ этимъ импровизи-

Digitized by Google

рованнымъ кистенемъ и ловко пустилъ по прямому направленію, точно поражая противника... Видно было, что рука Стручкова умѣла ловко дѣйствовать этимъ страшнымъ оружіемъ.

— Важная штука!—самодовольно проговорилъ онъ:—вотъ, братъ, товарищъ-то надежный: не надо десятерыхъ, какъ ты...

— Ну, это гостинецъ добрый для стараго чорта,—добавилъ Стручковъ и заткнулъ кистень за поясъ.

Александръ безучастно, почти безсознательно смотрѣлъ на страшныя приготовленія своего товарища. Онъ сильно страдалъ и душевно, и тѣлесно...

— А если ты измѣнишь мнѣ,—глухо заговорилъ Стручковъ, не оборачиваясь къ Александру и прочищая прутикомъ коротенькій чубукъ:—и ты попробуешь этого таёжнаго сухаря. Надолго хватитъ тебѣ его—не сгложешь скоро!..

Александръ молчалъ.

Долго безмолвно сидѣли товарищи и оба думали свои тяжкія думы. Одинъ, съ хитростью опытнаго разбойника, обдумывалъ замысловатый планъ убійства; другой—какъ бы уклониться отъ этого страшнаго дѣла. Стручковъ былъ блѣденъ и сосредоточенъ: страшные глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Александръ былъ слабъ и изнеможенъ и помутившимися глазами смотрѣлъ на сѣрое, тяжело висѣвшее надъ темнымъ лѣсомъ небо, по которому сильный вѣтеръ гналъ грядами темныя тучи.

Александръ думалъ: «Развѣ отдать ему проклятое золото, да воротиться на пріискъ... Вѣдь не задерутъ же до смерти... Пусть онъ одинъ дѣлаетъ што знаетъ!»... Но при взглядѣ на страшный кистень дрожь пробѣгала по его тѣлу: не хотѣлось ему умирать такимъ образомъ!..

Но у Стручкова былъ уже готовъ планъ и на счетъ Александрова золота...

Стручковъ былъ опытенъ въ разбойничьихъ дѣлахъ и зналъ, что новички въ дѣлѣ плохіе помощники въ трудныхъ обстоятельствахъ и головой выдадутъ товарища; онъ рѣшился пуститься на хитрости и ободрить Александра.

— Слушай, Алексаха,—ласково заговорилъ онъ:—я знаю, твое дѣло небывалое въ этихъ дѣлахъ... Вижу, ты боишься,

Digitized by Google

и напередъ знаю, што ты помога мнѣ плохая... Ну, такъ не бойся же; я не заставлю тебя взять грѣха на душу, Богъ съ тобою, я одинъ буду въ отвѣтѣ: такъ, видно, мнѣ на роду написано... Ты только немного пособи мнѣ, а ужъ я самъ все сдѣлаю...

Александръ вздохнулъ свободнѣе, точно гора свалилась съ его плечъ. Онъ приподнялся на локоть и внимательно посмотрѣлъ на Стручкова, который избѣгалъ встрѣтиться съ нимъ взглядомъ.

— Видишь ли, што я придумалъ: старикъ вечеромъ пойдетъ за водой, не возьметъ же онъ съ собой ружья, рѣчка саженъ пятьдесятъ отъ его избы... Я бывалъ на этомъ пріискѣ и знаю мѣсто, гдѣ онъ беретъ воду. Тебя я проведу къ этому мѣсту и спрячу въ кусты; на случай возьми палку поздоровѣе; собаки у него чистые дьяволы... Когда онъ будетъ подходить къ рѣчкѣ, ты выйди изъ-за кустовъ и спроси его: нельзя ли, молъ, переночевать у тебя? Онъ будетъ съ тобой разговаривать, а я тѣмъ временемъ проберусь въ его избенку. Онъ навѣрно воротится и побоится брать воды, а тамъ я попробую, хорошо ли ружье его бьетъ по другому звѣрю... Видишь, ты не будешь пачкаться съ нимъ... Оберемъ его да и отправимся по-добру, по-здорову! Согласенъ?

Александръ радъ былъ и такому обороту дѣла. «Все же не я вѣдь убью его,—думалъ онъ:—Господь-то видитъ, что я не хочу этого... Что же мнѣ дѣлать, коли такая линія подошла! Самого убьетъ, а умирать-то такъ не хочется»...

— Ладно, согласенъ!—отвѣтилъ Александръ:—а если онъ съ ружьемъ выйдетъ?

— Ну, тогда тягу въ лѣсъ—не погонится... Пойдемъ же.

У Александра сильно болѣла голова и темнѣло въ глазахъ.

— Я што-то крѣпко нездоровъ,—сказалъ онъ.

— Ничего, пройдетъ!—отвѣтилъ Стручковъ.

Пошли. Осторожно спустились съ горы и поднялись опять на небольшую возвышенность, съ которой открывался Сорокинскій пріискъ. Тихо, пустынно было на немъ. Печально и сиротливо смотрѣли потемнѣвшими окнами пустые домики; промывальныя машины разрушались, борты разрѣза осыпались

Digitized by Google

и начали кое-гдѣ покрываться травой; дорожки заростали... Какъ-то страшно было смотрѣть на это жилое мѣсто безъ жителей...

— Надо обойдти далѣе,—говорилъ Стручковъ:—а то собаки сейчасъ учуютъ насъ...

Пошли въ обходъ. Перешли поодаль отъ пріиска нешырокую и неглубокую каменистую рѣчку и пошли вдоль берега, поросшаго густымъ ельникомъ. Наконецъ, Стручковъ далъ знакъ Александру остановиться.

— Вонъ, видишь, на той сторонѣ плотикъ. Съ этого плотика старикъ черпаетъ воду. Онъ придетъ сюда непремѣнно, не сегодня, завтра—все придетъ... Смотри же, не забудь, што я тебѣ говорилъ, такъ и дѣлай, не то плохо будетъ, смотри!.. А я пойду теперь къ избѣ, вонъ, видишь, у ельника-то стоитъ... Ну, лежи же. Не бойсь, тебя не заставлю...—не договорилъ Стручковъ и осторожно пошелъ въ кусты.

Золотопромышленныя дѣла К° Сорокиныхъ были въ очень плохомъ состояніи, по бѣдности золотосодержащихъ розсыпей, поэтому компанія не пренебрегала и не совсѣмъ чистыми способами пріобрѣтенія драгоцѣннаго металла. Были слухи, что компанія принимала отъ рабочихъ сосѣднихъ пріисковъ краденое золото, уплачивая за него виномъ съ ничтожною приплатою денегъ. Эти слухи хотя оффиціально и фактически не были доказаны, но довольно ясно подтверждались тѣмъ, что рабочіе сосѣднихъ пріисковъ, до появленія спиртоносовъ, вдругъ начинали пьянствовать и проводить безсонныя ночи за игрою въ карты. Управляющіе невольно задавали себѣ вопросъ: откуда появляется у рабочихъ водка? и приходили къ тому весьма вѣроятному заключенію, что въ сосѣдствѣ есть непремѣнно какой нибудь пріискъ, занимающійся покупкою контрабаднаго золота. Выслѣдить и открыть контрабанду было выше силъ пріисковой администраціи, такъ какъ тайна добычи водки на пріискѣ святѣе и страшнѣе всѣхъ тайнъ на свѣтѣ. Горе тому, кто выдалъ бы эту тайну и такимъ образомъ лишилъ бы рабочихъ самаго драгоцѣннаго для нихъ сокровища.

Старый караульный брошеннаго Сорокинскаго пріиска, извѣстный своею преданностію интересамъ компаніи, тоже за-

Digitized by Google

нимался нѣкоторое время пріемомъ золота отъ рабочихъ сосѣднихъ пріисковъ, хотя и въ небольшомъ количествѣ. Случалось у него иногда и винишко, на которое онъ весьма выгодно вымѣнивалъ золото. Но одинъ случай, который едва не стоилъ старику жизни, положилъ конецъ его торговымъ операціямъ. Однажды рабочіе явились къ нему подъ предлогомъ продажи золота и хотѣли убить его и ограбить, но тѣлесная сила, сохранившаяся въ немъ съ молодости, и проворство, пріобрѣтенное въ постоянной охотѣ, спасли его. При началѣ борьбы онъ успѣлъ схватить ружье, висѣвшее у него на гвоздѣ, и одного рабочаго убилъ наповалъ; другому стволомъ того же ружья проломилъ голову. Объ этомъ знали рабочіе всѣхъ окрестныхъ пріисковъ. Послѣ этого несчастнаго случая, старикъ бросилъ опасный промыселъ и сдѣлался до крайности осторожнымъ и подозрительнымъ. Отъ природы угрюмый и молчаливый, старикъ не тяготился своимъ одиночествомъ и безмолвіемъ. Промѣнявъ опасный промыселъ скупщика золота на звѣропромышленный и рыболовный, онъ вполнѣ былъ доволенъ судьбою и мирно наслаждался своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ. У него было два ружья, постоянно заряженныя пулями, и собаки, страшно чуткія и злыя. Безъ ружья и топора за поясомъ онъ не выходилъ изъ своей избушки. Застать его врасплохъ было весьма трудно—онъ всегда былъ наготовѣ. Рукопашная схватка съ этимъ добровольнымъ отшельникомъ была небезопасна. Хотя ему было за пятьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ крѣпокъ, мускулистъ, высокъ ростомъ и широкоплечъ. Изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей покойно и проницательно смотрѣли маленькіе, ввалившіеся голубые глаза, и вся его осанка говорила о мужествѣ и силѣ характера. Разсказывали, что въ молодости онъ съ однимъ ножемъ пускался въ рукопашную схватку съ медвѣдемъ и всегда выходилъ побѣдителемъ... Съ этимъ старикомъ захотѣлъ Стручковъ сыграть роковую партію на просторѣ глухой тайги.

День клонился къ вечеру. Стручковъ зорко смотрѣлъ съ своего обсерваціоннаго пункта на избушку караульщика и терялъ уже всякую надежду на исполненіе, въ этотъ день, задуманнаго плана. Но вдругъ дверь избы отворилась, и на по-

Digitized by Google

рогѣ сѣней показался старикъ, одѣтый въ короткій полушубокъ, длинные выше колѣнъ сапоги и въ черную баранью шапку. Въ рукѣ онъ держалъ длинное ружье, за поясомъ былъ заткнутъ топоръ. Огромная рыжая собака, сидѣвшая у двери на цѣпи, кинулась ему на грудь. Двѣ вольныя собаки съ веселымъ лаемъ и визгомъ ласкались къ нему. Старикъ поочередно ласкалъ товарищей своего уединенія.

Стручковъ впился глазами въ своего ненавистнаго врага. Наступала рѣшительная минута...

Поласкавъ собакъ, старикъ пошелъ тихими, широкими шагами по направленію къ рѣкѣ, но не къ тому мѣсту, гдѣ былъ плотикъ и гдѣ лежалъ Александръ. Замѣтивъ несостоявшійся планъ Стручкова, Александръ благодарилъ Бога, что дѣло можетъ кончиться ничѣмъ.

— А, знаю!—подумалъ Стручковъ:—за рыбой пошелъ. Тамъ у него ловушки...

Старикъ шелъ не оборачиваясь и поворотилъ въ густой ельникъ, въ довольно большомъ разстояніи отъ избы. Желтая собака, проводивъ глазами хозяина, покойно улеглась у двери и, положивъ морду на переднія лапы, задремала.

— Надо теперь пробраться въ избу,—думалъ Стручковъ:—посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ другаго ружья... Убѣжать-то я успѣю—не степь здѣсь...

Онъ вытащилъ изъ-за пояса свой кистень и конецъ его обвилъ вокругъ правой руки. Поднявшись на ноги, онъ еще нѣсколько минутъ смотрѣлъ по направленію скрывшагося въ ельникѣ старика. Убѣдившись, что старикъ ушелъ уже далеко, Стручковъ смѣло пошелъ къ избушкѣ. Собака могла его увидѣть только тогда, когда онъ явился передъ самымъ ея носомъ. Она яростно бросилась на него, но кистень взвился, и собака съ расшибленной головой кубаремъ покатилась въ сторону и, испустивъ пронзительный визгъ, только вздрагивала въ предсмертной агоніи. Стручковъ былъ уже въ избѣ. Однимъ взглядомъ онъ окинулъ закоптѣвшія стѣны и увидѣлъ висѣвшее на гвоздѣ ружье; онъ схватилъ его и тотчасъ ощупалъ шомполомъ, заряжено ли. Ружье оказалось заряженнымъ и на капсюлѣ былъ пистонъ. Стручковъ сообразилъ, какъ

Digitized by Google

нужно дѣйствовать въ данномъ случаѣ; онъ заперъ дверь на крюкъ и, смотря въ окно, сталъ выжидать старика.

Старикъ слышалъ неистовый лай цѣпной собаки, потомъ какой-то необыкновенный визгъ и затѣмъ молчаніе. Сердце застучало въ немъ, онъ почуялъ что-то недоброе. Собаки съ громкимъ лаемъ бросились къ избѣ на лай своего злополучнаго товарища. За ними изъ ельника вышелъ старикъ. Ровнымъ шагомъ и не торопясь приближался онъ къ своей избѣ и пристально смотрѣлъ на отворенную дверь и лежащую безъ движенія собаку. Длинная сѣдая борода его раздѣлялась надвое и развѣвалась по вѣтру длинными космами. Не доходя саженъ двадцати до избы, онъ остановился и позвалъ желтую собаку.

— Волчокъ! Волчокъ!

Но Волчокъ уже издохъ.

— Убита, — хладнокровно проговорилъ онъ и взвелъ курокъ.

Стручковъ въ избѣ тоже взвелъ курокъ.

Старикъ положилъ стволъ ружья на ладонь лѣвой руки, а правой придерживалъ спускъ, и храбро направился къ двери. Стручковъ допустилъ его на разстояніе пяти саженъ и прицѣлился сквозь стекло.

Грянулъ выстрѣлъ, и старикъ, пораженный пулею въ животъ, отпрянулъ назадъ. Онъ успѣлъ еще на удачу выстрѣлить въ окно, но сдѣлалъ промахъ, и пуля не дошла по назначенію. Захвативъ рану руками, онъ упалъ на землю и застоналъ. Стручковъ отставилъ ружье къ стѣнѣ и смотрѣлъ въ окно.

— Пусть истекаетъ хорошенько кровью,—думалъ онъ:—а то съ нимъ не сладишь, съ дьяволомъ...

Послѣ втораго выстрѣла Александръ вскочилъ на ноги и съ лихорадочною дрожью въ тѣлѣ смотрѣлъ и слушалъ, что будетъ далѣе.

— Неужели убили одинъ другаго! — думалъ онъ: — вотъ теперь-то бѣжать мнѣ отъ Стручкова...

Но онъ чувствовалъ, что ноги отказываются сослужить ему эту службу. На него напалъ какой-то панический страхъ:

Digitized by Google

онъ боялся выйдти изъ лѣса, ему хотѣлось убѣжать куда нибудь далеко, въ самую непроходимую глушь тайги, гдѣ не видали бы его никогда люди.

— Да, вѣдь, не я же это сдѣлалъ!—успокоивалъ онъ себя.

— Вмѣстѣ сдѣлали!..—говорилъ ему голосъ совѣсти.

Изъ дверей показался Стручковъ.

— Живъ!—съ какимъ-то досадливымъ чувствомъ проговорилъ Александръ.

При видѣ Стручкова старикъ приподнялся и схватился за топоръ, но ударъ кистенемъ въ грудь повалилъ его навзничь.

Старикъ застоналъ.

— Эй, товарищъ, сюда! — махая въ воздухѣ кистенемъ, крикнулъ Стручковъ. Собаки заливались оглушительнымъ лаемъ, но боялись близко подступить къ Стручкову.

Падая почти на каждомъ шагу отъ сильнаго волненія, Александръ подбѣжалъ къ своему страшному товарищу и съ ужасомъ смотрѣлъ на лужу крови, въ которой плавалъ умирающій старикъ.

— Помоги мнѣ стащить его въ избу,—говорилъ Стручковъ:—тамъ допросимъ его, съ котораго онъ году въ службѣ... Бери его за шиворотъ...

Старика втащили въ избу и бросили на полъ.

— Ну, старый чортъ, это тебѣ плата за моихъ товарищей... Кайся, окаянный, сколько ты перебилъ нашего брата?

Старикъ молчалъ и только по временамъ издавалъ стоны.

— Ну, да это на твоей душѣ, ты въ грѣхѣ, ты и въ отвѣтѣ, чортъ съ тобой!.. Теперь ты подавай намъ золото, какое награбилъ у нашего брата.

Старикъ молчалъ и нервно вздрагивалъ.

— Золото гдѣ, старый песъ? тебя я спрашиваю!—ударивъ ногой въ лицо старика, кричалъ Стручковъ.

— Нѣту!.. едва слышно простоналъ старикъ.

— А, нѣту! Ну, такъ мы тебя передъ смертью въ банѣ вышаримъ... Толковать много съ тобой нечего... Тащи ельнику! больше!—обратился Стручковъ къ Александру.

Александръ безпрекословно повиновался и принесъ еловыхъ вѣтвей.

Digitized by Google

— Теперь пособи мнѣ раздѣть его...

Старика обнажили, и его же ремнемъ Стручковъ крѣпко связалъ ему руки.

— Положимъ его вверхъ спиной... вотъ такъ! Давай теперь ельнику да спичекъ.

Стручковъ взялъ пукъ еловыхъ вѣтвей и зажегъ ихъ. Пламя быстро обхватило смолистыя вѣтки, и Стручковъ началъ ихъ встряхивать надъ обнаженною спиною старика.

Огненнымъ дождемъ полились искры на бѣлую мускулистую спину старика... Онъ конвульсивно скорчился отъ невыносимо-страшной боли и, собравъ послѣднія силы, вскочилъ.

— Экой прыткой! — подсмѣялся надъ нимъ Стручковъ и ударилъ кистенемъ въ голову. Старикъ въ изнеможеніи упалъ.

Стручковъ принялся за свою работу.

— Сказывай: гдѣ у тебя золото, анаѳема?

— Нѣту!—простоналъ старикъ. Онъ потерялъ сознаніе и лежалъ неподвижно, словно не его тѣло подвергалось страшной пыткѣ.

Упорство старика взбѣсило Стручкова. Онъ топталъ его ногами, грызъ зубами его уши, рвалъ волосы и бороду—все напрасно!

Старикъ умиралъ.

— Вотъ же тебѣ на прощанье!—и, размахнувъ сколько было силы кистень, Стручковъ размозжилъ черепъ старика. Мозгъ брызнулъ на противоположную стѣну, и глаза, вывалившись изъ орбитъ, повисли на жилахъ.

Александръ въ ужасѣ выбѣжалъ изъ избы.

— Стой, Александръ,—крикнулъ ему вслѣдъ Стручковъ:— тащи еще ельнику!

Александръ машинально повиновался и снова принесъ большой пукъ еловыхъ вѣтвей.

— Брось на полъ; зажжемъ да и маршъ!.. Да надо забрать тутъ кое-што...

Разбили ящикъ. Стручковъ взялъ нѣсколько бѣлья, чай, сахаръ. Онъ перерылъ все, отыскивая деньги и золото, но ничего не нашелъ.

Digitized by Google

— Бери себѣ чего нибудь, — совѣтовалъ Александру Стручковъ.

— Нѣтъ, не надо мнѣ,—едва проговорилъ тотъ.

— Дуракъ!.. Ружье надо взять, вонъ тутъ и порохъ есть, и свинецъ... Топоръ тоже... все это годится.

— Ну, теперь совсѣмъ, маршъ!..

Стручковъ поджегъ еловыя вѣтви и заперъ дверь.

Вышли на улицу, осмотрѣлись кругомъ и быстро пошли по заброшенной дорогѣ, направляясь въ жилое мѣсто.

Александръ словно во снѣ видѣлъ всѣ эти ужасныя событія.

Наступили сумерки. Сильный сѣверный вѣтеръ дулъ въ спину бѣглецовъ. Стручковъ былъ молчаливъ и угрюмъ и только изрѣдка бормоталъ страшную брань и проклятія, которыя относились къ убитому.

— Анаѳема, дьяволъ,—ворчалъ онъ:—издохъ, да не сказалъ... Нѣтъ, пуля все дѣло испортила: больно скоро сталъ умирать, а то бы я его донялъ! На куски изрѣзалъ бы варвара...

Отошли версты три, въ тайгѣ стало совсѣмъ темно. Вѣтеръ крѣпчалъ и яростно рвалъ вершины деревьевъ. Этотъ мракъ лѣса и глухой гулъ наводили невыразимый страхъ на робкую душу Александра... Неотвязнымъ призракомъ стоялъ предъ нимъ убитый старикъ съ размозженною головою и вывалившимися глазами. Онъ точно стоялъ предъ нимъ и укоряя спрашивалъ: «за што вы убили меня?» Въ гулѣ вѣтра и скрипѣ деревьевъ слышались Александру предсмертные стоны убитаго. Надъ его ухомъ словно шептало: «не уйдешь теперь никуда отъ меня, всю жизнь я буду ходить за тобой и не дамъ тебѣ ни днемъ, ни ночью покоя». И Александръ жмется къ Стручкову, точно ищетъ у него защиты отъ страшнаго призрака. «Иди назадъ, объяви, сознайся!»—шепчетъ призракъ. И Александръ со страхомъ всматривается въ непроницаемый мракъ лѣса и чуткимъ ухомъ вслушивается въ перекаты его шума. Онъ озирается кругомъ.

— Смотри-ка, товарищъ, што̀ это такое? — съ испугомъ вскрикнулъ Александръ и схватилъ Стручкова за рукавъ.

Оба остановились, пораженные ужасомъ. За ними стояло

Digitized by Google

страшное зарево пожара. Отъ избы пламя перешло на ближній ельникъ, и начался лѣсной пожаръ. Черный дымъ клубами несся къ небу, и огненный вихрь крутился надъ лѣсомъ. Огненныя полосы прорѣзывали черную тучу дыма, точно мечъ карателя-Бога сверкалъ изъ мрака и грозилъ убійцамъ... Сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, которое съ каждой минутой охватывало громадное пространство тайги. Слышалось вдали глухое рокотаніе и шумъ огненнаго урагана. Бѣглецовъ обдало дымомъ и горячимъ воздухомъ пахнуло на нихъ. Огненное море неслось прямо на нихъ съ ужасающею быстротою и трескомъ... Нѣтъ ничего ужаснѣе лѣсныхъ пожаровъ! Какъ ни страшны ураганы знойной Сахары, но ужаснѣе ихъ эти огненные ураганы горящихъ лѣсовъ. Въ страхѣ летятъ и вьются надъ пожарищемъ испуганныя птицы, звѣри мчатся въ паническомъ страхѣ, не зная, гдѣ скрыться — огненныя волны вездѣ догоняютъ ихъ... Сотни верстъ проносится этотъ страшный ураганъ, и вся Сибирь покрывается дымомъ. Солнце, какъ огненный шаръ безъ блеска, катится по туманному, желтоватому небу; трудно дышать и разсмотрѣть даль въ дымной атмосферѣ...

— Ишь, тайга горитъ! — равнодушно говоритъ сибирякъ, обводя глазами дымныя окрестности. Милліоны деревъ гибнутъ въ этихъ пожарахъ, а торфяная почва и тундра, загорѣвшись, не угасаютъ впродолженіе цѣлыхъ годовъ.

Бѣглецы наши чувствовали уже жаръ приближающагося пожара; ихъ осыпало искрами и пепломъ. Огонь обнималъ ихъ со всѣхъ сторонъ и появился уже впереди. Спасенія не было... Наступалъ ужасный, послѣдній часъ горемычной, преступной жизни!

— Пропали мы, товарищъ!...—въ отчаяніи говорилъ Стручковъ, обводя испуганными глазами сплошныя стѣны огня, которыя съ каждымъ мгновеніемъ тѣснили ихъ. Было свѣтло, какъ въ самый ясный день; дыханіе захватывало дымомъ; невыносимый жаръ палилъ лице.

— Пропали! — подумалъ Александръ: — вотъ гдѣ она смерть-то моя пришла!...

Оба товарища кинулись бѣжать, не зная сами куда. Огонь

Digitized by Google

жегъ ихъ, дымъ душилъ. Хотя одну минуту жизни хотѣли они отнять у страшной смерти, которая была уже у нихъ надъ головами, и они слышали ея не леденящее, а огненное дыханіе. Стономъ стоналъ и гудѣлъ огненный ураганъ!

— Шурфъ *)! — крикнулъ Стручковъ, бѣжавшій впереди, и словно провалился сквозь землю. Раздался плескъ воды.

— Падай сюда! — крикнулъ изъ ямы Стручковъ.

Александръ почти обезумѣлъ отъ страха, онъ кинулся на голосъ товарища и, пролетѣвъ нѣсколько мгновеній, упалъ въ воду почти до горла, ноги его едва достали дно.

Стручковъ уже оправился отъ страха и радостно говорилъ:

— Теперь спасемся — въ шурфъ попали! Ты къ стѣнѣ-то ближе... тамъ мельче...

Чрезъ минуту Александръ осмотрѣлъ свое помѣщеніе: это была квадратная яма аршина четыре шириною и аршинъ пять глубиною, на днѣ ея была вешняя вода. Лѣсъ горѣлъ кругомъ, и пламя бурной волной разстилалось по землѣ и огненнымъ куполомъ сомкнулось надъ шурфомъ. Искры и обгорѣвшія вѣтви падали на головы бѣглецовъ и жгли ихъ лице. Нужно было безпрестанно съ головой погружаться въ воду, чтобъ спастись отъ ожога. Вѣтеръ сильно дулъ и гналъ огненный ураганъ далѣе. Обгорѣвшіе стволы деревьевъ, какъ громадные, траурные факелы, теплились и освѣщали страшную картину разрушенія. Земля горѣла кругомъ и дымилась, захватывая дыханіе. Александръ и Стручковъ по грудь стояли въ водѣ и промерзли до лиходарки. Въ такомъ положеніи они пробыли до утра. Пожаръ далеко унесся, охватывая на своемъ пути громадное пространство, уничтожая всякую растительность и густо наполняя воздухъ смолистымъ дымомъ хвойнаго лѣса.

— Надо вылѣзать—пропадемъ!...—едва проговорилъ Стручковъ посинѣвшими отъ холода и дрожащими губами: — ты стой хорошенько, а я встану тебѣ на плечи и вылѣзу, а послѣ и тебя вытащу.

---

*) Шурфомъ называютъ яму, происшедшую отъ вскрытія торфа, т. е. пустыхъ породъ, лежащихъ сверхъ золото-содержащихъ песковъ. *Авт.*

Digitized by Google

— Я не могу! — едва могъ отвѣтить Александръ.

— Ну, какъ нибудь... Упрись руками-то въ стѣну... Вѣдь эдакъ-то придется умирать тутъ... Вылѣземъ — огня разложимъ, высушимся...

— Ну, полѣзай не-то... — простоналъ Александръ.

Стручковъ собралъ послѣднія силы и началъ взбираться на плечи товарища, но тотъ такъ былъ слабъ, что не могъ выдержать тяжести Стручкова и придавленный имъ совершенно погрузился въ воду, Стручковъ упалъ за нимъ. Чрезъ минуту оба показались изъ-подъ воды, едва переводя дыханіе. Стручковъ страшно ругался:

— Полѣзай ты, чортъ проклятый, а не товарищъ, а послѣ пособишь мнѣ вылѣзти... Лѣзь, а не то утоплю, какъ собаку... Слышишь?

— Становись на меня — попробую...

Отъ барахтанья въ этой ямѣ образовалась жидкая грязь, въ которой волей-неволей приходилось купаться нашимъ героямъ. Стручковъ нагнулся и подставилъ свою спину. Съ величайшими усиліями Александръ поднялся на плечи своего товарища, грязь лилась съ его одежды на Стручкова.

— Смѣлѣе, мнѣ вѣдь нетяжело,—ободрялъ Стручковъ: — да ты не качайся, а то опять упадешь...

Нѣсколько разъ руки Александра обрывались съ скользкой сырой земли, и онъ падалъ на спину Стручкова.

— Ничего! Выбирайся какъ нибудь! — при каждомъ паденіи ободрялъ Стручковъ.

Наконецъ, Александръ ухватился за какой-то корень, выставившійся изъ земли, и отдѣлился отъ спины Стручкова. Стручковъ поднялъ голову. Александръ былъ уже наверху и, растянувшись на дымящейся землѣ, едва дышалъ.

— Давай же мнѣ теперь опояску! — крикнулъ изъ ямы Стручковъ.

— Охъ, подожди, братъ, не могу собраться съ силами...

— Анаѳема ты эдакая! да вѣдь я околѣлъ въ этой ямѣ, тебѣ ладно тамъ...

— Вотъ теперь убѣжать-то отъ Стручкова, — мелькнуло въ головѣ Александра:—да нѣтъ, не могу—силы нѣтъ... Богъ

Digitized by Google

съ нимъ! не приму на душу грѣха.—И онъ дрожащими руками снялъ опояску и одинъ конецъ ея привязалъ къ корню дерева, а другой бросилъ Стручкову.

Стручковъ вылѣзъ.

— Ну, братъ, изъ огня да въ воду мы попали съ тобой,— говорилъ онъ, смотря на грязную воду ямы. Александръ лежалъ безъ движенія.

— Надо огня разводить да сушиться. Ставай! чего лежать-то, ты ходи—лучше разогрѣешься... Эхъ, ты, баба!...

— Нездоровъ, не могу...

— Э-э-эхъ, ты!...

Стручковъ развелъ огонь и началъ просушивать свою одежду, отъ которой паръ валилъ густымъ облакомъ. Александръ отогрѣлся на теплой землѣ и, немного отдохнувъ, тоже началъ сушиться. Чрезъ нѣсколько часовъ все было высушено—и рубахи, и порты, и онучи.

— Теперь надо напиться чаю, — говорилъ Стручковъ и развязалъ свою котомку, въ которой все было мокро: и чай, и сухари, и бѣлье, захваченное у караульщика.

— Эхъ-ма! чай-то подмокъ, ну, да не бѣда! все же лучше...

Онъ привязалъ котелокъ на опояску и досталъ изъ той же ямы воды, которая сверху немного отстоялась. Скоро чай былъ готовъ.

Александръ хлебнулъ нѣсколько ложекъ, съѣлъ размокшій сухарь и опять легъ около огня.

— Што ты! ѣшь! лучше будетъ!—совѣтовалъ Стручковъ.

— Нѣтъ, не могу!... Видно, смерть моя приходитъ! — И невольная слеза выкатилась изъ его помутившихся глазъ и упала на обожженную землю.

Стручковъ посмотрѣлъ на него и ничего не сказалъ.

Нравственное потрясеніе и холодная полусуточная ванна развили и усилили въ Александрѣ сильную горячку. Онъ не могъ уже слѣдовать далѣе за своимъ товарищемъ.

— Што же, пойдемъ? — спросилъ Стручковъ, укладывая въ котомку свои пожитки.

— Не могу я идти, какъ хочешь!

— Што же дѣлать-то будемъ? Вѣдь надо убираться, а то

Digitized by Google

дѣло плохо будетъ... Какъ накроютъ насъ, такъ спуску не дадутъ.

— Хуже смерти ничего не будетъ, — отвѣтилъ Александръ: — а я и такъ умираю... што мнѣ!

— Твое дѣло!.:. А я, братъ, оставаться здѣсь не буду — пойду... Вотъ теперь лѣсъ обгорѣлъ — далеко видно, какъ разъ втрескаешься...

— Не бросай меня, братъ! — сквозь слезы проговорилъ Александръ.

— Да што же я буду дѣлать съ тобой? чѣмъ буду лѣчить тебя?... Видно, пришла тебѣ такая линія!...

Оба замолчали.

— Вотъ што, Александръ,—послѣ долгаго молчанія началъ Стручковъ:—кто знаетъ, можетъ, ты и вправду умрешь тутъ; отдай ты мнѣ золото-то, все равно пропадетъ же оно задаромъ, а я хоть помяну тебя... На прощаньѣ-то я ужъ покаюсь тебѣ: хотѣлъ я тебя, братъ, покончить, какъ караульщика же, потому—плохой ты мнѣ товарищъ... Изъ бѣды тебѣ ни въ жисть не выручить — самъ пропадешь, да и меня гдѣ нибудь загубишь... Ну, теперь я ужъ тебя хвораго не трону— Богъ съ тобой! Умирай ты самъ собой, все же какой ни на есть да товарищъ былъ... Вотъ отдай мнѣ золото да и оставайся съ Богомъ,—не поминай лихомъ!...

— Што же, возьми все, мнѣ ничего не надо теперь... Въ котомкѣ тамъ штаны есть худенькіе, такъ тамъ подъ заплатой... возьми...

Стручковъ отыскалъ въ котомкѣ штаны и изъ-подъ заплаты вытащилъ золото, наворованное Александромъ, а штаны сунулъ обратно въ котомку.

— Вотъ въ котелкѣ чай остался—можетъ, пить захочешь... Запасу я тебѣ оставлю, поздоровѣешь, такъ, можетъ, выйдешь куда нибудь... Только, смотри, о старинѣ нигугу!..

Стручковъ набросилъ на плечи котомку.

— Ну, прощай, товарищъ, не поминай лихомъ!—И онъ пошелъ скорыми шагами.

Александръ долго смотрѣлъ на удаляющагося Стручкова,

Digitized by Google

который скрылся, наконецъ, между обгорѣвшими, дымящимися еще стволами лѣса.

Мучительною, жгучею болью безотраднаго одиночества сжалось его сердце, и крупныя капли слезъ градомъ покатились по его грязному лицу.

«Одинъ теперь, одинъ я въ этой страшной тайгѣ! Куда идти—не знаю, и гдѣ я—не знаю, и откуда пришелъ—не помню»... Но вдругъ надъ ухомъ его пронесся словно шопотъ:

«Ты не одинъ, вѣдь я съ тобой! Я, убитый-то караульщикъ!» Александръ вскочилъ на ноги и какъ безумный бросился вслѣдъ за Стручковымъ.

— Григорій, стой! — закричалъ онъ и упалъ на землю. Съ нимъ сдѣлался страшный пароксизмъ горячки: онъ бредилъ, и ему все представлялся страшный караульщикъ съ вывалившимися глазами и разбитымъ черепомъ и укорялъ его: «за что вы убили меня?!»

— Не я, не я!—отмахиваясь руками, кричалъ Александръ, и эхо повторяло вдали: «я! я!»

— Слышишь!?.. Это онъ, онъ убилъ тебя!—И потомъ опять махалъ руками и кричалъ: «Не я! не я! Помогите!»—и замолкъ въ страшномъ изнеможеніи.

Въ этомъ безсознательномъ положеніи онъ пробылъ до утра. Солнце безъ лучей, какъ огненный шаръ, взошло въ дымной атмосферѣ, было тихо и тепло. Александръ открылъ глаза и пугливо осмотрѣлся. Долго онъ не могъ привести въ порядокъ подавленныя страшными впечатлѣніями мысли и долго обдумывалъ: гдѣ онъ, и что съ нимъ? На обгорѣлый сукъ обгорѣвшаго дерева сѣла какая-то лѣсная птица и унылыми криками, точно стономъ, созывала глупыхъ птенцовъ своихъ, погибшихъ въ страшномъ пожарищѣ, и торопливо начала бѣгать по землѣ, покрытой пепломъ, отыскивая свое гнѣздо съ злополучнымъ семействомъ.

— Да,– подумалъ Александръ:—онъ ушелъ вѣдь—помню... былъ пожаръ... мы убили старика...

— Здѣсь я! ты меня зовешь?—шептало ему на ухо... и словно хохотъ тысячи дьяволовъ раздался въ его ушахъ...

— Господи!..—крикнулъ въ отчаяніи Александръ и хо-

Digitized by Google

тѣлъ подняться и бѣжать, но силы измѣнили ему, и онъ не могъ двинуться съ мѣста... Этотъ отчаянный вопль страдающей души далеко гдѣ-то повторило горное эхо въ тихомъ, утреннемъ воздухѣ. Безпамятство повторилось снова. Къ вечеру Александръ опомнился, и страшный день смѣнился ужасной ночью... Привидѣніе, созданное горячечнымъ бредомъ, неотступно стояло предъ нимъ, и страшнымъ, гнѣвнымъ огнемъ горѣли его вывалившіеся глаза... Онъ вскакивалъ и снова падалъ и кричалъ: «Не я вѣдь убилъ тебя... иди къ нему!» и голосъ его страшно раздавался въ глухой тайгѣ и замиралъ среди мертвой ночной тишины...

Въ полуверстѣ отъ Александра Голубева расположились на ночлегъ посланные съ ближнихъ пріисковъ дроворубы, для отысканія деревъ, менѣе другихъ пострадавшихъ отъ пожара и пригодныхъ для необходимыхъ пріисковыхъ построекъ. Ночь была очень темная, и темноту ея увеличивали обугленныя деревья, которыя, какъ чудовищная армія черныхъ великановъ-привидѣній, стояли во мракѣ и протягивали во всѣ стороны свои костлявыя руки, вооруженныя громадными когтями; тысячью огненныхъ звѣздъ теплился еще непогасшій огонь въ старыхъ загнившихъ дуплахъ... Чудную, хотя и мрачную картину представлялъ этотъ лѣсъ среди ночи...

У дроворубовъ горѣлъ костеръ.

— Слушай-ка, Степанъ, вѣдь это человѣкъ кричитъ въ тайгѣ-то!—говорилъ молодой дроворубъ, обращаясь къ старику.

— Дуракъ ты, человѣкъ! погляжу я на тебя... Человѣкъ!.. Ты не слыхалъ нешто, какъ лѣшій кричитъ почеловѣчьи... А онъ: «человѣкъ!»

Молодой дроворубъ замолчалъ, но чутко вслушивался въ тишину ночи. Голосъ опять донесся.

— Слышишь?

— Слышу... Ну, такъ што? Пусть кричитъ—это дѣдушко... пусть его...

Звуки донеслись снова. Старикъ перекрестился, перекрестился и молодой.

Digitized by Google

— Ты твори Исусову молитву—вотъ и пройдетъ все...

— Да я не знаю ее—Исусову-то...

— Шелопай!—отозвался старикъ и поворотился другимъ бокомъ къ огню.

Звуки доносились.

— Дядя Степанъ, пойдемъ—посмотримъ!..

— Дуракъ ты! Али хошь душу загубить? Онъ те туда заведетъ этимъ самымъ голосомъ, што до свѣтопреставленья не выѣзешь.

Оба замолчали. Молодой дроворубъ подбросилъ въ костеръ дровъ, и искры густымъ облакомъ взлетѣли надъ огнемъ и мгновенно погасли.

— Говорятъ, дядя, скоро будетъ это свѣтопреставленьето... Вотъ, поди, страхъ-то!..

— Небось страхъ!.. Это все Антихрисъ будетъ дѣйствовать—безъ Антихриса нельзя... Онъ народится отъ распутной дѣвки-жидовки... Вотъ какъ распутная жидовка родитъ жидовку же, а эта будетъ распутная и тоже родитъ жидовку, такъ, значитъ, до семи. Вотъ отъ семой-то и народится Антихрисъ... Сказываютъ, у насъ, въ Расеѣ, шестая ужъ народилась такъ-то...

— Што же онъ будетъ дѣлать, этотъ Антихрисъ?

— А кто его знатъ! Мучить насъ учнетъ!.. Да спи, ну, тебя съ Антихрисомъ; я спать хочу!.. Будетъ катать въ бочкахъ, въ которыхъ ножи, шилья да гвозди наколочены, калёны сковороды лизать... заставлять...

Старикъ задремалъ, въ тайгѣ раздался вопль.

— Экъ его!—хладнокровно, сквозь дремоту проговорилъ старикъ.

«Пойдти развѣ поближе послушать!»—думалъ молодой дроворубъ:—«Нѣтъ, боюсь!» Ему не спалось, и онъ все прислушивался къ человѣческимъ воплямъ. Это стоналъ мученикъ Александръ...

Стрѣтенскій.

Digitized by Google

БУБНОВЫЕ ТУЗЫ НА ПОКОѢ.

(Изъ записной книжки).

Страдалецъ.

I.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ N., одинъ изъ большихъ городовъ Сибири, въ которомъ мнѣ предстояло пробыть весьма короткое время, я случайно узналъ, что въ N. живетъ нѣкто Петровскій, старый мой петербургскій знакомый, котораго я давно потерялъ изъ виду, съ тѣхъ поръ, какъ онъ со своей молодой женой уѣхалъ на частную службу на югъ Россіи.

Оказывалось, что этотъ самый Петровскій ужъ года три, какъ пріѣхалъ изъ Россіи и занимаетъ здѣсь видное мѣсто въ одномъ изъ страховыхъ обществъ.

Я, разумѣется, обрадовался, что въ незнакомомъ городѣ нашелъ знакомыхъ людей и на другой же день отправился къ Петровскимъ.

— Барина нѣтъ дома,—объявила горничная.

— Скоро будетъ?

— Они съ вечера уѣхали на охоту.

— А барыня?

— Барыня дома. Пожалуйте!

Въ то время, какъ я проходилъ черезъ залу, неслышно ступая по узкому протянутому ковру, изъ сосѣдней комнаты доносился чей-то необыкновенно мягкій, вкрадчивый мужской голосъ, звучащій грустными нотами. Я отчетливо услыхалъ

Digitized by Google

изящно составленную французскую фразу о необходимости терпѣливо нести свой крестъ, въ виду людской несправедливости, и вслѣдъ затѣмъ изъ-за портьеры показалась высокая, худощавая фигура почтеннаго старика, съ слегка опущенной на грудь сѣдой головой, одѣтаго не безъ щегольства и вкуса.

Старикъ бросилъ на меня быстрый взглядъ изъ-подъ очковъ и тихо прошелъ мимо, натягивая на руку шведскую перчатку.

Я любопытно всматривался въ блѣдное, длинное лицо, окаймленное вьющимися сѣдинами и маленькой бородкой, и что-то знакомое промелькнуло въ этихъ тонкихъ чертахъ съ заостреннымъ, какъ у хищной птицы, носомъ, въ грустно-насмѣшливой полуулыбкѣ тонкихъ губъ, въ этомъ быстромъ, остромъ взглядѣ, совсѣмъ неподходящемъ къ печальному выраженію физіономіи.

Мнѣ показалось, что я когда-то встрѣчалъ этого господина и совсѣмъ при другой обстановкѣ.

Я вошелъ въ гостиную.

Хозяйка сидѣла на диванѣ у стола задумчивая, повидимому, чѣмъ-то разстроенная, и не замѣтила моего прихода. Ея добродушное, румяное лицо, значительно расплывшееся съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, смотрѣло грустно, и большіе ласковые глаза были влажны.

Я назвалъ ее по имени. Она встрепенулась, тотчасъ же узнала меня и засыпала вопросами. Скоро ужъ мы, по сибирскому обычаю, сидѣли въ столовой за большимъ самоваромъ. Она оживилась, разспрашивала про Петербургъ, про вѣянія, про общихъ знакомыхъ, разсказывала про свою кочевую жизнь съ мужемъ, жаловалась на отсутствіе людей, на грабежи и убійства, словомъ, повторяла все то, что обыкновенно разсказываютъ про сибирскіе города.

По ея словамъ, они заѣхали сюда только потому, что мужъ соблазнился большимъ жалованьемъ.

— Скопимъ что нибудь и уѣдемъ отсюда!—заключила Варвара Николаевна.

— Такъ вы, значитъ, недовольны Сибирью? То-то я засталъ васъ совсѣмъ разстроенной.

*

Digitized by Google

— Ну, это совсѣмъ по другой причинѣ... Я только-что выслушала одну печальную исповѣдь...

— Ужъ не того ли стараго господина, котораго я встрѣтилъ сейчасъ въ залѣ?

— Да. Вы знаете ли, кто это такой?

— Не имѣю чести... Сдается мнѣ, что я его гдѣ-то встрѣчалъ, но гдѣ—не припомню... У него совсѣмъ не провинціальный видъ.

— Навѣрное встрѣчали въ Петербургѣ. Вѣдь это Рудницкій!

— Рудницкій!?

И въ моей памяти воскресъ когда-то извѣстный всему Петербургу знаменитый дѣлецъ и потомъ главный герой скандальнаго процесса о расхищеніи одного солиднаго банка.

— Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ встрѣтить у васъ эту печальную знаменитость... Постарѣлъ, однако, этотъ баринъ, но обликъ прежняго величія, всетаки, еще сохранился... Не скажите вы его фамиліи, я никакъ бы не узналъ знаменитаго расхитителя... Но разсказывайте, чѣмъ, однако, растрогалъ васъ этотъ старый грѣшникъ?

— Напрасно вы говорите о немъ въ такомъ тонѣ. Онъ его не заслуживаетъ!—съ упрекомъ остановила меня Варвара Николаевна.

— Почему это?

— А потому, что Рудницкій невинная жертва, пострадавшая за другихъ!—горячо проговорила Петровская.

Я посмотрѣлъ во всѣ глаза на молодую барыню.

— Рудницкій—невинная жертва!?—разсмѣялся я.—Тогда каждый крупный воръ—ангелъ по вашей терминологіи. Да вы читали ли его процессъ?

— Не читала.

— Прочтите... Любопытно.

— И не буду читать... Я и такъ знаю теперь правду. Прежде и я, какъ вы, была предубѣждена противъ него. Всѣ говорили: расхитилъ банкъ, пустилъ по міру людей.... ну, и я повторяла...

— А теперь?

Digitized by Google

— А теперь я убѣждена, что Рудницкій невиненъ, и жалѣю, что прежде не знала этого...

— Да вы съ нимъ когда же познакомились?—удивлялся я.

— Года два... Я изрѣдка встрѣчала его у однихъ здѣшнихъ знакомыхъ и, признаюсь, съ удовольствіемъ слушала, какъ онъ говоритъ... Онъ умный и образованный человѣкъ и держитъ себя здѣсь съ большимъ тактомъ, всегда скромно, всегда въ тѣни... Мнѣ только не нравился въ немъ насмѣшливый скептицизмъ, какая-то злоба къ людямъ, но теперь мнѣ все это понятно... Сперва мы не принимали его у себя—мужъ не хотѣлъ... Но эту Пасху онъ явился съ визитомъ и послѣ былъ раза три...

— И очаровалъ васъ?

— Не иронизируйте, пожалуйста! Повторяю, что до сегодняшняго дня я относилась къ Рудницкому съ предубѣжденіемъ... Я не знала его, вѣрила молвѣ и была съ нимъ суха... Мужъ, тоже не зная его, неособенно благоволилъ къ нему... Вы понимаете, что бѣдный старикъ, чувствуя недовѣріе, бывалъ всегда сдержанъ и о своемъ прошломъ не говорилъ...

— А сегодня, оставшись наединѣ съ такой довѣрчивой барыней, какъ вы, соблаговолилъ удостоить васъ описаніемъ своихъ добродѣтелей? И вы попали къ нему на удочку?..

— Остановитесь, Ѳома невѣрный, и устыдитесь вашихъ словъ!.. Если бъ вы слышали его задушевную исповѣдь, если бъ вы видѣли слезы на глазахъ у этого одинокаго, всѣми забытаго старика, вы пожалѣли бы его такъ же, какъ и я, и убѣдились бы, что передъ вами честный человѣкъ...

— Пожалѣть, быть можетъ, и пожалѣлъ бы, но повѣрить, что онъ невинная жертва, не повѣрилъ бы... Будьте спокойны!

— Послушате... *Такъ* говорить, какъ говорилъ онъ, съ такой дрожью въ голосѣ, не могутъ люди виноватые...

— Еще какъ говорятъ...

— И къ чему ему было лгать, подумайте!—горячилась Варвара Николаевна.—Вѣдь я все равно не помогу ему оправдаться передъ всѣми! Имя его обезславлено, жизнь разбита, впереди мракъ... Что ему за счастіе въ томъ, что я убѣждена въ его правотѣ, когда всѣ увѣрены въ противномъ?..

Digitized by Google

Бѣдный, несчастный человѣкъ! Если бъ вы знали, сколько онъ перенесъ!

Какъ всѣ женщины, проникнутыя чувствомъ состраданія, Варвара Николаевна готова была теперь произвести чуть ли не въ мученики этого уголовнаго героя.

Я зналъ раньше Варвару Николаевну, зналъ ея страсть отыскивать страдальцевъ (преимущественно, впрочемъ, среди людей, болѣе или менѣе прилично одѣтыхъ) и носиться съ ними до перваго разочарованія, и слушалъ, не прерывая, длинный списокъ добродѣтелей господина Рудницкаго, понимая очень хорошо, что гораздо легче войдти въ царствіе небесное, чѣмъ разубѣдить женщину, повѣрившую чему нибудь всѣмъ своимъ сердцемъ.

Надо думать, что Варвара Николаевна замѣтила, наконецъ, что на моей физіономіи не было и тѣни того восторженнаго умиленія, которымъ дышало все ея существо. Вѣроятно, вслѣдствіе того, она вдругъ рѣзко оборвала вводный эпизодъ, повѣствующій о необыкновенной любви господина Рудницкаго къ домашнимъ животнымъ и въ особенности къ пташкамъ (что тоже, по ея мнѣнію, служило вѣскимъ доводомъ въ пользу невиновности Рудницкаго въ ограбленіи банка), и съ сердцемъ сказала:

— Вы, всетаки, не вѣрите?

— Вамъ—безусловно.

— Не мнѣ, а въ невинность бѣднаго старика!

— Ни на полъ-іоты, Варвара Николаевна. Въ такихъ дѣлахъ, какъ дѣло вашего новаго «страдальца», судебныя ошибки почти невозможны... Присяжныхъ въ напрасной жестокости еще никто не обвинялъ.

— А я вѣрю, вѣрю вѣрю!.. капризно прокричала Варвара Николаевна:—и постараюсь убѣдить мужа дать у себя мѣсто невинному старику.

— А развѣ невинный старикъ во время исповѣди и о мѣстечкѣ говорилъ?

— Вовсе нѣтъ... Съ чего это вы взяли?—замѣтила, вдругъ смущаясь, Варвара Николаевна.

— По вашему смущенію вижу, что говорилъ.

Digitized by Google

— Да нѣтъ же! Онъ вообще говорилъ, что ищетъ занятій... Вѣдь у этого расхитителя, обокравшаго банкъ, нѣтъ ни гроша за душой!—проговорила Варвара Николаевна, побѣдоносно взглядывая на меня.

— Если это и правда, то ничего еще не доказываетъ... Крохи-то, быть можетъ, и остались... Не въ томъ дѣло, а вы скажите-ка лучше, какое мѣсто вы хотите дать Рудницкому?

Оказалось, что надняхъ уѣзжаетъ помощникъ мужа и очищается мѣсто. Работы немного, жалованья сто рублей въ мѣсяцъ.

— Я такъ была бы рада, если бъ Алексѣй пристроилъ старика... Не улыбайтесь ядовито... Лучше прежде познакомьтесь съ Рудницкимъ, и тогда, если хотите, опять поговоримъ о немъ... Приходите-ка завтра обѣдать, я позову и Рудницкаго... Хотите?

Я охотно согласился взглянуть поближе на такого знаменитаго человѣка.

— А процессъ его вамъ, всетаки, не мѣшало бы проштудировать!—прибавилъ я, прощаясь съ милѣйшей хозяйкой.

Но она только замахала руками.

II.

...«Рудницкій!?»

Кто изъ петербуржцевъ, лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, не видалъ Рудницкаго, или, по крайней мѣрѣ, не зналъ его по имени?

Этотъ дѣлецъ и воротила крупнаго банка, вліятельный гласный въ думѣ, членъ многихъ благотворительныхъ обществъ и видный чиновникъ въ одномъ изъ министерствъ, былъ одно время довольно популяренъ въ Петербургѣ. Его можно было увидать утромъ въ своемъ банкѣ, между двумя и тремя на Невскомъ, въ биржевые дни на биржѣ, а вечеромъ въ первыхъ рядахъ на первыхъ представленіяхъ среди сливокъ петербургскаго общества, — всегда скромнаго, любезнаго, даже искательнаго, съ какой-то загадочной улыбкой на устахъ, всегда свѣжаго, чистенькаго, благоухающаго и одѣтаго съ особымъ солиднымъ шикомъ, поанглійски. Имя его довольно

Digitized by Google

часто мелькало въ газетныхъ отчетахъ о разныхъ засѣданіяхъ, и репортеры нерѣдко прохаживались на его счетъ за его «ретроградныя» поползновенія и особенно за его предложеніе изгнать изъ думы представителей печати.

Онъ говорилъ немало. То говорилъ въ думѣ рѣчь въ защиту какихъ нибудь сомнительныхъ предложеній, то умилялся на какомъ нибудь торжественномъ открытіи новаго пріюта, то защищалъ «питательную вѣтку» или «проводилъ» мысль о сліяніи земельныхъ банковъ въ обществѣ содѣйствія промышленности и торговли.

Это былъ видный банкократъ—одна изъ восходящихъ звѣздъ міра дѣльцовъ, прожектеровъ и пройдохъ. О немъ говорили: одни—какъ объ «умницѣ», ловкомъ, осторожномъ и благоразумномъ дѣльцѣ, другіе—какъ о неразборчивой на средства «шельмѣ», не безъ ума и не безъ образованія, но всѣ соглашались, что эта «умница» или «шельма» сдѣлаетъ блестящую карьеру, то есть наживетъ большія деньги, не попавъ на цѣпуру. Разсказывали, что онъ умѣлъ очаровывать и безъ мыла влѣзать въ чужую душу, когда требовалось провести какое нибудь «дѣльце» или привлечь къ сомнительному предпріятію какого нибудь недовѣрчиваго капиталиста. Въ такихъ случаяхъ «припускали» всегда Николая Степановича Рудницкаго, и онъ «обработывалъ».

Въ мірѣ дѣльцовъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ и быстро шелъ въ гору. Начавъ свою карьеру, по выходѣ изъ университета, скромнымъ, незамѣтнымъ чиновникомъ, онъ скоро оставилъ департаментъ и сдѣлался бухгалтеромъ въ банкѣ. Затѣмъ онъ выдвинулся, обративъ на себя вниманіе финансовыми способностями, и черезъ нѣсколько лѣтъ ужъ былъ директоромъ банка. Онъ много работалъ, поднялъ дивиденды банка, устроивалъ не одну замысловатую комбинацію, мало-по-малу сталъ главнымъ воротилой и шелъ, казалось, вѣрными и твердыми шагами къ блестящей будущности милліонера, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, въ газетахъ появилось извѣстіе о крахѣ банка, въ которомъ орудовалъ Рудницкій.

Банкъ рухнулъ, и черезъ нѣсколько времени Рудницкій

Digitized by Google

появился на скамьѣ подсудимыхъ въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица.

Обвинительный актъ нарисовалъ довольно пикантную картину нравовъ и далъ недурную характеристику главнаго героя. Слушая обвиненіе, вы видѣли, что этотъ умный, проныр-ливый, безпринципный человѣкъ не разсчиталъ всѣхъ шансовъ и, воспользовавшись крупнымъ кушемъ, не замелъ слѣдовъ, по обстоятельствамъ отъ него не зависящимъ, и потому, только потому, попалъ въ объятія прокурора.

На судѣ онъ велъ себя отвратительно. Озлобленный позоромъ, злой на неудачу, онъ сваливалъ всю вину на своихъ товарищей, невмѣняемыхъ «божьихъ младенцевъ», слѣпо вѣрившихъ во всемъ своему вожаку, и старался розыграть роль невинной жертвы, пострадавшей за свое довѣріе къ людямъ. Какъ затравленный звѣрь, чующій близость гибели, онъ прибѣгалъ къ отчаяннымъ средствамъ: говорилъ чувствительныя тирады о своемъ патріотизмѣ, о святости основъ, имъ почитаемыхъ, и плакалъ, моля о пощадѣ.

Ни трогательныя тирады, ни слезы, ни блестящая по безстыдству рѣчь адвоката не убѣдили присяжныхъ. Улики были вѣски, виновность Рудницкаго не подлежала сомнѣнію, и матерой звѣрь былъ затравленъ. Его осудили.

Въ безпрерывной смѣнѣ новыхъ неосторожныхъ грабителей, появлявшихся на скамьѣ подсудимыхъ, о Рудницкомъ скоро забыли.

Имена новыхъ «героевъ» занимали публику. Лишь изрѣдка попадалось въ газетахъ имя Рудницкаго, какъ нарицательное имя.

. . . . . .

Все это невольно припомнилось мнѣ, когда на слѣдующій день я шелъ обѣдать къ Петровскимъ.

III.

Въ то время, когда я зналъ Петровскаго, это былъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ русскихъ интеллигентныхъ людей, къ которымъ, какъ нельзя болѣе, идетъ прозвище «ни

Digitized by Google

рыба, ни мясо». Онъ былъ не особенно уменъ, но и не глупъ, немножко читалъ, немножко думалъ, особенно твердыхъ принциповъ не имѣлъ, но чтилъ извѣстныя традиціи и слегка либеральничалъ при «закрытыхъ дверяхъ» и главнымъ образомъ стремился къ покою съ приличнымъ окладомъ.

Онъ обрадовался встрѣчѣ, заговорилъ было о прошломъ, но скоро перешелъ къ настоящему. Провинціальная сонная жизнь положила на него свой отпечатокъ. Онъ обжирѣлъ, обросъ, обрюзгъ и какъ-то болѣе застылъ.

— Ну, какъ вы меня нашли? Порядочно я оскотинился?— спрашивалъ меня, смѣясь, Петровскій послѣ первыхъ взаимныхъ разспросовъ.

— Брюшко отростили изрядно...

— Брюшко—это что!... А я, батюшка, водку нынѣ могу душить въ невѣроятномъ количествѣ, могу до одури играть въ винтъ и по цѣлымъ недѣлямъ ничего не читать... По именинамъ ѣзжу, въ видахъ развлеченія... Ужъ такое здѣсь сонное царство... Все вокругъ располагаетъ къ мирному прозябанію... Да и чего кипятиться-то, какъ подумаешь?

Въ эту минуту въ кабинетъ, гдѣ мы болтали съ Петровскимъ, вошла Варвара Николаевна.

— А что же твой Рудницкій? Видно, не будетъ?—рѣзко оборвалъ разговоръ Петровскій, взглядывая на часы.

— Еще трехъ часовъ нѣтъ.

— Вотъ, батюшка,—обратился онъ ко мнѣ, указывая движеніемъ головы на жену:—неисправимая идеалистка... Ее никакая провинція не беретъ... Если бъ не она, такъ я бы давно совсѣмъ оскотинился. Во все еще вѣритъ... Даже въ невинность Рудницкаго вѣритъ... Сегодня цѣлое утро приставала ко мнѣ, чтобы я далъ ему мѣсто, и расписывала своего протеже.

— И что же, убѣдила васъ Варвара Николаевна?

— Ну, убѣдить-то не убѣдила...

— Подожди, ты скоро убѣдишься, что онъ невиненъ...

— На это не надѣйся... Шельма изрядная твой Рудницкій, а мѣсто ему я, пожалуй, и дамъ. Все жъ таки умный и дѣловой человѣкъ... Немножко, правда, неловко какъ-то

Digitized by Google

брать къ себѣ такого гуся... Ну, да здѣсь мы неразборчивы... И не такихъ гусей принимаютъ... Денегъ у него на рукахъ не будетъ — слѣдовательно, опасности нѣтъ! —прибавилъ, смѣясь, Петровскій.

— Ахъ, Алеша, какъ тебѣ не стыдно такъ говорить!

— Еще стыднѣе, Варя, обокрасть банкъ. Ну, ну, не буду!—шутливо замѣтилъ Петровскій и прибавилъ:—пойдемтека лучше—выпьемъ по рюмкѣ!

Ужъ мы съ хозяиномъ, въ ожиданіи гостя, выпили по двѣ, и ужъ сама Варвара Николаевна начинала безпокоиться, что нѣтъ Рудницкаго, какъ ровно за пять минутъ до трехъ онъ появился на порогѣ гостиной.

Онъ пріостановился на минуту, озирая присутствующихъ, и мягкой, неспѣшной походкой, направился къ хозяйкѣ, распространяя вокругъ себя тонкую душистую струйку.

— Надѣюсь, я не провинился, не опоздалъ?—заговорилъ онъ и какъ-то особенно почтительно и ласково пожалъ руку хозяйкѣ, затѣмъ поздоровался съ Петровскимъ и поклонился мнѣ.

Насъ назвали другъ другу, и мы обмѣнялись рукопожатіями.

Вслѣдъ затѣмъ мы пошли обѣдать, и я не безъ любопытства продолжалъ разсматривать этого знаменитаго «бубноваго туза на покоѣ».

Онъ держалъ себя просто и скромно, съ тактомъ видавшаго свѣтъ человѣка и производилъ сегодня впечатлѣніе добродушнаго, смирнаго, тихаго старика. Привѣтливая улыбка сіяла на его умномъ, спокойномъ лицѣ съ глубокими бороздами, свидѣтельствовавшими о пережитыхъ буряхъ, и маленькіе сѣрые глазки глядѣли сквозь очки ласково и мягко. Въ его манерахъ, въ выраженіи лица проглядывало спокойное смиреніе человѣка, познавшаго тщету жизни и съ философскимъ достоинствомъ глядящаго на міръ Божій.

Въ началѣ онъ говорилъ мало, очевидно, избѣгая занимать собою общество, и обращался преимущественно къ Варварѣ Николаевнѣ. Когда словоохотливый хозяинъ овладѣвалъ разговоромъ, Рудницкій слушалъ внимательно. Склонивъ чуть-чуть на бокъ голову, онъ тихо покачивалъ ею въ знакъ одобренія, и первый смѣялся его остротамъ.

Digitized by Google

Петровскій то и дѣло подливалъ намъ вина, не забывая, конечно, и себя. Рудницкій былъ воздержанъ, пилъ мало, ссылаясь на слабое свое здоровье, но нѣсколько рюмокъ вина сдѣлали его къ концу обѣда разговорчивѣе. Въ его разговорѣ сразу сказывался умный, бывалый человѣкъ, знающій свѣтъ и людей. Говорилъ онъ недурно, мягкимъ, тихо льющимся голоскомъ. Замѣчанія его были подчасъ мѣтки и остроумны. Онъ какъ-то ловко и незамѣтно попадалъ въ тонъ собесѣдника и очень тонко льстилъ слегка подвыпившему хозяину. Петровскій видимо добродушнѣе и ласковѣе относился къ Рудницкому послѣ обѣда, и Варвара Николаевна торжествовала.

Когда Петровскій съ Рудницкимъ заговорили о чемъ-то, Варвара Николаевна шепнула мнѣ:

— Ну, что... понравился онъ вамъ?

— Ловкая шельма!—чуть слышно прошепталъ я въ отвѣтъ.

Она съ нѣмымъ укоромъ взглянула на меня. Я въ эту минуту посмотрѣлъ на Рудницкаго и поймалъ его пытливый, зоркій взглядъ, устремленный на насъ. Въ этомъ взглядѣ не было и слѣда добродушія. Холодный, стальной, онъ точно пронизывалъ.

Рудницкій тотчасъ же отвелъ глаза и продолжалъ съ хозяиномъ бесѣду въ полголоса.

Къ концу вечера Петровскій совсѣмъ былъ очарованъ Рудницкимъ и, отведя меня въ сторону, промолвилъ:

— А вѣдь, кажется, старикъ лучше, чѣмъ я думалъ...

— Понравился?—улыбнулся я.

— Въ немъ больше добродушія, чѣмъ я предполагалъ... И умница... Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, на него нападать... Ну, случился съ нимъ грѣхъ, онъ пострадалъ за него... Что тамъ ни говорите, а жаль старика... Укатали сивку крутыя горки!

— Едва ли... Пустите-ка этакого козла въ огородъ—онъ вамъ покажетъ!

— Да вы что жъ это?.. А еще гуманный человѣкъ! Не вѣрите, что ли, въ возможность раскаянія?

— Вѣрю, милѣйшій Алексѣй Петровичъ. Но только кающіеся люди не драпируются въ мантію непонятыхъ страдальцевъ и не плачутъ крокодиловыми слезами!

Digitized by Google

— А чортъ его знаетъ... Быть можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ не такъ виноватъ!..

Я только засмѣялся въ отвѣтъ.

IV.

Позднимъ вечеромъ мы вышли съ Рудницкимъ отъ Петровскихъ. Узнавъ, что я пойду въ гостиницу пѣшкомъ, Рудницкій предложилъ идти вмѣстѣ. Я, разумѣется, согласился.

— Что за чудный вечеръ!—заговорилъ мой спутникъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія... Теплынь, тишина! Невольно вспоминаются иныя страны, иныя небеса... У насъ здѣсь такіе вечера—рѣдкость... Благодать, да и только!

Онъ глубоко вздохнулъ полной грудью и поднялъ голову кверху.

— И какъ хорошо сегодня небо! — продолжалъ онъ въ томъ же мечтательномъ тонѣ, растягивая слова.—Полюбуйтесь, какъ ярко свѣтятся звѣздочки! Какъ хороша Венера!..

Я невольно вспомнилъ разсказъ Варвары Николаевны про любовь Рудницкаго къ птичкамъ и спросилъ:

— Вы вѣрно любите природу?

— Люблю ли я природу? — переспросилъ онъ такимъ тономъ, будто даже сомнѣніе въ этомъ было обидой для его чувствительной души:—Да что жъ и любить-то, какъ не природу, полную великихъ тайнъ... Людей, что ли? — грустно усмѣхнулся онъ:—люди злы и безжалостны... Одна природа безпристрастна и на всѣхъ льетъ свои дары...

Этотъ байроновскій тонъ въ устахъ Рудницкаго былъ для меня неожиданностью.

Я взглянулъ на него. Онъ шелъ, понуривъ голову, съ видомъ человѣка, подавленнаго думами, и молчалъ.

— Надолго вы въ наши палестины?—спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ... Черезъ три дня уѣду.

— Въ Россію?

— Да, въ Петербургъ...

— Завидую вамъ!—проговорилъ онъ.—Невеселы наши па-

Digitized by Google

лестины. Не дай Богъ никому попасть сюда... Люди здѣсь грубые, некультурные... Духовные интересы для нихъ непонятны... Здѣсь пьютъ, играютъ въ карты и сплетничаютъ... Человѣку съ высшими потребностями, привыкшему къ иной жизни, къ инымъ нравамъ, тяжело... Вѣрите ли, не съ кѣмъ иногда перемолвиться словомъ... поговорить о чемъ нибудь, кромѣ пошлыхъ сплетенъ... Вотъ только и отдыхаешь душой у Петровскихъ да еще въ одномъ семействѣ. Славные они оба, эти Петровскіе... Вы давно съ ними знакомы?—прибавилъ Рудницкій.

— Давно...

— Какъ они оба еще сохранили свѣжесть души!—восторженно проговорилъ мой спутникъ:—особенно эта милая Варвара Николаевна!.. Женщины, впрочемъ, вообще лучше нашего брата,—вставилъ Рудницкій.—Не будь здѣсь этихъ двухъ семей—пришлось бы разучиться говорить... Купцы—народъ невозможный... Чиновничество... тоже неособенно симпатично, да и многіе сторонятся отъ людей въ моемъ положеніи... Развлеченій порядочныхъ никакихъ... Отвратительный городъ, отвратительная страна!—угрюмо закончилъ Рудницкій.

Онъ выдержалъ паузу и продолжалъ:

— И знать, что вамъ предстоитъ навсегда здѣсь остаться! Навсегда въ этой трущобѣ!.. А, впрочемъ, вѣроятно, ужъ и недолго терпѣть!—грустно усмѣхнулся старикъ:—здоровье мое въ конецъ разстроено... Однако, вотъ и гостинница... Простите, я разболтался... Здѣсь такая рѣдкость встрѣтить свѣжаго человѣка и такъ хочется отвести душу, поговорить... Видно, старческая слабость...

Признаюсь, и мнѣ было любопытно послушать, что будетъ говорить старикъ, и посмотрѣть, въ какой роли онъ явится передъ «свѣжимъ» человѣкомъ, и я попросилъ его зайдти ко мнѣ.

Онъ охотно согласился.

Черезъ нѣсколько минутъ мы сидѣли въ номерѣ за бутылкой краснаго вина, и мнѣ было дано настоящее представленіе съ самымъ неожиданнымъ финаломъ.

Digitized by Google

V.

— Да... Одиннадцать лѣтъ, какъ я живу въ этомъ городѣ... Одиннадцать лѣтъ одинокій, всѣми забытый... Легко сказать: одиннадцать лѣтъ, а каково прожить ихъ...

Онъ прихлебнулъ вина и примолвилъ съ усмѣшкой:

— И, всетаки, находятъ, вѣроятно, что наказаніе мало для такого... ужаснаго преступника... Для всѣхъ есть милосердіе, а для меня его нѣтъ... Многимъ разрѣшили вернуться... Овсянникову, Макшееву... Тѣ, видите ли, не столь виновны, а я, видно, въ самомъ дѣлѣ злодѣй!...—прибавилъ онъ и засмѣялся тихимъ, почти беззвучнымъ смѣхомъ.

При этомъ злобное, насмѣшливое выраженіе тѣнью пронеслось по его блѣдному, худому лицу, засвѣтилось холоднымъ блескомъ въ глазахъ и искривило тонкія, безкровныя губы въ сардоническую улыбку. Что-то непріятное, мефистофелевское было въ этомъ старческомъ лицѣ.

— Вы развѣ хлопотали о возвращеніи?

— Три раза я подавалъ прошенія и всѣ три раза при самыхъ лучшихъ отзывахъ администраціи, и каждый разъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Просьба мѣщанина изъ ссыльныхъ Рудницкаго не подлежитъ удовлетворенію»... Я вѣдь нынче имѣю честь носить званіе мѣщанина!—прибавилъ старикъ:—п—скій мѣщанинъ изъ ссыльныхъ... Это звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, не правда ли?...

— Но вѣдь вы можете переѣхать въ другой какой нибудь городъ Сибири.

— Все та же Сибирь! Здѣсь хоть есть давность привычки... Я и просился только ради здоровья... Вѣдь если бъ мнѣ и можно было уѣхать отсюда, я все равно вездѣ буду отверженцемъ... Вездѣ позоръ... вездѣ станутъ шептать, указывая на меня: «Это тотъ самый Рудницкій, который ограбилъ банкъ»... И всѣ будутъ злорадствовать, и больше всѣхъ люди, которые, быть можетъ, въ сто разъ хуже меня... Это вѣдь вѣчно новая старая исторія на свѣтѣ... Пока успѣхъ на вашей сторонѣ, вамъ готовы простить преступленіе, а чуть паденіе, быть можетъ,

Digitized by Google

и не заслуженное, вызванное не преступленіемъ, а ошибкой, довѣріемъ,—довѣріемъ, пожалуй, и ошибочнымъ, но не преднамѣреннымъ,—подчеркнулъ онъ,—всѣ отвернулись, всѣ забыли, даже самые близкіе когда-то люди...

Рудницкій отпилъ еще глотокъ и продолжалъ:

— И знаете ли, что̀ больше всего возмущаетъ меня при этомъ?

— Что?..

— Людское лицемѣріе... Всѣ кричатъ о какой-то общественной совѣсти, о какихъ-то нарушенныхъ правахъ!.. Какая это общественная совѣсть?... гдѣ она? Кто отказался бы отъ положенія Ротшильда, хотя онъ, съ точки зрѣнія извѣстной морали, каждый день возмущаетъ общественную совѣсть и нарушаетъ чьи нибудь права? А между тѣмъ про него не кричатъ, кромѣ горсти безумцевъ, мечтающихъ исправить міръ... Онъ пользуется уваженіемъ; весь свѣтъ у его ногъ... Общественная совѣсть!?—усмѣхнулся злобно старикъ:—да изъ тысячи людей девятьсотъ-девяносто-девять наплевали бы на нее, если бъ однихъ не удерживалъ страхъ наказанія, другихъ—просто глупость... А вѣдь всѣ кричатъ о совѣсти... О Господи, какъ все это глупо и возмутительно! И послѣ этого развѣ можно не презирать людей!?—патетически воскликнулъ Рудницкій.

Онъ помолчалъ, налилъ себѣ вина и снова заговорилъ:

— Уѣхать!? Куда мнѣ уѣхать?.. Вѣдь у меня, ограбившаго банкъ, нѣтъ состоянія, чтобы замазать рты и заслужить уваженіе?.. Вы знаете ли, что, пріѣхавъ сюда, я, извѣстный грабитель, не зналъ, на что̀ пообѣдать... Кто этому повѣритъ, не правда ли?—грустно усмѣхнулся Рудницкій.

Когда онъ говорилъ, голосъ его дрожалъ, казалось, искренними нотами. Я слушалъ и недоумѣвалъ. Къ чему эта комедія? Или, въ самомъ дѣлѣ, онъ, съ точки зрѣнія своей своеобразной философіи, считаетъ себя невинной жертвой?

Я молчалъ и ждалъ, что̀ будетъ далѣе.

— Я старъ,—снова началъ онъ:—у меня нѣтъ даже надежды поправить свое положеніе, чтобы посмотрѣть, какъ эти самые люди, которые отвернулись отъ меня, снова станутъ находить, что я человѣкъ, нагруженный всѣми добродѣтелями... И,

Digitized by Google

каюсь, иногда я жалѣю, что не могу вернуть прежняго положенія... Каюсь, жалѣю и озлобляюсь... Да развѣ можно не озлобиться!?—воскликнулъ онъ съ раздраженіемъ.—Помилуйте... Тутъ всякое терпѣніе лопнетъ!.. Я думалъ: хоть здѣсь-то меня оставятъ въ покоѣ... Такъ нѣтъ... И здѣсь меня преслѣдовали...

— За что?

— А за то, что, два года тому назадъ, здѣсь былъ начальникъ, который имѣлъ доблесть дать мнѣ мѣсто и кусокъ хлѣба... Какъ можно! И поднялся кругомъ вой, пошли сплетни, будто я вліяю, будто играю роль... Появились въ этомъ жанрѣ корреспонденціи въ столичныхъ газетахъ... Вы развѣ не читали?

— Что-то помню...

— Уголовные ссыльные деморализуютъ общество... Отъ нихъ страдаетъ край и все въ такомъ родѣ... И здѣшняя мерзкая газетка тоже стала тявкать... О, это была нескончаемая травля... Эти господа ненавидятъ людей порядочныхъ, благонамѣренныхъ, людей цивилизованныхъ и, главное, пріѣзжихъ... У нихъ вѣдь свой патріотизмъ... сибирскій... специфическій, какъ Петрушкинъ запахъ... Они тутъ въ такомъ случаѣ всѣ заодно...

И, точно вспомнивъ испытанныя имъ обиды, онъ началъ бранить Сибирь и сибиряковъ и въ особенности какую-то шайку «мучениковъ идеи» съ необузданной злобой. Онъ не говорилъ, а шипѣлъ съ какимъ-то угрюмымъ ожесточеніемъ завзятаго человѣконенавистника. Онъ поносилъ людей, не останавливаясь передъ клеветой, и въ то же время жаловался, что его не оставляютъ въ покоѣ.

Куда дѣвался добродушный, смирный «старичекъ», котораго я видѣлъ у Петровскихъ?

— Не удивляйтесь этому раздраженію!—проговорилъ онъ послѣ паузы, наливая новый стаканъ и залпомъ выпивая его.—Я не могу равнодушно говорить, какъ вспомню объ этомъ... Поймите только: одиннадцать лѣтъ тому назадъ, меня позорилъ прокуроръ... почти годъ меня трепали всѣ газеты... Чего только не говорили про меня! Я переносилъ все... Мое имя,

Digitized by Google

наконецъ, забыли... И что же? За то, что мнѣ даютъ кусокъ хлѣба, въ меня снова летятъ комки грязи... Каждый писака, каждый недоучившійся молокососъ кричитъ о моемъ прошломъ... И за что же?... за что?... Что я имъ сдѣлалъ?

Онъ закрылъ лицо руками и нѣсколько времени молчалъ.

Когда, наконецъ, онъ поднялъ голову, на глазахъ его блестѣли слезы.

— И если бъ еще я, въ самомъ дѣлѣ, былъ виноватъ, какъ разславили меня на всю Россію... Послушайте... Вы тоже недовѣрчиво отнеслись ко мнѣ... Я замѣтилъ... у Петровскихъ... Но если бъ вы знали всю правду...

И Рудницкій, начинавшій немного хмѣлѣть, началъ разсказывать мнѣ свое дѣло, «какъ оно было въ дѣйствительности». Изъ его словъ выходило, что его напрасно обвинили, что онъ невиненъ, какъ ангелъ. Онъ, правда, сдѣлалъ ошибку, довѣрился другимъ и... попался, какъ куръ во щи...

Признаюсь, это было ужъ слишкомъ, и я довольно сухо замѣтилъ Рудницкому, что былъ на его процессѣ.

— Изволили быть? — переспросилъ онъ.

— Былъ...

— И, пожалуй, не вѣрите мнѣ?—проговорилъ онъ внезапно измѣнившимся тономъ, съ нескрываемой насмѣшкой.

Я молчалъ.

— Что жъ вы не говорите?... Вѣдь вы, кажется, изъ либераловъ?—ядовито усмѣхнулся онъ.—О, я отлично вижу, что не вѣрите... И знаете ли что? Вѣдь вы, пожалуй, и правы, что не вѣрите?—вдругъ проговорилъ онъ, понижая голосъ, и засмѣялся своимъ тихимъ, непріятнымъ смѣхомъ. — Ей-Богу, правы, что не вѣрите!...

Я взглянулъ на Рудницкаго. Признаюсь, мнѣ рѣдко приходилось видѣть такое злое, отвратительное лицо. Оно какъ-то все съёжилось и улыбалось скверной, циничной, насмѣшливой улыбкой, въ глазахъ сверкалъ злой огонекъ, и искривленныя губы дрожали.

— Еще бы вѣрить!? Не младенецъ же я былъ въ самомъ дѣлѣ и не дуракъ, мечтавшій объ акридахъ и медѣ, когда ворочалъ банкомъ и пользовался общимъ почетомъ?... Ха-ха-

Digitized by Google

ха... Я, батюшка, былъ поклонникомъ капиталистическаго строя... Ну, да... Я воспользовался случаемъ сдѣлаться сразу богатымъ, чтобы еще болѣе разбогатѣть... Изволите слышать?... Воспользовался!—прошипѣлъ онъ, глядя на меня въ упоръ съ насмѣшливымъ видомъ.—И если бъ не глупая случайность, я бы теперь былъ не мѣщанинъ изъ ссыльныхъ, а глубокоуважаемый Николай Степанычъ Рудницкій, тайный совѣтникъ и кавалеръ... И всѣ эти господа прокуроры считали бы за честь у меня обѣдать, и никто не смѣлъ бы заикнуться объ общественной совѣсти... Совѣсть!... Это все «parole, parole, parole!», какъ говорилъ Росси!... У всякаго своя совѣсть!... Но я не разсчиталъ шансовъ и... тотъ же многоуважаемый Николай Степанычъ внезапно разжалованъ въ малоуважаемые... Казни его за то, что онъ не разсчиталъ... Спасай общество отъ такого вреднаго члена... Ха, ха, ха!... Да, не разсчиталъ... дуракъ былъ, оселъ, и наказанъ за это... И, вы думаете, я раскаяваюсь?—прибавилъ онъ съ какимъ-то бѣшенствомъ.—Я злюсь... не оттого... Я злюсь на свою глупость... Ну, вотъ вамъ... довольны признаніемъ?... Опишите, если будетъ угодно... Довольно любопытно будетъ прочесть... Такъ не вѣрите?... Ха-ха-ха... А я думалъ, повѣрите... Надѣюсь, я правъ вашихъ не нарушалъ... Вкладовъ у васъ не было въ банкѣ... Или были?... Ну, въ такомъ случаѣ очень жаль... Весьма жаль... А затѣмъ имѣю честь кланяться... Руки не протягиваю въ видахъ торжества общественной совѣсти... Вотъ, когда буду Ротшильдомъ, тогда милости просимъ... ко мнѣ... Я васъ угощу чуднымъ виномъ, не то, что эта кислятина... Надѣюсь, однако, что у Петровскихъ вы мнѣ не повредите... Не правда ли?... Вѣдь тамъ не лежитъ милліона... А вѣдь мнѣ, старику, всетаки, пить и ѣсть надо... Надѣюсь, общественная совѣсть не возбраняетъ...

И съ этими словами Рудницкій ушелъ.

VI.

Прошелъ годъ со времени этого страннаго свиданія. О Рудницкомъ я ничего не слыхалъ, какъ вдругъ получаю отъ

Digitized by Google

Петровскаго письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, сообщалъ, что старикъ попрежнему служитъ у него и собирается издавать съ кѣмъ-то газету.

«Это будетъ, по словамъ Рудницкаго, «органъ честныхъ русскихъ людей». Эта идея тѣшитъ бѣднаго старика»,—прибавлялъ Петровскій.

«Рудницкій въ роли руководителя общественнаго мнѣнія!?»

Это ужъ было совсѣмъ неожиданной новостью, хотя и не невѣроятной по нынѣшнимъ временамъ.

Сибирскій Путешественникъ.

ИРК. [illegible]

Digitized by Google

НОЙ.

Двое сутокъ въ монастырѣ бонбо.

(Изъ путешествія въ Китай).

Не всякій читатель «Восточнаго Обозрѣнія», можетъ быть, знаетъ, что̀ такое бонбо; считаю, поэтому, обязанностью въ началѣ своей статьи сообщить нѣсколько общихъ свѣдѣній объ этой религіи Восточнаго Тибета. Къ сожалѣнію, при малой начитанности моей я могу только позаимствовать эти свѣдѣнія изъ сочиненія полковника Юля: Marco Polo, by colonel Youl, vol. I, p. 315—318. Въ этомъ отрывкѣ, я полагаю, сказано все, что можно было сказать о бонбо, при современномъ состояніи нашихъ знаній о нихъ. О вѣрѣ бонбо и ея тайнахъ, по словамъ Юля, мало извѣстно, потому что она ограничивается восточною частью Тибета. Это, кажется, остатокъ стараго добуддійскаго поклоненія силамъ природы, хотя измѣненный вліяніемъ буддизма, съ которымъ онъ долго соприкасался. Hodgson говоритъ о собраніи изображеній бонбо, которыя были сдѣланы для него членомъ секты изъ окрестностей Тандіенлу, что они преисполнены аттрибутами Sacta, т. е. духомъ почитанія Tantrica,—почитаніемъ, которое онъ опредѣляетъ, какъ смѣсь похоти, дикости и маскарада, и который, онъ думаетъ, произошелъ изъ смѣшенія первобытнаго суевѣрія туранцевъ съ религіями Индіи. Hodgson разсказываетъ, что бонбо владѣетъ многочисленными и богатыми монастырями въ Тибетѣ. Секта бонбо въ упадкѣ; по словамъ католическихъ миссіонеровъ, её тѣснятъ ламы другой секты. Въ Tsodam'ѣ близь Bonga,—разсказываетъ Габріэль Дуранъ,—есть храмъ вѣры бонбо съ чудовищными деревянными и мѣдными идолами, масками, одѣяніями ламъ, барабанами, трубами изъ человѣческихъ костей, священными сосудами и пр. На стѣнахъ представлены картины ада, а во внутреннемъ концѣ храма восемь или девять сидя-

Digitized by Google

щихъ чудовищныхъ идоловъ. Въ серединѣ ихъ сидитъ Tamba-Shi-Rob, великій учитель секты бонбо, лѣвой рукой держащій чашу знанія. Кеппенъ говоритъ, что послѣдователи вѣры бонъ называются иногда у тибетцевъ nag-choi, т. е. «черная секта», тогда какъ ламы называются «красной» или «желтой». По словамъ Яшкэ, въ западномъ, т. е. некитайскомъ, Тибетѣ нѣтъ бонбо. Не могу судить, говоритъ Юль, почему ихъ отожествляютъ съ даосы: есть ли тутъ историческое преемство съ китайской вѣрой, или заключеніе дѣлаютъ только по сходству ученія и обрядности? Китайскій писатель, авторъ книги, переведенной Клапротомъ, подъ названіемъ: «Description du Tibet», переводитъ бонбо черезъ даосы. Это, кажется, древняя религія Тибета, существовавшая здѣсь до проникновенія сюда буддизма, и даже кажется, что она начинала господствовать, когда свѣтская власть задумывала ниспроверженіе ламайской іерархіи. По другому мнѣнію, бонбо первоначально состояла только въ фетишизмѣ или была тожественна съ шаманизмомъ. Аскетизмъ у нихъ только у священниковъ, которые строже исполняютъ целибатъ, чѣмъ буддисты. Послѣдніе считаютъ бонъ ересью, хотя имена боговъ у нихъ отчасти тѣ же, какъ у буддистовъ, ритуалъ другой. Самая главная ихъ ересь въ томъ, что они дѣлаютъ обходъ около священныхъ предметовъ въ противоположномъ направленіи, чѣмъ предписывается буддизмомъ. Тожество бонбо и даосы принимали Csoma de Körös и Клапротъ. Генералъ Кунингамъ писалъ Юлю: «Фасянъ называетъ еретиковъ, которые собрались въ Râmâgrâmà'ѣ, даосы, т. е. отожествляетъ ихъ съ китайскими finitimist'ами. Даосы поэтому суть то же самое, что swâstikas, или почитатели мистическаго креста swâsti».

Отправляясь въ путешествіе въ Восточный Тибетъ, я имѣлъ въ виду познакомиться съ бонбо, но не разсчитывалъ встрѣтить ихъ около Сунъ-пана. Я думалъ, что ихъ нѣтъ сѣвернѣе Тацзіенъ-лу, и когда увидѣлъ, что намъ не придется углубиться на югъ далѣе Сунъ-пана, я уже разстался съ мыслью увидѣть бонбо. Въ Сунъ-панѣ я неожиданно узнаю, что въ окрестностяхъ его болѣе десятка маленькихъ монастырей бонбо и чуть не всѣ окрестные тангуты придерживаются этой вѣры.

Уже когда мы шли изъ Нанъ-пина въ Сунъ-панъ по долинѣ рѣки Пей-хо, наши тангуты, взятые нами изъ Лабрана, были введены въ соблазнъ тѣмъ, что карло, или молитвенныя мельницы, устроенныя на рѣкѣ или на каналахъ, выведенныхъ изъ нея, вертятся не по солнцу, а противъ солнца. Этого обстоятельства достаточно было для того, чтобъ догадаться, что мы попали въ область бонбо; однако я какъ-то самъ не до-

Digitized by Google

гадался объ этомъ. Не доѣзжая 20 верстъ до Сунъ-пана, на нашей дорогѣ лежалъ городокъ Чжанла; противъ него на другомъ берегу рѣки и расположенъ бонбоскій монастырь Ной, о которомъ я хочу разсказать читателю. Монастырь отлично видно съ дороги, но мы, хотя и ночевали въ Чжанла, проѣхали мимо Ной, не подозрѣвая, что это монастырь бонбо. Только уже послѣ въ Сунъ-панѣ, какъ я уже сказалъ, мнѣ сдѣлалось извѣстно, что здѣсь много бонбо; объ этомъ мнѣ сообщилъ одинъ часто посѣщавшій меня гегенъ секты зонкавистовъ.

Въ Сунъ-панѣ мы жили за городомъ; это, конечно, избавляло насъ отъ большой толпы любопытныхъ, но не совсѣмъ. Любопытные набирались изъ города, хотя нашъ дянъ и былъ отдѣленъ отъ него рѣкой. Дворъ нашъ былъ такъ устроенъ, что нельзя было сдѣлать его недоступнымъ для толпы. Хотя онъ съ передняго фасада и имѣлъ заборъ и ворота, но заднихъ стѣнъ не было; ихъ замѣнялъ обрѣзъ террасы, на которой находились пашня и огородъ. Когда переднія ворота запирались, зрители набирались съ задняго входа. Впрочемъ, мы страдали отъ этой толпы здѣсь менѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что занимали верхній этажъ дома. Нашъ домъ, какъ и всѣ здѣшніе деревенскіе дома, былъ двухэтажный. Жилыя помѣщенія устроиваются въ нижнемъ этажѣ; верхній же имѣетъ видъ чердака и служитъ складомъ зерна, муки, зелени и другихъ припасовъ. Тутъ нѣтъ потолка и, если вы любите проводить сумерки, шагая по комнатѣ, вы должны беречь свой лобъ, который приходится въ одномъ уровнѣ съ стропилами. Иногда на этихъ чердакахъ устроиваются и нары, еще рѣже встрѣчается и потолокъ. Мы часто занимали эти чердаки, предпочитая ихъ нижнимъ этажамъ, хотя на нихъ всегда было жарче. Освѣщается такой чердакъ дверью или двумя дверями, по одной въ каждомъ концѣ чердака; навѣшанной двери нѣтъ, а отверстіе къ ночи забирается досками. На чердакъ поднимаются по лѣстницѣ, приставляемой противъ двери къ наружной стѣнѣ дома. Мы были очень довольны своимъ чердакомъ въ Сунъ-панѣ; онъ не былъ заваленъ хозяйскимъ хламомъ; изъ дверей открывался видъ съ одной стороны на рѣку и городъ, съ другой на горы и зеленыя нивы; подъ лѣстницей на дворѣ съ утра до вечера обыкновенно стояла толпа, но если мы не хотѣли ее видѣть, мы уходили въ глубь чердака. Къ намъ на верхъ позволялось подниматься только ламамъ, и то только тѣмъ, которые заявляли впередъ обѣщаніе разсказать о дорогахъ въ Лхассу и о своемъ паломничествѣ. Въ числѣ такихъ допущенныхъ посѣтителей былъ

Digitized by Google

и вышеупомянутый гегенъ, впервые сообщившій мнѣ о бонбо Это былъ тангутъ, родомъ, какъ онъ говорилъ, изъ Лабрана. Онъ былъ одѣтъ въ очень поношенное шелковое платье; на ногахъ онъ носилъ махàи, т. е. лапти изъ пеньки. Судя по одѣянію, онъ былъ очень бѣденъ. Онъ говорилъ, что онъ не помнитъ своихъ родителей и о своемъ дѣтствѣ сохранилъ самыя спутанныя воспоминанія, потому что съ самыхъ малыхъ лѣтъ его начали таскать изъ монастыря въ монастырь, такъ что онъ хорошо не знаетъ, кому собственно обязанъ своимъ воспитаніемъ и кто выучилъ его тангутской грамотѣ. Подросши, онъ уже по своей охотѣ продолжалъ скитальническую жизнь и обошелъ всѣ святыя мѣста сѣверо-восточнаго Тибета; на сѣверѣ онъ обошелъ всѣ монастыри къ сѣверу отъ Желтой рѣки: Сыркугъ, Чертынтонъ, Чэй-бсенъ, Орголыкъ, Гумбумъ, Шячунъ и пр., и посѣтилъ поклонныя горы Ами-Мачинъ въ вершинахъ Желтой рѣки; на югѣ доходилъ до монастыря Руза-Рузукчинъ въ провинціи Камъ, въ которомъ прожилъ шесть лѣтъ. Это былъ какой-то шатало, который не имѣлъ на землѣ мѣста, гдѣ «главу преклонити». Имя его было Тувацэнъ, но мы между собой звали его сиротой-гегеномъ. Онъ отлично зналъ географію Восточнаго Тибета отъ Мачинъгонри до Сунъ-пана и отъ Гумбума до Тацзіенъ-лу и предлагалъ взять его съ собой, если я пойду въ Камъ-Дерге. Къ сожалѣнію, по денежнымъ обстоятельствамъ, я долженъ былъ отказаться отъ заманчивой компаніи бого-человѣка, хотя, впрочемъ, такая компанія не есть что нибудь необыкновенное. Въ Тибетѣ, какъ и въ южной Монголіи, гегенъ вовсе не рѣдкость, чуть не въ каждомъ монастырѣ есть гегенъ, а въ большихъ ихъ по нѣскольку. Это не то, что въ Халкѣ, гдѣ они наперечетъ и гдѣ они всѣ важныя особы.

Однажды мы пили чай вверху; въ открытую дверь намъ видно было стоящую внизу толпу. «Посмотрите, какой красивый мужчина!»—сказалъ А. М. Скаси, указывая на толпу:—«вотъ тотъ, что въ странной позолоченной шляпѣ!»

Я взглянулъ внизъ и увидѣлъ среди чумазыхъ китайскихъ разносчиковъ мелкаго товара, тангутовъ съ полуобнаженными торсами и тангутокъ въ нагольныхъ шубахъ, фигуру въ ярко-желтомъ шелковомъ одѣяніи и съ деревянной шляпой, покрытой сусальнымъ золотомъ, на головѣ. На вершинѣ шляпы была утверждена головка въ видѣ восьмигранника, такъ что шляпа очень походила на крышку деревяннаго расписнаго жбана.

Немного погодя, къ намъ наверхъ поднялся нашъ лама Серенъ и сообщилъ, что внизу находится гегенъ бонбо и проситъ позволенія подняться на чердакъ. Конечно, мы были

Digitized by Google

рады этому визиту. Черезъ нѣсколько минутъ деревянная позолоченная шляпа очутилась у насъ на чердакѣ. Это и былъ бонбоскій гегенъ Ноицэнъ.

Это былъ еще молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти. Не смотря на то, что на немъ было чистое и богатое платье, на ногахъ его были махаи; эта обувь здѣсь не указываетъ на бѣдность человѣка; ради ея удобства, ее носятъ здѣсь всѣ, и даже мандарины.

Гегенъ явился пригласить меня въ свой монастырь Ной, лежащій противъ городка Чжанла, и мы условились о днѣ, въ который я долженъ былъ къ нему собраться.

Въ условленный день я въ компаніи съ нашимъ ламой Сереномъ и съ рабочимъ тангутомъ Лагу отправился въ Ной. Не доѣзжая до городка Чжанла, мы свернули налѣво къ деревянному крытому крышей мосту, перекинутому черезъ бурливую горную рѣчку. За мостомъ дорога поднимается на высокую террасу, на которой въ концѣ дороги и стоитъ монастырь Ной. Только-что мы вступили подъ крышу моста, какъ гдѣ-то раздались звуки трубъ. Мы сначала подумали, что это въ монастырѣ идетъ богослуженіе. Но когда выѣхали изъ-подъ крыши моста, мы увидѣли въ монастырскихъ воротахъ группу бонбо съ длинными трубами и колышащійся въ воздухѣ большой зонтъ или балдахинъ. «Это они чествуютъ нашъ пріѣздъ! Съ большой церемоніей хотятъ встрѣтить!»—сказалъ мнѣ лама Серенъ и посовѣтовалъ спѣшиться. Мы сошли съ лошадей и стали подниматься въ монастырь пѣшкомъ. Во все это время трубы продолжали трубить.

Любовь къ истинѣ принуждаетъ насъ сознаться, что картина нашего вступленія въ монастырь бонбо была скорѣе комическая, чѣмъ торжественная. Трубили всего два трубача; вся процессія бонбо, вышедшихъ для встрѣчи изъ монастыря, состояла человѣкъ изъ десяти, не болѣе. Прибавьте къ этой картинѣ фигуру русскаго путешественника, шагающаго въ истрепанныхъ махаяхъ, подъ простой крестьянской шляпой и въ рабочей поношенной курмѣ. Комичность всей этой картины я почувствовалъ, впрочемъ, только впослѣдствіи; во время же самой церемоніи я чувствовалъ одно неловкое положеніе въ родѣ положенія гоголевской Фидельки: «Отказаться какъ то совѣстно, ну и ѣшь».

Когда я вошелъ въ ворота, зонтъ понесли впереди меня, а бонбо и трубы пропустили меня впередъ и пошли сзади. Насъ провели черезъ небольшой дворикъ гегена, застроенный со всѣхъ сторонъ галлереями, и помѣстили на первый разъ въ кумирнѣ, или образной, которая находилась въ третьемъ

Digitized by Google

этажѣ. Здѣсь уже были посланы подстилки и поставленъ столъ, на которомъ вскорѣ явились закуска и чай. Въ это время явился нашъ знакомый молодой гегенъ, чтобы пригласить насъ приступить къ трапезѣ. Подобное приглашеніе всегда сопровождается особеннымъ жестомъ—протягиваніемъ рукъ съ ладонями, обращенными кверху. Время отъ времени и другіе бонбо, усѣвшіеся противъ насъ, то тотъ, то другой показывали свои ладони. Даже поваръ и тотъ жестикулировалъ, приглашая насъ закусывать. Иногда это выходило неловко, потому что приглашеніе это запаздывало и дѣлалось въ тотъ моментъ, когда мы, забывъ о приличіи и не дождавшись приглашенія, принимались уписывать стоявшія на столѣ закуски.

Когда чай кончился, мнѣ предложили сдѣлать визитъ старшему гегену. Дѣло въ томъ, что въ Ной два гегена; въ Сунъ-панѣ у насъ былъ младшій, который старшаго считаетъ своимъ духовнымъ отцомъ. Домъ, въ которомъ мы находились, есть собственность старшаго; онъ бездѣтенъ и духовно усыновилъ младшаго гегена, такъ что по смерти старшаго гегена домъ и все хозяйство перейдетъ младшему въ наслѣдство. Молодой гегенъ имѣетъ семью, т. е. отца, мать, братьевъ и сестеръ. Послѣднихъ у него насчитывается до пяти человѣкъ. Семья его живетъ въ банькѣ, т. е. въ черной палаткѣ, и кочуетъ на горахъ къ западу отъ Ной.

Передъ визитомъ къ гегену я попросилъ указать мнѣ комнату, гдѣ бы я могъ переодѣться въ болѣе приличное платье, захваченное съ собой изъ Сунъ-пана, такъ какъ переодѣваться въ комнатѣ, гдѣ мы пили чай, было неумѣстно. Это была кумирня, въ которой вся задняя стѣна была уставлена изображеніями боговъ. Меня отвели въ сосѣднюю комнату и сказали, что это будетъ и моя спальня, пока я буду жить въ Ной. Это была библіотека и, можетъ быть, комната, въ которой помѣщается младшій гегенъ, когда пріѣзжаетъ въ Ной, потому что я увидѣлъ здѣсь висящую на гвоздѣ позолоченную деревянную тарелку, которую онъ носитъ вмѣсто шляпы.

Старшій гегенъ живетъ въ небольшой кельѣ, въ верхнемъ этажѣ. Я отправился къ нему вмѣстѣ съ ламой Сереномъ. Въ кельѣ было уже темно вслѣдствіе сумерекъ; гегенъ сидѣлъ въ такой тѣни, что я видѣлъ только человѣческую фигуру, но чертъ лица не могъ разобрать. Визитъ этотъ былъ кратокъ и ничего не заключалъ въ себѣ любопытнаго для меня, кромѣ развѣ курьезнаго обмѣна любезностями между гегеномъ и ламой Сереномъ. Они наклонились другъ къ другу и коснулись теменями головы. Обычай ли таковъ, или случилось это отъ тѣсноты комнаты, осталось для меня неразъясненнымъ. Послѣ

Digitized by Google

этого привѣтствія лама Серенъ поднесъ гегену въ подарокъ отъ меня кусокъ золотой парчи.

Изъ кельи гегена мы вернулись опять въ образную. Сюда же сошлись и другіе бонбо, а также и старшій Ноицынъ. Для меня постлали подушку внутри кумирни у самаго порога, сами бонбо усѣлись снаружи, на галлерѣ, на голомъ полу. Сколько я ни упрашивалъ гегена сѣсть рядомъ со мною, онъ остался на своемъ мѣстѣ.

Тутъ мнѣ объяснили, что въ Ноѝ живетъ только одинъ старшій Ноицынъ; остальные же бонбо, которыхъ я вижу передъ собою, съѣхались сюда изъ разныхъ другихъ монастырей собственно за тѣмъ, чтобъ встрѣтить меня. Впрочемъ, была и другая причина съѣзда: монахамъ предстояло устроить совѣщаніе по поводу гоненія, которое бонбо потерпѣли въ княжествѣ Чуксей. Этотъ съѣздъ предполагался гдѣ-то въ другомъ монастырѣ и долженъ былъ происходить завтра. Бонбо сообщили мнѣ подробно исторію этого дѣла.

Въ области, подчиненной тангутскому князю Чуксэй-чжалву, состоящему въ вѣдѣніи сы-чуаньскихъ властей и имѣющему резиденцію въ мѣстности Цаку, находится монастырь Мбанконъ-гонба-юнъ-чжунъ-линъ, состоящій въ вѣдѣніи бонбо. Въ немъ считается до 200 бонбо, въ томъ числѣ одинъ гегенъ по имени Юнъ-чжунъ-Цыпи-чжанцянъ. Въ пятой лунѣ нынѣшняго (1885) года въ резиденцію князя Чуксей-чжалву прибылъ изъ Лхассы лама Лхартенъ-кенбу; онъ и одинъ важный чиновникъ изъ свиты Чуксей-чжалву, по имени Нарунъ-чжанъ-янъ, состоящій регентомъ послѣ смерти князя, оставившаго по себѣ малолѣтнихъ дѣтей, стали принуждать мбанконскихъ бонбо перейдти къ ученію и ритуалу вѣры хонь, которой держится Нарунъ-чжанъ-янъ, и такъ какъ монахи бонбо отказались, то Нарунъ-чжанъ-янъ велѣлъ бонбоскія книги и изображенія боговъ бросить въ воду, а ихъ гегена съ двумя ближайшими къ нему монахами посадилъ подъ домашній арестъ. Солдаты подаютъ ему пищу, никого къ нему не пускаютъ и самому не позволяютъ выйдти изъ заточенія. Остальнымъ бонбо также приказано никуда далеко не удаляться отъ монастыря. Нарунъ-чжанъ-янъ объявилъ гегену, что если онъ со всѣми своими подчиненными къ 7-й лунѣ не рѣшится перейдти въ вѣру хонь, то будетъ лишенъ жизни. Гегенъ Юнъ-чжунъ увѣдомилъ гегена Ноицына, что если послѣдній не поможетъ ему совѣтомъ прежде назначеннаго времени, какимъ средствомъ измѣнить поведеніе Нарунъ-чжанъ-яна, то онъ и остальные бонбо монастыря Мбанконъ принуждены будутъ уступить и перейдти въ вѣру хонь.

Digitized by Google

Я попросилъ бонбо сообщить мнѣ свѣдѣнія, какіе еще есть монастыри бонбо въ Тибетѣ, и они очень охотно доставили ихъ. Чтобы доставить свѣдѣнія о дальнихъ монастыряхъ, напримѣръ, о находящихся близь Ченъ-ту-фу въ Сычуани, или о монастыряхъ въ провинціяхъ Камѣ и Уй-Цзанѣ, они призывали или тѣхъ бонбо, которые были оттуда родомъ, или бывали тамъ въ качествѣ паломниковъ, и заставляли ихъ разсказывать. Изъ этихъ разсказовъ я узналъ, что бонбо распространены далеко на югъ. Самые восточные бонбо встрѣчаются недалеко отъ Ченъ-ту-фу на западъ. На югѣ самый дальній изъ названныхъ мнѣ монастырей, называющійся Юнъ-чжунъ-линъ, лежитъ недалеко отъ буддійскаго монастыря Ташн-хлумбо, резиденціи Банченъ-Эрдена, слѣдовательно къ западу отъ Лхассы. На сѣверѣ крайняя граница проходитъ около Сунъ-пана, если большой бонбоскій манастырь, который находится въ урочищѣ Ргнава, въ 8 дняхъ отъ Сунъ-пана къ западу, не приходится сѣвернѣе этого города. Ноискіе бонбо утверждали, будто монастырь бонбо есть около Гуй-дуя; они называли и имя этого монастыря. Лама Серенъ, прожившій нѣкогда нѣсколько лѣтъ въ Гуй-дуѣ, слышалъ это имя, но бонбоскій или ламайскій это монастырь, сказать не могъ. Да и сами бонбо не выдавали этого извѣстія за неопровержимое, а говорили, что отъ людей такъ слышали.

Когда наступили полныя сумерки, бонбо оставили меня, и я съ ламой Сереномъ и своимъ тангутомъ Лагу удалился въ назначенную мнѣ комнату, т. е. въ библіотеку. Это была небольшая комната, задняя стѣна которой была во всю ея величину занята шкафомъ съ размалеванными дверцами. Это и было книгохранилище. Въ серединѣ этого шкафа была маленькая открытая ниша; въ ней помѣщалась модель чортэна, т. е. башни, какія устроиваются надъ останками буддійскихъ святыхъ. У одной боковой стѣны была устроена лежанка и возлѣ нея длинный столъ. Комната освѣщалась маленькимъ окномъ, которое, при солидной толщинѣ внѣшней стѣны зданія, походило больше на трубу и пропускало въ комнату только полусвѣтъ.

Здѣсь насъ угостили ужиномъ; онъ состоялъ изъ одной вареной баранины, но за то чуть ли не изъ цѣлаго барана. Я полагаю, что для Лагу этотъ день останется памятнымъ въ его жизни. Мулы наши также получили такія дачки гороха, что не могли его доѣсть.

На ночь мнѣ предложили расположиться на вышеупомянутой лежанкѣ. Она оказалась сусѣкомъ, или ящикомъ, наполненнымъ горохомъ, который былъ прикрытъ войлокомъ и сверхъ

Digitized by Google

войлока тигровой шкурой. Убравъ посуду послѣ ужина, монастырскіе слуги оставили насъ однихъ, не дожидаясь, пока мы уляжемся въ постель, чтобы видѣть, въ какомъ порядкѣ иностранецъ снимаетъ съ себя платье, какъ это всегда дѣлаютъ китайскіе крестьяне. Монастырь замолкъ, и только гдѣ-то подвѣшенный колокольчикъ, колеблемый вѣтромъ, издавалъ тихіе звуки, которыхъ ранѣе за дневнымъ шумомъ не было слышно.

Утро слѣдующаго дня было посвящено осмотру Ной. Прежде всего, старшій гегенъ повелъ насъ осматривать главный храмъ, который былъ выстроенъ рядомъ съ его домомъ. Это было еще совершенно новое зданіе, частью даже не достроенное. Внутри, однако, всѣ стѣны его уже были раскрашены. Гегенъ извинялся, что его храмъ очень бѣденъ, и дѣйствительно храмъ былъ почти пустой; только у задней стѣны находилась всего одна статуя; остальныя стѣны были голыя. На нихъ были только рисованныя божества. Лама Серенъ въ центральномъ божествѣ по какимъ-то признакамъ призналъ Зонкаву, только голова у Зонкавы у буддистовъ покрыта обыкновенно колпакомъ, въ родѣ башлыка, у бонбоскаго же божества на головѣ была тіара. Не смотря на то, что вѣра бонбо въ глазахъ буддиста ересь, лама Серенъ усердно творилъ земные поклоны и прислонялъ свою голову къ изображеніямъ боговъ.

Изъ ндугана мы вернулись въ домъ гегена; здѣсь, въ заднемъ флигелѣ, во второмъ этажѣ устроена большая кумирня, задняя стѣна которой вся была застроена кіотами, наполненными маленькими статуетками боговъ; въ срединѣ въ большомъ кіотѣ была самая большая статуетка: это богъ Пучимабу. Гегенъ сказалъ мнѣ, что это одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ боговъ у бонбо. Статуетка была немного болѣе полуаршина высоты; божество изображено въ пляшущемъ положеніи, какъ у ламаитовъ изображаются боги докшиты.

Въ третьемъ этажѣ, рядомъ съ образной, въ которой мы пили вчера чай, мнѣ указали угловую комнату; она скорѣе была похожа на кладовую, чѣмъ на кумирню. Изъ собраннаго здѣсь разнаго старья, все, однако, церковнаго характера, бросались въ глаза морда медвѣдя, подвѣшенная къ колоннѣ, шкуры большихъ птицъ, распяленныхъ подъ потолкомъ, и множество хадаковъ и лоскутковъ, которые висятъ или въ видѣ бахромы, или въ видѣ пучковъ; отъ этой комнаты вѣяло нашими сибирскими картинами поклоненія богамъ. Впрочемъ, шкуры звѣрей и птицъ я встрѣчалъ и въ ламайскихъ храмахъ. Здѣсь же всегда совершалъ свои молитвы гегенъ утромъ и вечеромъ, два раза въ день. О началѣ молитвы давалось знать ударами въ колоколъ. Подлѣ этой же комнаты на внѣш-

Digitized by Google

ней галлереѣ была сложена маленькая глиняная печь для сжиганія рсапа *), совершенно въ томъ же родѣ, какъ это дѣлается и въ ламайскихъ монастыряхъ Тибета.

По возвращеніи въ образную, гегенъ велѣлъ подать ему ящикъ, въ которомъ хранится главная святыня Ноѝ. Это была вылитая изъ серебра статуетка божества, сидящаго съ ногами, сложенными крестъ на крестъ. Статуетка была закутана въ десятокъ шелковыхъ воздýховъ. Гегенъ вынулъ закутаннаго бога изъ ящика и поставилъ на столъ; вчерашніе бонбо, которые къ этой церемоніи вновь съѣхались въ Ноѝ, усѣлись въ рядъ около гегена и стройно запѣли молитву; подъ это пѣніе гегенъ сталъ снимать съ статуетки одну оболочку за другою; онъ дѣлалъ это методически, каждый шнуръ, каждую кисть отваливая въ извѣстномъ направленіи. Надо думать, что не одну сотню разъ повторилъ онъ эту процедуру. Во все это время гегенъ и самъ пѣлъ молитву. Когда серебряное тѣло божества, освобожденное отъ своихъ ризъ, заблестѣло передъ нами, лама Серенъ тотчасъ прижалъ къ нему свое темя. Затѣмъ гегенъ разсказалъ намъ маленькую легенду этого божества. Богъ, котораго миніатюрное изображеніе (оно было всего три дюйма высоты) мы имѣли передъ собой, явился на землю въ мѣстности Рнгавà; однажды богъ явился самому гегену и повелѣлъ ему сдѣлать свое изображеніе. Гегенъ отправился въ Лхассу и тамъ заказалъ искуснымъ мастерамъ вылить эту статуетку по модели, которую сдѣлалъ самъ гегенъ.

Когда мы были такимъ образомъ ознакомлены съ происхожденіемъ этого божества, гегенъ такъ же медленно и методично сталъ облекать его въ ризы подъ звуки того же хороваго пѣнія.

Вслѣдъ за тѣмъ съѣхавшіеся бонбо объявили намъ, что они не имѣютъ болѣе досуга оставаться въ Ноѝ. Они, какъ я послѣ узналъ, торопились на съѣздъ по мбаконскому дѣлу. На другое утро я узналъ, что на этомъ совѣтѣ было рѣшено отправиться съ оружіемъ въ рукахъ защищать Мбаконъ отъ насилія регента Чуксейскаго княжества.

Я двѣ ночи ночевалъ въ Ноѝ. Молодой гегенъ упрашивалъ меня остаться и на третью; завтра въ Ноѝ долженъ быть хуралъ, соборное богослуженіе. Но мы и такъ уже засидѣлись въ Сунъ-панѣ, а я еще имѣлъ въ виду съѣздить къ подошвѣ находящейся по близости отсюда снѣжной горы Ксернцо; надо было распрощаться съ гостепріимными бонбо.

Когда мы были готовы уже къ отъѣзду, къ намъ явился

*) Рсапъ—куреніе изъ можжевельника въ честь боговъ.

Digitized by Google

молодой гегенъ съ подарками. Онъ поднесъ мнѣ шкуру лисицы, два колоба масла и мѣшочекъ чуры, т. е. тангутскаго сыра, или, правильнѣе, творогу. Когда гегенъ былъ еще у насъ въ Сунъ-панѣ, онъ слышалъ, что мы интересуемся увидать тангутскую чуру, о которой слышали, но ни разу не видали. Я подозрѣваю, что гегенъ, чтобы сдѣлать эту любезность, нарочно съѣздилъ въ банькъ къ своимъ роднымъ.

Проводы наши были столь же торжественны, какъ и въѣздъ. Бонбо выстроились на дворѣ въ два ряда. Двѣ трубы давно уже начали трубить, когда мы ѣще не выходили изъ библіотеки. Моего мула подвели къ каменному пьедесталу, покрытому ковромъ. Меня пригласили взойдти на этотъ престолъ, чтобы съ него сѣсть на мула. Съ трудомъ мнѣ удалось протискаться между престоломъ и муломъ, чтобъ избѣжать этой почести. Маленькая процессія двинулась въ ворота подъ звуки трубъ, которые не прекращались, пока мы не спустились къ мосту. Молодой гегенъ въ той же деревянной тарелкѣ на головѣ и съ серебрянымъ кіотомъ на груди, висѣвшимъ на серебряныхъ цѣпяхъ, проводилъ насъ съ версту по дорогѣ къ снѣжной горѣ Ксернцо, къ которой мы поѣхали прямо изъ Ной. Два тангута, назначенные гегеномъ, должны были провожать насъ въ этой поѣздкѣ.

Г. Потанинъ.

Digitized by Google

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ЕВРОПЕЙЦЕВЪ КЪ КИТАЮ.

Рѣчь, прочитанная на актѣ С.-Петербургскаго Университета 8-го февраля 1887 года Ординарнымъ Профессоромъ

А. М. Позднѣевымъ.

Мм. Гг.

Миновала четверть вѣка съ тѣхъ поръ, какъ Китай сдѣлался открытымъ для Европы и представители европейской политики начали обращать на него должное вниманіе. Всматриваясь, они уже теперь различаютъ могущественную силу Китая, сознаютъ, что эта сила можетъ представить собою серьезную опасность даже въ настоящее время, и предугадываютъ, что не въ далекомъ будущемъ ей суждено принять на себя высокую роль въ исторіи всего человѣчества. Естественно, что при этомъ, все болѣе и болѣе возростающемъ сознаніи въ Европѣ крѣпнетъ и стремленіе изучать Китай; но за всѣмъ тѣмъ несомнѣнно, что ея вниманіе постоянно и главнымъ образомъ приковывается не къ изслѣдованіямъ жизни самаго Китая безотносительно, а къ вопросу, въ чью сторону въ каждую данную пору клонятся его симпатіи? Что касается самаго Китая, то вопросъ о немъ все еще мало интересуетъ европейца и какъ будто представляется уже рѣшеннымъ. Китай—страна восточнаго застоя, замкнутости, страна вообще враждебная къ иностранцамъ,—по своимъ традиціямъ, своей косности, своимъ предразсудкамъ и своей отсталости; Китай—это совершенная противоположность Европѣ, которая есть выраженіе движенія и прогресса: Китай замкнулся въ себѣ и уединился отъ прочаго человѣчества съ своей полудикой культурой,—Европа идетъ съ девизомъ высокой цивилизаціи къ объединенію народовъ, ей суждено внести эту цивилизацію и въ самый Китай,—обновить его жизнь. Составиться такого рода убѣжденіямъ, при ихъ относительной правотѣ, было весьма не трудно: мы съ малолѣтства привыкаемъ слышать все это о Китаѣ, равно какъ и то, что всѣ вторженія и попытки европейцевъ утвердиться въ Китаѣ всегда имѣли самыя искреннія намѣренія просвѣщенія и

Digitized by Google

цивилизаціи, распространенія среди китайцевъ христіанской проповѣди о мирѣ и любви, содѣйствія великому человѣческому прогрессу, который рано или поздно долженъ охватить востокъ и принести съ собою величайшія блага желтому человѣку. Только тупость и косность китайцевъ заставляетъ ихъ отвертываться отъ этихъ благъ. Сказаныя понятія объ отношеніяхъ западныхъ европейцевъ къ Китаю почти уже сотню лѣтъ дѣятельно пропагандируются западно-европейскими представителями при всякомъ удобномъ случаѣ для ихъ новаго натиска на Китай, провозглашаются до нынѣ въ ихъ дипломатическихъ нотахъ, разносятся ежедневно въ тысячахъ европейскихъ политическихъ газетъ. Удивительно ли послѣ сего, что они стали для насъ почти безапелляціонными истинами? Но не такъ думаютъ объ Европѣ сами китайцы. Просматривая исторію европейскихъ сношеній съ Китаемъ по китайскимъ источникамъ, а также кое что и изъ современной китайской періодической литературы объ европейцахъ, нельзя не поразиться своеобразностью китайскихъ взглядовъ; вотъ почему въ виду интереса, который возбуждаетъ собою вопросъ о симпатіяхъ Китая, я намѣренъ изложить нѣкоторыя замѣчанія относительно взглядовъ Китая на европейцевъ и на сношенія съ Европой съ тѣмъ, чтобы, указать китайскія объясненія на происхожденіе ихъ упорства и предубѣжденій противъ международныхъ отношеній къ Европѣ. Примѣняясь къ воззрѣніямъ китайцевъ, я кладу въ основу своихъ замѣтокъ показанія исторіи, такъ какъ и сами китайцы убѣждаютъ насъ, что ихъ взгляды на европейцевъ обосновываются ни чуть не меньше на минувшихъ, чѣмъ и на современныхъ событіяхъ.

По первымъ извѣстіямъ китайскихъ лѣтописей, европейцы являются въ нихъ подъ названіемъ или варваровъ, или данниковъ «сына неба». На сколько основательны были китайцы, приписывая европейцамъ это послѣднее названіе «данниковъ», мы увидимъ это ниже; что же касается до названія ихъ «варварами», «разбойниками», то это обстоятельство со стороны Китая объясняется конечно и прежде всего тѣмъ, что всѣ ближайшіе народы, съ которыми приходилось сталкиваться Китаю до времени сношеній его съ Европой, были погружены въ глубокое невѣжество, между тѣмъ какъ Китай имѣлъ у себя высокую и стройную цивилизацію. Не привыкнувъ уважать иностранцевъ вообще, Китай далъ названіе варваровъ и европейцамъ. Это явленіе самое обыкновенное во всеобщей исторіи народовъ. Извѣстно, что славные своимъ просвѣщеніемъ греки и римляне имѣли обычай называть иностранцевъ тѣми же именами и латинское hostis, употреблявшееся для означенія

Digitized by Google

врага, разбойника, значило также и иностранца. Но съ другой стороны весьма вѣроятно, что и сами европейцы дали Китаю поводъ къ названію ихъ разбойниками. Припомнимъ, что въ ближайшій къ намъ, первый, собственно средневѣковой періодъ знакомства Китая съ европейцами право завоеваній и набѣговъ на язычниковъ было освящено католическою церковью: грабить и притѣснять невѣрныхъ для католиковъ было не только простительно, а даже похвально. До китайцевъ доходили слухи, что искатели приключеній изъ различныхъ странъ Европы вели себя необузданнѣйшимъ образомъ въ Азіи, и нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, если китайцы начали считать ихъ разбойниками, утвердили за ними эту славу и всѣми средствами старались держать ихъ подальше отъ своихъ границъ.

Съ начала XVI вѣка возникаютъ первыя торговыя сношенія европейцевъ съ Китаемъ [1]), но эти сношенія могли только утвердить китайцевъ въ принятомъ уже ими мнѣніи относительно уроженцевъ Европы. Мы знаемъ, что португальцы, появившіеся въ Нинъ-по въ 1522 году, своими поступками вскорѣ же такъ возмутили китайцевъ, что не прошло и двадцати лѣтъ (1542 годъ), какъ губернаторъ Чжэ-цзяна уже распорядился объ уничтоженіи ихъ поселеній. Изгнанники перемѣстились въ Амой, но и здѣсь они ознаменовали себя такими жестокостями по отношенію къ мѣстному населенію, что въ 1544 году ихъ выгнали и отсюда. Эта оппозиція со стороны Китая заставила европейцевъ совершенно измѣниться, и изъ притѣснителей они превратились въ людей жалкихъ, заискивающихъ. Послѣдующіе піонеры европейской торговли въ Китаѣ,— испанцы, португальцы, французы и англичане, — являясь въ Китай и руководясь единственно стремленіемъ къ наживѣ, не щадили въ угоду этому стремленію ни своего достоинства, ни своей чести. За единственное право торговли они всецѣло отдали себя въ руки китайцевъ: подчинились всѣмъ китайскимъ постановленіямъ и обычаямъ, судились китайскимъ судомъ, словомъ,—наружно всецѣло признавали надъ собою власть «сына неба». Главенство Китая сказывалось еще больше, когда въ подобнаго рода отношенія становились лица, завѣдомо для Китая, оффиціальныя. Мы знаемъ, что въ 1637 году делега-

[1]) Собственно самая первая попытка европейцевъ завести торговыя сношенія съ Китаемъ была вовсе безуспѣшна. Въ китайскихъ лѣтописяхъ о ней говорится, что «въ года правленія Чжэнъ-дэ (1506 г.) иностранцы съ запада, называемые Фа-ланъ-ци (Франки), явившись подъ предлогомъ представленія дани, внезапно прорвались во внутрь (страны), за крѣпости Чу-цзяна и «своими выстрѣлами изъ пушекъ потрясли окрестности отъ одного края до другаго». Императоръ немедленно приказалъ удалить ихъ.

Digitized by Google

ты капитана Ведделя, начальника первой англійской торговой экспедиціи, вступая въ переговоры съ Китаемъ, не усомнились отвѣсить девять земныхъ поклоновъ и объяснялись, стоя на колѣняхъ передъ простымъ китайскимъ чиновникомъ, управлявшимъ въ то время Кантономъ. Тѣ же церемоніи паденія ницъ, девяти земныхъ поклоновъ (кэ-тоу), цѣлованія земли передъ богдоханомъ, передъ дощечкою, на которой былъ начертанъ его титулъ, передъ его рескриптами, передъ пустымъ его трономъ, наконецъ передъ его чиновниками были исполняемы въ 1655 году послами голландско-остъ-индской компаніи Гоеромъ и Кайзеромъ; въ 1664 году голландскимъ посломъ фанъ-Гурномъ; въ 1727 году португальскимъ посломъ Александромъ Метелло; въ 1753 году вторымъ и послѣднимъ вообще португальскимъ посольствомъ въ Китай; въ 1793 году голландскимъ посломъ Исаакомъ Тицзингомъ и др. Но эти униженія еще не могли произвести такого невыгоднаго для Европы впечатлѣнія на китайцевъ, какъ тѣ непривлекательныя средства, которыя употреблялъ каждый изъ европейскихъ народовъ, чтобы овладѣть ему исключительно торговлей въ Китаѣ. Для этого представители каждой изъ европейскихъ національностей старались унизить своихъ соперниковъ въ глазахъ китайскихъ властей. Такимъ образомъ, датчане, португальцы, англичане, французы, испанцы и голланцы по очереди обвиняли другъ друга въ тѣхъ преступленіяхъ и насиліяхъ, которыя производили пираты на китайскихъ берегахъ: каждая нація старалась представлять своихъ соперниковъ какъ разбойниковъ, бродягъ и обманщиковъ, съ которыми невозможно вести никакихъ торговыхъ дѣлъ съ честью и безопасностью. Спрашивается, что же могъ думать китайскій народъ объ Европѣ по этимъ первымъ ея представителямъ? Могъ ли желать онъ общенія съ этими, безсомнѣнія, не особенно-то просвѣщенными, но уже очевидно хищными и рабски унижавшимися передъ Китаемъ людьми? А между тѣмъ, съ другой стороны, этому китайскому народу рѣшительно все, начиная отъ древнихъ преданій и кончая послѣднимъ поклономъ европейца, говорило о богатствѣ его страны и могуществѣ его повелителей,—все указывало ему на величіе Китая и поднимало его гордость. Пышные титулы китайскихъ богдохановъ въ родѣ верховныхъ царей надъ царями, повелителей вселенной, сыновъ неба, премудрыхъ и пресвятѣйшихъ, могли только давать пищу высокомѣрію китайцевъ и увеличивать ихъ ослѣпленіе. Вѣрные завѣтамъ своихъ религіозныхъ ученій, китайцы были безусловно убѣждены въ томъ, что на небѣ одно солнце, а на землѣ одинъ китайскій императоръ, которому

*

Digitized by Google

отъ высочайшаго неба было предоставлено право повелѣвать всѣми народами міра.

Настоящая маньчжурская династія, овладѣвшая Китаемъ и вступившая въ Срединное царство не болѣе какъ съ 400,000 маньчжуровъ, уже въ какихъ нибудь полстолѣтія совершенно окитаялась и не только всецѣло усвоила себѣ китайское самомнѣніе, но ея гордость имѣла для себя еще больше основъ, а потому и проявлялась сильнѣе. Побѣды, одержанныя дайцинами надъ русскими казаками въ Дауріи; двукратное разореніе и наконецъ завоеваніе Албазина; отводъ плѣнными въ Пекинъ нѣсколькихъ сотенъ русскихъ казаковъ, потомство которыхъ, состоя на китайской службѣ подъ названіемъ русской роты, постоянно служило дайцинамъ лестнымъ напоминаніемъ о побѣдѣ, одержанной, по ихъ понятіямъ, надъ всею Россіею; отнятіе рѣки Амура; переходъ Халхасовъ отъ границъ Россіи въ подданство Китая; порабощеніе Тибета со всѣми владѣніями далай-ламы; многочисленныя пораженія олотскихъ хунтайчжіевъ; совершенное разореніе Чжунгарскаго ханства; покореніе Малой Бухары съ другими сосѣдящими ей владѣніями; побѣгъ Торгоутовъ изъ Россіи при Цянь-лунѣ,—весь этотъ рядъ китайскихъ побѣдъ, шедшихъ непрерывною чередою цѣлыхъ полтораста лѣтъ, долженъ былъ увеличить самомнѣніе китайско-маньчжурскаго двора, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ китайцевъ, упоенныхъ славою своего оружія и естественно смотрѣвшихъ свысока на всѣ сосѣднія и отдаленныя державы. Многочисленныя посольства отъ европейскихъ государей къ пекинскому двору дали еще большее основаніе для гордости маньчжуровъ. Ихъ торжество было тѣмъ ощутительнѣе и для нихъ самихъ, и для народа, что при прежнихъ династіяхъ никогда не бывало такого количества посольствъ и изъ такихъ отдаленныхъ странъ. Правительство, умѣвшее пользоваться каждымъ случаемъ для возбужденія патріотическихъ чувствъ въ своихъ подданныхъ, всегда объявляло вовсеуслышаніе доклады богдохану о прибытіи европейскихъ легатовъ. «Безграничная премудрость и всеобъемляющій промыслъ вашего величества, обыкновенно писалось въ этихъ докладахъ, наполнили всѣ концы вселенной. Все неизмѣримое пространство, заключающееся въ предѣлахъ четырехъ океановъ, слилось воедино и составляетъ вашу державу, вмѣщающую въ себѣ десять тысячъ царствъ. Всѣ они, будучи въ восхищеніи отъ вашихъ небесныхъ доблестей, спѣшатъ поклониться вашему величеству и принести въ дань лучшія произведенія своихъ странъ». Такого рода прокламаціи печатались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, разсылались по всему Китаю

Digitized by Google

и развѣшивались повсюду на городскихъ воротахъ и стѣнахъ. Европейскіе посланники, безсомнѣнія, читали ихъ, но ни одинъ изъ нихъ никогда не сдѣлалъ никакого возраженія противъ этого; напротивъ, всѣ они равнодушно смотрѣли какъ на вещи, присланныя ихъ повелителями въ подарокъ богдохану, китайскіе пограничные чиновники наклеивали значки съ надписью, что «такой-то де король прислалъ дань богдохану», и какъ потомъ подъ такою надписью эти вещи были провозимы отъ самыхъ границъ Китая до Пекина. Въ 1793 году, когда великобританскій посланникъ, лордъ Макартней отправлялся на своей лодкѣ изъ Тянь-цзина въ Пекинъ, китайскіе мандарины даже подъ его лодкою подняли флагъ съ надписью, гласившею, что это «ѣдетъ посланникъ съ данью отъ англійскаго народа». И не подумайте, что все это проявленіе неосновательнаго, доходящаго до глупости высокомѣрія китайцевъ. Тотъ же Макартней, прибывъ въ Пекинъ, писалъ въ своей нотѣ Нэй-гэ [1]), что онъ на своей аудіенціи у богдохана «готовъ соображаться со всѣми наружными обрядами, которые въ обыкновеніи у *подданныхъ* богдохана и у владѣтелей, *платящихъ ему дань* [2]). Итакъ, былъ ли неоснователенъ незнакомый съ Европою Китай, почитая въ ту пору европейцевъ своими данниками? Можетъ ли онъ и въ настоящее время, сознательно читая лѣтописи своихъ сношеній съ европейцами, проникнуться уваженіемъ къ ихъ націямъ, приносившимъ свою честь въ жертву меркантильнымъ видамъ? Исторія тогдашнихъ сношеній Европы съ Китаемъ одинаково указываетъ какъ ему, такъ и намъ, что эти сношенія поставляли своею цѣлью исключительно эксплуатацію Китая. Лучшими представителями тогдашней европейской цивилизаціи въ Китаѣ были конечно іезуитскіе миссіонеры. Эти отцы втеченіе сотни слишкомъ лѣтъ успѣли обратить въ христіанство значительное число китайской черни, но, подобно тому какъ и европейскіе торговцы, они не могли внушить высшему китайскому сословію ученыхъ уваженіе къ европейскимъ націямъ и европейскому просвѣщенію, и это именно благодаря тому же стремленію эксплоатировать Китай. Отъ предмета христіанской проповѣди они обратились къ политикѣ и внутреннему управленію Китая. Императоръ Канси пользовался ими, съ одной стороны, для усовершенствованія своей артиллеріи, которая была нужна ему при открывшихся въ ту пору возмущеніяхъ въ Китаѣ, а съ другой—для поли-

[1]) Богдоханскій секретаріатъ.
[2]) Путешествіе во внутренность Китая и въ Татарію лорда Макартнея. Т. II, стр. 273.

Digitized by Google

тическихъ сношеній съ европейцами и особливо съ Россіей. Мы можемъ смѣло говорить, что мы лишились тогда Амура, благодаря именно ревностнымъ услугамъ іезуитовъ. Но эти порученія китайскаго правительства были и основной причиной, по которой проповѣдники христіанства—іезуиты, не смотря на всю свою осторожность, скоро же запутались въ опасныя дѣла и навлекли на себя жестокія гоненія. Первая благосклонность двора, которая, очевидно, была оказана имъ совсѣмъ по другимъ основаніямъ, дала имъ поводъ не соблюдать никакой умѣренности. Въ Китаѣ они выбивались изъ силъ въ своемъ содѣйствіи успѣхамъ маньчжурскаго дома, мечтали быть прославленными за это, а потомъ захватить власть въ свои руки; но у нихъ не хватало дальновидности, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, понять, что чѣмъ усерднѣе обнаружатъ они передъ дворомъ свои способности въ дѣлахъ, вовсе непринадлежащихъ ихъ званію, тѣмъ скорѣе сдѣлаются они ненужными, для него; и чѣмъ ревностнѣе спѣшатъ они къ достиженію своей цѣли, тѣмъ болѣе навлекаютъ на себя подозрѣній. Восхищенные своею близостью ко двору, іезуиты громко прокричали о своихъ успѣхахъ по Европѣ и возбудили щекотливую зависть римскаго двора. Папа послалъ имъ на помощь монаховъ другаго ордена; но какъ сущность дѣла была здѣсь не въ пропагандѣ христіанскаго ученія, то проповѣдники естественно не могли сознать солидарности своихъ интересовъ: вскорѣ разгорѣлись у нихъ честолюбивыя страсти, пошли происки, интриги, клеветы, и другія злоупотребленія, возбудившія въ китайцахъ непріятное впечатлѣніе не только къ этимъ миссіонерамъ, но и къ самой ихъ религіи. Преемникъ Канси, Юнъ-чжэнъ, вступивъ на престолъ, немедленно приказалъ очистить территорію Китая отъ миссіонеровъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ, за опасныя для престола связи съ принцами крови, казнить, а другихъ—навсегда изгнать изъ Китая. Такъ великія предположенія іезуитовъ были уничтожены въ одинъ день, а китайцы невольно, но вполнѣ справедливо огласили ихъ, какъ людей подозрительныхъ, неспокойныхъ, неимѣющихъ понятія ни о чести, ни о совѣсти. Это громкое посрамленіе, оказанное іезуитамъ передъ лицомъ всего Китая, не ограничилось конечно одними ими: оно отразилось на всю Европу и подтвердило всегдашнее мнѣніе китайцевъ, что отъ этой послѣдней Китай не можетъ заимствовать ничего достойнаго.

Въ то же время европейскимъ торговцамъ какъ будто суждено было закрѣплять за Европой это мнѣніе. Здѣсь основная суть дѣла заключалась въ томъ, что европейскія державы, разрѣшая своимъ коммерсантамъ торговлю въ Китаѣ

Digitized by Google

и даже поощряя ихъ къ развитію этого торга, въ то же время не рѣшались урегулировать самое дѣло торговыхъ отношеній. Страшась вооруженнаго столкновенія и военныхъ издержекъ, онѣ ограничивали дѣло своихъ сношеній одною отправкою въ Китай пословъ, которые, какъ мы уже видѣли, только унижали Европу въ глазахъ Китая, принимая на себя видъ покорныхъ данниковъ «сына неба». Понятно послѣ этого, что и европейскіе торговцы казались китайцамъ не больше, какъ торгующими бродягами, жалкими искателями приключеній, которые не находили себѣ пристанища дома, жаждали чѣмъ либо поживиться отъ щедротъ богдохана и принадлежали къ такимъ безсильнымъ народностямъ, которыя не могли обезпечить имъ на чужбинѣ ни цѣлости имуществъ, ни даже личной свободы. Но если европейскія державы, разыгрывая чрезъ посредство своихъ пословъ роль унизительнаго подслуживанія Китаю, могли внушить ему подобное заблужденіе относительно Европы, то сами-то европейскіе коммерсанты не могли же не сознавать истиннаго значенія своей родины, не могли не надѣяться въ крайнемъ случаѣ найти для себя поддержку и защиту со стороны своихъ правительствъ. Отсюда мы видимъ, что эти коммерсанты все чаще и чаще выражаютъ свою притязательность на интересы Китая,—притязательность, невольно раздражавшую китайцевъ и заставлявшую ихъ вооружаться тѣмъ большей неуступчивостью, чѣмъ нахальнѣе предъявлялись требованія со стороны европейцевъ. Но особенно печально въ этихъ случаяхъ домогательствъ было то, что лишенные поддержки со стороны своихъ правительствъ европейскіе коммерсанты никогда не могли настоять на удовлетвореніи своихъ требованій. Сначала они обыкновенно предлагали ихъ съ необычайною заносчивостью и наглостью, но стоило Китаю противостать твердо, и тотчасъ же начиналось малодушное отступленіе. Чѣмъ же могъ объяснить себѣ все это Китай, какъ не безсиліемъ и трусостью, а дальше, могъ ли онъ наконецъ не почувствовать отвращенія отъ этой смѣси наглости и малодушія, заносчивости и трусости? Вотъ почему вскорѣ же послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Китая, и именно въ 1757 году, китайское правительство, которому наскучила притязательность европейцевъ, воспретило имъ совершенно торговлю въ Китаѣ, за исключеніемъ двухъ портовъ—Макао и Кантона, да и въ этихъ портахъ подвергло ее значительнымъ ограниченіямъ. Со стороны европейцевъ китайская торговля находилась съ этого времени въ рукахъ остъ-индской компаніи, а на своей землѣ китайское правительство учредило особое общество такъ называемыхъ купцевъ Гонга (кит. Гунъ-ханъ), на которое

Digitized by Google

возложило всѣ обязанности по веденію европейской торговли: купцы Гонга должны были поручаться за привозимые европейцами товары, вести за европейцевъ всѣ торговыя дѣла, отвѣтствовать передъ правительствомъ въ точномъ платежѣ пошлинъ за привозимые и вывозимые на европейскихъ корабляхъ товары, выплачивать штрафы и проч. Институтъ купцевъ Гонга прекрасно объясняетъ намъ тогдашнюю политику китайскаго правительства по отношенію къ европейскимъ торговцамъ и къ Европѣ. Китай всѣми силами души желалъ избавиться отъ общенія съ этими назойливыми и безпокойными людьми и принималъ всѣ мѣры, чтобы избѣжать малѣйшаго повода къ непосредственной ссорѣ чрезъ нихъ съ европейскими правительствами. Собственныя потребности побудили его воспретить европейцамъ вывозъ изъ Китая золота, серебра, свинца, мѣди и пр.; но обнародованный списокъ этихъ запрещенныхъ продуктовъ послужилъ только причиною для лишнихъ обмановъ со стороны европейцевъ и усилилъ ихъ контрабандный ввозъ и вывозъ. Китайское правительство смотрѣло впрочемъ сквозь пальцы на это, какъ говорило оно, «мелочное воровство»; оно возмутилось и начало громить европейцевъ въ своихъ, по нѣсколько разъ въ годъ издававшихся указахъ только съ тѣхъ поръ, какъ англійская остъ-индская компанія начала систематически отравлять китайцевъ контрабандным ввозомъ опіума. Но могъ ли въ самомъ дѣлѣ не возненавидѣть Китай европейцевъ за эту ужасную торговлю?! Замѣтьте, что мы возмущаемся ею только по сознанію, что опіумъ оказываетъ разрушительное вліяніе на физическую и нравственную природу человѣка; но для Китая было мало этого сознанія, такъ какъ система контрабаднаго ввоза имѣла по отношенію къ нему еще и другія важныя послѣдствія. Какъ результатъ беззаконнаго торга богдоханское правительство начало замѣчать по всему побережью Китая величайшія безпорядки въ дѣлахъ: развилось лихоимство и продажничество властей, по берегамъ усилились и получали свое содержаніе отъ европейцевъ цѣлыя шайки бродягъ контрабандистовъ,—часто случалось, что встрѣча этихъ безшабашныхъ людей съ береговою стражею стоила жизни нѣсколькихъ человѣкъ и, конечно наиболѣе честныхъ слугъ правительства. Ввозъ опіума въ Китай открылся главнымъ образомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но о томъ, съ какою возрастающею быстротою усиливался онъ годъ отъ года, мы можемъ судить изъ рапортовъ, въ свое время представлявшихся комитету британскаго парламента и обнародованныхъ по всей Европѣ. Изъ рапортовъ этихъ видно, что въ 1816 г. остъ-индскою компаніею было ввезено опіума 3,210 ящ. на сумму 3,657,000 исп. талеровъ,

Digitized by Google

а въ 1830 г. этотъ ввозъ возвысился, до 18,760 ящ. на сумму 12,900,031 исп. талеровъ, т. е. втеченіе 14 лѣтъ онъ увеличился почти въ шесть разъ [1]). Но нарушенія торговыхъ правилъ однимъ ввозомъ запрещеннаго продукта для англичанъ было еще мало: съ 1825 года мы видимъ, что они начали производить помянутую контрабандную торговлю опіумомъ не только въ Кантонѣ, но и по другимъ, запрещеннымъ для входа европейцевъ китайскимъ портамъ и распространили ввозимое ими зелье до береговъ Ляо-дуна [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что именно это увеличеніе района для торговой дѣятельности въ связи съ сознаніемъ получаемыхъ отъ нея барышей, побудило англійское правительство доискиваться уничтоженія торговой монополіи остъ-индской компаніи, чего и достигло оно въ 1834 г. Съ этого времени возмутительная торговля опіумомъ приняла еще болѣе ужасающіе размѣры [3]). Напрасно лучшіе изъ англичанъ (А. С. Телуолъ, Медгерстъ, Гюцлафъ, Гогэндорцъ, сэръ Стамфортъ Рафлесъ и др.) убѣждали своихъ соотечественниковъ въ томъ, что контрабандная торговля опіумомъ на берегахъ Китая есть одна изъ самыхъ недостойныхъ и позорныхъ торговыхъ системъ, что эта торговля рѣшительно безчеститъ англійскій флагъ; напрасно и сами китайцы убѣждали европейцевъ оставить эту торговлю,—ничто не могло утолить эту постыдную жажду къ наживѣ, пока наконецъ въ 1839 г. выведенный изъ терпѣнія кантонскій генералъ-губернаторъ Линъ ни захватилъ у англійскихъ купцевъ и ни выбросилъ въ море 20,000 ящ. Извѣстно, что англичане почли этотъ, несомнѣнно правовый съ нравственной стороны поступокъ китайцевъ оскорбительнымъ для чести аглійской націи, назвали его стѣсненіемъ своихъ правъ и объявили войну Китаю, результатомъ которой было его первое пораженіе европейцами.

Я не буду входить въ изложеніе дальнѣйшихъ подробностей сношеній европейцевъ съ Китаемъ, отмѣчу только, что со временъ нанкинскаго договора 1842 г,, которымъ закончилась англо-китайская война за опіумъ, система какъ торговыхъ, такъ и всякаго рода другихъ отношеній между Европою и Китаемъ

---

[1]) В. Г. Медгерстъ преставляетъ слѣдующія числовыя данныя, показывающія постепенное возростаніе ввоза опіума въ Китай:

въ 1816 г. было ввезено	ящиковъ	3,210,	на сумму	3,657,000	исп. талеровъ.
1820	» »	4,770,	» »	8,400,000	» »
1825	» »	9,621,	» »	7,608,205	» »
1830	» »	18.760,	» »	12,900,031	» »
1832	» »	23,670,	» »	15,338,160	» »
1836	» »	27,111,	» »	17,904,248	» »

[2]) Добель.—Путешествіе и новѣйшія наблюденія въ Китаѣ. Т. II стр. 112.

[3]) Лаволле (Revue des Deux Mondes), 1851. Т. II.

Digitized by Google

была установлена уже не китайцами, а главнымъ образомъ европейцами—англичанами. Повидимому, цивилизующему вліянію Европы доставлялся теперь большій просторъ, и что же мы видимъ въ дѣйствительности? Минуло еще двадцать лѣтъ до времени слѣдующей войны и новаго договора съ Китаемъ, уже въ 60-хъ годахъ, но, по отзыву одного изъ нашихъ путешественниковъ публицистовъ, европейцу, явившемуся въ Китай даже и въ эту пору, «не на что было взглянуть, какъ на благой плодъ своей мысли и своего труда». Очевидно, что и при новой, установленной уже европейцами, системѣ отношеній Европа опять-таки не оставила по себѣ никакого благотворнаго слѣда въ Китаѣ. По подробнымъ свѣдѣніямъ, обнародованнымъ англичаниномъ Кукомъ, весь привозъ европейскихъ продуктовъ въ Китай только къ 1856 году, т. е. почти ко времени открытія новой войны, поднялся до стоимости 2.005,681 ф. стерл.; слѣдовательно, вся масса крови, пролитой въ періодъ военныхъ дѣйствій отъ 1839 по 1842 годъ, всѣ затраты европейцевъ на содержаніе консульствъ, факторій, пароходныя сообщенія и т. д., привели лишь къ тому, что на каждаго китайца, по среднему разсчету, приходилось не болѣе какъ на $^3/_4$ копѣйки полезныхъ и цивилизующихъ его европейскихъ продуктовъ. Но вѣдь и самая эта цивилизація должна быть разсматриваема тоже относительно. Тотъ же Кукъ, въ разъясненіе слабаго требованія на европейскіе товары, разказываетъ, что китаецъ въ Нинъ-по охотнѣе платитъ 6 пенсовъ за ярдъ своей бумажной ткани, чѣмъ 5 пенсовъ за ярдъ вдвое болѣе широкаго англійскаго шертинга, и это потому, что его домашняя матерія служитъ ему два года, а британскій калико при томъ же употребленіи не прослужитъ и шести недѣль *). Ясно, сколько истинной выгоды могъ получить Китай отъ знакомства съ европейской мануфактурой! Но, собственно говоря, эту слабость развитія европейской торговли нельзя объяснять одною только гнилью и недоброкачественностью выдѣлки европейскихъ продуктовъ (бѣдность заставляетъ прикрывать наготу и лохмотьями, а съ другой стороны не всѣ же европейскія издѣлія въ сравненіи съ китайскими подобны мануфактурѣ!); гораздо болѣе въ этомъ дѣлѣ вліяла нравственная сторона отношеній европейцевъ къ Китаю, которая за это время не только не измѣнилась къ лучшему, а, напротивъ, стала еще хуже. Если прежде европейскія правительства предоставляли своихъ тор-

*) China: beig the Times special correspondence from China in the years 1857—1858 with corrections and additions by the anthov S. W. Cooke. London, 1858.

Digitized by Google

говцевъ въ сношеніяхъ съ Китаемъ почти на волю судьбы, и потому казались Китаю малодушными и трусливыми, то теперь, извѣдавъ безсиліе передъ собою Китая, они сдѣлались невыразимо притязательны: не проходило года безъ предъявленія ими какихъ либо требованій, и если китайцы отказывались удовлетворять ихъ—европейцы тотчасъ готовы были являться со своими войсками. Со времени нанкинскаго договора отношенія англичанъ къ Китаю были почти непрерывной малой войной, и все это или по ничтожнымъ придиркамъ, или же по самымъ явнымъ насиліямъ. Въ апрѣлѣ 1846 г. англійскія торговыя фирмы въ Фу-чжоу, своими притѣсненіями и нечестнымъ разсчетомъ рабочихъ, такъ возбудили противъ себя толпу, что послѣдняя подняла бунтъ и разграбила два англійскіе дома. Великобританскій консулъ потребовалъ удовлетворенія отъ китайскаго правительства, которое вполнѣ основательно постановило произвести слѣдствіе; но англичане, не дожидаясь этого слѣдствія, 2-го іюня отправляютъ въ Фу-чжоу свой пароходъ «Pluto», чтобы произвести нападеніе на городъ. Въ октябрѣ 1846 года въ Кантонѣ произошли уличные безпорядки, на которыхъ поколотили двухъ англійскихъ матросовъ; англичане предпринимаютъ поэтому вооруженный набѣгъ вверхъ по Кантонской рѣкѣ [1]). Нанкинскимъ договоромъ европейцы получили право поселеній въ нѣкоторыхъ портахъ, и китайское правительство, по собственному ихъ желанію, отвело имъ земельные участки; но едва миновало четыре года, т. е. въ началѣ 1847 года, какъ англичане предъявляютъ требованія на отведеніе имъ новыхъ участковъ въ Кантонѣ и указываютъ мѣста, какъ разъ занятыя китайскими магазинами. Правительство, конечно, отказало и въ маѣ 1847 года сэръ Дэвисъ (Davis) овладѣваетъ нѣсколькими фортами Бокки и является съ своей эскадрой къ Кантону [2]). Такъ изъ года въ годъ, а иногда изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Судите же сами, могли ли китайцы при этихъ условіяхъ постоянныхъ насилій, при этой безконечной требовательности и наносимыхъ имъ безпокойствахъ, почувствовать какую либо симпатію къ европейцамъ, и не должно ли было, наоборотъ, еще съ большею силою заговорить въ нихъ старинное чувство ненависти къ этимъ иноземнымъ людямъ, не знавшимъ предѣла своему высокомѣрію и своей жестокости? И какая только изъ священныхъ обязанностей международныхъ отношеній не была попрана въ эту пору англичанами и европейцами? Ихъ суемудрая проповѣдь о Христѣ создала Китаю

[1]) «Морской Сборникъ» 1884 г., кн. II, стр. 71—76.
[2]) «Сборникъ матеріаловъ по Азіи», вып. III, стр. 180.

Digitized by Google

возстаніе тайпинговъ; англійскіе торговые дома, по оффиціальному заявленію лорда Эльджина, снабжали этихъ буйствовавшихъ тайпинговъ тяжелыми артиллерійскими орудіями, зная наперед, что выстрѣлы изъ этихъ орудій предназначаются тому правительству, съ которымъ англичанами были заключены торговыя условія. Спрашивается, могли ли оставаться равнодушными китайцы, безъ сомнѣнія, знавшіе этотъ фактъ? Еще болѣе долженъ былъ возбудить ихъ негодованіе распространившійся въ это время, ужасный и совершенно безчеловѣчный вывозъ европейцами куліевъ. Этимъ промысломъ они прославились въ первое время попреимуществу у береговъ Сватау и возбудили здѣсь противъ себя особенно сильное негодованіе китайцевъ. Въ сборникѣ «Цзинь бао» мы находимъ объявленія чао-чжоу-фускаго губернатора, которыми онъ, съ одной стороны, предостерегалъ европейцевъ, что, въ силу раздраженія народа, они могли считать себя безопасными не далѣе Двойнаго острова; а съ другой—убѣждалъ и китайцевъ-рыбаковъ не отплывать далѣе 4-хъ миль отъ берега, представляя множество примѣровъ, какъ ратовавшіе за человѣческую свободу европейцы захватывали несчастныхъ то силою, то опаивая ихъ виномъ, а потомъ отправляли ихъ въ какую либо европейскую колонію подъ названіемъ эмигрантовъ. Возвращаясь на родину, эти колонисты съ горечью разказывали о жестокостяхъ, которыя претерпѣвали они отъ европейцевъ и ихъ разсказы глубоко западали въ душу народа, возбуждая ненависть къ европейцамъ. Наконецъ, все болѣе и болѣе возраставшій контрабандный ввозъ опіума долженъ былъ довершать негодованіе Китая. Европейскіе торговцы какъ будто соединились въ погонѣ за этимъ прибыльнымъ торгомъ, а ихъ правительства считали своею обязанностью помогать имъ, защищая не только своихъ контрабандистовъ, но и укрывая китайскихъ. Извѣстно, что капитанъ Эліотъ не стѣсняясь снабжалъ китайскія суда англійскимъ флагомъ, подъ которымъ они безопаснѣе могли совершать преступное дѣло контрабанды. Случалось, что правительство захватывало у какого нибудь китайскаго купца запрещенный товаръ; въ такомъ случаѣ купецъ отправлялся въ ближайшій портъ къ какому нибудь европейскому коммерсанту, передавалъ ему номинально свой товаръ, и тотъ тотчасъ же чрезъ своего консула вытребовывалъ мнимую собственность. Таковы были порядки, привнесенные въ Китай европейскими цивилизаторами, и чѣмъ дальше, тѣмъ эти порядки развивались больше, потому что они доставляли выгоду цивилизаторамъ. Вскорѣ англичанамъ захотѣлось провести эти порядки и дальше, въ глубь

Digitized by Google

страны, и изъ-за этого они начали вторую свою войну съ Китаемъ, длившуюся съ 1857 по 1860 годъ. Самъ Китай принялъ эту войну уже далеко не такъ безотчетно, какъ въ 1839 году: ему хорошо были извѣстны теперь и силы, и искусство европейцевъ, оттого онъ долго разсуждалъ, что предпринять ему въ данномъ случаѣ. Масса самыхъ энергичныхъ докладовъ китайскихъ прокуроровъ почти ежедневно поступала къ богдохану, и въ этихъ докладахъ мы находимъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, какъ протестъ Китая, съ горечью вырывавшій у него рѣшимость на новыя кровопролитія. Одинъ изъ прокуроровъ, разсматривая требованія европейцевъ открыть имъ для торговли движеніе по Янъ-цзы-цзяну во внутренній Китай, писалъ, что «если (въ странѣ) перемѣшаются китайцы и варвары, то параличъ поразитъ самую утробу тѣла: мы знаемъ, что эти контрабандисты дѣлаютъ всевозможныя беззаконія!» По поводу заявленій о свободѣ христіанской пропаганды тотъ же прокуроръ замѣчаетъ: «на самихъ европейцахъ видно, что религія Небеснаго Господа ведетъ къ возмущенію въ мірѣ покоя, къ заблужденіямъ народа, къ воспитанію въ немъ тайнаго чувства жадности къ чужому,—иначе зачѣмъ было бы имъ настаивать на правѣ ея проповѣди другимъ?» Разобравъ всѣ другія отношенія европейцевъ, этотъ блюститель порядка въ имперіи проситъ у богдохана войны и заканчиваетъ свой докладъ слѣдующими знаменательными словами: «Въ войнѣ — для насъ побѣда или пораженіе, въ мирѣ же съ европейцами—для насъ одно пораженіе,—побѣды нѣтъ!» Не смотря на такого рода доклады, мы думаемъ, что сами китайцы, всетаки, не рѣшились бы на эту войну, если бы имъ не навязали ее европейцы, выказавшіе себя въ эту пору уже положительно игнорирующими честность международныхъ отношеній. Тогдашній великобританскій посолъ лордъ Эльджинъ открыто говорилъ, что «причины этого столкновенія заслуживаютъ презрѣнія, что это «скандалъ», недостойный Англіи» [1]). И тѣмъ не менѣе, изъ-за этихъ скандальныхъ причинъ начинаются военныя дѣйствія, которыя ведутся одинаково недостойнымъ образомъ. Дѣло открывается тѣмъ, что сэръ Боурингъ бомбардируетъ и поджигаетъ Кантонъ даже безъ объявленія войны китайскому правительству. Кантонскій губернаторъ дѣлаетъ распоряженіе послѣ этого о прекращеніи всякихъ сношеній съ иностранцами, а англичане не только не отзываютъ своихъ консуловъ, а даже держатъ въ Шанхаѣ открытыми свои магазины. Поступая такимъ образомъ, какое они

[1]) Мартенсъ. Россія и Китай. Спб., 1881 г., стр. 58.

Digitized by Google

имѣли еще право рекомендовать китайцамъ къ руководству европейскіе международные кодексы и дипломатическіе обычаи? И такъ велись дѣла во все время войны, пока соединенныя силы французовъ и англичанъ не прошли до Пекина, освѣщая свой путь заревомъ пожаровъ и повсюду оставляя за собою потоки крови. «Я придаю особенную важность тому впечатлѣнію, которое мы по себѣ оставимъ въ Китаѣ»,—говорилъ лордъ Эльджинъ. И это впечатлѣніе осталось: китайцы до сихъ поръ не могутъ забыть, что англичане, *уже начавши переговоры о мирѣ*, превратили въ развалины Юань-минъюань,—этотъ великолѣпный дворецъ богдохана, въ которомъ все было изъ чистаго мрамора, стѣны котораго были украшены мозаикой изъ фалани и эмали, который, по справедливости, оцѣнивали въ десятки милліоновъ долларовъ. Все это, по выраженію великобританскаго посла, «для вящшаго эффекта», было разрушено, разбито, сожжено, уничтожено.

Трактатомъ 1860 года Китай сдѣлался открытымъ для Европы почти такъ же, какъ и всякая европейская страна. Можно смѣло сказать, что этимъ трактатомъ Европа удесятерила противъ прежняго возможность своихъ сношеній и слѣдовательно въ той же пропорціи должно бы, повидимому, возрасти и ея цивилизующее вліяніе на Китай—дѣло купцевъ и миссіонеровъ. Но то ли мы видимъ въ дѣйствительности? Въ настоящее время, когда таможенные отчеты китайской торговли находится въ рукахъ европейцевъ, мы можемъ судить о торговыхъ отношеніяхъ Европы къ Китаю болѣе основательно, и вотъ нѣсколько данныхъ для сужденій этой торговлѣ. Въ 1870 году общая цѣнность китайской заграничной торговли по привозу выразилась въ 127.000,000 руб. сер., изъ нихъ на 97.000,000 было ввезено опіума; въ 1871 году общій привозъ былъ на 140.000,000, изъ нихъ на 99.000,000 опіума; въ 1872 году общій привозъ на 134.000,000, изъ нихъ на 86.000,000 опіума; въ 1874 году общій привозъ на 128.000,000 руб. сер., изъ нихъ на 80.000,000 опіума; въ 1880 году общій привозъ на 158.000,000 руб. сер., изъ нихъ на 98.000,000 опіума [1]). Эти цифры самымъ наглядымъ образомъ указы-

[1]) Въ донесеніи австро-венгерскаго консула Лебидара мы находимъ точныя цифры европейской торговли съ Китаемъ за десятилѣтіе 1870-хъ годовъ:

Годы	Общая цѣнность европейскаго привоза въ ланахъ	Изъ этого числа цѣнность привезеннаго опіума въ ланахъ.	И помимо того ввезено еще опіума изъ Гонконга на		
1870	63.693,268	26.888,049	23.666,000	мексик	доллар.
1871	70.103,077	29.261,513	20.575,734	»	»
1872	67.317,049	27.653,342	15.473,583	»	»
1873	66.637,209	29.026,971	12.716,329	»	»
1874	64.360,864	28.564 782	11.595,948	»	»
1875	67.803,247	25.355,065	11.181,720	»	»

Digitized by Google

ваютъ вамъ, каково цивилизующее значеніе европейской торговли для Китая! Вы видите, что $^2/_3$ европейскаго привоза представляетъ собою такой товаръ, о которомъ не должно было бы и говорить безъ стыда и смущенія на лицѣ, а европейцы трактуютъ о развитіи своихъ сношеній и о *цивилизующемъ вліяніи* Европы на Китай. И не должно думать, чтобы остальная треть была сполна принадлежащею Европѣ и знакомила Китай съ европейскимъ производствомъ. Нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ европейскія суда получили право каботажной торговли, они перевозятъ изъ порта въ портъ и туземныя произведенія Китая. Эти, перевозимые на европейскихъ судахъ, китайскіе товары обложены пошлиною наравнѣ съ европейскими и включаются въ число предметовъ иностранной торговли. Такимъ образомъ, если Европа можетъ насчитать у себя $^1/_3$ честной торговли, то и въ этомъ случаѣ она обязана до нѣкоторой степени Китаю. Не должно утѣшать себя и тѣмъ, что представленныя цифры ввоза опіума годъ отъ года показываютъ его сокращеніе. Китайское правительство хорошо сознаетъ, что это происходитъ не отъ честнаго сознанія европейцами вреда ввозимаго или продукта, а оттого, что сами китайцы начали возращать этотъ продуктъ дома. Вотъ почему, не смотря на дѣйствительное увеличеніе за послѣдніе годы торговли мануфактурными товарами, англичане тѣмъ не менѣе горько жалуются на упадокъ своей торговли въ Китаѣ; вотъ почему, между прочимъ, и сокращаютъ они вывозъ чая изъ этой страны: прежде опіумъ почти сполна оплачивалъ имъ цѣнность вывозимаго ими изъ Китая чая, теперь имъ все больше и больше приходится приплачивать за него деньгами.

Если мы сопоставимъ съ этимъ дѣятельность вторыхъ носителей европейской цивилизаціи въ Китаѣ—миссіонеровъ, то намъ трудно будетъ даже и рѣшить, кто больше служитъ причиною разъединенія между Китаемъ и Европою—европейскіе ли торговцы, или миссіонеры? Замѣтимъ предварительно, что въ Китаѣ есть представители всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій Европы, но дѣятельными изъ нихъ являются только католики; ихъ попреимуществу знаютъ въ Китаѣ, — оттого говорить намъ придется только о миссіонерахъ католическихъ. Въ противоположность завѣту Христа, посылавшаго апосто-

1876	70.269,574	28.018,994	15.303,576	»	»
1877	73.253,170	30.257,812	12.346,794	»	»
1878	70.804 027	32.262,957	13.305,200	»	»
1879	82.227,424	36.536,617	14 360,064	»	»
1880	79.293,452	32.344,628	16.705,802	»	»

(Le Bidart. Mittheilungen der k. k. Consulats Behörden. Wien, 1882).

Digitized by Google

ловъ на проповѣдь безъ сумы и пиры, католическіе миссіонеры были всегда и совершенно убѣждены, что для успѣха пропаганды имъ прежде всего необходимы имущественныя средства. Отсюда помимо громаднаго сбора подаяній въ Европѣ, они озаботились трактатомъ 1860 года выговорить себѣ отъ китайскаго правительства право на возвращеніе имъ имуществъ, конфискованныхъ назадъ тому 150 лѣтъ у изгнанныхъ тогда іезуитовъ. Понятно,—одно напоминаніе китайцамъ объ іезуитахъ, прямыми наслѣдниками которыхъ выставляли себя католики, не должно было расположить китайцевъ къ ихъ пользу; но сами миссіонеры постарались еще больше усилить это неблагопріятное для нихъ впечатлѣніе. Явившись въ Китай, они съ ревностью занялись осуществленіемъ своихъ правъ по возврату земель, и такимъ образомъ первымъ актомъ ихъ дѣятельности было разрушеніе благосостоянія тѣхъ изъ китайцевъ, которые въ данное время владѣли помянутыми конфискованными землями. Но еще болѣе жестоко было то, что миссіонеры, не соглашаясь ни на какія уступки и вознагражденія, упорно требовали тѣхъ самыхъ клочковъ земли, которыми владѣли іезуиты; такимъ образомъ, дѣло не могло ограничиться здѣсь однимъ ущербомъ собственниковъ: миссіонеры заставляли китайцевъ разрушать построенные на этихъ земляхъ храмы, переносить похороненныя на нихъ тѣла мертвецовъ, уничтожать вновь проложенныя на нихъ дороги и проч., и проч. Трудно было придумать болѣе сильное попраніе самыхъ дорогихъ, сложившихся вѣками принциповъ и едва ли возможно было выразить болѣе полное презрѣніе къ нравственному и экономическому быту китайцевъ. Такъ было въ Гуанъ-дунѣ, въ Сы-чуани, въ Юнъ-нани, да и въ другихъ мѣстахъ Китая. Возстаніе противъ католиковъ въ Чунъ-кингѣ въ 1862-мъ году было вызвано именно насиліями при возвратѣ земель. Этими-то путями католическіе миссіонеры собрали себѣ громадныя богатства и упрочили съ матеріальной стороны свое положеніе въ Китаѣ. Теперь они основали тамъ свои больницы, а ихъ «Общество Св. Отрока» почти въ каждомъ большомъ городѣ имѣетъ свой дѣтскій пріютъ. Какъ вывѣска цивилизаціи, все это конечно пріятно звучитъ для европейскаго уха, но войдите въ эту больницу, и вы увидите, что она ничѣмъ не отличается отъ *многихъ тысячъ* китайскихъ больницъ: она только существуетъ на европейскія деньги,—обстановка, уходъ за больными, лѣченіе ихъ, все это въ большинствѣ случаевъ возлагается на китайскихъ лѣкарей. Гдѣ же эта пресловутая заботливость о сообщеніи китайцамъ чуждыхъ имъ, высокихъ плодовъ европейской науки? Что касается дѣтскихъ пріютовъ,

Digitized by Google

то они, какъ увидимъ ниже, почти всегда бываютъ на половину пусты. Наконецъ, относительно христіанской пропаганды слѣдуетъ замѣтить, что успѣхъ ея, если онъ дѣйствительно существуетъ, объясняется съ одной стороны индифферентизмомъ китайцевъ, а съ другой тѣми уступками, которыя сдѣлали католическіе миссіонеры въ ущербъ христіанству. Нашъ покойный синологъ Скачковъ уже давно сообщалъ о томъ, что «католизмъ въ Китаѣ не отличается консерватизмомъ: онъ нисколько не касается, напримѣръ, культа обоготворенія предковъ, не сжигаетъ домашняго престола китайцевъ, соглашаясь, что и христіанство предписываетъ строго чтить родителей. Конфуцій уже второе столѣтіе какъ канонизированъ въ святые. Изображеніе Спасителя допускается рисовать въ китайской шапкѣ, изображеніе Богоматери — въ миніатюрныхъ башмачкахъ [1]). По собственному опыту я могу сказать даже большее. Китайцы-католики прямо говорили мнѣ, что «между Христомъ и Конфуціемъ нѣтъ разницы»; тѣ же бесѣды убѣдили меня, что современные католическіе патеры, въ дѣлѣ своей проповѣди часто слѣдуютъ правиламъ іезуитовъ: они напримѣръ не сообщаютъ неофитамъ христіанскаго ученія о рожденіи, страданіи и воскресеніи Спасителя, ограничиваясь только проповѣдью о Богѣ-Отцѣ, и причина этого та, что проповѣдь о Христѣ якобы производитъ только соблазнъ въ слушателяхъ [2]). Такимъ образомъ, католицизмъ является для китайцевъ скорѣе въ видѣ конфуціанскаго раскола, чѣмъ дѣйствительнымъ христіанскимъ ученіемъ. Однако и при этомъ условіи большинство китайцевъ присоединяется къ католичеству не по убѣжденіямъ, а просто ради житейскихъ цѣлей, каковое обстоятельство въ своемъ развитіи служитъ основнымъ поводомъ для ненависти китайцевъ къ католическимъ патерамъ. Дѣло въ томъ, что благодаря политической поддержкѣ Франціи и уже доказанной готовности ея помогать католикамъ орудіями французскихъ военныхъ судовъ, миссіонеры имѣютъ большую силу въ Китаѣ. Отсюда болѣе ловкіе и не особенно-то отличающіеся своею нравственностью изъ китайцевъ обращаются къ миссіонерамъ и принимаютъ католичество съ надеждою найти себѣ поддержку въ наживѣ на счетъ своихъ собратій. Дѣйствительно, подъ протекціею миссіонеровъ китайцы-католики вполнѣ безнаказанно совершаютъ множество мелкихъ насилій надъ своими земляками: одинъ отхватитъ у сосѣда клочекъ земли, другой воспользуется общественнымъ хлѣбомъ,—въ результатѣ создаются

[1]) Скачковъ: Очерки Китая, стр 36.
[2]) L'eglise et les philosophes en XVIII siècle. Cap. IX, p. 179—184.

Digitized by Google

неурядицы, тяжбы, которыя, какъ и вездѣ, нерѣдко рѣшаются въ пользу сильнаго. Все это мелочи, но въ народѣ масса такихъ мелочей создаетъ крайнее возбужденіе противъ миссіонеровъ. Рѣзня христіанъ на югѣ Китая въ прошломъ году, результатомъ которой была съ обоихъ сторонъ погибель не менѣе какъ 200,000 китайцевъ, была вызвана тѣми же обстоятельствами, и подобныя возстанія будутъ несомнѣнно повторяться до тѣхъ поръ, пока миссіонеры не откажутся отъ своей политики и не перестанутъ *мѣшать жить Китаю*. Мало того, въ миссіонерскіе станы католиковъ нерѣдко являются преступники, желающіе укрыться отъ рукъ правосудія, и патеры съ распростертыми объятіями принимаютъ ихъ въ лоно своей церкви. Китайское правительство является арестовать негодяевъ, а миссіонеры выступаютъ съ своею защитою ихъ. Снова разладъ, снова помѣха для жизни. Еще больше неурядицъ создаетъ обычай миссіонеровъ обращать въ христіанство дѣтей [1]). Извѣстно, что въ Китаѣ масса дѣтскихъ пріютовъ, въ которыхъ на общественный счетъ воспитываются сироты и въ которые бѣдняки всегда могутъ помѣстить своихъ малютокъ. Но до страстности дѣтолюбивый китаецъ сдаетъ своего ребенка въ пріютъ только тогда, когда у него дѣйствительно нѣтъ средствъ содержать его. Минетъ тяжелая пора, и онъ снова спѣшитъ возвратить къ себѣ свое дѣтище. Между тѣмъ, отъ миссіонеровъ подобнаго возврата быть не можетъ: получивъ ребенка, они тотчасъ же крестятъ его и затѣмъ считаютъ уже грѣхомъ выдать его отцу-язычнику. Такая задержка дѣтей съ одной стороны служитъ причиною того, что католическіе дѣтскіе пріюты всегда бываютъ на половину пусты, а съ другой—создаетъ страшную ненависть китайцевъ противъ миссіонеровъ. Масса самыхъ нелѣпыхъ, самыхъ неправдоподобныхъ повѣрій и слуховъ объ отношеніяхъ католиковъ къ китайскимъ дѣтямъ распространена въ невѣжественной средѣ китайской черни, и это именно благодаря частію той замкнутости, въ которой держатъ миссіонеры дѣтскіе пріюты, а частію и другимъ обстоятельствамъ. Патеры, напр., для доказательства своей успѣшной дѣятельности, считаютъ весьма важнымъ, чтобы въ ихъ годовыхъ отчетахъ стояло возможно бо́льшее число окрещенныхъ. Отсюда они принимаютъ въ свои пріюты дѣтей, когда малютки находятся уже при послѣднемъ издыханіи,—лишь бы хватило дитяти на столько, чтобы перекрестить его. Родителямъ такихъ малютокъ миссіонеры упла-

[1]) L'histoire moderne des Chinois de M. Rollin. T. I, par. IV—VI. Huc. L'empire Chinois.

Digitized by Google

чиваютъ даже деньги за представленіе такихъ дѣтей, помимо того, что эти родители избавляются отъ необходимыхъ расходовъ на погребеніе. Но народъ никакъ не можетъ понять такой благотворительности! И вотъ создается повѣрье относительно употребленія европейцами различныхъ частей человѣческаго тѣла въ медицинѣ; ходятъ слухи, что они выкалываютъ глаза и вынимаютъ сердце у китайскихъ малютокъ ради того, чтобы приготовлять изъ нихъ лѣкарства. Смертность дѣтей въ католическихъ пріютахъ, естественно усиливаемая вышепомянутымъ наборомъ малютокъ, еще больше питаетъ это повѣрье. Всѣмъ извѣстна тяньцзинская рѣзня 9-го іюня 1870 г.: она обусловливалась именно вопросомъ о дѣтяхъ и стоила жизни не только всѣмъ миссіонерамъ, но и десяткамъ другихъ ни въ чемъ неповинныхъ европейцевъ.

Такова дѣятельность въ Китаѣ европейскихъ миссіонеровъ—людей, являющихся въ эту страну съ спеціальною цѣлью облагородить умы китайцевъ, сообщить имъ высокія истины христіанской цивилизаціи. Судите, чего можно достигнуть при такомъ образѣ дѣйствій? Конечно, одной только ненависти мѣстнаго населенія, и китайцы, а особливо высшій, болѣе облагороженный классъ ученыхъ, дѣйствительно ненавидятъ миссіонеровъ. Англичанинъ Куперъ, изъѣздившій къ концѣ шестидесятыхъ годовъ весь Китай, въ описаніи своего пребыванія въ Чэнъ-дэ-фу говоритъ, что ненависть ученаго класса къ миссіонерамъ такъ сильна, что во время годичныхъ экзаменовъ чэнъ-дэ-фускіе католическіе епископы должны скрываться и обыкновенно на нѣсколько дней уѣзжаютъ изъ города. У насъ нерѣдко раздаются голоса, что Китай чуждается Европы не по винѣ народа, а въ силу особой политики его правительства. Мы не можемъ принять это мнѣніе безусловно и смѣемъ утверждать, что въ этомъ отчужденіи прежде всего виноваты сами европейцы съ ихъ неуваженіемъ къ народнымъ обычаямъ, съ ихъ насиліями, одинаково проходящими черезъ всю исторію ихъ сношеній съ Китаемъ [1]). Со времени послѣдняго трактата не

[1]) Примѣровъ этого пренебреженія китайскихъ нуждъ и обычаевъ не перебрать. Послѣ трактата 1860 года европейцы выбрали, напримѣръ, для постройки своихъ церквей и домовъ самыя лучшія мѣста въ городахъ и наконецъ строеніямъ придавали такіе размѣры и формы, которые въ извѣстныхъ мѣстахъ поражали народные обычаи. Въ Тяньцзинѣ подъ католическимъ храмомъ и зданіемъ французскаго консульства занято самое лучшее мѣсто. Здѣсь находился императорскій павильонъ, представлявшій единственный пунктъ для гулянья жителей. Тяньцзинцы до сихъ поръ не могутъ привыкнуть смотрѣть на это хладнокровно. Въ Кантонѣ миссіонеры потребовали мѣсто, на которомъ искони находился домъ генералъ-губернатора и воздвигли здѣсь громадный соборъ. Жители Кантона не скрываютъ своей злобы противъ этой постройки и не будетъ удивительно, если при какихъ нибудь

Digitized by Google

прошло почти ни одного года безъ болѣе или менѣе важнаго возстанія китайцевъ противъ европейцевъ и католиковъ; между тѣмъ чувства, способныя поднять народную массу какъ одного человѣка, не могутъ быть навѣяны кѣмъ бы то ни было извнѣ; они воспитываются сами, воспитываются долго и,—что самое главное,—эти чувства всегда слѣдуютъ неизмѣннымъ законамъ человѣческаго сердца, на которые истинное добро всегда дѣйствуетъ одинаково неотразимо.

То же самое продолжается до настоящей минуты въ силу неизмѣнности отношеній европейцевъ къ Китаю. Китайцы не могутъ симпатизировать европейцамъ и прежде всего за ихъ жестокости. Въ прошломъ году китайскія газеты съ ужасомъ передавали неопровергнутыя притомъ и европейцами извѣстія о жестокостяхъ англичанъ въ Мандалаѣ. Разсказывали, напр., что англійскій генералъ-профосъ, когда ему нужно было достать соотвѣтствовавшія его видамъ показанія противъ бирманцевъ, ставилъ свидѣтелей, тоже бирманцевъ, передъ взводомъ солдатъ, которые наводили на свидѣтелей ружья, готовясь разстрѣлять ихъ. Другаго изъ англійскихъ же генераловъ заинтересовало изображеніе лица людей, готовящихся къ смерти, и онъ началъ употреблять фотографическій аппаратъ при совершаемыхъ имъ многочисленныхъ казняхъ. Раздается команда о прицѣлѣ, а на казнимаго наводится трубка аппарата и наступаетъ пауза, втеченіе которой снимаютъ портретъ. При неудачѣ фотографическаго снимка опытъ обыкновенно повторялся и иногда по нѣскольку разъ. Дѣйствія французовъ въ періодъ аннамской войны были хотя и менѣе жестоки, но также недостойныя европейца. По словамъ «Шэнъ-бао», французы были вѣроломно непослѣдовательны, оффиціально отрицая передъ началомъ войны права Китая на Аннамъ, хотя внутренно конечно признавали ихъ, ибо въ противномъ случаѣ какой смыслъ былъ бы въ ихъ сообщеніи китайскому правительству своего договора съ Аннамомъ въ

безпорядкахъ они разрушатъ ее. Главное заведеніе лазаристовъ въ Пекинѣ находится въ императорскомъ городѣ въ очень близкомъ разстояніи отъ богдоханскаго дворца. По китайскимъ законамъ и обычаямъ вообще, а тѣмъ болѣе въ сосѣдствѣ дворца никакое строеніе не должно превышать извѣстной высоты для того, чтобы нельзя было съ вершины зданія смотрѣть, что дѣлается у сосѣдей. Обычай этотъ весьма естественный, потому что въ Китаѣ внутренній дворъ составляетъ какъ бы часть жилища и на немъ проводятъ большую часть дня; лазаристы же поставили готическую церковь такой высоты, что съ крыши легко можно видѣть все, что дѣлается во дворцовомъ дворѣ, да еще хотѣли поднять на ней башни. Противъ этого китайцы уже окончательно вооружились; что же касается до высоты зданія, то правительство рѣшило выстроить возлѣ него равной высоты стѣну. Нужно ли говорить, какъ все это раздражаетъ и оскорбляетъ народное чувство?

Digitized by Google

1874 году; съ какой стати вести бы имъ и въ 1882 году переговоры по аннамскому вопросу съ непричастнымъ къ дѣлу Китаемъ? Еще болѣе, замѣчаетъ газета, недостойны французскія убійства людей безоружныхъ; недостойно то, что французы все жгутъ и грабятъ на своемъ пути. Могутъ сказать, что всѣ эти примѣры жестокостей относятся къ военному времени, и что сообщаемые газетами слухи будутъ прочитаны много десяткомъ тысячъ человѣкъ; но извѣстно ли, какъ вообще ведутъ себя, напр., англичане въ Китаѣ? Воспитанный гуманною цивилизаціею джентльменъ смотритъ на китайца какъ на животное: гордое презрѣніе выражается въ каждомъ его движеніи, китайцу онъ не скажетъ ласковаго слова, изъ своего дома онъ не выходитъ иначе, какъ съ тросточкой и, проходя по улицѣ, не преминетъ ударить ею каждаго, загородившаго ему дорогу китайца [1]). Это фактъ, и судите же, какъ велико должно быть негодованіе націи противъ этихъ, какъ говорятъ китайцы, «рыжихъ дьяволовъ!» Вся китайская чернь конечно и ограничивается справедливо возникающимъ отсюда чувствомъ озлобленія; но образованные классы еще презираютъ европейцевъ за ихъ нечестность и непомѣрную жадность. Китай никому не можетъ выказать своихъ симпатій и ни на кого изъ европейцевъ не можетъ онъ положиться. За причинами нѣтъ нужды ходить далеко: возьмемъ событія минувшаго года. Мы только что говорили о вѣроломствѣ французовъ; Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты не могли не возмутить китайцевъ своими ужасными гоненіями и притѣсненіями китайскихъ эмигрантовъ; Германія вполнѣ доказала Китаю свою нечестность неудовлетворительнымъ выполненіемъ китайскихъ военныхъ заказовъ, подстрекательствомъ совмѣстно съ французами Японіи къ завладѣнію Кореей, наконецъ, скрытыми замыслами захватить или Формозу, или Чусанскіе острова; эти обстоятельства побудили, какъ извѣстно, китайское правительство уволить всѣхъ нѣмцевъ, бывшихъ у него на службѣ въ арміи и флотѣ; наконецъ, англичане возбуждаютъ недовѣріе Китая очевиднымъ стремленіемъ ввести въ сферу своего вліянія Бутанъ и дальше—открыть себѣ дорогу къ Тибету. Помимо этихъ корыстныхъ замысловъ китайцамъ несимпатична, въ европейцахъ еще ихъ нетактичность. Всѣмъ извѣстно, какъ въ прошломъ году представители самыхъ сильныхъ европейскихъ державъ ухаживали за Китаемъ, когда правительство

[1]) Свидѣтелями сказаннаго мы были и сами, а помимо того подтвержденіе этого можно найти въ Труд. Пек. Дух. Миссіи, т. III, ст. Хонконгъ, стр. 398.

Digitized by Google

его заговорило о желѣзныхъ дорогахъ, и не мало же посмѣялись китайцы надъ ихъ поведеніемъ, которое въ самомъ дѣлѣ было нечуждо комизма. Французскій посланникъ первый хвастался, что онъ заключилъ условія, обезпечивающія французамъ постройку желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ, а между тѣмъ нѣмцы передъ глазами у него успѣли подписать контрактъ на поставку желѣзнодорожнаго матеріала въ Китай. Контрактъ правда неказистый: онъ оказался не только на 25% ниже всякаго предложенія, а даже на 6% ниже разсчетовъ самихъ китайцевъ. Но главнѣйшій комизмъ оказался въ томъ, что пока нѣмцы обезпечивали себѣ сбытъ своихъ произведеній въ Китай, англичане успѣли заключить контрактъ на поставку того же матеріала въ самую Германію и по болѣе дорогой цѣнѣ. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ такое веденіе своихъ торговыхъ балансовъ и особливо на глаза практичныхъ китайцевъ, хорошо знающихъ свою жизнь и убѣжденныхъ, что Европѣ ничего не предстоитъ отъ Китая и въ будущемъ? И такими необстоятельными кажутся европейцы китайцамъ рѣшительно во всемъ: они кичатся своею цивилизаціею и являются неимѣющими понятія ни о честности, ни о соціальныхъ отношеніяхъ; проповѣдуютъ христіанскую кротость и любовь, а сами на каждомъ шагу даютъ образцы ненависти и коварства,—повсюду выходятъ одни слова, однѣ громкія фразы, а на дѣлѣ полная противоположность тѣмъ доктринамъ, о которыхъ они такъ много разглагольствуютъ.

Вотъ на чемъ коренятся неуваженіе, а затѣмъ и непріязнь Китая къ европейцамъ. Война за опіумъ, занятіе европейской арміей Пекина, и борьба въ Тонкинѣ вполнѣ выяснили китайцамъ силу европейскихъ народовъ. Скрѣпя сердце, сыны «Поднебесной» подчиняются имъ въ настоящее время; но тѣ же войны способствовали и прогрессу Китая. Эти войны дали понять китайцамъ, что чѣмъ больше будутъ они невнимательны къ Европѣ, тѣмъ больше вреда можетъ она принести имъ, и такое убѣжденіе понудило Китай отправить свои посольства во всѣ главнѣйшія государства Европы. Сознавая свое безсиліе избавиться отъ европейцевъ въ настоящее время, китайцы съ горечью должны были признать европейскій военный прогрессъ и рѣшили усвоить его себѣ; отсюда тѣ успѣхи въ военномъ дѣлѣ, которые дѣйствительно должны быть поразительны на взглядъ каждаго. Въ послѣднее двадцатилѣтіе китайцы устроили себѣ восемь арсеналовъ: въ Тяньцзинѣ, въ Шанхаѣ, въ Кантонѣ, въ Лань-чжоу, въ Фу-чжоу, въ Хами, въ Гиринѣ и въ портѣ Ли, не говоря объ оружейныхъ мастерскихъ, разбросанныхъ въ разныхъ городахъ и деревняхъ

Digitized by Google

по всей странѣ. О степени дѣятельности этихъ новоустроенныхъ военно-техническихъ учрежденій мы можемъ судить по тому, что, напримѣръ, въ прошломъ году въ одномъ только шанхайскомъ арсеналѣ китайцы успѣли собственноручно отлить 20 сорокапудовыхъ армстронговыхъ пушекъ и 150 девяти-дюймовыхъ; другіе заводы ихъ работаютъ надъ такимъ же изготовленіемъ не менѣе успѣшно. Запасаясь оружіемъ, Китай не забываетъ и пороха. Въ ноябрѣ прошлаго года въ тяньцзинскомъ арсеналѣ были получены съ завода Редингера новыя машины для фабрикаціи пороха, и послѣднія китайскія газеты ликуютъ, сообщая, что Китай и въ этомъ отношеніи мало-по-малу освобождается отъ иностранцевъ. Не далѣе, какъ въ 1869 году у китайцевъ не было и признаковъ военнаго флота; теперь они завели у себя первоклассные броненосцы, миноноски, крейсеры и проч. Посѣтившая въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года заливъ Посьетъ китайская эскадра, по отзывамъ спеціалистовъ, представляетъ собою суда, которыя, какъ по своему устройству, такъ и по вооруженію ихъ орудіями системы Круппа и Гочкиса, принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ современныхъ европейскихъ флотовъ. Таковы военные успѣхи Китая. Но самое главное въ этомъ дѣлѣ прогресса конечно то, что китайцы стараются все сдѣлать сами. Съ этою цѣлью они устроили спеціальныя военныя и техническія училища. Въ послѣднее десятилѣтіе въ Китаѣ появились военныя, сухопутныя и морскія академіи въ Фу-чжоу, Тяньцзинѣ и Кантонѣ, благодаря каковымъ разсадникамъ науки и искусства, китайцы все болѣе и болѣе дѣлаются независимыми въ военномъ дѣлѣ, и теперь почти во всѣхъ китайскихъ арсеналахъ персоналъ техниковъ состоитъ главнымъ образомъ изъ китайцевъ; то же самое должно сказать и объ управленіи войсками и флотомъ. Эскадра, посѣтившая заливъ Посьетъ, имѣла свой экипажъ изъ природныхъ китайцевъ; правда, на ней было и нѣсколько человѣкъ изъ европейскихъ инструкторовъ, но они приглашаются только въ значеніи совѣтниковъ при главноуправляющихъ изъ китайцевъ. Мы имѣемъ далѣе полное основаніе предполагать, что китайцы не остановятся на половинѣ дороги: начать дѣло и не окончить его не въ характерѣ китайцевъ вообще; въ данномъ же случаѣ и самые факты подтверждаютъ наши предположенія. Въ запрошломъ году учрежденіе новыхъ военныхъ училищъ выхлопоталъ кантонскій генералъ-губернаторъ Чжанъ-чжи-дунъ; въ минувшемъ—принцъ Чунъ, отецъ настоящаго богдохана, возвратившись изъ своей поѣздки съ цѣлью инспектированія сѣверныхъ портовъ Китая и представляя императору отчетъ объ

Digitized by Google

успѣхахъ его флота, снова замѣчаетъ, что Китаю необходимы училища. Горе китайцевъ при этомъ учрежденіи училищъ заключается только въ недостаткѣ учителей, ибо европейцевъ они считаютъ приносящими не меньше вреда, чѣмъ пользы. По отзывамъ китайскихъ генералъ-губернаторовъ, въ средѣ европейскихъ инструкторовъ является немало лицъ, не соотвѣтствующихъ цѣли прежде всего въ силу недостаточности своихъ знаній; но тѣ, которые обладаютъ дѣйствительными знаніями, чуть ли не безполезнѣе первыхъ: по вопросу о каждомъ артикулѣ они расходятся во взглядахъ другъ съ другомъ, начинаютъ между собою полемику, а въ результатѣ собственно для училищъ является путаница въ преподаваніи и незнаніе учениковъ. Извѣстно, что утомленные этими распрями профессоровъ, китайцы порѣшили имѣть лучше своихъ учителей, и съ этою цѣлью въ прошломъ году уже прибыло въ Европу 35 молодыхъ китайскихъ офицеровъ: изъ нихъ 14 должны будутъ прослушать курсъ военныхъ наукъ во Франціи, а 17 въ Англіи.

Несомнѣнно, однако, что этимъ сознаніемъ необходимости и успѣхами въ реорганизаціи военнаго дѣла ограничивается донынѣ и большая часть прогресса современнаго Китая. Цѣль этого, т. е. собственно военнаго, прогресса вовсе не наступательная, и мы не имѣемъ основаній заподозрѣвать откровенность маркиза Цзэн'а, когда онъ говорилъ, что «Китай не будетъ подражать воинственной политикѣ Европы», ибо геній Китая мирный, земледѣльческій и торговый. Вся pia desiderata современныхъ китайцевъ заключается въ томъ, чтобы освободить себя отъ тѣхъ невыгодныхъ трактатовъ, подписать которые они были вынуждены воинствующею Европой; съ этою исключительною цѣлью и усвояютъ они себѣ европейскія военныя знанія. Во всемъ прочемъ Китай любитъ только свое: основамъ своей цивилизаціи, своей жизни, своимъ произведеніямъ и своимъ взглядамъ онъ отдаетъ несомнѣнное преимущество передъ европейскими, и оттого едва ли скоро и легко разстанется съ ними. Эту основу цивилизаціи Китая составляетъ мирное воздѣлываніе полей, почему и принимается оно за самое почетное занятіе. По мнѣнію китайцевъ, *только земледѣліе дѣлаетъ человѣка достойнымъ сыномъ своего отечества*, такъ какъ оно приковываетъ его къ родной землѣ и побуждаетъ его заботиться о культурѣ своего уголка. Этотъ взглядъ упорно держится въ Китаѣ тѣмъ больше, что онъ находитъ себѣ оправданіе въ дѣйствительности,—обработка земель доведена теперь въ Китаѣ до такой степени совершенства, на которой она можетъ служить образцомъ для Европы. Та же, можетъ быть,

Digitized by Google

даже и искусственно развитая любовь къ родному клочку земли съ одной стороны изборозднла весь Китай массою канавъ, при которой система китайской ирригаціи не находитъ себѣ подобной въ свѣтѣ, а съ другой—возвела массу плотинъ, отъ которыхъ нѣкогда бурливыя рѣки текутъ теперь спокойно къ своему устью, не смотря даже на то, что русла ихъ лежатъ выше общаго уровня мѣстности, по которой онѣ протскаютъ [1]). Желаніе украсить родной уголокъ воздвигло по всему Китаю величественныя зданія мостовъ, тріумфальныхъ воротъ, кумиренъ и проч. Если мы прибавимъ еще, что въ стоимости всего этого китайское правительство едва ли участвовало и $^1/_{10}$-ю своихъ средствъ, то можно сказать, что китайцы и не ошиблись, поставивъ земледѣліе основою своей гражданственности. При томъ земледѣліе, по мнѣнію китайцевъ, важно еще и потому, что молодое поколѣніе у земледѣльцевъ никогда не можетъ быть узко спеціальнымъ: волей-неволей оно съ ранняго дѣтства присматривается и къ плотничеству, и къ столярству, и къ дѣлу каменьщика, мельника, ткача,—словомъ, изучаетъ нѣсколько ремеслъ, которыя могутъ дать ему средства къ существованію. Масса народонаселенія естественно обусловливаетъ собою въ Китаѣ и легкость въ обработкѣ земли, и усиленное развитіе ремеслъ; отсюда китайцы вовсе не имѣютъ такихъ обширныхъ фабрикъ, какія видимъ мы въ Европѣ,—ихъ замѣняетъ здѣсь множество всякаго рода мелкихъ заведеній, въ которыя и сдается всякаго рода производство. Торговля пользуется въ Китаѣ уже меньшимъ почетомъ, ибо она, во-первыхъ, спеціализируетъ человѣка, а, во-вторыхъ, отрываетъ его отъ роднаго клочка земли и сосредоточиваетъ его интересы на чужбинѣ. Не смотря на то, торговый классъ, да и самая торговля, т. е. собственно внутренняя, достигли въ Китаѣ чрезвычайныхъ размѣровъ. Такова въ краткихъ чертахъ жизнь Китая. Все, въ чемъ заключаются теперь цивилизаторскія предложенія Европы Китаю, исчерпывается двумя, постоянно даваемыми ему совѣтами, это—построить у себя желѣзныя дороги и поставить на европейскій образецъ свою промышленность, т. е. ввести у себя употребленіе машинъ и организовать крупную производительность. Китай вполнѣ сознаетъ достоинство желѣзныхъ дорогъ и убѣжденъ въ необходимости для себя этого нововведенія. Послѣднія полученныя мною газеты сообщаютъ, что 20-го ноября прошлаго года въ Китаѣ даже состоялось открытіе небольшой Дековилльской вѣтви, и что народъ привѣтствовалъ

[1]) La cité chinoise, par Jules Simon. 1886.

Digitized by Google

съ восторгомъ это открытіе; но за всѣмъ тѣмъ можно смѣло говорить, что Китай не увлечется этою новинкой и что не скоро еще покроется онъ желѣзнодорожною сѣтью. Это вполнѣ явствуетъ изъ постоянно обнародуемыхъ рѣчей китайскихъ мандариновъ, въ которыхъ они заявляютъ, что «всякое, даже самое лучшее нововведеніе требуетъ тщательной обдуманности». Разсужденія, которыя ведутся по этому поводу въ руководящихъ кружкахъ Китая, показываютъ, что Китай прежде всего желаетъ избѣжать ошибокъ по желѣзнодорожному дѣлу, происшедшихъ въ другихъ странахъ именно отъ поспѣшности въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Событія въ Европѣ и Америкѣ убѣдили китайцевъ, что государство никогда не должно отдавать необходимыя ему пути сообщенія въ частныя руки; отсюда китайское правительство рѣшило производить постройку желѣзныхъ дорогъ на собственныя средства. Недостатокъ этихъ средствъ съ одной стороны, а съ другой— нежеланіе входить въ долговыя обязательства Европѣ составляютъ въ настоящую пору главнѣйшую причину застоя этого дѣла, починъ которому уже положенъ, которое несомнѣнно разовьется, будетъ поставлено на твердыя основы и обойдется Китаю несравненно дешевле, чѣмъ Европѣ, подобно тому, какъ несравненно дешевле европейскихъ обошлись Китаю и его телеграфы. Европа говоритъ Китаю о выгодахъ крупной производительности, объ устройствѣ фабрикъ и приспособленіи машинъ. Китай не только не отрицаетъ пользы машинъ, но даже вводитъ ихъ въ свою жизнь, и за всѣмъ тѣмъ, убѣжденный въ выгодахъ для своего народа кустарной промышленности, онъ отвѣчаетъ европейцамъ, что, глядя на Европу, онъ видитъ въ началахъ крупной производительности только порабощеніе человѣка. Крупная производительность требуетъ затраты на нее значительнаго капитала; разъ этотъ капиталъ затраченъ, человѣкъ, увлекаемый желаніемъ выручить необходимые проценты, дѣлается рабомъ избраннаго предпріятія: волей-неволей онъ выдѣлываетъ продукты при отсутствіи на нихъ заказа, истощаетъ и свое сырье, и свои силы, которыя съ гораздо большею пользою могли бы быть употреблены въ другое время и на другое дѣло. Такимъ образомъ, крупная производительность, въ томъ видѣ, какою представляется она въ Европѣ, по мнѣнію китайцевъ, влечетъ за собою три неизбѣжныя зла: во-первыхъ, она безцѣльно истощаетъ сырье; во-вторыхъ, лишаетъ должной цѣны и уваженія трудъ и, въ-третьихъ, что самое главное, отрываетъ человѣка отъ семьи и дѣлаетъ его одностороннимъ, узкимъ спеціалистомъ. Въ такихъ взглядахъ китайцы убѣждаются въ настоящее время тѣмъ больше, чѣмъ

Digitized by Google

больше приходятъ они въ соприкосновеніе съ Европой: почти каждая стачка и бунтъ европейскихъ рабочихъ возвѣщаются въ китайскихъ газетахъ и иногда вызываютъ передовыя статьи, въ которыхъ все сваливается на неудовлетворительность основъ европейской жизни, на *неумѣренное* устройство фабрикъ и машинъ. Европейцы, говорятъ они, съ своею крупною производительностью и техникою превратили въ машины и самый народъ: ихъ цивилизація, влекущая на фабрику десятилѣтняго ребенка, довела взрослыхъ и полныхъ силы мужчинъ до того, что они умѣютъ лишь во время повернуть извѣстный клапанъ машины, и оторвите ихъ отъ этого клапана — они или создадутъ вамъ бунтъ, или же погибнутъ голодной смертью. То и другое едва ли желательно и выгодно для государства. А между тѣмъ развѣ при условіяхъ крупной производительности жизненные продукты въ Европѣ дешевле, нежели въ Китаѣ? Еще является вопросомъ, обогатила ли Европа свое населеніе выработанными ею жизненными принципами; во всякомъ же случаѣ ея пролетаріатъ своею численностью несомнѣнно превосходитъ китайскій.

Мы представляемъ вышеизложенное какъ образецъ критическихъ взглядовъ Китая на одно изъ проявленій того, что называютъ ему современнымъ европейскимъ прогрессомъ, и на обусловливаемое этимъ проявленіемъ соціальное и экономическое состояніе Европы. Точно такимъ же образомъ Китай признаетъ во многомъ несостоятельными и другіе европейскіе взгляды на жизнь, усматривая въ нихъ перевѣсъ идеи, можетъ быть, и высоко разумной, но идущей въ полный разрѣзъ съ практическими требованіями его жизни. Европейская мораль, въ его глазахъ, является также весьма несовершенной. Короче сказать, Китай смотритъ на европейцевъ, какъ на искусныхъ механиковъ, отъ которыхъ можно позаимствовать многое по части знаній въ области естественныхъ наукъ, но отъ которыхъ нечего усвоить, какъ основу для отношеній соціальныхъ. Намъ кажется, что этими взглядами китайцевъ, наряду съ событіями ихъ современной жизни, значительно опредѣляется и будущее Китая. Разъ познакомившись съ Европой и воспринявъ отъ нея военное устройство, Китай очевидно не остановится на этомъ. Уже и теперь его заводы требуютъ продуктовъ для своей обработки; чаще и чаще раздаются богдоханскіе указы о разрѣшеніи раздѣлать новые рудники, залежи желѣза, каменнаго угля и проч., и для этой обработки вводятся машины. На китайскихъ фабрикахъ кирпичнаго чая уже примѣняются къ дѣлу паровые котлы и гидравлическіе прессы; приложеніе

Digitized by Google

механическаго труда къ рудному дѣлу всего поразительнѣе обнаруживается у китайцевъ на Келунской и Кайпингской копяхъ; но и въ застѣнномъ Китаѣ, на кабинетскихъ золотыхъ пріискахъ въ Маньчжуріи разработка производится также американскимъ гидравлическимъ способомъ. Въ Лань-чжоу (главный городъ пров. Гань-су), самомъ удаленномъ отъ вліянія европейцевъ, сѣверо-западномъ углу Китая, теперь паровыми машинами производится выдѣлка разныхъ сортовъ суконъ и шерстяныхъ издѣлій Въ Шанхаѣ такими же машинами работаютъ на верфяхъ. Китайскій паровой торговый флотъ въ настоящую пору уже на столько значителенъ, что въ отношеніи каботажной торговли онъ конкуррируетъ съ англійскими судами. Линія китайскихъ телеграфовъ удлиняется теперь не по днямъ, а по часамъ и за послѣдніе три года китайцы протянули у себя телеграфную проволоку больше чѣмъ на пространство 8,500 верстъ, такъ что телеграфные столбы тянутся у нихъ уже непрерывнымъ рядомъ отъ границъ Аннама до Благовѣщенска на Амурѣ. Не чужды китайцамъ и телефоны, которыми соединены въ Шанхаѣ многія казенныя зданія и торговыя конторы, а изъ этого первѣйшаго по значенію порта, они мало-по-малу вводятся и въ другихъ городахъ. Лѣтъ шесть тому назадъ въ нѣкоторыхъ портовыхъ городахъ Китая появилось газовое освѣщеніе; въ дѣлѣ же развитія этого освѣщенія замѣчательно то, что, помимо городовъ, оно введенно теперь китайцами по собственному почину и вполнѣ самостоятельно въ кайпингскихъ каменно-угольныхъ копяхъ [1]). Конно-желѣзныя дороги, существовавшія доселѣ при нѣкоторыхъ рудникахъ, арсеналахъ и литейныхъ заводахъ, уже признаются китайцами за непригодныя, и въ минувшемъ году кантонскій генералъ-губернаторъ Чжанъ-чжи-дунъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ богдохану, въ которомъ предлагалъ за лучшее ввести во всѣхъ этихъ мѣстахъ подвижныя паровыя желѣзныя дороги, сообщая, что таковыя уже заведены имъ въ Кантонѣ. Такъ число машинъ будетъ возрастать незамѣтно для самого Китая и мало-по-малу онъ усвоитъ себѣ всѣ новѣйшія усовершенствованія и открытія въ области физики, химіи, механики, технологіи и т. д. Мы убѣждены, что Китай не почуждается этой западной мудрости: вѣдь внесъ же онъ въ свою науку всѣ тѣ знанія, которыя сообщили ему іезуиты по части астрономіи? Но мы знаемъ, что онъ вносилъ ихъ послѣдовательно, исподоволь, примѣняя къ основамъ своихъ вѣрованій

[1]) Engineering Progress in China въ журналѣ «Engineering» 1882 года, №№ 4-го авг., 22-го сентября и 3-го ноября.

Digitized by Google

и приспособляя къ своему быту: вносилъ такъ, что самыя эти знанія, явились у него какъ бы незаимствованными отъ европейцевъ, а завѣщанными отъ отцевъ и прозорливо рекомендованными въ глубокой древности китайскими мудрецами. Въ какихъ формахъ появится жизнь китайцевъ при ихъ новыхъ заимствованіяхъ отъ Европы, это, конечно, вопросъ неразрѣшимый въ настоящее время, но изъ сказаннаго для насъ несомнѣнными вытекаютъ два положенія: во-первыхъ, что Китай будетъ идти по пути къ прогрессу своею особою дорогой, такъ что даже при усвоеніи имъ европейскихъ знаній, онъ останется чуждымъ соціальныхъ и экономическихъ принциповъ Европы; а, во-вторыхъ, что европейцамъ въ будущемъ рѣшительно ничего не предстоитъ въ Китаѣ. Въ сущности они и теперь уже вытѣснены изъ Китая. Вскорѣ послѣ войны 1860 года англичане широко повели свое дѣло: въ одномъ Ханькоу, напр., они обосновали до 200 постоянныхъ торговыхъ магазиновъ; но въ 1874 году изъ этихъ магазиновъ осталось не болѣе 60 [1]), въ 1881 году только одинъ, теперь—ни одного. Гонконгъ представляетъ собою даже англійскую колонію,—это складочный пунктъ привозимыхъ изъ Европы товаровъ, но свыше 0,97 его магазиновъ принадлежатъ китайцамъ. Ясно, что даже въ своихъ владѣніяхъ англичане не могутъ конкуррировать съ китайцами: они только довозятъ товары до китайскаго берега, а дальше имъ уже не справиться съ сынами «Поднебесной». Но вы согласитесь, мм. гг., что въ странѣ, гдѣ населеніе ищетъ себѣ работы помимо земли, ввозъ мануфактурныхъ произведеній мыслимъ только какъ аномалія, какъ жалкое послѣдствіе невѣжества; слѣдовательно, лишь только китайцы освоятся съ европейскими знаніями, Европѣ уже нечего будетъ дѣлать въ Китаѣ. Мы смѣло можемъ надѣяться, что только одной Россіи предстоитъ въ будущемъ широкое развитіе своихъ сношеній съ Китаемъ. Сосѣдя всему застѣнному Китаю, она не только никогда не потеряетъ въ немъ своихъ рынковъ, а напротивъ, въ силу своей территоріальной близости, необходимо будетъ увеличивать ихъ по мѣрѣ того, какъ будутъ увеличиваться переселенія въ эти пустынныя пространства. Что касается самого Китая, то только въ русской обширной и богатой странѣ найдетъ онъ въ будущемъ сырыя произведенія для своей переработки, которыхъ не въ силахъ будетъ доставить ему Европа и которыхъ не найдетъ онъ въ своихъ густонаселенныхъ, южныхъ краяхъ. Мы также смѣло можемъ говорить, что доселѣ ничто и не препятствовало для

[1]) Военный Сборникъ, 1876 года, № 9-й, стр. 216.

Digitized by Google

вполнѣ дружественнаго развитія этихъ сношеній; напротивъ, все ручается намъ за успѣхъ будущаго. Годъ отъ года усиливаются у насъ переселенія на окраины Китая, развивается дѣятельная жизнь въ прежде пустынныхъ пространствахъ Сибири, увеличивается знакомство съ нашимъ оригинальнымъ сосѣдомъ. Въ представленномъ вамъ отчетѣ вы только-что прослушали вѣсть о постоянно возрастающемъ числѣ слушателей на восточномъ факультетѣ. Мы привѣтствуемъ это возрастаніе, какъ залогъ того, что Россія все болѣе и болѣе сознаетъ справедливую потребность въ изученіи Китая для развитія правильныхъ и мирныхъ отношеній къ этой странѣ. Россія никогда не шла и не должна идти по торной, но грязной дорогѣ европейцевъ: она имѣетъ свою исторію отношеній къ Китаю и свои задачи на Востокѣ, которыя совершенно различны отъ задачъ Европы. Китай всецѣло сознаетъ это. Вотъ почему непріязнь къ европейцамъ, воспитавшаяся при условіяхъ особыхъ историческихъ отношеній ихъ къ Китаю и всецѣло наполняющая теперь духъ китайцевъ, не простирается ими на Россію и русскихъ; напротивъ, имя Россія пользуется въ Китаѣ, можетъ быть, и не всегда ясно сознаваемой, но несомнѣнной любовью. Припомнимъ, что во время тяньцзинской рѣзни 1870-го года, купцу Нефедьеву достаточно было заявить даже раздраженной и опьяненной убійствами толпѣ, что онъ русскій, и его не только не тронули, а даже проводили подъ охраною солдатъ до мѣста жительства. Китайское правительство, какъ и его народъ, не можетъ не чувствовать расположенія къ Россіи: оно не можетъ забыть, что Россія спасла его отъ униженія передъ его народомъ въ 1859 году и дала ему возможность приступить къ переговорамъ съ европейцами не подъ громомъ англійскихъ пушекъ; оно хорошо сознаетъ также, что только съ тѣхъ поръ, какъ Россія начала граничить непосредственно съ Китаемъ, водворилось спокойствіе въ его собственныхъ предѣлахъ и прекратились своеволія кочевниковъ, цѣлые вѣка доставлявшихъ безпокойства китайскому народу. Вотъ почему мы и думаемъ, что, не смотря на постоянныя подстрекательства англичанами Китая противъ Россіи, Китай всегда будетъ руководствоваться собственными взглядами: онъ сумѣетъ разсмотрѣть свою исторію и найти въ ней убѣжденіе, что Россія по отношенію къ нему преслѣдуетъ одну и уже не разъ заявлявшуюся у насъ цѣль; эта цѣль—развитіе коммерческихъ и дружественныхъ отношеній подъ условіемъ взаимнаго сохраненія національной независимости въ сферѣ внутренней администраціи и внѣшнихъ сношеній.

А. Позднѣевъ.

Digitized by Google

ПОѢЗДКА НА ГОРУ КОКЧЕТАВЪ *).

Былъ конецъ іюля. Погода стояла прекрасная. Дорога лежала степью, покрытой высокой травой, испещренной розовыми, желтыми, лиловыми и бѣлыми цвѣтами, преимущественно семейства мотыльковыхъ, да большими клочьями цвѣтовъ бѣлой кашки. На всемъ протяженіи этой дороги нѣтъ ни одного селенія; лишь въ сторонѣ видѣнъ маленькій поселокъ, едва примѣтный. Въ 35-ти верстахъ отъ станицы Кокчетава находится большое озеро Ханское среди громадной впадины, верстъ 10 въ діаметрѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ отдѣльными сопками и хребтами, покрытыми лѣсками. Озеро заросло камышами и изобилуетъ дичью. Вода въ немъ соленая. Охотники ѣздятъ сюда за дичью, а рыболовы—за бармашами (маленькими рачками), которыхъ ловятъ для приманки рыбы во время зимней рыбалки. У озера постоянно живутъ нѣсколько семей киргизовъ, которые привѣтливо встрѣчаютъ проѣзжающихъ, предлагая дичь, ягоды, пріютъ и очагъ своихъ кибитокъ. Только привыкшіе къ нимъ казаки могутъ соблазниться этимъ пріютомъ, разсчитывая что нибудь выгодно купить или обмѣнять на кусокъ хлѣба, до котораго такъ падки киргизы, такъ какъ ихъ образъ жизни и устройство жилищъ не позволяютъ имъ самимъ его приготовлять. Кибитки и ихъ хозяева до того грязны, что противно быть вблизи ихъ, не только вмѣстѣ съ ними есть и пить. Одежда у мужчинъ и женщинъ совершенно одинаковая: они всѣ были въ длинныхъ, широкихъ рубахахъ изъ бумажной бѣлой или полосатой матеріи, съ длинными и широкими рукавами, и въ такихъ же шароварахъ, босые или въ туфляхъ. У

*) Настоящее описаніе касается живописнѣйшей мѣстности въ Кокчетавскомъ округѣ Акмолинской области, давно посѣщаемой публикой изъ ближайшихъ городовъ области, но мало извѣстной путешественникамъ. Уголокъ этотъ представляетъ совершенное подобіе Швейцаріи или Саксоніи.
Ред.

Digitized by Google

женщинъ на головѣ кусокъ бѣлаго холста, или намотанный въ видѣ довольно высокой повязки, или сшитый, образуя родъ чепчика, продолжающагося въ платокъ на плечахъ. У мужчинъ на головѣ тюбетейка и мѣховая шапка. У дѣтей на стриженой головѣ косичка, къ которой привязываются для украшенія серебряныя монеты. Я засталъ одну изъ киргизокъ за тканьемъ армячины (узкая полушерстяная матерія). Снасть для тканья у нея была очень проста и неудобна. Основа растянута прямо на землѣ, самый станокъ замѣняютъ воткнутыя въ видѣ козелъ въ землю три палочки вышиной аршина въ $1^1/_2$, такъ что ткущая киргизка работаетъ сидя, на корточкахъ, согнувшись втрое, подъ тѣнью стоящей сзади арбы. Другая киргизка пряла, ходя съ пряжей и веретеномъ; потомъ она легла на кровать, не прекращая своей работы—удобно, но врядъ ли споро. Мужчины гнули полозья. Около кибитокъ пасся скотъ киргизовъ и лежали привязанные жеребята, чтобы не высосали молока у своихъ матокъ. Пища киргизовъ нерѣдко состоитъ лишь изъ молока да кумысу.

Проѣхавъ еще верстъ 15, я увидѣлъ зимовку богатаго киргиза и около нея киргизскія могилы. Могилы ихъ обносятся высокими деревянными или каменными стѣнами съ балкончиками или башенками по угламъ, но безъ крышъ; могилы бѣдныхъ окружаются шестиугольнымъ, кверху суживающимся срубомъ. Зимовка богача-киргиза представляетъ, по крайней мѣрѣ, извнѣ обыкновенный домъ. Обыкновенно же зимовка состоитъ изъ крытаго двора, въ двухъ углахъ котораго находятся не то курени, не то избушки. Одна изъ нихъ четырехугольная, съ маленькимъ окошечкомъ и трубой на плоской крышѣ, болѣе напоминаетъ избушку, но она такъ мала, что въ ней, кромѣ кровати, можетъ помѣститься развѣ только два, три стула, которыхъ тутъ никогда не бываетъ впрочемъ. Здѣсь есть печка, въ которой стряпать нельзя,—это маленькій каминъ съ очень маленькимъ спереди отверстіемъ, въ которое не прошелъ бы и средней величины горшокъ, но и горшковъ здѣсь не бываетъ; печка эта служитъ лишь для нагрѣванія лачужки. Пища же приготовляется въ другой, которая построена по образцу кибитки. Она состоитъ изъ круглаго плетня или шестиугольнаго сруба, покрытаго куполообразною дерновою крышей, съ отверстіемъ наверху; издали ея не отличишь отъ лѣтней войлочной кибитки. Внутри она тоже ничѣмъ не отличается отъ послѣдней. На полу посрединѣ ея разводится костеръ, гдѣ варится пища въ котлѣ, кипятится чай и т. д. Спятъ ночью въ первой избушкѣ, тамъ же находятся новорожденные телята и барашки. Нечего говорить, что воздухъ

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

въ этихъ палаткахъ не совсѣмъ чистъ; онъ нисколько не чище воздуха скотнаго двора, внутри котораго (подъ одной кровлей съ нимъ) онѣ находятся. Близъ зимовки упомянутаго богача, который теперь гдѣ-то кочуетъ, стоятъ нѣсколько кибитокъ караульщиковъ и рабочихъ. Старшій изъ нихъ, уже совершенно сѣдой старикъ, былъ чрезвычайно живой человѣкъ, привѣтливый, словоохотливый. Онъ только-что возвратился изъ лѣсу съ ягодами, которыя они сбываютъ на пріискахъ, но и не думалъ отдыхать, а сталъ бесѣдовать съ нами, старался доставить всѣ возможныя удобства, а потомъ еще далеко бѣжалъ за нами, чтобы указать удобнѣйшую дорогу; все онъ дѣлалъ скоро, легко, весело. Не смотря на всѣ наши просьбы, онъ не хотѣлъ выпить болѣе одной чашки нашего чаю и не соглашался брать предложенные ему калачи, говоря, что у людей дорожныхъ не годится брать хлѣбъ. Это на столько необычно среди бѣдныхъ киргизовъ, что возница мой очень удивлялся: «вотъ какой совѣстливый киргизъ!» Семья его состояла изъ сына и дочери, молодыхъ людей, лица которыхъ не имѣли ничего общаго съ монгольскимъ типомъ: продолговатыя, симпатичныя, съ горбатыми носами, окаймленныя свѣтлыми волосами, ихъ физіономіи были похожи нѣсколько на лицо старика, но не такія подвижныя и веселыя. Между здѣшними киргизами очень нерѣдки лица типа европейскаго, но блондиновъ между ними мало. Описываемая мною мѣстность неизменна, изобилуетъ ключами, обросшими лѣсомъ, и называется Кизыль-агачъ, т. е. топкій лѣсъ. Здѣсь дѣйствительно трудно найдти дорогу, по которой не рисковалъ бы завязнуть съ повозкой; поэтому-то добрый старикъ и провожалъ насъ, когда мы уѣзжали. Съ бугорка, на которомъ стоитъ кибитка старика, открывается прелестный видъ. За кустарникомъ, которымъ обросъ ручей, и густымъ, старымъ березовымъ лѣсомъ видны сопки и отдѣльно торчащіе голые утесы, а позади всего этого возвышается громада горы Кокчетавъ. Отсюда она уже не кажется сплошь синею, какою мы ее видѣли изъ станицы Кокчетавской; здѣсь видны то свѣтлыя пятна ея голыхъ скалъ, то темныя пятна лѣса, все, однако, подернуто легкой голубой дымкой.

Около Кизиль-агача находятся золотые пріиски купцовъ Сурина, Губина, Суслова, Шубина и др. Я не видѣлъ прежде пріисковъ и не жилъ вблизи ихъ, а по описаніямъ привыкъ думать о нихъ, какъ о чемъ-то грандіозномъ: мнѣ представлялись шахты, громадныя ямы и подземные ходы, работы тамъ, громадныя кучи выброшенной земли, взорванныя скалы, машины, конторы, бараки, массы людей, кипучая дѣятельность...

Digitized by Google

Здѣсь моимъ глазамъ представилось множество ямокъ, глубиной отъ 1/2 до 2 аршинъ, и кучекъ желтой земли около нихъ, при видѣ которыхъ въ головѣ возникаетъ сравненіе роющагося здѣсь человѣка съ кротомъ, который постоянно выбрасываетъ подобныя кучки земли, ища себѣ въ ней пропитанія. Между ямами множество перекрещивающихся дорогъ, по которымъ возятъ землю для промыванія къ ручью. Проѣзжающему здѣсь постоянно грозитъ опасность или свалиться въ яму, или запутаться въ лабиринтѣ дорогъ; ночью тутъ почти невозможно проѣхать. Мѣстность эта, кромѣ того, прежде чѣмъ сталъ ее рыть человѣкъ, изрыта природою: рвы, буераки, горы, камни, ручьи—вотъ ея характеръ. Пріискатели при раскопкахъ обыкновенно держатся направленія ручьевъ. На возвышенностяхъ кое-гдѣ видны домики-конторы пріискателей, а около нихъ и жилища рабочихъ, преимущественно старателей. Жилища эти опять напоминаютъ кучки земли: русскіе рабочіе живутъ въ землянкахъ, киргизы въ обычныхъ своихъ кибиткахъ. Съ попутнымъ крестьяниномъ я завелъ рѣчь о заработкахъ.—«Да мало, вишь, нынче попадаетъ золота. Работа, самъ знаешь, тяжелая; извѣстно, земля-матушка; а счастье рѣдкому выпадаетъ. Въ этомъ году только одна площадь прошумѣла: вотъ тутъ одинъ мордвинъ съ семьей добылъ 40 золотниковъ въ одну недѣлю. Большею же частью, попадаетъ золотниковъ отъ 3 до 5 въ недѣлю. Иной разъ ровно идетъ изо-дня въ день, а иногда дня 2—3 и недѣлю робишь, робишь и ничего не добудешь. Ну, тогда, братецъ, самъ не свой, руки опускаются, силу совсѣмъ потеряешь, прямо хоть бросай да бѣги. А коли посчастливится, такъ вѣдь оно любопытно; такъ это душа въ тебѣ воспрянетъ, сила удвоится, прямо за двоихъ робишь и усталости не чуешь. Я вотъ съ женой да съ дочерью робилъ два мѣсяца, семью прокормилъ, а домой ничего не несемъ. Еще, слава Богу, нынче харчи недороги: хлѣбъ копѣекъ 40—60, 70, уже самый лучшій. Да и это ладно; въ Кокчетавѣ вѣдь въ эту пору и того негдѣ взять. Теперь собираемся домой уходить; надо покосить маленько, а тамъ и страда подойдетъ... Нынче у Суслова кто-то намылъ болѣе 6 золотниковъ въ одну ночку и безъ трудовъ».—Какъ такъ?—«Да изъ конторы прямо. У конторщика подъ головами была банка въ ящикѣ. Онъ ночью на четверть часа отлучился изъ избы, тутъ-то успѣли и окно вынуть, и банку съ чистымъ золотомъ добыть изъ ящика. Подозрѣваютъ одного парня изъ города Троицка. Много вѣдь тутъ всякаго народа: и изъ Сибири, и изъ Оренбургской, и Пермской губерніи; издалека приходятъ счастья искать. Иной робитъ, робитъ, все у него

Digitized by Google

будто ничего нѣтъ, такъ и уѣдетъ, а тамъ и продастъ въ Троицкѣ или еще гдѣ нибудь по 5 рублей золотникъ, а здѣсь оно 3 рубля, только у С—ва 3 рубля съ полтиной».—Почему же у него дороже?—«Да у него площадей мало, ну, народъ и неохотно идетъ. Да случается, поди, что и изъ чужихъ площадей къ нему носятъ потихоньку».

Моя телѣга, скакавшая съ камня на камень, покатилась скорѣе по гладкой дорогѣ; старатель отсталъ. Мы поднялись на открытую возвышенность, откуда показалась гора Кокчетавъ съ блестящимъ у ея подножья Чебачьимъ озеромъ. Теперь по прямой линіи до нея было очень близко, но мы должны были объѣхать нѣсколько большихъ озеръ и пріѣхать съ другой стороны къ самой горѣ, гдѣ находится Боровое. Солнце склонялось къ горизонту, и громадная гора теперь чрезвычайно красиво вырисовывалась сине-лиловымъ темнымъ пятномъ на свѣтломъ розовомъ фонѣ западнаго неба. У подошвы горы блестѣло, представляя неподражаемые переливы цвѣтовъ неба, обширное озеро, окаймленное кустарникомъ, темная полоса котораго пестрилась свѣтлыми пятнами высокихъ цвѣтовъ и разбросанныхъ повсюду блестящихъ на солнцѣ камней—то голыхъ бѣлыхъ, то покрытыхъ желтымъ и оранжевымъ мохомъ. У самой дороги, шедшей между двухъ озеръ, сначала попадались киргизы съ своими стадами; потомъ, когда берегъ превратился въ узкій перешеекъ, попался лишь рыбакъ въ челнѣ; далѣе уже былъ безплодный лугъ, покрытый высокой травой да камышами, изъ которыхъ то и дѣло вылетали гуси и утки, которыхъ стаи чернѣли вездѣ на свѣтлой поверхности озеръ. На одно стадо дикихъ гусей мы совсѣмъ почти наѣхали: тяжело, какъ бы нехотя, поднялись они передъ нами. Солнце скрылось, но воздухъ былъ тихій, теплый, хотя сыроватый, но пріятный. Среди этой очаровывающей природы, въ этомъ ласкающемъ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго утомленія отъ длинной дороги въ простой телѣгѣ, забывались даже облѣпляющіе человѣка комары и мошки. Хотѣлось забыться, хотѣлось пѣть, на умъ приходили пѣсни, рисующія природу. Я запѣлъ «Реве та стогне Дніпръ»... изъ Шевченка, выходило необычайно хорошо, передъ глазами такъ живо представлялась картина Днѣпра, какъ никогда она не представлялась мнѣ при звукахъ этой пѣсни. Далеко не всякій человѣкъ, да и одинъ и тотъ же человѣкъ не всегда бываетъ способенъ вполнѣ понять произведеніе художника, поэта, музыканта.

Мы подъѣхали къ Боровому, когда совсѣмъ стемнѣло. Селенье очень красиво было иллюминовано кострами, разведен-

*

Digitized by Google

ными на улицѣ для приготовленія ужина и для освѣщенія. Было уже на столько поздно, что я не хотѣлъ ничего предпринимать для отысканія удобнаго ночлега, а отдался въ распоряженіе своего возницы, который привезъ меня къ знакомому крестьянину. Ночевали мы въ сѣняхъ, на какой-то невозможной кровати и постели. Кровать коротка, такъ что ноги отъ колѣнъ уже свѣшивались, а постель представляла горы, долы и лѣса, наполненные всякимъ звѣремъ, который всю ночь такъ бѣгалъ и прыгалъ по моему тѣлу, что я до утра почти не могъ заснуть, не смотря на проведенный въ дорогѣ день и убаюкивающій шумъ падающей вблизи воды. Ближе, впрочемъ, былъ хлѣвъ; не совсѣмъ ароматичный воздухъ его, проникая сквозь дырявую стѣнку смежной съ нимъ нашей спальни, неособенно пріятно щекоталъ обонятельные нервы мои. Со мною на постели спалъ мой возница, а на полу самъ хозяинъ. Такова была обстановка у насъ въ сѣняхъ. Не лучше было и въ крошечной избушкѣ, биткомъ набитой женщинами и дѣтьми. Привычка ли, трудъ ли до притупленія ощущеній помогаетъ этимъ людямъ хорошо спать и не думать о лучшемъ ночлегѣ?

Утромъ, чуть разсвѣло, я отправился осматривать озера и мельницы. Два громадныхъ озера, Боровое и Чебачье, окружаютъ съ трехъ сторонъ гору Кокчетавъ. Первое озеро меньше и мельче, оно находится значительно выше втораго, съ которымъ соединяется узкимъ и короткимъ, шумнымъ протокомъ. На этомъ протокѣ, загроможденномъ большими камнями, стоятъ 5 мельницъ, каждая о двухъ камняхъ. Воды такое обиліе, что ни въ какой запрудѣ нѣтъ нужды; она отводится къ каждой мельницѣ по деревянному желобу, изъ котораго и падаетъ на колеса. Боровое озеро пустынно, такъ какъ берега его голы, а дно каменисто; въ немъ мало и рыбы. Берега его, большею частью, представляютъ громадныя каменныя плиты, какъ бы водою сюда надвинутыя и постепенно, очень полого, спускающіяся въ озеро; частью же, на сторонѣ, противоположной сопкѣ, берегъ песчаный. Мѣстами у самаго берега поднимаются нагроможденные другъ на друга, какъ бы руками сложенные, громадные камни, напоминающіе какія нибудь развалины. Въ одномъ мѣстѣ такая каменная сопка (такъ называютъ здѣсь всякое возвышеніе) стоитъ посреди воды, въ заливѣ озера.

Гораздо обширнѣе и мѣстами страшно глубоко озеро Чебачье; оно и болѣе оживленно: берега его разнообразнѣе, мѣстами поросли кустарникомъ и камышами; здѣсь много птицы и рыбы. Здѣшніе окуни и чебаки очень велики и вкусны.

Digitized by Google

Среди озера есть нѣсколько узкихъ острововъ, поросшихъ кустарниками. Дно у обоихъ озеръ каменное; вода замѣчательно чистая и прозрачная, особенно это замѣтно въ Чебачьемъ, гдѣ дно свѣтлѣе. Благодаря этой прозрачности, здѣсь не живетъ рыба, любящая грязные омута, а имѣющаяся тутъ рыба часто проходитъ въ узкихъ промежуткахъ въ сѣтяхъ, которыя она хорошо видитъ; это явленіе, какъ передавалъ мнѣ рыбакъ, можно наблюдать съ лодки. «Рыба нынче учена стала,—говорилъ онъ,—потому и ловится худо, а живетъ ее тутъ такъ же много, какъ и въ старину бывало, но тогда она ловилась легче».

Не смотря на свою пустынность, Боровое озеро представляетъ прелестную картину; оно напоминаетъ часто встрѣчающіяся олеографіи швейцарскихъ озеръ. Очень красивъ лиловатый цвѣтъ его; красива смѣсь бѣлыхъ и розоватыхъ окружающихъ его утесовъ и темнозеленыхъ лѣсовъ; за отдѣльно торчащими около него сопками идутъ возвышающіеся одинъ за другимъ хребты горъ; тоны ихъ, что дальше, становятся мягче, синѣе. На заднемъ планѣ синѣетъ Щученская сопка, вторая по высотѣ въ хребтѣ, начало котораго составляетъ Боровская сопка. У берега волны бьются о громадные плоскіе камни и манятъ васъ раздѣться на этихъ удобныхъ площадкахъ и окунуться въ чистой, какъ слеза, водѣ, что я и дѣлалъ по нѣскольку разъ въ день. Я не могу себѣ представить болѣе пріятнаго купанья: вода была теплая, чистая, такая прозрачная, что въ ней видишь свое тѣло совершенно, какъ въ воздухѣ; живописные берега, ароматный воздухъ...

Налюбовавшись озеромъ, я отправился въ поселокъ подкрѣпиться завтракомъ, чтобы потомъ идти на Синюю сопку (Кокчетау). Весь поселокъ состоитъ изъ 8 дворовъ, которыхъ хозяева одни работаютъ на мельницахъ, другіе рыбачатъ, кромѣ того, лѣтомъ, до страды (которая начинается лишь въ августѣ) собираютъ ягоды и продаютъ наѣзжающимъ сюда изъ ближнихъ городовъ чиновникамъ и купцамъ, или возятъ на пріиски. Многія барыни пріѣзжаютъ сюда спеціально съ цѣлью наварить цѣлые пуды варенья. Здѣсь много всякихъ ягодъ, но дороже и больше всего покупается малина—отъ 80 коп. до 1 рубля за ведро. За нею-то и ходятъ мужики и бабы на Синюю сопку. Хотя сопка находится и близко отъ поселка (версты 4), но за малиной надо взбираться на нее до середины и выше, а ходить по ней такъ трудно, что одинъ человѣкъ съ трудомъ набираетъ сразу болѣе полуведра. Уходя по малину съ восходомъ солнца, возвращаются обыкновенно часа въ 2; долѣе собирать ее не хватаетъ силъ. При этомъ, какъ я послѣ самъ убѣдился, страшно

Digitized by Google

страдаетъ одежда и обувь; говорятъ, достаточно сходить по малину 10 разъ, чтобы новые сапоги превратились въ руины. Все это говорило мнѣ о трудности предстоящаго пути, но мнѣ не вѣрилось, что на вершину сопки нельзя взойдти безъ проводника: она вѣдь тутъ вся передъ вами, лѣсъ не очень густой на ней, много открытыхъ мѣстъ, гдѣ можно всегда оріентироваться. За чѣмъ же, думалъ я (не ходившій никогда въ горахъ), проводникъ? Мнѣ понятно его значеніе лишь въ ледникахъ или непроходимыхъ лѣсахъ.

Наконецъ, я отправился самъ. Идти надо было все лѣсомъ, близь озера Бороваго, по проторенной дорожкѣ. Путь удобный; лишь кое-гдѣ приходится карабкаться черезъ пересѣкающіе дорогу невысокіе хребты; но и тутъ женщины обыкновенно спускаются къ озеру, надъ которымъ виситъ край хребта, и обходятъ его по водѣ.

Всѣ горы тутъ состоятъ изъ громадныхъ бѣлыхъ и сѣрыхъ камней; въ щеляхъ между послѣдними вездѣ ростетъ или мелкій березникъ, тальникъ и малинникъ, или большія сосны и ниже березы. Очень оригинальны двѣ сопки, имѣющія форму сахарной головы; одна изъ нихъ, совсѣмъ круглая, такъ и называется обывателями «Сахарной головой»; другая же имѣетъ видъ сплюснутаго конуса, такъ что съ двухъ сторонъ она тоже представляетъ сахарную голову, съ двухъ же другихъ расширена; она носитъ киргизское названье «Ок-джутпесъ», т. е. пуля не долетитъ. Бока этихъ конусовъ то совершенно гладки на нѣсколько саженъ, то идутъ уступами. Вездѣ, гдѣ можно, даже, гдѣ, повидимому, невозможно, на нихъ прилѣпились сосенки. Все это такъ похоже на произведеніе рукъ какихъ-то великановъ: правильная форма сопокъ; правильно сложенные, какъ бы обтесанные камни; деревья, расположенныя правильными рядами; положенные кое-гдѣ на уступахъ камни причудливой формы: одни какъ будто привѣшенные къ гладкому боку скалы, другіе прикрѣпленные на самой вершинѣ, чтобы служить вѣнцомъ постройки. Одна почти цилиндрическая сопка, стоящая надъ озеромъ, увѣнчана камнемъ, издали напоминающимъ бѣлую корову; она и называется Коровой. Вблизи ея другая, окруженная водою, имѣетъ видъ птичьей головы съ клювомъ. Все это разнообразіе дѣлаетъ путь веселымъ, и не замѣтишь, какъ подойдешь къ Синей сопкѣ. Во время пути ея верхушка только иногда выглядываетъ изъ-за ближайшихъ горъ и лѣса; подъ конецъ она скрывается за боромъ. Но вотъ боръ кончился сразу, стѣною; открылась большая поляна, покрытая высокой травой, пріятно поражающая глаза послѣ бѣдной почвы въ бору; этотъ-то коверъ-поляна и служитъ

Digitized by Google

подножьемъ Синей сопки. Здѣсь она вся передъ вами, какъ на ладони. Соберись съ силами и трогайся помаленьку. Путь, повидимому, тяжелый, крутой, но безъ препятствій; только самая вершина представляетъ гребень, нависшій надъ вами, но на противоположной сторонѣ и наклонъ обратный; снизу этотъ гребень кажется не выше человѣческаго роста. Такъ соображалъ я, намѣреваясь идти по ребру сопки, чтобы потомъ перейдти на противоположную сторону. Скоро явились препятствія, которыхъ раньше я не замѣтилъ. Кромѣ разсыпанныхъ громадныхъ камней, очевидно, оторвавшихся отъ горы, всюду валялись сухія сосны, черезъ которыя то и дѣло нужно было перелѣзать, цѣпляясь за ихъ вѣтви, торчащія во всѣхъ направленіяхъ. Хорошо проходить по бору, когда онъ стоитъ, но совсѣмъ не то, когда онъ лежитъ. Чѣмъ дальше я поднимался, тѣмъ этого валежника было больше. Однако я упорно стремился къ цѣли, понемногу отдыхая и оглядываясь вокругъ. Такъ какъ я шелъ по ребру сопки, то мнѣ видны были окрестности ея съ обѣихъ сторонъ. Съ одной—озеро Боровое, съ разбросанными вокругъ сопками и боромъ, съ другой—озеро Чебачье, съ красными островками, а за нимъ степная даль. Я взобрался на довольно большую горизонтальную площадку и остановился отдохнуть и еще разъ осмотрѣться въ обѣ стороны, чтобы потомъ уже идти по сѣверному склону, обращенному къ озеру Чебачьему. Оба склона горы круты, но южный болѣе обнаженъ; а на сѣверномъ—старый, мѣстами густой боръ; съ юга внизу порядочная равнина, о которой я уже упоминалъ; сѣверный же склонъ круто спускается въ озеро, волны котораго прямо лижутъ гору. Верхній гребень горы представляютъ громаднѣйшіе, казавшіеся снизу небольшими, плоскіе камни, стоящіе на ребрѣ, нѣсколько склоняясь къ югу, такъ что, стоя здѣсь на площадкѣ, я былъ подъ ихъ навѣсомъ. Я пошелъ по сѣверной сторонѣ. Путь былъ уже нѣсколько иной. Здѣсь были лишь гладкіе камни, по плоской, большей частью, наклонной поверхности которыхъ нужно было идти съ большой осторожностью, чтобы не скатиться. Иногда приходилось ползти на четверенькахъ, да прыгать черезъ узкіе промежутки между этими камнями, или спускаться въ эти промежутки, гдѣ они шире, и карабкаться съ одного камня на другой. Здѣшнія растенія, кусты березъ и тала, иногда помогали карабкаться, но зато лежащіе трупы сосенъ ужасно мѣшали, а подгнившіе пни вѣроломно надували. Думаешь удержаться за него, а онъ отъ одного прикосновенія валится—дивишься лишь, какъ онъ до сихъ поръ оставался цѣлъ. Нечего и говорить, что безъ царапинъ и ссадинъ дѣло не обошлось, немало пострадала и одежда моя.

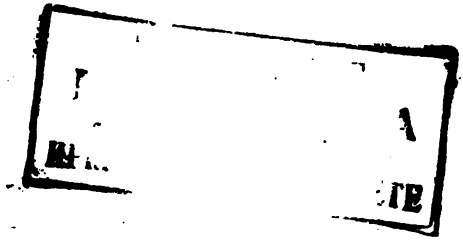
Digitized by Google

Наконецъ, я добрался до самыхъ верхнихъ камней. Они были совершенно гладки, почти отвѣсны, и вдобавокъ на нихъ вездѣ сочилась вода. Взбираться по этимъ наклоннымъ, скользкимъ плоскостямъ нѣтъ возможности; можно только кое-какъ лѣзть между ними по узкимъ трещинамъ, но послѣднія обыкновенно пересѣкаются отвѣсной стѣной, за которой опять продолжается та же плоскость; надо возвращаться и искать болѣе длиннаго прохода, но какъ знать, что и самый длинный изъ нихъ приведетъ къ иному концу. Тутъ я вспомнилъ о проводникѣ, понялъ, почему онъ нуженъ: онъ знаетъ ту трещину, которая выведетъ на самую вершину горы.

Какъ я потомъ узналъ, и здѣсь я уже достигъ почти тѣхъ же впечатлѣній, которыя получаются на недостигнутой мною въ этотъ день вершинѣ. Такъ же захватываетъ духъ, когда смотришь внизъ, куда часто рискуешь сорваться или быть увлеченнымъ сорвавшимся вдругъ камнемъ. Вѣдь падаютъ же они. Отчего же одинъ изъ нихъ не можетъ упасть именно тогда, когда я карабкаюсь тутъ или даже отдыхаю, или лѣзъ подъ камнемъ соблазнительную малину? Вотъ эти мысли, страшная высота и нѣсколько разрѣженный воздухъ какъ бы сжимаютъ и щекочутъ грудь. Ощущеніе похоже на то, которое получается, когда качаешься на очень высокихъ качеляхъ. Нѣкоторые его любятъ, у другихъ при этомъ голова кружится и дѣлается дурно. Видъ отсюда не былъ очень красивъ. На все смотришь сверху, какъ будто видишь не картину, а планъ; даль же была подернута голубоватымъ паромъ. Кругомъ—большія и малыя сопки; въ углубленіяхъ между ними вездѣ озера, которыхъ я насчиталъ около 15; въ ясную же погоду, говорятъ, ихъ можно видѣть до 70. Въ томъ числѣ будто бы видно озеро Копы, лежащее за 80 верстъ отсюда у станицы Кокчетавской.

Лѣсъ здѣсь во многихъ мѣстахъ выгорѣлъ года четыре назадъ; мѣстами же стоятъ старыя высокія сосны; береза ростетъ только въ видѣ кустарника; есть тутъ талъ, много малины, костеники, земляники. Вотъ и вся флора, если не считать мховъ и подобныхъ имъ травокъ. Впрочемъ, изъ деревьевъ и внизу, кромѣ сосны и березы, ничего нѣтъ. Изъ животныхъ мнѣ попалась лишь ящерица; а межъ деревьевъ вездѣ разставлены тенета пауковъ, въ которыхъ обыкновенно висятъ большіе шарообразные хозяева этихъ сѣтей; послѣднія то и дѣло опутываютъ вашу голову. Въ воздухѣ было тихо, лишь иногда доносились всплески озера о каменную подошву сопки, да рѣзкій крикъ лебедя. Бываютъ здѣсь зайцы, заходятъ или недавно заходили медвѣди и маралы. Послѣднихъ давно здѣсь не встрѣчаютъ, но иногда находятъ ихъ рога.

Digitized by Google

Digitized by Google

На
сов
вел
кий
лѣв
ног
про
бол
ныя
о г
тре

же
въ
смо
увы
они
тог
под
стр
сжи
пол
Нѣк
и д
все
дал
шія
кот
ихъ
Коп

наза
рост
мали
счит
рева
жив
везд
вися
то и
лиш
сопк
дять
дав

Digitized by Google

Еще надняхъ одинъ кокчетавецъ нашелъ у самой вершины горы, межъ камней, большой, о 6-ти вѣтвяхъ, свѣжій еще рогъ марала. Уже года 3 не встрѣчаютъ и медвѣдя. По всей вѣроятности, эти звѣри, какъ и нѣкоторые другіе, удалились глубже въ лѣса, куда не заходитъ человѣкъ.

Спустился съ горы и гораздо скорѣе, чѣмъ поднялся на нее, не потому, чтобы идти внизъ было удобнѣе, но просто легче и скорѣе спускаться и иногда спрыгивать съ камней, чѣмъ карабкаться на нихъ. Подъ конецъ я шелъ по ложбинѣ, гдѣ весной и во время дождей бѣжитъ, вѣроятно, порядочный ручей.

Здѣсь прелестная, сочная, зеленая, высокая трава; у камней, разбросанныхъ тутъ, ростетъ красивый папоротникъ, крупная костеника и необыкновенно вкусная малина. Камни часто имѣютъ правильную форму: они напоминаютъ то престолъ, то аналой церковный, то громаднѣйшій грибъ, то цѣлый восточный домъ съ плоской крышей, на которой не только могъ бы молиться правовѣрный, но смѣло могли бы нѣсколько паръ молодыхъ людей танцовать какой нибудь кадриль. Къ счастью, еще нескоро, а можетъ быть, и никогда эти скалы не услышатъ звуковъ кадрилей и тому подобнаго... Что за прелестные есть тутъ уголки! Что за воздухъ! какія краски! Въ этомъ влажномъ мѣстѣ, у накаленныхъ полуденнымъ солнцемъ камней растительность свѣжа и роскошна; перезрѣлыя ягоды малины какъ бы умоляютъ васъ снять ихъ съ вѣточекъ, чтобы онѣ не попадали и не посохли въ травѣ. Все такъ и манитъ васъ утомленнаго отдохнуть здѣсь у камня. Не смотря на то, что послѣдній, какъ раскаленная печь, дышалъ на меня горячимъ воздухомъ, мнѣ ужасно пріятно было сидѣть здѣсь и переноситься воображеніемъ къ богатымъ тропическимъ странамъ. Жаль только, что, являясь сюда, приходится вытѣснять кого нибудь и тѣмъ измѣнять первобытный видъ мѣста. И въ этотъ разъ у меня изъ-подъ ногъ выскочилъ зайчикъ. Вѣроятно, дремалъ или смаковалъ ягоды, не ожидая въ такомъ уютномъ уголкѣ существа изъ враждебнаго лагеря. Счастливы мы, что есть еще на землѣ много такихъ уголковъ, гдѣ человѣкъ можетъ вполнѣ отдохнуть, набраться силъ, чтобы потомъ съ новой энергіей жить и творить, стремясь уподобиться Тому, по образу и подобію Котораго онъ созданъ!

Сочныя ягоды, конечно, не мѣшаютъ здѣсь; напротивъ, утоляя нѣсколько жажду и голодъ, онѣ успокоиваютъ желудокъ, который противъ вашей воли гонитъ васъ изъ этой тихой пристани. Сидя тутъ, я услышалъ какой-то громкій,

Digitized by Google

раскатистый трескъ, заставившій меня вздрогнуть и оглянуться кругомъ; ничего не было видно,—вѣроятно, гдѣ-то покатился камень. Сойдя съ годы, я чувствовалъ физическую усталость и страшную жажду, но на душѣ было хорошо.

Вечеромъ этого дня я познакомился съ пріѣзжей публикой. Здѣсь была семья купца изъ Петропавловска, пріѣхавшая на кумысъ; судья со штатомъ и уѣздный начальникъ, пріѣхавшіе по дѣлу, а ихъ супруги варенье варить; пріискатель С. съ дамами и бывшій политическій ссыльный Т. съ двумя спутницами. Трое послѣднихъ собирались назавтра идти на сопку Кокчетавъ, для чего подыскивали уже проводника-женщину. Я испросилъ себѣ позволеніе примкнуть къ ихъ компаніи. Прекрасный вечеръ, при пріятныхъ разговорахъ, при иллюминаціи луны и костровъ, у которыхъ всѣ дамы варили варенье, дополнилъ вереницу пріятнѣйшихъ впечатлѣній этого дня. Финаломъ былъ сладкій сонъ въ просторныхъ, новыхъ, пустыхъ баракахъ, построенныхъ пріискателемъ С., въ которыхъ поселилась вся пріѣзжая публика.

На другой день, рано напившись чаю, мы тронулись въ путь. Сначала шли тою же дорогой, гдѣ я шелъ вчера, но, дойдя до сопки, не стали подниматься тотчасъ, а прошли у подошвы ея до средины по ея длинѣ. Поднимались, такъ же карабкаясь по камнямъ, цѣпляясь за сучья валежника, обрываясь и царапаясь. Особенно, конечно, страдали дамы, слабыя силами и въ неудобныхъ костюмахъ. Женщина-проводникъ очень удивлялась имъ, когда у нихъ почти доходило до слезъ.—«И чего ради вы, барыни, такъ мучитесь?»—недоумѣвала она. Она довела насъ почти до вершины, до крытаго ущелья между камней, въ которомъ съ трудомъ можно было проползти. Здѣсь женщины остановились; а мы съ Т. пролѣзли черезъ щель и очутились передъ отвѣснымъ гребнемъ. Ухватившись за верхній край его руками и притянувшись, мы взобрались, какъ на коня, на самую сопку и усѣлись на ней верхомъ. Ничего новаго послѣ вчерашняго я здѣсь не увидѣлъ. Горизонтъ, конечно, нѣсколько шире, но обиліе паровъ въ воздухѣ мѣшало это видѣть ясно, нѣсколько сильнѣе было и ощущеніе стѣсненной груди. Барыни, увидѣвъ насъ на самомъ гребнѣ, пришли въ ужасъ и подняли крикъ, умоляя насъ спуститься; это удержало насъ отъ попытки встать тамъ на ноги.

Для дамъ и спускаться было чрезвычайно трудно. Онѣ чувствовали страшное утомленіе и жажду. Т. поскорѣе спустился къ холодному, какъ ледъ, ключу, бѣгущему изъ горы, чтобы тамъ напиться и искупаться. Дамы едва дошли до

Digitized by Google

озера, тоже бросились въ него; не смотря на то, что дно въ томъ мѣстѣ было грязно и вода сильно мутилась, они много пили и купались. Дѣйствительно, послѣ такого путешествія самая пріятная вещь — вода. Путешествіе наше продолжалось часовъ восемь.

Вечеромъ небо покрылось облаками, которыя сопка какъ бы притягивала къ себѣ: они особенно густы были около нея, то кружась надъ самой вершиной и образуя какъ будто выходящій изъ нея дымъ, то спускаясь ниже вершины. «Сопка курится»,—говорятъ жители,—«быть ненастью». Окутанная облаками гора была очень красива. Кто часто смотритъ на небо, тотъ знаетъ, что оно представляетъ восхитительныя картины, разнообразіе которыхъ доходитъ до того, что часто и вѣрную копію съ неба считаютъ утрировкой или выдумкой. Такъ вотъ представьте, что небо вздумало украшать собою живописный клочекъ земли, и вы поймете мой восторгъ отъ представлявшихся мнѣ картинъ. На слѣдующій день было дѣйствительно ненастье. Значительная часть сопки была закрыта облаками, когда я уѣзжалъ. Жаль было покидать это мѣсто. Очень жалкими показались мнѣ довольно красивыя окрестности Кокчетавской станицы, послѣ того, что я видѣлъ въ Боровомъ.

Р.

Digitized by Google

СЛУХИ И ВѢСТИ О СИБИРИ ДО ЕРМАКА [1]).

Не смотря на то, что сѣверо-западная Азія посѣщалась русскими съ древнѣйшихъ временъ, однако до времени покоренія Сибирскаго царства русскіе люди не обладали положительными свѣдѣніями объ этой странѣ. Безъ сомнѣнія, находились немногія отдѣльныя лица, знавшія до извѣстной степени Зауральскій край, но ихъ географическія и этнографическія свѣдѣнія объ этой странѣ оставались ихъ личнымъ умственнымъ достояніемъ и не входили въ общее сознаніе. Для массы русскихъ людей сѣверо-западная Азія до эпохи Ермака была вполнѣ terra incognita, преисполненная разныхъ ужасовъ и невѣроятныхъ вещей.

Къ XI-ому столѣтію пріурочивается слѣдующее, занесенное въ русскую лѣтопись, преданіе о полунощныхъ народахъ, обитавшихъ въ землѣ Югорской и другихъ мѣстахъ сѣверной Азіи. Народы эти,—объяснялъ авторъ лѣтописнаго извѣстія новгородскому торговцу Гюрятѣ, который, какъ видно, вполнѣ вѣрилъ повѣствователю, хотя самъ же, какъ извѣстно изъ лѣтописи, посылалъ своего отрока (приказчика съ товарами) въ Югорскую землю и, слѣдовательно, могъ слышать разсказы о дѣйствительномъ положеніи обитателей сѣвера Азіи,—народы эти были «заклепаны» въ горахъ Александромъ Македонскимъ. Александръ пришелъ на востокъ къ морю и изумился, узнавъ, какую поганую жизнь вели полунощные обитатели. Они ѣли всякую гадость, нечистыхъ животныхъ, мертвецовъ. Александръ боялся, чтобы они своей нечистотой не осквернили землю, и сталъ просить Бога избавить міръ отъ осквернения этими нечистыми людьми. Богъ, внимая молитвѣ Александра, повелѣлъ

---

[1]) Эта статья представляетъ извлеченіе изъ кандидатской диссертаціи автора: «Сношенія русскихъ съ обитателями сѣверо-западной Азіи до эпохи Ермака».

Digitized by Google

горамъ сомкнуться вокругъ поганыхъ племенъ. Только въ одномъ мѣстѣ горы не сомкнулись на разстояніи нѣсколькихъ локтей. Однако, за то въ этомъ пунктѣ появились мѣдные ворота. Эти ворота были освящены, такъ что ихъ не беретъ ни огонь, ни желѣзо, хотя запертые народы стараются разломать ихъ и выйдти изъ горъ. Но въ послѣднія времена міра,—прибавляетъ лѣтописатель,—и эти народы выйдутъ изъ мѣста своего заключенія [1]).

Въ основѣ это преданіе—не русскаго происхожденія. Однако, были какія-то основанія пріурочивать этотъ баснословный разсказъ къ обитателямъ сѣверо-запада Азіи. Можетъ быть, поводъ къ этому дала суровая природа сѣвернаго Урала, тогда совсѣмъ неизвѣстнаго, и дикіе самоѣды, а въ особенности югричи, которые славились своимъ коварствомъ и жестокостью по отношенію къ русскимъ, приходившимъ въ ихъ землю.

Далѣе, въ XII-мъ столѣтіи, автору одной лѣтописи передавали въ Ладогѣ также удивительные разсказы о полунощной странѣ, находящейся гдѣ-то далеко за землями Югорской и Самоѣдской, на сѣверѣ Азіи. Разсказчики увѣряли, что передаваемое ими слышано отъ самихъ очевидцевъ, бывшихъ въ этой странѣ. Вотъ какія чудесныя явленія происходили на сѣверѣ Азіи: на землю опускалось облако, а изъ него появлялись маленькія бѣлки, какъ будто только-что родившіяся, которыя быстро выростали и убѣгали. Затѣмъ, другія облака также опускались на землю, изъ нихъ выходили оленята, которые, подобно бѣлкамъ, также быстро выростали и разбѣгались въ разныя стороны [2]).

Въ болѣе позднихъ извѣстіяхъ русскихъ лѣтописей начинаютъ встрѣчаться названія нѣкоторыхъ рѣкъ и мѣстъ сѣверо-западной Азіи, впрочемъ, безъ точнаго географическаго обозначенія. Такъ въ извѣстіи о походѣ новгородцевъ въ Югорскую землю въ 1364 году упоминается область Югра и главная рѣка этой страны Обь [3]). Затѣмъ, въ лѣтописной замѣткѣ о смерти хана Тохтамыша подъ 1406 годомъ въ первый разъ приводятся названія земли Сибирской и Тюмени [4]). Нѣсколько болѣе географическихъ свѣдѣній находится въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ московской рати за Уралъ въ 1483 году. Тутъ упоминается рѣка Пелымъ, на берегахъ которой русскими разбиты были вогулы. Затѣмъ, передаются

[1]) Лѣтопись по Никоновскому списку, Спб., 1768, ч. II, подъ 1096 годомъ, стр. 15 и слѣд.
[2]) П. С. Р. Л., т. II, Ипатьевская лѣтопись, подъ 6622 годомъ.
[3]) П. С. Р. Л., т. IV, Новгородская лѣтопись четвертая, подъ 6872 годомъ.
[4]) Архангелогородскій лѣтописецъ, М., 1819 г., стр. 126.

Digitized by Google

кое-какія свѣдѣнія о пути, по которому шла рать московская въ Югорскую землю. А именно, съ устья рѣки Пелыма (по лѣтописи, Пелыни) воеводы великаго князя шли внизъ по рѣкѣ Тавдѣ мимо тюменскихъ татаръ въ Сибирскую землю. Далѣе, отъ Сибири (можетъ быть, города), они продолжали путь внизъ по рѣкѣ Иртышу и, наконецъ, пришли на великую рѣку Обь, въ Югорскую землю [1]).

Извѣстія о смерти Тохтамыша въ 1406 году и о походахъ русскихъ за Уральскія горы въ Югорскую землю въ 1364 и 1483 годахъ, во всякомъ случаѣ, были отмѣчены лѣтописцами вскорѣ послѣ этихъ событій. Такимъ образомъ, если въ письменныхъ извѣстіяхъ упоминаются названія рѣкъ и странъ сѣверо-западной Азіи, это, какъ кажется, уже значитъ, что нѣкоторыя географическія свѣдѣнія объ этихъ мѣстахъ сдѣлались общимъ умственнымъ достояніемъ, по крайней мѣрѣ, были извѣстны массѣ лицъ. Поэтому можно сказать, что во второй половинѣ XIV вѣка и первой половинѣ XV русскіе не лишены были хотя небольшихъ положительныхъ свѣдѣній о рѣкахъ и странахъ сѣверо-западной Азіи, а во второй половинѣ XV вѣка, кромѣ того, знали довольно хорошо путь, по которому можно было перейдти изъ древней Россіи за Уральскія горы въ земли Сибирскую и Югорскую. Замѣтимъ, однако, что эти немногія положительныя свѣдѣнія о сѣверо-западной Азіи нисколько не мѣшали распространенію на Руси баснословныхъ разсказовъ объ этой странѣ, какъ увидимъ это ниже.

Когда русскимъ къ концу XV столѣтія посредствомъ походовъ за Уральскія горы и отчасти торговыхъ сношеній съ обитателями сѣверо-западной Азіи удалось пріобрѣсть кое-какія положительныя свѣдѣнія объ этой части Азіи,—дѣятельные западноевропейцы хотѣли воспользоваться этимъ умственнымъ пріобрѣтеніемъ русскихъ и, при содѣйствіи московскаго правительства, проникнуть на сѣверъ Азіи для дальнѣйшаго изслѣдованія неизвѣстныхъ странъ. Это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ 1492 году пріѣхалъ въ Москву нѣмецъ Михаилъ Снупсъ съ письмомъ къ великому князю Іоанну III Васильевичу отъ германскаго императора Максимиліана — съ цѣлью подробнаго ознакомленія съ Русской землей. Снупсъ, между прочимъ, также желалъ ѣхать въ страны полунощныя и на востокъ къ берегамъ Оби. Однако, этому предпріимчивому человѣку никакъ не удалось отправиться въ страны сѣверо-западной Азіи. Великій князь не позволилъ ему ѣхать дальше Москвы. Проживъ безплодно

[1]) Ibidem, стр. 189.

Digitized by Google

нѣсколько мѣсяцевъ въ русской столицѣ, Снупсъ уѣхалъ назадъ на свою родину. Великій князь въ письмѣ, данномъ Снупсу для передачи императору Максимиліану, говорилъ, между прочимъ: «Изъ дружбы къ вамъ мы ласково приняли вашего человѣка, но не пустили его въ страны отдаленныя, гдѣ течетъ рѣка Обь, за неудобностію пути: ибо самые люди наши, ѣздящіе туда для собиранія дани, подвергаются немалымъ трудамъ и бѣдствіямъ» [1]). Трудно согласиться съ мнѣніемъ незабвеннаго историка Карамзина, который предполагаетъ, что великій князь не позволилъ Снупсу ѣхать дальше, будто бы опасаясь его, какъ шпіона. Напротивъ, какъ кажется, можно вполнѣ довѣрять словамъ письма великаго князя. По всей вѣроятности, въ распространеніи слуховъ о новооткрытыхъ странахъ русскими на сѣверѣ Азіи большое значеніе имѣлъ походъ въ эту часть Азіи, совершенный воеводами великаго князя въ 1483 году. Однако, не смотря на этотъ походъ за Уралъ въ 1483 году и другіе походы до этого времени, русскіе, всетаки, обладали далеко не полными свѣдѣніями о путяхъ изъ предѣловъ древней Россіи въ сѣверо-западную Азію. Кромѣ того, жители земли Югорской извѣстны были своимъ вѣроломствомъ и упорнымъ нежеланіемъ подчиняться господству русскихъ. Все это, вмѣстѣ взятое, могло дѣйствительно возбудить у великаго князя Ивана Васильевича большія опасенія, какъ бы человѣкъ императора германскаго не погибъ среди невзгодъ далекаго пути и среди враждебно настроеннаго населенія Зауральскихъ земель. Вотъ, какъ кажется, главный мотивъ, почему Снупсъ не былъ отпущенъ великимъ княземъ изъ Москвы за Уралъ. Дѣйствительно, сами русскіе еще не были полными хозяевами въ Зауральской сторонѣ и располагали слишкомъ неточными географическими и прочими свѣдѣніями объ этомъ краѣ. Не безъ причины въ 1499 году русскими былъ предпринятъ большой походъ на вогуловъ и въ Югру: русскіе сами еще должны были побольше ознакомиться съ землями Югорской и Вогульской и окончательно подчинить себѣ обитателей этихъ странъ.

Однако, походъ московской рати въ Югорскую землю въ 1499 году немного прибавилъ къ имѣвшимся уже кое-какимъ свѣдѣніямъ о сѣверо-западной Азіи. Въ донесеніи объ этомъ походѣ въ первый разъ упоминается югорскій городокъ Ляпинъ. Тутъ также въ первый разъ говорится объ обдорянахъ, т. е. жителяхъ Обдора, тоже, вѣроятно, югорскаго городка при

[1]) Исторія государства Россійскаго, Н. М. Карамзина. Изданіе Эйнерлинга, Спб., 1842 г., т. VI, стр. 141.

Digitized by Google

устьѣ рѣки Оби. Кромѣ этихъ немногихъ указаній, никакихъ другихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о Зауральскомъ краѣ въ извѣстіяхъ объ югорскомъ походѣ 1499 года не встрѣчается [1]).

Когда во второй половинѣ XVI столѣтія у московскаго правительства возникли, сравнительно съ прежнимъ временемъ, довольно частыя посольскія сношенія съ татарскими владѣтелями въ Сибири, для русскихъ представлялась большая возможность получать разныя свѣдѣнія о Зауральскихъ земляхъ и тамошнихъ народахъ. Однако, ни изъ какихъ письменныхъ указаній не видно, чтобы русскіе обогатились географическими и этнографическими свѣдѣніями о сѣверо-западной Азіи во второй половинѣ XVI столѣтія. Только и можно сказать, что въ это время русскіе дѣйствительно знали довольно хорошо дорогу въ Сибирскую землю и въ главный ея городъ Сибирь (иначе, потатарски, Исиеръ).

Замѣтимъ вообще, что всѣ до эпохи Ермака полученныя русскими свѣдѣнія о земляхъ и народахъ сѣверо-запада Азіи носятъ характеръ отрывочности, случайности и, во многихъ отношеніяхъ, преувеличенія и даже баснословности. Люди, побывавшіе въ то время за Уральскими горами, не довольствовались однимъ простымъ описаніемъ видѣннаго ими, но, въ большинствѣ случаевъ, склонны были, по разнымъ мотивамъ, къ преувеличеніямъ въ своихъ разсказахъ или вообще къ невѣрной передачѣ свѣдѣній. Одни, какъ, напримѣръ, люди торговые, старались насказать побольше разныхъ ужасовъ о Зауральскихъ земляхъ, чтобы устранить другихъ отъ торговли и промысла пушнымъ товаромъ и чтобы всецѣло оставить за собой выгоды отъ этихъ промышленныхъ предпріятій. Другіе, какъ, напримѣръ, люди воинскіе, любили похвастать тѣмъ, что имъ приходилось во время походовъ въ сѣверо-западную Азію совершать невѣроятные подвиги въ борьбѣ съ тамошнею суровою природою и дикими обитателями, причемъ какъ природу, такъ и обитателей этой части Азіи они старались надѣлять разными чудовищными аттрибутами. Третіе, по разнымъ случаямъ побывавшіе за Ураломъ и не обладавшіе способностію критически относиться къ разнымъ слухамъ и понимать видѣнное ими, также передавали многое въ извращенномъ видѣ.

Мы не приводимъ здѣсь разныхъ баснословныхъ разсказовъ о сѣверо-западной Азіи, относящихся къ XVI столѣтію и сохранившихся въ сочиненіяхъ о Россіи нѣкоторыхъ западно-

[1]) Извѣстія о походѣ 1499 года находятся: 1) въ разрядномъ росписаніи о снаряженіи этого похода; 2) въ степенныхъ книгахъ; 3) въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ, М., 1819, стр. 205; 4) въ «Запискахъ о Московіи» барона Герберштейна, перев. И. Анонимова, Спб., 1866, стр. 127—128 и стр. 120.

Digitized by Google

европейскихъ писателей того же столѣтія, хотя эти разсказы, въ своей основѣ, принадлежатъ также русскимъ; это будетъ предметомъ особой статьи. Теперь же приводимъ одинъ разсказъ о Зауральской сторонѣ, сохранившійся въ одномъ старинномъ сборникѣ и рисующій намъ довольно хорошо, какіе невѣроятные слухи о сѣверной Азіи и ея обитателяхъ, рядомъ съ немногими положительными свѣдѣніями о Зауральской сторонѣ, ходили между русскими еще въ XVI столѣтіи.

«На восточной странѣ, за Югорской землей, — разсказывается въ сборникѣ, — живутъ люди самоѣдь зовомы, монгонзѣи. А ядь ихъ мясо оленіе да рыба, да межи собою другъ друга ѣдятъ. А гость къ нимъ откуды пріидетъ, и они дѣти свои закалаютъ на гостей, да тѣмъ кормятъ. А который гость у нихъ умретъ, и они того снѣдаютъ, а въ землю не хоронятъ, а своихъ такоже. Сіи же люди не велики возрастомъ, плосковиды, носы малы, но рѣзвы вельми, и стрѣльцы скоры и горазды, а ѣздятъ на оленяхъ и на собакахъ, а платіе носятъ соболіе и оленіе, а товаръ ихъ соболи. Въ той же странѣ иная самоѣдь такова же. Линная словетъ. Лѣтѣ мѣсяць живутъ въ мори, а на сусѣ не живутъ того ради, занеже тѣло на нихъ трескается, и они тотъ мѣсяць въ водѣ лежатъ, а на берегъ не смѣютъ выѣзти. Въ той же странѣ есть иная самоѣдь. Вверху рты на темени, а не говорятъ. А образъ въ пошлину человѣчь. А коли ѣдятъ, и они крошатъ мясо или рыбу, да кладутъ подъ колпакъ, или подъ шапку. И какъ почнутъ ясти, и они плечима движютъ вверхъ и внизъ. Въ той же странѣ есть иная самоѣдь, якоже и прочіи человѣцы. По зими умираютъ на два мѣсяца. Умираютъ же тако: какъ гдѣ котораго застанетъ въ тѣ мѣсяцы, тотъ ту и сядетъ. А у него изъ носу вода изойдетъ, какъ отъ потока, да примерзнетъ къ землѣ. И кто, человѣкъ иныя земли, невидѣніемъ потокъ той отразитъ у него и сопхнетъ съ мѣста, и онъ умретъ, то уже не оживетъ; а не сопхнетъ съ мѣста, то и оживетъ и познаетъ и речетъ ему: «о чемъ мя еси, друже, поуродовалъ?» А иные оживаютъ, какъ солнце на лѣто вернется. Тако на всякій годъ оживаютъ и умираютъ. Въ той же странѣ вверху Оби рѣки великія есть земля, Баидъ именуется. Лѣса на ней нѣтъ. А люди какъ и прочіе человѣцы. Живутъ въ земли, а ѣдятъ мясо соболіе. А иного у нихъ звѣря никакого нѣтъ, опрочѣ соболи. А носятъ платіе все соболіе, и рукиводы, и ногавицы. А иного платія у нихъ нѣтъ, ни товару никотораго. А соболи у нихъ черны вельми и велики. Шерсть живаго соболи по земли ся волочитъ. Въ той же странѣ иная самоѣдь. По обычаю человѣцы, но безъ главъ. Рты у нихъ промежи плечми,

Digitized by Google

а очи въ грудѣхъ. А ядь ихъ головы оленіи сырыя. А коли имъ ясти, и они головы оленіи возметываютъ себѣ въ ротъ на плечи, а на другой день кости измещутъ изъ себя туда же. А не говорятъ. А стрѣльба же ихъ трубка желѣзна въ руцѣ, а въ другой руцѣ стрѣлка желѣзна, да стрѣлку ту вкладываетъ въ трубку, да бьютъ молоткомъ въ стрѣлку. А товару у нихъ никотораго нѣтъ. Вверхъ тоя же рѣки великія Оби есть люди, ходятъ по-подъ землею иною рѣкою день да нощь съ огни, и выходятъ на озеро, и надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ пречуденъ, и градъ великъ; а посаду нѣтъ у него. И кто поѣдетъ къ граду тому, и тогда слышати шумъ великъ въ градѣ томъ, какъ и въ прочихъ градѣхъ. Въ восточнѣй же странѣ есть иная самоѣдь каменская, облежитъ около Югорскія земли. А живутъ по горамъ высокимъ, а ѣздятъ на оленяхъ и на собакахъ, а платіе носятъ соболіе и оленіе, а ѣдятъ мясо оленіе, да и собачину, и бобровину сыру ѣдятъ, а кровь пьютъ человѣчью и всякую. Да есть у нихъ лѣкари. У котораго человѣка внутри нездорово, и они брюхо рѣжутъ, да нутръ вынимаютъ и очищаютъ и паки заживляютъ. Да въ той же самоѣди видили, скажютъ, самоѣдь же старые люди съ горы подлѣ моря, мертвыхъ своихъ идуть плачущи множество ихъ. А за ними идетъ великъ человѣкъ, погоняя ихъ палицею желѣзною»[1]).

Это фантастическое описаніе, трактующее о такъ называемой «самоѣди», очевидно, имѣетъ въ виду, во-первыхъ, сѣверные предѣлы земли Югорской, на что̀ можетъ указывать упоминаемое тутъ названіе народа «каменская самоѣдь». Здѣсь идетъ рѣчь о самоѣдахъ, жившихъ при Обской губѣ и по склонамъ сѣвернаго Урала, который въ древнее время назывался просто Камнемъ, отчего и самоѣды, тутъ обитавшіе, могли называться «каменскими». Затѣмъ, находящееся въ приведенномъ отрывкѣ названіе «монгонзѣи и самоѣдь» относится, какъ можно догадываться, къ народу, обитавшему по р. Тазу. Самоѣды, занимавшіе мѣста по р. Тазу, по мнѣнію однихъ, назывались въ древнее время «мокасе», что̀, подъ вліяніемъ русской этимологіи, могло обратиться въ «монгонзѣи». По мнѣнію другихъ, эти самоѣды получили названіе отъ имени одного своего князя Маказея[2]). Наконецъ, въ вышеприведенномъ отрывкѣ идетъ рѣчь о какомъ-то народѣ, жив-

[1]) Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ, соч. Н. Ѳирсова, Казань, 1866 г., примѣчаніе 47, стр. 30 и слѣд. Этотъ отрывокъ изъ разсказа о народахъ Азіи заимствованъ, по словамъ Ѳирсова, изъ сборника Соловецкой библіотеки (при Казанской духовной академіи, № 844, л. 803—307) и Ѳирсову былъ доставленъ А. С. Павловымъ.

[2]) Временникъ Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, кн. 3-я, 1849 г. Списокъ съ чертежа Сибирской земли, стр. 32.

Digitized by Google

шемъ по верхнему теченію рѣки Оби. Однимъ словомъ, въ баснословномъ разсказѣ о «самоѣди» описываются отдаленные народы сѣверной Азіи, о которыхъ русскіе до эпохи Ермака знали только по доходившимъ до нихъ самымъ извращеннымъ слухамъ.

Въ заключеніе нашего краткаго обзора свѣдѣній русскихъ о сѣверо-западной Азіи до эпохи водворенія русскаго господства въ этой странѣ, отмѣтимъ интересный и важный фактъ одного русскаго древняго путешествія.

Хотя русскіе ко второй половинѣ XVI столѣтія и имѣли кое-какія положительныя свѣдѣнія объ обитателяхъ и мѣстахъ сѣверо-западной Азіи, ближайшихъ къ предѣламъ древней Россіи, однако эти свѣдѣнія не были приведены въ какую нибудь систему, не были записаны и не отличались точностію, а извѣстія о странахъ и народахъ дальнѣйшей сѣверной Азіи прямо были баснословны. Можетъ быть, въ виду всего этого, въ 1567 году при царѣ Иванѣ IV Васильевичѣ было предпринято русскими (отчасти съ цѣлями политическими) нѣчто въ родѣ географическаго путешествія въ Сибирскую землю и далѣе въ разныя страны сѣверной и восточной Азіи. Въ этомъ путешествіи участвовало болѣе 20 человѣкъ. Во главѣ предпріятія были поставлены атаманъ Иванъ Петровъ и Бурнатъ Алышовъ. При нихъ, между прочими ихъ спутниками, находились подьячіе, на обязанности которыхъ лежало вести записи обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Цѣль путешествія заключалась въ собираніи свѣдѣній о царствахъ, ордахъ и волостяхъ разныхъ народовъ сѣверной и восточной Азіи, о разстояніи этихъ мѣстъ отъ Москвы и о дорогахъ въ эти земли изъ Московскаго государства. Это путешествіе, можетъ быть, было также предпринято съ цѣлью политическою, въ особенности если принять во вниманіе существовавшія въ это время отношенія между Московскимъ правительствомъ и Сибирскимъ ханствомъ, которому, судя по этимъ отношеніямъ, суждено было недолго пользоваться своею независимостью. Путешествіе атамана Ивана Петрова въ Сибирь и иныя земли было выполнено удачно. Возвратившись въ Москву, онъ представилъ царю «доѣздъ», т. е. донесеніе о своемъ путешествіи [1]). Доѣздъ казаковъ начинается отъ границъ Сибири, гдѣ названъ городъ Киргизъ и рѣки Баканъ (Абаканъ) и Кумчакъ (Кемчикъ). Далѣе слѣдуетъ извѣстіе объ озерѣ, по которому плаванія семь дней, а кругомъ ѣзды на конѣ двѣнадцать дней; въ этомъ

[1]) Приложеніе къ «Чертежной книгѣ» Сибири, составленной тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ въ 1701 году. Спб. 1882. Стр. 4.

*

Digitized by Google

озерѣ родится самоцвѣтный камень, а вода въ немъ ни прибываетъ, ни убываетъ. Въ него впадаютъ четыре рѣки, изъ которыхъ восточная названа Нечнахва. Въ горахъ за этимъ озеромъ описаны улусы кочеваго народа, обитавшаго въ горныхъ ущельяхъ. По выходѣ же изъ горъ казаки вступили въ Мунгальскую землю, гдѣ названы три города: Каламбашъ, Баншинъ и Лобинсковы. Про Мунгальскую землю въ доѣздѣ сообщается, что она весьма обширна и простирается отъ Бухаріи до моря. Казаки проникли въ предѣлы Китая чрезъ пограничный городъ Широкалгу, или Калганъ, который, по ихъ описанію, «зѣло хорошъ и мудренъ дѣломъ, а башни также высоки, что московскія». Отсюда Петровъ и Альшовъ (Ялычевъ) доѣхали до китайской столицы, но, не имѣя съ собою подарковъ (поминковъ), не были допущены до царя Тайбуна. Однако при отпускѣ имъ дана была отъ китайскаго властителя любительная грамота къ царю Іоанну [1]).

Списки съ доѣзда казаковъ Петрова и Альшова (Ялычева) встрѣчаются во многихъ хронографахъ и рукописныхъ сборникахъ XVII вѣка, изъ чего можно заключить, что это описаніе, служа единственнымъ извѣстіемъ о странахъ за Сибирью, пріобрѣло въ то время нѣкоторую распространенность. Оно, впрочемъ, не могло имѣть практическаго значенія маршрута въ Китай по скудости топографическихъ данныхъ, а со времени завоеваній Ермака становилось уже устарѣлымъ [2]). Собственно о Сибири путешествіе атамана Ивана Петрова никакихъ новыхъ свѣдѣній не доставило русскимъ. Только послѣ того, какъ Сибирская земля была завоевана Ермакомъ, русскіе могли узнать эту страну и повѣдать о ней остальному міру.

А. Оксеновъ.

---

[1]) Путешествіе чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Николая Спаѳарія въ 1675 году. Съ введеніемъ и примѣчаніями Ю. В. Арсеньева. Спб. 1882. Стр. 6—7.

[2]) Ibidem, стр. 7.

Digitized by Google

ИЗУЧЕНІЕ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЙ ВЪ СИБИРЬ.

Кто-то (если не ошибаюсь, Щаповъ) очень удачно опредѣлилъ исторію русскаго народа, какъ исторію колонизаціи незаселенныхъ территорій. Дѣйствительно, постоянное, если можно такъ выразиться, центробѣжное явленіе наиболѣе предпріимчивыхъ представителей русскаго племени то на Сѣверъ, то на Югъ, то на Востокъ замѣчается во все продолженіе нашей исторіи, начиная съ періода процвѣтанія господина Великаго Новгорода вплоть до нашихъ дней. Тщетно московская государственная централизація пыталась сдержать эти стремленія; знаменитому татарину удалось, правда, на три столѣтія прикрѣпить къ мѣсту одну часть русскаго народа, но все же оставалась едва ли не большая часть крестьянства, которую окончательно прикрѣпить не удалось и которая такъ или иначе умѣла обходить государевы запреты. Порою, впрочемъ, Московское государство мирилось съ піонерами русской колонизаціи, когда они подносили ему въ даръ огромныя царства, съ которыхъ можно было собирать богатыя дани. Такимъ-то путемъ, какъ извѣстно, покорена была Сибирь. Самъ Ермакъ Тимоѳеевичъ не первый изъ русскихъ проникъ въ Сибирь: у него было много предшественниковъ. Изъ лѣтописей видно, что знакомство русскихъ съ Сибирью началось за нѣсколько вѣковъ до оффиціальнаго присоединенія ея къ Московскому государству *). Такимъ образомъ, колонизаціонное движеніе вообще и въ частности заселеніе Сибири во всѣ вѣка составляли обычное явленіе въ жизни русскаго народа. Но бывали въ нашей исторіи такіе особенные періоды политическаго и общественнаго настроенія, когда это обычное движеніе принимало какъ бы эпидемическій характеръ, и «подлаго званія людишки», по лѣтописному выраженію, «брели розно».

*) См. объ этомъ недавно вышедшее изслѣдованіе Щеглова.

Digitized by Google

Въ настоящее время мы присутствуемъ именно при одномъ изъ такихъ народныхъ движеній. Изучить причины, вызвавшія въ настоящій моментъ такое усиленное переселенческое движеніе, составляетъ поэтому насущнѣйшую задачу нашего времени. Можно сказать, не преувеличивая, изученіе нынѣшнихъ крестьянскихъ переселеній въ Сибирь представляетъ такую общественную работу, на которой могутъ сойдтись представители всѣхъ направленій, ставящихъ себѣ задачей заботу о благѣ народа: ждетъ ли кто въ крестьянскомъ вопросѣ инициативы сверху, отъ государства, земства или интеллигентнаго общества, или, наоборотъ, разсчитываетъ на починъ и самодѣятельность народной массы,—такъ или иначе, онъ не можетъ обойдти этого животрепещущаго вопроса современной жизни и прежде всего, понятно, обязанъ ознакомиться съ его причинами, безъ основательнаго изученія которыхъ немыслима никакая цѣлесообразная дѣятельность въ какомъ бы то ни было направленіи. Мало того, изученіе крестьянскихъ переселеній въ Сибирь представляетъ одинаково насущный вопросъ какъ для жителя центральныхъ губерній, такъ и для обитателя Сибири. Вотъ почему это дѣло должно бы привлечь къ себѣ лучшія силы нашего общества безъ различія направленій.

Изученіе крестьянскихъ переселеній началось у насъ лишь недавно, а потому еще не успѣло выработать однообразныхъ и вполнѣ удовлетворяющихъ цѣли пріемовъ. Прекрасное изслѣдованіе г. Романова «Переселенія крестьянъ Вятской губерніи» построено на оффиціальныхъ данныхъ о движеніи населенія за нѣсколько десятилѣтій. Пріемъ земскихъ статистиковъ Рязанской губерніи былъ совершенно иной: свѣдѣнія о переселенцахъ собирались здѣсь путемъ опроса ихъ сосѣдей. Однако, ни тотъ, ни другой путь не могутъ быть признаны вполнѣ цѣлесообразными въ данномъ вопросѣ. Во-первыхъ, свѣдѣнія, получаемыя этими способами, имѣютъ мѣстный характеръ, если во многихъ отношеніяхъ мѣстныя условія сходны въ разныхъ губерніяхъ одной и той же естественной области; за то въ другихъ отношеніяхъ могутъ существовать весьма важныя черты различія. Поэтому свѣдѣнія, собранныя этимъ путемъ, даютъ неполное и часто одностороннее понятіе о переселенческомъ движеніи вообще. Самый же главный недостатокъ этого способа изслѣдованія заключается въ томъ, что въ сообщеніи свѣдѣній участвуетъ здѣсь все мѣстное населеніе, за исключеніемъ той именно части его, которая въ данномъ случаѣ представляетъ наибольшій интересъ, т. е. самихъ переселенцевъ. Легко видѣть, что подобный способъ мѣстнаго изслѣдованія, повидимому, яко бы составляющій примѣненіе

Digitized by Google

московскаго типа, на самомъ дѣлѣ составляетъ явное нарушеніе его основнаго принципа, а именно: что свѣдѣнія о всякомъ изслѣдуемомъ явленіи собираются непосредственно изъ первыхъ рукъ, отъ непосредственно заинтересованныхъ лицъ. Въ рязанскомъ же и подобныхъ ему мѣстныхъ изслѣдованіяхъ крестьянскихъ переселеній о духѣ движенія, о характерѣ его приходится получать извѣстія изъ вторыхъ рукъ, отчего, разумѣется, многіе весьма характерные мотивы его ускользаютъ отъ вниманія изслѣдователей. Сверхъ того, данныя, добытыя этимъ способомъ, ничего не говорятъ намъ или говорятъ очень мало о самомъ главномъ: обстановкѣ переселенцевъ въ пути и по прибытіи на мѣсто.

Что касается спеціально вятскаго изслѣдованія, то усвоенный имъ пріемъ, приведшій, правда, къ блистательнымъ результатамъ въ Вятской губерніи, едва ли примѣнимъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что въ Вятской губерніи изслѣдователь имѣлъ возможность сравнивать между собою какъ мѣстности выселеній, такъ и тѣ, куда втеченіе десятилѣтія стремились новые переселенцы, ибо здѣсь переселенія изъ одного уѣзда въ другой внутри губерніи, изъ одной волости въ другую внутри уѣзда и изъ одного селенія въ другое внутри той же волости втрое превышаютъ численность переселеній въ другія губерніи [1]). Ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ въ центральныхъ губерніяхъ. Есть еще третій способъ изслѣдованія крестьянскихъ переселеній, явившійся результатомъ частной иниціативы въ Сибири. Авторомъ настоящей статьи втеченіе 1882—1883 гг. предпринятъ былъ систематическій опросъ переселенческихъ партій, проходящихъ черезъ г. Ишимъ. Лѣтомъ того же 1882 года, сходныя наблюденія были сдѣланы г. Левитовымъ, ѣхавшимъ на пароходѣ съ переселенцами отъ Нижняго до Перми и потомъ отъ Тюмени до Томска. Наконецъ, весьма интересныя свѣдѣнія о бытѣ переселенцевъ на мѣстѣ водворенія отъ времени до времени сообщалъ изъ Минусинскаго округа г. Петровичъ [2]). Подобно всякому другому, и этотъ послѣдній способъ изслѣдованія имѣетъ свои достоинства и недостатки. Главное преимущество, какое представляется при изученіи переселеній въ Сибири, заключается въ томъ, что здѣсь наблюдатель въ состояніи охватить все переселенческое движеніе въ его цѣломъ, отрѣшившись отъ вліянія частныхъ, нерѣдко взаимно другъ друга уничтожающихъ условій, вызывающихъ переселенія изъ

[1]) «Переселенія крестьянъ Вятской губерніи», стр. 119, 127.
[2]) «Вост. Обозр.», 1882, 1883, 1884 гг.

Digitized by Google

отдѣльныхъ губерній: въ Сибири сходятся представители всѣхъ губерній переселенческаго раіона, поэтому раціональное изученіе причинъ выселенія изъ Европейской Россіи возможно только въ Сибири. По мѣрѣ удаленія къ западу отъ Уральскаго хребта, дороги, по которымъ слѣдуютъ переселенцы, все болѣе развѣтвляются, такъ что изученіе всего переселенческаго движенія становится чрезвычайно затруднительнымъ, требуя одновременно работы очень большаго числа лицъ. Въ Сибири въ этомъ отношеніи возможна значительная экономія въ рабочихъ силахъ, такъ какъ здѣсь легко сосредоточить наблюденія надъ движущимися переселенцами въ двухъ-трехъ главныхъ пунктахъ, которыхъ не можетъ миновать ни одинъ переселенецъ, идущій въ Сибирь. Отсюда уже само собой становится яснымъ, въ чемъ заключаются недостатки разсматриваемаго способа: при всемъ своемъ желаніи одинокій изслѣдователь все же лишенъ возможности обнять все переселенческое движеніе. Мы видимъ изъ этого, что раціональное изслѣдованіе доступно только цѣлой группѣ лицъ, работающихъ по общей программѣ и по общему плану. Такое коллективное изслѣдованіе можетъ совмѣстить въ себѣ всѣ достоинства обоихъ существующихъ методовъ, избѣгая въ то же время ихъ недостатковъ. Самое крупное достоинство большей части земскихъ статистическихъ изслѣдованій состоитъ въ томъ, что данныя ихъ получаются путемъ точной подворной или посемейной переписи всѣхъ домохозяевъ. Но если бы пожелалъ воспользоваться этимъ методомъ одинокій изслѣдователь, то въ центрахъ усиленнаго движенія переселенцевъ, гдѣ только и имѣетъ смыслъ изученіе крестьянскихъ переселеній, онъ натолкнулся бы на весьма существенное препятствіе, устранить которое онъ не въ силахъ. Дѣло въ томъ, что переселенцы днемъ останавливаются въ городахъ обыкновенно не болѣе какъ на два—три часа, чтобы запастись провизіей, пообѣдать или позавтракать и покормить лошадей. А такъ какъ средняя переселенческая партія состоитъ изъ 6—8 семей, то изслѣдователю остается на каждую не болѣе четверти или получаса. Но если вычесть отсюда время, необходимое на разспросы объ общемъ экономическомъ положеніи той мѣстности, откуда вышли переселенцы, то на знакомство съ каждой отдѣльной семьей не останется нерѣдко и четверти часа. Мало того, въ самый разгаръ переселенческаго сезона нерѣдко случается, что въ городъ разомъ прибываетъ по нѣскольку большихъ партій; такъ, напримѣръ, я помню день, когда мною лично было встрѣчено шесть партій численностью

Digitized by Google

въ 60 семействъ [1]),—много ли удалось бы поговорить съ каждой семьей? Около 1/3 всѣхъ переселенцевъ прибываютъ въ Сибирь во второй половинѣ мая и въ іюнѣ. Если мы возьмемъ такой пунктъ, какъ Петропавловскъ или Омскъ, черезъ которые въ 1882 году прошло, по весьма достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, не менѣе 24,000 душъ обоего пола или около 4,000 семей, то на каждый день мая и іюня мѣсяцевъ придется около 90 переселенческихъ семей; кладя на каждую даже только по четверти часа, систематическій опросъ всѣхъ переселенцевъ занялъ бы чуть не всѣ 24 часа въ сутки. Изъ этого видно, что самый цѣлесообразный способъ статистическаго изслѣдованія—посемейный (или, что то же, подворный) для одинокаго изслѣдователя совершенно немыслимъ по недостатку времени. Практика сама указываетъ единственный возможный пріемъ: за единицу изслѣдованія волей-неволей приходится брать цѣлую переселенческую партію, въ томъ случаѣ, если она составилась изъ крестьянъ одной или нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень; если же партія составилась въ пути изъ крестьянъ различныхъ уѣздовъ и губерній, тогда приходится дробить ее на нѣсколько коллективныхъ единицъ. Подобный пріемъ, при надлежащей критикѣ, способенъ доставить вполнѣ удовлетворительный матеріалъ только по вопросу объ общихъ причинахъ выселенія, объ обстановкѣ переселенцевъ въ пути и частью о ихъ надеждахъ и видахъ на будущее. Но по вопросамъ о степени достатка переселенческихъ семей, о взятыхъ ими изъ дому средствахъ и т. п. даетъ только косвенныя указанія. Вообще, цифровыя данныя при этомъ способѣ хромаютъ и могутъ имѣть лишь приблизительное значеніе. Но этотъ недостатокъ легко устранимъ, если въ изслѣдованіи принимаетъ участіе нѣсколько лицъ заразъ. Многое также зависитъ отъ удачнаго выбора пунктовъ для изслѣдованія. Дѣло должно быть поставлено такъ, чтобы изслѣдователи въ выполненіи своей программы какъ можно меньше зависѣли отъ продолжительности стоянки переселенцевъ. Въ такомъ городѣ, какъ Ишимъ, нерѣдко случается, что большая партія переселенцевъ останавливается не болѣе, какъ на полчаса, такъ какъ, кромѣ закупки провизіи, ничто ихъ не можетъ задерживать именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ. Задерживать же переселенцевъ спеціально для цѣлей изслѣдованія неудобно, да, наконецъ, изслѣдователи не имѣютъ на то ни права, ни

[1]) Это далеко не исключеніе; въ другой разъ мнѣ довелось встрѣтить четыре партіи, численностью въ 70 слишкомъ семей. Впрочемъ, къ тому же заключенію очень скоро пришла редакція «Сибирской Газеты», предпринявшая было собственными силами изслѣдованіе переселеній.

Digitized by Google

возможности. Иное дѣло въ городахъ и въ большихъ селахъ, расположенныхъ у перевозовъ черезъ большія рѣки. Благодаря большому движенію и весеннему разливу рѣкъ, переселенцамъ нерѣдко приходится простаивать здѣсь по сутки и по двое. Поэтому въ такихъ пунктахъ, какъ Петропавловскъ и с. Абатское, расположенныхъ у перевозовъ черезъ р. Ишимъ, или с. Серебрянское и Омскъ, гдѣ дорогу пересѣкаетъ р. Иртышъ (а въ послѣднемъ и р. Омь), наблюдатели имѣютъ достаточно времени для подробнаго опроса всѣхъ проходящихъ переселенцевъ. Всего удобнѣе устройство наблюдательныхъ станцій въ двухъ послѣднихъ пунктахъ, такъ какъ въ Омскѣ находится Отдѣлъ географическаго Общества, содѣйствіе котораго изслѣдователямъ могло бы быть весьма не безполезнымъ. Въ обоихъ этихъ пунктахъ могъ бы быть сосредоточенъ опросъ всѣхъ переселенцевъ, слѣдующихъ по сибирскимъ почтовымъ и проселочнымъ трактамъ. Болѣе всего слѣдуетъ избѣгать одностороннихъ впечатлѣній; поэтому ограничиться однимъ постомъ, напримѣръ, въ Омскѣ или въ Петропавловскѣ, значило бы повредить не только количественной, но и качественной полнотѣ изслѣдованія, такъ какъ черезъ эти города лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ проходятъ крестьяне Сѣвернаго края и Зауралья, направляющіеся по кратчайшему пути, черезъ село Абатское и Серебрянское. Если бы по практическимъ соображеніямъ потребовалось сосредоточеніе наблюденій въ одномъ пунктѣ, то лучше ужъ было бы избрать г. Каинскъ, расположенный у перевоза черезъ р. Омь, такъ какъ онъ лежитъ на пути всѣхъ переселенцевъ, кромѣ тѣхъ, которые направляются на р. Тару, въ предѣлы Тарскаго и Каинскаго округовъ; въ крайнемъ случаѣ, лучше пожертвовать знакомствомъ съ этими послѣдними немногочисленными колонистами, нежели лишаться возможности изученія выселеній изъ сѣверной и зауральской областей. Остаются еще тѣ, которые отъ Тюмени продолжаютъ путь на пароходахъ. Опросъ этихъ послѣднихъ переселенцевъ представляетъ наименьшія трудности, такъ какъ они по нѣскольку дней проводятъ въ ожиданіи пароходовъ въ Тюмени, а затѣмъ точно также большею частью останавливаются и въ Томскѣ для пріисканія подводъ. Въ Тюмени существуетъ комитетъ для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ; какъ извѣстно, одною изъ первыхъ заботъ его было построить бараки для прибывающихъ переселенцевъ.

Такимъ образомъ, съ сосредоточеніемъ всѣхъ переселенцевъ въ одномъ мѣстѣ, ужъ не стоило бы большаго труда произвести имъ посемейную перепись. Никто, конечно, не станетъ спо-

Digitized by Google

рить, что въ программу комитета, желающаго оказывать содѣйствіе переселенцамъ, должно входить также и изученіе переселенческаго вопроса: безъ такого изученія легко можетъ случиться, что помощь будетъ оказана не тамъ и не такъ, гдѣ и какъ это всего болѣе необходимо. Въ Томскѣ могли бы прійдти на помощь редакція мѣстной газеты, весьма интересующаяся переселенческимъ вопросомъ, и другія интеллигентныя силы, въ которыхъ здѣсь не встрѣтилось бы недостатка. Наконецъ, не менѣе удобно производить изслѣдованіе на пароходахъ; проведя нѣсколько дней въ обществѣ переселенцевъ, и совершенно одинокій наблюдатель можетъ собрать весьма драгоцѣнныя данныя. Эту работу могли бы взять на себя молодые сибиряки изъ числа учащейся молодежи: возвращаясь лѣтомъ на родину, имъ очень легко распредѣлить между собою работу такимъ образомъ, чтобы не пропустить ни одного парохода съ переселенцами.

Но опросъ движущихся переселенцевъ представляетъ только одну часть дѣла. Остается еще изученіе быта уже осѣвшихъ переселенцевъ на мѣстахъ ихъ водворенія. Для такого изслѣдованія необходима статистическая экспедиція въ южные округа Томской губерніи, куда въ настоящее время направленъ главный потокъ колонизаціоннаго движенія. Подобная экспедиція могла бы собрать богатый историческій матеріалъ о крестьянскихъ переселеніяхъ, который далъ бы возможность судить о томъ, какъ мало-по-малу развивались въ мѣстахъ выселеній тѣ причины, которыя вызвали такое усиленное переселенческое движеніе въ послѣдніе три года. Въ совокупности съ тѣми данными, которыя собраны были бы путемъ опроса проходящихъ переселенцевъ, получилась бы чрезвычайно полная и яркая картина современной крестьянской жизни въ Россіи. Можно было бы, пожалуй, и ограничиться изученіемъ переселенческаго движенія въ мѣстахъ водворенія переселенцевъ. Но помимо того, что на полное мѣстное изслѣдованіе всей южной части Томской губерніи, при отсутствіи въ послѣдней земскихъ учрежденій, можно надѣяться еще очень не скоро, намъ думается еще, что, подъ вліяніемъ новой обстановки, въ разсказахъ переселенцевъ утратили бы значительную долю своей яркости воспоминанія о томъ психическомъ настроеніи, которымъ вызвано было рѣшеніе переселиться. Съ другой стороны, благодаря чрезвычайно сложному составу населенія въ нашихъ колоніяхъ, чрезвычайно трудно будетъ разобраться въ психическихъ мотивахъ переселеній. Между тѣмъ въ пути переселенецъ всецѣло находится подъ вліяніемъ того настроенія, съ какимъ онъ оставилъ родину; задача здѣсь совершенно упро-

Digitized by Google

щена отъ всякихъ посторонних элементовъ. Только здѣсь вы можете наблюдать переселенческое движеніе въ чистомъ видѣ: пришли переселенцы на мѣсто, разсѣялись по селамъ и деревнямъ обширнаго Алтая,—и переселенецъ уже затерялся въ общей толпѣ вѣчно движущагося сибирскаго люда. Поэтому мы настаиваемъ на необходимости изученія переселеній и въ пути, и на мѣстѣ, въ нашихъ новыхъ колоніяхъ [1]).

Но этого мало. Чтобы правильно судить о ближайшихъ будущихъ послѣдствіяхъ современной колонизаціи, необходимо мысленно перенестись на нѣсколько лѣтъ впередъ, а при настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній о народѣ изслѣдователь всегда рискуетъ въ этомъ случаѣ поддаться вліянію субъективныхъ взглядовъ въ ущербъ объективному изображенію дѣйствительности. Но нѣтъ ничего легче, какъ избѣжать подобной ошибки въ Сибири. Мы знаемъ, что колонизація Сибири никогда совершенно не прекращалась, и лишь отъ времени до времени мѣняла свое направленіе: заселеніе однихъ мѣстностей прекращалось, за то начиналось заселеніе другихъ. Поэтому въ Сибири легко отыскать такія мѣстности, колонизація которыхъ завершилась еще въ весьма недавнее время и на которыхъ поэтому чрезвычайно удобно изучить ея послѣдствія. Дѣйствительно, многія деревни и большія села Ишимскаго и Курганскаго округовъ считаютъ всего тридцать—сорокъ лѣтъ своего существованія, и живы еще очень многіе крестьяне, участвовавшіе въ ихъ основаніи. Исторія этихъ поселеній была бы тѣмъ болѣе поучительна, что имъ было положено начало совершенно при иныхъ условіяхъ колонизаціи, нежели нынѣшнія. Между тѣмъ, въ настоящее время въ числѣ переселенцевъ встрѣчаются уже жители этихъ молодыхъ переселеній, иногда даже сами положившіе имъ основаніе. Существуютъ, стало быть, причины, благодаря которымъ для нѣкоторыхъ изъ числа обитателей этихъ поселеній жизнь въ нихъ по истеченіи опредѣленнаго срока становится невозможною или неудобною. Изучить эти причины для правильнаго сужденія о постановкѣ колонизаціоннаго дѣла представляется вопросомъ первостепенной важности.

---

[1]) При обработкѣ матеріала о причинахъ выселеній необходимо имѣть въ виду, что многіе разсказы крестьянъ, вполнѣ правдивые по существу, тѣмъ не менѣе не всегда отличаются необходимою для статистическихъ выводовъ точностью (особенно, гдѣ дѣло касается цифръ); поэтому необходимо тщательное сопоставленіе собранныхъ данныхъ какъ между собою, такъ и съ мѣстными источниками. Послѣднее тѣмъ легче, что во многихъ губерніяхъ переселенческаго раіона (Тамбовской, Рязанской, Воронежской, Курской, Полтавской и др.) теперь производятся, или недавно производились, мѣстныя статистическія изслѣдованія.

Digitized by Google

Изъ всего этого видно, что изслѣдованіе вопроса о крестьянскихъ переселеніяхъ представляетъ весьма сложную и многостороннюю задачу, рѣшеніе которой доступно только соединеннымъ усиліямъ многихъ общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Желательно было бы содѣйствіе этому дѣлу со стороны нашихъ ученыхъ обществъ—географическаго и вольно-экономическаго. Устроиваются вѣдь экспедиціи для изученія естественныхъ богатствъ края, отчего же не снарядить экспедицію для изученія тѣхъ условій, при какихъ совершается въ настоящее время и при какихъ должна бы совершаться разработка этихъ богатствъ человѣкомъ, безъ участія которыхъ всѣ богатства природы составляютъ мертвый капиталъ? Въ этомъ безспорно важнѣйшемъ изъ изслѣдованій найдется дѣло для всѣхъ, интересующихся вопросами народной жизни вообще и сибирской въ частности. Мѣстные отдѣлы географическаго общества, мѣстная печать, мѣстное благотворительное общество, образовавшееся для помощи переселенцамъ, всѣ вообще интеллигентныя силы Сибири, интересующіяся этимъ вопросомъ,—всѣ найдутъ себѣ мѣсто въ общей работѣ. Мы не беремся предрѣшать наиболѣе цѣлесообразную и удачную комбинацію общественной и частной иниціативы, такъ какъ это всецѣло зависитъ отъ матеріальныхъ средствъ, которыми располагаетъ изслѣдованіе. Мы намѣтили здѣсь только важнѣйшіе пункты, въ которыхъ должно быть сосредоточено систематическое изслѣдованіе по почину и на средства общественныхъ учрежденій, — такое изслѣдованіе должно быть организовано только въ Сибири, гдѣ въ настоящее время столько и пришлыхъ, и мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ, что недостатокъ въ необходимыхъ дѣятеляхъ на мѣстѣ не встрѣтится, если только, понятно, отбросить рутину и предразсудки. Само собой разумѣется, что, въ ожиданіи такого систематическаго изслѣдованія, весьма драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ будетъ всякій новый вкладъ въ изученіе переселенческаго вопроса, сдѣланный иниціативой частныхъ изслѣдователей въ любомъ пунктѣ, черезъ который проходитъ большое число переселенцевъ: въ поволжскихъ городахъ, въ Перми, Екатеринбургѣ или въ Шадринскѣ, Челябинскѣ, Курганѣ или въ Оренбургѣ и проч. Важно только, чтобы всѣ, принимающіе участіе въ изслѣдованіи, хотя бы независимо другъ отъ друга, безъ предварительнаго соглашенія, работали, всетаки, по одному общему плану. Съ этою цѣлью мы предлагаемъ вниманію читателей слѣдующую программу для собиранія свѣдѣній о переселеніяхъ, составленную примѣнительно къ тѣмъ вопросамъ, которые выдвинуты предыдущими

Digitized by Google

изслѣдованіями переселенческаго движенія. Съ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ возникнутъ, безъ сомнѣнія, и новые вопросы, которыхъ мы не подозрѣваемъ при составленіи настоящей программы. Но мы и не претендуемъ на всеобъемлющую полноту ея, полагая, что раціональная программа можетъ явиться не въ кабинетѣ, а на улицѣ, на площади, на большой дорогѣ, по мѣрѣ послѣдовательнаго наростанія вопросовъ, выдвигаемыхъ изученіемъ живой дѣйствительности. Въ ожиданіи того, покуда изученіе переселенческаго движенія возьметъ на себя какое либо ученое или общественное учрежденіе, приходится положиться исключительно на частную инціативу. Минимумъ требованій, который публика вправѣ предъявить нашимъ ученымъ обществамъ, заключается въ этомъ случаѣ въ томъ, чтобы они взяли на себя группировку матеріала, собраннаго частными изслѣдователями, по предлагаемой или какой либо иной программѣ, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто съ изслѣдованіями по вопросу объ общинномъ землевладѣніи. Желательно также, чтобы тѣ изъ частныхъ изслѣдователей, которые лично займутся разработкой собраннаго ими матеріала, тѣмъ не менѣе подѣлились имъ, въ формѣ посемейныхъ переписей, съ тѣмъ учрежденіемъ, въ которомъ будетъ сосредоточенъ весь остальной сырой матеріалъ.

Намъ въ заключеніе необходимо коснуться одного весьма распространеннаго предразсудка относительно переселенцевъ. Нерѣдко вы прочтете въ газетахъ, будто переселенцы крайне неразговорчивы и неохотно отвѣчаютъ на вопросы. Намъ лично привелось побесѣдовать съ нѣсколькими тысячами переселенцевъ, и мы, наоборотъ, вынесли прямо противоположное убѣжденіе. Крестьяне чрезвычайно охотно разсказываютъ о своемъ житьѣ-бытьѣ на родинѣ; въ каждой переселенческой партіи есть непремѣнно свой ораторъ, который говоритъ за всѣхъ. Порой же ораторовъ оказывается столько, что одному человѣку всего и не разобрать, такъ какъ всякій хочетъ вставить свое слово въ общій разговоръ, а потому всѣ говорятъ заразъ. Меня принимали и за «барина», и за мѣщанина, и даже однажды за бывшаго крѣпостнаго крестьянина, но во всѣхъ случаяхъ встрѣчали одинаково привѣтливо. За все время было лишь четыре случая недовѣрчиваго отношенія ко мнѣ переселенцевъ, но и то оно вызвано было чисто случайными причинами [1]). Сначала я не говорилъ переселен-

[1]) Жулики насплетничали на меня по злобѣ за то, что я имъ мѣшалъ объегоривать неопытныхъ переселенцевъ.

Digitized by Google

цамъ о цѣли, съ какою я собираю свѣдѣнія; это дало поводъ однажды предположить во мнѣ нѣкоего таинственнаго благодѣтеля, инкогнито командированнаго свыше для указанія пути переселенцамъ (я писалъ имъ маршруты). Впослѣдствіи я пересталъ скрывать передъ ними цѣль изслѣдованія; всякій разъ они выражали къ ней полное уваженіе и сочувствіе. Переселенцы не только не скрытничаютъ, но, напротивъ того, нерѣдко выражаются даже откровеннѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, въ самыхъ, повидимому, щекотливыхъ вопросахъ народнаго міросозерцанія.

Digitized by Google

ОПЫТЪ ПРОГРАММЫ

для изслѣдованія крестьянскихъ переселеній въ Сибирь.

I. Бытъ переселенцевъ до выселенія.

1. Происхожденіе каждой семьи: губернія, уѣздъ, волость, село или деревня, общество.

2. Къ какому разряду принадлежитъ каждая семья: бывшихъ государственныхъ или бывшихъ помѣщичьихъ (собственниковъ на выкупѣ, полныхъ собственниковъ и проч.).

Въ этомъ отношеніи желательны наивозможная точность и подробность. Слѣдуетъ обратить вниманіе на число отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ, которые, повидимому, представляютъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ элементовъ переселенческаго движенія. Интересно выяснить причины такого явленія: съ одной стороны, солдаты поставлены въ болѣе выгодное положеніе по платежу налоговъ (свобода отъ подушной подати), а потому также имѣютъ возможность болѣе свободнаго передвиженія внутри государства по сравненію съ прочими крестьянами. Съ другой стороны, солдаты нерѣдко жалуются на стѣсненія со стороны міра въ пользованіи землею. Наконецъ, солдатъ-одиночка, не принадлежащій къ большой союзной семьѣ, вернувшись со службы, представляетъ обыкновенно круглаго пролетарія. Черты эти необходимо прослѣдить по всѣмъ главнѣйшимъ пунктамъ программы.

3. Численный, возрастный и рабочій составъ каждой семьи (сколько наличныхъ душъ обоего пола и т. д.?).

Обратить вниманіе на количество стариковъ и маленькихъ дѣтей, а также на возрастъ переселенцевъ-хозяевъ; послѣднее важно для выясненія вопроса, къ какому поколѣнію принадлежитъ масса нынѣшнихъ переселенцевъ.

4. Число ревизскихъ или мірскихъ окладныхъ душъ (раскладочныхъ единицъ) въ каждой семьѣ.

Отвѣты, данные на оба вопроса, могутъ опредѣлять принадлежность каждой семьи къ типу союзныхъ или раздѣлившихся.

Digitized by Google

5. Численность населенія той деревни или того села, откуда вышла каждая семья (сколько дворовъ и «душъ», ревизская или мірская).

Вопросъ этотъ имѣетъ большую важность, такъ какъ даетъ возможность судить объ интенсивности переселенческаго движенія; съ другой стороны, результаты переселеній для остающагося въ значительной степени зависятъ отъ процента выселеній.

6. Способъ владѣнія землею и распредѣленія по угодіямъ.

Такъ, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ, даже при господствѣ общиннаго землевладѣнія, владѣніе усадебными участками подворно-наслѣдственное.

7. Частость передѣловъ. Когда былъ послѣдній общій передѣлъ?

8. Не собираются ли или не собирались ли вновь дѣлить землю? Если передѣлъ не состоялся, то по какимъ причинамъ?

9. Отношеніе каждой переселенческой семьи къ совершившемуся, ожидаемому или несостоявшемуся передѣлу.

Въ ряду мотивовъ къ выселенію борьба изъ-за распредѣленія земли внутри общины, безъ сомнѣнія, играетъ немаловажную роль. Иногда выселяются недовольные общественнымъ рѣшеніемъ. То вы услышите такой отзывъ: «и безъ того земли мало, а какъ передѣлятъ (или передѣлили) землю, еще тѣснѣе станетъ (или: стало)». Другіе, наоборотъ, жалуются, что «передѣла не было отъ самой ревизіи», такъ что «теперь на селѣ немало такихъ, которые уже женились и въ службу ушли, а земли на нихъ все нѣту». Ясно, что первые принадлежатъ къ числу привиллегированныхъ, «многодушныхъ» общинниковъ, послѣдніе—къ числу обдѣленнаго, «малодушнаго». Группировка отвѣтовъ, данныхъ переселенцами, въ связи съ другими свѣдѣніями, прольетъ свѣтъ на вопросъ о томъ, къ какой группѣ деревенскаго населенія принадлежатъ переселенцы.

10. Другая форма общиннаго распредѣленія земли; частныя переверстки. Происходятъ ли послѣднія только по добровольному взаимному соглашенію или по обязательному мірскому постановленію?

11. Пространство душеваго надѣла съ распредѣленіемъ его по угодьямъ: сколько десятинъ пахатной земли, луговой, лѣсу, выгона, усадебной и неудобной?

Не на всѣ изъ этихъ вопросовъ можно ожидать точнаго отвѣта. Такъ, напримѣръ, пространство луговой земли почти всегда опредѣляется количествомъ укоса съ нея—копнами или возами. На сѣверѣ, во многихъ мѣстахъ надѣлы еще не отграничены отъ казенныхъ земель, хотя свободное пользованіе послѣдними, всетаки, не дозволяется; мѣстами же уже предъявлены владѣнныя записи. На это необходимо обратить вниманіе.

Для однородности данныхъ, необходимо еще имѣть въ виду различіе принятыхъ въ каждой мѣстности мѣръ площадей: есть десятины *казенная* или *тридцатая* (30×80 квадр. саж.), *сороковая* (40×80 квадр. саж.), *пятидесятая* (50×50 квадр. саж.,—въ Камышловскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ, Пермской губерніи), *девяностая* (30×90 квадр. саж.,—въ томъ же Шадринскомъ уѣздѣ), *сотенная* (40×100 квадр. саж.,—въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губерніи);

Digitized by Google

въ Осинскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи мѣрою пространства служитъ «*перепздъ*»=40×40 квадр. саж. Для измѣренія дробей десятины употребляются «*осьминники*» (1/4 дес.); «*загоны*» (1/10 часть «пятидесятой» десятины), «*шесты*» (полоса въ 2×100 квадр. саж.,—такъ измѣряются усадебные участки въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Фатежскаго уѣзда Курской губерніи) и т. д.

12. Пространство душеваго надѣла передъ послѣднимъ передѣломъ (если таковой совершился недавно) или послѣ ожидаемаго передѣла земли.

Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ вполнѣ точный, а во второмъ приблизительный коэфиціентъ приращенія населенія деревни.

13. Качество почвы крестьянскихъ надѣловъ.

14. Система полеводства.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ поможетъ разъясненію того, почему въ иныхъ мѣстностяхъ, по словамъ крестьянъ, въ надѣлахъ оказывается огромное количество неудобныхъ земель: иногда это земли, неудобныя только для культуры по общепринятому способу, а не вообще для хлѣбопашества. Жалоба на обиліе неудобныхъ земель указываетъ въ этомъ случаѣ на близость перехода къ болѣе интереснымъ формамъ хозяйства, напримѣръ, отъ залежной къ трехпольной. Обратить вниманіе на причины перехода къ болѣе интенсивнымъ формамъ культуры: не вызванъ ли онъ искусственнымъ сокращеніемъ крестьянскаго надѣла посредствомъ введенія владѣнныхъ записей или отмежеванія крестьянскихъ земель отъ государственныхъ?

15. Унаваживаютъ ли землю всѣ вообще крестьяне въ данной мѣстности и спрашиваемая семья въ частности?

Въ средней черноземной полосѣ нерѣдко случается, что болѣе зажиточные хозяева унаваживаютъ свои надѣлы, а бѣднѣйшіе «по 10 лѣтъ ни одного воза не вывозятъ на свои полосы» по недостатку удобренія, которое безъ остатка уходитъ въ топливо (см. ниже).

16. Урожаи хлѣбовъ на крестьянской землѣ.

17. Надолго ли хватаетъ каждой семьѣ собственнаго хлѣба на продовольствіе?

18. Количество разныхъ породъ скота у каждой семьи.

19. Достаетъ ли корма скотинѣ и въ чемъ онъ заключается?

20. Чѣмъ отопляется изба и хватаетъ ли топлива въ собственномъ хозяйствѣ каждой семьѣ?

21. Количество платежей, причитающихся на каждую семью.

При помощи предыдущихъ данныхъ отсюда легко вычислить сумму платежей, взимаемыхъ съ ревизской или окладной души или съ десятины надѣла; свѣдѣнія, полученныя обратнымъ путемъ, очень часто бываютъ неточны.

22. Изъ какихъ источниковъ каждая семья уплачиваетъ подати?

23. Много ли въ данномъ обществѣ недоимщиковъ?

24. Какъ поступаетъ общество съ неисправными плательщиками?

25. Сколько недоимокъ числилось за каждой семьей до выселенія?

26. Продаетъ ли каждая семья произведенія своего земледѣльческаго хозяйства, какія и когда именно?

Digitized by Google

Родъ произведеній, поступающихъ въ продажу, имѣетъ весьма важное значеніе для сужденія о положеніи и общемъ строѣ крестьянскаго хозяйства. Такъ, напримѣръ, мѣстами мы находимъ у крестьянъ большіе посѣвы конопли или льна спеціально для продажи. Въ другихъ мѣстахъ продаютъ навозъ сосѣднимъ помѣщикамъ; очевидно, здѣсь имѣетъ мѣсто усиленіе крупнаго земледѣльческаго производства насчетъ истощенія производительныхъ силъ мелкаго крестьянскаго хозяйства. Время продажи опредѣляетъ положеніе крестьянина на рынкѣ: если, напримѣръ, продажа происходитъ въ періодъ уплаты податей, то, само собою разумѣется, цѣны на продаваемыя произведенія сильно падаютъ.

27. Какимъ способомъ каждая семья пополняетъ недостатокъ продовольствія, корма и топлива?

По всѣмъ предыдущимъ вопросамъ съ 17—27 (включительно) вполнѣ точные отвѣты могутъ быть получены только относительно спрашиваемыхъ семей, но приблизительныя и довольно достовѣрныя свѣдѣнія можно собрать и относительно ихъ односельцевъ; это весьма важно для сравненія переселенцевъ съ остальными ихъ односельцами. Неточности и ошибки легко могутъ быть открыты путемъ сравненія разновременно собранныхъ показаній различныхъ крестьянъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сравненіе тѣхъ же показаній при надлежащей критикѣ доставитъ много несомнѣнно-цѣнныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ.

28. Сколько десятинъ какихъ угодій арендуетъ каждая семья?

29. Арендуетъ ли данная семья надѣлы своихъ односельцевъ и сколько именно?

30. Каково экономическое положеніе единицъ?

На этотъ вопросъ желательно получить отвѣты по всѣмъ пунктамъ программы, какъ перечисленнымъ, такъ и слѣдующимъ ниже. Каждому съемщику болѣе или менѣе извѣстны обстоятельства его сосѣда, у котораго онъ снимаетъ надѣлъ; поэтому отвѣтъ здѣсь можетъ быть полученъ весьма достовѣрный. Во избѣжаніе повтореній и двойнаго счета сдающій долженъ быть поименованъ. Сверхъ того, этотъ вопросъ можетъ быть поставленъ переселенцамъ въ общей формѣ, относительно всей вообще деревни.

31. Сколько десятинъ своего надѣла сдаетъ въ аренду спрашиваемая семья?

32. Каково экономическое положеніе съемщика?

Два послѣдніе вопроса составляютъ перифразъ двухъ предыдущихъ, примѣнительно къ тѣмъ изъ числа переселенцевъ, которые не только земли не арендовали, но, наоборотъ, сдавали еще собственную землю. Но вопросъ 32 имѣетъ еще, сверхъ того, самостоятельное значеніе; дѣло въ томъ, что съемщиками крестьянскихъ надѣловъ являются иногда лица, не принадлежащія къ крестьянскому сословію, напримѣръ, купцы; весьма интересно выяснить, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ земля утилизируется съемщикомъ.

33. Условія аренды надѣльной земли.

Сравненіе арендныхъ цѣнъ съ платежами поможетъ опредѣленію отношенія послѣднихъ съ доходности надѣла.

34. Чьи земли расположены по сосѣдству съ данной общиной?

Digitized by Google

35. Взысканія за потравы.

Обратить вниманіе на частость взысканія за потравы крестьянами сосѣднихъ обществъ другъ съ друга, съ одной стороны, и частными землевладѣльцами съ крестьянъ—съ другой. Оба послѣдніе вопроса тѣсно связаны между собою, такъ какъ въ расположеніи земель надо искать объясненія частости потравъ.

36. У кого крестьяне снимаютъ внѣнадѣльную землю?

Нерѣдко земля, прежде чѣмъ достаться крестьянину, переходитъ черезъ руки нѣсколькихъ посредниковъ.

37. Условія аренды внѣнадѣльной земли вообще и для каждой семьи въ частности.

Обратить вниманіе на сроки взноса арендной платы и размѣры задатковъ, если аренда денежная. Гдѣ возможно—отмѣтить также происшедшія съ теченіемъ времени измѣненія въ условіяхъ аренды.

38. Условія аренды угодій для скота.

39. Виды общинной аренды, размѣры и условія ея.

40. Заработки мѣстнаго населенія.

Указать совершившіяся въ послѣднее время измѣненія въ условіяхъ крестьянскихъ заработковъ (упадокъ однихъ заработковъ, развитіе другихъ и т. д.). Отвѣты на этотъ вопросъ будутъ содержать въ себѣ также указанія на формы частнаго хозяйства въ данной мѣстности.

41. Имѣетъ ли данная семья мѣстные земледѣльческіе заработки, какіе именно, у кого и на какихъ условіяхъ?

Отмѣтить особо подесятинные заработки работника съ лошадью, поденщину конную и пѣшую и срочное батрачество (указать срокъ).

42. Сколько изъ каждой семьи уходитъ взрослыхъ мужчинъ на лѣтнія земледѣльческія работы? куда? размѣры вознагражденія за труды.

43. Мѣстные неземледѣльческіе заработки каждой семьи, зимніе и лѣтніе.

44. Сколько взрослыхъ рабочихъ въ каждой семьѣ занимается зимними и лѣтними отхожими неземледѣльческими промыслами, какими, гдѣ именно и на какихъ условіяхъ?

45. Какъ поступали со своими земельными надѣлами тѣ изъ переселенцевъ, которые уходили на сторонніе заработки?

46. — а равнымъ образомъ и тѣ, которые не имѣли собственнаго живаго рабочаго инвентаря?

II. Выходъ на переселеніе.

47. Психологическіе мотивы переселеній.

48. Выключилась ли изъ общества данная семья или поѣхала по паспорту?

49. Къ кому, на какіе сроки и на какихъ условіяхъ перешли земельные надѣлы каждой семьи?

Обратить вниманіе на случаи долгосрочной аренды надѣловъ и *продажи* части или всего надѣла.

50. Экономическое положеніе снявшихъ или пріобрѣтшихъ (поименовать фамиліи) надѣлы каждой переселенческой семьи (см. вопросы 30 и 32).

Digitized by Google

51. Кому и за какую цѣну продано имущество каждой переселенческой семьи?

Чѣмъ подробнѣе свѣдѣнія, тѣмъ лучше, такъ какъ это даетъ вѣрное понятіе о цѣнахъ, за какія переселенцы сбываютъ свое имущество.

52. Экономическое положеніе покупателя или покупателей (имя рекъ). См. вопросъ 50.

53. Мнѣнія переселенцевъ о послѣдствіяхъ выселеній для остающихся жителей деревни.

54. Перечень предварительныхъ расходовъ, сдѣланныхъ каждой семьей передъ выселеніемъ (уплата недоимокъ, долговъ, пріобрѣтеніе приговоровъ и т. п.).

55. Оказало ли общество матеріальную помощь переселенцамъ, въ какомъ размѣрѣ и на какихъ условіяхъ?

56. Средства каждой семьи въ моментъ выхода на переселеніе.

Такъ какъ переселенцы въ ариѳметикѣ не сильны, то послѣдній вопросъ можетъ служить средствомъ для повѣрки предыдущихъ данныхъ (вопросы 49, 51 и 54), и обратно.

III. Путешествіе.

57. Гдѣ образовалась переселенческая партія: на родинѣ или въ пути?

Численность партіи при посемейной переписи получится простымъ сложеніемъ.

58. Время выхода каждой семьи на переселеніе (годъ, мѣсяцъ и число) или продолжительность путешествія.

Выяснить, почему именно переселеніе предпринято въ то, а не въ другое время года, напримѣръ, отчего вышли среди лѣта, осенью, зимою, а не весною? Въ переписи изслѣдователи отмѣчаютъ мѣсяцъ и день встрѣчи съ каждой переселенческой партіей; этимъ путемъ выводится продолжительность путешествія, когда извѣстно время выхода на переселеніе, или наоборотъ.

59. Маршрутъ путешествія каждой семьи.

По мѣрѣ возможности, выяснить соображенія, которыми руководились переселенцы, избирая тотъ или иной путь. Извѣстно, что одна часть переселенцевъ по прибытіи въ Тюмень запасается кибитками и лошадьми, на которыхъ и продолжаетъ путь по тракту, тогда какъ изъ Тюмени ходятъ пароходы, на которыхъ большая часть переселенцевъ слѣдуетъ до самаго мѣста или только до Томска. Рѣзкой разницы въ стоимости проѣзда по сушѣ и по водѣ для *средней* семьи не замѣчается; не поможетъ ли здѣсь уясненію дѣла численный и возрастный составъ не средней, а каждой отдѣльной семьи? Наконецъ, нѣтъ ли какихъ либо другихъ причинъ, которыми обусловливается выборъ того или инаго способа путешествія отъ Тюмени? Равнымъ образомъ, одна часть переселенцевъ, идущихъ черезъ Оренбургъ изъ Верхнеуральска, направляется по главному тракту, на Троицкъ, Петропавловскъ, Омскъ и т. д., слѣдуя печатному маршруту, выдаваемому въ Батракахъ, другая—по проселкамъ на Челябинскъ, Курганъ,

Digitized by Google

Ишимъ и т. д. Точно также численный составъ индивидуальной (а не средней) семьи, быть можетъ, объяснитъ, почему одна часть переселенцевъ беретъ билеты желѣзной дороги до Оренбурга, другая путешествуетъ вдоль линіи на лошадяхъ.

60. Продолжительность и причины большихъ остановокъ, если таковыя были.

61. Гдѣ останавливаются переселенцы на ночлеги въ ведро и ненастье, лѣтомъ и зимою?

62. Число принадлежащихъ каждой семьѣ лошадей и повозокъ; качество послѣднихъ.

Дорожная обстановка переселенца служитъ однимъ изъ признаковъ степени его достатка.

63. Путевые расходы каждой семьи.

Желательно по этому вопросу имѣть по возможности обстоятельныя свѣдѣнія. Необходимо также обратить вниманіе на стоимость харчей и прокорма лошадей,—безъ этого сравненіе дорожныхъ расходовъ по разнымъ путямъ движенія переселенцевъ не дастъ никакихъ результатовъ.

64. Не проситъ ли милостыни дорогой данная семья? щедро ли населеніе на подаянія переселенцамъ?

65. Взаимопомощь и артельность между членами переселенческой партіи.

Указать конкретныя проявленія товарищеской солидарности, не довольствуясь общими и неопредѣленными заявленіями переселенцевъ.

66. Взаимный кредитъ и условія его среди членовъ переселенческой партіи.

Нерѣдко и среди переселенцевъ случается находить тѣ же формы кредита, какія опредѣляютъ отношеніе кулаковъ къ ихъ должникамъ въ мѣстахъ выселенія: займы подъ отработку и кабальный трудъ. Эта черта экономическихъ отношеній между переселенцами еще очень мало выяснена изслѣдованіями.

67. Численныя измѣненія въ составѣ переселенческихъ партій: не отсталъ ли кто въ пути и по какимъ причинамъ?

Объ отставшихъ семьяхъ слѣдуетъ разспросить, по программѣ, остальныхъ спутниковъ.

68. Болѣзни и смертность въ пути.

Опрашивая каждую семью, можно получить чрезвычайно точныя цифровыя данныя.

IV. Положеніе переселенцевъ въ мѣстахъ водворенія.

69. Мѣсто осѣдлости переселенцевъ или цѣль путешествія: губернія, уѣздъ или округъ, волость, село.

70. На основаніи какихъ свѣдѣній каждою семьею предпринято переселеніе и избрано мѣсто?

71. Были ли предварительно снаряжаемы ходоки и на какія средства?

72. Виды каждой семьи на будущее по прибытіи на мѣсто.

Вопросъ этотъ имѣетъ весьма важное значеніе для выясненія душевнаго настроенія, сопутствующаго современнымъ переселеніямъ.

Digitized by Google

73. Какъ давно поселилась каждая семья на новомъ мѣстѣ жительства?

Легко видѣть, что нѣкоторые пункты программы одинаково относятся ко всѣмъ безъ различія переселенцамъ, другіе же—или только къ тѣмъ изъ нихъ, которые еще находятся въ пути слѣдованія, или къ тѣмъ, которые уже находятся на мѣстѣ.

74. Гдѣ и какъ долго проживала каждая семья ранѣе окончательнаго водворенія въ послѣднемъ мѣстѣ жительства?

75. По какой причинѣ данная семья мѣняла или собирается перемѣнить свое мѣстожительство?

Въ поясненіе послѣднихъ трехъ вопросовъ надо замѣтить, что очень часто переселенцы долгое время бродятъ съ мѣста на мѣсто, прежде чѣмъ окончательно оснуются въ какомъ либо обществѣ. Въ основѣ такихъ скитаній нерѣдко лежитъ скороспѣлый выборъ мѣстности и неумѣнье или невозможность приспособиться къ новымъ и незнакомымъ условіямъ хозяйства въ дѣвственной странѣ. На исторію этихъ скитаній должно быть обращено особенное вниманіе при изслѣдованіи.

76. Средства каждой семьи въ моментъ прибытія на мѣсто.

77. По какой причинѣ данная семья еще остается въ составѣ прежняго общества?

78. — или же: какъ давно перечислилась спрашиваемая семья въ новое общество?

79. Во сколько обошелся пріемный приговоръ?

80. Что побудило данную семью поселиться въ чертѣ земель, принадлежащихъ обществу крестьянъ-старожиловъ? отчего не основалась она на впустѣ лежащихъ земляхъ?

81. Общинные порядки въ мѣстѣ водворенія переселенцевъ (см. выше вопросы 6, 12, 21 и др.).

82. Сельское хозяйство въ мѣстахъ водворенія переселенцевъ (см. вопросы 13—16 и др.).

83. Размѣры скотоводства, необходимые по мѣстнымъ условіямъ для занятія хлѣбопашествомъ.

84. Экономическое положеніе каждой переселенческой семьи на новомъ мѣстѣ въ началѣ и теперь (размѣры надѣла, скотоводства, заработка и т. д., согласно предыдущимъ вопросамъ программы).

Желательно имѣть свѣдѣнія о томъ, какъ мало-по-малу слагалось хозяйство семьи на новомъ мѣстѣ. Если и не удастся это относительно всѣхъ семействъ, то въ колоніяхъ всегда есть возможность составить себѣ объ этомъ понятіе, сопоставляя въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ (см. вопросъ 73) разновременно прибывшія семьи. Сравненіе обстановки вновь прибывшихъ переселенцевъ въ общинахъ съ густымъ и рѣдкимъ населеніемъ дастъ понятіе о ходѣ развитія экономическихъ отношеній въ колоніяхъ; сопоставляя эти свѣдѣнія съ разсказами ранѣе прибывшихъ переселенцевъ, можно начертать вѣрную картину прошлаго и будущаго состоянія нашихъ сибирскихъ колоній.

85. Размѣры запашки, производимой каждой семьею.

Вопросъ этотъ необходимъ въ виду того, что въ многоземельныхъ селеніяхъ Сибири площадь запашки всецѣло зависитъ отъ степени до-

Digitized by Google

статка каждаго домохозяина и далеко не совпадаетъ съ пространствомъ удобныхъ для хлѣбопашества земель надѣла, какъ въ Европейской Россіи, гдѣ распахивается каждый клочекъ.

86. Стоимость и время пріобрѣтенія крупныхъ статей хозяйственнаго имущества каждой семьи (избы, скота и т. п.).

87. Держитъ ли данная семья наемныхъ работниковъ, сколько именно и на какихъ условіяхъ?

88. Существуетъ ли рынокъ для сбыта произведеній крестьянскаго хозяйства?

89. Причины, побудившія данную семью вернуться на родину.

Всегда разорительное возвращеніе иныхъ переселенцевъ на родину указываетъ на существованіе въ нашемъ переселенческомъ дѣлѣ такихъ условій, которыя, при неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, не даютъ крестьянину подняться на новомъ мѣстѣ. Опросъ каждой возвращающейся семьи по всѣмъ предыдущимъ пунктамъ программы даетъ довольно полное представленіе о бытѣ переселенца какъ до выселенія, такъ и въ новомъ мѣстѣ жительства, а равно и по возвращеніи на родину. Само собою разумѣется, что нѣкоторые вопросы (напримѣръ, относительно выхода на переселеніе) должны быть предложены такимъ переселенцамъ дважды: разъ, когда рѣчь идетъ о выселеніи въ Сибирь, другой—по поводу обратнаго переселенія на родину.

Въ числѣ причинъ своего недовольства новыми условіями жизни переселенцы иногда выставляютъ мотивы національнаго и религіознаго характера. Такъ, напримѣръ, мнѣ однажды указывали, что «тамъ (т. е. въ Ануйской волости, на Алтаѣ) все киргизы,... извѣстно, киргизы—развѣ съ ними можно жить!» Тутъ на первый взглядъ слышится какъ бы пренебреженіе къ инородцу. Но на самомъ дѣлѣ, по аналогіи съ другими данными, надо полагать, что здѣсь причина лежитъ гораздо глубже, въ столкновеніяхъ двухъ культуръ: земледѣльческой и кочевой. На это уже указывалось въ сибирской печати, но желательно бы разработать этотъ вопросъ подробнѣе.

Точно также нерѣдко переселенцы жалуются на то, что мѣстное населеніе состоитъ изъ «чатниковъ» и «кержаковъ», которые въ церковь не ходятъ и равнодушны къ обрядамъ православной вѣры. Не облекаются ли здѣсь, какъ это нерѣдко бывало въ исторіи, въ религіозную форму столкновенія между переселенцами и старожилами на почвѣ экономическихъ и соціальныхъ отношеній? ибо трудно допустить, чтобы русскій человѣкъ, отличающійся своимъ терпимымъ отношеніемъ къ иновѣрцамъ, сталъ разоряться изъ-за того, что его сосѣдъ не ходитъ въ церковь. Чрезвычайно интересно выяснить внутренній, сокровенный смыслъ подобныхъ жалобъ.

90. Какъ объяснить, что другіе переселенцы рисуютъ жизнь на новомъ мѣстѣ въ заманчивомъ видѣ и не обнаруживаютъ намѣренія вернуться на родину?

Этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ предыдущимъ и имѣетъ цѣлью рельефнѣе оттѣнить причины, побудившія данную семью вернуться на старое мѣсто.

91. Виды вернувшейся семьи на будущее въ родной сторонѣ.

Digitized by Google

V. Старыя колоніи.

Экономическое положеніе старыхъ колоній можетъ быть опредѣлено при помощи предыдущихъ пунктовъ программы (I, IV), дополненныхъ нижеслѣдующими вопросами:

92. Время основанія изслѣдуемаго поселенія.

93. Исторія его основанія и дальнѣйшаго развитія.

Сюда слѣдуетъ включить разсказы о томъ, какимъ образомъ совершилось выселеніе изъ прежняго мѣста жительства, какъ мало-по-малу устроились переселенцы на новомъ мѣстѣ и какъ развивались экономическія отношенія жителей новаго поселенія другъ къ другу и къ государству (см. предыдущіе вопросы программы).

94. Не происходило ли въ недавнее время новыхъ переселеній въ ту же или въ сосѣднюю мѣстность?

Наплывъ новыхъ переселенцевъ, само собою разумѣется, стѣсняетъ земельный просторъ для прежняго населенія. Такъ, напримѣръ, въ одну изъ волостей Шадринскаго уѣзда нѣсколько лѣтъ тому назадъ причислено было 400 душъ переселенцевъ, которымъ отведенъ былъ надѣлъ въ 8-ми-десятинной пропорціи изъ казенной оброчной статьи; сосѣдніе крестьяне, пользующіеся 12-десятиннымъ надѣломъ, почувствовали стѣсненіе въ землѣ, ибо, хотя отведенный имъ надѣлъ остался тотъ же, но ранѣе они пользовались за опредѣленную плату и тою оброчною статьею, которая потомъ отведена была переселенцамъ.

95. Число выселеній изъ изслѣдуемыхъ села или деревни.

96. Экономическое положеніе каждой переселившейся семьи.

97. Мотивы переселенія каждой семьи.

Прочіе вопросы тѣ же, что и выше, относительно всякой вообще переселенческой семьи.

И. Гурьевичъ.

Digitized by Google

Инн. Вас. Ѳедоровъ-Омулевскій.

Родился Омулевскій въ 1836 году въ городѣ Петропавловскѣ (въ Камчаткѣ). Въ этомъ далекомъ, маленькомъ городишкѣ протекло дѣтство поэта до 7 лѣтъ, когда онъ былъ привезенъ въ Иркутскъ своимъ отцомъ, служившимъ исправникомъ въ Камчаткѣ и затѣмъ переведеннымъ въ Иркутскъ. О тихой сельской жизни Петропавловска, одного изъ самыхъ глухихъ уголковъ Сибири, Омулевскій навсегда сохранилъ самое свѣтлое воспоминаніе и, какъ единственный вещественный памятникъ о родномъ городкѣ, поэтъ всю жизнь берегъ старую, разорванную, исклеенную картинку — видъ Петропавловскаго порта, нарисованный имъ самимъ. Въ Иркутскѣ Иннокентій Васильевичъ поступилъ въ гимназію, и годы юности, хорошо обезпеченные матеріально, были счастливы и въ умственномъ ростѣ будущаго поэта. То время для Иркутска было его золотымъ вѣкомъ, когда этотъ городъ имѣлъ полное право претендовать на названіе столицы Сибири и дѣйствительно являлся центромъ промышленной, административной и умственной жизни окраины. Капиталы, энергія и предпріимчивость, а вмѣстѣ съ этимъ и все, что было неординарнаго, выдающагося въ Сибири, стекалось въ Иркутскъ; періодъ колоссальныхъ предпріятій, милліонныхъ компаній былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и періодомъ широкихъ административныхъ реформъ,—періодомъ, такъ или иначе, выразившагося общественнаго самосознанія и гражданственности; пульсъ всей жизни бился тогда сильнѣе... Этотъ подъемъ жизни не могъ не отразиться самымъ благотворнымъ образомъ на умственномъ развитіи будущаго поэта, онъ вложилъ въ него ту горячую патріотическую любовь къ родинѣ, которая всю жизнь потомъ составляла основную черту въ характерѣ Омулевскаго. Между тѣмъ и поэтическій талантъ мало-по-малу развивался и нашелъ себѣ выходъ во многихъ стишкахъ и эпиграммахъ на гимназическое начальство и порядки, часто мѣтко попадавшихъ въ цѣль. Произведенія молодой музы Омулевскаго много разъ конфисковались на его квартирѣ гимназическимъ начальствомъ и послужили, вѣроятно, косвенной причиной выхода поэта изъ гимназіи, не окончивши курса.

Digitized by Google

Иннокентій Васильевичъ вышелъ изъ 6-го класса и вскорѣ поступилъ было на службу, но натура поэта и зародившаяся уже потребность болѣе широкой и полной умственной жизни не могли не тянуть Омулевскаго въ университетъ, тѣмъ болѣе въ ту эпоху, когда въ умственныхъ центрахъ Россіи начинался разсвѣтъ новой жизни. Отецъ его, хотя человѣкъ и необразованный, не противился желанію сына, и въ самомъ концѣ 50-хъ годовъ „веселый, розовый юноша, съ золотыми кудрями до плечъ, въ художническомъ бархатномъ сюртукѣ", какъ описываетъ Омулевскаго въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ сибирскихъ писателей, былъ уже въ Петербургѣ и поступилъ вольнослушателемъ въ университетъ. Но въ университетѣ пробылъ Иннокентій Васильевичъ недолго и по выходѣ сталъ выступать понемногу на литературную дорогу, работая пока преимущественно въ сатирическихъ листкахъ.

За этотъ первый періодъ жизни въ Россіи (въ 1863-мъ году Иннокентій Васильевичъ, по просьбѣ родныхъ, услыхавшихъ о слишкомъ разсѣянной жизни поэта въ Петербургѣ, возвратился въ Иркутскъ) Ѳедоровъ-Омулевскій снова испробовалъ служить и былъ, между прочимъ, нѣкоторое время въ Витебскѣ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ Солнцевѣ. Нервная, полная общественныхъ интересовъ жизнь тогдашняго Петербурга, скитанія по Россіи, давшія массу новыхъ впечатлѣній опредѣлили дорогу и направленіе поэта, взростили въ немъ тѣ идеалы, которые такъ ярко выражены самимъ имъ въ свѣтлой и высоко симпатичной фигурѣ героя романа Омулевскаго „Шагъ за шагомъ". Извѣстный романъ этотъ былъ напечатанъ въ 1871 году въ „Дѣлѣ" (въ томъ же журналѣ было помѣщено начало и другаго его романа „Попытка не шутка"). „Шагъ за шагомъ" носитъ почти вполнѣ автобіографическій характеръ. Въ промежутокъ съ 1863 по 1865 годъ, когда Омулевскій снова уѣхалъ въ Петербургъ, съ самимъ Иннокентіемъ Васильевичемъ произошла исторія, подобная описанной въ романѣ. Даже барышня полька, въ которую влюбляется Свѣтловъ, была портретомъ избранницы сердца самого поэта, выучившагося, благодаря этой любви, польскому языку и угощавшаго свою избранницу переводами сонетовъ Мицкевича и произведеній Сырокомли *). Все еще молодымъ, розовымъ и полнымъ надеждъ возвращается Омулевскій снова въ Петербургъ и сразу встаетъ на дорогу поэта. Но жизнь вскорѣ стала наносить ему одинъ за другимъ тѣ страшные удары, которые такъ быстро смываютъ румянецъ со щекъ, сгоняютъ улыбку съ лица и все ближе влекутъ человѣка къ могилѣ. Постоянный недостатокъ средствъ, спѣшная работа въ массѣ журналовъ, придирки и самодурство редакторовъ, закулисная мелочность редакцій, Литовскій замокъ за неосторожныя выраженія, страшная болѣзнь глазъ, едва не ослѣпившая поэта и усилившая буквально до голода

*) За это же время жизни въ Иркутскѣ Омулевскій написалъ бытовой очеркъ изъ сибирской жизни, который и былъ напечатанъ въ сборникѣ, подъ названіемъ «Сибирскихъ разсказовъ», изданномъ И. С. Щукинымъ.

Digitized by Google

и безъ того ужасающую бѣдность, и, наконецъ, вслѣдствіе всего этого страсть къ водкѣ, обратившаяся въ запой, сгубили и сломили организмъ поэта, обратили его жизнь въ цѣпь страданій и горя.

Не смотря, однако, на всѣ эти бѣдствія, Иннокентій Васильевичъ до конца жизни съумѣлъ сохранить въ себѣ тѣ идеалы, ради которыхъ онъ жилъ и боролся со зломъ во всю свою дѣятельность.

Воспитанный подъ вліяніемъ хорошей поры въ Иркутскѣ и затѣмъ эпохи 60-хъ годовъ въ Россіи, Омулевскій необходимо соединилъ въ себѣ съ личностью русскаго общественнаго бойца-шестидесятника глубокую любовь къ Сибири и горячее отношеніе къ ея интересамъ и недугамъ. Постоянной цѣлью и завѣтной мечтой поэта было сдѣлаться пѣвцомъ родины, но поздно возникшая сибирская журналистика, а значитъ и возможность существовать исключительно сибирскими темами, только при самомъ концѣ жизни позволили Омулевскому исполнить эту мечту на дѣлѣ. Вотъ его собственное четверостишіе, посвященное редактору „Вост. Обозрѣнія“:

«Когда бъ, быть можетъ, твой журналъ
Могъ появиться раньше въ мірѣ,
И я бы, другъ мой милый, сталъ
Поэтомъ истиннымъ Сибири!»

Эта-то вынужденная оторванность поэта отъ родины да спѣшная срочная работа и обусловили собою появленіе многихъ недодѣланныхъ, непрочувствованныхъ и вслѣдствіе этого иногда крайне тенденціозныхъ произведеній; только въ сибирскихъ мотивахъ сказалась вполнѣ вся могучая талантливость, глубина чувства и поэзіи Омулевскаго.

Долго лелѣялъ Иннок. Вас. мечту побывать на родинѣ еще разъ и, запасшись новыми впечатлѣніями, сдѣлаться исключительно сибирскимъ поэтомъ, и только въ 1879 году суждено было осуществиться этой надеждѣ. Около этого времени умеръ отецъ поэта, оставивъ ему въ наслѣдство маленькій домишко на Первой Солдатской улицѣ въ Иркутскѣ, который былъ купленъ стариками послѣ пожара 1868 года, похитившаго ихъ прежній домъ и почти все имущество. Инн. Вас., незадолго передъ этимъ женившійся, задумалъ осуществить свою поѣздку въ Сибирь и поправить, хоть немного, матеріальныя средства свои, продавъ домъ и мѣсто. Съ восторгомъ ребенка любовался Инн. Вас. раскрывавшимися передъ нимъ одна за другою родными картинами въ Сибири. При видѣ Тобольска и памятника Ермаку, Омулевскій, по разсказу жены, ѣхавшей вмѣстѣ съ мужемъ на пароходѣ, бросилъ въ воду въ честь завоевателя Сибири свои часы, не имѣя возможности иначе выразить свой восторгъ!...

„...И чѣмъ дальше, тѣмъ лучше картины!“—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній объ этихъ впечатлѣніяхъ. Но въ Иркутскѣ въ это время уже снова ожидала поэта бѣда. Онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ 24-го іюня, въ тотъ самый день, когда больше полгорода,

Digitized by Google

Поэтъ-сибирякъ

Иннокентій Васильевичъ Ѳедоровъ-Омулевскій.

Digitized by Google

Digitized by Google

а, между прочимъ, и домъ Омулевскаго были обращены въ пепелище. Снова голодная година посѣтила поэта. Разошедшись съ матерью и другими родственниками, Инн. Вас. поселился гдѣ-то на грязной и глухой окраинѣ города, занимая вмѣстѣ съ женой грязную комнату въ двѣ квадратныя сажени, и перебивался кое-какъ здѣсь, работая корректоромъ въ газетѣ „Сибирь“. Вскорѣ развившійся отъ страданій и горя запой свелъ поэта въ больницу, здѣсь имъ былъ написанъ фельетонъ („Наброски сибирскаго поэта“), помѣщенный потомъ въ „Восточномъ Обозрѣніи“ (1884 г., № 2-й). Выздоровѣвъ и побившись еще нѣсколько времени въ Иркутскѣ, Инн. Вас. продалъ за безцѣнокъ мѣсто, гдѣ стоялъ домъ, и уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы никогда уже не возвратиться больше на родину.

Снова потянулась та же мелочная борьба съ нищетой, продолжавшейся до самой смерти поэта и доходившей иногда до того, что Омулевскій по мѣсяцу не могъ выйдти изъ квартиры, такъ какъ все наличное платье и даже бѣлье приходилось закладывать. Тѣмъ не менѣе, этотъ послѣдній періодъ жизни поэта надо считать самымъ плодовитымъ по массѣ напечатанныхъ, написанныхъ или только задуманныхъ произведеній, большею частію, на сибирскія тэмы. Когда (въ 1882 году) Ядринцевъ сталъ издавать „Восточ. Обозр.“, Инн. Вас. перешелъ въ этотъ органъ и оставался въ немъ сотрудникомъ до конца жизни; къ этому же времени относится и четверостишіе, приведенное нами выше. Инн. Вас. умеръ 26-го декабря 1883 года и былъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, на собранныя по подпискѣ деньги. Земляки да кучка лицъ изъ литературной среды проводили покойнаго въ его послѣднее жилище...

Въ заключеніе позволимъ себѣ привести слова извѣстнаго писателя П. Засодимскаго изъ его письма въ редакцію „Восточ. Обозр.“ по поводу похоронъ Иннок. Васильевича (1884 г., № 1-й):

„Погасла жизнь, разорвалось и перестало биться сердце, много пострадавшее при жизни. Умеръ нашъ товарищъ, труженикъ-бѣднякъ, работавшій на благо общее, умеръ честный писатель, не оставившій послѣ себя ни одной строки, за которую можно было бы покраснѣть, неуклонно слѣдовавшій по избранному пути, не перебѣгавшій изъ-подъ одного знамени къ другому и завѣщавшій въ наслѣдство своей вдовѣ и тремъ малюткамъ только одно честное, незапятнанное литературное имя“...

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФІЯ.

По тюрьмамъ и этапамъ. Очерки тюремной жизни и путевыя замѣтки отъ Москвы до Красноярска. И. П. Бѣлоконскаго (Петровича). Орелъ. 1887.

«Настоящая книжка, — говоритъ авторъ труда «По тюрьмамъ и этапамъ»,—составлена изъ моихъ статей, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и газетѣ «Сибирь». Свѣдѣнія, сообщаемыя въ ней, есть результатъ личныхъ моихъ наблюденій и изученія, провѣренныхъ и дополненныхъ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ болѣе или менѣе компетентныхъ сочиненій русскихъ и *иностранныхъ*. (Какихъ?). При посредствѣ этой книги, я стремлюсь ознакомить читателей съ условіями тюремной жизни, этапнаго пути въ Сибирь, по которому проходятъ ежегодно тысячи членовъ русскаго общества, и отчасти съ условіями жизни въ Сибири». Вотъ въ чемъ, по заявленію автора, заключалась задача его труда. Г. Бѣлоконскій значительную часть своей книжки, правда, весьма небольшаго объема, посвятилъ описанію тюремной жизни и этапнаго пути въ Сибирь, скорѣе всего дневнику; для ознакомленія же читателя съ современною Сибирью, ея нуждами и потребностями, имъ приводятся очень коротенькія и поверхностныя свѣдѣнія, которыя не могутъ дать достаточно полное представленіе о трактуемомъ предметѣ. Такимъ образомъ, авторъ книги: «По тюрьмамъ и этапамъ», работалъ, повидимому, надъ той же темой, которая уже разъ была представлена такъ блистательно въ сочиненіи талантливаго беллетриста-этнографа С. В. Максимова. Это обстоятельство, однако, нисколько не должно умалять извѣстнаго интереса небольшой книжки г. Бѣлоконскаго. «По тюрьмамъ и этапамъ» заключаетъ въ себѣ десять главъ и прибавленіе, въ которомъ сообщается общій маршрутъ отъ Екатеринбурга до Красноярска и свѣдѣнія о цѣнахъ на необходимые предметы. Въ первыхъ двухъ главахъ книги авторъ знакомитъ читателя съ жизнью, нравами и обычаями вообще русскихъ тюремъ, причемъ имъ приводится много разныхъ случаевъ изъ повседневной жизни заключенныхъ. Вотъ, напримѣръ, очень характерная иллюстрація тюремно-пересыльныхъ порядковъ. «Смотритель З—й,— разсказываетъ авторъ, — всегда самъ лично расправлялся съ аре-

Digitized by Google

стантами собственными кулаками. Вопросъ — лучше или хуже онъ дѣлалъ? Дѣло въ томъ, что, въ случаѣ бунтовъ, криковъ или ссоръ между арестантами, призывали конвой, который, не разбирая ни праваго, ни виноватаго, лупилъ всѣхъ прикладами. З—ій никогда не звалъ конвоя и даже отсылалъ его, если заставалъ на мѣстѣ происшествія, и разбиралъ дѣло самъ; дрался онъ сильно, до того, что у него опухали ладони; особенно не долюбливалъ онъ евреевъ, которые вѣчно ссорились и кричали невыносимо. Благодаря тѣснотѣ (болѣе 20 душъ въ одной небольшой камерѣ), столкновенія у нихъ происходили весьма часто, почему то и дѣло раздавались голоса:—Конвой! конвой! Зарѣжутъ! Конвой! Смотрителя! Офицера!—Умираю! оё-ёй!—И дѣйствительно не разъ было недалеко до смертельныхъ случаевъ. Являлся З—й и колотилъ всѣхъ безъ разбора; очень часто въ тихія ночи раздавался громкій лязкъ отъ пощечинъ. Послѣ такого побоища З—й остывалъ быстро, дѣлался веселымъ, добрымъ.—«Эхъ, отдулъ же его!»—говаривалъ онъ улыбаясь:—«руки опухли! Нельзя иначе-съ! Повѣрите ли, какъ хвачу, какъ хвачу—э-эхъ!»—улыбка озаряла его красное, пухлое лицо, и онъ сіялъ отъ удовольствія». Переходя къ описанію жизни арестантовъ во время ихъ слѣдованія по этапамъ изъ сердца Россіи — Москвы въ Сибирь, авторъ, какъ бы въ оправданіе цѣлесообразности своей работы, обращается къ читателю со словами: «Отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся,—гласитъ опытомъ жизни выработанная русская пословица,—кто знаетъ, можетъ, и тебѣ, читатель, или твоимъ близкимъ, придется прошагать «въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя»; мы,—прибавляетъ г. Бѣлоконскій,—и сами не думали совершить этого путешествія, а пришлось». Въ слѣдующей большей части своей книги, съ III-й до IX-й главы включительно, авторъ описываетъ путь арестантской партіи отъ Москвы до Красноярска. Авторъ приводитъ довольно много различныхъ и интересныхъ свѣдѣній о невольномъ путешествіи арестантовъ, совершающихъ длиннѣйшій путь отчасти по желѣзной дорогѣ, отчасти по водѣ на баржахъ, этихъ пловучихъ тюрьмахъ, отчасти per pedes apostolorum по пыльному и грязному сибирскому тракту, отчасти на лошадяхъ. При этомъ описывается экономическое положеніе арестантовъ, ихъ жизнь и остановки на тѣсныхъ и грязныхъ этапахъ и полуэтапахъ, организація медицинской помощи арестантамъ и санитарныя условія ихъ пути, этапныя помѣщенія, конвой и проч. Кромѣ всего этого, авторъ посвящаетъ немало страницъ описанію въ различныхъ отношеніяхъ тѣхъ мѣстъ, губерній и городовъ, особенно сибирскихъ, чрезъ которые проходятъ арестантскія партіи. Такъ имъ приводятся краткія свѣдѣнія о Нижнемъ Новгородѣ, Казани, о рѣкахъ Волгѣ и Камѣ, объ Екатеринбургѣ и его уѣздѣ, о Камышловскомъ уѣздѣ; далѣе дѣлается краткій историко-географическій обзоръ вообще Сибири и въ частности сообщаются свѣдѣнія о попутныхъ отъ Тюмени до Красноярска—городахъ (Тюмень, Тобольскъ, Сургутъ, Нарымъ, Томскъ, Маріинскъ, Ачинскъ, Красноярскъ), рѣкахъ (Тура, Тоболъ, Иртышъ, Обь, Енисей), объ инородцахъ—остякахъ и самоѣдахъ. Вся эта послѣдняя часть гораздо слабѣе предыдущихъ. Это

Digitized by Google

скорѣе летучія, скороспѣлыя газетныя корреспонденціи, чѣмъ главы книги, желающей дать понятіе о краѣ. Можно было бы и съ этимъ примириться, если бы, вслѣдствіе той же скороспѣлости, не встрѣтилось у автора ошибокъ. По этому поводу мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній къ серіи сибирскихъ вопросовъ, совершенно невѣрно понятыхъ г. Бѣлоконскимъ. Сообщая нѣкоторыя свѣдѣнія о тюменской желѣзной дорогѣ, авторъ, напримѣръ, говоритъ: «Представители сибирской прессы, изъ-за желѣзной дороги черезъ Сибирь, раздѣлились на двѣ противоположныя партіи. Одна изъ нихъ утверждаетъ, что желѣзныя дороги не нужны Сибири, что онѣ причиняютъ вредъ странѣ; другая, наоборотъ, доказываетъ необходимость желѣзныхъ дорогъ» (стр. 118—119). Авторъ присоединяется въ этомъ вопросѣ ко второй партіи и убѣжденъ «въ необходимости проведенія дороги черезъ всю Сибирь, отъ Урала до Восточнаго океана»; затѣмъ онъ на нѣсколькихъ страницахъ (119—123) своей книги старается доказать, что Сибирь безъ такой дороги нисколько не успѣетъ въ развитіи своего экономическаго благосостоянія и вообще культуры. Намъ же кажется, что вовсе нѣтъ никакой партіи, въ принципѣ будто бы отрицающей проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ Сибири. На самомъ дѣлѣ, если сибирская печать и высказывалась противъ желѣзной дороги, то именно противъ такой, какую проектируетъ г. Бѣлонскій, т. е. противъ проведенія такъ называемой центральной сибирской желѣзной дороги, причемъ прожектеры не желали соображаться съ мѣстными экономическими условіями, и имъ только нужна была Сибирь. Ошибка ихъ въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, Сибирь создана для желѣзной дороги, а не желѣзная дорога должна служить Сибири. Но та же самая печать всегда сочувственно относилась къ тѣмъ проектамъ желѣзныхъ путей, которые за исходную точку брали мѣстныя потребности и мѣстныя экономическія условія. Какой можетъ быть толкъ въ фантастическихъ проектахъ о томъ, «чтобы Сибирь, по выраженію г. Бѣлоконскаго, могла играть какую нибудь роль въ общей, міровой жизни», при помощи желѣзной дороги отъ Урала до Тихаго океана, когда Сибирь у себя дома представляетъ полнѣйшую мерзость запустѣнія. Богъ съ ней, и съ міровой ролью! Предстоитъ еще бездна работы по элементарному благоустройству края, а длиннѣйшая желѣзная дорога этому не поможетъ и только еще болѣе истощитъ и безъ того надорванныя силы Сибири и ея населенія.

Въ послѣдней, X-й, главѣ книги, авторъ даетъ читателю «общій взглядъ на Сибирь». Въ этой части его труда заслуживаетъ вниманія указаніе на экономическое состояніе сибирскаго крестьянина, оставляющее желать еще многаго лучшаго; авторъ приводитъ внушительные списки съ поименованіемъ разрядовъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей и разныхъ сборовъ, которые приходится нести сибирскому крестьянству. По вычисленію автора, если натуральныя повинности переложить на деньги, крестьянамъ, напримѣръ, Енисейской губерніи, все населеніе которой въ 1881 году равнялось 421,000 душъ обоего пола, нужно было отбыть повинности и выплатить сборы общею суммою—12.126,397 руб. «Нельзя не замѣ-

Digitized by Google

тить при этомъ,—прибавляетъ авторъ,—что помянутая сумма увеличивается по меньшей мѣрѣ вдвое, благодаря способамъ взиманія: нѣтъ почти писаря, волостнаго старшины, которые бы не прибавили «при собираніяхъ» какую либо «лишку» и для себя; нерѣдко писаря, въ связи со старшинами, выдумываютъ несуществующія повинности, собираютъ деньги и кладутъ ихъ себѣ въ карманъ; даже исправное отбываніе повинностей, правильный взносъ въ казну денегъ не гарантируютъ крестьянина: пріѣзжаетъ мужикъ въ волость верстъ за 200—300 (не слишкомъ ли увеличено разстояніе: кажется, даже и въ Сибири такая отдаленность деревни отъ резиденціи волостной администраціи можетъ встрѣтиться какъ довольно рѣдкое исключеніе, особенно въ мѣстностяхъ съ плотнымъ русскимъ населеніемъ), чтобы внести слѣдуемыя деньги, писарь не принимаетъ ихъ по недѣлямъ, говоря «некогда», покуда не задобритъ его крестьянинъ. А во сколько крестьянину обходится судъ, «мертвыя тѣла» и т. п.!» Эти замѣчанія весьма цѣнныя и вѣрныя. Но рядомъ съ этимъ авторъ представляетъ характеристику сибирскаго крестьянина, причемъ не выясняетъ его типа съ положительныхъ сторонъ, а только указываетъ на отдѣльныя отрицательныя черты въ характерѣ сибирскаго крестьянина, какъ-то: необыкновенное деньголюбіе—«*за деньги* онъ, какъ говорится, *отца роднаго не пожалѣетъ*, готовъ на все»,—пишетъ авторъ; затѣмъ—любовь къ водкѣ, благодаря чему «съ сибирякомъ, по словамъ автора, *за полштофа можно сдѣлать что угодно*»; далѣе авторъ говоритъ, что «у сибиряка нѣтъ ничего своего, оригинальнаго: все наносно», напримѣръ, пѣсни, танцы, костюмы; наконецъ, авторъ указываетъ на большую испорченность нравовъ въ Сибири, особенно по золотопромышленнымъ трактамъ и по городамъ: «*нерѣдко мать продаетъ свою дочь* не въ силу крайности, а руководствуясь денежными соображеніями». На все это зло, какъ и на многое другое нехорошее въ сибирякѣ, авторъ смотритъ какъ на печальный результатъ пагубнаго вліянія ссыльнаго уголовнаго элемента. Съ этимъ можно отчасти согласиться. Однако, мрачной, пессимистической характеристики сибирскаго крестьянина, сдѣланной авторомъ, мы, всетаки, не можемъ признать справедливой: дѣятельный, трудолюбивый, выносливый, смѣтливый, мужественный, умный, немножко хитрый, бережливый, зажиточный сибирскій крестьянинъ далеко не заслуживаетъ такого невыгоднаго отзыва, какой представленъ о немъ г. Бѣлоконскимъ. Да и самъ авторъ, сознаваясь въ неполнотѣ своихъ свѣдѣній о сибирякѣ, оговаривается въ примѣчаніи, что «и весьма возможно, что сужденія наши зависятъ отъ недостаточнаго знакомства съ сибирскими крестьянами», «мы пишемъ только о томъ, что пришлось замѣтить на разстояніи отъ Тюмени до Красноярска». Сказавъ нѣсколько словъ о положеніи ссыльныхъ въ Сибири, авторъ даетъ включеніе краткую характеристику сибирскаго общества. Оно, — говоритъ г. Бѣлоконскій,—состоитъ «изъ бюрократіи, золотопромышленниковъ и ссыльнаго элемента, попавшаго въ милость къ начальству. Золотопромышленникъ—это сибирскій помѣщикъ, хуже того—это рабовладѣлецъ въ полномъ смыслѣ слова; помѣщикъ, ради собственнаго благосостоянія,

Digitized by Google

иногда заботился о крестьянинѣ, предупреждая хотя бы невыгодную для него смертность; золотопромышленникъ смотритъ на рабочаго какъ на вещь, которая если и пропадетъ — ему безразлично: масса чуть не даровыхъ рукъ къ его услугамъ, масса голоднаго, холоднаго люда готова ежедневно закабалить себя золотому тельцу; при такомъ взглядѣ на рабочаго, положеніе этого послѣдняго поистинѣ плачевно: полуголодный, оборванный, онъ по цѣлымъ днямъ суровой осени и холодной весны стоитъ по горло въ водѣ, питаясь испорченной провизіей, не зная, гдѣ и согрѣться; больной рабочій оставляется безъ призрѣнія и умираетъ въ тайгѣ; часто онъ не получаетъ за каторжную работу ни гроша денегъ, потому что все забрано на вино и приварокъ... Богатѣйшіе изъ золотопромышленниковъ рѣдко навѣщаютъ Сибирь. Золотопромышленникъ—первый человѣкъ въ обществѣ; предъ нимъ все падаетъ ницъ, для него нѣтъ ничего недозволеннаго». Далѣе, упомянувъ о преобладаніи въ сибирской бюрократіи гоголевскихъ типовъ, преимущественно Сквозниковъ-Дмухановскихъ, авторъ говоритъ: «Произволъ въ Сибири полнѣйшій. Законы не имѣютъ почти никакого значенія—здѣсь всякъ молодецъ на свой образецъ». Надо сознаться вмѣстѣ съ авторомъ, что картина, имъ набросанная, и очень неполна, и нѣсколько мрачна. Есть и свѣтлыя явленія въ жизни сибирскаго общества и крестьянства. Въ исторіи сибирскаго крестьянина было не мало подвиговъ и подвижничества, въ его характерѣ сложилось много самостоятельнаго, независимаго и исполненнаго чувствомъ собственнаго достоинства. Исторія сибирскаго крестьянства еще не разработана и не оцѣнена, а этнографія его не составлена. Поэтому преждевременны всякія обобщенія. Что касается сибирскаго общества, то, кромѣ мрачныхъ и безобразныхъ сторонъ, можетъ быть, найдется кое-что, что уже даетъ надежды на лучшее. Понемногу въ этомъ обществѣ пробуждается самосознаніе, стремленіе къ просвѣщенію, желаніе разработывать свои общественные вопросы. Г. Бѣлоконскій въ своихъ характеристикахъ все это игнорировалъ, поэтому взглядъ его вышелъ односторонній. Повторяемъ, описаніе сибирской жизни у автора бѣгло и поверхностно. Но главы о тюремой жизни и арестантахъ гораздо полнѣе, и есть любопытные факты, какъ вынесенные изъ живыхъ наблюденій. Поработавъ надъ этими главами, а не раскидываясь въ фельетонныхъ очеркахъ, авторъ могъ бы сдѣлать свою книгу несомнѣнно содержательнѣе и серьезнѣе; теперь же она даетъ только отрывочный матеріалъ и рядъ личныхъ впечатлѣній.

Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году. Дневникъ П. И. Челищева. Изданъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова. Спб. 1886.

Петръ Ивановичъ Челищевъ, — говоритъ г. издатель въ своемъ очеркѣ жизни Челищева, — родился 14-го августа 1745 года. Онъ происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи и былъ сынъ воронежскаго гарнизоннаго секундъ-маіора. 1-го января 1762 года онъ былъ принятъ въ пажескій корпусъ и пробылъ въ этомъ заведеніи четыре съ небольшимъ года. Въ то же время обучался тамъ и А. Н.

Digitized by Google

Радищевъ, извѣстный впослѣдствіи авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», книги, возбудившей крайнее неудовольствіе императрицы Екатерины II. По плану воспитанія и обученія, принятому въ пажескомъ корпусѣ, предполагалось не только давать пажамъ элементарное гуманное образованіе, но и обучать ихъ военнымъ и юридическимъ наукамъ, чтобы приготовить изъ нихъ людей, годныхъ какъ къ военной, такъ и гражданской службѣ. На сколько достигались въ дѣйствительности эти широкія цѣли, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ 1760-хъ годовъ, можно судить по тому, что и лучшіе изъ пажей того времени, принадлежавшіе къ одному съ Челищевымъ выпуску, оказались малосвѣдущими даже въ нѣмецкомъ языкѣ. Въ началѣ 1766 года императрица Екатерина пожелала отправить нѣсколькихъ воспитанниковъ пажескаго корпуса за границу для изученія наукъ въ Лейпцигскомъ университетѣ. Въ числѣ выбранныхъ 12-ти юношей находились и Челищевъ съ Радищевымъ. Для надзора за молодыми людьми назначенъ былъ маіоръ Бокумъ, а въ качествѣ духовника іеромонахъ Павелъ. Бокумъ оказался грубымъ и корыстолюбивымъ человѣкомъ: онъ не только не умѣлъ стать въ добрыя отношенія къ молодымъ людямъ, но и всячески притѣснялъ ихъ и доводилъ почти до отчаянія. Нарушеніе Бокумомъ данной ему инструкціи (собственноручно написанной императрицею) доходило до крайнихъ предѣловъ. Объ успѣхахъ русскихъ студентовъ въ наукахъ онъ ничего не доносилъ въ Петербургъ и только жаловался на ихъ дурное поведеніе. Молодые люди, въ свою очередь, жаловались на него, но втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ положеніе ихъ не становилось отъ того лучше. Только въ 1769 году объявлено было русскимъ студентамъ благоволеніе императрицы за ихъ прилежаніе и успѣхи. Изъ относящихся къ тому же году свѣдѣній видно, что молодые люди должны были слушать въ университетѣ лекціи философіи, исторіи, математики, физики и юридическихъ наукъ. Въ маѣ 1770 года Бокуму приказано было отправить обратно въ Россію Челищева и его товарища, князя Трубецкаго. Вызванные прибыли въ Петербургъ въ исходѣ 1770 года, совершивъ съ немалою опасностью осеннее плаваніе по Балтійскому морю, и объясненіями своими разоблачили поступки Бокума съ порученными ему молодыми людьми. Пребываніе въ Лейпцигскомъ университетѣ доставило Челищеву возможность пріобрѣсти хорошее образованіе. Въ числѣ профессоровъ, которыхъ онъ могъ слушать тамъ, было нѣсколько пользовавшихся большою извѣстностью, въ томъ числѣ Геллертъ, преподававшій словесныя науки, и Эрнестъ Платнеръ, читавшій философію и физіологію. Платнеръ въ своемъ преподаваніи старался сблизить отвлеченную науку съ насущными потребностями жизни, затрогивалъ соціальные вопросы, подвергалъ критикѣ существующіе законы и общественные порядки, указывалъ вопіющую неправду въ отношеніяхъ между бѣдными и богатыми, сытыми и голодными и т. п. Вліяніе Платнера на Челищева не подлежитъ сомнѣнію и доказывается многими страницами его путеваго дневника. О службѣ Челищева по возвращеніи въ Россію ничего почти неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, виднаго служебнаго положенія онъ не успѣлъ пріобрѣсти и въ 1790 г.

*

Digitized by Google

былъ только секундъ-маіоромъ въ отставкѣ. Когда, въ іюлѣ этого года, поднялась тревога по поводу изданнаго Радищевымъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», императрица возъимѣла подозрѣніе, что Челищевъ принималъ участіе въ сочиненіи и печатаніи этой книги. Очевидно, что Челищевъ былъ на дурномъ счету при дворѣ. Впрочемъ, подозрѣніе это оказалось несправедливымъ, и Челищевъ не подвергся никакому преслѣдованію.

Л. Н. Майковъ, подъ наблюденіемъ котораго изданъ «Дневникъ» П. И. Челищева, въ своей статьѣ, предпосланной изданію, приводитъ свѣдѣнія о путешествіи Челищева и даетъ общую характеристику фактовъ, собранныхъ путешественникомъ въ его книгѣ. Челищевъ, въ маѣ 1791 года, предпринялъ путешествіе по сѣвернымъ областямъ Россіи, причемъ проѣхалъ въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ Олонецкую губернію, посѣтилъ среднія части губерніи Архангельской, западные уѣзды Вологодской губерніи и восточные—Новгородской; въ декабрѣ 1791 года онъ уже возвратился въ Петербургъ. Путешествіе это было совершено Челищевымъ на свой счетъ; странствовалъ онъ одинъ, въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ своихъ слугъ. Главнымъ, повидимому, побужденіемъ, которое руководило Челищевымъ, была любознательность; быть можетъ, также и то, что, какъ человѣкъ искренно религіозный, онъ желалъ поклониться многочисленнымъ святынямъ русскаго сѣвера. Самые разнообразные предметы привлекали вниманіе его во время странствованія, начиная отъ памятниковъ благочестія и древности до мелкихъ подробностей народнаго быта и состава чиновниковъ въ посѣщенныхъ имъ городахъ; но въ особенности занимало его все, что касается народнаго благосостоянія: Челищевъ съ живымъ сочувствіемъ относится къ бодрому и трудолюбивому населенію русскаго сѣвера, обстоятельно описываетъ разнообразные его промыслы и нерѣдко высказываетъ горькое сожалѣніе о томъ небреженіи къ народнымъ нуждамъ, которое обнаруживаютъ правительственныя лица и представители духовнаго сословія, обязанные пещись о развитіи нравственныхъ и матеріальныхъ силъ народа. Злоупотребленія иностранцевъ въ торговлѣ и притѣсненія съ ихъ стороны русскимъ промышленникамъ вызываютъ горячее его негодованіе. Весьма замѣчательны обильныя статистическія данныя, сообщаемыя Челищевымъ; по всей вѣроятности, они получены имъ отъ мѣстныхъ чиновниковъ. Довольно много встрѣчается у него и свѣдѣній историческихъ; авторъ почерпалъ ихъ какъ изъ устныхъ разсказовъ, такъ и изъ письменныхъ источниковъ, которые не упускалъ случаевъ разыскивать и просматривать въ разныхъ мѣстахъ; нѣкоторые промахи въ историческихъ его показаніяхъ легко объясняются отсутствіемъ въ его рукахъ общихъ пособій для справокъ. При всей своей набожности, Челищевъ является, однако, человѣкомъ своего вѣка въ отношеніи къ предметамъ религіознымъ: онъ строго осуждаетъ суевѣріе народа, а въ расколѣ видитъ только «густой туманъ лжевѣрія». Во всякомъ случаѣ путевыя записки Челищева представляютъ чрезвычайно богатый матеріалъ для изученія народной жизни русскаго сѣвера въ концѣ прошлаго вѣка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельствуютъ, что

Digitized by Google

авторъ ихъ былъ человѣкъ свѣтлаго ума, дѣльнаго образованія и благороднаго, независимаго образа мыслей. Челищевъ умеръ 25-го сентября 1811 года и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Мы, со своей стороны, обращаемъ вниманіе на «Дневникъ» Челищева, какъ историко-этнографическій источникъ для сибирскаго изслѣдователя. Въ этомъ отношеніи «Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году» представляетъ немаловажный научный интересъ. Припомнимъ, что въ колонизаціи Сибири немалое значеніе имѣли промышленники и торговцы, стремившіеся за барышами въ Сибирскій край изъ областей Новгородской, Архангельской, Вологодской, т. е. изъ тѣхъ мѣстъ, которыя главнымъ образомъ и служили предметомъ описаній для Челищева. Мы сдѣлаемъ извлеченія изъ «Дневника», въ которыхъ рѣчь идетъ о Сибири, а также о Новой Землѣ и Пермской области, какъ мѣстахъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ Сибири. Описывая Даниловъ мужской и женскій монастыри (Суземки—иначе) на рѣкѣ Выгѣ, Челищевъ упоминаетъ, что «они для промыслу морскихъ звѣрей и оленей всякій годъ на острова Сѣвернаго окіяна къ Килдюинъ, Груенландъ и къ *Новой Землѣ* съ довольнымъ числомъ работниковъ отправляютъ свои большія ладьи» (стр. 22). О занятіяхъ жителей города Кеми говорится: «Главный ихъ торгъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ Архангельскѣ и другихъ городахъ морскими рыбами и морскихъ звѣрей кожами и саломъ, что̀ все закупаютъ у приморскихъ крестьянъ въ большомъ количествѣ, сколько капиталъ позволитъ; сверхъ же того, имѣющіе изрядный достатокъ для онаго рыбнаго и звѣринаго морскаго промысла ѣздятъ на своихъ мореходныхъ ладьяхъ (которыя имъ съ оснасткою становятся отъ четырехъ до семисотъ рублей) на берега Сѣвернаго окіяна до Килдюина; бѣдные жъ на тѣхъ ладьяхъ нанимаются въ работники»... (стр. 38). Въ статьѣ о городѣ Онегѣ путешественникомъ приводятся свѣдѣнія о промыслахъ и торговлѣ жителей, въ сферу промышленной дѣятельности которыхъ отчасти входили крайніе сѣверные предѣлы Сибири. «Купечество и мѣщанство сего города (Онеги), — говоритъ Челищевъ, — главный торгъ и собственный свой промыселъ имѣютъ морскими рыбами: треской, палтусиной, семгой и сельдями, кожами морскихъ звѣрей и ихъ саломъ, для ловли которыхъ отправляютъ свои мореходныя суда, называемыя ладьи и кочмары, и работниковъ на берега Сѣвернаго окіяна, близь Колы, и проѣзжаютъ на Килдюинъ островъ до Вардъ-Гаузена, острова жъ, и въ Кандалажскую губу, также на Груенландъ и къ *Новой Землѣ*, и каждый годъ въ помянутыя мѣста изъ города Онеги отправляется до двадцати купеческихъ судовъ, отъ чего богатятся, и нѣкоторые капитальныхъ денегъ имѣютъ отъ пятидесяти до ста тысячъ рублей собственно отъ онаго промысла, ибо они превращены въ купечество и мѣщанство изъ крестьянства казеннаго вѣдомства въ 780, а торгъ сей имъ позволенъ въ 781 годахъ, то еще въ десятигодичное время расторговаться не успѣли, а посему надобно думать, что они отъ онаго торгу и промысла будутъ со временемъ имѣть довольно достаточный капиталъ. Самый онаго города

Digitized by Google

богатый первой гильдіи купецъ Иванъ Михайловичъ Дьяковъ каждый годъ собственныхъ своихъ для звѣринаго и рыбнаго промысла на Мурманскій берегъ и прочія помянутыя мѣста и къ Шпицбергену отправляетъ отъ четырехъ до семи большихъ ладей и кочмаровъ» (стр. 57—58). Въ томъ же описаніи Онеги и Онежскаго края Челищевъ высказываетъ свое справедливое негодованіе по поводу хищнической эксплоатаціи иностранцами лѣсныхъ богатствъ сѣвера Россіи. Въ этомъ случаѣ Челищевъ, писавшій свой трудъ въ концѣ XVIII столѣтія, тѣмъ не менѣе можетъ дать урокъ элементарной политической экономіи нѣкоторымъ публицистамъ конца XIX столѣтія, почему-то утверждающимъ, что вывозъ сырья, напримѣръ, изъ Сибири за границу долженъ всѣми мѣрами поощряться и что это принесетъ краю неисчислимыя выгоды. Впрочемъ, и Челищевъ, возмущаясь хищничествомъ иностранцевъ въ Россіи, ничего не имѣлъ противъ предоставленія Сибири на эксплоатацію иноземцамъ. «Правда, скажутъ мнѣ,—пишетъ путешественникъ,—Россія вся преисполнена лѣсомъ, на что́ хранить безмѣрныя сіи дубравы? Сіи земли неспособны для хлѣбопашества, составляютъ только безконечныя пустыни, непроходимыя болота и обширныя селенія только дикимъ звѣрямъ. Но пусть же жадные сіи чужестранцы и неблагодарные рубятъ лѣсъ, сколько хотятъ, безданно и безпошлинно и заводятъ свои обширные заводы на сѣверныхъ берегахъ Иркутской губерніи между Лены и Енисея, а не суются въ Бѣлое море, гдѣ великій Петръ и отецъ Россіи берегъ сіи лѣса для заведенія своего флота; ибо лѣсу безспорно много, напримѣръ, по рѣкѣ Онегѣ, но ужъ по сію пору пригоняютъ его для пилки верстъ за полтораста: итакъ, англичане и голландцы въ торговомъ оборотѣ платятъ Россіи нынѣ по 25 копѣекъ за бревно, и то пивомъ, портеромъ да пряными кореньями, а когда бы казнѣ случилось строить флотъ въ тѣхъ мѣстахъ, то бы принуждена была платить по рублю за собственное свое дерево пиловое, а о корабельныхъ частяхъ не знаю какъ и сказать. Еще я тамъ видѣлъ заготовленный англичаниномъ Гомомъ для строенія кораблей лѣсъ, котораго лежитъ вдоль на версту да поперекъ саженей на сто, и гніетъ онъ не покрытъ и не складенъ порядочно понапрасну; а сказывалъ мнѣ таможенный директоръ Иванъ Ивановичъ Вулфъ, что если изъ любопытства разсмотрѣть въ лѣсу, то на каждой верстѣ таковаго для строенія кораблей гніющаго лѣсу можно найдтить полмилліона деревъ» (стр. 61—62). Дѣйствительно, иностранцы, какъ видно изъ словъ Челищева, поступали варварски по отношенію къ русскимъ и съ безцеремонною алчностью набрасывались на одно изъ главнѣйшихъ богатствъ русскаго сѣвера. Далѣе, въ описаніи города Архангельска Челищевъ говоритъ: «Привозимую промышленниками съ Груенланда, *Новой Земли* и прочихъ подобныхъ тѣмъ мѣстъ на мореходныхъ судахъ въ сентябрѣ мѣсяцу рыбу треску, палтусину и прочую, и морскихъ большихъ звѣрей кожи и сало, оставшееся за продовольствіемъ иностранныхъ кораблей, архангелогородскіе купцы отправляютъ водянымъ и зимнимъ путемъ во внутренніе россійскіе города» (стр. 90). Сообщая свѣдѣнія о промышленныхъ заведеніяхъ города Архангельска, путешественникъ приводитъ

Digitized by Google

слѣдующій интересный фактъ: «По конецъ города (Архангельска), внизъ по рѣчкѣ Кузнечихѣ, купца Мекера съ товарищи весьма изрядная сахарная фабрика; на нее привозятъ песку до трехъ сотъ бочекъ, а сахару изъ него вывариваютъ отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ пудовъ. Оный сахаръ идетъ на Архангелогородскую, Пермскую, Тобольскую, Уфимскую и Иркутскую губерніи, на Макавеевскую ярмонку и на весь за-Уральскій край; цѣна въ мою бытность,—прибавляетъ Челищевъ,—не возростала выше сорока шести копѣекъ фунтъ» (стр. 97). Описывая экономическій бытъ и занятія крестьянъ Архангельскаго уѣзда, авторъ «Путешествія на сѣверъ Россіи» упоминаетъ: «На покупку ржи, сверхъ рыбной ловли и продажи, (крестьяне) заработываютъ деньги разными промыслами и заработками: работаютъ на архангельской купеческой биржѣ и въ заводахъ, плотничаютъ при строеніи казенныхъ кораблей и прочихъ судовъ, строятъ новые и починиваютъ старые купеческіе корабли и другія мореходныя суда, ѣздятъ на нихъ къ Мурманскому берегу, Гроенланду и *Новой Земли* на рыбный и звѣриный промыслъ лоцманами и работниками»... (стр. 112). Въ статьѣ о городѣ Холмогорахъ авторъ «Дневника» также упоминаетъ о промышленникахъ изъ этого города на Сѣверномъ океанѣ: «Имѣющіе изрядный капиталъ на своихъ мореходныхъ, стоящихъ въ городѣ Архангельскѣ судахъ, для морскаго звѣринаго и рыбнаго промысла ѣздятъ къ берегамъ Сѣвернаго океана... и продаютъ сало въ Архангельскѣ, для отпуску за море, а рыбу свѣжую, соленую и сухую, вмѣстѣ съ откупною у крестьянъ своего уѣзда семгою, отвозятъ въ столичные города Москву и Санктъ-Петербургъ»... (стр. 120). Въ описаніи города Великаго Устюга Челищевъ говоритъ о трехъ самыхъ богатыхъ купцахъ этого города и указываетъ на происхожденіе ихъ громадныхъ капиталовъ, причемъ оказывается, что для двоихъ изъ этихъ купцовъ и для другихъ торговцевъ, уже обанкротившихся, имѣли главнѣйшее значеніе торговыя сношенія съ Сибирью и чрезъ Сибирь съ Китаемъ. Приводимъ выписки изъ «Дневника» Челищева по этому предмету: «... Устюгская городская дума, по записанію и платежу съ объявленнаго капитала въ казну податей, считаетъ восемь купцовъ первой гильдіи, а таковыхъ, которые имѣютъ собственный свой наличный капиталъ, только имѣется три» (стр. 166). Изъ этихъ троихъ купцовъ для нашей цѣли интересны двое, такъ какъ третій разбогатѣлъ отъ торговли чрезъ Архангельскій портъ съ Западной Европой: «Иванъ Яковлевичъ Курочкинъ имѣетъ два желѣзныхъ завода, одинъ въ Усть-Сысольской округѣ, близь рѣки Сысолы; другой Вятскаго намѣстничества въ Кайгородской округѣ. Дѣды его пріобрѣтали великій капиталъ ревенемъ, отправляемымъ чрезъ Архангельскъ въ Англію, и за оный выручали знатную сумму;... Василій Ивановичъ Шиловъ разбогатѣлъ по открытіи отдаленныхъ Алеутскихъ острововъ тамошнимъ звѣроловствомъ. Всѣ прежде бывшія знатныя купеческія фамиліи, именуемыя потогдашнему гостиной сотни, отчасти вымерли, а другія пришли въ упадокъ. Въ числѣ таковыхъ были: Грудцыны, Шелковниковы, Протодьяконовы и прочіе. По причинѣ разстройки китайскаго торгу нема-

Digitized by Google

лая часть всѣхъ вообще гильдій купечества довольно чувствовали свое неудовольствіе» (стр. 167). Въ томъ же описаніи города Великаго Устюга Челищевъ приводитъ слѣдующее интересное извѣстіе: въ этомъ городѣ «имѣется цеховыхъ мастеровъ иконописцовъ 35. Изъ давныхъ временъ прославились велико-устюжскіе иконописцы; нѣкоторые изъ нихъ достигли до высокой степени сего искусства. Многихъ сибирскихъ городовъ церкви украшены работою устюжанъ, а особливо соборъ города Енисейска. Изъ сихъ иконописцевъ иные перешли въ званіе настоящихъ живописцевъ. Нынѣшній устюжскаго собора протоіерей Василій Аленевъ, упражняющійся иногда въ семъ искусствѣ по своей охотѣ, по собственнымъ дарованіямъ достигъ до степени алдермана» (?) (стр. 168). Описывая свое путешествіе по рѣкѣ Сухонѣ отъ города Великаго Устюга до города Тотьмы, Челищевъ занесъ въ свой «Дневникъ» слѣдующую замѣтку, которая, можетъ быть, представитъ интересъ для сельскихъ хозяевъ: «По рѣкѣ Сухонѣ по крутости ея береговъ боровыхъ сѣнокосныхъ мѣстъ нѣтъ, почему жительствующіе около сея рѣки крестьяне, начиная отъ оной деревни (упомянутой имъ выше—Естребленской), на новинахъ или на лядахъ, изготовленныхъ точно такъ, какъ подъ рожь, пашутъ и сѣютъ вмѣстѣ съ рожью сѣмена травы палошника, полагая ихъ на четверть ржи рѣшето, и оная трава отъ одного посѣва ростетъ лѣтъ десять, а на хорошей землѣ и двадцать. На разводъ же сѣмянъ, когда оную траву скашиваютъ, то нѣкоторую часть для созрѣнія сѣмянъ оставляютъ, не скашивая; по созрѣніи жъ ее жнутъ и, въ овинахъ просуша, молотятъ и вѣютъ, какъ рожь. Увѣряютъ крестьяне, что оную траву ѣстъ всякій скотъ лучше другой травы и лошадямъ никогда овса не даютъ. Сія трава придала имъ охоту держать всякаго скота больше прежняго, что и удалось. Оныя сѣмена достали они, помнится мнѣ, изъ *Перми;* свойство оной травы и фигура листа совершенно подходитъ подъ нашу траву пырей. Вспомня о гречѣ сибирской, о сей травѣ палошникѣ и объ дикомъ несѣянномъ льнѣ, объ которомъ мнѣ сказывали тотемскіе купцы и голова Арсеній Дмитріевичъ Кувнецовъ, будто ростетъ близь Якутска, не могу воздержаться, чтобъ не воскликнуть: любезное отечество, сколько въ тебѣ сокрыто сокровищей, а мы, погрязши въ пустыхъ замыслахъ и роскоши, забываемъ отыскивать и пользоваться оными!» (стр. 175). Описывая городъ Тотьму, Челищевъ приводитъ подробныя свѣдѣнія о числѣ жителей этого города, причемъ оказывается, что болѣе двухъ третей городскаго населенія составляли купцы и мѣщане: 2,598 чел. изъ всего числа населенія—3,325 чел. Затѣмъ авторъ «Дневника» довольно подробно говоритъ о торговыхъ дѣлахъ тотемскихъ купцовъ и мѣщанъ въ Сибири. «Купечество и мѣщанство сего города (Тотьмы),—разсказываетъ Челищевъ,—главный торгъ имѣютъ въ Сибири и Камчаткѣ, который въ давніе годы начально открыли бывшіе въ немъ первогильдейные купцы Тимоѳей и Семенъ Мясниковы и Петръ Алексѣевъ Рухляцовъ, кои давно уже померли, а оставшіеся отъ нихъ потомки, по несчастному въ Сибирскомъ же краю торгу, пришли въ совершенный упадокъ. Послѣ жъ ихъ онымъ торгомъ начали промышлять и другіе купцы и

Digitized by Google

мѣщане, имѣвшіе небольшой капиталъ. А какъ въ то время позволено было алеутамъ (живущимъ на морскихъ островахъ Восточнаго Сѣвернаго океана) и камчатскимъ народамъ продавать желѣзныя, для нихъ нужныя вещи, какъ-то: гвоздья, ножи, топоры, ружья и прочее, коихъ они тамъ не только чтобъ у себя имѣть, но даже не знали и покупали на звѣриныя кожи или пушной товаръ весьма дорогою цѣною, такъ что продавецъ за гвоздь получалъ сторублевую вещь; вымѣнивши жъ на желѣзныя маловажныя вещи и накупивши за деньги тамошнихъ звѣриныхъ кожъ: черныхъ лисицъ, бобровъ, соболей, медвѣдей, волковъ, песцовъ, закаменскихъ бѣлокъ и другихъ рѣдкой доброты звѣрей и птичьяго гагачьяго пуху, отвозили для торгу съ китайцами на Кяхту и на тѣ звѣриныя кожи вымѣнивали самый лучшій китайскій товаръ; вывозя жъ оный въ Москву и Санктъ-Петербургъ, получали за него наличныя деньги съ неописаннымъ уже барышемъ,—то отъ сего въ короткое время разбогатѣли тотемскіе купцы (тутъ авторомъ приводятся имена и фамиліи семи купцовъ первой гильдіи). Всѣ оные купцы и ихъ родственники живутъ достаточно по-купечески; да и прочіе купцы и многіе мѣщане обогатившись изрядно. Нынѣ жъ желѣзныя орудія и вещи алеутамъ, по происшедшимъ отъ нихъ надъ россійскими купцами злоупотребленіямъ, продавать запрещено. И двѣнадцать лѣтъ въ проѣздъ мой минуло, какъ китайцы съ россійскими купцами никакого торгу не имѣютъ, въ разсужденіи чего хотя и во оные неторговые съ китайцами годы тотемскіе жители и понынѣ туда ѣздятъ, но уже обогатиться такъ скоро, какъ прежде до торгу съ китайцами и до продажи алеутамъ желѣзныхъ вещей бывало, не могутъ, ибо, какъ на проѣздъ дотуда и обратно, такъ на хлѣбъ, который тамъ необычайно дорогъ, равно же и на покупку у алеутовъ показанной мягкой рухляди или пушныхъ товаровъ, должно имѣть съ собою наличныхъ денегъ отъ пятнадцати до двадцати тысячъ рублей,—почему и ѣздятъ они не сами собой, а нанимаясь съ разными договорами у московскихъ и у своихъ богатыхъ купцовъ приказчиками, и, накупивъ тамъ на хозяйскія деньги пушнаго товара, отправляютъ его къ своимъ хозяевамъ, а иной въ Сибири и Камчаткѣ продаютъ, за что отъ тѣхъ своихъ хозяевъ получаютъ договорную плату и, смотря по сдѣланной въ торгу выгодѣ, сверхъ договорной платы награжденіе, а именно: показанные богатые тотемскіе купцы имѣютъ въ Сибири на Кяхтѣ, при собственныхъ своихъ съ тѣмъ пушнымъ товаромъ лавкахъ и для закупки сихъ товаровъ въ алеутовъ (примѣчаніе Челищева: Обстоятельно жъ о семъ сибирскомъ торгѣ можно узнать въ книгѣ «О россійской коммерціи»), жительствующихъ на морскихъ, Алеутскими называемыхъ, островахъ, до которыхъ отъ Сибири еще моремъ пять тысячъ верстъ,—безвыѣздныхъ приказчиковъ, въ вѣдомствѣ которыхъ, во ожиданіи попрежнему съ китайцами торга, пушнаго товара хранится тысячъ на сто, у другаго больше, а у нѣкоторыхъ тысячъ на семьдесятъ и пятьдесятъ, за тѣмъ, что если его въ Россіи стать продавать, то должно, какъ они сказываютъ, стоющую вещь по китайской цѣнѣ сто рублей, отдавать за тридцать, а дорого что за пятьдесятъ рублей. А чтобъ имѣть имъ въ торговлѣ

Digitized by Google

нѣкоторый оборотъ, то живущіе тамъ приказчики для сего нѣкую часть недорогихъ звѣрей кожи присылаютъ въ Москву и Санктъ-Петербургъ къ живущимъ тамъ, отъ тѣхъ же купцовъ, приказчикамъ; по распродажѣ жъ ихъ за деньги или обмѣнявъ на московскій товаръ, присылаютъ обратно въ Сибирь, гдѣ и распродаютъ оный за наличныя деньги, кои и доставляютъ къ своимъ хозяевамъ, объявленнымъ купцамъ. Поелику жъ нынѣшній сибирскій купецкій промыслъ большею частію состоитъ въ томъ, чтобъ закупаемый у алеутовъ и у прочихъ сей пушной товаръ, во ожиданіи съ китайцами торга, хранить безъ продажи на лицо, то уже тотемскіе жители, не имѣющіе изряднаго денежнаго наличнаго капитала, и ѣздить туда, чтобъ не лишиться и опослѣдняго капитала, не отваживаются. Когда жъ съ китайцами былъ торгъ, въ то время бѣдные купцы и мѣщане, собравши кой-какъ тысячу рублей, нанявшись у котораго нибудь богатаго купца, съѣздятъ въ Сибирь, Камчатку и Алеутскіе острова хозяйскимъ харчомъ и, закупаючи на хозяйскія деньги у алеутовъ или гдѣ случится сходною цѣною оный пушной товаръ, накупятъ его и на свои тысячу рублей и оный свой товаръ, вмѣстѣ съ хозяйскимъ, продадутъ или промѣняютъ на китайскій товаръ на Кяхтѣ. И получивши отъ такой малой суммы, отъ одной поѣздки, изрядный капиталъ, въ другой разъ ѣздятъ туда сами уже собой, безъ найму у богатыхъ, а въ третій посылаютъ приказчиковъ» (стр. 193—196). Въ статьѣ о городѣ Вологдѣ Челищевъ кратко упоминаетъ, что нѣкоторые купцы изъ этого города «точно на такомъ же положеніи, какъ и тотемскіе, имѣютъ торгъ пушнымъ товаромъ въ Сибири, Камчаткѣ и Алеутскихъ островахъ» (стр. 214). На этомъ заканчиваются свѣдѣнія изъ «Путешествія» Челищева, которыя относятся къ Сибири или къ ближайшимъ къ ней областямъ. Сибирскій край, какъ и слѣдуетъ ожидать, могъ интересовать любознательнаго путешественника только отчасти, по скольку это требовалось для объясненія жизни сѣвера Россіи. Масса интереснѣйшаго и весьма обильнаго матеріала собрана Челищевымъ о сѣверныхъ европейско-русскихъ губерніяхъ и представляетъ разнообразнѣйшія свѣдѣнія: этнографическія, статистическія, объ экономической жизни сѣвера и проч.

Въ заключеніе замѣтимъ, что изданіе книги «Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году» сдѣлано превосходно во всѣхъ отношеніяхъ. Кромѣ собственно «Дневника» путешествія Челищева, при книгѣ находится, во-первыхъ, приложеніе: «Посланіе въ Россійскую академію», написанное Челищевымъ и заключающее его филологическія наблюденія надъ особенностями народнаго языка на русскомъ сѣверѣ. Затѣмъ г. издателемъ присоединены къ книгѣ четыре указателя, весьма облегчающіе для всякаго заинтересованнаго лица знакомство съ «Путешествіемъ» Челищева: 1) указатель личныхъ именъ, 2) указатель мѣстныхъ названій, 3) указатель предметовъ и 4) списокъ мѣстныхъ словъ. Наконецъ, при книгѣ находятся рисунки и чертежи: 1) крестъ Петра Великаго у пристани Соловецкаго монастыря, 2) орудія для боя китовъ (храпъ и спица), 3) крестъ Петра Великаго на берегу Упской губы, 4) планъ крѣпости Петра Великаго въ 18 верстахъ отъ Ар-

Digitized by Google

хангельска, 5) адмиральская шлюпка (два изображенія), 6) крестъ въ память Петра Великаго, поставленный П. И. Челищевымъ въ Холмогорахъ, 7) карта родины М. В. Ломоносова, 8) портретъ Ломоносова, 9) памятникъ, поставленный Челищевымъ на мѣстѣ рожденія Ломоносова, и 10) памятникъ Ломоносову въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

О шертной грамотѣ ногайскаго князя Измаила. Д. Ф. Кобеко. (Въ «Извѣстіяхъ» Императорскаго русскаго археологическаго Общества).

Въ статьѣ, названіе которой нами выписано, авторъ дѣлаетъ существенную поправку въ хронологической датѣ шертной грамоты ногайскаго князя Измаила. Грамота эта архимандритомъ Леонидомъ, помѣстившимъ ее въ X-мъ томѣ «Извѣстій» Императорскаго русскаго археологическаго Общества, отнесена къ 1456 году, между тѣмъ какъ она относится къ 1556—1557 году: ошибка произошла на 100 лѣтъ. Оказывается, что годъ 964-й, означенный на подлинникѣ грамоты, слѣдуетъ считать не отъ сотворенія міра (964, т. е. 6964), а по мусульманской эрѣ, какъ обыкновенно означалась дата на ногайскихъ грамотахъ. Приведенныя г. Кобеко историческія справки вполнѣ подтверждаютъ, что ногайскій князь Измаилъ далъ шертную грамоту великому князю Ивану Васильевичу именно въ 1557 году: въ историческихъ источникахъ (въ дѣлахъ ногайскихъ, которыми пользовались историки Карамзинъ и Соловьевъ; въ описаніи обряда возведенія отъ государей россійскихъ въ княжеское достоинство мирзъ Ногайской орды) находится нѣсколько указаній на дѣятельность князя Измаила въ этомъ году. Кромѣ поправки въ датѣ грамоты, г. Кобеко еще нашелъ, что напечатанная архимандритомъ Леонидомъ шертная грамота ногайскаго князя Измаила есть въ сущности та же самая грамота, что̀ напечатана уже въ «Продолженіи древней россійской вивліоѳики» (IX, 277), въ другомъ лишь переводѣ. Для убѣжденія въ этомъ авторъ приводитъ въ своей статьѣ параллельно обѣ редакціи перевода этой грамоты. Существованіе двухъ древнихъ переводовъ шертной записи ногайскаго князя Измаила,—какъ замѣчаетъ г. Кобеко,—доказываетъ, что на эту шерть, какъ на первый шагъ къ подчиненію Россіи ногайцевъ, обращали тогда особое вниманіе. Въ заключеніе замѣтимъ отъ себя, что интересная замѣтка г. Кобеко о шертной записи Измаила и времени дѣятельности этого ногайскаго князя имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ исторіи дипломатическихъ пересылокъ московскаго князя Ивана Васильевича съ ханомъ Кучумомъ до завоеванія Сибирскаго царства Ермакомъ. Изъ одной грамоты, отъ 22 сентября 1563 года, напечатанной въ «Продолженіи древней россійской вивліоѳики» (ч. X, стр. 313, 323), видно, что ногайскій князь Измаилъ состоялъ въ родствѣ (былъ тестемъ) съ тѣмъ сибирскимъ княземъ, котораго ханъ Кучумъ убилъ и послѣ котораго Сибирское царство перешло во власть къ этому новому владѣтелю. Вдова сибирскаго князя, дочь Измаила, вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ, послѣ насильственной смерти мужа, пріѣхала въ Москву искать себѣ защиты. По этому поводу происхо-

Digitized by Google

дили нѣкоторыя сношенія Измаила съ великимъ княземъ. Измаилъ почему-то отнесся равнодушно къ несчастной судьбѣ своего зятя, загубленнаго Кучумомъ, и даже является въ нѣкоторомъ родѣ заступникомъ за хана Кучума, опасавшагося гнѣва со стороны великаго князя за погубленіе сибирскаго князя, данника московскаго. О такой роли Измаила упоминается въ одной грамотѣ (отъ 8 января 1564 года, «Продолженіе древней россійской вивліоѳики», ч. XI, стр. 22). «Приказывалъ ко мнѣ,—такъ писалъ въ этой грамотѣ Измаилъ великому князю,—сибирской царь, чтобы деи еси о мнѣ Бѣлому царю печаловался, и помирилъ меня съ нимъ гораздо; такъ приказывалъ, и нынѣ бы межъ себя вы добрую ссылку учинили». Неизвѣстно, что̀ отвѣтилъ царь на ходатайство Измаила о Кучумѣ. По всей вѣроятности, это ходатайство было отвергнуто въ Москвѣ, такъ какъ правительство московское, конечно, предпочитало, чтобы Кучумъ самъ, непосредственно, заявилъ царю о своемъ желаніи быть подъ его высокою рукою, подобно прежнему сибирскому князю, бывшему московскимъ данникомъ, а не засылалъ ходатаевъ.

Наказъ царя Алексѣя Михайловича Махмету Исупу Касимову, посланному въ 1675 году къ великому моголу Ауренгебу. Издалъ Дмитрій Кобеко. Спб. 1884.

Исторія сношеній древне-русскаго міра съ различными народами Азіи, безъ сомнѣнія, представляетъ для изслѣдователя большой интересъ. Изучая древнѣйшія сношенія русскихъ съ Азіей, до извѣстной степени можно исторически выяснить роль и политическія стремленія Русскаго государства и русскихъ людей въ отношеніи азіатскихъ народовъ. Точнѣе сказать, этого рода изслѣдованія значительно могутъ разъяснить нашу колоніальную политику на Азіатскомъ континентѣ, которой еще многаго не достаетъ въ отношеніи твердости и положительности принциповъ. Есть ли намъ, русскимъ, напримѣръ, какое нибудь дѣло до Индіи? Одни отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно, считая его совершенно праздным вопросомъ; другіе отвѣчаютъ положительно и строятъ разные грандіозные планы на счетъ нашего обладанія Индіей. И, можетъ быть, ни тѣ, ни другіе не правы. При рѣшеніи этого вопроса, лучше всего будетъ положиться на безпристрастную, объективную исторію нашихъ отношеній къ Азіи съ древнѣйшихъ временъ до настоящей поры. Поэтому-то всякій историческій матеріалъ, разъясняющій означенный вопросъ, имѣетъ научную цѣнность, и изданный г. Кобеко наказъ царя Алексѣя Михайловича Махмету Исупу Касимову представляется намъ въ этомъ отношеніи документомъ несомнѣнной важности. Г. издатель предпослалъ наказу прекрасно составленное предисловіе, въ которомъ заключается краткій очеркъ попытокъ русскихъ людей, такъ или иначе, завязать сношенія съ народами Средней Азіи и съ Индіей. Легенды о богатствахъ Индіи,—говоритъ г. Кобеко,—сохранившіяся отчасти въ нашихъ народныхъ былинахъ, побуждали предпріимчивыхъ людей старой Руси пробивать себѣ путь въ эту заманчивую и загадочную страну. Въ 1466—1472 годахъ

Digitized by Google

тверской гость Аѳанасій Никитинъ ходилъ «за три моря» и оставилъ любопытное описаніе своего пути въ Индію и свѣдѣнія о ея бытѣ, произведеніяхъ и торговлѣ. Г. Кобеко справедливо полагаетъ, что не одинъ Никитинъ предпринималъ такое далекое странствованіе, хотя онъ одинъ только оставилъ о себѣ память въ своихъ запискахъ. Затѣмъ, по завоеваніи Іоанномъ Грознымъ Казани и Астрахани, начались сношенія Россіи съ Средней Азіей. Такъ изъ лѣтописей извѣстно, что въ 1555 году приходили въ Москву послы отъ хивинскаго хана Хаджима и изъ Бухары. Далѣе, во второй половинѣ XVII столѣтія, когда сношенія съ Хивою и Бухарою уже упрочились, русское правительство пыталось войдти въ дипломатическія сношенія съ властителями Индіи. А именно, при отправленіи посломъ въ Персію князя Козловскаго, царь Алексѣй Михайловичъ также назначилъ двухъ гонцовъ къ индѣйскому шаху. Однако персидскій шахъ Аббасъ II, не смотря на настоянія князя Козловскаго, отказалъ въ пропускѣ русскихъ гонцовъ въ Индію, ссылаясь на то, что, по случаю военныхъ дѣйствій, путь ихъ туда былъ бы не безопасенъ. Въ 1675 году царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ въ Бухару, къ хану Абдулъ-Азису, посланца Даудова. Къ послѣднему долженъ былъ присоединиться въ Астрахани русскій подданный татаринъ Махметъ Исупъ Касимовъ, которому велѣно было ѣхать изъ Бухары къ индѣйскому шаху Аурензебу. Этотъ Касимовъ, «астраханскаго бухарскаго двора житель», въ 1666 году ѣздилъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Шемаху. Во время его тамъ пребыванія пріѣхали въ Шемаху патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій, приглашенные въ Москву по дѣлу патріарха Никона. Касимовъ оказывалъ имъ разныя услуги и сопровождалъ ихъ до Астрахани. Въ награду за это, царь Алексѣй Михайловичъ, по ходатайству патріарховъ, грамотою 13-го іюня 1667 года, пожаловалъ Касимова и его брата, дозволивъ имъ торговать въ Астрахани и въ Москвѣ съ освобожденіемъ на десять лѣтъ отъ платежа пошлинъ со стоимости товаровъ до размѣра 500 р. въ годъ. Вѣроятно, эти заслуги Касимова и побудили остановить именно на немъ выборъ для посылки въ Индію. Чего же желали достигнуть посольствомъ Касимова? Отвѣтъ на это заключается въ данномъ Касимову наказѣ, который безъ всякихъ измѣненій напечатанъ г. Кобеко. Прежде всего Касимовъ долженъ былъ представить шаху грамоту царя, отъ 28-го февраля 1675 года, въ которой Алексѣй Михайловичъ предлагалъ ему установить торговыя сношенія между обѣими странами. Далѣе посолъ долженъ былъ заботиться объ освобожденіи русскихъ полоняниковъ, хотя бы за выкупъ. Затѣмъ ему поручалось узнать: «отъ Астрахани и отъ Сибири какъ ходить податнѣе въ Индію» и нельзя ли воспользоваться рѣчнымъ путемъ вверхъ по Оби и Иртышу или по Селенгѣ? Такимъ образомъ, уже въ то время намѣчены были оба направленія: на востокъ отъ Каспійскаго моря и на югъ отъ Западной Сибири, по которымъ впослѣдствіи шло поступательное движеніе Россіи къ Индіи, еще донынѣ не законченное. Потомъ Касимовъ обязывался изучить условія торговли съ Индіей, родъ производимыхъ тамъ и выгодныхъ къ отправкѣ туда товаровъ, причемъ указывалось ему каменье узорочное, шелкъ,

Digitized by Google

лѣкарства и лѣкарственные коренья, огородныя сѣмена и звѣри небольшіе и птицы, отъ которыхъ въ Россіи чаять быти плоду. Наконецъ, онъ долженъ былъ договориться о цѣнѣ тамошняго серебра и устроить высылку его въ Россію, тысячъ до трехъ пудовъ, въ обмѣнъ на сукна, кожи, мѣха и мягкую рухлядь. Московское правительство очень нуждалось въ иновемномъ серебрѣ для урегулированія монетной системы, разстроенной выпускомъ мѣдныхъ денегъ съ номинальною цѣною серебряныхъ. Нельзя не отмѣтить, между прочимъ, одного пункта въ разсматриваемомъ нами документѣ, касающагося Сибири. «А буде шаховы ближніе люди,—говорится въ наказѣ Касимову,—спросятъ про Сибирь, какъ Сибирское государство содержится? И имъ говорить: въ Сибири устроены городы многіе и всякіе служилые и жилецкіе люди пожалованы великаго государя многимъ жалованьемъ, и пашни устроены великія, и живутъ служилые и жилецкіе люди въ тишинѣ и въ покоѣ, а великому государю нашему, царю и великому князю Алексѣю Михайловичю, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, его царскому величеству служатъ и дани съ себя даютъ, такъ же, какъ и отцу его государеву блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи самодержцу». Однако, миссія Касимова потерпѣла неудачу: ему не удалось проникнуть въ Индію, во-первыхъ, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, бывшихъ въ 1675—1676 году между разными ханами въ Средней Азіи (хивинскимъ, бухарскимъ и др.), да, кромѣ того, по словамъ Даудова, посланца въ Бухару, и въ самой «Индѣйской землѣ была заметня великая: авганы индѣйскому шаху измѣнили и воюютъ на него, индѣйскаго шаха, а тѣ авганы живутъ въ горахъ, а будетъ ихъ авганской силы съ триста тысячъ». Касимовъ могъ доѣхать только до Кабула. Индѣйскій шахъ Ауренгебъ (1659—1707), которому о пріѣздѣ Касимова дано было знать въ его столицу Дегли, отказался принять его и поручилъ кабульскому хану Мекремету отослать его обратно, «потому что искони вѣкъ отъ Россійскаго государства послы къ намъ, въ Индѣйское государство, не прихаживали». Въ январѣ 1678 года Касимовъ возвратился въ Москву. Затѣмъ, всѣ попытки русскихъ проникнуть въ Индію, предпринимавшіяся въ XVIII столѣтіи, не привели также ни къ какому результату, и только немногіе русскіе плѣнники, злою судьбою заброшенные въ Индію, или одиночные путешественники, приносили изрѣдка въ Россію вѣсти объ этой странѣ. Преимущественно по разспроснымъ свѣдѣніямъ этихъ плѣнныхъ составлялись въ московскихъ приказахъ дорожники Средней Азіи и Индіи. Г. Кобеко напечаталъ, вмѣстѣ съ наказомъ Касимову, одинъ изъ такихъ дорожниковъ, относящійся, по предположенію г. издателя, къ послѣдней трети XVII вѣка. Дорожникъ этотъ представляетъ интересъ, какъ сводъ наличныхъ географическихъ свѣдѣній старой Руси объ Индіи, дополняющій извѣстную «Книгу большаго чертежа», въ которой сохранились тогдашнія данныя о Каспійскомъ морѣ, Киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ. Какъ извѣстно, въ 1559 году учреждена была Остъиндская компанія, и имперія Великаго Могола перешла мало-по-малу во власть Англіи. Въ 1801 году

Digitized by Google

императоръ Павелъ I, послѣ разрыва съ Англіей, предпринялъ сухопутную экспедицію въ Индію, но она была отмѣнена за его кончиною. Со времени упроченія власти англичанъ въ Индіи, движеніе туда европейцевъ не прекращалось. Если по открытіи Суэзскаго канала англичане сократили и упрочили морской туда путь, то занятіемъ въ 1868 году Самарканда и въ 1884 году Мерва русскіе подошли къ вратамъ Индіи съ сухаго пути. Быть можетъ,—заключаетъ г. Кобеко свое предисловіе къ наказу Касимову,—недалекъ тотъ день, когда два великіе народа встрѣтятся лицомъ къ лицу у верховьевъ Инда. Да произойдетъ эта встрѣча въ духѣ мира и любви!—говоритъ почтенный авторъ, и мы вполнѣ присоединяемся къ этому пожеланію, которое, къ сожалѣнію, въ наше время сильнаго преобладанія губительнаго для цивилизаціи милитаризма не всегда находитъ откликъ въ средѣ дипломатовъ и военныхъ людей.

Поѣздка митрополита Хрисанѳа къ Далай-Ламѣ въ 1792 году. Отдѣльный оттискъ статьи **Дм. Кобеко.**

Хрисанѳъ, записку котораго о его путешествіи въ Тибетъ, къ Далай-Ламѣ, издалъ г. Кобеко, былъ родомъ грекъ и состоялъ (1774—1784 гг.) митрополитомъ Новыхъ Патръ, въ Греціи, близъ Аѳинъ. Оставивъ епархію, онъ предпринялъ странствованіе на Востокъ, въ Азію, и посѣтилъ, между прочимъ, Индію, Тибетъ, Бухару, Хиву, Туркестанъ и другія мѣста. Затѣмъ, прибывъ въ Россію въ 1795 году, онъ оставался здѣсь до конца своей жизни, управляя нѣкоторое время монастыремъ въ Балаклавѣ, гдѣ и умеръ въ 1824 году. По прибытіи своемъ въ Петербургъ, когда шла война Россіи съ Персіей, Хрисанѳъ представилъ князю П. А. Зубову записку о посѣщенныхъ имъ странахъ Средней Азіи, причемъ высказалъ мнѣніе о пользѣ союза съ Персіей, но въ то время къ митрополиту-путешественнику отнеслись скептически; записка его была оставлена безъ вниманія, и только позднѣе, въ 1861 году, она была напечатана В. В. Григорьевымъ (Чт. Моск. Общ. ист. и древн. росс., 1861, кн. I). Кромѣ этой первой записки, Хрисанѳъ составилъ другую, собственно о путешествіи своемъ въ Тибетъ, которую и напечаталъ г. Кобеко. Въ 1805 году графъ Н. П. Румянцевъ, бывшій министромъ коммерціи и много заботившійся о расширеніи русской торговли съ Азіею, получилъ отъ Хрисанѳа маршрутъ его путешествія и затѣмъ обратился къ нему съ просьбою о сообщеніи отвѣта на вопросъ: можно ли изъ Россіи, свободно и безопасно, проѣхать въ Тибетъ? На это митрополитъ Хрисанѳъ доставилъ «поясненіе», въ которомъ, въ дополненіе къ первой своей запискѣ, поданной князю Зубову, описываетъ свою поѣздку въ 1792 году изъ Дакка въ Хлассу, пребываніе у Далай-Ламы, обратный путь въ Патну и сообщаетъ краткія свѣдѣнія о другихъ посѣщенныхъ имъ странахъ. Удостовѣреніе Хрисанѳа,—говоритъ г. Кобеко въ своемъ предисловіи къ запискѣ этого путешественника,—что изъ Россіи по прямой линіи проѣхать въ Тибетъ никакъ невозможно и что выгоднѣе и безопаснѣе слѣдовать туда чрезъ Китай, осталось въ

Digitized by Google

силѣ на цѣлое столѣтіе. Обезпечивъ путь съ запада до Герата и Кашгара, русское движеніе въ глубь Средней Азіи на время пріостановилось, и только чрезъ китайскія владѣнія русскіе путники могутъ надѣяться подойдти къ столицѣ Далай-Ламы. Какъ ни кратка записка о путешествіи, представленная Хрисанѳомъ въ 1805 году графу Румянцеву, она, однако, любопытна по заключающимся въ ней свѣдѣніямъ. Кратко упомянувъ о внутреннемъ состояніи Тибета и его отношеніяхъ къ Китаю, митрополитъ-путешественникъ больше всего говоритъ о томъ въ высшей степени милостивомъ пріемѣ, который былъ оказанъ ему при дворѣ Далай-Ламы. Хрисанѳу была дана великолѣпная квартира и штатъ прислуги въ 25 человѣкъ. Нѣсколько разъ онъ былъ допускаемъ къ бесѣдѣ съ самимъ одиннадцатилѣтнимъ Далай-Ламой, бывалъ въ гостяхъ у министровъ, а когда собрался въ отъѣздъ, получилъ въ подарокъ отъ Далай-Ламы «2,000 рупій, шубу бѣлую для дороги и штуку шелковой матеріи». Выѣхалъ Хрисанѳъ изъ Тибета съ однимъ министромъ, съ которымъ и прибылъ въ Патну, въ Индіи. Кромѣ этого, митрополитъ сообщаетъ въ своей запискѣ нѣсколько статистическихъ свѣдѣній о городахъ: Кандагарѣ, Хаснѣ, Кабулѣ, Туркистанѣ, Балкѣ, Бухарѣ и Хивѣ и о народѣ каракалпакахъ. Вообще нужно сказать, что записка о путешествіи митрополита Хрисанѳа, напечатанная съ предисловіемъ г. Кобеко, не смотря на ея краткость и даже отрывочность въ изложеніи, имѣетъ научную цѣнность, такъ какъ заключаетъ въ себѣ интересный матеріалъ о Тибетѣ и отчасти о русской Средней Азіи.

СПИСОКЪ КНИГЪ О СИБИРИ И АЗІАТСКОМЪ ВОСТОКѢ, ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ въ 1885—1886 ГОДАХЪ И ВЪ НАЧАЛѢ 1887 ГОДА.

Поздневъ, П. Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ. Изслѣдованіе. Съ приложеніемъ изображенія туркестанскаго дервиша-календери (гравюра съ фотографическаго снимка). Оренбургъ. 1886. Тип. Б. Бреслина. 8°. IV + XXXVIII + 334 + нен. 2 стр. Ц. 2 руб., съ перес. 2 руб. 25 к. За книгой обращаться къ автору—преподавателю Оренбургской духовной семинаріи, или въ типогр. Бреслина, въ Оренбургѣ.

Въ жизни мусульманскихъ народовъ въ высшей степени характерное явленіе представляетъ собою дервишество. Знакомство съ нимъ для русскихъ имѣетъ немалое значеніе по тому огромному вліянію, какое дервиши разныхъ орденовъ постоянно оказываютъ на нашихъ новыхъ мусульманскихъ подданныхъ — на сартовъ и киргизовъ. Подъ именемъ мюридовъ, дервиши наводняютъ сартскіе кишлаки и киргизскія кочевья и эксплоатируютъ религіозное чувство и матеріальное благосостояніе тѣхъ и другихъ, а особенно киргизовъ, какъ болѣе простодушныхъ людей. Кромѣ того, дервиши, по мнѣнію автора, способны быть самыми опасными и неуловимыми политическими агитаторами противъ существующихъ государственныхъ порядковъ. Свое

Digitized by Google

изслѣдованіе г. Позднева посвящаетъ рѣшенію слѣдующихъ вопросовъ: когда и какъ появилось дервишество въ исламѣ? какъ развивалось оно? какихъ принциповъ въ ученіи и жизни держатся и какое вліяніе на народныя массы мусульманъ оказываютъ послѣдователи дервишества? («Библіографъ», 1886 г., № 10, стр. 145).

Годъ въ пескахъ. Наброски и очерки Ахалъ-Тэкинской экспедиціи. 1880—1881. Изъ воспоминаній раненаго. *А. А. Майеръ.* Кронштадтъ. 1886. Стр. 291. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ не только взялъ на себя трудъ литературный, но вмѣстѣ и предупредилъ всякую постороннюю критику своего труда откровеннымъ признаніемъ въ томъ, что читатель не найдетъ въ его очеркахъ ни «объективнаго» взгляда на экспедицію «Бѣлаго генерала», ни критической оцѣнки военныхъ дѣйствій; это, какъ выражается авторъ, есть не что иное, какъ «сумма личныхъ впечатлѣній», вынесенныхъ имъ изъ 11-ти-мѣсячнаго похода въ песчаной пустынѣ. По отношенію же къ генералу Скобелеву авторъ самъ указываетъ на проглядывающее въ его книгѣ «боготвореніе» покойнаго «Бѣлаго генерала»—и этимъ, конечно, вполнѣ достаточно оправдывается неспокойное его отношеніе въ книгѣ ко всѣмъ, кто не раздѣляетъ подобнаго боготворенія. («Вѣстникъ Европы», 1886 г., кн. 10-я, октябрь).

Ячникъ, Г. С. Первая книжка послѣ азбуки для дѣтей туземцевъ Туркестанскаго края, съ переводомъ словъ на киргизскій и сартскій яз. II+76 стр. 8°. Спб. Тип. В. Балашева. 1,000 экз.

Старчевскій, А. В. Переводчикъ съ русскаго языка на китайскій. Спб. 1886. Тип. А. Траншеля. 8°. 216 стр., 2,000 экз.

Короленко, В. Очерки и разсказы. 1) Въ дурномъ обществѣ. 2) Сонъ Макара. 3) Лѣсъ шумитъ. 4) Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ. 5) Въ подслѣдственномъ отдѣленіи. 6) Старый звонарь. 7) Очерки сибирскаго туриста. 8) Соколинецъ. Изд. ред. журнала «Русская Мысль». М. 1887. 8°. 401 стр., 2,400 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Убѣгомъ! Ком. въ 5 карт. (Изъ сибирскихъ нравовъ). Изд. ред. журн. «Чтеніе для солдатъ». Спб. 1886. 8°. 60 стр., 2,000 экз. Ц. 25 к.

Ермакъ Тимоѳеевичъ, покоритель Сибири. Историч. повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Изд. книгопр. И. Д. Сытина и К°. М. 1887. 12°. 36 стр., 7,200 экз.

Лохтинъ, В. М. Сплавъ по рѣкѣ Чусовой горнозаводскихъ каравановъ. 52 стр., 8°. Одесса. «Русская типографія» Исаковича. 300 экземпляровъ.

Азбука, составленная коммиссіею учителей Екатеринбургскаго уѣзда. 2-е исправленное и дополненное изд. 2 нен.+23 стр., 4°. Екатеринбургъ. Типографія И. Савицкаго. Изд. екатеринбург. земск. управы. Ц. 8 коп., 10,000 экз.

Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Dritte Folge. Aus Kosten der Kaiserl. Akademie der Wiss. herausg. von L. v. Schrenck und C. J. Maximowicz. Band I. VIII+224 S., 8°. Спб. Типогр. Императ. акад. наукъ. Ц. 90 коп., 360 экз.

Digitized by Google

Остроумовъ, Н. В. Географія Туркестанскаго края. (Родиноведѣніе). Спб. 1886. 66 стр. 8°. Ц. 30 коп.

Особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народн. просвѣщенія эта книга допущена къ употребленію въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Людовикъ Ястржембцъ Зелонкъ (Адольфъ Янковскій). Воспоминанія о Сибири съ 1863 по 1869 годъ. (На польскомъ яз.). Львовъ. 1886.

Первая серія этихъ «Воспоминаній» заключаетъ въ себѣ очерки жизни въ каторжныхъ работахъ.

Ермакъ Тимоѳеевичъ, покоритель Сибири. Разсказъ изъ русской исторіи. Е. Тихомировъ. М. 1886. Тип. и изданіе Общ. распростр. полезн. книгъ. 8°. 53+1 стр., 2,400 экз. Ц. 10 коп.

Землевладѣніе (общинное). Изд. ред. «Сибирск. Газ.». Томскъ. 1885. Тип. «Сиб. Газ.». 8°. 30 стр. Ц. 30 коп.

Природа и люди. Справочный словарь по географіи, этнографіи и исторіи. А. К. Завадскій-Краснопольскій. Красноярскъ. Типографія енисейск. губ. правл. 4°. Съ 159 по 230+16 стр. 5,000 экз.

Труды западныхъ христіанскихъ миссій въ Китаѣ. Іеромонахъ Алексій. Казань. 1886. Универс. типогр. 8°. 73 стр.

Хорасанъ. Путешествіе по Восточной Персіи. Макъ-Грегоръ. Перев. съ англ. подъ ред. Н. И. Янжула. Часть II. Кіевъ. 1886. Тип. штаба военнаго округа. 8°. 1+160 стр. 1,200 экз.

Срединное царство. Основы китайской цивилизаціи. Ж. Симонъ. Перев. В. Ранцевъ. Изд. Л. Пантелѣева. Спб. 1886. Тип. Тихонова. 8°. 1+382 стр., 1,050 экз. Ц. 2 р.

Стихотворенія Ю. Свидерскаго. Хабаровка. 1885. Ц. 1 р. 25 к.

Енисейскій общественный мѣстный музей и общественная публичная библіотека. Составилъ распорядитель музея и библіотеки А. И. Кытмановъ. Енисейскъ. Изд. М. А. Абалакова. 1886. Ц. 30 к.

Древности Минусинскаго музея. Памятники металлическихъ эпохъ. (Съ атласомъ). Состав. Д. Клеменцъ. Изд. Ин. Кузнецова. Томскъ. 1886. Ц. 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Записки миссіонера киргизской духовной миссіи. Священника Ф. Саньковскаго. 1884—1885 гг.

Castren's Koibalisch-Deutsches Wörterverzeichniss und Sprachproben des Koibalischen Dialectes. Neu transcribirt von N. Katanoff. (Mélanges asiatiques de l'Academie des sciences de St.-Pétersbourg. T. IX).

Мушкетовъ, И. В. Туркестанъ. Геологическое и орографическое описаніе по даннымъ, собраннымъ во время путешествій съ 1874 года по 1880 годъ. Т. I-й, въ 2-хъ частяхъ. Съ приложеніемъ общей геологической карты Туркестанскаго бассейна, 42 гравюръ въ текстѣ, двухъ литографическихъ таблицъ и одной хромолитографіи. 767 стр. 8°. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 500 экз.

Записки Ташкентской астрономической и физической обсерваторіи. Выпускъ I-й. Съ 14 табл. 97 стр. 4°. Москва. 1885. Тип. Ф. И. Нейбюргера. 1,200 экз.

Васильевъ, Е. Горнозаводская производительность Россіи 1883 года по оффиц. источн. Спб. 1885.

Digitized by Google

Хозяйственно-статистическое описаніе крестьянскихъ волостей Алтайскаго округа. Спб. 1885.

Экспедиція къ устью рѣки Лены съ 1881 года по 1885 годъ. Предварительный отчетъ Н. Д. Юргенса.

Сказаніе о жизни и подвигахъ въ Бозѣ почившаго старца Даніила, подвизавшагося въ Сибирской странѣ, въ предѣлахъ города Ачинска. Изд. 6-е. Москва. Тип. Ефимова. 8°, 52 стр. 10,000 экз.

Коховскій, В. Областные педагогическіе и народные музеи. Изданіе Н. Фену и К°. Спб. 1886. 8°, 50 стр. 450 экз. Ц. 25 к.

Экспедиція Императорскаго русскаго географическаго Общества. Труды русской полярной станціи на устьѣ Лены. Часть II. Метеорологическія наблюденія, обработанныя А. Эйгнеромъ. Вып. I. Наблюденія за 1882—1883 годъ, изд. подъ ред. Р. Ленца, съ прилож. одного вида, семи діаграммъ, карты и плана. Спб. 1886.

Строгановскіе вклады въ Сольвычегодскій Благовѣщенскій соборъ по надписямъ на нихъ. Записка П. Савваитова. Съ приложеніемъ соборной описи 1579 года. Спб. Тип. А. Траншеля. 8°, 119 стр., 600 экз.

Bunge, A. (dr.), und. **Toll**, E. (baron). Berichte über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften ausgerüstete Expedition nach den Neusibirischen Inseln und dem Jana-Lande. St.-Petersb. 1886. Тип. Импер. акад. наукъ.

Крестовскій, В. В. Въ гостяхъ у эмира бухарскаго. Съ 3 портретами. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1886. 8°. 443 стр. 1,500 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Афганское разграниченіе. Переговоры между Россіей и Великобританіей, 1872—1885. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Съ 4 картами. Спб. 1886. 4°. 470 стр., 1,420 экз.

Пашкова, Л. Французскія и англійскія колоніи на крайнемъ востокѣ и на востокѣ. (Изъ записокъ кругосвѣтной путешественницы). Одесса. 1886. 8°. 91 стр., въ два столбца. 500 экз. Ц. 1 р.

Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году. Дневникъ П. И. Челищева. Изданъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова. Спб. 1886.

Творенія Иннокентія, митрополита московскаго (бывшаго миссіонеромъ въ Восточной Сибири и Русской Америкѣ). Собраны Иваномъ Барсуковымъ. Книга вторая. Москва. 1887.

Отношенія ислама къ наукѣ и иновѣрцамъ. С.-петербургскаго мухамеданскаго ахуна Имама Мударриса Атаулла Баязидова. Спб. 1887.

Бутинъ, Ш. Объ улучшеніи быта жителей Забайкальской области.

Мачтетъ. Повѣсти и разсказы изъ сибирской жизни. Изящный томъ. 16°. 400 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к. Книгопродавцамъ обыкновенная уступка. Выписывающіе прямо отъ издателей (К. Ф. Одарченко и К°, въ Москвѣ, Смоленскій бульваръ, д. Блока) 10 и больше экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Смирновъ, Г. Е. Сыръ-Дарьинская область. Описаніе, составленное по оффиціальнымъ источникамъ. 355 стр., XII главъ и приложеніе. Спб. 1887.

Семеновъ, Д. Д. Туркестанскій край. VI томъ „Отечествовѣдѣнія“. 1887.

Digitized by Google

Нельмейеръ-Вукасовичъ. Описаніе Европейской и Азіатской Россіи. Выходитъ въ Лейпцигѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, отдѣльными выпусками. Первый выпускъ заключаетъ описаніе быта народовъ Россіи.

Субботинъ, А. Матеріалы для экономическаго изученія Россіи. Торговыя сообщенія восточной Россіи и Сибири. Спб. 1885.

Готтенротъ, Ф. Исторія внѣшней культуры. Одежда, домашняя утварь, полевыя и военныя орудія народовъ древнихъ и новыхъ временъ. Перевелъ съ нѣм. С. Л. Клячко. Москва. 1885. 224 стр., 120 раскраш. картинъ и 78 рис. въ текстѣ. Ц. 25 р., съ перес. 28 р. Въ этой книгѣ, въ отдѣлѣ „Азіатскіе и полуазіатскіе народы" отведено 26 стр. описанію татаръ и 9 стр. описанію восточныхъ славянъ (русскихъ). Въ главѣ «Татары» болѣе всего говорится о китайцахъ; народамъ же Сибири удѣлено немного болѣе двухъ страницъ.

Южаковъ, С. Н. Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб. 1885.

Его же. Англо-русская распря. Небольшое предисловіе къ большимъ событіямъ. Политическій этюдъ. Спб. 1885.

Фусъ, В. Результаты сибирской нивеллировки. 1875—1876 г. Спб. 1885.

Маковецкій. Матеріалы для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ. Омскъ. 1886.

Вашкевичъ, В. Ламаиты въ Восточной Сибири. Спб. 1885. Тип. мин. внутр. дѣлъ. 4^0, 144 стр., 150 экз.

Арнольди, М. Въ Закаспійскомъ краѣ въ 1877 году. (Воспоминанія офицера). Спб. 1885. Тип. департамента удѣловъ. 8^0. 44 стр., 200 экз.

Житіе св. праведнаго Симеона Верхотурскаго. М. 1885. Изд. А. Морозова. 36 стр., 7,200 экз.

Позднѣевъ, А. Китайская пайцза, найденная въ Минусинскомъ округѣ въ 1884 году. Спб. 1885. Тип. Импер. ак. наукъ. 8^0, 7 стр. +1 рис., 60 экз.

Radloff, W. Proben der Volkslitteratur der nördlichen türkischen Stämme. V Theil: Der Dialect der Kara-Kirgisen. S.-Petersb. 1885. Тип. Имп. ак. наукъ. 8^0, 631 стр., 510 экз. Ц. 2 р. 40 к.

Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Собраны В. Радловымъ. Часть V-я. Нарѣчіе дикокаменныхъ киргизовъ. Спб. 1885. Тип. Импер. ак. наукъ. 8^0. 625 стр., 360 экз. Ц. 2 р. 40 коп.

Япанча, татарскій наѣздникъ, или гибель послѣдняго царя Казани. Истор. ром. изъ временъ Іоанна Грознаго. Въ 3 частяхъ. Изд. книгопр. Д. Прѣснова. М. 1886. 12^0. 216 стр., 6,000 экз.

Автобіографія Алекс. Осип. Дюгамеля. М. 1885. Въ унив. тип., 8^0, 278 стр., 25 экз.

Шренкъ, Л. Объ экспедиціи, снаряженной Импер. академіей наукъ на Новосибирскіе острова и въ Пріянскій край. Спб. 1885. Тип. Импер. академіи наукъ. 8^0. 15 стр., 160 экз.

Schrenck, L. Zur Vorgeschichte der von der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften ausgerüsteten Expedition nach den Neusibirischen

Digitized by Google

Inseln und dem Jana-Lande. Спб. 1885. Тип. Имп. ак. наукъ. 8°, 61 стр.+1 карта. 60 экз.

Лессаръ, Н. Юго-западная Туркменія. Земля сарыковъ и салоровъ. Спб. 1885.

Майновъ. Юридическій бытъ мордвы. Спб. 1885. («Записки» Импер. русск. географ. Общ. по отдѣлен. этногр., т. XIV, вып. 1-й).

Максимовъ, С. Голодовка и зимовка на Новой Землѣ. Чтеніе для народа. Спб. 1885. Ц. 5 коп.

Поповъ, Е. Святитель Стефанъ Пермскій. Пермь. 1885 г. Тип. «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». 95 стр., 3,300 экз.

Шишонко, В. Пермская лѣтопись съ 1263—1881 г. Періодъ V-й, часть 1-я. Съ 1682—1694 г. Печатано на средства губ. земства. Пермь. 1885. 8°. 680 стр., 720 экз.

Акаѳистъ святителю Иннокентію, чудотворцу иркутскому. Спб. Синод. типогр. 8°, 2,000 экз.

«Кунгуръ». Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII столѣтій. М. 1886. Тип. М. Волчанинова. 4°, 112 стр., 200 экз.

Наливкинъ, В. Краткая исторія Коканскаго ханства. Казань. 1885. Тип. Импер. университета. 8°, 220 стр., 600 экз.

Амуръ и Уссурійскій край. Съ 2 картинами, портретами преосвященнаго Иннокентія и графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго и 10 рисунками. Изд. комитета грамотности. Москва. 1885. 8°, 142 стр.

Григорьевъ, В. Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи. 1885.

СТАТЬИ ЗА ТО ЖЕ ВРЕМЯ.

Озерныя рыболовныя артели на Сѣверѣ. Г. П. Сазоновъ. «Русская Мысль», 1886 г., № 7, стр. 94—109; № 9, стр. 12—29.

Походы на Индію. (Ст. 1 и 2). Л. Соболевъ. «Военный Сборникъ», 1886 г., № 3, стр. 30—55; № 4, стр. 205—228, и въ слѣд. №№.

Отецъ Іоакинѳъ Бичуринъ. Историческій этюдъ. Н. А.—«Православный Собесѣдникъ», 1886 г., № 2, стр. 164—180; № 3, 245—278; № 5, стр. 53—80; № 7, стр. 271—316.

Послѣдніе дни въ Русской Америкѣ. Изъ записокъ очевидца 1867 года. М. И. Вавиловъ. «Русская Старина», 1886 года, №№ 3, 6 и 9.

Поѣздка на Цейлонъ. (Изъ путевыхъ воспоминаній). М. Гребенщиковъ. «Наблюдатель», 1886 г., № 3, стр. 97—116.

Очеркъ при-Памирскихъ странъ. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. «Извѣстія» Импер. русск. географ. Общ., 1886 г., № 2, стр. 82—109.

Землетрясеніе въ Токмакскомъ уѣздѣ въ 1885 году. Сообщилъ И. В. Игнатьевъ. «Извѣст.» Имп. русск. геогр. Общ., 1886 г., № 2, стр. 150—164.

Гео-ботаническія изслѣдованія въ Калмыцкихъ степяхъ. А. Красновъ. «Извѣстія» Имп. русск. геогр. Общ., 1886 г., № 1, стр. 1—52.

Digitized by Google

Въ дальнихъ водахъ и странахъ. Всеволодъ Крестовскій. «Русскій Вѣстникъ», 1886 г., № 5, стр. 234—273; № 6, стр. 562—603; № 7, стр. 70—101, и въ слѣд. №№ Гл. XXI. Въ штормѣ.—Гл. XXII. Опять въ Нагасаки.—Гл. XXIII. Іокогама.—Гл. XXIV. Военное дѣло въ Японіи.

Свѣдѣнія о Сѣверномъ Уралѣ. Е. С. Ѳедоровъ и П. П. Ивановъ. «Извѣст.» Импер. русск. геогр. Общ., 1886 г., № 3, стр. 255—298, съ картою.

Китаецъ о Китаѣ. «Недѣля», 1886 г., № 1. Публичная лекція генерала Ченгъ Ки-Тонгъ, китайскаго посла въ Парижѣ.

Уменьшеніе водъ въ Арало-Каспійской низменности въ предѣлахъ Западной Сибири (по картографическимъ изслѣдованіямъ за 100 лѣтъ). Н. Ядринцевъ. «Извѣстія» Имп. русск. географ. Общ., 1886 г., № 1, стр. 53—62. Съ картою озеръ Чановъ, Сумъ и Абышкана.

Карта верховьевъ Аму-Дарьи. «Извѣст.» Имп. русск. географ. Общ., 1886 г., № 2. (Особое приложеніе).

Новая Калифорнія. (О Желтугинскихъ золотыхъ пріискахъ, открытыхъ въ маѣ 1884 года). «Газета А. Гатцука», 1886 г., № 4.

Матеріалы для исторіи русской церкви. Списокъ съ грамоты настольной Іонѣ, архіепископу вятскому и великопермскому о избраніи и рукоположеніи его на степень архіерейства. Сообщ. С. Бѣлокуровъ. «Христ. Чтеніе», 1886 г., №№ 7—8, стр. 302—304.

Колонизаціонное значеніе сибирской ссылки. С. Чудновскій. «Русская Мысль», 1886 г., № 10, стр. 40—66.

Переселенческій вопросъ. С. Южаковъ. «Сѣверный Вѣстникъ», 1886 г., № 8, стр. 25—48.

Жизнь женщинъ въ Японіи. Перев. Р. Гарднеръ. «Эпоха», 1886 г., № 6, стр. 34—54.

Столица Южно-Уссурійскаго края. (Изъ воспоминаній о Восточной Сибири). М. Г. Гребенщиковъ. «Дѣло», 1886 г., № 7, стр. 1—40.

Возобновленіе постройки каѳедральнаго собора въ Томскѣ. Кошаровъ. «Всемірная Иллюстрація», 1885 г., т. 34, № 1, стр. 11, съ рис.

Объяснительная записка, поданная Филарету, митрополиту московскому, состоявшимъ въ должности іеродіакона при раскольническомъ лжеепископѣ Савватіи Тобольскомъ Ѳеодосіемъ, 25 октября 1865 года. «Брат. Слово», 1885 г., № 18, стр. 563—570.

О нѣкоторыхъ находкахъ каменнаго періода въ Восточной Сибири, Н. И. Витковскій. «Древности», 1885 г., т. X, стр. 10—11.

Потанинъ, Г. Н. Памятники древности въ сѣверо-западной Монголіи, замѣченные во время поѣздки въ 1879 году. «Древности», 1885 г., т. X, стр. 50—57, съ тремя рисунками въ текстѣ.

Словцовъ, И. Я. О находкахъ предметовъ каменнаго періода близъ города Тюмени, въ 1883 году. Записки западно-сибирскаго Отдѣла Импер. русск. геогр. Общества, кн. VII, 1885 г., вып. I, стр. 1—59, съ 16 табл. рис.

Отчетъ западно-сибирскаго Отдѣла Импер. русск. геогр. Общества за 1884 годъ. Записки западно-сиб. Отд. Импер. русск. геогр. Общ., 1885 г., кн. VII, вып. II, стр. 1—15.

Digitized by Google

Абдуррахманъ-ханъ, эмиръ афганскій въ Россіи. «Газета» А. Гатцука», 1885 г., № 16, стр. 258—260.

Подполковникъ Алихановъ, начальникъ Мервскаго округа. «Всемірная Иллюстрація», 1885 г., т. 33, № 19, стр. 378—379, съ портретомъ.

Генералъ-маіоръ А. С. Зеленый, главный русскій комисаръ въ комиссіи для опредѣленія русско-афганской границы. «Всемірная Иллюстрація», 1885 г., т. 33, № 18, стр. 354, съ портр.

Ив. Ив. Красовскій, томскій губернаторъ. † 28 іюня 1885 г. «Всемірная Иллюстрація», 1885 года, т. 34, № 6, стр. 94, съ портр.

П. М. Лессаръ, изслѣдователь Средней Азіи. «Всемірная Иллюстрація», 1885 г., т. 33, № 17, стр. 334—335, съ портр.

Генералъ-адъютантъ Н. О. фонъ-Розенбахъ, туркестанскій генералъ-губернаторъ. «Всеобщая Газета», 1885 г., № 8, стр. 174, съ портр.

Князья Чингизы. «Всемірная Иллюстрація», 1885 г., т. 34, № 22, стр. 402, съ рис. герба.

Rossica. (Ultima Thule. England und Russland in Central-Asien, v. Haymerle, Wien, 1885). М. Библіоманъ. «Литературное приложеніе» къ газ. «Гражданинъ», 1885 г., № 11, стр. 50—60.

Народный эпосъ и лирика въ Японіи. «Изящная литература», 1885 г., № 8, стр. 271—280.

Ферганская область. «Вокругъ Свѣта», 1886, № 27.

Новая Земля. Статья Н. Кривошеина. «Вѣстникъ Европы», 1886, іюль, кн. VII.

Переправа черезъ р. Аму-Дарью. «Нива», 1886, № 29.

Въ Закаспійскомъ краѣ въ 1877 году. (Воспоминанія офицера). М. Арнольди. «Военный Сборникъ», 1885 г., № 9, стр. 132—151; № 11, стр. 314—336.

Тизенгаузенъ, А. Военно-статистическій очеркъ Британской Индіи. «Военный Сборникъ», 1886 г., №№ 6, 10—11.

Кеппенъ, Ѳ. П. Матеріалы къ вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индо-европейскаго и финно-угорскаго племени. «Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1886 г., № 10 и № 11, стр. 21—64.

Вакуловскій. Гео-ботаническія изслѣдованія калмыцкихъ степей. «Русское Садоводство», 1886 г., № 40.

Кое-что о пчеловодствѣ въ Енисейскомъ округѣ. «Русскій Пчеловодный Листокъ», 1886 г., № 8 и др.

По Восточной Сибири. «Всемірная Иллюстрація», 1886 г., № 43.

Русскіе послы XVII вѣка въ Китаѣ. «Нива», 1886 г., № 42.

Памятникъ павшимъ при взятіи Ташкента. «Всемірная Иллюстрація», 1886 г., № 47.

Замѣтка о Сибирскомъ университетѣ къ рисунку зданія университета. «Живописное Обозрѣніе», 1886 г., № 41.

Гурвичъ. Переселенія крестьянъ въ Сибирь. «Юридическій Вѣстникъ», 1887 г., январь.

Чупинъ, Н. К. Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи. «Сборникъ пермскаго земства», за 1886 и 1887 гг.

Digitized by Google

Венюковъ, М. И. Рецензія о «Древностяхъ Минусинскаго музея». Revue Géographique, 1887, livr. 3.

Деникеръ. Минусинскъ и его музей. Статья въ «Nouveau Dictionnaire de Géographie Universelle».

Странствія и ученые труды Г. Н. Потанина. «Новости», 1887 г., №№ 43 и 46.

Roussy, Albert. Les Jakoutes, leurs dieux et leurs chamans. «Le Globe», 1887.

Струве, Б. В.—Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій. Торговля на Кяхтѣ. «Русская Старина», 1885 г., ноябрь.

Обь-Енисейскій каналъ и новыя частныя пароходныя предпріятія въ Сибири. «Вѣстникъ Европы», 1886 г., февраль.

О путяхъ сообщенія внутри Сибири. «Русская Мысль», отдѣлъ «Внутреннее Обозрѣніе», 1886 г., январь.

Нельминъ, А. Въ далекіе края. «Русская Мысль», 1886 г.

Францова, М. Д., Михаилъ Александровичъ фонъ-Визинъ въ ея воспоминаніяхъ. «Русская Старина», 1885 г., ноябрь.

Муравьевъ-Апостолъ, М. И. Воспоминанія. «Русская Старина», 1886, № 9, сентябрь.

Гребенщиковъ, М. На переселенческомъ пароходѣ. «Наблюдатель», 1885 г., № 11.

Михайловъ, К. П. Общинный бытъ у крестьянъ Забайкальской области Восточной Сибири. «Русская Мысль», 1885 г., № 12.

Работы по сооруженію екатеринбургско-тюменской желѣзной дороги и санитарно-врачебная часть на этой линіи. «Техникъ», № 98.

Карновичъ, Е. П. Завоеваніе Сибири. «Народная Школа», 1886 г., № 1.

Шелгуновъ, Л. Изъ поѣздки по Амуру и Уссурійскому краю. «Родникъ», 1886 г., №№ 1, 2.

Д—ской, А. О состояніи культуры хлопчатника въ Ташкентѣ. «Сельскій Хозяинъ», 1886 г., № 13.

Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева. «Русская Старина», 1886 г., №№ 1, 2.

Колоколовъ, М. О годности молодыхъ людей Западной Сибири (призывнаго возраста) къ военной службѣ. «Военно-медицинскій Журналъ», 1885 и 1886 г.

Воспитаніе въ Китаѣ. «Народная Школа», 1886 г., № 3.

Китайское лѣтосчисленіе. «Нива», 1886 г., № 11.

Бѣлинскій, С. Киргизское коннозаводство въ Семирѣченской области. «Журналъ Коннозаводства», 1886 г., № 5.

Коховскій, В. Областные педагогическіе музеи. Приложеніе къ «Педагогическому Сборнику», 1886 г., № 5 и слѣд.

Егоровъ, Е. Походъ русской арміи въ Индію. «Русская Старина», 1886 г., № 6.

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИРКУТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Digitized by Google

„ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ“,

собраніе научныхъ и литературныхъ статей о Сибири и Азіатскомъ Востокѣ. Изданный подъ редакціей Н. М. Ядринцева. Ц. 2 р.

(496 стр., съ 2-мя таблицами рисунковъ).

Содержаніе «СБОРНИКА» слѣдующее: Отъ Редакціи.—Въ тайгѣ. (Очерки пріисковой жизни въ Сибири). **Завитнова.** — Очерки порядковъ поземельной общины въ Тобольской губерніи. **С. Я. Капустина.**—Первобытный буддизмъ. **В. Л.**— Начало осѣдлости. (Изслѣдованіе по исторіи культуры). **Н. Ядринцева.**— На чужой сторонѣ. (Нѣсколько главъ изъ жизни ссыльныхъ). **Семидумінскаго.**—Наталья Дмитріевна фонъ-Визина. **М. С. Знаменскаго.**—Сороковые года въ Иркутскѣ. **В. И. Вагина.**—Олекминская Калифорнія. **Н. Г — ва.**—Хозяйственный бытъ сибирскаго крестьянина. **С. Я. Капустина.**—Театральныя представленія и религіозныя празднества въ Китаѣ. **А. В. Потанинои.**—Міросозерцаніе и народное творчество сибирскихъ инородческихъ племенъ. Алтайскія горы по легендамъ инородцевъ. **В. Вербицкаго.**—Начало печати въ Сибири. —ъ —Судьба сибирской поэзіи и старинные поэты Сибири. **Сибиряка.**—Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей. (Очеркъ по древней исторіи Сибири). **А. Оксенова.**—Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ. **А. Оксенова.**—Древніе памятники и письмена въ Сибири. **Н. Ядринцева.**—Библіографія: Хронологическій перечень важнѣйшихъ, данныхъ изъ исторіи Сибири (1032—1982). Составилъ И. В. Щегловъ.—Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ Гр. Новицкаго, изданное Л. Н. Майковымъ.—«Записки» западно-сибирскаго и «Извѣстія» восточно-сибирскаго отдѣловъ Императорскаго русскаго географическаго Общества.—Приложеніе: Рисунки земледѣльческихъ орудій тюркско-алтайскихъ племенъ и снимки древнихъ надписей на скалахъ Сибири. С.-Петербургъ, 1885 г.

СБОРНИКЪ

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ О СИБИРИ И СОПРЕДѢЛЬНЫХЪ ЕЙ СТРАНАХЪ.

Томъ I. I. Матеріалы для библіографіи Сибири и сопредѣльныхъ съ нею странъ.—II. Ангарскіе пороги (съ картой). В. Титова.—III. Воздушный тарантасъ. Александрова. — IV. Пространство и населеніе Восточной Сибири. — V. Женщина у инородцевъ Томской губерніи. Князя Кострова.—VI. Именинникъ. Бестужева.—VII. Къ этнографіи Сибири: 1) Изъ лѣтописи кулачества. Н. Наумова. 2) Байзатуй. М***. — VIII. Корейцы на Амурѣ. В. Вагина. — IX. Значеніе 1875 года для Сибири и сопредѣльныхъ ей странъ. — Корея. П. И. Жданъ-Пушкина.—Амурскій обѣдъ 26-го февраля 1876 года.

II томъ 1, вып. I. Наши сношенія съ Джунгарскими владѣльцами. Сообщеніе Г. Н. Потанина.—II. Объ устройствѣ водянаго сообщенія въ Восточной Сибири (мнѣніе сенатора Толстаго).—III. Новое административное раздѣленіе Сибири.—IV. Эгоистическіе инстинкты въ Ленской народной общинѣ бурятско-улусной, осѣдло-инородческой и русско-крестьянской. А. П. Щанова.—V. Оленекская экспедиція. Изъ путеваго журнала (съ картой). Ф. Ф. Миллера.—VI. Нѣсколько данныхъ о современномъ положеніи нашихъ сѣверо-восточныхъ прибрежій, изъ отчетовъ К. К. Неймана. — VI. Всеобщая воинская повинность въ Сибири: первый призывъ (медицинскій матеріалъ). А. А. Веревкина.—VIII. Эпизоды изъ жизни природы и человѣка въ Восточной Сибири; весна въ окрестностяхъ Иркутска. Полякова. — IX. О старинной дешевизнѣ въ Восточной Сибири (изъ замѣтокъ старожила).—X. Этнографическій очеркъ Южнаго Сахалина. Ф. Депреradовича.—XI. Воспоминанія бродяги.—Въ приложеніи: XII. Пекинская равнина и сосѣдняя съ нею горная страна (переводъ съ нѣмецкаго). Бретшнейдера.

Цѣна 1-го тома 5 р., 1-го вып. 2-го тома—2 р. 50 к.

Digitized by Google

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО ПОДЪ РЕДАКЦ. Н. М. ЯДРИНЦЕВА

Изданіе посвящено изслѣдованіямъ въ Азіи, повѣстямъ политики, наукъ и общественной жизни на русскомъ Востокѣ, въ Сибири и Туркестанѣ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1. Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2. Отдѣлъ оффиціальный—важнѣйшія правительственныя распоряженія.—3. Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ.—4. Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5. Политическія извѣстія общія и, въ частности, касающіяся азіатскихъ странъ. 6. Корреспонденціи изъ провинціи: съ русскихъ окраинъ, изъ Сибири, Туркестана и сосѣднихъ азіатскихъ государствъ.—7. Научный отдѣлъ: открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности.—8. Литературное обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы.—9. Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія.—10 Фельетонъ.—11. Судебная хроника.—12. Биржевой отдѣлъ: свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ.—13. Объявленія казенныя и частныя.

«Приложеніе» къ «Восточному Обозрѣнію» 1886 года состояло изъ четырехъ книгъ «СИБИРСКАГО СБОРНИКА». Содержаніе первой книги: I. Городъ. (Изъ лѣтнихъ экскурсій по Уралу). **Д. Н. Мамина.**—II. Раскольничьи общины на границѣ Китая. **Н. М. Ядринцева.**—III. Сузге. (Сибирское преданіе изъ временъ завоеванія Сибири). Поэма **П. Ершова**, автора «Конька-Горбунка».—IV. Ермакъ Тимоѳеевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа. Статья I-я. **А. В. Оксенова.**—V. Крѣпостничество въ Сибири. (Страницы изъ исторіи инородческой и крестьянской неволи). **К. Я. Михайлова.**—VI. Амурская Калифорнія. (По разсказамъ очевидца).—VII. Путешествіе итальянца **Сомье** по Сибири. **П. М. Головачева.**—VIII. Критика и библіографія.—**Рисунки:** Городъ Тобольскъ, съ рисунка П. М. **Кошарова**; Ермакъ Тимоѳеевичъ, съ рисунка **Спасскаго**; Тобольскіе татары, съ рисунка **Знаменскаго**; Самоѣдка, Нищіе въ Березовѣ, Остяки-музыканты.

Содержаніе второй книги: I. Сибирскіе мученики. (Очерки жизни пріисковыхъ рабочихъ). Гл. I—II. **С. А. Стрѣтенскаго.**—II. На обѣтованныхъ земляхъ. (Изъ путешествія по Алтаю), **Н. М. Ядринцева.**—III Ермакъ Тимоѳеевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа. Статья II-я. (Окончаніе). **А. В. Оксенова.**—IV. Схема исторіи сибирской общины. **Н. Е. Петропавловскаго.**—V. Сибирь какъ колонія. (Сообщеніе въ Вост.-Швейц. географ Общ.). Профессора **Э. Ю. Петри.**—VI. Современная жизнь Сибири и ея нужды. **К. М.**—VII. Поѣздка въ Ачунъ-нацаунъ, монастырь урджанистовъ **Г. Н. Потанина.**—VIII Критика и библіографія.—IX. Проектъ устава сибирско-уральской научно-промышленной выставки и программы отдѣловъ.—**Рисунки:** 1) Видъ зданія Сибирскаго университета въ Томскѣ. 2) Портретъ Григорія Николаевича Потанина.

Содержаніе третьей книги: I. Сибирскіе мученики. Очерки жизни пріисковыхъ рабочихъ. Гл. III—V. (Продолженіе). **С. А. Стрѣтенскаго.**—II. Эскизы безъ тѣней. (Изъ записокъ невольнаго туриста). **Знакомца.**—III. Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ. (По неизданнымъ матеріаламъ). **М. С. Знаменскаго.**—IV. Наше отношеніе къ народамъ низшей культуры. Профессора д-ра **Э. Ю. Петри.**—V. Исторія просвѣщенія въ Сибири и университетскій вопросъ.—VI. «Историческое Обозрѣніе Сибири», соч. **П. А. Словцова. В. И. Семевскаго.**—VII. Аѳанасій Прокопьевичъ Щаповъ.—Рисунки: 1) А. П. Щаповъ, историкъ и бывшій профессоръ. 2) Виды золотыхъ пріисковъ въ Енисейской тайгѣ: золотопромывательная машина. 3) Общій видъ пріисковыхъ работъ. 4) Золотопостная рѣчка Каменка въ Енисейской тайгѣ. 5) Видъ разрѣза и торфодъ на пріискѣ Енисейской губерніи. 6) Водоотводная канава на пріискѣ.

Цѣна газеты на годъ **8 р.**, на 9 мѣс. **6 р.**, на 6 мѣс. **5 р.**, на 3 мѣс. **3 р.**

Приложенія для годовыхъ подписчиковъ газеты стоятъ **2 р.** Выписывающіе приложенія отдѣльно платятъ за годъ **5 р.** Въ отдѣльной продажѣ каждая книга стоитъ **2**

GENERAL BOOKBINDING CO.

QUALITY CONTROL MARK

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google